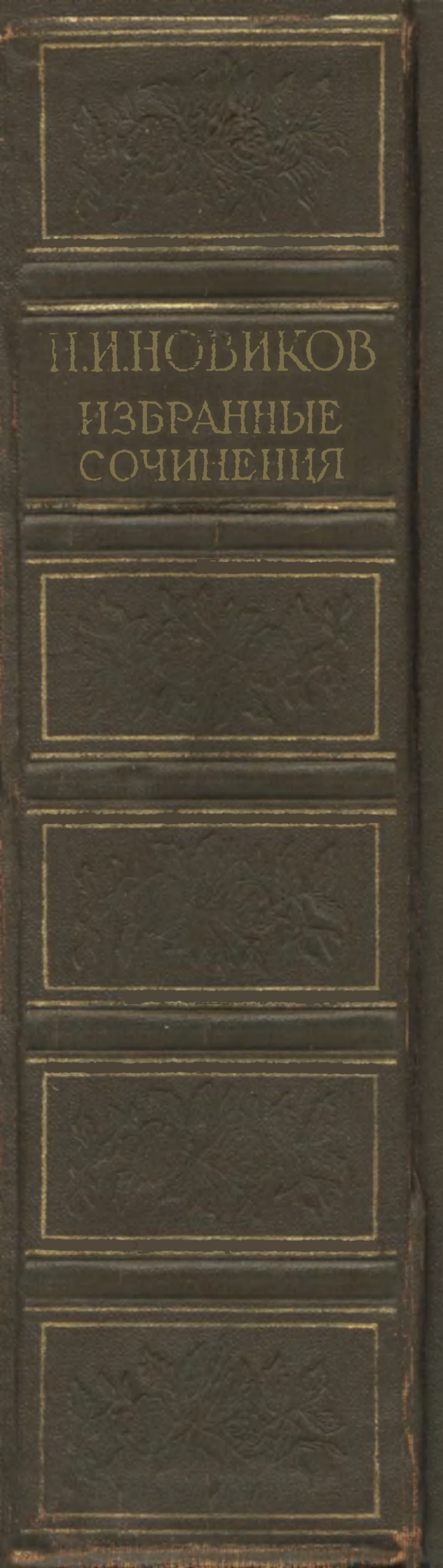


Н. И. НОВИКОВ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ГОСЛИТИЗДАТ

Н. И. НОВИКОВ

С портрета Д. Г. Левицкого

Н. И. НОВИКОВ

Избранные сочинения

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
И КОММЕНТАРИИ
Г. П. МАКОГОНЕНКО

*ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ*
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1951

НИКОЛАЙ НОВИКОВ

Решающей чертой неповторимого своеобразия передовой русской литературы является ее связь с русским освободительным движением, ее беззаветное служение героическому делу борьбы с царизмом, с помещичье-буржуазным гнетом. Борьба с самодержавием была начата еще в первый, дворянский, этап русской революции. В последнее десятилетие XIX века эту борьбу повел и возглавил рабочий класс. Именно потому, что русский царизм был оплотом европейской реакции, борьба с ним, как учит Ленин, имела всемирно-исторический характер.

Мировое значение русской революции и определило мировое значение русской литературы. В этих условиях сформировалось в России свое понимание гражданской роли писателя, общественных задач литературы. Передовой писатель России — это или писатель-революционер, какими были Радищев и Рылеев, Герцен и Чернышевский, или писатель, выразивший коренные нужды народа, отразивший в своих сочинениях важнейшие этапы революции, какими были, например, Грибоедов и Пушкин, Толстой и Чехов. Ленин, отмечая эту особенность русской литературы, писал: «...если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях». [1]

Начиная со второй половины XVIII века, русские просветители объявили войну крепостничеству и екатерининскому самодержавию. В авангарде литературы встали дворянские просветители — Фонвизин, Новиков, Крылов. В конце 80-х годов литературу возглавил Радищев — первый русский революционер, положивший начало революционной идеологии в России.

Екатерина II была тем монархом, который одновременно играл в либерализм и жестоко расправлялся с передовыми писателями. «Ученица Вольтера, монархиня-философ писала Наказ, подходящий чуть ли не под точку зрения Мирабо, и в то же время лукаво душила Польшу, покровительствовала барству, увеличивала налоги, раздавала людей в крепостное состояние, ссылала Радищева... и преследовала Новикова, выращавшего из туманов германского мистицизма и прекраснодушия ненависть к насилию и самовластию». [2]

С Екатерины II началась страшная, зловещая пора правительственных гонений на передовую русскую литературу. Радищев был отправлен в Сибирь.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 15, стр. 179.

[2] Н. Огарев. Стихи и поэмы, т. I, изд. «Библиотека поэта», Л., 1937, стр. 302—303.

*

Уезжая в ссылку, он пророчески писал, что прокладывает путь, которому не было примера, для будущих «борзых смельчаков и в прозе и в стихах». Царизм не только мстительно и жестоко карал самого писателя, но и преследовал его дело — его слово, его книги. И опять именно Екатерина начала, а ее коронованные преемники продолжили борьбу с книгами и сочинениями первых русских просветителей — Радищева и Новикова. В течение многих десятилетий XIX века творчество Радищева находилось под запретом, на Новикове лежала клеветническая печать царского «опубликования». Вслед за ними запрету, гонениям и фальсификации подверглись вольнолюбивая поэзия Пушкина, революционная поэзия Рылеева, стихи Лермонтова и многое другое, ставшее «потаенной литературой». Эта потаенная литература могла печататься только в Вольной русской типографии Герцена. Дворянско-буржуазная наука верноподданнически завершила преступление царизма, создавая историю литературы, из которой исключалась вся свободолюбивая революционная традиция. Тем самым гнусно обкрадывался русский народ, у него отнималось то, что составляло его величайшее достояние и гордость.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция открыла возможность создания подлинной истории русской литературы, помогла понять ее силу и самобытность. В первые же месяцы существования молодой республики Советов, в пору напряженной борьбы с силами контрреволюции, Совет Народных Комиссаров, по инициативе Ленина и Сталина, принял историческое решение о создании и постановке памятников великим деятелям социализма, революции, освободительного движения, просвещения, науки и литературы. В списке наряду с великими революционерами и общественными деятелями были писатели, поэты, ученые, философы. Это решение знаменовало не только признание народом заслуг многих поколений русских писателей, но и свидетельствовало о замечательном своеобразии русской литературы, честно служившей делу революции. Именно эту мысль и выразил Ленин, когда выдвинул идею постановки памятников. Вот что об этом говорит Луначарский: «Наш вождь Владимир Ильич Ленин подал нам эту мысль: «ставьте как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мыслей и прямоту их чувства. Пусть изваяния предшественников русской революции послужат краеугольным камнем в здании трудовой социалистической культуры». [1]

XVIII век был представлен в этом списке, подписанном Лениным, тремя деятелями — Ломоносовым, Радищевым, Новиковым. Только после 1917 года советский народ смог получить полные, свободные от искажений и фальсификации, собрания сочинений своих великих писателей. Среди других были тщательно изучены, собраны и массовым тиражом изданы сочинения Радищева. И, пожалуй, из числа тех писателей и деятелей, кого травил царизм и отказывалась чтить буржуазия, Новиков единственный, кто еще и по сей день недостаточно изучен и оценен. Преступность действий самодержавия на част-

---

[1] «А. Н. Радищев — первый пророк и мученик революции», П., 1918, стр. VIII.

ном примере трагической судьбы литературного наследия писателя и философа Новикова выступает с особой силой. Мало того, что с просветителем расправились при жизни, мало того, что честного деятеля русского просвещения оболгали буржуазные ученые, — его многочисленные сочинения замолчали, предали забвению, похоронили в журналах, давно ставших библиографической редкостью. Беспримерный факт — писатель, историк, критик, философ, работавший на протяжении 26 лет, за период более чем 100 лет ни разу не издавался, если не считать переизданий его сатирических журналов, в которых большая часть произведений не новиковских. Больше того, новиковские произведения, напечатанные в них, выдавались за сочинения других авторов.

Революционные демократы — Белинский, Герцен, Чернышевский, Добролюбов — неоднократно выступали в защиту Новикова, указывая на его большое значение в истории русской литературы и общественной мысли, призывая к изучению его творчества. Белинский писал в 1834 году: «Царствование Екатерины II было ознаменовано таким дивным и редким у нас явлением, которого, кажется, еще долго не дождаться нам грешным. Кому не известно, хотя по наслышке, имя Новикова? Как жаль, что мы так мало имеем сведений об этом необыкновенном и, смею сказать, великом человеке! У нас забывают о благодетельных подвигах человека, которого вся жизнь, вся деятельность была направлена к общей пользе». [1] Через 27 лет сподвижник Герцена Огарев в предисловии к сборнику «Потаенная русская литература», давая русскому читателю то, что отнял у него царизм, вновь вспомнил о Новикове и призвал к изучению и пропаганде творчества этого писателя: «Вдумываешься во всю деятельность Новикова и отыскиваешь нить, проходящую от него до 14 декабря, и досадно, что материалы для науки жизни так мало разработаны». [2]

Эти призывы не могли найти отклика в кругах дворянско-буржуазных историков. Долг советских историков литературы — собрать произведения великого русского просветителя, изучить его жизнь и деятельность. Настоящее первое собрание избранных сочинений Новикова — посильная попытка в исполнении этой нужной и важной задачи.

1

Николай Иванович Новиков родился 26 апреля (7 мая) 1744 года в селе Тихвинском (Авдотьине) близ Москвы, в семье богатого дворянина Ивана Новикова. Когда родился Николай Новиков, отец его был в отставке в чине статского советника и проводил время или у себя в подмосковном имении, или в Москве, где у Новиковых был собственный дом. В Тихвинском мальчик провел 11 лет. Здесь же получил он начальное образование — воспитывал отец, грамоте учил дьячок тихвинской церкви. Иван Новиков, начавший свое поприще со службы при Петре в молодом русском флоте, не любил

[1] В. Белинский. Сочинения под ред. С. Венгерова, т. I, стр. 343.
[2] Н. Огарев. Стихи и поэмы, т. I, стр. 314.

новой дворянской моды воспитывать своих детей у наемных французов, оттого давал он сыну суровое домашнее образование, готовя его к военной службе. Вот почему, когда в 1755 году под боком, в Москве, открылся первый русский университет, который как бы продолжал прерванную при Анне Иоанновне петровскую традицию создания русских школ, Иван Новиков без колебания, не мешкая, отвез своего сына в первопрестольную столицу и определил мальчика в университетскую гимназию.

По инструкции Ломоносова и Шувалова гимназия ставила перед собой двоякую цель: первое — «российское юношество обучать первым основаниям наук и таким образом приспособлять оное к слушанию профессорских лекций в университете»; и второе — давая среднее образование, готовить воспитанников к практической деятельности: «тем родителям, которые не намерены детей своих определить к наукам, подается способ к обучению их иностранным языкам или одной какой-нибудь науке, от которой им в будущем состоянии их жития некоторая польза быть может».

«Будущее состояние жития» мальчика Новикова было определено отцом— военная служба, оттого его и поместили в гимназию для получения среднего образования. Срок обучения в гимназии был пятилетний. Первый год — русская школа (русский язык, арифметика, начало латыни); второй и третий — французская школа (арифметика, география, история, геометрия, французский язык, «штиль российский и сочинение писем»); четвертый и пятый — школа «первых оснований наук» (география, геометрия, история, языки и сокращенная философия). Французскую школу Новиков кончил с отличием в 1758 году, что и было отмечено в газете университета «Московские ведомости». Весной 1760 года, закончив курс обучения, Новиков должен был держать выпускной экзамен, но семейные обстоятельства вынудили его покинуть гимназию. Проведя два года дома, Новиков, повинуясь воле отца, отправился в Петербург на службу в Измайловский гвардейский полк.

Учение в гимназии при Московском университете — важный этап в жизни Новикова. Поступив туда мальчиком, он вышел из нее сформировавшимся юношей, получив необходимое образование, знание языков и главное — любовь к России, страстное желание служить и быть полезным своему отечеству. Развитию высоких гражданских чувств способствовала патриотическая атмосфера, созданная стараниями основателя первого русского университета Ломоносова и его учеников — профессоров Барсова, Поповского и других. Университет и гимназия при нем ставили своей целью, по мысли Ломоносова, готовить «национальных, достойных людей в науках». Ученики Ломоносова Поповский и Барсов, возглавляя группу русских педагогов, воспитывали в юношестве интерес и любовь к своей родине, ее прошлому, ее языку и культуре, внушали чувство гражданского достоинства и национальной гордости за свое отечество, развивали сознание личной ответственности за дальнейшие судьбы России. Большое место в занятиях занимало изучение словесности, и в частности произведений русских писателей. Интерес воспитанников к литературе всячески поощрялся в гимназии и университете. Профессора и учителя помогали юным авторам в их первых литературных опытах. Тот факт, что среди руководящего состава университета были

поэты — Поповский и Херасков, несомненно способствовал созданию литературных кружков. Именно здесь, на школьной скамье, начали свою творческую деятельность Денис Фонвизин, Федор Козловский, Алексей Ржевский, Федор и Николай Карины, Михаил Чулков и множество других видных в будущем литераторов. В этой атмосфере пробудился интерес к русской литературе у Новикова, укрепились дружеские связи с кругом будущих писателей, и у него созрела готовность служить делу русской культуры, делу русского просвещения. Литературная среда университета ускорила процесс созревания личности, направила в практическое русло любовь к словесности и, в конечном счете, определила будущее поприще писателя, издателя, собирателя общественно-литературных сил. Вот почему, поступив по воле родителей в гвардию и в первые же годы поняв, что эта служба не по его «склонностям», что она «угнетает человечество», он, еще будучи солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, стал переходить на путь служения «общей пользе», на поприще книгоиздателя.

Крупнейшим событием политической жизни того времени (60-е годы XVIII века) были созыв и работа Комиссии по составлению нового Уложения. Обострившиеся социальные противоречия между дворянами и крепостным крестьянством, увеличивавшееся из года в год число крестьянских восстаний определяли все содержание идеологической жизни эпохи и вынуждали Екатерину II прибегать к различным политическим маневрам, к либеральным, лживым обещаниям будущих реформ. Решение созвать Комиссию было одним из таких маневров.

Просветительские убеждения Новикова и сложились именно в этот период. Решающим моментом общественной биографии просветителя оказалось его участие в работе Комиссии по составлению нового Уложения. Комиссия собралась в 1767 году, и Новиков был назначен туда для ведения «письменных дел» на должность «держателя дневной записки». Политические споры двух враждебных лагерей — споры дворянских и крестьянских депутатов — открыли молодому Новикову всю глубину противоречий между закрепощенным крестьянством и помещиками, всю губительность для возлюбленного отечества крепостничества, привели его к мысли о необходимости борьбы с несправедливым, незаконным, бесчеловечным гнетом крепостников.

2

Литературная деятельность Новикова началась под непосредственным влиянием политических выступлений демократических депутатов в Комиссии по составлению нового Уложения. Указом 23 декабря 1768 года эта Комиссия была распущена. Напуганная многочисленными политическими спорами, непредвиденной смелостью демократических депутатов, отважившихся «предписывать законы верховной власти» или «предлагать уничтожить рабство», Екатерина поспешила отказаться от своей лицемерной затеи. Но, закрыв Комиссию, Екатерина не отказалась от «тартюфовской», по словам Пушкина, политики показного либерализма. Начатая со дня восшествия на

престол игра в «просвещенного монарха» продолжалась и позднее. В игру эту уже давно были вовлечены корифеи французского просвещения, идеологи третьего сословия. Идеализм в познании общественной жизни, буржуазная ограниченность, рождавшая страх перед народной революцией, определили в конечном счете исторически объясняемые заблуждения и утопические политические теории Вольтера и Дидро, Гельвеция и Гольбаха об идеальном просвещенном монархе, который применит их просветительское учение в своей законодательной практике и облагодетельствует тем самым человечество, терпеливо и покорно ожидающее прихода такого избранника.

Используя эти заблуждения энциклопедистов, Екатерина сделала ряд демагогических заявлений, с тем чтобы внушить верующим в монархизм французским просветителям, что перед ними «философ на троне», жаждущий исполнить их советы. Обманутые корифеи французского просвещения поддерживали Екатерину — поэтому ее жестоко-крепостническая, грубо деспотическая политика нашла идеологическое оправдание и защиту у европейских авторитетов, создававших лживую легенду о просвещенном характере русского «самодержавства».

Победа на Западе оказалась легкой, — победа у себя дома, в России, никак не давалась в руки. Первым крупным поражением Екатерины была Комиссия. В числе депутатов оказались десятки непокорных, которые не пожелали создавать ей «алтари», а попытались даже вмешаться в ее политику, стремились навязать ей свои требования. Закрыв Комиссию, Екатерина решила попробовать свои силы на новом поприще и подчинить своей политике русскую литературу и общественное мнение. Так возникло решение издавать собственный сатирический журнал, в первом же номере которого она «отважилась» всемилостивейше разрешить всем желающим издавать в России сатирические журналы без цензуры и даже анонимно.

Расчет был прост. Ее собственный журнал «Всякая всячина» будет вести наблюдение за изданиями, которые появятся. Всем было отлично известно, что за «Всякой всячиной» скрывался коронованный автор. Самодержавный апломб Екатерины не позволил ей думать, что кто-либо осмелится возражать такому автору, не слушаться его, не исполнять его предписаний. Екатерина поэтому не боялась, что разрешенные ею сатирические журналы смогут поднять какие-либо «больные», опасные темы. Но на всякий случай Екатерина определила и темы и границы дозволенной критики и сатиры. Как она этого и хотела, с внешней стороны такое решение выглядело неслыханно либерально — русский монарх выступает сам в качестве писателя, заботится об уничтожении пороков, призывает на помощь русских писателей и широкие круги общества. Все это было исполнением прежнего замысла — создать легенду о себе как о просвещенном монархе. Только не дождавшись, когда русские писатели и идеологи будут возводить нужный ей «алтарь» в России, она вынуждена была возводить этот «алтарь» своими собственными силами.

Именно в этой обстановке и решил Новиков издавать свой сатирический журнал под названием «Трутень». Через месяц после роспуска Большого Собрания Комиссии — в январе 1769 года — Новиков уходит в отставку,

отказывается навсегда от службы самодержавию. Работа в Комиссии убедила его в необходимости иной, независимой от самодержавия, общественной деятельности на благо отечества.

Общественно-политические обстоятельства и обусловили желание Новикова издавать собственный журнал: он хотел вмешаться в те споры, которые возникли в Комиссии. Любой депутат, согласно «Обряду», мог подать свое мнение, или, как говорили в ту эпоху, «свой голос». Журнал должен был быть «голосом» Новикова. Но не к закрытому собранию депутатов, а к относительно широким кругам общества хотел он обратиться, и в частности к многочисленным «среднего рода людям», вынося на суд общества споры закрытого Большого Собрания.

Указом Екатерины II от 1767 года крестьянам было запрещено под угрозой ссылки в Сибирь жаловаться на помещиков. Новиков взял на себя роль «сочинителя» их жалоб. Вот почему журнал Новикова — самый передовой журнал этих лет, вот почему он поражает своим художественным единством, своим глубоким и доныне волнующим жизненным содержанием.

В Комиссии был поднят вопрос об улучшении положения крепостных, причем решался этот вопрос с моральных позиций. С тех же позиций через три месяца после ухода из Комиссии Новиков будет взывать со страниц «Трутня» к человеколюбивым дворянам, станет рисовать картины бедствий и страданий крестьян.

В Комиссии демократические депутаты говорили о моральных достоинствах крестьянина-труженика, об его благородном нравственном облике. О способности государственно мыслить свидетельствовали и сами выступления крестьянских депутатов. И в «Трутне» в целом ряде статей были подчеркнуты благородство, честность, трудолюбие, высокие нравственные достоинства крестьян. Как в Комиссии крестьянским депутатам Чупрову и Жеребцову с их защитой бесправных крепостных, с их чуткостью к бедам и страданиям миллионов хлебопашцев противостояли жестокие дворянские депутаты Глазовы, Нарышкины и Щербатовы, так и в «Трутне» в знаменитых «Крестьянских отписках» бессердечному, озверевшему и утратившему человеческий облик барину Григорию Сидоровичу противостояла целая крестьянская община, у членов которой было благородное человеческое чувство взаимопомощи.

В Комиссии демократические депутаты издевались над нелепыми, антиобщественными в своей сущности, претензиями аристократов-дворян, и в частности над выступлениями Щербатова, упрямо настаивавшего на необходимости особо отметить права и заслуги дворян, которые могут доказать свои пятисотлетние родословные. В «Трутне» эта тема сатирически разработана Новиковым в «Рецептах», в которых был создан сатирический образ Недоума. Образ этот поразительно напоминает облик Щербатова с его спесивыми речами в Комиссии.

В Комиссии демократические депутаты резко выступили против употребления слова «подлый» по отношению к крестьянству. Новиков в «Трутне» обрушится на «глупых дворян», которые называют «подлыми» тех, кто родился от «добродетельных и честных мещан».

В Комиссии был поднят голос в защиту «среднего рода людей», «которые обитают в городах и, не быв дворяне или хлебопашцы, в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремеслах упражняются». И в «Трутне» мы находим много выступлений Новикова в защиту этих людей: он отстаивает их права, подчеркивает их достоинства и заслуги перед отечеством.

Одной из важнейших тем журнала стала тема борьбы за национальные основы русской культуры, борьбы против варварского преклонения перед чужой, и прежде всего французской, внешне показной культурой и против враждебных идеологических влияний. При этом наивно всю борьбу сводить к высмеиванию петиметров, мастеров «волосоподвивательной науки», тех дворянских «поросят», кои после пребывания во Франции возвращаются «совершенными свиньями». Борьба эта носила глубоко идейный характер, она отразила исторический момент в жизни России, явившись первым этапом в процессе сложения идеологии русского просвещения. Импорт французских мод и буржуазных идей, правительственная политика покровительства этому импорту мешали росту русской самобытной передовой культуры. Эта самодержавная политика, опираясь на идеологию дворянского космополитизма, еще больше развивала у «благородного» сословия презрение ко всему русскому, ко всей России. В итоге часть дворянства полностью порывала связи с национальными истоками, превращаясь не только в социально, но и в национально чуждый народу паразитический класс.

Сатирически изображая преклонявшихся перед французской культурой дворян, Новиков смело выступил и против самой Екатерины, покровительствовавшей политическим теориям энциклопедистов. Вот почему ведущей темой журнала стала борьба Новикова с легендой о просвещенном характере русского «самодержавства», борьба с «алтарем» Екатерине, создаваемым ею самой и ее французскими «друзьями». Так Новиков прямо продолжил дело, начатое до него философом и депутатом Комиссии Яковом Козельским.

Прежде всего Новиков задался целью сорвать маску просвещенного монарха с Екатерины-писательницы, показать обществу подлинное лицо монарха-деспота, занимающегося литературой. И Новиков это великолепно осуществил. В ряде статей — двух письмах Правдулюбова, письме Чистосердова, заметках «Издателя «Трутня» и других — Новиков обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского «самодержавства». Более того, в своих статьях Новиков первым создал резко памфлетный образ Екатерины-деспота, прикрывающей свою жестоко-крепостническую политику болтовней о «златом веке» в России. Екатерина — это пожилая дама «нерусского происхождения», плохо знающая по-русски и «похвалами избалованная», болтающая о «человеколюбии», но в то же время действующая так, что во всем видны «кнуты да виселицы» — средства, «самовластию свойственные». Екатерина, «неограниченный самолюбец», издает журнал «Всякий вздор», чтобы показать, якобы она «единоначальный наставник молодых людей», «всемир-

ный возглашатель добродетели». Но, заявляет Новиков, как ни старается «неограниченный самолюбец» переодеться в тогу наставника и мудрого государя, он «из-под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера».

Вот почему полемика Новикова с Екатериной была следующим вслед за выступлением демократических депутатов Комиссии этапом в русской общественной мысли, в котором нарастал протест против крепостничества и самодержавия. Эти передовые идеи формировали политическое сознание многих русских людей, воспитывали их в духе нетерпимости к произволу, к деспотизму, звали на борьбу за «вольность» и «человеческие права».

Статьи Новикова в «Трутне», разрушавшие «алтарь» Екатерине, стоят в начале нового этапа развития русской прозы. Отражая в той или иной степени интересы закрепощенных масс, Новиков и Козельский создавали национальные основы идеологии русского просвещения. Коренные вопросы русской социальной и политической жизни, и прежде всего крестьянский, легли в ее основание. Острейшая историческая необходимость вызвала борьбу русских просветителей с крепостниками и главной всероссийской помещицей — деспотической монархиней Екатериной II. При сложившихся обстоятельствах борьба с екатерининским режимом означала одновременно и борьбу с буржуазными политическими сочинениями энциклопедистов. Идеология русского просвещения и определила достоинства новиковской прозы, прежде всего ее идейность, ее политическую остроту.

В центре внимания Новикова — большие и больные вопросы социальной и национальной жизни его отечества. И решает он их как просветитель, выступив в защиту закрепощенных крестьян, этих «питателей отечества». Содержанием новиковских выступлений в «Трутне» стала боевая, острая политическая сатира на русского самодержца, на его политику. По форме — это тонкая и умная пародия, разящая ирония, смелый политический намек. Все политические статьи Новикова написаны своеобразным эзоповским языком, позднее прочно усвоенным русской литературой. Вот почему новиковские политические памфлеты в «Трутне» прокладывали дорогу для будущих сатирических произведений русской литературы, темой которых в течение многих десятилетий будет обличение самодержавия, его политики порабощения крестьянства, хищничество помещиков, критика чуждых духу русского освободительного движения буржуазных теорий.

Отважная борьба издателя «Трутня» с правительственным журналом «Всякая всячина», с коронованным автором не могла пройти безнаказанно: в апреле 1770 года надоевший самодержавию своим «шмелиным жужжанием» журнал был закрыт. Попытка Новикова в том же году издавать через подставное лицо новое сатирическое издание, «Пустомеля», успеха не имела: на втором листе и этот журнал был прикрыт. Только через два года Новиков сумел исполнить свое намерение и продолжил деятельность писателя-сатирика. С начала 1772 года, используя благоприятные политические события, применяя тактику «осторожности», он приступил к изданию нового журнала под названием «Живописец». Как и в прежних изданиях, Новиков привлек к сотрудничеству ряд писателей, сохранив за собой ведущее место редактора-организатора журнала и его главного автора. И в этом новом журнале тема

антидворянская, антикрепостническая была главной. Издание наделало много шуму. Ряд статей вызвал переполох в дворянском корпусе. В июне 1773 года, в канун пугачевского восстания, Новиков выпустил последний лист «Живописца». Через два года, сразу после жестокой расправы с «возмутителями», когда крепостники с каннибальским ликованием праздновали победу над восставшими крестьянами, Новиков выпустил так называемое третье издание «Живописца». Утвердившееся в научной литературе мнение, что это было простой перепечаткой «Живописца», глубоко ошибочно. Третье издание — это новый журнал, или, вернее, книга, самим Новиковым составленная из его лучших просветительских произведений, ранее напечатанных в «Трутне» и «Живописце».

В год начавшейся правительственной реакции Новиков смело выступил с собранием своих сочинений, посвященных коренным вопросам социально-политической жизни России, и крестьянскому вопросу прежде всего. В этом сказалась просветительская непримиримость Новикова-писателя. В нашем издании мы печатаем не отдельные статьи из «Трутня» и «Живописца», как обычно делалось, а именно эту книгу целиком, составленную самим Новиковым, внутренне объединенную и связанную единством тем, композиции и образа автора-сочинителя «Живописца». Книга получилась крамольной по своему содержанию. Основной темой ее была тема «бедности и рабства», главным сатирическим персонажем — дворянин-помещик, дворянин-чиновник. Помимо воли автора на ее страницах отразились грозные всполохи крестьянских бунтов. Она была единственной книгой в России той поры, которая грозно предупреждала самодержавие и весь дворянский корпус о неминуемой новой грозе.

Если в «Трутне», как правило, обличались злоупотребления крепостным правом, сатирически изображались отдельные примеры бесчеловечности и тиранства, то в новой книге «Живописец» Новиков касается крепостного права в целом. В ряде произведений, и прежде всего в «Крестьянских отписках», в цикле «Писем к Фалалею» и «Писем дяди к племяннику», в «Отрывке путешествия» и т. д., показана гибельность для России утвердившегося рабства. Рабство, по Новикову, аморально и бесчеловечно. Оно ведет крепостническое хозяйство к разорению. «Секу их [крестьян] нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики», — говорит герой «Писем к Фалалею» помещик Трифон Панкратьевич. Это право есть источник страшных бедствий России, оно обрекает крестьян на скотское существование, оно морально растлевает рабовладельцев. Вот почему антикрепостническая идея лежит в основании и всех антидворянских статей, очерков и рассказов в книге. Перед читателем таких произведений, как «Ведомости сатирические», «Mon coeur, живописец», «Опыт модного словаря» и т. д., проходит вереница героев-дворян: чиновник и столичный щеголь, провинциальный помещик и военный, деревенский недоросль и придворный, вертопрах и матёрый приказный. Всем этим разным людям свойственен один родовой признак — тунеядство, паразитизм. Оттого всем им равно присуща ненависть к труду. Светский вертопрах изрекает дворянскую мудрость: «Для чего мне нужда трудиться?», а помещик Трифон Панкратьевич мотивирует эту муд-

рость «исконным» крепостным правом: «Да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху».

Отрицая пользу образования, необходимость изучения истории, математики, физики, литературы, это племя трутней приобщается к своим особым «наукам» — как воровать, брать взятки («лишь только поделись, так и концы в воду»), как судиться за бесчестие, как отдавать деньги в рост, «драть шкуру с крепостных» и т. д. Последняя — наиболее распространенная среди помещиков наука. Ее основы отлично изложены Худовоспитанником: «Вся моя наука состоит в том, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности ко своим подчиненным».

У этих невежественных, корыстолюбивых, жадных до денег тунеядцев какая-то дикая, без тени человечности, воистину скотская мораль. Отношения любви, брака, семьи подменены у них сожительством двух соединенных деньгами равнодушных друг к другу людей, изо дня в день ругающихся «всеми бранными словами», дерущихся палками, меняющих любовников и т. д. Столичная дворянка уверяет читателя, что «по-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было», что «чем глупее муж, тем лучше для жены».

Жизнь трутней, как видим, лишала дворян человеческого достоинства, уничтожала все индивидуальные черты личности. Утрачивая связи с родиной, со своей национальностью, они становились космополитами, ненавистниками России, русской культуры, русского языка. Уже в третьем листе один из этих Скотининых так определил свое отношение к отечеству: «Я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел: и сожалел, что он в ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживает».

Нет, не русские все эти Трифоны Панкратьевичи, Худовоспитанники, Скупягины, Ермолаи! Это какие-то башибузуки, рассматривающие Россию как неприятельскую землю, жадно терзающие ее для того, чтобы жрать, спать и развратничать. Это какие-то изверги без роду и племени, утратившие достоинство, честь, совесть, превратившиеся в скотоподобных завоевателей.

Зло обличив русское «благородное» сословие, беспощадно «сняв личину» с этих погрязших в пороках людей и «представив их свету таковыми, каковы они в самом существе суть», Новиков указал и причину, породившую эту беду России — крепостное право.

Именно об этой сильной стороне Новикова-сатирика писал Добролюбов: «Новиков, как известно, был первый и, может быть, единственный из русских журналистов, умевший взяться за сатиру смелую и благородную, поражающую порок сильный и господствующий. — Он затрагивал такие вопросы и интересы, которые только еще в настоящее время находят свое разрешение и о которых поэтому во времена Новикова нельзя еще было говорить всего, что нужно. При всем том жизнь и сила составляют отличительные достоинства «Трутня» и «Живописца». [1]

Но указав на крепостничество как на источник бедствий России, сняв

---

[1] Н. Добролюбов. Сочинения, т. I, ГИЗ, 1934, стр. 258.

«личину» со всех этих Ермолаев, Трифонов Панкратьевичей, Скупягиных, Худовоспитанников, пригвоздив их к позорному столбу российской гласности, Новиков вместе с тем не смог подняться до осознания революционной идеи, что только народ в вооруженной борьбе, что только революция может уничтожить ненавистный ему режим, может обновить любимое отечество. Как просветитель он верил в силу просвещения, полагая, что главный и единственный путь к уничтожению зла крепостничества — воспитание. Сатирически изображая Екатерину, воюя против конкретной ее политики, против деспотизма и фаворитизма, он никогда не выступал против самодержавия вообще. Более того, монархия — просвещенная ли, ограниченная или какая иная — представлялась ему законной формой правления. Вот почему в книге был помещен цикл статей, развертывавших положительные воззрения новиковской просветительской программы, в которых много говорилось о воспитании и просвещении, но ни слова о политике и об отношении к самодержавию. В центре этого цикла — «Письмо Любомудрова к издателю «Живописца», «Ответ сочинителя «Живописца» Любомудрову». Объясняя существующий крепостнический режим моральными причинами, Новиков соответственно определял и свою практическую задачу писателя и просветителя: начать воспитание новых поколений русских людей, которые, будучи просвещены, покончат немедленно с преступным «владением себе подобными» людьми и утвердят новые, истинно разумные отношения между существующими сословиями в России. Главным в этих отношениях должно было быть равенство. Новиков беспрестанно повторял: «Крестьяне такие же люди, как и дворяне». В напечатанных в «Трутне» «Рецептах» Новиков внушал помещику Безрассуду: «Разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком». В «Отрывке путешествия» откровенно заявлено: «Крестьяне подобные вам человеки». В письме к секретарю Екатерины II Козицкому Новиков писал: «Крестьяне во всем подобны дворянам». Эта идея равенства, по Новикову, должна была составлять основу нового, созданного путем просвещения и воспитания общественного строя. Политический смысл идеи равенства определен Лениным: «Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества...» [1]

План воспитания нового поколения «единоземцев» в духе гражданских и национальных «добродетелей» должен был осуществляться через создание просветительского центра из частных людей, который бы издавал и распространял по России нужные книги, газеты и журналы. Так Новиков в канун пугачевского восстания высказал свою мечту, повторив ее печатно в новой книге «Живописец» в 1775 году. Через 4 года в Москве он приступил к ее воплощению в жизнь.

Белинский в 1845 году высоко оценил именно эту просветительскую деятельность Новикова. «Новиков, — писал он, — распространил изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю и через

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 12, стр. 316.

это создал массу читателей», а «повсюду распространяющееся чтение приносит нам величайшую пользу: в нем наше спасение и участь нашей будущности».[1]

Поставив на общественное обсуждение вопрос о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства, Новиков-писатель объективно отразил грозную борьбу «хлебопашцев» за свою вольность. Острота этих социальных и политических проблем, поднятых на страницах «Трутня» и «Живописца», обусловила новаторскую эстетическую позицию Новикова-писателя.

За его плечами был опыт русской литературы — Кантемира, с одной стороны, и Ломоносова прежде всего — с другой. Деятельность Кантемира открывала плодотворнейшую линию развития русской литературы. По словам Белинского, «сатирическое направление со времени Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы».[2] Оно было «благодетельно» и «важно». На этой-то почве и могла появиться и расцвести сатирическая журналистика 1769 года и писательская деятельность Новикова. Руководствуясь живой потребностью русской жизни, Новиков тем самым вставал на путь отрешения от канонов дворянского классицизма и нового, идущего с запада искусства — буржуазного сентиментализма, создавая свою эстетику «действительной живописи».

Новиков-писатель требовал, чтобы предметом искусства был действительный, исполненный мучительных контрастов и противоречий, социальный мир. Требуя от литературы активного вмешательства в жизнь, Новиков именно потому оружию сатиры верил больше всего. Так политические убеждения «чувствительного к крестьянскому состоянию» писателя формировали его эстетику, его стремление правдиво, достоверно, порой документально изобразить жизнь порабощенного крестьянства. Вот отчего в своем показе крестьянских нужд и «отягощений», в своем обличении помещичьих притеснений и преступлений, «грабежей и насильств», чинимых «нижнему и среднему роду людей» в судах и воеводствах, Новиков прямо и открыто опирался на крестьянские наказы своим депутатам, на речи крестьянских депутатов, в которых вскрывался с исторической достоверностью чудовищный произвол дворян-помещиков, дворян-чиновников. Эстетическим новаторством Новикова было использование в художественных произведениях точных фактов и сведений, которые он нашел в документах, составленных самими крестьянами.

Господствующим литературным направлением в ту эпоху был дворянский классицизм. Отвергая с просветительских позиций своекорыстную дворянскую идеологию этого течения, Новиков настойчиво боролся и с эстетикой отвлеченной антинародной литературы. Многообразная и противоречивая социальная жизнь России середины XVIII века в силу дворянского классового характера классицизма не могла найти своего действительного отражения. Искусство классицизма сознательно уводило внимание читателя от решающего противоречия русской жизни — противоречия между дворянином и крепостным. Отстаивая право крепостного владения, пытаясь доказать его законность, эстетика классицизма исключала русского крестьянина из ли-

---

[1] В. Г. Белинский. Сочинения, т. XII, стр. 88.
[2] Там же, т. IX, стр. 184.

тературы, его жизнь была объявлена недостойным искусства объектом. Она третировалась как «низкая» тема, подлежащая лишь сатирическому и издевательскому изображению в «низком» жанре.

Классицизм утверждал сатиру на общий порок. Отвлеченность, рационалистичность помогали уходить от грозной для крепостников действительности. Поэтому для классицизма характерно сатирическое изображение абстрактных фигур Скупого, Щеголя, Ханжи, Неблагодарного и т. д. Дворянское искусство ратовало за чистоту породы, за чистоту кодекса дворянской чести и потому не столько изображало в сатирических образах действительные пороки, сколько предписывало рецепты.

Заслуга Новикова состоит прежде всего в том, что он первым отступил от этих утвердившихся принципов дворянской эстетики. В письме Правдулюбова, напечатанном в «Трутне» и направленном против Екатерины, открыто отвергалась сатира на общий порок и отстаивалась «сатира на лицо». Характерно при этом, что Новиков подчеркнул тот факт, что эстетика классицизма, при некоторой оппозиционности лидеров этого направления, и Сумарокова в первую очередь, бюрократическому аппарату екатерининского самодержавия, оказывалась отличным оружием в руках царизма, что она помогала проводить политику отстаивания неизменности существующего крепостничества.

Требуя «сатиры на лицо», Новиков далек был от изображения только индивидуально неповторимых и случайных явлений. Вот как еще не совсем точно и удачно была сформулирована главная идея «действительной живописи»: «Критика на лицо [но] без имени, удаленная поелику возможно и потребно». Так подготавливалась возможность перехода на реалистические позиции. В прозе Новикова поднимались коренные социальные проблемы политической и общественной жизни России. И прежде всего он стал защищать утесненного «питателя». Именно потому, что Новиков отступил от эстетики классицизма, оказалось возможным впервые в литературе объявить крестьянина, народ, его жизнь истинной темой искусства. И Новиков изображал это с открытым сочувствием и любовью, бесстрашно заявляя о своем страстном желании видеть возрожденным того, кого помещики довели до скотского состояния. Оттого же сатирическим объектом оказался дворянин, но не просто от природы порочный дворянин вообще, а именно русский дворянин XVIII века, и прежде всего дворянин помещик, приказный. И эти дворяне изображались в таком общественном окружении, с такой детальностью быта, с такой конкретностью, что читатель совершенно ясно видел перед собой не просто порочного человека, а дворянина, живущего под началом Екатерины, осуществляющей угодную ему политику. Таким образом, защищая принципы конкретного сатирического изображения, Новиков ратовал за правдивое искусство, именуемое им «действительной живописью». «Действительная живопись» позволила запечатлеть достоверную картину дворянско-самодержавной России 60—70-х годов, с конкретным самовластием помещиков, с ужасающим бытом крепостных крестьян, с тартюфовской политикой «казанской помещицы» Екатерины.

Но этим Новиков не ограничился. Защищая интересы крепостного

крестьянина, сатирически зло и беспощадно изображая дворянина-помещика, Новиков стремился в своих эстетических исканиях опереться иногда на опыт трудового народа. Примечательно в этом отношении внимание Новикова к пословицам как той форме народного творчества, в которой ярко и лаконически запечатлелся опыт народа, его отношение к вершителям своих судеб. Пословица, начиная с «Трутня», сопровождает Новикова во всей его литературной деятельности. Она служит и орудием сатиры и средством нравоучения. Замечательно, что с помощью пословицы Новиков разделался с поэтами классицизма. Так, в предисловии к «Живописцу», выступая против идеализации крепостнических отношений сумароковской школой, против созданных ею многочисленных произведений о «благополучных» пастухах и пастушках, он зло издевается над такими писателями, обличает в литераторах крепостников, беря себе в союзники крепостного крестьянина, говоря его словами, его пословицами. Новиков пишет: «Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством; жаль только, что оно никогда не существовало в природе!» Поэтому автор сам предпочитает жить в городе за счет блаженных пастухов, не хочет переезжать в изображенный им счастливый край, и «читатель ему ответствует старинною пословицею: «Чужую душу в рай, а сам ни ногою».

Еще более замечательно стремление Новикова использовать пословицу для построения характера. Так, например, обстоит дело в многочисленных «Письмах дяди к племяннику» и «Письмах к Фалалею», где писатель стремится создать национально и социально точный образ русского помещика. Поэтому для характеристики дяди Ивана и дяди Фалалея он использует пословицу: «Вор слезлив, плут — богомолен», — действительно, эта народная пословица с поразительной силой вскрывает социальную природу подобных мошенников и плутов и стоит как бы эпиграфом ко всему циклу. Новиков-писатель смотрит на практику крепостников глазами народа и его социальный опыт кладет в основание своей эстетики «действительной живописи».

Естественна в этих условиях и борьба Новикова с новомодным западным искусством. Когда Екатерина в своей «Всякой всячине» станет использовать и «на свой салтык» перекладывать произведения английских писателей Стиля и Аддисона, Новиков беспощадно обрушится на коронованного автора. Его не удовлетворяет эстетика сентиментализма. Он далек от умиления и преклонения перед святостью семейного очага, столь характерных для английского и французского сентиментализма. Человек, если он становится предметом сатиры Новикова, интересует его прежде всего как человек социальный, в его общественных связях и отношениях.

Эта враждебность Новикова англо-французскому сентиментализму особенно ярко выступила в его «философии человека». Для Дидро, Стерна, Ричардсона — человек велик прежде всего своим чувством, поэтому он всегда изображается героем семейного очага, занятым своими сердечными или семейными делами, чуждым интереса к общественному миру, равнодушным к окружающим людям, их страданиям, их политическому и экономическому положению. Отвергая понятие антиобщественного человека, Новиков

создает иную, русскую меру ценности личности и в своих журналах «Трутень» и «Живописец» пытается изобразить положительного героя — русского деятеля. Создание образа Автора, образа Издателя и Сочинителя, «чувствительного к крестьянскому состоянию», к которому стекаются сотни писем, жалоб и обличений, живущего интересами миллионов хлебопашцев, — одна из заслуг писателя.

Усвоенный ломоносовский образ русского героя-деятеля, патриота, сына отечества, россиянина был обогащен им социальной характеристикой. Герои новиковских очерков в журналах — Правдулюбов, путешественник, Издатель «Трутня» — это русский человек, дворянин, но дворянин, сострадающий положению крепостных, вознегодовавший на своих собратьев по классу, ставший на путь отважного обличения их паразитизма, их своекорыстной, варварской, жестокой и бессмысленной жизни.

Ломоносовский герой велик своими подвигами во славу России, своим патриотическим восторгом, своей гордостью великим и могучим отечеством. Новиковский герой — человек, негодующий на несправедливость, человек, сочувствующий крестьянскому состоянию, переполненный чувством скорби, участия и возмущения. Мерой человека, его личных качеств и достоинств, индивидуальных особенностей Новиков объявляет его общественную ценность, его готовность вмешаться в несправедливые жизненные отношения, его заинтересованность в судьбах других людей. Ему чужд комнатный мирок, чуждо филистерское наслаждение домашним удовольствием, чуждо уединение и самодовольство. Он тысячами уз связан с людьми, его «очаг» — Россия, его интересы — судьбы угнетенных, его друзья — «единоземцы», одобряющие его за порицание помещика Безрассуда, за борьбу с правительственным журналом «Всякая всячина», с чиновниками-взяточниками, обижающими тех, кого они обязаны защищать.

Все эти новаторские черты новиковской литературной работы оказали плодотворное влияние на русскую литературу, и то, что в ближайшие же годы эстетика «действительной живописи» оказалась мощно развитой в творческой практике современников Новикова — Фонвизина и Державина, молодого Крылова и особенно Радищева, — свидетельствует, как жизненно и как важно было творчество Новикова-писателя.

3

Николай Иванович Новиков — писатель-сатирик, историк литературы и критик, философ-моралист, автор педагогических трудов, историк и крупнейший книгоиздатель — был одним из первых русских просветителей, закладывавших основы идеологии русского просвещения. Его двадцатишестилетняя общественно-активная деятельность была важнейшим этапом в истории русской культуры второй половины XVIII века.

Ленину принадлежит классическая характеристика просвещения и воззрений просветителей как идеологии антифеодальной, антикрепостнической прежде всего. «Нельзя забывать, — писал Ленин в статье «От какого наслед-

ства мы отказываемся?»,—что в ту пору, когда писали просветители XVIII века... когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками». [1]

В ту эпоху, когда складывалась и формировалась идеология русского просвещения XVIII века, когда жил и писал Новиков, вопрос борьбы с крепостным правом был коренным вопросом всей политической жизни России. Доказательство тому прежде всего — беспрерывные крестьянские восстания, вылившиеся в 1773 году в крестьянскую войну. Великий Ленин говорил о трех характерных чертах просветителя — вражда к крепостному праву, защита просвещения, свободы и, наконец, отстаивание интересов народных масс. [2] И Новикову свойственна вражда к крепостному праву и всем его порождениям, и для него характерна горячая защита просвещения, свободы, и его деятельность посвящена отстаиванию интересов народных масс, главным образом крестьян.

«Чувствительный к крестьянскому состоянию», хорошо знавший современную ему деревню и господствовавшие в ней порядки, запомнивший крестьянские жалобы в наказах своим депутатам, Новиков в журналах «Трутень» и «Живописец» защищал «мертвого в законе» (Радищев) крестьянина, лишенного не только права выражать свое мнение вслух, но даже жаловаться на беззаконные действия своего помещика, на свою горькую, беспросветную участь. В то же время крестьянские восстания, возраставшие из года в год мятежи пугали Новикова. Поэтому когда осенью 1773 года вспыхнула крестьянская война, возглавленная Пугачевым, — событие, ставшее рубежом в истории России, определившее на долгие годы облик складывавшейся культуры, — Новиков не оказался способным ни приветствовать вооруженную борьбу русского хлебопашца за свою свободу, ни понять ее глубокий смысл. Для Новикова восстание — всего лишь акт мести, акт защиты от нечеловечески жестоких притеснений мучителя-помещика; восстание для него всегда акт разрушения, нового жестокого кровопролития. Это было глубоким заблуждением одного из основоположников русского просвещения, заблуждением, исторически оправданным. Понадобилось десятилетие, чтобы появился новый деятель, чтобы родилось новое, выстраданное убеждение о революции как единственном средстве преобразования социального и политического устройства России, возрождения народа и человека. Мысль о революции как о наивысшем акте народного творчества, преобразующем жизнь, развил современник Новикова, Александр Радищев.

Новиков и Радищев выразили две эпохи исторической жизни России, разделенные крестьянской войной 1773—1775 годов. Убеждения «держателя дневной записки» сформировались в период, предшествовавший этой войне. Демократические по своему существу, они, отразив интересы и чаяния крепостного крестьянства, запечатлели также слабейшие стороны народного самосознания — веру в «хорошего царя», надежду на возможность разумно естественных отношений с помещиком (помещик — «отец», крестьяне —

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 2, стр. 473.
[2] Там же, стр. 472.

*

его «дети»), тяготение к сохранению катастрофически разрушавшейся патриархальности и т. д. Политические воззрения Радищева окончательно сложились после крестьянской войны. Ее сильнейшие стороны, и прежде всего непримиримая классовая ненависть к угнетателю, убеждение, что освобождение может быть завоевано только насильственным путем, обобщенные великим русским революционером, легли в основание передового самостоятельного русского политического мировоззрения. Это уже была следующая, более высокая ступень русского просвещения XVIII века, выдвинувшая его на мировую арену.

Но не только историческими обстоятельствами объясняются непоследовательность и слабость общественно-политических воззрений Новикова. Он был дворянин. Нарастание стихийного движения крестьянства против дворян-крепостников дало возможность Новикову подняться над эгоистической практикой своего класса. Интересы русских хлебопашцев в известной мере стали определять его литературно-общественную деятельность. Но в решении путей и средств уничтожения существовавшего в России гибельного для народа положения сказывалась не только просветительская слабость, но и дворянская ограниченность. Эта ограниченность проявилась прежде всего в боязни сделать политические выводы из критики крепостничества, в стремлении вопрос о немедленной ликвидации рабства подменить вопросом воспитания будущих поколений дворян в духе ненависти и презрения к крепостничеству. Часто поэтому в ходе общественной борьбы политическая позиция Новикова оказывалась либеральной.

Одним из следствий наступившей после разгрома пугачевского восстания реакции явилось широкое распространение масонства в России. Масонство было пришлым для России явлением. Его прошлое уходит в XVI—XVII век. Но как идеологическое движение, широко развернувшееся в Европе, масонство ведет свою историю с начала XVIII века — века крушения феодальных устоев. В России масонство стало бурно развиваться прежде всего в Петербурге и Москве именно в 70-е годы XVIII века. В этих двух городах были созданы десятки тайных обществ, так называемых лож и орденов различных масонских систем. В одних «братья-масоны» «упражнялись» в нравственном самоусовершенствовании, в других увлекались мистицизмом, предаваясь алхимическим опытам или с целью выведения «гомункулюса» — искусственного человека, или с целью открытия панацеи — «всеобщего врачества» — лекарства от всех физических и социальных болезней, или, наконец, «деланием» золота и разысканием философского камня.

Новиков в условиях политической реакции не хочет оставлять своей просветительской работы, он ищет средств и возможностей и в новую эпоху служить отечеству. Именно в это время его внимание привлекает масонская организация. В основании масонства лежала широкая религиозно-идеологическая программа, развивавшая христианское учение о всеобщем братстве людей, идеи гуманности и любви к людям, правила нравственного самоусовершенствования и морального перевоспитания испорченного социальными пороками человека. Социально-политические воззрения масонов не противоречили интересам дворянства — они в большинстве своем были крепостниками

и сторонниками абсолютизма. Но масонство создало формы объединения «братьев» — специальные организации, именовавшиеся ложами, орденами. Вступление в ложу облекалось в строгие и тайные церемонии, заимствованные из арсенала средневековых объединений ремесленных цехов, в частности цеха каменщиков. Отсюда наименование: франкмасоны — свободные каменщики. Тайные ложи масонов явились первыми организациями, объединявшими единомыслящих людей на началах признания идейной программы и строгого устава. Это обстоятельство между прочим объясняет причину особого интереса к масонству, который проявляли многие крупные культурные деятели эпохи. Такие ордена и ложи подсказывали форму политических объединений.

Эта общемасонская программа, а главное — практические формы объединения людей, которые хоть в слабой мере, но проявляли недовольство режимом Екатерины II и ее фаворитов, определили решение Новикова о вступлении в масонство. Но привлеченный идеалами «братства» и гуманизма, он, заметя в масонстве много для него неприемлемого, сразу же занял в ордене независимую позицию. Не устраивали Новикова и розенкрейцерский отказ от общественной деятельности, и их крепостнические убеждения, и увлечение мистицизмом. На этой почве между Новиковым и руководителями русских розенкрейцеров — мистиком Шварцем, а позже политическим авантюристом Шредером — завязалась борьба, а между ним и остальными «братьями» возникла «холодность». Попав вскоре даже в число руководителей московского ордена розенкрейцеров, Новиков сумел, тем не менее, не только отстоять свою независимость от орденских начальников, отстраниться от мистических исканий «братьев», от нелепой обрядности, но и использовать орден, и прежде всего его средства, для своих просветительских целей.

Декабристы отнеслись с глубоким вниманием к новиковскому опыту использования организационной формы и денежных средств ордена для объединения передовых людей России вокруг патриотического просветительского дела. Они понимали, как смел и удачен был почин Новикова. Герцен в своей книге «О развитии революционных идей в России», остановившись на просветительской работе Новикова, приветствовал как раз именно эту его смелость. «Какое громадное дело, — писал он, — эта смелая мысль соединить около одного нравственного интереса в братскую семью всех, кто только был умственно зрел, начиная с больших сановников империи, вроде князя Лопухина, до бедного сельского учителя и уездного лекаря». [1]

Масонство Новикова — в известной мере свидетельство его идейной слабости, но тот факт, что «патриотическая ревность к возлюбленному отечеству», «пылающее желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан» помогли ему отстраниться от мистицизма масонов и в новых исторических условиях продолжить просветительскую деятельность, заставляет нас объективно оценить и объяснить причину и действительный смысл его пребывания в ордене. Ведь именно в годы 1779—1792 Новиков, переехавший к этому времени в Москву, создает в древней столице России просветительскую организацию. Сосредоточив в своих руках три типогра-

[1] А. И. Герцен. Сочинения, т. VI, П., 1919, стр. 343.

фии, он издает и редактирует газету «Московские ведомости» и ряд журналов: «Утренний свет», «Московское издание», «Прибавление к Московским ведомостям», «Городская и деревенская библиотека», «Детское чтение» и т. д. За это десятилетие он готовит, редактирует и печатает сотни книг по всем отраслям знания. Широкие читательские круги получали труды по отечественной истории, сочинения русских авторов и переводы лучших современных западно-европейских писателей, сочинения по философии, педагогике, экономике, грамматики и сотни различных учебных пособий, букварей, самоучителей языка и т. д. Он организует в России систему книготорговли и создает книжные лавки в шестнадцати провинциальных городах. В общей совокупности Новиков объединяет вокруг своего громадного дела десятки передовых деятелей русской культуры — писателей, редакторов, переводчиков, распространителей книг.

Герцен, оценивая именно эту огромную по масштабу, разностороннюю и плодотворную, антикрепостническую по своему существу, деятельность в течение почти трех десятилетий, писал: «Новиков — один из тех великих людей в истории, которые делают чудеса на сцене, неизбежно остающиеся во мраке, — один из тех подпольных идейных руководителей, работа которых проявляется только к моменту огласки». [1]

4

Начало литературной деятельности Новикова, падающее на годы 1769—1774, явилось периодом наивысшего развития его творчества. Новиков в эту пору пишет много, в разных жанрах и областях, выступая и как писатель, и как историк, и как критик (произведения в «Трутне», «Пустомеле», «Живописце», «Кошельке»: «Опыт исторического словаря о российских писателях» и т. д.). Вторая половина 70-х годов потребовала от Новикова больших усилий по организации в условиях победившей реакции и жестокого террора после разгрома пугачевского восстания просветительского объединения, по созданию материальной базы русского просвещения. Организовав в Москве просветительский центр сначала с одной, а затем и с тремя типографиями, развернув подготовку и издание сотен книг, организовав несколько периодических журналов, которые укомплектовал сотрудниками и редакторами, реформировав «Московские ведомости», превратив их в политическую газету, — Новиков смог вновь вернуться к творчеству. Первая половина 80-х годов (т. е. до начала преследований Новикова Екатериной) может быть названа вторым периодом бурной творческой деятельности русского просветителя. И опять он выступает в разных областях — как писатель, педагог, экономист, философ. Одно за другим появляются крупные сочинения Новикова этой поры — философские статьи в журналах «Утренний свет» и «Московское издание» (1777—1781), «О воспитании и наставлении детей» (1783), «О торговле вообще» (1783), «Пословицы российские» (1782).

[1] А. И. Герцен. Сочинения, т. VI, стр. 342.

Чтобы закончить характеристику Новикова-писателя, необходимо остановиться на «Пословицах российских». Выпустив в 1781 году четвертое, вновь исправленное, издание избранных своих сочинений, собранных в книге «Живописец», Новиков в 1782 году печатает шестнадцать сатирических рассказов, объединенных в своего рода цикл, под общим названием «Пословицы российские».

«Пословицы российские» замечательное явление не только в литературной, но и в общественно-политической жизни России 80-х годов. В момент обострения борьбы передового лагеря писателей, и прежде всего писателей русского просвещения, с литературой дворянской во главе с Екатериной II Новиков-писатель выступил смелым бойцом, соратником Фонвизина, развернувшего именно в эти годы свою мужественную литературно-общественную деятельность. Большая часть «Пословиц российских», являясь политической сатирой, была направлена против Екатерины и как монархини и как писателя. Эти рассказы прямо продолжали новиковскую борьбу с «неограниченным самолюбцем», начатую еще на страницах «Трутня». Пять из шестнадцати рассказов посвящены острейшей политической теме — русскому самодержавию: «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро», «Сиди у моря, жди погоды», «Битому псу только плеть покажи» и «Фортуна велика, да ума мало».

Первые два рассказа — «Близ царя, близ смерти», «Седина в бороду, а бес в ребро» — дерзкое обличение екатерининского фаворитизма. Эти рассказы Новикова прямо перекликались с сильнейшими сатирическими сочинениями Фонвизина — «Всеобщей придворной грамматикой» и «Рассуждением об истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления», где тема обличения екатерининского разврата приобретала особо острую форму. Появление этой сатирической темы в литературе объясняется реальными обстоятельствами. К 80-м годам фаворитизм Екатерины приобрел особо гнусный, чудовищно бесстыдный и крайне разорительный для государства характер. С начала царствования Екатерину сопровождал фаворит Григорий Орлов. Он держался до 1772 года, затем его сменил Васильчиков. В 1774 году появился Потемкин. С Потемкиным во дворце воцарился уже ничем не прикрытый разврат: занимая официальное положение фаворита, Потемкин взял в свои руки поставку молодых «любимчиков» стареющей императрице. И вот один за другим во дворце появлялись молодые люди, фавориты на час, «ночные императоры», которые осыпались почестями, наградами, дорогими подарками. Подолгу они не задерживались. Некоторых милостиво отпускали на покой, некоторые скоропостижно умирали, как, например, умер Ланской, некоторые бесследно исчезали.

Вот против этого позорного и отвратительного явления, против бесстыдного узаконенного разврата русской императрицы, объявившей себя «матерью отечества» и просвещенной государыней, и выступил Новиков. Уже первый рассказ прямо называл эту тему — «Близ царя, близ смерти». Сатирическое содержание его помогало усвоению этой народной мудрости.

Следующая пословица «Седина в бороду, а бес в ребро» прямо и открыто обличала царский разврат. Новиков, как мы знаем по «Трутню»,

мастерски умел использовать прием намека. Так, например, он, обличая Екатерину, называл ее пожилой дамой нерусского происхождения, упражнявшейся в сочинении книг под названием «Всякий вздор», возомнившей себя «всемирным возглашателем добродетели» и т. д. Тогда Екатерине было 40 лет. В 1782 году ей было 52 года. Как мы уже говорили, переход к старости ознаменовался у Екатерины усиленной сменой фаворитов. И вот Новиков берет пословицу, имевшую в виду именно это значение — блудливость стариков.

Два других политических рассказа посвящены важнейшей для русского общественного движения проблеме — взаимоотношению власти и народа. До Радищева в России радикальные мыслители типа Фонвизина считали, что лучшей формой политического правления является просвещенная монархия. Исповедуя эту всеевропейски распространенную политическую теорию, русские мыслители в то же время, в отличие от Вольтера и Дидро, не считали Екатерину просвещенной монархиней. Такова, например, была позиция Фонвизина. Новиков, в сущности, стоял тоже на этой точке зрения и также, как Фонвизин, отказывался видеть в Екатерине идеального государя. И вот в 1782 году он пишет рассказ на острейшую политическую тему — можно ли довериться теории просвещенного абсолютизма? Бывают ли вообще монархи просвещенные, можно ли надеяться, что придет время, когда появится такой монарх, который будет слушать философов, писателей, «великих мужей», «добрых граждан», а не вельмож и фаворитов. Ответом на этот вопрос и был рассказ с характерным заглавием: «Сиди у моря, жди погоды». Нет сомнения, что в ней Новиков запечатлел кризис передовой русской политической мысли дорадищевского периода. Два выдающихся деятеля этой эпохи — Фонвизин и Новиков — исповедовали именно эту веру в просвещенного монарха. И оба в 80-е годы начали понимать, как безнадежна эта политическая теория, как она в реальных условиях екатерининского правления заводит общественное движение в тупик. Данный рассказ Новикова — замечательное свидетельство роста политического сознания русского просвещения. В канун появления радищевских сочинений Новиков, прибегая к опыту народа (пословицам), отвечает иронически на вопрос о возможностях практического воплощения утопической и умозрительной политической теории. От новиковского рассказа «Сиди у моря, жди погоды» протягиваются прямые нити к главе «Спасская полесть» «Путешествия из Петербурга в Москву», где по-радищевски, с революционных позиций заново был пересмотрен вопрос о теории просвещенного абсолютизма и показана не только ее утопичность, но и глубокая враждебность общественному движению России.

Разоблачениями Екатерины-монарха Новиков не ограничился. Избрав формой сатиры пословицы, он тем самым прямо и открыто выступал против писательских упражнений императрицы. Дело в том, что в 1782 году Екатерина, осуществляя план восстановления своего поверженного крестьянской войной авторитета, пришла к выводу о необходимости укрепить свою власть в этих новых условиях мнением народа, выраженным в его творчестве. Так родился замысел подбирать и самой сочинять пословицы, которые бы именем народа освящали самодержавный режим, сословное разделение, проповедо-

вали смирение и покорность как норму поведения подданных в государстве. В 1782 году замысел был исполнен, появилась книжка под названием «Выбранные российские пословицы».

Новиковские сатирические рассказы «Пословицы российские» есть ответ на екатерининскую фальсификацию. Новиков вновь стал на путь, уже известный читателю по «Трутню», когда он зло и беспощадно высмеивал плод екатерининского сочинительства — журнал «Всякая всячина», называя его «всяким вздором». Ныне этим «всяким вздором» были собранные императрицей пословицы.

Прикрываясь мнением народа, Екатерина поучала: «чин чина почитает», «чего нет, того не спрашивай», «не так живи, как хочется, а так живи, как бог велит», «тому будет всегда счастливо, кто пашет не лениво». Подобные пословицы составляли, условно говоря, один ряд, имевший целью утвердить незыблемость существующего сословного крепостнического режима в России. Но Екатерина не ограничилась этим и подобрала пословицы, составившие другой цикл, утверждавшие важную для нее мысль о необходимости покорности общественного мнения. Напуганная спорами депутатов Комиссии по Уложению, полемикой с новиковским «Трутнем», политическими выпадами дворянской оппозиции, Екатерина после подавления крестьянского восстания стремилась ввести в России «единомыслие». И здесь-то она хотела опереться на «мнение народное», внушая всяческим «молодчикам молодым», что выступать с критикой, высказывать свое мнение, советовать государю — есть «непозволительная дерзость», которая осуждается не только властью, но и народом.

Екатерининской фальсификации народного творчества Новиков противопоставляет подлинную мудрость народа, запечатленную в его пословицах. Именно пословицу он избирает формой своих сатирических рассказов, с тем чтобы она подтверждала право частного человека заниматься политикой, судить о поступках монарха, о жизни в государстве и т. д., подтверждала действительным мнением народа.

«Пословицы российские» Новикова начали новую, после подавления пугачевского восстания, общественную открытую борьбу передовой русской литературы за свою независимость от правительства, за право обсуждать условия жизни людей в русском самодержавном государстве. Начал это в 80-х годах Фонвизин в своем «Недоросле». Новиков подхватил в «Пословицах российских». Через год Фонвизин выступил с замечательным произведением «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особливое внимание», в котором отважно заявил о желании общества оценивать действия правительства.

Своими политическими рассказами Новиков свидетельствовал, как сам народ ежедневно судит и государство, и крепостные порядки, и самого царя. А народ нельзя заставить замолчать, как можно заставить писателя, упрятав его в крепость. Екатерина вот уже несколько десятилетий трудилась над тем, чтобы создать себе славу «матери отечества», заботливой и любящей народ матушки-государыни. А народ говорит: «близ царя, близ смерти». Екатерина старается убедить всех, что она просвещенный государь, что она готова слушать советы «умных и честных людей», что готова совершать ре-

формы на пользу народа. А народ осмеивает эти государевы утверждения, эти надежды на Екатерину — «сиди у моря, жди погоды». Екатерина велит прославлять себя в образе идеальной и целомудренной Душеньки, а народ, зная о чудовищном разврате старухи императрицы, о государственном характере фаворитизма, разорявшего Россию, зло заявляет: «седина в бороду, а бес в ребро», и т. д. Нет никаких сомнений, что такая апелляция к народному творчеству могла быть только после крестьянской войны, во время которой небывало открыто народ высказывал свое мнение и о Екатерине, и о дворянах, и о крепостнических порядках в России.

Два рассказа — «Сиди у моря тихого, жди погоды теплыя» и «Свое добро теряет, а чужого желает» — есть первое в русской литературе резкое выступление против мистицизма, алхимии и шарлатанства розенкрейцерства — ордена, только что утвердившегося в России по инициативе Шварца.

Рассказ «Есть чего ждать, когда есть с кем жать» — своеобразное обобщение опыта просветительской работы Новикова и его соратников по книгоиздательскому делу. Замечателен он желанием писателя свою просветительскую практику освятить не только национальной, но и демократической традицией. Рассказ начинается словами: «Сия пословица происходит от низкого состояния людей, но основанием своим она имеет важные причины».

Сатира новых рассказов Новикова связывала их с его прежними произведениями. Но более важным моментом «Пословиц российских» является то новое, что они несли с собой в искусство. Дворянский сентиментализм, проявивший себя уже с середины 70-х годов в творчестве таких предшественников Карамзина, как Кутузов, Муравьев, Херасков и др., утверждал в качестве основы своей эстетики субъективизм. Наслаждаясь своим «я», богатством своей души, своим сердцем, они утверждали, в сущности, прежнюю идеологию аристократизма, только по-новому и с новых моральных позиций. Аристократизм и субъективизм делали это искусство антинародным.

Новым в «Пословицах российских» и была борьба с субъективизмом, борьба с аристократизмом, борьба за гражданственность литературы, за обязанность ее служить своему отечеству и угнетенному «питателю», борьба за реалистическую эстетику, за приближение к правде жизни. И здесь крайне важно было принципиальное обращение к народному творчеству. Пословица вводится Новиковым в литературу на полноправных началах. Более того, Новиков показывает, что частное мнение, субъективное суждение, его личная писательская правда имеют значение лишь в том единственном случае, когда они подтверждаются коллективным опытом народа. Следовательно, мы наблюдаем попытку утвердить такую эстетику, которая позволяла бы писателю смотреть на явления социальной и политической жизни глазами народа.

Эти новиковские опыты подготавливали в известной мере использование пословиц в басенном творчестве Крылова. «Пословицы российские» — частный пример того, как именно в передовой литературе 80-х годов (Фонвизин, Новиков и, как высшее достижение русской культуры XVIII века, Радищев) намечались проблемы и темы, нашедшие свое дальнейшее блестящее разрешение и развитие в литературе XIX века, в творческой деятельности Крылова, Грибоедова, Пушкина.

5

Общественная позиция Новикова в период издания «Утреннего света» выражается прежде всего в его статьях. Литературных сочинений Новикова в «Утреннем свете» нет. В эти годы его привлекала философия. Философских статей, принадлежащих перу Новикова, в журнале, как мне представляется, шесть: «Предуведомление», «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру» («Утренний свет», ч. I), «Рассуждение на новый год» (ч. II), «Истины» (ч. IV), «О добродетели» и «Заключение» (ч. IX).

Философские произведения Новикова, напечатанные в «Утреннем свете», объединяет одна тема — выдвижение и обоснование основ такой нравственности, которая определяла бы общественно-активную гражданскую и патриотическую деятельность человека. В современной Новикову философии общества проблема человека была центральной. Дидро, например, писал в «Энциклопедии»: «нет иных истинных богатств, кроме человека и земли». Гельвеций пишет специальное сочинение «О человеке», создает «науку о человеке», утверждая, что если «люди узнают себя... приобретут ясное понятие о нравственности — и они станут счастливыми и добродетельными». [1]

Новиков не был философом-догматиком. Моральная философия привлекала его прежде всего в силу своего практического значения: она была полезна и нужна человеку, научала его добродетели, просвещала его ум. Он не создавал никаких систем. Основные положения его этики изложены в статьях, написанных им в опровержение книг, в изобилии распространявшихся в те годы в России, и прежде всего переводных книг, которые несли русским дворянам-масонам «откровения». В этот период (вторая половина 70-х годов) в России еще не было розенкрейцерства, не было и книг мистического, заумного содержания. Вот почему, в частности, Новиков ополчился в своих статьях против самых идеологических основ антиобщественной «философии» масонства.

Вместо реакционного принижения человека церковью и масонством Новиков провозглашает философию величия человека. Человек — «истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей». Он «есть нечто возвышенное и достойное». «В природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненнейшим искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны».

Человек — «владыка мира»; чтобы понять его величие, необходимо рассмотреть его место в природе и обществе. «Человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ». Так опять вместо религиозно-масонского идеала — «человек раб божий» — Новиков развивает учение о величии человеческой природы.

Проповеди неравенства и сословности Новиков противопоставляет идею

[1] К. Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и его воспитании, М., 1938, стр. 1.

равенства. «Богатство и знатность рода не точно проистекают из человеческия природы». «Высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость». Равенство людей Новиков мотивирует их природой, их высоким положением в мире живых существ, их возможностью «мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать». Новиков никогда не говорит о «чине и должности», разделяющих людей. В центре его философии Человек с большой буквы. Именно отсюда проистекает рассуждение, что людей можно «почитать за властителей». «И потому всякий человек может некоторым образом сказать сам в себе: «Весь мир мне принадлежит».

Новиков отлично понимает, что в реальной действительности дело обстоит иначе, что в крепостной России равенства нет, и нет прежде всего потому, что торжествует сословный строй, существуют дворяне, не желающие этого равенства. «Правда, — пишет Новиков, — есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много». Именно поэтому для Новикова дворянин, богатый, ослепленный своей сословностью, не есть «истинный человек». «Но мы постараемся доказать, что таковый высокомерный горделивец ни истинныя своея цены, ни высокого достоинства человеческого отнюдь не знает и превозносится тем, что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств». Более того, люди, «кои сами свое высокое человеческое достояние ногами попирают... которые противятся врожденным благородным побуждениям», «такие люди, конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали и к чести человечества строжее с ними поступали, нежели наша склонность ко кротости нам повелевает». Нетрудно заметить, что в данном случае утверждается на философском языке то, что составляло пафос литературно-сатирической деятельности Новикова в «Трутне» и «Живописце». Дворян — Безрассуда, Трифона Панкратьевича и Григория Сидоровича — Новиков разоблачал именно за то, что они в своем помещичьем тиранстве утратили все человеческие черты.

Просветительская вера в человека, признание его внесословной ценности составляет существо новиковского философского учения. Облечено же оно в форму этической теории, выражаемой часто фразеологией, заимствованной из арсенала абстрактно-христианской религиозности. Что это так, видно из дальнейшего развития новиковской «науки о человеке». Ее подлинный политический смысл со всей силой развертывается в его учении «о человеке как цели и человеке как средстве».

Новиков пишет: «Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим». Все новиковские доказательства величия человека, его места в мире как «владыки», «как части бесконечныя цепи действительно существующих веществ», его «божественности» и составляют первую часть формулы — «человек как цель». Таким образом, «величие», «достоинство», «божественность» даны человеку от рождения. Но этого, учит Новиков, еще недостаточно. Свое величие человек еще должен осуществить, проявить и, главное, утвердить в своей жизни. Получив от рождения «величие», человек может легко утратить его, превратиться в «ничтожество», в «насекомое», в «нечеловека». Так оказывается, что действительное достоинство человека

зависит не от бога, а от самого человека, и прежде всего от его общественно-полезной деятельности, которая одна в состоянии сделать «истинного человека». Учение об этой деятельности и составляет идейный смысл второй части новиковской формулы: «человек как средство». «Если бы люди были токмо единою целию всех вещей сего мира, а при том не были б средством оных; то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед, а сами оного не делают. Тщетная честь! бедное достоинство, которое людей ровняло б со свиниями, проядающими все время жизни своея и в сластолюбии валяющимися во грязи, и которые уже после смерти становятся средством». Во всей этой гневной тираде ясно слышен голос издателя «Трутня», сделавшего эпиграфом своего журнала строки о трудолюбивых пчелах и трутнях («они работают, а вы их труд ядите»), которые раскрывали существо социальных взаимоотношений между помещиками и крестьянами.

Итак, свое величие человек должен утвердить при своей жизни в общественной деятельности. «Истинные человеки не должны тако проводити жизнь», они обязаны «отечеству служить и быть полезными». «Какое величие! какое достоинство! какое превосходство! Всякий, в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя средством, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен». Таков новиковский идеал человека-гражданина, достоинство свое утверждающего служением отечеству и своим согражданам, — «истинный патриот и прямой человек». В связи с этим высказывается Новиковым наивная, но светлая просветительская мечта о торжестве истинно человеческих отношений в его дорогом отечестве, когда уничтожится сословность, исчезнет рабство, когда все люди, поняв смысл «науки о человеке», станут свое истинное величие осуществлять в деятельности на благо родины и всех сограждан. «Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут как цари мира, себя средством почитают, окрест себя только единое устрояют благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро». «Какое благородное упражнение, какое гармоническое велелепие, какая искренняя любовь, верность, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувствие удовольствия, то что ж бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал?»

Вряд ли надо доказывать, что все это учение Новикова «о человеке как средстве» глубоко и органически враждебно и дворянско-сословной, и церковной, и масонской морали. Новиков ставит своей задачей воспитывать в человеке чувство достоинства, патриотизма, ненависть к унижающим его сословным привилегиям, желание осуществить свое истинное величие в общественно-полезной деятельности.

Новиковский человек, осознающий свое величие, от рождения достигает своего достоинства, своей «божественности» здесь, на земле, в общежитии, в гражданской патриотической общественно-политической деятельности.

Белинский, говоря о «положительном герое», «о хороших людях на Руси», указывал, что всегда «в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут». [1] Смысл новиковской проповеди в «высвобождении» этой «человечности». «Хороший человек на Руси, — пишет далее Белинский, — может быть иногда героем добра, в полном смысле слова». [2] Лучшей характеристики новиковского идеала человека нельзя дать. Он враждебен дворянско-масонским представлениям о человеке, и в этом его сила. В то же время он далек от радищевского учения о человеке-революционере, и в этом его слабость. Новиковский человек — это действительно «герой добра», каким был, например, сам Новиков.

Условия реакции наложили свой отпечаток на сформулированное Новиковым учение о человеке. Но действуя осторожно и робко, он все же, говоря о деятельности, совершенно определенно давал понять, что речь идет именно о деятельности общественно-политической. В этом отношении характерно такое его суждение в сочинении «Истины»: «Соболезновать о том, что истина и правосудие изгнаны из света, а не стараться возвратить их, значит то же, чтобы, поджав руки, кричать на пожар». Это, собственно, первое осуждение политического режима после разгрома пугачевского восстания. Это прямой выпад против пассивности дворянской интеллигенции, отказавшейся от общественной деятельности и бежавшей в масонство. Сам Новиков не сидел сложа руки, он звал «на пожар», страстно желая, чтоб «истина» и «правосудие» воцарились в отечестве. Но делал это как просветитель, веруя в просвещение, в печатное слово, в возможность мирным путем решить великие социальные вопросы. Это была его беда. Одновременно с ним действовал в литературе и общественной жизни Фонвизин, которого дворянский страх перед революцией загнал в страшный, безвыходный идейный тупик политической концепции просвещенного абсолютизма. Это было тоже бедой талантливейшего и смелого сатирика, убедившегося в крахе своих надежд на возможность прихода просвещенного государя. Только Радищев, первый русский революционер, разрешил идейный кризис русского просвещения, указав на ясный и единственно правильный путь — народную революцию. Поэтому только Радищев смог создать подлинно гуманную новую нравственность, в центре которой был тоже человек-деятель, только деятельность эта была особого рода — борьба, революционное обновление отечества. Поэтому положительный герой Радищева не «герой добра», а «прорицатель вольности», революционер, «мститель», «истинный сын отечества».

6

В обстановке общественного подъема 80-х годов развертывается с новой силой и огромная практическая работа Новикова-просветителя и новая в своем качестве деятельность Новикова-философа. Новое может быть определено одним словом: политика. Новиков теперь пристально интересовался

[1] В. Белинский. Письма, т. III, СПБ., 1914, стр. 321.
[2] Там же.

политикой. Он стал писать сам на политические темы, стал нацеливать широкие круги своих читателей на политические проблемы. Политика прежде всего господствовала в газете «Московские ведомости». Центральные политические события эпохи — революционная война американского народа против «разбойников-англичан», утверждение республиканского режима за океаном — были в центре внимания Новикова-редактора. Сообщая подробнейшие сведения о ходе революции, о героизме народа, с оружием в руках защищавшего свои права, печатая многочисленные статьи, прославлявшие справедливость и самоотвержение в борьбе за независимость, Новиков не скрывал своего сочувствия народу, стремившемуся к вольности.

Этической теории Новикова всегда был чужд догматический характер. Будучи по природе своей практической философией, она живо учитывала меняющийся характер общественных интересов, стараясь быть нужной и полезной согражданам на различных ступенях их политического и нравственного развития. В 70-е годы на страницах «Утреннего света» Новиков развивал учение о добродетели и человеке как средстве. В 80-е годы на страницах «Московского издания» он акцентирует другой элемент этики — теорию подчинения страстей разуму. В ряде статей журнала и, прежде всего, в философском «Предисловии» Новиков останавливает свое внимание только на тех страстях, господство которых над человеком влечет за собой политические, бедственные для простого «питателя», последствия. Этими страстями оказываются: «честолюбие», «сладострастие» и «сребролюбие». Именно эти страсти, утверждает Новиков, приносят обществу бедствия, потому что им следует в каждом отдельном случае не абстрактная личность, а конкретный социальный человек — дворянин, вельможа, министр, государь. Так в учении о страстях Новиков стремится покинуть область отвлеченных моральных категорий и переходит к вопросам общественным, социальным. Поэтому и оказывается возможным ставить в журнале ряд политических вопросов, разрешать на страницах журнала проблему взаимоотношений правительства и народа. Этика становится политикой — в этом заключено то новое в философских убеждениях Новикова, что нашло свое выражение сначала в «Московском издании», а потом и во всей последующей философской, редакторской и просветительской деятельности Новикова 80-х годов.

Нет никакого сомнения, что великие события крестьянской войны, возглавленной Пугачевым, обнажившие с небывалой силой социальные противоречия русской общественной жизни, показавшие, что коренные проблемы социального бытия народа решаются в сфере политики, а не морали, способствовали и общей радикализации передовой русской литературы 80-х годов и повышению общественной активности Новикова-просветителя, Новикова-философа. Вот почему следом за «Московским изданием» появляется журнал «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784 гг.), где были напечатаны замечательные работы Новикова о воспитании и о торговле, знаменовавшие новый этап в развитии социально-политических воззрений русского просветителя.

С начала 80-х годов Новиков проявляет интерес к вопросам торговли. Как книгоиздатель он выпускает год за годом ряд книг, трактующих эту проблему («Историческое описание российской коммерции», «История о аглинской торговле, мануфактурах, селениях и мореплавании оныя в древние, средние, новейшие времена до 1776 г., с достоверным показанием справедливых причин нынешней войны в Северной Америке» и т. д.). Свою газету «Московские ведомости» он наполняет многочисленными практическими сведениями о торговле: печатает вексельный курс, периодически сообщает сводку цен на продукты и товары в Москве, дает переводные статьи, описывающие торговые центры Европы, характеризующие торговлю отдельных европейских стран, и т. д. В специальном обращении, напечатанном в «Московских ведомостях», Новиков уведомлял, что в новом журнале «Прибавление к Московским ведомостям» читатели получат много нужных и полезных для себя сведений. В частности: «Купечество российское, — писал он, — отменную от сих «Прибавлений» получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами перед другими городами».

В журнале «Прибавление к Московским ведомостям» Новиков напечатает несколько теоретических статей по вопросам торговли, принадлежащих видным экономическим и политическим писателям века. С особым вниманием отнесся Новиков к Рейналю и его замечательному капитальному сочинению «Философская и политическая история обеих Индий». Но возглавляет многочисленные переводные статьи о торговле оригинальное сочинение, принадлежащее самому Новикову, под названием «О торговле вообще». Первый и естественный вопрос, возникающий при чтении этого журнала и данной статьи, — почему проблема торговли привлекла такое внимание Новикова?

«Крепостное общество, — пишет Ленин, — всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму».[1] Развитие буржуазных отношений в XVIII веке, особенно в конце его, приняло интенсивные формы. Говоря о создании национальных связей в феодальной России, о ликвидации былой раздробленности между отдельными землями и княжествами, Ленин писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных».[2]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 29, стр. 444.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 1, стр. 137—138.

Таким образом, «...в крепостном обществе, по мере развития торговли, возникновения всемирного рынка, по мере развития денежного обращения, возникал новый класс — класс капиталистов». [1]

Расцвет и развитие торговли — показатель успехов роста новых, враждебных феодализму, буржуазных отношений. XVIII век — век бурного наступления капитализма, век нанесения сокрушительных ударов феодализму. Американская революция утверждала первую в XVIII веке буржуазную республику. Французская буржуазия идеологически возглавила движение широких народных масс против феодально-абсолютистского режима Людовика XVI. Русские крепостные во главе с Пугачевым полтора года сражались против крепостничества, рабства, за вольность и землю. В эту эпоху широкого антифеодального движения ясны были преимущества и прогрессивность нового, буржуазного строя. Торговля была внешним показателем не только успехов нового класса, но и нового строя в целом, вызревающего внутри старой формации. Вот почему вопросы торговли были в центре внимания передовой мысли тех лет. Вот почему по вопросам торговли французские просветители, ученые и политические деятели выступали с теоретическими работами — книгами, трактатами, статьями. Вот почему антикрепостническая борьба Новикова, развернутая им в эпоху «Трутня» и «Живописца», привела его в 80-е годы к постановке вопросов о политических, экономических и социальных преимуществах нового, антифеодального общественного строя. Именно этим и вызвана замечательная его работа «О торговле вообще».

Сочинение это, огромное по своему содержанию — философскому, экономическому, историческому, — заслуживает специального исследования, тем более что оно ни разу не подвергалось изучению. В данной статье я могу коснуться лишь некоторых его моментов, некоторых проблем.

Прежде всего необходимо указать на то, что́ понимает Новиков под темой о торговле вообще. Касаясь подробно вопросов собственно торговли, давая очерк развития мировой коммерции, показывая, как до появления торговли в родовом строе существовал обмен, который не может быть назван торговлей, ибо торговля начинается тогда, когда «меняющий» стремится к «выгоде», к получению «прибытка», Новиков в то же время не ограничивается этой сферой обращения товаров и подробно говорит о совокупности экономических и политических отношений в новом, в конечном счете буржуазно-демократическом обществе.

Основной пафос нового сочинения — в установлении главных черт этого антифеодального государства. Первый вопрос, подвергнутый тщательной разработке Новиковым, — о новом принципе разделения людей на сословия. В обществе, о котором говорит он, где народ «благоденствует», а государство «процветает», нет *дворян*. Они — тунеядцы, трутни, пожиратели чужих трудов — исключены Новиковым из нового общества. Уже один только этот факт делает примечательным новиковское сочинение, напечатанное в дворянской России.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4, т. 29, стр. 439.

Основным условием развития общественного благоденствия, расцвета промышленности, искусств и торговли является *свободный* труд. «Вольность, приобретенная Голландией чрез войну против утеснителя своего, Филиппа, короля испанского, была главною пружиною скорого ее приращения». В специальной главе «О государственной экономии» Новиков, указывая «способы, которыми собираются жизненные потребности», заявляет: «Мы представляем себе государство», где благоденствие граждан достигается прежде всего свободным трудом. «Земледелец, видя верный расход и награду за свою работу, пробужается от унылого небрежения, усугубляет рачение и старается сколько возможно возвысить доход со своея пашни. Исправляя обстоятельства свои соразмерною прибылью, может он тогда сносить издержки земледелия; не удерживаем будучи другими препятствиями, может он предпринимать поправки и распространения в своей работе; добрые обстоятельства его имущества приводят его в состояние содержать лучше свою семью; класс земледельцев умножается и в лучшие приходит обстоятельства, а потому все годные к обработанию земли всевозможный приносят доход».

В «Трутне» и «Живописце» Новиков осуждал рабство с моральных позиций. Теперь Новиков доказывает: потрясающая бедность и нищета крестьян — следствие крепостного права, ибо в рабском государстве бесчисленны «угнетательные подати» и «способы вымучивания денег у подданных». Рабство — причина «нерачительности» крестьянина. Рабство — экономически невыгодно, от него страдает не только земледелец, но и все государство, ибо «труд земледельца служит основанием благосостояния всех других гражданских классов». Отсюда вывод — только свободный труд создает условия для процветания земледелия, государства и всех сограждан. «Единая и достаточная пружина земледелия есть известный расход и соразмерно прибыльная цена жатвы земледельца. Без сея пружины работает он для собственной только своея необходимости, и государство лишается множества натуральных произведений».

Идеальное государство будущего, по Новикову, это государство свободных тружеников, где осуществлен принцип обязательного труда всех граждан. «Нужное упражнение граждан в государстве единое есть средство к умножению народа». «От сего единого зависит цветущее состояние всякого особенного гражданина». «Понятие, соединяемое нами со словом упражнение, заключает такое состояние граждан, в котором всякий из них от надлежащей своей работы удобно и выгодно нужное получает пропитание». Новые «гражданские классы» этого общества — земледельцы, ремесленники, работники, фабриканты и купцы. Все люди в обществе «пропитание» доставляют себе своей работой. Лучшая форма государственного правления — республика. Именно в республике расцветает торговля, приносящая выгоду и государству и частным гражданам. «Всеобщий опыт доказывает, — пишет Новиков, — что деспотические государства всех менее, а республики всех более кредита имеют: сие происходит по большей части от недостатка торговли в деспотических государствах и от удобности оной в республиках».

Вольность и республиканский строй народ завоевывает в борьбе с тиранами. «Всеобщий опыт» истории и тут надежное доказательство для Нови-

кова. Голландия «необходимостию принуждена была свергнуть с себя тиранское иго». Англия «для подкрепления толикой чрезмерности искусственного могущества» обременила «чрезмерными налогами» Северную Америку, что привело к ослаблению «еще более ее многолюдия» и «унижало прилежание и земледелие». Вследствие этого «Северная Америка взбунтовалась: налоги сии слишком были отяготительны для ее и несправедливы».

В государстве свободных тружеников будет достигнут не только материальный достаток, но и расцветут промышленность, науки, просвещение, укрепится и разовьется подлинная мощь государства. Новиков с восторгом говорит о творческом, созидательном характере свободного человека-труженика. «Действенность и трудолюбие, владычествующие преимущественно между рукодельцами, производят всегда некоторый степень просвещения, познаний и благонравия... Рачительность возбудит в целой нации дух и ум». В свободном государстве только «тот гражданин не получает успеха, который не старается рачительно пользоваться своими способностями». Зато именно в этом государстве «бывает всеобщее соревнование, при котором самый прилежнейший, остроумнейший, бережливейший гражданин в каждом состоянии получает награду».

В то же время с прежней просветительской страстью писателя-сатирика Новиков говорит о дворянах, этих общественных паразитах: «Не те члены государства, которые, отягощая трудящихся, сами не споспешествуют нисколько общему благосостоянию, не они составляют внешнее могущество и внутреннее благополучие государства: таких граждан надлежит почитать мертвыми в политическом смысле, бесполезными, отяготительными для государства, могущими истребить прочие его силы, получаемые им от полезных своих членов».

Кодекс просветительской морали, развернутый Новиковым на страницах «Утреннего света», его учение о гражданских обязанностях человека, осуществляющего себя как личность только в общеполезной деятельности и труде, находят свое дальнейшее развитие на страницах «Прибавлений». Будущие свободные труженики в своей практической деятельности осуществляют кодекс новиковской морали. «В государстве должны быть такие граждане, которые имели бы случай и способы силами своими и способностями содействовать общему благу; они должны быть нескудны, дабы приобретать себе пропитание и потребности самоудобнейшим и выгоднейшим образом; они должны иметь силы для продолжения, распространения и усовершения своего приобретения и для приведения себя чрез то в состояние удовлетворять потребностям государства, удобно платить свои подати и, наконец, поддерживать взаимно благосостояние друг друга».

Таково общество будущего, общество без крепостного права. Как просветитель Новиков страстно изыскивал средства, которые содействовали бы осуществлению проповедуемых им принципов. Главное из них — доказательство своим соотечественникам преимуществ нового общественного строя перед старым — феодально-крепостническим и самодержавным. Как некогда русский философ Яков Козельский в своем сочинении «Философические предложения» стремился доказать право и необходимость простых людей,

частных граждан заниматься политикой, так и Новиков «открывает философским оком пружины, поддерживающие и скрепляющие сию великую громаду политического благосостояния», стремясь научить своих читателей «рассмотреть то, каким образом они действуют». С целью научения каждого гражданина размышлять «о своих важнейших интересах» Новиков и печатает это свое сочинение. Каждый должен быть политиком — вот какой тезис выдвигает Новиков-просветитель. А «око политика ищет везде причин и действий, связь между собою имеющих, и преследует их даже до самого простейшего их вида; таким образом, научен будучи правилами и опытом, может он судить о влиянии, какое должно произвести каждое обстоятельство в определенном случае».

Прямо обращаясь к своим читателям, которым всегда стремился «сделать пользу и угождение», Новиков заставляет их оглядеться вокруг себя, задуматься над своим положением бесправных подданных русского самодержца, сознательно представить себе общественные выгоды нового политического и экономического строя и подчинить свою жизнь высокой цели достижения идеала народного счастья. «Когда видим мы скудость граждан и слабость и повреждение государств, последующие вообще от недостатка упражнения и путей к пропитанию; когда рассуждаем мы о печальном жребии бедных, которые, не могши найти работы, становятся тягостию государству либо частным его гражданам и которых праздная и худая жизнь равную склонность к праздности и пороку вливает в потомство их, столько же сожаления достойное; когда, наконец, рассуждаем мы о гражданине, который с пролитием пота и со всею охотою к работе не может приобрести себе более, нежели сколько необходимо ему на содержание себя и домашних своих: то должны мы высоко ценить выгоды, доставляемые торговлею чрез открытие новых и удобных ветвей пропитания, и почитать счастливым то государство, которого граждане, одушевляемы будучи всеобщею действенностию, находят в работе своей обильные пропитания источники. Здесь всякому гражданину предлежат способы возвыситься прилежностию и предприимчивостию; здесь процветает многонародие, здесь богатство разделяется по всем частным членам государства, и менее чувствуемо здесь то вредное неравновесие в имуществе граждан, навлекающее на бедных все публичные тягости, которых, однако, не могут они сносить не разорясь совсем, и увольняющее богатых от принятия в том участия, ибо имеют они способы отвращать от себя все тягости. Государство, которого подданные довольным заняты упражнением, может надежно собирать подати, да еще и увеличивать оные, пока оставляет оно подданным способы к надлежащему приобретению».

Несомненно, Новиков идеализирует это будущее антифеодальное буржуазное государство. Он не видел и не мог увидеть, как свободный земледелец, работник и ремесленник попадал в новую кабалу к капиталисту, фабриканту и купцу-скупщику, как свобода человека оказывалась на деле лишь свободой собственников. Но мы знаем, что эти иллюзии и заблуждения у борцов против феодализма и крепостничества возникали закономерно и объяснялись эпохой, в которую жили эти деятели. Сила же нового сочинения Новикова — в его открытой политической направленности против феода-

лизма, против русского крепостническо-самодержавного строя. До радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», этой революционной энциклопедии русской общественной мысли, данное новиковское сочинение, пожалуй, является самым крупным достижением политической мысли русского просвещения. Роль и значение этой работы Новикова определяются еще тем фактом, что она получила небывалое распространение, ибо была напечатана в «Прибавлениях к Московским ведомостям», тираж которых достигал четырех тысяч экземпляров. Тысячи русских людей из разных кругов общества — дворян, разночинцев, купцов — читали «Прибавление», знакомились с его философскими и политическими статьями, «приобучаясь размышлять о своих важнейших интересах».

Журнал Новикова «Прибавление» попал и в руки Екатерины II. Именно за статью, напечатанную в нем, русская самодержица и начала полицейские преследования Новикова. Читая этот журнал, Екатерина понимала, какой политической силой стал просветительский центр, созданный Новиковым в Москве. Вот почему она, по словам своего секретаря Храповицкого, считала Новикова «умным и опасным человеком». Вот почему его писательская, философская, издательско-просветительская деятельность расшатывала устои самодержавно-крепостнического государства. Вот почему именно с выхода «Прибавлений» начались преследования Новикова, ограничение его писательской и издательской деятельности, преследования, закончившиеся разгромом всего просветительского дела и в 1792 году — арестом мужественного просветителя.

Но разъяренная Екатерина не только заточила ненавистного ей человека в крепость, она сочла нужным отнять у самоотверженного писателя его честное имя. Специальным манифестом он был «опубликован» обманщиком, невеждой и шарлатаном. Выпущенный из крепости после смерти Екатерины, в 1796 году, он вынужден был удалиться в деревню, где жил изолированный от общества, больной, разоренный, обремененный долгами. В 1818 году, в возрасте 74 лет, Новиков умер. Однако выпущенные Новиковым книги, его сочинения, его огромный просветительский опыт уничтожить было нельзя. Уже в первое десятилетие нового века на этот опыт опирались не только его многочисленные ученики и последователи, — молодые деятели русской культуры, — но и декабристы.

Деятели первого этапа русского освободительного движения — декабристы — отчетливо понимали, откуда началось «вольномыслие» в России. Декабрист Николай Тургенев писал: «Во главе движения, поднятого масонскими обществами, находился Новиков, человек очень замечательный и тем больше достойный почета и уважения со стороны друзей человечества, что он был мало оценен в стране, которую прославили его крупные и полезные произведения. Те из его современников, которые его хорошо знали, которые могли видеть непосредственные результаты его стараний, его деятельности, часто скорбели о безразличии русской публики, которая позволила этому апостолу добра стареть и умирать в уголке обширной империи, забытому, бедному, одному, подавленному тяжестью несчастий; они всегда краснели от стыда за неблагодарность русской

литературы, которая не нашла ни слова утешения человеку, которому она стольким обязана!»[1]

Декабристы и Пушкин первыми признали огромные заслуги Новикова перед русской литературой, общественной мыслью и культурой. Они потребовали снятия с него печати гнусного царского «опубликования», призвали к внимательному изучению его наследия. В дальнейшем революционные демократы — Белинский, Герцен, Огарев и Добролюбов — неоднократно напоминали передовому русскому обществу о плодотворной деятельности одного из первых русских просветителей. Их проникнутые чувством благодарности и любви выступления в защиту Новикова противостояли потоку лжи и клеветы, исходившему со страниц многочисленных сочинений буржуазных и либеральных ученых.

В 1868 году Герцен написал для «Колокола» специальную статью о Новикове и Радищеве: «Наши святые, наши пророки, наши первые сеятели, первые борцы, погибшие в неравной борьбе, начинают подымать головы из глубины своих могил, где они лежали под печатями императорской полиции».

Вещие слова сбылись: «наши пророки, наши первые сеятели» из далекого прошлого пришли в наше сегодня, их имена живы и дороги советскому народу, строящему коммунизм. Мы бережно храним наследство и с благодарностью чтим память первых борцов, погибших в неравной борьбе с реакционным царизмом.

В наши дни, когда революционеры всех стран с надеждой смотрят на Советский Союз как на очаг освободительной борьбы трудящихся всего мира, мы полны чувства национальной гордости от сознания, что история России знает множество славных деятелей освободительного движения, замечательных просветителей, писателей и философов, поднимавших свой честный мужественный голос в защиту угнетенного народа, отдававших все свои силы борьбе за свободу человека, за светлое будущее своей горячо любимой родины. «Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала ещё Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Всё это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса».[2]

Г. Макогоненко

---

[1] Н. Тургенев. Россия и русские, ч. III.
[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 25.

ОТ РЕДАКТОРА

Все собранные в настоящем томе сочинения Н. И. Новикова воспроизводятся или по текстам журналов, в которых они были впервые напечатаны («Трутень», «Пустомеля», «Санктпетербургские ученые ведомости», «Утренний свет», «Московское издание», «Прибавления к Московским ведомостям»), или по текстам первых изданий новиковских книг: «Опыт исторического словаря о российских писателях», «Древняя российская вивлиофика» и др. Исключение сделано для «Живописца», который воспроизводится по так называемому третьему изданию 1775 года (обоснование этого см. в комментариях). Отсутствие рукописей художественных, критических и историко-философских произведений Новикова не позволило восстановить места, явно пострадавшие от цензуры («Английская прогулка» и «Отрывок путешествия в***» в «Живописце», глава «О свободе», оказавшаяся выпущенной в сочинении «О торговле вообще»).

При редактировании текста были устранены опечатки, довольно многочисленные в журнальных публикациях. Кроме того, редактор счел себя обязанным привести сочинения Новикова в соответствие с современной орфографией и пунктуацией, за исключением тех случаев, когда необходимо было сохранить особенности произношения и смысловые оттенки литературного языка XVIII века.

Все условные написания, восходящие к устаревшим нормам правописания и не отражающиеся на произношении слов, были заменены редактором современными. Поэтому в данном издании печатается вместо «разъежжал» — разъезжал, вместо «щастье» — счастье, вместо «естьли» — если, вместо «етот» — этот и т. д.

В случаях, когда у Новикова обнаруживалось колебание в правописании некоторых слов, редактор выбирал форму, совпадающую с современной нормой (например, «истинна» и «истина», «еклога» и «эклога»). Но у Новикова оказалось немало форм, отразивших еще не установившуюся грамматическую норму, отчего одно и то же слово писалось различно, например «англичане» и «агличане», «английский», «англинский» и «аглицкий», «перукмахер» и «парикмахер». В таких случаях редактор сохранял новиковское правописание. В то же время в случаях, когда слова претерпевали изменения в морфологическом строе, редактор не изменял их и сохранял, например слова «обработывать» или «в постеле», так как в именительном падеже было не современное «постель», а «постеля».

В целях облегчения восприятия текста в художественных произведениях прямая речь, печатавшаяся в авторских изданиях в строку, выделена и дается с абзаца.

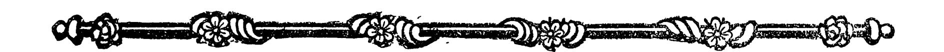
В «Опыте исторического словаря» редактором устранены опечатки в датах, а также ошибки и неточности в написании отдельных фамилий. Эти поправки оговорены в подстрочных примечаниях. Настоящий тип издания не позволял научно-критически воспроизвести текст «Словаря», нуждающегося к тому же в обширном комментарии. Редактор попытался лишь помимо исправления некоторых ошибок дать читателю необходимые сведения о годе рождения и смерти писателей, заключенные им в квадратные скобки. Отсутствие дат или воспроизведение только одной даты объясняется тем, что редактор не обнаружил в известных и доступных ему источниках нужных сведений. Вопрос после даты или вторая цифра означают отсутствие точных сведений или указывают лишь приблизительно век или десятилетие, когда жил тот или иной писатель.

В случаях, когда внутри новиковского текста указывалась дата рождения или смерти писателя, не совпадающая с правильной датой, стоящей в квадратных скобках, редактор не исправлял ошибок.

В установлении дат малоизвестных писателей, сведения о которых нигде не собраны и не систематизированы, принимал участие проф. П. Н. Берков.

Многим статьям Новикова, собранным в разделах «Критика» и «История и философия», заглавия даны редактором, и потому они заключены в квадратные скобки.

Проза



ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1769 год

месяц май

Они работают, а вы их труд ядите.
Г. Сумар. в XLIII притче, I книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож, верно, не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей участной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соболезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастие гораздо скорее; но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным; но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно; но лень препятствует: словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лености и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой неделе просиживаю дома для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что лень не допускает. От лености никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею

*

человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтися; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправое решение. Надлежит знать все пронырствы, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануту, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: «Дай за работу»; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостию. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастия; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желания; а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? *Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением: но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принесть пользу моим согражданам. И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием «Трутня», что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, ко исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспомо-

жение присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут[1] в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: «Г. издателю «Трутня». Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию леность. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ЛИСТ XXI. СЕНТЯБРЯ 15 ДНЯ

Г. издатель!

Я не знаю, отчего во многих вкралося предрассуждение, что русские ничего так хорошо делать не могут, как иностранные. Я видал, как многие, в прочем разумные, люди, рассматривая разные вещи, русскими мастерами деланные, хулили их для того только, что они не иностранными деланы мастерами. А незнающие и иностранные вещи, когда скажут им нарочно, что они русские, без всякого знания, по одному только предрассуждению, или еще и по наслышке хулят. Намедни сие случилося, и я вам это сообщаю для напечатания; пусть увидят все, до какой глупости иногда пристрастие нас доводит. Одному моему приятелю надобно было шить платье; мы ему советовали, чтобы он на то платье взял сукна Ямбургской фабрики, уверяя его, что те сукна в доброте и в цветах ничем аглинским сукнам не уступают, не говоря, что они аглинских ценою дешевле: но он и слушать того не хотел, чтобы русские сукна были добротою равны аглинским. Он был тогда не очень здоров и для того просил меня, чтобы съездил я на гостиный двор и взял ему образцы аглинских сукон. Я поехал, и как мне сие предрассуждение всегда казалося смешным, то захотелось мне уверить моего приятеля в его несправедливости. Я взял образцов аглинских сукон и ямбургских и, положа в одну бумажку, показал моему приятелю, сказав, что это аглинские сукна; он выбрал ямбургские и, любуюся их добротою, шутил надо мною, говоря, что он ямбургские сукна тогда покупать будет, когда они таковы же будут добротою, как аглинские. Послали за весьма искусным портным, показали ему образцы. Я ему потихоньку сказал, что тут одни аглинские, а другие ямбургские, чтобы он выбрал из них аглинские. Портной, рассматривая белое

[1] Выключая те, кои будут против бога, правления, благопристойности и здравого рассуждения. Я надеюсь, что таковых и не будет: ибо против первых двух в наше время никто ничего не напишет, кто хотя искру понятия имеет; против последних же двух, без сомнения, благопристойность писать запретит.

и палевое ямбургское сукно, сказал, что они аглинские. Я внутренно радовался их ошибке, и после, взяв ямбургское сукно, отдали портному. Портной через два дни принес платье; приятель мой оное надел и был весьма доволен. Наконец я ему объявил его ошибку; портной сказал, что сии сукна между собою добротою так близки, что и различить почти невозможно, а приятель мой тому верить не хотел. Я отдал ему излишние деньги: ибо ямбургские продаются по 3 руб. по 75 копеек, а аглинские той же доброты по 5 рублей. Приятель мой наконец согласился поверить, но после сказал: «Ямбургские сукна хотя и хороши, однакож столько не проносятся».

Г. издатель! сколько нашей братьи, которые по наслышке о вещах судят. Желательно бы было, чтобы сие предрассуждение искоренилося и чтобы наши русские художники и ремесленники были одобрены и равнялися во всем с иностранными, чему примеров мы уже видели довольно.

Слуга ваш **.

ЛИСТ XXXI. НОЯБРЯ 24 ДНЯ

Г. издатель!

За что вы на нас прогневались, что целые четыре недели не видали мы ни одного листа. Если вы на кого осердились, так чем же виноваты мы прочие? и за что нас беспричинно лишать удовольствия читать ваши листы. Пожалуйте прервите свое молчание и начните попрежнему свой журнал издавать, вы многим сделаете удовольствие, а особливо мне.

Г. издателя
покорный слуга
Беспристрастный читатель.

* * *

Г. Беспристрастный читатель, признаюсь, что я пред вами неправ и слова своего, чтобы всякую неделю издавать листы, не сдержал: но я не совсем в том виноват. Я бы охотно сообщил вам причины, меня к тому принудившие, но для избежания хлопот я о том умалчиваю; во удовольствие ваше листы попрежнему издаются: впрочем, для меня весьма лестно слышать, что беспристрастному читателю мое издание угодно и приносит удовольствие.

ЛИСТ XXXII. ДЕКАБРЯ 1 ДНЯ

РАЗГОВОР

Я и Трутень

Я

Г. Трутень! пожалуй скажи, с каким намерением издаешь ты свой журнал?

Трутень

С тем, чтобы принести пользу и увеселение моим согражданам.

Я

Очень хорошо, намерение препохвальное. Но ты какой от того ожидаешь пользы?

Трутень

Польза будет велика, если только я заслужу внимание и похвалу разумных и беспристрастных читателей и благоволение знатных господ и покровительство.

Я

Первое отчасти исполняется; что ж надлежит до последнего, то не думаю, чтобы ты имел в том успех. Ведаешь ли, полно, ты, друг мой, кто и чем заслуживают благоволение знатных господ и покровительство?

Трутень

Конечно, ведаю: те, кои говорят им правду, показывают их слабости и нечаянные проступки и от оных их остерегают. Наконец, все те, которые приносят пользу отечеству, всегда заслуживают их покровительство и защищение.

Я

Худо же ты их знаешь. Напротив твоего мнения, покровительство некоторых господ заслуживают только те, кои им угождают каким бы то ни было средством, позволенным или непозволенным. Защищение те, которые льстят их слабостям; выхваляют бесстыдно во глаза тех, коих внутренно почитают скотами; те, кои прославляют их добродетели, милосердие, кротость или кто к чему пристрастен; удивляются стройности их тела, хвалят телодвижения: и словом, те, кои других бесстыднее, а говорящие им истину и показывающие их слабости всегда бывают ненавидимы и обыкновенно слывут невежами, грубиянами и злонравными людьми. Теперь рассуждай, что тебе надобно писать, когда хочешь заслужить их покровительство.

Трутень

Так, по твоему мнению, в знатных господах нет ни единого добродетельного человека.

Я

Есть, только мало таких, которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их беднее, и что они в знатные возводятся достоинства для того только, чтобы больше могли делать благодеяний человечеству, помогать бедным и защищать утесняемых; а таких и очень мало, кои могут остерегаться ядотворного языка льстецов.

Трутень

Да ведь и знатные господа такие же, как и мы, человеки и, следовательно, тем же подвержены слабостям. Так как же ты хочешь, чтобы они не делали ни малейших погрешностей; дорога, по коей они идут, гораздо скольщае нашей, и, следовательно, чаще и претыкаются. По твоему мнению, знатный господин должен быть больше человека.

Я

Нет: я хочу, чтобы он был только человек, но человек, поелику отличен от прочих знатностию своего сана, потолику бы отличался и добродетелию; чтобы, восходя на степень знатности, не позабывал, что те бедные, от коих он отличен, осталися еще такими ж бедными и что они требуют его помощи, так же как и он сам требовал, в подобном находясь состоянии; чтобы не затворял своего слуха от просьбы бедных и тем не скучал, что он может делать добро, чтобы старался о благосостоянии государства больше, нежели о самом себе, и чтобы не откладывал того до завтра, что нынче может сделать, ради того, что нужда времени не терпит.

Трутень

Очень хорошо: ты хочешь, чтобы они пеклися о благосостоянии других, лишаяся своего; чтобы, других покоя, сами беспокоилися; короче сказать, памятуя других, себя позабывали: на таком основании кто пожелал бы знатного достоинства? сие бы преимущество лишало выгод жить для себя, и какая бы польза тогда была в знатном чине?

Я

Та, что они утешаться могут тем, что они возведены на такой степень, что могут делать другим добро, чем малочиновные и бедные люди утешаться не могут. Немалая ли это отличность, что он признан добродетельнейшим многих подобных ему человеков и могущим делать добро. Вот что прямо добродетельного человека утешать может.

Трутень

Так неужели думаешь ты, что все знатные господа похожи на описанных тобою? Ежели ты так думаешь, так очень много ошибаешься. Посмотри на О... П... Н... С... В... Ш... Б... В... Не считая прочих добродетельных господ, сии одни должны обратить тебя на другие мысли...

Я

Я не спорю, что сии господа, тобою наименованные, столько добродетельны, как ты сказываешь: но для чего не именуешь ты мне тех, кои, восходя на степень знатности, совсем забывают человечество; бывают горды, неправосудны, завистливы, пристрастны и множество других приобретают пороков вкупе со знатностию...

Трутень

Да разве малочиновные и бедные не имеют тех же пороков? Перестань, мой друг, винить одних знатных; все люди слабостям подвержены: но разница между ими та, что в бедных людях не так их проступки приметны, затем что знатный господин, на вышнем стоя степене, привлекает на себя всех внимание и от такого великого числа судей его поступок не может укрыться. Надеешься ли ты, ежели будешь знатным господином, ты, который в нынешнем твоем состоянии почитаешься добродетельным человеком, не иметь пороков, тобою ныне ненавидимых...

Я

Я не хочу и боюсь желать знатного чина для того, чтобы не лишиться спокойствия и человечества, коим ныне наслаждаюсь.

Трутень

Ты видишь, что я прав, утверждая, что во всяком звании есть много людей и добродетельных и порочных, и так первые заслуживают по справедливости похвалу, а другие критику, что̀ исполняя, не думаю, чтобы мое издание никому не нравилось и чтобы все меня за то злословили.

Я

Однакож многие тебя злословят и говорят, что ты злонравный человек, что ты никого не щадишь и что в твоем издании кроме ругательства ничего нет.

Трутень

На весь свет и сама не угодит природа, так можно ли мне надеяться, чтобы мое издание всем нравилось; довольно и того,

что оно некоторым нравится. Нет ничего, что бы не было подвержено критике. Пусть критикуют; однакож бы не ругали. Если ж и к тому найдутся охотники, так я и за то сердиться не буду.

Я

Тебя бранят только те, кои сами заслуживают брань, и ты сего опасаться не должен. Впрочем, мне бы хотелося с тобою поговорить о другом, но теперь я не могу долее с тобою пробыть.

Трутень

Мне и самому досадно, что разговор наш не тем кончится, чем бы я хотел.

Я

В другой раз мы с тобою поговорим побольше, а теперь прощай.

Трутень

Прости.

ЛИСТ XXXV. ДЕКАБРЯ 22 ДНЯ

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Славен под бременем к бессмертию ведущих дел пребывает неутомим, изливает бесчисленные благодеяния на всех, ему подчиненных; взирает не на состояние людей, но на заслуги: ему те любезны, кои других добродетельнее. Истина, добродетель и милосердие пребывают с ним неразлучны. Мыслит как философ и хочет, чтобы подвластные ему люди наслаждалися блаженством златого века: словом, он хочет, чтобы сии твари были человеки. Делам его удивляется весь свет, затем что другой, малейшее из многочисленных его великих дел соделав, почел бы себя достойным бессмертия: но он думает, что еще мало сделал для пользы человеков. Редкий дар делать бессмертные дела и думать, что еще мало сделал! Славен кротостию и милосердием все покорил себе сердца; ему надобно только желать, они все сделают, чтоб только ему угодить. Славен между важными делами читает и мои листы, но я не ведаю, что он о них думает: малейшую его похвалу почел бы я стократно больше похвал многих тысяч людей!

Зрелум хвалит хорошие сочинения, но оным не удивляется: ибо дуракам одним свойственно дивиться, а просвещенному

Зрелуму и подобным ему разумным людям ничто удивительно быть не может; следовательно, их похвала лестнее всех похвал несмысленных читателей.

Несмысл хвалит Трутня для того, что слышал, как его хвалили в двух или трех домах.

Завистлив хулит мой журнал; сие и не удивительно: ибо он все хулит, окроме своих сочинений.

Безрассуд поносит меня за то, что в моих листах изображено состояние крестьян; ему и хвалить меня нельзя для того, что строгостию своею, или, лучше сказать, зверством, больше других утесняет ему подчиненных рабов.

Нарцис бранит меня за то, что я написал его портрет, и говорит: «Я бы, может быть, его похвалил, если бы он отдал мне ту справедливость, которую я сам себе отдаю».

Зараза разумна, хороша, жива и весела; она читает мои листы и танцует.

Миловида, при пленяющей всех красоте, одарена острым разумом. Она часто смеется описанным в Трутне портретам, и ей он нравится.

Прелесте мои листы нравятся; а особливо те места, кои осмеивают женщин: сие доказывает, что она не делает того, что подвержено критике. Сия похвала лестна.

Перекраса говорит, что Трутень был бы несравненный журнал, если бы не трогал женщин: ибо, говорит она, женские слабости всегда извинительны.

Нелепа хвалит Трутня, а всего ей приятнее то, что он печатан со украшением.

Разумная Постана, читая мои листы, рассуждает здраво и беспристрастно судит; она хвалит то только, что заслуживает похвалу; и я сим доволен.

Роза читает листок Трутня и говорит с своим любовником: следовательно, читает и не понимает. Ей ни хвалить, ни хулить невозможно.

Нарциса читает мои листы, но рассуждать о них не имеет времени: ибо все ее мысли наполнены только ее красотою.

Ветрен хулит мой журнал затем, что все описания волокит и ветреных любовников берет на свой счет; а женские портреты ставит на счет своих любовниц.

Влюбчив хулит Трутня и говорит, что сей журнал самый вздорный и не достойный чтения. Он и действительно его не читает; а хулит для того только, что две его любовницы бранят сие издание.

Худой судья многое в Трутне хвалит: но не хвалит того, что написано на худых судей.

Силен, сказывают, рассуждает здраво, когда не пьян; но как всякий день винные пары отягчают его голову и затмевают рассудок, то ни хулы, ни похвалы от него вовеки не дождуся.

Чужемысл хвалит и хулит всегда по чужому мнению: со всеми соглашается; а противуречит только тем, о коих несправедливости его другие сильнее уверят. Он часто при чтении восхищается и тотчас, когда другие станут хулить, соглашается, что то худо; следовательно, он сам не чувствует. Ему все люди и все в свете вещи попеременно кажутся и добрыми и злыми. Чужемысл достоин сожаления потому, что лишен рассуждения. Но что ж делать? родитель, его воспитывая, не положил в него ни малого основания к рассуждениям, и он так возрос.

Своенрав иногда меня хвалит, а чаще бранит, затем что некоторые листы ему не нравятся: одни, говорит он, писаны очень вольно, а другие очень воздержно: словом, он почти всегда находит

написанное не так, как бы ему хотелося. Виноват ли я, когда не так, как Своенрав, думаю? ему не одни мои листы не нравятся: он иногда входит в политические дела и их критикует для того только, что не он их учредил. Своенраву многое не нравится, и он сам также многим не нравится.

Самолюб не дальнего разума, следовательно, и писать хорошо не может. Я ему читал свой журнал, он слушал, и лишь только я окончал, то начал мне рассказывать о своем сочинении: он наполнен о самом себе хорошими мыслями; следовательно, о других ему некогда и думать.

Высокопар наполнен воображением о своей превыспренней учености. Взирает с презрением на всех писателей; по его мнению, он только один достоин всеобщей похвалы, и что он давно уже заслужил бессмертную славу. Сие утверждают и все преданные ему животные, давшие клятвенное обещание превозносить до небес его пухлые сочинения. Высокопар хулит Трутня, не бравши в руки ни одного листа. Он со многими сочинениями так поступает: но что о нем и говорить? его невозможно исправить и вывесть из заблуждений. Он вовеки будет думать, что во всем пространном свете он один здраво рассуждает, имеет высокие мысли и пишет разумно и прекрасно.

Суевер златой век, в коем позволено всем мыслить, называет железным веком и утверждает, что сие означает скорое преставление света.

Лицемер много в моих листах находит хорошего, но жалеет, что напечатаны некоторые сочинения, по его мнению, противу закона и что тем только Трутень и обезображен.

ЛИСТ XXXVI. ДЕКАБРЯ 29 ДНЯ

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Вертопрах читает мои листы сидя перед туалетом. Он все книги почитает безделицами, не стоящими его внимания, как же ожидать мне, чтобы Трутень казался ему полезною книгою? однакож Трутень иногда заставлял его смеяться. Он его почитает забавною книгою и для того его и покупает. Вертопрах, повер-

тевши листки в руках, и которые заслужат его благоволение, те кладет он на туалет, а прочие употребляет на завивание волос. Если ж в котором покажется ему описан знакомого человека портрет, то такие листочки возит он с собою и рассказывает, что это на такого-то написано. Вертопрах сие делает для того, что любит насчет других посмеяться, и для того только и приклепывает; а издатель за сие страдает.

Жидомор утверждает, что Трутень очень хорош и что сия книга самая преполезная: но сожалеет о том, что дорого продается. Жидомор хочет подавать представление, чтобы для пользы народной Трутня раздавали безденежно. Он бы и сам не покупал моих листов, как они ему ни нравятся, если бы не нашел способа весь год читать только за четыре копейки. Жидомор сделал сие таким образом: первый лист купил и заплатил деньги, а в другую неделю, прочитав первый лист, принес к переплетчику тот лист назад и уверил его, что он ошибкою дал ему тот лист вместо второго, и так далее; сим способом читает все листы и денег не платит.

Злорад, читая мои листы, всегда меня ругает за то, что будто я одиножды списал его портрет и напечатал. Злорад сей, человек весьма злобный, не знает человечества, груб, жесток, горд пред своими подчиненными и низок до подлости пред начальниками своими. Он на всех злостию дышит и называет скотами помещиков, кои слуг своих и крестьян не считают скотами, но поступают с ними со всяким милосердием и кротостию; а я назову тех скотами, которые Злорада назовут человеком; ибо между им и скотом гораздо более сходства, нежели между скотом и крестьянином. По его мнению, и скоты и крестьяне равно сотворены для удовольствования наших страстей. Злорад и теперь еще меня бранить начинает: но пусть он бранит, меня это не трогает; я похвалы его не требую.

Скудоум читает мои листы с великою жадностию и удивляется остроте моего разума. Но что ж ему нравится? то, чего он не понимает или что и мне самому не нравится. Его похвалу я почитаю хулою. Господа читатели, вы знаете, много ли у нас таких благосклонных, как Скудоум, читателей.

Я бы мог еще десять листов наполнить описанием моих читателей, но сие оставляю; а скажу только то, сколько у меня читателей, столько и разных мнений о моем издании. И так может

ли многим людям, разные вкусы имеющим, угодить один человек? сие оставляю на ваше решение; в дополнение к сему скажу, что целые восемь месяцев слушал я похвалу и хулу весьма беспристрастно. Намерение мое при издании сего журнала было то, чтобы угодить вам, любезные читатели, сколько возможно. Если я в сем успел и сделал хотя некоторому из вас числу угодность, то довольно награжденным себя почту за труд мой. Мое самолюбие не так велико, чтобы сими безделками льстился заслужить бессмертную славу. Нет, я уверен, что сие оставлено к чести нашего века прославившимся в России писателям, г. Сумарокову и по нем г. Ломоносову: их сочинениям потомки наши удивляться будут. Притчи г. Сумарокова как ныне беспримерны, так и у потомков наших останутся неподражаемыми; а Трутень и прочие подобные же ему безделки ныне есть и впредь останутся безделками ж.

ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1770 год

Опасно наставленье строго,
Где зверства и безумства много.

Прит. *Г. Сумар.*

ЛИСТ I. ЯНВАРЯ 5 ДНЯ

В НОВЫЙ ГОД НОВОЕ СЧАСТИЕ

Присловица старинная, но и поныне у всех на языке. Все счастия ищут, редкие находят, а прочие сетуют. Всякий представляет его себе во особливом виде. Жидомор ищет оного в великом богатстве, Пышен в великолепии, Горд в раболепстве ему подчиненных, Влюбленой во своей любовнице, и проч.: я сообщу моим читателям несколько примеров.

Прост воспитан худо, но природа одарила его изрядным понятием. В юных летах он читал премножество любовных романов и набил ими свою голову. Прост влюблен и думает, что он счастливейший человек из всех смертных, ежели любовница его подобным же горит к нему пламенем. Всякая ласка, приятный взгляд его восхищают: словом, Прост все счастие полагает во своей любовнице. Сие счастие не может быть долговременно, и Прост, конечно, обманывается. Нынешняя любовь весьма далека от любви наших предков. Многие женщины нашего века не почитают преступлением одного любить и шестерых обманывать и говорят, что истинная любовь требует от любовника веры, или слепой доверенности, то есть видеть и быть слепу. Модные любовники так и поступают: они притворяются, будто во всем верят своим любовницам, хотя думают совсем противное. Они иногда попущают себя, так, как искусные министры, обманывать для того только, чтобы способнее изведывать обстоятельствы. Откуду произошло

основание сих правил, я не ведаю, но знаю только то, что от подобных происшествий вошло в обыкновение говорить, что женщины гораздо хитрее мужчин. Я оставляю господам читателям решить, тот ли хитрее, кто думает, что обманывает, и обманывается, или тот, который попущает себя обманывать и обманывает; а только то скажу, что Прост в городе счастлив не будет, пусть ищет он своего счастия в отдаленных от городов обиталищах.

Жидомор происшел от благородной крови, а имеет в себе кровь в тысячу раз подлее всех подлых крестьян, по мнению некоторых. Он был судьею в некотором нажиточном приказе в то время, когда грабительствы и взятки почиталися подарками; следовательно, разоряя многих, нажил он довольное имение и умножил бы оное, так, как и стон бедных и беспомощных людей, еще более, ежели бы сияющая во всю пространную Россию на престоле истина не извергла сего бездельника с места, определенного правосудию; его отрешили от оного: но он еще нашел способ утеснять сограждан своих. Начал беззаконно нажитые им деньги отдавать взаймы и собирать беззаконные проценты, поставляя свое счастие во умножении богатства, несмотря, что он не имеет ближних наследников и что сам он не проживает ни десятой доли получаемых ежегодно процентов. Словом, ежедневно прилагая беззаконие к беззаконию, часто жалуется на правление за то, что запрещено брать проценты выше указных. Жидомор счастие нашел, но беззаконно; следовательно, всякий честный человек оному завидовать не будет.

Пышен имеет великое богатство, но употребляет его весьма худо. Вместо вспоможения бедным и других христианских заповедей, требующих исполнения, покупает ежегодно премножество дорогих карет, имеет премножество лошадей, лакеев, экипажей и проч. Стол ежедневный у него бывает на 40 приборов, а садятся за стол по 15 человек. Пышен всем, что имеет, недоволен: он свое счастие полагает в том, чего иметь не может. Желание непозволенное и невозможное редко исполняется! Пышен для придания себе большей пышности хотел бы иметь богатство всего света. Сего счастия иметь он не может; а я ему желаю, чтобы он научился пользоваться тем, что имеет, он бы, конечно, был счастлив.

Сутяга непозволенными средствами при откупах и подрядах нажил довольное имение. Умирая за копейку, по всякий день умножает свое стяжание: но притом поминутно воздыхает и говорит, что он несчастлив, что детям его останется весьма мало, что он обижен и что все бездельники счастливы, а несчастлив только он один. Сутяга счастлив быть не может, затем что он, имея счастие в руках, не умеет им пользоваться.

Но можно ли исчислить все желания! всякий желает счастия по своим склонностям. Большая половина того желает, чего никогда получить не могут; они не будут счастливы. Наслаждаются

счастием только те, кои довольны тем, что они имеют; желания их ограничены. Они желают того, что нужно к их благоденствию, а не к удовольствованию их прихотей. Надобно желать, чтобы они были удовольствованы, например: Честен получает тысячу рублев годового дохода, проживает 750, а остальные употребляет в пользу бедных. Ежели Честен желает большего стяжания, то желает для того только, чтобы больше мог делати добра другим.

Наконец, следуя обыкновению, пожелаю я моим читателям в новый год счастия.

ВЕЛЬМОЖАМ

Будьте любимы вам подчиненными и простым народом. Располагайте свои поступки и дела так, чтобы они почитали вас предстателями в их нуждах и заступниками, а не считали бы вас тиранами, отъемлющими их благоденствие тогда, когда с престола истины щедроты на них реками изливаются. Будьте добродетельны, тогда вы бедных утеснять не помыслите: делайте им добро по должности всем без изъятия, а не по пристрастию, и пекитеся о благосостоянии их больше, нежели о своем. Не слушайте льстецов, они, обольщевая вас, пользуются вашими слабостями и силою вашею других утесняют, а утесняемые почитают то ударом руки вашея. Они вам говорят, что вы добродетельны. Лгут они сами за глаза, больше других поносят: сказывают, что все удивляются вашей щедроте, что вы не отказываете в их нуждах, они вас обманывают и называют дураками. Убегайте их, они яд, они желчь, наполняющий горестию сладкую вашу жизнь.

Будьте сами судиями своих поступок: весьте свои дела на весах беспристрастия, вы увидите, сколь они бесстыдны и сколько вы обманываетесь. Вот ваше счастие! Добродетельный человек вашего звания, конечно, назовет себя счастливым, если он сие исполняет; а исполнять вам сие нетрудно: ибо бедный человек и то в знатном добродетелию почитает, когда не делает он ему зла.

СРЕДОСТЕПЕННЫМ

Состояние ваше требует, чтобы вы были любимы и знатными людьми и бедными. Вы содержите между высокостепенными и низкостепенными средину; и так первым говорите всегда правду, без грубости; показывайте им погрешности их, отдавайте почтение их добродетелям, а не чинам, и справедливость их поступкам. Не поносите их за невинные проступки: ибо слабость свойственна человекам. Не льстите им никогда и чрез то не старайтесь входить в их милость: таковое счастие долговременно быть не может. Низкостепенным напоминайте их должности и поощряйте ко исполнению оных своим примером. Наконец, приуготовляя себя

к вышним степеням, приуготовляйте и добродетели, нужные сему состоянию. Весьте свои способности справедливо и потому желайте высших достоинств. Приучайте себя заранее сносить тягость знатной степени. Она блистательна снаружи и потому-то вас прельщает. Будьте искренны и с первыми и с последними. Наживайте друзей в настоящем звании, но таких, которые бы и по получении вами знатных достоинств необиновенно всегда говорили вам правду; чтобы они были столько добродетельны, чтобы вы могли от них заимствовать: если ж вы не сыщете таких, то не сыщете счастия, хотя и будете на вышнем степене: ибо знатный редко имеет верного друга.

МЕЩАНАМ

Желаю трудолюбия и праводушия.

БЕДНЫМ

Добродетелей, приличных их состоянию, и чтобы знатные их не угнетали: вот их счастие!

ПОСЕЛЯНАМ

Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети. Желаю вам сил телесных, здравия и трудолюбия. Имея сие, вы будете счастливы. А счастие ваше руководствует ко благосостоянию всего государства.

Наконец, пожелаю я и себе в новый год нового счастия. Чего ж я пожелаю? Г. читатель, отгадай. Я желаю, чтобы желание счастия моим согражданам было им угодно; чтобы издание мое принесло пользу и чтобы меня не ругали.

ЛИСТ VI. ФЕВРАЛЯ 9 ДНЯ

Г. издатель!

Не поверишь, радость, в какой ты у нас моде. Ужесть как все тебя хвалят, и все тобою довольны. Я сама много раз от московских наших щеголих слыхала, что тебе пред всеми дают преимущество; а я твоего Трутня ни на какие книги не променяю. После покойного старичка, моего батюшки, досталось мне книг очень много, только, по чести, я ни одной не беру в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью: об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги?—все Феофаны

*

да Кантемиры, Телемаки, Роллени, Летописцы и всякий эдакий вздор. Честью клянусь, что я, читая их, ни слова не разумела. Один раз развернула Феофана и хотела читать, но не было мочи: не поверишь, радость, какая сделалась *теснота в голове;*[1] а что принадлежит до твоего Трутня, то, по чести, я никогда не устаю его читая: ужесть как хорош! Теперь я все сказала, что надлежало до тебя: выслушай же, радость, и мою просьбу.

Батюшка покойник, скончавшись третьего года, избавил меня от ужасных хлопот и беспокойства. Ты удивишься, как я тебе скажу: у вас в Петербурге и в голову никому это не входило. Послушай, да не засмейся: уморишь, радость! я принуждена была смотреть за курами — ты хохочешь: потерпи, пожалуй — за курами, за гусями и деревенскими бабами—ха! ха! ха! Рассуди, радость, сносно ли благородной дворянке смотреть за эдакою подлостью. Я не к тому рождена: но батюшка мой, покойный старичок, все-таки на своем поставил. Он воспитал меня так худо, как хуже трудно и придумать. Я знала только, как и когда хлеб сеют; когда садят капусту, огурцы, свеклу, горох, бобы и все то, что нужно знать дураку приказчику, — ужасное знание! а того, что делает нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной приехала в Москву и увидела, что я была совершенная дура. Я не умела ни танцовать, ни одеваться и совсем не знала, что такое *мода.* Вот до какой глупости отцы, подобные моему, детей своих доводят! Поверишь ли, г. издатель? — мне стыдно тебе признаться: — я так была глупа, что по приезде только моем в Москву узнала, что я хороша, — рассуди теперь, как меня приняли московские щеголихи. Они с головы до ног меня засмеяли, и я три месяца принуждена была сидеть дома, чтобы только выучиться по моде одеваться. Ни день, ни ночь не давала я себе покоя, но, сидя перед туалетом, надевала карнеты, скидывала, опять надевала; разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налепливала мушки, училась различному употреблению опахала, смеялась, ходила, одевалась и, словом, в три месяца все то научилась делать по моде. Мне кажется, ты удивляешься, как могла я в такое короткое время всему, да еще сама, научиться? Я тебе это таинство открою, послушай: по счастию, попалась мне одна французская мадам, которых у нас в Москве довольно. Она еще до просьбы моей предложила мне свои услуги: рассказала мне, в каком я нахожусь невежестве и что она в состоянии из меня сделать самую модную щеголиху. Вот какое из нас французы делают превращение! из деревенской дуры в три месяца сделать модную щеголиху для человека невозможность, а французы делают. Какою благодарностью должны мы французам: они нас просвещают и оказывают свои услуги и тогда, когда их не требуем.

[1] Модное слово.

Лишь только вышла я из рук моей учительницы, то и показалася в собрание. На меня уже другими глазами смотрели: я познакомилась со многими девицами и науку мою совершенно выучила. Скоро после того услышала, что и меня называют модною щеголихою. Сколько я тогда радовалась! уморить ли тебя? — В тысячу раз больше, как радовался батюшка мой, получая в году тысячу четвертей хлеба с своего поместья. Тогда-то узнала я, что мы и с хлебом и с деньгами нашими без французов были бы дураки. Они еще дешево продают о нас свои попечения. Услыша лестное о себе мнение, не пропущала я тогда ни комедии, ни маскерадов, ни гульбищей: везде я поспевала. Ты, радость, можешь рассудить, что девка осьмнадцати лет, которая от всех слышит: *мила, как ангел!* тотчас наживет себе завистниц: со мною точно так и сделалось. Меня стали снова пересмехать; но уж из зависти, видя, что молодые мужчины толпами за мною бегают. На всю злость московских щеголих и ласки молодых мужчин смотрела я с холодностию. Многие молодчики в любви мне открывались: но я смеялась — я еще больше делала: сказать ли? — я дурачила их, сколько хотела, а они не сердились. Наконец попался мне молодчик, хорош, как ангел, умен, и притом щеголь. Он в меня влюбился до безумия; и я к нему почувствовала не знаю что-то отменное от прочих. Я восхищалась, видя его на маскерадах: он летал, как ветр, когда он танцовал; и везде, где я ни бывала, находила тут и его. Несколько времени было это мне приятно, а после безотвязностию своею он мне и наскучил. Я вознамерилася его позабыть: и слово свое сдержала. После сего молодчиков с десяток пробовали свое счастие: но я и с ними точно так же поступила.

Вот обстоятельствы, в которых я нахожуся. Дай, радость, мне хорошенький совет: так ли мне поступать, как начала, или и самой в кого-нибудь влюбиться. Пожалуй, ангел мой, напиши мне поскорее ответ, да не умори меня; я его с нетерпеливостию буду дожидаться; и прежде, пока его не получу, не скажу тебе, кто я такова. Мне хочется и тебя помучить. Прости, радость!

P. S. Ужесть как хочется, чтобы совет твой поспел к нашим маскерадам.

В Москве,
ноября 25 дня,
1769 года.

* * *

Государыня моя! я человек чистосердечный, и так не прогневайтесь, ежели скажу, что поступки ваши совсем мне не нравятся. Послушайте искреннего совета! оставьте их, они унижают вашу красоту. Начто прелестное ваше лицо: я разумею из письма вашего,

Начто его различными намазывать красками? Глаза ваши блистают, может быть, огнем: начто вы их коверкаете? — *мода* и тут замешалась! Еще вас прошу, оставьте сие не свойственное вам искусство: прекрасного не можно прекраснее сделать, но разве безобразнее: превеликую делаете вы честь своей учительнице! Если все они ту только делают пользу, так они совсем для нас не нужны. Оставьте все искусство и дайте в себе удивляться делам природы. Вы не захотите, может быть, следовать моему совету для того, что боитесь скуки: не опасайтесь, сударыня, г. сочинитель «Всякия всячины» обещался предписать вам упражнения; следуйте только им: вы скуки чувствовать не будете. Наконец, советую вам читать и хулимые вами книги, хотя изредка. Советую также побольше иметь почтения к памяти вашего родителя. Впрочем, за хорошее ваше о Трутне мнение я бы вас благодарил, если бы похвала сия была умеренна и справедлива; но вы предпочитаете моего Трутня таким славным сочинителям, у которых *недостоин я отрешить ремень сапог их;* и так от принятия сей похвалы прошу меня уволить.

ЛИСТ VIII. ФЕВРАЛЯ 23 ДНЯ

Г. издатель!

Я приметил, что все наши молодые дворяне, путешествующие в чужие земли, привозят только известия, как там одеваются, пространное делают описание всем увеселениям и позорищам того народа: но редкий из них знает, на какой конец путешествие предприниматься должно. Я почти ни от одного из них не слыхал, чтобы сделали они свои примечания на нравы того народа или на узаконения, на полезные учреждения и проч., делающее путешествие толико нужным. Мне это совсем не нравится: лучше совсем не ездить, нежели ездить без пользы, а еще паче и ко вреду своего отечества. Для сей-то самой причины вознамерился я путешествовать во своем отечестве, дабы прежде узнать обычаи своих единоземцев. Я недавно был в двух наших городах и сделал на оные примечания; если будут они вам угодны, то я к вам для напечатания их сообщу, а теперь ожидаю, как вы на то отзоветеся.

Ваш покорный слуга

Путешественник.

* * *

Г. Путешественник! если примечания ваши могут принести пользу читателям, то с удовольствием помещены будут в моих листах. Я ожидаю их с некоторою надеждою.

ЛИСТ XI. МАРТА 16 ДНЯ

Г. издатель Трутня!

Нет средства, чтоб не писать сатир на подьячих: сия тварь весьма несносна честным людям. Самое бездельное дело наделало мне множество хлопот: нужда мне была, чтоб в Москве в ***** подписали мою подорожную. Я, изготовясь совсем к отъезду, зашел туда, думая, что в четверть часа могу быть отправлен; однако весьма обманулся в своем чаянии. Пришед в коллегию, спросил, у кого такие дела: сторож, отставной солдат, бывший в походах при первом императоре, с почтенными усами и стриженою бородою, ввел меня в большую комнату, где все стены замараны чернилами и в которой навалено великое множество бумаг, столов и сундуков; подьячих оборванных и напудренных, то есть разного рода, человек 80. Многие из них драли друг друга за волосы, а прочие кричали и смеялись. Столь странное зрелище привело меня в удивление: я спрашивал, зачем тут такая драка, и насилу мог доведаться, что так наказывали приказных служителей за разные их несправности.

Дожидался я часа два, чтоб сии господа успокоились; после того подходил ко многим, дабы узнать, что мне делать. Насилу нашел дневального, у которого сии дела, он мне гордо сказал: «Подождите, не бывал дежурный». Я говорил: «Мне сказали, что это вы, сударь». Он засмеялся и сказал мне: «Я дневальный, это правда, однако дневальный и дежурный не все одно». Наконец после многих насмешек научили меня, что дневальный есть канцелярист, а дежурный регистратор: теперь я это знаю, а прежде не ведал ни об одном из сих животных. Дожидался дежурного, который сказал, что о сем-де надлежит учинить представление господам присутствующим, и как они соблаговолят. Дожидался и присутствующих и, ходя по разным мытарствам и слушая бесконечные *завтра*, обыкновенные ответы докучливым челобитчикам, с превеликим трудом получил милостивое решение, не могши без того обойтись, чтоб не заплатить за труды моим почтенным докладчикам.

Прости, г. И., я отправился в свой путь, сделав клятвенное обещание не входить ни за чем в места, определенные для правосудия.

Слуга ваш

N. N.

Из Москвы.
Февраля 9 дня,
1770 года.

ЛИСТ XII. МАРТА 23 ДНЯ

Господин издатель Трутня!

Я влюблена в ваш журнал: он мне ужесть как мил! разумеете ли вы меня?.. статься не может, чтоб вы не разумели, я об вас всегда лучше думаю: вы причиною, что я тружусь над сочинениями; а старание мое в том от того только происходит, чтобы войти к вам в любовь. Нет больше для меня удовольствия, как читать ваши листы. Поверишь ли, радость! сколько повстречалось мне того, что случилось незадолго пред концом нынешнего десятилетия. Всего больше приятны мне ваши *портреты:* представить себе не можешь, сколько иные похожи на людей, мне знакомых; я их при них читала: как же они бесились!.. и сколько я хохотала!.. Дорого бы я заплатила, чтобы все ваши листы наполнены были такими портретами и чтобы стихов в них совсем не было: стихи мне не нравятся; я не касаюсь чести господ сочинителей, не говорю, что они дурны; но похвалить их не могу, потому что я женщина: боюсь погрешить против справедливости. Как же жалки мне бедняжки мелкие стихомаратели! они карабкаются туда же, куда идут и славные стихотворцы. По грехам нашим они нынече расплодилися так, как в пустом саду крапива. Все называют крапиву корнем подьячих: но по справедливости и стихотворцев можно уподобить сей траве. Не дотрогивайся до крапивы, она обожжет: не серди стихотворца, он напишет сатиру. Эту тварь надобно всегда ласкать, как человека нужного, угождать, как человеку больному: а иногда и объявление их любви принимать без огорчения.

Признаюсь, радость, что я заслуживаю стихотворческую ненависть; но меня обнадеживает только то, что они обо мне не узнают, кто я такова; да пусть бы и узнали, пускай пишут, что угодно, я сама скажу им мои пороки. Я не скромна, ветрена, люблю все новые моды, страстна к театральным позорищам, а больше еще к маскарадам: и ужесть как ненавижу беседы; несносны они мне для того, что наши сестры переговорщицы только и делают, сошедшись вместе, что кого-нибудь пересуждают, несмотря, что они сами заслуживают осмеяние; а я этого терпеть не могу. Ненавижу также скупость, мотовство, зависть, карточные игры, ревнивых мужей, неверных жен, ветреных любовниц и любовников: ужесть как гадки мне все те, кои много о себе думают. Я знаю много таких людей, и они-то подали мне материю сочинить исторические картины: я написала сперва две, а теперь, радость, уже их у меня целые шесть написаны. Ты скажешь, можно бы в это время сочинить и больше: это правда; да подумай, ведь я женщина, так довольно, что я и столько могла сделать. Я не знаю, как и с теми показаться, посылаю и робею; боюсь, что с таким сочинением не понравлюсь — ужесть как это воображение меня мучит.

Я не могу себе представить, как я перенесу противный от вас отзыв: он мне всякого отказа страшняе... Ах! не умори меня! и не отыми надежду в молодой сочинительнице.

P. S. Нет сомнения, чтобы почерк женских рук вам не примелькался: но мой вы еще в первый раз теперь видите, так, может быть, чего и не разберете; об этом вас прошу прилежнее постараться: но не переправлять ничего, что, может быть, покажется вам нескладным; пусть эта погрешность останется на моей стороне.

КАРТИНА I

Сия картина изображает мужчину низкого происхождения, который нашел случай приплестись в родню знатной фамилии. На правой стороне видны все нажиточные места, вокруг которых он по милости своих родственников терся. На левой его кладовая, заваленная почти вся сундуками, шкапами и мешками с деньгами: он наполнил ее всякими непозволенными средствами, а именно грабил и захватывал насильно чужое добро, брал на сохранение и не отдавал назад; а паче всего нажил он то лихоимством. Тут еще изображается несколько вдов, сирот и беспомощных: они его просят с заплаканными глазами и с распростертыми руками; и кажется, что они все хотят вымолвить: «Помилуй, покажи правосудие!» Но он со спокойным видом всегда говорит им *завтре*. Над кладовою его надпись: «Сие добро посредством моего умишка мне бог дал». Живописец, писавший сию картину, не позабыл вдали изъяснить брошенные на пол изломанные весы, означающие правосудие и также истину поверженную.

КАРТИНА II

Представляется вдовушка лет двадцати — ужесть как недурна! наряд ее показывает довольно знающую свет, подле нее в пребогатом уборе сидит согнувшийся старик в виде любовника: он изображен отягченным подагрою, хирагрою, коликою, удушьем и, словом, всеми припадками, какие чувствуют старички при последнем издыхании. Спальна и кабинет сей вдовушки скрывают двух молодых ее любовников, которых она содержит на иждивении седого старика в должности помощников. Она делает это для облегчения старости своего возлюбленного.

КАРТИНА III

На оной означен Худосмысл, имеющий знатный чин, довольный достаток, не велик только ростом и не тонок, летами около шестидесят. На одной стороне означается его служба, где видно

с самых младых лет беспрерывное его за красным сукном заседание, под сим надпись: «Худой был человек, худой есть судья, и умрет еще худшим». На другой стороне картины означается приезд к нему гостей и вид внутренних его покоев: покои сии наполнены почти ломберными столами, за коими хозяин с гостями играет в карты, над ним надпись: «Не умом, да деньгами». Вдали от сего виден Худосмысл между своими служителями; один из них стоит перед ним с сердитым лицом, изображающим непослушание; другой скидает с него платье с пренебрежением; а поодаль сего означен вид управительских двух покоев; в них видно богатство, состоящее в сундуках с деньгами, в шкапах с серебряною посудою и столиках с фарфором, часами, табакерками и тому подобным. Надлежит заметить, что в покоях помещичьих ничего подобного сему не означено.

ИЗЪЯСНЕНИЕ

Худосмысл господин над людьми своими, а господа над ним его люди; всякий лакей смеет ему противуречить, отговаривать и доводить до того, чтобы он был всегда в их повелениях, только что они не секут его, да и он их сечь не смеет, а для сего подлый народ Худосмысла и называет: «То-то господин, то-то отец, люди у него как в раю живут!..» Только Худосмысл у людей своих живет как на каторге.

ЛИСТ XIII. МАРТА 30 ДНЯ

КАРТИНА IV

Маска представляет женщину тихую, добродетельную, показывающую жалость об всяком пришедшем в несчастие человеке. Чувствительность ее о бедных видна тем больше, что при слушании о несчастных катятся ручьями слезы у нее; а в прямом виде изображается эта женщина самолюбивою и сребролюбивою; ее окружают несколько человек в разных видах. Она на неимущих взирает гордо, а раболепствует ничего не значащим, будучи сама чиновна. К одной стороне надпись: «Сия женщина ко умножению своей славы всем бедным помогать берется, а не собою, да знатными, кои ей знакомы: она выпрашивает у них на дворянок неимущих платье и деньги, чего, однакож, никому никогда не отдает». А под сим видно, как она жалует тем бедным вместо выпрошенного платья свои ветхие обноски, ставя их в цену, а деньги дает им в долг и берет с них обязательство. Здесь означается, как она

запрещает накрепко тем бедным ходить в те домы, где она платье и деньги на них получила.[1]

КАРТИНА V

В худоубранном платье представлен мужчина, не имеющий никаких достоинств или такого, что бы притягало искать его дружбы, кроме что он человек. Тут сотовариществуют ему его знакомые и несколько домашних. Речь его к ним следующая: «Не могу от знакомств отбиться! они мне даже что в тягость! Все во мне ищут, все меня почитают, все ласкаются быть мне друзьями!.. А господин С... О! он для меня все сделает, что бы я ни сказал ему; он меня отменно любит»... Позади же сего видно, как сей высокомысл сам во всех ищет; а об нем все думают так мало, как не можно меньше.

КАРТИНА VI

Между множеством обоего пола людей видна женщина лет около пятидесят; однако не так дурна, чтоб за хорошие подарки какому щеголю не могла еще понравиться. Она окружающих ее женщин толкает прочь, сердится и от них отворачивается; а к мужчинам всякого сорту показывает ласку, дает им знак, чтоб они подошли к ней, и досадует, что они противятся. Позади ее двое мужчин, не худо одетых, на нее указывают. Вопрос одного: кто она такова? Ответ другого: Безумнова.

Ну, радость, вот сочинения моего картины; каковы они? скажи мне?.. Нет, не говори лучше ничего, ежели они дурны.

* * *

Госпожа Молодая сочинительница! боязнь ваша в рассуждении отсылки вашего письма ко мне была напрасная. Ваше сочинение так хорошо, что я бы желал таковые получать чаще; но, по несчастию моему, редко сие случается. Если вы будете ко мне и впредь подобные сему сообщать сочинения, то я вам буду весьма за то благодарен. Впрочем, я бы желал, чтобы вы к молодым стихотворцам имели побольше снисхождения. Наконец, должен я перед вами извиниться, что не совсем вашу просьбу исполнил. Несколько причин с моей стороны меня бы в том оправдали; но я о них умолчу: вы сами догадаетесь.

---

[1] По левую сторону сей картины оставлено место на другую половину истории, коя еще сочиняется.

Г. издатель!

Есть люди, которые говорят, что Трутень 1770 года нерадивее Трутня 1769. В прошлом годе он не только что издавал отборные пиесы, но и присылаемые к нему исправлял и своим хорошим вкусом и остроумием из худых писателей делал хороших авторов. А ныне все соболезнуют, все рыдают и вопиют: о плачевная премена! Трутень, славный Трутень! стал нерадив, не смотрит за наборщиками, лютыми врагами всех авторов. Они так портят письмена, попадшие к ним в руки, что читатель, потея и ломая свою голову, скорее ослепнет от неусыпного прилежания в изыскании смысла, нежели поймет мысль автора. А бедный автор, как чадолюбивый отец, терзается досадою и разрывает родительское сердце, взирая на безобразие своих трудов, любезных чад своих.

ЛИСТ XIV. АПРЕЛЯ 6 ДНЯ

Господин издатель Трутнев!

Я ужесть как на тебя зла: я табой взбешена, ах! радость, какой ты несносный человек; па чести етова я не вабражала, вазможнали, што тебя ништо не может удержать ат такой склонности, какая тебе не делает чести, ты мне кажешься пахожим в етам на женьщину; из наших сестер: неуймешь какетку от амуров, манерщицу от нарядов; а тебя от переправок чужих сочинений. Ето, радость, очень гадка! простила бы я твою переправку, когда бы ею сочинение мае было исправлено; а то позволь себе сказать: оно испорчено! ты, радость, невыразумел мысли живаписицы: она в первай картине изобразила толька нранырства подлова человека, какой, может, не выше секлетаря был, а ты ево пажаловал судьею. Другая испорченаж, да еще таки с милости. А в третей у ней представлен Худасмысл с надписью: каков был с молоду худой резолют в делах приказных, таков по ныне, такаву, видна, и умереть ему, што и есть пряма Худасмысл. А ты ево назвал: худым человекам и худым судьею; из чево разуметь можна: бессовеснова, грабителя и неправосуднова... Худасмысл правда что судья; да он толька ета имя на себе носит; а дела делает ево секлетарь и другие судьи таварищи. Ты, радасть, поумничал, да не к стате. А ином уж я и не гаворю: што из женскава слога сделал ты подьяческай, наставил ни к чему: обаче, иначе, дондеже, паче. Мы едаких речей ничуть не пишем, у мущин они в употреблении; а у женщин нет. А, я чаю, как в паследних трех картинах, так и падавно нечева ждать доброва, каких, я думаю, наставил ты там жучек в епанечках.

В етам письме нет прежней маей ласки; да кто виноват, ты своими перепра̀вками сделал ету во мне перемену. Уймись, радость! в пративном случае напишу я на тебя сатиру и буду жаловаться твоей прабабке.

* * *

Государыня моя, госпожа Молодая сочинительница!

Ежелибы получил я ваше письмо вчерась, то бы дошло у нас до превеликой ссоры. Вы чрезвычайно горячи, да и я также: сверх того, я взбешен был одною женщиною, так немудрено, ежели бы и вам сделал грубый ответ, чего по справедливости вы и достойны. Но нынче я весел, и ваше письмо попалося мне в добрый час, и так читайте следующий ответ.

Я, сударыня, не ведал, что вы самолюбивы, хотя и ведал из письма вашего, что вы женщина. Вы объявили себя молодою сочинительницею, и так за нужное почел малые ваши погрешности исправить. Вы жалуетесь, что я женский ваш слог испортил и сделал подьяческий. — Уведомьте меня, сударыня, что вы разумеете под словом *женский слог;* то ли, что женщинам и в писаниях погрешности прощать надлежит, или только то, что ваше письмо написано слогом женщины, неправильно говорящей и, с позволением вашим, свойств и правил русского языка не знающей. На то вам скажу: что вы, поразгорячась, сказали лишнее. Другое ваше письмо я издаю в печать точно так, как его получил. Наконец, сказываете, что я лишился вашей ласки. — Неудивительно, сударыня я знаю ваш пол. Есть между вами особливый род, называемый *кокетки:* они, сударыня, поминутно, — нет, не скажу. Вы, конечно, их сами знаете. Я опасаюсь, не из числа ли их и вы: ибо никто так скоро рассердиться не может, как *кокетка,* когда при ней другую женщину хвалить станут или скажут, что она не к лицу одета. И так, сударыня, ежели вы из числа их, то я, лишась вашей ласки, тужить о ней не стану. Окончание вашего письма состоит в угрозах, что вы, написав на меня сатиру, будете жаловаться моей прабабке, — но у меня ее нет; а если написать вам будет нужно, то сообщите ко мне, я ее, верно, напечатаю.

ЛИСТ XV. АПРЕЛЯ 13 ДНЯ

Господин Трутень!

Кой чорт! что тебе сделалося? ты совсем стал не тот; разве тебе наскучило, что мы тебя хвалили, и захотелося послушать, как станем бранить? так послушай. — Ну, да полно, шутки в сторону. Пожалуй скажи, для какой причины переменил ты прошлогодний свой план, чтобы издавать сатирические сочинения?

Ежели для того, как ты сам жаловался, что тебя бранили, так знай, что ты превеликую ошибку сделал. Послушай ныне: тебя не бранят, но говорят, что нынешний Трутень прошлогоднему не годится и в слуги; и что ты ныне так же бредишь, как и другие. Надобно знать, что хулы есть разные; одни происходят от зависти, а другие от истины; и так я советую лучше терпеть первые, нежели последние. Что тебе нужды смотреть на то, что говорят другие; знай только сам себя. Пожалуй, г. новый Трутень, преобразись в старого и будь любезным нашим увеселением; ты увидишь, что и тебе от того больше будет пользы: а то ведь, я чаю, ты бедненький останешься в накладе. Мне сказывал твой книгопродавец, что нынешнего года листов не покупают и в десятую долю против прежнего. Пожалуй послушайся меня и многих со мною; а буде не так, так прощай, Трутень, навсегда.

Тот, кто написал.

Апреля 6 дня,
1770 года.
В Санктпетербурге.

Господин издатель Трутня!

Мне кажется, что тебя избаловали похвалами; почему ты и вздумал, будто всякий вздор, да лишь бы напечатан был под заглавием Трутня, то примется читателями, равно как и хорошие сочинения, в нем напечатанные. Ежели ты так думаешь, так поверь,[1] что ты много ошибаешься. В прошлогоднем твоем Трутне большая часть сочинений были очень хороши, и им отдавали справедливость, например «Ведомости», «Портреты», «Рецепты»; твой Демокрит, некоторые пиески в стихах, также и многие письма в прозе, заключающие в себе сколько остроты и соли, столько хорошего вкуса, здравого рассуждения и чистоты русского языка. Нет нужды, и боже меня сохрани, чтобы я стала говорить, будто ты целил в них на известные тебе лица. Довольно того, что твои сатиры очень хороши. Я не скажу, чтобы совсем не было подобных прежним сочинениям и в нынешнем твоем Трутне; но скажу по чести, что они в нем так редки, как были редки в прошлогоднем худые. Этого, кажется, довольно, ты видишь, что я говорю искренно; и так не сомневаюсь, что ты воспользуешься моим советом и будешь в выборе пиес поразборчивее. Прости, г. издатель!

Услужница ваша
Не отгадаешь кто.

---

[1] Я не скажу *радость:* для того, что тебя ныне приличнее назвать *печалью;* ты, мой свет, очень достоин, чтобы хорошенько побранить тебя; но, однакож, я еще потерплю.

Господин издатель!

Давно хотелося мне с тобою познакомиться, но недосуги мои не допущали; а ныне привлекает к тому необходимость. Мне нужны твои советы. Пожалуй будь со мною откровенен; я малый, право, добрый, и со мною ужиться в согласии очень легко. А ты хотя и не совсем мне полюбился, однакож приметить я мог, что ты человек добрый. Много ты имеешь слабостей, да и я также; а может быть, еще и одинакие; как же быть, ведь мы человеки, часто случается, что делаешь то, чего бы и не хотел сделать: но оставим это. Я приступлю к делу. Я вознамерился в нынешнем году издавать «Модное ежемесячное сочипение» и посвятить его красавицам. Но прежде захотел спросить у тебя совета искреннего; ты уже другой год около этого промысла трешься, так, конечно, все узнал; и так пожалуй скажи мне, не хлопотно ли это и не надобно ли мне будет с кем-нибудь ссориться. Это меня пуще всего стращает: ибо я до ссор не охотник. Совет твой решит мое сомнение; а я буду либо настоящим издателем, или останусь только вашим слугою и будущим издателем «Модного сочинения».

* * *

Господин будущий издатель «Модного сочинения»!

Я вам не могу дать иного совета, как только, чтобы вы о будущем своем издании посоветовали сами с собою. Хлопот издателям довольно, и еще и заботы, а временем и убытка: но заглавие вашего издания от последнего вас, конечно, избавит; ссоры также бывают: впрочем, ежели вы такой добрый человек, то я бы хотел вас иметь своим товарищем; может быть, вы своим заглавием периодиские сочинения опять введете в моду у читателей.

ЛИСТ XVI. АПРЕЛЯ 20 ДНЯ

Господин издатель!

«Всякая всячина» простилась, «И то и сё» в ничто превратилось, «Адская почта» остановилась, а Трутню также пора лететь на огонек в кухню, чтоб подняться с пламенем сквозь трубу на воздух и занестись сам не знаю куда, только чтоб более людям не быть в тягость и не наскучить своими рассказами. Что за вздор! долго ли и впрямь читать одно да одно? все Трутня да Трутня! Сколько денежек ни выдавай, а другого не ожидай: как посмотришь на листок, так все заглавие одно носит имя. Что нужды до содержания, когда не разное именование; вы бы все, сколько вас ни было, старались лучше о выдумках, чтоб по крайней мере каждый месяц... Нет, долго, каждую неделю переменить именование

своего издания. Удивительно право, как вы по сие время еще не переняли поступки красавиц, которые бы вам хорошим образцом в таком случае служить могли. Представьте себе только, сколь тонок их вкус; они никогда не делают то, что с переменою не сопряжено: так как же такое бесконечное племя издания читать без скуки, которые свое звание не переменяют. Нет, я вам чистосердечно признаюсь, что я давно об них и слышать не хочу. Сперва я было таки листков с десяток без троякого прочитания не оставлял, да и во сне про них видал; а ныне ужесть как несносны, да и скучно об них ведать, что они в свете есть. Ну, прости, мне недосуг больше писать, пора мне ехать в ряды и купить... я сам не знаю что.

Ваш
покорный
слуга

Вертопрах.

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. АПРЕЛЯ 27 ДНЯ

Г. издатель Трутня!

Я и многие со мною имеем справедливую причину на тебя, да еще на г. издателя «Смеси» жаловаться. Вы своими шутками причиняете нам убыток: не подумайте, чтобы я жалел о тех деньгах, которые платил за ваши листы: боже меня сохрани от такой несправедливости! я всегда скажу, что мы за оные платили деньги с превеликим удовольствием, ибо получали от того пользу и увеселение. Выслушайте ж мою жалобу, она истинно справедлива: вы критиковали не знаю какого-то стихотворца: может быть, и весьма справедливо; да дело-то в том состоит, что вы его, как говорится, задели за живое. Он на вас разгневался, как раздраженный стихотворец, пылал яростию и желал отмстить свою обиду. По несчастию общему всех читателей, это случилося в то самое время, когда сей стихотворец издавал в печать книгу своего перевода. Тут-то он себя удовлетворил: ибо к книжке, состоящей менее трех листов, написал на четырех листах предисловие, в котором пространно утверждал, что критикующие люди злые, а критики их неосновательные; что они в силу указов дарованную вольность умам употребляют во зло, осмелясь критиковать человека, достоинствы свои совершенно знающего; что он те критики, яко неистояробеснующихся молодичей, малыми своими душевными добротами и слабоблещущими пылинками острого разума воспроизжелавших посверкать, соблаговоляет уничтожать и презирать и что он на них ни единого не будет ответствовать слова: но, забывшись, исписал целые четыре листа, наполня из предсердия его исходящим руга-

тельством, не позабыв притом прикрыть сие завесою благочиния. А все это почти за одно словцо: *рыгать*. Вам шутки, а нам убыток: ибо за двадцатипятикопеечную книжку принуждены мы платить по пятидесяти копеек. Словцо это показалось и в новом вашем Трутне, что все предвещает, что мы опять напрасный убыток нести будем; а книгопродавец без предисловия той книжки не продает. И так прошу вас, г. издатель, пожалуйте оставьте его в покое, не рыгайте новоизобретенными его нелепыми изречениями и тем не причиняйте нам убытка. О сем просит

покорный ваш слуга

Я в своем доме.

Москва,
1770 года,
в апреле месяце.

ПОЛЕМИКА НОВИКОВА С ЕКАТЕРИНОЙ II в 1769 г.

(Эпизод из истории русской общественной мысли)

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 1 МАЯ

52

Писатель письма от 26 марта 1769 года, подписанного *ваш покорнейший и усердный слуга А.*, узнал, что его письмо не будет напечатано. Мы советуем ему оное беречь до тех пор, пока не будет сделан лексикон всех слабостей человеческих и всех недостатков разных во свете государств. Тогда сие письмо может служить реестром ко вспоможению памяти сочинителю; а до тех пор просим господина А. сколько возможно упражняться во чтении книг таких, посредством которых мог бы он человеколюбие и кротость присовокупить ко прочим своим знаниям; ибо нам кажется, что любовь его ко ближнему более простирается на исправление, нежели на снисхождение и человеколюбие; а кто только видит пороки, не имев любви, тот неспособен подавать наставления другому. Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. Итак, просим господина А. впредь подобными присылками не трудиться; наш полет по земле, а не на воздухе, еще же менее до небеси: сверх того, мы не любим меланхоличных писем.

53

Государь мой!

Я весьма веселого нрава и много смеюсь; признаться должно, что часто смеюсь и пустому: насмешником же никогда не бывал. Я почитаю, что насмешки суть степень дурносердечия; я, напротив того, думаю, что имею сердце доброе и люблю род человеческий. Итак, не извольте ошибиться в моем нраве, когда говорю, что я смешлив; но выслушайте, чему я намнясь смеялся так, что и теперь еще бока болят. Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, воз-

мечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей легко то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, насилу приглядеть могли слабости, и слабости, весьма обыкновенные человечеству. Ибо все разумные люди признавать должны, что один бог только совершен; люди же смертные без слабостей никогда не были, не суть и не будут. Но ворчаливое самолюбие сего человека изливало желчь на все то, что его окружало. Для чего же? Для того, что он стыдился выговорить свои собственные огорчения: и так клал все насчет превратного будто света, которого, он сказывал, что ненавидит: да сие и приметить можно было из его речей. Один тут случившийся молодец удалый, долго слушая терпеливо и молча поношения смертных, наконец потерял терпение и сказал ему: государь мой, вы весьма ненавидите ближнего своего; тиран Калигула во своем сумасбродстве говаривал, что ему жаль, что весь род человеческий не имеет одной головы, дабы ее отрубить разом: не того ли и вы мнения? Наш рассказ сим вопросом был приведен во превеликий стыд и, чувствуя, что он страстьми своими был проведен к показанию толикой ненависти к людям, что подал причину вспомнить Калигулу, вскочил со стула, покраснел, потом пальцы грыз, бегая по комнате, напоследок выбежал и уехал, знатно от угрызения совести. А мы во весь вечер смеялись людской слабости. Но после размышляя о сем происшествии с большим примечанием, расстались, обещав друг другу: 1) никогда не называть слабости пороком; 2) хранить во всех случаях человеколюбие; 3) не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того 4) просить бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить дать ему место во «Всякой всячине». Я же есмь

ваш покорный слуга

Афиноген Перочинов.

P. S. Я хочу завтра предложить пятое правило, а именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ V. 26 МАЯ

5

Господин Трутень!

Второй ваш листок написан не по правилам вашей прабабки. Я сам того мнения, что слабости человеческие сожаления достойны; однакож не похвал, и никогда того не подумаю, чтоб на сей раз не покривила своею мыслию и душою госпожа ваша прабабка, дав знать на своей стр. 340, в разделении 52, что похвальнее снисходить порокам, нежели исправлять оные. Многие слабой совести

*

люди никогда не упоминают имя порока, не прибавив к оному человеколюбия. Они говорят, что слабости человекам обыкновенны и что должно оные прикрывать человеколюбием; следовательно, они порокам сшили из человеколюбия кафтан; но таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием. По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает; и ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится. Еще не понравилось мне первое правило упомянутой госпожи, то есть чтоб отнюдь не называть слабости пороком, будто Иоан и Иван не все одно. О слабости тела человеческого мы рассуждать не станем; ибо я не лекарь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гибкая в каждую сторону покривиться может. Да и я не знаю, что по мнению сей госпожи значит слабость. Ныне обыкновенно слабостию называется в кого-нибудь по уши влюбиться, то есть в чужую жену или дочь; а из сей мнимой слабости выходит: обесчестить дом, в который мы ходим, и поссорить мужа с женою или отца с детьми; и это будто не порок? Кои построжее меня о том при досуге рассуждают, назовут по справедливости оный беззаконием. Любить деньги есть та же слабость; почему слабому человеку простительно брать взятки и набогащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще привычка; однако пьяному можно жену и детей прибить до полусмерти и подраться с верным своим другом. Словом сказать, я как в слабости, так и в пороке не вижу ни добра, ни различия. Слабость и порок, по-моему, все одно; а беззаконие дело иное.

На конце своего листка ваша госпожа прабабка похваляет тех писателей, кои только угождать всем стараются; а вы сему правилу, не повинуясь криводушным приказным и некстати умствующему прокурору, не великое сделали угождение. Не хочу я вас побуждать, как делают прочие, к продолжению сего труда, нижѐ вас хвалить; зверок по кохтям виден. То только скажу, что из всего поколения вашей прабабки вы первый, к которому я пишу письмо. Может статься, скажут г. критики, что мне как Трутню с Трутнем иметь дело весьма сходно; но для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такою пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет. Я хотел было сие письмо послать к госпоже вашей прабабке; но она меланхолических писем читать не любит; а в сем письме, я думаю, она ничего такого не найдет, от чего бы у нее от смеха три дни бока болеть могли.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

9 мая, 1769 года.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 29 МАЯ

66

На ругательства, напечатанные в «Трутне» под пятым отделением, мы ответствовать не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потатчиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостьми. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывалися даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ VII. 9 ИЮНЯ

Издатель «Трутня» обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издалека и с улыбкою взирает он на брань «Всякия всячины», относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ЛИСТ VIII. 16 ИЮНЯ

12

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе «Трутня» ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист «Трутня» уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключаю моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист «Трутня» ответствовать не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то, кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравоучений. На то отвечаю: что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга
Правдулюбов.

6 июня, 1769 года.

13

Господин издатель!

Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится; чего ради я от доброго сердца хочу вам дать совет: в вашем «Трутне» печатаемые сочинения многими разумными и знающими людьми похваляются. Это хорошо: да то беда, что многие испорченные нравы и злые сердца имеющие люди принимают на себя осмеиваемые вами лица и критикуемые вами пороки берут на свой счет. Это бы и не худо: ибо зеркало для того и делается, чтобы смотрящиеся в него видели свои недостатки и оные исправляли. И то зеркало почитается лучшим, которое вернее показывает лицо смотрящегося. Но дело-то в том состоит, что в вашем зеркале, названном «Трутень», видят себя и многие знатные бояре. И хотя вы в предисловии своем и дали знать, что будете сообщать не свои, но присылаемые к вам сочинения; однакож злостию напоившие свои сердца люди ставят это на ваш счет. Вот что худо-то! Мне очень будет прискорбно, ежели кто на вас за то будет досадовать; а каково иметь дело с худыми людьми и знатными боярами, я уже искусился. Я доживаю шестой десяток лет и во всю мою жизнь имел несчастие тягаться с большими боярами, угнетавшими истину, правосудие, честь, добродетель и человечество. О г. издатель! сколько я от них претерпел! Смело сказать можно, что лучше иметь дело с лютым тигром, нежели с сильным злым человеком; тот со всем своим зверством и лютостию отнимает только жизнь, а последний оной не отнимает: но, отнимая душевное спокойствие и крепость, приводит дух во изнеможение так, что иногда подосадуешь за то, на что написано: *не ревнуй лукавнующим, нижѐ завидуй творящим беззаконие.* Но полно, ныне таких бояр немного. Жаль, что надобно солгать, ежели сказать, что их совсем нет. Что ж делать! *В семье не без урода.* Надобно и за то благодарить бога, что их немного. Вместо старых есть ныне из молодых господ такие, которые, важных не имея дел, упражняются в безделицах и пред малочиновными людьми показывают себя великими министрами в малых делах, не достойных ни чина их, ни имени, употребляя притом непростительные уклончивости, ласкательства, потачки и непозволенные хитрости; а все это для какой ни на есть безделицы или по слепому повиновению своим страстям и пристрастию к какой-либо вещи. Надобно желать, чтобы они способны были к важным государственным делам и прилежны ко исполнению оных так, как к малым, тогда бы они принесли превеликую пользу обществу. Намнясь при мне один такой придворный не господин, да еще господчик, говорил о вашем «Трутне» весьма пристрастно; надлежит сказать, что он имеет доброе сердце, но некоторая слабость им очень сильно владеет, почему он говорит и делает только то, что связано с выгодами его слабости. Сей господ-

чик говорил следующее: «Не в свои-де этот автор садится сани. Он-де зачинает писать сатиры на придворных господ, знатных бояр, дам, судей именитых и на всех. Такая-де смелость не что иное есть, как дерзновение. Полно-де, его недавно отпряла «Всякая всячина» очень хорошо: да это еще ничего, в старые времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русского владения; но нынче-де дали волю писать и пересмехать знатных и за такие сатиры не наказывают. Ведь-де знатный господин не простой дворянин; что на нем то же взыскивать, что и на простолюдимах. Кто-де не имеет почтения и подобострастия к знатным особам, тот уже худой слуга. Знать, что-де он не слыхивал, что были на Руси сатирики и не в его пору, но и тем рога посломали; а это-де одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные пиесы. Нынче-де знают и малые робята этот счет, что дважды два будет верно четыре; а сверх того в его-де сатирах ни соли, ни вкуса не находят. Гораздо бы было лучше, ежели бы-де он обирал около себя и писал сказочки или что-нибудь посмешнее, так, как другие писатели журналов делают; так бы такое сочинение всем нравилось, и больше бы покупали, так бы-де и ему больше было прибыли; а от этого журнала наверное-де он не разбогатеет». Итак, г. издатель, совет вам даю следующий: не слушайте сего господчика, не обирайте около себя вздоров и не печатайте; нам они и так уже наскучили. И публика не такой худой имеет вкус, чтобы худое больше хорошего хвалила: но, следуя благоразумию, продолжайте печатать такие пиесы, какие мы по сие время в «Трутне» читали; но только остерегайтесь наводить свое зеркало на лица знатных бояр и боярынь. Пишите сатиры на дворян, на мещан, на приказных, на судей, совесть свою продавших, и на всех порочных людей; осмеивайте худые обычаи городских и деревенских жителей; истребляйте закоренелые предрассуждения и угнетайте слабости и пороки, да только не в знатных: тогда в сатирах ваших и соли находить будут больше. Здесь аглинской соли употребление знают немногие; так употребляйте в ваши сатиры русскую соль, к ней уже привыкли. И это будет приятнее для тех, которые соленого есть не любят. Я слыхал следующие рассуждения: в положительном степене, или в маленьком человеке *воровство* есть преступление противу законов; в увеличивающем, то есть среднем степене, или средостепенном человеке *воровство* есть порок; а в превосходительном степене, или человеке по вернейшим математическим новым исчислениям *воровство* не что иное, как слабость. Хотя бы и не так надлежало: ибо кто имеет превосходительный чин, тот должен иметь и превосходительный ум, и превосходительные знания, и превосходительное просвещение: следовательно, и преступление такого человека должно быть превосходительное, а превосходительные по своим

делам и награждение и наказание должны получать превосходительное. Но полно, ведь вы знаете, что не всегда так делается, как говорится! Письмо мое оканчиваю искренним желанием успеха в вашем труде и чтобы мой совет принес вам пользу; а издание ваше всем знатным господам чтобы так нравилось, как нравится оно семерым знатным боярам, которых я знаю. Сии господа читать сатиры великие охотники и, читая оные, никогда не краснеют, для того что никогда не делают того, от чего, читая сатиры, краснеть должно. В прочем с удовольствием всегда есмь

к вашим услугам готовый
Чистосердов.

Там, где я нахожусь.
Июня 6 дня, 1769 года.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 5 ИЮНЯ

Мы примечаем, что сей год отменное число слов свету предъявляет. Мы боимся, не мы ли к тому подали пример или причину. Но, однако, как бы то ни было, не можем оставить, чтоб нашим корреспондентам вообще не дати знать, что ни от чего не должно столько остерегаться, когда имеешь в виду угодить публике сочинением, как от словохотия. Ибо не всегда та резвость ума, коя заставила писать и коею веселится сочинитель, нравится публике. Сие также нам самим будет служити правилом.

69

Сей раз я намерение взял сделать сильную вылазку противу лжи и лгунов.

Я весьма почитаю аглинский язык, для того что на оном сильная брань есть сказать кому: лжешь.

Не помню на сей час, в которой земле сделан закон, по которому лжецам прокалывают язык горячим железом.

У меня живет татарин, который не таков строг. Он говорит, что он только бы желал, чтоб позволено было за всякую ложь плевати в рожу или обмарати грязью того, кто лжет, и чтоб заплеванному запрещено было обтереться до захождения солнца, а там бы уже ему сделано было умеренное наказание домашнее по мере числа его лжей. Скажут, что сие наказание невежливо и нечистоплотно. Но он подтверждает, что оно по естеству преступления; ибо ложь есть осквернение души. Сколько же заплеванных рож было бы, если бы мой татарин был законодавец! оставляю судити читателю. Я всегда великое имел отвращение ото лживых, или, лучше сказать, ото лжей. Я помню, что с ребячества, бывало, ни об чем я так не плакивал, как когда узнаю, что ложью кто меня обманул. Итак, думаю, что во мне ненависть ко лже врождена.

Сей порок лучшие качества изуродывает, когда он с ними соединен в каком ни есть человеке. Мне случилося видети людей, кои помалу привыкли к сему подлому неистовству. Они сначала или из шутки, или для хвастовства давали волю своему воображению, потом, твердя и твердя, сами себя уверили, что их сказки заподлинно состоялись; а потом так лыгали, что уже часто на себя то всклепывали, что им самим могло вред учинить: но привыкши одиножды верить своим словам, а не действительным обстоятельствам и правде, они никакими доказательствами не могли быть выведены из своего заблуждения. Похожи несколько на таких людей в сем и охотники. Спросите у них, не случалося ли кому из них одному стоять со своими собаками тогда, как заяц покажется в опушке? охотниково воображение, быв занято желаемым предметом, не обманывало ли его так, что ему казалося, будто бы серая сука, коя и не возрилась, угоняла зайца, а муругий кобель будто отскакивал его от острова, хотя то сей прометался? Ввечеру же, приехав домой, за ужином он всего того с обыкновенным, охотникам тогда свойственным, красноречием не рассказывал ли сперва товарищам, слегка сумневаяся притом, чтоб оному совершенно поверили? а наконец, повторяя оные рассказы, не доходил ли иногда и до того, что уже ему и самому за истину казаться стали? Сей самим собою так обманутый после, конечно, будет с жаром и со клятвою в том, что ему привиделось, уверяти всякого, кто при затверженном сем его рассказе хотя о малом чем усумнится. Подобное и со прочими лжецами бывает. Здесь мне кажется у места прописать то, что недавно о сем случилося мне читать. Ложь состоит в том, если кто добровольно изъясняется словами или действиями не по истине, но противу оныя или для делания зла, или для оправдания себя от какого ни на есть неистовства тогда, когда тот, с кем говорится, имеет прáво знать наши мысли или действия. Во всех же случаях ложь есть действие бесчестное: оно означает слабую и подлую душу и порочное умоначертание.

Всякий раз, когда долг кого обязывает открывати свои мысли другому, не можно, не сделав себя виновным во преступлении, закрыть истины. Одним словом, ложь всегда мерзостна.

Из сего не выходит такое заключение, чтобы все то говорить должно было, что на мысль ни приходит. Благоразумие должно управляти произношением слов; но слова произносимые должны быть сходны с истиною.

Скажут, может быть, на сие, что иная ложь ко спасению. Но я скажу вам в ответ сказочку.

Вельможа один приговорил ко смерти одного своего невольника, который, не видя уже надежды ко спасению своего живота, зачал бранить и проклинать вельможу. Сей, не разумея языка невольнича, спросил у около стоящих своих домашних: что невольник говорит? Один вызвался, говоря: государь, сей бессчастный сказывает, что рай приуготовлен для тех, кои уменьшают свой гнев и прощают преступления. Вельможа простил невольника. Другой из ближних его вскричал: непристойно лгать перед его сиятельством, и, поверняся к лицу вельможи, сказал: сей преступник вас проклинает великими клятвами; мой товарищ вам объявил ложь непростительную. Вельможа ответствовал: статься может; но его ложь есть человеколюбивее,

нежели твоя правда; ибо он искал спасти человека, а ты стараешься двух погубить. Мне кажется, вельможе надлежало прибавить: да не солжет же впредь мне никто; ибо подобных примеров в тысяче случаев насилу найдешь один.

19 ИЮНЯ

74

Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потаенно поносити человека. У меня сердце ноет всякий раз, когда вижу такое лукавое умоначертание, совокупленное со нравом веселым и насмешливым. Суровое и невежливое сердце никогда довольнее не бывает, как когда оно оскорбит какую ни есть особу; или когда ему удастся поссорить ближних родственников; или когда может целый род выставити в свет для насмешки тогда, когда оно само скрывается и всячески стережется, чтоб поступок его не узнали. Если с умом и с лукавствием человек склонен к порокам, то он бывает вреднейшая тварь, коя может находиться во гражданском обществе. Его ругательные стрелы тогда упадают на тех, кои бы более всего достойны были пощады. Добродетели, хорошие качества и все то, что заслуживает похвалу и почтение, сделаются у него случаем к насмешкам и язвительным шуткам. Нет возможности исчислити вреды, происходящие от сих ударов, из темноты пущенных. Правда, что сих прегрешений сравнять нельзя с разбоем и с убийством: однако множество есть людей, кои бы охотнее лишилися знатного числа имения своего, нежели быть предметом всякого поношения и ругательства острого или и глупого, будучи безвинны. И тут не должно судить о мере поношения по воображению того, кто оное произносил, но по воображению того, на кого оное излиялося. Человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения. Ибо он подвергается добровольно равной заплате для того, что все родилися по человечеству с равными правами. Если же он по светским установлениям вышней степени да имеет с подчиненными такое непростительное обхождение, то пророчу я ему ненависть и непочтение ото всех. Кто никого не любит, тому равная плата. Кто никого не почитает, того все уничтожают. Во всяком человеке врожденно желать себе от других уважения. Уважайте друг друга, уважаемы будете. Закройте уши ваши от людей, кои вас ищут веселить насчет ближнего вашего. Были бы вы на месте того ближнего, а не на вашем, то бы сии подлые души его на ваш счет веселили.

3 ИЮЛЯ

81

Из письма, писанного к господину сочинителю «Трутня» от Тихона Добросоветова, а к нам по несыскании его присланного для напечатания чрез его приятеля, не подписавшего имени, мы здесь только издаем во свет

правило, в оном предписанное всем сочинителям, которое гласит тако: *Добросердечный сочинитель, во всех намерениях, поступках и делах которого блистает красота души добродетельного и непорочного человека, изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества; но располагая свои другим наставления, поставляет пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывает твердого блюстителя веры и закона, хвалит сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображает миролюбивого гражданина, искреннего друга, верного хранителя тайны и данного слова; присовокупляет к тому пользы, из того проистекающие, и сладкое сие удовольствие, какое чувствует хранящий добродетель в том, что ни раскаяние, ни угрызение совести в сердце таковаго человека места не имеют. Вот славный способ исправляти слабости человеческие! При чтении таковаго сочинения каждый чувствует внутреннее восхищение, прилепляется к добродетели, не имея ни к себе, ни к сочинителю отвращения; сам без обличителя охуждает пороки, которым следовал от безрассудности. Злонравного же человека есть предмет изо всего составляти ближним поношение, к порокам их присовокупляти свои собственные, бранити всех и услаждаться, других уязвляя.*

Мы и сами сему правилу будем стараться последовать и других к тому, почитая оное весьма справедливым, приглашаем. Что же касается до остального содержания того письма, то или писатель оного, или приятель его могут к господину сочинителю «Трутня» итти, который, думаем, укажет, где его найти можно, и поступит с оным по своему произволению.

10 ИЮЛЯ

86

Господин писатель!

Напишите что-нибудь в наставление тем матерям и бабкам, кои детей и внучат, начинающих лишь только говорить, учат, чтоб отцов и других людей бранили; и когда младенцы от неразумия своего сие делают, то матери тем чрезвычайно веселятся. Из листков ваших не приметил я, чтоб вы нисходящему роду своему, теперь уже до пятого колена простирающемуся, такое преподавали где-либо учение, однако некоторые из пишущих и издающих недельные сочинения показывают в сем ремесле удивительные успехи и нас оными забавляти стараются, не ведая того, что благоразумный человек и в детях сию шалость с крайним слышит сожалением; кольми паче негодовать он должен на сочинителей, в храм вечности и славы продирающихся, видя вместо полезных поучений рассеваемые ими и примером их одобряемые такие плевелы.

Ваш покорный слуга

Герасим Курилов.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XIV. 28 ИЮЛЯ

22

Господин издатель!

Пламя войны и между сочинителями возгорелось. Вооружились колкими своими перьями г. писатели; вашему «Трутню» в прошедший вторник немалое было бомбардирование. «Всякая всячина» добрый вытерпела залп, «Адскую почту» атаковала какая-то неизвестная партия. Что касается до моих бесов, то я на оных наступающего уверить могу, что ему их бояться никакой причины нет, когда он человек честный; ибо добродетельного человека не только мои бесы, но и весь настоящий ад добродетели лишить не может. Я бы сему их неприятелю советовал истребить из мыслей то суеверие, которое, как он сам пишет, от младолетства при нем обитает; и когда он о делах по свойству их, а не по названию рассуждать захочет, то, может статься, имя бесов не столько ему будет противно.

Что касается до пасквиля, который был прислан некоторым писателем для напечатания, который ему назад отослан и который носится по многим рукам, то я оный, если когда-нибудь явится в свет, с прочими сего рода сочинениями предаю на суд публике, которую я считая за судью справедливого, потому что читатель обыкновенно меньше бывает пристрастен, нежели писец, уверен, что клевета от истины весьма справедливо будет отделена и останется при своем хозяине. Известно всем, что и между сочинителями бывают люди разных свойств; есть писатели благородные, достаточные и нищие; последние, будучи разумом весьма скудны, всего алкают и злятся на тех, кои рассудком достаточнее их. Я не только имена сих известных мне моих клеветников здесь умалчиваю, но и нижѐ какими-либо околичностями публике их лица означивать буду: ибо я намерен только доказать мою справедливость, а не бранить публично других.

Ни одно почти разумное сочинение не было без критики. Ювенала критиковал Повзаний ткач, Горация Витрувиев архитектор, сочинителя Телемака разбранил Фаидит, который был у Собиса лакеем; однако Телемак навеки будет Телемаком; а Фаидит писателем презренным, как о нем писал славный Рамзей, которого нижеозначенные о Фаидите слова[1] весьма приличны и моим злобным критикам.

---

[1] Рамзей, известный в учености муж, о Фаидитовой критике написал следующее: On n'y trouve par tout que mauvaise foi, la profonde ignorance de l'auteur, critiques fausses, injures grossières, fades plaisanteries, chicanes

Я с моей стороны уверяю публику, что не буду впредь оную беспокоить ответами на ругательства, злобою на меня устремляемые, зная, что сего рода писателям чем-нибудь надобно наполнить свои листки; я же с людьми сей шерсти не только перебраниваться, но и какое-нибудь иметь с ними дело почитаю за стыд.

Покорный слуга
Б. К.

* * *

Господин Б. К.

Бомбардирование, сделанное в прошедший вторник моему «Трутню», мне не страшно; да уповаю, что и г. Всякой всячине сделанный залп никакого вреда не причинит: ибо в сию против нас войну ополчилося невежество. В письме господина Д. П., напечатанном в «И то и сё», написано, что госпожа Всякая всячина выжила из ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказал, что гораздо славняе дожившему с пользою и с рассудком до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться без ума. Но сей глубокой древности во «Всякой всячине» никто еще не приметил. Что ж касается до моего «Трутня», в котором, по мнению господина Д. П., ничего нет, кроме язвительных браней, ругательства, и что во оном в наивысочайшем степене блистает невежество, на то скажу: пусть «И то и сё» похваляется господином Д. П. и подобными ему; меня это не прельщает потому, что мое желание стремится заслужить внимание беспристрастных и разумных читателей.

ЛИСТ XV. 4 АВГУСТА

24

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На последнее мое к тебе письмо с лишком год дожидался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюся, откуда

---

pueriles et on eût pu dire à l'auteur ce que l'illustre m. Rousseau à un homme de pareille trempe:

— — — Et nouvel Erostrate.
A prix d'honneur tu veux te faire un nom.

То есть: в сем сочинении ничего найти не можно, кроме лжи, величайшего невежества авторова, несправедливых критик, грубых обид, подлых насмешек и ребяческих привязок, так что можно о сем писателе сказать то, что написал славный Руссо о некотором писателе ж сего рода:

— — — То новый Еростраг.
Бесчестием своим быть хочешь всем известным.

взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду; да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаяся в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты, под присмотром горячо любившего тебя родителя, жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал; а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наша братья старики завидовали и удивлялися твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч.: и не только мы, простолюдимы, но и священный левитский чин тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправляти мог службу! Куда это все девалося! Всеконечно создатель наш за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному дияволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет, аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели. Ежели то правда, что я о тебе слышал? Сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный услаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из тех книг? Вере ли несомненной? без нея же человек спасен быти не может? Любве ли к богу и ближним? ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных, судил на мзде; и короче сказать, грешил, и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов; но не погасил любве к богу, исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видимая, всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших: о ты, всесильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего диявола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих, посли от высоты престола твоего спутницу твою и святыя истины премуд-

рость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов; ибо я и все домашние мои во весь год, окроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле; а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет эдемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: *за взятки надлежит наказывать, надлежит исправлять слабости, чтобы не родилися из них пороки и преступления*. Ведаете ли вы, несмысленные; ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взятков*. Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость?* Разве думаете, что вы сотворены не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земли, гордитеся несвойственною сложению вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюся, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, разверзшися, не пожрет во свое недро, стыдяся, что таких в свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек! и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость! Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься; оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать*. Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедывают добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божии неиспытанны, и как познавать вам небес-

ное, когда не понимаете и земного? Помни только то, *что земля еси и в землю отыдеши*. На что тебе учитися речениям иностранным; язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти; но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона; они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но, чтобы совратить с пути истинного и не знающих чужеземских изречений, вы такие книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют К****. Безрассудные! читая такие книги, стремитеся вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения: из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра страха божия осталась. Какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак, в последние тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда; а петербургские свои шашни все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни: итак, делай сие дело скоряе и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьею и моим по смерти достойным наследником. Исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения; проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню; а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба, на земли поживши по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня; ведь я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь дядя твой ****.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 28 АВГУСТА

108

Господин сочинитель.

Случалося мне слышать от одной части моих сограждан изречение такое: правосудия нет. Сие родило во мне любопытство узнать, отчего бы такий вред к нам вкрался? и справедливы ли жалобы о неправосудии? наипаче

тогда, когда всякий честный согражданин признаться должен, что, может быть, никогда и нигде какое бы то ни было правление не имело более попечения о своих подданных, как ныне царствующая над нами монархиня имеет о нас, в чем ей, сколько нам известно и из самых опытов доказывается, стараются подражать и главные правительства вообще. Мы все сомневаться не можем, что ей, великой государыне, приятно правосудие, что она сама справедлива и что желает в самом деле видети справедливость и правосудие в действии во всей ее обширной области. О том многие изданные манифесты свидетельствуют, а наипаче «Наказ» Комиссии уложения, где упомянуто в 520 отделении, что никакий народ не может процветать, если не есть справедлив. Где же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудия нет? Станем искать. 1. В законах ли? 2. В судьях ли? 3. В нас ли самих?

Законы у нас запутаны; о том сумнения нет. Сию неудобность мы имеем вообще со всею Европою: но пред ней имеем мы выгоду ту, что ее величеством созвана вся нация для составления нового проекта узаконений; следовательно, питаемся надеждою о поправлении тогда, когда Европа вся не видит конца конфузии. А между тем, пока новые законы поспеют, будем жить, как отцы наши жили, с тем барышом противу них, что мы ощущаем более от вышней власти человеколюбия, нежели они. Но я скажу и то, что справедливостью распутывать можно и весьма запутанные, да и самые противуречащие законы. Итак, неправосудие не в самих законах.

Судии у нас, как и везде, всякие. У нас их определяют обыкновенно из военнослужащих или из приказных людей без великого знания. Во многих европейских землях, а наипаче во Франции покупают за деньги судейские места друг у друга, как товар. Итак, у кого есть деньги, тот судья, хотя бы он никакого знания не имел. Почему в сем случае наши обычаи не много разнствуют от обычаев других народов нашего шара. Но врождена ли справедливость во всех судьях так, чтоб могла наградить недостаток знаний? того никак утвердить не можно. Следовательно, жалоба на неправосудие отчасти падает на судей и на нравы.

Что же касается до третьего моего предложения: неправосудие не в нас ли самих? На сие ответствую, что во всяком деле одна сторона права, а другая неправа. Если неправую сторону обвинят судьи, то оная кричит и шумит о неправосудии, и стало, сама несправедливо судит. Да как ей и не таковой быть? Она из четырех следующих в одном положении: 1) или проведена страстию, 2) или стряпчим, 3) или ябедою, 4) или надеялась, авось-либо удастся. И так стало, что всегда половина тяжущихся суть недовольны судьями правосуднейшими для того, что сами они не суть справедливы. Если б были справедливы, то дела несправедливого не начинали бы; ибо начинание несправедливого дела уже само собою есть неправда. Не всякому дано себя самого и свои поступки судить без пощады, так, как бы он судил поступки ближнего своего. Но желательно бы было, чтоб мы всегда свои дела судили сами по истине: и тогда бы ябеда и прихоти исчезли; следовательно, меньше бы жалоб было на неправосудие. Прямая же жалоба на неправосудие только та может быть, когда справедливая сторона осуждена. Но чтоб подобных дел много могло проходити сквозь строгое рассматривание трех апелляций

и в присутствии тяжущихся, тому верить не можно. Ибо немного таких людей, которые бы захотели лихо творити в лице почти целого света и оставить на бумаге писаные свидетельства своего плутовства, за которое подобные им получили возмездие по достоинству своему. Однако сие доказательство слабо. Но долг наш как христиан и как сограждан велит имети поверенность и почтение к установленным для нашего блага правительствам и не поносить их такими поступками и несправедливыми жалобами, коих, право, я еще не видал, чтоб с умысла случались. Впрочем, я не судия и век не буду, а рассудил за нужное сие к вам написать для того, что некоторые дурные шмели на сих днях нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест. Но наконец я догадался, для чего они так жужжат. Промотались, и не осталось у них окроме прихотей, на которые по справедливости следует отказ. Они, чувствуя, что иного ожидать им нечего, уже наперед зачали кричать о неправосудии и поносили людей таких, у коих, судя по одним качествам души, они недостойны разрешити ремень сапогов их. Колико же нравы вообще требуют исправления, о том всякому отдаю испытание на совесть. Не замай всяк спросить сам у себя, более ли он вчерась или сего дни сделал справедливых или несправедливых заключений? Изо всего сказанного выходит, что нигде больше несправедливости и неправосудия нет, как в нас самих. Любезные сограждане! перестанем быти злыми, не будем имети причины жаловаться на неправосудие.

Напечатайте сие письмо, если вам угодно будет.

Патрикий Правдомыслов.

Я сбираюся прислати к вам еще письмецо со описанием прихотей наших.

21 АВГУСТА

103

Некогда читал некто следующую повесть. У моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неутолимая их жажда и жадность ко новизнам. Обыкновенно задача к тому дается одним словом или действием, а в каждом доме к одному или другому прибавляют свои рассуждения.

Если бы сие любопытство было хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который любит новизну, для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего еще не знает.

Все приключения записаны в истории; и которых читатель не знал, те суть для него новизны не менее полезны, как известие, что такий-то ездит в такий-то дом; или что такая-то была пребезмерно нарумянена в последней комедии; или что она шить намерена новое платье; или во что стала карета; или что во Франции ныне носят то и то в противность прежних обыкновений сего легкомысленного народа: не говоря о поношении многих добрых людей;

4*

с чем иногда новизн любители и составители таскаются из дома в дом, что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего в великом множестве наши листы охотно покупают. Хотите ли оную знать? Боюся сказать, прогневаетесь. Одно любопытство и новизна вас к сему поощряет.

Ему пришло на ум еще новенькое. Со временем составлять он хочет ведомости, в которых все новизны напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш. Например.

В Казанской венчали на сей неделе двенадцать свадеб; такий-то женился на такой; за ней приданого столько; барская барыня в собольей шапке еще ходит; девок ее зовут так и так.

К такой-то вдове недавно зачал ездить такий-то: о чем соседи в размышлении находятся.

К такому оброк привезли из деревни; но как он очень мотает, то сего не на долго станет: о чем весьма сожалеют те, кои к нему ездят обедать.

Соседка его купила попугая, но кошка его съела: о чем хозяйка скорбит. И прочая, и прочая, и прочая.

Чрез сие он надеется удовольствовати тех доброхотных людей, кои более пекутся о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те известия, кои шепчут на ухо, употребить хочет он печать самую мелкую, дабы без очков читать оных не можно было; чтоб только одним старушкам сии откровения делать, знав, что их обыкновенная осторожность не допустит до распространения сих слухов; а наипаче молодым не положат они на ум того, что до них не следует.

Сведав сие, мы думали, что нам бы непростительно было утаить сие важное известие от наших читателей.

104

Господин наставник!

По причине полезных наставлений, которые в ваших листах часто читаю, пришло мне на мысль назвать вас теперь сим именем. Я не думаю, что наставления в том только и состоят, когда какий писец бранит и поносит все, что он ни найдет худого. Пускай кто хочет, смеется чрезвычайно или улыбается таинственно, когда удастся ему подозревать, что такий-то кусок (так я перевел в сем случае французское слово pièce) на кого-нибудь из знаемых ему целит. Ваши наставления совсем другим вкусом писаны; не едко, но приклонительно, не с бранью, но с ласканием и ободрением. Хотя кто и свою погрешность в них сыщет, однакож не себя. Я бы очень желал читать во «Всякой всячине» наставление и для тех, кои, не зная, не ведая Омира, Пиндара, Софокла, Виргилия и прочих изящных писателей, с презрением об них раздобаривают. Напротив же того подобало бы им и тех почитать, кои столь счастливы, что читать сих удивляющих толь многие веки творцов могут и читают, кольми паче которые и наизусть их учат. Ибо и в России, как во всей Европе, уже самым делом сбылось, наверное, кажется мне, положить

можно, что таким же, а не иным образом, то есть чрез прилежное древних греческих, латинских и им подобных новейших образцов чтение и подражание надлежит распространиться наукам. Еще прошу вас, сделайте увещание, чтоб никто, не рассудя или и не имея сил столько, чтоб рассудить, о чем какое сочинение писано, не толковал оного на свой счет и не клепал бы, что его характер, сиречь умоначертание, описано там, где об нем и не думано, да и думать о том, как еще о небылице, в то время, когда оное сочинение гораздо пред тем писано, не можно было. Если же кто и впрямь такое дурное имеет умоначертание, какое тем или иным сочинителем вообще похулено, посоветуйте такому лучше исправлять порок свой, нежели увеличивать оный прибавлением к тому и других пороков. А то обоих сих родов люди не постыдятся; первые всегда пышно восклицать о себе: *и мы яблока плывем;* вторые гневаться на тех, кои задолго прежде рождения их писали. Я же, сожалея о их злом роке, есмь навсегда

вашим усердным слугою

Галактион Какореков.

Месяца Липца 20 числа
в самое куроглашение.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XX. 8 СЕНТЯБРЯ

33

Г. издатель!

Некогда читал некто следующую повесть: у некоторых моих сограждан, говорит сочинитель, нет ни одной такой склонности, коя бы более притягала мое удивление, как неограниченное их самолюбие. Обыкновенный к тому повод бывает невежество и ласкательство.

Если бы сие самолюбие было ограничено и хорошо управляемо, оно бы могло быть очень полезно для тех, кои теперь оным обеспокоены.

Для чего человек, который заражен самолюбием? для чего, говорит сочинитель, не берет он книги в руки? Он бы тут много увидел, чего ласкатели никогда ему не говорят.

Все самолюбивые много раз и многими были во книгах осмеяны; самолюбивый, конечно, их не читает затем, что он с приятностию привык слушати льстецов, бесстыдно во глаза его похваляющих. Если бы сей человек, если бы вздумал такие новости читать, то бы сие для него гораздо было полезнее, как мнения, что такий-то не так пишет, как он; или что такая-то безмерно в последней комедии хвалила то, что ему не нравится, или что она намерена шить платье, коего покроя он терпеть не может; или что многие хвалят те сочинения, кои несогласны с его умоначертанием, или что осмеливаются тогда писать, когда он пишет; или, наконец, что все

то худо, что не по его и ему не нравится. Такий самолюбивый угнетает разум и обезнадеживает всех, чем-нибудь быть надеющихся. Его умоначертание наполнено самим только собою: он не видит ни в ком ни дарований, ни способностей. Он хочет, чтобы все его хвалили и делали бы только то, что он повелевает; другим похвалу терпеть он не может, думая, что сие от него неправедно отъемлется, и для того требует, чтобы все были ласкатели и, таскаяся из дома в дом, ему похвалы возглашали, что, однако, есть грех.

Читав сие, понял он причину, для чего сперва тысячами некоторые листы охотно покупали. Хотите ли оную узнать? Боюся сказати, прогневаются: одно желание посмеяться самолюбию авторскому к сему поощряло.

Ему пришло на ум еще новенькое, со временем составить он хочет книгу, всякий вздор, в которой все странные приключения напишет всего города, и надеется получить от того великий барыш: например.

Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавил все пироги, данные некоторой простодушной старушке в подаяние; такий-то всякий день бранится со своими соседами за колодязь; такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко; тот-то насмешник подсмеял одну женщину, велев ей для усыпления читать сочинения такого мужа, который за полезные переводы заслужил от всех похвалу и благодарность, и что от той насмешки весь город хохотал целую неделю насчет насмешника.

Эдакий-то в досаду мусе Фалий не перестает марать и перемарывать свои комедии и непостижимыми своими умоначертаниями отягощать актеров.

Тот показывает, якобы он единоначальный наставник молодых людей и всемирный возглашатель добродетели: но из-под сего смиренного покрова кусает всех лишше Кервера.

Этот перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя» и, называя их произведением своего умоначертания, восклицает: *и мы яблока плывем*, и прочая, и прочая, и прочая.

Чрез сие он надеется удовольствовати всех читателей, показывая себя таким доброхотным человеком, кой более печется о поступках и делах ближнего, нежели о своих собственных. На все же те куски (pièce), кои шептать бы только на ухо должно, употребить хочет он печать самую крупную, дабы и без очков читать оные можно было; а паче, чтоб сии откровения угодность делали старушкам, знав, что их обыкновенная говорливость скорее распространит сии слухи; а наипаче молодым людям положат они на ум то, чего бы знать им не надлежало и что до них не следует.

Сведав сие, я думал, что мне непростительно было утаить сие важное от вас, г. издатель, известие и от ваших читателей.

Слуга ваш ....

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 11 СЕНТЯБРЯ

111

Нельзя на всех угодить

Воистину удивительная вещь! Есть люди, кои бранят наше сочинение. Но как неволи нет читать оное, то просим покинуть. А если продолжать и за сим чтение и брань, то уже известно будет, для чего бранят. Здесь объявляется: знатно, где ни на есть нашли себя описанных; а как сами себе непрелестны показалися, то вздумали отомстить нам ругательством. Но сие не льнет; ибо лишь бы мы не ошиблись во правилах нравоучения, все прочее для нас не важно. Если же бы в сих мы имели несчастье обмануться, то бы мы имели причину просити прощения у тех, коих бы мы своими правилами провели. Скажут, что не мы правила выдумали. О сем и спора нет. Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает: легко узнать оные можно: осмеливаемся сказати, что почти все переводы, здесь внесенные, слабее настоящих сочинений. Не смеем же ласкать себя, чтобы тот, кто более нас поносит, нам завидовал. Если же паче чаяния оно так, то сие нам немалую честь делает, хотя бы сам ругатель в том и не признался. Но как бы то ни было, мы отдаемся на беспристрастное рассуждение публики, не беспокоясь нимало о разных об нас бреднях и показав тем самим, в каком холодная кровь выигрыше бывает над кипящею: и для того продолжаем со всегдашнею беспрерывною охотою.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ XXV. 13 ОКТЯБРЯ

55

Г. издатель!

Я уверен, что вы ненавистник пороков и порочных и что вы не следуете мнению утверждающих, что порочного на лицо критиковать не надлежит, но вообще порок; да и то издалека и слегка. Я не ведаю, какой они от таких дальных околичностей ожидают пользы. Известно, что признание во своих слабостях и пороках самому себе делают весьма немногие: кто сам себе признается во своих проступках, тот ежели не совсем исправляется, так по малой мере борется со своими страстями, и тому, по мнению моему, потребны наставления, а не критика. Другие, кои больше самолюбивы и ослеплены страстями, критику, на общий порок писанную слегка, от его действий весьма удаленную, тотчас совращают на лицо другого; такой тогда еще более ищет причин удалить оную от себя, нежели как критик, его пороки критикующий, искал от его лица удалиться. В таком случае обыкновенно много помогают ласкатели: ибо ежели бы кто стал критиковать поступки

знатного господина, тогда ласкатели, бесстыдно предупреждая его признание, тотчас сыщут невинное лицо, на которое совратят критику. Невинный тогда страждет, а порочный насмехается своим пороком в лице другого. Вот все, чего от таких критик ожидать надлежит. Правда, что и ваше правило в рассуждении критики от ласкателей мало помогает. Но тут страждет критик, если увидят, что критикованное лицо точно те имеет пороки, тогда хотя и признаются, но утверждая, что критик весьма злобный человек. Впрочем, мое мнение весьма с вашим согласно, что критика на лицо больше подействует, нежели как бы она писана на общий порок. Например: я много раз видал, что когда представляют на театре «Скупого», тогда почти всякий скупой старик в театр смотреть ездит. Для чего же? для того, что он думает тогда о каком ни на есть другом скупяге; а себя наверное тогда не вспомнит. Когда представляют «Лихоимца», тогда кажется, что не все скупые на Кащея смотреть будут. Меня никто не уверит и в том, чтобы Молиеров Гарпагон писан был на общий порок. Всякая критика, писанная на лицо, по прошествии многих лет обращается в критику на общий порок, осмеянный по справедливости Кащей со временем будет общий подлинник всех лихоимцев. Я утверждаю, что критика, писанная на лицо, но так, чтобы не всем была открыта, больше может исправить порочного. В противном же случае, если лицо так будет означено, что все читатели его узнают, тогда порочный не исправится, но к прежним порокам прибавит и еще новый, то есть злобу. Критика на лицо без имени, удаленная поелику возможно и потребно, производит в порочном раскаяние; он тогда увидит свой порок и, думая, что о том все уже известны, непременно будет терзаем стыдом и начнет исправляться. Я вам скажу на это пример. Один молоденький писец читал много книг и, следовательно, видел, что худых писцов не хвалят. Но, однакож, ему пришла охота к писанию, он сочинил пиесу, ее начали хвалить; хотя и видели его недостатки, но на первый случай хотели его теми похвалами ободрить, надеяся, что ежели он хорошенько вникнет, тогда и сам свои недостатки увидит. Другие поступили с ним искренняе. Они объявили ему его погрешности и недостатки: но он похвалы почитал от истины происходящими, а критику от злобы и зависти. Ободренный писец и поощренный ко продолжению своих трудов скоро начал себя ровнять со славными писателями, а потом и вечной похвалы достойных авторов начал ругать. Друзья его остерегали многократно, но он утверждал, что они ошибаются. После начали его критиковать на общее лицо. Говорили ему, что ежели в сочинении случатся эдакие погрешности, так это порок: он на то соглашался, но в своих сочинениях тех погрешностей не видал и не исправился. Он не переставал себя хвалить, а других ругать, до того времени, как показалися на него другие критики: не мог

уже он ошибиться, что те на него были писаны. Он спрашивал у друзей своих, правильны ли критики, на него писанные, и так ли он худо пишет, как те утверждают? Они признались, что весьма правильно. Его это тронуло. Он перестал писать и ежели не совсем исправился, так по крайней мере исправляется. Ибо он начал признаваться, что он и сам ведал, что пишет он худо. Но надеяся когда-нибудь исправиться, в том упражнялся. Но как скоро приметил, что он не успевает, так скоро и перестал писать. Что он писал по одной только охоте и что он никогда не думал, что это его métier.[1] Вот вам пример, ежели станут утверждать, что сей писец от тех критик не исправится, о том я спорить не буду, но и не поверю, чтобы он исправился общею критикою. Наконец сообщаю вам, г. издатель, описание бессовестного поступка одного чиновного человека с купцом. Пусть увидят, достоин ли он критики, и пусть скажут, что он бы общею критикою на бездельников исправился.

Пролаз, человек чиновный и не последний мот, был должен одному честному купцу по векселю. Срок пришел. Купец требовал денег, а Пролаз не отдавал, надеяся, что купец по знакомству с его приятелями просить на него не будет. Купец по многократном хождении наконец вознамерился вексель отдать в протест и по нем взыскивать. Но Пролаз нашел способ с ним разделаться без платы денег. Случилося им быть вместе в гостях, купец подпил, и Пролаз не упустил его поразгорячить, что он ему денег не отдаст и что ежели он будет и просить на него, так ничего не сыщет. Купец после сего Пролаза выбранил; а Пролаз, ничего ему не отвечая, сказал: *милости прошу прислушать*, и на другой день подал челобитную. Наконец вместо бесчестия взял обратно свой вексель с надписью, что по оному деньги получены, да для наступившей зимы супруге своей не худой на шубу мех. Пролаз долгом поквитался, а купец за то, что плута назвал бездельником, потерял свои деньги.

Пожалуйте, г. издатель, поместите мое письмо в ваших листах. Вы одолжите тем вашего слугу

Правдулюбова.

56

Г. издатель!

При нынешнем рекрутском наборе, по причине запрещения чинить продажу крестьян в рекруты и с земли до окончания набора, показалося новоизобретенное плутовство. Помещики,

[1] Métier, по-русски ремесло, и тут вымолвлено тем писцом ошибкою, но такую ошибку, кажется, можно простить: ибо не весьма легко человеку, равнявшемуся со славными авторами и весьма самолюбивому, признаваться, что он пишет худо.

забывшие честь и совесть, с помощию ябеды выдумали следующее: продавец, согласясь с покупщиком, велит ему на себя бить челом в завладении дач; а сей, имев несколько хождения по тому делу, наконец подаст обще с истцом мировую челобитную, уступая в иск того человека, которого он продал в рекруты.

Г. издатель! вот новый род плутовства, пожалуйте напишите ко отвращению сего зла средство.

Ваш слуга
П. С.

Москва, 1769 года,
октября 8 дня.

* * *

ЭТО НЕ МОЕ ДЕЛО.

«ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА». 15 ДЕКАБРЯ

148

С прискорбием рассуждаю о гордости некоторых людей. Сие есть начало непристойных поступок, дурных стихов, витиеватого письма, которые смело выставляют обществу. Хотят слыть во своем доме или в городе разумными, и чтоб того достигнуть, нет дурачеств, коих не делают. Когда дурачества сделаны, тогда оные подкрепляют поношением других и поклепанием; теряют милосердие, как и рассуждение; и упадают из пропасти в пропасть так, как из смеха достойного поступка в другий такий же переходят, и погубляют душу, подвергаяся насмешкам. Ах, брате! для чего не могу обратити тя, сделать тебя умеренным и воздержным, как ты долг имеешь быть, и спасти тя от насмешек сего света и от погибели будущего? Сие я сказал, вышедши недавно из одного дома, где я находился не один. Тут видел я людей, коих с их позволения здесь опишу для общия пользы. Один из них рта не раскрывал, чтоб себя не хвалил, а других не бранил. Правду сказать, сие он смешивал с остротою, коя однако, я ему объявляю, не может нравиться всем тем, кои чувствуют, что он тешит ум на счет и с ущербом добросердечия. Человек, который для показания остроты не жалеет матери, жены, сестер, братьев, друзей, каков бы умен ни был, достоин уничижения честных людей; ибо он нарушает добронравие и все должности. Что б же он ни говорил или сочинял на стихах или в прозе, из двух будет одно: или везде проглянет его дурное сердце, или все его сочинения будут полны противуречий; местами будут слабы, а местами с огнем. Отгадать же легко можно, что слабые места будут все те, где добросердечие и добродетели должны блистать; а наполненные жаром будут те, где острота со злостию место иметь могут. Сверх того, такое несчастное сложение, наполненное злостию и злословием, при свободности языка и с острыми выражениями вред великий нанести может молодым людям; ибо иный, на то прельстяся, старается перенять, а другий угнетается, не быв сложением толь

дерзостен и имев с добрым сердцем дарования к полезным сочинениям, не осмелится дать воли своему здравому рассудку, который, однако, гораздо превосходнее у смысленных людей почитается блистающего и безрассудного ума, дурного сердца и злостного языка. Любезный читатель, хочешь ли знать, кого описываю? Вот он, говоря о сем или читая сие, сердится.

Другого я нашел тут, которого гордость столь обуздала, что он уверен был, что все то есть правда неоспоримая, что ему на ум ни придет. По несчастию же, как его голова была очень тесна, то часто великие нелепости поселялися в его смысле: и тогда уже он лучше любил изрыть всю вивлиофику неистовств и невежеств прежних веков для сыскания доказательства, нежели признаться, что он ошибся. Но хотя труд его виден был, однако как предлог оказался без основания, то и доказательства ни к чему не служили, как ко утверждению слушателей во мнении, что гордость одна прямая сему твердому поступку причина; что еще более подкрепляла горячность, с которою всякое противуречие им принято было. Подобным людям причина есть жалеть, что введенная вежливость отняла у них род сильных доказательств, выходящий из употребления, а у невежливых бывший в обыкновении, кулаков вместо слов, дабы быть победителем над соперниками.

149

Из приведенных вышепомянутых примечаний нашел я нижеследующие достойными имети здесь место.

Есть род горячки, которая в прежние времена была смертоносна; потом она час от часа менее была опасностям подвержена. Ни вись по причине той, что врачи выучились лучше ее лечить, или оттого, что кровь чище стала с прочими в жизни переменами, кои мы у себя видели с 1700 года, то есть чрез шестьдесят девять лет. Новейший образ лечения, который с большою пользою употребляют лучшие доктора в сей болезни, состоит ныне в неуважении оной и в неупотреблении никаких лекарств, так, что ныне смеются больным. Сия болезнь подвержена следующим припадкам. Человек сначала зачинает чувствовать скуку и грусть, иногда от праздности, а иногда и от читания книг: зачнет жаловаться на все, что его окружает, а наконец и на всю вселенную. Как дойдет до сей степени, то уже болезнь возьмет всю свою силу и верх над рассудком. Больной вздумает строить замки на воздухе, все люди не так делают, и само правительство, как бы радетельно ни старалось, ничем не угождает. Они одни по их мыслям в состоянии подавать совет и все учреждать к лучшему.

Иногда несколько их съезжалося вместе, но сие прежде сего весьма прибавляло им опасности. Тут было что слушать: чего они не выдумывали для общей пользы? Иный, быв воспитан в набожестве, хотел учредити при каждой церкви в государстве богодельню, позабывая, что столько нищих найти трудно бы было, а если б сыскались, иждивений казны на то одно не стало бы. Иный по добросердечию хотел удовольствовати всех просителей, позабыв, что во всех тяжебных делах есть истец и ответчик и что столько же бывает прихотей,

как действительных нужд. Иный жаловался, что правосудия нет; ибо несколько ябедников нашел, коим удачи не было. Иный хотел убавить роскошь, однако сам не отпускал от себя ни единого излишнего служителя. Иные пеняли на скачку в городе, держав сами великое число бегунов. Иные хотели учредить безопасность в столице и на больших дорогах, но с тем, чтоб они ни единой копейки не платили полицейской должности и починка бы дорог на них не спрашивалась. Иные скучали, что не заключают оборонительного союза с китайцами. Но где все бредни сея болезни описать? одним словом, сии больные беспрестанно упражняются распоряжением всего на таком же твердом основании. Но упомянуть должно, что женщины имеют те же припадки; и они их далее распространяют так, как всякую вещь, коя им в руки попадается. Одна вздумала одиножды, что окроме ее у всех умы расстроились; погодя всем милости обещала и распоряжала чужим имением на словах, как будто бы своим, твердя часто слова евангельские: приидите ко мне все труждающиися и обремененныи, и аз упокою вы. Потом, отъезжая из одного места в другое, сказывала знакомым и незнакомым: увидите, как пойдет все навынторот; я в целости все содержала; только мочи не стало; я все покинула. Потом сделалась хожатым вместо разных аки правых особ и для лучшего объяснения дел, где надлежало, зачала весьма невежливою бранью негоциацию вместо покровительствуемых ею. Но везде приняли брань за брань, а недомогающую за больную. Другая так отягощена была сею же скорбию, что не могла уже почти вставать с одра; но, лежа, вздыхала о колобродствах нынешнего света, похваляя и оплакивая прежние драгоценные обычаи, говоря между прочим, что они были во многом чувствительнее нынешних. Печаливалась же она о сухощавых и сама похудела, видя жир других; не могши делать рассказами и обенякам и ни добра, ни вреда никому, отомщала всем одною, однако, бреднею. В ней болезнь уже заматерела. Третья получила сей род горячки от долгов. Сия весьма хулила все то, что не служило ко оплате оных. Четвертая, имея домашние неудовольствия, вздумала, что весь свет имеет таковые же, и для того ворчала от утра до вечера, и ничто ей не мило было. Сия слушателям была очень скучна. Пятая имела при сих припадках жажду необычайную, а выпивши чарку, другую, умноживалися в ней мысли черного цвета; но точно нельзя было узнать, в чем неудовольствия ее состояли; ибо ни в чем недостатка она не имела, окроме того, что иногда языком немела.

«ТРУТЕНЬ». ЛИСТ VI. 9 ФЕВРАЛЯ 1770 г.

Письмо г. Правдулюбова напечатано не будет. Оно задевает «Всякую всячину» и критикует господина сочинителя за то, что от критики свободно. В том же письме г. Правдулюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену; нападает также своею критикою на некоторую переводную в стихах поэму и проч. Я сообщаю г. Правдулюбову, что подобных сему писем и впредь печатать не буду.

ЛИСТ XV. 13 АПРЕЛЯ

48

Подобных сим я получил еще четыре письма; в коих во всех приносится, инде с ласкою, а инде с бранью, на меня жалоба; мне же самому. Говорят: меня избаловали похвалами. Прошлогодний «Трутень» хорош, нынешний дурен, гадок... Господа читатели! господа читатели, остановитесь хоть на минуту! За что вы на меня гневаетесь? прошлого года кричали вы, что в моем издании, кроме ругательства и брани, подлых мыслей и проч., ничего нет, [1] и за то меня бранили; браните и ныне за то, для чего нет в нынешнем издании подобных прежним сочинениям. Милостивые государи! скажите ж мне, кто из вас говорит правду и кого я должен слушать? Если правы последние, так за что меня бранили первые? Если ж правы первые, то не стыдно ли бранить меня последним? Я знал и прежде, что на всех угодить невозможно, а ныне узнал то опытом над самим собою.

Итак, господа читатели, не прикажете ли сказать, что прошлогодний «Трутень» большею частию нравился вам для того, что это было еще ново; но по прошествии года все еженедельные сочинения вам наскучили. Не с одними ими вы так поступаете: всякая новость вас прельщает, а потом и наскучит. Ежели так, то не прикажете ли всякий месяц переменять заглавия... Наконец, оставляю вас рассуждать по произволению: оставьте только меня в покое; я вас не трогаю, не браните ж и вы меня.

49

Г. издатель!

Скрепи свое сердце! Я поразить тебя намерен! Несчастный! ты не ведаешь своей горести. Послушай, да не заплачь, не пролей реками слез твоих, ныне и без того грязно. Ну! укрепись и выслушай. Прабабка твоя госпожа Всякая всячина скончалась. Это еще скрывают, но через неделю о том узнают все. Бедный сирота! ты остался у нас один. Что я вижу? ты плачешь! Не плачь, бедняжечка, а мы, право, не заплачем. Во утешение твое сочиняю я твоей прабабке похвальное слово, и как скоро оное окончу, то к тебе его сообщу. Ах, бедный Трутень! как ты мне жалок!

---

[1] Смотри «И то и сё» и «Всякую всячину», еженедельные сочинения 1769 года, в которых брани мне написано очень много. Во «Всякой всячине», правда, что она относится к лицу г. Правдулюбова; но в «И то и сё», без рассуждения и без причины, прямо на мое лицо, что хотя и походит на П...., но я ....

Не умри и ты: ибо многие видят в тебе смертельные признаки. Добро вы, читатели! всех издателей переморили. [1] Экие варвары! Ну, прости, голубчик мой Трутень; миленький Трутень, пожалуй береги себя, не простудись: ныне еще погода не очень хороша. Прости, сироточка: живи невредимо на многие лета. Сего желает с превеликой печали о кончине твоей прабабки

Право позабыл, как меня зовут.

* * *

За сожаление благодарствую; печаль о кончине «Всякой всячины» хотя и велика, однакож не такая, чтобы я позабыл, что мы все смертные. Впрочем, *много милости*...

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. 27 АПРЕЛЯ

57

Расставание, или последнее прощание с читателями

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельствы мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенесть сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастия все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь: бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает; но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено: я бросил его опять, беру другое и хочу изъявить состояние души моей; но печаль затмевает рассудок; с какою скорбию возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подьячий, как читал указ *о лихоимстве*, повелевающий им со взятками

---

[1] У меня есть приятель; ремеслом один из тех, которые людей морят. Он меня заподлинно уверял, что моровое поветрие на издателей точно от того сделалося, что они всегда бранились; а причиною тому были читатели: ибо они своими письмами их ссорили.

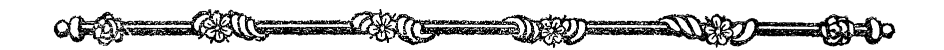
навсегда разлучиться; не столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имения, пустить их по миру, а имение, беззаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал Кащей, когда неправедно захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый Злорад, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостию ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет? печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю: буквы, мною написанные, кажутся малы и, следовательно, не могут изъяснить великость оныя. Я черню и перечерниваю, засыпаю песком: но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюся оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лицо и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшися с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей: но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнуете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары, тигры! вы не проливаете слез, видя мою горесть? так-то вас печали других трогают? теперь не удивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами; но увы! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез: жестокие! вместо пропролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем не возможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить

двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

Полемика Новикова с Екатериной закончилась полной и блистательной победой просветителя. В бумагах Екатерины обнаружено ее письмо во «Всякую всячину», в котором коронованный автор, не сдерживая ярости, пишет о своем поражении. Но отказавшись от литературных средств борьбы, побежденная императрица прибегла к полицейским мерам — прекратив издание собственного журнала «Всякая всячина», она закрыла и «Трутень».

Письмо во «Всякую всячину» осталось неопубликованным. Приводим это письмо:

«Госпожа бумагомарательница Всякая всячина! По милости вашей нынешний год отменно изобилует недельными изданиями. Лучше бы изобилие плодов земных, нежели жатву слов, которую вы причинили. Ели бы вы кашу да оставили людей в покое: ведь и профессора Рихмана бы гром не убил, если бы он сидел за щами и не вздумал шутить с громом. Хрен бы вас всех съел».



ПУСТОМЕЛЯ

Ежемесячное сочинение, 1770 год

месяц июнь

Часто бывает, что люди впадают в пороки по одному добросердечию; но среди самых преступлений праводушие их сияет и великость духа оказывается: следующее приключение послужит сему примером.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Добронрав, новгородский дворянин, из поколения Стародуровых, поселившихся в тот город еще при царе Иване Васильевиче Грозном на место побитых дворян, имел около четырех тысяч рублев годового дохода и был один из числа тех, кои называются хлебосолами; которые по добросердечию имением своим жертвуют увеселению друзей своих: часто забывая самого себя и стараяся помогать бедным, доходят нередко до беднейшего состояния, в каком были те, коим они помогали. Добронрав полагал удовольствие в том, чтобы быть вместе с друзьями своими. Дом его наполнен был всегда соседями, не только ближними, но и отдаленными дворянами и дворянками того уезда: роскошь и веселие всегда к себе привлекает, а отгоняет скука и бедность. Частые пиры и угощения сделали то, что Добронрав почитался увеселением всего Новгородского уезда. Впрочем, веселая жизнь не помешала ему Добросерда, сына своего, воспитать так, как воспитывают детей своих благоразумные отцы нашего времени.

Добросерд от природы одарен был красотою души и тела; имел острый разум, тихий нрав и благородную осанку; все сие красоту его лица еще больше украшало. Отец старался природные его дарования изострить учением и приумножить хорошим воспитанием, для чего выписывал из Петербурга людей, известных разумом, учением и добропорядочным поведением, ему в учители. Он не следовал примеру многих безрассудных стариков, которые детей своих обучают по-французски и по-немецки для того только, чтобы они на чужих языках могли болтать с праздношатающимися французами и немцами, удалившимися из своего отечества: может быть, для того только, что за беспорядочное свое и распутное житье честными и разумными людьми были презираемы. Но следуя благоразумию, употреблял остроту сына своего в собственную его пользу, в пользу отечества и в свое утешение; обучал его иностранным языкам для того, чтобы мог чтением славных авторов просветить разум и украсить память. Добросерд помощию своих наставников в скорое время обучился трем языкам: французскому, аглинскому и немецкому. Прочел почти всех славных авторов; получил истинное о вещах понятие посредством логики и физики; обучался с прилежанием математике, истории и географии; последней особливо для того, чтобы совершенно знать положение областей своего отечества и соседственных с ним держав, ведать силу их и недостатки. Знал сокращенно деяния наших предков, хотя тогда печатной российской истории еще и не было; наставлен был в познании христианского закона и истинном богопочитании, удален от суеверия, делающего в мыслях разврат: короче сказать, Добросерд научен был всему тому, что нужно знать человеку, приготовляющему себя к вышним степеням, так что по справедливости почитался украшением и примером всех молодых дворян их уезда.

Добронрав не мог довольно нарадоваться любезным своим сыном и, усмотря наконец, что он в учителях уже нужды больше не имеет, наградил их богатыми подарками и, осыпав благодарностию, отпустил обратно. Надлежит теперь упомянуть о склонности Добросердовой к одной девице их уезда.

Миловида была богатая дворянка и жила по кончине своих родителей под присмотром тетки. Девица сия при прелестях ее лица одарена была острым разумом, довольно научена, тиха, скромна и добронравна. Сходство их нравов при частом свидании произвело взаимное друг к другу почтение и отличность от прочих; и подлинно, они были сотворены один для другого.

Они друг друга любили, но не смели один другому объявить своей страсти и довольствовались самыми невинными забавами, препровождая время в разговорах. Каждый из них уверял сам себя, что не любовь побуждает их желать частых свиданий, но отличные от прочих душевные свойства; но они оба были еще

молоды. Сие происходило до того времени, как Добронрав, исследовав по примеру благоразумных отцов склонности сына своего, вознамерился определить его в военную службу. Он, написавши просительное письмо к одному своему милостивцу, бывшему тогда знатным при дворе вельможею и которого милости купил он не за дешевую цену, отпустил его в Петербург, сделав прежде многие нужные наставления и богатый пир для его отъезда. Добросерд во время пиршества имел весьма много времени быть вместе с Миловидою, и которое хотел он употребить в свою пользу, сделав открытие о своей страсти; но говоря много, не сказал ничего. Так то обыкновенно случается, когда любовь основывается на чести; почтение и боязнь, чтобы не оскорбить свою любезную, превращается в застенчивость. Они обо всем могут вольно говорить, кроме своей страсти; но сия застенчивость ныне уже из употребления выходит: ветреные молодчики при первом свидании успевают открывать страсть свою и чрез двенадцать часов о том позабывают. Наконец гости начали разъезжаться, и Миловида при прощании с Добросердом сказала:

— Вы поедете в Петербург, веселости тамошние, конечно, истребят из памяти вашей...

— Нет, — вскричал он, — ничто не истребит из мыслей моих...

Но ему помешали говорить, и он простился: глаза его то оканчали, что язык начал. На другой день, простясь с любезным своим отцом, Добросерд поехал в Петербург. По приезде был он у господина *** и подал ему письмо. Он принял его весьма учтиво и обещал знатность свою употребить в его пользу. В скором после того времени Добросерд, быв на экзамене, получил офицерский чин, определен в полк и отпущен на год к отцу своему по просьбе его милостивца. Добросерд его благодарил. Господин *** уверял, что он ничего приятнее не делает, как то, о чем его просит Добронрав; что он никогда не позабудет его к себе одолжений... Но г.*** говорил сие для того, что Добронрав был еще богат; и так Добросерд, откланявшись весьма учтиво, пошел домой и скоро потом отправился к своему отцу.

В бытность его в Петербурге не мог он себя приучить ни к обращениям, ни к увеселениям городским; первые казались ему притворны, а последние принужденны. Был на маскерадах, удивлялся вольным обхождениям городских женщин, и сие больше умножило страсть его к Миловиде. Одни театральные позорищи понравились Добросерду: он почитал театр истинною школою не только для молодых людей, но и для стариков, в которой нужные всем наставления преподаются, и для того не прогуливал ни одного представления. Не следовал он примеру молодых людей, которые в театр за тем только ходят, чтобы посмеяться; но рассматривая с прилежанием, нужное замечал и по выходе исследовал сам себя как строгий судья, не имеет ли какой слабости, которые того дня публично

*

были осмеяны. Сим средством театральные нозорищи обращал он в свою пользу; одно только его удивляло, что почти всегда представляли «Привидение с барабаном», «Скапиновы обманы», «Лекаря поневоле», «Жорж Дандина», «Новоприезжих», «Мнимого рогатого», «Принужденную женитьбу» и подобные сим смешные комедии, и во время представления часто сердился, слыша беспрестанные рукоплескания и смех: но сего он решить не мог, не ведая истинной тому причины.

Добросерд к отцу своему приехал в самый тот день, когда он праздновал его рождение и имел у себя премножество гостей, в числе которых и Миловида была с теткою своею. Добронравова радость, увидя сына, была чрезмерна; гости все принимали во оной участие, а Миловида при входе его почувствовала неизвестное ей самой движение: радость и стыд, попеременно на лице ее показываясь, сделали ее еще прекраснее. Отец, узнав, что сын его пожалован чином, усугубил свою радость, возобновил пиршество, а гости удовольствием своим оное приумножили. Во всем собрании царствовало тогда веселие, одни любовники чувствовали досаду, что не могут говорить свободно. Добросерд, нашед свою любезную сто раз прекраснее, разумнее и добродетельнее, скоро сыскал и удобный случай быть с нею наедине: ибо гости, упражнясь веселием, оставили ему употребить те часы в свою пользу. Он не мог уже долее бороться со своею страстию и для того, по некотором молчании, объявил любовь свою самыми короткими, но притом и сильнейшими словами, и заключил тем, что без нее он счастливым быть не может.

Миловида была искренна и притворства, свойственного многим городским женщинам, не знала, которые при первом открытии всегда оказывают себя упорными, чтобы тем усугубить страсть и больше воспламенить своих любовников; но, следуя сердечным движениям, призналась, что она всякому на свете счастию предпочитает счастие быть его женою. Не можно описать восхищения Добросердова; сто раз целовал он руку своей любовницы и беспрестанно твердил, что она из всех прекраснейшая, а он наисчастливейший человек из всех смертных. Миловида ласки его платила своими: она говорила, что Добросерд для нее драгоценнее всего на свете. Добросерд еще бы сто раз переговорил сказанные им слова, думая, что он то говорит еще в первый раз, если бы гости приходом своим ему не помешали. Любовникам в начале их любви часы кажутся минутами; но гости хотя и были веселы, хотя минуты считали рюмками, однакож скоро приметили, что их там не было, и для того-то к ним и пришли. Старый новгородский дворянин прозванием Исподдолбни, один из бывших гостей, отягча голову свою больше других радостными пара̀ми, увидя их вместе, вскричал:

— Какая прекрасная пара! наш уезд может похвалиться, что имеет двух красавцев; я бьюсь о бокале вина, — продолжал

он, — что они друг друга любят и что они рождены один для другого.

При слове *любят* Миловида лицо свое покрыла румянцем и тем прелести своего лица еще умножила; а Добросерд, не могши собою владеть, вскричал:

— Вы, сударь, заклад ваш выиграли; я люблю Миловиду и льщусь, что и ею любим. — После того подошел к отцу своему и просил его о позволении хотя самыми учтивыми, однакож и сильными выражениями и заключил тем, что он без Миловиды жить не может...

— Ежели так, — сказал отец его с веселым и довольным лицом, — так надобно постараться, чтобы ты остался жить.

Добронрав не медля предложил Миловидиной тетке о их бракосочетании и просил ее усильно, чтобы она на сие согласилась. Осторожна, это было ее имя, с превеликою учтивостию отвечала, что она за особливую честь почитает быть в свойстве с Добронравом и иметь племянником Добросерда; но что она ни в какие обязательствы прежде вступить не может, пока не решится дело о деревнях, составляющих почти все Миловидино наследство.

— Дело это правое, — продолжала она, — и мы с племянницею надеемся, что правосудие сделает ее богатою невестою в нашем уезде.

— Какое препятствие! — вскричал Добросерд, — можете ли вы, сударыня, для приданого ожидаемого мною счастия меня лишать! Согласитесь на мое благополучие: Миловида и без приданого драгоценнее всех сокровищ в свете; не корыстолюбие просит вас о сей милости, но искренняя любовь.

— Но ты, любезный Добросерд, еще молод, — сказала Осторожна, — ты еще не ведаешь, что чем жарчае любовь, тем она скорее простывает, когда нет тех соков, которые ее питают и которые у нас богатством называются; любовь в бедности есть сугубое мучение для чувствительных сердец; ты теперь не думаешь о будущем, но взираешь только на настоящее.

— Боже мой! — вскричал Добросерд, — ябеда не только что отнимает у людей спокойствие, но и любви препятствует!

Никто не мог склонить Осторожну на другие мысли, сколько о том ни трудились, наконец условились помолвить их в тот же день, а свадьбу отложили до решения дела. Любовники, не могши получить лучшего, и тем были довольны. Добронрав первый налил кубок вина и выпил за их здоровье, а гости с превеликою охотою ему последовали. Пиршество окончалось, и гости разъехались. Добросерд ожидал решения дела с нетерпеливостию. Между тем Добронрав с своим сыном и друзьями, а Добросерд с отцом и Миловидою препровождали время очень весело, и неприметно прошло около семи месяцев: но в то время спокойствие их нарушилось.

Добросерд получил ордер явиться немедленно к полку и иттить против неприятеля. Он начал собираться, уведомил о том Миловиду и узнал, сколь тягостно расставаться с любезным отцом и с любовницею. Сердце его боролося долго; наконец должность одержала победу над любовию, и он вознамерился с ними разлучиться. Не любочестие от отца и его любезной отвлекало, но подданническая должность: ибо если бы Добросерд по примеру других захотел остаться, то, имевши друзьями знатных бояр, легко бы мог сие сделать. Может быть, чтобы он и поколебался, если бы Миловида, делая насилие сердцу своему, в том его не подкрепляла. Добродетельная девица легче ста нравоучителей сердце своего любовника утвердить может.

— Поезжай, — говорила она ему, — куда зовет тебя должность, заплати ревностным оныя исполнением государю за награждение тебя чином; посвяти ему и отечеству себя во услуги; мы всем должны им жертвовать, подражай моему примеру; я приношу ему жертву стократ драгоценнее своей жизни; я отпущаю тебя... может быть, на смерть!..

Она не могла продолжать, слезы полилися из глаз ее; любовь, наполнявшая сердце Добросердово, в ту минуту претворилася в любочестие; они по нескольким разговорам простились. Добронрав, бывши свидетелем сего разговора, проливал слезы. Он целовал обоих их, сделал многие наставления своему сыну, и наконец с пролитием слез разлучились. Добросерд поехал в путь, наполня сердце свое храбростию и желанием себя прославить, чтобы тем больше еще достойным учиниться обладания Миловидою; а она, выпустя его из глаз, дала вольное течение слезам своим.

ВЕДОМОСТИ

ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Ни который народ не был приведен до такой крайности, чтобы торжествовал успехи неприятельского против себя оружия; но у нас сие делается. Орудия, коими до сего времени турки врагов своих поражали и которые возвещали наводимый ими на всю Европу ужас, ныне только нас самих приводят в трепет и возвещают народное несчастие. Неизвестно, по какой ложной политике, при всякой одержанной неприятелями над нами победе диван делает торжество: но народ обманам сим не верит. Всякий выстрел из пушек серальских умножает всенародное уныние и напоминает предстоящую нам погибель; письменные известия, получаемые из армии, от народа тщательно скрывают: но ему повседневно из армии приходящие солдаты сказывают истину. Они, возвещая

храбрость неприятельскую и смертоносное действие их орудий, сделали то, что в Константинополе о победе над россиянами и думать не смеют. Слово *российский солдат* наихрабрейшего турка приводит в трепет, и в армию никто больше иттить не хочет. Янычары, до сего времени для получения золота во всякую опасность ввергавшиеся, ныне оное презирают. Ни султанский гнев, ни деньги, ни проклятие, муфтием налагаемое на тех, которые не пойдут в армию, не делает их храбрыми. Повсюду говорят о падении турецкой монархии; народ во отчаянии бродит по улицам и вопиет: «Проснись, Магомед, мы все погибаем!», но совсем неизвестно, где он теперь и что о народе своем промышляет. Турки точно в такое же бедственное россиянами приведены состояние, в какое турками за несколько сот лет приведены были греки. Янычары Магомеда призывают на помощь, но сабель из ножен не вынимают.

ОТТУДА Ж

Тайные серальские известия

Старый муфти, яко начинатель сей для нас несчастливой войны, всячески старался уговаривать янычар, чтобы они шли в армию и побеждали неприятеля; он рассыпал пред ними султанскую казну, грозил проклятием, называл их трусами, но ничто не помогло. Янычары его не слушаются. Султан за сие чрезвычайно на муфтия огорчился и недавно отправил его для набору армии из тех янычар, которые служили под предводительством Магомеда султана, приведшего всю Европу в трепет; может быть, он сие окончает удачнее и хотя тем воспятит неприятельские нам поражения.

На место старого выбран новый муфти, который меньше прежнего к войне имеет склонности. Он, собравши всех толкователей Алкорана, предложил им для решения самую претрудную задачу, а именно: отчего русские солдаты несравненно превосходят храбростию турок? Толкователи пришли от сего вопроса в недоумение; они очень долго потели, приискивая приличное сему в Алкоране; наконец заключили, что храбрость сия и неустрашимость происходят от завивания и пудрения волос. Муфти предложил сие султану и давал свое разрешение, чтобы всем янычарам обрить бороды и завивать волосы. Султан приказал немедленно требовать у министра некоторой доброжелательной нам державы, чтобы он для турецкой армии выписал парикмахеров, пудры и помады: решение сие произвело в серале ободрение тем паче, что по сие время ядры, пули и сабли нам не помогали; но от народа сие еще скрывают: ибо сколько сераль на сей счастливый вымысел ни надеется, но, однакож, страшится ввести сию перемену. Впрочем, сие почитают

вдохновением святого пророка Магомеда, почему и великую на сие полагают надежду. Многие любимцы султанские начали уже тайные делать приуготовления к торжеству по получении над русскими победы.

ИЗ НЕКОТОРОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА

Дружелюбие нашего двора с Отоманскою Портою всему свету известно; если бы были мы посильнее и побогатее, то давно бы знаки оного свет увидел; но мы находимся в таком состоянии, что и в своих нуждах на наши руки надеемся мало, а обороняемся всегда головами. Впрочем, по требованию Порты набираются у нас по всем местам парикмахеры и заготовляется бесчисленное множество пудры и помады, что в скором времени к блистательной Порте и отправится. Вспоможение сие немалой важности: ибо все жители нашего города небеспричинно опасаются, чтобы не ходить им с незавитыми и непудреными волосами до того времени, пока заведутся новые парикмахеры. Впрочем, во что бы сие ни стало, только двор непременно вознамерился сие исполнить. Поговаривают, что министерство наше вознамерилось к Порте отправить несколько тысяч книг о парикмахерском искусстве.

К ЧИТАТЕЛЮ

Государь мой!

Мне сказали, что вы превеликий охотник отгадывать загадки, да я и сам это же приметил; вы ни одной из напечатанных в ежемесячном сочинении под заглавием «Щепетильника» древних загадок не оставили, чтобы не трудиться оную отгадать. И так во удовольствие ваше сообщаю я несколько загадок, да только не древних, а новых. Древности вам не нравятся затем, что вы любите новое, а сочинитель всячески обязан стараться читателю своему угождать, хотя это и невозможность. Вот мои загадки, извольте их отгадывать и пришлите ко мне решение, ежели за благо рассудится.

ЗАГАДКИ

I

Ласкатель бесстыдно всех знатных господ в глаза похваляет, угождает их слабостям, а за очи смеется тому, что они ему верят, а иногда и бранит их; какого за то ожидает он награждения? Отгадай.

II

Взяткохват судья, не имеющий ни совести, ни чести, вершит дела по своим прибыткам; указы толкует, как ему угодно, правосудие продает с публичного торга, бедных и беспомощных людей обижает, богатых грабит, а знатным угождает; подчиненных своих примером своим ко взяткам поощряет: чего Взяткохват за похвальные свои труды ожидает? Читатель, отгадай.

III

Вертопрах волочится за всякою женщиною, всякой открывает свою любовь, всякую уверяет, что от любви к ней сходит с ума; а приятелям своим рассказывает о своих победах: на гулянье указывает тех женщин, в коих, по уверению его, был он счастлив и которых очень много; но в самом деле Вертопрах может ли быть счастлив? Читатель, отгадай.

IV

Разиня, молодчик, имеющий самый маленький чин, посредственный достаток и крошечный умок, влюбляется во всех знатных госпож, ходит для того на все публичные гулянья: проходя мимо их, воздыхает, жалуется на судьбу и на их жестокость, что они не награждают постоянной его любви; но госпожи сего бедняка и в глаза не знают, хотя и издерживает он три четверти своего дохода на завивание и пудрение волосов для того только, чтобы они его приметили. Читатель, отгадай, какого названия Разиня наш ожидает?

Если понравились тебе, г. читатель, мои загадки, так о том меня уведомь; я и впредь подобные оным сообщать буду.

Покорный ваш слуга

С. П.

ВЕДОМОСТИ

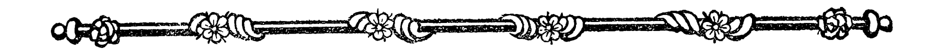
ИЗ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Почти никакого не видим мы средства к нашему избавлению, уж и парикмахеры нам не помогают! Недавно предложенный муфтием способ никакого не имел успеха. Янычары, услышав о введении в обычай завивания волосов, пришли в бешенство, и дошло

бы до преужасного кровопролития, если бы заблаговременно не взяты были надлежащие к тому меры. Повседневно приходящие к нам известия о успехах неприятельского против нас оружия умножают народное смятение. До какого несчастия Порта дошла! Уж и греки под предводительством россиян нас побеждают. Окрестности Дуная горят, Морея пылает, Дарданеллы трясутся, и Стамбул трепещет. Повсюду в турецких областях российский летает орел, неся с собою ужас и смерть. Муфтий, видя бесполезность своего намерения, всех присланных к нам от доброжелательной нам державы парикмахеров приказал употребить к строению флота; неизвестно, какой и от сего успех будет: ибо весьма сомнительно, чтобы народ, приобыкший к чесанию, завиванию и пудрению волос и к новым модам, в состоянии был сделать преграду непобедимому российскому флоту.

ОТТУДА Ж В ИЮЛЕ МЕСЯЦЕ

Последние два страшные нашим войскам от россиян поражения лишают нас друзей, воинов, военных снарядов и приличной до сего времени блистательной Порте гордости. Янычары, приведенные в ужас, в армию против россиян иттить не дерзают. Некто на сих днях подал султану выдумку о наборе войск в сералях, которая, как сказывают, и утверждена; и так в скором времени будут набирать сии войски, и свет увидит целую армию, состоящую из женщин: неизвестно, кто будет предводительствовать победоносными сими войсками; и в народе о том еще разные носятся слухи.



КОШЕЛЕК

Еженедельное сочинение 1774 года

Отечеству
моему
сие сочинение
усердно
посвящается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Две причины побудили меня издавать во свет сие слабое творение и посвятить оное отечеству моему; первая, что я, будучи рожден и воспитан в недрах отечества, обязан оному за сие служить посильными своими трудами и любить оное, как я и люблю его по врожденному чувствованию и почтению ко древним великим добродетелям, украшавшим наших праотцев и кои некоторых из наших соотечественников еще и ныне осиявают. Я никогда не следовал правилам тех людей, кои безо всякого исследования внутренних, обольщены будучи некоторыми снаружи блестящими дарованиями иноземцев, не только что чужие земли предпочитают своему отечеству, но еще, ко стыду целой России, и гнушаются своими соотечественниками и думают, что россиянин должен заимствовать у иностранных все, даже и до характира; как будто бы природа, устроившая все вещи с такою премудростию и наделившая все области свойственными климатам их дарованиями и обычаями, столько была несправедлива, что одной России, не дав свойственного народу ее характира, определила ей скитаться по всем областям и занимать клочками разных народов разные обычаи, чтобы из сей смеси составить новый, никакому народу не свойственный характир, а еще наипаче россиянину: выключа только тех, кои добровольно из разумного человека переделываются в несмысленных обезьян и представляют себя на посмешище всея Европы. Таковые не только что не видят добродетелей, россиянам природных, но если бы где оные с ними не нарочно и повстречались, то, без сомнения, отвратили бы зрение свое, именуя оные грубостию

и невежеством. Да сие и неудивительно: ибо мы уже давно бросили истинные драгоценные жемчуги, предками нашими любимые, яко недостойные и во Франции неупотребляемые, а принялись жадно покупать ложные; но я смело скажу: если бы Франция столько имела жемчугов, сколько имела Россия, то никогда бы не стала выдумывать бусов: *нужда и бедность мать вымыслов*. А ныне развращение во нравах учителей наших столь велико, что они и изъяснение некоторых добродетелей совсем потеряли и столь далеко умствованиями своими заходят, что во аде рай свой найти уповают; но о сем пространнее поговорим на своем месте.

Второй причины не захотелось мне теперь читателю моему объявить, а рассудилось лучше оставить оную до того времени, как мы побольше с ним ознакомимся, дабы при первом с ним свидании обойтися сколько возможно миролюбивее.

Впрочем, должен бы я был объяснить читателю моему причину избрания заглавию сего журнала, но и сие теперь оставляю, а впредь усмотрит он сие из «Превращения русского кошелька во французский», которое сочиненьице здесь помещено будет.

Наконец, желаю читателю моему в жизни сей пользоваться древними российскими добродетелями, приобресть те, которых они не имели, и дойти до того, чтобы если не будет он любить своего отечества, было ему стыдно. Аминь.

ЛИСТ ПЕРВЫЙ

Я недавно был в дружеской беседе, где, весьма весело препровождая время в разговорах и рассуждениях, случилось одному из приятелей моих вымолвить без всякия нужды французское слово в российском разговоре. Сие подало нам причину к рассуждению о сем злоупотреблении, вкравшемся в нас к порче российского наречия. Мы находили, что российский язык никогда не дойдет до совершенства своего, если в письменах не прекратится употребление иностранных слов; но потом сретилось новое препятствие: оное состояло в том, что если в письменах и начнут с крайнею только осторожностию употреблять иностранные речения, а будут отыскивать коренные слова российские и сочинять вновь у нас не имевшихся, по примеру немцев, то и тогда сие утвердиться не может, если не будет такая же строгость наблюдаема и в обыкновенном российском разговоре. Но чтобы рассуждение сие какую-нибудь принесло пользу, то согласились мы сделать между собою таковое учреждение, по силе которого всякий из нас, тогда бывших, за каждое иностранное в российском разговоре без крайния нужды вымолвленное слово повинен заплатить двадцать пять копеек, а казна сия по прошествии каждого месяца должна быть собрана и отослана в Воспитательный дом в подаяние. Но по прошествии

нескольного времени усмотрели мы, что таковая пеня для некоторых из нас (кои по привычке иностранные слова часто употребляют) будет отяготительна, то, желая облегчить оных, а учреждение сие оставить в его силе, уменьшили пеню за каждое слово до пяти копеек; а к тому прибавили, чтобы коренные российские слова, вновь отысканные или сочиненные, сообщать для напечатания к пользе любителей российского слова.

Сие хотя, впрочем, шуточное, но, однакож, отчасти и полезное учреждение нескольким особам уже понравилось; ибо неоспоримая есть истина, что доколе будут презирать свой отечественный язык в обыкновенном разговоре, дотоле и в письменах не может оный ни до совершенства дойти, ни обогатиться. Скажут некоторые, «что не подобною сей выдумке отечественный язык до совершенства приводить и обогащать надлежит; что на сие есть особо учрежденные места, которые денно-ночно о том пекутся, или, по малой мере, печися долженствовали бы; что три, пять или десять человек молодых людей, и только что охотников, не более, к собранию ученых, как единица к тысяче; что приступать к сему важному делу надлежит таким порядком: несколько лет думать, несколько лет рассуждать, несколько лет делать начертание, несколько лет рассматривать оный; много лет приуготовлять вещество, много лет собирать оное, много лет приводить оное в порядок, много лет делать из приведенного в порядок выписку, много лет из выписки сочинять, а потом еще, более всего, много лет рассматривать и одобрять оный труд к печатанию; что надлежит трудящимся давать много жалованья, покойные квартиры, хорошие столы и прочее, дабы все сие услаждало чувства и приводило отечественный дух в сильное движение; наконец, чтобы казна прежде совершенно потеряла несколько десятков тысяч рублей, пока общество увидит несколько десятков строк сего важного сочинения, в печать изданных: но что таковое сочинение будет похвально, полезно, удивительно и принесет великую честь всему государству; подобные же нашим выдумки частных людей похожи на русскую пословицу: *ходила синица море зажигать: моря не зажгла, а славы много наделала*». Таковым я ответствую, что я не с тем упомянул о сем издевочном учреждении, чтобы сим способом советовал приводить язык наш к совершенству, а еще менее ответствую за успех оныя выдумки; но ручаюсь за сие, что сия выдумка государству не будет убыточна и что если понравится она многим, то сим способом хотя и мало обогатится язык российский, но много присовокупится казна Воспитательного дома. Ибо смело можно сказать, что во времена Петра Великого во всей пространной России больше было людей, употреблявших в российском разговоре иностранные слова, нежели ныне в одном Петербурге не употребляющих оных. Наконец, противуречащему мне ответствую русскою же пословицею: *не сули мне журавля в небе, а дай синицу в руки.*

ЛИСТ ВТОРОЙ

Некогда случилось мне быть свидетелем весьма странных и любопытства достойных разговоров, которые я тогда же, пришед домой, написал, а теперь оные сообщаю читателю моему, желая сердечно, чтобы оные в нем подобное моему произвели впечатление.

РАЗГОВОР I
МЕЖДУ РОССИЯНИНОМ И ФРАНЦУЗОМ

Франц. Так, государь мой, я уверяю вас, что подобного несчастия не случалось еще во всю жизнь мою. Сакрдьио! проиграть с ряда двенадцать робертов! После такого несчастия жить более невозможно. — Не правда ли, сударь?

Россиян. Это правда, что проигрыш всякому человеку чувствителен, но одному более, другому менее: вы в сей раз играли несчастливо, но сие и со многими другими игроками нередко случается; счастие и несчастие в игре попеременно бывает: сегодня вы проиграли, завтре можете выиграть. Однакож, видя вас так чувствительна к проигрышу, играть вам не советую: ибо хотя и всякий человек подвержен житейским претыканиям, но тот почитается благоразумнейшим, который больше другого управляет страстями своими. Благоразумный человек приуготовляет себя ко проигрышу прежде, пока не начнет играть: сим средством во все время игры сохраняет он равнодушие, не разгорячается и никогда того не проигрывает, чего не хотел бы проигрывать или чего заплатить не может. Что ж касается до отчаяния вашего, то, позвольте мне сказать искренно, оно вселяет в меня противные принятым мною о благоразумии вашем мнения. Я не имел еще времени коротко вызнать свойства сердца вашего; приятель мой, с коим познакомились вы в Париже, писал ко мне об вас много доброго и просил, чтобы я оказывал вам услуги; я и хочу это исполнить самым делом: ваше обхождение мне понравилось, я вас полюбил, и вы найдете во мне всегда искреннего вам доброхота.

Франц. Ах, государь мой! вы из отчаяния приводите меня во удивление. Какая добродетель! какое человеколюбие! и какое сердце! Сердце ваше есть сердце ангельское. Если бы вся ваша земля населена была подобными сердцами, то можно бы тогда было заключить, что она обитаема высшими от человека существами...

Россиян. Если вы побольше узнаете мое отечество, то сему действию моему удивляться перестанете. Россияне все к благодеянию склонны. С неменьшим удовольствием оказывают они всякие вспоможения, с каковым другие приемлют оные; и это, по мнению моему, есть должность человеческая. Надлежит делать добро не по принуждению, но по склонности сердца. Предки наши во сто

раз были добродетельнее нас, и земля наша не носила на себе исчадий, не имеющих склонности к добродеянию и не любящих своего отечества.

Франц. Ах, какая блаженная страна! вы, государь мой, в большее приводите меня удивление. С сея минуты я забываю мое отечество; в России нашел я оное. Во Франции был я несчастлив, а здесь, по словам вашим, уповаю найти блаженство. Попечения ваши доставят мне и жене моей приличные породе нашей места. Если исполнится то, о чем вы за меня просили и в чем вас обнадежили, то я и жена моя будем благополучнейшими из смертных. Какое удовольствие научать и воспитывать детей, рожденных с толь нежными и добродетельными сердцами! — Но... государь мой... Нравоучения ваши меня просветили... я в игре весьма горяч... с сего времени вы не услышите более, чтобы я когда-нибудь принялся за карты... Со всем тем... я проигрался. — Бедная моя жена! увы! какую весть услышать ты должна... Я проигрался... увы...

Россиян. Пожалуйте, не отчаявайтесь, этому пособить можно. Если вы проиграли сколько-нибудь в долг и не имеете чем заплатить, то на сей раз я могу ссудить вас деньгами. Скажите, сколько вам надобно, я тотчас вам дам оные...

Франц. О великодушный человек! Добродетель, редко имеющая примеры в моем отечестве! Иностранному человеку, незнакомцу такие благодеяния оказывать! Позвольте мне, дражайший друг, уверить вас, что благодеяния ваши всегда останутся в моем сердце; что рука, оные творящая, всегда будет мне любезна и что я в нужном случае кровь свою пролью со удовольствием, если то нужно будет для спасения моего друга...

Россиян. Оставьте излишние уверения, малая моя услуга не стоит толикой благодарности. Я почитаю вас честным и благодарным человеком, следовательно, я больше вашего должен еще радоваться, что сыскал случай обязать вас любить мое отечество.— Но скажите мне, сколько надобно вам денег?

Франц. Я стыжусь... сто рублей... Ах! как мучительно чувствительному человеку напоминание его преступлений...

Россиян. Вот деньги, извольте их взять. Между тем расстанусь с вами на некоторое время: подождите меня здесь, я скоро сюда возвращусь.

Франц. Вы меня оставляете!.. Но я льщусь... ваши одолжения...

РАЗГОВОР II

МЕЖДУ НЕМЦЕМ И ФРАНЦУЗОМ

Нем. Удивительно мне, государь мой, что вы меня не узнали; во время разговора вашего с оставившим вас человеком я нарочно смотрел не смежая глаз...

Франц. А! любезный приятель, вы здесь? как, зачем и когда оставили вы Голландию? Расставшись с вами в Амстердаме, я никогда не уповал увидеться в Петербурге. Что касается до меня, то крайность одна могла принудить меня избрать убежище в сем городе. Родственники мои так же бесчеловечны, как и прежде: сие самое принудило меня приехать сюда с женою моею для сыскания приличных мест нашей породе.

Нем. А что касается до меня, то приехал я в Петербург, первое, чтобы увидеть сию империю под владением премудрыя императрицы, во всей Европе славящуюся, а второе, чтобы сыскать приличную моему состоянию должность; и если мне здесь полюбится, как я по началу моей здесь бытности и не сомневаюсь, то останусь здесь на вечное житье. Ученому человеку, как говорят, целый свет отечество. Что ж надлежит до вас, то если вы еще по сию пору мест не имеете, я могу возобновить мои вам услуги: приятель мой, купец, имеет нужду в горничной женщине, жена ваша может заступить оное, по моему одобрению, а вы с нею будете иметь комнату для продолжения ремесла, в Голландии вами отправляемого...

Франц. Тише, тише, сударь, прошу не предлагать мне подобных услуг. В Голландии принужден я был несчастливыми моими обстоятельствами отправлять сию презрительную должность; но я рожден не для волосоподвивательной науки. Отец мой был королевской гвардии капитан, дядя родной прокурор парламента парижского; я и сам имел место... но любовные мои шалости навлекли на меня гнев моего дяди; я принужден был удалиться из отечества и, скрывая подлинное свое имя, жить в Голландии; наконец скажу вам, что вы имеете дело с шевалье де Мансонж. По сему рассудите, прилично ли мне предлагаемое вами ремесло и должность горничной женщины для моей жены.

Нем. Ха! ха! ха! что вы передо мною притворяетесь, я знаю вашу родину, вы не более, как сын стряпчего, отправлявший по смерти своего отца и во Франции ту же самую должность, как отправляли вы в бытность мою в Амстердаме; какую наклепали вы родню, и на что это? Честному человеку никакое состояние бесчестия не приносит. Стыдно делать бесчестные дела: напротив того, никакого бесчестия не делает низкое состояние. Я сам сын деревенского попа, обучался в университете и наконец удостоен профессорства; и я никогда не вздумаю назваться бароном; но оставим это. Скажите ж мне, г. кавалер, с каким намерением вы сюда приехали и что будете здесь делать? Не думаю я, чтобы вы приехали сюда проживать только деньги; ибо я уверен, что кошелек ваш в Петербурге не изобильнее амстердамского, а там вы, помнится мне, и с ремеслом вашим и жены вашей жили очень бедно. — Да, кстати, вспомнил я: в Амстердаме у вас не было жены, разве вы здесь женились?

Ф р а н ц. Оставим скучные ваши вопросы. — Вы спрашиваете, зачем я сюда приехал, я вам это хочу сказать. Мне сказывали, что в России много серых куропаток: я до них великий охотник; во Франции они дороги, так я приехал сюда их есть. Между нами сказать, в здешней земле француз не умрет от голода. — Но еще раз прошу вас, оставьте скучные вопросы, что вам нужды; в Амстердаме был я, а здесь я же, да хочу быть другой: помните, что молчание первая добродетель.

Н е м. А я люблю чистосердечие; будьте уверены, что я вам зла не желаю, но поговорим откровеннее. Неужели думаете вы, что в России для голодных французов заведены магазейны? Вы обманываетесь, я уповаю, что здесь хотя и много родится хлеба, однакож его даром не дают; надлежит трудиться, чтобы достать себе честным образом пропитание. И так необходимо надлежит вам приняться за какое-нибудь дело.

Ф р а н ц. Да кто вам сказал, что я хочу здесь жить безо всякого дела? Я хочу вступить в должность, выслушайте, я вам расскажу. В бытность мою в Париже познакомился я с одним российским путешественником в трактире; он был молод и ветрен; мы подружились, я ему сыскал девку, он в нее влюбился и проживает свои деньги. Я решился ехать в Россию, сказал о том ему, он мне дал одобрительные письма к одному из своих друзей. Я сюда приехал, нашел этого человека, с которым видели вы меня разговаривающего: отдал ему письма, он меня весьма учтиво принял, ввел меня в некоторые знатные домы, где я так хорошо принят, что и истинный французский маркиз не желал бы лучшего принятия. Везде меня ласкают, хвалят мое остроумие, обходятся весьма учтиво; словом, я почитал себя пресчастливым человеком; но третьего дня в одном знатном доме посадили меня играть в вист; я забылся, что у меня нет денег; счастие от меня отлучилось: я проиграл сто рублей. Мне поверили; заплатить такую сумму я не мог; и был в крайности потерять навсегда тот дом, в коем я проиграл; но новый мой друг вывел меня из сего состояния, дав деньги на заплату моего проигрыша. Я опомнился и увидел, что надобно мне вступить в какую-нибудь должность; я сказал о том моему другу, он за сие взялся с охотою: меня берут в учители, жену мою также, и дают нам каждому по 500 рублей, выключая квартиры, стола и кареты; но я прошу больше, авось-либо и то удастся; ибо по случившемуся со мною в России я всего надеюсь. Из сего усмотришь, что значит француз в России. Ты, любезный мой приятель, будучи немец, рассуждаешь истинно по-немецки, что будто без трудов не можно найти честного пропитания; но я француз, следовательно, за одни разговоры могу брать столько денег, что ты со всеми своими трудами ни в четвертую долю получить не можешь. Суди по моему приключению, какое счастие родиться на брегах Сены и иметь волшебное наименование

француза для отворения дверей во всяком месте, куда бы я ни похотел итти. Слово француз так важно, что в нем все замыкаются достоинства.

ЛИСТ ТРЕТИЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ
РАЗГОВОРА
МЕЖДУ НЕМЦЕМ И ФРАНЦУЗОМ

Н е м. Очень хорошо, я соглашаюсь на некоторое время верить словам вашим; но как разговариваем мы дружески и откровенно, то, пожалуйте, скажите мне, чему будете вы обучать воспитанников, поручаемых вам? Ибо, между нами сказать, вы и сами окроме французского языка ничего не разумеете. Сии же воспитанники, сказываете вы, знатного господина дети: то как потерпят учителя, ничего не знающего? Как поверят будущую подпору славнейшия империи воспитанию человека неизвестного? Как не приметят, что вы, будучи учителем, сами ничего опричь французского языка не знаете: а в сей науке и всякий французский сапожник не менее вашего учен. Наконец: хотя сие по существу своему есть самомалейшее в сем зло; как захотят ни за что бросать не малую сумму денег, да еще и в таких нежных обстоятельствах? Позвольте сказать откровенно, вы воспитанием своим удобнее можете развратить, а не исправить сердце юного своего воспитанника: сделаете таковым, каких, ко стыду России, видел я довольно проезжающих мою отчизну...

Ф р а н ц. Скажите ж, пожалуйте, и вы мне, как и где могли вы столько выискать вопросов, до моея должности нимало не касающихся? Какая мне нужда, что они ни за что станут бросать свои деньги, лишь бы я получал оные. Добрые ли будут иметь склонности воспитанники мои или худые, для меня это все равно, лишь бы только воспитались они с любовию ко французам и с отвращением от своих соотечественников, а в прочем какая мне нужда. Глупо делают родители их, что поручают воспитание детей своих мне; а я, напротив того, делаю очень умно, желая получать деньги даром. Наконец, скажите мне, государь мой, по какой бы причине я не мог быть учителем? Разве на французском языке нет книг, всяким наукам обучающих? Поверьте мне, что их довольно: я закуплю оные книги и буду учить моих воспитанников и сам учиться. Ха, ха, ха... Неужели вы почитаете меня дураком, думая, чтобы я не стал пользоваться толь выгодным случаем. За чужую глупость какая мне нужда ответствовать? А что надлежит до намерения моего, то оное для меня, право, весьма полезно: выслушайте, я по дружбе открою вам оное, и если будет в вас

к тому столько способности, сколько я имею, тогда можете вы оным пользоваться. В должность учителя вступаю я не для того, чтобы в состоянии был вправду учить моих воспитанников; но для того, чтобы запастись деньгами, коих я теперь не имею. Накопя же несколько денег и спознавшись с молодыми российскими господчиками, а особливо с *полуфранцузиками*, сделаюсь я учителем и купцом. Начну выписывать французские товары; искусство мое будет оные доставлять мне беспошлинно: какие бы предосторожности ни употребляла таможня, я на всякую ее предосторожность десять имею готовых выдумок. — Положим теперь, что я получил уже мои товары: примечайте, как они мне достались дешево; пошлина не плачена, лавки для них я не нанимаю, купецких поборов не плачу и никаких тягостей их не несу. Посредством знакомства моего с молодыми людьми буду я распродавать товары свои за наличные деньги; или, по малой мере, буду раздавать их в долг, однакож и от того убытка я иметь не буду: ибо по счетам начну приписывать цену и число товаров лишние и в тех деньгах буду брать векселя. По векселям деньги верно взысканы будут, да еще с процентами и рекамбиями. Какая мне нужда в том, что посредством обогащения моего молодые люди разоряться будут? Ведь они не соотечественники мои; да если бы возможность человеческая была, так бы я и единоземца своего перехитрил. Моя философия гласит: *обманывай дурака, в том ни греха, ни стыда нет;* но оставим это: довольно сего, что в пять лет буду я иметь несколько тысяч рублей. С сими деньгами возвращусь я в мое отечество и буду жить благополучнейшим человеком. Между тем, как и самая справедливость того требует, буду ругаться орудиями, служившими к обогащению моему, как людьми, рассудка здравого и просвещения не имеющими. — Ведь справедливо во *** русских людей почитают еще невеждами, варварами или на милость обезьянами. — Где, кроме сущих невежд, найти можно такую оплошность, чтобы вверить себя человеку, никогда ему добра не желающему, и позволить из себя все, что бы я ни захотел, сделать...

Нем. *(к стороне)*. О, какая подлая душа! сердце неблагодарное и изменническое! чудовище, недостойное человеческого имени! — Однакож укреплюсь еще. *(К французу.)* Вы справедливо рассуждаете. Между тем, пользуясь откровенностию вашею, хочу я сведать ваше мнение о друге, сделавшем вам толико великодушные одолжения и которого добродетельное сердце недавно превозносили вы похвалами. Скажите мне искреннее ваше о нем мнение?

Франц. Искреннее? — С охотою. Искренно сказать, я почитаю его простосердечным, легковерным и глупым человеком... Как поверил он одобрению молодого шалуна, который оставил свое отечество для того только, чтобы в чужом шататься по трактирам и народным гульбищам и проматывать безрассудно в отечестве его нажитые деньги? Как верить всему мною сказанному

о моей породе; и наконец, как не могло прийти ему в голову, что если бы был я в самом деле такого рода, как я о себе сказывал, и имел бы хотя самомалейший верный доход, то поехал ли бы я из своего отечества; и, оставя известное, стал ли бы я гоняться за неизвестным? — Из всего этого я вывожу следующее заключение, что новый мой друг не что иное, как добрая махина, которую можно употреблять и в добрую и в худую стороны. А сей порок я приметил во многих единоземцах моего друга: они слишком полагаются на честность и не могут истины различить от хитрости; но притом сие весьма достойно примечания, что хотя немец и агличанин их не обманывают и обходятся с ними правдиво и честно, однакож они их не любят, обычаев их не перенимают, и если бы те захотели их обманывать, то никогда бы им в обман не далися: напротив того, французу открыта внутренность души и сердца русского человека; боится хитростей его, однакож всюду его допускает и хочет с ним всегда быть неразлучно; видит, что его обманывает, но он притворяется ему верить; знает, что тот его не любит; но сей старается обязать его услугами и доброжелательством; понимает, что он хочет над ним господствовать и управлять им по своим выгодам; а сей повинуется и притворяется того не примечающим: словом сказать, обхождение русского со французом можно уподобить человеку, порабощенному порокам, который иногда чувствует, что делает порочное; однакож делать оного не перестает. Вот чистосердечное мое мнение, которое вы знать желали.

Нем. Последние ваши слова справедливы: но для чего ж льстите вы в глаза другу вашему? почто его обманываете и оставляете в заблуждении? для чего пользуетесь его слабостьми? Если бы я был на месте вашем, тогда сказал бы я ему откровенно в глаза все то, что вы за глаза говорите.

Франц. Эхе, хе, хе, дорогой мой немецкий философ, ты забродишь в древность; такое великодушие в сказках только у нас описывается: моя философия с твоею различна. Послушай, все ищут философического камня, помощию которого всякие металлы можно превращать в золото. — Не правда ли? — Знай же, дорогой мой проповедник, что камень сей в России нашел француз и в своих руках его имеет; помощию оного преобращаю я пороки свои в добродетели, а русские добродетели в пороки; или, по меньшей мере, даю оным такой вид; всякое свое слово, всякую хитрость и всякую выдумку превращаю я в золото; но, по несчастию, сии чудеса могу я творить между русскими, а если бы подобно и между другими народами удавалося чудесить, то давно бы должно было мне, французу, поставить кумир...

Нем. Не превозносись, мой друг, своими преимуществами: они блистанием своим подобны гнилушке, в темноте только ночной блистающей; а на российский оризонт давно уже взошло солнце, со престола своего всю Россию освещающее и благотво-

рениями своими роду российскому от сна всех возбудившее; пользуйся ж моим советом, не превозносись так много ночною блистательностию наружных твоих дарований и будь уверен, что разумные россияне, окроме вертопрахов, уважают уже не тебя, француза, но язык французский. Будь уверен, говорю я тебе, ***, ты знаешь Лондон: ты меня понимаешь — я о сем говорить больше не хочу. Честность и справедливость требуют от меня, чтобы я вывел тебя из заблуждения и отдал бы справедливость русским людям: выслушай меня терпеливо. Русские люди в рассуждении наук и художеств (чем вы более всего превозноситься и должны) столько ж имеют остроты, разума и проницания, сколько и французы, но гораздо более имеют твердости, терпения и прилежания; разность же между французом и русским в рассуждении наук вся в том состоит, что один после другого гораздо позже принялся за науки. Франция за распространение наук и художеств одолжена веку Людовика XIV; а в России судьбою предоставлена была сия слава Екатерине Великой, делами своими весь свет удивляющей. Если посмотреть на скорые успехи, каковые россияне в рассуждении наук и художеств оказали, то должно будет заключить, что в России науки и художества придут в совершенство гораздо в кратчайшее время, нежели в какое доведены они были во Франции. Дай боже, чтобы с таким счастием и успехом исполнялись все премудрые намерения великия императрицы российския, с каким тщанием и трудами она приводит оные к исполнению; тогда наверное паче и паче возвеличится Россия в очах всея Европы. О, когда бы силы человеческие возмогли, дабы ко просвещению россиян возвратить и прежние их нравы, погубленные введением кошельков во употребление; тогда бы можно было поставить их образцом человеку. Кажется мне, что мудрые древние российские государи якобы предчувствовали, что введением в Россию наук и художеств наидрагоценное российское сокровище, нравы, погубятся безвозвратно; и потому лучше хотели подданных своих видеть в некоторых частях наук незнающими, но с добрыми нравами, людьми добродетельными, верными богу, государю и отечеству.— Не возражай мне, что и в древние времена россияне свои имели пороки; я скажу тебе в ответ, что все народы во всякие времена имели особые пороки: прочитай со вниманием свою историю, увидишь там варварства еще более, нежели сколько его было в России.

ЛИСТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Продолжение разговора между немцем и французом я изготовил было уже к отсылке в типографию для печатания; но удержало меня от того полученное мною письмо. Я не смел утаить сильных выражений и доказательств в защищение моего француза, в том

письме находящихся; а притом не хотелось мне оставить писавшего ко мне письмо без ответа, чтобы не возмнил он, что возражения его справедливые и опровержены быть не могущие; к тому в прибавок немалое участие имело и желание показать читателю моему, что не злословие, но любовь к отечеству побудила меня издать сии разговоры, которые писавшему ко мне письмо не понравились. Письмо сего французского защитника писано было российским пополам со французским наречием, как то обыкновенно у любителей французского языка водится; но я за потребное судил французским речениям быть переведенным на российский язык: ибо сим обязан тем из моих читателей, которые французского языка не разумеют; что ж касается до любителей сего языка, то они при чтении письма сего могут оные от себя прибавлять сколько им будет угодно, а тем самым покажут они новую блистательность пылких своих разумов. Наконец, я прошу читателя моего, чтобы он, прочитав сие письмо, изволил погодить делать заключение в пользу писавшего оное до того времени, как прочитает мой ответ. Письмо же, мною полученное, здесь следует.

Государь мой!

Я не знаю, кто вы, да и знать сего не хочу, потому что не имею в том нужды: довольно сего, вы напечатали разговор между французом и немцем; я его прочитал: вы обидели француза, мне это не понравилось; я написал возражение и к вам сие посылаю: прочитайте, и если при чтении не закраснеете, то можете его и напечатать, или как вам угодно; а для меня все равно, то или другое: вы можете обо мне делать заключения, какие вам будут угодны, а я об вас уже сделал и мнения своего не переменю. — Чорт меня возьми! по чести моей я об вас сожалею. Вы родились в таком веке, в котором великие ваши добродетели блистательны быть не могут: ваша любовь к отечеству и ко древним российским добродетелям не что иное, как, если позволено будет сказать, сумасбродство. Приятель мой! вы поздно родились или не в том месте, где бы вы мнениями своими могли прославиться. Время от времени нравы переменяются, а с ними и нравоучительные правила подвержены такой же перемене: ваша древняя любовь к отечеству переменилася на новую любовь к самому себе. Перестаньте понапрасну марать бумагу, ныне молодые ребята все живы, остры, ветрены, насмешливы, вить они вас засмеют со всею вашею древнею к отечеству любовию. Вам было должно родиться давно-давно; то есть, когда древние российские добродетели были в употреблении, а именно: когда русские цари в первый день свадьбы своей волосы клеили медом, а на другой день парились в бане вместе с царицами и там

же обедали; когда все науки заключалися в одних святцах; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видав невесты своей в глаза; когда все добродетели замыкалися в густоте бороды; когда за различное знаменование... сожигали в срубах или из особливого благочестия живых закапывали в землю; словом сказать, когда было великое изобилие всех тех добродетелей, кои от просвещенных людей именуются ныне варварством. [1] — Тут-то бы вы прославились! — Я думаю, чтобы вы бедным французам не дали и Немецкой слободы в Москве; но всех бы их выгнали из государства или еще, из особенной ревности к..., приказали бы всех их сжечь: то-то бы было славное дело! — Но шутки в сторону: вы, государь мой, весьма смешной проповедник! Проповедуете пороки под именем добродетелей и хотите, чтобы вам верили: скажите мне, в котором ряду продается эта вера, чтобы верить тому, что мне говорят, а не тому, что я вижу? Вы стараетесь привлекать людей к тому, от чего с превеликою трудностию их отторгали: вы, конечно, худо поняли намерение Жан-Жака Руссо, с которым он утверждал свою систему. — Скажите мне, не хочется ли вам, чтобы путешествие в Париж, молодыми нашими дворянами предприемлемое для познания света и для просвещения своих единоземцев, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, в Россию помощию обращения со французами с великим трудом введенные, опять оные из России изогнаны были вместе со французами? Не того ли вы ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее нас из варваров в европейцев? — Здесь я разумею острую и замысловатую вашу шутку о введении в Россию французских кошельков; и если я не ошибаюсь, то кажется мне, что вы разумели здесь французские кошельки те, кои с некоторого времени почти все европейцы начали носить на волосах, а под именем кошелька вы разумели все французское платье, вместо старого русского употребляемое; и если это так, так вы великую имеете причину сожалеть о старом платье: ибо оно и красиво очень и покойно; в котором платье спишь, в том можно и в гости к женщинам ходить... Ха! ха! Какой вы чудак! — По чести, я нахожу вас весьма странным человеком и подлинно еще не знаю, притворяетесь ли вы прямым русаком или таковы и вправду: но знаю только то, что первое никакой чести вам не приносит, а последнее еще и делает вас смешным; но оставим это, а приступим к изысканию тех добродетелей, кои вы прославлять предприяли; а потом к опровержению вашего несправедливого о французах мнения.

---

[1] О сем, если вы любопытства имеете побольше наших прародителей, которые от великих своих добродетелей никаких книг не имели и не читали, то можете сие видеть в сочинении Абеде Ш... и других подобных ему беспристрастных писателях о России: но я всех их не могу упомнить.

Прославляя древние русские добродетели, вы, кажется мне, не потрудились поискать о том известия в иностранных о России писателях, но довольствовались, так я думаю, утвердиться на словесных объявлениях старожилов, которые говорят: «В старину-то было хорошо жить; в старину-то были люди богаты; в старину-то хлеб родился; в старину-то были люди умны», и проч. Если же это правда, то вы несколько погрешили, потому что не все словесные известия заслуживают вероятие, но надлежит основываться на писателях, а писатели о России были иностранные, а наибольшее вероятие по своему беспристрастию заслуживающие суть французы; о российских же историках ни от одного француза слышать мне не случалось: кроме одной какой-то книжки «Синопсис»; да и о той слышал я, что ее окроме русских купцов да уездных дворян никто не разумеет. По сему-то приметил я, что вы в российской истории не весьма сведущи: но если вам угодно, то я могу служить моим знанием; а сие знание приобрел я от путешествия в Париж, от чтения французских о России писателей и от разговоров со французами. Сей народ так прилеплен к наукам, а наипаче ко словесным, что и об нашей истории прежде нас потрудились нам подать понятие и просветить наше в том невежество. Внимайте: древняя Россия имела обитателями своими скифов или разных под тем названием диких народов. История не оставила нам известия ни о нравах их, нижѐ о добродетелях; но повествует только, что оный народ жаден был ко кроволитию, алчен ко грабительству и тому подобное; а сие все весьма худое подает мнение о добродетелях их, которые вы превозносите. — Где ж вы их нашли и какие оные были? Мы не знаем. Может быть, особенные какие-нибудь о том известия хранятся в вашей вивлиофике,[1] но мне об оных никогда слышать не случалось.

---

[1] Сие мудреное слово (которого выговорить я не могу, да и написать едва мог с великою трудностию) поставил я шутя и нарочно вам в угождение: ибо оное слово, сказывают, взято из глубокой древности и не знаю кем-то вытащено на свет; но ведаю то, что оно дерет уши, также что оно ни французское, ни русское; поставлено же оно вместо весьма употребительного во Франции и в России слова *библиотека*. Библиотеку все знают, а вивлиофики никто не разумеет. Сие рассуждение слышал я недавно от одного стихотворца: он прибавил к тому, что сия ересь недавно ввелася между писателями русскими, которых он считает только троих во всей пространной Российской империи. Эдакое изобилие! а у французов есть их, по крайней мере, с три тысячи. — Приметьте же сию небольшую разницу между русскими и французами, которых вы в науках почти равняете: но оставим это. Сей стихотворец рассуждал, что сия новая в письменах ересь вводится к порче, а не к поправлению языка, и что оная русскому языку совершенным падением угрожает. Я говорю это по словам его, а не по своему заключению: ибо по чести могу вас уверить, что я русских книг отроду не читывал и не имею, окроме сей: «Les oeuvres de Mr. Lomonosoff». Сия книга известна под названием сочинений Ломоносовых: но я, избегая стыда, если бы в библиотеке моей русскую книгу увидели, приказал переплетчику заглавие ее поставить по-французски.

ЛИСТ ПЯТЫЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПИСЬМА

Когда язычество в России пало и возникла вера христианская, тогда дикость и грубость во нравах российских хотя несколько и поуменьшились, но в дополнение сей убавки родилось и возвысилось суеверие до высочайшего степени. О сих временах повествует история, что они блистали не добродетельми человеколюбивыми, но славились войнами междоусобными повсеместно, жестокостию, братоубийством, вероломством в договорах и коварством в получении сих княжеств, которые сколь ни малы были, но приобретаемы были с великими опасностьми потеряния жизни. Потом на сии раздробленные княжества татары возложили свое иго, и варвары принуждены были покориться сильнейшим их варварам. В сие пространство времени некоторые иностранные писатели ни о чем больше не повествуют, как о варварстве, невежестве и ненависти ко просвещенным европейцам.

Где же древние российские добродетели, представляемые вами к подражанию? — и здесь мы их не видим. Приступим же ко временам, по истории гораздо просвещеннейшим, и поищем сих добродетелей: ибо сия часть истории российской от времени до времени начинает показываться известною по иностранным писателям, потому что многие иностранцы начали приезжать в Россию. Царь Иван Васильевич, коего французские писатели обычно называют ...., сверг с себя иго татарское, распространил и увеличил свое владение, но нравы в России остались те же и невежество в такой же, как и прежде было, силе: ибо бичом, ярмом и мечом нравы никогда не исправляются. Потом, при следовавших по нем царях, Россия начала просвещаться и помалу оставлять дикие нравы; а сие просвещение и оставление дикости не в ином состояло, как только в том, что россияне иностранных стали почитать за человеков. — Какое просвещение! Какая редкая добродетель! — Не оную ли вы предлагаете нам к подражанию? Пройдем же сколько можно сокращеннее всех сих царей, даже до Петра Великого: ибо хотя и многое мог бы я привесть из сих времен к опровержению вашего мнения, но уже мне скучилось; довольно сего, что в сии времена в России не было ни одного училища, никаких книг, кроме церковных, и никто из русских не знал никакого иностранного языка; в сие-то время происходило все то, о чем упомянул я в начале моего письма; тогда-то [1] . . . .
. . . .
. . . .

[1] Здесь я против желания моего принужден был многое выключить из сего письма. Впрочем, могу читателя моего уверить, что находились тут самые смешные клеветы, которые ненавистникам России выдумать захотелось.

Скажите мне, были ли в России науки и художества, чем все просвещенные народы славятся? Были ли великие полководцы, министры, политики, галант-омы? словом сказать, во всех частях наук, художеств и просвещения были ли великие люди? — Никак. Ежели же и мечтали быть их, то сие уподобить можно не иному чему, как младенцу, взявшему перо в руки, который хотя и не лепо по бумаге чертить начинает, однакож тому удивляются . . . .

. . . .

Из сего усмотреть можете, что и он не с той стороны принялся за просвещение нравов: ибо немцы, голландцы и агличане никогда бы нравов наших не просветили. Одним французам честь сия предоставлена была; а вы осмеливаетесь поносить сих людей, которые достойны всего нашего почтения, всея доверенности, всякия благодарности и всякого возмездия. Одно только обхождение со французами и путешествие в Париж могло хотя некоторую часть россиян просветить. Без французов разве могли мы назваться людьми? Умели ли мы прежде порядочно одеться и знали ли все правила нежного, учтивого и приятного обхождения, тонкими вкусами утвержденные? Без них не знали бы мы, что такое танцованье, как войти, поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею разные изъявлять страсти и показывать состояние души и сердца нашего. Если бы не переняли мы от французов приятного и вольного обхождения с женщинами, то могли ли мы без сего приятную вести жизнь. Ныне женщин взаперти и под покрывалами их лиц не держат: все они наруже. Что ж бы мы, сошедшись в женское собрание, говорить стали? Разве о курах да цыплятах разговаривать бы стали. Женясь на закрытой покрывалом и дурно воспитанной девке, разве был бы я счастлив? Напротив того, ныне я за несколько лет еще прежде у невесты моей могу вызнать все, как бы что у нее сокровенно ни было; и никогда иначе не женюсь, разве по любви или по склонности к деньгам. От обхождения нашего со французами переняли мы их тонкость, живость и гибкость, так что я несколько часов могу разговаривать с женщиною и верно знаю, что ей не будет скучно. За всякою девушкою я волочусь и показываюсь страстно влюбленным, а это не может быть ей противно. С женщиною средних лет я обхожусь вольно, разговариваю о всяких шалостях, сказываю о парижских обычаях, о всяких любовных новостях; смеюсь старым русским обычаям и нечувствительно могу с нею провести время. С престарелою же женщиною говорю, что она еще хороша, что я боюсь быть с нею наедине, дабы не влюбиться: словом сказать, я со всякою женщиною найду, что говорить, какого бы она состояния или каких бы лет ни была, и могу опричь жены десять иметь любовниц и всех их обманывать; а это-то и есть душа нашей жизни! С учеными людьми и с художниками я также могу разговаривать:

ибо имена нескольких французских ученых людей и художников я могу упомнить наизусть, так в одних похвалах им могу часа два-три провести. Словом, помощию обхождения моего со французами я, ничему не учась, сделался ученым человеком и могу разговаривать и критиковать дела военные, гражданские и политические; осмеивать государственные учреждения и, показывая себя все знающим, ничему не удивляться: а таковы-то точно, сказывают, и есть большая часть французских дворян, ибо там на все заведен порядок; учатся мещане, праздно живут дворяне, торгом государство обогащают купцы, разоряют оное откупщики, землю пашут крестьяне, а ничего не делающие и пропитания не имеющие приезжают к нам купцами, учителями, учеными... Да мы и тем должны радоваться! Из всего этого вы легко усмотреть можете, что и в нынешнее время просвещением и хорошими нравами блистают только те, кои или путешествовали в Париж, или от самых младенческих лет здесь обращаются со французами . . . .
. . . .

* * *

Остаток сего письма я здесь не поместил; ибо оный не что иное, как повторение похвалы французам и посмеяние русским. В конце сего письма г. мой критик забавляется, по его мнению, некоторыми глупыми русскими церемониями и утверждает, что во Франции подобного тому никогда не бывало; а заключает письмо свое тем, что Россия тогда только может называться просвещенною, когда Петербург сделается Парижем, когда русский язык будет во всех иностранных державах в таком же употреблении, как французский; или когда все наши крестьяне будут разуметь по-французски, чему сей патриот в свободное от чесания волосов время обещается сделать проект.

Господин сочинитель «Кошелька»!

Мне захотелось сделать небольшой подарочек в ваш кошелек. Если он будет вам угоден, то прошу его принять и сделать из него употребление, чем одолжите приславшего оный: подарок здесь следует; а я остаюсь

вашим слугою ***.

P. S. Не подумайте, чтобы это было вымышленное письмо: нет, оно подлинное и ошибкою в мои руки попавшее, которое

я прочитав нашел оное достойным перевода и сообщения к вам для напечатания. Пусть земляки наши прочтут оное и полюбуются приезжим кавалером.

* * *

Из Марселии от 25 июня 1774 года.

Любезный сын!

Наконец, получа твое письмо, мой любезный сын, возвратилась ко мне надежда, которой приближавшеюся старостию я навсегда лишался. Ты находишься в Петербурге, ты, француз, ты, мой сын, ты всегда любил меня: после всего этого я не умру от голода. Когда был я в силах, тогда руки мои доставляли пропитание мне, твоей матери и тебе; но когда силы мои оставили меня, когда ремесло мое стало бесполезно и когда не имею я куска хлеба, тогда ты должен пропитать мою старость. Без сомнения, ты уже нашел в Петербурге прибыточное место и имеешь деньги, раздели же их, любезный сын мой, с отцом твоим: пришли мне, сколько можешь; а я тебе из Марселии ничего иного прислать не могу, кроме желания, чтобы ты поскорее разбогател и ко мне возвратился; ты требовал, чтобы я прислал тебе отсюду дворянский паспорт, но я не мог достать оного и с превеликою трудностию получил мещанский: непорядочная твоя в молодости жизнь тому причиною. Сверх того, если бы я имел деньги, то, без всякого сомнения, получил бы я паспорт дворянский: но я оных и для пропитания моего не имею! Рассуди же сам, что мне оставалось сделать. Я сторговал было паспорт после одного бедного капитана, умершего скоропостижно, но, не могши достать денег, упустил оный; а купил его сын нашего соседа бочара и с оным отправился в Петербург, чтобы вступить в военную службу. Но тебе, любезный сын, я не советую вступать в военную службу, береги жизнь свою для сохранения жизни престарелого твоего отца: ты находишься теперь в такой земле, которая по справедливости почитается французскою Индиею, то, и не подвергая свою жизнь опасности, можешь ты приобресть золота, возвратиться в Марселию и пропитать бедную мою семью. Прости, любезный сын, и помни, что отец твой из северной части света, посредством твоим, ожидает теплого ветра, чтобы продолжить свою жизнь. Желаю тебе всякого благополучия. Прости. Я есмь отец твой, и проч.

P. S. Дядю твоего Гильиома, портного, третьего дни ударил паралич: рассуди сам о моей печали; болезнь его отняла у него ремесло, а у меня последнее пропитание.

Примеч. По справке с достоверными историками здешних трактиров, сей приезжий француз на пределах Российской империи

произвел сам себя в шевалье де Мансонж; а по приезде в Петербург из любви к России унизил знатность своего рода даже до того, что к одному посредственному российскому дворянину вступил в должность учителя его детей и берет за сие только по пятисот рублей в год, да сверх того имеет стол, слугу и карету. Но как сей трудолюбивый француз имеет еще много свободного времени (ибо дети сего дворянина один пяти, а другой шести лет), то и сие свободное время употребляет он к пользе россиян; а именно, простой рульный тертый табак переделывает в *розовый* и продает по пяти и по десяти рублей фунт.

ЖИВОПИСЕЦ

Третье издание 1775 г.

ЧАСТЬ 1

НЕИЗВЕСТНОМУ Г. СОЧИНИТЕЛЮ КОМЕДИИ «О ВРЕМЯ» ПРИПИСАНИЕ

Государь мой!

Я не знаю, кто вы; но ведаю только то, что за сочинение ваше достойны почтения и великия благодарности. Ваша комедия «О время!» троекратно представлена была на императорском придворном феатре и троекратно постепенно умножала справедливую похвалу своему сочинителю. — И как не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили комедию точно в наших нравах; вы первый с таким искусством и остротою заставили слушать едкость сатиры с приятностию и удовольствием; вы первый с такою благородною смелостию напали на пороки, в России господствовавшие; и вы первый достоин по справедливости великия похвалы, во представлении вашей комедии оказанныя. Продолжайте, государь мой, ко славе России, к чести своего имени и к великому удовольствию разумных единоземцев ваших; продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочинениями: перо ваше достойно будет равенства с Молиеровым. Следуйте только его примеру: взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, достойных вашего осмеяния; и вы увидите, какое еще пространное поле ко прославлению вашему осталось. Истребите

из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица; порочный человек во всяком звании равного достоин презрения. Низкостепенный порочный человек, видя осмеваема себя купно с превосходительным, не будет иметь причины роптать, что пороки в бедности только единой пером вашим угнетаются. А превосходительство, удрученное пороками, пусть хотя в первый раз в жизни своей восчувствует равенство с низкостепенными. Вы первый достойн показать, что дарованная вольность умам российским употребляется в пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы свое имя; имя, всеобщия достойное похвалы: я никакие не нахожу к тому причины. Неужели, оскорбя толь жестоко пороки и вооружа против себя порочных, опасаетесь их злословия. — Нет, такая слабость никогда не может иметь места в благородном сердце. И может ли такая ваша смелость опасаться угнетения в то время, когда ко счастию России и ко благоденствию человеческого рода владычествует нами премудрая Екатерина? Ее удовольствие, оказанное во представлении вашея комедии, удостоверяет о покровительстве ее таким, как вы, писателям. Чего ж осталось вам страшиться? Но, может быть, особенные причины принуждают вас укрывать свое имя; ежели так, то не тщусь проникать оных. И хотя имя ваше навсегда останется неизвестным, однакож почтение к вам мое никогда не умалится. Оно единственным было побуждением приписанию вам сочинения под названием «Живописца». Примите, государь мой, сей знак благодарности за ваше преполезное сочинение от единоземца вашего. Вы открыли мне дорогу, которыя всегда я страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев, вы поострили меня испытать в том свои силы: и дай боже! чтобы читатели в листах моих находили хотя некоторое подобие той соли и остроты, которые оживляют ваше сочинение. Если ж буду иметь успех в моем предприятии и если принесут листы мои пользу и увеселение читателям, то и за сие они не мне, но вам будут одолжены: ибо без вашего примера не отважился бы я напасть на пороки. Впрочем, я останусь навсегда

вашим почитателем

Со[чинитель] «Живописца».

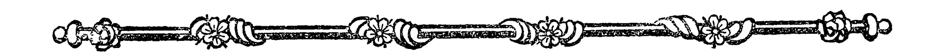
Н. П. Хотел бы я просить вас, чтобы вы сделали честь моему журналу сообщением какого-либо из ваших мелких сочинений; но опасаюсь отвлечь от упражнений ваших.

В Санктпетербурге,
апреля 12 дня,
1772 года.

К ЧИТАТЕЛЮ

Благосклонное принятие первым двум изданиям сего труда моего ободрило меня приступить ко третиему. Если бы я был самолюбив, то скорый сей расход «Живописцу» неотменно поставил бы на счет достоинства моего сочинения; но, будучи о дарованиях своих весьма умеренного мнения, лучше соглашаюсь верить тому, что сие сочинение попало на вкус мещан наших: ибо у нас те только книги третьими, четвертыми и пятыми изданиями печатаются, которые сим простосердечным людям, по незнанию их чужестранных языков, нравятся; люди же, разумы свои знанием французского языка просветившие, полагая книги в число головных украшений, довольствуются всеми головными уборами, привозимыми изо Франции: как то пудрою, помадою, книгами и проч. В подтверждение сего моего мнения служат те книги, кои от просвещенных людей никакого уважения не заслуживают и читаются одними только мещанами; сии книги суть: «Троянская история», «Синопсис», «Юности честное зерцало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» и другие некоторые. Напротив того, книги, нà вкус наших мещан не попавшие, весьма спокойно лежат в хранилищах, почти вечною для них темницею назначенных. Сожалеть должно о том, что в число сих последних многие весьма хорошие и полезные книги попались, которые весьма бы были достойны занимать место самой душистой пудры, изо Франции привозимой.

Впрочем, должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями. Сие сделал я по примеру французских писателей, которые весьма часто сие употребляют для лучшего расхода своих сочинений.



I

АВТОР К САМОМУ СЕБЕ

Ты делаешься Автором; ты принимаешь название живописца; но не такого, который пишет кистью, а живописца, пером изображающего наисокровеннейшие в сердцах человеческих пороки. Знаешь ли, мой друг, какой ты участи себя подвергаешь? Ведаешь ли совершенно, какой предлежит тебе труд? Известны ли тебе твои свойства и твои читатели? Надеешься ли всем им сделать угождение? Взвесил ли ты беспристрастно свои достоинства и способности? Подумал ли, что худой Автор добровольно подвергает себя всеобщему осмеянию? — Ты молчишь: бедный человек! ты столько же порабощен страстям своим, как и те, которых исправлять намеряешься! — Слышу твое возражение: как оно слабо и смешно. Ты говоришь:

— Вить другие пишут, не больше моего имея способностей; для чего же не писать и мне, имев столько же к писанию охоты, как и они; да еще и тогда, как все мои приятели уверяют, что я к писанию способен; ты один только упорствуешь и никогда на их не хочешь согласиться мнение.

— Выслушай мой ответ, твоими же скажу тебе словами: вить других пересмехают, для чего же ты примером их не исправляешься? Приятели твои льстили тебе или по легкомыслию, или в насмешку, или, наконец, по ложной благопристойности худое хвалить, дабы не раздражить хулимого: ты узнаешь, сколь опасны такие приятели! Я ведаю, что утвердить тебя в твоем заблуждении невеликого им стоило труда. Самолюбие твое было тем удовольствовано, и ты думал так: других пересмехали и охуждали для того, что они писали дурно. Я сам усматривал их погрешности; я буду стараться убегать от подобных и потому не только что не подвергну себя порицанию, но надеюсь еще заслужить похвалу. — Как ты худо себя знаешь и какое заблуждение! Все писатели так думают, все так мысленно оправдываются, все так заблуждают, и все в других находят погрешности, а не видят только собственных своих.

— Посмотри на сего высокопарного *Невпопада;* он силится, напрягается, обещает гору, но всегда рождает мышь: все так о нем говорят; но он один утверждает, что все обманываются, — бедный автор!

— Взгляни на сего дерзкого *Кривотолка;* он безо всякия пощады порицает сочинения всех славных писателей, показывая тем остроту своего разума: он хорошие сочинения других обращает в худые, а свои негодные поставляет равными наилучшим сочинениям славных писателей; но никто из разумных людей ему не верит, и всякий говорит: он истинный *Кривотолк!* Какая ж причина сему *Кривотолкову* заблуждению? Зависть, — бедный автор!

— Тут найдешь писателя, старающегося забавлять разум своими сочинениями и производить смех в разумных читателях; но увидишь, что он больше досаждает и производит скуку, а смеется только сам, — бедный автор!

— В другом месте увидишь нравоучителя, порицающего всех критиков и утверждающего, что сатиры ожесточают только нравы; а исправляют нравоучения; но читатель ему ответствует: «Ты пишешь так сухо, что я не имею терпения никогда читать твои сочинения», — бедный автор!

— Там сатирик описывает пороки, язвит порочных, забавляет разум остротою своего сочинения и приносит удовольствие. Некоторые читатели говорят ему: «Ты забавен; я читал тебя с приятностию, но ты едок; я тебя опасаюсь»; а прочие кричат: «Он всесветный ругатель!» — О бедный автор!

— Встречается со мною трагический писатель; он сочиняет трагедию и говорит: комедия развращает только нравы и научает порокам, а не исправляет оных: такие сочинения не только что бесполезны, но и вредны. Одна трагедия имеет своею целию добродетель и научает оной и самих царей. Какая завидная участь!.. Но читатель ему ответствует: «Ежели твоя трагедия хороша, то тогда услаждает она мои чувства и питает разум; но, однакож, ведай, что до сея пищи охотников не много», — бедный автор!

— Писатель комедии говорит: трагедия показывает следы нравоучения тем людям, которые в оном не имеют нужды: научать таких людей, кои или уже добродетельны, или не слушают его нравоучения, есть труд бесполезный. Напротив того, комедия приятным нравоучением и забавною критикою исправляет нравы частных людей; язвит пороки, не дает им усиливаться, искореняет их: словом, из всех феатральных сочинений одна комедия полезна; но читатель ему говорит: «Знай, когда ты меня осмеиваешь, тогда я тебя пересмехаю», — бедный автор!

— Тут следует писатель, который не сочиняет ни трагедий, ни комедий для того только, что сии роды сочинений очень стары: он охотник выдумывать новое и для того пишет сочинение в таком вкусе, который с лишком за две тысячи лет откинут; ему читатель ответствует: «Напрасно ты трудишься; ты очень...» — бедный автор!

— Но мне еще встречается писатель: он сочиняет пастушеские песни и на нежной своей лире воспевает златый век. Говорит, что у городских жителей нравы развращенны, пороки царствуют, все

отравлено ядом; что добродетель и блаженство бегают от городов и живут в прекрасных долинах, насажденных благоуханными деревами, испещренных различными наилучшими цветами, орошенных источниками, протекающими кристалловидными водами, которые, тихо переливаяся по мелким прозрачным камешкам, восхитительный производят шум. *Блаженство* в виде пастуха сидит при источнике, прикрытом от солнечных лучей густою тению того дуба, который с лишком три тысячи лет зеленым одевается листвием. Пастух на нежной свирели воспевает свою любовь; вокруг его летают зефиры и тихим дыханием приятное производят ему прохлаждение. *Невинность* в видах поднебесных птиц совокупляет приятное свое пение с пастушескою свирелию, и вся природа во успокоении сему приятному внимает согласию. Сама *добродетель* в виде прелестныя пастушки, одетая в белое платье и увенчанная цветами, тихонько к нему подкрадывается; вдруг перед ним показывается; пастух кидает свирель, бросается во объятия своея любовницы и говорит: «Цари всего света, вы завидуете нашему блаженству!» Г. автор восхищается, что двум смертным такое мог дать блаженство: и как хотя мысленным не восхищаться блаженством! жаль только, что оно никогда не существовало в природе! Творец сего блаженства хотя знает всю цену завидныя сея жизни, однакож живет в городе, в суетах сего мира; а сие, как сказывают, делает он ради двух причин: первое, что в наших долинах зимою много бывает снега; а второе, что ежели бы он туда переселился, то городские жители совсем позабыли бы блаженство пастушеския жизни. Читатель ему ответствует старинною пословицею: «*Чужую душу в рай, а сам ни ногою*», — бедный автор, ты других и себя обманываешь.

— Тут предстает пред мои глаза толпа писателей, которые то бредят, что видят; их сочинения иногда читают; но ничего им не ответствуют. — О пребедные авторы! ваша участь достойна сожаления! Но как исчислить всех? Болезни авторские, равно как и сами они, многообразны. Писатели желают быть хамелеонами, преображающимися по своему желанию и показывающимися наилучшими во всех видах, но редкие до сего достигают; прочие же всегда в одном, да и в худом показываются виде.

— Г. живописец, вот картина, изображающая тебе авторов; я не входил в подробности, но начертанием одним изобразил различные роды упражнения, для коего ты себя определяешь. Я не упомянул также о сей грозной туче, на труды авторские всегда устремляющейся; о сих острых критических языках, которые даже до буквы, неправильно поставленныя, писателям никогда не прощают. Что будет со твоими сочинениями, когда и славнейших писателей труды не щадятся? Тебе известно, какие свойства, дарования и способности составляют хорошего писателя: они бывают редки, но когда бывают, тогда обожают их просвещенные чита-

тели. Итак, рассмотря себя, оставь сие упражнение. — Но ты молчишь; и я с досадою на твоем лице усматриваю непременное желание быть Автором. Еще раз прошу тебя, оставь сие упражнение.

— Нельзя, — ты мне отвечаешь.

— Так прости, бедный писатель; с превеликим соболезнованием оставляю тебя на скользкой сей дороге. По малой мере не позабывай никогда слов, мною тебе сказанных: что люди, упорно подвергающие себя осмеянию, никакого не достойны сожаления. Впрочем, я даю тебе совет: избери из своих приятелей друга, который был бы человек разумный, знающий и справедливый: слушай его критику без огорчения; следуй его советам; и хотя оные обидят твое самолюбие, но, однакож, знай, что они будут иметь действие, подобное горьким лекарствам, от болезней нас освобождающим. Наконец требую от тебя, чтобы ты в сей дороге никогда не разлучался с тою прекрасною женщиною, с которою иногда тебя видал: ты отгадать можешь, что она называется *осторожность*.

II

Приняв название живописца и сделавшись Автором еженедельных листов, нечувствительно сделался я должником всех моих читателей. Они, без сомнения, потребуют в каждую неделю полулиста моего сочинения: я им так обещал и почтенное авторское слово сохраню неотменно. Да для чего ж бы и не сохранить оного? — По моде нашего времени писать не трудно: благодаря бога, правая рука моя здорова, буквы чертить по бумаге научился еще с робячества; итак, были бы только чернила, перо, бумага, так и совсем Автор. О времена! блаженные времена, в которые не учась грамоте становимся попами! Некоторые ненавистники письмен нового вкуса утверждают, что ко всякому сочинению потребен разум, учение, критика, рассуждение, знание российского языка и правил грамматических. — Устыдитесь, государи мои, строгие судьи, устыдитесь своего мнения; оставьте ваше заблуждение: посмотрите только на молодых наших писателей, вы увидите, что они никогда вашим не следуют правилам. Вы то проповедуете, чего не было или что вышло уже из моды: кто же будет вам следовать? — Право, никто. По малой мере мы, молодые люди, никогда не отяготим памяти своей ненужным знанием; да это и похвально: для чего без нужды трудиться? На что разум, когда и без оного писать можно? что в рассуждении и критике? — все ли захватить Автору, надобно и читателям что-нибудь оставить. Пропади знание российского языка, ежели и без него можно жить в большом свете: а этот большой свет составляют почтенные и любезные наши щеголи и щеголихи. Исчезните, правила грамматические! вы только пустое делаете затруднение. А учение? — О! эта ненужная тягость совсем

брошена. — Но что я слышу! строгие, ученые и благоразумные люди негодуют; вооружаются против меня; хотят делать опровержение моим правилам; я пропал! — Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня ответствовать вам будут. — Благородные невежды, ветреные щеголи, модные вертопрашки, на вас полагаю я надежду; вы держитесь моих правил, защищайте их: острые ваши языки к тому способны. И вы, добрые старички, вы думаете о науках согласно со мною: но по другим только причинам. Вы рассуждаете так: «Деды наши и прадеды ничему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно; науки да книги переводят только деньги: какая от них прибыль, одно разоренье!» Детям своим вы говорите: «Расти только велик да будь счастлив, а ум будет» — Прекрасное нравоучение! неоспоримые доводы: новая истина открывается свету! Благоразумные старцы, премудрые воспитатели, в вашем невежестве видно некоторое подобие славнейшия в нашем веке человеческия мудрости Жан-Жака Руссо: он разумом, а вы невежеством доказываете, что науки бесполезны. Какие ужасные противоположники соглашаются утвердить вред, от наук происходящий! В первый еще раз сии непримиримые неприятели, *разум* и *невежество*, во единомыслие приходят. Прорицалище нашего века, славный Волтер, познай свое заблуждение: старики наши, паче тебя тягостию лет обремененные, никогда не говорят, что на четырех ногах ходить поздно. Послушаем теперь, как молодые люди о науках рассуждают.

— Что в науках, — говорит *Наркис:* — астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет: на что ж мне она? Мафиматика прибавит ли моих доходов? — Нет: чорт ли в ней! Фисика изобретет ли новые таинства в природе, служащие к моему украшению? — Нет: куда она годится! История покажет ли мне человека, который бы был прекраснее меня? — Нет: какая ж в ней нужда? География сделает ли меня любезнее? — Нет: так она и недостойна моего внимания. Прочие все науки могут ли произвесть чудо, чтобы красавицы в меня не влюблялись? — Нет: это невозможность; следовательно, для меня все науки бесполезны. А о словесных науках и говорить нечего. Одна только из них заслуживает несколько мое внимание: это стихотворство; да и оно нужно мне тогда только, когда захочется написать песенку. Я бы начал обучаться оному, да то беда, что я не знаю русского языка. Покойный батюшка его терпеть не мог; да и всю Россию ненавидел: и сожалел, что он в ней родился; полно, этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживает: человек с моими достоинствами не может найти счастия! То, что имею я, другой почел бы счастием, но для меня этого мало! — О Россия! Россия! когда научишься ты познавать достоинства людские!

Так рассуждает *Наркис;* достоинства его следующие: танцует прелестно, одевается щегольски, поет, как ангел; красавицы

почитают его Адонидом, а солюбовники Марсом, и все его трепещут; да есть чего и страшиться: ибо он уже принял несколько уроков от французского шпагобойца. К дополнению его достоинств играет он во все карточные игры совершенно, а притом разумеет по-французски. Не завидный ли это молодец? не совершенный ли он человек? Читатель, скажи мне на ухо, каковы будут дети Наркисовы?

Худовоспитанник говорит:

— Науки никакой не могут мне принести пользы: я определил себя к военной службе, и я имею уже офицерский чин. Науки сделают ли меня смелее? прибавят ли мне храбрости? сделают ли исправнейшим в моей должности? — Нет: так они для меня и не годятся. Вся моя наука состоит в том, чтобы уметь кричать: пали! коли! руби! и быть строгу до чрезвычайности ко своим подчиненным. Науки да книги умягчают сердце; а от мягкосердечия до трусости один только шаг. Итак, пусть учатся и читают книги люди праздные; а я храбростию одною найду себе счастие.

Худовоспитанник точно так и поступает: его называют храбрым офицером, похваляют: отец его радуется, что имеет столь любезного сына. Наконец, по многим храбрым его поступкам, сделал он прехраброе дело: его пожаловали бы большим чином, если бы он что-нибудь разумел опричь науки рубить шпагою. Но тут уже смотрят на него другими глазами и говорят: он был наилучший офицер, когда был под командою, но будет самый худой начальник. Как поверить ему полк? он ничему не учился, ничего не читал и ничего не знает. Вместо большого чина дают ему деньги: он считает себя обиженным, думая, что когда был он хорошим офицером, то был бы еще лучшим начальником. Он идет в отставку и говорит: достоинства не награждаются.

Худовоспитанник приезжает в другую неприятельскую землю, а именно во свое поместье. Служа в полку, собирал он иногда с неприятелей контрибуцию, а здесь со крестьян своих собирает тяжкие подати. Там рубил неверных, а здесь сечет и мучит правоверных. Там не имел он никакия жалости; нет у него и здесь никому и никакой пощады; и если бы можно ему было со крестьянами своими поступать в силу военного устава, то не отказался бы он их *аркибузировать*. Там отнятием неприятельских земель служил он отечеству, а здесь отнятием оных у маломощных своих соседей делается преступником законов отечества. Правильно говорил *Худовоспитанник*, что науки для него бесполезны; не нужны они ему были в военной службе, а в отставке и совсем не годятся!

Кривосуд, получа судейский чин, говорит:

— По наукам ли чины раздаются? Я ничему не учился и не хочу учиться; однакож я судья. Моя наука теперь в том состоит, чтобы знать наизусть все указы и в случае нужды уметь их употреблять во свою пользу. Науками ли получают деньги? науками ли наживают деревни? науками ли приобретают себе покровителей?

науками ли доставляют себе в старости спокойную жизнь? науками ли делают детей своих счастливыми? — Нет! так к чему же они годятся? Будь ученый человек, хотя семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ, то переучим мы его на свой салтык: буде не захочет ходить по миру. О науки! науки! бесполезная тяжесть. О ученые! ученые! вы-то прямые дураки.

Щеголиха говорит:

— Как глупы те люди, которые в науках самые прекрасные лета погубляют. Ужесть как смешны ученые мужчины; а наши сестры ученые — о! они-то совершенные дуры. *Беспримерно*, как они смешны! Не для географии одарила нас природа красотою лица; не для мафиматики дано нам острое и проницательное понятие; не для истории награждены мы пленяющим голосом; не для фисики вложены в нас нежные сердца; для чего же одарены мы сими преимуществами? — чтобы были обожаемы. В слове *уметь нравиться* все наши заключаются науки. За науки ли любят нас до безумия? наукам ли в нас удивляются? науки ли в нас обожают? — Нет, право нет: пусть ученая женщина покажется в ту беседу, в которой будут все наши щеголихи, украшающие собою женский пол: пусть она туда покажется: чорт меня возьми! ежели там с нею хотя одно слово промолвят. А ежели она говорить начнет, то все мужчины зевать станут. Счастлива будет она, ежели случится там несколько человек ей подобных: тогда по малой мере хотя не умрет от скуки. Но что ж она тем выигрывает? Не больше, как назовут ее ученою женщиною; да и то такие люди, которых самих называют *педантами*. Прекрасная победа! *беспримерно, как славна!* Ученая женщина! ученая женщина! фуй! как это *неловко*. Напротив того, ежели приеду я в такое собрание, то вмиг окружат меня все мужчины. Станут наперерыв хвалить меня: один удивляется красоте моего лица; другой хвалит руки; третий стан; иной походку; тот приятность моего голоса; иной превозносит нежность моего вкуса в нарядах: словом сказать, ни одна из безделок моих даже до булавки не останется, чтобы не была расхвалена. Все кричат: вот прекрасная, приятная и любезная женщина; вот чудесное произведение природы, вот совершенное ее сотворение: она мила, как ангел! Разумеется, что все такие слова без проводника идут к сердцу. Не успею я осмотреться, как уже тысячи найду обожателей. Один говорит, что он хотел бы быть вечно моим слугою, лишь бы мог иметь счастие всегда меня видеть. Как это много! *беспримерно* много; из благородного человека хочет сделаться слугою для того только, чтобы чаще на меня смотреть и удивляться. Другой говорит, что он оставил бы престол всего света, лишь бы мог быть моим любимым невольником: ужасная мысль! годится хоть в трагедию; по счастию, что он еще не король, а то бы и в истину он так сдурачился. Но, однакож, его до такого дурачества не допустили бы. Но как исчислить все, что говорят учтивые муж-

чины красавицам? Ласкательства их неограниченны, а учтивости бесконечны. Слыша это, как не восхищаться? как за учтивости не платить ласкою? Я так и поступаю: с одним поговорю, другого похвалю, на третьего брошу взгляд, поражающий его сердце, и так далее. Я ни одному ничего не обещаю, но, однакож, всех их к себе привязываю. Ужесть как завидно состояние щеголихи и как *беспримерно* жалко ученой женщины: божусь, что я своего состояния ни на какое не променяю. Какая ж нужда мне в науках?—право, никакой.

Так рассуждает *Щеголиха*. Читатель, скажи, не правильно ли ее рассуждение?

Молокосос говорит:

— Я не хочу тратить времени для наук: они мне не нужны. Чины получаю я по милости моего дядюшки, гораздо еще преимущественнее пред теми, которые в науках погубили молодые свои лета. Деньги на мое содержание жалует мне батюшка, а когда недостает оных, тогда забираю в долг, и мне верят. Начальники мои не только что любят меня, но еще стараются угождать мне, делая тем услугу знатным моим родственникам. В любви счастлив я и без наук: всякая красавица за честь себе почтет быть моею женою. Куда я ни приеду, везде меня ласкают; все хвалят, удивляются моей живости, превозносят остроту мою; итак, по всему науки для меня бесполезны.

Читатель! прибавь от себя, как *Молокососа* все внутренно называют.

Волокита рассуждает так:

— Какая польза мне в науках? Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола? Науками ли им нравятся? Науками ли упорные побеждают сердца? Науками ли украшают лоб? Науками ли торжествуют над солюбовниками? — Нет: так они для меня и не годятся. Моя наука состоит в том, чтобы уметь одеваться со вкусом, чесать волосы но моде, говорить всякие трогающие безделки, воздыхать кстати, хохотать громко, *сидеть разбросану*, иметь приятный вид, пленяющую походку, быть *совсем развязану;* словом, дойти до того, чтобы называли шалуном те люди, которых мы дураками называем: когда можно до этого дойти, то это значит дойти до совершенства в моей науке.

— В беседе со щеголихами бываю я волен до наглости, смел до бесстыдства, жив до дерзости; меня за это называют *резвым ребенком;* и хотя ударят меня по руке и скажут: перестань, ты очень дерзок, — однакож я никогда от того не краснею. Слова: *я не в своей сижу тарелке* меня в таком случае извиняют. Впрочем, всегда должен я быть ветрен и злоязычен. С которою *машусь*, ту одну хвалю; в ней одной все нахожу совершенства, а в прочих вижу только недостатки и пороки. Что нужды, ежели они их и не имеют, довольно, что я тем делаю угодность моей красавице. Необходимо также должен я уметь портить русский язык и гово-

рить нынешним щегольским женским наречием: ибо в наше время почитается это за одно не из последних достоинств в любовном упражнении. Открытие любви должен я делать по новому обыкновению и никогда не допускать, чтобы в такие разговоры вмешивалось сердце. Это было бы *дурачиться по-дедовски*. По-нашему надобно любить так, чтобы всегда отстать можно было. Открытие делаю я всегда, как будто это не нарочно случилось; например: рассказывая красавице о каком ни на есть любовном приключении, вдруг перерываю разговор:

— Э! кстати, сударыня, сказать ли вам новость? вить я влюблен в вас *до дурачества:* вы своими прелестьми так вскружили мне голову, что я *не в своей сижу тарелке*.

— Шутишь, — она мне ответствует: — ужесть как *славно* ты себя *раскрываешь*.

— *Беспримерно славно*, сударыня, что мне нужды, как вы это почитаете, *резвостью* или *дурачеством*, только я вам говорю *в настоящую*, что я *дурачусь*. Пусть я не доживу до *медного таза*, ежели говорю неправду!

— После такой клятвы бросаю на нее *гнилой взгляд*, а между тем начинаю хвалить ее и тут даю полную свободу языку моему; который, сказать истину, в таких случаях очень остер. Она часто потупляется, будто бы стыдилась слушать себе похвалу; иногда усмехается, иногда удивляется и почасту говорит: *перестань шутить, вить неутешно слушать вздор*. После этого я даю свободу рукам; мне говорят: *это уж и в истинную глупость* — а я далее, далее; а наконец она и сама поверит, что это была не шутка. Потом бываем мы несколько дней смертельно друг в друга влюблены: и это называется *дурачиться до безумия*. Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *сериньской* ездим в английскую комедию; в *пестриньской* бываем во французской; в *колетца* в маскараде, в *медной таз* в концерте; в *сайку* смотрим русский спектакль; в *умойся* дома; а в *красное* ездим прогуливаться за город. Таким образом держу ее своим *болванчиком* до того времени, как встретится другая.

— Вот моя наука! она, без сомнения, важнее всех наук; и я знаю ее в совершенстве. Пусть ученый человек со всею своею премудростию начнет при мне строить *дворики*, то я его так проучу, что он ото всякой щеголихи тотчас на *четырех ногах поскачет*.

О великий человек! ты рассуждаешь премудро, наука твоя *беспримерно славна*, и ты так учен, что я *от тебя падаю;* ты *вечно посадил себе в голову вздор:* как тебе не удивляться!

Читатель! с позволения твоего, не пора ли оставить рассуждения некоторых наших молодых людей о науках. Кажется мне, что я уже ими довольно тебе наскучил. Ты ожидаешь чего-нибудь поважнее, потерпи пожалуй, все будет: только чур не сердиться.

III

Господин издатель!

Ты охотник до ведомостей, для того сообщаю тебе истинную быль: вот она. У некоторого судьи пропали золотые часы. Легко можно догадаться, что они были некупленные. Судьи редко покупают. История гласит, что часы по форме приказной с надлежащим судейским насилием вымучены были у одной вдовы, требовавшей в приказе, где судья заседал, правосудия; коего бы она, конечно, не получила, если бы не вознамерилась расстаться против воли своей с часами.

В комнату, где лежали часы, входили только двое, подрядчик и племянник судейский, человек приказный и чиновный. Подрядчик ставил полные два года в судейский дом съестные припасы, за которые три года заплаты денег дожидался. Правда, имел он на судью вексель; но помогает ли крестьянину вексель на судью приказного, судью, может быть, еще знатного? Редко вексель действие имеет, где судьи судью покрывают, где рука руку моет, для того что обе были замараны. Подрядчик хотя невеликий грамотей, однако про это знает и для того пришел просить судью о заплате долгу со всякою покорностию: и в то-то самое время часы пропали. Племянник судейский, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека: играет в карты, посещает домы, где и кошелек опустошается и здоровье увядает; не было собрания мотов вне и внутри города, где бы он первый между прочими бездельствами пьян не напивался. Правосудию он учился у дяди, которого пришедши поздравить с добрым утром, украл и часы, о коих дело идет.

Худой тот судья, который чрез побои правду изыскивает; а еще хуже тот, который всякие преступления низкой только породе по предубеждению приписует; как будто бы между благорожденными не было ни воров, ни разбойников, ни душегубцев. Случающиеся примеры противное доказывают; и один прощелыга, обращающийся довольно в свете, утверждает, что больше бездельства и беззакония между дворянами водится, нежели между простым народом, называемым по несправедливости подлостию. Подлый человек, по мнению его, есть тот, который подлые дела делает; хотя б он был барон, князь или граф; а не тот, который, рожден будучи от низкостепенных людей, добродетелью, может быть, многих титлоносных людей превосходит.

Кто добродетелью превысит тьму людей,
Не знает славнее породы тот своей.

Судья, хватившись часов и не находя их, по пристрастию рассуждает про себя так: «Я хотя и грабитель в противность совести

и государских указов; однако сам у себя красть не стану; племянник мой также не украдет: он человек благородный, чиновный, а пуще всего мой племянник. Других людей здесь не было; конечно, часы украл подрядчик: он подлый человек, мне противен, я ему должен». Заключил, утвердился и определил истязывать подрядчика; хотя сего делать никакого права не имел, кроме насильственного права сильнейшего.

Г. издатель! Видно, что сей судья никогда не читывал книги «О преступлениях и наказаниях», которую бы всем судьям наизусть знать надлежало. Видно, что он никогда не заглядывал в те указы, кои беспристрастным быть повелевают. Рассуждая по сему и по многим другим подобным судьям, кажется, что они такие люди, кои уреченные только часы в приказах просиживают, а о прямых своих должностях, как о сирском и халдейском языках, не знают. О просвещение, дар небесный! расторгни скорее завесу незнания и жестокости для защищения человечества!

Уже страдает подрядчик под побоями судейскими, и плети, отрывая кожу кусками, адское причиняют ему мучение. Чем больше невинный старается оправдать себя клятвами и призыванием бога во свидетели, тем сильнее виноватый повелевает его тиранить; чем больше подрядчик просит, плачет и стонет, тем безжалостнее судья усугубляет его мучение. Бедный подрядчик, чувствуя свою душу приблизившуюся к гортани и скоро из уст выйти хотящую, не имея силы больше переносить мучения, принужден был наконец признаться в похищении часов судейских и чрез то прекратил чинимую над собою пытку.

Не столько любуется щеголиха новомодным и в долг сделанным платьем, в коем она в первый раз на гульбище под Девичий монастырь для пленения сердец поехала; не столько веселится мотишка, когда отец его смертию своею оставил его властителем своих сокровищ, которые он собрал, разоряя бедных просителей; не столько веселится и монах, когда случится ему светское что-нибудь сделать, как порадовался наш судья подрядчикову мнимому воровству: ибо он уповал не только не заплатить того, чем он подрядчику был должен; но еще надеялся и подрядчика сделать себе должным. В самом деле, в ту ж минуту со всем судейским бесстыдством наблюдатель правосудия сделал следующее предложение подрядчику: «Если ты не согласишься тотчас изодрать моего векселя и не дашь мне на себя другого в двух тысячах рублях, то ты будешь за воровство свое в трех застенках и пошлешься на вечную работу в Бальтийский порт. Все сие с тобою исполнится непременно: я тебя в том честным, благородным и судейским словом уверяю. Но если сделаешь то, чего от тебя между четырех глаз требую, то будешь сей же час свободен, и твое воровство не пойдет в огласку; а для заплаты двух тысяч рублей даю тебе сроку целый год: видишь, как с тобою человеколюбиво и християнски поступаю;

иной бы принудил тебя заплатить и пять тысяч рублей за твое бездельство, да еще и в самое короткое время».

Истерзанный подрядчик, обливаяся слезами и произнося все на свете клятвы, старается сколько можно доказать свою невинность; и признание в краже, говорит он, учинил для того, чтоб избавиться хотя на минуту несносного мучения. Уверяет судью, что не только не может он заплатить в год двух тысяч рублей, требуемых неправедно, но что все его имение почти в том и состоит, чем его превосходительство ему должен; что, получивши сей долг, располагал он заплатить положенный на него государев и боярский оброк; а потом себе, жене и малолетным своим детям нужное доставить. От сих слов пылает наш судья гневом и яростию и невинного подрядчика во свой приказ, яко пойманного вора и признание учинившего, при сообщении отсылает. Весьма скоро отправляются дела в тех приказах, в коих судьи сами истцами бывают; и редко случается от прочих судей противоречие в том, что одному из них надобно; хотя бы то было совсем несправедливо. Собака собаку лижет, и ворон ворону глаз не выклевывает. В тот же самый день определение подписано было всеми присутствующими, чтоб допрашивать подрядчика под плетьми вторично; и в тот же самый день сие бы исполнено было, если б ко счастию подрядчика не захотелось судьям обедать: ибо был второй пополудни час; и если б на другой день не было вербного воскресения и по нем страстной и святой недель, в коих не бывает присутствия.

Подрядчик, заклепанный в кандалы и цепь, брошенный со злодеями в темный погреб, плачет неутешно: а с ним купно рыдают жена его и дети. Слезы его тем обильнее текут, чем больше уверен он во своей невинности; а вор, племянник судейский, в то самое время рыская по городу, присовокупляет без наказания ко прежним злодействам еще новые бездельства. Украденные часы проиграл он некоторому карточному мудрецу, который со всеми своими в картах хитростями беднее еще русских комедиянтов. Карточный мудрец заложил их на два дни одному титулярному советнику, который по титулярной своей чести и совести только по гривне за рубль на каждый месяц процентов берет. Советник продал их в долг за двойную цену одному придворному господчику, который имеет в год доходу три тысячи рублей, а проживает по шести, надеясь, что двор заплатит все его долги за верную и ревностную службу, которая состоит в том, что он бывает дневальным. Придворный господчик подарил их своей любовнице, которая в неделю святой пасхи отдала оные вместо красного яйца прокурору того приказа, где содержался подрядчик, чтоб г. прокурор постарался утеснить ее отца, от которого она убежала.

По прошествии праздников заседания в приказах началися, и день для подрядчикова истязания и свобождения наконец настал. Судьи съехались, подрядчик к мучению был уже приведен, как

прокурор, приехавши после судей и удивившись раннему их съезду, вынул часы для проведания времени. Судья истец и другие присутствующие тотчас узнали украденные часы и без всех справок положили, что подрядчик оные продал той особе, от которой их прокурор получил; а чтоб подрядчика доказательнее в воровстве обличить, то отправили секретаря у оной госпожи взять расписку в покупке часов у подрядчика; коего между тем начали под побоями допрашивать о следующем: «Не был ли кто из богатых купцов с ним в умысле? Не крадывал ли он и прежде сего? Кому продавал краденные им вещи?» и пр. Расспросы сии делались, как сказывают, для того, чтоб из безделицы сделать великое дело, которое бы, может быть, никогда не вершилось; и чтоб ко оному припутать зажиточных людей, от коих можно бы было наживаться.

Покамест секретарь о путешествии часов осведомлялся, подрядчик мучимый насказал то, чего никогда не делывал; и допросы, в трех тетрадях едва умещенные, показали ясно, сколь много лишнего в приказах пишут, что не всегда нужны побои к изысканию злодеяния и что один золотник здравого судейского рассудка больше истины открывает, нежели плети, кошки и застенки.

Удивились судьи, когда секретарь донес и доказал, что часы у дяди своего украл племянник; а читатель беспристрастный удивится еще больше тому, что приказный секретарь не покривил душою и поступил совестно; но паче всего должно дивиться решению судейскому с тем мотом, который украл часы, и с невинным подрядчиком, дважды мучимым. ПРИКАЗАЛИ: вора племянника, яко благородного человека, наказать дяде келейно; а подрядчику при выпуске объявить, что побои ему впредь зачтены будут.

Повесть сия доказывает, г. издатель, что ничего нет для общества вреднее глупых, корыстолюбивых и пристрастных судей.

Покорный твой слуга

N. N.

IV

Mon coeur, живописец!

Ты, радость *беспримерный* Автор. — *По чести* говорю, *ужесть как ты славен!* читая твои листы, *я бесподобно утешаюсь;* как все у тебя *славно:* слог *расстеган,* мысли *прыгающи.* — По *чести* скажу, что твои листы *вечно меня прельщают: клянусь,* что я всегда *фельетирую* их без всякой *дистракции.* Да и нельзя не так, ты *не грустен, шутишь славно,* и твое перо *по бумаге бегает бесподобно.* — *Ужесть, ужесть* как прекрасны твои листы! Но сказать, *вокруг нас,* ты в них многое взял на мне: *уморить ли, радость?* Вить мнение-то *Щеголихино* ты у меня подтяпал: — Ха! ха! ха!— *Клянусь!* Спроси у всех моих знакомых, они тебе скажут, что

я всегда это говаривала: но это ничего не значит. Признаюсь, что я и сама много заняла из твоих листов.

Пуще всего ты *ластишь* меня тем, что *никак со мною не споришь;* а особливо когда говорил о науках: ты это так *славно прокричал.*— Чорт меня возьми! — *как книга.* А притом ты всегда стараешься оказывать нам учтивости; не так как некоторый грубиян, сочиня комедию, одну из подруг моих *вытащил* на театр: — Куда как он много выиграл? Я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти,* ан, право, никто из наших сестр и учтивых мужчин и не улыбнулся; а смеялись только... Он хотел нас одурачить, да не удалось. *Ужесть как славно* он забавлялся над бедным мальчиком *Фирлифюшковым:* со всем тем подобные ему люди останутся всегда у нас в почтении; а его *Дремов* никогда не выдет из дураков. Если б узнала я этого Автора, то *оттенила* бы сама его *бесподобно.* Я *никак* на него не сердита: он меня *никак* не тронул, однакож я и сама не знаю, за что я его *никак* не могу терпеть. В первой его комедии я и сама до *смерти захохоталась: ужесть как славно шпетил* он наших бабушек; а эта комедия такую сделала *дистракцию* и такую *грусть,* что я поклялась *никак на именины* не ездить. Правда, ты и сам *зацепился:* но это шуткою; а за шутки мы *никак* не сердимся: напротив того, ты бранишь одних только деревенских дураков; да и *беспримерно: ужесть как славно* ты их *развернул* в 5 листе твоего «Живописца».

Ты *уморил* меня: точь в точь *выказал* ты дражайшего моего *папахина.* — Какой это несносный человек! *Ужесть, радость, как он неловок выделан:* какой грубиян! Он и со мною хотел поступать так же, как с мужиками: но я ему показала, что я не такое животное, как его крестьяне. То-то были люди! С матушкою моею он обходился по старине. Ласкательства его к ней были: брань, пощечины и палка; но она и подлинно была того достойна: с эдаким зверем жила сорок лет и не умела *ретироваться в свет.* Бывало, он *сделает ей грубость палкою,* а она опять в глаза к нему лезет. *Беспримерные люди!* таких горячих супругов и в *романах* не скоро *набежишь. Ужесть как славны!* Суди, mon coeur, по этому, в какой была я школе: было чему научиться!

По счастью скоро выдали меня замуж: я приехала в Петербург: *подвинулась в свет, розняла глаза* и *выкинула весь* тот *из головы вздор,* который *посадили* мне мои родители: поправила *опрокинутое мое понятие,* научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами и сделалась человеком. Но я *никак* не ушла от беды: муж мой *в уме очень развязан:* да это бы и ничего; чем глупее муж, тем лучше для жены; но вот что меня *терзает до невозможности:* он *влюблен в меня до дурачества,* а к тому ж еще и ревнив. Фуй! как это *неловко:* муж *растрепан* от жены: это, mon coeur, *гадко!* О, если б не помогало мне разумное нынешнее обхождение, то давно бы я *протянулась.* Сказать ли, чем я *отвязываюсь* от этого

несносного человека? Одними обмороками. — Не удивляйся, я тебе это растолкую: как привяжется он ко мне со своими *декларасьонами* и клятвами, что он от любви ко мне сходит с ума, то я сперва говорю ему: *отцепись;* но он *никак* не отстает; после этого *резонирую*, что стыдно и глупо быть мужу влюблену в свою жену; но он *никак* не верит: и так остается мне одно средство *взять обморок*. Тогда *скачет* он по всем углам: старается помогать мне, а я тихонько смеюсь; *ужасно* как *беспримерно* много помогают мне обмороки: *божусь!* тем только и живу; а то бы он меня *залюбил до смерти. Бесподобный человек! Подари, радость*, хорошеньким советом, что мне с ним делать. Он до того *темен в свете*, что и спать со мною хочет вместе, — ха! ха! ха! Можно ли так глупо *догадаться!*

Шутки прочь, помоги мне: ты знаешь, *радость*, что от этого можно тотчас получить *ипохондрию*. Пожалуй *не задержись* с ответом; я на тебя *опущаюсь* и буду ожидать его с *беспримерным нетерпением*. Прости, mon coeur.

P. S. Услужи, *Фреринька*, мне, собери все наши модные слова и напечатай их деташированною книжкою под именем «Модного женского словаря»: ты многих одолжишь, и мы твой журнал за это будем превозносить. Только не *умори, радость*, напечатай его маленькою книжкою *и дай ему вид;* а еще бы лучше, если бы ты напечатал его вместо чернил какою краскою. Мы бы тебя *до смерти захвалили.*

* * *

За краткостию времени я никакого не могу дать вам совета. Потерпите, может быть кто-нибудь из читателей моих оный вам сообщит. Что ж касается до собрания «Словаря», то охотно бы вам тем услужил, если бы сообщили вы мне все слова, в вашем наречии употребляемые.

V

ОПЫТ МОДНОГО СЛОВАРЯ ЩЕГОЛЬСКОГО НАРЕЧИЯ

А

АХ! в щегольском наречии совсем противное от прежнего приняло знаменование. Прежде сие словцо изъявляло знаки удивления, сожаления и ужаса. Первое его знаменование было всем полезно; старики показывали им свою досаду и удивление, любовники свою страсть, а стихотворцы более всех употребляли его во свою пользу, наполняя почасту одними ахами целое полустишие. Но щеголихи всех их лишили сего междометия, переменив его употребление. В их наречии *ах* большею частию преследуется сме-

хом, а иногда говорится в ироническом смысле; итак, удивительный и ужасный *ах* переменился в шуточное восклицание, да это и давно пора было сделать: непросвещенные наши предки охотники были плакать, а мы больше любим смеяться; старинные наши девушки и под венцом стоя рыдали, а нынешние смеются; да притом же старый *ах* поплакал довольно, так пора ему и посмеяться.

ПРИМЕРЫ
УПОТРЕБЛЕНИЯ СТАРОГО И НОВОГО *АХ*

Ах, какой он негодный человек! он не любит свою жену, несмотря на то, что она разумна, добронравна, домоводна, хороша и сама его любит. *Ах*, как жалка его бедная жена!

Ах, как я сожалею об этом мальчишке! покойный его отец был мне друг и честный человек! он воспитал его по долгу родительскому очень хорошо, научил его всему, вкоренил в него благонравие, честность и учтивость; да труды его были и не напрасны, покуда находился он под его присмотром. Я и теперь еще помню, как, бывало, плакивал этот старичок от радости, что имел столь завидного сына. Но нынешнее обхождение совсем его испортило и сделало наглым и дерзким повесою. Я и сам прежде радовался, когда бывал он у меня, а ныне и в дом его к себе не пускаю. *Ах*, как портит молодых людей худое сообщество, если они по несчастию в него попадают. Ну, если б бедный мой друг воскрес и увидел ныне своего сына, — *ах*, сколько бы он пролил слез! Но не от радости, а с печали!

Ах, я погиб! моя жена изменяет мне... она меня больше не любит! *Ах*, в каком я мучительном нахожусь состоянии! Каким опытам, каким доказательствам и каким клятвам поверить можно, когда ее были ложны? Любовь ее ко мне была беспредельна; ежечасно видел я умножающуюся ко мне ее горячность, поминутно видел новые ласки; и я вкушал наисладчайшее удовольствие быть любиму страстно. — Но *ах!* все это миновалось, и осталось мучительное только одно напоминание моего блаженства. О проклятое вольное обхождение! ты одно могло отнять у меня жену! *Ах*, как я несчастлив, что не могу позабыть сию неверную!.. О женщины, женщины, вы меня больше не обманете!

Мужчина, притащи себя ко мне, я до тебя охотница. — Ах, как ты славен! Ужесть, ужесть: я от тебя падаю!.. Ах... Ха, ха, ха.

Ах, мужчина, как ты неважен!

Ах, мужчина, как ты забавен! Ужесть, ужесть; твои гнилые взгляды и томные вздохи и мертвого рассмешить могут. Ах, как ты славен: бесподобный болванчик! — Ну, если б сказала я тебе: люблю; так вить бы я пропала с тобою. По чести: ты бы до смерти меня залюбил, — не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ничуть не славно.

Ха, ха, ха! Ах, монкьор, ты уморил меня! Он живет три года с женою и по сю пору ее любит! Перестань, мужчина, это никак не может быть: три года иметь в голове своей вздор! — Ах, как это славно! ха, ха, ха: необретаемые болванчики! — Ах, как он славен; с чужою женою и помахаться не смеет — еще и за грех ставит! Прекрасно! Перестань шутить: по чести у меня от этого сделается теснота в голове. — Ах, как это славно! ха, ха, ха. Они до смерти друг друга залюбят. — Ах, мужчина, ты уморил меня!

Б

БЕСПОДОБНО, БЕСПРИМЕРНО. Оба сии слова то ж имели знаменование у предков наших, как и у нынешних щеголих; с тою только разницею, что употребляют их не одинаково, или, лучше сказать, и совсем в противном смысле. Из приложенных здесь примеров усмотреть можно, что оба сии слова в русском наречии употребляются в одном прямом, но в щегольском наречии они часто говорятся и в ироническом смысле. Итак, употребление сих слов сделалось гораздо обширнее; да это и не худо: предки наши во всем очень были скупы; они всему, так, как и умствованию своему, полагали пределы: но благодаря бога мы избавились от сего гнусного порока. С того времени как начали думать, что познаем себя, мы во всем стали тороватее наших предков. Тесные пределы нам не нравятся, и мы во всем любим свободу; даже до того, что кафтанов и юбок узких не носим; а узкие *маньки* [1] совсем брошены и оставлены для употребления простому народу. Ныне в превеликой моде все вольное, покойное и широкое.

ПРИМЕРЫ

Я был вчерась в гостях у Дремова и там нашел многих из его соседей; и хотя беседа наша была немногочисленна, однакож весела: ибо там находились все люди разумные, степенные и веселые. Большую часть времени препроводили мы в разговорах; особливо рассуждали многие очень хорошо

---

[1] *Манька* по-старинному, а по-нынешнему муфточка.

о худом воспитании детей; и я утверждал, что ежели у кого дети худы, так те должны жаловаться на самих себя, потому что или нерачиво их воспитали, или слепою любовию ко детям сами их избаловали. Дремов в этом был со мною согласен и сказывал в пример собственное свое с детьми обхождение. Все его хвалили за разумное детей воспитание; и мы так весело провели время, что я давно не чувствовал *подобного* увеселения. А притом хозяин и хозяйка столько были нам рады, что не знали, как нас употчевать; и нам всякое у них кушанье казалось сахаром: да на это и присловица есть: *был у друга, пил воду, но лучше неприятельского миоду.* Пуще всего полюбилися мне дети Дремова: как они хорошо воспитаны! к родителям почтительны, к старшим и знатнейшим себя учтивы, к равным ласковы, к бедным снисходительны и милостивы; в разговорах их видно просвещенное науками рассуждение; и они так умели всем угодить и усладить беседу, что все гости, смотря на них, не могли довольно нарадоваться; а я и теперь еще от того в восхищении! О, когда бы бог благословил меня воспитать так же и моего сына: какое бы в старости чувствовал я утешение! И мы единогласно заключили, что как сам Дремов *примерным* отцом, так и его дети по справедливости должны почитаться *примерными* молодцами.

Бесподобные люди! — Она дурачится по-дедовски и тем бесподобно его терзает; а он так темен в свете, что по сю пору не приметит, что это ничуть не славно и совсем не ловко; он так развязан в уме, что никак не может ретироваться в свет.

ПЕРЕВОД СЕГО ПРИМЕРА [1]

Редкие люди! Она любит его постоянно: а он совсем не знающ в щегольском обхождении и не разумеет того, что постоянная любовь в щегольском свете почитается тяжкими оковами; он так глуп, что и сам любит ее равномерно.

Беспримерное маханье! Он посадил себе в голову вздор, а у нее вечный в голове беспорядок.

БОЛВАНЧИК. Предки наши, оставя прелесть идольского служения, из презрения ко своим кумирам называли их болванами; а деды наши, гнушаясь прежним суеверием, означали дураков наименованием болвана в таком смысле, что дурак, равно как и болван наружное только с человеком имеют подобие. Но ни первые, ни последние никогда не употребляли сего слова в уменьшительном степене, а всегда говаривали в положительном болван

[1] Мне рассудилось некоторые из примеров со щегольского наречия перевесть на общий наш язык: я не следовал точности слов, но держался смысла.

и в превосходительном болванище. Сия честь, чтобы грубые брани переделывать в приятные наименования, оставлена была почтенным нашим щеголихам. Они откинули положительный степень болвана и превосходительный болванища, а вместо тех во свое наречие приняли в уменьшительном степене *болванчика;* и чтобы более сие слово ввести в употребление, то рассудили сим наименованием почтить любовника и любовницу. Мужья и жены сим лестным названием не иначе могут пользоваться, как разве между собою будут жить по щегольскому нынешнему обыкновению. Сия благоразумная щеголих наших осторожность имела желаемый успех: ибо для получения лестного названия *болванчика* многие мужья и жены переменили старое обхождение на новое, щегольское; и от сего произросли уже желаемые плоды: чему примеров очень много. Напротив того, есть еще и такие пристрастные ко старым обычаям супруги, которые не позабывают изречения: *а жёна да боится своего мужа;* и хотя они толкуют сие изречение неправильно и принимают оное совсем в противном смысле, однакож хотят лучше называться болванами, нежели *болванчиками.* Хотя, впрочем, *болванчик* слуху гораздо приятнее болвана. Трудно бы было сделать правильное заключение о произведении слова *болванчик*, если бы кто этого потребовал: ибо ежели произвесть его от болвана, *кумира*, то это было бы согласно со французским употреблением, idole de mon âme: *кумир моея души*, так, как это употребляется во всех французских романах и любовных письмах; но это произведение весьма удалится от того смысла, в каком по щегольскому наречию любовь принимается. Итак, остается произвесть его от последнего болвана, *дурака.* Сие произведение кажется гораздо свойственнее щегольскому наречию, потому что это гораздо ближе к дурачеству. См. *Дурачество.*

VI

Государь мой!

Листочки ваши с великим удовольствием я читаю и ото вторника нетерпеливо вторника ожидаю. Я вам откровенно признаюсь, что они дурные привычки, начинавшиеся во мне вкореняться от частого с ненавистниками наук и с порабощающими всю свою жизнь единой праздности обхождения, совсем истребили. Если теперь приведу себе на мысль заочные их друг друга осуждения, как они весят чужие малые пороки, не смотря на свои, которых и перевесить за множеством трудно, и множество других их беспорядков, то не могу без величайшего сожаления взирать на все их суетные убранства и мнимые их чести, почитаемые мною главнейшими источниками, из коих сердца их напояются ненавистью к наукам, любовию ко праздности, омерзением к добродетели, жела-

*

нием к мерзкостию исполненным делам. Сии единые чудовища, обезображивающие совершенства человеческие, затмевают изящество разума и душу, на блаженнейший конец устроенную, мерзят. Сии самые чудовища сделали, что госпожи здешние листочков ваших бегают как заразы, одни, из зависти покупая, оные жгут, другие с досады оными волоса завивают; иные называют вас сумасшедшим, бедняком, просиживающим целые ночи в сплетении сумасбродных лжей, чтобы достать себе чрез то пропитание, другие типографию, которая предает тиснению ваши листочки, ругают и жалуются, что она ничего не смотрит и что, повидимому, скоро вся подлость сделается писателями и все предавать будет печати. Нет уже, сударыня, говорила мне одна барышня; здесь вовсе свету подражать не знают, а все то испортили училища да ученые люди: куда ни посмотришь, везде ученый человек лишь сумасбродит и чепуху гонит. Посмотри, сударыня, как в других государствах все люди просвещены, какие хорошие учреждения, живут, с кем хотят, любят, кого желают, а здесь противно тому лишь только твердят: живи с мужем, люби его же. Вот какой рассудок! продолжала она: по их речам, если муж и состареет, то все его любить должно; для меня же это, сударыня, несносно: я девица, однако пятый десяток в спокойстве проживаю, и никто уже мне не скажет: живи с одним и люби одного.

Я сперва опасалась, чтоб не потревожить ваших мыслей такими их терзаниями, но напоследок, приведши на память себе ваш здравый рассудок, решила тем свое сомнение! Я, приемля участие в столь полезном для общества деле, прошу вас, не взирая на все такие их роптания, продолжать сей достойный вас труд, за который всяк особо вам и потомству вашему останется благодарным; плюйте на сии от ветра вертящиеся пустые мельницы, авось-либо дождемся, что дни сделаются красные и ветры стихнут. В прочем пребываю

любительница ваших сочинений

М. С.

* * *

Государыня моя!

Я не могу довольно испорченному здешнего города вкусу надивиться; известные вам некоторого дерзкого живописца сплетки все почти общество безрассудно покупает и хвалит оные *до безумия*. Я уже не дивлюсь старикам, что их хвалят, потому что они всегда под старость с ума сходят; но только то мне досадно, что и беднорожденные от них дети в цветущей своей юности слепотствуют во тьме невежества, последуют против воли своей их дураческим наставлениям, а наконец девица совсем сделается не девицею; сидит как неодушевленная статуя, боится выпустить изо рта слово, а как в модном свете обращаться, того головою не смыслит. Тако-

вых состояние, сударыня, достойно быть от всякого оплакиваемо. Пускай лишенные старики разума войдут в рассудок, пускай оставят детей своих последовать от натуры данной им склонности; тогда ясно они увидят, что дети их не к той науке, которую они им по неволе преподают, рождены. Чему же должно больше подражать, безрассудному ли желанию человека или врожденной в себе склонности? Не за безумие ли должно почесть, если данные нам очи обозревать все преизящные творения потупим мы в землю, устроенную для рассматривания подлым хлебопашцам? Не следует ли всему естественному вещей порядку превратиться, если органам, которыми одарены для собственной нашей пользы, мы запретим действовать? Сие-то называется дойти до крайнего невежества; а сумасшедшие старики почитают то в нашей сестре за похвальное достоинство. Впрочем, государыня моя, я живописца столько ненавижу, что если он прийдет мне на мысль, то я с ума схожу; браню, не знаю за что, всех и сама совестью, не знаю отчего, мучусь. Остаюсь

ваша доброжелательная, ненавистница живописца

Р. Г.

* * *

Я благодарю госпожу М. С. за хорошее о моем труде мнение и радуюсь, что листами моими сделал ей угодность и услугу. Хотел бы я, чтобы они и многим другим принесли пользу: но это зависит уже от них самих, а не от меня. Впрочем, развратные толки девицы Р. Г. и подобных ей меня не беспокоят; пусть будут они делать заключения, какие им угодны: со всем тем останутся они в проигрыше. Беспристрастные читатели толкам их не поверят, а пристрастные хотя и прилепятся к их мнению, однакож тем не совратят меня с дороги, которую я избрал.

VII

Господин живописец!

Я превеликое имею желание с вами увидеться, но не знаю, где вас найти: нужда моя состоит в том, что я хочу написать мой и жены моея портреты на одной картине; и как вы в превеликой ныне в нашем городе находитесь славе, то и рассудил я просить вас о написании сея картины. Правда, что слухи о вашей работе, равно как и похвалы и хулы на оную весьма различны; но, однакож, это меня не отвращает от моего намерения. Я узнал из опытов, что люди вашего упражнения почасту навлекают на себя хулу и негодование тем самым, что делает им славу. Никогда не позабуду я приключения с одним портретным живописцем, от которого чуть не умер я тогда от смеха. Некоторая пожилая знатная госпожа,

услышав о том живописце, призвала его к себе и приказала написать свой портрет миниатюрною живописью. Живописец окончал свою работу с совершенным искусством и принес к госпоже: госпожа лишь только взглянула на портрет, то и закричала с удивлением: Ах!.. каким написал он меня уродом!.. Это в седмдесять лет старуха! Сколько морщин! какой ложный цвет в лице! — Она подбежала к зеркалу, и глаза ее не находили никакого сходства; хотя мы все, там бывшие, видели, что портрет написан был весьма сходно с ее лицом. Госпожа, рассердясь, бросила портрет в камин и вместо 30 рублей заплатила живописцу только 10; и после везде его ругала и уверяла, что он пишет прескверно: такова-та, государь мой, участь живописцев. Но я удалился от своего намерения; итак, возвратясь к оному, прошу вас уведомить меня чрез вашего переплетчика, где ваша квартира, я к вам приду и изъяснюсь с вами о предлагаемом мною труде. Поверьте, государь мой, что этот труд достоин вашея кисти. В прочем я есмь

ваш покорный слуга,

Несчастный муж.

VIII

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА

Прогуливаясь третьего дни по берегу, встретился я с одним из тех почтенных человеков, которые превосходительство поставляют не в пышности названия, но в доброте сердца. Сей господин с обыкновенною своею учтивостию и ласкою, свойственною только добродетельным людям, подошед, поздравлял меня с хорошим успехом живописцевых листов, уверяя притом, что они заслужили благоволение многих почтенных особ. Я начал было благодарить его за сие для меня приятное известие, но он, перервав мои слова, спрашивал: для чего я не издаю продолжения путешествия И*** Т***.

— Без сомнения дошли до вас, — говорил он, — толки, сим листочком произведенные, но вы не должны о том беспокоиться. Правда, что многие наша братья дворяне сим вашим листом недовольны, однакож ведайте и то, что многие за оный же лист и похваляют вас. На всех никто угодить не может, так старайтесь по крайней мере угождать тем, которые во своих требованиях справедливее других. Впрочем, я совсем не понимаю,—продолжал он, — почему некоторые думают, что будто сей листок огорчает целый дворянский корпус. Тут описан помещик, не имеющий ни здравого рассуждения, ни любви к человечеству, ни сожаления к подобным себе; и следовательно, описан дворянин, власть свою и преимущество дворянское во зло употребляющий...[1] Кто

[1] Тут следовали многие другие упрекания, относящиеся к худым помещикам, но я их исключил, опасаясь навлечь на себя сугубое негодование.

не согласится, что есть дворяне, подобные описанному вами? Кто посмеет утверждать, что сие злоупотребление не достойно осмеяния? И кто скажет, что худое рачение помещиков о крестьянах не наносит вреда всему государству? Пусть вникнут в сие здравым рассуждением: тогда увидят, отчего остановляются и приходят в недоимку государственные поборы; отчего происходит то, что крестьяне наши бывают бедны; отчего у худых помещиков и у крестьян их частые бывают неурожаи хлеба?..[1] Не все ли сие проистекает от употребления во зло преимущества дворянского? Когда ж неустроению сему причиною худые дворяне, то не достойны ли они справедливого порицания? Пусть скажут господа критики, кто больше оскорбляет почтенный дворянский корпус: я еще важнее скажу, кто делает стыд человечеству: дворяне ли, преимущество свое во зло употребляющие, или ваша на них сатира?

— Итак, верьте, — примолвил он, — что такие ваши сатиры не только что не огорчают дворян, украшенных добродетелию и знающих человечество, но паче еще и превозносят их. Правда, что в числе ваших критиков были и такие, которые порицали вас, будучи побуждаемы слепым пристрастием ко преимуществу дворянскому: но коль чудно и странно сие пристрастие! Как? защищать упорно такое преимущество, которым сами они и все честные и добросердечные дворяне никогда не пользуются?.. Я знаю еще недовольных вашим листком; но неудовольствие сих людей достойно того, чтобы вы имели к ним почтение: ибо они, не ведая вашей цели, никакого не могли по началу сделать правильного заключения; и потому из любви ко ближнему более сожалели, нежели охуждали, что вы не с той стороны принялися за сию сатиру. Напротив того, бранили вас надменные дворянством люди, которые думают, что дворяне ничего не делают неблагородного; что подлости одной свойственно утопать в пороках; и что, наконец, хотя некоторые дворяне и имеют слабость забывать честь и человечество, однакож будто они, яко благорожденные люди, от порицания всегда должны быть свободны. Сии гордые люди утверждают, что будто точно сказано о крестьянах: *накажу их жезлом беззакония:* и подлинно, они часто наказываются беззаконием! Что по их мнению . . . .

. . . .

— Мы привыкли, — продолжал он, — перенимать с жадностию все от иностранных, но, по несчастию нашему, почасту перенимаем только пороки их; например, когда были у нас в моде французы, то от обхождения с ними остались у нас легковерность, непостоянство, вертопрашество, вольность в обхождении, превосходящая границы, благоразумием учрежденные, и многие другие

---

[1] Я и тут многое выключил для сказанных мною причин в первом примечании.

пороки. Французов сменили англичане: ныне женщины и мужчины взапуски стараются перенимать что-нибудь от англичан: все английское кажется нам теперь хорошо, прелестно, и все нас восхищает. И мы, по несчастию, столь пристрастны к чужестранному, что и самые пороки их нередко почитаем добродетелию. Французскую наглость называли мы благородною вольностию, а ныне английскую грубость именуем благородною великостию духа. Я говорю это, — продолжал он, — не в поношение обоих сих народов: ибо всяк ведает, что французы и англичане весьма много имеют доброго; но говорю единственно в доказательство пристрастного нашего к иностранным порокам прилепления. Кто захочет в истине сего мнения удостовериться, тот пусть пооглядится; я уверен, что он много найдет сему подобного . . . . . .

. . . .

Некоторые из нас удивлялися шатавшимся провинцияльным английским актерам, а своих имеем, которые равняются с наилучшими английскими актерами и актрисами, но, однакож, они нам не удивительны, потому только, что они русские.

— Когда ж все английское в такой у нас превеликой моде, то для чего любители иностранных вкусов не почитают тот ваш листок в английском вкусе написанным? Ибо в Англии дворяне критикуются, равно как и простолюдимы. Я сожалею, что вы в заглавии сего сочинения не написали: *Путешествие, в английском вкусе написанное;* может быть, что это название вместо порицания привело бы его в моду. О времена! о нравы! — сказал сей господин, воздохнувши.

После сего усильно просил он меня, чтобы продолжение и сие его рассуждение напечатал я в моих листах под названием *Английской прогулки*. Сколько ни отговаривался я от сей просьбы, но, однакож, убежден был уверениями его, что сие рассуждение не будет противно дворянам истинно благородным. Итак, в удовольствие его я сообщаю и то и другое, прося притом извинения, что выключил нечто из его рассуждений: это показалося мне необходимо нужным.

IX

Государь мой!

Не знаю, как в Петербурге, а у нас в Москве много вам чести делают ваши листочки. Что касается до меня, я о том только и думаю, чтоб они у меня были в полном собрании: и потому, что я не из тех числа, у коих пустые сказки преимуществуют пред благонамеренными сочинениями; и потому, что я весьма услаждаюсь, когда те произрастения, коими другие места к великой своей славе изобилуют, нахожу и на наших полях. Желал бы я,

чтоб Россия, любезное мое отечество, меньше имело нужды в типографических товарах, выписываемых по милости иностранцев! Если какое находит она препятство к тому, чтоб нарещися ей за превосходные свои совершенства несравненною под солнцем страною, то другого нет кажется, как сей токмо недостаток. Как вы думаете, господин живописец? Извинительны ли те, кои при всем том, что их и природа расположила, и науки уготовили, и известность воздаяния поощряет в сходственность их способностям трудиться, только что других критикуют? Мне кажется, лучше бы им быть слушателями критики, а не произносителями. Обуздайте слабость свою, о вы, наук питомцы! и признайтеся, что тех дней, кои вам осталось доживать, едва станет на заглаждение и одной вашей лености. Время приступить к лучшему; а особливо что никакого нет сомнения, будут ли ваши упражнения уважены, когда монаршеская щедрость ко вступлению в оные еще и приглашает вас. Смотрите, чтоб тот источник, который составляет и славу вашего имени и награду трудов ваших, со временем не затворился. Извините меня, государь мой, что я это, на вашей кафедре ставши, прокричал.

Ваш усердный слуга

Прошу не погневаться.

P. S. Прошу меня уведомить, не противно ли будет вам, если я почаще к вам буду писать. Я бы недурным был в вашем искусстве подмастерьем, если позволите мне сообщать вам мои воображения.

Июля 2 дня, 1772 года,
из Москвы.

X

Господин живописец! поместите, пожалуйте, следующее письмо в ваши листы, буде возможно; содержание его, кажется, заслуживает это, чтоб вы исполнили просьбу

вашего покорного слуги

П. Р.

[ПИСЬМА К ФАЛАЛЕЮ]

1. Письмо уездного дворянина к его сыну

Сыну нашему Фалалею Трифоновичу, от отца твоего Трифона Панкратьевича, и от матери твоей Акулины Сидоровны, и от сестры твоей Варюшки, низкий поклон и великое челобитье.

Пиши к нам про свое здоровье: таки так ли ты поживаешь; ходишь ли в церковь, молишься ли богу и не потерял ли ты святцев, которыми я тебя благословил. Береги их; вить это не шутка:

меня ими благословил покойник дедушка, а его отец духовный, ильинский батька. Он был болен черною немочью и по обещанию ездил в Киев: его бог помиловал, и киевские чудотворцы помогли; и он оттуда привез этот канонник и благословил дедушку, а он его возом муки, двумя тушами свиными да стягом говяжьим. Не тем-то покойник свет будь помянут! он ничего своего даром не давал: дедушкины-та, свет, грешки дорогоньки становились. Кабы он, покойник, поменьше с попами водился, так бы и нам побольше оставил. Дом его был как полная чаша, да и тут процедили. Вить и наш батько Иван, кабы да я не таков был, так он бы готов хоть кожу содрать: то-то поповские завидливые глаза: прости господи мое согрешение! А ты, Фалалеюшка, с попами знайся, да берегись; их молитва до бога доходна, да убыточна... Как отпоешь молебен, так можно ему поднести чарку вина да дать ему шесть денег, так он и доволен. Чего ж ему больше: прости господи, вить не рожна? Да полно, нынече и винцо-та в сапогах ходит: экое времечко; вот до чего дожили; и своего вина нельзя привезть в город: пей-де вино государево с кружала да делай прибыль откупщикам. Вот какое рассуждение! А говорят, что все хорошо делают: поэтому скоро и из своей муки нельзя будет испечь пирога. Да что уж и говорить, житье-то наше дворянское нынече стало очень худенько. Сказывают, что дворянам дана вольность: да чорт ли это слыхал, прости господи, какая вольность? Дали вольность, а ничего не можно своею волею сделать; нельзя у соседа и земли отнять: в старину-то побольше было нам вольности. Бывало, отхватишь у соседа земли целое поле; так ходи же он да проси, так еще десять полей потеряет; а вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места. Коли воевода приятель, так кури смело в его голову: то-то была воля-та! Нынече и денег отдавать в проценты нельзя: больше шести рублей брать не велят, а бывало, так бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. Нет-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. Нынече только и воли, что можно выйти из службы да поехать за море; а не слыхать, что там делать? хлеб-ат мы и русский едим, да таково ж живем. А из службы тогда хоть и не вольно было выйти, так были на это лекари: отнесешь ему барашка в бумажке да судье другого, так и отставят за болезнями. Да уж, бывало, как приедешь в деревню-та, так это наверстаешь: был бы только ум да знал бы приказные дела, так соседи и не куркай. То-то было житье! Ты, Фалалеюшка, не запомнишь этого. Сестра твоя Варя посажена за грамоту, батько Иван сам ей начал азбуку в ее именины; ей минуло пятнадцать лет: пора, друг мой, и об этом подумать; вить уж скоро и женихи станут свататься; а без грамоты замуж ее выдать не годится: и указа самой прочесть нельзя. Отпиши, Фалалеюшка, что у вас в Питере делается; сказывают, что великие затеи: колокольню строят и хотят сделать выше Ивана

Великого: статочное ли это дело; то делалось по благословению патриаршему, а им как это сделать? Вера-та тогда была покрепче; во всем, друг мой, надеялись на бога, а нынече она пошатнулась, по постам едят мясо и хотят сами все сделать; а все это проклятая некресть делает: от немцев житья нет! Как поводимся с ними еще, так и нам с ними быть в аде. Пожалуйста, Фалалеюшка, не погуби себя, не заводи с ними знакомства: провались они проклятые! Нынече и за море ездить не запрещают, а в «Кормчей книге» положено за это проклятие. Нынече все ничего; и коляски пошли с дышлами, а и за это также положено проклятие; нельзя только взятки брать да проценты выше указных: это им пуще пересола; а об этом в «Кормчей книге» ничего и не написано. На моей душе проклятия не будет; я и по сю пору езжу в зеленой своей коляске с оглоблями. Меня отрешили от дел за взятки; процентов больших не бери, так от чего же и разбогатеть: вить не всякому бог даст клад; а с мужиков ты хоть кожу сдери, так немного прибыли. Я, кажется, таки и так не плошаю, да что ты изволишь сделать? Пять дней ходят они на мою работу, да много ли в пять дней сделают? Секу их нещадно, а все прибыли нет; год от году все больше нищают мужики: господь на нас прогневался; право, Фалалеюшка, и ума не приложу, что с ними делать. Приехал к нам сосед Брюжжалов; и привез с собою какие-то печатные листочки и, будучи у меня, читал их. Что это у вас, Фалалеюшка, делается, никак с ума сошли все дворяне? чего они смотрят, да я бы ему проклятому и ребра живого не оставил. Что за живописец такой у вас проявился? какой-нибудь немец, а православный этого не написал бы. Говорит, что помещики мучат крестьян, и называет их тиранами; а того проклятый и не знает, что в старину тираны бывали некрещеные и мучили святых: посмотри сам в «Чети-минеи»; а наши мужики вить не святые: как же нам быть тиранами? Нынече же это и ремесло не в моде: скорее в воеводы добьешься, нежели во... Да полно, это не наше дело. Изволит умничать, что мужики бедны: эдакая беда! неужто хочет он, чтоб мужики богатели, а мы бы, дворяне, скудели; да этого и господь не приказал: кому-нибудь одному богатому быть надобно, либо помещику, либо крестьянину: вить не всем старцам в игумнах быть. И во святом писании сказано: *работайте господеви со страхом и радуйтеся ему с трепетом. Приимите наказание, да не когда прогневается господь: егда возгорится вскоре ярость его.* — Да на что они и крестьяне: его такое и дело, что работай без отдыху. Дай-ка им волю, так они и неведь что затеют. Вот те на, до чего дожили! только я на это смотреть не буду: ври себе он, что хочет: а я знаю, что с мужиками делать . . . . [1] О, коли бы он здесь был!

---

[1] Я нечто выключил из сего письма: такие мнения оскорбляют человечество.

то-то бы потешил свой живот: все бы кости у него сделал как в мешке. Что и говорить, дали волю: тут небось не видят, и знатные господа молчат; кабы я был большим боярином, так управил бы его в Сибирь. Эдакие люди, за себя не вступятся! Вить и бояре с мужиками-та своими поступают не по-немецки, а все таки также по-русски, и их крестьяне не богатее наших. Да что уж и говорить, и они свихнулись. Недалеко от меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; так знаешь ли, по чему он с них берет? стыдно и сказать: по полтора рубли с души: а угодьев-та сколько! и мужики какие богатые: живут себе, да и гадки не мают, богатее иного дворянина. Ну, а ты рассуди сам, какая ему от этого прибыль, что мужики богаты; кабы перетаскал в свой карман, так бы это получше было: эдакий ум! то-то, Фалалеюшка, не к рукам эдакое добро досталось. Кабы эта деревня была моя, так бы я по тридцати рублей с них брал, да и тут бы их в мир еще не пустил; только что мужиков балуют. Эх! перевелись-ста старые наши большие бояре: то-то были люди, не только что со своих, да и с чужих кожи драли. То-то пожили да поцарствовали, как сыр в масле катались: и царское, и дворянское, и купецкое, все было их; у всех, кроме бога, отнимали; да и у того чуть тако не отни... А нынешние господа что за люди, и себе добра не хотят. Что уж и говорить: все пошло на немецкий манер. Нутка, Фалалеюшка, вздумай да взгадай да поди в отставку: полно, друг мой, вить ты уже послужил: лбом стену не проломишь; а коли не то, так хоть в отпуск приезжай. Скосырь твой жив и налетка; мать твоя бережет их пуще своего глаза; намнясь налетку укусила было бешеная собака; да спасибо, скоро захватили, ворожея заговорила. Ну, да полно и было за это людям. Сидоровна твоя всем кожу спустила: то-то проказница; я за то ее и люблю, что уж коли примется сечь, так отделает! Перемен двенадцать подадут: попросит небось воды со льдом; да это нет ничего, лучше смотрят. За сим писавый кланяюсь. Отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

XI

2. Сыну моему Фалалею

Так-то ты почитаешь отца твоего, заслуженного и почтенного драгунского ротмистра? тому ли я тебя проклятого учил и того ли от тебя надеялся, чтобы ты на старости отдал меня на посмешище целому городу? Я писал к тебе окаянному в наставление, а ты это письмо отдай напечатать. Погубил ты, супостат, мою головушку! пришло с ума сойти. Слыханное ли это дело, чтобы дети над отцами своими так ругались? Да знаешь ли ты это, что я тебя за непо-

чтение к родителям, в силу указов, велю высечь кнутом; меня бог и государь тем пожаловали: я волен и над животом твоим; видно, что ты это позабыл! Кажется, я тебе много раз толковал, что ежели отец или мать сына своего и до смерти убьет, так и за это положено только церковное покаяние. Эй, сынок, спохватись! не сыграй над собою шутки: вить недалеко великий пост, попоститься мне немудрено; Петербург не за горами, я и сам могу к тебе приехать. Ну, сын, я теперь тебя в последний раз прощаю по просьбе твоей матери; а ежели бы не она, так уж бы я дал себя знать. Я бы и ее не послушался, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мне непочтение, так уж не жди никакой пощады; я не Сидоровне чета: у меня не один месяц проохаешь, лишь бы только мне до тебя дорваться. Слушай же, сынок, коли ты хочешь опять прийти ко мне в милость, так просись в отставку да приезжай ко мне в деревню. Есть кому и без тебя служить: пускай кабы не было войны, так бы хоть и послужить можно было, это бы свое дело; а то вить ты знаешь, что нынече время военное; неровно как пошлют в армию, так пропадешь ни за копейку. Есть пословица: богу молись, а сам не плошись; уберись-ка в сторонку, так это здоровее будет. Поди в отставку да приезжай домой: ешь досыта, спи сколько хочешь, а дела за тобой никакого не будет. Чего тебе лучше этого? За честью, свет, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будет есть. Пусть у тебя не будет Егорья, да будешь ты зато поздоровее всех егорьевских кавалеров. С Егорьем-то и молодые люди частехонько поохивают; а которые постарее, так те чуть дышат: у кого руки перестреляны, у кого ноги, у иного голова: так радостно ли отцам смотреть на детей изуродованных? и невеста ни одна не пойдет. А я тебе уже и приискал было невесту. Девушка неубогая, грамоте и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порох даром не пропадет; такую-то, сынок, я тебе невесту сыскал. Дай только бог вам совет да любовь, да чтобы тебя отпустили в отставку. Приезжай, друг мой: тебе будет чем жить и опричь невестина приданого; я накопил довольно. Я и позабыл было тебе сказать, что нареченная твоя невеста двоюродная племянница нашему воеводе; вить это, друг мой, не шутка: все наши спорные дела будут решены в нашу пользу, и мы с тобою у иных соседей землю обрежем по самые гумна: то-то любо: и курицы некуда будет выпустить! Со всем будем ездить в город: то-то, Фалалеюшка, будет нам житье! никто не куркай! Да полно, что тебя учить, ты вить уже не малый робенок, пора своим умком жить. Ты видишь, что я тебе не лиходей, учу всегда доброму, как бы тебе жить было поприготнее. Да и дядя твой Ермолай чуть тако не то же ли тебе советует; он хотел писать к тебе с тем же ездоком. Мы с ним об этом поговорили довольно, сидя под любимым твоим дубом, где, бывало, ты в молодых летах забавлялся: вешивал собак на

сучьях, которые худо гоняли за зайцами, и секал охотников за то, когда собаки их перегоняли твоих. Куда какой ты был проказник смолоду! Как, бывало, примешься пороть людей, так пойдет крик такой и хлопанье, как будто за уголовье в застенке секут: таки, бывало, животики надорвем со смеха. Молись, друг мой, богу, нечего, правду сказать, ума у тебя довольно, можно век прожить. Не испугайся, Фалалеюшка, у нас не здорово, мать твоя Акулина Сидоровна лежит при смерти. Батько Иван исповедал ее и маслом особоровал. А занемогла она, друг мой, от твоей охоты: налетку твою кто-то съездил поленом и перешиб крестец; так она, голубушка моя, как услышала, так и свету божьего не взвидела: так и повалилась! А после как опомнилась, то пошла это дело розыскивать; и так надсадила себя, что чуть жива пришла и повалилась на постелю; да к тому же выпила студеной воды целый жбан, так и присунулась к ней огневица. Худа, друг мой, мать твоя, очень худа! на ладан дышит: я того и жду, как сошлет бог по душу. Знать, что, Фалалеюшко, расставаться мне с женою, а тебе и с матерью и с налеткою, и она не лучше матери. Тебе, друг мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава богу, живы: авось-таки который-нибудь удастся по матери; а мне уж эдакой жены не наживать. Охти мне, пропала моя головушка! где мне за всем одному усмотреть! Не сокруши ты меня, приезжай да женись, так хоть бы тем я порадовался, что у меня была бы невестка. Тошно, Фалалеюшко, с женою расставаться: я было уже к ней привык, тридцать лет жили вместе: как у печки погрелся! Виноват я перед нею: много побита она от меня на своем веку; ну, да как без этого; живучи столько вместе, и горшок с горшком столкнется: как без того! Я крут больно, а она неуступчива, так, бывало, хоть маленько, так тотчас и дойдет до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была. Учись, сынок, как жить с женою; мы хоть и дирались с нею, да все-таки живем вместе; и мне ее теперь, право, жаль. Худо, друг мой, и ворожеи не помогают твоей матери; много их приводили, да пути нет, лишь только деньги пропали. За сим писавый кланяюсь, отец твой Трифон, благословение тебе посылаю.

XII

3. Свет мой Фалалей Трифонович!

Что ты это, друг мой сердечный, накудесил? пропала бы твоя головушка: вить ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: как ты себя не бережешь; ну, кабы ты бедненький попался ему в руки, так вить бы он тебя изуродовал пуще божьего милосердия. Нечего,

Фалалеюшко, норовок-ат у него, прости господи, чертовский; уж я ли ему не угождаю, да и тут никогда не попаду в лад. Как закуролесит, так и святых вон понеси. А ты, батька мой, что это сделал, отдай письмо его напечатать; вить ему все соседи смеются: экой-де у тебя сынок, что и над отцом ругается. Да полно, вить, Фалалеюшко, всех речей не переслушаешь; мало ли что лихие люди говорят: бог с ними, у них свои детки есть, бог им заплатит. Чужое-то робя всегда худо: наши лучше всех; а кабы оглянулись на своих деток, так бы и не то еще увидели. Побереги ты, мой батько, сам себя, не рассерди отца-то еще: с ним и чорт тогда уже не совладеет. Отпиши к нему поласковее да хоть солги что-нибудь; вить это не какой грех, не чужого будешь обманывать, своего; и все дети не праведники: как перед отцом не солгать? Отцам да матерям на детей не насердиться: свой своему поневоле друг. Дай бог тебе, друг мой сердечный, здоровье, а я лежу на смертной постеле. Не умори ты меня безвременно: приезжай к нам поскорее, хоть бы мне на тебя насмотреться в последний раз. Худо, друг мой, мне приходит; нечего, очень худо; обрадуй, свет мой, меня: ты вить у меня один-одинехонек, как синей порох в глазе, как мне тебя не любить; кабы у меня было сыновей много, то бы свое дело. Заставай, батька мой, меня живую: я тебя благословлю твоим ангелом да отдам тебе все мои деньжонки, которые украдкою от Панкратьевича накопила: вить для тебя же, мой свет; отец-ат тебе несколько дает денег, а твое еще дело детское, как не полакомиться, как не повеселиться? Твои, друг мой, такие еще лета, чтобы забавляться: мы и сами смолоду таковы же были. Веселись, мой батюшка, веселись: придет такая пора, что и веселье на ум не пойдет. Послала я к тебе, Фалалеюшко, сто рублей денег, только ты об них к отцу ничего не пиши; я это сделала украдкою; кабы он сведал про это, так бы меня, свет мой, забранил. Отцы-та всегда таковы: только что брюзжат на детей, а никогда не потешат. Мое, друг мой, не отцовское сердце, материнское, последнюю копейку из-за души отдам, лишь бы ты был весел и здоров. Батька ты мой, Фалалей Трифонович, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное: свет мой, умник, худо мне приходит: как мне с тобою расставаться будет? на кого я тебя покину? Погубит он, супостат, мою головушку; этот старый хрыч когда-нибудь тебя изуродует. Береги, мой свет, себя, как можно береги: плетью обуха не перебьешь; что ты с эдаким чортом, прости господи, сделаешь? Приезжай, мой батька, к нам в деревню, как таки можно приезжай; дай мне на себя насмотреться: сердце мое послышало, что приходит мой конец. Прости, мой батюшко; прости, свет мой: благословение тебе посылаю, мать твоя Акулина Сидоровна, и нижайший, мой свет, поклон приношу. Прости, голубчик мой: не позабудь меня.

XIII

Любезному племяннику моему Фалалею Трифоновичу

от дяди твоего Ермолая Терентьевича низкий поклон и великое челобитье; и при сем желаю тебе многолетного здравия и всякого благополучия на множество лет, от Адама и до сего дня.

Было бы тебе вестно, что мы по отпуск сего письма все, слава богу, живы и здоровы; також и отец твой Трифон Панкратьевич здравствует же, только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна, что подымешь, то и есть, а сама ни на волос не поворохнется. Вчерась отнялись у нее и руки и ноги, а теперь, чай, уж и не говорит; и при мне-та так уж через мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоим ангелом да фарсульской богородицей, а меня неопалимой. Ну, брат племянник, мать-то твоя и перед смертью не тороватее стала! Оставила на помин душе такой образ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образов-то и своих есть сотня места, да не эдаких: как жар вызолочены; а эта, брат, неопалима подлинно что не обожжет; и окладишко весь почернел: бог с нею! Спасибо хоть за то, что она в полном уме исповедалась и маслом особоровалась; хоть и умрет, так уж по-христиански. Дай бог всякому такую кончину! Да и тут, Фалалеюшко, кабы не я, так бы разве глухою исповедью исповедывать. Уж я ей говорил: эй, Сидоровна, исповедайся: вить уже ты в гроб глядишь; так нет-ста, насилу прибили. А как приспичило, так давай, давай попа, да уж зато в один день трижды исповедалась. Знать, что у нее многонько грешков-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли. А после исповеди привели было еще одного, да уж и Сидоровна сама не захотела напрасно тратить деньги. Кому жить, Фалалеюшко, так будет притоманно жив; а кому умереть, тому и ворожеи не пособят. Животом и смертью бог владеет. Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее, то приезжай погребсти грешное тело ее. Да и кроме того нам до тебя есть дело. Ну, Фалалеюшко! вить матушка твоя скончалась: поминай, как звали. Я только теперь получил об этом известие: отец твой, сказывают, воет, как корова. У нас такое поверье: которая корова умерла, так та и к удою была добра. Как Сидоровна была жива, так отец твой бивал ее, как свинью, а как умерла, так плачет, как будто по любимой лошади. Приезжай, друг мой Фалалеюшко, приезжай бога ради поскорее, хоть ненадолго, а буде можно, так и вовсе. Ты сам увидишь, что тебе дома жить будет веселее петербургского. А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую, сиречь к приказным делам, да только где похлебнее, на приклад, в экономические казначеи, или в управители дворцовых волостей, или куда-нибудь к подрядным

либо таможенным делам. В таких местах кому ни удалось побыть, так все, бог с ними, сытехоньки стали. Иной уже теперь и в каменных палатах живет, а которые ни одной души за собою не имели, те уже нажили сотни и по две-три. Не в пронос сказать о нашем Авдуле Еремеевиче: хотя он недолго пожил при монастырских крестьянах, да уже всех дочек выдал замуж. За одной, я слышал, чистыми денежками десять тысяч дал да деревню тысяч в пять. А не совсем таки разорился: бог с ним, про себя еще осталось. А кабы да его не сменили, так бы он и гораздо понагрел руки около нынешних рекрутских наборов. Знать, что тех молитва дошла до бога, которые в эту пору определились. Не житье им, масленица! Я бы-ста и сам не побрезгивал пойти в эдакие управители: перепало бы кое-что и мне в карман: кресты да перстни, все те же деньги, только умей концы хоронить. Я и поныне еще все стареньким живу. Кто перед богом не грешен? кто перед царем не виноват? не нами свет начался, не нами и окончается. Что в людях ведется, то и нас не минется. Лишь только поделись, Фалалеюшко, так и концы в воду. Неужто всех станут вешать? в чем кто попадется, тот тем и спасется. Грех да беда на кого не живет? я и сам попался было одинножды под суд; однако дело-то пошло иною дорогою, и я очистился, как будто ни в чем не бывал. Но кабы ты сам сюда приехал, так бы мы обо всем поговорили лучше на словах; а писать-то страховато, неровно кому попадется в руки, так напляшешься досыта. При сем во ожидании тебя остаюсь дядя твой

Ермолай ***.

XIV

На прошедшей неделе получил я с почтового двора письмо следующего содержания.

Слушай-ка, брат живописец! на шутку, что ли, я тебе достался? Не на такого ты наскочил. Разве ты еще не знаешь приказных, так отведай, потягайся. Ведомо тебе буди, что я перед владимирской поклялся и снял ее, матушку, со стены в том, что как скоро приеду я в Петербург, то подам на тебя челобитье в бесчестье. Знаешь ли ты, молокосос, что я имею патент, которым повелевается признавать меня и почитать за доброго, верного и честного титулярного советника; ведаешь ли ты, что и в *подлости* [1] есть присловица: *не пойман не вор, не...* А ты, забыв законы духовные, воинские

[1] Подлыми людьми по справедливости называться должны те, которые худые делают дела; но у нас, не ведаю по какому предрассуждению, вкралось мнение почитать подлыми людьми тех, кои находятся в низком состоянии.

и гражданские, осмелился назвать меня якобы вором. Чем ты это докажешь? Я хотя и отрешен от дел, однакож не за воровство, а за взятки; а взятки не что иное, как акциденция. Вор тот, который грабит на проезжей дороге, а я бирал взятки у себя в доме, а дела вершил в судебном месте: кто себе добра не захочет? А к тому же я никого до смерти не убил: правда, согрешил перед богом и перед государем: многих пустил по миру; да это дело постороннее, и тебе до него нужды нет. Как перед богом не согрешить? как царя не обмануть? как у него не украсть? грешно украсть из кармана у своего брата: а это дело особое: у кого же и украсть, как не у царя; благодаря бога дом у него как полная чаша, то хотя и украдешь, так не убудет. Глупый человек! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищением казенного интереса. А похищение и воровство не одно: первое не что иное, как только утайка; а другое преступление против законов и достойно кнута и виселицы. Правда, бывали и такие примеры, что и за утайку секали кнутом: блаженной памяти при ****** это случалось; но ныне благодаря бога люди стали рассудительнее, и за реченную утайку кнутом секут только тех, которые малое число утаят: да это и дельно; не заводи дела из безделицы. А прочих, которые приличаются в утайке больших сумм, отпущают жить в свои деревни. Видишь ли ты, глупый человек, что ты умничаешь попустому. Кто тебя послушается? Я помню, как один господин в бытность мою у него рассуждал о тебе так: он-де делает бесчестье всем дворянам, пиша эдакие письма; что-де подумают иностранные об нас, когда увидят, что у нас есть дураки, плуты . . . . Понимаешь ли ты, что и верить этому не хотят, что есть бессовестные судьи, бесчеловечные помещики, безрассудные отцы, бесчестные соседи и грабители управители. Что ж ты из пустого в порожнее пересыпаешь? Мне кажется, брат, что ты похож на постельную жены моей собачку, которая брешет на всех и никого не кусает; а это называется брехать на ветер. По-нашему, коли брехнуть, так уж и укусить, да и так укусить, чтобы больно да и больно было. Да на это есть другие собаки, а постельным хотя и дана воля брехать на всех, только никто их не боится. Так-то и ты пишешь все пустое: кто тебя послушается или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законов, определяющих казнь за преступление. Слыхал я от одного моего соседа историю, как один греческий мудрец сказал, увидя, что — да полно, вить не все надобно говорить, об ином полно что и подумаешь. Ну, брат маляр, образумился ли ты? послушай, хотя ты меня и обидел, однакож я суда с тобою заводить не хочу, ежели ты разделаешься со мною добрым порядком и так, как водится между честными людьми. Сделаем мировую; заплати только мне да жене моей бесчестье, что надлежит по законам; а буде не так, то по суду взыщу с тебя все до копейки. Мне заплатишь бесчестье по моему чину, жене моей вдвое, трем

сыновьям недорослям в полы против моего жалованья, четырем дочерям моим девицам вчетверо каждой; а к тому времени авось-либо бог опростает мою жену, и родит дочь, так еще и пятой заплатишь. Видишь ли, что я с тобою поступаю по-христиански, как довлеет честному и доброму человеку. Смотри, не испорть этого сам и не разори себя. К эдаким тяжбам мне уже не привыкать; я многих молодчиков отбрил так, что одним моим, жены моей и дочерей бесчестьем накопил трем дочерям довольное приданое. Что ж делать живучи в деревне отставному человеку? чем-нибудь надобно промышлять. Многие изволят умничать, что живучи в деревне можно-де разбогатеть одним домостроительством и хорошим смотрением за хлебопашеством; да я эдаким вракам не верю: хлеб таки хлебом, скотина скотиною, а бесчестье в головах. Да полно, что об этом и говорить, на такие глупые рассуждения нечего смотреть: которая десятина земли принесет мне столько прибыли, как мое бесчестье; нет-ста, кто что ни говори, а я таки свое утверждаю, что бесчестьем скорее всего разбогатеть можно. Есть и такие умники, которые проповедывают, что бесчестье брать бесчестно: но пусть они скажут мне, что почтеннее, честь или деньги? что прибыльнее, честь или деньги? что нужнее, честь или деньги? Коли есть деньги, так честь нажить не трудно, а с честью, право, не много наживешь денег. Так-то, брат, я рассуждаю; да я думаю, что и многие хотя не согласятся на сие словами, но в самом деле моим же правилам следуют. И так, рассудя хорошенько, пожалуй послушайся меня и не заводи тяжбы: так мы и останемся приятелями; а это нет ничего, что ты меня выбранил: *брань на вороту не виснет*, лишь бы деньги у меня были в кармане. А притом постарайся уговорить племянника моего Фалалея ***, чтобы он пошел в отставку и приезжал в деревню. Видно, что ты с ним приятель, потому что он отдает тебе все отцовские и материнские и мои письма для напечатания. За сим остаюсь

доброжелатель Ермолай.

Октября 22 дня,
1772 года,
из сельца Краденова.

XV

[ПИСЬМА К ПЛЕМЯННИКУ]

1

Любезный племянничек, ...
здравствовать тебе навеки нерушимо желаю!

Уведомился я, что ты и по сие время ни в какую еще не определился службу. Отпиши ко мне, правда ли это; ежели правда, так скажи пожалуй, что ты с собою задумал делать? Я тебя не при-

*

неволиваю итти ни в придворную, ни в военную службы для сказанных мне тобою причин; пусть это будет по-твоему; а притом и службы сии никакой не приносят прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь итти в приказную? почему она тебе противна? Ежели ты думаешь, что она по нынешним указам ненаживна, так ты в этом, друг мой, ошибаешься. Правда, в нынешние времена против прежнего не придет и десятой доли; но со всем тем годов в десяток можно нажить хорошую деревеньку. Каково ж нажиточно бывало прежде, сам рассуди: нынешние указы много у нас отняли хлеба!

Тебе известно, что по приезде моем на воеводство не имел я за собою больше шестидесяти душ дворовых людей и крестьян; а ныне благодаря подателя нам всяких благ, трудами моими и неусыпным попечением нажил около трехсот душ: не считая денег, серебра и прочей домашней рухляди; да нажил бы еще и не то, ежели бы прокурор со мною был посогласнее: но за грехи мои наказал меня господь таким несговорчивым, что как его ни уговаривай, только он как *козьи рога, в мех не лезут;* и ежели бы старанием моим не склонил я на свою сторону товарища секретаря и прочих, так бы у меня в мошне не было ни пула. Прокурор наш человек молодой, и сказывают, что ученый, только я этого не приметил. Разве потому, что он в бытность его в Петербурге накупил себе премножество книг, но пути нет ни в одной. Я однажды перебирал их все, только ни в одной не нашел, которого святого в тот день празднуется память, так куда они годятся? Я на все его книги святцев своих не променяю. Научился делать вирши, которыми думал нас оплетать; только сам он чаще попадается в наши верши. Мы его частехонько за нос поваживаем. Он думает, что все дела надлежит вершить по наукам; а у нас в приказных делах какие науки? кто прав, так тот и без наук прав, лишь бы только была у него догадка, как приняться за дело; а судейская наука вся в том состоит, чтобы уметь искусненько пригибать указы по своему желанию: в чем и секретари много нам помогают. Правда, что это для молодого человека трудно и непонятно: но ты этого не опасайся, я тебя столько научу, сколько сам знаю. Пожалуйста, Иванушка, послушайся меня, просись к нам в город в прокуроры. Я слышал, что тебя многие знатные господа жалуют, так это тебе тотчас сделают. Наживи себе там хороших защитников, да и приезжай сюда; тогда весь город и уезд по нашей дудке плясать будет. Рассуди сам, как этого места лучше желать и покойнее. Во всех делах положися на меня, а ты со стороны, ни дай ни вынеси, будешь брать жалованье; а коли будет ум, так и еще жалованьев полдесяток в год получишь. Мы так искусно будем делать, что на нас и просить нельзя будет. А тогда, как мы наживемся, хотя и попросят, так беда будет невелика: отрешат от дел и велят жить в своих деревнях. Вот те на, какая беда! для чего не жить, коли нажито чем жить;

то худо, как прожито чем жить: а ка̀к нажито, этого никто и не спросит. Пожалуйста, послушайся меня, добивайся этого места. Ты вить уже не маленький робенок, можно о себе подумать, чем век жить. Отцовское-то у тебя имение стрень брень с горошком, так надобно самому наживать; а на мое и не надейся, ежели меня не послушаешься; хотя ты у меня и один наследник, но я лучше отдам чужому, да только такому, который себе добра хочет. Ежели ж послушаешься, то при жизни моей укреплю все тебе. Смотри ж, я говорю наобум, а ты бери себе на ум. Прощай, Иванушка; пожалуй подумай о сем хорошенько и меня уведомь. Остаюсь дядя твой... .

2

Племяннику моему Ивану, здравствовать желаю!

На последнее мое к тебе письмо с лишком год дожидался я ответа, только и поныне не получил. Я безмерно удивляюсь, откуда взялось такое твое о родственниках и о самом себе нерадение. Мне твое воспитание известно: ты до двадцати лет своего возраста старанию покойного твоего отца соответствовал. Он из детей своих на тебя всю полагал надежду; да и нельзя было не так: большой твой брат, обучаяся в кадетском корпусе светским наукам, чему выучился? Ты знаешь, сколько он приключил отцу твоему разорения и печали. А ты под присмотром горячо любившего тебя родителя жил дома до двадцати лет и учился не пустым нынешним и не приносящим никакой прибыли наукам, но страху божию; книг, совращающих от пути истинного, никаких ты не читывал; а читал жития святых отец и библию. Вспомнишь ли, как тебе тогда многие наша братья старики завидовали и удивлялись твоей памяти, когда наизусть читывал ты многих святых жития, разные акафисты, каноны, молитвы и проч.: и не только мы, простолюдимы, но и священный левитский чин тебе завидовал, когда ты, будучи еще сущим птенцом шестнадцати только лет, во весь год круг церковного служения знал и отправлять мог службу? Куда это все девалося? Всеконечно создатель наш за грехи отец твоих отъял от тебя благодать свою и попустил врагу нашему, злокозненному дияволу, искушати тебя и совращати от пути, ведущего ко спасению. Ты стоишь на краю погибельном, бездна адской пропасти под тобою разверзается, отец дияволов, разинув челюсти свои и испущая из оных смрадный дым, поглотить тебя хочет; аггели мрака радуются, а силы небесные рыдают о твоей погибели, ежели то правда, что я о тебе слышал; сказывали мне, будто ты по постам ешь мясо и, оставя увеселяющие чистые сердца и дух сокрушенный услаждающие священные книги, принялся за светские. Чему ты научишься из тех книг? Вере ли несомненной, без нея же человек спасен быти

не может? Любве ли к богу и ближним, ею же приобретается царствие небесное? Надежде ли быти в райских селениях, в них же водворяются праведники? Нет, от тех книг погибнешь ты невозвратно. Я сам, грешник, ведаю, что беззакония моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступник законов, что окрадывал государя, разорял ближнего, утеснял сирого, вдовицу и всех бедных судил на мзде; и короче сказать, грешил, и по слабости человеческой еще и ныне грешу почти противу всех заповедей, данных нам чрез пророка Моисея, и противу гражданских законов, но не погасил любве к богу: исповедываю бо его пред всеми творцом всея вселенныя, сотворившим небо, землю и вся видимая; всевидящим оком, созерцающим во глубину сердец наших. О ты, всесильный, вселенныя обладатель! Ты зришь сокрушение сердца моего и духа, ты видишь желание следовать воле твоей, ты ведаешь слабость существа нашего, знаешь силу и хитрость врага нашего диявола, не попусти ему погубити до конца творение рук твоих; посли от высоты престола твоего спутницу твою и святыя истины, премудрость, да укрепит та сердце мое и дух ослабевающий. Сказано: постом, бдением и молитвою победиши диявола; я исполняю церковные предания, службу божию слушаю в день раз по пяти с сокрушенным сердцем; посты, среды и пятки все сохраняю не только сам, но и домочадцев своих к тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вере и еще прибавил постов; ибо я и все домашние мои во весь год, окроме воскресных дней, ни мяса, ни рыбы не ядим. Вот каково, кто читает жития святых отец! Мы во оных находим книгах, что неоднократно из глубины адской пропасти теплые слезы и молитвы возводили на лоно Авраамле, а ты сего блаженства лишаешься самопроизвольно. Разве думаешь, что когда ты не вступишь в приказную службу, то уже и согрешить не можешь? Обманываешься, дружок: и в приказной, и в военной, и в придворной, и во всякой службе и должности слабому человеку не можно пробыти без греха. Мы бренное сотворение, сосуд скудельный, как возможем остеречься от искушения; когда бы не было искушающих, тогда, кто ведает, может быть не было бы и искушаемых! Но змий, искусивший праотца нашего, не во едином живет эдемском саде: он пресмыкается по всем местам. И не тяжкий ли это и смертный грех, что вы, молодые люди, дерзновенным своим языком говорите: *за взятки надлежит наказывать; надлежит исправлять слабости, чтобы не родилися из них пороки и преступления*. Ведаете ли вы, несмысленные; ибо сие не припишу я злобе вашего сердца, но несмыслию? Ведаете ли, что и бог не за всякое наказывает согрешение, но, ведая совершенно немощь нашу, требует сокрушенного токмо духа и покаяния? Вы твердите: *я бы не брал взятков*. Знаете ли вы, что такие слова не что иное, как первородный грех, *гордость*? Разве думаете, что вы сотворены

не из земли и что вы крепче Адама? Когда первый человек не мог избавиться от искушения, то как вы, будучи в толико крат его слабее, колико крат меньше его живете на земли, гордитеся не свойственною сложению вашему твердостию? Как вам не быть тем, что вы есть? Удивляюся, господи, твоему долготерпению! Как таких кичащихся тварей гром не убьет и земля, разверзшися, не пожрет во свое недро, стыдяся, что таковых во свет произвела тварей, которые вещество ее забывают. Опомнись, племянничек, и посмотри, куда тебя стремительно влечет твоя молодость! Оставь сии развращающие разумы ваши науки, к которым ты толико прилепляешься; оставь сии пагубные книги, которые делают вас толико гордыми, и вспомни, что *гордым господь противится, смиренным же дает благодать*. Перестань знатися по-вашему с учеными, а по-нашему с невеждами, которые проповедывают добродетель, но сами столько же ей следуют, сколько и те, которых они учат, или и еще меньше. К чему потребно тебе богопротивное умствование, как и из чего создан мир? Ведаешь ли ты, что судьбы божии неиспытанны: и как познавать вам небесное, когда не понимаете и земного? помни только то, что *земля еси и в землю отыдеши*. На что тебе учитися речениям иностранным; язык нам дан для прославления величия божия, так и на природном нашем можем мы его прославляти; но вы учитесь оным для того, чтобы читать их книги, наполненные расколами противу закона; они вас прельщают, вы читаете их с жадностию, не ведая, что сей мед во устах ваших преобращается в пелынь во утробах ваших; вы еще тем недовольны, что на тех языках их читаете, но, чтобы совратить с пути истинного и не знающих чужеземских речений, вы такие книги переводите и печатаете: недавно такую книгу видел я у нашего прокурора. Помнится мне, что ее называют К****. Безрассудные! читая такие книги, стремитеся вы за творцами их ко дну адскому на лютые и вечные мучения. Из сего рассуждай, ежели в тебе хотя искра страха божия осталась, какую приносят пользу все ваши науки, а о прибыли уже и говорить нечего! Итак, в последние тебе пишу: ежели хочешь быть моим наследником, то исполни мое желание, вступи в приказную службу и приезжай сюда; а петербургские свои шашни все брось. Как ты не усовестишься, что я на старости беру на свою душу грехи для того только, чтобы тебе оставить чем жить. Я чувствую, что уже приближается конец моей жизни: итак, делай сие дело скоряе и вспомни, что упущенного уже не воротишь. Ты бы, покуда я еще жив, в приказных делах понаторел, а после бы и сам сделался исправным судьею и моим по смерти достойным наследником. Исполни, Иванушка, мое желание, погреби меня сам; закрой в последние мои глаза и после поминай грешную мою душу, чтобы не стать и мне за тебя на месте мучения; проливай о грехах моих слезы, поминай по церковному обряду, раздавай милостыню,

не жалей ничего; а на поминки останется довольно, о том не тужи, ежели и ты не прибавишь, так, проживши свой век моим, оставишь еще чем и тебя помянуть. Итак, мы оба, на земли поживши по своему желанию, водворимся в место злачно, в место покойно, идеже праведники упокоеваются. Пожалуй, Иванушка, послушайся меня; вить я тебе не лиходей. Я тебе столько хочу добра, сколько и сам себе. Прощай.

Остаюсь дядя твой ****.

XVI

ЛЕЧЕБНИК

1

Для его превосходительства г. Недоума

Сей вельможа ежедневную имеет горячку величаться своею породою. Он производит свое поколение от начала вселенной, презирает всех тех, кои дворянства своего по крайней мере за пятьсот лет доказать не могут; а которые сделалися дворянами лет за сто или меньше, с теми и говорить он гнушается. Тотчас начинает его трясти лихорадка, если кто пред ним упомянет о мещанах или крестьянах. Он их в противность модного наречия не удостоивает нижѐ имени подлости; а как их называть, того еще в пятьдесят лет бесплодной своей жизни не выдумал. Не ездит он ни в церковь, ни по улицам, опасаясь смертельного обморока, который непременно, думает он, с ним случится, встретившись с неблагородным человеком. Вот для чего сей вельможа, подобясь дикому медведю, сосущему свои лапы, сделал дом свой навсегда летнею и зимнею для себя берлогою: или, лучше сказать, он сделал дом свой домом бешеных, в котором, отдавая себе справедливость, добровольно заключился. Затворник наш ежечасно негодует на судьбу, что определила она его тем же пользоваться воздухом, солнцем и месяцем, которым пользуется простой народ. Он желает, чтобы на всем земном шаре не было других тварей, кроме благородных, и чтоб простой народ совсем был истреблен; о чем неоднократно подавал он проекты, которые многими ради хороших и отменных мыслей были опорочены для того, что изобретатель для произведения в действо своей выдумки требовал наперед трехсот миллионов рублей. Вельможа наш ненавидит и презирает все науки и художества и почитает оные бесчестием для всякой благородной головы. По его мнению, всякий шляхтич может все знать ничему не учася; философия, математика, фисика и прочие науки суть безделицы, не стоящие внимания дворянского. Гербовники и патенты, едва, едва от пыли и моля спасшиеся, суть

одни книги, кои он беспрестанно по складам разбирает. Александрийские листы, на которых имена его предков росписаны в кружках, суть одни картины, коими весь дом его украшен; короче сказать, деревья, чрез которые он происхождение своего рода означает, хотя многие сухие имеют отрасли, но нет на них такого гнилого сучка, каков он сам, и нет такой во всех фамильных его гербах скотины, каков его превосходительство. Однако г. Недоум о себе думает противное и по крайней мере в разуме великим человеком, а в породе божком себя почитает; а чтобы и весь свет тому верил, ради того он старается не чрез полезные и славные дела от других быть отличным, но чрез великолепные домы, экипажи и ливрею, несмотря что он для поддержания своей глупости проживает уже те доходы, кои бы еще чрез десять лет проживать надлежало. Для излечения г. Недоума от горячки

РЕЦЕПТ

Надлежит больному довольную меру здравого привить рассудка и человеколюбия, что истребит из него пустую кичливость и высокомерное презрение к другим людям; ибо знатная порода есть весьма хорошее преимущество: но она всегда будет обесчещена, когда не подкрепится достоинством и знатными к отечеству заслугами. Мнится, что похвальнее бедным быть дворянином или мещанином и полезным государству членом, нежели знатной породы тунеядцем, известным только по глупости, дому, экипажам и ливрее.

2

Для некоторого судьи

Старайся знать потребные для твоего звания науки, без них ты никогда не будешь уметь правильных делать заключений и догадок. Человеколюбие и бескорыстие должны первыми быть путеводителями твоего сердца. Берегись невежества глупых господчиков и дерзости, с которою они обо всем решительно, но неправильно судят; беги праздности, лености и самолюбия, они враги суть чести, добродетели и истинного человечества. Когда ты все сие истолчешь в порошок и пересыплешь им свое сердце и мозг, тогда будет судия отец, судия истинный сын отечества, а не судия палач.

3

Для некоторого военного человека

Когда ты перестанешь гордиться чином, презирать мещан и крестьян затем только, что они бесчиновны; бесчеловечно увечить себе подчиненных; когда ты станешь исправлять их ласкою

и своим примером, а не строгостию и мучительством; когда ты возьмешь по целому фунту следующего, а именно: любви к отечеству, желания ко истинной славе, благоразумной неустрашимости, знания в военном искусстве, покорности к начальникам, снисхождения к подчиненным и терпения в нужных случаях, тогда по справедливости достоин будешь тех лавров, коими ирои украшаются.

4

Начеркал сочинил вздорную пиесу и вздумал, что он может ровняться со всеми славными комическими писателями. Сие произошло от пристрастия и самолюбия; с тех пор не терпит он сочинителя новой комедии за то только, что его пиеса хорошо написана и что она всеми разумными людьми похваляется. Наконец от первых болезней приключилась ему новая, опаснейшая прежних: он стал злоязычник и всех тех ругает, кто не похвалит его сочинений. От той болезни

РЕЦЕПТ

Всякий день должен он читать свою пиесу по два раза, сличая с тою, которую он обокрал; продолжать оное чтение три месяца, что произведет в нем отвращение от той его пиесы; тогда увидит он свои недостатки, и самолюбие уменьшится; злоязычество же, происшедшее от самолюбия, есть болезнь неизлечимая.

5

Простосерд недомогает болезнию, именуемою *слепая доверенность*. По причине сей болезни судит он о всех по себе, всем верит и думает, что люди не могут быти злыми затем, что добрыми сотворены. Сие мнение часто ему плачено было худо: но он и тогда говаривал, что сие делалося по слабости человеческой, а не по злому намерению вредить ближним. От такой его опасной для него болезни прописан следующий

РЕЦЕПТ

На всех людей смотреть в волшебный лорнет, показывающий сердца с ним говорящих людей. Сие от той болезни его, конечно, излечит: но при том должен он употреблять свое добросердечие, от чего и сделается честным здоровым человеком.

6

Незрел вспыльчив, имеет бегучие мысли, но не совсем основательные, а сердце кажется что доброе. По такому его нраву с ним случаются следующие болезни: от безделицы покраснеет, взбесится и в состоянии сделать всякое дурачество в своей запальчивости; а иногда он смеется тому самому, за что бесился, и в добрый час сносит наивеличайшие обиды. Бегучие мысли заводят его под небеса, но дошед до своих границ, низвергают в заблуждение, и тогда он сердится сам на себя. Во гневе не попадайся ему ни слуга, ни собака, ни лошадь: он всех перебьет; когда же спокоен, то добросердие его всеми видимо: оказывает услуги по своей возможности не только что своим приятелям и знакомым, но в состоянии одолжить и такого человека, которого видел не более двух раз и не знает иногда, как его зовут, от чего часто претерпевал убытки. Сему болящему следующий

РЕЦЕПТ

Не полагаться на свои мысли и при начатии каждого дела подробно рассматривать свою способность и силы. В запальчивости своей пить ему холодную воду и продолжать до тех пор сие питие, доколе сам не начнет смеяться своему дурачеству. От излишнего же добросердечия потребно ему золотников 12 недоверчивости.

7

Для некоторого купца

Ваша милость имел случай с помощию подкупленных тобою бояр, судей и подьячих набогатиться от откупов и подрядов, или, лучше сказать, от разорения народного. Хотя наполнил ты мешки свои серебром и золотом, но, видно, не наполнил ты головы своей разумом; презирая науки и почитая за грех читать светские книги, ты стараешься выйти в другой свет, в коем ты не родился, а именно: ты добиваешься быть дворянином и иметь чины; сыновей женить на дворянках, а дочерей выдавать за дворян. Желать надобно, чтоб сие сбылося; ибо ничто не вылечит так скоро твоей алчности к чинам и дворянству, как то раскаяние, когда новые твои сродники все твое без совести нажитое имение промотают.

8

Для г. Безрассуда

Безрассуд болен мнением, что крестьяне не суть человеки, но крестьяне; а что такое крестьяне, о том знает он только по тому, что они крепостные его рабы. Он с ними точно так и поступает,

собирая с них тяжкую дань, называемую *оброк*. Никогда с ними не только что не говорит ни слова, но и не удостоивает их наклонения своей головы, когда они по восточному обыкновению пред ним по земле распростираются. Он тогда думает:

«*Я господин, они мои рабы, они для того и сотворены, чтобы, претерпевая всякие нужды, и день и ночь работать и исполнять мою волю исправным платежом оброка: они, памятуя мое и свое состояние, должны трепетать моего взора*». В дополнение к сему прибавляет он, что точно о крестьянах сказано: *в поте лица твоего снѐси хлеб твой*.

Бедные крестьяне любить его как отца не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут. Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: *это не мое, но божие и господское*. Всевышний благословляет их труды и награждает, а Безрассуд их обирает.

Безрассудный! разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих? разве не знаешь ты, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобою и человеком. Вообрази рабов твоих состояние, оно и без отягощения тягостно; когда ж ты гнушаешься теми, которые для удовольствования страстей твоих трудятся почти без отдыхновения: то подумай, как должны гнушаться тобою истинные человеки, человеки го̀спода, господа́ отцы своих детей, а не тираны своих, как ты, рабов. Они гнушаются тобою, яко извергом человечества, преобращим нужное подчинение в несносное иго рабства. Но Безрассуд всегда твердит: *я господин, они мои рабы; я человек, они крестьяне*. От сей вредной болезни

РЕЦЕПТ

Безрассуд должен всякий день по два раза рассматривать кости господские и крестьянские до тех пор, покуда найдет он различие между господином и крестьянином.

9

Для госпожи Смех

О ты! которая, будучи пятидесяти лет, стараешься казаться осмнадцатилетнею; ты, которая всякий день пять часов просиживаешь перед зеркалом, в котором учишься косить разнообразно глаза свои, делать ужимки, бросать взоры нежные, страстные, застенчивые, горделивые, печальные и отчаянные. Ты, которая

чрез смешение разных красок, порошков и умываньев представляешь глазам нашим не естественное лицо свое, но маску распещренную. Не пора ли тебе, сударыня, образумиться и не делать из себя, с позволением сказать, смешной дуры. Леты прелестей твоих протекли и оставили в доказательство того на лице твоем морщины, в кои никто уже больше не влюбится. Не изволишь ли полечиться и принять следующее лекарство: оставь не приличное тебе жеманство, брось румяны, белилы, порошки, умываньи и сурмилы, которые смеяться над тобою заставляют. Храни по крайней мере хотя в старости твоей благопристойность, которой ты в молодости хранить не умела, и утешай себя напоминанием прешедших своих приключений. Поступя таким образом, не будешь ты ни смешна, ни презрительна.

10

Для г. Скудоума

Скудоум, сынок приказного человека, грабившего целый свет, имеет следующие болезни: он презирает свою почтения достойную супругу, которая не только что его сделала счастие, но и всей Скудоумовой фамилии: а Скудоум, не чувствуя нималой к ней благодарности, таскается по всему городу и влюбляется в таких, с коими обхождение наносит бесчестие. Друзей иметь не может затем, что много если месяц с кем знается, а то тотчас сыщет причину поссориться. И, следуя наставлениям одного пооглядевшегося в свете бродяги, пользующегося его малоумием, лазит по голубятням, гоняет голубей, держит петухов, кои бьются между собою, и кормит разного роду мерзких собак. Славные авторы заключены у него в шкапе красного дерева с разбитыми стеклами, от частого чтения моль половину их переела, а остатки покрыты пылью. Вот какая участь авторам, попадшим в руки невежи! От сих болезней следующий

РЕЦЕПТ

Как все Скудоумовы болезни происходят от недостатку разума, то потребно ему принимать всякий день по 10 золотников здравого рассуждения, по 8 унций охоты к чтению хороших авторов и беспрестанно нюхать порошок, прочищающий толстые перепонки, наросшие на его мозгу.

11

Первая моя соседка, госпожа Непоседова, больна припадком ездить из дома в дом беспрестанно; переносить вести, ссорить друзей, супругов и всех, кого случится. Сие делает от доброго сердца;

ибо она всех любит равно; итак, если где услышит о ком слово, то уже не преминет пересказать действительно из одного сожаления. Сие ее сожаление часто производит ссоры, и для того потребен ей от сей болезни

РЕЦЕПТ

Больная должна чаще быть дома и смотреть за своею экономиею. Тогда останется у нее гораздо меньше времени на бесполезные ее выезды, и она не сделает столько вреда и друзьям своим и самой себе; а между тем принимать ей по три порошка в день, составленных из *благоразумия* и *истинной дружбы*, которые произведут в ней побуждение ко услуге ближним и истинное дружество, основывающееся на чести и добродетели, и нечувствительно вселит отвращение от вредных пересказываний.

12

Г. Мешков имеет болезнь для своего прибытка честных людей поносить. Он обманывает всех по своей возможности; в глаза льстит, а заочно ругает и для получения какой-нибудь вещи не щадит ни чести, ни добродетели, ни совести, ни законов. Он содержит роспись всем женщинам, с которых во Франции и Голландии собирается пошлина; знает, которая из них с кем знакома, познакомилась или поссорилась и за что. Он ежедневно рассказывает премножество новостей, хотя оные в городе и не случались; показывает себя ученым и честным человеком; критикует поступки всех граждан. Дела всякие решит, показывая свою остроту; выдумывает новые изобретения и никогда оные не исполняет. Словом, ежели бы избирать надлежало из бездельников министра, так бы лучше его сыскать было невозможно. Ему потребен рецепт.

Примеч. Для г. Мешкова не мог я прописать рецепта по причине многочисленных его припадков. Для его выздоровления непременно надлежит собрать совет: я не могу сказать утвердительно, но кажется мне, будто у него болезнь неизлечимая.

13

Г. Злораду, думающему, что слуг, ему подчиненных, ко исполнению своих должностей ничем иным принудить не возможно, как строгостию иль паче зверством и жестокими побоями. Для сей причины подчиненных ему слуг и за самомалейшие слабости и оплошности наказывает зверски. Он не говорит с ними никогда

ласково, но такими словами, которые в них производят ужас. Одевает, обувает и кормит он своих слуг весьма худо, утверждая, что когда сии безумия его несчастные невольники чувствуют голод и холод, тогда ежеминутно памятуют они свое рабство и, по его мнению, следовательно, тем побуждаются ко исполнению своих должностей. Любовь к человечеству он опровергает и утверждает, что рабам жестокость и наказание, равно как и дневная пища необходимо нужны. Надлежит думать, что он имеет сердце, напоенное лютым зверством и жестокостию, когда не слышит вопиющего гласа природы: *и рабы человеки*. А нрав его весьма соответствует испорченному его воспитанию. От такой болезни надлежит прописать рецепт.

РЕЦЕПТ

Чувствований истинного человечества 3 лота; любви к ближнему 5 золотник. и соболезнования к несчастию рабов 3 золотн.; положа вместе, истолочь и давать больному в теплой воде; а потом всякий час давать ему нюхать спирт, делающийся из благоразумия. Если ж и сие не поможет, тогда дать больному принять волшебных капель от 30 до 40. Сии капли произведут то, что он сам несколько часов будет чувствовать рабское состояние, и после сего он, конечно, излечится.

14

Г-же Бранюковой

Сия боярыня поминутно бранится с друзьями, детьми, слугами и своими девками. Она не может ничего приказать не побраня. Друзья ее или ветрены, или угрюмы, или очень скупы, или расточительны; дети упрямы, слуги и девки ленивы, воры, пьяницы, моты, картежники; словом: она так бранчива, что ежели не найдет хотя малейшей причины кого-нибудь побранить, то бранит она самое себя. От беспрерывного ворчанья часто бывает она больна разными припадками. Ей потребен рецепт.

РЕЦЕПТ

Всякий день по большому стакану давать пить воды, настоенной с благоразумием. Сие утишит беспрестанное волнение в ее крови и произведет то, что она кропотливостью своею сама будет гнушаться и после того увидит, что люди без погрешностей быть не могут и что иногда оные прощать весьма нужно.

15

Миловид думает, что все женщины должны в него влюбляться, и для того непрестанно за всеми волочится. Он и верить тому не хочет, чтобы нашлась такая женщина, которая бы в него не влюбилась. Любовь его бывает недолговременна: ибо он всем собою жертвует и мысленно всех себе приносит в жертву. От сего припадка надлежит ему полечиться.

РЕЦЕПТ

Болезнь г. Миловида минуется с летами, если он не старее 30 лет; буде же старее, то хотя болезнь сия и неопасная, но, однакож, неизлечимая.

16

Шестнадцатилетней девушке весьма хочется выйти замуж, ради того что матушка ее часто журит и не дает воли, от чего часто бывают у нее разные припадки.

РЕЦЕПТ

Девице, желающей выйти замуж, надлежит принять до 30 горьких капель, именуемых *брачные узы*. По принятии сих капель, конечно, не так скоро захочет она замуж, но пожелает остаться у своей матушки.

17

Глупомысл хочет непременно знатным быть господином, хотя имеет чин и весьма маленький. Он почитает себя весьма обиженным: ибо, по его мнению, он может быть и фельдмаршалом, и министром, и сенатором, и всем тем, что есть на свете знатно; а в самом деле Глупомысл не что иное, как дурак, и ни к каким делам не годится.

РЕЦЕПТ

Г. Глупомысл желает невозможного и для него вредного. Сие произошло от худых мокрот, усилившихся в нем при его воспитании: для очищения его от сих мокрот надлежит ему привить *благоразумие*, так, как оно обыкновенно благородным детям прививается в сухопутном шляхетном кадетском корпусе. Если ж леты его не позволят ему сей прививки сделать, то сия болезнь едва ли излечимая.

XVII

СМЕЮЩИЙСЯ ДЕМОКРИТ

Ба! это тот, в изорванном идет лахмотье, скупяга, который во весь свой век собирает деньги и расточает совесть; умирает с голоду и холоду, который подчиненных ему слуг приучает есть для жизни: то есть сколько потребно для удержания души в теле; который беззаконным лихоимством везде прославился, который наложил на себя и на прочую дворовую его скотину пост во весь год, который зимою по одиножды в неделю топит печь во своей лачуге, который рад продать самого себя за гривну и который накопил сорок тысяч рублей на то только, чтобы по смерти своей оставить их глупому племяннику; тому семнадцатилетнему скверонавцу, который скупостию и бессовестным лихоимством превзошел шестидесятилетнего своего дядю; который сам у себя крадет деньги и берет с самого себя за ту кражу штраф и который во весь свой век не хочет жениться для того только, чтобы на содержание жены и детей не тратить излишнего. О! они достойны, чтобы над ними посмеяться: ха! ха! ха!

Кажется, что я вижу ему противоположника. Конечно, это Мот? так, он и есть. О! этот молодец не имеет пороков своего батюшки; но вместо того заражен другими не лучше тех. Батюшка его беззаконно собирал деньги, а сей безумно их расточает. Скупой его родитель съедал то в месяц, что бы надлежало в один день скушать: напротив того, Мот то в день съедает, что бы в год ему съесть надлежало; тот хаживал пешком для того только, чтоб не тратить денег на корм лошади; а сей держит шесть карет и шесть цугов лошадей, опричь верховых и санных, для того, чтобы не наскучило в одном ездить экипаже. Тот двадцать лет таскал один кафтанишка, а Моту и в один год двадцати пар кажется мало. Короче сказать, отец всякими непозволенными средствами, лихоимством, обидою ближних и разорением беспомощных собрал себе великие сокровища; а Мот, разоряя самого себя, других наделяет. Оба они дураки, и обоим им посмеюся: ха! ха! ха! ха!

Вот еще кавалер, достойный смеха. Это Надмен. Он имеет знатный чин, великий достаток и малый ум; ему велено делать людей блаженными поелику можно, но он и последнее спокойство у них отнимает. Надмен не говорит ни с кем ласково, затем что не хочет себя до того унизить. Милостей никому не делает, но ино-

гда обещает. Он хочет, чтобы все его искали покровительства: но под оное никого почти не принимает; а ежели бы и вздумалось ему сию милость кому сделать, так тот ничего бы не выиграл: ибо Надмен кого больше любит, того больше и наказывает. В заключение, Надмен всех глупее; а думает, что все его глупее. Как над ним не посмеяться? ха! ха! ха!

Ба! это г. Влюбчив. Что он так скоро бежит? на лице у него написана радость; он поет и прыгает, конечно, попалась ему новая любовница; он их так переменяет часто, как верхние рубашки, и точно так с ними и поступает, как с рубашками; наденет, любуется, замарает, бросит, велит вымыть, наденет еще, и еще бросит, и так далее; сколько женщин, столько у него и любовниц. Впрочем, г. Влюбчив утверждает и всех уверяет, что он самый постоянный и верный любовник нашего века. Он теперь весел, и я ему посмеюся, ха! ха! ха! — Но полно, он жалок, он скоро будет печален. Ха! ха! ха!

Вот еще дурак, но только другого рода. Это Прост. Кажется, что он очень печален, идет потупя голову и нахмуря глаза в превеликой задумчивости. Бедняк сей в нашем веке ищет Лукрецию, нигде не находит и о том сходит с ума. Он чрезвычайно влюблен в постоянство романических ироинь. Над ним часто смеются, и он иногда бывает очень забавен. Печаль его, конечно, бы Ераклита тронула, и он бы заплакал: но мне хочется смеяться. Ха! ха! ха! ха! ха!

Это кто так прытко скачет? ба! Плох. Он спешит показать свою глупость в каком ни на есть знатном доме. Плох тщеславится тем, что имеет вход к знатным господам; таскается к ним сколько возможно чаще и делает в угодность их разные дурачества, думая оказать другим свое у них могущество. Вмешивается в их разговоры и, ничего не зная, думает оказать себя разумным; он читает книги, но ничего не понимает; ходит в феатр, критикует актеров и, по наслышке затвердя, спорит: этот актер хорош, а этот худ. Знатным господам рассказывает разные небылицы и старается говорить острые слова, но всегда некстати: словом, Плох старается себя уверить, что поступки его разумны, однакож все думают, что они глупы. Ха! ха! ха!

Ханжа выступает смиренно из церкви, раздает по полушечке бедным, его окружающим, и считает оные по четкам. Идучи, читает молитвы, от женщин свой взор отвращает, оберегая свои очи: ибо он говорит, чтобы, конечно, оба их исткнул, ежели бы они его соблазнили. Ханжа грешит поминутно, но показывает себя праведником, идущим по пути, устланному терием. Притворные молитвы, набожность и посты не мешают ему разорять и утеснять сколько возможно всех бедных. Ханжа грабил тысячами, а раздает полушками. Такою наружностию он многих обманывает. Молодым людям ежечасно толкует девять блаженств, но сам в шестьдесят лет своей жизни ни одинажды ни которого не успел сделать. Ханжа ходит всегда смиренно и не возводит никогда своих глаз на небо, затем что не надеется обмануть там живущих: но смотря в землю, обманывает ее обитателей. Ха! ха! ха!

Вот едет госпожа! она вчерась вышла замуж, а сегодни спешит на свиданье с любовником. Ха! ха! ха!

Я вижу двух человек; один другого уверяет в своей дружбе и обманывает; а другой притворяется, будто он не знает, как тот его поносит. Оба обманывают и оба обманываются. Ха! ха! ха!

Что это за человек бежит в таком отчаянии? А! это Ветрен. Его обманула любовница, и он хочет удавиться. Он жалок... Но вон там идет женщина: она с ним встретилась, и он свое намерение оставляет. На что ж дурачиться? Ха! ха! ха!

Вот г. Кривотолк: он торопится сделать досаду одному бумагомарателю, перетолковав написанное им в худо без малейшего основания. По несчастию, он в силах сие исполнить, но я сему дурачеству посмеюся. Ха! ха! ха! ха! ха! ха!

Наркис, влюбяся во свою красоту, не перестает сам себе нравиться и не отходит прочь от зеркала. По его мнению, все мужчины, не удивляющиеся его прелестям, смертно согрешают; а женщины, кои в него не влюбляются, суть без ума. Он недавно из перед туалета, за которым просидел целый день, завивая волосы, притирая лицо, чистя зубы, румяня губы, подмазывая

*

брови и проч. Прелестные его волосы имеет счастие чесать новомодный французский парикмахер и за то получает по 30 рублей в месяц. Исправный сей француз ставит ему разных сортов пудру и помады; за что награждается весьма щедро; при чесании за ту же цену уверяет Наркиса, что он подобных его волосам ни во Франции, ни в России не видывал. Наркис для умножения своих прелестей не щадит ни притираньев, ни душистых вод; и теперь, одевшись, прикалывает весьма искусно сделанный пучок цветов и едет на бал. Я следую за ним же и вижу его там. Он с мужчинами разговаривает весьма гордо, поминутно смотрится в зеркало и поправляет свои цветы. Говорит только о своих над прекрасным полом победах и не может пробыть ни минуты в той комнате, где по малой мере нет трех зеркал. Наркис обыкновенно садится так, чтобы он во всех зеркалах себя мог видеть; и часто, забывшись, кидает на себя в зеркале страстные взгляды и воздыхает. Старается иногда острые говорить слова, но в 23 года его жизни не сказал еще ни одного, затем что ему всегда мешают. Наркис из всех душевных добродетелей прославляет свою щедрость: и подлинно, она чрезмерна потому, что он красоту свою всем городским жителям показывает безденежно и чрез то их не разоряет. Словом, Наркис на своей красоте сходит с ума; там ему все смеются, и я ему посмеюся. Ха! ха! ха! ха!

Посмотрите на этого негодяя; это судья Забылчесть. Он, невзирая на строгость указа о лихоимстве, со всех челобитчиков не только сам под разными видами берет, но и подчиненных ему своим примером взятки брать поощряет. Он выдумал, по его мнению, безгрешный способ брать взятки, а именно: чтобы те дела вершить по прошествии двух часов пополудни; ибо-де, говорит он, жалованье государево получаю я за то, чтобы быть в присутствии только до двух часов; а когда-де пробуду я и третий час, тогда это сделаю не по указу, но по дружбе с челобитчиком; а тот по дружбе за то подарит. Какие же это взятки? Это, говорит он, подарки. Теперь подписывает он за 200 рублей определение о выдаче одному челобитчику 2000 рублей, законно ему принадлежащих, и сам себя уверяет, что это безгрешно и против законов и против совести, *понеже* скоро будет бить три часа: какое скаредное крючкотворство! Ха! ха! ха!

Вот еще люди, достойные осмеяния; двое из них судьи, а третий секретарь. Во всех присутственных местах обыкновенно секретари делают то, что приказывают им судьи; а здесь судьи делают то, что приказывает им секретарь. Один судья не проти-

воречит ему для того, что ни в какие не входит дела, а подписывает все те определения, кои секретарь пометит; другой, напротив того, хотя и не подписывает дел не читавши, но за сию осторожность взятки с секретарем делит пополам и для избежания в таком случае хлопот, так же как и первый, ему никогда не противоречит. Здесь судьи худые секретари; а секретарь был бы хороший судья, если бы не расточил свою совесть. По таким обстоятельствам, если челобитчик захочет, чтобы его дело было решено, то непременно должен прежде на свою сторону склонить секретаря, в противном же случае дело его не решится. Ха! ха! ха! ха!

Я вижу в феатре двух в ложе дам. Они сидят спокойно и ожидают начатия комедии. Спокойствие их нарушается; к ним вступает изрядно одетый мужчина, и они все, увидев друг друга, приходят в замешательство. Кавалер сей один из числа тех ветреных мужчин, которые влюбляться во многих женщин и их обманывать не только почитают за ничто, но и находят еще в том удовольствие. Бедняк сей не ожидал, чтобы две его любовницы, которых он ложными клятвами и притворным постоянством обманывал порознь, случилися тут обе вместе. Он надеялся тут найти одну и с нею поговорить, а после хотел побывать и у другой: но увидя их вместе, пришел в такое замешательство, что не знал, с которою начать разговор. Смелость его и обыкновенная таким мужчинам живость, предками нашими наглостию называемая, его оставили. Бледнеет, краснеет, и кажется, будто уже и раскаивается. Госпожи совместницы тотчас сие приметили, и каждая, скрывая свою досаду, принялися над господином волокитою шутить. Язвительные их насмешки усугубляют его замешательство. Сие зрелище достойно, чтобы все ветреные мужчины на оное взирали и остерегалися от подобных приключений. Обезмолвленный волокита собирает свои силы и начинает перед госпожами извиняться: но что сии извинения возмогут сделать! Обиженная таким образом любовница лишь в пущую запальчивость приходит. Волокита при сем извинении одной любовнице больше оказывает почтения, и кажется, будто пред нею больше хочет оправдаться. Сугубо обиженная любовница воспламеняется ревнивостию, видя совместницу свою, себе предпочитаемую, близ себя. Она обращает острый свой язык не на изменившего ей любовника, но на свою совместницу, торжествовать начинающую, и осыпает ее язвительными насмешками. Вдруг возгорается война. Любовницы досадою, ревнивостию и злобою воспламеняются. Не древние на брань ополчаются амазонки, храбростию своею греков устрашавшие, не смертоносные из колчанов своих извлекают стрелы: две любовницы, женщины нашего века, выдергивают из шиньонов своих

длинные булавки и мгновенно ими друг друга поражают. Обе поединщицы приходят во исступление: злоба паче возгорается, удары повторяются, а любовник от места удаляется. Храбрые наши ироини, переколов друг другу и руки и бока и истощив свои силы, не победя соперницу, удивляются своей крепости. Стыд, что все на них свои обратили взоры, заступает место злобы и на лице их показывается. Они встают со своих мест и удаляются; а я вослед им посмеюся. Ха! ха! ха!

Что за человек с таким вниз по лестнице бежит стремлением? А! это любовник, удаляющийся от места сражения его любовниц. Он приходит в партер и становится к другой стороне от той, где были его любовницы. Он раскаивается во своем поступке и подает надежду, что он исправится и будет постояннее. Он опасается, чтобы его не приметили. Наконец спокойствие к нему возвращается: но он и тогда взор свой на другую сторону обращает. С ним встречается взор девицы лет осмнадцати. Они друг друга узнают и начинают разговор. Волокита, избавясь от одной опасности, вдается в другую; он в красавицу влюбляется и помалу страсть свою ей открывает. Она не хочет слушать; он клянется и наконец доводит до того, что она его выслушала; она принимает на себя веселый вид и, улыбаяся, хочет ему ответствовать. Волокита восхищается мечтою; самолюбие ему льстит; он уже почитает себя счастливейшим из смертных; но девица ему ответствует: хоть три дни, сударь, посвяти памяти оставленных и обиженных тобою любовниц, а потом открывайтесь другой, а не мне: ибо я, быв очевидным свидетелем вашего постоянства, верить вам не могу. Ищите женщину меня легковернее. Она начинает смеяться, и волокита удаляется, неся с собою образец ветреных любовников. Ха! ха! ха!

XVIII

ОТПИСКИ КРЕСТЬЯНСКИЕ И ПОМЕЩИЧИЙ УКАЗ КО КРЕСТЬЯНАМ

1. ОТПИСКА

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьют челом *** отчины твоей староста Андрюшка со всем миром.

Указ твой господский мы получили и денег оброчных со крестьян на нынешнюю треть собрали: с сельских ста душ сто двадцать три рубли двадцать алтын; с деревенских с пятидесяти душ

шестьдесят один рубль семнадцать алтын; а в недоимке за нынешнюю треть осталось на сельских двадцать шесть рублев четыре гривны, на деревенских тринадцать рублев сорок девять копеек; да послано к тебе, государь, прошлой трети недоборных денег с сельских и деревенских сорок три рубли двадцать копеек; а больше собрать не могли: крестьяне скудны, взять негде, нынешним годом хлеб не родился, насилу могли семена в гумны собрать. Да бог посетил нас скотским падежом, скотина почти вся повалилась; а которая и осталась, так и ту кормить нечем, сена были худые, да и соломы мало, и крестьяне твои, государь, многие пошли по миру. Неплательщиков по указу твоему господскому на сходе сек нещадно, только они оброку не заплатили, говорят, что негде взять. С Филаткою, государь, какноволишь? денег не платит, говорит, что взять негде: он сам все лето прохворал, а сын большой помер, остались маленькие робятишки; и он нынешним летом хлеба не сеял, некому было землю пахать, во всем дворе одна была сноха, а старуха его и с печи не сходит. Подушные деньги за него заплатил мир, видя его скудость; а за твою, государь, недоимку по указу твоему продано его две клети за три рубли за десять алтын; корова за полтора рубли, а лошади у него все пали, другая коровенка оставлена для робятишек, кормить их нечем: миром сказали, буде ты его в том не простишь, то они за ту корову деньги отдадут, а робятишек поморить и его вконец разорить не хотят. При сем послана к милости твоей Филаткина челобитная, как с ним сам поволишь, то и делай; а он уже не плательщик, покуда не подрастут робятишки; без скотины да без детей наш брат твоему здоровью не слуга. Миром, государь, тебе бьют челом о завладенной у нас Нахрапцовым земле, прикажи ходить за делом: он нас здесь разоряет и землю отрезал по самые наши гумна, некуда и курицы выпустить; а на дело по указу твоему господскому собрано тридцать рублев и к тебе посланы без доимки; за неплательщиков положили тяглые, только прикажи, государь, добиваться по делу. Нахрапцов на нас в городе подал явочную челобитную, будто мы у него гусями хлеб потравили, и по тому его челобитью была за мною из города посылка. Меня в отчине тогда не было, посыльные забрали в город шесть человек крестьян в самую работную пору; и я, государь, в город ездил, просил секретаря и воеводу, и крестьян ваших выпустили, только по тому делу стало миру денег шесть рублев, воз хлеба да пять возов сена. Нахрапцов попался нам на дороге и грозился нас опять засадить в тюрьму: секретарь ему родня, и он нас очень обижает. Отпиши, государь, к прокурору: он боярин добрый, ничего не берет, когда к нему на поклон придешь, и он твою милость знает, авось-либо он за нас вступится и секретаря уймет, а воевода никаких дел не делает, ездит с собаками, а дела все знает секретарь. Вступись, государь, за нас, своих

сирот: коли ты за нас не вступишься, так нас совсем разорят, и Нахрапцов всех нас пустит в мир. Да еще твоему здоровью всем миром бьют челом о сбавке оброчных денег, нам уже стало невмоготу; после переписи у нас в селе и в деревне померло больше тридцати душ, а мы оброк платим все тот же; покуда смогли, так мы таки твоей милости тянулись, а нынче стало уже невмочь. Буде не помилуешь, государь, то мы все вконец разоримся: неплательщики все прибавляются, и я по указу твоему сбор делал всякое воскресение и неплательщиков секу на сходе, только им взять негде, как ты с ними ни поволишь. Еще твоей милости доношу, ягоды и грибы нынешним летом не родились, бабы просят, чтобы изволил ты взять деньгами, по чему укажешь за фунт; да еще просят, чтобы за пряжу и за холстину изволил ты взять деньгами. Лесу твоего господского продано крестьянам на дрова на семь рублев с полтиною; да на две избы, по десяти рублев за избу. И деньги, государь, все с Антошкою посланы. При сем еще послано штрафных денег: с Ипатки за то, что он в челобитье своем тебя, государь, оболгал и на племянника сказал, будто он его не слушался и затем с ним разошелся, взято по указу твоему тридцать рублей; с Антошки за то, что он тебя в челобитной назвал отцом, а не господином, взято пять рублей, и он на сходе высечен. Он сказал: *я-де это сказал с глупости*, а напредки он тебя, государя, отцом называть не будет. Дьячку при всем мире приказ твой объявлен, чтобы он впредь так не писал. Остаемся раби твои, староста Андрюшка со всем миром, земно кланяемся.

2. ОТПИСКА

Государю Григорью Сидоровичу!

Бьет челом и плачется сирота твой Филатка.

По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок, также и корова, а деньги взяты в оброк, и с меня староста правит остальных, только мне взять негде: остался с четверыми ребятишками мал мала меньше; и мне, государь, ни их, ни себя кормить нечем. Над ребятишками и надо мною сжалился мир, видя нашу бедность; им дал корову, а за меня заплатили подушные деньги: а то бы пришло последнюю шубенку с плеч продать. Нынешним летом хлеба не сеял, да и на будущий земли не пахал; нечем подняться. Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем: пришло пойти по миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством. Прикажи, государь, в недоимке меня простить и дать вашу господскую лошадь: хотя бы мне мало-помалу исправиться и быть опять твоей милости тяглым крестьянином. За мною,

покуда на меня бог и ты, государь, не прогневались, недоимки никогда не бывало, я всегда первый клал в оброк. Нынече пришло на меня невзгодье, и я поневоле сделался твоей милости неплательщиком. Буде твоя милость до меня будет и ты оботрешь мои сиротские и бедных моих ребятишек слезы и дашь исправиться, так я и опять твоей милости буду крестьянин; а как подрастут ребятишки, так я и добрый буду тебе слуга. Буде же ты, государь, надо мною не сжалишься, то я, сирота твой, и с малыми моими сиротишками поневоле пойду питаться христовым именем. Помилуй, государь наш, Григорий Сидорович! кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца, и мы тебе всей душой рады служить; да как пришло невмочь, так ты над нами смилуйся: наше дело крестьянское, у кого нам просить милости, как не у тебя? У нас в крестьянстве есть пословица, *до бога высоко, а до царя далеко*, так мы таки все твоей милости кланяемся. Неужто у твоей милости каменное сердце, что ты над моим сиротством не сжалишься? Помилуй, государь, прикажи мне дать клячонку и от оброка на год уволить, мне без того никак подняться не возможно; ты сам, родимый, человек умный, и ты сам ведаешь, что как твоя милость без нашей братии крестьян, так мы без детей да без лошадей никуда не годимся. Умилосердися, государь, над бедными своими сиротами. О сем просит со слезами крестьянин твой Филатка и земно и с ребятишками кланяется.

3. КОПИЯ С ПОМЕЩИЧЬЕГО УКАЗА

Человеку нашему Семену Григорьеву!

Ехать тебе в **** наши деревни и по приезде исправить следующее:

1

Проезд отсюда до деревень наших и оттуда обратно иметь на счет старосты Андрея Лазарева.

2

Приехав туда, старосту при собрании всех крестьян высечь нещадно за то, что он за крестьянами имел худое смотрение и запускал оброк в недоимку; и после из старост его сменить; а сверх того взыскать с него штрафу сто рублей.

3

Сыскать в самую истинную правду, как староста и за какие взятки оболгал нас ложным своим докладом? За то прежде всего его высечь, а потом начинать следствием порученное тебе дело.

4

Старосты Андрюшки и крестьянина Панфила Данилова, по коем староста учинил ложный донос, обоих их домы опечатать и определить караул; а их самих отдать под караул в другой дом.

5

Если ж в чем-либо будут они чинить запирательство, то объяви им, что они будут отданы в город для наказания по указам.

6

И как нет сумнения, что староста донос учинил ложный, то за оное перевесть его к нам на житье в село ***; буде же он за дальным расстоянием перевозиться и разорять себя не похочет, то взыскать с него за оное еще пятьдесят рублей.

7

Сколько пожитков всякого звания осталося после крестьянина Анисима Иванова и получено крестьянином Панфилом Даниловым, то все с него, Данилова, взыскать и взять в господский двор, учиня всему тому опись.

8

Крестьян в разделе земли по просьбе их поровнять, по твоему благорассуждению: но притом, однакож, объявить им, что сбавки с них оброку не будет и чтобы они, не делая никаких отговорок, оный платили бездоимочно; неплательщиков же при собрании всех крестьян сечь нещадно.

9

Объявить всем крестьянам, что к будущему размежеванию земель потребно взять выпись; и для того на оное собрать тебе со крестьян, сколько потребно будет, на взятье выписи.

10

В начавшийся рекрутский набор с наших деревень рекрута не ставить: ибо здесь за них поставлен в рекруты Гришка Федоров за чиненные им неоднократно пьянствы и воровствы вместо наказания; а со крестьян за поставку того рекрута собрать по два рубли с души.

11

За ложное показание Панфила Данилова и утайку свойства других взять с него, вменяя в штраф, сто рублей; а его перевезть к нам в село *** на житье; а когда он просить будет, чтобы полученные им неправильно пожитки оставить у него и его оставить на прежнем жилище, то за оное взыскать с него, опричь штрафных, двести рублей.

12

По просьбе крестьян у Филатки корову оставить, а взыскать за нее деньги с них; а чтобы они и впредь таким ленивцам потачки не делали, то купить Филатке лошадь на мирские деньги; а Филатке объявить, чтобы он впредь пустыми своими челобитными не утруждал и платил бы оброк без всяких отговорок бездоимочно.

13

Старосту выбрать миром и подтвердить ему, чтобы он о сборе оброчных денег имел неусыпное попечение и неплательщиков бы сек нещадно; буде же какие впредь явятся недоимки, то оное взыскано будет все со старосты.

14

За грибы, ягоды и проч. взять с крестьян деньгами.

15

Выбрать шесть человек из молодых крестьян и привезть с собою для обучения разным мастерствам.

16

По исправлении всего вышеписанного ехать тебе обратно; а старосте накрепко приказать неусыпное иметь попечение о сборе оброчных денег.

***.

КОНЕЦ I ЧАСТИ

ОГЛАВЛЕНИЕ I ЧАСТИ

ЧАСТЬ II

I

На сих днях получил я писание, скрепленное Любопытным зрителем, которое гласит тако:

О граждане, граждане! ищите прежде денег, а потом добродетели!

Юпитер предложил некогда во всеобщем собрании богов, что он человеков больше, нежели всех зверей, любит и для того намеряется сделать всех их благополучными. Сие предложение подтвердив они общим согласием поручили Аполлону о том пещися. Для произведения сего в действо послал Аполлон семь мус, а двух из них оставил при себе, дабы не вовсе остаться во одиночестве. Каждая из сих семи мус имела у себя на плечах ящик, в котором находились средства для человеческого благополучия. Первая несла *разум;* другая *добродетель;* третия *здравие;* четвертая *долгоденствие;* пятая *увеселение;* шестая *честь*, а последняя наполнила свой ящик *златом*.

Все они вместе сошли с своей горы и пошли прямо в один город, в котором тогда была ярманка. Всяк признавал их не инако, как бы за валдайских девушек, и великое множество купцов к ним набежало; а наипаче весьма великое число молодых мужчин окружило их: и для того вознамерились они провозгласить свои товары. Первая кричала:

— Государи мои, покупайте *разум!* Эй, разум! разум! Вы все кажетесь мне иметь в нем великую надобность. Купите разум, так и не будет вам нужды покупать других товаров у моих подруг. Покупайте разум — право, это редкий товар!

Вдруг все зрители начали хохотать, говоря:

— Куда как эта утешна девка, жаль только, что она уже немолода!

Муса, видя, что у ней никто ничего не покупает, пошла по всем улицам, крича опять:

— Кто купит разум! — Но как и сие ничего не пособило, то вознамерилась пойтить по домам и, пришедши в один знатный дом, сняла с плеч ящик и наземь постановила, ибо великое коли-

чество разума начало уже ее весьма отягощать. По несчастию, в то время ссорилась госпожа оного дома с своим мужем и колотила всю челядь. Она, увидя мусу, спросила ее с свирепым видом:

— Что за женщина?

— Сударыня, — сказала она ей, — я хочу спроситься, не соизволите ли купить разума. Купите заблаговременно, так послужит он вам в нужде. Я, может быть, не скоро в другой раз приду в ваш дом, а мой товар вашей особе весьма кстати; ибо вы столь любезный и прелестный вид имеете, что, я признаться должна, вы ни в чем не имеете недостатка, как только в разуме.

— Пошла к чорту, — закричала госпожа, — ты, конечно, хочешь меня дурачить!

— Никак, сударыня; я хочу вас избавить от дурачества: ибо я продаю разум.

Тогда госпожа схватила с ноги башмак и не преминула бы разбить оным у бедной мусы ящик с разумом, если бы сия благим матом не убралась со двора. Лишь чуть успела она оттуду унесть ноги, как бежал за нею надсмотрщик товаров и кричал:

— Бродяга, что у тебя в ящике? ты должна пошлину заплатить.

— Это разум, сударь, к вашим услугам.

— Разум, — отвечал надсмотрщик, — разум! Что это за товар? Я, кажется, и сам торговал, пока еще не сделался надсмотрщиком, и сию должность, не хвастаясь, отправляю уже тридцатый год, однако не могу припомнить, чтобы когда сии товары приходили в наш город. Итак, я запечатаю твой ящик, пока не осведомлюсь, не принадлежит ли разум к запрещенным товарам.

Надсмотрщик побежал и представил о том таможенному начальству, на что и последовало решение, чтобы немедленно торговщицу сию выгнать из города. Ибо, по мнению судей, имели они довольно уже разума; гражданам же оный был бы бесполезен и выше их состояния: притом было бы совсем противу благоразумия и политики нынешнего века, чтоб дозволить вывозить деньги из государства за таковые безделицы. Таким образом, вытолкали сию мусу из города под запрещением, чтобы впредь она никогда в оный не возвращалась.

Другая, имевшая для продажи *добродетель*, кричала равным образом по всем улицам, однако не нашла ни одного купца: ибо все единодушно про нее думали, что она не при своем разуме. Наконец один старик, муж, исполненный премудрости, вздохнув несколько крат, жалким голосом сказал ей:

— Душа моя, твой товар в отечестве нашем не в моде. Некоторые наши . . . . . утверждают, что он чресчур ветх, а наши молодые госпожи почитают все те уборы смешными, которые бабушек их украшали. Итак, не худо сделаешь ты, когда сей напрас-

ный труд для тебя вовсе оставишь. Моды у нас переменяются; и то, что мы за сто лет добродетельною женою называли, именуется ныне благородною, высокородною, превосходительною или сиятельною госпожою.

По счастию, муса имела в своем ящике терпение, которым ополчась, новые получила силы для пренесения своих сокровищ обратно в свое жилище.

Третия, провозглашающая *здравие*, хотя и нашла несколько покупщиков, однако все почти из них такие люди были, которые или французскими романами, или американскими припадками так сильно изнемогали, что уже никак не можно было и пособить им. По несчастию, в самое то время явился позорищу площадный лекарь, и тогда все больные, оставя мусу, говорили:

— Полно, оставим ее и пойдем к сему врачу, который всех знатных господ и госпож исцеляет. Коль многих он женщин своими живыми водами избавил от сердечной болезни, или, лучше сказать, от любовной чахотки, усиливающейся от частых и многоличных перемен? а сия глупая женщина предписывает только нам простую пищу, брачную любовь да ключевую воду.

Тогда муса принуждена была закрыть свой ящик, и едва излечились два человека ее лекарствами: ибо никто не хотел сохранить предписанный ею порядок трезвыя жизни.

Вдруг появилась четвертая муса и кричала: *долгоденствие!* Лишь только она сие один раз выговорила, то воспоследовало с площадным лекарем почти то самое, что некогда с Омиром; то есть здоровые и больные, его оставя, бросились к мусе, продающей долгоденствие. Некоторые богачи готовы были уступить за то половину своего имения; но не могши к ней сквозь народ продраться, просили полицейского офицера послать на их счет за десятскими, чтоб чернь сию разогнать.

— Дражайшая муса! — говорил тогда осмидесятилетний старик: — благодарю небо! я приобрел себе кровавым потом до шестисот тысяч рублей, и хотя то такое иго для меня крушиться день и ночь о безопасности сего малого моего стяжания, однако мне не хочется еще умереть: ибо я в крайнюю горесть прихожу, когда вспомню, что дети мои по смерти моей расточат пóтом нажитое. Итак, милостивая государыня, чего вы требовать изволите за то, чтобы жизнь моя еще на восемьдесят лет продолжилася?

— Восемьдесят тысяч рублей, — отвечала муса.

— Восемьдесят тысяч рублей! вправду ли вы говорите? восемьдесят тысяч. Не можно ли уступить за восемь тысяч; вить надобно же живучи помышлять и о жизни.

— Государь мой, — сказала муса, — вам должно знать, что деньги, выручаемые за мои товары, определены единственно на

прокормление разумных и добродетельных людей, находящихся в крайней скудости, и, следовательно, я в рассуждении сих бедных ничего уступить не могу.

— Ах! что много, то много, — сказал старик, — возьми, я придам еще сто рублей, что сделает 8100 рублей, и все чистою серебряною монетою. Прошу, милостивая государыня, подумать.

— Что тут еще много думать, — вскричал другой богач и, вынув свой кошелек, сказал: — вот вам восемьдесят тысяч рублей.

— Весьма изрядно, государь мой, — сказала ему муса, — я рада вам служить, однако я должна вам напомнить, что вы будете сожалеть о своих деньгах, если вы у моих трех больших сестер не купили разума, добродетели и здравия. Ибо без сих вещей лекарства мои или вовсе ничего не пособят, или будут только вам причинять беспрестанные мучения, от чего и жизнь ваша будет вам в тягость.

— Да где ж сии три сестры? — спросил богач.

— Поищите только их; они чаятельно еще в городе.

Богач приказал их по всем домам искать; вестники разосланы были, чтобы спрашивать их по деревням, однако нигде их сыскать не могли.

К пятой мусе, провозглашающей *увеселения*, бросились толпами молодые женщины и мужчины, жаждущие сих товаров, и с таким стремлением, что ее сшибли с ног и она, упав, разбила свой ящик. Тогда с превеликою жадностию хватали увеселения и оные дружка у дружки с толиким насилием из рук вырывали, что ничего целого не осталось. Имеющие же у себя маленькие оных отрывки досадовали, что им всего не досталось; а завистию истаевали, что прочие удержали у себя то, в чем первые еще недостаток имели. Муса негодовала на людей за их неистовое стремление, которое единственно причиною, что увеселения их испорчены: ибо она хотела им уступить оные добровольно и без малейшего повреждения.

Шестая из сих мус кричала: *честь!* Тогда народ с толикою наглостию бросился за сим товаром, что от чрезмерныя тесноты произошла драка, а от драки и самое убийство. Вскоре подоспевшая стража привела мусу в безопасность и избавила ее от сверкающих мечей, подъемлемых над ее главою. Во время сего неистового волнения жителей отперши она неприметно свой ящик вынула оттуду истинную честь и наполнила оный пустыми только титлами. Сие учинив, вскричала:

— О люди! я вас усильно прошу, будьте несколько скромны и ведайте, что истинная честь сама собою к вам придет.

Однако они, несмотря на ее просьбу, преодолели стражу, разломали ящик и сражались меж собою, не щадя и жизни, за пустые

только титлы, находившиеся в оном. Что до меня касается, то я весьма дивился, увидев меж ими и тех людей, кои обыкновенно проповедывали о едином только смиренномудрии; а крайне изумился, узрев превеликую толпу благородных, притом не весьма достаточных и обер-офицерских дочерей, слезно просящих себе у мусы зажиточных и случайных супругов и которые бы из высокородных или по крайней мере не меньше высокоблагородных были. Муса, посмеваяся толь глупому их поступку, размышляла в себе: «Пускай глупые бегают с одними только титлами, а я хочу истинную честь опять вручить Аполлону, да увеличит он сам ею того из смертных, который всех их достойнее будет». В сих мыслях, посмотрев несколько на меня с приятным и веселым видом, оставила она город, как нечаянно нашла меньшую свою сестру, которая деньги носила, лежащую без чувств у градских ворот. Тогда возопила она:

— Увы, любезнейшая сестрица! что сделалось с тобою? Колико соболезную я, нашед тебя в толь горестном состоянии!

Наконец умирающая муса, пришед несколько в себя, с тяжким вздохом произнесла:

— Ах! сколь я счастлива, что вижусь еще с тобою; ты возвращаешь жизнь мою, которую я было почти потеряла. Никогда я себе вообразить не могла, чтобы человеки столь безумны были. Ступай, сестрица, удалимся от сих уродов: дай мне убежище, ибо я всеминутно в опасении, дабы они опять на меня не напали.

— Да что же они тебе сделали?

— Представь себе, — отвечала она, — тысячу волков, томимых чрез восемь дней гладом, и меж коих бы человек, несший на плечах агнца, попался; так имеешь ты живой образ того, что мне с моим денежным ящиком случилось. Ибо лишь чуть только я в градские ворота вошла и сказала: что я деньги несу и хочу оные давать имеющим в них надобность, то тьма людей меня покрыла. Находившиеся в жилищах из окошек стремглав валились; придворные с лентами и ключами, остановив вдали свои кареты, пешком бежали; тысящницы вдовы и богатые девицы с прежалким воплем повергали к стопам моим просительные бумаги; стихотворцы и ученые бездыханны летели с Еликона с одами и посвящениями высоких своих творений; словом, всех чинов и состояний градские жители стекались ко мне со всех четырех сторон и, повергнув меня с моим денежным ящиком на землю, оный разбили. Тогда они все хватали, рвали, а чего в руки захватить не могли, то хватали ртом и зубами. Наконец, не нашедши уже ничего более в ящике и на земле, сорвали с меня одежду, обыскивали в карманах и пороли платье. Тогда, бросив меня почти бездыханну и мертву, те, коим ничего не досталось, начали у других насильно отнимать, а чрез то вступили в толь жестокое междоусобие, что ни единый оттуду с целою головою не ушел, и чем более кто себе денег захватил, тем больше он израненным и изувеченным остался.

Боги, получив таковое от мус известие и узнав, коль алчно человеки ищут *увеселений*, *чести* и *богатства*, твердо положили жаловать впредь сими тремя вещами тех только, кои имеют *разум* и *добродетель*. Но исполнен ли потом сей приговор или и поныне еще в недействии остался, о том не могу я заподлинно уверить.

Любопытный зритель.

P. S. Сказуют, что сему любопытному зрителю одна муса подарила превеликие два штофа разума; а другая, продающая честь, пожаловала его достоинствами, то есть *честностию* и *скромностию*.

II

ПЕРЕВОД

Г. живописец!

Я теперь *Неудобо-разумо-и-духодеятелен!* Прошу я вас, г. м., именем всея нашея дружбы, приказать хотя на мой кошт выпечатать сие слово большими, а если можно, и красными еще буквами: оно есть новое и высокое изобретение осьмаго-надесять столетия; а я, имея счастие быть оного первым творцом и знаменателем, хочу оное предать потомкам от рода в род и на множество веков. Впрочем, дабы избавить всех строителей новороссийского языка от излишних и суетных трудов, то я верною им в том порукою, что оного слова не находится ни в славенских книгах, ни в старинных летописях, ниже и в самых едкостию древности обетшалых рукописях; а собственно начертано оно неистребимыми знаками на скрыжалех моего сердца. Чрез сие предварительное уведомление желаю я освободиться навсегда от ученого прения и многообразных толков; сверх сего, предоставляя себе только одному право винословствовать об оном, могу неукоризненно и во всякое время в разговорах и сочинениях моих изображать свойство душевного и телесного моего состояния одним только выражением, то есть что я *Неудобо-разумо-и-духодеятелен!*

Да что ж оное значит, всеконечно спросите вы меня? На сие ответствую, что я то ощущаю только во внутренности моей, изобразить же оного на словах никак не могу. Также я нимало не понимаю, относится ли оное больше к разуму или духу; принадлежит ли к числу болезней или к другим каким сокровенным действиям душевным; а знаю только то, чего оное не означает. Например, если бы кто назвал меня, но порознь, туманным, или прискорбным, или пасмурным, всегда в сообществе молчаливым, всем недовольным и на все негодующим, или всеминутно стенающим, погруженным в глубокую задумчивость и в черную тень

дум; или бы захотел меня выхвалить самыми модными петербургскими словами, то есть назвать меня страждущим сердечною болезнию, или ипохондриею: то я бы всеми сими хотя блистательными, однако порознь мне приписываемыми титлами нимало не был доволен. Напротив того, единое слово *Неудобо-разумо-и-духодеятелен* всего мне на свете милее, и оно все вышереченные достоинства в превосходном степени и в одно время замыкает в себе. Притом гораздо похвальнее, ежели я представлю собою главу или испещренный вертоград всех петербургских ипохондриков, нежели когда только называться буду притворным или, что все равно, простым ипохондриком.

Но уже приступаю к решению другого вопроса; то есть, каким образом взошел я на сей степень престранных дум и чувствований. Общее и повсеместное есть правило, что каждый ищет себе подобного: ибо равные мысли, единообразный нрав и сходные чувствования притягают, так сказать, одного ко другому. Кто не знает, что сраженные жестоким наветом всегда обращаются и беседуют с подобными только себе; несчастного любовника сердце неприступно всем веселиям и утехам мира; но когда равною судьбою гонимый уверяет его, что нет во свете для любви ничего невозможного, что наконец и самые непреклоннейшие сердца смягчаются и любовным истаевают пламенем: тогда некий приятный луч новыя надежды и отрады вливается в душу его. Следовательно, и я, имев честь служить почти с полгода в чине простого ипохондрика, во всем подвластен был тому же закону. Ибо для ипохондрика нет во свете ничего увеселительнее, как видеться повседневно и быть вместе с ипохондриками. Вследствие сего закона глубокомысленное наше общество благоволило учредить *каменный берег* всегдашним нашим сборищем. Признаюсь, г. м., что я по вступлении в новый чин, то есть в ипохондрию, первые два или три месяца почти не сходил с берега; и когда я на целый свет уже равнодушным оком взирал, тогда один только берег утешал еще печальную мою душу. Представьте только себе двадцать или по крайней мере десять совершенных ипохондриков, собравшихся в единое место; вообразите себе их наружный пасмурный вид, странные, а часто ужас наводящие телодвижения и слова, прерываемые всеминутно то воздыханиями, то глубоким отчаянием; и скажите без всякого ласкательства, есть ли какое в свете сего прелестнее позорище? — Правда, чтоб видеть сие явственнее еще, потребно самому иметь и очи и чувства ипохондрические; но я, благодаря бога! будучи оными всещедро одарен, надеюсь представить вам самую живейшую картину тех лиц и особ, с коими я на берегу часто обращался. Один, например, произносит громко хулу и клевету на свое отечество; называет оное неблагодарным, что оно, забывая его достоинства, которые в его записной книжке им самим и весьма изящными красками изображены, и невзирая

на все его чины, снисканные ему то ближними, то искренними, то усильными просьбами, считает его без разбора наряду со другими. Другий проклинает свое рождение, жизнь и судьбу; возносит жалобу к пустыням, морям и дремучим лесам; уверяет их лиющимися слезами, что дни его премененны в смертельный яд и что он твердо уже вознамерился иттить искать себе дружбы и любви со зверьми, а не с человеками: ибо обожаемая им повелительница— повелительница, которая по искусству своему... преобратила его своим непостоянством в дурака; иной, севши на безмолвный камень и потупив очи в землю, беседует с нею: о ты! свидетельница моих мучений — им не будет уже конца — не будет для меня в жизни сей никакой отрады. Итак, тщетно я тебя тягчу: уготови мне здесь прохладный одр, где прискорбный мой дух, гонявшийся за прелестною тению несклонныя любви, навсегда успокоится. А ты, прекрасная дщерь! поразившая некогда сердце мое твоею добродетелию, проходи иногда мимо сени моей, воззри хотя единожды кротким и жалостию растворенным оком на то злачное место, в котором храниться будет прах мой, посвященный твоим достоинствам в жертву и горящий к тебе вечною любовию![1]— Вот, государь мой, какими я разительными видами почти вседневно, ходя по берегу, наслаждался. Я каждый раз, видя пред собою сих ничем не излечимых страстотерпцев и внимая толь печальному отзыву, производимому их жалобами и воздыханием, точно представлял себе, что природа, изъявляя свое сожаление о моем состоянии, сама издавала эхо сие: таковым сладким мечтанием довольно напитавши чувства и душу мою, возвращался в дом с превеликим удовольствием.

Однако есть ли что на свете постоянное? и может ли человек вожделенною вещию долгое время наслаждаться? — Никак: полгода был я ипохондриком, а четвертый уже месяц тому назад, как я принужден сделаться *Неудобо-разумо-и-духодеятельным*. Вы, может быть, г. м., от кого-нибудь слыхали, в котором угле города я живу; или положим, что я, может статься, живу недалече от Сергиевской улицы: так не должно ли мне переходить мосток, чтобы добраться до каменного берега? Но сего мостка уже нет на свете. Четвертый месяц тому, как и развалин его не вижу; но четвертый месяц и тому, как мне пресечен путь к месту моего увеселения и купно господствовавшей во мне ипохондрии. — Первые три недели жил я весьма спокойно и тихо; то есть, приказав людям одиножды навсегда, чтобы всем приходящим навестить

[1] Здесь предложил я все роды модной ипохондрии, проистекающие из трех главных источников: то есть из тщеславия и самолюбия; или из несклонности, впрочем, весьма добродетельныя красавицы; либо из непостоянства развратных мужчин и женщин. Прочие все ипохондрики и ипохондрицы не заслуживают ниже имени сего на себе носить и принадлежат большею частию к шайке недозрелых сумасбродов, нежели к нашему темноумствующему лику.

меня сказывали, что меня дома нет, и запершись один в моей комнате, находился от радости вне себя, что я избавился от ненавистного мне людского сообщества. Притом, углубясь в сии забавные для меня мысли и не говоря ни с кем с утра до вечера ни слова, бегал в глубокой задумчивости по комнате с обнаженною шпагою. Но и сея утехи вскоре я лишился! Ибо, будучи однажды престрашными сновидениями угрожаем, пробудился я ото сна и, схватясь, вдруг бросился за шпагою, но, не нашед ее на своем месте, начал из всея силы кричать:

— Шпага! малый! люди! ах! шпага моя — повеса — где шпага моя?

Тогда слуга, как молния прилетев ко мне, сказал с притворным видом:

— Пожалуйте, сударь, успокойтесь, шпага отнесена ввечеру для починки.

— Для какой починки? бездельник! вы, конечно, все согласились на жизнь мою. Но нет, плут, не удастся вам совершить умышленное вами бесчинство. Само небо отдает вас теперь в мои руки. Подавай платье — я сию ж минуту бегу исполнить над вами праведное мое мщение.

— Виноват, сударь, — упадши к ногам, говорил он мне: — вчерась ввечеру приходил сюда хозяин с какими-то людьми, весьма похожими на бородобреев, однако я их к вам не впустил; и они, объявив мне о вашем весьма опасном состоянии, приказали, чтобы я неотменно прибрал у вас шпагу.

Государь мой! не понимаете ль вы, куда дело клонится? Притом я ссылаюсь на ваше праводушие, не всяк ли имеет право быть веселым по своей воле; кто же может отнять у человека право и печалиться, сколько ему угодно? Сие-то право, врожденное всем и каждому, произвело во мне чрезмерный гнев, и я почти без памяти на малого кричал:

— Злодей, изменник! ты, конечно, подкуплен: как ты осмелился, негодный, лишить меня той вещи, которая всякий час охраняет жизнь мою? Пойдем только, друг мой, в полицию, кошки тамошние, поговоря несколько часов с твоею спиною, откроют всю правду.

— Помилуй, батюшка, кормилец, — возопил слуга: — я, право, для того сие учинил, что мне показалось, да и хозяин мне то же самое твердил, будто вы, сударь, немножко помешались.

— Как! я помешался? и в чем?

— Нет, сударь, я хотел инако сказать, что вы помутились мыслями.

— Молчи, бездельник, я ни одной кости в тебе живой не оставлю. Кто приставил тебя лазутчиком или гадателем сокровенного моего беспокойствия? Нет, плут, заговор ваш скоро выйдет наружу; сейчас мне платье.

Как я несколько в кабинете замедлил и выдумывал, как бы хитро поговорить с полицейскими, то малый не преминул уведомить о том хозяина, а сей также успел созвать на свой двор несколько соседей, и лишь чуть только появился я на крыльце, как все вдруг попались мне, будто не нарочно, встречу.

— Все ли в добром здоровье? — поклонясь, хозяин спросил меня.

— Слава богу! — выговорил я с потупленными глазами. — Да вам какая нужда слышать о здоровье или о смерти моей?

Хозяин, притворясь, якобы не слыхал моего ответа, опять спросил учтиво:

— Куда вы так рано изволите иттить?

— В полицию, — отвечал сурово, — в полицию, чтобы или *мосток* сделан был, или чтобы шпагу мою назад мне возвратили.

Тогда все они, бросившись ко мне, всячески меня молили, чтобы я по причине *мостка* не ходил туда, представляя мне, что полиция давно уже о том знает; но для того *мостка* не делает, что какая-то . . . . , будучи также обязана содержать сей *мосток*, не соглашается еще по сие время к постройке оного, а на ее где ты будешь искать? И для того опасно докучать полиции, чтобы она, осердясь, не наложила сего бремени на нас самих.

— Что же касается до вашей шпаги, то она, — сказал хозяин,— у меня, и я вам оную в целости сам принесу.

Я, будучи с природы миролюбив и незлобив, согласился тотчас на все; однако спустя несколько времени узнал ко крайнему моему ущербу, что я уступил им очень много. Ибо, пришедши однажды, малый сказал:

— Не прикажете ли покупать дрова, теперь последний уже им привоз.

— Хорошо, — отвечал я, — поди и сторгуй сажен с тридцать.

Но слуга вскоре обрадовал меня ответом, что дров сажень с перевозом продается по рублю, а поелику за неимением *мостка* надобно их кругом обвозить, то извозчики от сажени еще хотят в прибавку иметь по сороку копеек. На сем-то месте, г. м., сделался я в первый раз *Неудобо-разумо-и-духодеятельным*. И здесь вся ипохондрия вмиг исчезла: но великое несчастие бывает часто причиною великих дел; и крайняя нужда делает человека наилучшим изобретателем. Я, вдруг став как будто некиим новым светом озарен, велел малому выпросить у хозяина и тех соседей, коим я по их просьбе сделал немалое одолжение, две длинные и толстые доски; потом, достав оные, приказал моим людям приделать у каждой доски по обеим сторонам на пять пальцев вышиною края. Совершив благополучно таковые редкие и неслыханные махины, велел я оные на том месте, где прежде мосток был, так положить, чтобы колеса у роспусок по сим желобам катиться могли. И как лошадей по моему искусству незачем было переправлять, то вме-

сто оных перетягивал я роспуски взад и вперед посредством двух канатов. Таким образом, сторговав дрова по рублю, провозили оные прямо к моим вышеописанным желобам, а здесь, отложив лошадей, прицепляли к роспускам канат, перетягивали их чрез желобы, потом тащили на двор и, сбросив там дрова, опять переправляли роспуски на другую сторону посредством другого каната. Работа сия по моему учреждению так хорошо и безостановочно происходила, что в один день все дрова на двор перевезены были.

Вот вам, г. м., толкование на слово *Неудобо-разумо-и-духо-деятелен*. Правда, я, может быть, чрез оное и другие какие еще важные вещи разумею, однако полного его содержания не намерен я открывать свету. Славным изобретателям и великим людям в искусстве свойственно сохранять некоторые тайности по жизнь свою для одних только себя. Впрочем, не могу не упомянуть о том, что при переправке дров случилось напоследок со мною. Люди, живущие около меня, услыша о толь необычайном и странном деле, мало-помалу стекалися к сему месту и, увидев меня там, что я все учреждаю и повелеваю всеми, начали меж собою перешептывать:

— Это, конечно, француз: видишь, как они умны.

Другие, напротив того, спорили:

— Нет, это не француз, это немец, которого недавно выписали.

А в отдаленной от меня толпе дошло было и до драки, потому что одни твердили:

— Это не француз, не немец, а, конечно, наш какой удалой: теперь и русские, слава богу! научились.

Другие ж или от злости, либо по упрямству грубо отвечали:

— Нам и не дожить до того, чтобы русский когда такую хитрость выдумал.

Я, осердясь на сих последних бездельников, вскричал:

— Ступайте домой, невежды, я вас палкою; зачем вам драться, я точно русский. Притом уверяю вас, что иной русский разум гораздо превосходнее бывает заморского: но поелику оный не имеет еще столько уважения и ободрения, как иностранный разум, то он часто от того тупеет.

Я для того прошу вас, г. м., напечатать мое письмо для уверения всех, что и русские умы, так, как и иностранные, могут производить в свет важные и славные дела. Остаюсь.

III

Г. живописец!

Недели с две тому, как приехала я сюда из Москвы и, начитав в здешних ведомостях, что в Луговой Миллионной продаются какого-то живописца листочки, по природной моей к живописи склонности тотчас послала их купить. Но в какое удивление я

пришла, нашед в них не любовные картинки, но поношения и клеветы противу прекрасного пола! Видно, что ты, друг мой, родился в какой ни есть сибирской деревушке, вскормлен и выучен беспутной твоей живописи; а если бы хотя один твой глаз во Франции побывал, так ты бы, конечно, поострее глядел на свои руки и, пишучи женское лицо, употреблял бы к тому нежных только цветов краски, а не темные и мрачные, так, как теперь делаешь, не знаю, ошибкою ли или умышленно. Нет, дружок! даром тебе это не пройдет. — Где это слыхано, чтоб живописец написал женское лицо темными красками? — И бабушка твоя Всякая всячина, как говорят здешние женщины, того не запомнит; а ты, видно, на выскочку. Полно и того, что твоя братья по невежеству своему не умеют иногда и бородавки утаить; а ты вздумал еще и худыми красками нас описывать. Признайся ж сам, заслуживаешь ли ты трудами своими от нашего пола благодарность? Видно, что ты еще не знаешь, что кто не умеет женскому полу угождать, того и за человека не почитают. — Через кого наживаются портные и перукмахеры? Скажи, не через нас ли? Через кого происходят добрые люди и в чины, как не через нас? Кто выгоняет из молодых людей задумчивость, как не мы? Кто вперяет воспитанным в непросвещении дворянам понятие о модах, как не мы?.. А ты, такая мелкая на свете тварь, уродуешь наши лица. — Пора, право пора тебе, дружок, опомниться. — Напиши-ка два или три хорошенькие портретца, да только поскорее; ан и не тот станешь человек. Тебя будут звать для снимания портретов во все знатные домы; а ты с легкой моей руки станешь богатеть да наживаться. Вот тебе прямая дорога ко счастию! Кинь, дружок, старинные темные краски: они, если по совести сказать, глаза колют; так будешь всему женскому полу во все будущие роды и роды приятен. А теперь все щеголихи и новомодные женщины, право, так тебя боятся, как робята азбуки. — Так-то, дружок. — Отпиши же, радость моя, в твоих еженедельных листочках, как тебе покажется мой совет, — тебе же лучше будет! а я изготовлю тебе между тем в подарок

Доброхотное сердечко.

* * *

Государыня моя, я бы хотел сделать вам угодность изображением вашего прекрасного лица самыми нежнейшими красками, но не в силах сие исполнить потому, что ласкательство есть претрудная для меня наука, и я никогда не имел склонности следовать ее правилам. Я соглашаюсь на ваше мнение, что ни один живописец не придет в моду у прекрасного пола, а может быть, и у нашего, который ласкать не умеет, — это неоспоримая истина; да и то

также правда, что я никогда сему ремеслу не обучался. Живописцев, нашей братьи, в здешнем городе много: так вы можете сыскать из них одного по своему желанию. Если вы имеете прелестное лицо и приятный стан, то загляните только ко дво. . . вы найдете там многих живописцев по вашему вкусу; или познакомьтесь с каким стихотворцем. Вы уведомляете меня, что всякая щеголиха боится меня так, как робята азбуки; я тем и доволен: робята, боявшиеся азбуки, пришед в совершенный возраст, всегда раскаяваются в том; может быть — но вить я вас еще больше рассержу. Прощайте, сударыня.

IV

Государь мой!

Сколько во Франции почитают Боало де Прея, а в Германии Рабнера, столько здесь разумные люди похваляют «Всякую всячину», «Трутня» и вашего «Живописца», их потомка. Да как и не хвалить таких сочинений, которых предмет, повидимому, есть тот, чтоб осмеивать пороки, а добродетель представлять в блистательном ее виде. Надобно бы, кажется и мне, чтоб любовь ко ближнему была самым первым основанием всех наших дел. Но мы видим иногда в свете и совсем противное тому. Когда поедем за море: то и там увидим, что в злобных сердцах попеременно действует то ненависть, то мщение. Честолюбие повсюду требует себе жертвы. Одно в хулу по истине изреченное слово, а клеветником до целой речи расположенное лишает иногда не токмо чести, но и пропитания. В дугу согнувшаяся спина поспешно приближается к знатным чинам и богатству. За нею следует тихими стопами лукавством преисполненная голова, сплетающая себе венок из того самого терния, которым ближнего коснулась. Окинем глазами своими улицы: тут увидим разоренных вдов и сирот, оплакивающих день своего рождения; отцов, клянущих непокоривых и строптивых своих сыновей; матерей, раздраженных распутством дочерей; детей, поносящих хулами родителей своих за то, что стараются старинным поведением заградить им стези к развращению. Зайдем хотя мимоходом и в домы: в одном увидим голые стены: домашние уборы, так, как и другие пожитки, все уже к месту прибраны; а полы усыпаны карточными листами; в другом молодых дворян, разговаривающих о великолепии французских мод; в третьем пожилых людей, обще между собою советующихся о исправлении нравов детей своих; в четвертом любовника, с ума сходящего и на судьбу жалующегося, что попустила оспинам так сильно лицо его обезобразить; в пятом престарелого человека, который морщины лица своего белилами заглаживает, а седину пригожим перуком покрывает. Посмотрим еще и на блистающие

златом кареты: за одною идут разоренные купцы, просящие о уплате долгов; им ответствуют с негодованием: *завтре;* за другою выходят со двора в ветхих рубищах крестьяне, прося об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнею своею бедностию теперь заплатить не могут; им говорят грозным голосом: *не можно;* перед третиею рядом стоят челобитчики, просящие о решении своих дел, и получают в ответ: *теперь не время;* они кланяются в пояс и отходят.

Nec si miserum Fortuna Sinonem,
Finxit, vanum etiam mendacemque improba finet.

Счастлив бы был воистину всякий народ, если бы, выходя из тьмы неведения и жестокосердия, во-первых, перенимал добродетели, а потом науки, художества и промыслы того народа, от которого заимствует свое просвещение. Но и то надобно сказать, что ничто вначале совершенным быть не может. Главные пороки повсюду уже искореняются, а мелкие выйдут, может быть, со временем из моды. Сего, как видно из ваших листочков, желаете и вы, господин издатель «Живописца». И так я, возбуждаем будучи тем же желанием, каким и вы, не премину по сыновней любви к отечеству своему совокупно с вами открывать пороки сограждан моих и об оных уведомлять вас в письмах моих, которые прошу покорно вносить в листочки ваши, дабы я чувствовал хотя то утешение, что наблюдения мои в пользу общества предаются тиснению. А между тем, в ожидании вашего на то согласия, остаюсь

отечеству своему всякого блага желающий

Россиянин.

* * *

Прошу сообщать ваши примечания: они мне приятны; а у читателей спросите сами, каковы они им покажутся.

V

ИЗВЕСТИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ С ЕЛИКОНА

Будучи я одиножды в то уединенное и тихое состояние приведен, в котором смертные, оставя иногда на несколько мгновений мир сей, входят в самих себя; прелетают мысленно жизнь свою, делаются над собою судиями и, по долговременном исследовании нашед, что они большею частию страждут от клеветы и ненависти, ищут своего утешения в одной только невинности, произносил следующую жалобу:

— Великий боже! что есть благороднее человека в его творении? но что и ужаснее быть может его обхождения с нами? Уверяй его, сколько хочешь, разными опытами и услугами о своем благонравии и честности; вкрадывайся в его сердце до тех пор, пока уже он собственною честию ручается за твою добродетель. Но лишь чуть только в нем маленькая искра неудовольствия воспламенилась, вдруг затмевается имя твое; ты делаешься ненавистным ему предметом, и он не видит уже в тебе ничего хорошего, как будто бы возможно было, чтобы человеческие добродетели в одном мгновении и по воле недоброхотства превращались в пороки или в самое ничтожество. О суетная жизнь! — продолжал я мою жалобу: — коль великолепно блистают алтари твои! коль бесчисленны твои обожатели! и коль тьмократны их падения!

Стремлению таковых размышлений дал я на несколько времени свободу и переходил из одной мысли в другую до тех пор, пока нашел для себя во оных некое душевное спокойствие. Тогда бросился немедленно в постелю и едва только сомкнул глаза, как нечаянно приятный и необычайный сон овладел слабыми моими членами. Но душа, которая во своем владычестве никогда не усыпает со всеми силами и, подобно не дремлющему ни день, ни ночь кормчему, всегда имеет верных стражей, или пекущихся о благосостоянии бренного ее жилища, либо действующих всеминутно по естественному и нравственному течению, была во мне против обыкновенного столь сильно поражена некиим тайным предчувствованием, что хотя я и действительно объят был глубоким сном, однако все мне казалось, будто приготовляюсь в дальную дорогу.

Сие предчувствование сбылось действительно со мною. Ибо спустя несколько минут прелетаю я земной шар и все поднебесные области; преселяюсь в жилище бессмертных, коего величество и небесный блеск восхищают дух мой. — Но оставшееся еще во мне чувствование человечества вселяет в меня сердечное сожаление о бывшем моем смертном жребии. И так говорил я сам в себе:

— И так, конечно, ты уже навсегда расстался с земными жителями! Ты не будешь иметь того нежнейшего удовольствия, чтобы друзьям и врагам твоим сказать в последний раз: *прости.* — Жалостию растворенные слезы, кои из глаз моих, как будто из двух источников, лилися, последовали за каждым словом. — Прости, — говорил я, — дражайшее человечество! прости навеки и прими сей плач яко чистейшую дань, приносимую тебе от меня в последний раз.

Потом, будучи некоею невидимою силою ободрен, вдруг почувствовал в себе, якобы со слезами моими купно и все слабости человечества во мне померкли. С сего времени начал было я, как казалось, с холодностию и равнодушием взирать на земное величие, чины, достоинства и на все оного ветшающие красоты; и, утушая мало-помалу привязанность к бренности, наслаждался

новым блаженством. Но вдруг представив себе весьма несправедливый поступок моея *смерти*, немало тем огорчился.

— Как! — вскричал я вспыльчиво: — мне один раз в жизни моей, и то неволею, случилось подумать только о суетности и злых наветах мира сего; причем весьма я отдален был от того, чтобы желал умереть; однако немилосердая *Парка* против воли и чаяния пресекла нить дней моих. Нет, таковой поступок сколько для меня неприятен, столько оный несправедлив и непростителен. Коликое множество в свете есть таких людей, которые чрез целую жизнь свою и не понимают, что̀ они живут? Сколько есть и таких еще, кои хотя то и весьма явственно понимают, однако делами своими не заслуживают жить и на одну минуту? А о тех и упоминать не хочу, кои при изъяснении своея любви хотя тысячу раз угрожали себе ядом, кинжалами и другими неминуемыми смертями: однако и по сие время все еще в добром здоровье находятся. Сии-то роды людей составляют, так сказать, зрелую жатву для смертныя косы: ибо они, и живы будучи, уже почти во гробе лежат. За что же меня так насильно и противу желания лишать жизни?

Как я, в сии размышления углубясь, в превеликой находился задумчивости: то вдруг услышал приятные восклицания, производимые ликом, приближающимся ко мне. И каким сладчайшим восторгом стал я поражен, увидев грядущих ко мне духов, одетых в белое женское одеяние и стократно повторяющих:

— Это он, это он — это любопытный зритель, описатель нашего путешествия.

Я, будучи внезапу из глубокия печали в чрезмерную радость преселен, пребыл недвижим, точно воображая себе, что я, конечно, странствую во сновидениях. Вдруг все они, окружив меня, с ласковым и пленяющим видом говорили ко мне:

— Пожалуй, не беспокойся, отряси всю печаль свою и ведай, что ты видишь теперь пред собою наилучших твоих приятельниц; мы те мусы, которых ты весьма много одолжил описанием твоим несчастного нашего по земли странствования.

Сколько я сначала ни старался принять на себя веселый и свободный вид в моих разговорах, однако каждое слово изъявляло некую принужденность и доказывало им явственно о моем смятении. Они, приметя во мне внутреннее волнение духа, пресекающее слова мои, всячески меня просили, чтобы я как честный человек, не утаевая ничего, открыл им точную причину моего беспокойства.

— Государыни мои, — отвечал я тогда, — как мне не досадовать? я, живши на земле, заготовил было несколько дюжин разных проектов, и если бы все оные произведены были в действо, то, конечно, нажил бы я себе богатство, высокие чины, а может быть, и бессмертное имя. Ибо я твердо было положился написать

по крайней мере несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества моего: но едва успел сочинить три или четыре сатиры, как сверх чаяния лишился жизни. О смерть! ты не взираешь ни на что, ты разрушила все мои надежды!

По выслушании моея речи никак не могли они удержаться от смеха, потом ласково мне сказали:

— Изо всех твоих желаний видно, что ты и поныне еще смертный: поверь нам, что ты еще не умер; итак, не о чем тебе крушиться; ты жив и будешь жив надолго. А что ты теперь в наших местах находишься, то мы тебя нарочно сюда на малое время призвали. Во-первых, мы почли за долг благодарить как тебя, так и г. живописца за изрядное описание нашего земного странствования; во-вторых, зная довольно, сколь ты стараешься о знании человеческого сердца и сколь беспристрастно рассуждаешь о земных вещах, охотно желаем уведомиться чрез тебя, какой это род людей *метрессы* и каким образом они у вас заведены. Нам доводилось несколько крат читать в полном собрании сочинения некоторых просвещенных французов, в которых *метрессы* превозносятся хвалами, что они избавляют мужчин от тяжкого ига, то есть брачного союза, и возвращают человеку первобытную его вольность: но мы с крайним отвращением слушали таковые нелепые заключения.

Потом одна из тех двух мус, кои оставались при Аполлоне и которая, как я уведомился, представляет образ верныя и целомудренныя супруги, приступив ко мне поближе, говорила:

— Я должна признаться, что я больше всех желала увидеться с тобою и открыть тебе мое неудовольствие в рассуждении нынешних женщин. Будучи я главою и покровительницею женского пола имею долг больше всех пещися о их целомудренности, верности и святости брака; почему все списки добродетельных женщин всех народов и веков у меня хранятся. Посмотри же на список нынешнего полустолетия, а наипаче последних годов, и признайся чистосердечно, много ли найдешь теперь *Лукреций*. Вот тебе моя роспись, прочти ее прилежно. Ну... сколько нашел *Лукреций*?

— Извините, сударыня, я, право, здесь . . . . . .

ПРОДОЛЖЕНИЯ НЕ БУДЕТ.

VI

Г. живописец!

Как мне известно, что в ваших хвалы достойных листах не упускаете никогда являть свету все, что оного заслуживает презрение, дабы чрез то возбудить в сердцах сограждан ваших должное отвращение к худым делам; то вы, я думаю, не пропустите

случая дать знать всем мыслящим россиянам (ибо вы для них только, я думаю, пишете) о наипохвальнейшем и наиполезнейшем учреждении, о каком токмо частным людям помышлять дозволяется. Я хочу здесь говорить о недавно учрежденном *Обществе, старающемся о напечатании книг*. Статуты оного Общества вам, как человеку, всегда в свете обращающемуся, может быть известны; но я, читая оные, столь много восхитился, усмотря их доброе намерение и долженствующую из оного учреждения истекати пользу для всего российского народа, что не мог удержаться, чтобы не восхотеть об оных дать знать всему свету. Между тем как я постараюсь вам сообщить все статьи оного учреждения, намерен теперь вам поговорить о пользе оного в рассуждении народного просвещения и о пользе его как Общества, до торговли касающегося.

Правило неоспоримое государственного домостроительства есть сие: стараться о процветании торговли. Сие разумеется о пространных государствах; ибо сколь торговля в таком государстве полезна, столь и более она вредна в правлении, на один или малое число городов ограниченном; что более опричь торга приводит деньги, сии измеряющие знаки народное иждивение, в обращение, и потому, что более доставляет гражданам пропитание! Не говоря о том, что чрез оный богатые люди лишаются излишних своих денег, которые бы мертвы, так сказать, были в их сундуках, если б роскошь, соплетая им новые потребности, не побуждала их покупать работы художников, равно пышность, тщеславие и чувства услаждающих; коликое число питается посредством торгу людей, дневную работу исправляющих, доставляя художникам материалы, над коими хитрая их рука исчерпывает вымыслы искусства. Что были бы без торговли фабрики, мануфактуры и проч.? А общественный торг тем выгоднее для государства, что, будучи в состоянии большие предпринимать намерения, он большему числу людей доставляет прокормление. Но учреждение *Общества, старающегося о напечатании книг,* хотя и кажется, что не подходит под сие правило, но тем полезно, что подает пример, каким образом надлежит установлять торговые общества; как производить оного дела без замешательства, как предварять неудобствам, к разрушению оные влекущим. Я не устыжусь сказать, что сие Общество посрамляет большую часть нашего купечества, не ведающего начальных правил торговли. Да научится оно оным из сего учреждения! Дай бог, чтобы, просвещая всех разумы, пример сего Общества просветил разумы наших торгующих и явил им истинные их прибытки. Сами они были бы богатее, а государство могущественнее и счастливее.

Что касается до пользы сего Общества в рассуждении просвещения разумов, то кто оную, так сказать, не ощущает? Печатание книг, соближая веки и земли, доставляя всем сведение о изо-

бретенном и о происшедшем, есть наивеличайшее изо всех изобретений, разуму человеческому подлежащих. Что может более, коли не печатание книг, расплодить единую истину, в забвении бы быть без оного определенную, и родить, так сказать, столько же прямо мыслящих голов, как сам изобретатель той истины, сколько есть читателей? Печатание соблюдает наилучшим образом все истины, доставляет наибольшему количеству народа об оных сведение, чрез то очищает общество от заблуждений и предрассудков, всегда вредных; ибо я не того мнения, чтобы оные некогда полезны быть могли: польза их бывает мгновенна, но вред, от оных происходящий, отрыгается, если могу так сказать, чрез целые веки.

Вот что я вам имел сообщить о наиполезнейшем нашего века учреждении частных людей. Пожалуй, внесите сие письмо в ваши листы; ибо сведение о таковом Обществе побудит, может быть, иных к учреждению какого другого, гораздо полезнее наших клубов, ассамблей и тому подобных сходбищ. А вы, ревнители истины, продолжайте путь ваш. Вам Россия долженствовать будет . . .

Ваш покорный слуга
Любомудров.

1773 года,
февраля 28 дня.
Из Ярославля.

* * *

Г. Любомудров! я помещаю ваше письмо в листах моих со удовольствием, ведая, что оно немало послужит к ободрению учредителей *Общества, старающегося о напечатании книг*, в их предприятии. И хотя план учреждения сего мне неизвестен, однакож я согласно с вами мыслю, что намерение сие весьма полезно для единоземцев наших. Торговля книгами, по существу своему, весьма достойна того, чтобы о ней лучшее имели понятие и большее бы прилагалось старание о распространении оныя в нашем отечестве, нежели как было доныне. Но по моему мнению, государь мой, не довольно сего, чтобы только печатать книги, как то понимаю я из наименования сего Общества, а надобно иметь попечение о продаже напечатанных книг. Петербург и Москва имеют способы покупать книги, заводить книгохранительницы и употреблять их во свою пользу, лишь только была бы у покупающих охота. Но позвольте сказать, петербургские и московские жители много имеют увеселений; есть у них различные зрелища, забавы и собрания; следовательно, весьма не у великого числа людей остается время для чтения книг; а сверх того и просвещение наше

или, так сказать, слепое пристрастие ко французским книгам не позволяет покупать российских. В российской типографии напечатанное редко молодыми нашими господчиками приемлется за посредственное, а за хорошее почти никогда. Напротив того, живущие в отдаленных провинциях дворяне и купцы лишены способов покупать книги и употреблять их в свою пользу. Напечатанная в Петербурге книга чрез трои или четверо руки дойдет, например, в малую Россию; всякий накладывает неумеренный барыш, для того что производит сию торговлю весьма малым числом денег: итак, продающаяся в Петербурге книга по рублю приходит туда почти всегда в три рубли, а иногда и больше. Чрез сие охотники покупать книги уменьшаются, книг расходится меньше, а печатающие оные вместо награждения за свои труды часто терпят убыток. Вот, государь мой, цель, куда должно стремиться намерение сего Общества; и если Общество сие будет в состоянии привести торговлю книжную в цветущее состояние, то по справедливости заслужит похвалу. Сего еще не довольно, я бы поговорил с вами о сем веществе поболее, но *не у приидe час*.

Всепресветлейшая императрица, наша всемилостивейшая матерь и государыня все употребила, что только можно сделать государю, для просвещения своих подданных, для очищения разумов и сердец их и для искоренения из оных всяких гнусных пороков и предубеждений; осталось нам самим, верным подданным ее, споспешествовать ее намерению и исполнять ее волю для собственного же нашего блаженства. И какую иную можем мы сей великой государыне за бесчисленные ее к нам благодеяния принести жертву, достойную ее, как только действительное исполнение ее воли? Ее императорское величество учредила *Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык*, и определила ежегодно по пяти тысяч рублей для заплаты переводчикам за труды их. Сим одним действием много сделалось пользы: упражняющиеся в переводах приобрели чрез сие честное и довольное приумножение своих доходов, а тем самым поощрены они ко прилеплению к наукам гораздо более, нежели как бы определенным жалованием: где должность, тут принуждение; а науки любят свободу и там более распространяются, где свободнее мыслят. Сколько же проистекло пользы от переведенных книг под смотрением сего Собрания? Беспристрастный и любящий свое отечество читатель, тебе сие известно. Но сколь большей пользы ожидать надлежит от сих книг тогда, когда посредством торговли доставляться будут они в отдаленных наших провинциях живущим дворянам и мещанам? Но о распространении сей торговли не государю, но частным людям помышлять должно.

Вот, государь мой, чистосердечное мое мнение о сей материи, о которой вы в письме своем писали!

VII

Государь мой!

Лишь только уверился я, что примечания мои вам нравятся, то, не рассуждая о том, как покажутся они читателям, тотчас принял намерение всячески стараться исполнить ваше желание. Но между тем как стал я ввечеру прилежно рассуждать, по какой тропинке босым моим ногам, слабым зрением направляемым, способнее будет достигать сего предмета, отовсюду частым шиповником заросшего: то пришел я от того сперва в задумчивость, а напоследок почувствовал в себе от тяжелых дум такое расслабление душевных и телесных сил, что, сидя на стуле, крепко уснул. Продолжавшаяся тогда в покое моем тишина весьма много способствовала к тому, что в уме моем начертался очень явственно следующий сон.

Показалось мне, будто я стою в пространной долине, окруженной каменистыми горами, которые как будто связывала простирающаяся над ними радуга: на ней златыми числами означено было 47 гр. $57^1/_2$ мин. долготы, а 59 гр. $56^1/_4$ минут широты. Заходящее солнце казалось тогда стоящим над хребтами оных гор и слабо согревающим склоняющийся ко сну день. Слышимые издали весьма приятные пения, благорастворенный воздух, красота устилающих долину цветов: все сие привело меня и сонного в восхищение. В превеликом от меня расстоянии виден был великолепный и самым чистым сиянием окруженный престол, от которого происходящий глас отзывался в ушах моих так: «Внемлите, о пресмыкающиеся черви! вы, жизнь которых прерывается, как паутина; вы, вместилище души которых есть вихрем носимый прах; вы, которые быстро смотрите на землю, а не можете проникнуть песка, ее покрывающего; вы, которые возводите очи свои на небо, но густое облако приходит пред самый ваш предмет и скрывает его, внемлите, вещаю вам, и не ищите напрасно долговременных веселий и удовольствий в таком свете, где все переменам подвержено, нижѐ благоденствия, которое в одно мгновение ока может исторгнуться из рук ваших и удалиться от вас с такою скоростию, с какою бурный ветр заносит начертанные перстом младенца на песчаном морском береге буквы. Око, трепещущее смертныя ночи, не может видеть того, что предвечным определено. И так ждите, суетою дышащие животные, пока переселитесь в поля вечного благополучия, в здания, бурными ветрами никогда не колеблемые, в жилища, всегдашнего удивления достойные: но помните притом, что долг ваш есть тот, чтоб богу повиноваться и заповеди его исполнять».

Выслушав со вниманием не очень приятные человеческому слуху слова сии, хотел я приближиться ко престолу: но как скоро подумал я только о сем, то оный тотчас скрылся от глаз моих.

Тогда предстал, во-первых, зрению моему храм Славы, стоящий посреди великолепного сада, в котором много было лавровых, пальмовых и других иностранных дерев: все с разными надписями; но я разобрал только две следующего содержания: *за превосходные качества паче всех возвышены.* Они начертаны были на сродных климату нашему деревах. В нарочитом отсюда отдалении росли яблони, между листвием которых видно было плодов много, но зрелых мало. Еще подалее видел я много всяких садовых и диких дерев; но мне не можно было вблизи их рассмотреть, потому что старинная к ним тропинка вся усыпана была волчцами.

Вышед из сего сада, увидел я реку, по самой средине долину рассекающую и имеющую весьма чистую воду. По берегу сей реки шаталось великое множество каких-то рогатых животных, которые как будто с любопытством рассматривали в прозрачной воде собственные свои подобия и оными любовались.

Неподалеку от того места, где река сия впадает в море, усмотрел я два не очень великие, однако изрядные садика, которые и переманили меня на другой берег. Подходя к ним, увидел я, что из одного везут целую телегу бесполезных трав, на место которых пронесли туда несколько мешочков хороших семян. Я спросил у идущего за помянутою телегою человека, отчего завелись в сем саду негодные травы; а он сказал мне на то в ответ: *где нет худых растений, там не растут и хорошие.* При входе в другой садик лежало много гибких ветвий разного рода дерев. Вошед в оный, увидел я, что муж лет семидесяти, на лице которого человеколюбие, беспристрастие и прямая к пользе отечества ревность ясными изображены были чертами, выбирает самые лучшие веточки; а окружающие его малолетные дети плетут из оных разной величины веночки. Любопытен будучи знать, на какой конец плетут они так много венков, стал я просить у оного почтенного мужа решения на мое недоумение. Глядя умильным на меня оком, сказал он:

— Все сии венки относим мы к стоящему на другом берегу храму Славы и кладем их к подножию оного: а чем лучше сплетены веночки, тем счастливее бывают на возрасте своем сии дети.

Я приметил, что все состоящие под ведомством сего мужа дети весьма благонравны, и, пришед от того в восхищение, сказал:

— Благополучна та страна, где юношество к пользе государя, ко благосостоянию общества, ко преодолению господствующих в народе предрассуждений и к собственному своему благополучию хорошо воспитывается.

По удалении моем из оных садиков увидел я вдали огромные храмы: но лишь только стал я приближаться к одному из них, то встретили чрезвычайно ласково как меня, так и других, для богомолия идущих, людей мудрецы, которые то французскими, то русскими выражениями по фисике доказывали, что солнце,

луна, звезды, земля и все вообще строение мира могло получить свое бытие и без посредства божия. Многие из тех, которые твердо знали французский язык, принимали доказательства их за справедливые и, не входя во храм, возвращались домой с сердцами гордыми, памятозлобными и равномерно как на друзей, так и на недругов своих неугасимою ненавистию пылающими. Другие, напротив того, не слушали мечтательных и богопротивных их доказательств, но проходили, оглядываясь на них с презрением, во внутренность храма. С сими последними вошел и я и, имея покорное сердце к существу, непостижимому для разума человеческого, безднами заблуждения окруженного, со слезами просил его, дабы обратил на путь истинный заблуждших моих сограждан. Отсюду пошел я вослед за незнакомым стариком, который, идучи, тихо ворчал про себя следующее:

— Неужели и во всех государствах такие произрастают от наук плоды? — Никак! Науки приносят обществу великие пользы и связывают его самыми крепкими узами здравого рассудка: они учат жить добродетельно и богу достодолжное воздавать почтение; а что люди, не исследовав еще совершенно и того, что всегда у них в глазах, желают знать и сокрытое черною завесою от слабого их зрения, тому причиною собственное их безумие. Так, подлинно так, — продолжал он, — и этой заразы ничем другим предупредить не можно, как только частым напоминанием молодым людям того, что кто бога забывает, тот верно навлекает на себя праведный его гнев.

Отстав от сего старика, вышел я на большую улицу, по которой едущие издали кареты блеском своим меня остановили. Но между тем как кареты сии ближе подъезжали, подошел ко мне какой-то старичок и, приметя, с каким удивлением смотрю я на оные кареты, стал мне на ухо говорить:

— Не думаешь ли, что разъезжающие в сих каретах щеголи все вообще богаты? Нет! этого никогда не бывало. Многие из них берут у меня деньги в долг, но очень худо платятся. Вот как знатно ведет себя иностранное купечество! Да полно, и у нас то же самое будет! Мы, старики, денежки копим, а детушки их промотают, да и спасиба не скажут.

Так рассуждал сей старик, как я от прекрепкого сна стал пробужаться, а потом, сев за стол, написал к вам сие письмо, которого содержание отдаю на ваше рассуждение. Простые у нас в России люди много верят снам и предузнают по них будущее свое благополучие или несчастие. Но как они часто в том и ошибаются, то я, не требуя от простолюдимов истолкования, прошу вас покорно справиться, нет ли в каких-нибудь толкующих сны по Зодиям книгах изъяснения хотя на главные предметы сего моего привидения. Или не произошло ли оно от исправно и сильно действующих в душе моей понятий о добрых и худых делах,

*

которые в знатных гражданских обществах всегда происходят? В ожидании от вас сего благоприятства остаюсь

отечеству своему всякого
блага желающий
Р . . . .

VIII

Недавно получил я письмо от неизвестной особы, с приложением письма к любителям добродетели, которое во удовольствие их здесь сообщается.

Государь мой!

На сих днях, когда я был в отлучке, принес в мой дом некакий старик надписанный на мое имя конверт, который по приезде моем распечатав, нашел письмо к любителям добродетели и при оном записку следующего содержания: «Добродетельный старик! приими труд на себя сообщить сие открытое письмо всем тем, кто любит добродетель, и испроси у них на оное ответа, который я могу чрез сего же самого старика получить. Я дух: жилище мое тебе быть известно не может. Прощай».

Прочитав оную, в немалом я был изумлении и, не находя средства, каким бы образом дать об оном знать всем любителям добродетели, рассудил просить вас, чтобы вы оное сообщили в своих листочках, которые, я надеюсь, все любители добродетели читают. Я же чрез сие ваше одолжение удовольствую желание духа и останусь навсегда с покоем и с любовию моею к вам.

Добромыслов.

ЛЮБИТЕЛИ ДОБРОДЕТЕЛИ

Удалясь я от света, удалился от оного сует и наслаждаюсь здесь вечным блаженством. Зависть, стремящаяся похитить спокойство ближнего, вражда, соплетающая сети для пагубы невинности, неправда, гонящая истину и грозящая низвергнуть ее навеки в места забвения, и другие сим подобные, на кои со ужасом добродетель взирает и с часа на час ожидает себе из них нового гонителя, совсем из сих мест изгнаны. Не видно здесь тех прихотей одного человека, для удовольствования коих тысяча в поте лица трудится и смерть жизни своей предпочитает; нет также и праздности, развращающей людские сердца и рождающей к гибели рода человеческого наглую отважность. Сатурн уже начинал за мою жизнь третий раз свое течение около небесного светила, ниссылающего свои благотворные на землю лучи, а я во все то время, наскуча жизнию, лишь примечал непостоянство времени и людей.

Видел я, как пороки, вселившись в сердца человеков, гонили добродетель; видел я, как оная, воцарившись, господствовала и по некотором времени, за два года пред отшествием моим с пространного круга земли, опять была изгнана. Долгое время странствовала она по городам и, не нашед ни в одном себе пристанища, прибегнула к сельским жителям; однако и там, возненавидев, ее изгнали. Если вы все таковые устремившиеся во времена мои на добродетель гонения, и к тому зараженные ядом пороков человеческие сердца и мою добродетельную жизнь приведете себе на мысль, то нимало не будете так скорому пред нашествием пороков нечаянному моему из света отшествию удивляться. Вы знаете, сколько злость, ненавидя добродетель, старается оную притеснить и коликому несчастью невинность добродетельной души бывает подвержена. К обвинению меня злость употребила орудием развращенные ею нескольких человеков сердца, и я в короткое время был невинною оной жертвою. Возможно ли, великий боже! зло за добро воздавать и терпеть поругание над добродетелью! Какой варварский век! Какое дело, человечеству несродное! Скажите, любезные мои соучастники, еще ли сии в недре развратных сердец заче违шиеся ужасные чудовища, сии страшилища добродетели на свете терпимы; еще ли не явились они мерзостны пред очами человека, которого они все совершенства затмили. Убегайте, живучи на свете, убегайте сих мнимых доброт, инако зла; будьте подражателями мне, любите всякое истинное добро, да насладитеся купно со мною блаженной жизни. Наконец прошу, уведомьте меня, что у вас делается, царствует ли добродетель и награждаются ли достойно заслуги, или порокам, как и за мою жизнь, люди порабощены. Прощайте.

IX

Г. живописец!

Случившееся недавно со мною не последнее бы заняло место в картинах ваших, ежели бы представлено было вашею кистию; но от вас еще зависит то сделать. Я напишу, как могу, а вы, как Апеллес наших времен, можете вам только одному известным искусством оживить слабое мое изображение.

Недавно был я в одном доме, где хотя не более было шести персон (выключа тех, о которых обыкновенно мало в компаниях помнят, тут ли они или вышли, в коих числе и я, по несчастию, находился), однако вы согласитесь со мною, что оно было многочисленно, когда скажу вам, что состояло из двух модных барынь, трех нынешнего света господчиков и одного рифмотворца; особы, из коих каждая целого худого собрания стоит. Уже говорено было о модах, законах, новой ...., гостином дворе, и проболтаны были

целые фолианты тех отрывистых материй, о которых никак пересказать невозможно; уже стихотворческий педант толковал о необходимости купцам знать новую орфографию для подавания их счетов, без чего не могут они быть действительны, и прочитал сочинения своего несколько сот стихов, хотя и никто его не слушал; уже от бессловесия, удивительное дело в таком собрании! начали дамы зевать, а кавалеры, посвистывая, кобениться в креслах, как вдруг сказанным *а пропо* один из них возбудил к беседе внимание и спросил, кто читал «Живописца»? Одна из госпож отвечала с некоторою досадою:

— И, радость, какой вздор, таки ужасно; сего дня поутру читала мне его моя девушка; чего это смотрят, я таки давно бы велела перестать писать такую пустошь.

По сем изречении замолчали, и я думал, что кончится о вас речь, признаюсь, что с прискорбностию, ибо хотел ведать мнения прочих; но г. рифмотворец почел за долг возобновить материю, сказав, что он рад всем клясться, что сочинение ваше никуда не годится, и что сам Аполлон, его искренний друг, засвидетельствовал, что вы пишете безо вкуса. До сего времени я и гласу не имеющие мои товарищи, коих было четверо, безмолвствовали, но один из них осмелился в похвалу вам сказать, что всего удивительнее то, что вы, не зная ни по-французски, ни по-немецки, следовательно, по одному природному разуму и остроте, не заимствуя от чужестранных писателей, пишете такие листочки, которые многим вкус знающим людям нравятся. Слова сии, показавшиеся мне справедливыми, возымели совсем иное действие, нежели как я чаял, и вместо того, чтоб снискать вам достойную похвалу, заставили раскаиваться после вымолвившего оные; ибо он ими сделал неучтивство даме, не согласуясь с ее мнением, и вооружил против себя стихотворца и молодых господ. Как скоро он сие выговорил, то все собрание громко захохотало; дама посмотрела на него с презрением; рифмач клялся снова, а господа, как будто сговорясь, в одно время вскричали, что листки ваши негодны.

— Ах, мой бог! — сказал один из них: — осмелиться писать, не зная по-французски!

— Сакристи! — вскричал другой, — это быть не может!

Сим не кончилось, они продолжали язвить насмешками своими вас и бедного человека, осмелившегося не у места сказать слово, чего нам, беднякам, и вподлинну в таких случаях делать не надобно; но француз, торгующий парижскими безделками на наши весьма действительные деньги, входом своим избавил вас от ругательства и подал время убраться домой пристыженному и осмеянному моему товарищу. Я вышел скоро за ним и, идучи, думал о происшедшем; наконец вознамерился уведомить вас, тем паче, что сие и до вас касается.

Ваш доброжелатель . . . .

X

Г. живописец!

Я начинаю скучать городскою жизнию, причины тому из следующего узнаете: мне лет под тридцать; я не богат и не беден, имею или, по меньшей мере, надеюсь иметь деревню. Учился я здесь иностранным языкам, которые отчасти я разумею. Вышед из школы, вступил я в службу, познакомился с молодыми людьми, из коих иные старались вводить меня в карточную игру, другие научали всяким разным мотовствам и в скором времени сделали меня некоторого рода мотом: но, благодарение богу, несовершенным; сверх всего того природную имел я страсть к любви, которая, может быть, и была причиною, что я к другим страстям мало имел склонности. Теперь же все то переменилось, все те упражнения, кои прежде мне казались забавны, стали мне гнусны; не с такою уже горячностию смотрю и на любовь, потому что часто бывал ею обманут, хотя и сам нередко обманывал, но то и другое уже наскучило. Прежних многих друзей совсем не знаю, испытав, что дружба их основана была на каком-либо прибытке; имею токмо двух, но прямо истинных друзей, которые теперь все мое удовольствие составляют. Великие чины меня не прельщают, а доволен малым, который я имею. В таком будучи состоянии, принял я намерение, сыскав хотя беднейшую, но добродетельнейшую девицу, жениться на ней с позволения тех, коим я должен своею жизнию, и уехать в деревню; тамо остальные дни своея жизни препровождать буду в тишине и покое. Четыре время года подавать мне будут разные упражнения и пользы. По утрам буду на поклон ходить к своим токмо полям; вечерние же собрания составлять будет малая моя семья, а переписка с друзьями приятное и полезное будет мое отдохновение. Описав теперь подробно все мои мысли, прошу вас дать мне знать, каковым вы почитаете принятое мое намерение; иные говорят, что я еще не в таковых летах, чтоб жить в деревне; другие, что стыдно быть молодому человеку в отставке; вы, государь мой, что мне скажете? Нетерпеливо ожидая вашего ответа, остаюсь всегдашним вашим доброжелателем и покорным слугою.

* * *

Прежнее ваше поведение было худо, исправление полезно, а намерение похвально; по малой мере мне так это кажется. Но исполните сие не прежде, как испытав себя, будете ли вы любить свою жену и не оставите ли ее, последуя моде. В отставке молодому человеку быть не стыдно, лишь бы только был таковой человек и себе и обществу чем-нибудь полезен.

XI

САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ

№ 1

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из Мещанской

Есть женщина лет пятидесяти: она уже двух имела мужей, но ни одного из них не любила, последуя моде. Достоинства ее следующие: дурна, глупа, упряма, расточительна, драчлива, играет в карты, пьет без просыпу, белится в день раза по два, а румянится по пяти. Она хочет замуж, но приданого ничего нет. Кто хочет жениться, тот может явиться у свах здешнего города.

Из Литейной

Змеян, человек неосновательный, ездя по городу, надседаяся кричит и увещевает, чтобы всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле Змеян поступает с своими рабами, как проповедует. О человечество! колико ты страждешь от безумия Змеянова! и если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению Змеянову и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, так по крайней мере не боится, чтоб он ими был проклинаем.

ИЗ МОСКВЫ

Один посредственный дворянин, но любящий свою пользу больше общественной, имел крепостного человека, преискусного миниатюрного живописца. Искусство сего живописца велико; но доходы, которые он получал за свои труды, весьма были малы. Причина тому та, что он холоп и русский человек: ибо в Москве есть обыкновение русским художникам платить гораздо меньше иностранных, хотя бы последние и меньше имели искусства; словом, доходы сего живописца, за его содержанием, весьма малый составляли оброк его помещику. Помещик, как человек благоразумный и такой, который в рассуждении своих доходов арифметику учил только до умножения, рассудил за благо сего живописца продать. Живописец купил бы сам себя, но не имел денег.

Некоторый знатный господин, достойный за сие великого почтения, о том проведав и увидев его работу, купил его за 500 рубл. и избавил его от неволи, для того чтобы сему достойному художнику дать свободу. Сей господин старается, чтобы живописца приняли в Академию художеств. Ежели сие сделается, то он ему откроет путь ко снисканию счастия. Вот пример, достойный разумного, знатного и пользу общественную любящего господина! Дай бог, чтобы таковых наукам и художествам меценатов в России было побольше!

ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Здесь все удивляются воздержности московских писателей. Известно, что почтенная наша старушка Москва и со своими жителями во нравах весьма непостоянна: ей всегда нравилися новые моды, и она всегда перенимала их у петербургских жителей; а те прямо от просветителей в оном разумов наших господ французов. В нынешнем, 1769 году лишь только показалась в свет «Всякая всячина» со своим племенем, то жители нашего города заключили, что и это новая мода. И как Москва писателями сих мелких сочинений весьма изобильна, то надеялись, что там сии листки выходить будут не десятками, но сотнями. Ради чего фабрикант здешней бумажной фабрики велел с champion спопешением делать великое множество бумаги, годной к печатанию; а между тем отправил своего приказчика на почтовых лошадях в Москву для подряду. Но он и мы все обманулись: в Москве и по сие время ни одного такого из типографии не вышло листочка; да и печатанные в Петербурге журналы читают немногие. Старый, но весьма разумный наш мещанин Правдин о сем заключает, что Москва ко украшению тела служащие моды перенимает гораздо скорее украшающих разум; и что Москва, так же как и престарелая кокетка, сатир на свои нравы читать не любит.

ИЗ КРОНШТАТА

На сих днях прибыли в здешний порт корабли: 1. Trompeur из Руана в 18 дней; 2. Vetilles из Марсельи в 23 дни. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов; табакерки черепаховые, бумажные, сургучные; кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряжки, шляпы, запонки и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках чиненые и нечиненые; булавки разных сортов и прочие модные мелочные товары; а из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то пеньку, железо, юфть, сало, свечи, полотны и проч. Многие

наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы.

ИЗВЕСТИЯ

Молодого российского поросенка, который ездил по чужим землям для просвещения своего разума и который, объездив с пользою, возвратился уже совершенною свиньею; желающие смотреть могут его видеть безденежно по многим улицам сего города.

Молодой дворянин, идучи по Материальной улице против некоторого дома, засмотрелся на окошко, в которое смотрели три прекрасные девушки, и выронил свое сердце; кто объявит о поднявшем оное, тому дастся награждение, соответствующее щедрости молодого дворянина, сына судейского и недавно приехавшего из своего поместья для поминовения своего родителя и проживать нажитое покойным судьею имение.

Старый лицемер, слушая обедню, увидел девушку лицом прелестную. Он, держа в руках молитвенник, во всю обедню не спускал глаз с помянутой девушки, примечая, с прилежанием ли она молится; и, находясь в таком положении, нечаянно с носа сронил очки и потерял: кто оные поднял и принесет в его квартиру, тому за труды из любви к ближнему даст он письменное наставление, как жить в свете; а паче всего в рассуждении женщин, сих прелестных сирен, усыпляющих наши чувства и разум.

ПОДРЯДЫ

Для наполнения порожних мест по положенному у одной престарелой кокетки о любовниках штату потребно поставить молодых, пригожих и достаточных дворян и мещан до 12 человек; кто пожелает в поставке оных подрядиться или и сами желающие заступить те убылые места могут явиться у помянутой кокетки, где и кондиции им показаны будут.

В некоторое судебное место потребно правосудия до 10 пуд; желающие в поставке оного подрядиться могут явиться в оном месте.

Молодому рифмотворцу потребно здравого рассуждения, знания и искусства столько, чтобы достало на все те сочинения, которые он расположился писать; желающие поставить и взять ниже просимых цен, а у него купить прилежания и охоты к стихотворству могут явиться в его квартире.

ПРОДАЖА

За вексельный иск описанное и оцененное в 14 р. 57 к. $^3/_4$ оставшее после покойного судьи Правдолюбова стяжание, состоящее в верности к отечеству, нелицеприятии, правосудии, истинном понятии законов, милосердии о бедных и здравом рассуждении, имеет быть продано с публичного торгу: ибо наследников к оному стяжанию из всей его родни не явилось; желающие покупать могут явиться у аукциониста, который продавать будет.

Недавно пожалованный воевода отъезжает в порученное ему место и для облегчения в пути продает свою совесть; желающие купить могут его сыскать в здешнем городе.

КУРС ДЕНЬГАМ

У Кащея по 12 рубл. в год на сто.
У Жидомора 16 рубл.
У мелких ростовщиков по 10 коп. на рубль в месяц.

№ 2

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

С Васильевского острова

Злонрава в превеликой грусти и слезах препроводила целый год, ожидая возвращения своего супруга; наконец ко утешению ее скорби он возвратился. Друзья его, обрадовавшись его возвращению, все к нему съехались. Злонрава от радости была почти без ума; но час спустя муж ей в чем-то попротивуречил; она рассердилась, проклинала день своего рождения и час ее с ним брака, и чтобы в другой переродиться раз, то посылала она любезного своего супруга к чорту. Супруг не успел еще от прежнего в дороге оправиться беспокойства и для того в такой дальний ехать путь не осмелился, хотя жена и поминутно его туда отправляла. Друзья его, удивясь такой перемене, спрашивали ее: для чего она в отсутствие мужа своего всегда о нем плакала, а по приезде его так скоро с ним поссорилась? Она отвечала: о том-то я и плакала, что не с кем было мне браниться.

Из Конной улицы

Старушка лет осмидесяти, одна из тех, которые питаются подаянием добросердечных граждан, шла мимо дома некоторой кокетки и, увидя ее у окна, остановилась и стала просить милостины. Госпожа сказала ей:

— Как тебе не стыдно, старушка, так таскаться и питаться таким худым промыслом; неужли ты не сыщешь себе другого пропитания?

— Ежели бы я имела, сударыня, деньги, так бы, конечно, постыдилась промышлять моим ремеслом, но лучше бы принялась за ваше: ибо летами меня вы, конечно, не моложе, а лицу моему, так же как и вашему, помогли бы искусные докторы. Ведь, сударыня, — продолжала старушка, — деньги-та деньгами же достают.

Боярыня осердилась, хлопнула окном и старушке ничего не подала. Старушка пошла и сквозь зубы заворчала:

— Теперь то я узнала, что когда просишь милости, тогда правды говорить не надлежит.

Из Офицерской улицы

Прелеста, молодая госпожа, сидя у окна, увидела разносчика с апельсинами и приказала его кликнуть. Разносчик пришел. Боярыня десяток апельсинов за полтину сторговала и начала чистить; а между тем, желая над ним пошутить, стала у него спрашивать:

— Женат ли ты?

— Женат, сударыня, и троих уже имею детей.

Боярыня спросила:

— Бывают ли между крестьянами мужья *рогоносцы*?

— А между господами бывают ли, сударыня?

— Как не быть, — сказала госпожа, — и у меня есть муж.

— Так как же, сударыня, быть тому меж крестьянами, что делают господа, — отвечал крестьянин. — Нас приказчик за это бы рассек, ежели бы мы что стали у господ перенимать: нам только велят работать.

— Да ведь за женою усмотреть мужу никак невозможно, — сказала боярыня, — если она что захочет делать.

— Ваше дело господское, вы это по себе больше нашего знаете, сударыня, — отвечал разносчик, почесавшись. — А где живет ваш муж?

— На своей половине, — отвечала госпожа, — а я здесь, на своей.

— Да разве вам в одной-та половине тесно, сударыня?

— Не очень бы было тесно: но это по моде.

— Чему ж дивиться, сударыня, что ваш муж за вами усмотреть не может, когда вы так от него далеко живете.

— Дурак, — перехватила, смеючись, госпожа, — ведь я это не про своего говорила мужа.

— Так виноват, сударыня, — сказал крестьянин, также усмехнувшись: — я не растолковал и думал, что вы говорите про своего мужа.

Боярыня разносчику пожаловала два рубли и отпустила.

ИЗ КОЛОМНЫ

Забылчесть дворянин, находясь в некотором приказе судьею, трудами своими и любовию ко ближним нажил довольное имение. Он имел попечение о пропитании одних и в то же время разорял других, подобных себе по образу, а не по делам, тварей; его следующими описывают красками: неправосуден, завистлив, пронырлив, прибыткожаден, скуп, жестокосерд к бедным, злоязычник, ябедник и крючкотворец; а жена его, как сказывают, толста, глупа и проч., короче сказать, оба они составляют сокращенное хранилище пороков. Он подчиненным своим ничего не приказывает, не сказав *во святой час* и не прочитав молитву *пресвятой троице;* водки никогда не пьет, хотя бы то было и в гостях; дела подписывает перекрестясь, говоря: *честной-де крест на враги победа;* несмотря, что те его враги бывают часто законы, истина, правосудие, честь и добродетель: ибо он часто вершит дела против законов и истины; от таких беспокойств он и супруга его занемогли. Доктор прописал в рецепте для г. судьи *добрую душу* и *честь;* а для супруги *разум,* сколько оного потребно для судейской жены; но судья говорит: на такие-де ненужные расходы не нажил я еще денег.

ИЗ ТВЕРИ

Недавно пред сим чрез наш город проехал молодой дворянин, обучавшийся в некотором славном немецком университете разным наукам. Он о том городе рассказывал нам чудеса. Мещанин наш Чистосердов спрашивал у него о нравах того народа, о узаконениях, о обрядах их ярманок и о проч., но он ни на что не мог порядочного дать ответа. Мещанин потом спросил его, чему он там обучался? Дворянин ответствовал:

— Философии.

— А что такое философия?

— Философия не что иное есть, как дурачество, — ответствовал ученик славного университета: — а совершенный философ есть совершенный дурак.

— О! так вы с превеликим оттоле возвращаетесь успехом, — сказал мещанин: — ибо я нахожу вас совершенным философом.

Дворянин, усмехнувшись, отвечал:

— Сократ, славный в древности философ, говаривал о себе, что он дурак; а я о себе того сказать не могу, потому что я еще не Сократ.

— Об вас это другие скажут.

— А знаете ли вы, — спросил дворянин, — какая разница между ученым дураком и неученым?

— Всеконечно знаю, — сказал мещанин: — разница между ими та, что ученые дураки гораздо больше делают вреда государству. — И разошлись.

Дворянин поехал в путь, а мещанин нам сказал:

— Видите, братцы, что и в славных немецких университетах разума не продают.

ИЗВЕСТИЯ

Судья некоторого приказа покривил весы правосудия: он в том не виноват; а виноват подрядчик, который на судейскую сторону так много положил кулей с мукою, что правосудие против такой тягости устоять не могло; желающие те весы починкою исправить из своих материалов могут явиться в том приказе.

———

Прокурор Правдулюбов с судьею Криводушным в одном сидит судебном месте. Судья заразился известною под именем акциденции болезнию; и для того в решении дел часто с прокурором бывает несогласен. Прокурор, опасаяся дальнейших от того следствий, чрез сие объявляет: что ежели сыщется искусный в лечении сих болезней лекарь и сего судью вылечит, тому за труды даст он награждение из собственных денег: ибо судья о лечении сей болезни и слышать не хочет; желающие помянутого судью пользовать могут явиться у прокурора Правдулюбова немедленно.

———

В некотором приказе был судья; он, служа в военной прежде службе, привык взятков не брать, почему и сделавшись судьею не переменился. Он вершил дела по законам, не толкуя оные вкриво; весы правосудия в его время ни кулями с хлебом, ни мешками с деньгами покривлены не были. Все удивлялись его ополчению противу искушателей; и наконец большие судьи его правосудие почли гордостию, думая, что он не берет для того, что не дают больше. Гордость его наказали отрешением его от того места: он о том и не тужил; на место его посажен другой судья, в котором нималой нет гордости. Он берет взятки не яко взятки, но яко подарки. Весы правосудия в его руках, а указы в его устах: ибо они говорят то, что прикажет судья. И так в том месте, где сидел голубь, сидит ныне ястреб, о чем для сведения и объявляется.

———

Ростовщик, прозванный Жидомором, отдает из процентов деньги под ручной заклад, который бы вчетверо занимаемой суммы стоял; а сверх того заимщик, чтобы не позабыть числа, когда возьмет деньги, должен в той сумме дать вексель, проценты по полушечке только в день на рубль; кто хочет занимать деньги, тот может у него явиться.

№ 3

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из Большой улицы

Некто, житель нашей улицы, упражняется в сочинении проекта о наложении пошлины на все сочинения худых наших стихотворцев и негодных прозаистов и хочет оный поднести на рассмотрение и утверждение самому Аполлону. Собираемую сумму определяет он на содержание бедных ученых людей. Некто уверяет, что от наложения сея пошлины двоякая для государства произойдет польза.

С ПАРНАСА .... 1769 ГОДА

Здесь все в великом замешательстве: славные стихотворцы, обезображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и просили Аполлона о заступлении. Все мусы, прославленные в России г. С., приходили ко своему отцу и со слезами жаловалися на дерзновение молодых писателей; Мельпомена и Талия проливали слезы и казались неутешными. Великий Аполлон уверял их, что сие сделалось без его позволения и что он для рассмотрения сего дела повелит собрать чрезвычайный совет; а между тем показал Талии новую русскую комедию ****, сочиненную одним молодым писателем. Талия, прочитав оную, приняла на себя обыкновенный свой веселый вид и сказала Аполлону, что она сего автора со удовольствием признает законным своим сыном. Она и записала его имя в памятную книжку в число своих любимцев.

ОТТУДУ Ж ОТ 1 АВГУСТА

Смятение на Парнасе и поныне еще продолжается. Все с нетерпеливостию ожидают собрания совета и окончания сего замешательства. На сих днях великому Аполлону подал челобитную Пегас, в которой просит об отставке. Как скоро сия челобитная будет помечена, то мы ее сообщим.

ИЗ МОСКВЫ

Безрассуд, житель нашего города, помешался в уме, прочитав книгу «Разговоры о множестве миров». Сему удивляться не надле-

жит: ибо Безрассуд воспитан был под присмотром старушки, которая все известные простонародные басни о сотворении мира в самом еще младенчестве ему затвердила. Безрассуд, достигнув совершенных лет, не достиг, однакож, ни совершенного ума, ни истинного о вещах понятия. С летами его суеверие и невежество приходили в совершенство. В таком-то состоянии прочитал он Фонтенелля; на всякой странице находил он не ясные о системе мира предложения, но тьму непроницаемую и удаляющуюся от его понятия. Он вострепетал, читая, что звезды подвижные суть такие же миры, каков и наш; что солнце стоит, а земля ходит: огромность висячих над нами тел и что оные один вокруг другого, а все совокупно с землею и с нами так скоро вертятся около солнца, его поразило; куда он ни ходил и где ни сидел, везде казалось ему, что какой-нибудь мир оборвался и весь земной шар стремится расшибить в пыль; то представлялось ему, что планета, сбившись со своего пути, зацепила землю и отбросила оную к солнцу и что мы уже пылаем; иногда казалось ему, что он видит землю вертящуюся, и для того хватался за что попадалось, чтобы не упасть; словом, Фонтенелль и последние Безрассудова ума отнял крошки. Он не выходил из комнаты, не пил и не ел целые три дни; напоследок лишившись совсем ума, ездит ныне ко своим родственникам и знакомым и прощается, сказывая, что он в висячие отправляется миры для проповеди и что он там, яко у непросвещенных людей, всеконечно за веру пострадает.

ОТТУДУ ЖЕ

Подряд любовников к престарелой кокетке, напечатанный во «Трутневых ведомостях», многим нашим господчикам вскружил головы: они занимают деньги и, в последний раз написав: *в роде своем не последний*, с превеликим поспешением делают новые платья и прочие убранствы, умножающие пригожство глупых вертопрашных голов; а по совершении того хотят скакать на почтовых лошадях в Петербург, чтобы такого полезного для них не пропустить случая.

ИЗ КОШИРЫ

В нашем уезде есть дворянин: он имеет за собою три тысячи душ, получает шесть тысяч рублей годового дохода и живет так, как научил его покойный родитель. В селе, где он живет, церковь деревянная построена еще прадедом его по возвращении из похода. Дом господский дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили: ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно пил, ел

и спал; а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах для пользы земных обитателей: ибо он изыскивает, может ли боец гусь победить на поединке лебедя; ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по 20, по 30 и до 50 рублей за каждого. Имеет бойцов петухов; содержит великое число псовой охоты и ежегодно положенный на него соседями за помятие их хлеба оброк платит бездоимочно. Ездит на ярманки верст за 200 весьма великолепно: а именно, сам в четвероместном дедовском берлине в 10 лошадей, и еще 12 колясок, запряженных 6 и 4 лошадьми, исключая повозок и фур с палатками, поваренною посудою и всяким его господским стяжанием. Свиту его составляют люди весьма отборные, в 4 колясках сидят по 2 шута, в 3 по 2 дурака, а в берлине он да священник его духовник; в прочих же экипажах собаки, гуси и петухи бойцы. Прошлого года ездил он в Москву, чтобы сыскать учителя пятнадцатилетнему его сыну: но, не нашед искусного, возвратился и поручил его воспитание дьячку своего прихода, человеку весьма дородному. Со всем сим роскошным житьем он проживает не больше ежегодного своего дохода. Дворянин сей говорит, что изо всей его фамилии разумнее его не бывало. Может быть, это и правда: ибо дворянин наш лгать не охотник.

ИЗ КРОНШТАТА

На сих днях в здешний порт прибыл из Бурдо корабль: на нем, кроме самых модных товаров, привезены 24 француза, сказывающие о себе, что они все бароны, шевалье, маркизы и графы и что они, будучи несчастливы во своем отечестве, по разным делам, касавшимся до чести их, приведены были до такой крайности, что для приобретения золота вместо Америки принуждены были ехать в Россию. Они во своих рассказах солгали очень мало: ибо по достоверным доказательствам они все природные французы, упражнявшиеся в разных ремеслах и должностях третьего рода. Многие из них в превеликой жили ссоре с парижскою полициею, и для того она по ненависти своей к ним сделала им приветствие, которое им не полюбилось. Оное в том состояло, чтобы они немедленно выбрались из Парижа, буде не хотят обедать, ужинать и ночевать в Бастилии. Такое приветствие хотя было и очень искренно, однакож сим господам французам не полюбилось, и ради того приехали они сюда и намерены вступить в должности учителей и гофмейстеров молодых благородных людей. Они скоро отсюда пойдут в Петербург. Любезные сограждане, спешите нанимать сих чужестранцев для воспитания ваших детей! Поручайте немедленно будущую подпору государства сим побродягам и думайте, что вы исполнили долг родительский, когда наняли в учители французов, не узнав прежде ни знания их, ни поведения.

[*ИЗВЕСТИЯ*]

Миловида намерена разыграть любовную лотерею, в которой весь выигрыш в одном билете, а прочие все пустые. Число пустых билетов не определяется: ибо оные по числу охотников к розыгрышу сей лотереи будут прибавлены или убавлены; выигрыш составляет *цену любви*. Раздача билетов начнется с 1 числа сентября месяца по всякий день в доме госпожи Миловиды, где и цена оным будет объявлена.

Некоторый стихотворец по довольном самого себя рассмотрении нашел, что он во всем с славными нашими стихотворцами равняться может; чего ради о том чрез сие для сведения и объявляет, чтобы его никто ниже тех стихотворцев не считал и неведением не отговаривался.

Себелюб, славный волокита, на сих днях пришед ко своей любовнице, нашел ее в превеликой задумчивости; она приняла его весьма холодно, ласки ее исчезли, и притворство, которое она до того дня употребляла, оставила и начала с ним говорить весьма грубо: ибо она в тот самый день вступила в новые обязательства. Себелюб поражен был неожидаемою сею новостию и, как обыкновенно страстные и ревнивые делают любовники, начал упрекать ее неверностию и выговорил все, что в такие говорится минуты, очень грубо. Госпожа смеялась во время его бешенства; но как он замолчал, то она без всяких околичностей ему сказала, чтобы он к ней в дом больше не ходил. Себелюб, оказав ей все свое презрение, пошел со двора; но лишь только вышел за ворота, то начали его терзать все страсти, презрение, ревнивость, раскаяние; а любовь привела его во отчаяние. Он принял намерение заколоться; но, идучи по улице, выронил нож из кармана и потерял; кто оный поднял и принесет в его квартиру, тому дастся награждение, состоящее из писем бывшей его любовницы: ибо он непременно свое намерение хочет исполнить.

ПОДРЯДЫ

Издателю «Трутня» для наполнения еженедельных листов потребно простонародных сказок и басен: ибо из присылаемых к нему сатирических и критических пиес многих не печатают; а напечатанные без всякого стыда многие принимают на свой счет и его злословят за то повсеместно; желающие в поставке помянутых сказок подрядиться и взять не свыше рубля 25 коп. за сто могут явиться в его доме.

Некоторому судье потребно самой свежей и чистой совести до нескольких фунтов; желающие в поставке оной подрядиться, а у него купить старую его от челобитческого виноградного и хлебного нектара перегоревшую совесть, которая, как он уверяет, весьма способна к отысканию желаемого всеми философического камня, могут явиться в собственном его доме.

Недавно пожалованный прокурор отъезжает во свое место, и по приезде желает он развесть редкое в том городе растение, именуемое *цветущее правосудие:* хотя воевода того города до оного растения и не охотник; чего ради потребен ему, г. прокурору, искусный садовник; желающие вступить во оную должность могут явиться у г. прокурора немедленно.

ПРОДАЖА

Плоды невежества, глупости и самолюбия некоторого сочинителя продаются в его доме повольною ценою.

У г. Искушателева продается сочиненная им в пользу юношества книжка под заглавием «Атака сердца кокеткина, или краткий и весьма ясный способ к достижению сердец прекрасного пола», ценою по 5 рубл.

Обман, славный и искусный лекарь, сочинил книжку под заглавием «Тайные наставления, по которым безобразная женщина может совершенною сделаться красавицею»; оная книжка продается в его доме по 10 рубл.

В тайном г. волокит совете апробованный «Проект о взятии сердец штурмом» сочинения г. Соблазнителева продается у переплетчика любовных книг по 2 рубл. экземпляр.

Наставление о добропорядочной жизни молодым людям, напечатанное в 1748 году, и еще другие подобные оной книге раздаются безденежно: ибо оных никто не покупает.

ОТЪЕЗЖАЮЩИЕ

Троекратно за взятки отрешенный судья добивался места с повышением чина; но, по несчастию, просил он о том такого господина, который прежние его грабительства имел еще в свежей

памяти и оные почитал истинным беззаконием: чего ради он ему в прошении отказал. Судья, огорчась сею несправедливостию, отъезжает во свое поместье ко утеснению бедных своих соседей.

Профессор карточных азартных игр поссорился с полициею и для того отъезжает в Москву.

Chicaneau, природный француз, находившийся у некоторого господина в должности управителя, отъезжает в Москву для приискания себе другого места; а управительское принужден он был оставить для того, что требовали от него исправных счетов; а француз сей арифметике не учился.

Отставной канцелярист, живший здесь для хождения за делами, отъезжает в Москву и хочет вступить там в должность поверенного, а здесь ему стряпчим быть заказано по некоторой причине; во утверждение сего запрещения он был здесь высечен плетьми.

Fripon, гасконец, приехавший сюда с новою лотереею, отъезжает в Москву; здесь ему не очень понравилось, затем что мало игроков, хотя лотерея сия и весьма расположена искусно, а именно: что кроме безделиц выиграть ничего не можно.

№ 4

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из гостиного двора

Купечество наше, торгующее в гостином дворе, претерпевает великое помешательство в торговле от прогуливания знатных госпож и господ по гостиному двору. Сия мода недавно вошла в употребление; и купечеству нашему тем более вредна, что госпожи и господа приезжают туда в великом множестве; садятся в лавках беседовать; пересматривают все товары, какие только есть; разговаривают о нарядах и любовных делах; пересмехают всех проходящих, а между тем купцы теряют напрасно свое время. Посредственного состояния люди, видя в лавках знатных людей, из учтивости проходят мимо и не покупают нужного для своего употребления. Сии тягостные для хозяина гости, просидев часа два в лавке, выходят; а купец принужден бывает часа три прибирать разбросанные товары, которые гостям своим показывал и из которых они ничего не купили. Пришедшие для покупки товаров

люди уходят домой и принуждены бывают приходить в гостиный двор раза по три за тем, что бы могли они искупить в десять минут. Гости гостиного двора переходят из лавки в лавку, ищут знакомых; находят и с ними еще садятся и разговаривают до того времени, как уже будет поздно. Купечество наше обещает от себя немалое награждение тому из модных господ, который чрез искоренение сея моды доставит им свободную торговлю. Награждение сие, как сказывают, состоять будет в том, что вся Суровская линия, сложася с другими, сделает благодетелю своему кредит на десять тысяч рублей. Должно ожидать от сего желаемыя пользы: ибо кто найдет себя в состоянии вывесть сие из моды, тот не захочет потерять сию находку. Купечество же потерю свою считать будет тогда не более как в трех тысячах рублей.

Из Миллионной

Здесь примечена великая перемена в продаже книг. Прежде жаловались, что на российском языке не было почти никаких полезных и к украшению разума служащих книг: а печатались одни только *романы* и *сказки;* но, однакож, их покупали очень много. Ныне многие наилучшие книги переведены с разных иностранных языков и напечатаны на российском; но их и в десятую долю против *романов* не покупают. Прежнему великому на *романы* и *сказки* расходу причиною было, как некоторые сказывают, невежество; а нынешнему малому наилучшим книгам расходу полагают причиною великое наше просвещение. И подлинно, благодаря нашему самолюбию мы ныне так стали разумны, что не только ничему уже не хотим учиться, но и за стыд почитаем упражняться в науках, а еще и паче во словесных. Что ж касается до подлинных наших книг, то они никогда не были в моде и совсем не расходятся; да и кому их покупать? просвещенным нашим господчикам они не нужны, а невеждам и совсем не годятся. Кто бы во Франции поверил, если бы сказали, что волшебных сказок разошлося больше сочинений Расиновых? А у нас это сбывается: «Тысяча одной ночи» продано гораздо больше сочинений г. Сумарокова. И какой бы лондонский книгопродавец не ужаснулся, услышав, что у нас двести экземпляров напечатанной книги иногда в десять лет насилу раскупятся? О времена! о нравы! Ободряйтесь, российские писатели! сочинения ваши скоро и совсем покупать перестанут.

ИЗ МОСКВЫ

Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь прекращена совсем премудрыми учреждениями дражайшия матери всея России и неусыпными попечениями некоторых истинных

сынов отечества, приносивших жизнь свою в жертву смерти для нашего избавления. Да начертает истина имена их во храмах Славы и Вечности! И мы паки наслаждаемся вожделенным спокойствием. О, когда бы могла так скоро истребиться другая болезнь, в Москве и Петербурге укоренившаяся! Под сею болезнию разумеем мы слепое пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам. Ко стыду нашему, сие пристрастие весьма далеко простирается: российские ученые, художники и ремесленники ими презираются, а иностранные, хотя многие и без всяких достоинств, ими отлично принимаются, защищаются и всегда находят их покровительство. Да истребится сие вредное и ни которому народу не свойственное пристрастие; да воздастся достоинствам иностранных должная справедливость; но да ободрятся и сыны отечества, и процветут в России науки, художества и ремесла, и да будут презираемы все ненавидящие отечество!

ИЗ ЯРОСЛАВЛЯ

Ярославль известен был прежде прекрасным только местоположением и мануфактурами, а ныне славится и хорошими сочинениями. В нашем городе сочиненные комедии представляются в Санктпетербурге на придворном российском феатре; принимаются с превеликою ото всех похвалою и почитаются лучшими комедиями в российском феатре. И мы можем хвалиться, что Ярославль первый из городов российских обогатил русский феатр тремя комедиями в наших нравах. Поговаривают, что и в других российских городах принимаются за сие упражнение. У нас на Руси все делается по моде: но дай боже! чтобы полезные моды почаще входили во употребление и чтобы науки и художества процветали во всех российских городах так, как в Петербурге и Москве.

ИЗ ТВЕРИ

Недавно чрез наш город проехал в Петербург какой-то славный Выдумщик. Он рассказывал нам о себе великие чудеса и показывал более ста *выдумок*, им сочиненных. Между прочими выхвалял он более всех сочинение, в котором он предлагает способ для приохочивания молодых российских господчиков ко чтению русских книг. Оный в том состоит, чтобы русские книги печатать французскими буквами. Г. Выдумщик уверяет, что сим способом можно приманить ко чтению российских книг всех щеголей и щеголих; да и самых тех, которые российского языка терпеть не могут. Он утверждал, что если эта его выдумка произведется в действо, то он надеется от сего великого успеха: потому что, по его мнению,

французские буквы мягкостию своею очистят всю грубость российского языка. Сей великий человек недолго промешкал в нашем городе и поскакал в Петербург.

ИЗВЕСТИЯ

Будущего июня 10 числа в доме г. Наркиса, состоящем в Вертопрашной улице, будут разыгрываться лотерейным порядком сердца разных особ, в разные времена г. Наркисом плененные и за ветхостию к собственному его употреблению неспособные. При каждом сердце отданы будут и крепости на оные, состоящие в любовных письмах и портретах. Билеты можно получать в собственном его доме, где и цена оным будет объявлена.

Недавно приехавший француз учредил для молодых благородных и мещанских детей школу, в которой преподавать будет все в карточных играх употребляемые хитрости и обманы, в каждый день от 10 пополудни до 5 часов пополуночи. Сей честный и некорыстолюбивый француз обязуется как сему, так и другим разным к обогащению себя средствам обучать учеников своих без всякой платы. Но чтобы ученики его больше уважали его наставления и более бы имели прилежания ко скорейшему обучению, то требует он только сей безделки, чтобы они играли с ним на чистые деньги. Впрочем, он клянется французскою своею совестию, что в скорое время учеников своих приведет в такое состояние, что они других обучать будут. Сей учитель живет в улице Разорение, в доме г. Бесстыднова.

№ 5

В САНКТПЕТЕРБУРГЕ

Из гостиного двора

В «Ведомостях живописцевых» артикул, из гостиного двора поставленный, во многих благородных особах на сего дерзкого газетьера справедливое произвел негодование. В оном артикуле упомянуто, будто многие знатные господа и госпожи без всякия нужды приезжают в гостиный двор, ходят из лавки в лавку, перебирают не нужные им товары и тем будто отгоняют купцов посредственного состояния, а чрез то, по его мнению, приключают вред в торговле нашей. Кажется, никакой нет нужды уверять наших читателей, что все газетьеры ведомости свои почасту наполняют разными выдумками и ложью: это всякому известно; и мы не ответствовали бы на сию очевидную ложь, если бы не старались

оправдать себя пред знатными господами и госпожами в том, что сей артикул поставлен без нашего согласия. Мы больше имеем попечения, нежели как думают, о сохранении господской доверенности к нашей совести; она нам столько ж нужна, как им кредит наш к их имению. Впрочем, мы не много будем иметь труда опровергнуть лжи, сим газетьером рассеваемые, и начнем с первого.

Прогуливание знатных господ и госпож по гостиному двору не только что не делает торговле нашей вреда, но еще и прибыль приносит; без сего кто бы покупал в большом количестве выписываемые и привозимые к нам многие французские безделицы, которые расходятся ныне в великом множестве? Без сего с кого бы могли мы брать четверную цену, отпущая в долг товары? Опричь сего прогуливание и ту приносит нам прибыль, что когда госпожи соберутся в лавку и с нами милостиво разговаривают и изволят шутить, тогда и мы, будто шутя, показываем какие-нибудь завалявшиеся безделицы, прося притом, чтобы их как-нибудь ввели в моду; и часто случается, что от таких безделок получаем прибыли гораздо больше, нежели как от самых лучших товаров. Когда приезжают к нам любовник и любовница, тогда мы наперехват стараемся звать их к себе в лавки; тогда, не щадя трудов своих, сами стараемся показывать всякие товары и перебиваем все куски: от сего имеем мы превеликую пользу; ибо в такое время у любовниц превеликое бывает желание покупать, или, лучше сказать, брать, всякие нужные и ненужные товары, а за сие желание учтивость любовников платит нам всегда наличные деньги. В таком случае господа любовники весьма мало с нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорят почасту: «Ах, как это дорого! ужасно! нет, я этого не возьму; я бы хотела это купить: но это чересчур дорого»; но мы не пугаемся таких отговорок, потому что *я бы хотела это купить, но это чересчур дорого*, как сказывают, на любовном языке значит: *ежели ты не скуп, так заплати за это деньги*. И мы так применились к таким двоесмысленным словам, что из требуемой цены ни копейки никогда не уступаем, говоря притом: «Это, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цену не уступил; а его чести уступаю для того, что он всегда соизволит покупать товары на готовые деньги; а притом, милостивая государыня, мы умеем разбирать людей и знаем, с кого какую просить цену: поверьте чести моей, что его милость копейки даром не бросит». Тут мы все трое усмехнемся; а господин тотчас станет уверять госпожу, что это не дорого, и, заплатя деньги, скажет: «Он детина совестный, обманывать не станет». Между прочим в «Живописцевых ведомостях» упомянуто, что госпожи, сидя в лавках, пересмехают проходящих; но и это никакого не делает нам вреда: ибо многие дворянки, не весьма далекие в модном свете, и также мещанки, почитая такие лавки наполненными модными товарами, всегда к нам приходят и покупают оные. Но чтобы избежать насме-

шек от модных госпож, то приезжают они на гостиный двор обыкновенно в такое время, когда не прогуливаются. Что ж касается до обещанного в «Живописцевых ведомостях» награждения тому, кто бы вывел из моды прогуливание по гостиному двору, то кажется, что сие и не заслуживает нашего опровержения. Впрочем, у нас в гостином дворе слух носится, будто купечество наше тому, который напишет на сего газетьера сатиру, обещает награждение, состоящее в благосклонности тех господ и госпож, которые сей артикул взяли на свой счет и на живописца прогневались.

ИЗ МОСКВЫ

Модное наречие петербургских щеголих многим нашим девицам вскружило головы. Все такие модные слова, в «Живописце» напечатанные, они вытвердили наизусть и ввели во употребление; но притом чувствуют еще в оном наречии великий недостаток: почему хотят посылать нарочного поверенного, который будет стараться все слова, в модном наречии употребляемые, собирать и сообщать к нам в Москву. Сим способом надеются наши девицы до такого же дойти совершенства в помянутом наречии, как и петербургские щеголихи. Впрочем, надлежит отдать справедливость нашим жителям, что в переимке новых мод они должны почитаться не последними.

ИЗВЕСТИЯ

Некто из молодых господ, умеющий жить во свете, одеваться по моде, чесать волосы со вкусом, танцовать прелестно и петь французские песни с наилучшими манерами, третьего дня ехал в богатой своей английской карете, запряженной шестью прекрасными лошадьми, и, проезжая мимо гостиного двора, обронил *кредит;* кто оный поднял и возвратит сему господину, тому обещает он покровительство свое при дворе.

Некоторой даме не последнего класса во время прогуливания ее по гостиному двору от некоторого молодого дворянина сделано любовное предложение; почему для сведения его объявляется, что ежели он говорил это не в шутку, то, справясь бы с ежегодными своими доходами, явился в собственном сея госпожи доме, о котором ему объявлено и который куплен ею на имя судьи Кривосудова.

ПОДРЯДЫ

Некоторому молодому господину потребен секретарь, который бы умел сочинять комедии и писать стихами песни и другие мелкие

стихотворения. Но притом требуется, чтобы сей человек был трудолюбив и скромен до чрезвычайности: сие особливо для того, что сей господин писанные секретарем его сочинения хочет выдавать за свои собственные. Кто пожелает вступить в сию должность, тот может явиться в собственном сего господина доме, состоящем в Тщеславной улице.

Некоторому знатному родом и заслуженному, по его мнению, господину потребно до двенадцати молодых, неглупых, проворных и умеющих вкрадываться дворян. Он обещает содержать их на своем иждивении; а должность их состоять будет в том, чтобы сии молодые люди проповедывали повсеместно милосердие к бедным сего господина, которого, однакож, он не имеет; его любовь к отечеству, о которой не имеет он и понятия; и приписывали бы ему всевозможные добродетели. Сим способом надеется он прийти в любовь ко всем и получить чины, которых он по знатности своего рода давно имеет право требовать. Желающие вступить в сию должность могут явиться у него самого в собственном его доме, построенном из корыстей, полученных прапрапрадедом его под Чигирином.

Престарелый Селадон хочет иметь у себя в услужении прекрасную и молодую девушку: должность ее состоять будет в том, чтобы по утрам и вечерам подавала ему шоколад. Напротив того, обещает он ей ежегодное богатое содержание с тем, чтобы сия девушка весьма была исправна в своей должности, и с таким притом примечанием, чтобы она никогда и никому не давала из той чашки, из которой будет он сам пить: ибо сей дворянин в таком случае весьма завистлив и разборчив. Которая хочет вступить в сию должность, та может явиться у господина Селадона немедленно; ибо по моде нашего времени надлежит ему сие неотменно сделать.

XII

ВОЗЛЮБЛЕННОМУ О ХРИСТЕ БРАТУ РАДОВАТИСЯ

Аще и не вем тя, кто еси, господине честный: обаче егда узрех во обители нашей у единого от старец твои ежеседмищные листы, абие уразумех, яко ты печешися очистити злонравие грешников: ово явными, ово сокровенными обличеньми. Дерзай, ревнителю истины, и не премолчи, ведяще, яко все, еже начертал еси, угодно показася и всей зде сущей братии. Возрадовася же о труде твоем

и пречестный отец игумен наш. Обаче нецыи окрест нас живущии повелеша написати к тебе сице: ты кто еси, судяй чуждему рабу? им же бо судом судиши, себе осуждаеши; таяжде бо твориши судяй! Мы же ничесоже противу тебе дерзаем рещи, яко и сам ты являешися чтити священный чин духовный и весь причет церковный. Аще же что возмниши написати во обличение иноческого жития, блюди себе, да не како.... Но кое благодарение воздати можем православным праотцем нашим, иже умудришася положити жилище наше во оградех! При сем молим тя, господине честный, ополчитися противу кощунствующих, от них же некоего видех аз толика бесчинна, яко вземшу ему сткляницу вина, церковным гласом дерзновенно воспети о ней сицевое блядословие: возвеселится пьяница о стклянице и уповает на вино. Виждь, како изменити дерзнуша сынове церкве душеспасительная словеса ея! Но больша сих узриши, аще отверзеши очи твои на дела законопреступников. Мнози бо от нечестивых юношей......... Прочее, господине честный, не престаем моляще твое благоутробие, да нечто провозвестиши и в нашу пользу: сиречь, еже умножитися подаянию во обитель нашу. Сего ради благоговейно целуют тя, во-первых, отец игумен с братиею: та же особо, бывшие иногда, отец келарь, отец казначей, отец иконом, отец ризничий, отец уставщик, отец гробовый, отец конюшенный, отец крепостный, отец трапезенный, отец рухлядный, отец чашник, отец площадный, отец будильник, отец подкеларник, отец смиренный и прочии, их же не веси: вси целуют тя лобзанием святым. Аз же есмь

недостойный богомолец твой

Тарасий.

XIII

Пречестный отец Тарасий!

Послание твое, еже угодно тебе показася начертати ко мне, аще и недостойну толикия благости и грешнику сущу, аз получих, и егда прочтох его, абие положих ѐ на скрыжали сердца моего, да вразумлюся и поучуся словесем твоим, повсегда ходити ми по стопам заповедей твоих. Но оле безумия нашего! поучати бо токмо навыкохом, а не поучатися. Всяк, аще и юн сый, дерзновенно укоряет брата своего и затыкает ушеса своя, егда рекут ему: ты кто еси судяй? Возведи, премудрый старец, очи твои окрест тебе и виждь братию твою: семо поучают: а идеже поучаются? онде исправляют: и где исправляются? не исправятся убо поучаемые, дондеже не исправятся поучающии. Но блюду себе, по словеси твоему, да некако.... Прочее не престаю, моля твое преподобие, да устроиши вся на пользу души моея: можеши бо вся, елико же восхощеши. Исповедаю бо пред всеми, яко грешник есмь; и не

имам иное что принести тебе, токмо сердце чисто и дух сокрушен. Таже со смирением реку тебе словеса священная: удобее есть вельблюду проити сквозь иглины уши, неже богату внити в царствие небесное. Но да не возмнят нецыи, яко кощунства единаго ради начертах словеса сия: ей измлада не навычен есмь сему и не явлюся николи же греху сему причастен. Воистину николи же до кончины дней моих. Аминь. Целует тя

недостойный живописец.

XIV

Господин живописец!

Что мне делать? хочется писать, да не знаю, за что приняться: кажется мне, что мог бы я написать все, но, однакож, по сие время не написал еще ничего. Не подумайте ж, что я не имею способностей к писанию: напротив, я их имею; но это происходит оттого, что я весьма разборчив и чувствителен к моей славе. Стихов я не пишу для того, что русский язык не способен ко стихотворству: я бы писал их на французском языке, но, по несчастию, Волтер, Расин и многие другие писатели родились прежде меня; а как дарования свои и способности вешу я всегда на весах беспристрастия, то и увидел, что превзойти сих писателей я не могу, а равенства я не терплю ни в чем. Что делать, когда я так поздно в свет родился! Ради сего хочу писать по-русски прозою, но только еще не решился, в каком роде сочинений мне упражняться. Писать сатиры по моему чину низко; писать любовные сочинения поздно по моим летам; к трагедии я не имею склонности; оперы мне не нравятся; пастушеских сочинений я не люблю; для поэмы я по сие время не избрал еще хорошего содержания; и так остается мне писать комедии. — Но могу ли я писать их и чего мне ожидать? Все похвалы, которые бы по справедливости принадлежали только мне одному, давно уже истощены, не знаю, какому-то сочинителю комедий «О время», «Именин», «Вестниковой». — Сносно ли это! — Я бешусь и прихожу в отчаяние! Вот, сударь, до чего мы дожили: вот какой вкус в комедиях утверждается: русский, русский. — Какая глупость! Французский феатр постарее нашего, так нам ли принятое ими переменять; и может ли русский человек, не закрасневшись, осмелиться подумать, что он может в чем-нибудь поравняться со французом? О вы из русских чиновных дворян, обожающие французов, ежели вы, впрочем, и глупы; однакож вы достойны великого почтения за то одно, что вы удивляетесь французам! Впрочем, я имею средства отомстить и тебе и всем хвалителям комедии «О время»: ведайте, что я напишу комедию на сего автора и на всех вас, и ежели ее здесь не представят и не напечатают, тогда переведу ее на французский язык, пошлю на парижский

феатр: пусть ее там представят; а ежели им угодно будет, так хоть и напечатают. Сим средством я отомщу обиженную мою честь; а ежели и сего не удастся мне сделать, так по крайней мере пропущу здесь в городе слух, что это сделано. Это немудрено: вить я умел же распустить слух, будто в Париже сочинена комедия на одного здешнего боярина, которого я не могу терпеть, и будто ее представляют на Булеваре. Берегитесь моего мщения и знайте, что ежели я за что примусь, так уже, конечно, сделаю! Прощай, ответа ко мне не пиши, я его читать не буду.

XV

Господин живописец!

Я имею у себя родственника молодого человека, который под присмотром родителей своих вырос в деревне, а теперь время приходит ему, оставя свое уединение, вступить в службу, следовательно, и во свет. Отец его после Ставучанской баталии, пошед в отставку, удалился от света и сыну своему кроме сей войны ни о чем не рассказывал. Но как все подвержено переменам, то не избежал от сего правила и смысл некоторых слов, а сии перемены обыкновенно делаются там, где большое общество обитает. Известно ж, сколь худо войти в люди, не будучи сведому о нравах того общества, в котором обращаешься. Я предприял по долгу родства предварить его истолкованиями тех слов, которых значение обычай переменил в нынешние времена; а предприяв сие, рассудил поступить и далее, чтоб не только воспользовался оными младый мой родственник, но и другие подобные ему. Сие делаю я отчасти, чтоб видеть себе благодарность, отчасти следуя тому правилу, которое предписует, что живущие во свете праздно тягчат только землю и не пользующие себе подобных не отличаются от скотов. Мне не хочется быть во счете реченных; ибо я живу весьма праздно, служу обществу одним именем, получаю чины и жалованье, езжу в мое место лишь только для того, чтоб исполнить единый вид моея должности; и тамо, где надлежит упражняться в делах, мне порученных, я разговариваю о вчерашнем дне, о моих деревнях, о детях и лошадях, дабы скорее препроводить часы упражнения. Товарищи мои весьма согласны со мною, и так без малейших споров все дела каждый день отлагаем мы до завтрея. Но чтоб сделать пользу подобным моему родственнику, воспитанному в деревне, изъяснением переменного смысла некоторых слов, я за лучший способ нахожу просить вас, г. живописец, печатать в ваших семидневных листах те письма, которые буду писать к моему родственнику и из коих первое теперь к вам прилагаю.

Покорный ваш слуга

Доброхотов.

Письмо к племяннику

Любезный племянник! я получил от отца твоего письмо, в котором уведомляет меня, что он вознамерился с тобою расстаться и отпустить тебя в службу. Прежде, нежели вступишь ты во свет, потребно тебе иметь некоторое понятие о светской жизни; хотя отец твой и много раз сказывал о Ставучанской баталии и о всех турецких походах, однакож со всем тем ты весьма мало знаешь науку света. Я некогда был в равных с тобою обстоятельствах и собственным опытом узнал, сколь худо вступить во свет, не зная оного. Вступая в оный, не воспользует тебе сведение о турецких походах: ибо во свете не одни турки будут тебе неприятели, ты найдешь неприятелей гораздо больше внутри своего отечества, и часто между ближних своих приятелей; и для того намерен сделать тебе некоторое понятие о свете. Ты, приехав из деревни, не только не будешь знать нравов и сердец людских, но и значение слов некоторых тебе будет неизвестно; хотя б ты самые те слова слыхал от воеводши и от подьячего с приписью. Тебе отец твой часто твердил, что у подьячих много есть крючков, но у светских людей ты найдешь их еще больше. Для сего я вознамерился истолковать тебе значение некоторых слов: но чтоб сделать порядок, я буду толковать тебе слова по алфавиту; теперь начинаю с буквы *А*, а потом дойду и до других.

А! Есть междометие восклицательное, изъявляющее радость. Между знающими свет и политику людьми оно произносится обыкновенно с веселым лицом, с отверстыми глазами, с небольшим возвышением головы, с некоторым наклонением тела и с движением рук, изъявляющим объятие. Узрев таковую встречу, ты, конечно, подумаешь, что тот, который это сделал, увидев тебя, весьма обрадовался и что он тебя любит; однако, подумая так, ошибешься, потому что у людей, знающих свет, это значит совсем противное твоему мнению; например:

Ежели, увидя тебя, кто ни на есть из твоих именуемых только приятелей скажет: *А! мой любезный друг, как я рад, что тебя увидел;* потом возьмет тебя за руку, немного пожмет и поцелует и в ту и в другую щеку, это будет значить, что он тебя или бранил недавно, или идет куда-нибудь бранить тебя; а если ни того, ни другого нет, так по крайней мере или выведать что-нибудь хочет, или имеет до тебя нужду: ибо когда б не было ничего сказанного, то поклонился бы он тебе весьма холодно и молча от тебя пошел прочь.

Ежели встретит тебя игрок с оным восклицанием, то будет значить, что он хочет с тобою подружиться и, употребя все, что только возможно, обыграть тебя.

Ежели девушка сделает тебе таковую встречу, это значить будет, что она знает о твоем богатстве и изрядной фамилии и что

она хочет выйти за тебя замуж и после украсить голову твою скотским убором, дабы в фамилию твою присовокупить мирское подаяние.

Когда замужняя женщина, повстречаяся с тобою, вскричит: *А!*, это знак, что она хочет тебе понравиться, после обобрать тебя, а наконец осмеять и одурачить.

Ежели судья встретит тебя с таким же восклицанием, тогда ведай, что ему хочется, чтобы ты завел какую тяжбу и чтобы ему можно было сорвать с тебя взятки.

Когда начальники твои, встречая тебя, кричать будут: *А!*, то тут есть двоякое значение. В устах холостого человека сие восклицание значит, что он хочет на твой счет повеселиться, а женатых желание в том состоит, чтобы ты женился на их дочери.

Ежели большой господин, увидя тебя, употребит сие восклицание, то ведай, что это всего опаснее. Это *А!* имеет двоякое значение: или хочет он, чтобы ты переносил ему вести, или чтоб, ослепя тебя своими ласками, употребить в какие ни есть интриги и в случае неудачных следствий жертвовать тебя своему избавлению; а без сего, живучи во свете, весьма редко случится, чтобы кто с тобою ласково стал обходиться.

Вот все то, что значит между просвещенными людьми восклицание *А!* Теперь, зная подлинное сего слова значение, в поведении твоем следуй своему рассудку. Я оканчиваю это письмо истолкованием единого сего восклицания, а впредь буду сообщать изъяснение других слов.

XVI

Господин живописец!

Вы стараетесь выводить наружу пороки, осмеяния и презрения достойные, которых есть толикое неисчетное множество, что если бы вы и весь век свой листы ваши оными наполнять хотели, так, конечно, бы всех еще не описали.

Главные пороки подобны большим деревьям, имеющим несколько тысяч ветвий и сучков, кои паки от себя отрасли испускают.

Хотя сие и весьма трудно, однако намерение ваше всегда похвально и многим полезно: время уже в просвещенный век наш снимать личину с порочных людей и представлять их свету таковыми, каковы они в самом существе суть. Не смотрите на досаду их, пренебрегайте злобу, устремляющуюся на вас, продолжайте труд ваш; истина сама будет вам всегда защитою.

Я листы ваши прилежно читаю и нахожу в них по справедливости изрядства, могущие исправлять порочных людей. Желательно, чтоб для споспешествования вашего доброго намерения помогали вам в описании вредных страстей и другие добродетельми

украшенные и знаниями одаренные люди, коих мы ко славе отечества нашего довольно уже имеем. Без сомнения сим услужили бы они гораздо более и лучше публике, нежели теми пустошами, какие мы от некоторых ежедневно либо письменные, или печатные видим.

Нет сомнения в том, писатели, любящие совершенно добродетель и не устрашающиеся гнева пороками объятых гонителей, конечно, сие делати начнут, а льстецы и трусы пускай молчат, для того что от них ничего доброго и ожидать не должно.

Сего рода животных так умножилось, что в некоторых знатных домах по целой их дюжине собирается, где они пороки ласкательством бесстыдно подкрепляют; хотя жалко и прискорбно смотрети, каким образом сии одаренные острым разумом и учением просвещенные люди к такой подлости приступают, которым за сие да будет пред всеми честными стыдно.

XVII

Государь мой!

Сообщите, прошу вас покорно, прилагаемую при сем записку: *следствия худого воспитания*, в своих листочках свету. Вы сим меня одолжите много; а отцы и матери, прочтя в ваших листочках таковые при воспитании детей неосторожности, большее будут иметь старание за ними и тем избегнут нарекания, учинят себя достойными того имени, которое многие ныне недостойно на себе носят. В прочем с любовию моею к вам навсегда есмь

вашим покорным слугою

*Несчастный Е***.*

Смоленск,
1772 года, июня 20 дня.

СЛЕДСТВИЯ ХУДОГО ВОСПИТАНИЯ

Отец мой дворянин, живучи с малых лет в деревне, был человек простого нрава и сообразовался во всем древним обычаям; а жена его, моя мать, была сложения тому совсем противного, отчего нередко происходили между ими несогласия, и всегда друг друга не только всякими бранными словами, какие вздумать можно, ругали, но не проходило почти того дня, чтобы они между собою не дрались или бы людей на конюшне плетьми не секли. Я, будучи в доме их воспитыван и имея вседневно в глазах таковые поступки моих родителей, чрезмерную возымел к оным склонность и положил за правило себе во всем оным последовать. Намерение мое было

гораздо удачно; ибо я в скорое время к удивлению всех домашних уже совершенно выражал все те бранные слова, которые, бывало, от родителей своих слышу; а что до тиранства принадлежало, то уже в том и родителей своих превосходил; хотя и они в сем искусстве гораздо неплохи были: ибо один раз батюшка за недоимку 35 душ ...., а матушка еще и того более бесчеловечным наказанием на .... как узнала, что некто из крестьян перешиб ногу любезной ее собачке. Отец мой хотя, правда, был недалекого разума, однако разбирал понемногу «Четьи Минеи» и другие церковные книги; матушка же моя на смерть тех книг не любила, потому что она девицею воспитана в городе; да редко имела досуг читать и французские, потому что вседневно ходила слушать очистки крестьян: во что уж батюшка мой никогда и не мешался; а только лишь, бывало, по приговору матушкину сечет крестьян. А как я уже приходил лет под десяток и батюшка мой начал преподавать мне первые начала российския грамоты, то матушка, любя меня чрезмерно и опасаясь, чтоб от такового упражнения голова у меня не разломилась или бы по времени не повредился я умом, всегда меня от книги отрывала; и не раз за то бранивала батюшку, что он меня к тому неволил. Книга, если правду сказать, мне и самому в то время гораздо несносною казалася, и я, не приметя еще хорошо, по чему различать А от Д, столько оную вымарал, что батюшка мой и сам почасту не распознавал букв, которые знал ли, полно, он и сам твердо, я сомневаюсь: ибо он, как я приметил, называл одну букву тремя званиями: но до того мне нужды мало. Матушка моя, пришедши из конюшни, в которой по обыкновению ежедневно делала расправу крестьянам и крестьянкам, читает, бывало, французскую любовную книжку и мне все прелести любви и нежность любезного пола по-русски ясно пересказывает; от сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мне та сильная страсть, о которой не только знать, но и говорить моих лет ребятам за стыд и неприличное дело почитают. А как я от рождения моего не знал, что есть стыд, и мне про то никто не толковал, а меньше еще того разумел о неприличности, то, устремя все мысли свои к любви, коея прелести мне матушка в самых ясных словах изобразила, влюбился в комнатную дома нашего девку, обладающую всеми теми прелестьми, которые только могут пленить нежное сердце несчастного любовника, и сделался в короткое время невольником рабы своей. Таковой случай причинил немалое огорчение и самым моим родителям; но в том должны они жаловаться на себя: ибо я, не видя ни от кого хороших примеров, последовал слепо их же поступкам, развратившим мое сердце. От праздности, в которой я все дорогие своей жизни часы препроводил и которая по несмысленности мне приятною казалась, произошли все мерзкости исполненные дела, а вольность сделала меня отважным и наглым на все предприятия.

Я спознался с сыном одного помещика, неподалеку от нашей деревни живущего, который воспитан был не лучше моего и детина на все руки. Покрытый сединами его отец ожидал с часа на час смерти, яко убежища своего, и все предал свое сокровище в руки своего сына, которого, хотя был он еще несовершенных лет, вся деревня трепетала. От частого с ним обхождения научился я просиживать целые ночи, весьма скоро в игре, в пьянстве и в других непостоянных забавах преходящие, и был уже совершенного знания во всех карточных играх к погибели своего дома. Отец мой, разгневавшись на меня за таковые мои поступки, выгнал меня из дома и лишил законного наследства; а я, не имея средства, чем себя пропитать, вдался во всякие не приличные моему роду дела и тем доставлял себе бедное пропитание. Наконец несносные бедствия и оставшаяся во мне еще искра стыда и совести начали исправлять мои поступки, и я вступил в военную службу, где нужда еще больше того меня поправила, почему ныне я живу спокоен со всегдашним сожалением о участи тех бедных, которые имеют подобное моему от родителей или наставников своих воспитание.

* * *

Г. Несчастный Е***, поступки отца вашего и матери, так, как и ваша в рассуждении родителей неблагодарность достойны справедливого порицания; но вы все уже довольно наказаны. Отцы и матери! казнитеся сим примером; воспитывайте детей своих со тщанием, если не хотите опосле быть ими презираемы.

XVIII

Г. живописец!

Долго ли тебе устремлять гнев твой на женский пол и выдумывать нелепые лжи, обвиняя нас несносными бесчиниями. Ведай, что мы выходим из терпения; и если ты не воздержишься от злословия, так берегись. — Сносно ли это, что в последнем твоем листе некоторую женщину попрекаешь ты ревнивостию! таким пороком, от которого мы давно избавились. — Заврался, мой свет: это неправда; знай, что мы не столько о мужьях своих думаем, чтобы стали к ним ревновать, и только что терпим их, а не любим: и как можно столько любить мужа? непонятно, странно, смешно, уморил, ха! ха! ха! — Ревновать к мужу, любить его: этого я никак не понимаю; а может быть, твой только один острый разум проницает в чрезъестественные тонкости. Видеть мужа всякий час, сидеть с ним обнявшись, говорить с ним нежно, да еще и ревновать

к нему — фуй! как это неловко! Конечно, это какая-нибудь была сумасбродная женщина: для чего же ты ее скрываешь? такая женщина всеобщего достойна презрения. Что это за староверка, чтоб быть прицепленною к своему мужу и ревновать ко всякой; но это быть не может: нынче век просвещенный! а воспитание наше беспримерно: мы мужьям нашим даем свободу знаться с теми женщинами, с которыми хотят; и довели их до того, что и они нам то же позволяют. Понимает ли пустая твоя голова, что от этого-та и происходит благополучие наших семейств и согласная жизнь наша; оттого мы и не разводимся с мужьями, а живем в одном доме: видимся в неделю по разу, ездим в комедии, прогуливаемся с милым человеком то в городе, то за городом. Такая бесподобная вольность может ли нас когда-нибудь противу мужей приводить в огорчение: нет, в листе твоем описанная ревнивость есть твоя глупая выдумка; и для того-то я сим письмом многих оправдать вознамерилась. Мы знаем, что письмо о ревнивости писал ты сам, а не посторонний. Нет ныне таких мужей, которые бы такой вздор описывать захотели и беспричинно бы стали злословить жен своих таким гнусным пороком, который давно уже истребился. Прощай.

XIX

Господин живописец!

Будучи всегдашним читателем похвалы достойных ваших листов, вижу я с удовольствием, что вы стараетесь в оных общеполезные делать наставления. Множество описали вы нам пороков, за которые иные вас благодарят, а большая часть людей злословят вас; из чего видно, что большая часть сих объяты пороками и нравоучениям внимать не хотят. Добродетель в ушах их слышится им некиим старинным названием, в одно ухо влетающим, а в другое вылетающим, безо всякого в них действия. Но как бы то ни было, намерение ваше хорошо; не взирайте на их толки, угодить на всех не можно; да и добродетель вещь не есть модная, продолжайте только ваш труд, авось-либо придет такое время, в которое иные поправиться вздумают; а прочие пороков остерегаться будут. Ведая, что есть дело невозможное, чтоб вам на мысль пришли вдруг всякого рода человеческие заблуждения для внесения в ваш журнал, предприял я вам для того в оном по одному случаю учинить вспоможение вольным переводом. Не приметил я, чтоб вы где-либо упомянули о кофегадательницах, и удивительно, как сии женщины по сю пору вашего примечания избежали, хотя они и столь много служат ко посрамлению человеческому и, следовательно, давно уже достойны надлежащего описания.

*

Быв недавно свидетелем предсказаний такой женщины, нахожу себя в состоянии оную точно описать. Кофегадательница есть такая тварь, которая честным образом более уже пропитания сыскать не знает или не хочет честно кормиться. Иная кофегадательница не имеет на теле цельного платья, ходит в раздранных лоскутьях, а вся таких старух шайка есть сборище побродяг, которых почитать должно извергами человеческого рода.

Такие кофегадательницы, не имея довольно смелости что-либо похищать, дабы им не быть при старости истязанными и не умереть с голоду в остроге, выдумали хитрое искусство обирать деньги у простосердечных людей, не будучи обвиняемы от градоначальства каким-либо похищением. Они обманывают людей, не умеющих мыслить, что могут предсказывать все из кофейных чашек. Когда такую Кивиллу приказывают позвать, то предлагают ей вопросы, например: Скупягина вопрошает, кто украл серебряную ложку? Бесплодова, будет ли она иметь детей? Страстолюбова, верно ли любит ее полюбовник? Щеголихина, скоро ли умрет ее муж картежник: и так далее. Тогда должно сварить кофий, и сие уже само по себе разумеется, что поднесут ей большие две чарки водки, чтобы возбудить сим в ней более предсказательного духа. Потом нальет почти половину чашки густого кофию и болтает его кругом иногда с важным, а иногда с пронырливым видом троекратно, чтобы кофий внутри повсюды пристал. Между кофегадательницами есть еще и в том несогласие, надлежит ли после троекратного болтания дуть в чашку или нет; те, кои показывают себя верными угадчицами, сие делают, утверждая тем, что предсказательное дыхание, частицы кофия в чашке, определяет значащие изображения. После сего ставит чашку обернутую на стол, чтоб кофий из нее вылился, поворачивает ее еще два раза, дабы троекратным движением ничего не значащий кофий вон выбежал, чтоб предсказательные части кофия в чашке одни прилипшими остались. По учинении сего поднимает чашку вверх и в нее смотрит. Вопрошающие особы стоят перед сею отгадчицею, пребывая между страха и надежды. Наконец открывает она рот свой и предсказует, например: вор, похитивший ложку, имеет черные волосы. Вопрошающая отвечает: так, это правда. Я знала уж давно, что Ванька вор. Чашкогадательница получает полтину, иногда рубль и более, смотря по важности отгадываемой вещи, и потом уходит домой.

По выходе гадательницы вопрошавшая призывает Ваньку, приказывает принести плети или батожье; спрашивает его, куда он девал ложку, и приказывает, чтобы он немедленно признался. Ванька божится, клянется и уверяет ее, что он ложки не крадывал; но божбам его не верят. Боярыня его ругает; и лицо его, кажется ей, изобличает его в покраже. Ваньку секут без пощады; долго он терпит напрасное мучение и говорит правду, но наконец

начинает лгать. Он признается в покраже ложки, сказывает, что ее продал и пропил.

— С кем? — спрашивает боярыня.

— С Андреем, соседским слугою.

— Так, — кричит госпожа Скупягина, — я никогда не ошибаюсь: вы оба давно казались мне ворами.

Скупягина посылает к соседке, просит ее, чтобы и она также наказала своего слугу. Андрей также говорил правду, но наконец побоями и его принудили лгать. Скупягина Ваньку своего еще наказывает отнятием жалованья и кормовых денег, чтобы возвратить свою пропажу и то, что заплачено кофегадательнице. Ванька из доброго человека по нужде становится вором, окрадывает свою госпожу, уходит, проматывает, попадается; его отдают в приказ: покраденное пропадает, а Ваньку, яко вора, посылают на каторгу. Скупягина, лишася ложки, лишается и Ваньки.

Здраво рассуждающие люди не инако верят, как что сие кофейное предсказание имеет такое же основание, как и в святые вечера ставящиеся кучки соли, литье олова и воска. Впрочем, потребно на сие только половина ума человеческого, чтоб понимать, что все такие колдовки сущие обманщицы. Вопрошающие особы болтливы и для того объявляют такой кощунье наперед все свои чаяния; а она располагает свои ответы всегда по сим мнениям и лишь только объявит общественный ответ, который стократным образом толковать можно, то и выводят они его по своему чаянию, удивляясь пророчествующему дару сея ворожеи. И так весьма легкий способ есть посрамить такую женщину: представь ей вопрос и ничего более с нею не говори, ни прежде, ни после, так увидишь тотчас глупую ее ложь. Одна женщина вопрошала в то время, когда она хотела выйти замуж, счастливо ли будет ее замужство? На что такой ответ последовал: ты скоро выйдешь замуж; муж твой будет своеобычливый человек и проживет с тобою только двенадцать лет; у тебя будет четверо детей. Однако изо всего оного не вышло ничего. Ожидаемое замужство рушилось, и эта женщина еще долго незамужнею пребыла.

Другая вопрошала, скоро ли умрет муж? На что ей ответствовано было, что муж ее через полгода умрет: почему госпожа, восхищаясь радостию, тайно с другим сделала сговор, чтоб по прошествии полугода выйти замуж. С нетерпеливостию она ожидала того блаженного часа, в который изыдет душа из тела ненавидимого ее мужа. День предписанный наступил, и муж ее в оный был веселее прежнего; и поныне еще, к несказанной печали неверныя своея жены, живет. Не знаю того, есть ли в других местах такие гнусные ворожеи; буде их нет, так весьма досадно, что у нас в городе столько просты и глупы, что их терпят. Во многих домах есть свои особливые угадчицы. Некоторые ежедневно на кофий гадают и при каждом случае для укрощения суеверного любо-

пытства ищут прибежища у такой ворожеи; а в некоторых домах бывает она еще и важнейшею тварию: приходит ли она в знатный дом, то скрывается с нею госпожа или кто иной в особую комнату, чтоб не подвергнуться опасности или посмеянию, буде хозяин человек разумный. И тако естественный человеческий разум сказывает каждой почитательнице ворожей, что она в сем случае весьма безрассудно делает, инако бы не для чего было опасаться и стыдиться, если бы предсказания ее были на истине основаны.

Ежели бы кофейницы не делали иного вреда, кроме выманивания лжами своими денег, так можно бы подумать, что свет хочет быть обманут, и так да будет он обманут; но она есть более сего сатана, более сего несчастию заводчица в человеческом роде, нежели как думают. Сия проклятая тварь причиною, что невинные люди приходят в подозрение; она восставляет недоверие, ссоры и несогласия. В доказательство сего намерен я только привесть два примера. Некоторый муж, коего я далее описывать не хочу, был к жене своей ревнив. Он пошел к кофейнице и приказал отгадывать о честности своей жены. Кофейница уверила его, что жена ему неверна. С того времени муж сей как бешеный с женою своею поступает. Бедная жена что б ни делала, как бы она невинность свою ни доказывала, ничто ей не помогает. Она есть и пребудет в глазах его бракопреступницею, для того что кофейница так ему отвечала. В другом доме нечто было украдено; спрашивали у нее и по ответам ее заключили, что похититель есть тот человек, который в том доме имеет знакомство. С того времени почитают его вором, повсюду его таким злословят и в дом к себе не пускают; однако я знаю по особливым известиям, что совсем иной человек сие преступление учинил.

Тщетно бы было чрез основание здравого ума тех, кои верят кофегадательницам, приводить к разуму человеческому: ибо они свой собственный потеряли. Однако надлежит таким людям помыслить, что христианину весьма неприлично производить такие чародейства. Они в просвещенных обществах никогда не терпелись; и ежели бы во времена Саула, когда он еще был в здравом уме, были такие ворожеи, то с ними равная же бы судьба воспоследовала, как и с чародейницею во Ендоре.

Ежели вы сие описание напечатаете, то, может быть, сим откроете глаза некоторым господам и госпожам, так что они сами прежним своим заблуждениям дивиться станут. Впрочем, довольны бы мы были, когда бы сим откровением поправились они и оставили бы такое сумасбродное кофегадание.

XX

ОТРЫВОК ПУТЕШЕСТВИЯ В *** И*** Т***

Глава XIV

. . . .

. . . . . По выезде моем из сего города я останавливался во всяком почти селе и деревне: ибо все они равно любопытство мое к себе привлекали, но в три дни сего путешествия ничего не нашел я похвалы достойного. *Бедность* и *рабство* повсюду встречалися со мною в образе крестьян. Непаханые поля, худой урожай хлеба возвещали мне, какое помещики тех мест о земледелии прилагали рачение. Маленькие покрытые соломою хижины из тонкого заборника, дворы, огороженные плетнями, небольшие *одоньи* хлеба, весьма малое число лошадей и рогатого скота подтверждали, сколь велики недостатки тех бедных тварей, которые богатство и величество целого государства составлять должны.

Не пропускал я ни одного селения, чтоб не расспрашивать о причинах бедности крестьянской. И слушая их ответы, к великому огорчению всегда находил, что помещики их сами тому были виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содроганием чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня, ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!

Деревня *Разоренная* поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою. Какая несчастная жертва, жестокости пламени посвященная нерадивостию их господина! Избы, или, лучше сказать, бедные развалившиеся хижины, представляют взору путешественника оставленное человеками селение. Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека. День тогда был жаркий; я ехал в открытой коляске; пыль и жар столько обеспокоивали меня дорогою, что я спешил войти в одну из сих развалившихся хижин, дабы несколько успокоиться. Извозчик мой остановился у ворот одного бедного дворишка, сказывая, что это был лучший во всей деревне; и что хозяин оного зажиточнее был всех прочих, потому что имел он корову. Мы стучались у ворот очень долго; но нам их не отпирали. Собака, на дворе привязанная, тихим и осиплым лаянием, казалось, давала знать, что ей оберегать было нечего.

Извозчик вышел из терпения, перелез через ворота и отпер их. Коляска моя ввезена была на грязный двор, намощенный соломою; ежели оною намостить можно грязное и болотное место; а я вошел в избу растворенными настежь дверями. Заразительный дух от всякия нечистоты, чрезвычайный жар и жужжание бесчисленного множества мух оттуду меня выгоняли; а вопль трех оставленных младенцев удерживал в оной. Я спешил подать помощь сим несчастным тварям. Пришед к лукошкам, прицепленным веревками к шестам, в которых лежали без всякого призрения оставленные младенцы, увидел я, что у одного упал сосок с молоком; я его поправил, и он успокоился. Другого нашел обернувшегося лицом к подушонке из самыя толстыя холстины, набитыя соломою; я тотчас его оборотил и увидел, что без скорыя помощи лишился бы он жизни: ибо он не только что посинел, но и, почернев, был уже в руках смерти; скоро и этот успокоился. Подошед к третьему, увидел, что он был распеленан: множество мух покрывали лицо сего робенка; солома, на которой он лежал, также его колола, и он произносил пронзающий крик. Я оказал и этому услугу, согнал всех мух, спеленал его другими, хотя нечистыми, но, однакож, сухими пеленками, которые в избе тогда развешаны были; поправил солому, которую он, барахтаясь, ногами взбил: замолчал и этот. Смотря на сих младенцев и входя в бедность состояния сих людей, вскричал я:

— Жестокосердый тиран, отъемлющий у крестьян насущный хлеб и последнее спокойство! посмотри, чего требуют сии младенцы! У одного связаны руки и ноги: приносит ли он о том жалобы? — Нет: он спокойно взирает на свои оковы. Чего же требует он? — Необходимо нужного только пропитания. Другой произносил вопль о том, чтобы только не отнимали у него жизнь. Третий вопиял к человечеству, чтобы его не мучили. Кричите, бедные твари, — сказал я, проливая слезы, — произносите жалобы свои! наслаждайтесь последним сим удовольствием во младенчестве: когда возмужаете, тогда и сего утешения лишитесь. О солнце, лучами щедрот своих *** озаряющее: призри на сих несчастных!

Оказав услугу человечеству, я спешил подать помощь себе: тяжкий запах в избе столь для меня был вреден, что я насилу мог выйти из оныя. Пришед ко своей коляске, упал я без чувства в оную. Приключившийся мне обморок был непродолжителен; я опомнился, спрашивал холодной воды: извозчик мой ее принес из колодезя; но я не мог пить ее по причине худого запаха. Я требовал чистой; но в ответ услышал, что во всей деревне лучше этой воды нет и что все крестьяне довольствуются сею пакостною водою.

— Помещики, — сказал я, — вы никакого не имеете попечения о сохранении здоровья своих кормильцев!

Я спрашивал, где хозяева того дома: извозчик ответствовал, что все крестьяне и крестьянки в поле; прибавя к тому, что когда был я в избе, то выходил он в то время в задние ворота посмотреть, не найдет ли там кого-нибудь из крестьян; что нашел он там одного спрятавшегося мальчика, который ему сказал, что, увидев издалека пыль от моей коляски, подумали они, что это едет их барин, и для того от страха разбежались.

— Они скоро придут, — сказал извозчик: — я их уверил, что мы проезжие, что ты боярин добрый, что ты не дерешься и что ты пожалуешь им на лапти.

Вскоре после того пришли два мальчика и две девочки от пяти до семи лет. Они все были босиками, с раскрытыми грудями и в одних рубашках; и столь были дики и застращены именем барина, что боялись подойти к моей коляске. Извозчик их подвел, приговаривая:

— Не бойтесь, он вас не убьет; он боярин добрый: он пожалует вам на лапти.

Робятишки, подведены будучи близко к моей коляске, вдруг все побежали назад, крича:

— Ай! ай! ай! берите все, что есть, только не бейте нас!

Извозчик, схватя одного из них, спрашивал, чего они испужались. Мальчишка, трясучись от страха, говорил:

— Да! чего испужались.. ты нас обманул.. на этом барине красный кафтан... это никак наш барин... он нас засечет.

Вот плоды жестокости и страха: о вы, худые и жестокосердые господа! вы дожили до того несчастия, что подобные вам человеки боятся вас, как диких зверей!

— Не бойся, друг мой, — сказал я испуженному красным кафтаном мальчику: — я не ваш барин: подойди ко мне, я тебе дам денег.

Мальчик оставил страх, подошел ко мне, взял деньги, поклонился в ноги и, оборотясь, кричал другим:

— Ступайте сюда, робята! Это не наш барин; этот барин добрый: он дает деньги и не дерется!

Робятишки тотчас все ко мне прибежали: я дал каждому по нескольку денег и по пирожку, которые со мною были. Они все кричали:

— У меня деньги! у меня пирог!

Между тем солнце, совершив свое течение, погружалося в бездну вод, дневной жар переменялся в прохладность, птицы согласным своим пением начали воспевать приятность ночи, и сама природа призывала всех от трудов к покою. Между тем богачи, любимцы Плутовы, препроводя весь день в веселии и пированиях, к новым приготовлялися увеселениям. Люди праздные,

скучающие драгоценностию времени, потеряв сей день бесполезно, возвращались на ложе свое спокойными и радовались, что один день убавился из их века. Худой судья и негодный подьячий веселились, что в минувший день сделали прибыток своему карману и пролили новые источники невинных слез. Волокиты и щеголихи, препроводя весь день в нарядах, скакали на берег [1] для свиданья. Ревнивые супруги и любовники затворялись во своих покоях и проклинали вольное обхождение. Устарелые щеголихи воспаляли великое число восковых свеч и, устроя лицо свое различными хитростьми, торжествовали восхождение престарелыя луны, своея благотворительницы, которая бледным своим светом оживляла увядшие их прелести. Игроки собирались ко всеночному бдению за карточными столами и там, теряя честь, совесть и любовь ко ближнему, приготовлялись обманывать и разорять богатых простячков всякими непозволенными способами. Другие игроки везли с собою в кармане труды и пот своих крестьян целого года и готовились поставить на карту. Купец веселился, считая прибыток того дня, полученный им на совесть, и радовался, что на дешевый товар много получил барыша. Врач благодарил бога, что в этот день много было больных, и радовался, что отправленный им на тот свет покойник был весьма молчаливый человек. Стряпчий доволен был, что в минувший день умел разорить зажиточного человека и придумать новые плутовства для разорения других по законам. А крестьяне, мои хозяева, возвращалися с поля в пыли, в поте, измучены и радовалися, что для прихотей одного человека все они в прошедший день много сработали.

Вошед на двор и увидев меня в коляске, все они поклонились в землю, а старший из них говорил:

— Не прогневайся, господин добрый, что нас никого не прилучилося дома. Мы все, родимый, были в поле: царь небесный дал нам вёдро, и мы торопимся убрать жниво, покуда дожжи не захватили. По сёсь день господень все-таки у нас, родимый, погода стоит добрая, и мы почти со всем господским хлебом управились; авось-таки милосливый спас подержит над нами свою руку и даст нам еще хорошую погоду, так мы и со своим хлебишком управимся! У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то-де, *изволит баять*, вы и после уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадает. Дай ему бог здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы; а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю!

---

[1] Надобно думать, что это путешествие писано в то время, когда прогуливание по берегу было в моде.

— Подите, друзья мои, — сказал я им, — отдыхайте: взавтра воскресенье, и вы, конечно, на работу не пойдете, так мы поговорим побольше.

— И! родимый! — сказал крестьянин, — как не работать в воскресенье! Помолясь богу, нештоже делать нам, как не за работу приниматься; кабы да по всем праздникам нашему брату гулять, так некогда бы и работать было! Вить мы, родимый, не господа, чтобы и нам гулять; полно того, что и они в праздничные дни попустому шатаются.

После чего крестьяне пошли, а я остался в коляске своей и, рассуждая о их состоянии, столь углубился в размышления, что не мог заснуть прежде двух часов пополуночи.

На другой день, поговоря с хозяином, [1] я отправился в путь свой, горя нетерпеливостию увидеть жителей *Благополучныя* деревни: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных.

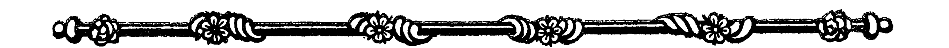
Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги.

Сие сатирическое сочинение под названием путешествия в *** получил я от г. И. Т. с прошением, чтобы оно помещено было в моих листах. Если бы это было в то время, когда умы наши и сердца заражены были французским народом, то не осмелился бы я читателя моего попотчевать с этого блюда; потому что оно приготовлено очень солоно и для нежных вкусов благородных невежд горьковато. Но ныне премудрость, седящая на престоле, истину покровительствует во всех деяниях. Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство.

[1] Я не включил в сей листок разговор путешественника со крестьянином по некоторым причинам: благоразумный читатель и сам их отгадать может. Впрочем, я уверяю моего читателя, что сей разговор, конечно, бы заслужил его любопытство и показал бы ясно, что путешественник имел справедливые причины обвинять помещика Разоренныя деревни и подобных ему.

КОНЕЦ II ЧАСТИ

ОГЛАВЛЕНИЕ II ЧАСТИ



ПОСЛОВИЦЫ РОССИЙСКИЕ

ЗИМЕ И ЛЕТУ ПЕРЕМЕНЫ НЕТУ

Где есть земля, там были, есть или будут люди; а где люди, тут, конечно, и любовь есть, сей приятный и непостоянный младенец беспрестанно гоняется за человеческим родом, он пробегает города, летает по домам, по садам, по театрам и в самые освященные места, будто тонкий пар, проникает; везде кидает стрелы, везде творит победы; но не останавливаяся в городах, посещает монастыри, пустыни, леса, забегает на паствы и отдыхает между поселян. Он подобен пчеле, посещающей благоуханные цветы и собирающей их соки для приятной себе пищи; он так же нечувствительно прикасается к сердцам, как она ко цветам; но последние от жала ее не увядают, а первые от стрел лукавого божка, чувствуя неизреченную сладость, тают и наконец совсем увядают. Есть сердца, кои долго сопротивляются сему приятному злодею, но сие супротивление несравненно жесточае наказывается после противу тех, кои без баталии уступают место сражения; есть также счастливые сердца, которые во всю жизнь свою чувствуют ту же сладость, которую первое прикосновение резвого младенца производит, но сии так редки и так неизвестны, что мы их только в романах читаем.

Пролетая Ерот небольшое селение, лежащее на брегу моря, остановился, увидя прелестную и молодую Лину, поющую со свирелью молодого Арканса. Арканс так же приятен и так же весел,

как его подружка, они резвятся, поют, играют, свобода и невинность устроивают их забавы, и любовь сердцам их неизвестна. Ерот взглянул на них, пролетел сквозь их очи, коснулся сердцам их, сердца загораются, Арканс на Лину кидает пламенные взоры, Лина краснеет, потупляет прелестные глаза, а Ерот отдыхает между ими. Арканс прерывает молчание и трепещущим голосом говорит:

— Лина, я люблю тебя, так ли и ты любишь меня?

Лина прерывающимся голосом отвечает:

— Мне приятно быть с тобою, Арканс, но не знаю, отчего сегодня робею говорить и глядеть на тебя.

— А мне беспрестанно, Лина, хочется на тебя глядеть; ты так хороша теперь, так мила, что если бы я смел поцеловать тебя...

Между тем Лину Арканс целует, Лина слабо сопротивляется, Ерот перелетает от уст к устам и делает пламенными их поцелуи.

— Ах, Лина! — сказал, вздохнув, Арканс, — я умру, ежели ты не будешь любить меня, — и еще поцеловал ее.

— Я сама не знаю, люблю ли тебя, но мне так сладки твои поцелуи, так приятны, как в жаркий день жаждущему приятен прохладный источник; но источник утоляет жажду, а твои поцелуи умножают мои желания, я бы хотела всегда быть подле тебя, я бы никогда не рассталася с тобою, но я боюсь, что завтра ты не так нежно любить меня будешь.

— Нет, Лина, любезная моя Лина, я чувствую, что любить тебя буду вечно, поцелуй меня еще, пусть этот поцелуй запечатлеет нежность в сердцах наших.

Лина целует его с пущею горячностию; Ерот восплескал и полетел; любовники повторяют свои нежности и произносят клятвы вечно любить друг друга, в веселье протекает день, они с досадою расстаются, сговариваются завтра увидеться в роще на берегу моря, — еще до восхода солнца они встречаются, приятность весны, пение пробуждающихся птичек, благоухание цветов, шум дерев и тихое летание зефира горячность их возобновляют, нежности множатся, но Лина не перестает думать, что Арканс ее когда-нибудь любить перестанет.

— Ты переменишься, Арканс, — сказала она с горестию, — и льзя ли не перемениться тебе, когда все переменяется: посмотри на тишину моря, оно так тихо, как любовь наша, но зефир своим летанием его поколеблет, так равно и любовь твоя поколеблется.

— Посмотри, Лина, на восходящее солнце, — сказал Арканс, — оно вчерась сокрылось, но ныне с пущим сиянием возвращается к нам, так подобно и любовь моя к тебе если когда-нибудь потухнет, то с пущею силою загорится.

— Нет, Арканс, погляди на сей источник, он стремительно течет, струи его теряются в море, но они уже не возвратятся к своей вершине, так и любовь твоя ежели когда-нибудь

ослабеет, то ослабеет вечно; оглянись на сии прекрасные цветы, они прельщают глаза твои, но завтра увянут, и ты на них не взглянешь; послушай приятного пения соловья, он утешает тебя, но скоро замолкнет, и ты забудешь его песни.

— Но не забудь, моя любезная Лина, ту песенку, которую я для тебя спою.

Лина садится под тению древес, целует Арканса, а он в объятиях ее поет.

Как зиме и лету
Перемены нету,
Так моей любви
И огню в крови
Премены не будет.
Арканс нежной Лины вовек не забудет.

Лина слушает его с восхищением, умножает свои ласки, повторяет его песню, эхо им отвечает, зефир разносит их голоса, и во всей роще раздаются сии слова: *как зиме и лету перемены нету.*

— Веришь ли, Лина, — сказал Арканс, — что я не переменюся.

— Верю, — отвечала Лина, — эта песня так мне приятна, что я беспрестанно петь ее буду.

Она начертывает песню на деревьях, пишет на песке, возвращаясь в дом свой, поет ее своим подружкам, они беспрестанно твердят слова сии, и наконец песня сделалась общею песнею всего селения. Лина время от времени умножает свою любовь к Аркансу, Арканс час от часу больше пленяется Линой, пролетают дни, протекают годы в любовных восхищениях. Арканс начинает чувствовать пустоту и скуку, он уже не так часто поет любимую Линину песню, находит случай, вымышляет нужду ехать в город; Лина тоскует, плачет, Арканс ее обнимает и обещает чрез несколько дней возвратиться к ней, он вырывается из ее объятий и уходит. Лина его кличет, но он не возвращается, она рыдает, слова останавливаются во устах ее, но первые движения горести миновались. Лина вымышляет, как бы сократить время разлуки, она вседневно ходит в свою любезную рощу, которая ей кажется наполнена их нежностями, призывает подружек, поет с ними Аркансову песню, ждет его, но он из городу не возвращается: прошел уже месяц, Арканса нет, Лина воздыхает и плачет, а между тем время проходит; красота Лины увядает, бледность покрыла лицо ее, глаза потеряли свое сияние, веселый нрав исчез, она уже не поет Аркансову песню, но томным голосом повторяет:

Как зиме и лету
Перемены нету,

Так моей разлуке
И жестокой муке
Перемены нету.

Подружки, желая угодить ей, вытверживают и сию песню и вместе с Линою плачут. Наконец Арканс возвращается к Лине, но горячая любовь его охладела, увядшие прелести Лины потушают и последние искры в его сердце; она примечает его холодность, напоминает ему его клятвы.

— Прочти, неверный, — сказала она, — начертанные слова на деревьях твоей песни: *зиме и лету перемены нету*, а ты меня более не любишь.

— Так, Лина, — сказал Арканс, — лето не пременяется, оно те же приятности имеет и теперь, как и прежде, но посмотрись в сей ручей, остались ли в тебе те приятности, которые меня пленяли, тогда была твоя весна и ты была прелестна, наступило твое лето, прелести твои умножились, и моя любовь столь была горяча, как летний знойный день, но осень твоя наступила, хлад ее разлился в мое сердце, оно охолодело, и я тебя оставляю. Ежели ты можешь возвратить красоты свои, если прежняя нежность и веселости оживят тебя и сделаешься ты подобна прекрасному лету, мое сердце опять загорится, и опять я стану петь твою любимую песню, а теперь прости, Лина, я более тебя не увижу.

Он с холодностию ее оставляет, смертная бледность Лину покрывает, она умирает и, испуская дух, слабым голосом успела сказать: «*Зиме и лету перемены нету*». Подружки ее по ней рыдают и рассказывают сельским жителям смерть Лины и последние ее слова. Сии слова твердятся в устах поселян, от них переходят в малые города, из малых в большие и, наконец, сделались общею пословицею, каждый, относя к своим обстоятельствам кстати, говорит: «*Зиме и лету перемены нету*»; вот источник, откуда сия пословица проистекла; сие должно быть вероятно, всегда женщины умели горячо любить, всегда мужчины были льстивы и переменчивы, всегда увядала красота лиц, и всегда за то любовницы теряли своих любовников.

МАЛОГО ПОЖАЛЕЕШЬ, ДА БОЛЬШЕЕ ПОТЕРЯЕШЬ

Какое бы основание имела сия пословица, то неизвестно, ее можно ко многому относить, но настоящей причины ее сыскать я не мог, например: ежели при начале болезни больной пожалеет денег призвать врача или заплатить за лекарства, болезнь умножится, и тогда или в аптеку больше заплатишь, или совсем

здоровье утратишь, таковому можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Пожалея родители для воспитания и учения детей своих денег вырастят их невеждами; невежество приведет их в праздность, а праздность, будучи источником всех пороков, развратит их нравы и сердца, таковым родителям можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Молодой человек, пожалея для чтения и размышления употребить время, которое невидимо протекает в воображаемых веселостях, не приготовит себя к тем летам, в которые все прежние забавы обратятся в скуку, все удовольствия, восхищающие молодость, потеряют свою силу и сделаются тягостными. Старость приходит к нему прежде, нежели он ожидал ее, уныние и скука заступят место веселостей. Какое же услаждение найдет он сам в себе, разум, не приобыкший к размышлениям и не будучи очищен знаниями, будет заниматься одними безделками, но сии безделки питать его не будут; что же последует, скука и отчаяние сделают его несносным для себя и тягостным для других, таковому можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.*

Твердов, жалея потерять свою свободу, удаляется приятностей любви, он взирает на прелести Плениды, чувствует их цену, но бегает от свидания с нею; она ищет его, сердце ее готово излиять всю нежность любви в душу нечувствительного, но он боится сие приметить. Любовь зовет его в свои объятия, но он ей не внимает. Бедный Твердов! ты, жалея свободы, которая разливает хлад на все увеселения, видимые тобою, теряешь несравненное удовольствие, наисладчайшие чувствия, коими природа нас наградила: любовь! небесный дар! в твоих недрах забываю я все горести и напасти, свойственные человекам, твои приятности питают и возвышают мою душу.

Мне кажется, что я на небо восхищен,
Когда в объятиях Елизиных бываю,
Мой разум нежностьми толико обольщен,
Что я себя тогда бессмертным почитаю.

Но Твердов не так думает; он жалеет свободы, и ему смело можно сказать: *малого пожалеешь, да большее потеряешь.* Свобода малый дар в сравнении всех приятностей, которые любовь в себе имеет.

Нежалов страшится быть чувствителен, он жалеет потерять свою твердость и для того удаляет от себя все то, что может растрогать его душу; ему встречается бедность, требующая со слезами его помощи, но он затворяет глаза, чтобы не видать слез несчастного. Удрученный бедствиями ищет его покровительства, он может

удовлетворить ему, но должно выслушать страждущего. Нежалов, боясь потерять твердость, заграждает слух свой и отгоняет злосчастного. Самый друг его, носящий в сердце своем горесть, снедающую его, желает ее излиять в его душу, чтобы облегчить свою, но не имеет свободы говорить с ним, Нежалов только тогда друг ему, когда он спокоен. О несчастный и бедный Нежалов! ты почитаешь счастием то, что за совершенное несчастие почитать должно; ты, сохраняя твердость, лишаешь себя божественного удовольствия. Может ли драгоценнее и приятнее быть той минуты, которою напитаешь бедного с его семейством, когда исторгнешь из пропасти зол отягченного несчастиями и когда, внимая гласу дружбы, разделяешь горесть друга твоего, чувствуешь ее и проливаешь слезы в его сердце, тогда-то только становимся мы выше себя и приближаемся к самому богу: жалость и милосердие, конечно, делают нас выше человека. О! божественная чувствительность, пребывай в моем сердце и обладай им, слезы, исторгающиеся несчастиями моего ближнего, вы мне сладостны, когда я вами уменьшаю хоть малую часть его злополучия.

Кто нежны чувствия имеет от природы,
Тот нужен для других и счастлив для себя;
Сии, чувствительность, имеешь ты выгоды,
И выше всех даров считаю я тебя,
Ты разумом моим и сердцем ты владеешь,
И руководствует везде мне власть твоя,
Но если у меня ты в сердце ослабеешь,
Прервется пусть с тобой тогда и жизнь моя.

Нежалов, знай, что вся твердость и вся стоическая философия не стоит одной капли слез, пролитой от чувствительного сердца, весь свет согласится со мною вместе сказать тебе: *малого пожалеешь да большее потеряешь*. Ты теряешь самое большее добро, сохраняя почти ничто, и сия пословица, конечно, родилась от нечувствительности.

ЗАМОК ДЛЯ ДУРАКА, А ПЕЧАТЬ ДЛЯ УМНОГО

Было время, когда пословицы были в моде, и те, кои изобретали оные, были почитаемы за острых людей. Прослыть острецами лестно казалося для молодых людей, и для того каждый из них старался выдумать пословицу, которая бы основанием своим имела неложные причины и за которые почли бы его острым человеком. Многие из молодых людей имели успех в их выдумках,

и выдуманные их пословицы вошли во употребление. Тогдашнего века по домам, по торжищам и во всех собраниях слышны были только одни пословицы, и вечно бы не прекратилося желание выдумывать их вновь, если бы один из почтенных старцев не изобрел средства уничтожить их хитрым своим вымыслом: предвидел он зло, которое могло бы непременно последовать от чрезмерного желания молодых людей за острые выдумки заслужить имя умного человека; уже не стали щадить они для сего ни родства, ни приязни и самой дружбы, одна старость лет была еще у них уважаема, и сим воспользуяся, почтенный старец употребил следующее средство.

По тогдашнему обычаю сбиралися молодые люди на площади, сделанной среди города, из чего составлялося у них гульбище, подобное нынешним, какое мы имеем в садах и публичных собраниях: почтенный старец, о коем упомянуто мною, удостоил сие собрание его присутствием, и едва видим он сделался толпою народа, как на всех лицах изобразилося удивление, последовала тишина, и с подобострастием каждый стал ожидать известия о причине старцева к ним прихода; слабыми стопами достигнувши старец до среди собрания и, покрытый сединою, привлек всех к себе внимание.

— Не разрушить собрание ваше, но учинить совет пришел я, — рек с важным видом почтенный старец, — в чем ныне упражняетеся, юноши, и что поставляете себе за честь, то было и в нашем веке в употреблении; выдуманные вами острые пословицы не есть новое изобретение, были они и в наше время, но были безвредны, были от случаев, а некоторые из них были сделаны для нравоучения и заключали в себе таинства; таковые пословицы были полезны, родство не оскорблялося, приязнь не нарушалася, и дружба почиталася священною; а ныне, слышу я, для острой пословицы забывается все сказанное мною, и скоро уже старость лет ни во что вменяться будет. О юноши! почтите сединою покрытую голову, приимите мой совет, оставьте ваше умствование и последуйте вашим предкам, кои говаривали: *что замок для дурака, а печать для умного*. Сия пословица заключает в себе таинственное нравоучение; дайте мне слово, что пока не отгадаете ее настоящего смысла, то вновь пословиц изобретать не станете, а кто с верными доказательствами ее вам растолкует, того почтите вы за мудреца и во всем советам его последовать будете.

По окончании старцевой речи прервалося молчание, тронутое самолюбие юношей заставило каждого стараться разрешить задачу с верными доказательствами: дав слово, что ежели оные опровергнутся и докажется им, что они неправы, то последовать тому, что от него повелено будет. Старец, доволен будучи их ответом, дал время им на размышление неделю и удалился из собра-

*

ния; а юноши положили между собою в сию неделю не видаться, сидеть по домам, и не сообщая друг другу о догадках на заданную задачу от старца, а почесть того за мудреца, который решит ее верно.

Присутствие в доме каждого из молодых людей заставило некоторые часы разделять их с сродниками; а между тем желание решить верно задачу принудило со вниманием слушать разговоры старших, дабы почерпнуть из них причину, заставившую сделать по тогдашнему веку сию пословицу. Сие самое заставило почувствовать незрелость их разума, потому что когда они слушали со вниманием старших, то находили совсем противные рассуждения о свойствах разума человеческого тем, кои они имели и кои им казались быть верными. Сие несходство мыслей понудило их к размышлению, и сообразуя дела предков их с своими без пристрастия к себе, каждый почувствовал, что они были их основательнее и умнее. Срок, назначенный старцем к решению задачи, приближился; юноши, боясь не сделать ошибки, не осмелилися приступить к решению оной, сбираются все на площадь, в молчании ожидают пришествия старцева, и се явился его почтенный вид; юноши его окружают с покорностию и подобострастием, признаются, что мудрая его задача ими не решена, просят, обнимая колена его, истолковать им оную и в знак благодарности клянутся исполнять все его приказания; тронутый старец покорностию и чистосердечным признанием юношей пролил радостные слезы, обнимая их, с восторгом возопиял:

— О возлюбленные мои дети! как вы меня восхищаете вашим чистосердечным признанием! признаюсь, что я не ожидал от вас такой покорности, и казалося мне, что нравы ваши совершенно уже развратилися; но видя, что осталася в вас искра добродетели и что избираете меня вашим путеводителем, с охотою открою вам причину, заставившую сделать пословицу, коя послужила вам от меня задачею и которая заставила вас признаться, что не есть вы совершенны, а требуете еще себе путеводителя.

По сих словах старец сел и, поставя юношей вокруг себя, начал речь свою следующим образом:

— Когда был я еще в ваших летах, тогда имел у себя родителя, человека разумного и почтенного от всех людей; молодость и роскошная жизнь моя отвлекали меня от частого пребывания с моим родителем; не умел я пользоваться его наставлениями: вдался я во все роскоши и нажил столько долгу, что, конечно, умер бы в тюрьме, ежели бы не захотел меня от оной освободить мой отец, он искупил меня от моих должников; но дабы наказать меня за мою ветреность, сослан я был в необитаемое место, где кроме храма, посвященного премудрости, никакого жилья не было. На сем-то храме была сия надпись: «*Замок для дурака,*

а печать для умного». Никогда бы, живучи в свете, не пришло мне на мысль отгадывать причину сей надписи; но во уединении и в печальных моих обстоятельствах находив отраду доискиваться того, что мне неизвестно, и положил неотменно найти причину, для чего сия надпись у храма поставлена. Не привыкший разум мой к верным заключениям попадал на многое, но всегда оставался я сам собою недоволен. По прошествии шести месяцев, по обыкновению моему, пошел я еще до восхождения солнца ко храму и, севши у подошвы оного, начал размышлять о надписи, но размышление мое прервалося зрением на восходящее солнце, которое во всем своем величестве из горизонта показываться стало. «О великий боже, — вскричал я с восторгом, — колико милость твоя велика к тварям и как премудрость твоя нам непостижима!» В сие время услышал голос из храма: *«Замок для дурака, а печать для умного»;* содрогнулся я от слышанного мною гласа, бросился ко храму, но видя, что он изнутри был заперт и что войти в него было невозможно, бросился я на колени и, рыдая, возопиял: «Господи, господи, настави мя на путь истинный и научи мя познать тайну сея надписи»; едва сие я вымолвил, как отворилися двери храма, и я увидел перед собою моего родителя, упал я к стопам его, просил прощения в моих преступлениях пред ним. «Встань, несчастный, — сказал он мне, — ты очищен терпением твоим от твоих пороков и достоин просветиться».

«Потом введен был я им во храм, посреди коего поставлен стол, и на нем лежала книга премудрости. «Здесь, — сказал мне родитель мой, — собиралися мудрецы в древности, в честь им создан сей храм, и ими сия книга писана». Я начал ее читать, но многого не разумел: однако видел, что были в ней написаны предания древних законов, размышления обо всех вещах, а в конце сей книги изображена женщина, имея в правой руке печать, а в левой замок. Просил я родителя моего, чтобы истолковал он мне, что сие значит, на что отвечал он мне, что женщина сия изображает премудрость, замок есть запрещение дуракам к достижению премудрости: а умные, чрез старание свое достигнув оныя, налагают на себя печать скромности. «Итак, сын мой, — сказал мне мой родитель, — ежели хочешь быть мудрым, то должен остаться ты в сем храме до тех пор, пока книга премудрости будет для тебя совсем понятна»; я охотно на сие согласился, и с помощию моего родителя и откровения свыше в год моего во храме пребывания разумел я книгу премудрости. Совершенно чрез нее научился я сделаться совершенно счастливым, и ежели вы, любезные дети, хотите последовать моим советам, отложите ваши умствования, приходите ко мне, я открою вам, что может человека сделать совершенно счастливым на целый век; и вы будете навсегда благополучны».

Юноши с благодарностию приняли старцево предложение, перестали оказывать разум свой в острых выдумках, прилепилися к познанию истинного блага; и на той площади, где получили от старца в первый раз себе наставление, воздвигли столп, на коем сия надпись была вырезана: *что замок для дурака, а печать для умного.*

БИТОМУ ПСУ ТОЛЬКО ПЛЕТЬ ПОКАЖИ

Сие изречение, может быть, более иносказательно, нежели как видится оно при первом взгляде. Человек, приобыкнувший не довольствоваться наружным письмен смыслом, легко усмотреть может, что битый пес изображает находящегося при вельможе преданного ему искателя, а плеть самого сего строптивого боярина. Едва наморщилось чело, пес уже трепещет; ибо знает он по опытам, что сие есть предзнаменованием великих для него несчастий. Восстает ли внезапу вопль во внутренних чертогах светлейшего господина, пес битый поджимает хвост, сей знак его трусости, покорства и ласки, бежит стремительно и прячется за дверью, дабы втайне внимать, на кого стремится молния и где грянут ужасные громы, куды потекут волны разъяренного сердца. И ежели к счастию приметит, что туча идет мимо его, оправляется, успокоевается и кажется забывшим бедное свое состояние. Но надолго ли? до тех пор, пока какая-нибудь безделица опять не растрогает вельможу; и ежели хотя малое что не понравится, то *битому псу только плеть покажи.*

БЛИЗ ЦАРЯ, БЛИЗ СМЕРТИ

В древней Самаркандии воспитание молодых и знатных людей поверяемо было старцам единоплеменным, упражнявшимся в какой-либо части учености и в отправлении дел государственных. Тогда думали, что гибкую молодость не надлежит вверять попечению иноплеменных, не знающих ни истинной пользы, к которой вести должно воспитанника, нижѐ природных склонностей его предков; превозносящих пред юношем слабости своего народа и неуважающих или, паче, неведущих добродетели нации воспитуемого. Не было там также в обыкновении и своим побродягам препоручать детей своих, а избирали к тому, как выше сказано, старцев почтенных, знанием и честностию украшенных и еще

таких, кои вели жизнь холостую; ибо был в Самаркандии род людей, творящих обет сохранять целомудрие до гроба. Сим-то человекам, чуждым всякия домашния заботы, достигшим непорочным житием здравыя старости, вверялось самаркандийское воспитание.

Насанзаду, повелитель трех провинций восточных, имел у себя единородного сына Салема, одаренного свыше быстрым понятием, твердою памятию и телесною красотою, что все по злоупотреблению его сделалось ему пагубным. Когда минуло ему семь лет, время, в которое органы человеческие начинают способными быть ко изъяснению впечатления нерв наших, впечатления, получаемыя ими от внутренния управляющия силы. В сие, говорю, время друг Насанзада представил ему знакомого старца, воспитавшего дщерь его, которая была при старости отцу своему утешением, пестуном и кормилицею, стала, наконец, и любезным товарищем по смерти его супруги.

Сему-то почтенному мужу отдан был на руки молодой Салем, который наставляем был во всех науках, нужных для благорожденного и к управлению многих назначаемого человека. В жилище учителю и ученику были отведены особливые покои. Вместо обоев на стенах изображены там были иносказательным образом науки, в коих упражнялся остроумный Салем. И сие для того, чтоб облегчить память и дать ежечасное упражнение мыслям.

Юноша был любочестив, и главное побуждение его к наукам была похвала отца его и многого числа людей, наполнявших дом их по причине отцовой знатности и доверенности, каковую имел он при дворе царском. Достопочтенный Седух, так назывался учитель, примечал к неудовольствию своему, что самолюбие в ученике его была первейшая причина достохвального прилежания его к научению, и того ради, желая возвысить мысль его к высочайшему и чистейшему началу, нежели какова сия естественная наша слабость, пошел в одно время с питомцем своим гулять в поле и, возводя его на возвышенные места, привлекал рассуждение его на созерцание природы, кою представлял он ему цепью, из бесчисленных звеньев слиянною, коея конец долженствовал быти, по его доказательствам, простых глаз удаленным так, что зреть его невозможно было. Откуды дал он ему проразуметь, что есть невидимое, но не меньше потому необходимое начало и вина самих начал, к коему должны прицеплены быть предметы желаний и предприятий наших, и потому не самолюбие, которое в любомудрце почтено быть должно слабостию, но неразрывное и твердое слияние с сею общею цепью, коея мы есьмы звенья, надлежит быть главнейшим побуждением деяний наших.

Но тщетны были старания благодетельствующего Седуха, не внимал Салем учению его, ибо оно не соответствовало честолюбию и гордости юношеской. Несмотря на все основательные

рассуждения Седуховы, стремился он изучить только то, что могло его в обществе сделать приятным, в беседе необходимым, а особливо любезным прекрасному полу, который и в древней Самаркандии имел таковые же склонности, какие имеем и у нас, и тамо нравилась одна только поверхность, а о внутренности мало помышляли.

Когда хвалили Салема, тогда почитал он себя счастливым.

Наконец скучили ушам его похвалы окружающих отца его, и он признавал их льстецами, их состояние чтил ниже своего и потому горел желанием прославиться и хвалимым быти повсюду. Где ж молодому человеку с Салемовыми дарованиями искать похвал искуснейших, как при дворе. Тамо и ласкательство не имеет в себе подлости, похвала тонее и, следовательно, приятнее.

Невзирая на отсоветывания Седуховы и несмотря на прискорбие родительское, при расстании с детьми чувствуемое, упорно желал молодой Салем отправиться ко двору для снискания венцов честолюбию своему. Сколько ни представлял ему Седух, что хотя и вышел он из младенческих лет и достиг уже отроческих и двадцатилетнего возраста, однако не искусился он еще противостоять напастям, что мореплаватель, прежде нежели пустится в открытое море, должен осмотреть, удобно ли судно его противиться могущей восстати буре, запастись всем тем, что нужно к мореплаванию, и познать сложение свое, перенесет ли оно жизнь беспокойную. Твердил он ему неоднократно, что на море и самая тишина предзнаменует иногда непогоду и что опасно в молодых летах поверяться самому себе. Старец не мог согласиться сопутешествовать юноше потому, что и в молодости своей едва сносить он мог шум светской жизни, а еще больше суетного придворного обхождения. И так, не видя успехов в словах своих, говорил Седух Салему тако:

— Вижу я, о юноша! что не внемлешь ты моим предложениям, затыкаешь уши твои от гласу родительского о тебе сожаления и что самолюбие твое торжествует над всем тем, что противу положить ему может отеческая к тебе любовь и мое о пользе твоей рачение. Вижу, что уже тебя ничто удержать не может в дому твоем. И так стремись к погибели твоей, спеши к твоей смерти и помни, что ты, а не я оной причиною будешь. Помни, что чем *ближе к царю*, тем *ближе* ты *к смерти*.

Хотя Салему неприятно показалось заключение Седухово и весьма его оскорбило, но не на долго; ибо скоро печаль его истребилась из памяти воображением будущих забав и веселия. Он приписывал изречения Седуховы мрачному нраву старцеву.

Расстался Салем наконец с отцом своим и с благодетельным наставником своим. Не можно описать оскорбления отеческого, не будучи отцом.

При захождении солнца отправился Салем в путь свой, ибо по причине зною не мог он днем путешествовать, а избрал к тому ночное время, яко удобнейшее по причине прохлады. Едва только рогатая луна показалася на оризонте и хотя чуждым, но довольным светом просияла, очутился Салем при рубеже провинции, управляемой отцом его. Наступающий день употребил он на покойный сон, а в следующую ночь достиг столицы самаркандской. Первое попечение Салемово было представиться при дворе. В то время там праздновали воспоминание обретения огня, обретение, приписываемое древними самаркандцами особливому откровению, ниспосланному людям свыше. Мудрецы их мыслили, что един только человек одарен властию и познанием употребления сего элемента; ибо известно, что прочие твари не знают пользоватися оным. На праздник сей съезжалось множество из окрестностей столичных, и весь город исполнен был народом. Едва только прекрасный Салем показался, все царедворцы превозносили его похвалами, уверяли его в дружбе и сожалели, что так долго мешкал он блеснуть своими дарованиями при дворе, который один только в состоянии чувствовать достоинства и воздавать им должное. Лишь только представился он государю и государыне, то получил знаки отменного их к себе благоволения и удостоился слышать приятные отзывы милости к отцу его и ласкательнейшие обнадеживания к самому себе. Государыне особливо благодарил он, понеже был молод, весел и остроумен. Придворные госпожи и девицы, подражая ей, осыпали ласками и похвалою неосторожного Салема. После обеда получил он повеление единожды навсегда быть при всех увеселениях царских.

Невозможно описать удовольствия Салемова о благоприятном явлении его при дворе. Почел он должностию своею споспешествовать всеми своими силами заключению о нем государскому и окружающих их царедворцев. В скором времени достигнул он особливой милости царской и восчувствовал на себе наиубедительнейшие знаки щедроты их. Сделался другом государю, любезным государыне и, повидимому, милым всему городу, не токмо что двору.

Но сколь непостоянно счастие человеческое! Сколь обманчиво благополучие: те же самые достоинства, та же самая красота, кои соделали Салема столь любезным, послужили к его злополучию. Дух ревности вселился в государя престарелого и начал воспалять его ненавистию к Салему. Пагубная красота его пленила младую царицу, коя, не могши противостоять любовной страсти, нижѐ скрывать огнь, снедающий сердце ее, оказала несомнительные признаки недозволенной любви к прекрасному Салему.

Надменный торжеством своим и неосторожный Салем, вместо того чтоб погасить при первом начале искру любовную или,

по крайней мере, скрывать оную, тщеславился он своею победою и думал, что любовь не может терпеть принуждения. Не раз прерывал царь нечаянным нахождением сладчайшие минуты восторгов его с супругою; но то из великодушия, то уверен и успокоен быв красноречием и притворством молодыя Инны, так называлась царица, прощал Салема, чая его иногда исправления, а иногда не почитая его подлинно своим совместником. Наконец исполнилась мера терпения и слепоты владетеля. Не смотря на слезы жены своей и на мнимую безвинность Салемову, повелел он в отмщение свое отрубить голову своему другу и любимцу супруги своей. Назначен был день торговой казни Салемовой. Все придворные приехали, и весь город стекся на плачевное сие позорище. Те, кои прежде находили изящные достоинства в Салеме, теперь почитают его извергом, неблагодарным другом, коварным рабом и нарушителем покоя. Едва только приведен был юноша на место казни и узрел ужасные приготовления, содрогнулся; живо в памяти его изобразилось изречение Седухово. Возопил он:

— Теперь узнаю, но поздо, что *близ царя, близ смерти.*

Едва свершил он слово, плаха уже готова, топор поднят, и се отрешается голова от тела. Слова сии столь твердо вкоренились в слышателях зревших, что вошли с тех пор в пословицу, и ежели хотят ныне изобразить опасность придворной жизни, то говорят: *близ царя, близ смерти.*

СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

Всякому трудно покажется найтить причину сей пословицы, седина и бес сношения между собою, повидимому, иметь не могут, еще меньше может бес в ребро залезть. Хотя и часто беси соблазняют людей, но сии соблазны, конечно, не в ребрах начинаются: родятся они в глазах, из глаз переходят в голову, овладеют разумом, а разум, овладея сердцем, покорит целого человека бесу: но и это разве в старину бывало; а ныне, благодаря просвещению, люди довольно хитры, чтобы не покориться бесу. И можно ли такой подлой твари порабощать себя? Есть народы еще нас просвещеннее, кои не только не подвергнутся искушению беса, но и самих бесов, хотя бы их целые легионы были, перехитрят, обманут; найдут и для самих их опасные пороки, соблазнят и сделают гораздо бесчестнее, но бессильнее старых времен бесов. Но как сия пословица пришла к нам из древности, когда еще люди были слабы и верили несколько бесам, угадчикам, ворожеям и колдунам, то поищем в старинных архивах, нет ли чего сходного с сею пословицею.

Раскроем один запыленный манускрипт, прочтем, что тут написано: тут сказывают, что была женщина, которую морщины и седые волосы довольно обезобразили, но искушением беса ей все казалось, будто она в 18 лет. Наряды, румяны и белилы занимали всю ее голову, она не думала о должностях своих относительных к мужу, к детям, к сродникам и к домоводству; ей беспрестанно мечталось, будто все молодые мужчины ею пленяются, вздыхают по ней и гоняются везде за нею; но вместо того все ее презирают и везде смеются ее безумию. Она жаждет любовника, но найти его не может, бесится, ревнует, злословит всех; зависть грызет ее сердце, она приходит в слабость, старость с помощию злости прекращают дни ее, она умирает: но где же пословица? тут ее не видно: посмотрим на другой странице.

Старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, искушением беса влюбляется в двадцатилетнего молодчика, который, увидя вместе седую старуху и прекрасную ее дочь, отдает последней свое сердце, а с первою делает денежный договор в продаже ей своей склонности. Торг кончился, старуха щедро платит за купленные ласки, истощает все старинные редкости для подарков, опустошает мешки казенные, и весь дом ее становится так пуст, как взятый штурмом город. Наконец молодчик сговаривается с дочерью, увозит ее, женится и показывается старухе уже не в виде любовника, но в виде зятя; сия измена старуху убивает: она ахнула, и проклятый бес принял последний вздох ее: но и тут пословицы не видно? поищем далее.

Поседелый старик, вступивший уже одною ногою во гроб, будучи искушаем бесом, начинает сбирать богатство, ограничивает свои расходы, налагает вечный пост на себя, на жену, на детей своих и на всех домашних; притесняет бедных, отнимает у них последние их земли, крестьян, имение и все, что ему ни попадется. Делается в короткое время сильным помещиком, богачом, ростовщиком, скрягою и ненавидим становится своим домашним. Все желают ему смерти, дети с нетерпением ожидают конца его: смерть приходит, уступает душу его бесу, а беззаконно скопленное имение достается детям, кои так же беззаконно расточают оное. — Пословицы, однако, не видно.

Имея седину в голове, женщина, я чаю искушением же беса, начинает думать, будто она в состоянии сочинять стихи и прозу, марает любовные сказочки, кропает идиллии, эклоги и другие мелкие сочинения, но успехов не видит, кладет вину на слабость

глаз своих, будто они препятствуют далее упражняться ей, но никогда, однако, не признается, что глаза слабы от старости. Она обвиняет свою чувствительность, которая часто извлекает у нее слезы, и чтение, которое в слабость зрение ее привело; но пройдем сие мимо, тут, конечно, пословицы не найдем.

Мужчина, у коего уже начала в бороду седина показываться, будучи подстрекаем бесом, сделал себе должность беспрестанно шутить, но шутки его успеха не имеют, он желает всех смешить, но никто не смеется, а ежели когда и смеются, то не тому, чтобы соль находили в шутках, а тому, что шутки не смешны, но изобретатель их силится и продолжает далее и далее; тут пословицы нашей, однако, не видно, пройдем.

Но что это! манускрипт сей писан в последнем столетии, в нем, конечно, не найду я, чего ищу, пойдем далее в древность, поищем там. А! да вот она в заглавии поставлена: *седина в бороду, а бес в ребро*. Перепишем скорей и предадим ее тиснению.

Старая и беззаконно проводившая дни свои женщина имела сына, которому хотя и за тридцать лет было, но он еще ничему не учился, ничего не делал и был неотступно подле своей матери. Она его ласкала, нежила, баловала и сделала наконец сущего тунеядца; беспрестанно уговаривала его жениться, но урод, заключая, что все на свете женщины так злобны и беспокойны, как злобна его мать, никогда не соглашался на женитьбу. Старуха, желая узнать судьбу своего единородного сына, приводила к себе в дом ворожей и угадчиков, но никто ничего доброго не предсказывал. Наконец прошла великая слава об одном состарившемся в сем ремесле угадчике: она бегает по всему городу, ищет, наконец находит, уговаривает его прийти к ней в дом, кланяется, сулит подарки, колдун снисходит на ее просьбу, приходит к ней, она показывает своего тунеядца и со слезами просит сказать, какой жребий назначен сему уроду. Колдун, оглядевши его кругом, наморщился и сказал: «*Седина в бороду, а бес в ребро*», — и, сказав сие, вышел. Старуха бросается за ним, обнимает его колена, требует, чтобы изъяснил ей, что слова его значат; угадчик на все ее прошения только и твердит: «*Седина в бороду, а бес в ребро*», а сам, между тем, уходит. Бедная мать с горестию возвращается к сыну и вместе с ним рассуждают, что бы значили сии слова; но сколько ни думали, а отгадать не могли. Старуха время от времени стала, однако, примечать, не показывается ли седина в бороде у сына, сын, также опасаяся беса, часто поглядывал на свою бороду. Седина показалась, сын, желая предупредить

гостя, который в ребро к нему залезет, взял намерение постричься в монахи; объявил сие своей любезной матушке; она плачет, рвется и уговаривает его лучше жениться, говоря, что добрая жена беса отгонит, но сын упрямится и идет искать монастырь, в котором бы он был безопасен от бесов. Бес, невидимо пребывающий беспрестанно в сем доме, проникает намерения сына и матери, берет на себя вид прекрасной и смиренной девицы и садится у ворот монастыря, чтобы подцепить дурака: жертва его к нему подходит и спрашивает, не знает ли она, какой это монастырь; бес с приятностию отвечает, что она не знает и что пришла тут за тем, чтобы испросить себе место в сем монастыре, ежели он женский.

— Как, — сказал он, — ты хочешь итти в монахини, будучи так молода и хороша?

Бес притворно плачет и сказывает, что сиротство и бедность ее к сему принуждают; между тем умильно на него взглядывает, хвалит его, уверяет, что он еще гораздо молод, чтобы принять такую строгую жизнь. Болван наш начинает ей верить, а бес, пользуяся его слабостию, делает ему всякие искушения и наконец доводит до того, что он забывает монастырь и дает слово на ней жениться. Он приводит свою любезную невесту к своей матери, рассказывает все, что с ним случилось; старуха радуется, обнимает свою нареченную невестку, или, лучше сказать, беса, который уже давно привык к ее объятиям; учреждается великолепная пирушка, свадьба оканчивается, а с нею и согласие между сына и матери прекращается. Бес, сделавшися женою, вовлек урода во все неистовства; он поссорился с своею матерью, выгнал ее из дому, расточил в короткое время все свое имение, сделался зол, мстителен, пьян и забиячлив. Бес, увидя, что все свои намерения привел к концу, сделал какой-то состав, которым если напишешь, то вечно написанное останется видно; сим составом спящему дураку на лбу написал: *седина в бороду, а бес в ребро;* написав, разбудил его и сказал:

— Помнишь ли ты угадчика, который сказал некогда тебе: седина в бороду, а бес в ребро?

— Помню, — сказал муж.

— Ну, теперь пророчество сие с тобой сбылось, как скоро седина в твоей бороде показалась, ты, остерегаяся от беса, хотел постричься, но бес тебя подстерег; ты увидел меня, влюбился и, наруша свой обет, женился на мне: знаешь ли ты, что жена взята из ребра мужа?

— Так, — сказал урод.

— Знай же, что я самый тот бес, которого колдун тебе предсказывал; я взял на себя образ прекрасной девицы, искусил тебя и развратил всю жизнь твою; беззаконная жизнь матери твоей и твоя праздность и глупость привлекли меня в дом ваш, я невидимо

был всегда с вами; но как должность моя требует, чтобы вредить всем тем, к кому я близок, то я, наделавши всех зол, вас покидаю.

По сих словах бес исчез. Молодец наш, будучи вне себя от ужаса, уходит из дома; бегает по всем улицам и с кем ни встретится, всякий, прочтя на лбу у него надпись: *седина в бороду, а бес в ребро*, спрашивает, что это значит; он каждому рассказывает: новость сия бегает из двора во двор и делается общею пословицею. Причина сия невероятна, но ежели другой сыскать не можно, то я прошу моих читателей и сей поверить.

СИДИ У МОРЯ, ЖДИ ПОГОДЫ

Предки наши имели обыкновение иносказательно и кратко сообщать свои мысли. Может быть, что причиною тому была любовь их к скромности, коею они хвалилися, а не многоречие, коим мы ныне хвастаемся, почитая в нас того красноречивейшим, кто, изгибая тело свое, может проговорить битый час, не сказав ни слова. Может быть, виною тому и то, что нравоучение свое прародители наши хотели сообщить тем только, кои желали и умели оным пользоваться и о коих они были уверены, что иносказание их истолковать могут. Ежели сие сходно с правдою, вероятно и то, что не было у древних намерения сделать из всех людей ученых, но некоторых, достойных к тому, избирали человеков. С людьми же, не хотящими познать учение их, видно, что они и не говаривали, дабы понапрасну не терять слов, а тем только сообщали мысли свои, кои показывали желание разуметь их, чего невозможно было достигнуть, не приобыкнув к образу предложения их мыслей. Пословица *сиди у моря, жди погоды* не только до одних мореплавателей касается, но и до всех людей. Ибо в старой рукописи найдено мною, что морем хотели старики наши означить житье наше, поколику великое есть подобие у оного с морем. Тихое море удобно восколебатися может ветрами, и спокойная жизнь наша легко помутиться может страстями. Свирепые волны укрощаются, как скоро утихнут ветры; подобным образом страсти, нас в житии нашем колеблющие, исчезнут, как скоро истребит их благоразумие.

По объявлению старинных историографов на Каспийском море был остров, называемый Сундар. Владел тамо один самодержавный князь: ибо в древние времена цари не так редки были, как ныне. Сей князь хотя и доброго был сердца, но не имел довольно душевной твердости, или постоянства, чтобы мог он пред-

принятое однажды привести к окончанию. И окружающие его, пользуясь сею слабостию, столь часто принуждали переменять его намерение, сколь повелевала им то собственная их корысть. Почтения достойные и хранящие государственные выгоды люди иные удаляться начинали от дел, иные, преклонясь на сторону личныя пользы, подражали прочим, коих число ежедневно таким образом умножалось; но молодой царедворец по имени Усерд, любя государя своего и радея о общественной пользе, не мог решиться ни оставить двор, нижѐ прилепиться к числу о себе только пекущихся, и вообразя некогда живо в уме своем пагубные следствия, от малодушия государского державе причинитися могущие, решился пред князем, вельможами управляемым, изобразить бедственное состояние княжества. Представил он ему хитрость, над невинностию торжествующую, лесть превозносящуюся, гонимую истину и угнетаемую добродетель. Усерд был красноречив, убедил бы, может быть, и другого своими словами, не только государя своего, который обещал ему в кабинете исполнить по его совету. Но только что сведали прочие придворные о сем переговоре, то со всех сторон оступили женоподобного владетеля и уверили его, что все то неправда, что представлял ему Усерд, коего называли они фанатиком и излишно осторожным человеком; что, может быть, и случилось где какое неправосудие, говорили они князю, но оно тотчас исправлено; были и столь дерзкие в царедворцах, что явно осмелились солгать государю, что все то ложь, о чем ему Усерд ни докладывал: кратко сказать, уверили государя в противном и доказали, что переменять предприятие свое государю есть не прилепляться упрямо к своим собственным заключениям и отдавать справедливость тем, кои, соблюдая пользу, доносят ему о том, что делать должно, и что Усерд есть человек самолюбивый, почитающий то истиною, что таковою ему только кажется, и желающий из презрения к другим преклонять государя на свои мысли; что такого вредного члена надлежит отсечь от тела.

Слабый владетель готов уже был согласиться произвесть в дело предложение льстецов своих. И некоторые из них, приметя в нем сию наклонность, не теряя времени, присоветовали ему удалить от двора своего Усерда. Другие подкрепили голоса голосами, и ссылка верному Усерду уже готова. Князь повелел снарядить мореходное судно, дабы отвезть усердного служителя своего на отдаленный остров Каспийского моря, куды от давних времен ссылались враги государей и государства. Едва вылетело из уст владельческих пагубное сие определение, тотчас спешили исполнить его враги Усердовы. — Оставивший Усерд государя своего в добрых расположениях от слов своих веселился мыслию, что удалось ему отвлечь князя от слабости его; но вдруг получает он от престола повеление, объявляющее ему, что должен он,

нимало не медля, по получении сего веления следовать вручителю оного всюду, куды он его ни повезет; что открытое преступление его столь велико, что он не может видеть более княжеского высочества и что жизнь свою тем он только продлить может, если беспрекословно и немедленно повинется сему указу; ибо такова есть воля государская. Вот вся причина ссылки Усердовой. Громовой удар не так бы сильно поразил слух всякого, как сия ведомость добросердечного царедворца. Окаменел Усерд, прочитавши указ княжеский. Удивление, потом гнев, ярость овладели его чувствами. Но наконец сожаление пришло ему в сердце. Пролил он слезы о заблуждающем своем князе, хотел помедлить своим отъездом, надеясь, что опомнится он и пременит свое о нем определение; но в одном сем только и пребыл владетель непременен.— Человек животолюбив; боялся Усерд долго медлить в противной ему стороне, дабы не навлечь на себя исполнения и второго содержания княжеского указа. И так поплыл он в заточение. Погода была мореплаванию способна, ветр споспешествовал прибыть судну его на другой день в определенное место, где и заключили Усерда под крепкую стражу. Несколько лет провел он в ссылке. Ежели верить преданию, то сказывают, что он приятнее проводил время свое в темнице, нежели при дворе. Сие тем вероятно, что Усерд был человек твердый и добродетельный. Ссылка его навела такой страх на благонамеренных людей, что никто не осмеливался и ныне не смеет более говорить при дворе правду. Неприятели истины и Усерда постарались лишить заточенного вельможу последних способов к приятному провождению времени. Запретили подтвердительным указом, насланным из верховного совета к начальнику стражи, давать книги, бумагу, перо и чернилы и чрез то перерезать ему удобность когда-либо напомнить о себе государю. Много оставалось Усерду лишнего времени от слез и мучения, он, будучи тихого нрава, приобрел любовь и доверенность страженачальника, который хотя и не великий был грамотей, однакоже имел у себя письменные книжицы, из коих в одной содержались правилы, что никогда ни в чем не должно отчаяватися, что отчаяние означает малодушного человека, и прочие рассуждения. Оканчивалась же сия книжица сими словами: *сиди у моря, жди погоды.*

Сколь ни мало чаял Усерд своего возвращения, но сие заключение, а притом и надежда, никогда нас, да и в самой смерти, не оставляющая, ободряли добродетельного и за пользу к отечеству претерпевающего заточение. И подлинно сбылись слова сии; ибо богатому жаль корабля, убогому кошелька. С отсутствием сего любимца истины исчезли, так сказать, и последние доброхоты государские и государства. От чего вскоре княжество сундарское приближилось к падению. И скоро бы пропало, если бы нечаянное нашествие иноплеменников не понудило князя сундар-

ского искать между ласкателями своими такого, который бы искусным противуборствием отразил противные силы. Летописцы утверждают единогласно, что тщетно было искание такового мужа в числе мнимых друзей княжеских. От чего доходил он до отчаяния и дошел бы конечно, если б не вспомнил при настоящей опасности своей о Усерде. Едва коснулось памяти его достопочтенное сие имя, тотчас посылает он за Усердом, не для того, что признал он его невинным и желал загладить свой пред ним проступок, но для того, что думал, что способен он отвратить надлежащую опасность: ибо слыл Усерд на войне храбрым и искусным полководцем. По дозволению, данному Усерду начальником его, прохаживаться по берегу морскому ходил он кругом темницы своей в глубоком размышлении о часто прочитываемой книжице, а особливо о заключительных оныя словах: *сиди у моря, жди погоды.* Но изнуренный терпением, начал было уже Усерд сомневаться о истине сего изречения, как вдруг пристало судно, и вступившие на берег спрашивают у самого его о Усерде, жив ли и здоров ли он; сказывают, что имеют они от князя повеление возвратить его ко двору как возможно скорее, что и исполнят, как только объявят указ о том страженачальнику. Невозможно описать радости всех, услышавших об освобождении Усерда. Все спешат свидетельствовать ему оную принесением ему всего нужного на путевое содержание. По прошествии несколька часов готов уже был Усерд к отъезду и отправился в путь свой, уверив всех, что не преминет он стараться возблагодарить за любовь к себе испрошением княжеской милости всем тем, кто брал участие в его печали. Наконец упросил он быть уверенным всем в истине слов: *сиди у моря, жди погоды,* и всякий, желая угодить Усерду, обещал ему исполнить его просьбу и говорить и памятовать непрестанно: *сиди у моря, жди погоды.* Отчего так известны и общи стали слова сии, что вошли в пословицу. И ныне, когда хотят безнадежному подать надежду, то говорят: *сиди у моря, жди погоды.*

ВПЕРЕД НЕ ЗАБЕГАЙ, НАЗАДИ НЕ ОТСТАВАЙ

Онсам, получа от любезной своей Пиериды неизвестную вещь, положенную в коробочке и спутанную крепким снурком, вскакивает с жаром, хватает обеими руками гостинец, бежит к уборному столику, ищет кошелька; потом опрометью кидается в свое бюро; но нигде его не находит. Хотя деньги в обоих сих местах на него глядели, но он в восторге своем столь же был слеп, как и они. Он топает ногою в пол, слуга, как сумасшедший, кидается в ту сторону,

куда он сам поворачивает глаза. Он доволен, он в восторге, он сердит, Онсам слеп, но мгновенно ум начинает действовать, он сдвигает с руки алмазное колечко, любовный вестник награжден, дается и улетает, а тем оканчивается первое действие, но завес еще не опущен.

Ба! что это руки мои дрожат; о проклятый узелок! дорого ты мне заплатишь за то, что препятствуешь взирать на те прелести, которые ты хранить приставлен. Узелок! нет, это уже много. Я с тобою поступлю так, как Александр с большим узлом. Я тебя разрежу, перережу, постой, скороход! слышишь ли, ножницы, дайте ножницы, я вам говорю. — Но их не найдут. О мучение! это очень похоже на яд! Э! постой, егерь, вынь свой кортик, режь снурок, ну, проворнее. А, а, снурок, я тебя одолел. Ах! Пиерида, ты шутишь надо мною, ты всегда находишь радость томить меня! — О небо! еще узлы, раз, два и еще; все их перережь. Егерь трудится с жаром, коробочка оборачивается в руках господина и слуги необыкновенным образом, упадает на пол, и в ней что-то треснуло, звук сей повторился на щеке егеря. И кончилось второе действие.

Но что ж в коробочке? вы у меня спрашиваете. Ах! не гневайтесь, дайте время, и когда вы уже видели ее наружность, то не отчаявайтесь получить понятие о внутренности, только не торопитеся, нигде спешить не должно, вам я говорю как учитель, а сам часто бываю хуже ученика и часто впадаю в такое ж замешательство, в каком теперь Онсам, это говорить свойственно человекам, и я не спорю, что человекам свойственно, но неприлично человеку. Постойте: нравоучение, размышление, умоположение, все это здесь некстати. Скажу, что он сам, вынув из коробочки другую золотую коробочку, увидел на ней вместо чаянного им портрета красавицы свой собственный. Да еще и очень в смешном положении: на голове образа его сделана была ветряная мельница, коя при малом движении вертелась взад и вперед; в руку дан ему марот, на конце его торчала голова мартышки с плачущими глазами, с смеющимся ртом, из которого по временам выскакивал язык и дразнил зрителя; а что еще удивительнее, то на языке этом меленько подписана наша пословица: *вперед не забегай, назади не отставай;* а сверху обезьяны вырезано было крупными буквами *Онсам.* — Будьте жалостливы к сему бедняжке, я не заставляю плакать, но хотя не смейтесь, или буде смеетесь, так, прошу, перестаньте и одумайтесь, невкусная моя шутка ни того, ни другого не заслужила; а будет время, что вы прослезитесь; только не теперь, я в том не отчаяваюсь, зная, что вы имеете нежные сердца, не стыдитесь плакать, глядя на несчастных, зная, что вы поистине друзья человеков и сами человеки.

Досада и отчаяние вступили в сердце Онсамово, им проложили туда дорогу легкомыслие и слепота юности. — Онсам проклинает Пиериду и самого себя, хотя по правде не знает, что клянет. —

В первом упоении бешенства бежит он к своей любовнице. Свидание ужасно, попеременно слышали, видели выговоры, слезы, ломание рук, биение в грудь, словом, все те движения, которым дивимся мы в тех актерах, кои не у зеркала, но внутри изображению страстей учатся. Онсам играл весьма натурально и удостоился плесков Пиериды и громкого смеха. Наконец приходит Онсам в себя и едва узнает свои поступки.

— О небо, — говорит, — можно ли, чтоб нетерпеливость моя и обыкновенная шутка верной любовницы столь много могли меня расстроить. Но за что это? что я сделал?

— Подумай, — говорила Пиерида, — и ты все узнаешь, только опасайся своей вспыльчивости и вели всему молчать, а говорить рассудку. Где моя коробочка?

— Вот она.

— Ну что ж тебя так огорчило?

— То, что вместо твоего портрета, который ты мне посулила, нашел я свой, да еще в смешном и сатиричном вкусе.

— Погоди на час, вот следует развязка: гляди, видишь, я двинула пружинку, ну где ж ветряная мельница?

— Она сокрылась, а на место ее вижу я шлем Минервин.

— Так точно: вот я пожала вторую пружинку. Ну где ж дурацкая палка? Видишь ли вместо ее узду, однако с теми же словами, которые мартышка на языке имела. Верь, что я тебя люблю, поди домой, не забывай пословицу: не забегай вперед, не отставай сзади; помни, что есть в нас скрытые пружинки, которые когда, взяв терпение, в себе найдем, то безобразие переменится в красоту, глупость в разум и пороки в добродетели.

ФОРТУНА ВЕЛИКА, ДА УМА МАЛО

Фортуна без ума, как тело без души,
Слепа и в голову ослину поселилась,
Перо, неложную нам повесть опиши,
Скажи нам истину, с Лавидом что случилось.
Для басенки такой,
Фортуна, не утой
Ошибки, сделанны от слепоты тобою,
Дабы вперед другой,
Пленясь твоею красотой,
Узнал бы, какова, фортуна, ты собою.

Лавид, сын великого героя и славного паши Ратира, по предсказанию жрецов, хиромантиков и всех знающих угадывать будущее другим, а себе ничего, был рожден во свет с отменным счастием.

*

Не стал ничего щадить Ратир для лучшего воспитания своего сына, выписывает разных учителей, всему Лавида обучает, платит много денег. Учители богатеют... Голова Лавидова становится беднее, он ничего не понимает: но Лавид прекрасен... счастлив... его любят и все ему прощают... Уже Лавид наш не младенец; надобно ему показать свет, или Лавида показать свету... Надобно, говорят ученые, послать его путешествовать; совет приемлется, сыскан для Лавида предводитель, вверяется ему сын и с ним великое имение...

— Не щади денег, — говорит родитель наставнику сына своего, — я хочу, чтобы он в целом свете был признан за умного, ученого и достойного человека... Хочу, чтобы он был отличен от всех, ведая, что фортуна произвела его на свет, она будет с ним неотлучна, и он должен прославиться ею во всем свете.

С сими и подобными сему наставлениями отправлен Лавид в путь от его родителя. Многое на пути встречается достойное примечания, обо всем наставник Лавиду сказывает; он не понимает... скучает слышанным... не велит мешать себе заниматься собачкою, которую подарила ему на дорогу его нянюшка, свистит... поет... пляшет... время проходит... путь продолжается без малейшего для Лавида успеху... Многие уже соседственные города проехали; Лавид смотрит на все без размышления, он пьет... ест... ходит в позорище... деньги тратятся... голова так же пуста остается, как была и прежде, и уже начинает скучать долгим, по его мнению, путешествием; он помышляет, как бы скорее в отечество возвратиться. Наставник сверх воли Лавидовой останавливается в европейском городе, ведет его по разным ученым местам, хочет занять его примечанием тех вещей, кои могут быть полезными для просвещения разума человеческого. Лавид сердится... убегает его присутствия... отнимает деньги у наставника и выгоняет его от себя, остается один и начинает жить по своей воле. Боясь родителя возвратиться скоро во отечество, расположился жить в сем городе, делает знакомство с игроками, фортуна ему служит; всех обыгрывает. Прекрасен... молод... хотя и глуп... прельщает своим богатством и красотою молодых девиц; они ищут его знакомства... бегают за ним... влюбляют его насильно: он верит, что его любят, любит и сам; его обманывают, новая любовница заменяет ему прежнюю, ни о чем не крушится; забыл отечество, родителя, ни о чем не думает... Фортуна, поставя трон свой в пустоте головы его, печется о его выгодах, доставляет ему знатный чин, он берется ко двору, обворожает с первого вида государя и его окружающих; наружность Лавидова была обманчива, и всякий, увидя его, заключал, что он скромен, хитр и осторожен; его видом и государь был обманут, вверяется ему должность посольская, отправляют его в соседний город для

заключения вечного союза. Он гордится препорученною ему должностию, гордится знатностию своего чина, надувает пустую свою голову приятным воображением, как представлять ему в виде посла государя; роскошь подает средство к пышным выдумкам; ничего не щадится для изобретения показаться богатым и великолепным послом. Золотая карета, убор с каменьями на лошадей... пажи... скороходы... гайдуки в богатой одежде... словом, все уже изготовлено к отъезду, и Лавид наш совершенно на пути!

Но предстала пред него нежная его любовница в отчаянии... в слезах... бросается в его объятия.

— Ты меня оставляешь, — говорит ему прерывающимся от рыдания голосом, — оставляешь, жестокий, навсегда, сжалься на мои слезы. Одной жертвы я от тебя требую; сей день, сей день только останься со мною, проведи его в моем доме, простись со мною и отправься в путь, который разлучает нас с тобою навеки.

Лавид на предложение любовницы соглашается; она берет его с собою в свой дом, вымышляет разные увеселения, садятся за стол: любовница угощает своего любовника, угощает его разными напитками и, приметя, что ослабевают его чувства, кладет в крепкое вино порошок, засыпляющий человека на сутки, подносит сей напиток Лавиду. Он выпивает и чрез несколько секунд падает бесчувствен; тогда сказала Лавидова любовница брату своему:

— Воспользуйся, друг мой, сим случаем, тебе следовало быть послом, а не сему глупцу; но слепая фортуна ему во всем спомоществовала. Отправь его на корабле, отъезжающем в сию ночь в Индию; возвращайся скорее ко мне; пусть он за глупость свою пропадает, а ты заменишь его место в министерстве.

Бесчувственный Лавид, провождаем братом своей любовницы, относится на корабль, отправляется в Индию, и брат к сестре с сим известием возвратился. Скоро известно стало у двора, что Лавид оставил дом, имение и пропал безызвестно. Государь, раздраженный сим поступком, считает его за беглеца и обманщика, ищет способного человека заменить его место. Ему представляют брата Лавидовой любовницы; государь успокоевается, делает его послом, и забывают все о Лавиде. Но время нам оглянуться на путешествующего Лавида: сутки прошли, он проснулся, видит себя на корабле плывущего среди моря, дивится, спрашивает всех, как с ним сие случилося; ему не отвечают... он бесится: называет себя послом... государем... кличет своих людей; его принимают за безумного, схватывают, бросают в кают и запирают тамо. Раздраженный Лавид, видя себя как невольника заключенна и не привыкнув переносить горести, вдается в отчаяние.

Жестокая буря заставила плавателей позабыть о Лавиде; корабль в опасности, несомый валами, бьется о камни; уже близки плаватели к погибели; на сие время фортуна уснула, и от того Лавид претерпел сии несчастия, но она пробудилась и, увидя Лавида в опасности и страхе, исторгла его из оной. Корабль был разбит, плаватели погибли, а Лавид, крепко держащийся за доску, выброшен волною на землю хотя бесчувствен, но жив.

Но сколь велико было его удивление, когда, опамятовавшись, нашел себя окруженного неизвестным народом, пекущимся о его здравии. Жрец, предводительствующий сим народом, падает к ногам Лавидовым, просит с покорностию быть его над ними начальником и сказывает, что за несколько десятков лет было пророчество от первого их волхва, удалившегося теперь в пустыню, что бурею принесен будет в их остров человек и что его они должны сделать своим государем, если хотят быть совершенно счастливыми, чего с нетерпением они дожидалися.

— С тех пор, — говорит жрец, — поставлен на брегу сего острова страж, но до сего времени никого он не видал, а теперь, усмотрев выброшенного волною человека, пришел сказать нам. Мы узнали, что пророчество свершилось, поспешали увидеть тебя, поздравить тебя своим государем и во всем покориться твоей воле.

Лавид, не отвечая ни слова, дает знак наклонением головы жителям острова к согласию на их предложения; народ подхватывает его на руки, несет с радостным восклицанием во свое жилище, делает его над собою властителем и во всем покоряется его воле.

Протекают дни... недели... без малейшего признака подданным, чтобы был кто правителем над ними. Они с нетерпением ожидают Лавидовых повелений; Лавид спит... ест... и не помышляет о правлении вверившегося ему народа. Вельможи и прочие жители острова, наскучив молчанием своего государя, собираются в его чертоги, с покорностию просят начатия его правления, рассказывают ему о несогласии, происшедшем от вольности между ими, просят его покровительства и справедливого дел решения. На все оное с важным видом, в первый раз еще в его жизни, отвечал Лавид порядочно:

— Устроить мир и благоденствие избран я вами; покорность ваша заставляет меня приступить к рассмотрению дел ваших; исполню оное. Завтрашний день соберитеся в мои чертоги, я буду разбирателем дел ваших: но помните, как решу чье дело, так оно беспрекословно остаться должно.

Ответом Лавидовым все были довольны и спокойно оставили его чертоги. Час, назначенный государем, наступил к решению дел, собралися все в его чертогах, не замешкал и Лавид тут своим

присутствием и прежде, нежели начал слушать дела, предлагает подданным о необходимой пользе для его здравия.

— Повелеваю и прошу вас, — говорил он, — построить карусель... Наполненная моя голова о благосостоянии вашем требует отдыхновения и удовольствия, а движение тела сохранит мое здравие. Карусель будет служить пользою не одному мне, но и вам, препровождающим со мною несколько часов в оной, для выправления стана и для движения, необходимо нужного для всякого человека.

По сих словах сел Лавид на свое место и велел предлагать себе о делах.

Первый из вельможей докладывает ему, что он десять лет был правителем острова, великие имеет у себя доходы, много душ и земель, но обижен своим соседом, у которого только 5 душ и который отнимает у него землю, бьет его крестьян и разоряет его до конца.

— Какая наглость! — вскричал Лавид. — Велите сему дерзновенному отсечь голову, а имение его отдать сему вельможе.

Второй проситель объявляет Лавиду, что сын первого вельможи увез у него насильно дочь, держал ее полтора года у себя и сбыл со двора. Лавид повелевает за такую наглость сына вельможи расстрелять, а за худое смотрение отца за дочерью, что могли ее у него похитить, посадить его в тюрьму и с дочерью, откуда никто ее не увезет.

Третий челобитчик просит государя на своих родителей, которые строгостию своею и скупостию довели его до отчаяния. Он впустился в роскошь, нажил много долгу и должен или умереть в тюрьме, или заключен быть вечно дома с своими родителями, чему предпочтет он лучше смерть, нежели такую скучную жизнь.

— Какие грубые нравы, — возопиял Лавид... бесится, вскакивает с своего места. — Отнимать у молодого человека свободу, лишать его удовольствий!.. — Повелевает родителей доносчика послать в ссылку, а сыну отдать их имение...

Садится, берет бумагу и пишет: «Впредь отныне повелеваю не мешаться родителям в дела детей, мужьям в дела жен, бедным искать у богатых покровительства и самим собою обид им не делать, в прочем жить всякому по своей воле; почитать меня... меня одного бояться и слушать. Кто сей закон нарушать станет, того лишать жизни, а имение взять на государя». По написании сих полезных строк Лавид прочитывает сие всему собранию и повелевает, чтобы во всей строгости наблюдать его повеления, с досадою удаляется из собрания, подтверждая однако, чтобы карусель непременно в скором времени был готов. Тогда увидели жители острова сделанную ошибку в выборе государя: но

не утверждаются в оном. Привыкнувшие к суеверию, ожидают впредь своего счастия, и с поспешностию исполняется приказ Лавидов.

Началися роскоши, оттого что попалося имение в руки молодых людей... Разорвалася связь родства, потому что дети перестали почитать родителей... Браки уничтожены, оттого что жены перестали уважать мужей, а мужья не смели в их дела мешаться. Учредилась смертная казнь от богачей, желающих еще приобрести себе имение разорением бедных, кои хотели просить на них и коим одно только было решение, что рубили им головы. В короткое время много бы истребилося народа, если бы по счастию их не поспела карусель. Докладывают об оной государю; он первый захотел показать в ней свое искусство и при собрании всего народа садится на лошадь, срубливает на всем скаку мечом сделанные головы, попадает в цель стрелою... вдруг лошадь останавливает, опять скачет, и веревка, спущенная со столба петлею для бросания во оную мяча, была причиною конца Лавидова. Разъяренная лошадь расскакалась столь сильно под Лавидом, что набежала прямо на сию веревку, в петлю которой попалася Лавидова голова, подобная легкостию своею мячу.

Веревка сдернула Лавида с лошади, и он повис на петле и удавился. Тогда народ познает свою ошибку... Бегут, сыскивают волхва, приводят к удавленному Лавиду, рассказывают все подробно, как его нашли, сделали своим государем... какие получили от него законы и как он наконец дни свои окончил... Народ приходит в бешенство и хочет наказать волхва за лживое пророчество.

— Постойте, — отвечает пустынножитель с важным видом, — не я, а вы виновны. Я предсказывал вам о человеке, выброшенном на ваш остров из моря, который бы, умом управляя вами, мог сделать вас совершенно счастливыми, а не о скоте, каков был сей Лавид, у коего в ослиную голову поселилася фортуна и сделала его над вами начальником. Впредь будьте осторожны в выборе людей, поставьте над собою правителем человека, а не скота. Он достойную получил смерть за свою глупость, и ему следует сия надпись: *фортуна велика, да ума мало.*

Почувствовал народ истину слов пустынножителя, отпустили его в покое в его уединение, и дабы впредь не сделать подобной сему ошибки, оставили столб, на коем Лавид удавился, с сею надписью: *фортуна велика, да ума мало.* Сия надпись и поныне на сем острове хранится, и оттуда, сказывают, пословица сия имеет свое начало.

ВЕК ЖИВИ, ВЕК УЧИСЬ

Орондаль, Зороастров ученик, сидя некогда при подошве высокой горы у журчащего источника, рассуждал сам в себе о должности человека и воссылал от глубины сердца своего молитвы, да откроется ему настоящий путь его. Приятные слезы текли по его ланитам; душа его была спокойна; все окрест его молчало; тишина, производящая в чувствах человеческих приятное уныние, царствовала тогда окрест Орондаля. Одной рукой поддерживал он свою голову, в другой держал премудрые законы своего учителя; очи его, обращенные к небу, быв отягченны великими красами, на нем изображенными, закрылися; чувства его успокоилися, и он заснул.

Тогда представился Орондалю остров посреди моря. На нем зрел он мага, единого жителя и властителя того острова; совершенное спокойствие изображалося на очах его, он был един и сам в себе находил свое благо. По долгом на него воззрении услышал Орондаль слова, изреченные магом:

— Блажен я и треблажен, но един ли я наслаждаться истинным благом буду? Нет! я употреблю все мое искусство, да другие достигнут до такого же блаженства, коим я наслаждаюсь. Познания мои и магия да послужат к моему намерению.

Тогда увидел Орондаль, что маг вызвал силою своего искусства подобное себе существо, обучил всей силе магии и рек:

— В средине сего острова воздвигну я себе жилище, обнесу его непроницаемою стеною, тебя установлю единым посредником, помощию которого жители сего острова могут входить в мои чертоги. Они, прилежанием своим и точным исполнением твоих уставов найдя твою доверенность, силу моего искусства и единственный способ, коим я наслаждаюсь блаженством, чрез тебя токмо познать могут.

Тогда маг воздвиг в средине острова чертоги и, нарекши ученика своего царем острова, сокрылся в оные. Царь воскликнул велегласно так, что глас его слышен был во всех краях моря, и вызывал жителей на остров. Тогда увидел Орондаль, что со всех сторон моря приезжали населять остров. Царь принимал всех с ласкою и искусство свое разделял со всеми, жаждущими познать оное. Тогда ближайшие к нему, получив некие познания в его науке, возгордясь оным, возмнили, что уже в учителе и в силе его нужды не имеют: престали внимать его положениям, положились на свою силу, сделали заговор между собою, удалились от царя на другой край острова, учредили свое собственное царство и все внимание свое к тому обратили, чтобы, отвлекая жителей от законного царя, привлечь к своей стороне и тем усилить свое царство. Царь, видя их упорство и не желая силою приводить их ко благу, оставил их собственной воле и нарек других своими приближен-

ными; но и те, обольщены быв удалившимися прежде от царя, приближилися к ним и между ими и царем в средине поселилися: но царь, зная, что они не сами собою, но прельщенны быв, от него удалилися, не столько на них прогневался, как на первых. Он, соболезнуя о их слабости и желая возвратить их к блаженству, не совсем от себя их отринул; но в самом их жилище воздвиг столб, на коем написал златыми буквами средство, помощию которого могли сии преступники, раскаявшись, войти опять в милость цареву и, научась его науке, введены быть в чертоги мага. Орондаль с жадностию приближился к столбу, воззрел на него и прочел следующие слова: *век живи, век учись*. Долго думал Орондаль об изъяснении оных, но прямого смысла не мог постигнуть. Тогда царь, видя его недоумение, рек ему:

— Орондаль, достойный человек просвещения! знай, что жители сии, удаляся самовольно от меня, уже не могут из моих уст получать изъяснения в науке, преподаваемой мною: но как я знал, что не сами собою меня отреклися, но прельщенны быв моими злодеями, то желая их блаженства, покрыл я мою науку разными изображениями, которые окрест их находятся, дабы могли они, проникая в истинный смысл оных, возлюбить сию науку и ко мне опять возвратиться. Но как к познанию сих изображений потребно неутомимое прилежание и моя помощь, то сими словами даю им разуметь, чтобы, оставя учение возмутителей и истребя свои догадки, век свой на то употребили, чтобы проникнуть в истинный смысл данных им мною изображений, а чрез то удалиться от прельстителя и возвратиться ко мне; я же есмь . . . .

. . . .

При сих словах Орондаль проснулся и столь был поражен сими словами, что сон свой предал потомкам: но время, истребляя все монументы, и смысл сна сего истребило, слова же, написанные на столбе, обратило в пословицу, которая ныне ко всему пригодна стала; ибо науки столь размножились, а человеки под столь различными видами умеют сокрывать себя, что недостанет века нашего, чтобы всему научиться и так познать людей, чтобы ими не быть обмануту; почему пословица сия, по мнению сказавшего мне сон сей, может служить девизом для человеков вообще. *Век живи, век учись.*

В РИМЕ БЫЛ, А ПАПЫ НЕ ВИДАЛ

Диспаре, обтекши большую часть Европы, к великой радости своих родителей благополучно возвращается в дом свой. Слава трубит о том по всему городу; все желают видеть путешественника, и он, отдохнувши от трудов дорожных, удостоивает приятельские

домы своим посещением. Неоспоримо, что в тех местах, где человека видят только снаружи, он показался достойным подражания; ибо все, что ни было на нем или что ни лежало в его карманах, было последней моды; следовательно, чрезвычайно. — В один неблагоприятный день попался он куда-то, где взирают далее и где не довольствуются рассуждениями о нарядах, а желают слышать о чем-то другом. Диспарѐ не вдруг проник в столь странный нрав хозяев, но, начав повесть о дороге своей с середки, или с Парижа, рассказывал, что ныне тамошние военные офицеры входят в домы знатные в своих мундирах и их за то уже не презирают; что путешествующий может приехать в столицу твердых умов без кафтана и без сорочки, лишь-де только б был у него полный кошелек, то и все одеяние и прочее в минуту нанять можно. Еще примолвил он, что в Лондоне прекрасная, полезная и редкая изобретена чрезвычайность, что, не тратя кофейной гущи для загадыванья о будущем, употребляют к тому засмарканные платки и после отдают их прачке. Но он много бы еще насказал нелепостей, когда б некто из пожилых людей не спросил его о аглинском земледелии, о нравах и законах. — Диспарѐ начал хохотать; но усмотря, что никто не смеется, почел за нужное ответствовать и сказал, что тамо пашут землю и едят хлеб. После предложены были ему вопросы гораздо полегче первого, о том, велика ли река Темза и хороша ли построена катедральная церковь. Однако славный путешествователь не постыдился, поворотя разговор, повествовать, сколько в Лондоне прихоженских девочек; как они без всяких чинов на улицах останавливают прохожих и какое прекрасное место Ги-де-Парк, также по чему он платил в трактире у Розбива за ежедневную пищу. То только беда, что ему перебил речь старый драгунский капитан, сказав пословицу: в Риме-де ты был, а папы не видал. После чего иные сожалели о родителях г. Диспарѐ, что они с великим убытком не получили великого сокровища, другие смеялись, а с тех пор пословица: *в Риме был, а папы не видал,* вошла в употребление.

СИДИ У МОРЯ ТИХОГО, ЖДИ ПОГОДЫ ТЕПЛЫЯ

Золото есть и всегда будет предметом искания всякого рода людей. Земледелец, проливая пот, пашет землю и избытками нивы своей не только наполняет закромы свои в зиму, но меняет их на золото, которое доставляет ему средства, служащие к награждению за труды его. Художник тщится превзойти другого художника не с тем, чтоб только его хвалили, но чтоб при сей похвале и золота носили больше к нему, нежели к другим его братьям. Где худо-

заплачены художники, не цветут там художества. Платят худо оттого, что не знают доброты и цены. Что купцы предприемлют для приобретения золота, всем известно. Да и самые дворяне, сии божки, туне приемлющие, а даром не дающие, чего не делают для золота? особливо в нынешние просвещенные времена! И вы, красавицы, часто, подавая руку согласия на женихово предложение, быстро взираете на дары или на случай, какой имеет будущий ваш супруг к достижению богатства, к приобретению золота. А вы, господа ученые, вы торгуете философиею; и как горят глаза ваши, взирая на призы, за квадратуру циркуля обещанные! одним словом: нет состояния, которое бы не имело в виду своем золота. Не исчисляю всех здесь для того, что не имею времени; ибо и я спешу с листом в типографию для получения золота. Любовь к сему металлу родилась вместе с ним: следовательно, давно владеет смертными. Златом изобилующий Офир посещаем был еще во времена Соломоновы. А из сего заключить можно, что нужду в золоте и мудрейший в человеках Соломон и глупейший из них Лаподур имеют.

Некто, купец ли он был или художник, дворянин или крестьянин, неизвестно, занявший голову свою приобретением золота и от него имеющем последовать во всем изобилии, сто́ль углубился в мыслях, что послышалось ему, будто кто ему говорит: «Смертный! давно уже желаешь ты приобрести себе злата. За столь постоянное желание и за претерпенные в снискании успехов труды твои подаю тебе я средство, как сыскать золото. Будь только терпелив столько, сколь ты был доселе; терпение и время все одолевает. Город сей, в котором ты живешь, стоит на берегу моря. И ты должен девять зарей утренних и столько же вечерних проводить близ сей гавани. По прошествии сего времени поедет корабль за море, которого капитан будет иметь нужду в химике. Искав золота, ты получил уже практическое понятие о сей науке, можешь к нему явиться и ехать с ним за море, а тамо, я тебя уверяю, что золото сыщешь».

Обрадованный господин некто и ободренный в подвигах своих сим гласом предчувствия готов был исполнять повеленное: и в назначенное время сбылось все то, что ему сказано. По прошествии девятой зари утренней появляются парусы, летит корабль с восточной стороны, где был залив, которым входят в море желающие преплывать чрез все его пространство. Корабль входит в гавань. Корабельщики выходят на берег, и первое их слово было: «Нет ли здесь химика, знающего посредством диссолюции и коагуляции находить Адамову землю и, извлеча из оной квинт-эссенцию герметрическим образом, найти то, что производит золото». Искатель золота тотчас прибежал на слова сии и сказал, что они видят в нем сего химика и что ему известно все то, что служит к снисканию дражайшего сего металла. Представили его капитану,

который весьма доволен был, что немногого ему стоило труда найти сего знахаря, которому и велел взять жилище в интрюме, яко в способнейшем месте для химических экспериментов. Капитан отдал приказ, чтоб запасались пресною водою и всем тем, что нужно к безбедному мореплаванию. Получив репорты, что корабль его не имеет уже ни в чем недостатка, пустился в море. Ветр был благоприятен; весьма скоро скрылся корабль от очей на берегу стоявших зрителей; и химик радовался, не взвидя больше жилища своего, и, ласкаясь найти золото, с удовольствием решился сносить труды и беспокойства морския жизни.

Не тщетно было упование его, не остались и труды и беспокойства без награждения. Достиг он златых островов, кои ни на которой морской и географической карте не назначены, ради того, чтоб вся Европа, имеющая большую пред прочими частями света в золоте нужду, возгорев желанием злата, не поплыла к сим неизвестным островам. Химик, чрез искусство свое нашедши материю золотую и обогатясь оною, возвратился в свое отечество. На том месте, где провел он девять зарей утренних и вечерних, поставил золотой монумент, вырезав на нем слова сии: *сиди у моря тихого, жди погоды теплыя.* Время, все пожирающее, снедающее даже и самых детей своих, истребило и монумент и надпись. Но память, сей дар небесный, на зло времени сохранила в сокровищнице своей слова сии, кои пришли к потомству и у нас вошли уже в пословицу: *сиди у моря тихого, жди погоды теплыя.*

СВОЕ ДОБРО ТЕРЯЕТ, А ЧУЖОГО ЖЕЛАЕТ

Сия пословица началом своим обязана химии. Может быть, иным и невероятно сие покажется, а другим и совсем нескладно, но я позволяю читателям думать, что они хотят, от этого повесть моя, я чаю, не меньше справедлива будет.

В одном старинном манускрипте, который, видно, лет за триста до сего писан, между прочими важными повествованиями нашел я, что некоторый богатый дворянин, живучи в деревне, сыскал в землях своих железную руду; он захотел от сего иметь прибыль, стал варить и плавить ее и продавать на близлежащий завод: но можно ли железом умножить богатство? Дворянин наш слыхал, что бывали и есть люди, кои изо всего делают золото; для чего же из железа золота не добиться? Для сего только надобно было иметь книгу под титулом «Способ из ничего делать золото». Книга найдена, но она писана не по-русски, а дворянин наш кроме русского языка никакого не знал; новые хлопоты для богача, желающего еще богатее быть! Должно сыскать француза, которые

тогда весьма редки в России были, или, лучше сказать, так мало было тогда французов, как много ныне, с тою только разностию, что тогда они дешевле были, но это, я чаю, оттого, что они умели золото делать. Наконец француз сыскан, следовательно, и золото делать обязался, они и тогда так же снисходительны и сговорчивы были, как и ныне; договор сделан, жалованье и содержание французу дано, и работа началась. Прежде всего надобно было сделать химическую печь, которая хотя и дорого стоила, но дворянин не жалел, будучи уверен, что она даст ему много золота. Эксперименты начались из железа, но та жила не годилась, по мнению француза, откуда прежде доставали; надобно искать в новом месте; наконец почти вся пахотная земля взрыта, крестьяне все употреблены в работу, но золото из железа не показывается; все, что имел дворянин в своем доме и в своих казенных, все пожрала с помощию француза химическая печь; но золота нет; дело дошло и до соседних земель, зачалися споры и хлопоты, а золота все-таки нет. Богатый дворянин наш сделался наконец так беден, как француз, а француз так богат, как дворянин. Соседи, будучи обижены им, подписали на его воротах: «Здесь живет человек, который *свое добро теряет, а чужого желает*».

Вот истинная причина сей пословицы; может быть, алчность к золоту и ныне изобретает новые пословицы. Много людей есть и теперь, кои стараются изо всего делать золото, и еще больше есть писателей, кои систему сию утверждают.

В ПОЛУЮ ВОДУ ЗА РЕКОЙ НЕ НОЧУЙ

Некто, умирая, оставил по себе сына с довольным наследством и с написанным на пергамине завещанием. Молодой человек едва успел возвратить земле землю, или, попросту, едва успел погребсти отца, с нетерпеливостию открывает сундуки и жадным взором пожирает лежащее в них богатство. Он не может придумать, что с ним зачать, ибо мечтается ему, будто сокровищи сии суть тот кладезь, при котором несчастные Данаиды, чрез целую вечность трудясь, никак не могут его исчерпать. — Он весьма беспокоится и мысленно строит уже великолепные палаты, окружает их прекрасными садами, рощами и гульбищами, собирает в них все совершенства красоты и нежности, все изящества изобретения и вкуса. — Притом очень хочется сему юноше уговорить богинь, чтоб они, оставя Олимп, переселились в новозданное им жилище; также намеряется он ко всякой из них в должности пажа придать по Купидону и велеть им беспрестанно щекотать красавиц сих

золотыми своими крылышками. Что задумано, то и сделано; немногого, правда, недоставало, однако это сущая безделица, а именно, что места небесных богинь заступили земные, но с теми же титлами, какие имели первые: из них иную кликали Венерою народною, иную Уранией земною, иную Фетидою речною, иную Психиею телесною, иную комнатною Авророю, и так далее... Деньги, радуйтеся! свобода ваша настоит, пленение ваше окончилось; изыдите, пользуйтесь светом и счищайте с себя грубую ржавчину, перескакивая из кармана в карман; освобождайтесь от мрака и твердынь сундучных.

Юность истощает собранное старостию, и всего остается мало; домы, сады и прочее переходят в ведомство других; красавицы удаляются, Купидоны их истаявают от недостатков и отлетают, все преобращается в другой вид; бедность в образе Гарпии пожирает все, что ни находит.

— О небо! — вопиет юноша. — О слепота юности! о суета суетств!.. Но не сам ли я виноват, не сам ли причина моей горести!.. Недостаток, нужда, вы подлинно гнусные чудовища, но ты, роскошь, не одних тиранов сих по себе оставила, болезнь, истлевающая внутренность мою, всего мучительнее. — Я чувствую в себе пламя огня негасимого, мрак меня объемлет! о роскошь, о невоздержание, вы сооружаете на сей земле ад и проливаете в жилы мои струи Ахеронта и Флегетона! — Если б не болезнь, я б не устрашился нищеты; природа сделала плеча мои к трудам способными. Но болезнь!.. Однако время поглядеть, что отец мой в завещание мне оставляет.

Побуждаем сим размышлением, берет он заплесневший пергамин, отрешает печати и видит в свитке златыми буквами начертанное: «*В полую воду за рекой не ночуй*». Юноша, прилагая к состоянию своему сие изречение, чувствует живо, что приказывается ему оставить берег порока и, доколе не лишен смертию возможности к очищению греха, доколе вода не все еще потопила, преплыть на другую страну в жилище добродетели; кидается поспешно к гробнице отцовой, обнимает хладный камень и с умилением вопиет:

— О родитель, дражайший мой родитель, завещание твое более приносит мне пользы, нежели богатство; расточая оное, приближался я к пропасти, впал в болезнь, теперь же не стану медлить за наводненною пороками моими рекою, не ночую за ней, возвращаюсь на тот же берег, который я безумно оставил. Каюсь: боже, приими мое раскаяние!

После сего воздержанием возвратил потерянное здравие, трудами приобрел паки расточенное богатство, спокойно достиг старости и часто молодым людям повторял родителя своего завет: *в полую воду за рекой не ночуй*. Но редким оно было на пользу.

ЕСТЬ ЧЕГО ЖДАТЬ, КОГДА ЕСТЬ С КЕМ ЖАТЬ

Сия пословица происходит от низкого состояния людей, но основанием своим она имеет важные причины, а именно: один из беднейших крестьян имел у себя 8 человек сыновей и 4 дочерей. Жена его скучала таким большим семейством, говоря, что нечем и себя прокормить, не только такого множества детей; для каждого потребна пища, одежда: где взять? хотя земли и много, но кем ее обработывать? Муж досадовал за такое негодование и нередко говаривал жене своей: «*Есть чего ждать, когда есть с кем жать*».

Жена не понимала смысла слов ее мужа, и пока дети были малы, видя бедность, умножающуюся во всем доме, не переставала скучать ими: но когда они подросли и стали работать, то увидела справедливость слов мужа своего. Крестьянин приучил детей к земледелию; с рачением обработанная земля принесла столько хлеба, что, со всем довольством дома, продали его за хорошую сумму и получили довольно денег. Трудолюбие наградилося обретением имения; дочери за то, что были хорошие хозяйки, получили мужей достаточных... а сыновья за порядочное домостройство женилися сами на богатых. Разные промыслы открыли способы им к умножению достатка, и из беднейшего дома сделался наибогатейший, не крестьянский, а уже мещанский дом; хороший достаток позволил им за себя помещику внести большую сумму денег: чрез что вышли они в купцы... Тогда сказал муж жене:

— Видишь ли ты, что слова мои справедливы, детьми мы утешены, награждены достатком, а ты ими скучала, для того-то я тебе и говаривал: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*.

— Так, — отвечала жена мужу, — но ждать-то каково было?..

В ответ на сие сказал жене муж:

— Знай, что бог милосерд, но милости его проливаются на тех, кои воле его покорны... Он научает нас терпению, кто умеет с терпением дожидаться его благодеяний, того он награждает; а благодать никому вдруг не дается; и для того помни навсегда мою пословицу: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*. Чрез нее научишься быть терпеливою, а терпение есть первая добродетель.

С тех пор пословица сия: *есть чего ждать, когда есть с кем жать*, осталася в сей благочестивой семье и от них известна сделалася свету, а теперь, кажется, пословица сия годна сделалася всему роду человеческому. Родители воспитанием детей не скучают и с терпением ожидают их возраста, дабы после ими утешаться. Ученые говорят, надобно быть терпеливу, чтобы познать все науки, словом, все те, кои с терпением умеют ожидать за труды свои награждения, суть блаженны, и потому-то терпение первою

добродетелию почитается, и пословица же сия, которой истинный смысл есть тот, что кто приготовляет себе помощь во трудах и с терпением умеет плода дожидаться, снимет его конечно, может нужным зерцалом служить для людей. *Есть чего ждать, когда есть с кем жать.*

ЖЕНСКИЕ ПРИХОТИ НЕ ИСПОЛНИШЬ

На сию пословицу получена мною сказочка, где писатель утверждает, что основанием своим она имела следующие причины.

Когда был обычай, что девицы запиралися в терема и до дня замужства их никто не мог их видеть: в сие время один из среднего состояния людей имел у себя дочь. Прелести ее были столь велики, что отец ее с крайним негодованием выговаривал иногда, для чего не казать девушек в свет, а паче таких прекрасных, какова его дочь, и дабы усладить уединенную жизнь его дочери, рассудил за благо не прекословить ей ни в чем. Уже достигла она семнадцатилетнего ее возраста, как проведали многие жители о ее красоте, стали за нее свататься. Отец любил дочь, не хотел иначе ее выдать замуж, как за богатого человека. По желанию его скоро такой жених сыскался, скоро свадьба свершилася, и нежная дочка уже не сидит в терему. Муж, гордяся ее красотою, старается, чтобы все ее узнали, делает новые знакомства, отворил дом свой для увеселения: все ее утешает; но избалованный нрав ее требует беспрестанной новости и не насыщается тем, что уже имеет. Новые желания для удовольствования прихотей начали рождаться в молодой красавице поминутно: можно ли нежному мужу оскорблять милую жену, он слепо воле ее повинуется. Жене вздумалося иметь алмазов больше, нежели есть у кого-нибудь из женщин в городе. На другой день она их получила столько, сколько желала, и в тот же день ими скучила; захотелося украсить дом богатее и лучше всех домов, и то исполнено. Но возможно ли быть без желания и не наскучить тем, что уже сделано?

— Ах! мой друг, — сказала красавица однажды своему мужу, — как мне скучно, что я должна пить и есть все то, что только здесь родится!

— Чего же тебе хочется? — спросил муж ее.

— Я слыхала, — отвечала она, — что за морем продаются такие вещи, каких мы здесь отроду не видывали, и желала бы их иметь. — Тут навернулися у нее слезы на глаза.

Муж, испугавшись, чтобы от горести жена его не занемогла, в тот же день отправил лучшего из его служителей за море, и

в скором времени привезена была провизия для стола; с жадностию всего привезенного красавица отведывает: но непривычка к переменной пище и пряность некоторых кореньев произвели в ней болезнь. Провизия выбрасывается, деньги потеряны, жена больна, и муж огорчен.

— Все бы хотел я сделать, — в отчаянии сказал супруг, — чтобы только возвратить мне здоровье моей жены.

Сим словом воспользовалася малодушная супруга, стала просить мужа своего, чтобы исполнить ее желание, а именно: говорила она:

— Сию ночь сказывала моя мамушка мне сказку о финисте ясного сокола перышке, если бы я его имела, то, конечно, бы выздоровела.

Как муж ни уверял ее, что это одна только выдумка, что перышко это не существует и что невозможно его иметь, жена ему не поверила и, не привыкши к отказам, вдалася в горесть, и столь сильно болезнь ее умножалася, что она жизнь окончила, а муж, потеряв жену и для ее прихотей все свое имение, от горести постригся; и для осторожности людям над гробом у жены своей написал сии слова: «*Женские прихоти не исполнишь*».

Критика

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

СТАТЬИ ИЗ РУССКОГО СЛОВАРЯ[1]

Украсить голову по-французски. О приведении в совершенство сея науки Франция несколько лет прилагает попечение. И хотя в Париже заведена академия *волосоподвивательной науки*, изданы в народ печатные о том книги, но, однакож, и по сие время, так же как и философия, в совершенство не пришла; из чего следует, что быть совершенным волосоподвивателем так же трудно, как и философом; да и науки сии одинакие, одна украшает голову снаружи, а другая внутри; а что к первой ныне больше прилепляются, тому причиною мода. Да сие и весьма справедливо, украшенная снаружи голова гораздо почтеннее украшенной внутри, потому что мы всегда хвалим, почитаем и удивляемся тому, что прежде другого лучшим нам покажется. А в том и никакого нет сомнения, что хорошо завитые волосы скорее ума приметить можно; волосы снаружи, а ум внутри.

Украсить разум науками. В старину думали, что для украшения разума науками надлежит целый жить век, то есть посвятить себя наукам, отстать от всех должностей в обществе, век учиться и быть проповедыванием добродетели согражданам своим, а наконец и самому себе в тягость; из чего сделали пословицу: «*Век живи, и век учися*». Но молодые наши дворяне, увидя ясно невежество предков своих, из сего заблуждения вышли и из старого правила сделали новое: «*Неделю учися, и век живи*». Сему правилу

---

[1] Сии статьи продолжаться будут не по азбучному порядку, но как они ко мне сообщаются.

многие следуют: ибо не учась ничему, но только мимоходом прочитав книги, о всех науках рассуждают и спорят; отчего и писателей показалося много, а особливо стихотворцев. Один славный российский стихотворец сказал о себе, что он, писав стихи десять лет, после все их пожег; чрез что и сделался он образцом во многих родах стихотворства, а в некоторых и неподражаемым. Но молодые наши стихотворцы нашли кратчайшую к Парнасу дорогу; по их мнению, надлежит только знать, что мужеский стих в 12, а женский в 13 стоп; а потом в неделю сделаться можно стихотворцем, и трагическим и комическим; и наконец всяким, не делая пустых исследований, что хорей? что ямб? дактиль и проч.: лишь бы были рифмы. Вот скорое просвещение какую приносит пользу! А за сие скороспелое в науках знание должны мы благодарностию господам французам: мы все от них перенимаем; их дворяне давно сие делают, и наши начинают.

Как ли не: новопроявившееся слово, которого ни во всем священном писании, ни во всех светских сочинениях славных наших авторов нет. Из чего следует, что пишущий ныне *как ли не* вместо *как ни* гораздо разумнее тех писателей, которые до сего времени по-русски писали; несмотря на то, что остроумные сочинения с *как ни* устроевают наше сердце и питают разум, а издания с *как ли не* смеяться заставляют. По моему мнению, изобретатель *как ли не* достоин такого же почтения, как изобретатели пороха, печати и арифметики: ибо сие слово весьма много спомоществует к приобретению богатства, а именно тем, что если его почаще употребить в каком сочинении, то книга вдвое толще будет; следовательно, вдвое и дороже продана быть может.

[О ХАРАКТЕРЕ САТИРЫ В ЖУРНАЛАХ «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА» И «И ТО И СЁ»]

Господин издатель!

Хочу вас уведомить о двух великих важностях, огромные несчастия в себе заключающих. Ужас поразил мое сердце, как только я перо взял в руки для уведомления вас об оных. Крепись, г. издатель, не допускай к сердцу твоему отчаяния, оно слабым только душам прилично. Теперь приуготовь твой дух ко вниманию лютейшего несчастия. Еще вторично прошу: укрепи твое сердце и внимай: Бургомистр города Б... весьма разгневался на своего короля. Другое злополучие еще хуже того: Некто в Москве, на некотором мосту прежде стихи свои продавающий, сюда прибыв, ваши листки называет безделицами, в себе ни разума, ни забавы не имеющими. Ах! его критика столько разумна и вам вредна,

сколько бургомистров гнев королю опасен! счастие, на которое как-то он налез, так его ослепило, что ныне равного себе в разуме не видит. Однакож некоторые на рифмах бредни, им из разных чужих лоскутков сшитые, многие похваляют, может статься не приметив, что в них ни цвет к цвету, ни мысль к мысли, ни разум к делу не подобраны. Кто хочет увидеть сию правду, тот пусть прочтет Пегасу прекрасный, нашим стихотворцем сочиненный, дифирамб.

Я не знаю, как то здешний воздух весьма противен аглинскому. Там умные люди с ума сходят, а здесь рассудка не имеющие разумными представляются. Кто может на рифмах сказать байка, лайка, фуфайка, тот уже печатает оды, трагедии, элегии и проч., которые, а особливо трагедию Г*, недавно напечатанную, полезно читать только тому, кто принимал рвотное лекарство и оно не действовало. Здесь лягушка, надувшись, может говорить слону, что он ростом весьма мал. Подобное сему я нашел в некотором журнале в 24 и 25 неделе. В сем журнале не знаю кто-то такой сердится, что много журналов печатается. Видно, что соки его ума уже высохли, когда он басни о козленке и прочие из итальянской Венерониевой грамматики печатает; однакож говорит про других, что они, не зная, что писать, чужие журналы повторяют. При всем том он на вас гневаться немалую имеет причину. Ваши журналы сделали то, что его листочков теперь почти никто не покупает, а ему на новый разжив деньги надобны.

В упомянутом журнале еще при досуге некто бредит следующее: отец многих имеет детей, однако не всех равно любит, и что подобным образом и журналы публикою равно любимы быть не могут. Он отчасти сказал правду, узнав оную из опытов на свой счет; однако из того сравнения заключать не надлежит, что когда его и матери его журналы явились в свет, то другим оных издавать не надлежало. Я уверен, что он сам своему нравоучению не последует, и ежели будет иметь от жены своей одного или двух любезных сынков, то, наверно, тем не будет доволен, но станет стараться и о сочинении других. Теперь увидите, г. издатель, как за сие письмо господа критики своими сатирами на нас вооружатся; но я сего не опасаюсь, да и вам бояться не советую.

Слуга ваш *N. N.*

[О ПОЭЗИИ КЛАССИЦИЗМА]

Господин издатель!

Самое негодное дело быть стихотворцем. Пропади вовек охота ко стихам, названным еще божественным гласом: надобно над ними ломать голову, гоняться за рифмами, считать все слова по стопам и за весь труд не получить нималой награды. Я вижу, что

от премерзкой прозы подьячие наживаются; медики, умножая число умерших, получают хорошую плату от живых, а рецепты пишут без стоп и без рифм; ласкатели за одни глупые речи награждаются; одним словом, все люди, кроме стихотворцев, имеют прибыль. Я не очень давно достиг до сего здравого рассуждения и теперь удостоверен, что по определению неисповедимых судеб и славные стихотворцы должны жевать зеленые лавры и питаться только сею не очень вкусною пищею. Прочтем повести о всех стихотворцах и увидим, что хотя они в восторге летали под небесами или отдыхали на земле, всегда завистники их ругали; злобные люди готовили им пагубу, и очень малое число людей кормили их похвалою: вся их жизнь была наполнена стихотворческими несчастиями. Да иначе и быть не может, сам бог стихотворства довольно был несчастлив и сносил бедства и труды; все Овидиевы превращения наполнены его злоключениями.

Аполлон, будучи еще во утробе своей матери, не имел нигде убежища. Бедная Латона, нося его во своем чреве, была гонима яростною Юноною и на всем земном шаре нашла только один остров, на коем родила несчастливые двойни: но в то же время весь остров за столь похвальное страннолриимство был покрыт водами, и все жители были превращены в лягушек. Не успел еще Аполлон достигнуть юношеских лет, как из адских пропастей вышел ужасный Пифон и стремился его поглотить. Аполлон его победил, но возгордившегося сего победителя победил слабый Купидон, представя ему Дафну, которую Аполлон не мог смягчить своими божественными стихами и нам, бедным смертным, подал худой пример смягчать стихами жестокосердие красавиц. Дафна была превращена в дерево, а Аполлон должен был терзаться любовным мучением. О Купидон! сколь велико твое гонение на стихотворцев! Овидий, Анакреонт, Феокрит, Катул, Проперций, Тибул, Петрарк тобою были мучимы, и нежные Сафо и Сюз принуждены были воздыхать. Вот сколько славных стихотворцев терзались любовным пламенем, так, конечно, и навеки сей предел уставлен. Я сам сие испытал и ничего не мог получить за стихи от своей любовницы: да и впредь лишился надежды.

Купидонов гнев на Аполлона еще далее простирался: он показал ему Коронису и сделал его счастливым, однако не надолго. Корониса была прекрасна и все имела совершенства, но ужасная была кокетка. Аполлон, нося лучезарный венец, не хотел носить рогов и, пылая ревностию, пронзил изменницыно сердце, и скоро после того восстенал, терзая себя за свое мщение. Он вынял из ее утробы Эскулапа и, думая, что он его сын, имел о нем родительское попечение и сделал его медиком не таким, который бы прописывал смерть во своих рецептах и обирал деньги, но таким, что из челюстей смерти освобождал смертных. Однако на таковых людей и в те времена досадовали: наследники проклинали Эскулапа,

когда вылечивал стариков; кокетки бранили, когда не хотел морить их мужей; и мужья негодовали за то, что не освобождал их от старых жен. К совершению своей пагубы Эскулап, желая услужить Диане, воскресил Ипполита; за сие рассердился на него Плутон, пожаловался Юпитеру, и бедного Эскулапа Юпитер поразил громом. Сей пример доказывает нам, что худо иметь дело с знатными. Эскулап бог, но погублен сильнейшими его богами.

Смерть Эскулапова была несносным ударом Аполлону: и я не упомню, сколько он написал хороших элегиев; однако знаю, что, как раздраженный стихотворец, он побежал к Циклопам и всех их перебил за то, что ковали громовые стрелы. Аполлонов гнев сколько ему был вреден, столько и подражателям его, стихотворцам: нередко и они были гонимы за свои сатиры. Наказание же его состояло в том, что Юпитер, лиша его всех божественных чинов, сослал на землю, где Аполлон принужден был сносить стихотворческую бедность. Пришел он к Адмету и, думая найти себе место при царском дворе, обманулся во своем чаянии; редко придворные знают цену стихотворства: его почли сумасшедшим, который бредил стихами. По счастию его, имевший смотрение за стадами взял его в пастухи, и Аполлон принужден был такою низкою должностью доставать себе хлеб. Однакоже и пася стада, увеселял своими стихами обитателей лесов и полей и произвел эклоги и идиллии, но не долго наслаждался сею спокойною жизнию. Меркурий, ходя в то время по греческим полям, упражнялся в своем ремесле и старался заслужить имя защитника воров. Сей проворный бог, надев на себя пастушье платье, пришел к Аполлону и, притворясь, что будто слушает со вниманием его стихи, пробыл до самой ночи; а в ночь отогнал лучших у него овец. Всходящая заря уведомила Аполлона о его несчастии; и он, боясь наказания за свою неосторожность, ушел, и проходя Лидиские поля, остановился на горе Тмоле и, соглася свой голос с лирою, прельщал пением нимф, сатиров и всех полевых богов. Пану стало сие досадно: он вступил с Аполлоном в спор о первенстве и избрал судьею Мидаса, царя той области. В обиду Аполлону, которая весьма несносна стихотворцам, Мидас предпочел ему Пана. Аполлон, приставив ему ослиные уши, пошел во Фригию, где вместе с Нептуном, который также был изгнан, приняли на себя вид каменщиков и строили троянские стены. Жаль, что ныне Аполлон не каменщик; а то я знаю многих русских стихотворцев, кои пишут только ему в досаду, но в каменщиках были бы ему хорошими помощниками. Богу стихотворства и в сем ремесле не было удачи: неблагодарный Лаомедонт не заплатил за работу; однако Аполлон тем утешился, что взят был обратно на небо.

Не подумайте же, чтоб он и там был счастлив: ибо я умолчеваю о Фаэтонтовой смерти, которая ему была чувствительна, и не хочу

говорить о презрении, которое он сносил от Венеры. Сия богиня, оказывая свою благосклонность всем богам и многим смертным, была сурова и несклонна к одному только Аполлону; одним словом, во всех Аполлоновых должностях много беспокойств. Ему должно в виде Феба вставать рано и объезжать вокруг весь свет. Когда на Олимпе бывает собрание, все боги упиваются нектаром; а он, промачивая рот ипокренскими водами, должен воспевать в стихах падение Гигантов и похвалы роскошным богам. Да и на Парнасе нет покою от девяти муз, которые, имея разные вкусы, верно беспокоят своего правителя.

Вы теперь видите, г. издатель, что мое мнение справедливо и что я разумно сделал, оставив стихотворство. Я не знаю, не хлопотливо ли и ваше упражнение; а мне кажется, что и издатели не больше стихотворцев получают выгод, хотя несчастный Аполлон и никогда не был издателем еженедельных листов.

Слуга ваш *N. N.*

[РАССУЖДЕНИЕ ОБ АВТОРАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ 1769 ГОДА]

ТО, ЧТО УПОТРЕБИЛ Я ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Тысяча желаний, набившиеся в мою голову, затмевают рассудок; так что я не знаю, которое прежде удовольствовать и чем начать: вот каково в первый раз сделаться Автором! Пустого писать не хочется, а хорошее скоро ли придумаешь? Мне и самому несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором. Пишут все, что ни попадается; спорят, критикуют, решат и, запутавшись в мыслях, изъясняются весьма неясно: тут следуют у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой совести захочет признаться, то скажет, что и сам он того не понимает; и так останется истинная причина, что яснее не мог того написать. Многие ныне принимаются писать, думая, что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки, серьги, запонки, наперстки, иголки и прочие мелочные товары, коими щепетильники торгуют в деревнях и меняют оные на лапти и яйцы: но они обманываются. Щепетильнику нужно только трудолюбие и несколько ума для различения хороших товаров от худых: ибо и продаются оные людям не гораздо просвещенным, то есть таковым, каковы наши крестьяне и крестьянки. Но чтобы уметь хорошо сочинять, то потребно учение, острый разум, здравое рассуждение,

хороший вкус, знание свойств русского языка и правил грамматических и, наконец, истинное о вещах понятие: все сие вместе есть искусство хорошо писать и в одном человеке случается весьма редко; ради чего и писатели хорошие редки не только у нас одних, но и в целой Европе. Кто пишет, не имевши дарований и способностей, составляющих хорошего писателя, тот не писатель, но бумагомаратель. По несчастию нашему, у нас много таких писцов, кои, напечатав пять страниц худого своего сочинения, принимают на себя название автора, будто бы авторство зависело от типографии. Типография за деньги печатает книги, но ума не продает: кто пишет наудачу, тот грешит против здравого рассудка; таких грешников не только у нас на Руси, но и во Франции много. [1] Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все, начинают и никогда не оканчивают, затем что не имеют цели своим желаниям. Что нравится им, то думают они, понравится и всем. Но это уже чересчур много обижать читателей, будто они хорошего отличить не умеют от худого. Сказывают, что самолюбие не только что с хорошими писателями, но и с мелкими бумагомарателями неразлучно; а некоторые уверяют, что оно и тогда прилипает, когда еще они намереваются быть писателями; но я сего не утверждаю, а скажу только, что самолюбие есть болезнь самая прилипчивая и для писателей опасная. Я исследовал самого себя и думал, что я не самолюбив, но меня одна госпожа, которую я очень почитаю, уверила, что я обманулся: и подлинно, я после узнал, что погрешности в чужих сочинениях мне гораздо приметнее, как в своих; может быть, оттого, что критиковать легче, нежели сочинять, как некоторые утверждают; но я этому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять. Впрочем, чистосердечие осталось во мне и поныне, ибо я тотчас соглашусь и поверю, кто скажет мне, что я написал худо; но, кажется, тому поверю больше и лучшего о том человеке буду мнения, который похвалит. Я еще скажу: самолюбие прилипчивая болезнь. Писать еще лишь только начинаю, а критиковал уже многих. — Но я, заговорясь, удалился от своей цели. Говорить и заговариваться, переходя из материи в материю, есть одна из моих слабостей. Читатель! тебе надобно к этому привыкать: в продолжение моего издания нередко это случаться будет. Ну, г. читатель! теперь я стал Автор; может быть, захочешь ты прежде всего узнать мое имя, однакож не жди, чтобы я тебя об оном уведомил. Сколько хочешь сам думай, отгадывай, разведывай и трудись, мне до того нужды нет. Многие из вас столько жадны к новостям, сколько подьячие ко взяткам, щеголи и щего-

---

[1] Может быть, скажут мне, что я и сам годен в число сих грешников: не поспорю, но скажу в ответ, что я на свои слабости так же смотрю, как и на чужие.

лихи к новым модам и кокетки к волокитству, и столько легковерны, как ослепленные любовники. Вы часто о сочинениях судите по сочинителям, а некоторые из вас и не читавши, но по одному только слуху делают неправильные заключения; и так польза моя требует, чтобы я имя свое утаил. Не знавши оного, как скоро прочтешь ты десять строк моего сочинения, то наверное заключишь, что я писатель не третьей статьи; может быть, подумаешь, что я человек знатный, следовательно, критиковать не осмелишься: ты подумаешь, может быть, что я — но нет, этого не скажу, а оставлю на твою догадку. Если ж бы узнал мое имя, то, может быть, и переменил бы ты свое намерение и вместо почтения начал бы меня уничтожать... Сносно ли это Автору? Автору новому, да и такому, который предприял прославиться во всех концах пространной России? Со временем будут удивляться моим сочинениям, станут их превозносить похвалами, будут покупать с превеликою жадностию и за дорогую цену; скажут: «Это преславное сочинение, которого Автор нам неизвестен, заслужи...» Потише, потише, г. Автор, умерь свой восторг, помолчи и оставь это на догадку читателей. Не уподобляйся без нужды тем несносным самохвалам, которые выпрашивают или, лучше сказать, отягощая слушателей чтением своих сочинений, похвалу из них вымучивают и после проповедуют, что они до небес оными превознесены были. Пускай завистники из всей силы кричать будут, что твое сочинение вздор. — Ты этому не верь; пусть бедные писатели со слезами просят, чтобы их из милосердия не критиковали, и пусть испрашивают они у читателей благосклонного принятия трудов своих: тебя не такая ожидает участь; и для того поступай с читателями отменно. Прими на себя важный вид, подобный тем авторам, которые, не больше десяти строк написав, отнимают первенство у всех прежде их прославившихся творцов. С первой строки приведи читателей своих в удивление и, не дав им опомниться, пользуйся их смятением, повелевай ими по своему желанию, приказывай им бегать вослед за парящим твоим разумом: пусть будут они гоняться по всем местам за летучими твоими мыслями. Если ж ты сам начнешь уставать, то поймай Пегаса и, седши на него, разъезжай по своему желанию; мучь его сколько угодно, он будет тебе покорен. Но ежели паче чаяния он попротивится и тебя не пустит сесть, то... но этому быть не можно. Когда все несмысленные рифмотворцы сего бедняка мучат, то как он осмелится противиться тебе? тебе, который предприял овладеть всем Парнасом? Забудь, что не умеешь ты ни одного соплесть стишка; что нужды, что не знаешь ты правил стихотворства? Пиши прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тем себя прославить можешь. Многие в стихотворстве не больше твоего знания имеют, но со всем тем пишут трагедии, оды, элегии, поэмы и все, что им вздумается; короче сказать, если тебе Пегас попротивится, то поймай его за гриву,

оборви крылья, сядь насильно и поезжай прямо на Парнас, сделайся властителем оного, перемени все по своему желанию и определи новые всем должности. Аполлона за худое правление накажи, определи его парнасским комиссаром у приему всех сочинений новых твоих стихотворцев: наказание велико, но он того достоин. Сам сядь на его место, возьми лиру и греми по своему желанию, что нужды, складно или нет, лишь только не жалей своих рук, греми громче, удивляться, конечно, будут. Муз распоряди другим порядком. Плаксивую Мельпомену одень в платье из трагических листов, в одну руку дай ей чернилицу с пером вместо кинжала, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по лицу и беспрестанно кричать: «Ах! увы! погибло все!» Вместо венца на голову прикажи комиссару своему написать ей эпитафию. Сим способом будет она смешить, а не плакать заставлять. Талию... О! эту насмешницу надобно хорошенько помучить, до сего времени она всех осмеивала; но ты сделай так, чтобы все, на нее глядя, смеялись. Платье сшей ей гаерское, в руку вместо маски дай ей вызолоченный пузырь с горохом и заставь читать Л** комедии, которых она терпеть не может и которые ее, конечно, измучат. Обезьяну ее не позабудь поставить к ней поближе, и чтобы она сколько возможно больше коверкалась и тем смешила народ. Вот самое лучшее средство комедию превратить в игрище! Каллиопу сделай приворотником; украшения все с нее оборви, она их ныне недостойна; эпические стихи вырви из рук ее и брось, вместо трубы дай ей рожок и прикажи наигрывать повести о троянских витязях. Если ж захочешь ты отвратить посещения, которые тебе, как новому воеводе, непременно прочими богами сделаются, то прикажи ей читать одну из новых пиес, она, конечно, всех гостей рыганьем своим отгонит: ибо с некоторого времени Каллиопа стала весьма обжорлива. Клио пусть ходит по гостиному двору, рассказывает купцам разные истории и тем себя кормит. Ерату хотя бы и надлежало совсем отставить, но чтобы не сделать ей беспричинной обиды, то оставь ее для приманки, пусть новые твои стихотворцы будут за нее волочиться и станут писать элегии... О! они так ее взбесят, что она, конечно, сама попросится в отставку. Уранию совсем отставь и вели питаться мирским подаянием. Евтерпа и Терпсихора обе девки добрые, правда, что одна очень задумчива, но другая, напротив того, всегда весела. Оставь их обеих для себя; только до того времени без жалованья, пока не выучатся первая играть на волынке, а другая плясать вприсядку. Полиминию пожалуй в копиисты и прикажи переписывать набело все свои сочинения. Славных авторов сделай разносчиками, прикажи им по всем местам продавать свои сочинения и выхвалять их сколько возможно больше: им к этому уже не привыкать. Слепого Гомера из жалости сделай хоть вахмистром при парнасской канцелярии: этот бедный старик в разносчики не

годится. Виргилию, наклавши полный мешок нелепых изречений, прикажи ходить по рынку и продавать их повольною ценою. Пегаса назови щепетильником и прикажи продавать по деревням билетцы, эпиграммы, загадки, эпитафии, песенки и прочие мелочные стихотвореньицы. Ну, г. Автор! теперь ты весь Парнас оборотил вверх дном; осталось только одно славное дело сделать. Все правилы стихотворства и грамматики уничтожь: это только пустое затруднение. Позволь писать всякому, кто как хочет и что взбредет на ум; ты увидишь, что у тебя стихотворцев будет во сто тысяч раз больше, как у старого Аполлона; комиссара твоего взбесят, завалят сочинениями и сделают тебе новый Геликон: лишь не накладывай на вранье пошлины. Впрочем, не худо будет, ежели ты ипокренскую воду превратишь в чернилы, новым твоим рифмотворцам великое тем сделаешь облегчение. Наконец... да где ж мой читатель и что он делает? А! он не посмел за мною следовать и, оставшись в Петербурге, заснул. Подожди, я тотчас тебя разбужу. Читатель!.. Но увы! Я и сам проснулся и сделался из Аполлона простым писцом: такое превращение несносно! А причиною сему ты, читатель; ты помешал мне наслаждаться приятною мечтою. Скажешь, что все это вздор! согласен; но мало ли подобных сему вздоров ты хвалил? так поступи, пожалуй, и с моим так же. Желать того, чего не можно получить, и возвышаться выше своей сферы есть слабость общая всех человеков. Все люди бредят, но бредят только во сне, а молодые писцы имеют дар бредить и въяве. Теперь узнал ты, читатель, каково иметь дело с молодым писателем и его восторгом. Я начал писать предисловие, в котором должен был уведомить о том, что буду сообщать в моем издании, но, заговорясь, о том совсем позабыл; я бы должен был ошибку мою исправить и хотя теперь о том тебя уведомить, но боюсь обещать море, чтобы после не вылилась лужа; и так всего лучше о том не сказывать. Если захочешь читать мое издание, так читай, пожалуй, то, что будет написано; если ж тебе не понравится, так не читай: в моей власти состоит писать, а в твоей читать или нет. Ты поступай в том по своему благорассуждению, а меня оставь следовать моему: кажется, что сим средством можно прожить нам бессорно.

[КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АВТОР ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ]

Самое негодное дело быть автором ежемесячных или еженедельных сочинений: я не говорю о тех почтенных авторах, которые за свои сочинения заслужили вечную похвалу; но о сих марателях, которые, следуя пословице, не учась грамоте, стано-

вятся попами. Ежели посмотреть на молодых нынешних писцов, то подумать можно, что трудняе быть посредственным сапожником, нежели автором: все обучаются тому ремеслу, в котором хотят упражняться, но безграмотные писцы учиться и знать правилы почитают за стыд. Сими-то примерами по несчастию завлечен я в неисходимый авторства ров.

С начала моего издания думал и я так, как многие господа сочинители, что ничего легче нет, как сочинять, но в продолжение узнал, что ничего трудняе нет, как писать с рассуждением. Не успел я отпечатать первого месяца моего сочинения, как уже сам стал находить в нем погрешности; стал бояться, что он читателям не понравится, что станут меня за то критиковать; но что ж из сего вышло? рассуждение изволило замолчать, а самолюбие торжествовало и в знак своей победы вместо трофей выдало в свет первый месяц «Пустомели». Он показался и заслужил от некоторых благоволение; я сам слышал похвалы моему сочинению от людей знающих, не будучи им известен: они говорили, этот человек подает надежду быть хорошим писцом; слог его чист и плавен, продолжали они; но надобно ему побольше упражняться.

Слыша сие, самолюбие шептало мне в уши: ты еще и большей достоин похвалы, но рассуждение кричало: неправда; однакож я этого не слыхал. Не столько радуется мать, когда слышит похвалу своему любезному и избалованному сынку; не столько восхищается любовник, когда по трех годах бесплодного своего старания и страдания противу чаяния от любовницы своей услышит: и я тебя люблю; не столько веселится и щеголиха, когда удастся ей сделать платье по вкусу и удачно одеться и когда ей все мужчины кричали: мила, как ангел! а она, приехавши домой, станет перед зеркалом и переговаривает те же самые слова: мила, как ангел! Короче сказать, радости моей ни сравнить ни с чем, ни изъяснить невозможно. Г. читатель, ежели ты автор и ежели тебя когда-нибудь хвалили, так спроси ты у себя, сколь велика была моя радость. В другом месте услышал: надобно этому автору, говорили мои судьи, надобно ему побольше просвещения, в прочем пишет он не худо. Третьи хвалили предисловие, но недовольны были сказкою. Иные хвалили сказку, но недовольны были предисловием. Еще были люди, которые говорили, на что ему мешаться в политические дела, мало ли в городе новостей, которыми бы он читателям своим гораздо больше сделал угождения, нежели как ведомостями о политических делах. Иные по известному своему добросердечию ругали мои загадки, говоря, что это не загадки, но наглый вздор.

Такие разные рассуждения и толки привели меня в замешательство и дали рассуждению на несколько минут торжествовать над самолюбием. Надобно угодить всем читателям, размышлял я; но что такое им сообщать? и достанет ли к тому сил моих? — Нет,

нет, это невозможность. Сто раз принимался я писать и опять вычерпывал; что понравилось бы, по моему мнению, одним, то, заключал я тотчас, не понравится другим читателям. Горестное состояние! глупое упражнение! бесполезный и ненавистный труд быть автором без достоинств или не иметь довольно бесстыдства все написанное предлагать, одобрять и превозносить еще больше славных сочинений! Тут-то я узнал, что не всякий может быть хорошим писателем, кто только писать имеет охоту; так, как не всякий тот хороший имеет в напитках вкус, кто только пить хочет: пьяница и простое вино хвалит лучше шампанского, а самолюбивый автор и прескверное свое сочинение ставит лучше чужого совершенного. Несносное, не имеющее среднего пути, состояние! надобно быть или хорошим писателем и быть из зависти поминутно критикованy, или скверным и быть посмешищем всего города; слыть ругателем или дураком. Вот два награждения, которые авторы получают за свои труды. Я бесился, рвал бумагу, ломал перья: но они ли виноваты? проклинал ту несчастную минуту, в которую в первый раз написал: «Пустомеля».

Словом сказать, если когда-нибудь тебе, читатель, случалося быть в беседе с пустомелею, который беспрестанно болтает, а сам никого не слушает; или с престарелою кокеткою, которая рассказыванием старинных своих любовных дел, себя утешая, наводит скуку другим и слушателей отягощает; или с трусом, который на военной своей лире напевает все свои походы, осады городов, сражения, превозносит свою храбрость до небес, описывает робость других и удивляется нынешним обрядам; или со школьным педантом, который иначе не умеет говорить, как силлогизмами, и без ерго ни единого не выговорит слова; или с ветреным молодчиком, который опричь из романов о любви вытверженного ничего говорить не может; или с судьею, приказным крючком, который и с девицами ничего иного не говорит, как о указах, приказных крючках и пытках; или, наконец, со стихотворцем, который равняет себя со славными российскими писателями и говорит только о чищении российского языка, похвалу себе и хулу другим, и которое чищение разумные люди называют порчею российского без порчи прекрасного наречия; итак, если г. читатель с сими людьми когда-нибудь бывал, так ты знаешь, каковы они несносны, таков-то несносен был я сам себе, или еще столько, сколько несносны Талии Л** комедии. Вот в каком был я тогда состоянии; но в самое сие время вошел ко мне незнакомый человек. Во время моего с ним разговора беспокойствие мое уменьшалося, а по выходе его и совсем успокоился. Я стал на авторство смотреть другими глазами, после того взял перо, написал, предаю тиснению и оставляю горестные авторские минуты позднейшим моим потомкам: пусть будут они со временем трудиться узнать, подлинно ли был я в таком жестоком состоянии или только выдумал; чистосердечно

ли я сам про себя это написал или целил на известное мне какое-нибудь лицо; пусть будут делать заключения, какие им угодны; а я между тем опишу разговор мой с незнакомым человеком и читателю моему сообщу, только не теперь, а со временем.

[О ФОНВИЗИНЕ]

Кажется, что нет нужды читателя моего уведомлять о имени автора сего послания; перо, писавшее сие, российскому ученому свету и всем любящим словесные науки довольно известно. Многие письменные сего автора сочинения носятся по многим рукам, читаются с превеликим удовольствием и похваляются сколько за ясность и чистоту слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и приятность изображения; словом, если обстоятельствы автору сему позволят упражняться во словесных науках, то не безосновательно и справедливо многие ожидают увидеть в нем российского Боало. Его комедия *** столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лучшего и Молиер во Франции своим комедиям не видал принятия и не желал; но я умолчу, дабы завистников не возбудить от сна, последним благоразумием на них наложенного.

[О ДМИТРЕВСКОМ]

Г. Д***, актер придворного российского театра, приехав к нам, столько наделал шуму, что во всем городе только и разговоров, что о нем; и подлинно, московские жители увидели в нем славного актера. Он играл в «Семире» Оскольда и всех зрителей пленил. В «Евгении» комедии графа Кларандона: искусство, с каким он сей роль представлял, принудило зрителей оную комедию просить еще три раза, в чем они были удовольствованы и в каждое представление в новое приходили восхищение; казалось, будто искусство г. Д*** по степеням еще больше возрастало. Надобно отдать справедливую похвалу и г. переводчику сей комедии; ибо он все красоты, находящиеся в подлиннике, сохранил и на российском языке. Г. Д*** играл еще Вышеслава и Ревнивого с равномерною же от всех похвалою; а еще ожидают представления «Хорева» и «Беверлея». Зрители собиралися в театр в таком множестве, что многие по причине великой тесноты не могли получать билетов, если хотя мало опаздывали. Наконец

должно сие заключить тем, что г. Д*** московских жителей удивил, привел в восхищение и заставил о себе говорить по малой мере два месяца.

[О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТРАГЕДИИ СУМАРОКОВА «СИНАВ И ТРУВОР»]

Недавно здесь на придворном императорском театре представлена была «Синав и Трувор», трагедия г. Сумарокова. Трагедия сия играна была по переправленному вновь г. автором подлиннику. Нет нужды выхвалять сего почтенного автора сочинений; они так хороши, что кто только их читал и кто имеет разум, те все ему, отдавая справедливую похвалу, удивляются; которые же не похвалят, тем надобно просить о отпущении своего согрешения. Что ж касается до актеров, представлявших сию трагедию, то надлежит отдать справедливость, что г. Дмитревский и г. Троепольская привели зрителей во удивление. Ныне уж в Петербурге не удивительны ни Гарики, ни Лекены, ни Госсенши. Приезжающие вновь французские актеры и актрисы то подтверждают. Со всем тем нельзя пропустить, чтобы не заметить слабость и пристрастие к французам одного господина, который во время представления сей трагедии, когда г. Д. и г. Т. зрителей искусством своим восхищали, он, воздыхаючи, сказал: «Жаль, что они не французы; их бы можно почесть совершенными и редкими в своем искусстве». Через несколько дней, когда представлена была французская пиеса, то сей господин не мог воздержать ни чрезмерной радости и восхищения, ни также чрезмерного и смешного своего пристрастия, делая похвалу французским актерам; и хотя комедия играна была смешная, однакож он собою гораздо больше делал смеха.

[О КРИТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ ИЗДАВАЕМЫХ КНИГ]

Общество наше, из нескольких человек состоящее, предприяло издавать на сей год периодические листы под заглавием «Санктпетербургских ученых ведомостей». Сочинений такового рода много вышло во свет на разных европейских языках, но на нашем по сие время не было еще ни единого. Ученый свет давно ожидает сея дани от нашего отечества: распространение наук в России и успехи в оных единоземцев наших во всех ученых евро-

пейских мужах ежедневно умножают любопытство к достоверному узнанию оных. Правда, что к заплате сея дани требовалося бы перо гораздо искуснейшее нашего, но усердие к пользе и славе отечества заменит нам сей недостаток предварением других в издании «Ученых ведомостей» и доставит честь первенства, на снискание коея не все охотно отваживаются; ибо должно до нее достигать по непротоптанным и многотрудным стезям.

Сочинения сего рода обыкновенно почти вмещают в себя уведомление о напечатанных книгах во всей Европе, с присовокуплением критических оным рассмотрений; вносятся также в оные земные и морские чертежи, эстампы и проч.; известия о делах ученых и об успехах их в науках также занимают здесь место: короче сказать, все, что ни происходит в *ученом свете*, то все обретает место в сих сочинениях.

Подражая сему примеру, мы точно тот же будем наблюдать порядок в наших «Санктпетербургских ученых ведомостях»; но с такою притом на первый случай ограниченностию, что все сие будет касаться до нашего токмо отечества.

Сверх сего мы будем иногда вносить в наши «Ведомости» мелкие стихотворения, которые более согласны будут с нашим намерением. Да и пригласили бы мы господ российских стихотворцев к сочинению надписей к личным изображениям российских ученых мужей и писателей, если бы не опасались мы их тем отвлечь от важнейших трудов. Но ежели бы захотелось им оказать нам учтивость исполнением нашея просьбы, то предложили бы следующее упражнение: сочинить надписи Феофану Прокоповичу, к. Антиоху Кантемиру, Николаю Никитичу Поповскому, в науках прославившимся мужам; Антону Павловичу Лосенкову и Евграфу Петровичу Чемезову, в художествах отличным мужам. Сего на первый случай было бы довольно.

Мы намерены также вносить в листы наши касающееся до описания жизней российских писателей, которое бы могло служить споможением ко приведению в лучшее совершенство (сочиненного г. Новиковым) «Опыта исторического словаря о российских писателях», напечатанного в Спб. 1772 года.

Но как критическое рассмотрение издаваемых книг и прочего есть одно из главнейших намерений при издании сего рода листов и поистине может почитаться душою сего тела, то и испрашиваем мы у просвещенныя нашея публики, да позволится нам вольность благодарныя критики. Не желание охуждать деяния других нас к сему побуждает, но польза общественная; почему и не уповаем мы сею поступкою нашею огорчить благоразумных писателей, издателей и переводчиков; тем паче, что во критике нашей будет наблюдаема крайняя умеренность и что она с великою строгостию будет хранима во пределах благопристойности и благонравия. Ничто сатирическое, относящееся на лицо, не будет иметь места

*

в «Ведомостях» наших; но единственно будем мы говорить о книгах, не касаясь нимало до писателей оных.

Впрочем, критическое наше рассмотрение какия-либо книги не есть своенравное определение участи ее, но объявление только нашего мнения об оной. Сами господа писатели, издатели или переводчики оных могут присылать возражения на наши мнения, которые мы, получив, охотно поместим в наших «Ведомостях», если только в сочинении сем наблюдены будут принятые нами правила благопристойности и если сочинитель оного подпишет к нам свое имя. Могут сие делать и другие, кому не понравится какое-либо наше мнение и кому за благо рассудится оное опровергнуть; но наблюдая скромность и благонравие и подписываясь притом под своим опровержением. Просвещенные и благоискусные читатели легко проникнуть могут, куда склоняется сие наше намерение.

Мы просим и приглашаем всех ученых мужей и любителей российских письмен быть нашими сотрудниками и соучаствовать во предприятии нашем, клонящемся единственно к пользе общественной. Все таковые присланные статьи помещаемы будут в наших «Ведомостях», если также согласны оные будут со принятыми нами правилами. Кто соблаговолит соучаствовать во трудах наших из живущих в Санктпетербурге и в Москве, тех просим сообщать к нам сочинения свои, запечатав и надписав на имя издателей «Санктпетербургских ученых ведомостей», присылать оные в Спб. ко книгопродавцу К. В. Миллеру, живущему в Луговой Миллионной улице, а в Москве в университетскую книжную лавку, ко книгопродавцу Ридигеру; из других же российских городов желающие могут сообщать чрез почту к которому-нибудь из сих двух книгопродавцев.

Мы за благо судили быть утаенным именам нашим, а будем ставить под каждою статьею одну букву из имени или прозвания того сочинителя, который ее писал и которую кто избрал себе изо всех письмен, имя и прозвание его составляющих. Любопытные читатели могут отгадывать по сим буквам имена наши сколько им угодно. Сие упражнение оставляем мы охотникам до новостей; себе же *избираем благую часть, от нея же никогда не отымемся;* сиречь, всеусильно и по крайней нашей возможности стараться станем трудами нашими снискать благоволение всеавгустейшия и премудрыя монархини нашея, благосклонность просвещенныя публики нашея и одобрение мужей ученых.

Н.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

Из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило. Польза, от таковых книг происходящая, всякому просвещенному читателю известна; не может также быть неведомо и то, что все европейские народы прилагали старание о сохранении памяти своих писателей: а без того погибли бы имена всех в писаниях прославившихся мужей. Одна Россия по сие время не имела такой книги, и, может быть, сие самое было погибелию многих наших писателей, о которых никакого ныне не имеем мы сведения. Ныне наступило то время, в которое неусыпным попечением премудрыя нашея императрицы исправляются погрешности предков наших. Под благополучным владением Екатерины Великия Россия вступила на такий степень величества, что все иностранные народы счастию ее завиствуют и удивляются. Невольница татарская приводит в трепет Мустафу и Магомеда; погруженная прежде в невежество Россия о преимуществе в науках спорит с народами, целые веки учением прославлявшимися; науки и художества в ней распространяются, а писатели наши прославляются. Свидетельствуют сие многие подлинные наши на иностранные языки переведенные книги. Всякие известия, до российской истории касающиеся, иностранными народами принимаются со удовольствием. Между прочими в 1766 году некто российский путешественник сообщил в лейпцигский журнал известие о некоторых российских писате-

лях, которое во оном журнале на немецком языке напечатано и принято с великим удовольствием. Но сие известие весьма кратко, а притом инде не весьма справедливо, а в других местах пристрастно написано. Сие самое было мне главным поощрением к составлению сея книги; но сколь сие трудно, благоразумный читатель и без моего о том объяснения рассудить может; исключая то, что первые следы во всяком деле пролагать трудно, должен я был большую часть наших писателей собирать по словесным только преданиям. Не в порицание неизвестному писателю, сообщившему в лейпцигский журнал описание наших авторов, упомянул я здесь о его известии и не в похвалу себе; но только для того, чтобы показать, сколь трудно в первый раз издавать такого рода сочинения. Мой словарь имеет свои погрешности и, может быть, столько же еще не достигает до достоинства своего имени, как и то известие, о котором я упомянул. Есть и такие в книге моей погрешности и недостатки, которые и сам я усматривал; но они остались неисправленными потому, что я не мог никак достовернейшего получить известия. И сие-то принудило меня в заглавии сея книги написать «Опыт исторического словаря о российских писателях». Я старался собирать имена всех наших писателей; но при отпечатании моей книги получил я еще о многих известие; а сие самое подает надежду, что и еще многие откроются. В таком случае остается мне просить вспомоществования в моем труде от моих читателей. Всякий любитель словесных наук, имеющий сведение о ком-либо из наших писателей, в сию книгу не внесенных, или в поправление изданного, написав, может сообщить в письме к сочинителю сей книги, которое принято будет с благодарностию и со удовольствием поместится в продолжение сего «Словаря». Я не исключаю из сего и критик, на благоразумии и справедливости основанных: они тем приятнее для меня будут, чем более способствовать станут к приведению в совершенство сея книги. Если кто соблаговолит прислать такие письма из живущих в здешнем городе, те могут оные сообщить к переплетчику, у которого книга сия продаваться будет; а из других городов могут подписывать на имя сочинителя и посылать на почте, а мое старание будет получать оные с почтового двора. Чем более будет сообщено ко мне таких известий, тем больше удостоверюся я, что труд мой от просвещенного общества заслуживает внимание.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ

А

Аблесимов Александр [1742—1783] — адъютант в штате генерал-майора Сухотина, написал несколько элегий, эпиграмм и эпитафий, которые и напечатаны в ежемесячном сочинении «Трудолюбивой пчеле», изданном 1759 года в Санктпетербурге. Его «Сказки в стихах», напечатанные там же 1769 года особливою книжкою, и многие другие стихотворные сочиненьица, в разных книгах напечатанные, довольно имеют остроты и посредственно хороши. Он сочинил прозою три комедии и одну комическую оперу в одном действии стихами: первая комедия, «Подьяческая пирушка», в 5 действиях, а другие в 1 действии; все они довольно хороши, а некоторые явления и похвалу заслуживают: ибо в них находится много соли, остроты и забавных шуток. Он имеет способность писать шуточные сочинения и перевороты, из которых и написал многие довольно удачно; но они, так, как и его комедии, еще не напечатаны и на театре не представлены.

Ададуров Василий Евдокимович [170(?)—177(?)] — тайный советник, сенатор, Московского университета куратор и ордена святыя Анны кавалер, человек ученый и просвещенный; будучи адъюнктом Академии наук, сочинил «Правила российской орфографии» и перевел на российский язык немало весьма изрядных и полезных книг.

Адриан [1627—1700] — патриарх московский и всея России; из сочинений его остались известными две только рукописные книги: первая «Щит веры», содержащая в себе разные нравоучительные рассуждения, возражения противу еретиков и другие наставления; вторая содержит в себе грамоты или послания сего патриарха, в разные времена писанные, и указы духовные. Обе сии книги хранятся в императорской библиотеке.

Алексеев Петр [1727—1801] — московского Успенского собора ключарь и императорского университета учитель катехизиса, писал стихи, из которых много внесено в переведенную им книгу «Истинное благочестие христианския веры», напечатанную в Москве 1768 года. Есть много и других его стихотворений; но оные, так, как и некоторые изрядные его поучительные слова, не напечатаны.

Амвросий [1708—1771] — архиепископ московский и калужский, родился 1708 года 17 октября в городе Нежине и наречен при крещении Андреем. Отец его, Стефан Константинов сын Зертис, был волох, уроженец местечка Сороки, и, выехав 1691 года в Малороссию, определен был, в рассуждении знания его греческого, волосского и турецкого языков, переводчиком при малороссийских гетманах.

По смерти отца своего Андрей позван был от родного по матери дяди своего, Киевопечерской лавры соборного старца (бывшего потом в нежинском Благовещенском монастыре архимандритом) Владимира Каменского, для обучения в Киевской академии латинскому и польскому языку и другим свободным наукам, тамо преподаваемым. При определении же его в сие училище дал ему прозвание свое Каменский. Сей Андрей в скором времени в учении оказал хорошие успехи, почему и отправлен был в Польшу в город Львов для лучшего и совершеннейшего оных изучения. Пробыв тамо два года, возвратился паки в Киев; а оттуда поехал в Санктпетербург, где в 1735 году определен был учителем в новозаводимой семинарии при Троицком Александроневском монастыре, в коем 1739 года пострижен в монахи и наречен Амвросием.

Тщательное исправление порученной ему должности и особливое искусство в проповедывании слова божия, как и добродетельная его жизнь получили вскоре достойное награждение: ибо в 1748 году мая 10 дня императрица Елисавет Петровна высочайшим указом синоду повелела произвесть его в архимандрита в Ставропигиальный Воскресенский, новый Иерусалим именуемый, монастырь, поручив ему строение оного, и быть ему в синоде членом.

1753 года ноября 7 дня по именному ее же величества указу посвящен он в Москве епископом переяславским и дмитревским, и велено притом ведать ему Воскресенский монастырь, именуясь тамошним архимандритом, и остаться членом в синоде.

1761 года марта в 7 день переведен он на Крутицкую епархию, а 7 октября того ж года пожалован архиепископом тоя ж епархии, то есть сарским и подонским, переименованным потом крутицким и можайским.

1768 года генваря 18 дня ее императорское величество ныне благополучно владеющая государыня при отъезде своем из Москвы в Санктпетербург всемилостивейше благоволила перевесть его из Крутицкой на Московскую епархию, где и находился он по день страдальческой своей кончины, последовавшей 16 сентября 1771 года, на 63 году от рождения его, причиненной от возмутившейся в Москве черни, которая, нашед его в Донском монастыре, во время божественной службы из алтаря и церкви вытаща, бесчеловечным образом лишила жизни пред воротами того монастыря, в котором он и погребен 4 октября того же года в трапезной церкви, на левом крылосе у стены. При погребении его говорил проповедь Московской академии префект иеромонах Амвросий. Другое слово на убиение его сочинено студентом Алексеем Левшиновым, напечатанное 1771 года в Санктпетербурге.

Сверх обыкновенных при Александроневской семинарии трудов и проповедей упражнялся он в переводе следующих книг на российский язык:

I. Послания святого Игнатия, епископа антиохийского.

II. Огласительные поучения святого Кирилла, епископа иерусалимского. Сии обе книги с дозволения святейшего правительствующего синода напечатаны в московской синодальной типографии.

III. Четыре книги богословские св. Иоанна Дамаскина, отданные же в печать.

IV. Рассуждение против афеистов и неутралистов, напечатано в Москве 1765 года.

V. Трактат о происхождении св. духа, сочиненный на латинском языке преосвященным Феофаном Прокоповичем, его иждивением напечатан в Геттинге 1771 года.

VI. Опыт о человеке Попия, переведенный г. Поповским, во многих местах, при рассуждениях, до веры принадлежащих, им исправлен и под присмотром его печатан при Московском университете 1757 года.

VII. Более же всего прилежал он в исправлении псалтыри с еврейского на российский язык, с помощию нынешнего донского архимандрита Варлаама Лащевского, преискусного в еврейском языке мужа. Она была уже приведена к концу и для поднесения ее императорскому величеству набело переписана; но, к крайнему сожалению и невозвратной гибели, в бывшее Чудова монастыря разграбление не токмо список оныя, но и самый подлинник в мелкие лоскутки изорван. Сему несчастию подвержена была и вся его немалая библиотека, содержащая в себе довольное число редких и нужных книг, также и много достопамятных записок, принадлежащих до церковной российской истории, которую он сочинять намерение имел, и почти все нужное к тому заготовлено было.

Кроме многих полезных наук, сану его приличных, довольное имел он знание в гражданской и церковной архитектуре и от природы великую имел к ней охоту: доказательством сему производимые им везде, где он был, строения и украшения церквей и покоев. Воскресенский монастырь единственное в России огромное и славное, паче многих подобных мест, строение, не от россиян токмо, но и от чужестранных похваляемое, свидетельствует его труды, знание и искусство в созидании храмов божиих.

Переяславской епархии архиерейский дом после бывшего там пожара вновь им воздвигнут; соборная в горицком престольном его доме церковь украшена, и собственным его иждивением иконостас в ней сделан; а строение там же гепсимании, или богородичного гроба, за переведением его на Крутицкую епархию не окончано.

Крутицкий архиерейский дом в Москве, престольная его снаружи церковь, а Чудов монастырь внутри отделан его старанием и большею частию его собственным иждивением, доказывает его просвещенный вкус и прилежное рачение к великолепному, для украшения городов нужному и выгодному строению.

Прошлого, 1769 года высочайшим ее императорского величества указом поручено ему было обновление трех больших московских соборов, Успенского, Благовещенского и Архангельского. Средний из них ревностным его присмотром приведен в первое благолепие; а другие два за наступившею в Москве заразительною болезнию не начаты.

Что принадлежит до нрава и природных свойств сего пастыря, то он был примерный в сане и достоинстве своем муж; разум его был просвещенный, чужд суеверия и лицемерия; в обхождении со всеми знающими его учтив, к подчиненным строг, но правосуден, к высшим почтителен, к низшим снисходителен, а к равным благосклонен. В раздавании милостины бедным, а паче странным и пришельцам щедр без тщеславия. Сие неоспоримо доказывает Московский воспитательный дом, где он, подая пример человеколюбия, принял на себя звание опекуна и где собственно от себя ежегодные делал немалые подаяния и для воспитываемых там младенцев учредил по всем приходам в Москве для доброхотных дателей кружки; в благочестии христианском был тверд, недреманный наблюдатель и исправитель своей паствы; ревностный исполнитель высочайших повелений, судия нелицемерный, любитель наук и покровитель учащихся; в дружбе искренен, в трудах неутомим, за что всеми учеными и просвещенными людьми был любим и почитаем, и в опасностях неустрашим: ибо во время самой предстоящей смерти, услыша вопль, крик и пальбу окруживших и к убиению его стремящихся мятежников, более об них, нежели о своей сожалел напасти. Почему, преклонив колена и воздев к образу спасителеву руки, со слезами произнес сие моление: «Господи! остави им, не ведят бо, что творят; не введи их в напасть, но отврати стремление их: и якоже смертию Ионы укротилось волнение моря, тако смертию моею да укротится ныне волнение сего свирепеющего народа!» Видя же их отбивающих монастырские вороты, пошел в церковь, где у служащего литургию священника исповедался и, святых таин приобщась, отдался без супротивления жаждущим крови его убийцам, и до последнего издыхания произносимо было его устами имя сына божия, которому он вручив дух свой успе; а злочестивые его убийцы, яко изверги рода человеческого, вскоре потом казнены поноснейшею смертию и преданы церковию анафеме.

Амвросий [1690—1745] — архиепископ новогородский, довольно сочинил поучительных слов, которые и похваляются; а напечатано из них только одно в Санктпетербурге 1741 года.

Амвросий [1742—1818] — Заиконоспасского училищного монастыря проповедник, сочинил много весьма изрядных поучительных слов; а напечатано из них только одно, сказыванное при погребении московского архиерея Амвросия, убиенного московскою чернию. В прочем его проповеди знающими людьми весьма много похваляются.

Аничков Димитрий [1733—1788] — Московского императорского университета философии и свободных наук магистр, сочинял слова: 1) о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости божией и что в нем ничего не бывает по случаю, напечатанное в Москве 1767 года; 2) о истинном богопознании, весьма много похваляемое за свободное и ясное сей важной материи объяснение, напечатанное в Москве ж, и еще некоторые другие.

Антоний [1738—1786] — архимандрит новогородского Вяжицкого монастыря, человек острый, ученый и искусный в латинском, греческом и славенском языках, также в философии, богословии и риторике; сочинил несколько поучительных слов, весьма много похваляемых от знающих людей; но напечатаны из них только немногие.

Арсений [1697—1772] — бывший митрополит ростовский и ярославский, человек ученый, писал много поучительных слов; но из них немногие напечатаны 1742 года в Москве.

Афонасий [1712—1776] — епископ ростовский и ярославский, сочинил много весьма изрядных поучительных слов, из коих некоторые напечатаны в Москве при синодальной типографии.

Афонин Матвей [1733—1810] — императорского Московского университета натуральной истории экстраординарный профессор, сочинил несколько торжественных слов, напечатанных в Москве в разных годах.

Б

Баранович Лазарь [1620—1693] — епископ черниговский, сочинил стихи, которые приложены к книге «Руно орошенное», напечатанной церковною печатью в Чернигове 1683 года; плач о преставлении царя Алексия Михайловича и приветствие царю Феодору Алексиевичу, стихами, в 1676 году; также сочинил прозою две книги: первая, «Трубы словес», напечатана в Киеве 1674 года, а вторая, «Меч духовный», печатана в Киеве ж 1686 года; обе сии книги содержат в себе поучительные слова, сказыванные сим епископом; о других его сочинениях нет никакого известия.

Барков Иван [1732—1768] — был переводчиком при императорской Академии наук; умер 1768 года в Санктпетербурге. Сей был человек острый и отважный, искусный совершенно в латинском и российском языке и несколько в итальянском. Он перевел в стихи Горациевы сатиры, Федровы басни с латинского, драму «Мир героев» и другие некоторые с итальянского, кои все напечатаны в Санктпетербурге в разных годах, а сатиры с критическими его на оные примечаниями; также писал много сатирических сочинений, переворотов и множество целых и мелких стихотворений в честь Вакха и Афродиты, к чему веселый его нрав и беспечность много способствовали. Все сии стихотворения

не напечатаны, но у многих хранятся рукописными. Он сочинил также «Краткую российскую историю», от Рюрика до времен Петра Великого, но она не напечатана; также сочинил он описание жизни князя Антиоха Кантемира и на сатиры его примечания. Вообще слог его чист и приятен, а стихотворные и прозаические сатирические сочинения весьма много похваляются за остроту.

Барсов Антон [1730—1791] — Московского императорского университета профессор красноречия, сочинил на предприятое и с благополучным успехом оконченное прививание оспы ее императорским величеством весьма изрядное слово, напечатанное ноября 10 дня 1768 года, много похваляемое за чистоту российского слога и прочие красоты, в нем находящиеся; есть и еще несколько слов его сочинения.

Башилов Семен [1740—1770] — родился в Троицкой лавре от приказного служителя, а в 1757 году вступил в Московский университет и обучался латинскому и французскому языку, риторике и мафиматике, где за прилежность и успехи в науках получил медали. В 1762 году взят обратно в Троицкую лавру и обучал в тамошней семинарии мафиматике, а оттуда взят был для отправления в Англию при студентах инспектором; но по приезде в Петербург увидел, что за различными его припадками туда ехать не мог, и определен был в императорскую Академию наук переводчиком. В 1769 году из Академии перешел в Комиссию о сочинении проекта нового уложения сочинителем; в 1770 году взят был в правительствующий сенат и произведен секретарем; но умножившиеся его припадки чахотной болезни и другие не допустили его пользоваться милостию его благодетеля, ибо он умер того ж года июля 11 дня горячкою. Сей был человек разумный и просвещенный, упражнялся много во словесных науках; будучи при Академии, издал он под своим смотрением две части Никоновской летописи, Судебник царя Иоанна Васильевича, перевел много весьма полезных книг с великим успехом и сочинил довольно сатирических писем, напечатанных в еженедельном сочинении «Ни то ни сё», изданном 1769 года в Санктпетербурге. Вообще слог его чист и приятен.

Братищев Василий [нет дат [1]] — статский советник, будучи в Персии от российского двора резидентом, сочинил историческое известие о происшедших печальных приключениях между шахом Надыром, известным под именем шаха Тахмас Кули-хана, и старшим его сыном Реза Кули-мирзою в 1742 году. Сия книжка весьма достойна особливого примечания по находящейся в ней исторической истине, сокровенной почти от всех европейских писателей: ибо он, разумея персидский язык и будучи самовидцем происшед-

---

[1] Даты рождения и смерти неизвестны. Отсутствие в дальнейшем в ряде случаев таких дат объясняется невозможностью их установления. *(Прим. ред.)*

шего, описал сие приключение с великою исправностию. Г. Братищев за труд сей превеликой достоин похвалы. Напечатана сия книжка 1763 года в Санктпетербурге.

Бекетов Никита Афанасьевич [1729—1794] — астраханский губернатор, генерал-поручик и ордена святыя Анны кавалер, в молодых своих летах много писал стихов, а более всего песен, из которых многие напечатаны в книгах «Собрание разных песен», в 1769 и 1770 годах. Его песни многими знающими людьми похваляются. Он сочинил также трагедию, но в свет ее не издал.

Белоградский Андрей. — Из его сочинений осталась известною одна только книжка «Беседа милости со истиною», напечатанная в Санктпетербурге. Сия книжка написана весьма замысловато и достойна похвалы.

Бибиков Василий Ильич [1747—1787] — двора ее императорского величества камергер и придворного российского театра директор, сочинил в 5 действиях комедию, «Лихоимец» именуемую, которая многократно на придворном российском театре была представлена со успехом и всегда принимана со особливою похвалою; но она еще не напечатана. Впрочем, надлежит засвидетельствовать справедливую похвалу сочинителю сей комедии: ибо он, держась театральных правил, сочинил ее точно в наших нравах; характиры всех лиц его комедии выдержаны порядочно и свойственно их подлинникам; завязка и предложение естественны и кажущиеся подлинными, и игры довольно; наконец, сказать должно, что комедия сия почитается за одну из лучших в российском театре.

Бринк Т. [1] — Из сочинений сего писателя осталась известною одна только книга, содержащая в себе описание огнестрельной науки, с фигурами, напечатанная в Москве 1720 года.

Богданов Андрей [1707—1768] — императорской библиотеки помощник библиотекарский, муж ученый и искусный, сочинил «Симфонию на деяния апостольские» и начал было трудиться в сочинении симфоний на священную библию ветхого и нового завета; но по некоторым причинам сей труд оставил. Он сочинил описание первобытного состояния Санктпетербурга и украсил многими планами и проспектами; также логическую азбуку о произведении и свойстве российских букв; да на российском и японском языке сочинил книги: грамматику, вокабулы, дружеские разговоры и «Орбис пиктус», то есть свет в лицах. Все сии сочинения не напечатаны, но хранятся в императорской библиотеке. Умер он 1768 года, около 70 лет от рождения.

Богданович Ипполит [1743—1802] — государственной коллегии иностранных дел переводчик, человек молодой, но искусный во словесных науках, также во французском, итальянском и российском языках. Сочинил поэму «Сугубое блаженство», довольно

---

[1] У Новикова ошибочно Бринцкой Тимофей. *(Прим. ред.)*

торжественных, духовных и анакреонтических од, эпистол, стансов, басен, сказок, сонетов, эклог, элегий, идиллий, эпиграмм, писем и других сатирических сочинений, которые все напечатаны в ежемесячных сочинениях, «Полезном увеселении» 1760, 1761, 1762 гг. в Москве, и других книгах. Перевел с итальянского языка г. Мишеля Анжело Жианети песнь ее императорскому величеству с совершенным искусством. Означенные его поэма, песнь и некоторые оды напечатаны в Санктпетербурге и похваляются много знающими людьми.

Болгарский [XI в.] — архиепископ, сочинил книгу «Благовестник» на четырех евангелистов. Она напечатана в Москве 1703 года. О имени сего писателя никакого не мог я найти известия.

Бужинский Гавриил [168(?)—1731] — обер-иеромонах, сочинил весьма изрядную проповедь на взятье Шлиссельбурга. Есть и еще много сочинения его поучительных слов, собранных и напечатанных особливою книжкою в Москве 1722 года.

Булатницкий Егор [174(?)—1767] — Московского университета студент, умер 1767 года в Москве. Он сочинил итальянскую грамматику, которая и напечатана в Москве 1760 года.

Булгаков Яков [1743—1809] — надворный советник. Сочинения его некоторые прозаические пиесы напечатаны в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение» 1761 года в Москве и также несколько переводов.

Бурцов Василий. — Из сочинений его остался только один букварь с десятословием, в котором собственные имена расположены по грамматическим падежам. Напечатана сия книга в Москве 1637 года.

Буслаев Петр [XVIII в.] — острый и словесный человек. Сей по совершении богословского курса был сперва диаконом в московском Успенском соборе, но по смерти своея жены оставил сей чин и жил до смерти своей бельцом. Сочинил он в двух частях поэму стихами на смерть самыя добродетельныя, боголюбивыя, странноприемныя и благоразумныя в жизни жены, вдовствовавшия баронши Марьи Яковлевны Строгоновой; а напечатана та его поэма с собственными его примечаниями в Санктпетербурге 1734 года под заглавием «Умозрительство душевное, описанное стихами, о преселении в вечную жизнь превосходительной баронессы Марьи Яковлевны Строгоновой». При сей поэме напечатаны также и два его надгробия в прозе: одно упомянутой Строгоновой, а другое супругу ее Григорью Дмитриевичу Строгонову. Стихи сего Буслаева суть среднего [1] российского стихотворства; но в прочем

[1] Хотя и не совсем принадлежит к моему намерению изъяснение о среднем российском стихотворстве, однакож мне рассудилося для лучшей ясности взять оное из сочинения покойного г. Тредияковского «О древнем, среднем и новом стихотворстве», напечатанного в академических сочинениях 1755 года, на стр. 484 и далее, и поставить слово от слова, как в подлиннике находится.

за многие преизрядные и тонкие мысли превеликой достойны похвалы. Покойный г. Тредияковский привел из сочинения его следующие стихи:

Тогда показался красен человеков паче,
Властительно блистая, как бог не иначе;
В свет, очам ненасытный, оболчен был красно,
Сладко было нань зрети, с радостью ужасно.
Тело ж все было в крови, как от мук недавно:
Пробиты руки, ноги, и бок виден явно.
Однакож славы сие не отымало,
Но любовь божественну казало немало,
Очи являли милость, лице же все радость,
Весь он был желание, весь приятна сладость.
Округ его стояли небесные силы,
Светлы лица имуще, и лектровыж крилы
От славы неприступной себе закрывали.
К Марии Христос приде: дивно воспевали.
Таж явилася скоро прекрасна девица,
Вскликнули силы: пришла небесна царица.
Облоченна вся в солнце, луна под ногами,
На главе же корона царская с звездами.
Мужей, жен и дев много входили по чину:
Страшно нам грешным было рассуждать причину.
Все блещут во славе, чести и силе небесной.
Ум душевны се видел, слеп был зрак телесной.
Пламеновидны силы крест Христов окружали.
Тернов венец и ужи, чем Христа вязали,
Трость, копие и гвозди: страстей инструменты,
От чего трепетали света элементы.

Все стихи, как больший, так и малый, не имеют никаких в себе стоп; следовательно, не падают по определенным расстояниям ни от ударения к неударению, ни впреки, да токмо имеют определенное число слогов и на конце двух стихов двусложную рифму для того, что польский язык всегда имеет ударение в своих словах на предпоследнем слоге, и потому не возможно ему употребить ни односложныя, разве всегда односложными речениями на диво, ни трисложныя рифмы. Самый больший стих имеет в себе 13 слогов и делится на два полстишия, так что в первом считает 7 слогов, а во втором 6; по сем следующий стих состоит из 11 слогов и делится также на два полстишия, в первом полагая 5 складов, а во втором 6 же, как и в самом большом стихе. Прочие стихи в 9, 7, 5 и в 3 склада не разделяются на полстишия; но токмо двусложною оною украшаются рифмою. Во всех стихах позволено переносить недоконченный разум в первом стихе в начало последующего стиха, а не до конца его или до конца первого полстишия. Строф, кроме сафическия, никаких в нем нет, нет также, или по крайней мере не видывано от первых времен, на нашем языке смешенныя рифмы; всюду тогда в стихах употребляема была непрерывная. Сей точно есть исправный состав среднего российского стихотворения, вычищенный уже во всем и утвержденный, а восприятый к нам с образца польских стихов.

Потом изъясняется о нем следующими словами: «В таком случае что выше сего выговорить возможно? но что и сладостнее и вымышленнее? если б в сих стихах падение было стоп, возвышающихся по определенным расстояниям, то что сих Буслаевых стихов могло б быть и глаже и плавнее?» и проч.

Из примечаний Буслаева на его поэму усмотреть можно, что он был человек ученый и что не безызвестны были ему все лучшие древние писатели и стихотворцы. На 12 стран. упоминает он Гомера, Виргилия, Овидия и других, приводя в пример ко своей поэме.

Брюс Яков Вилимович [1] [1670—1735] — граф и генерал-фельдмаршал, муж высокого ума, острого рассуждения, твердой памяти и добродетельного жития, искусный в физике и мафиматике, а наипаче всего ревнитель к пользам России. Будучи со младых лет при государе Петре Великом, перевел с аглинского и немецкого языка на российский многие полезные книги и сочинил сам «Геометрию» с изрядными украшениями. Притом подарил в Санктпетербургскую Академию наук свой кабинет немалой цены, состоящий из древних медалей, монет, руд и других редкостей, из мафиматических, а наипаче астрономических инструментов, и также из многих книг библиотеку. Он сочинил календарь, который и ныне известен под именем «Брюсова календаря».

В

Вельяшева-Волынцева Анна Ивановна — девица, дочь артиллерии подполковника, сочинила довольно стихов, заслуживающих похвалу. Она также перевела с французского на российский язык брандебургскую историю, «Тысяча и один час» и другие некоторые. Сии книги напечатаны в Москве в разных годах, и переводчица, в рассуждении молодых своих лет и исправности перевода, достойна похвалы.

Венецеев Семен — коллежский регистратор, много писал похвальных од и других стихотворных сочинений; но печатных нет.

Вениамин [1706—1782] — архиепископ казанский и свияжский, человек ученый и просвещенный, сочинил довольно поучительных слов, много похваляемых знающими людьми; но они не напечатаны.

Вениамин [1739—1811] — архимандрит староладожского Николаевского монастыря и Александроневской семинарии ректор, человек ученый, благоразумный и искусный как в латинском, так и российском языке, также в философии, богословии и других

---

[1] В предъизв. на Российскую историю г. Татищева, стр. XIX.

науках. Сочинил много весьма изрядных поучительных слов, похваляемых знающими людьми; но печатных из них нет.

Вениаминов Петр [173(?)—1775] — императорского Московского университета медицины доктор и профессор. Сочинил многие изрядные слова и речи; а напечатаны из них некоторые 1766 и 1767 годов в Москве.

Веревкин Михайло [1732—1795] — коллежский советник, сочинил помянник на всякий день стихами весьма изрядно и много других стихотворных сочинений, напечатанных в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение», изданном в Москве 1761 года; но он большую заслужил от общества похвалу и более во оном известен переводом на российский язык Сюллиевых записок, которого издано уже две части 1771 года в Москве. Сей перевод всеми знающими людьми много похваляется.

Верещагин Иван — Троицкой семинарии студент философии, писал стихи; из них напечатана одна только его торжественная ода в Санктпетербурге 1771 года.

Вершницкий Алексей — был прежде студентом в императорском Московском университете и сочинял разные случайные стихи, которые и напечатаны в ежемесячном сочинении «Доброе намерение» 1764 года в Москве. Ныне он священником в Архангельском московском соборе.

Волков Федор Григорьевич [1729—1763] — родился в городе Костроме от тамошнего купца Григорья Волкова 1729 года, февраля 9 дня. По смерти его отца вышла мать его за ярославского купца Федора Полушкина, почему и дети ее переехали с нею на житье в Ярославль, в дом своего вотчима. Сей Полушкин был заводчик селитряных и серных заводов. Он, увидя остроту старшего своего пасынка, отослал его в Москву для обучения музыке и немецкому языку, на котором он потом говорил как природный немец. Прочие дарования сего острого человека начали оказываться еще в его юности. Он не имел нималой склонности к промыслам своего вотчима, но пристрастно прилежал к познанию наук и художеств. Живописи обучился он сам собою еще в ребячестве, непрестанно рисуя и срисовывая всякие виды. Таким образом упражнялся он и в резном искусстве, чему осталися доказательством и поныне в приходской их церкви резные царские двери, на которых «Тайная вечеря» весьма изрядно выработана; а в рассуждении живописи оставил он множество картин своей выдумки и работы. Впрочем, главная его склонность была к театру: с самых юных лет начал он упражняться в театральных представлениях с некоторыми приказными служителями. Из первых игранных им комедий были сочиненные святым Дмитрием Ростовским. Склонность сия, так, как и к прочим наукам и художествам, возрастала в нем по мере его во оных упражнения; а проницательный и острый его разум поспешествовал ему без всякого, можно

сказать, предводителя доходить во оных до возможного совершенства.

В 1746 году отправлен он был вотчимом своим в Санктпетербург для некоторых дел по его промыслу; но он по приезде в сию резиденцию, исправя наперед порученное ему дело, дал полную свободу стремлению и любопытству своих склонностей. Познакомясь с живописцами, музыкантами и другими художниками, бывшими тогда при императорском Итальянском театре, не упустил ни одной редкости, которую бы не осмотрел и не постарался узнать обстоятельно. Более всего прилепился он к театру и, по случаю знакомства несколько раз видя представление итальянской оперы, почувствовал желание сделать и у себя в Ярославле театр, дабы представлять на нем самому русские театральные сочинения. Сего ради ходил он несколько раз на театр, чтобы обстоятельнее рассмотреть оного архитектуру, махины и прочие украшения; и как острый его разум все понимать был способен, то сделал он всему чертежи, рисунки и модели. Оставалось только получить ему понятие о театральной игре. В сем случае имел он прибежище к итальянским актерам, которые хотя и сами не весьма были далеки в актерской должности, но г. Волков дошел наконец до познания ее красот и тонкостей остротою своего разума и врожденной к театру способности.

По возвращении своем в Ярославль, и давши отчет в своей посылке, начал он помышлять о исполнении своего намерения, и напоследок, по многих в том трудах, сделал он небольшой театр в своей комнате и, приговоря к себе братьев своих и других нескольких молодых людей, начал на нем играть. Вотчим его был отчасти доволен, что мог повеселить своих гостей невиданною ими редкостию, а паче потому, что мог хвалиться иметь в своем доме то, о чем в других и понятия не имели; впрочем, упражнение своего пасынка почитал он детскими игрушками; но сии игрушки скоро переменили свой вид и положили некоторое основание российскому театру.

Г. Волков умел заставить восчувствовать пользу и забавы, происходящие от театра, и самых тех, которые ни знания, ни вкуса во оном не имели. Вскоре маленький театр стал тесен для умножающегося числа зрителей. Надлежало его распространить или сделать совсем новый. Но как вотчим его не столь был тороват, чтобы покупать такие забавы, к которым он не весьма был страстен, толь дорогою ценою, то Федор Григорьевич возымел прибежище к зрителям. Они уже столько к театру им были приучены, что не захотели лишиться сей забавы. Каждый из них согласился дать по некоторому числу денег на построение нового театра, который старанием г. Волкова и построен и столь был пространен, что мог помещать в себе до 1000 человек. При строении сего театра был он сам архитектором, живописцем и машинистом; а когда приведен

был оный ко окончанию, то сделался он на сем театре и главным директором и первым актером. На сем новом театре начал он с прочими представлять оперы: «Титово милосердие», «Евдоксию венчанную» и другие драмы, переведенные на российский язык. Сделано было приличное к тому платье и прочее, чему всему сам он был изобретатель.

Слух о сем театре дошел наконец до императорского двора. В сие время об основании российского театра имели уже попечение, и сочиненные первым основателем российского театра г. Сумароковым трагедии были играны на комнатном придворном театре благородными особами. По причине сего-то слуха и потребован был ко двору по именному указу сей г. Волков в 1752 году.

По приезде его в Петербург в сей самый год со всеми актерами, бывшими при его театре, был он представлен ее величеству и получил повеление играть трагедии г. Сумарокова на комнатном театре. Посему и представили они «Хорева», «Синава и Трувора», «Гамлета» и драму «Грешника». Искусные и знающие люди увидели превеликие способности в сем г. Волкове и прочих его сотоварищах, хотя игра их и была только что природная и не весьма украшенная искусством. Ее величество указала всех их отдать в кадетский корпус для обучения приличным знанию их наукам; почему и отосланы они были тогда все. Что ж касается до самого г. Волкова, то он, будучи уже обучен, упражнялся более в чтении полезных книг для его искусства, в рисованье, музыке и в просвещении своего знания всем тем, чего ему еще недоставало. Там же в свободное от наук время сделал он сам маленький театр, состоящий из кукол, искусно им самим сделанных; но он не имел удовольствия сего своего предприятия довесть до окончания. Одним словом, в бытность свою в кадетском корпусе употреблял он все старания выйти из оного просвещеннейшим, в чем и успел совершенно.

Наконец в 1756 году учрежден был российский театр, и директором оного пожалован был г. Сумароков. Федор Григорьевич был во оный назначен первым актером, а прочим его товарищам даны были роли по их способностям. Тогда г. Волков показал свои дарования в полном уже сиянии, и тогда-то увидели в нем великого актера; и слава его подтверждена была и иностранцами: словом, он упражнялся в сей должности до конца своей жизни с превеликою о себе похвалою.

В сие время сочинил он многие мелкие стихотворения; наконец начал писать похвальную оду Петру Великому, расположа ее в 40 куплетов; но сочинив оной только 15 строф, отвлечен был от окончания оной разными обстоятельствами.

В 1759 году послан был г. Волков в Москву для учреждения российского театра, который установя совершенно, возвратился он в том же году обратно в Петербург.

*

В 1762 году, по благополучном восшествии на всероссийский престол Екатерины Великия, пожалован он был за оказанные им отличные услуги российским дворянином и деревнями. Сие новое достоинство нимало не уменьшило склонность его к театру; однакож после сего удалось ему сыграть один только раз в трагедии «Семире» роль Оскольда в Москве, чем и окончал игру свою и жизнь. Смерти его было причиною следующее обстоятельство: он получил повеление вымыслить и расположить публичный маскерад для увеселения народного, который он и сочинил под именем «Торжествующия Минервы». По приготовлении ко оному платья и машин, по предписанию его, представлен был сей маскерад публичным шествием генваря 30, февраля 1 и 2 дня 1763 года. Г. Волков, желая, чтобы наблюден был во оном везде порядок, ездил верхом и надсматривал над всеми его частями, от чего и получил сильную простуду, а потом вскоре горячку; наконец сделался у него в животе антонов огонь, от чего и скончался 1763 года апреля 4 дня, на 35 году от рождения, к великому и общему всех сожалению. Тело его с великолепною и богатою церемониею погребено в присутствии знатнейших придворных кавалеров и великого множества людей различного состояния в Андроньеве монастыре.

Сей муж был великого, обымчивого и проницательного разума, основательного и здравого рассуждения и редких дарований, украшенных многим учением и прилежным чтением наилучших книг. Театральное искусство знал он в вышнем степене; при сем был изрядный стихотворец, хороший живописец, довольно искусный музыкант на многих инструментах, посредственный скульптор и, одним словом, человек многих знаний в довольном степене. С первого взгляда казался он несколько суров и угрюм; но сие исчезало, когда находился он с хорошими своими приятелями, с которыми умел он обходиться и услаждать беседу разумными и острыми шутками. Жития был трезвого и строгой добродетели; друзей имел немногих, но наилучших, и сам был друг совершенный, великодушный, бескорыстный и любящий вспомоществовать. Сочинения его весьма много имеют остроты, а особливо ода Петру Первому великой достойна похвалы, и которая так же, как почти и все прочие сочинения по смерти его утратились. Из его сочинений остались известными мне только две песни: «Ты проходишь мимо кельи, дорогая»; «Станем, братцы, петь старую песню», и одна эпиграмма. Изобретенный им маскерад напечатан в Москве 1763 года, который довольно показывает обширность его знания, искусства и учености. Притом осталось по нем несколько картин, им написанных, грудная статуя Петра Великого, им сделанная, и другие некоторые знаки разума его и прилежания. Г. Сумароков о смерти его написал следующую элегию.

ЭЛЕГИЯ К г. ДМИТРЕВСКОМУ
НА СМЕРТЬ г. ВОЛКОВА

Пролей со мной поток, о Мелпомена, слезный:
Восплачь и возрыдай и растрепли власы!
Преставился мой друг; прости, мой друг любезный!
Навеки Волкова пресеклися часы!
Мой весь мятется дух, тоска меня терзает,
Пегасов предо мной источник замерзает.
Расинов я театр явил, о россы, вам;
Богиня! а тебе поставил пышный храм:
В небытие теперь сей храм перенесется,
И основание его уже трясется.
Се смысла моего и тщания плоды;
Се века целого прилежность и труды!
Что, Дмитревский, зачнем мы с сей теперь судьбою?
Расстался Волков наш со мною и с тобою
И с музами навек; воззри на гроб его:
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,
Которого, как нас, потомство не забудет;
Переломи кинжал; Котурна уж не будет;
Простись с отторженным от драмы и от нас:
Простися с Волковым уже в последний раз,
В последнем как ты с ним играний прощался,
И молви, как тогда Оскольду извещался,
Пустив днесь горькие струи из смутных глаз:
Коликим горестям подвластны человеки;
Прости, любезный друг, прости, мой друг, навеки.

Я сообщаю моим читателям известную мне эпиграмму сочинения г. Волкова, которая хотя малое подаст понятие о его стихотворстве тем, которые его сочинения не читывали. Хотел бы я сообщить и все его стихотворения, но ни у кого не мог отыскать.

ЭПИГРАММА

Всадника хвалят: хорош молодец!
Хвалят другие: хорош жеребец!
Полно, не спорьте: и конь и детина
Оба красивы; да оба скотина.

Волков Александр Андреевич [1736—1788] — полковник и канцелярии строения государственных дорог главный судия, сочинил прозою две весьма изрядные малые комедии: первая «Чадолюбие», а вторая «Неудачное упрямство», которые представлены на придворном театре многократно и всегда приниманы с похва-

лою. Он известен также по многим изрядно переведенным им комедиям. Есть и еще малая комедия, им сочиненная; но она в свет не выдана.

Волховский Афанасий [1712—1776] — иеромонах, сочинил много поучительных изрядных слов, а напечатано из них только одно 1749 года в Москве.

Владыкин Иван [XVIII в.] — надворный советник, сочинил элегию о смерти Петра Великого, несколько од, эпистол и много других сочинений; также написал прозою книжку под именем «Похвала истинной любви к отечеству». Все оные творения напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

Г

Гавенский Христофор — сочинил книжку о небесных и земных глобусах. Напечатана она 1724 года в Санктпетербурге.

Гавриил [1730—1801] — архиепископ санктпетербургский и ревельский, архимандрит Троицкого Александроневского монастыря, правительствующего синода член и депутат от оного в Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Муж высокого ума, острого понятия, здравого рассуждения и великого просвещения; искусный в некоторых европейских языках и совершенный во своем природном, также в богословии, философии и красноречии. Много сочинил поучительных слов, из коих некоторые напечатаны, много похваляются и знающими людьми полагаются в число наилучших проповедей. Он сочинил также и некоторые полезные книги для употребления в своей гимназии, достойные похвалы. В сочинениях его слог чист, важен и приятен, мысли велики, изображения сильны и ясны, слова же изрядны; и он по справедливости почитается одним из лучших, первейших и великих проповедников. В прочем, к великой славе его имени, должно сказать, что «Велисарий», на Волге переведенный, в котором наивеличайшая в свете особа участие имела и многие знатные особы государства, приписан сему архиепископу, и где между прочими похвалами написано: «Мы чистосердечно признаемся, что «Велисарий» обладал нашими сердцами, и мы уверены, что сие сочинение вашему преосвященству понравится, потому что вы мыслями, как и добродетелию, с Велисарием сходны».

Галятовский Иоаникий [ум. 1688] — иеромонах, сочинил две книги: первая, «Ключ разумения», печатана 1659 года; а другая, «Истинный Мессия, или разговор жида с христианином», в 1669 году, обе напечатаны в Киеве.

Галенковский Варлаам [ум. 1740] — сочинил книгу «Разговор духовный любителя с любовию», которая и напечатана в Киеве 1714 года.

Глазатой Иоанн [ум. 155(?)] — священник, написал известие о доставании и взятии города Казани, гораздо обстоятельнее князя Андрея Курбского. Г. Рычков в «Опыте казанской истории» объявляет о прежней казанской летописи, что сочинитель оныя нигде не показал своего имени; но только сказывает о себе, что он взят был в полон, отведен в Казань и там подарен царю Сафагирею, у которого был при дворе в почтении и в близости 20 лет. По взятии ж Казани вышел он к царю Иоанну Васильевичу, который, обратя его паки в христианство и приобща к святой церкви, дал ему для пропитания землю.

Грачевский Илья — казанской гимназии учитель, сочинил стихи, которые напечатаны во описании торжественных ворот, в Казани построенных 1767 года.

Грешищев Иван [1749—1822] — Троицкой семинарии студент философии, писал стихи, из которых одна ода напечатана в Москве 1771 года. О других его сочинениях известия нет.

Гедеон [1726—1763] — епископ псковский и нарвский, человек словесный, ученый, просвещенный и искусный в красноречии и других науках. Сей, будучи придворным проповедником, сочинил много поучительных слов, которые собраны и напечатаны в четырех частях в Санктпетербурге в разных годах. Его сочинения весьма много похваляются, и некоторые проповеди равняются с Феофановыми, и он по справедливости почитается красноречивейшим и в числе первых российских проповедников. Он скончался в 1763 году, имея не более 40 лет от рождения.

Гедеский — сочинил книгу «Стоглавник», содержащую в себе 100 глав различных нравоучений. О имени сего писателя и о том, в которое время он жил и писал, никакого не мог я найти известия.

Генадий [171(?)—1773] — архимандрит, много сочинил изрядных поучительных слов. Из них некоторые напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

Гербер Иван Густав [168(?)—1734] — родом из Брандебургии, вступил в российскую службу в 1710 году артиллерии поручиком; в 1715 году произведен в капитаны, а в 1721 году пожалован майором. И как по заключении с шведами мира император Петр Великий за потребно рассудил привесть в безопасность российские границы против Персии для бывших тогда в той земле замешательств, то Герберу поручено было перевезть потребную к тому артиллерию из Москвы в Астрахань водою; почему и отправился он весною 1722 года; по благополучном же туда прибытии г. Гербер остался при армии. Петр Великий, довольствуяся завоеванием Дербента и прочими полученными победами, оставил армии своей довершать оные, а сам отправился в Москву, где присутствие его весьма было нужно. Г. Гербер пробыл в тех местах еще 5 лет и был в числе уполномоченных комиссаров в 1727 году для положения границ между обоими государствами. По сей-то причине

изведал он совершенно состояние тех земель, сочинил им точную ландкарту и книжку под именем «Описание стран, лежащих при Каспийском море», которая после и напечатана в академических «Ежемесячных сочинениях» 1760 года во II томе. По возвращении его в 1729 году в Москву пожалован он был за верную его службу артиллерии полковником и членом главной артиллерийской канцелярии в Санктпетербурге, в которой должности находился он до 1731 года; и в сие время сочинил он примечания к российской географии X века. В мае месяце того года назначена была тайная экспедиция в Хиву и Бухарию для учреждения купечества; а во оную главным командиром определен г. Гербер, и приказано было ему ехать под именем купца, а ежели потребуют обстоятельства, то принять и должность посланника; почему и отправился он в путь 31 числа мая. Из Астрахани отправился с ним знатный купеческий караван; и хотя великая надежда была ожидать от сего предприятия доброго окончания, но сие все разрушилось: на реке Емпе напали на их караван тамошние воровские народы и всех их разграбили, а г. Гербер радовался тому, что мог спасти жизнь свою от варварства сих злодеев. По возвращении его в Санктпетербург делалися уже приготовления к турецкому походу; и ему поручено было препроводить осадную артиллерию для взятья Азова, которая под его командою и довезена была до Новоспасского, при реке Дону лежащего города. Там г. Гербер впал в жестокую болезнь, от которой 5 октября 1734 года и скончался.

Глебов Сергей [1736—1786] — артиллерии подполковник, писал стихи, которые и напечатаны в разных местах; но он более известен по своим переводам, из коих «История великих мужей», выбранных из Плутарха, сделают ему честь и похвалу, если всех их жизни будут изданы. Есть и другие его изрядные переводы.

Гребневский Петр — священник, писал поучительные слова. Из них одно только напечатано в Санктпетербурге 1742 года.

Григорович Иларион [1696—1760] — архимандрит Савинского монастыря, сочинил много изрядных поучительных слов; а напечатано из них одно 1742 года в Москве.

Григорович Василий [1701—1747] — иеромонах, уроженец киевский, человек ученый и преискусный в греческом, латинском и арапском языках. Святою ревностию и любопытством побуждаемый, вознамерился он увидеть все святые места, в Европе, Асии и Африке находящиеся; почему и отправился в путь. Путешествуя целые 25 лет, был в Афонской и Синайской горах, у всех греческих патриархов и у римского папы, от которых и получил засвидетельствованные грамоты. В бытность его в острове Патмосе обучался несколько лет богословии и другим наукам, откуда по призыву российского при Оттоманской Порте резидента г. Вишнякова приехал в Константинополь и, пробыв там несколько времени, возвратился в Киев. Во время сего странствования сочинил он книгу

своего путешествия, которая хранится в библиотеке Киевской академии. Сия книга украшена многими планами и рисунками его труда и по содержащимся в ней многим достопамятствам заслуживает похвалу. Из сего сочинения взято описание города Солуня с именами Архипелагских островов и напечатано в ежемесячном сочинении «Парнасском щепетильнике», изданном 1770 года в Санктпетербурге. Сей путешественник скончался в Киеве в 1749 году.

Голеневский Иван [172(?)—177(?)] — придворный певчий, издал в свет несколько од и песен, из которых одна ода напечатана в Санктпетербурге 1762 года. Он же сочинил плач на преставление императрицы Елисаветы Петровны.

Грозинский Димитрий [ум. 1770] — архимандрит Спасского монастыря в Новегородке Северском, сочинил много изрядных поучительных слов и упражнялся в духовном стихотворстве, из коих сочиненная им надгробная надпись преосвященным московскому архиепископу Платону Малиовскому и митрополиту Тимофею Щербацкому напечатана в 10 № еженедельника «[Трудолюбивого] муравья» 1771 года. Скончался сей архимандрит в Украине от заразительной язвы 1770 года.

Гурчин Даниил — писал стихи; а напечатано из них только одно сочинение на победы Петра Великого над шведами, в Москве 1706 года, под заглавием «Триумф польской музы». Сие сочинение писано на российском и польском языке.

Д

Дашкова, княгиня, Екатерина Романовна [1743—1810] — двора ее императорского величества штатс-дама и ордена святыя Екатерины кавалера, писала стихи; из них некоторые весьма изрядные напечатаны в ежемесячном сочинении «Невинное упражнение» 1763 года в Москве. В прочем она почитается за одну из ученых российских дам и любительницу свободных наук.

Дегенин [1676—1750] — генерал-поручик, сочинил книгу «Описание сибирских рудокопных заводов» и украсил ее многими чертежами. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Денбовцев Павел — студент императорского Московского университета. Из его сочинений напечатана только одна эпистола и несколько стихов к г. Мамонову, в Москве 1770 года.

Десницкий Семен [173(?)—1789] — Московского императорского университета магистр свободных наук, юриспруденции доктор, римских и российских прав публичный экстраординарный профессор, сочинил изрядное слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции, которое напечатано в Москве 1768 года, и еще несколько других слов, напечатанных там же.

Димитрий Туптало [1671—1709] — святой митрополит и чудотворец ростовский и ярославский. Сей святитель родился в Киеве около 1671 года и был сын сотника Саввы Туптала. На осмом надесять году пострижен он во иноческий чин, потом был архимандритом новогородского северского монастыря, а несколько спустя времени посвящен митрополитом в Сибирскую митрополию, но, не быв еще там, переименован ростовским и ярославским митрополитом, в 1702 году генваря 4 дня. Прибыв в Ростов того же года марта 3 дня, начал распространять истинное евангельское учение и житием своим воздержным, богобоязливым и честным, яко истинный своего стада пастырь, подавал спасительные примеры.

Сей богодуховный муж был острого разума и великого просвещения, искусный в славянском, латинском, греческом и еврейском языках; имел прозорливый дух, любил добродетельных и честных людей, помогал бедным, защищал утесненных и имел превеликую склонность к наукам. Распространяя евангельское учение словом и делом противу упорствующих раскольников брынския веры, сочинил книгу «Розыск, или Рассмотрение», которая разделяется на три части: в первой доказывается, что вера их неправа; во второй, что учение их вредно; в третьей, что дела их не богоугодны. Сия книга напечатана в Москве 1755 года. Он же собрал и исправил жития всех святых, на всякий день празднуемых, и расположил ее на 12 месяцев, под именем Минеи Четьи, и которая напечатана в Москве; также сочинил весьма много поучительных слов; «Рассуждение о подобии божием», напечатанное в Москве 1714 года; сочинил три летописи, из коих 1) келейная от начала мира, 2) о славенском народе, а 3) о построении церквей и поставлении в России архиереев; сочинил четыре комедии стихами: 1) «Рождество Христово», 2) «Грешник кающийся», 3) «Успенская», а 4) «Димитриевская». Книгу «Руно орошенное» исправил и умножил своими нравоучениями, которая и напечатана в Чернигове 1696 года. И пожив богоугодно, преставился 1709 года октября 28 дня; погребен был в ростовском Яковлевском монастыре. Незадолго до кончины своея написал он духовную, или завещание, напечатанное в Москве 1717 года: во оном завещании особливого достойно примечания то, что в обыкновенных духовных распределяют свое имение, показывая ослабевающее уже мнимое человеческое господство; но святой Димитрий написал только, что он ничего не оставляет, даже и на погребение свое, и чтобы алчущие злата не искали оного в его храминах и не теряли бы времени на напрасное оного искание; потом, поучая людей, заключает тем, что буде кто захочет его поминать, то бы поминал без возмездия за то. Сей святой угодник, в жизни своей быв истинным пастырем своего стада, не отлучился оного и по отшествии от сей маловременной жизни: ибо в 1752 году, при разламывании церковного пола для починки, обрели его мощи нетленны, которые и поныне

источают чудеса и исцеления с верою приходящим. Церковь наша празднует память сего чудотворца в 21 день сентября, яко обретение в тот день его мощей. Здесь следует надпись и стихи, вырезанные на серебряной раке сего святителя.

НАДПИСЬ

ВСЕМОГУЩИЙ И НЕПОСТИЖИМЫЙ
БОГ
ЧУДНЫМИ ИСКОНИ ДЕЛАМИ ЯВИЛ
СВЯТУЮ СВОЮ ВЕЛИКОЛЕПНУЮ СЛАВУ
И ВО ДНИ НАШИ,
В БЛАГОСЛОВЕННОЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЕ
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ
ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТ ПЕТРОВНЫ
САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ,
НОВЫМИ ЧУДОТВОРЕНИЯМИ В РОССИИ ПРОСИЯВШЕГО
ЗДЕСЬ
ПОЧИВАЮЩЕГО СВЯТОГО МУЖА,
ПРЕОСВЯЩЕННОГО
МИТРОПОЛИТА ДИМИТРИЯ
РОСТОВСКОГО И ЯРОСЛАВСКОГО,
ОТДАВШЕГО БОЖИЯ БОГОВИ:
ВЕРОЮ, КРОТОСТИЮ, ВОЗДЕРЖАНИЕМ,
УЧЕНИЕМ, ТРУДОЛЮБИЕМ.
КЕСАРЕВО КЕСАРЕВИ:
РЕВНОСТИЮ И ТЕРПЕНИЕМ
ПОБОРСТВУЯ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ
ПРОТИВ СУЕМУДРОГО РАСКОЛА.
В БОГОСПАСАЕМОМ ГРАДЕ КИЕВЕ
РОДИЛСЯ СЕЙ ЖИТЕЛЬ НЕБЕСНОГО ИЕРУСАЛИМА
ОКОЛО 1671 ГОДА.
АНГЕЛЬСКИЙ ОБРАЗ ПРИНЯЛ 18-ТИ ЛЕТ.
НА СВЯТИТЕЛЬСКИЙ ПРЕСТОЛ
ВОЗВЕДЕН
ГЕНВАРЯ 4 ДНЯ 1702 ГОДА.
ПАС ЦЕРКОВЬ БОЖИЮ
7 ЛЕТ, 9 МЕСЯЦЕВ, 26 ДНЕЙ.
ЖИЛ 38 ЛЕТ.
В ВЕЧНЫЙ ПОКОЙ ПРЕСЕЛИСЯ 1709 ГОДА.
НАПИСАВ ЖИТИЯ СВЯТЫХ,
САМ В ЛИКЕ ОНЫХ ВПИСАН БЫТЬ
УДОСТОИЛСЯ
В ЛЕТО 1754 АПРЕЛЯ 9 ДНЯ.

О! вы, что божество в пределах чтите тесных,
Подобие его мня быть в частях телесных!
Вперите в мысль, чему святитель сей учил!
Что ныне вам гласит от лика горних сил:
На милость вышнего на истину склонитесь
И к матери своей вы церкви примиритесь.

Дмитревский Иван [1734—1821] — придворного российского театра первый актер, писал много весьма изрядных мелких стихотворений, из коих некоторые напечатаны в ежемесячном сочинении «Трудолюбивой пчеле» 1759 года, изданном в Санктпетербурге, и других журналах. Он сочинил в двух действиях пролог; но он еще не напечатан. Также перевел он с великим успехом и склонил на наши нравы комедии «Раздумчивый», «Демокрит», «Лунатик» и другие некоторые. Они все были многократно представляемы на придворном российском театре и всегда приниманы с великою похвалою.

Домашнев Сергей [174(?)—1796] — штаб-офицер полевых полков, писал стихи. Его последние две оды: первая на взятие Хотина, а другая на морское при Чесме сражение, весьма изрядны и заслуживают похвалу. Он сочинил краткое описание некоторых наших стихотворцев весьма не худо; также о пользе наук, сатирический сон, оду на любовь и другие мелкие стихотворения, напечатанные в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение» 1761 и 1762 годов в Москве. Перевел в стихи Волтерову сказку «Что нравится женщинам»; также Мармонтелевых нравоучительных сказок 12, напечатанных 1764 в Москве в 2 частях. Есть еще и другие его стихотворения; но они в свет не изданы.

Домецкий Гавриил [ум. 1709] — архимандрит Симоновского монастыря в Москве, сочинил книгу «Сад духовный» и украсил ее многоразличными нравоучения цветами, в 1675 году в Москве.

Дубровский Адриян [1732—178(?)] — при российском в Голландии министре переводчик, писал стихи, из коих многие напечатаны в «Ежемесячных академических сочинениях» разных годов. Он перевел в российские стихи трагедию «Заиру» весьма не худо. Вообще стихотворство его похваляется довольно.

Е

Елагин Иван Перфильевич [1725—1794] — тайный советник, сенатор, ордена Белого орла кавалер, главной дворцовой канцелярии член и главный директор музыки и театра. Во младых своих летах писал весьма изрядные стихотворения, как то элегии, песни и другое тому подобное; также сатирические письма прозою и стихами, много похваляемые знающими людьми за чистоту стихов

и слога, нежность вкуса и хорошее и приятное изображение. Но к великому сожалению сии стихотворения еще не напечатаны; однакож у всех охотников хранятся письменными. Он много славится за перевод «Маркиза Г***», трагедию «Безбожного» и другие переводы. Слог его чист и текущ, а изображения нежны и приятны, а где потребно, важны и сильны, и его переводы по справедливости могут почитаться примерными на российском языке. Его тщанием российский театр возведен на такий степень совершенства, что иностранные знающие люди ему удивляются. [1]

Елчанинов Богдан Егорович [1744—1769] — полковник и святого Георгия кавалер 4 класса. Сей сочинил две комедии; первая «Награжденное постоянство», а другая «Наказанная вертопрашка», во 1 дейст. Обе комедии представлены были с успехом на придворном российском театре, а последняя и напечатана в Санктпетербурге 1767 года, которые знающими и беспристрастными людьми довольно похваляются. Он перевел с великим успехом Дидеротовы комедии «Чадолюбивый отец» и «Побочный сын», также «Письма мистрис Фанни Буртлед к милорду Карлу Алфреду». По его склонности к театру превеликая была надежда видеть и еще много сочиненных им комедий; но к великому сожалению он убит при Браилове во время неприятельской вылазки 1769 года сентября 20 дня, оказав прежде многие опыты неустрашимости своей и храбрости. Смерть его как искренним друзьям, так и тем, которые только его знали, приключила печаль и сожаление. Должно в честь его сказать, что имел он довольно острый разум, немалое просвещение и приятный нрав; в дружбе был верен, скромен и постоянен; любил честь, добродетель и словесные науки. Если ж можно было в нем что похулить, так это было чрезмерное его чистосердечие и излишняя доверенность к тем его друзьям, которые оказалися сего недостойными.

Ж

Жуков Петр — кабинет-куриер, писал стихи; из них есть напечатанные в московских и санктпетербургских ежемесячных сочинениях.

З

Заборовский Рафаил [1677—1747] — митрополит киевский, ученый и добродетельный муж, был прежде обер-иеромонахом во флоте, потом произведен епископом псковским, а наконец митрополитом. Он возобновил учрежденную Петром Могилою в Киеве

[1] В сочиняемой мною истории российского театра о сем будет изъяснено пространнее.

Академию и доставил ей великое число книг и много ученых людей. Он упражнялся в сочинении многих духовных книг, хранящихся рукописными в библиотеке той Академии; и также много сочинил поучительных весьма изрядных слов, из коих только два напечатаны в Москве 1735 года. В прочем сочинения его много похваляются. Скончался сей достойный муж 1747 года в Киеве.

Зыбелин Семен [1735—1802] — императорского Московского университета профессор и доктор медицины, писал стихи и слова торжественные, которые и напечатаны в Москве в разных годах.

Золотой Иосиф [1720—1774] — епископ вологодский и белоезерский, много сочинил проповедей; а напечатаны из них только некоторые 1749 года в Москве.

Золотницкий Владимир [1741—(?)] — секунд-майор полевых полков, сочинил две нравоучительные книжки: 1) «Общество разновидных лиц», 2) «Басни», также «Рассуждение о бессмертии души» и много сатирических писем, од и тому подобного, которые напечатаны и похваляются довольно. Он перевел и многие полезные книги на российский язык.

Зубова Марья Воиновна [ум. 1799] — супруга статского советника, урожденная Римская-Корсокова, сочинила немало разных весьма изрядных стихотворений, а особливо песен, из коих некоторые напечатаны во II части «Собрания песен» в 1770 году в Санктпетербурге; также перевела несколько книг с французского на российский язык; но они еще не напечатаны; но в прочем сочинения ее и переводы за чистоту слога достойны похвалы.

И

Иваненко Андрей [ум. до 1785] — поручик полевых полков, писал стихи, из которых напечатана только одна ода в Санктпетербурге 1768 года.

Игнатий [163(?)—1701] — архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, сочинил историческое известие о путешествии своем в Костромской и Кинишемский уезды 1687 года; также сочинил слово о российском царствии 1690 года. О прочих его сочинениях известия нет.

Игнатий [ум. 1405] — диакон, находясь при Пимене митрополите, описал его путешествие в Константинополь и другие того времени деяния. Жил в исходе XIV века.[1]

Ильинский Иван[2] [169(?)—1737] — праводушный и добронравный муж, друг нелицемерный, довольно искусный в латинском, несколько в молдавском и совершенно в славенском языке;

[1] Татищев в предъизв. на Росс. истор., стр. XII и в Росс. ист., стр. 57.
[2] Академические «Ежем. соч.» 1755 года, мес. июнь, стр. 490.

был переводчиком при императорской Академии наук. Он писал много разного содержания стихов; но печатных только одно осмистишие при «Симфонии», на священное четвероевангелие и деяния святых апостол им сочиненной и напечатанной в Москве 1733 года; и еще двустишие, по окончании сей книги сочиненное, следующего содержания:

Ликуим, Моме, оба! се книга кончася:
Мне убо покой, труд же тебе даровася.

Инокентий [1722—1799] — архиепископ псковский и рижский, муж преискусный в богословских рассуждениях и проповедывании слова божия, чему доказательством служат многие сочиненные им поучительные слова, заслуживающие похвалу; но из них ни одного нет напечатанного. Желательно, чтобы оные были напечатаны для принесения справедливой похвалы их сочинителю.

Истомин Карион [1] [165(?)—1722] — монах, бывший справщик на печатном московском дворе, издал букварь в лицах, в котором всякую букву представляют человеческие фигуры в разных положениях, и описал все вещи, в нем изображенные, нравоучительными стихами. В сем букваре можно видеть все рукописные древние буквы разными почерками. Сочинен сей букварь 1692 года и состоит весь из гравированных листов, над которыми трудился некто Леонтий Бунин, без сомнения бывший же при печатном дворе; а напечатан в Москве 1695 года. Он также сочинил приветственные стихи царевне Софии Алексиевне в 1683 году. Сии стихи составляют целую книгу и рукописными хранятся в императорской библиотеке. О жизни сего монаха известия нет.

Иоаким [1620—1690] — патриарх московский и всея России, сочинил книгу «Увет духовный», которая и напечатана в Москве 1682 года; также остались из сочинений его рукописными две книги: 1) «Остен, или собрание духовещаний» 1668 года, 2) «Икона», содержащая в себе все грамоты и разные послания сего патриарха. Обе сии книги хранятся в императорской библиотеке, а о других его сочинениях известия нет. Скончался сей муж 16 марта 1690 года.

Иоаким Корсунянин [серед. X в.—1030] — первый новогородский архиепископ, поставлен в сей сан Леонтием, митрополитом киевским, 992 года. [2] Г. Татищев [3] прибавляет о нем следующее: Иоаким приехал в Россию с другими епископами 991 года, постановлен в Новгород епископом, и умер 1030 года. Притом почитает он его первым российским летописателем, приводя между прочими доказательствами полученный им отрывок некакой ста-

---

[1] Академ. «Ежемес. соч.», 1755 год, мес. июнь, стр. 486.
[2] Рос. ист. кн. Щербатова, часть I, стр. 276.
[3] Татищев, Рос. ист., часть I, гл. 4.

ринной летописи, в коей написано следующее: «О князех русских старобытных Нестор монах не добре сведом бе, что ся деяло у нас славян во Новегороде, а святитель Иоаким добре сведомый написа», и проч. Впрочем, сие еще не доказано.

Иоанн — священник великого Новаграда, продолжатель российской летописи. Г. Татищев [1] следующее о нем объявляет: по Симоне дополнял летопись в Новегороде поп Иоан, как он сам о себе в 1230 году самовидцем написанных дел себя сказует. Сей много новогородских дел внес обстоятельно; токмо дивно, что у него чудес, бывших в его время, не описано, хотя ему весьма могли быть ведомы. Он о битве Александра написал точно то, что от него самого слышал, и проч. Г. герольдмейстер князь Михайло Михайлович Щербатов прибавляет, что для того и названа сего священника летопись Новгородскою, понеже он старался больше других объяснить новогородские дела; и полагает летописи его окончание в 1234 году.

Иоанн [2] [ум. 1757] — архимандрит Донского монастыря и Московской академии ректор, сочинял поучительные слова; а напечатаны из них только некоторые 1749 года в Москве.

Иосиф Волоколамский [1440—1516(?)] — сочинил книгу под именем «Просветитель», содержащую в себе возражения противу новгородских еретиков, 1471 года. Сия книга хранится рукописною в императорской библиотеке.

Иосиф [XVII в.] — келейник Иова патриарха. О нем следующее написал г. Татищев: «Сей Иосиф, или сам Иов, некоторые дела царя Иоанна второго описал последние 24 года, но весьма кратко, а по нем до избрания царя Михайла Феодоровича довольно пространно».

Исаия [172(?)—177(?)] — архимандрит в Нежине, человек разумный, ученый и просвещенный, сочинил много весьма изрядных поучительных слов; из них некоторые и напечатаны.

К

Каменский Бантыш Николай [1737—1814] — иностранной коллегии переводчик, человек ученый и трудолюбивый, довольно искусный в латинском и российском языках. Он сочинил жизнь дяди своего преосвященного Амвросия архиепископа и подробное описание бывшего возмущения московской черни; также описал

---

[1] Татищев, Рос. ист., часть I, гл. 6, стр. 59.

[2] Иоанн, или Иоанн Кослович. Новикову не было известно это второе имя архимандрита Донского монастыря. Поэтому в «Словарь» оказалось занесенным одно и то же лицо под разными именами. На этом основании характеристику Despite Кословича, совпадающую с характеристикой Иоанна, мы сняли. *(Прим. ред.)*

бытность в Москве прусского принца в 1770 году и трудится в разбирании достопамятностей к российской истории, находящихся в архиве иностранной коллегии, под смотрением г. Миллера; также перевел он российскую историю, сочиненную г. Волтером; но она еще не напечатана. В прочем переводчик за свою в переводе исправность достоин великой похвалы.

Кантемир, князь, Димитрий [1673—1723]. — Фамилия Кантемиров, как в оттоманской истории, сочиненной сим князем, упоминается, начало свое ведет от татар. По изустным их преданиям, предки сего князя за 160 лет переселились из Крыма в Молдавию и приняли христианский закон.

В 1710 году Ахмет III, султан турецкий, пожаловал сему князю за оказанные им Оттоманской Порте многие важные услуги княжество Мултянское. Князь Димитрий долго отговаривался от принятия сей милости; но Порта, ведая, сколь полезен ей быть может сей разумный и достойный муж, представляла ему, надеясь тем его убедить, что он из христиан один, который в состоянии охранять ее пользу и прибытки в рассуждении помянутого княжества, особливо при угрожаемом от России нападении. Притом она уволила его от платежа визирю и другим придворным тех великих денежных сумм, которые они с новопоставляемых князей брать обыкли. Сие побудило наконец князя Димитрия принять оное достоинство, коего сиянием он, однако, нимало не ослепился; ибо главное его удовольствие всегда составляли науки.

Едва успел он приехать в Ясы, как от верховного визиря Болтаджи Магомета получил весьма строгое повеление о поднесении Порте обыкновенных подарков, причем предложены ему были требования, совсем противные его обязательствам. Такая неверность Оттоманской Порты и свирепство турок к мултянскому народу вдохнули ему мысль, как бы свободить самое княжество от тиранства и избавить христиан, своих подданных, от тяжкого ига неверных.

Пришествие Петра Великого с армиею и учиненные от сего государя предложения казались ему весьма благовременным случаем к произведению в действо своего намерения. Он заключил с Петром Великим договор, которого пункты в июне месяце 1711 года в Ясах утверждены были присягою; но противное счастие российского оружия при Пруте пресекло все сии намерения. Таким образом помощь, которую Димитрий Кантемир надеялся получить к вечному обладанию своим княжеством, едва могла спасти собственную его особу и фамилию. Петр Великий, не приобыкший жертвовать своих союзников собственным прибыткам, лучше желал уступить туркам знатную часть земли, которую при случае паки возвратить мог, нежели отдать им в руки князя, который из одной любви к нему оставил свое княжение. И так сей правосудный монарх великодушно отказал Порте в ее требовании, которое

составляло первый пункт заключаемого между обеими армиями перемирия.

По заключении мира мултянский князь следовал за Петром Великим в Россию. Сей монарх объявил его в награждение за потерянное им владение князем Российския империи с таким преимуществом, чтоб ни от кого, кроме государя, не зависеть, и оставил ему право живота и смерти над тысячею человеками мултянцев, которые с ним вышли в Россию. Сверх того пожаловал ему немалые деревни в Украине, сохраняя к нему по смерть его всякую доверенность и пользуясь его советами во время мира и войны.

В сие время князь Димитрий начал прилагать попечение о своем сыне князе Антиохе и, будучи человек ученый и усмотря сам в нем особливую способность к наукам, сыскал для него искусных учителей, не забывая, однако, должности, на родителей естественным законом налагаемыя, почему и надзирал он всегда сам над учением и воспитанием своего сына, насевая в юном его сердце все те добродетели, которыми душа его украшалася; но чтобы не выпустить его из своего присмотру, то взял его с собою в поход, следуя за Петром Великим к Дербенту в 1722 году.

Во время сего похода продолжал он попечение о воспитании своего сына. Самые земли, чрез которые они проезжали, служили вместо отверзтой книги, представляющей народные обычаи, нравы, торговлю и земные произращения; все сие изъяснял он ему своими рассуждениями. Возвратившись из персидского похода, впал в жестокую болезнь в 1723 году и пред кончиною своею просил Петра Великого определить наследником в его имении того из сынов его, который рачением своим к наукам окажет себя способнейшим к государственной службе. Вскоре после сего сей князь скончался в севских своих деревнях.

Князь Димитрий был человек острого разума, здравого и прозорливого рассуждения и великого просвещения, верен к государю и государству; любил науки и в них упражнялся; искусен был во многих европейских и асиатских языках. Он сочинил на латинском языке книгу «Описание Оттоманския империи» и на российском «Систему магометанского закона», которая и напечатана в Санктпетербурге 1722 года.

Кантемир, князь, Антиох [1709—1744] — родился во Цареграде 10 сентября 1709 года от князя Димитрия Кантемира и Смарагды Кантакузены, дочери князя воложского, происшедшего от древних греческих императоров сего имени. В 1711 году, по заключении с турками мира, следовал он при отце своем за Петром Великим в Россию, и по прибытии пожалованы были князьями Российския империи. В 1722 году был он при отце своем в походе к Дербенту, и во все сие время младый Кантемир упражнялся в науках и в познании христианского закона. Смерть отца

его хотя причинила ему печаль, но не истребила склонности к наукам. В 1724 году в новоучрежденной Петром Великим Санктпетербургской Академии наук выслушал порядочный курс вышних наук, в коих оказал чрезвычайные успехи. Мафиматике учился он у славного Борнулия, физике у Бильфингера, истории у Бейера, нравоучительной философии у Гросса, а стихотворству у Ильинского. С разными учениями соединял он и чтение священного писания; ведая же, что в России всякий дворянин должен вступить в военную или в штатскую службу, чего ради и записался он лейб-гвардии в Преображенский полк и дослужился тут до обер-офицера. В 1731 году императрица Анна Иоанновна назначила его министром к великобританскому двору, куда он и отправился генваря 1 дня 1732 года чрез Немецкую землю и Голландию; и, сколько время ему дозволяло, ничего на пути не упустил, что могло только достойно быть столь наблюдательного ока. В Голландии запасся он хорошими книгами; и в то же время поручил он книгопродавцу в Гааге издать в печать «Описание Оттоманской империи», сочиненное отцом его. Слава о ученом человеке еще прежде его прибытия в Лондоне распространилась, а по приезде его в тот город скоро узнали все, что он и великий политик. Начало его негоциации было весьма благополучно, потому что он в краткое время привел дела в такое состояние, как оба двора того желали. Время, остававшееся ему от министерских дел, употреблял на просвещение своего разума. В 1738 году назначен он был во Францию в характире полномочного министра и пожалован камергером; а в конце декабря месяца того ж года определен чрезвычайным послом при французском дворе.

Дела, происходившие по кончине императрицы Анны Иоанновны, привели князя Кантемира, как министра, отдаленного от своего двора, в некоторое затруднение; однако при всех бывших тогда переменах оказал он себя столь искусным политиком и поступал столь благоразумно, что в равной милости содержан был у императрицы Анны Иоанновны, у принцессы правительницы и у императрицы Елисавет Петровны; все оказывали к нему равные знаки своего благоволения. Первая пожаловала его камергером, с жалованьем не во образец прочим; вторая тайным советником, в котором достоинстве последняя его подтвердила, обещая впредь вящие награждения.

В Париже первое его старание было познакомиться с учеными людьми. Цветущие лета, коим бы надлежало быть склонным к тамошним забавам, препроводил он по большей части как философ. Слыша рассуждения его о политических делах, науках и художествах, не можно было не удостовериться о превосходности его знаний и об основательности его разума. Он был строгий наблюдатель христианского закона и для сего читал наилучшие книги, касающиеся до веры и благочестия, признавая, что философия

влечет человека к добродетели только словами, а христианский закон самым делом путь к ней отверзает.

С 1740 года почувствовал он внутреннюю болезнь, которая от часу умножалась; и хотя он в пище весьма был воздержен, однако желудок его ничего уже варить не мог. В 1741 году ездил он к Акенским целительным водам; в 1743 году поехал было к Пломбиерским водам; но, будучи не в состоянии оными пользоваться, возвратился в Париж гораздо в худшем состоянии. Потом при умножавшейся болезни искал он помощи у разных докторов, но получил очень мало. По совету их хотел он ехать в Италию для перемены воздуха, почему и просил от российского двора позволения: но как в пересылках просьбы и позволения прошло несколько недель, то князь Антиох не был уже в состоянии отправиться в путь по причине слабого здоровья и худой погоды.

Болезнь Кантемирова продолжалася близ полугода; бывшую у него бессонницу прогонял он чтением книг; а когда представляли ему, что сие упражнение вредно его здоровью, то он ответствовал, что тогда только не чувствует болезни, когда в трудах находится. Охоту к чтению потерял он за три или за четыре дни до кончины своей; и сие самое совершенно удостоверило его о наступившей крайней опасности его жизни.

Последние дни его жизни употреблены были им на отправление христианской последней должности. Он сочинил духовную, в которой приказал, чтобы тело его по вскрытии было бальзамировано и отвезено в Россию для погребения в том же монастыре, где положен и отец его.

Он в совершенном был разуме до последнего издыхания, исправя последние должности христианские, и, призовя имя божие, скончался 11 числа апреля 1744 года, будучи 34 лет и 7 месяцев от рождения.

По вскрытии тела его усмотрено, что в груди у него была водяная болезнь. Россия сожалела о нем как о ревностном распространителе учреждений Петра Великого; двор сожалел о разумном и просвещенном министре; ученые оплакивали в нем знаменитого своего согражданина; а все честные люди соболезновали как о достойном приятеле. Князь Антиох сверх других природных дарований имел столь острый и просвещенный разум, что прозорливым своим рассуждением предусматривал успех почти всякого предприятия, как скоро только план его узнавал; а конец по большей части и соответствовал его догадкам. В отправлении политических дел поступал он праводушно и искренно, почитая лукавство за недостойное своего разума, и всегда до намерения своего достигал прямою дорогою, не оставляя, однако, потребного в случае благоразумия.

С первого взгляда казался он неприветлив; но сие нечувствительно исчезало, чем боле находил он таких людей, которых

обхождение ему приятно было. Меланхолического его нрава были причиною долговременные его болезни; однако он не только что веселился с приятелями своими, но и за удовольствие почитал оказывать им действительные услуги. Часто говаривал он, что нет ничего приятнее, как употреблять знатность и силу свою на благотворение своему ближнему. Разговоры свои, в коих находилось больше основательности, нежели живости, умел он прикрашивать приятными шутками. Приятное его обхождение способствовало к наставлению других, но без всякого тщеславия и гордости. Политика его была непринужденная и утверждалась на здравом рассуждении, а противную сему политику он крайне ненавидел. Любил сатиры, но такие, которые производили смех в разумных и добродетельных людях. Был купно и философ и эконом искусный. Он был нежного сложения и хотя непригож лицом, однако имел разумное и в любовь к себе привлекающее лицо.

Российским, мултянским, латинским, итальянским, французским и нынешним греческим языками говорил он весьма изрядно; а притом разумел эллинский, гишпанский и аглинский языки. В стихотворстве упражнялся он хотя с самых молодых лет до своей кончины, но почитал оное упражнение не инако, как забавою. В прочем стихи его были среднего российского стихотворства; но из всех того времени стихотворцев были наилучшие. Из многих его сочинений на российском языке первое «Симфония на псалмы». Собрание его стихотворств, содержащее в себе сатиры, басни, оды, песни, письма и эпиграммы, приписанное императрице Елисавет Петровне, напечатано в Санктпетербурге 1762 года под именем «Кантемировых сатир»; «Петреиду», героическую поэму, оставил недоконченную; сочинил «Руководство к алгебре». Есть также письменные его сочинения о просодии, любовные песни и прочие стихотворения, писанные им в молодых еще летах. Переводы его с иностранных языков следующие: Фонтенеллевы «Разговоры о множестве миров» с примечаниями, напечатанные в Санктпетербурге 1740 года; Юстинова история, Горациевы письма, Анакреонтовы оды, преложенные российскими стихами без рифм; Корнелий Непот, Кевитова таблица, Письма персидские, Епиктитово нравоучение и «Разговоры о свете» г. Алгаротти.

Сверх сего неизданные в свет, но несравненного достойнейшие почтения его сочинения политические, то есть министерские реляции и рассуждения, касающиеся до дел и прибытков знатнейших дворов в Европе. Вообще сочинения его весьма много похваляются. Феофан Прокопович, разумный и острый муж того времени, в похвалу его написал стихи, также и Феофил Кролик. Похвала их тем важнее, что она беспристрастна; а притом первая и от великого еще произошла человека; и тем паче, что в сатирах его, коим Феофан писал похвалу, осмеиваются по достоинству и духовные особы. Некоторые места из сих похвальных стихов здесь следуют.

СТИХИ ФЕОФАНОВЫ

Объемлет тебя Аполлон великий,
Любит всяк, кто есть таинств его зритель,
О тебе поют Парнасский лики;
Всем честным сладка твоя добродетель
И будет славна в будущие веки;
А я и ныне сущий твой любитель;
Но сие за верх славы твоей буди,
Что тебя злые ненавидят люди.

* * *

Из перевода Кроликовых стихов:

И мудрость, как почтить тебя, сама не знает,
Зря, что безумие твой разум похваляет.

*

Всех грубости в стихах описывая едких
Из тех находишь, кто б знал плод ученья редких,
Но по достоинству тебя чтет муз собор,
Что крепкой злобе ты от них чинишь отпор.

*

Язвлю тебя? молчи; ведь я не именую;
Кричишь: не я, да ты являешь совесть злую.

Кантемир Сербан [170(?)—1780] — сочинил панагирик, или похвальное слово, Петру Великому, напечатанное в Санкт-петербурге 1714 года.

Карин Александр [174(?)—1769] — лейб-гвардии Конного полку поручик, умер 1769 года. Был превеликий любитель словесных наук, искусен довольно в некоторых иностранных и во своем природном языке; имел немалое просвещение и библиотеку из наилучших иностранных и российских книг. Его сочинения, оды, элегии, сонеты, сатиры, стансы, притчи, письма, эпиграммы и другие мелкие стихотворения напечатаны в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение», изданном в 1760 и 1762 годах; в «Свободных часах», изданном 1763 года в Москве, довольно показывают остроту его разума и многими знающими людьми похваляются. Словом, он превеликую подавал надежду показать в себе хорошего стихотворца. Он сочинил комедию «Россиянин, возвратившийся из Франции» и начал было писать трагедию, но, не докончав оной, умер; а комедия его хотя и довольно похваляется, но в свет еще не издана.

Карин Николай [174(?)—1768] — лейб-гвардии Конного полку поручик, средний брат, имевший все те же склонности, как и старший брат его; но написал меньше; однакож сочиненные им разные

стихотворения, напечатанные в московских ежемесячных сочинениях, весьма изрядны и довольно похваляются. Он умер 1768 года.

Карин Федор [174(?)—ок. 1800] — обер-офицер в отставке, младший брат из всех, но наследовавший обоих похвальные склонности ко словесным наукам и просвещению своего разума. Сочинил он несколько мелких стихотворений, также книжку «Нравоучительные правила, выбранные из свойств покойной графини Марии Владимировны Салтыковой». Напечатана сия книжка в Москве 1770 года. Он перевел несколько хороших книг с великим успехом.

Катавасья Юрьев — Троицы-Сергиева монастыря. О сем летописателе г. герольдмейстер князь Михайло Михайлович Щербатов изъясняется, [1] что он почитает его летопись обстоятельнейшею из всех рукописей, полученных им из типографской книгохранительницы; причем прибавляет: «наречие его является быть новогородское, яко действительно он более о новогородских делах и простирается. Надпись его следующая: *Летописец от начала прозвания русской земли от лета 6360/852 и князей их от лета 6370/862 до лета 6985/1477, а сей летописец писал Катавасья Юрьев сын лета 7052/1544. Троицы-Сергиева монастыря*».

Кахановский Симон [ум. после 1722] — сочинял поучительные слова; а напечатано из них одно изрядное слово, говоренное в Ревеле 1720 года.

Красильников Михаил [ум. после 1742] — священник, написал много изрядных поучительных слов; а напечатано из них только одно 1742 года в Москве.

Крашенинников Степан [1713—1755] — императорской Санктпетербургской Академии наук профессор, уроженец города Москвы, положил там в Заиконоспасском училищном монастыре в латинском языке, в красноречии и в философии доброе основание; превосходил всех товарищей своих понятием, ревностию и прилежанием в науках; в прочем и в поступках был человек честного обхождения. Хотя определен он был наипаче к истории натуральной, однако являлося в нем также к гражданской истории и географии столько склонности, что он еще с 1735 года употреблен бывал с пользою в особенные отправления для описания по географии и истории натуральной некоторых мест, в кои сами профессоры не заезжали.

В 1733 году отправлен он был во вторую камчатскую экспедицию при профессорах; а в 1736 году теми профессорами из Якутска, яко надежный и способный к тому человек, отправлен был в Камчатку для некоторых приготовлений; но как посланные профессоры до Камчатки по случаю не доехали, то все почти тамошние испытания достались г. Крашенинникову; и он с присланным туда

[1] К. Щерб. Рос. ист. в предис., стр. 1.

в 1738 году адъюнктом описал все нужное к сочинению истории и возвратился в Санктпетербург в 1743 году.

В 1745 году произведен он был при императорской Академии наук адъюнктом, а в 1750 году пожалован профессором ботаники и прочих частей натуральной истории. В сие время собрал он из своих записок и сочинил «Описание Камчатки» в двух томах, со многими гридированными фигурами, которое и напечатано 1755 года в Санктпетербурге. Он сочинил прекрасное слово «О пользе наук и художеств», напечатанное 1750 года; и перевел с латинского на российский язык Квинта Курция о делах Александра Великого с превеликим успехом. Вообще сочинения его и переводы весьма много похваляются. Конец жития его последовал 1755 года февраля 12 дня, на 43 году его жизни. Он был из числа тех, кои не знатностию породы, не благодеянием счастия возвышаются, но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными.

Кемский, князь, Феодор [ум. после 1549]. — О сем летописателе следующее написано: [1] *Летописец Российского государства от начала российских князей до дней царя и великого князя Иоанна Васильевича; писал в лето 7057/1549.* Прежде начатия истории на первой странице написано: *Кому бог вручит сию книгу Временник, рекше Летописец, помяни мя грешного инока Феодосиа.* А на другом листе приписано другою рукою так: *А устрой сей книзе летописцу князь Феодор Иванович Кемский, во иноцех Феодосий.* Прибавлено от историка: «Сей летописец простирается до 1550 года».

Крекшин Петр [1684—1763] — комиссар капитанского чина, человек любопытный и тщательный в собирании российских древностей и редкостей. Он сочинил три летописи: 1) от начала царствования царя Иоанна Васильевича, с 1534 по 1560 год; 2) история о царе Борисе Феодоровиче Годунове по 1600 год; 3) история великой княгини Ольги, во святом крещении нареченныя Елены; также и еще сочинил две книги: 1) историческое известие о рождении Петра Великого, 2) описание жития и дел сего великого монарха от рождения до дня погребения, с приложением при той книге родословия великих князей и царей российских. Все сии книги рукописными хранятся в императорской библиотеке. Умер сей трудолюбивый муж около 1763 года, будучи без мала 80 лет своей жизни.

Кременецкий Иоанн [ум. после 1717] — сочинил книгу в честь князя Александра Даниловича Меншикова отчасти стихами, а прочее прозою; а напечатана она в Санктпетербурге 1715 года под заглавием «Лаврея, или Венец бессмертныя славы» и украшена гридированным сего князя изображением лица.

---

[1] К. Щерб. Рос. ист. в пред., I т.

Киприян [ум. в 1406] — митрополит московский, жил во время князя Димитрия Иоанновича Донского, сочинил [1] Степенную книгу из древнейших того времени летописцев.

Кирилл Белозерский [1337—1427]. — Из сочинений его осталася одна книга, хранящаяся рукописною в императорской библиотеке. Она содержит в себе разные его грамоты, послания и поучительные слова. О прочих его сочинениях нет известия.

Климовский Семен [ум. после 1724] — малороссийский козак, сочинил книгу «О правде и великодушии благодетелей» стихами, 1724 года. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Козачинский Михаил [1699—1746] — умер в Киеве, будучи архимандритом, учителем богословии и Киевской академии ректором. Из стихотворных его сочинений напечатано только одно панагирическое сочинение на российском, польском и латинском языках, в киевопечерской типографии, 1744 года. Он же перевел с латинского на российский язык Аристотелеву философию; напечатана она 1744 года в Киеве.

Козельский Яков [ум. после 1793] — коллежский советник и малороссийской коллегии член, сочинил две книги: 1) «Механические...», а 2) «Философические предложения», которые обе и напечатаны в Санктпетербурге; также перевел много полезных на российский язык книг, заслуживающих похвалу.

Козельский Федор [174(?)—177(?)] — правительствующего сената протоколист, писал много стихов, из которых напечатаны собрание элегий и трагедия «Пантея»; но как первые, так и последняя не весьма удачны. Напротив того, его две оды имеют в себе много хорошего, а поэма «Незлобивая жизнь» от многих и похвалу заслужила. Сия поэма состоит из четырех песней. Сочинения его печатаны 1769, 1770 и 1771 годов в Санктпетербурге.

Козицкий Григорий Васильевич [173(?)—1775] — коллежский советник у принятия челобитен, сочинил рассуждение о пользе мифологии, напечатанное в ежемесячном сочинении «Трудолюбивой пчеле», изданном 1759 года в Санктпетербурге; но сии малые опыты трудов его принять можно за основательные доказательства, что сей искусный и ученый муж приобрел бы не последнее место между славными российскими писателями, ежели бы не отвлечен был должностями, на него возложенными, от упражнения во словесных науках. Совершенное его искусство во славенском, греческом, латинском, французском и немецком языках и великое его просвещение со здравым рассудком в том удостоверяет. Слог его чист, важен, плодовит и приятен; посему-то некоторые и заключают, что «Всякая всячина», еженедельное сочинение 1769 года, приобретшее толикую похвалу, есть произведение его пера. В прочем ко умножению славы его в ученом обществе должно и сие

---

[1] Щерб. Росс. ист. в пред., I т., стр. XIII.

прибавить, что г. Сумароков, славнейший наш стихотворец, в похвалах своих писателям толико разборчивый, на многих местах в своих сочинениях похваляет сего писателя; есть и притча его, писанная к г. Козицкому.

Козловский, князь, Федор Алексеевич [174(?)—1770] — в юных своих летах обучался в императорском Московском университете разным наукам; определился лейб-гвардии в Преображенский полк, где он дослужился до обер-офицерского чина. В 1767 году взят был в Комиссию о сочинении проекта нового уложения сочинителем; исправляя должность свою рачительно и с похвалою, пробыл он тут до 1769 года, в котором отправлен был курьером к его сиятельству графу Алексею Григорьевичу Орлову, находившемуся тогда в Италии. В проезд свой должен был он заехать к славному европейскому писателю г. Волтеру, чем князь Федор Алексеевич чрезмерно восхищался: ибо по великой его склонности ко словесным наукам ничего так не желал, как умножить то просвещение своего разума, которое приобрел своими трудами. Прибыв в Италию, оставлен он был при его сиятельстве графе Федоре Григорьевиче Орлове и был при нем безотлучно до Чесменского бою, в который при взорвании корабля святого Евстафия поднят он был на воздух. Смерть его последовала так, как и сей бой, 1770 года в июне месяце. Сей князь был человек острого ума и основательного рассуждения; искусен в некоторых европейских языках и имел тихий нрав: был добрый и хороший господин; имел непреодолимую врожденную склонность ко словесным наукам и упражнялся в них с самого еще детства. Из сочинений его были: «Одолжавший любовник», прозою комедия в 1 дейст., несколько песен, эклог, элегий и других мелких стихотворений; также начал было он писать трагедию «Сумбек», содержание ко оной взяв из казанской истории; но она не окончана. Слово похвальное ее императорскому величеству Екатерине Великой, которое осталось немного также не окончано. Он перевел много комедий для российского театра и других разных материй. Вообще сочинения его весьма достойны похвалы; а трагедия и похвальное слово, если бы были окончаны, то сделали бы ему бессмертную славу. Смерть его оплакивали искренно не только друзья его, но и знакомые, так, как честного, разумного и добродетельного человека. В честь ему и в засвидетельствование его достоинств восплакали музы трех российских стихотворцев следующими стихами:

КЕНОТАФИЯ
КНЯЗЮ ФЕДОРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ
КОЗЛОВСКОМУ

Одно зришь имя здесь; а тело огнь и влага
Пожрали в Асии вблизи Архипелага:
Где турский россами свирепо флот сражен,

Разбит, потоплен в хлябь и в пепел весь сожжен.
Козловский! жребий твой предтечею был рока
К избаве Греции, к паденью лжепророка.

Из письма г. Майкова:

Художеств и наук Козловский был любитель,
А честь была ему во всем путеводитель.
Не шествуя ль за ней он жизнь свою скончал?
И храброй смертию дела свои венчал.

И ниже:

Когда о храбрых кто делах вещати станет,
Козловский первый к нам во ум тогда предстанет;
Хвалу ли будет кто не лестным плесть друзьям,
Он должен и тогда представиться глазам;
Иль с нами разделять кто будет время скучно,
Он паки в памяти пребудет неотлучно.
Всечасно тень его встречать наш будет взор,
Наполнен будет им всегда наш разговор.
И так хоть жизнь его судьбина прекратила,
А тело алчная пучина поглотила,
Он именем своим пребудет между нас;
Мы будем вспоминать его на всякий час.

Из поэмы «Чесменский бой» г. Хераскова:

О ты! питомец муз, на что тебе беллона,
Когда лежал твой путь ко храму Аполлона?
На что война тебе, на что оружий гром?
Воюй ты не мечом, но чистых муз пером;
Тебя родитель твой и други ожидают,
А музы над тобой летающи рыдают:
Но рок положен твой, не льзя его прейти.
Прости, дражайший друг, навеки ты прости!

И ниже:

Когда же скрылся ты навек в морских волнах,
Так гроб твой у твоих друзей теперь в сердцах.

Колосовский Агей [1738—1792] — иеромонах в морском кадетском корпусе, довольно сочинил весьма изрядных поучительных слов; а напечатана из них только одна речь на спуск корабля в Санктпетербурге 1770 года. Его проповеди много похваляются знающими людьми за чистоту слога и хорошее изображение.

Комаровский Иоанн — священник, сочинял поучительные слова; а напечатано из них только одно весьма изрядное слово 1742 года в Москве.

Кондратович Кирияк [1703—ок. 1788] — коллежский асессор при переводах в императорской Академии наук, много писал стихов, а особливо эпиграмм, которых у него собрано, им сочиненных и переведенных из древних авторов, до 10 000. Из них триста эпиграмм напечатаны в трех книжках под заглавием «Старик молодый». Он сочинил «Российский производный словарь»; перевел «Илиаду» и «Одиссею», Гомеровы поэмы; двенадцатиязычный лексикон и еще много других книг; но они еще не напечатаны.

Константин [ок. 1725—1773] — архимандрит Спасоказанского монастыря и семинарии ректор, сочинил много поучительных слов; а напечатано только одно весьма изрядное торжественное слово 1762 года июля 10 дня, в Москве.

Кониский Георгий [1717—1795] — епископ белорусский, имеющий епархию в польском городе Могилеве, муж высокого ума и великого просвещения. В Киевской академии обучал несколько лет богословии и завел в Могилеве училище и русскую типографию, в которой напечатано собрание поучительных слов, сим епископом сочиненных, и также катехизис, сочиненный Феофаном Прокоповичем, со многими дополнениями, в 1761 году.

Копиевич Илия [ум. после 1708] — сочинил стихами панагирик, или похвальное слово, на победы Петра Великого; также сочинил латинскую с российским грамматику и перевел книгу «Де графа», или морское плавание. Все сии книги напечатаны 1700 и 1701 годов в Амстердаме.

Котельников Семен [1739—1806] — императорской Академии наук член и библиотекарь; много сочинил весьма изрядных речей и рассуждений о разных вещах и издал некоторые математические книги, свидетельствующие его ученость.

Котельников Матвей — сочинил разговоры на российском и татарском языках. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке; о других же его сочинениях известия нет.

Кролик Феофил [ум. в 1732] — архимандрит Новоспасского монастыря в Москве; жил в XVIII веке и написал много стихов в похвалу князю Антиоху Кантемиру и других на российском и латинском языках; а напечатаны из них только одни латинские при сатирах Кантемировых в Санктпетербурге 1762 года. Он сочинил и несколько весьма изрядных поучительных слов; но печатных из них нет ни одного.

Кулибин Иван [1735—1818] — нижегородский купец, ныне при императорской Академии наук механик. Из детства упражнялся он в торговле хлебом и был сидельцем в мучной лавке; но по врожденной склонности хаживал всегда рассматривать колокольные часы, а на 17 году своей жизни выпросил у соседа своего стенные деревянные часы и старанием своим дошел до того, что по некотором времени без всяких нужных к тому орудий сделал им подобные. После того, быв по случаю в Москве, ходил к часовому мастеру и

рассматривал ход часов стенных; при отъезде же из Москвы купил он у сего мастера испорченную резальную колесную махину и токарный маленький лучковый станок. По приезде в дом сию махину починил и сделал стенные деревянные часы с кукушкою гораздо исправнее первых; потом делал медные стенные часы и починивал карманные и стенные с курантами, а наконец сделал для поднесения ее императорскому величеству часы в гусиное яйцо мерою с курантами, достойные удивления и великой похвалы, а особливо потому, что он без науки, но сам собою дошел до сего совершенства. Сии часы подробно описаны в «Санктпетербургских ведомостях» 1769 года, в прибавлении к № 34. Он достал по случаю аглинский старый телескоп и по довольном труде и изыскании сделал точно такой же; также сделал микроскоп и электрическую махину. Он сочинил стихами две оды и кант ее императорскому величеству, в проезд чрез Нижний Новгород поднесенные, которые довольно изрядны, а паче в рассуждении его неупражнения в стихотворстве; а напечатаны они в Санктпетербурге 1769 года.

Кулябка Силвестр [1701—1761] — архиепископ санктпетербургский и ревельский и архимандрит Троицкого Александроневского монастыря, человек ученый и просвещенный; сочинил много весьма изрядных поучительных слов; а напечатаны из них только немногие. Он скончался в Санктпетербурге 1761 года, от рождения около 60 лет.

Курбский, князь, Андрей Михайлович [ок. 1528—1583] — боярин и воевода, писал о доставании и взятии города Казани. [1] Описание его должно быть тем вероятнее потому, что он сам находился во втором походе на Казань царя Иоанна Васильевича и держал правую руку со князем Петром Ивановичем Щенятевым; а по взятье города Казани, когда некоторые из татар, пробравшись за городские стены, побежали к лесу за реку Казанку на Алацкую дорогу, тогда сей князь с князем же Щенятевым, имея при себе довольно войска, пресек их побег и всех почти их перерубил. [2]

Курганов Николай [1725(?)—1796] — капитан и инспектор в морском кадетском корпусе, сочинил универсальную российскую грамматику с седмью присовокуплениями; напечатана сия книга в Санктпетербурге 1769 года; также издал в свет и некоторые мафематические книги.

Крутень Матвей [1737—1769(?)] — медицины доктор, сочинил книгу под именем «Примечания о болезнях, в армии случающихся»; но оная в печать не отдана. Умер он в 1769 году.

Княжнина Екатерина Александровна [1746—1797] — дочь г. Сумарокова, писала весьма изрядные стихотворения, напеча-

---

[1] Татищ. в предъизв. на Рос. ист , ст. XII.
[2] Опыт казанской ист., стр. 149 и 157.

танные в ежемесячном сочинении «Трудолюбивой пчеле», изданном 1759 года в Санктпетербурге.

Княжнин Яков Борисович [1742—1791] — много писал весьма изрядных стихотворений, од, элегий и тому подобного; перевел в стихи письмо графа Коминга к его матери. Наконец, сочинил трагедию «Дидону», делающую ему честь. Сия трагедия весьма много похваляется знающими людьми и почитается в числе лучших в российском театре; она еще в свет не издана. В прочем подал он надежду ожидать в нем хорошего трагического стихотворца.

Л

Лаврентий [173(?)—1796] — архимандрит Хутынского монастыря и Новогородской семинарии ректор, много сочинил весьма изрядных поучительных слов; а напечатаны из них только два 1764 года в Москве.

Лаврентий [1671—1737] — иеромонах, сочинил много поучительных слов, из коих некоторые напечатаны в Санктпетербурге 1719 года.

Лащевский Варлаам [172(?)—1774] — синодальный член и архимандрит Донского монастыря в Москве, муж преученый и преискусный в латинском, греческом, еврейском и славенском языках, также и в красноречии. Он сочинил много поучительных весьма хороших слов, а наипаче трудился в исправлении библии, вновь напечатанной, к которой сочинил он и предисловие, много похваляемое знающими людьми; также перевел книгу «Зерцало должности государской», которая и поднесена императору Петру III в бытность его в Киеве в 1743 году.

Леванда Иоанн [1734—1814] — священник соборной Успенской киевоподольской церкви, муж преискусный в проповедывании слова божия; из великого числа сочиненных им поучительных слов некоторые отданы в печать.

Левашев Павел [1719—1820(?)] — статский советник, много писал лирических стихов, которые от знающих людей похвалу заслуживают.

Леонтьев Николай [1739—1824] — лейб-гвардии Измайловского полку капитан, сочинил несколько од, элегий и других изрядных стихотворений; но изданные им в 1766 году «Басни» превеликую подают надежду видеть в нем хорошего стихотворца. Есть много и других его стихотворений; но они в печать не изданы. Весьма желательно, чтобы оные не утратились, но изданы бы были в свет, дабы тем приумножить справедливую похвалу их сочинителю.

Леонтович Феофан — старший Виленский, муж острого и просвещенного разума. Он обучался иждивением дяди своего Феофана

Прокоповича в чужих краях латинскому, французскому, немецкому и польскому языкам, в которых и был весьма искусен и знающ. Он много сочинил поучительных слов на российском и польском языках, достойных похвалы, из коих некоторые и напечатаны в Вильне.

Леонтович Сава [174(?)—177(?)] — медицины доктор, находится в Саратове при колонистах. Он сочинил преизрядное наставление повивальным бабкам, которое и напечатано на латинском языке в Страсбурге 1765 года.

Лепехин Иван [1740—1802] — императорской Академии наук адъюнкт и медицины доктор, издал в свет «Дневные записки» 1768 и 1769 года путешествия своего для пользы натуральной истории, и которым печатаются ныне продолжения. Сия книга знающими людьми похваляется.

Лихачев [до 1636—1729] — быв учителем у царя Феодора II, описал его жизнь весьма обстоятельно. [1] О других его сочинениях никакого известия нет.

Лобанов Семен [174(?)—1770] — родился в Осташковской слободе и обучался в Тверской семинарии; а в 1756 году взят в Московский университет, где был студентом, и за успехи, оказанные им в науках, многажды получал золотые медали. В 1762 году произведен адъюнктом и взят в сухопутный кадетский корпус для обучения кадетов и там несколько спустя времени произведен в профессоры физики и мафематики. В 1769 году из корпуса уволен и определен в правительствующий сенат; а в 1770 году пожалован сенатским секретарем и в том же году умер чахотною болезнию. Сей человек был весьма разумен, учен и доброго жития; он сочинил две книги: «Физику» и «Мафематику», которые сколь много ни похваляются за их исправность, однакож еще и поныне не напечатаны, но у некоторых хранятся рукописными.

Лодыжинский Виктор [ум. 1777] — архимандрит курского Знаменского монастыря, муж просвещенный и искусный в богословии, философии, красноречии и стихотворстве. Он обучал в Киевской академии сим наукам и сочинил много поучительных весьма изрядных слов; но из них ни одно не напечатано.

Ломоносов Михайло Васильевич [1711—1765] — статский советник, императорской Санктпетербургской Академии наук профессор, Стокгольмской и Бононской член. Родился в Колмогорах в 1711 году от промышленника рыбных ловлей. Юные лета препроводил с отцом своим, ездя на рыбные промыслы; но, будучи обучен российской грамоте и писать, прилежал он более всегда по врожденной склонности к чтению книг. И как по случаю попалася ему псалтир, преложенная в стихи Симеоном Полоцким, то, читав оную многократно, так пристрастился к стихам, что получил желание

---

[1] Татищ. Рос. ист. предъизв., стр. XIII.

обучаться стихотворству. Почему стал он наведываться, где можно обучиться сему искусству; услышав же, что в Москве есть такое училище, где преподаются правила сей науки, взял непременное намерение уйти от своего отца. К сему его побуждало и упорное желание его родителя, дабы женить его по неволе. Вскоре потом исполнил он свое намерение: оставил дом родительский, пришел в Москву и вступил в Заиконоспасское училище, в котором с великим прилежанием обучался латинскому и греческому языкам, риторике и стихотворству.

В 1734 году взят он был из оного училища в императорскую Академию наук и отправлен в 1736 году студентом в Германию. По приезде в Марбург, что в Гессенской земле, поручен он был с товарищами своими Райзером и Виноградовым наставлениям славного барона Вольфа. В Марбурге пробыл он четыре года, упражняясь в химии и в принадлежащих к ней науках. Потом поехал в Саксонию и там под смотрением славного химика Генкеля осмотрел все горные и рудокопные работы, в горном округе производимые. Наконец возвратился он в Санктпетербург в 1741 году студентом же.

Около сего времени оказал он первые опыты столь гремевшего не только в России, но и в чужестранных областях лирического стихотворства, сочинив торжественную оду и несколько потом других. Между тем более всего прилежал к химии и к прочим ее частям и столько во оной успел, что от императорской Академии наук поручено ему было находящийся при Кунсткамере минеральный кабинет привести в порядок. Г. Ломоносов исполнил порученное ему дело с таким искусством, прилежанием и исправностию, что Академия, уважая его знание и труды, произвела его адъюнктом в 1742 году.

По произведении его продолжал упражняться он в химии; а в 1745 году, по указу из правительствующего сената, основанному на свидетельствах всех членов Академии наук, произведен он был профессором химии.

В 1751 году г. Ломоносов пожалован был коллежским советником. В 1752 году по данной ему привилегии учредил он бисерную фабрику и начал упражняться в мозаике; и как в России первый был он изобретатель мозаического искусства, то и поручено ему было трудиться в составлении большой мозаической картины, представляющей знаменитейшие дела Петра Великого. Г. Ломоносов окончал сей труд российскими материалами и мастерами, без всякой помощи от иностранных. К составлению сей картины изобрел он все составы и разные махины и оную сделал такой величины, какой мозаической картины по сие время в целом свете еще не бывало.

В 1751 году февраля 13 дня определен он был членом в академическую канцелярию; а в 1760 году февраля 14 дня поручены

в полное его смотрение академическая гимназия и университет.

1764 года в декабре месяце г. Ломоносов пожалован был статским советником, в котором чину и пробыл он до кончины своей, воспоследовавшей 1765 года апреля в 4 день, к великому сожалению всех любителей словесных наук. Тело его с богатою церемониею погребено в Александроневском монастыре императорским иждивением, а на гробе его поставлен мраморный столп иждивением покойного канцлера графа Михайла Ларионовича Воронцова со следующими российскою и латинскою надписями:

НАДПИСИ

В ПАМЯТЬ
СЛАВНОМУ МУЖУ
МИХАЙЛУ
ЛОМОНОСОВУ,
РОДИВШЕМУСЯ В КОЛМОГОРАХ
В 1711 ГОДУ,
БЫВШЕМУ
СТАТСКОМУ СОВЕТНИКУ,
ИМПЕРАТОРСКОЙ САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК
ПРОФЕССОРУ,
СТОКГОЛЬМСКОЙ И БОНОНСКОЙ
ЧЛЕНУ,
РАЗУМОМ И НАУКАМИ ПРЕВОСХОДНОМУ,
ЗНАТНЫМ УКРАШЕНИЕМ ОТЕЧЕСТВУ
СЛУЖИВШЕМУ,
КРАСНОРЕЧИЯ, СТИХОТВОРСТВА
И
ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
УЧИТЕЛЮ,
МУССИИ ПЕРВОМУ В РОССИИ БЕЗ РУКОВОДСТВА
ИЗОБРЕТАТЕЛЮ,
ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЮ СМЕРТИЮ ОТ МУЗ
И ОТЕЧЕСТВА НА ДНЯХ СВЯТЫЯ ПАСХИ
1765 ГОДА ПОХИЩЕННОМУ,
ВОЗДВИГ СИЮ ГРОВНИЦУ
ГРАФ
МИХАЙЛО ВОРОНЦОВ,
СЛАВЯ ОТЕЧЕСТВО С ТАКОВЫМ ГРАЖДАНИНОМ
И ГОРЕСТНО СОБОЛЕЗНУЯ
О ЕГО КОНЧИНЕ.

* * *

VIRO CELEBERRIMO
MICHAELI LOMONOSOW,
KOLMOGORODI NATO, ANNO MDCCXI,
AUGUSTAE RUSSIARUM IMPERATRICIS
CONSILIARIO STATUS,
ACADEMIAE SCIENTIARUM
PETROPOLITANAE
PROFESSORI PUBLICO ORDINARIO,
HOLMENSIS ET BONONIENSIS SOCIO,
QUI INGENIO EXCELLUIT ET ARTIBUS
PATRIAE DECUS EXIMIUM:
ELOQUENTIAE, POESEOS
ET
HISTORIAE PATRIAE PRAECEPTOR.
METRI RUSSIGI INSTITUTOR,
TRAGEDIARUM IN VERNACULA AUTOR,
PRIMUS MUSIUI OPERIS IN RUSSIA
PICTOR AUTODIDACTOS.
PREMATURA MORTE MUSIS
ATQUE PATRIAE FERIIS PASCHATOS
MDCCLXV SCRIPTIS
ET
OPERIBUS OBLINIONI EREPTUS.
TALEM CIUEM GRATULANS PATRIAE
OBITUM EJUS LUGENS
MICHAEL COMES A. WORONZOW
POSUIT.

* * *

Сей муж был великого разума, высокого духа и глубокого учения. Сколь отменна была его охота к наукам и ко всем человечеству полезным знаниям, столь мужественно и вступил он в путь к достижению желаемого им предмета. Стремление преодолевать все случавшиеся ему в том препятствия награждено было благополучным успехом. Бодрость и твердость его духа оказывались во всех его предприятиях; начав учиться иностранным языкам в таких уже летах, в коих многие за невозможность почитают в них упражняться, достиг он до великого совершенства. На немецком языке писал и говорил как почти на своем природном; латинский знал очень хорошо и писал на нем; французский и греческий разумел не худо; а в знании российского языка, яко его природного и им много вычищенного и обогащенного, почитался он в свое время в числе первых. Слог его был великолепен, чист, тверд, громок и приятен. Предприимчивость сколь часто бывает в других пороком, столь многократно ему приобретала похвалу. Он упражнялся во всех философических и словесных науках, в химии, с ее разными ча-

стями; а особливо прилежал к фисике экспериментальной, которую и перевел на российский язык; в механике и в истории нашего отечества. Стихотворство и красноречие с превосходными познаниями правил и красоты российского языка столь великую принесли ему похвалу не только в России, но и в иностранных областях, что он почитается в числе наилучших лириков и ораторов. Его похвальные оды, надписи, поэма «Петр Великий» и похвальные слова принесли ему бессмертную славу. Нрав имел он веселый, говорил коротко и остроумно и любил в разговорах употреблять острые шутки; к отечеству и друзьям своим был верен, покровительствовал упражняющихся во словесных науках и ободрял их; во обхождении был по большей части ласков, к искателям его милости щедр, но при всем том был горяч и вспыльчив. Сочинения его следующие: две части разных стихотворений, содержат в себе духовные и похвальные оды, надписи, две песни героической поэмы «Петр Великий», похвальные слова и другие стихотворения; «Российская грамматика», «Риторика», «Краткий российский летописец», первая книга «Древней российской истории», краткое понятие о фисике, «Металлургия», две трагедии, «Тамира и Селим» и «Демофонт», и ученые рассуждения о разных материях. Я не могу распространиться в похвале сему великому писателю; а довольно будет, когда сообщу из эпистол г. Сумарокова следующие стихи:

Иль с Ломоносовым глас громкий вознеси:
Он наших стран Малгерб, он Пиндару подобен...

И также стихи г. Поповского к его портрету:

Московский здесь Парнас изобразил витию,
Что чистый слог стихов и прозы ввел в Россию.
Что в Риме Цицерон и что Виргилий был,
То он один в своем понятии вместил.
Открыл натуры храм богатым словом россов;
Пример их остроты в науках Ломоносов.

Из сочинений его переведены на иностранные языки следующие: «Грамматика» и «Российская история» на немецкий; «Утреннее...» и «Вечернее размышления о величестве божием» на французский; похвальное слово Петру Великому перевел он сам на латинский язык. Г. Ломоносов имел переписку со многими учеными людьми в Европе. Библиотека его и манускрипты по смерти его куплены его сиятельством графом Григорьем Григорьевичем Орловым.

Лопатинский Феофилакт [167(?)—1741] — умер, будучи архиепископом тверским, 1741 года мая 8 дня и погребен в Невском

*

монастыре в Санктпетербурге. Он сочинял стихи: но напечатанных из оных нет, кроме одной эпиграммы в книге «Камень веры».

Луговской [ум. после 1654] — диакон, описал пространно походы царя Алексея Михайловича в Польшу и Литву, также о приобщении к России Киева и Малой России и суд Никона патриарха.

Лукин Владимир [1737—1794] — надворный советник. Сочинил комедию в пяти действиях «Мот, любовию исправленный», которая напечатана и представлена была в Санктпетербурге на придворном российском театре 1765 года. Она принята была изрядно, но сочинитель сей комедии весьма много одолжен актерам, ее представлявшим, как о том и сам он в предисловии на сию комедию изъясняется. Сочинитель ввел в свою комедию два смешные подлинника, которых представлявшие актеры весьма искусным и живым подражанием, выговором, ужимками и телодвижением, также и сходственным к тому платьем зрителей весьма много смешили. Он сочинил ещу драму «Благодеяние приобретает сердца», которая также напечатана, но не была представлена. Также перевел он и преложил на русские нравы несколько комедий, кои все напечатаны; иные из них играны и приняты довольно изрядно.

Лихуда С. [1] [1652—1730] — иеромонах, сочинил торжество о заключенном мире между Российскою империею и шведскою короною.

Лызлов Андрей [ум. после 1698] — священник, [2] жил при государе Петре Великом. Он сочинил «Скифскую историю» в двух частях, о чем упоминается в «Российской истории» тайного советника Татищева и в «Опыте казанской истории». Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Ляшевецкий Кирилл [ум. 1770] — иеромонах, сочинял проповеди, из коих некоторые напечатаны в Москве 1749 года.

М

Магницкий Леонтий [3] [1669—1739] — муж, сведущий славенский язык, истинный христианин, добросовестный и нельстивый человек, первый российский арифметик и геометр; первый издатель и учитель в России арифметике и геометрии. Он сочинил стихи на крест и герб государев и напечатал в «Арифметике» своей в Москве 1703 года.

Майков Василий Иванович [1728—1778] — государственной военной коллегии прокурор и Вольного экономического общества член. Сочинил две трагедии, «Агриопу» и «Иеронпму»: первая представлена была на придворном российском театре с успехом

[1] У Новикова ошибочно Лухутьев Софроний. *(Прим. ред.)*
[2] Новиков ошибочно прочел в рукописи как стольник. *(Прим. ред.)*
[3] Академ. «Ежемес. соч.», 1765 год, т. I, стр. 489.

и принята с великою похвалою; а другая хотя еще и не представлена, но похваляется больше первой. Они написаны в правилах театра, характиры всех лиц выдержаны очень хорошо, любовь в них нежна и естественна, герои велики, а стихотворство чисто, текуще и приятно и важно там, где потребно; мысли изображены хорошо и сильно; обе наполнены стихотворческим жаром, а в первой игры театральной столь много, что невозможно не быть ей похваляемой; и наконец, обе сии трагедии почитаются в числе лучших в российском театре. Он написал много торжественных од, которые столь же хороши в своем роде, как и его трагедии, и столько же много и похваляются: и в них виден стихотворческий дух и жар сочинителя. Также сочинил он прекрасную поэму «Игрок Ломбера» и другую в пяти песнях «Елисей, или раздраженный Вакх» во вкусе Скарроновом, похваляемую больше первыя тем паче, что она еще первая у нас такая правильная шутливая издана поэма. Он сочинил пролог «Торжествующий Парнас» и две части «Басен», посредственно хороших; также много од духовных, эпистол, эклог, надписей, эпиграмм и множество других хороших случайных стихов. Написал стихами весьма хорошее подражание «Военной науки», сочиненной его величеством королем прусским; также преложил в российские стихи «Меропу», трагедию Волтерову, и «Овидиевы превращения» с великим успехом. Из сочинений его некоторые пиесы напечатаны, а другие печатаются. В прочем он почитается в числе лучших наших стихотворцев и тем паче достоин похвалы, что ничего не заимствовал: ибо он никаких чужестранных языков не знает.

Макарий [1482—1563(?)] — митрополит московский. О сем писателе так изъясняется г. Татищев: [1] «Пред всеми хвалы достойнейший Макарий митрополит описал жизнь царя Иоанна IV Грозного, первые 26 лет, как порядочно по годам, так с достаточными обстоятельствами. Он же Киприянову «Степенную книгу» исправил и дополнил; но от скудости сведения о древности или от лицемерства несколько внес недоказательных обстоятельств». Он также сочинил два послания: первое к свияжским жителям о истинном покаянии и богоугодном житии, а другое к царю Иоанну IV Грозному, бывшему в Муроме в походе против казанцев. Оба сии послания напечатаны в царственной книге 1769 года в Санктпетербурге. Он был человек разумный и искусный и жил в XVI веке.

Максимов Федор — сочинил славенскую грамматику, которая и напечатана в Санктпетербурге 1713[23?] года.

Максимович Иоанн [1651—1715] — митрополит тобольский, много написал стихами, из которых напечатаны: «Алфавит духовный», преложенный с латинского языка, печатан в Чернигове 1705 года; «Осм блаженств евангельских», в Чернигове 1706 года;

[1] Тат. Рос. ист. в пред., стр. XIII.

«Богородице дево», в Чернигове ж 1707 года; также стихами описал и по азбуке расположил жития святых печерских и приписал ее царевичу Алексию Петровичу; а напечатана сия книга в киево-печерской типографии. Он сочинил и прозою следующие книги: «Феатрон нравоучительный», напечатан в Ильинском монастыре 1708 года; «Илиотропион», печатан в Чернигове 1714 года; «Царский путь», печатан в Чернигове ж 1709 года; лексикон латинский с российским, напечатан 1724 года в Санктпетербурге.

Максимович Манасий [ум. 1758] — архимандрит и Киевской академии ректор, упражнялся в стихотворстве и сочинении богословских книг, из коих одна под именем «О различии римской и греческой веры» на латинском языке напечатана в Бреславле 1754 года. Сей просвещенный и трудолюбивый муж скончался в Киеве 1758 года в июле месяце.

Малиновский Платон [ум. 1754] — архиепископ московский и севский, умер в 1753 году, сочинял поучительные слова, а напечатано из них только одно 1742 года в Москве.

Мамонов Федор [1728 — ок. 1790] — бригадир в отставке, много писал изрядных стихотворений, а недавно издал в свет эпистолу от генерала к его подчиненным, или генерал в поле, «Поэму любовь»: обе стихами; «Дворянин философ» и «Правилы офицеру» прозою; также перевел с французского языка «Овидиевы превращения» прозою; «Любовь Псиши и Купидона» прозою и стихами. Он все свои сочинения издал под именем Дворянина философа.

Маркел [ум. 1742] — епископ корельский и ладожский, муж ученый и просвещенный. Сей сочинял поучительные слова, а напечатаны из них только некоторые в Санктпетербурге 1741 и 1742 года.

Мартинианов Антип — священник, сочинял поучительные слова, а напечатано из них одно 1742 года в Москве.

Матвеев [1625—1682] — боярин, сочинил историческое известие о невинном своем заточении в Пустозерском остроге.

Матвеев [1666—1728] — граф, и Медведев, монах, описали оба стрелецкий бунт 1682 года; токмо в сказаниях по страстям весьма несогласны, и более противны потому, что графа Матвеева отец во оном бунте убит, а Медведев сам участником в том бунте и тайных дел с Милославским предводителем был, за что после со Щегловитым и казнен смертию.

Медведев [1641—1691] — монах Чудова монастыря, ученик во стихотворстве Симеона Полоцкого, человек ученый, писал много стихов, но печатных нигде нет. Одна только осталася огромная эпитафия учителю его, им сочиненная, которая вырезана при гробе его на стоячем камне. Его ж рукописный плач и утешение России; он писал стрелецкий бунт.

Меркурьев Иван — был переводчиком при императорской Академии наук. Сей писал много стихов, но из них известна

только переведенная им с итальянского языка Метастазиева опера «Милосердие Титово», напечатанная в Санктпетербурге 1742 года.

Миллер Гергард Фридрих [1705—1783] — коллежский советник; в 1725 году вызван из Лейпцигского университета в Санктпетербург к учреждаемой тогда Академии наук в адъюнкты; 1730 произведен в профессоры; 1747 историографом; 1754 конференц-секретарем; 1765 года пожалован коллежским советником и определен главным надзирателем при Московском воспитательном доме, оставаясь притом и действительным Академии наук членом; 1766 года марта 27 числа именным ее императорского величества указом определен государственной коллегии иностранных дел при архиве, где находится и доныне. Сей ученый и просвещенный муж издал в свет «Новогородскую историю»; новейшую российскую со временем царя Феодора Иоанновича до владения царя Михайла Феодоровича; «Ядро российской истории»; Судебник царя Иоанна Васильевича, собранный и примечаниями историческими дополненный тайным советником Татищевым; и много других до древностей российской истории касающихся материй сообщил в «Ежемесячных академических сочинениях» в разных годах, которым он был издатель с 1755 по 1765 год. Сочинил на немецком языке «Сибирскую историю», которая на российский язык переведена и напечатана в Санктпетербурге. Сей ученый муж за многие и полезные свои труды великой достоин похвалы.

Михаил [ум. 1489] — архиерей смоленский, сочинил «Российскую летопись» от 1254 по 1423 год. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Михайловский — студент Киевской академии, писал стихи, а напечатаны из них некоторые 1771 года в Санктпетербурге.

Мних Георгий — сочинил «Российскую летопись», которая простирается до 1533 года.

Могила Петр [1596—1647] — митрополит киевский, жил в XVII веке и был великий рачитель собирать древности; имея довольную библиотеку, сочинил «Российскую летопись» и за подписанием своим оставил; и также сочинил предисловие на «Патерик».[1] Он учредил в Киеве Академию и ввел в Россию стихосложение с польского образца; и сам много сочинял стихов, напечатанных в разных книгах; также сочинил много церковных установлений, катехизис, требник и православное исповедание веры, напечатанные в Могилеве 1696 года, и другие некоторые.

Могилеанский Арсений [1704—1770] — митрополит киевский, человек разумный, ученый и просвещенный. Сей сочинил много поучительных слов, а напечатано только из них одно слово и речь

---

[1] Тат. Рос. ист., ч. I, стр. 52.

его в Санктпетербурге, первое 1742, а последняя 1744 года. Он умер в 1769 году.

Могилеанский Епифаний [ум. 1788] — архимандрит, сочинял поучительные слова, а напечатано из них только одно 1742 года в Москве.

Мочульский Феоктист [1732—1818] — архимандрит Золотоверхомихайловского монастыря, муж искусный в некоторых европейских языках, также в философии, богословии, красноречии и проповедывании слова божия. Он сочинил много поучительных слов, достойных похвалы, но по скромности своей ни одного не издал в печать.

Муравьев Николай Ерофеевич [1721—1770] — был сенатором, генерал-инженером, главным директором при строении государственных дорог и ордена святыя Анны кавалером; скончался в путешествии своем в чужих краях 1770 года. Сей в молодых летах писал весьма изрядные стихотворения, а особливо песни, которые весьма много похваляются.

Мятлев Алексей [1749—1771] — родился 1749 года февраля 21 дня. Он был тихого нрава, честного поведения и добрых свойств; имел превеликую склонность ко словесным наукам, разумел весьма хорошо французский, немецкий и латинский язык; обучался философии, фисике, мафематике, истории и другим наукам, в которых и оказал хорошие успехи. Ко стихотворству имел он также превеликую склонность и сочинил много весьма изрядных мелких стихотворений и начал было сочинять трагедию: но смерть лишила его похвалы, которую бы ему за труд сей отдали знающие люди. Слог его чист и приятен; также перевел с французского на российский язык Монтеския «О разуме законов» 4 части с таким успехом, что перевод сей делает честь его имени. Скончался он 1771 года в апреле месяце, будучи гвардии подпоручиком в отставке.

Н

Назарьев Александр — поручик в отставке. Сочинил две торжественные изрядные оды, которые и напечатаны в Москве 1767 года; о других же его сочинениях известия нет.

Нарожницкий Антоний [ум. 1748] — иеромонах; сочинял поучительные слова; а напечатано только одно из них весьма изрядное слово 1742 года в Москве.

Нартов Андрей Андреевич [1736—1813] — статский советник, монетного департамента, Вольного экономического общества и Лейпцигского ученого собрания член; человек острый, ученый и просвещенный, искусный во французском, немецком и своем природном языках; также в мафематике, химии и других науках,

Он сочинял много весьма изрядных мелких стихотворений, как то элегий, сонеты, оды анакреонтические, эпиграммы и другие стихотворения и случайные стихи, напечатанные в академических и московских сочинениях разных годов. Также сочинил он несколько торжественных од и эпистолу к верным сынам отечества, весьма достойные похвалы. Но как стихотворство его не что иное, как забавное препровождение времени, то, напротив того, и упражнялся он в переводах весьма хороших и полезных книг, которые суть следующие: Иродота Аликарнасского 3 тома, «Торжество философии», «Спокойствие Кирово», «Наставление его величества короля прусского к его генералам», Леманова минералогия, «Слово похвальное императору Траяну», сочинения Младшего Плиния, «Барневель» и «Артаксеркс» трагедии; из комедий: «Сельский стихотворец», «Плутус», «Молодой ученый», «Ночной барабан», «Превращенный крестьянин», «Грации», «Докучливые» и множество мелких прозаических сочинений, напечатанных в академических, университетских и кадетского корпуса ежемесячных сочинениях разных годов. Также перевел он много и других пиес, которые еще не напечатаны; они следующие: письмо к Кейту о тщетном ужасе смерти, письмо к Фердинанду принцу прусскому: оба из сочинений его величества короля прусского; письмо Волтерово о словах похвальных, несколько од из Анакреонта, китайский катехизис, о происхождении эклоги и много других. Его переводы весьма много похваляются, и он чрез сие приобрел немалое к себе почтение, а за некоторые из его переводов и заслужил великую похвалу.

Нарышкин Семен Васильевич [1731—1807] — правительствующего сената ексекутор, сочинил две эпистолы, напечатанные 1761 и 1765 годов, делающие честь его имени; также писал много элегий и других мелких стихотворений, весьма похваляемых и напечатанных в академических «Ежемесячных сочинениях» разных годов и в «Полезном увеселении», изданном 1761 года в Москве. Сочинил во вкусе Дидеротовом комедию «Истинное дружество», которая много похваляется, и перевел несколько прозаических мелких сочинений, в разных местах напечатанных.

Нарышкин Алексей Васильевич [1742—1800] — двора ее императорского величества камер-юнкер, писал много весьма изрядных стихотворений, как то элегий, оды, песни, сонеты, стансы, притчи, сатирические письма и эпиграммы; напечатаны они в ежемесячном сочинении «Полезном увеселении», изданном 1760, 1761 и 1762 годов в Москве, и весьма много похваляются за чистоту слога, нежность и хорошие изображения.

Нащинский Давид [1720—1793] — архимандрит глуховского Петропавловского монастыря, муж преискусный в проповедывании слова божия и во обучении российскому стихотворству довольно трудившийся. Он много сочинил поучительных слов и перевел

немало с немецкого на российский язык книг, которые и отданы уже к печатанию.

Нестор преподобный [1056 — ок. 1114] — черноризец Киевского Печерского монастыря, первый между славянами известный писатель, родился на Беле озере 1056 года, пришел в монастырь 1073 года при Антонии и Феодосии и по смерти их пострижен и посвящен в диакона игуменом Стефаном. Ведя благочестивую и мирную жизнь в сем монастыре, сочинил он «Российскую летопись», начав с 858 года, вел чрез 250 лет хронологическим порядком и кончил ее на 57 году от рождения. Потом, пожив богоугодно лета довольна, скончался в XII веке в том же монастыре; а тело его и поныне пребывает нетленно в Киевских пещерах. [1]

Несын Феофил — игумен Батуринского монастыря. Сей долгое время обучал в Киевской академии стихотворству и сочинил несколько комедий стихами, которые и представлены были на киевском театре, но не напечатаны.

Никита Иванов [ум. 1770] — правительствующего сената протоколист, сочинил российскую историю от Рюрика до наших времен, но не издав ее в свет, умер 1770 года генваря 26 дня в Москве. О сей истории ничего заключительного сказать не можно, потому что она мне неизвестна. Впрочем, за труд сей превеликой достоин похвалы. Г. Рубан сочинил ему надгробную надпись, которая здесь следует.

НАДПИСЬ

Читатель! чтя сие, сердечно воздохни!
И здесь лежащего Никиту помяни.
Он росских древностей прилежный был искатель,
Деяний наших стран рачительный писатель;
Весь век трудился он в сниcканье росских дел
И летопись свою до поздных лет довел,
Желая оную доставить вскоре свету,
Разумных в чем людей он следовал совету,
Которыми за труд любим был сей творец;
И изготовя уж истории конец,
Тиснению ее предать было он тщился,
Но смерти скоростью вдруг чувств своих лишился.
В безвестности по нем остались те дела,
Которым в свете быть судьба не довела.
Сей действию судьбы читатель удивился,
Во мзду его трудов ты сердцем умилися:
И искренну мольбу к творцу небес пролей!
Да праведных в числе писатель будет сей.

[1] Библиот. Рос., часть I, в жизни преподобного Нестора.

Никон [1613(?)—1681] — патриарх московский, родился в 1613 году в деревне, подсудной к Нижнему Новугороду, от простых родителей и наречен при святом крещении Никитою. С малолетства прилежал он к чтению духовных книг и жил несколько времени в монастыре святого Макария, 60 верст от Нижнего Новагорода на реке Волге, у благочестивого монаха, который возбудил в нем склонность к монашескому житию. Отец его в том препятствовал, чтобы он тогда еще не постригся в монахи. Потом сделан священником: но опять покинул то место и пошел из Нижнего Новагорода в Москву. Пожив в брачном сочетании 10 лет и прижив троих детей, кои в младости умерли, развелся он с своею женою по общему их согласию и доставил жену свою в монастырь святого Алексия, что в Москве; а сам пошел в Анзерский скит, то есть монастырь, находящийся на Белом море, на острову недалеко от монастыря Соловецкого. Сей монастырь не обнесен оградою, что за излишнее почитается, потому что море вместо ограды служит. Келий считается 12, кои рассеяны вокруг на острову вдоль берега, расстоянием от одной кельи до другой по две версты. Во всякой живет по одному монаху, который кроме церковной службы препровождает жизнь свою всегда в уединении и питается подаяниями хлебом и рыбою, что с матерой земли присылают в монастырь или рыбаки привозят. Церковь стоит на самой средине острова, расстоянием от каждой кельи почти на две версты. В субботу собираются все монахи в церковь, препровождают всю ночь и до полудни следующего дня в божественной службе, а потом возвращаются в свои кельи. То же бывает, если случится праздник, а кроме того один другого не видает. Сия жизнь понравилась священнику Никите, который здесь постригся в монахи и наречен Никоном. Он ездил с начальником того монастыря Елиазаром в Москву для собрания денег на сооружение каменной церкви. По возвратном их прибытии произошла между ими ссора, от которой Никон принужден был из острова выехать, где он находился три года, и плыть в малом судне сам-друг к матерой земле. Едущим к устью реки Онеги жестокая буря угрожала погибелью. Наконец прибило их к малому острову, отстоящему от устья реки Онеги на 10 верст. Сей остров называется Ки-остров, также и Крестный остров. Последнее имя получил оный для того, что Никон для памяти спасения своего поставил тогда на оном острову крест. Он положил тогда обещание основать там монастырь, что после и учинил, проименовав оный монастырь Крестным. Потом пришел Никон в Кожеозерский монастырь, который ему казался удобным к продолжению прежнего его жития по правилам Анзерского скита. Ибо хотя он и принят в число монахов того монастыря, однако удалялся от прочих братий и на особливом острову построил себе келью, питался рыбою, которую сам ловил, и не ходил в монастырь, разве когда для отправления божией службы. Толь

строгое житие привело его у своей братьи в такое почтение, что как в то время игумен у них преставился, они его в то достоинство избрали общим согласием; и он посвящен митрополитом Афонием в Новегороде. Живши три года в Кожеозерском монастыре, ездил Никон в Москву для монастырских нужд. Тогда спознал его царь Алексей Михайлович, принял его милостиво и повелел патриарху Иоасафу поручить монастырь в Москве в его смотрение. Таким образом, поставлен Никон архимандритом в Новоспасский монастырь. Потом, в 1649 году произведен митрополитом в Новгород, а в 1654 году посвящен в патриархи России, по особливой милости государевой, которая так была велика, что Никон, будучи новгородским митрополитом, по большей части жил в Москве.

С 1656 года чинилось под его смотрением исправление церковных книг: ради чего достали великое множество греческих рукописей из Афонской горы и из других мест в Греции. Печатание библии в Москве 1655 года было также старанием Никона патриарха.

В 1658 году сей царю любезный и народу приятнейший патриарх публично сложил чин свой и выпросил у царя позволение препроводить остальную свою жизнь в монастыре. Он поехал в Воскресенский монастырь, который незадолго перед тем начал строить, и именовался попрежнему патриархом. Жизнь свою в сем монастыре препровождал он по большей части полезно, потому что собрал нарочито полную «Российскую летопись», из которой и напечатаны уже первые две части.

В 1666 году собранным нарочно собором Никон лишен патриаршего достоинства и отвезен в Ферапонтов монастырь, что в Белозерском уезде.

По кончине царя Алексея Михайловича переведен он по указу царя Феодора Алексеевича в 1676 году в Кириллов, а наконец, по просьбе его, в Воскресенский монастырь: но Никон, не доехав до того монастыря, умер в пути 17 августа 1681 года. Тело его принесено в Воскресенский монастырь и там по царскому указу похоронено с обыкновенными при патриаршем погребении церемониями. Царь Феодор Алексеевич исходатайствовал у греческих патриархов письменное определение, по которому Никон паки принят в число патриархов.

Никон [ум. 1771] — архимандрит Воскресенского, новый Иерусалим именуемого, монастыря, муж ученый и искусный в сочинении поучительных слов: но из них ни одного нет напечатанного. Сей старец находился в Чудове монастыре во время возмущения московской черни, которою и почтен был за преосвященного Амвросия, и потому был столько бит, что чрез седьмь дней к великому сожалению скончался и погребен в один день с братом своим и сострадальцем Амвросием.

Нифонт [ум. 1156] — был прежде на Волыне игуменом, а потом в Новегороде епископом. Писал жития преподобных печерских и дополнял по Силвестре «Российскую летопись»; умер 1156 года апреля 18 дня. [1]

О

Олсуфьев Адам Васильевич [1721—1784] — тайный советник, сенатор, кабинет-министр, государственной коллегии иностранных дел член и орденов святого Александра и Белого орла кавалер, писал много забавных и сатирических сочинений, но печатных нет; однакож они у многих хранятся рукописными и весьма много за остроту похваляются. Он перевел с итальянского языка оперы: «Евдоксия венчанная», «Селевк», «Митридат» и «Беллерофонт», в которых все арии положены стихами. Напечатаны они в Санктпетербурге в разных годах.

П

Палладий [1721—1789] — епископ рязанский, муж ученый и просвещенный, сочинил много весьма изрядных поучительных слов, которые собраны и напечатаны в одной книге в Москве 1763 года и весьма много похваляются.

Палицын Аврамий [ум. 1625] — келарь Троицкого Сергиевского монастыря, [2] писал летопись о царствовании царя Иоанна Васильевича, проименованием Грозного, кратко и не весьма порядочно; но избрание царя Михайла Феодоровича описал со всеми обстоятельствами. Слог его в сей книге больше витиеватый, нежели сходный со историческою правдою. [3]

Палицын Варлаам — сочинил краткую «Российскую летопись» с 859 года по 1562 год. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Памва-Беринда Кирилл [ум. 1632] — протоиерей, сочинил лексикон славенский, который и напечатан в Кутенском монастыре 1653 года.

Платон [1737—1812] — архиепископ тверской и кашинский, святейшего правительствующего синода член, архимандрит Троицкия лавры, придворный проповедник и его императорского высочества учитель богословии. Муж острый, ученый, красноречивый и искусный в некоторых европейских языках. Он сочинил «Богословию» для употребления его высочества; издал в свет седьмь книг поучительных своих слов, сочинил книжку «Увещание противу раскольников» и еще несколько других нравоучи-

---

[1] Татищ. Рос. ист., часть I, стр. 57 и 58.
[2] Татищ. Рос. ист. в предъизв., стр. XII.
[3] Ежемесяч. академич. соч., часть I, стр. 294 и 295.

тельных и полезных писем. «Богословия» его много похваляется за ясность и чистоту слога, которыми он украсил сию важную материю; а поучительные его некоторые слова равняются некоторыми людьми с Феофановыми. Вообще же в сочинениях его слог чист и приятен, мысли избранные, изображения сильны и поражающи; чего ради и почитается он у нас красноречивейшим и в числе наилучших наших проповедников. Притом же имеет он особливое от прочих дарование сказывать свои проповеди приятно и с таким пленяющим искусством, что всегда и всех слушателей преклоняет к своему намерению.

Перекрестович Даниил — сочинил книгу «Дары духа святого»; а напечатана она в Чернигове 1688 года, о других его сочинениях никакого известия нет.

Перепечин Александр [1745—1801] — поручик при императорском Московском университете, писал стихи, из коих некоторые напечатаны в московском ежемесячном сочинении «Доброе намерение», изданном 1764 года; также и две торжественные оды и одна эпистола напечатаны особо в Москве в разных годах.

Пермский Михайло [ум. 1770] — родился в Санктпетербурге и обучался в Александроневской семинарии; потом послан был в Англию, где и был при домовой российского министра церкви дьячком, и обучась там совершенно аглинскому языку, возвратился в 1760 году в Россию и был студентом в Московском университете. В 1765 году взят он был в морской кадетский корпус и определен учителем аглинского языка. В сие время сочинил он «Аглинскую грамматику», которая и напечатана при оном корпусе 1766 года. Потом, в 1769 году определился он в банковую контору для вымену государственных ассигнаций регистратором и умер 1770 года. Он много перевел с аглинского на российский язык полезных сочинений.

Петров Василий [ум. 1766] — митрополит черногорский и скендерский, сочинил историю о Черногорской земле в 1754 году. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Петров Василий [1736—1799] — титулярный советник и при кабинете ее императорского величества переводчик, много писал стихов, из которых «Ода на карусель», поэма «На победы российского воинства», оды «На победы российского флота при Хиосе в Морее» и «На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова», также письмо к г. генерал-майору и кавалеру Потемкину, так, как и другие его оды, эпистолы, надписи и случайные стихи некоторыми много похваляются и напечатаны в разных годах в Санктпетербурге. Он перевел с латинского на российский язык Виргилиевой «Енеиды» первую песнь, которая также напечатана. Вообще о сочинениях его сказать можно, что он напрягается итти по следам российского лирика; и хотя некоторые и называют уже его вторым Ломоносовым, но для сего сравнения надлежит

ожидать важного какого-нибудь сочинения и после того заключительно сказать, будет ли он второй Ломоносов или останется только Петровым и будет иметь честь слыть подражателем Ломоносова.

Петров Василий [ум. после 1787] — был в Московской Академии студентом и писал стихи, из коих некоторые напечатаны в московском ежемесячном сочинении «Доброе намерение», изданном 1764 года. Ныне он диаконом.

Петрункевич Платон [1700—1757] — архимандрит Рождественского монастыря, человек ученый и просвещенный, много сочинил изрядных поучительных слов, а напечатаны из них только три слова 1742 года в Москве.

Питирим [ок. 1665—1738] — епископ нижегородский и алаторский, жил в начале XVII века. Он сочинил книгу «Пращица духовная» противу лжедиакона Александра и его последователей. Сия книга содержит в себе 240 вопросов и столько же ответов, касающихся до разных членов православныя кафолическия веры, также до многих церковных преданий. Она напечатана в Москве 1752 года. Сочинитель сей особливого достоин и почтения и благодарности за неоспоримые и ясные доводы противу лжеучителей и может почитаться за один от прочих столпов церковных.

Приклонский Василий — лейб-гвардии офицер в отставке. Из сочинений его напечатано только несколько разговоров в царстве мертвых в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение», изданном 1761 года в Москве.

Погорецкий Петр [1740—1780] — медицины доктор, сочинил примечания на врачебную Шрейберову книгу; также перевел книгу «Опыт о трезвой жизни» и несколько статей из Энциклопедии весьма изрядно.

Поликарп [ум. 1182] — архимандрит Печерского монастыря, трудился в сочинении «Патерика, или Отечника печерского».

Поликарпов Феодор [167(?)—1731] — муж искуснейший в греческом, славенском и латинском языках; был прежде справщиком, а потом директором на печатном московском дворе; много писал стихов, из которых многие напечатаны в разных книгах. Он сочинил букварь и трехъязычный лексикон, напечатанные в Москве, первый 1701, а последний 1704 года. Стихи его среднего российского стихотворства.

Полоцкий Симеон [1629—1680] — был прежде иеромонахом, жил в XVII веке и писал много стихами; но известными остались только: «Псалтырь», преложенная им в стихи, напечатана в Москве 1680 года, в которой особливого примечания достойно то, что и святцы, или месяцеслов церковный, состоящий только в именах святых, почитаемых в церкви на каждый день, сочинен также стихами. «Вертоград многоцветный», превеликая рукописная книга, сочинена 1668 года; «Орел российский», в солнце представленный, содержит в себе похвальное сочинение царю Алексею Михайло-

вичу, 1668 года; «Глас последний ко господу царя Алексея Михайловича, к царевичу Феодору Алексеевичу, с наставлением, как в России царствовать; ко всем особам царского рода, к патриарху, к архиереям, к боярам и властям, к воинству и ко всем сынам Российского царства, с их ответами; а напоследок с присовокуплением двенадцати плачей о кончине помянутого царя»; писана 1676 года. Все сии книги сочинены стихами. Есть еще сочинения его две прозаические книги: «Обед духовный» и «Вечеря духовная»: обе напечатаны в Москве; первая 1681, а другая 1683 года. В прочем должно объявить к чести сего писателя то, что он был учителем российской грамоты и богословии Петру Великому: он сочинил и предсказание о рождении сего императора. Стихи сего Полоцкого суть среднего российского стихотворства, которого состав при нем точно, по мнению г. Тредияковского, и утвердился. Во всех сочинениях его видна острота его разума, искусство и дух стихотворческий. В книге «Глас последний» достойно примечания, что он по приличию всем дал характеры, а может быть, и подлинные поставил и расположил ее как разговорами. Он умер в Москве и погребен в Заиконоспасском монастыре в нижней церкви.

Поповский Николай Никитич [1730—1760] — был при императорском Московском университете профессором красноречия и магистром философии, умер 1760 года; был человек острый, ученый и совершенно искусный в стихотворстве. «Опыт о человеке» славного в ученом свете Попия перевел он с французского языка на российский с таким искусством, что по мнению знающих людей гораздо ближе подошел к подлиннику и не знав аглинского языка, что доказывает как его ученость, так и проницание в мысли авторские. Содержание сей книги столь важно, что и прозою исправно перевести ее трудно: но он перевел с французского, перевел в стихи, и перевел с совершенным искусством, как философ и стихотворец; напечатана сия книга в Москве 1757 года. Он преложил с латинского языка в российские стихи Горациеву эпистолу о стихотворстве и несколько из его од; также перевел прозою книгу о воспитании детей, состоящую в двух частях, славного Лока: сей перевод по мнению знающих людей едва не превосходит ли и подлинник. Он сочинил несколько речей, читанных в публичных собраниях; но напечатана из них только одна в «Ежемесячных академических сочинениях» 1755 года; и также писал торжественные оды. Вообще стихотворство его чисто и плавно, а изображения просты, ясны, приятны и превосходны. Умер он не старее 30 лет от рождения, к сугубому сожалению любителей российского стихотворства; ибо лишилися в нем одного из лучших стихотворца и смертию его лишилися таких сочинений и переводов, которые по достоверным известиям делали бы честь покойному. Он перевел было большую половину Тита Ливия, много Анакреонтовых од и сочинил многие собственные стихотворные пиесы; но за не-

сколько дней до смерти своей, к великому сожалению, всех их сжег, почитая не довольно исправными к изданию в свет и опасаяся, чтобы друзья его по смерти не напечатали их. Должно думать, что любочестие его в рассуждении сего столь было велико, что он не иначе хотел издавать свои переводы и преложения в стихи, как только превосшедшими подлинников; а свои сочинения тогда только, когда бы сравнялися они с наилучшими европейскими писателями: ибо изданные им в свет книги напечатаны по великому только усилию таких особ, коим не мог он отказать.

Попов Никита [1720—1782] — надворный советник, человек острый, ученый и просвещенный, будучи при императорской Академии наук профессором, сочинил несколько торжественных слов, из коих напечатано одно в 1751 году в Санктпетербурге; также упражнялся и в сочинении календарей, или месяцесловов.

Попов Михайло [1742— ок. 1790] — коллежский регистратор при Комиссии о сочинении проекта нового уложения, написал довольно весьма изрядных стихотворных и прозаических сочинений и сообщил немало переводов. Из стихотворств его известны песни, выданные два раза особливою книжкою; мелкие сочинения в разных еженедельниках 1769 года; из прозаических описание славенского баснословия, напечатано 1768 года; роман «Славенские древности» в 3 частях, 1770 и 1771 годов; он также сочинил комическую оперу «Анюту» в 1 дейст. стихами и прозою малую комедию «Отгадай, или Не скажу»; но они еще не напечатаны. Из переводов его печатных известны: комедии «Недоверчивый» и «Девкалион и Пирра», напечатаны в Санктпетербурге 1765 года; две повести: «Аристоноевы приключения» и «Рождение людей Промифеевых», 1766 года, и «Вадины сказки» 1771 года; но он имеет гораздо больше неизданных в печать, из которых «Баснословный словарь» отдан уже был для напечатания в морской кадетский корпус, но там оный утрачен. Вообще сочинения его весьма изрядны, а особливо его песни и опера заслуживают великую похвалу; то же должно сказать и о переводах его, которые за чистоту слога и проч. много похваляются по достоинству.

Порошин Семен [1741—1769] — будучи от армии полковником, умер в 1770 году. Сей был человек просвещенный и писал стихи, из коих некоторые, весьма изрядные, напечатаны в ежемесячном сочинении «Праздное время» 1760 года; он же перевел с великим успехом первые две части «Аглинского философа» и другие некоторые книжки.

Порфирий Крайский [169(?) — 1768] — епископ белградский, человек ученый и просвещенный, много сочинил весьма изрядных поучительных слов; а напечатаны из них только два слова 1742 года в Москве. Проповеди его похваляются знающими людьми.

Посошков Иван [1652(?) — 1726]. — Из сочинений его осталась

одна только книга «О скудости и богатстве», хранящаяся рукописною в императорской библиотеке.

Потемкин Павел Сергеевич [1743—1796] — двора ее императорского величества камер-юнкер, лейб-гвардии Семеновского полку капитан и ордена святого Георгия кавалер 4 класса, много написал изрядных стихотворных сочинений, из которых стихи на морское при Чесме сражение; поэма на победу над турками под предводительством верховного визиря; эпистола на взятие Бендер; эпистола ж к его сиятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову и другие случайные стихи напечатаны в Санктпетербурге 1770 и 1771 года. Он сочинил трагедию, взяв содержание оной из российской истории: но она в свет еще не издана; также перевел он с французского на российский язык I часть «Новой Елоизы» и другие некоторые пиесы из сочинений славного Жан-Жак Руссо, кои и напечатаны все в Москве в разных годах.

Прокопович Феофан [1681—1736] — архиепископ новогородский. Родился в Киеве 1681 года июня 8 дня от гражданина того города и наречен при крещении Елисеем. В юных летах, лишившись родителей, жил под смотрением своего дяди Феофана, бывшего ректором киевских училищ, и обучился у него российской грамоте и латинскому языку. По смерти дяди своего продолжал он учение в киевском училище и обучался стихотворству, риторике и философии. Усмотрев же, что в киевском училище не может. он в тех науках дойти до совершенства, и имея к достижению сего стремительное побуждение, отправился в Литву для исполнения своего желания. Там нашел он новое препятствие: ибо в польские училища греческого исповедывания люди не были допущаемы. Сие учреждение принудило его назвать себя униатом и постричься в монахи: что и исполнил он в городе Битеве в Базилианском монастыре. Вскоре после пострижения отправился он в город Володимер, в Волынском уезде, и там в училище при катедральном тамошнего униатского епископа монастыре обучал юношество стихотворству и риторике. Феофан, находясь в сем училище, столько прославился учением, что многие ученейшие люди приезжали к нему для собеседования. Вскоре потом избран он был провинциалом Базилианского ордена, яко способнейший из всех монахов, и отправлен в Римскую академию, куда обыкновенно молодые и способнейшие монахи посылаются для совершенного изучения философии и богословии. Не докончав же там философского учения, пошел он из Рима чрез Венецию, Цесарию и Польшу под именем путешественника и, прибыв в греко-польский Почаевский монастырь, в воеводстве Волынском, пострижен был игуменом того монастыря Исаевичем в греческие монахи и наречен Самуилом. Из Почаевского монастыря поехал он в Киев по приглашению митрополита Варлаама Ясинского, и там по имени своего дяди переименован он был Феофаном и определен сим митрополи-

том в Киевскую академию учителем стихотворства. В сию должность вступил Феофан с 1 сентября 1704 года и продолжал до июня месяца 1705 года. В сие время сочинил он правила славенского и латинского стихотворства и красноречия, состоящие в 3 книгах, которые и поныне хранятся рукописными в библиотеке Киевской академии. Когда император Петр Великий прибыл в Киев для заложения Киевопечерской крепости, тогда Феофан, яко учитель риторики, говорил сему императору поздравительную речь.

В сентябре месяце 1707 года произведен был Феофан префектом Киевской академии и учителем философии, в котором звании и пробыл он два года. В 1709 году, после Полтавской баталии, говорил другую поздравительную речь Петру Великому, а в 1711 году по именному указу сего императора взят был Феофан в турецкий поход; а по возвращении из того похода пожалован он был игуменом в Киевопустыноииколаевский монастырь и ректором киевских училищ.

В 1715 году император Петр Великий, по отставлении патриаршеского достоинства желая исправить порядок и церковное правление, призвал Феофана в Москву и поставил псковским епископом. Тогда начал он прилагать крайнее старание о изыскании способов к совершению помянутого монаршего намерения. Трудами его, под смотрением его величества, издан регламент духовный, которым в России правительствующий синод все духовенство управляет. Между прочими членами синода Феофан пожалован был вице-президентом.

В 1725 году от императрицы Екатерины Алексеевны пожалован архиепископом новогородским.

В 1728 году императора Петра Второго венчал царским венцом; а в 1730 году императрицу Анну Иоанновну.

С 1736 году старая его каменная болезнь умножилася, коею он напоследок скончался 8 сентября того ж года.

В 1720 году завел он у себя школу для 60 человек учеников и о воспитании и обучении их прилагал крайнее попечение, определив из собственных своих доходов все потребные на то иждивения, и учредил библиотеку, состоящую из 4000 книг. Ко умножению славы сего архиепископа должно сказать, что любим он был и почитаем четырьмя государями сряду и что из духовенства тогда ученее его не было; почему и у народа был он в великом почтении.

Вот как история предлагает нам Феофана; Феофана, первого из наилучших наших писателей, который многоразличным учением столь себя прославил, что в ученой истории заслужил место между славнейшими писателями; Феофана, красноречием столь великого, что некоторые ученейшие люди почли его именем российского златоуста; и, что больше всего, Феофана, поборника и провозвестника великих трудов и преславных дел Петра Великого. В сочинениях своих изъявляет он богослова, чистое евангельское учение

*

проповедывающего, философа остроумного и просвещенному разуму следующего, политика проницательного, историка искусного и трудолюбивого древностей испытателя и с знанием всех тех наук совокупившего толь превосходное красноречие, что с славнейшими в свете ораторами равняться может.

Князь Антиох Кантемир в своей к нему сатире изъясняется так:

Дивный первосвященник, которому сила
Высшей мудрости свои тайны все открыла
И все твари, что мир сей от век наполняют,
Показала, изъяснив, от чего бывают.
Феофан, которому все то далось знати,
Здрава человека ум что может поняти!

И ниже:

Пастырь о стаде своем прилежный радеет
Недремно, спасения семя часто сеет
И растит примером он так, как словом тщится
Главный над церковию правитель, садится
Не напрасн близ царя. Церковныя славы
Пристойно защитник он; изнуренны нравы
Исправляет пастырей и хвальный чин вводит.
Воля нам всевышнего ясна уж исходит
Из его уст и ведет в истинну дорогу.
Неусыпно черпает в источниках многу
Чистых мудрость; потекут оттуду приличны
Нам струи; труды его без конца различны.

Между прочими похвальными сего архиепископа свойствами было и то не последнее, что он ободрял упражняющихся в науках и исправлении нравов. Свидетельствуют сие стихи его, писанные к князю Антиоху; и тем удивительнее сие покажется, кто прочтет Кантемировы сатиры, потому, что в них и духовные особы по достоинству осмеиваются. Наконец, сообщается известие о сочинениях сего великого мужа.

СОЧИНЕНИЯ БОГОСЛОВСКИЕ

1. 58 слов и речей напечатаны в Санктпетербурге в 3 частях.
2. Первое учение отрокам.
3. Христовы о блаженствах проповеди и толкование.
4. Канон молитвенный.
5. Истинное оправдание правоверных христиан крещением поливательным во Христа крещаемых.
6. Мнение, каким образом и порядком надлежит багрянородного отрока наставлять в христианском законе.

7. Рассуждение о слове Петра апостола, иго законное сказующего быти тяжесть неудобь носимую.

8. Трактат, в котором изъясняется, с коего времени началось патриаршеское достоинство в церкви.

9. Трактат о мученичестве.

10. Трактат о лицемерах.

11. Трактат о присяге, или клятве.

12. Апология книги Соломоновой «Песни песней».

13. Краткие сказания о боге, о божием промысле и о законе божии.

14. Показание великого антихриста.

15. Разговор гражданина с селянином и дьячком.

16. Разговор Тектона с купцом.

17. Повесть о царствии божии.

18. Сокращенное богословское рассуждение о безбожии.

19. Вещи и дела, о которых духовный учитель народу христианскому проповедывать должен.

20. Краткое учение христианское, малому отроку и невежде всякому прислушающее, беседами учителя и ученика составленное.

21. Наставление священнику.

22. Толкование на пророка Исаию.

23. Толкование 140 псалма.

24. Вопросы и ответы из мнения о наставлении отрока багрянородного.

[25.] Сочинения политические, церковные и гражданские, исторические, географические, хронологические и проч.

26. Предисловие на морской устав.

27. О возношении имене патриаршего в церковных молитвах; чего ради оное ныне в церквах российских оставлено.

28. Розыск о понтифексах.

29. О браках правоверных лиц со иноверными.

30. Ответы о записных и незаписных раскольниках.

31. Увещание невеждам.

32. Регламент духовный и прибавление ко оному.

33. Объявление со увещанием народу о продерзателях, нерассудно на мучение дерзающих.

34. Правда воли монаршей.

35. Рассмотрение повести о Кирилле и Мефодии, апостолах славенских.

36. Предисловие на библиотеку Аполлодора, грамматика афинейского.

37. Знатные следы священных историй, в эллинских баснях обретающиеся.

38. О смерти Петра Великого, краткая повесть.

39. География апостольская для употребления его императорского величества Петра Великого.

40. Аргументы из соборов, декретов и дипломов императорских, которыми доказывается, что императоры имели попечение о церкви.
41. Краткая история о делах Петра Великого.
42. Изображение келейного монашеского жития.
43. Мнение о правильном разводе мужа с женою.
44. Устав, что надлежит делать ученикам по дням и часам.
45. Прибавление к оному уставу.
46. Описание кончины Петра II и бывших после оной происшествий.
47. Рассуждение о присутствии в синоде большему числу из архиереев.
48. О бытии в синоде непременным членам.
49. Примечание на Риберину книжку, поданную в кабинет.
50. 30 писем о разных материях.

СОЧИНЕНИЯ СТИХОТВОРНЫЕ

51. Победная песнь на Полтавскую баталию.
52. «Владимир», трагедо-комедия.
53. Стихи к Петру Великому.
54. Стихи к творцу сатиры.
55. Стихи к уму своему.
56. Стихи на 25 день февраля.
57. Стихи на приход императрицы Анны Иоанновны.
58. Стихи на Ладожский канал.
59. Стихи на приход императрицы Анны Иоанновны в приморскую мызу.
60. Стихи о Станиславе Лещинском.
61. Стихи на новый зимний дворец.
62. Стихи Адаму диакону, надгробие.
63. Стихи к Луке и Варлааму кадетским.
64. Стихи к ним же.
65. Стихи, благодарение эконому Герасиму.
66. Стихи к лихорадке, в лихорадке.
67. Преложение 90 псалма.
68. Перевод Марциановой эпиграммы на афеиста.
69. Перевод Скалигеровой эпиграммы на сложение лексиконов.
70. Пять песен духовных.

Прокудин Михайло [173(?) — после 1805] — лейб-гвардии офицер в отставке, сочинил книжку под именем «Уединенное размышление деревенского жителя», которая и напечатана в Москве 1771 года. Сия книжка для начинающего писать весьма изрядно составлена.

Протопопов Андрей — императорского Московского университета студент, преложил не худо в стихи краткую священную историю; написал несколько од, которые все напечатаны в Москве в разных годах. Есть много и других его стихотворений: но они в свет еще не изданы. Впрочем, все его стихотворения за чистоту стихов и слога заслуживают похвалу.

Р

Радивиловский Антоний [ум. 1688] — иеромонах, сочинил две книги; первая «Огородник» 1676 года; вторая «Венец Христов» 1688 года. Обе сии книги напечатаны в Киеве.

Раздеришин Николай [1750—1792] — будучи в сухопутном кадетском корпусе, писал разные стихотворения, а по большей части сатирические, в которых весьма много находится соли, остроты и хороших замыслов: но они не напечатаны. Ныне он обер-офицером в армии.

Ржевская Александра Федотовна [1740—1769] — супруга Алексея Андреевича, рожденная девица Каменская, родилась августа 19 дня 1740 года, преставилась горячкою апреля 17 дня 1769 года, на 29 году века своего. Во время своей жизни любила науки и художества, упражнялася в стихотворстве, живописи и музыке; имела великую охоту к чтению книг, искусна была во французском, итальянском и своем природном языке. Она сочинила «Кабардинские письма» во вкусе перуанском, которые многими знающими людьми весьма похваляются и почитаются лучше «Перуанских писем»; также сочинила она весьма изрядные стихотворения, которые и напечатаны в ежемесячных московских сочинениях. Искусства ее и упражнения в живописи остались доказательством многие портреты и картины, рисованные ею сухими красками. По смерти ее сочинено неизвестною особою ей надгробие, которое здесь сообщается:

Здесь Ржевская лежит: пролейте слезы, музы.
Она любила вас, любезна вам была,
Для вас и для друзей на свете сем жила;
А ныне смерть ее в свои приняла узы.
Среди цветущих лет, в благополучный век
  Рок жизнь ее пресек.
Увянул острый ум, увяла добродетель,
Погибло мужество и бодрый дух ея.
  Могущий всесодетель!
Она ли участи достойна есть сея,
Чтоб век ея младый пресекло смерти жало:
Не долгий ли ей век здесь жити надлежало.

В достоинствах она толико процвела,
Что полу женскому здесь честию была:
Ни острый ум ея, наукой просвещенный,
Ни дар, художествам и музам посвященный,
Ни нрав, кой столь ее приятно украшал,
Который и друзей и мужа утешал,
Ни сердце нежное ее не защитило
И смерти лютыя от ней не отвратило.
Великая душа, мужаясь до конца,
Достойна сделалась лаврового венца.
Скончавшись, Ржевская оставила супруга,
Супруг, в ней потеряв любовницу и друга,
Отчаясь, слезы льет и будет плакать век:
Но что ж ей пользы в том? вот что есть человек!

Ржевский Алексей Андреевич [1737—1804] — двора ее императорского величества камер-юнкер и при Академии наук в должности директора. Он сочинил более 60 притчей, 7 торжественных и похвальных од, 7 стансов, много эклог, элегий, сонетов, идиллий, сказок, рондо, писем сатирических, од духовных, загадок больше 50, эпиграмм и много других стихотворных и прозаических сочинений, которые все напечатаны в ежемесячных сочинениях: «Полезном увеселении», изданных 1760, 1761 и 1762 годов; в «Свободных часах», изданном 1763 года в Москве. Все сии стихотворения, а особливо его оды, притчи и сказки весьма хороши и изъявляют остроту его разума и способность к стихотворству. Стихотворство его чисто, слог текущ и приятен, мысли остры, а изображения сильны и свободны. Он сочинил и трагедию в 5 действиях, «Смердии» именуемую, которая представлена была на придворном российском театре в 1769 году со успехом, а принята с великою похвалою. Сия трагедия сочинителю своему делает честь: она сочинена в правилах театра, завязка и продолжение расположены очень хорошо, характиры выдержаны сильно, игры театральной много, стихотворство в ней чисто, слог приятен, мысли велики, изображения сильны, а нравоучение у места, хорошо и приятно, и, наконец, трагедия сия почитается в числе лучших в российском театре, а сочинитель ее хорошим стихотворцем и заслуживает великую похвалу.

Рожалин Козьма [ум. 1786] — медицины доктор, сочинил рассуждение о болезни *скорбуте*, коей название производит он от слова *скорбь*, которое и напечатано на латинском языке в Лейдене 1765 года.

Романов Вукол [ум. 1792] — Новогородской семинарии философического класса студент, писал стихи; а напечатано из них только одно письмо к преосвященному Платону 1770 года в Санктпетербурге, которое, впрочем, весьма изрядно.

Россохин Иван — был при императорской Академии наук переводчиком китайского и манжурского языков. Сочинил книгу: разговоры на российском, китайском и манжурском языках. Он перевел на российский язык манжурскую историю. Сии книги рукописными хранятся в императорской библиотеке.

Рубан Василий [1742—1795] — коллежский секретарь и коллегии иностранных дел переводчик, обучался прежде в Киевской академии, а потом в Московском университете разным наукам, из которых риторике и стихотворству у г. Поповского, и за успехи в науках получил медали золотые и серебряные. Сей сочинял много разных стихотворений, которые и заслуживают похвалу, а особливо надпись к камню, назначенному для подножия статуе Петра Великого, заслужила от всех знающих людей похвалу; она здесь следует:

Колосс родосский, свой смири прегордый вид,
И нильских здания высоких пирамид,
Престаньте более считаться чудесами!
Вы смертных бренными соделаны руками:
Не рукотворенная здесь росская гора,
Вняв гласу божию из уст Екатерины,
Пришла во град Петров чрез невские пучины
И пала под стопы Великого Петра.

Он также перевел следующие книги: «Стихотворческий лексикон», «Шевиеву краткую мифологию», «Сосуд стихотворческих материй», «Овидиевой любовной науки» I книгу, «Ироиды древних ироинь» из Овидия, «Снотолковательный словарь», «Турецкие сказки», «Эклоги Виргилиевы», «Муретовы эпиграммы», «Муретово отроческое наставление» стихами, «Феофрастовы характиры», «Указатель путей и почтовых станов в России и в других европейских областях», «Царский свиток». Также издал в свет два еженедельных сочинения: «Ни то ни сё» в 1769 и «Трудолюбивый муравей» в 1771 годах. Из переводов его напечатаны немногие; но вообще достойны похвалы.

Рубановский Андрей [1748 — после 1791] — титулярный советник, сочинил на немецком языке рассуждения: 1) о свойствах неутралитета; 2) о размножении народа; также перевел с французского на немецкий язык из сочинений г. Волтера рассуждение о человеке, поэму на разрушение Лиссабона и оду славного Томаса о должностях общежития, из коих некоторые напечатаны в Лейпциге 1771 года.

Рудаков Иван [ум. после 1772] — старший наборщик в академической типографии. Сей сочинял разные весьма изрядные стихотворения, а по большей части сатирические; но напечатанных нет. Здесь следуют стихи его сочинения:

СТИХИ

К «ОПЫТУ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ»

Представлен свету здесь мужей разумных род,
Которы принесли России вечный плод;
Не множеством веков, но со времен Петровых
Россия зрит в себе писателей сих новых.
О чудо естества! где есть сему пример?
Уже в толь кратки дни в ней Пиндар и Гомер.
Читая одного, увидишь Цицерона,
В другом Овидия, в ином Анакреона;
Тот вображением вознесся, как Мильтон,
А тот прославился ученьем, как Платон.
В одном обрящеши ты важность всю Маррона,
В другом приятность всю забавного Скаррона,
У коего в стихах резвился сам Эрот,
Дав слову важному шутливый оборот.
Иной, как Боало, там видится в сатире,
Иной, как сам Малгерб, гласит на громкой лире.
Там северный Расин, писателей пример,
В котором видны нам и Кино и Мольер.
Сей первый нам отверз в театр российский двери,
В эклогах глас его, глас нежныя свирели;
Во притчах он своих нам зрится, как Фонтен,
Или еще пред ним в сем слоге предпочтен.
Здесь узришь прозою писателей отменных,
Извлекших летопись свою из хлябей темных,
В которых крылася она погребена,
Чрез коих ведомы нам древни времена.
Коль хочешь чувствовать любви златые узы?
Старайся слышать слог российской де ла Сюзы,
В которой оныя приятность вся видна.
В России Сафо есть, и Сафо не одна.
Хотя, Россия, ты от солнца удаленна,
Но солнечным лучом ты так же озаренна,
Как самый к оному в Европе ближний край.
Неправо мнят, что быть в тебе не может рай.
Ты так, как прочие страны, любовью таешь,
И тех же ты в себе любимцев муз питаешь,
Которые огнем божественным горят,
И се, Россия, твой прекрасный вертоград!
Который ты всегда доныне орошала;
Потребно, чтоб ты днесь плоды его вкушала
И успокоилась за все твои труды.
Писатели твои суть красные плоды.

Хочу исчислить их; но что я обретаю?
Исчислити их мне не можно: не считаю!
И вместо всех Петра: он солнце их наук.
О звезды росские! Его вы дело рук;
Его старанием вы стали просвещенны,
И им вы стали днесь меж тех мужей вмещенны,
Которых имена в концах земли гремят
И коих времена грядущи не затмят.
Но ныне настоит вам время к вящей славе;
Распространяйте вы науки в сей державе,
Екатерина им покров, надежда, свет;
Она о них рачит, покоит вас, блюдет.
Но чем же я могу по долгу вас прославить?
Хотел бы я вам столп из мрамора поставить,
Обыкновенная сия для смертных честь,
А вам бессмертную хвалу я тщуся сплесть,
Котора, яко крин эдемский, не увянет
И ваши имена в себе хранити станет.

Румовский Степан [1732—1815] — императорской Академии наук член и астрономии профессор, сочинил несколько весьма изрядных рассуждений о разных материях и издал несколько книг, до своей науки принадлежащих, много похваляемых; также и писал весьма изрядные стихотворения; но печатных нет.

Рычков Петр Иванович [1712—1777] — статский советник, императорской Академии наук корреспондент и Вольного экономического общества член; муж великого разума, искусства и знания в древностях российских; сочинил «Оренбургскую топографию» в двух частях и «Опыт казанской истории»; также сочинил письма о российской коммерции; описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии, и другие многие полезные его сочинения напечатаны в «Ежемесячных академических сочинениях» в разных годах. Он сочинил много опытов и других полезных экономических изобретений и сочинений, напечатанных в «Трудах Вольного экономического общества» в разных частях. Сей трудолюбивый и рачительный муж полезными своими трудами заслужил вечную себе похвалу.

Рычков Николай [1746—1784] — капитан полевых полков, вступающий в следы почтения достойного своего родителя. Будучи по именному ее императорского величества указу от Академии наук отправлен в путешествие по России для пользы натуральной истории, прислал дневные записки путешествия своего 1768 и 1769 годов, которые при оной Академии и напечатаны и впредь продолжаться будут к достойной похвале сочинителя.

С

Сабакин Михайло Григорьевич [1720—1773] — тайный советник, государственной коллегии иностранных дел член, мастерской оружейной конторы главный судья и ордена святыя Анны кавалер. В молодых своих летах писал разные стихотворения, из коих известным осталося только одно его стихотворное сочинение «Совет добродетели», хранящееся в императорской библиотеке; о прочих же его сочинениях известия нет.

Савицкий Степан — коллежский асессор. Будучи диаконом и придворным проповедником, сочинял весьма изрядные поучительные слова, а напечатаны из них только некоторые в Санктпетербурге 1742 года.

Салтыков Александр [1725—1782] — императорской Академии художеств конференц-секретарь, сочинил речь, которая и напечатана в Санктпетербурге 1765 года; о других же его сочинениях известия нет.

Самуил Миславский [1731—1796] — епископ крутицкий и можайский и святейшего правительствующего синода конторы член; муж острый, ученый, просвещенный и искусный в греческом, латинском, французском и природном языке; также в богословии, философии, красноречии и стихотворстве. Слова поучительные и речи, сим епископом сказанные и напечатанные в Москве 1768 и Санктпетербурге 1769 года, показывают, сколь изобилен он в знании российского слова. Слог его тверд, чист, текущ и приятен; а свободное выражение хороших мыслей делает честь его сочинениям; и он по справедливости занимает место в числе хороших наших проповедников. Сверх того трудился он несколько лет в преподавании словесных наук, а особливо красноречия, философии и богословии при Киевской академии. Там сочинил он латинскую грамматику и много других на том языке сочинений, которые и напечатаны в киевопечерской типографии в разных годах. Сей епископ имеет переписку со многими учеными людьми в Европе. Его старанием и иждивением напечатаны в Бреславле 1767 года некоторые богословские рассуждения Феофана Прокоповича.

Санковский Василий [1741(?)—180(?)] — переводчик при камер-коллегии, писал много изрядных стихотворений, из которых оды, элегии, сатиры, эпиграммы и другие многие напечатаны особо и в ежемесячном сочинении «Доброе намерение» 1764 года, которого он был издатель, весьма не худы. Он также перевел в стихи многие элегии из Овидия и Виргилиевой «Енеиды» две песни, которые и напечатаны, первая 1769 года в Москве, а вторая 1772 года в Санктпетербурге. Вообще сочинения его довольно похваляются.

Станкевич — сочинил летопись о Сибири. О времени его жизни известия нет.

Селецкий Иван — сочинил оду на взятие Хотина, которая изрядна и напечатана в Санктпетербурге 1768 года.

Селлий Никодим [ум. 1746] — монах Александроневского монастыря, сочинил книгу «Историческое зерцало», содержащую в себе краткое родословие российских государей от Рюрика до императрицы Елисавет Петровны. Она сочинена вся стихами, и при ней приложено несколько табелей хронографических.

Серапион [ум. после 1581] — монах, писал летопись о приходе Стефана, короля польского, ко Пскову и Печерскому монастырю и о победе над поляками. [1]

Сербянин Афонасий — сочинил историческое описание о запустении Сербския земли от разорения турецкого. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Сербянин Юрья [1617 — после 1682] — сочинил приветственную речь на венчание на царство царя Феодора Алексеевича. О прочих же его сочинениях известия нет.

Скибинский — сочинил историческое известие о городе Риме, которое рукописным хранится в императорской библиотеке.

Стефан [1700—1753] — епископ псковский и архимандрит Троицкого Александроневского монастыря, человек ученый и просвещенный, сочинил много поучительных слов; а напечатаны из них только некоторые 1742 года в Санктпетербурге.

Стефанович Иван — префект Казанской семинарии, сочинил изрядную торжественную оду на прибытие ее императорского величества в Казань, которая напечатана в Санктпетербурге 1769 года.

Сильвестр [ум. 1124(?)] — игумен киевского Михайлова Выдубицкого монастыря, продолжал по Несторе «Российскую летопись» с 1117 года, при великом князе Владимире Мономахе. Он был поставлен в 1119 году епископом в Переяславль и умер 1123 года апреля 23 дня. [2]

Симон [ум. 1226] — епископ владимирский и суздальский, продолжал «Российскую летопись» до 1103 года[3] и умер в 1226 году. Г. Татищев говорит о нем, [4] что он не только тщание к российской истории имел, но и способ, ибо жил при любомудром государе Константине. Он трудился и в сочинении «Патерика печерского».

Симон [172(?) — 1804] — епископ костромской, муж ученый и просвещенный, сочинил несколько поучительных слов, из коих напечатано одно весьма изрядное слово 1769 года в Санктпетербурге.

[1] Татищ. Рос. ист. в предъизв., стр. XII.

[2] Библиот. Рос., часть I, стр. XI. Академ. «Ежем. соч.», 1775 год, том I, стр. 291.

[3] Акад. «Ежем. соч.», 1755 год, т. I, стр. 292.

[4] Татищ. Рос. ист., кн. I, стр. 58.

Симон — архимандрит Пискорьского монастыря, муж ученый, просвещенный и искусный в латинском и российском языках, в философии, богословии и красноречии. Он сочинил много весьма изрядных слов; но они не напечатаны. Впрочем, они много знающими людьми за ясность изображений и чистоту слога похваляются.

Сичкарев Лука [1741—1809] — поручик при Инженерном кадетском корпусе, сочинил несколько изрядных торжественных од, надгробную песнь г. Ломоносову и немало других мелких стихотворений, которые и напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

Свистунов Петр Семенович [1732—1808] — генерал-майор, человек разумный, ученый и искусный; в молодых своих летах много написал элегий, песен и других мелких стихотворений, много похваляемых; но они не напечатаны. Также сказывают, что сочинил он трагедию и начал писать российскую историю, и которые, по известиям, весьма хороши: но он в свет их не выдал. Он перевел несколько комедий для российского театра и «Детское училище», в 4 частях состоящее. Переводы его весьма похваляются за чистоту и приятность слога.

Соймонов Федор Иванович [1682—1780] — тайный действительный советник и ордена святого Александра кавалер, муж ученый и искусный в латинском, немецком и голландском языках; также в астрономии, фисике и других науках. Он служил несколько лет на собственном Петра Великого корабле, «Ингермоланд» именуемом, и был употреблен сим великим императором, яко способный и совершенно искусный человек, в экспедицию описания Каспийского моря и берегов его. Во время сего путешествия г. Соймонов сочинил журнал своей езды, из которого издано в свет две книги: 1) «Описание Каспийского моря»; 2) «О торгах за Каспийское море». Он сочинил краткое изъяснение астрономии и описание штурманского искусства; также сочинил много ландкарт и зейкарт, которые все напечатаны и исправностию своею, так, как и книги его сочинения, принесли ему великую похвалу.

Смотрицкий Мелетий [ок. 1578—1633] — монах, муж, искусный в греческом и латинском языке, сочинил славенскую грамматику, которая и напечатана была первым изданием в Вильне 1629 года, а вторым в Москве 1648 года. При оной книге издал он способ российского стихотворения, но сей способ учеными нашими духовными не принят.

Сумароков Александр Петрович [1718—1777] — действительный статский советник, ордена святыя Анны кавалер и Лейпцигского ученого собрания свободных наук член. Различных родов стихотворными и прозаическими сочинениями приобрел он себе великую и бессмертную славу не только от россиян, но и от чужестранных академий и славнейших европейских писателей. И хотя первый он из россиян начал писать трагедии по всем правилам театрального

искусства, но столько успел во оных, что заслужил название северного Расина. Его эклоги равняются знающими людьми с Виргилиевыми и поднесь еще остались неподражаемы; а притчи его почитаются сокровищем российского Парнаса; и в сем роде стихотворения далеко превосходит он Федра и де ла Фонтена, славнейших в сем роде. Впрочем, все его сочинения любителями российского стихотворства весьма много почитаются, из коих стихотворные следующие: трагедии: «Хорев», «Синав и Трувор», «Гамлет», «Артистона», «Семира», «Ярополк и Димиза», «Вышеслав» и «Димитрий самозванец»; драма «Пустынник»; оперы: «Алцеста», «Цефал и Прокрис»; прологи: «Прибежище добродетели» и «Новые лавры»; три книги «Притчей»; великая книга разных стихотворений, содержащая в себе духовные и торжественные оды, эклоги и элегии и другие мелкие стихотворения; прозаические: комедии: «Ссора у мужа с женою», «Тресотиниус», «Третейный суд», «Приданое обманом», «Опекун», «Лихоимец», «Три брата совместники», «Ядовитый», «Нарцис»; драма «Грешник»; описание стрелецкого бунта. «Трудолюбивая пчела», ежемесячное 1759 года сочинение, издано им и большею частию наполнено его стихотворными и прозаическими сочинениями; также писал он много разных стихотворений, напечатанных в других ежемесячных сочинениях.

Сеченов Дмитрий [1709—1767] — митрополит новогородский. Из профессоров Заиконоспасского монастыря в Москве поставлен сперва архимандритом монастыря Пресвятыя богородицы во Свияжске, где имел и смотрение над обращением неверных народов Казанской и Нижегородской губерний к христианской вере. По императорскому указу 14 сентября 1742 года посвящен он в епископы Нижнего Новаграда; но признавая себя по болезням неспособным править сею должностию, получил 9 августа 1748 года дозволение пойти в Раифскую пустыню, состоящую под ведомством Свияжского монастыря, где он намерился остальную свою жизнь препроводить в божией службе. Но он был там токмо до 1752 года, потому что 24 февраля потребован императорским указом в Санктпетербург для присутствия в правительствующем синоде. По прибытии же его определен 21 июня того ж года епископом в Рязань, а 22 октября 1757 года архиепископом в Новгород. В сие время прославился он проповедыванием слова божия. Его сочинения поучительные слова весьма много похваляются; но напечатаны из них немногие в Санктпетербурге. В 1762 году произведен он был митрополитом, а в 1767 году, яко первенствующая духовная особа, избран депутатом от правительствующего синода в Комиссию о сочинении проекта нового уложения, где и присутствовал по день своей кончины, последовавшей того ж года декабря 14 дня, на 59 году от рождения. Смерть неожидаемая сего церкви нашей учителя привела в немалое всех сожаление. Кроме его глубокого и просвещенного в богословской науке

учения и кроме великого знания древней и нынешней церковной истории, в которых он приобрел себе качества превосходные, сей усопший муж природными своими дарованиями заслужил себе не токмо от именитых особ, но и от всех знающих его особливое, так, как прямому пастырю церковному, почитание. Разум его был твердый и проницательный, поучение веры Христовой чистое и никаким суеверием не затемненное. Проповедь несуесловная, но стязавшаяся о истинном словеси божии и о прямых заповедех евангельских. В прочем от юности своея, как многим известно, был он жития добродетельного и во все времена сана его архиерейского, митрополичья и первенствующего члена синодального нестяжателен, правдив, искренен, тверд и великодушен. Сребролюбие в сердце его не обитало, но благотворителен был к бедным, бодрствовал в своей пастве без суровости и хранил достоинство сана без кичения. Словом: он был в келии инок смиренный, а председая на сонмищах уважаемая всеми особа за его разум, просвещение и добродетели. Премудрая Екатерина, объемля все дела, составляющие благосостояние своих народов, и во-первых пекущаяся о укреплении православия веры в империи своей, в сем блаженныя кончины церковном учителе имела просвещенного в духовенстве советника и твердого исполнителя благочестивых ее намерений. По таковым превосходным своим качествам, душевным дарованиям и усердным к церкви православной и к особе ее величества заслугам носил он особливую сея великия императрицы к себе доверенность. К бессмертной славе сего пастыря сказать довольно, что Екатерина Великая несказанное о смерти его оказала сожаление. Тело его усопшее повелела погребсти с пристойным сану его церковным благочинием, которое декабря 18 дня 1767 года и препровождено было от дому до Спасского училищного монастыря всем случившимся в Москве знатнейшим и прочим духовенством при многочисленном стекшемся со всего города народе, а 20 того же декабря из помянутого монастыря отпущено в епархию его Новгород для погребения там в соборной Софийской церкви с предместниками его.

Т

Тарасий Вербицкий [ум. 1790] — архимандрит и ректор. Сей за особливое его искусство в проповедывании слова божия был несколько лет проповедником при катедральном Киевософийском монастыре. Поучительные его слова в рассуждении важности и красоты весьма много похваляются.

Татищев Василий Никитич [1686—1750] — тайный советник и астраханский губернатор, будучи побужден генерал-фельдмаршалом графом Брюсом к сочинению «Российской географии»,

но не имея на то довольных исторических доказательств, предприял он прежде в 1720 году сочинить «Российскую историю», которую чрез 30 лет неусыпными трудами и сочинил, разделя ее на 4 части. В 1 описал древние славенские племена по 860 год; во 2 княжения российских князей до нашествия татар в 1238 году; в 3 тиранскую сих варваров власть, по опровержение оной первым царем Иоанном Великим, то есть по 1462 год; в 4 восстановление монархии сим государем до возведения на престол царя Михайла Федоровича, то есть до 1613 году. Сия история по смерти его подарена императорскому Московскому университету сыном его статским советником Евграфом Васильевичем, и напечатана сей истории при оном университете 1 часть в 1768 году; также и Судебник царя Иоанна Васильевича и некоторые его указы, собранные сим почтенным мужем и украшенные его примечаниями, напечатаны в Москве того ж года. Сей достойный великого почтения муж сочинил исторический словарь, о котором уведомляет он в российской своей истории на многих местах. Весьма желательно и весьма нужно, чтоб и оный был напечатан.

Татищев Лука — государственной коллегии иностранных дел секретарь. Из его сочинений напечатана ода на смерть графа Воронцова; о других же его сочинениях известия нет.

Тауберт Иван [1717—1770(?)] — бывший статский советник и императорский библиотекарь, умер в 1770 году. Он сочинил предисловие на «Российскую библиотеку» и «Камчатскую историю», которые оба достойны похвалы, и перевел многие полезные книги на российский язык. Под его смотрением трудилися в сочинении полного «Российского словаря», которого и было собрано со всяким рачением и исправностию по литеру Р; но оный в свет еще не издан.

Транквиллион Кирилл [ум. после 1646] — монах, сочинил четыре книги; первая «Зерцало богословии», напечатана в Киеве 1692 года; вторая «Перло многоценное», отчасти прозою, а отчасти стихами, печатана в Могилеве 1699 года; третия содержит в себе поучительные его слова, печат. в Киеве 1691 года; четвертая «Синопсис российских князей», напечатана в Киеве 1680 года.

Транквилин [ум. 1776] — архимандрит и ректор Новогородской семинарии, упражняется в стихотворении: но из сочинений его напечатана только одна ода в Москве 1768 года.

Тейлс Игнатий [1744—1815] — коллежский асессор и сочинения проекта нового Уложения дирекционной Комиссии сочинитель. Писал стихи, из коих некоторые напечатаны в Санктпетербурге 1769 года, и сочинил два слова похвальных: его сиятельству графу Никите Ивановичу Панину, а другое ее императорскому величеству на благополучное выздоровление от прививныя оспы, напечатанные 1771 года в Санктпетербурге, которые многими похваляются. Он также перевел несколько книг с немалым успехом.

Теплов Григорий Николаевич [1711—1779] — тайный советник, сенатор и ордена святыя Анны кавалер; в бытность свою при императорской Академии наук адъюнктом сочинил книгу под именем «Знания вообще, до философии касающиеся», которая и напечатана в Санктпетербурге 1751 года; также сочинил изрядную книжку «Наставление сыну», напечатанную в Санктпетербурге 1768 года.

Танбовцев Василий — поручик Малороссийского легиона, старшина яицких войск и Вольного экономического общества член. Сочинил топографическое описание полей и вод яицких.

Тредияковский Василий Кириллович [1703—1769] — родился 22 февраля 1703 года и, с самых юных лет возымев превеликую склонность к наукам, путешествовал для просвещения своего разума в чужие земли на своем иждивении; и быв во Франции, Англии и Голландии, обучался в Парижском университете порядочно разным наукам; и между прочим красноречию и истории учился у славного Роллена. В 1730 году, по возвращении в Санктпетербург, определен был в императорскую Академию наук студентом; в 1733 году Академии наук секретарем, а в 1745 году по именному указу пожалован профессором красноречия. Сию почесть и достоинство имел он первый из россиян. В 1763 году по прошению его уволен от службы и награжден чином надворного советника, в котором и пробыл до кончины своей, воспоследовавшей 6 августа 1769 года. Сей муж был великого разума, многого учения, обширного знания и беспримерного трудолюбия; весьма знающ в латинском, греческом, французском, итальянском и в своем природном языке; также в философии, богословии, красноречии и в других науках. Полезными своими трудами приобрел себе бессмертную славу и первый в России сочинил правилы нового российского стихосложения, много сочинил книг, а перевел и того больше, да и столь много, что кажется невозможным, чтобы одного человека достало к тому столько сил; ибо одну древнюю Ролленову историю перевел он два раза, потому что первого перевода тринадцать томов и еще многие другие книги в бывший в его доме пожар совсем сгорели. Приложенная роспись всем его сочинениям и переводам послужит сему в доказательство. Но он не только что исправлял рачительно все по его чину должности, но и сверх того трудился в историческом собрании три года; отправлял многократно должность секретаря, будучи уже профессором, и в то же время читал лекции в Академическом университете и отправлял должность унтер-библиотекаря. Притом не обинуясь к его чести сказать можно, что он первый открыл в России путь к словесным наукам, а паче к стихотворству, причем был первый профессор, первый стихотворец и первый положивший толико труда и прилежания в переводе на российский язык преполезных книг. Сочинения его и переводы следующие:

1. «Способ российского стихосложения»; напечатан в Санктпетербурге 1735 года.

2. «Разговор с приятелем о правописании российском»; напечатана сия книга 1748 года в Санктпетербурге.

3. Книга «Российский Парнас»; не напечатана.

4. «Математическая с историческими наблюдениями о сыскании пасхи по старому и новому стилю»; не напечатана.

5. Трагедия «Дейдамия»; не напечатана.

6. «Мнение о начале поэзии и стихов вообще»; напечатано в 1 томе сочинениев его и переводов.

7. «Письма к приятелю о пользе гражданской, от поэзии происходящей»; напечатано там же.

8. Несколько Езоповых басен; напечатаны там же.

9. Оды: первая о сдаче города Гданска, и при ней рассуждение о оде вообще; вторая на коронование императрицы Елисавет Петровны, а третия благодарственная к ней же; напечатаны в 1-м же томе. В прочем первая достойна примечания по тому, что она первая ода, писанная россиянином.

10. «Рассуждение о комедии вообще»; напечатано во 2 томе его сочинений и перев.

11. «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели»; напечатано там же.

12. «Плач о кончине Петра Великого» стихами; напечатан там же.

13. «Рассуждение о истине сражения у Горациев с Курциями»; напечатано в «Ежемесячных академических сочинениях» в марте месяце 1755 года.

14. «Рассуждение о древнем, среднем и новом российском стихотворении»; напечатано в «Академическом сочинении» в июне месяце 1755 года.

15. Ода о приятностях весны; напечатана в академическом «Ежемесячном сочинении» в мае 1756 года.

16. Идиллия «Нисса»; напечатана в марте 1757 года.

17. «Рассуждение о беспорочности и приятности деревенския жизни»; в июле 1757 года.

18. «Слово о богатом, различном, искусном и несходственном витийстве»; напечатано на латинском и российском языке в Санктпетербурге.

19. «Рассуждение о шелке и червях шелковых»; не напечатано.

20. «Рассуждение о окончаниях наших прилагательных множественных мужеских имен»; не напечатано.

21. «Рассуждение о окончаниях собственных наших имен женских с греческих и латинских на *ас* и на *ис*»; не напечатано.

22. Стихотворная пиеса «Совет»; не напечатана.

23. Пять рассуждений о силе нравоучительной философии и о натуральном праве; не напечатаны.

24. Давидова псалтырь стихами и все пророческие песни ветхого и нового завета, и каждого псалма литерельная сила описана прозою; не напечатана.

25. «Феопия, или богозрение». Сия книга сочинена стихами, состоит из шести эпистол, из которых пред каждою описана сила ее прозою; но сила всея книги объяснена рассуждением, служащим вместо предисловия; она не напечатана.

26. Три рассуждения о трех главнейших древностях российских: 1) о первенстве славенского языка пред тевтоническим; 2) о первоначалии россов, а 3) о варягах, россах, славенского звания, рода и языка; не напечатаны.

27. Сонет из речи «Добродетель почитающих ее венчает»; напечатан в «Трудолюбивой пчеле» в марте месяце 1759 года.

28. Фенелонова «Телемака» преложил стихами, назвав «Тилемахидою». При оной книге приобщено рассуждение о эпической поэме; напечатана в Санктпетербурге 1766 года.

29. Преложил в стихи Теренциеву комедию «Евнух»; не напечатана.

ПЕРЕВОДЫ

30. Артиллерийских Сен Ремиевых записок исправил и перевел вновь большую половину; напечатаны в двух томах в Санктпетербурге 1732 года.

31. «Военное состояние Оттоманския империи, с приобщением о двух возмущениях, бывших в Константинополе»; напечатано в Санктпетербурге 1737 года.

32. Родословной татарской истории 2 тома; напечатано в Санктпетербурге 1769 года.

33. «Речи краткие и сильные»; не напечатаны.

34. «Истинная политика»; напечатана в Санктпетербурге 1735 года.

35. Ролленовой древней истории 10 томов; напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

36. Римской истории 16 томов; напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

37. О римских императорах 4 тома; напечатаны в Санктпетербурге в разных годах.

38. «Аргенида Барклаева» в 2 томах; напечатана в Санктпетербурге 1738 года.

39. «Боалова наука о стихотворстве» в 4 песнях; напечатаны в 1 томе сочинениев его и переводов.

40. «Эпистола о стихотворстве Горациева», умноженная его примечаниями; напечат. там же.

41. «Слово о терпении и нетерпеливости»; напечат. в 2 томе.

42. Переводил все оперы, интермедии и экстракты комедиям, представленные во владение императрицы Анны Иоанновны; напечатаны в разных годах.

43. Переводил все оды профессора Юнкера и надворного советника Штелина, в ее ж владение.

44. Премногое множество перевел разных пиес с латинского и французского языка для академической канцелярии.

45. «Езда во остров любви»; напечатана 1730 года в Санктпетербурге.

Опричь сего сей трудолюбивый и вечной похвалы достойный муж при всяком томе древней, римской и об императорах римских истории сочинил свои рассуждения о разных материях.

Третьяков Иван [174(?) — 1779] — императорского Московского университета доктор и профессор прав; сочинил изрядное слово на благополучное выздоровление ее императорского величества от прививныя оспы, которое напечатано в Москве 1769 года, и еще некоторые другие.

Тимофей — пономарь, современник летописателю Иоанну, попу новогородскому, писал «Российскую летопись», в которой упоминает о себе противу 1230 года. [1]

Тимковский Иосиф [ум. после 1787] — медицины доктор, сочинил «Рассуждение о неизлечимых болезнях», напечатанное на латинском языке в Лейдене 1765 года.

Тиньков Александр [ум. после 1772] — лейб-гвардии Семеновского полку сержант, перевел в стихи Петрарково письмо к Лоре, его любовнице, и несколько элегий из Овидия, которые и напечатаны особливыми книжками в Санктпетербурге 1768 года.

Титов Николай [ум. 1776] — полковник в отставке, писал разные стихотворения, напечатанные в «Академических сочинениях»; а будучи директором московского публичного театра, сочинил комедию «Обманутый опекун» в одном действии, которая и представлена была на его театре в 1767 году.

Титова Наталья Ивановна — супруга полковника Николая Сергеевича, острого и просвещенного разума; она писала весьма изрядные элегии и песни, которые за чистоту, приятность и нежность слога весьма похваляются.

Тихорский Фома [1713—1814] — медицины доктор, сочинил преизрядное рассуждение о врачебной науке, которое на латинском языке напечатано в Лейдене 1765 года.

Тодорский Симон [1700—1754] — сочинил несколько поучительных слов, которые и хранятся рукописными в императорской библиотеке.

Топольский Афанасий [ум. 1744] — архимандрит белоград-

[1] Князь Щерб. Российс. ист. в пред., ст. XI.

ского Николаевского монастыря, человек ученый и просвещенный, сочинил много поучительных слов; а напечатаны из них только два 1742 года в Санктпетербурге.

Трохимовский Михайло [ум. нач. XIX в.] — полковой лекарь, сочинил известие о растениях в Крымской степи, им усмотренных, которое уже и печатается.

Тузов Василий [ум. после 1777] — обер-офицер полевых полков, сочинил две изрядные оды, напечатанные в Санктпетербурге. Впрочем, он писал довольно шуточных стихов и несколько песен, но они не напечатаны; также сочинил несколько сатирических писем, изданных под заглавием «Поденщина» 1769 года в Санктпетербурге.

Турбовский Иосиф — иеромонах, сочинил панагирик Петру Великому, который и напечатан в Москве 1709 года.

Трубецкой, князь, Петр Никитич [1724—1791] — тайный действительный советник, сенатор и ордена Белого орла кавалер, писал разные стихотворения, а особливо песни, заслуживающие великую похвалу. Он упражнялся и в переводах, которые за чистоту и гладкость слога много похваляются.

Трубецкой, князь, Николай Никитич [1744—1821] — полковник, государственной берг-коллегии и Вольного экономического общества член, писал разные в стихах и прозе сочинения, из коих многие напечатаны в московских ежемесячных сочинениях. Слог его чист, свободен и плавен, а стихи приятны. Он перевел из «Энциклопедии» священную историю, комедию «Расточитель» и «Перуанские письма». Сочинения его, так, как и переводы, весьма похваляются.

У

Унковский Иван [1681 — после 1755] — написал журнал своего путешествия, в котором между прочими достопамятствами внесено описание Контаишева родства и происхождение во владение над калмыцким народом. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Урусова, княжна, Екатерина Сергеевна [1747 — после 1817] — писала прекрасные элегии, песни и другие мелкие стихотворения, которые за чистоту слога, нежность и приятность изображения достойны похвалы.

Ф

Феофилакт [ум. 1788] — Ставропигиального Заиконоспасского училищного монастыря архимандрит и Московской Славеногреколатинской академии ректор. Муж ученый, просвещенный и искусный в латинском, греческом и своем природном языке; также

в философии, богословии и риторике. Сей много сочинил весьма изрядных и достойных похвалы поучительных слов, из коих некоторые и напечатаны в Москве в 1767 году.

Федоров Илья [174(?) — 1770] — коллежский секретарь и Московского университета бакалавр, сочинил математические наставления и перевел универсальную Гейнекциеву философию, напечатанную в Москве в 1767 году. Умер он в Санктпетербурге в 1770 году.

Фиялковский Стефан [ум. после 1770] — медицины доктор, сочинил преизрядное рассуждение о порядке учения врачебной науки, напечатанное в Лейдене 1765 года.

Фон Визин Денис Иванович [1745—1792] — надворный советник при государственной коллегии иностранных дел. Сей человек молодой, острый, довольно искусный во словесных науках, также в российском, французском, немецком и латинском языках. Он перевел в стихи Волтерову трагедию «Алзиру»; преложил по свойству наших нравов Грессетово сочинение «Сидней» стихами ж и написал много острых и весьма хороших стихотворений. Его «Послание к людям своим Шумилову, Ваньке и Петрушке», а другое «Матюшка разносчик» свидетельствуют остроту его разума и тонкость в сатирах. Поэму «Иосиф» перевел прозою на российский язык с совершенным искусством. В переводе сем держался он важности славенского и чистоты российского языка. Его проза чиста, приятна и текуща, так, как и его стихи. Он сочинил комедию «Бригадир и Бригадирша», в которой острые слова и замысловатые шутки рассыпаны на каждой странице. Сочинена она точно в наших нравах, характиры выдержаны очень хорошо, а завязка самая простая и естественная. Наконец, он сочинил слово на выздоровление его императорского высочества, которое за чистоту слога, важность и изображение мыслей весьма похваляется. В заключение о нем сказать должно, что Россия надеется увидеть в нем хорошего писателя. Он перевел также и много других книг, как то: «Жизнь Сифа», «Кариту и Полидора», «Сиднея и Силли» и другие некоторые.

Фон Визин Павел [1744—1803] — лейб-гвардии Семеновского полку обер-офицер; обучался прежде в императорском Московском университете и писал стихи, из коих некоторые изрядные стихотворения напечатаны в ежемесячном сочинении «Доброе намерение», изданном 1764 года в Москве.

Флоров Алексей — диакон Петропавловского собора, сочинял поучительные весьма изрядные слова, а напечатано из них несколько 1742 года в Санктпетербурге.

Флоринский Кирилл [ум. 1744] — архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, сочинял поучительные слова; но напечатано из них одно только весьма изрядное слово 1741 года в Санктпетербурге.

Х

Харитоновский Федор — императорского Московского университета студент, сочинял стихи; а напечатана из его сочинений одна только ода в Москве 1771 года.

Храповицкая Марья Васильевна [1752—1803] — девица, острым и просвещенным разумом и великою прилежностию к учению одаренная. Она совершенно искусна во французском, несколько в итальянском и немецком языках, также в российском стихотворении. Она сочиняла разные стихотворения, как то элегии, эпистолы и проч., также перевела с иностранных языков в стихи и прозу разные пиесы. Стихи ее чисты, а слог приятен, нежен и тверд и больше разумом, нежели богатыми украшается рифмами.

Храповицкий Александр [1749—1801] — генерал-аудитор, лейтенант при штате его сиятельства графа Кирилла Григорьевича Разумовского. Молодой и острый человек; любитель словесных наук; писал много разных стихотворений и был похвален письмом г. Сумарокова, которое напечатано в еженедельном сочинении «И то и сё» 1769 года. Он сочинил трагедию «Идамант» в пяти действиях, которая уже и на театр отдана. Сия трагедия, так, как и прочие его стихотворения делают ему честь и приносят похвалу. Также издал в свет много разных стихотворений и сатирических писем в еженедельных изданиях, напечатанных 1769 года. Есть некоторые его и переводы, напечатанные особливыми книжками в Санктпетербурге, которые все за чистоту слога, а сочинения также и за остроту знающими людьми весьма похваляются.

Хемницер Иван [1745—1784] — обер-офицер при горных делах, писал много стихов; но из них напечатаны только две оды в Санктпетербурге 1769 и 1770 годов. Он сочинил трагедию «Бланку» в трех действиях; но она в свет не издана.

Хераскова Елисавета Васильевна [1737—1809] — любительница наук, одаренная острым и проницательным разумом и великими способностями к стихотворству. Она сочиняла героиды, элегии, эклоги, анакреонтические оды и многие другие стихотворные и прозаические сочинения, из коих некоторые напечатаны в московских ежемесячных сочинениях; но вообще все много похваляются учеными и знающими людьми. Слог ее чист, текущ, приятен и заключает в себе особливые красоты. Г. Сумароков приписал ей притчу и оду, анакреонтическим стихосложением писанную, в которых со обыкновенною приятностию в слоге делает он ей наставление и поощряет к стихотворству. Из чего заключить можно, какой похвалы достойна сия особа и что имя российской де ла Сюзы, ей приписываемое, забвенно не будет.

Херасков Михайло Матвеевич [1733—1807] — государственной берг-коллегии вице-президент и Вольного экономического общества член. Человек острый, ученый и просвещенный и искус-

ный как в иностранных, так в российском языке и стихотворстве. Сочинения его следующие: трагедии «Венецианская монахиня», «Мартезия и Фалестра» и «Пламена», которая напечатана и представлена на публичном театре в Москве. Трагедия «Борислав» не напечатана, отдана на придворный театр; героическая в стихах комедия «Безбожник» в одном действии, две части «Басен», две поэмы, «Плоды наук» и «Чесменский бой»; книга «Нума Помпилий, или Процветающий Рим», «Новые оды», «Песни героические»; все напечатаны в разных годах; также сочинил он много торжественных, духовных и анакреонтических од, эклог, эпистол, стансов, сонетов, идиллий, элегий, эпиграмм, мадригалов и других мелких стихотворений и одну героиду «Ариадна к Тезею», подражая Овидию; также в стихах и прозе сатирических писем и других о разных материях, которые все напечатаны в ежемесячных сочинениях: «Полезном увеселении» 1760, 1761 и 1762 годов; «Невинном упражнении» и «Свободных часах» 1763 года в Москве, которым всем он был издатель; и также много из его сочинений напечатано в академических «Ежемесячных сочинениях» разных годов. Есть много его торжественных од и эпистол, напечатанных особо в Санктпетербурге и Москве. Вообще сочинения его весьма много похваляются, а особливо трагедия «Борислав», оды, песни, обе поэмы, все его сатирические сочинения и «Нума Помпилий» приносят ему великую честь и похвалу. Стихотворство его чисто и приятно, слог текущ и тверд, изображения сильны и свободны; его оды наполнены стихотворческого огня, сатирические сочинения остроты и приятных замыслов, а «Нума Помпилий» философических рассуждений; и он по справедливости почитается в числе лучших наших стихотворцев и заслуживает великую похвалу.

Хмельницкий Иван [1742—1794] — философии доктор и Комиссии о сочинении проекта нового уложения сочинитель. Обучался прежде в Киевской академии, а потом в Кенигсбергском университете разным языкам и наукам. Сочинения его следующие: 1) рассуждение об основаниях философических на латинском языке, внесенное в «Гамбургские ученые ведомости» в 1762 году; 2) опровержение на рассуждение г. Шлегела; 3) рассуждение об опровержении рабства по законам естественным и праву всенародному; 4) перевел с немецкого на российский язык книгу «Величество и различие в царстве естества и нравов по уставу зиждителя» и 5) перевел же «Краткую энциклопедию, или понятие о всех науках и художествах»; обе сии книги в скором времени будут печататься.

Хмельницкий Григорий [ум. после 1781] — студент, писал стихи; а напечатана из них только одна ода в Санктпетербурге 1761 года.

Хитров — его сочинения журнал морского пути от Охотского острога до Камчатки рукописный хранится в императорской библиотеке.

Хотунцевский Иоасаф [ум. 1759] — иеромонах, сочинил много весьма изрядных поучительных слов, а напечатаны из них только некоторые 1742 года в Москве.

Хрущов Николай — лейб-гвардии сержант, написал несколько изрядных и нежных стихотворений, а напечатанных известно мне только сатирическое «Письмо о желаниях» в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение», изданном 1760 года в Москве. Он перевел в стихи Корнелиеву трагедию «Полиевкт» весьма изрядно. Превеликая была надежда увидеть в нем хорошего стихотворца; но смерть, прекратя его жизнь в цветущих летах, лишила нас сей надежды.

Хилков, князь, Андрей Яковлевич [165(?) — 1718] — ближний стольник. В 1700 году послан был в Швецию резидентом и там во время начинающейся между Россиею и Швециею войны с 20 числа сентября того года содержан был под крепкою стражею, где он и умер. Тело его привезено было потом к острову Аланту на галере 18 октября 1719 года, откуда отпущено в Санктпетербург и погребено в монастыре святого Александра Невского. Во оном заключении сей князь сочинил книгу «Ядро российской истории», которая напечатана в Москве 1770 года. Г. Миллер в предисловии на сию книгу между прочим в похвалу его пишет, что сию книгу почитать должно как сочиненную такою особою, которые в трудах сего рода упражняться мало обыкли. Он же приводит, что и иностранные писатели отдавали ему, как искусному политику, великую похвалу. Здесь сообщаю полученную мною надпись сему князю на его книгу.

Сияющих отцов блистательнейший плод,
Хилков, разумный князь! начертавая нам
Ты славны подвиги российского народа
Исторгнул изо тьмы героев росских род,
Простер их славу дел ко чуждым небесам,
Да ведает об них весь мир и вся природа,
Да будет ведомо и поздным временам,
Да всюду древняя Россия будет чтима,
Да новая цветет красней Афин и Рима;
Но прославляя их, прославился ты сам,
И будет здесь твоя потоль гремети слава,
Поколе простоит Российская держава.

Ц

Церникав или *Зерникав Адам* [1652—1693(?)] — иеромонах Киевопечерской лавры, уроженец города Торуня. Молодые свои лета препроводил во обучении богословских догматов во многих

знатных европейских училищах и, вступя со сверстниками своими в словопрение о происхождении святого духа, превозмог их всех убедительными и ясными доказательствами. Не находя же себе равного там, путешествовал он в разных частях света, доискиваясь яснейших истин у всех знатнейших своего века людей, писавших о сей материи. По долгом странствовании прибыл он в Киевопечерскую лавру и там принял монашеский сан, а в 1680 году посвящен иеромонахом. Имея же у себя там многочисленную библиотеку, написал много сочинений о богословских материях, которые учеными людьми весьма высоко поставляются. Трактат его о происхождении святого духа ныне печатается в Бреславле иждивением преосвященного Самуила, епископа крутицкого. Сему сочинению во особливом письме великую похвалу написал Феофан Прокопович, ученый того времени муж, и сию книгу столь уважил, что Петр Великий приказал послать из сенатской канцелярии указ о присылке оныя в Санктпетербург.

Цициядов Евстафий [172(?)—1767] — прапорщик отставной, трудился в сочинении топографии и истории грузинской и великую уже о сей мало знаемой нам земле составил книгу, и которую уже изготовил было к печатанию; но смерть, отняв у него жизнь в Москве в 1767 году, лишила нас и сей книги, достойной любопытства и похвалы.

Ч

Чертков Василий [1726—1793] — бригадир, сочинил комедию, «Кофейный дом» именуемую, которая представлена была на елисаветградском театре в 1770 году и напечатана в Кременчуге.

Чулков Михайло [1740—1793[1]] — коллежский регистратор, находящийся при правительствующем сенате, много писал стихов, из коих некоторые не худы и напечатаны в изданном им еженедельном сочинении «И то и сё» 1769 года и ежемесячном, «Парнасском щепетильнике», 1770 года. Он сочинил шутливую поэму «Плачевное падение стихотворцев» стихами; также прозою сочинил и издал в свет первые четыре части «Пересмешника, или Славенских сказок»; первую часть «Пригожей поварихи», «Похождение Ахиллесово, под именем Пирры»; во одном действии комедию «Как хочешь назови» и много сатирических писем, напечатанных в еженедельном его сочинении. Он собрал из разных авторов краткий мифологический лексикон, который и напечатан в Санктпетербурге 1767 года.

---

[1] См. Русский биографический словарь («Чаадаев — Швитков»). СПБ., 1905, стр. 452—454.

Ш

Шафиров Петр Павлович [1669—1739] — скончался в 1739 году марта 19 дня, будучи тайным действительным советником, сенатором и ордена святого Андрея кавалером. Он сочинил книжку «Рассуждение о причинах шведской войны», также великое множество министерских писем, и по мнению некоторых сочинил он журнал Петра Великого, которого I часть издана в 1769 году.

Шафонский Афанасий [173(?) — после 1798] — медицины доктор, сочинил преизрядное рассуждение о принадлежностях врачебной науки, которое и напечатано в Лейдене в 1765 году.

Шванский Михайло [1735—1790] — харьковский протопоп и тамошней училищной коллегии префект, весьма искусный человек в проповедывании слова божия. Из сочиненных им поучительных слов напечатано только одно в 1770 году.

Шлатер Иван Андреевич [1708—1768] — тайный советник, сочинил описание Камчатки. Сия книга хранится рукописною в императорской библиотеке. Он сочинил и издал в свет «Описание потребного дела при монетном искусстве», со многими гридированными фигурами, в двух частях, которая напечатана в Санктпетербурге 1736 года; вторую «Обстоятельное наставление рудному делу», с описанием рудокопных мест и проч., в трех частях; напечатана в Санктпетербурге в 1760 и других годах.

Шейн Алексей Семенович [1662—1700] — боярин. Его сочинения журнал о походе к Азову и о построении крепости Таганрога 1697 года рукописною книгою хранится в императорской библиотеке.

Ширяев Михайло [168(?) — 1731] — сочинил приветственную речь Петру Великому на Полтавскую победу в 1721 году.

Шишкин Иван [1722—1770] — капитан полевых полков, много написал хороших песен, элегий и других мелких стихотворений. Песни его напечатаны в собрании песен, а стихи к «Кориолану» в ежемесячном сочинении «Полезное увеселение», изданном 1760 года в Москве. К его же сочинению причисляется история «О княжне Иерониме»; также перевел он книжку «Цицероновы мнения». Вообще сочинения его весьма много похваляются за чистоту слога и приятность вкуса; но смерть, лиша его жизни, отняла и надежду видеть в нем, может быть, славного стихотворца.

Шишков Василий — по вопросам советника Василья Никитича Татищева сочинил описание Томского и Кузнецкого уездов в Сибири 1739 года. Сия книга рукописною хранится в императорской библиотеке.

Шувалов Иван Иванович [1727—1797] — генерал-поручик, действительный камергер, орденов святого Александра, Белого орла и святыя Анны кавалер, любитель и покровитель наук и художеств. Сей сочинял многие весьма хорошие стихотворные пиесы, заслуживающие похвалу; и между прочим перевел из Шакеспиро-

вой трагедии Гамлетов монолог с великим успехом. Он упражнялся также и в гравировальном искусстве, чему доказательством остался портрет его, гравированный им самим. К чести его и к засвидетельствованию справедливой ему похвалы за ободрение и покровительство упражнявшихся в науках и художествах довольно будет упомянуть из письма г. Ломоносова, писанного к нему, следующие стихи:

А ты, о меценат, предстательством пред нею
Какой наукам путь стараешься открыть,
Пред светом в том могу свидетель верный быть.
Тебе похвальны все, приятны и любезны,
Что тщатся постигать учения полезны.

Ниже:

Кто кажет смысл во днях еще младых,
Тот будет всем пример, дожив власов седых.

И также из письма его ж, г. Ломоносова, напечатанного при героической поэме «Петр Великий»:

И если в поле сем прекрасном и широком
Преторжется мой век недоброхотным роком,
Цветущим младостью останется умам,
Что мной проложенным последуют стопам.
Довольно таковых родит сынов Россия,
Лишь были б завсегда защитники такие,
Каков ты промыслом в сей день произведен,
Для счастия наук в отечестве рожден... *и проч.*

Стихи к портрету г. Ломоносова хотя изданы мною под именем г. Поповского, но по отпечатании того листа получил я от некоторой особы достоверное известие, что они сочинены г. графом Шуваловым; что также подтверждает, сколь много любил он науки и покровительствовал ученых людей.

Шушерин Иван [ок. 1640 — после 1687] — патриарший поддьяк, сочинил историю Никона патриарха, которая и поныне у многих охотников редкостей хранится рукописною.

Щ

Щербатов, князь, Михайло Михайлович [1733—1790] — двора ее императорского величества камер-юнкер, герольдмейстер, комиссий о коммерции и о сочинении нового уложения член; к чести своего имени и рода знаменитый любитель и изыскатель древностей российских и писатель истории своего отечества. Сей просвещенный и достойный великого почтения муж, будучи в отставке, упражнялся несколько лет в собирании летописей и приуготовле-

нии к сочинению полной российской истории, не щадя притом ни трудов, ни здравия, ни иждивения. Ее императорское величество всемилостивейшая наша матерь и государыня, пекущаяся о пользе, просвещении и блаженстве России, уведав о сем, оказала свое благоволение, ободрила трудившегося и для вспомоществования в похвальном сем труде повелела для сего князя отворить все книгохранительницы. Наконец он столь преуспел в сем труде, что издал уже в свет истории своей два тома, к незабвенному воспоминанию своего имени и к великому удовольствию просвещенных и разумных любителей истории и славы своего отечества. Бескорыстие его побудило сию историю подарить императорской Академии наук, при которой она и напечатана. Г. Миллер, ученый и просвещенный муж нашего времени, о сей истории изъясняется так: [1] «достойная свету другого княжеского сочинителя история российская уже и печатается. Коликая сия честь, коликая польза для России! Знатнейшие лица участие принимают в просвещении сограждан своих. Сей есть знак крепко вкореняющихся наук в неограничимой Российской империи, когда знатность рода и ученость друг другу не противоборствуют». Сей не утомляемый полезными трудами муж издал еще «Царственную книгу», «Летопись о мятежах», «Картину владения Мономахова» и «Журнал Петра Великого» в двух частях, исполняя притом ревностно всегда и прочие положенные на него должности. Он также перевел несколько книг на российский язык, что все совершенно доказывает и великое его трудолюбие и любовь к наукам.

Щепин Константин [1728—1770] — медицины доктор, уроженец вятский города Котельнича. Первое основание наукам получил он в тамошней семинарии, а потом обучался в Киевской академии. Оттуда уехал он с одним греческим монахом в Константинополь и, обучась там греческому, эллинскому, аглинскому и латинскому языкам, сыскал случай путешествовать в Италию. Во Флоренции обучась врачебной науке собственным иждивением, переехал оттуда в Лейден и там за особливое его в ботанике искусство произведен доктором медицины. По возвращении его в Россию определен он был в санктпетербургскую, а потом в московскую госпиталь лекционным, а во время прусской войны дивизионным доктором. В 1764 году по желанию его от службы был уволен, и потом путешествовал он в Молдавии, Валахии и Цесарии и, там собрав редчайшие растения, сочинил им описание. Он также сочинил рассуждение «О русском квасе», напечатанное в Лейдене 1761 года, и намерен был ботаническое свое сочинение издать в свет; но случившаяся ему в 1770 году смерть воспрепятствовала оное исполнить. Многочисленная его библиотека и «травник» проданы им в Московский университет.

---

[1] В предислов. на Ядро рос. ист.

Э

Эмин Федор Александрович [1] [ок. 1735—1770] — родился около 1735 года в Польше или в пограничном каком с Польшею российском городе от небогатых родителей, которых и лишился он в младенчестве. По случаю попал он в руки одному иезуиту, который обучил его латинскому языку и другим употребительным в их школах наукам. Путешествуя с ним по разным европейским и азиатским государствам, прибыли наконец в Турецкую землю, где было с ним приключение, о котором он не объявлял. По сему-то приключению взят был под стражу и для избавления себя от вечныя неволи принужден был принять магометанский закон. По принятии же закона, не имея иного пропитания, вступил он в турецкую службу и был несколько лет янычаром. В Турецкой земле ведя жизнь против своего желания, искал он всегда способов уехать в Европу; и как по случаю познакомился он с одним капитаном аглинского корабля, то и просил его, чтобы он увез его. Капитан на сие согласился, и он с ним благополучно приехал в Лондон. В сем городе жил несколько времени под именем Магомета Эмина и, приняв благое намерение принять природную свою христианскую веру, явился к российскому в Лондоне министру в 1758 году, где по желанию его окрещен в том же году.

В 1761 году приехал в Санктпетербург и, по случаю встретившись с одним приятелем, с которым познакомился он в Лондоне, объявил ему свое состояние, которое было весьма бедно. Представительством сего приятеля определился он учителем в сухопутный шляхетный кадетский корпус. Потом определен был переводчиком в коллегию иностранных дел; а наконец пожалован был титулярным советником и переводчиком в кабинет, в котором месте пробыл уже он до своея смерти, последовавшей в 1770 году апреля 16 дня. Он был человек острого и проницательного разума; чтением наилучших древних и новых авторов на разных языках приобрел он великое просвещение; имел с природы критический дух и веселый нрав. В путешествиях своих обучился он многим европейским и асиатским языкам, а именно: латинскому, французскому, итальянскому, ишпанскому, португальскому, аглинскому, польскому, литовскому, греческому, воложскому, турецкому, арапскому, татарскому и наконец, прибыв в Петербург, российскому, на котором и книг сочинил немало и также перевел с других языков. Они суть следующие: «Российской истории» 3 тома; роман «Непостоянная фортуна, или приключения Миромонда», в трех же частях; «Приключение Фемистоклово»; нравоучительные басни; «Письма Ернеста и Доравры», в 4 частях;

---

[1] Описание его жизни, здесь следующее, поставлено по изустному его о том объявлению.

краткое описание Оттоманския Порты; ежемесячного сочинения на 1769 год под именем «Адской почты» 6 месяцев; «Путь ко спасению»: одна из всех его сочинений осталась не напечатанная. Переводы его следующие: «Польской истории» 2 тома; романы: «Бесчастный Флоридор», «Любовный вертоград», «Приключение Лизарка и Сарманды» и «Горестная любовь маркиза де Толедо». Все сии книги напечатаны в Санктпетербурге в разных годах. Собственные его сочинения, а особливо «Российская история» достойна похвалы: в первых книгах его издания слог не довольно чист, но в последующих гораздо переменился; а сатирические его сочинения имеют в себе весьма много остроты. На смерть его сочинены следующие стихи, писанные его другом.

СТИХИ НА СМЕРТЬ
ФЕДОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЭМИНА
18 АПРЕЛЯ 1770 ГОДА

Что слышу? Эмин мертв, и друга я лишен!..
Я тело зрю, но в нем огнь жизни погашен.
Померкли те глаза, что сердце проницали;
Сомкнулись те уста, что страсти порицали;
Ослабла та рука, которой гнан порок...
Почто ты жизнь его пресек, жестокий рок?
Он истину хранил, любил он добродетель;
Друзьям был верный друг и бедным благодетель.
Он гордость презирал и гнал коварну лесть.
В душе его была и искренность и честь.
Ах! все сии дары смерть алчна похищает
И с ними крепость сил в единый гроб вмещает!
В великом теле он великий дух имел
И, видя смерть в глазах, был мужествен и смел.
Неробкая душа! все страхи отметая,
К началу своему с весельем возлетая,
Ликуй во счастии, готованном себе,
А я, тебя лишась, рыдаю о тебе.

Ю

Юдин Федор — регистратор главной дворцовой конюшенной канцелярии, писал стихи, из которых напечатана одна только ода 1771 года в Санктпетербурге.

Юшкевич Амвросий [1690—1745] — архиепископ новогородский, был сперва профессором в Киевской академии, оттуда послан в Литву в монастырь Святого духа игуменом; но по некотором времени назад позван и произведен архимандритом Симоновского

монастыря в Москве: притом определен членом в святейший синод. Потом произведен в епископы и 29 мая 1737 года по императорскому указу вступил на место покойного Феофана, а 4 августа переименован архиепископом. Он сочинил много поучительных слов, достойных похвалы, из коих некоторые и напечатаны в Санктпетербурге. Скончался сей архиепископ 17 мая 1745 года.

Я

Яворский Стефан [1658—1722] — митрополит рязанский и муромский. Родился 1658 года в Польше от благородных родителей российского народа, обретавшегося тогда под владением королевства Польского. Родитель его, видя, что православие тогда в Польше угнетаемо было униатами, преселился с детьми своими в Малую Россию и, пожив лета довольна, скончался. Симеон, так назывался сей митрополит в бельцах, с самого отрочества имел великую склонность к наукам; почему и вдался во учение под смотрением Варлаама Ясинского, иеромонаха Печерского монастыря. Сей Ясинский, увидев остроту разума и прилежание к наукам сего отрока, возымел о нем великую надежду и приложил старание послать его в Польшу для обучения разным наукам. Симеон, побуждаемый своею склонностию, вдался учению в некотором училище сего королевства и, прослушав прилежно грамматику, риторику, философию, богословию, стихотворство и также некоторым языкам, возвратился напоследок в Киев, исполнен учения и добродетели. Ясинский, увидя надежду свою совершившуюся и желая его прилепить к наукам и соделать учителем в своей обители, убедил его принять монашеский сан; на что он и согласился и пострижен Ясинским, бывшим уже тогда митрополитом в Киеве, и наречен Стефаном. В сем чине начал он сочинять и проповедывать поучительные слова, которые, пленяя слушателей, утверждали их в принятом всеми о нем хорошем мнении. Почему несколько спустя времени митрополит Ясинский определил его учителем в Богоявленский училищный в Киеве монастырь. Как скоро Стефан вступил в сию должность, то великим своим прилежанием о научении юношества показал, что уже не было больше нужды посылать в Польшу для обучения; ибо все нужные науки стал он преподавать сам с великим успехом; многие церкви и обители получили помощию его наставления хороших проповедников и учителей. Во все же сие время не престал он проповедывать слово божие; и сочинил многие похвальные речи достойным людям. Вскоре после сего времени произведен был Стефан в игумена Николаевския в Киеве обители; и был употребляем в разные отправления как в Малой России, так и в Москву. В 1700 году был он послан в Москву за некоторыми нужными исправле-

ниями от митрополита Ясинского; и как в сие время скончался боярин Шеин, то по именному повелению Петра Великого говорил Стефан Яворский надгробное похвальное слово по усопшем боярине, которое премудрому императору столько понравилось, что повелел он ему остаться в Москве. После чего вскоре, как уже познал сей монарх великие дарования и добродетельное сего мужа житие, повелел произвесть его митрополитом в Рязань и Муром; почему и посвящен он был в сей сан святейшим патриархом Адрианом в том же году. По преставлении патриарха вручено было Стефану духовное правление всея России. В сие время сочинил он книжку «О пришествии антихриста», а потом вскоре превеликую и важную книгу «Камень веры», из коих первая напечатана 1703, а последняя 1729 года в Москве. По учреждении ж правительствующего синода пожалован он был президентом оного. Наконец умножившиеся его болезни, а особливо хирагра и подагра столько его изнурили, что он по положении великих трудов по церковным делам и в проповедывании слова божия преставился 1722 года ноября 28 дня, от рождения своего на 65 году, и погребен по его завещанию в Переславле рязанском в соборной церкви.

Ягельский Кассиан [1736—1774] — медицины доктор, сочинил наставление о предохранительных средствах от моровой язвы, которое и напечатано в Москве 1771 года.

Ясинский Варлаам [1627—1707] — митрополит киевский, сочинил книгу «Икона, или изображение дел московского патриаршего престола»; также в сочинении поучительных слов упражнялся он с великою от всех похвалою.

История
и
Философия

СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

[«О ВЕЛИКОСТИ ДУХА РУССКИХ ЛЮДЕЙ»]

Благосклонное принятие от общества некоторых маловажных моих сочинений ободрило меня и было поощрением к важнейшим трудам. В нынешний, 1773 год увидят читатели мои ежемесячное издание под заглавием «Древния российския вивлиофики»; и когда приняты были благосклонно собственные мои творения, то в рассуждении вещества, сие издание наполняющего, почти не сомневаюсь я о благосклонном оного принятии.

Не все у нас еще, слава богу! заражены Франциею; но есть много и таких, которые с великим любопытством читать будут описания некоторых обрядов, в сожитии предков наших употреблявшихся; с неменьшим удовольствием увидят некое начертание нравов их и обычаев и с восхищением познают великость духа их, украшенного простотою. Полезно знать нравы, обычаи и обряды древних чужеземских народов; но гораздо полезнее иметь сведение о своих прародителях; похвально любить и отдавать справедливость достоинствам иностранных; но стыдно презирать своих соотечественников, а еще паче и гнушаться оными. Напоенные сенским воздухом, сограждане наши станут, может быть, пересмехать суеверие и простоту, или по их глупость, наших праотцев: но одни ли россияне подвержены были сему пороку? — Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея: тогда не должно будет удивляться, что у нас некоторые частные люди от суеверия пострадали. Но я прекращу сие, дабы не навлечь на себя гнева сих подражателей клеветы А* де Ш**

К тебе обращаюсь я, любитель российских древностей; для твоего удовольствия и познания предприял я сей труд; ты можешь собрать с сего полезные плоды и употребить их в свою пользу. Не взирай на молодых кощунов, ненавидящих свое отечество; они и самые добродетели предков наших пересмехают и презирают. Впрочем, я уведомил уже тебя известием, в «Ведомостях» напечатанным, о порядке сего издания; что ж касается до вещества, которым наполнено будет сие издание, то сие показует заглавие сея книги.

Остается мне просить благосклонных моих читателей о вспомоществовании мне в сем издании: ибо хотя я уже и имею много разных любопытства достойных списков для наполнения сего издания, но, может быть, у охотников хранятся еще достойнейшие оных. И так, если соблаговолишь ты, любезный читатель, учинить мне сие вспоможение, то сообщи таковую книгу к переплетчику Миллеру, а я, списав оную, возвращу вам в целости, с засвидетельствованием моея благодарности.

Ее императорское величество всемилостивейшая наша матерь и государыня, пекущаяся о просвещении нашем, и в сем случае первая соизволила ободрить меня самым делом, указав сообщить мне из вивлиофики ее книгу, содержащую множество редких писаний. В самом начале сего моего труда сия книга принесла мне великую пользу: ибо я находил в ней то, что пропущено во многих списках.

Наконец, если усмотришь ты, благосклонный читатель, какие погрешности мои или недостатки, в сем издании легко быть могущие: то упусти мне оные, памятуя, что в начале своем ничто не может быть совершенно.

[О НАУЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ В РОССИИ]

Получа сей список от г. коллежского асессора Петра Кирилловича Хлебникова, нашел я его весьма достойным напечатания как для сохранения самого сего списка, так и для удержания в памяти имен некоторых бывших городов, урочищ и прочих достопамятных известий, в сей книге находящихся, а паче всего для обличения несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела никаких книг окроме церковных, да и то будто только служебных. Предприяв издать во свет сей список, но не утверждаяся на одном мною полученном, я старался отыскивать другие и нашел в библиотеке императорской Академии наук два списка, один старинным,

а другой новым письмом писанные; у одного из оных не находится заглавия и до пятидесяти страниц начала, а другой под заглавием: «Описания Московского государства», но оба весьма неисправно переписанные. Потом получил я еще из Москвы три таковые же списка, старанием моего друга отысканные: первые два из библиотеки покойного Александра Григорьевича Сабакина, а третий, исправнейший всех, список, на котором подписано: «Список со списка, находящегося в патриаршей ризнице». Прочитав все оные списки, нашел я, что полученный мною от г. Хлебникова список старее всех, и потому решился я издавать по оному, исправив только против других находившиеся в нем описки и погрешности. При сем списке находящееся предисловие показывает, что сия книга была в трех частях; и если не ошибаюсь, то вторую часть оныя отыскал я под названием «Поверстныя книги», которую принял я намерение в свет издать в непродолжительном времени. Что ж касается до третьей части, содержащей в себе описание, в которых городах находились бояре или окольничие и проч., то по сие время нигде еще оныя отыскать я не мог. В некоторых местах не находится наименования речек, а в других одни реки двумя наименованиями означены; но я оставлял оные погрешности точно так, как находятся в списках, опасаясь, чтобы поправками не погрешить более самого переписчика.

[СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ]

К ЧИТАТЕЛЮ

Скифская история, издаваемая ныне мною во свет, давно уже известна всем упражняющимся в российской истории и любителям ее. Она сочинена стольником Лызловым в 1692 годе и состоит в трех частях: 1) содержит в себе историю скифских народов и оканчивается взятьем царства Астраханского под Российскую державу; 2) содержит историю о Перекопской, или Крымской, орде и царех их, о Магомете и законе, от него вымышленном, и оканчивается историею турецких султанов; 3) и последняя часть есть перевод с польского языка в 1687 годе и содержит в себе известие о дворе турецких султанов и пребывании их в Константинополе. Кажется, что нет нужды выхвалять труд сочинителев: ибо оный давно уже писателями российской истории похвален и уважаем. Что же касается до издания сея книги, то учинено оное с наилучшего списка из всех тех, которые я имел и которые мне видеть случилось. Сей список находится в Москве в патриар-

шей книгохранительнице, написанный изрядным и чистым старинным почерком в лист. Я решился предпочесть его другим спискам наипаче потому, что на оном подписано, что оный самим сочинителем отдан в патриаршую книгохранительницу. В прочем не остается мне больше ничего, как в заключение сего пожелать читателю моему, чтобы он пользовался сею книжкою столько, сколько любители российской истории желали видеть ее напечатанною. За первою частью последует вторая и третия вскоре.

[ПОСВЯЩЕНИЕ]

Милостивый государь мой,
Петр Кириллович!

Я давно искал случая к изъявлению искренней и чувствительной моей благодарности за все дружеские ваши одолжения и вспомоществования в пользу моих изданий и теперь свидетельствую оную приписанием вам «Скифской истории». Сие свидетельство, хотя и маловажное в рассуждении труда моего, но достойное вас по искренности и чистосердечию, с которыми я сие исполняю; достойное по желанию вашему видеть сию книгу напечатанною к пользе общества; и, наконец, достойною в рассуждении важности труда сочинителева, который всеми упражняющимися в российской истории писателями уважаем. Здесь должно бы было упомянуть о всех тех стараниях, которые вы в пользу российской истории и географии прилагаете; но ваша скромность, с которою вы оказываете свои старания, заставляет меня умолчать об оных. То только скажу, что многочисленная и изобилующая российскими рукописями ваша книгохранительница, ваше рачение о собирании важных и полезных книг, попечение о издании оных во свет и, наконец, ваше знание в истории и географии российской делает вам истинную честь и заслуживает благодарность от единоземцев ваших. В заключение сего письма осталось мне просить вас, чтобы вы сей знак моего дружества и благодарности приняли в том виде, в котором я исполнил оный, и были бы уверены в том, что я во всю жизнь мою не пропущу ни одного случая, где только могу, изъявить мое к вам усердие и благодарность, с которыми и пребуду навсегда

вашим искренним и верным слугою,

Николай Новиков.

В Санктпетербурге.
Февраля 20 дня,
1776 года.

[АРТЕМОН МАТВЕЕВ]

[ПОСВЯЩЕНИЕ]

Сиятельнейший граф!

Милостивый государь!

Издавая во свет историю о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева, не могу я никому посвятить ее пристойнее, как вашему высокографскому сиятельству, его правнуку и преемнику всех блистательных добродетелей, украшавших того ироя. Писатели и издатели во всех временах часто посвящали деяния ироев людям породою только знатным или высокостепенным, но редко имели случай посвящать оные ироям, каковы были описываемые ими: напротив сего, я посвящаю сию книгу такому ирою, который делами своими еще и превышает своего прадеда. А сим действием сугубо исполняю я должность сына отечества, обязанного служить оному посильными своими трудами и прославлять дела и подвиги собратий своих, заслугами государю и отечеству знаменитых. Артемон Сергиевич Матвеев весьма достоин всемирного прославления яко истинный ирой того века: ибо неусыпными трудами и попечениями чрез всю жизнь свою споспешествовал он благополучию государства и наконец, спасая государя и отечество, заслуги свои запечатлел кровию своею. И так, издавая во свет сию книгу, свидетельствую усердие мое ко прославлению его имени, а посвящая оную вашему высокографскому сиятельству, знаменитому ирою нашего века, приношу хотя слабую, но искреннюю жертву победителю, покорителю и умирителю врагов моего отечества. Я бы желал распространить достодолжную похвалу великим вашего высокографского сиятельства душевным свойствам и добродетелям, но скудость пера моего полагает мне пределы. Остается мне просить ваше высокографское сиятельство о том, чтобы сие мое усердное приношение приняли вы с обыкновенною вашею благосклонностию и позволили бы мне быть навсегда,

сиятельнейший граф,

милостивый государь,

вашего сиятельства

искреннейшим,

усерднейшим и верным слугою,

Николай Новиков.

К ЧИТАТЕЛЮ

Сообщаемая ныне мною ученому свету книга содержит в себе разные известия, касающиеся до жизни славнейшего мужа времен царя Алексея Михайловича. История наша весьма мало может нам представить ему подобных. Сей есть Артемон Сергиевич Матвеев, ближний боярин, наместник разных городов, царския большия печати и государственных посольских дел оберегатель, приказов стрелецкого, казанского и других, также и Монетного двора главный судия. Сей неутомимыми услугами, верностию и преданностию к государю, беспредельною любовию к отечеству, милосердием к народу, мудростию и правосудием в делах политических и гражданских, храбростию и прозорливостию в делах воинских и, наконец, ученостию своею снискал себе славное название царского друга и благодетеля народа. Царь Алексей Михайлович писывал к нему обыкновенно в письмах своих: «Друг мой Сергеевич!» Одно из таковых писем доказывает совершенно, сколь велики были к нему любовь и доверенность сего государя. Сие письмо писано было к нему из Москвы под Смоленск, где тогда Артемон Сергиевич с войсками находился; а в нем между прочим написано: «Приезжай к нам скорее: дети мои и я без тебя осиротели: за ними присмотреть некому, а мне посоветывать без тебя не с кем», и проч. Таковых писем и других известий и собственных Артемона Сергиевича записок и сына его графа Андрея Артемоновича весьма много находится в доме князей Мещерских, о чем я сам слышал от покойного его сиятельства князя Василья Ивановича Мещерского и которые он, разобрав, обещал ко мне прислать. Желательно бы было, чтобы сии бумаги ко мне сообщены были, дабы или при втором издании приобщить оные к сей книге, или бы можно было приступить и к сочинению совершенной истории сего великого мужа. Любовь же народную к нему доказывает слышанное мною ото многих достоверных людей, а паче от покойного князя Василья Ивановича Мещерского известие, который уверял меня, что он сие известие почерпнул из домовых записок, находящихся у него, и которое я здесь сообщаю. Артемон Сергиевич Матвеев имел весьма малый и тесный домик между Покровкою и Мясницкою, в приходе церкви Николая чудотворца, что на Столпах, где после уже построил он большие каменные палаты, которые и ныне еще в целости стоят и принадлежат князьям Мещерским. Царь несколько раз ему говорил, чтобы он построил себе большие палаты, но Артемон Сергиевич всегда отговаривался недосугами и неисправностию; наконец царь сказал, что он сам прикажет ему построить палаты. Артемон Сергиевич видно что не старался обременять себя милостьми государскими и для того, благодарив государя, сказал, что он уже исправился и намерен того же лета строить себе палаты. И в самом деле приказал

заготовлять материалы к строению; но тогда во всей Москве не было в привозе камня для фундамента. Слух о сем в городе разнесся, что боярин Матвеев хочет строить палаты, но затем не начинает, что нет камня на основание дома. Стрельцы и народ, собравшись, между собою переговорили, и несколько человек на другой день пришли к боярину, сказывая, что стрельцы и народ слышал, что он нигде не нашел купить камня, так они ему кланяются, то есть дарят, камнем под целый дом. «Друзья мои, — отвечал боярин, — я подарков ваших не хочу, а ежели у вас камень есть, то продайте мне, я богат и могу купить». Присланные ответствовали, что пославшие их сего каменья не продадут ни за какие деньги, а дарят своего благодетеля, который им всякое добро делал, причем просили его неотступно, чтобы он приказал те каменья принять. Долго не склонялся боярин, но наконец согласился и приказал привезть. Но в какое пришел он удивление, когда на другой день увидел полон двор навезенных каменьев с могил. Выбранные говорили ему: «Привезенные каменья взяты нами со гробов отец и дедов наших, и для того-то мы их ни за какие деньги продать не могли, а дарим тебе, нашему благодетелю». Боярин, не отпуская их и не принимая каменья, тотчас поехал к царю и уведомил его о сем неслыханном случае; но царь ответствовал ему: «Прими, друг мой, сей подарок от народа, знатно, что они тебя любят, что гробы родительские обнажили, для того чтоб сделать тебе угодность: такой подарок и я бы охотно принял от народа». Боярин возвратился домой, принял каменья, дарил их, но они ничего не приняли, и так отпустя их, начал строить дом. К чести сего мужа должно сказать и то, что царица Наталья Кирилловна, мать императора Петра Великого, воспитана была в его доме и жила в оном до самого вступления в замужство царское. Хороший его вкус и знание в свободных художествах утверждает иконостас в домовой его церкве, который весь написан наилучшим итальянским письмом. Любовь его к наукам доказывает то, что он всегда имел обращение с иностранными учеными людьми, что после было причиною его несчастия и ссылки в правление царя Феодора Алексеевича. Один польский историк уверяет, что царь Алексей Михайлович при кончине своей, предусматривая слабость сил телесных обоих царевичей, Феодора и Иоанна Алексеевичев, сделал было завещание, которым наследником и преемником престола своего определял царевича Петра Алексеевича, а Артемона Сергиевича назначал правителем государства до совершенных лет младого царевича; но что по кончине царя Алексея Михайловича обстоятельства переменились, и сей случай, по его уверению, был причиною ссылки боярина Артемона Сергиевича.

Что касается до сей издаваемой мною книги, то список, с которого я издавал, угодно было ее императорскому величеству приказать сообщить мне из собственныя ее книгохранительницы.

Судьбою предуставлено, чтобы век Великия Екатерины был веком славы и величества России и чтобы не токмо ныне живущих великих мужей, но и умерших память и славные дела, погребенные во тьме веков прошедших, извлекалися из-под спуда и полагалися пред очи всего мира при ее премудром правлении, для прославления имен их в позднейших потомках. Сей список, полученный мною от ее императорского величества, списан с находящегося в доме покойного князя Василья Ивановича Мещерского под следующим заглавием:

«Оправдание о безвинном разорении и о седмилетнем страдании бывшем в ссылке в Пустоозерском остроге боярина Артемона Сергиевича и сына его, комнатного стольника Андрея Артемоновича, Матвеевых, с 7184 по 7190 год, при державе пресветлейшего государя царя и великого князя Феодора Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, блаженныя памяти, каковый он, вышеименованный боярин, весьма ясно изнес по трем своим челобитным, тогда от бывшего у него пристава от стольника Гавриила Яковлева сына Тухачевского из Пустоозерского того острога посланным в стрелецкий приказ, для донесения его высокопомянутому царскому величеству о всесовершенной той истинной правде и о невинности своей по явной на него клевете и по вымышленному от внутренних его боярских злодеев притворному и самому ложному составу, с достоверными самыми от себя доказательствы, к ясному во всех тех злосоставных и сказкою ему причтенных вин изобличением освидетельствованных истинным правосудием божиим и от божественного писания святых правил, от христианских всех законов и всех гражданских прав и уложенья, которые вины без всякого испытания, чрез оные государственные права, без очных ставок, необходимо надлежащих ему, боярину, с ворами и клеветниками оными, и противно всем христианским законам и правилам и гражданским тем правам и уложению ему, боярину, в казанской приказной палате, при боярине и воеводе Иване Богдановиче Милославском нарочно из Москвы присланным дьяком Иваном Гороховым сказаны были, который дьяк Горохов его ж боярские и сына его пожитки на его великого государя с дьяками, с Львом Нечаевым и с Никитою Полуниным, в прошлом, 7185 году описывал и обирал. О чем о всем вышепомянутом обстоятельнее известно будет из тех его боярских к его царскому величеству и к святейшему Иоакиму патриарху московскому и всея России подлинных челобитен и к ближним боярам с грамоток, списанных по порядку ниже сего. А те все подлинные челобитные писаны были собственною рукою сына его Андрея Артемоновича». Кроме сего списка, имел я еще три другие, один находящийся в императорской библиотеке при Академии наук, другой получил я от г. генерал-аудитора лейтенанта Петра Кирилловича Хлебникова, третий находился у меня купленный мною. Все сии

четыре списка сходствовали между собою совершенно, кроме того что в трех последних списках весьма много погрешностей, от переписчиков учиненных. К сему списку прибавил я собранные мною надписи с надгробий многих особ из рода Матвеевых.

В заключение желаю читателю моему, чтобы он при совершенном здравии пользовался сею книжкою, ожидая с терпением совершенной истории сего великого мужа.

[«О ВЫСОКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОЯНИИ»]

Благосклонный читатель!

Издатели сего журнала, приступая к сему предприятию, толико были обременены страхом и надеждою, что и теперь не находят себя в состоянии вдруг открыть своего намерения.

Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашея жизни, составит не более тридцати лет. Таковая младость едва достигает и до «Утреннего света» в нашей жизни; почему, как то и со всеми молодыми людьми бывает, мы хотя и великую полагаем надежду на свое прилежание и трудолюбие, однакож не смеем уповать, что по желанию удостоят нас многие своим чтением.

Более девяти дней размышляли мы о средствах, которыми б могли снискать многих читателей. Собрание наше подобно было афинскому ареопагу. Имело оно столь важный и почтенный вид, что и сама грозновидная Минерва была б им довольна; однакож со всем тем не могли мы ни на что решиться. Все, что ни было предлагаемо, казалось нам или весьма младым, или крайне старым; или очень искривленным, или слишком прямым; или весьма кратким, или безмерно протяженным: словом, при окончании всех наших советов приметили мы, что наше желание быть издателями не сопряжено не только с довольною смелостию, но нижѐ подстрекаемо тщеславием, самолюбием или гордостию.

Наконец выступил один из наших возлюбленных сочленов, коего малые, глубоко впадшие и проницанием украшенные очи и длинный нос, осеняющий на сухом лице его сильно изображенные черты, предсказывающие всегда, о чем он помышляет; и который приобык не прежде начинать говорить, как только когда Венера проходит чрез Солнце. Таковый-то сочлен наш, выступив, вопрошает: «Друзья! уверены ли вы, что наши сограждане охотно будут читать лучшие, по вашему мнению, вновь избранные сочинения? Разве перья ваши очинены по новейшей французской моде? разве снабдила вас Англия и Немецкая земля материею к писа-

нию?» Проговорив сие, садится он паки с важностию и потирает зардевшее чело свое.

Подобно как сильным громовым ударом мрачные тучи разгоняются и солнечным лучам дают свободное прохождение, тако от сего вопроса души наши вдруг исполнилися светом. Сколько ученые наши споры о избрании сочинений были прежде живы и громогласны, толико по сем настало глубокое молчание. Долгое время взирали мы друг на друга, не зная, что нам думать, говорить или делать должно; и для того просили мы его, чтобы он нас своим полезным советом из сего нового затруднения исторгнул. «Сие ты, — говорили мы, — сделать должен для того, что немилосердо принудил нас воспрянуть от сна, весьма для нас приятного». Долго мы принуждены были просить сего противу слабостей, погрешностей и пороков неукротимого нравоучителя. Наконец патриотическая ревность к возлюбленному отечеству преодолела его упрямство. Пылающее его желание приобщить что-либо к пользе и благосостоянию своих сограждан разверзло его человеколюбием тронутое сердце, и начал он вещати тако:

— Друзья! о чем я вас прежде вопрошал, без сомнения есть столь важное дело, что вы о нем в прежних ваших советованиях и помышлять не могли. Все ваши старания и изящные предприятия, все ваши с непрестанными бдениями издаваемые ученые труды были бы тщетны и бесполезны, если б они читателям нашим не понравились. Я весьма далек от сомнения о любви ко чтению наших единоземцев; но мы не в состоянии ныне заключить о таком деле, которое время решить должно. Однакож положим, хотя без утверждения, что любовь ко чтению не во всех еще российских городах совершенно распространилася: будем ли мы тем освобождены от нашей должности, которою обязаны к нашим единоземцам, когда некоторые из них сами к себе свой долг позабывают? В сем случае не должно ли наше усердие о благе таковых наипаче усугубляться? Не должны ли мы тогда все наши старания с большим предусмотрением и благоразумием учреждать, дабы читающим согражданам доставлять удовольствие, а нечитающих привлекать к собственной их пользе? Обольщенные некоторых иностранных писателей сочинениями, подобными блеску сусального золота, скоро могут прийти сами в себя, если мечтательные оных красоты, подобно в нашем воздухе зимою блещущим снежным частицам, увидят растаевающими и в ничто обращающимися при восхождении солнца правды. И так вопрос мой не должен был приводить вас в сомнение в вашем намерении, но только сделать вас осторожными во исполнении оного; ибо он приводит вас вдруг ко всему расположению сего нашего журнала и в молчании подает совет: *будьте полезны для благоразумных*.

Сим мог бы я окончать мое слово, а прочее оставить вашей достохвальной ревности, если б еще не усматривал из очей ваших

нетерпеливого желания узнать подробнейшие мои заключения. И так, противу моего свойства, хочу я теперь несколько обстоятельнее и пространнее говорить. Я думаю, что лучшим предметом настоящих трудов наших избрать не можем, как *сердца* и *души* возлюбленных наших единоземцев. Сии наши единоземцы суть разумные существа, из *тела*, *души* и *духа* состоящие. Мы оставим перукмахерам, портным и изобретательницам новых мод украшать их наружность; оставим искусным врачам иметь попечение о пользовании их телесных болезней; но *души* и *дух* их да будут единственным предметом нашим; им-то врачевание, укрепление и тому подобное предлагать станем. И для того издаваемые нами листы должны наполнять истинами, в природе человеческой основание свое имеющими; истинами, от естества проистекающими и тем же самым естеством объясняемые. Нужно ли вам, чтоб я сие утвердил доказательствами? изрядно: послушайте меня еще несколько минут.

Если небо, землю, воду, воздух и огонь, словом, все естество будем по намерению исследовать, то нам, во-первых, не иное что представится, как человек, для коего все произведенное натурою достойно рассуждения. Величественное солнце со всем великолепным сонмом звезд было бы недостойно нашего внимания, если бы благотворящие оных влияния не показывали нам, что они немало споспешествуют нашему благу. Все три царства природы были бы для нас немногоценны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего оного сотворен владыкою. Все пространное поле наук и художеств преобратилось бы в пустое, бесплодное и сведения не достойное мечтание, ежели б оные не стремились ко исправлению человеческого сердца, ко споспешествованию человеческому благополучию и к расширению *души* и сил ее. Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего преизящнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим; а из того и следует, что мы не несправедливо судим, — и кто может сие великое и благородное самолюбие похулить, если человеков за истинное средоточие сей сотворенной земли и всех вещей почитаем! Ничто полезнее, приятнее и наших трудов достойнее быть не может, как то, что теснейшим союзом связано с человеком и предметом своим имеет добродетель, благоденствие и счастие его.

Все мы ищем себя во всем: побуждающие нас к тому причины были бы слабы и недействительны, если б мы, предпринимая что-нибудь, самих себя или надежду нашего удовольствия, нашего счастия и благосостояния из вида упускали. И так нет ничего для нас приятнее и прелестнее, как сами себе. Удивительно ли, когда с охотою внемлем разговорам о нас и если беспрестанно алчем знати, что другие о нас рассуждают? Какое благородное движение души примечаем даже и в неосторожном юношестве, когда оного дела удостоиваем нашея похвалы? Самый непорядоч-

ный человек не долго будет противиться, если о его заблуждениях станут ему доказывать кротким образом. И так, если бы возможно было людей привести к тому, чтоб они сперва вообще себя, как средоточие всех вещей, почитали за образ благонравия и добродетели; тогда б мы каждого особливо находили склонным признавать себя за важную и достойную часть сего средоточия. — Как вы, друзья мои, могли сомневаться в приобретении многих читателей такого издания, которое будет вещать о самих читателях? если только вы постараетесь подавать помощь врожденному в людях желанию ко приобретению знания вашим искусным избранием сочинений.

Великим споспешествованием служить вам будет незнание многих, что до самих себя касается. Большая часть, странствуя мыслями по беспредельной обширности мира, ищут познания всех возможных, всех существующих вещей, а в своем собственном малом мире пребывают неизвестны и чужды. Многие науку *познания самих себя* не почитают за нужную и требующую великого прилежания: но яко не приносящую довольной пользы, считают за домашнее ремесло и легчайшее ко изучению. Другие отчасти думают, что сей, как лучшей науке, тогда обучаться должно, когда уже все в их понятие вмещено будет. Иные же — и сколько есть таковых! подверженны всегдашним непостоянствам, подобно алчным пчелам, летают от одного цвета познания ко другому; пространство сего поля и множество на нем красотою своею привлекающих цветов суть причиною, что они на сих прелестных полях теряются и никогда не могут возвратиться ко благоухающему амаранту самих себя. Наконец, другие, коих числом более всех, меняют нужные вещи на бесполезные; теряют прямой путь, почитая малость за нечто важное; и для того никогда сами до себя не достигают. И так удивительно ли, когда *познание самого себя* есть наука, между людьми мало еще известная?

Не можем отрещи, чтоб не было и таких людей, которые всю свою жизнь только в том проводят, что всегда взирают на себя; но они рассматривают одну поверхность человека. И сие их *познание самих себя* не то, о коем нам древние египетские и греческие мудрецы толь много превыспреннего и полезного обещают.

Таковое познание, друзья мои, не может вам в намерении вашем воспрепятствовать, но еще тем более способствовать будет, если вы некоторых, переменчивостию бабочкам подобных, со кротостию поставите пред *зерцалом истины* и покажете в оном путь, по коему могут они с поверхности тела нисходить во внутренность сердец их.

Все пространство поля высокого, среднего и общего *нравоучения* открыто нашему предприятому труду. Обрящем на оном некоторые места пусты и необработанны. Не будем страшиться насмешливых и уничижающих остряков, которые *нравоучитель-*

ные сочинения за нечто старое и излишнее разглашают. Весьма униженную на свете *добродетель* возвести паки на ее величественный престол, а порок, яко гнусное и человеческой природе противуречащее вещество, представить свету во всей его наготе, таковых трудов и одно намерение уже достойно похвалы, хотя б душевные силы и не в состоянии оных поддерживать. Чем больше нам сердца наши подают важное свидетельство, что никакие другие намерения не будут упражнять нашего пера, тем покойнее и равнодушнее станем мы сносить и слушать все посмеяния и ругательствы, касающиеся до нашего «Утреннего света», доколе, наконец, *великое солнце* все просвещающего *духа* посреди нашея тверди явится; и тогда мы с радостию в лучах его света исчезнем.

Человек, как я уже прежде сказал, есть нечто возвышенное и достойное. Священное откровение научает нас притом, что он прежде всех творений получил свое образование по образу всевышнего и что животворящее дуновение всемогущего даровало ему жизнь. Сие обстоятельство само по себе есть толь велико и важно, что может в нас вперить подобострастие к такой твари, которая самим творцом почтенна толикими преимуществами; следовательно, и должны мы важности сего дела соразмерные писания употреблять и важно о таковых свойствах вещати. Да будет нам дозволено с теми только людьми иначе поступать, кои сами свое высокое человеческое достояние ногами попирают и достойное почтения свойство уничижают; которые противятся врожденным благородным побуждениям; отрицаются своевольно от чистых человеческих чувствований; такие люди, конечно, заслуживают, чтоб мы их за диких в человеческом только образе скитающихся зверей почитали и к чести человечества строжее с ними поступали, нежели наша склонность ко кротости нам повелевает. И так всеобщая сатира да будет бичом, коим мы станем пороки и сих нечеловеков наказывать. Да будет также сие нерушимым для нас законом, чтоб давать восчувствовать сие наказание единым токмо порокам, а не особам, поелику они суть человеки. Порок и человек, сии два предмета, должны в наших листах быть подобны двум параллельным линиям, которые вечно одна другой прикоснуться не могут. Станем, друзья мои, прежде всего стараться быть человеколюбивыми, дабы, все терпя и не касаяся личной укоризны, могли мы удобнее писать ко споспешествованию *добродетели;* и если при сем предполагаемое нами всеобщее человеколюбие будет нам служить полярною звездою, то легко возможем пройти сквозь камни, нас окружающие, и сильное учинить нападение на одни пороки, злобу и бесчеловечие.

Древность оставила многие прекрасные и преизящные сочинения о таковых важных материях. Время и обстоятельствы большую часть оных погребли под их развалинами. Исторгнем оные оттуду, друзья мои; предадим их нашим согражданам на их соб-

ственном языке. Таким образом честь древности спасем для пользы нашего отечества; и притом будем часто иметь случай читателей наших препровождать ко дверям доброго вкуса и разумного познания. Новейшие времена должны благодарить некоторым высоким разумом одаренным людям за обретение стезей и пути к познанию человека и его естества. Многие великие духи дерзали проникать во глубину человеческого сердца и примечания свои обнародовали. Не презрим мы ничего намерению нашему полезного, хотя б оное предрассуждениями и испорчено было.

Да будет для нас неоцененно все, что предмету нашему, то есть благу сограждан наших, споспешествовать может. Я знаю, друзья мои, сколь мы далеко отстоим от ненависти и гордости и сколь алчно желаем, чтоб все наши возлюбленные сограждане присоединили свои труды к нашим для достижения единого намерения. И для того позвольте, чтоб все, которые во всеобщем знании человека и самих себя приобрели откровения, могли наполнять своими сочинениями несколько наших листов. Просите и поощряйте их явно к сему полезному для общества труду; уверьте их, сколь много они нас обяжут, если свои писания нам сообщать будут. Они могут присылать письма свои ко книгопродавцу, у которого продаваться будет наш журнал, а мы уже о прочем с великим удовольствием стараться не преминем. Какая приятная надежда питает мое сердце! Сим случаем познакомимся мы со многими великими умами, с истинными патриотами и с прямыми человеками. Во древности Диоген искал их с фонарем, но и в нынешнее время, друзья мои, не на всех улицах они встречаются с нами!

Наконец, нужно для отвращения в корыстолюбии подозрения, чтоб вы пред согражданами не сокрывали, с каким намерением прибыток от сего журнала получать желаете. Почто не дать знать свету, что вы все выручаемые деньги от продажи сего журнала определили к содержанию училищ для бедных детей?

Правда, не всегда должна шуйца ведать о добрых деяниях десницы; да и когда благодеяния явно проповедываются, тогда лишаются они внутренней своей цены, и благотворители уподобляются фарисеям. Но здесь совсем иное: учреждение таковых школ не может быть тайно. Они требуют знатного и постоянного подкрепления. Добрый ваш пример может побудить других добронравных людей. Любовь их к бедным, воспитания не имущим согражданам чрез сие поострится; потщатся помогать в подъятии бремени, которое возлагают на рамена свои некоторые, охотно на то согласившиеся; бремя легкое, приятное и никого не удручающее, и которое, однакож, человечеству и должности к отечеству великую честь приносит. И так, где доброе дело требует явного примера, там хулы достойна стыдливость, заставляющая сокрывать честные намерения и благородные действия. Смелость и неустрашимость имеют всегда в себе нечто привлекающее, что

люди часто как бы непреодолимую силу употреблять принуждены. Плутарх, во своем сочинении о случае написав, что без угрызения совести о добрых своих делах говорить возможно, может быть о таковом намерении не помышлял. Я думаю, что мы, без всякого опасения быть почитаемы тщеславными, можем не только о сем возвестить, но еще и долг наш требует, чтоб мы сие обнародовали. Ежели мы чрез сие нашим любезным согражданам отворим новые врата, покажем новый путь ко благу человечества, то и отвратим от них нарекание, что им случаев недоставало оказать их любовь к человекам, к их согражданам, и их возлюбленному отечеству.

Сим прекратил свое предложение наш любезный сочлен. По строгом разыскании нашли мы, что он, исключая последнее положение, ничего такого не сказал, в чем бы мы с ним совершенно согласны не были. Мы положили, чтоб сие мнение его было напечатано вместо предисловия к нашему журналу, для того что предисловие при всяком новом сочинении обыкновенно связано с некоторыми трудностями. Может быть, мало было таковых писателей, которые при вступлении ко своему сочинению не трепетали. По счастию, любезный наш сочлен от сего нас избавил; и мы не должны умилостивлять хулу или стараться привлекать внимание. Узнают и без того наши почтенные читатели все наше намерение и чего они впредь от наших листов ожидать могут.

По примеру Фукидида не завещали мы им навеки своего сокровища, а потому и не должны им возвещать о цене оного. Известны уже они как о нашем намерении, так и о нашем страхе: и время покажет, основательно ли было то и другое!

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИЯХ К БОГУ И МИРУ

Ежели захотим мы рассматривать человека надлежащим образом во всех окрестностях его, тогда неминуемо долженствуем разобрать и то, в каких отношениях находится он ко всем вещам, вне его сущим. Но ежели рассмотрения наши ограничим и на одну только внутренность его, то и тогда без прекословия долженствуем признаться, что в природе человеческой находится много такого, что внушает в нас истинное к нему почитание и искреннюю любовь. Бессмертный дух, дарованный человеку, его разумная душа, его тело, с несравненнейшим искусством сооруженное к царственному зданию, и его различные силы суть такие вещи, которые безмерно важны и трудны для рассмотрения посредственно
*

рачительного. Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ.

Когда единожды во предисловии нашем изъяснились мы и обещали любезным согражданам нашим стараться мало-помалу познакомить их самих с собою, и прежде всего высокое достоинство человеческое представить понятным, то и желали б мы усердно, дабы все почтенные читатели наши с самого начала возымели сие высокое понятие о свойствах человеческих: ибо мы предполагаем, что ни единый человек не может ни мыслить, ни делать благородно, когда он, возвышаясь благородною гордостию, не будет почитать себя важною частию творения.

Правда, есть много и таких людей, которые, ослепляясь тщетною гордынею, думают о себе очень много. Но мы постараемся доказать, что таковый высокомерный горделивец ни истинныя своея цены, ни высокого достоинства человеческого отнюдь не знает и превозносится тем, что к человеческой природе или не точно принадлежит, или составляет малейшую частицу его совершенств. Богатство и знатность рода не точно проистекают из человеческия природы; следовательно, высокомерие богача или дворянина есть смешная гордость. Но кто хочет мыслить о себе возвышенно и гордиться человеческим достоинством, тот должен рассматривать себя совсем в других видах.

Много было нравоучителей, да еще и ныне находятся между человеками пресмыкающиеся духи, которые человеческую природу столь страшно унижают, что, если бы возможно было им поверить, надлежало бы стыдиться быть человеком. Иные думают, что божественное смиренномудрие требует, дабы о человечестве иметь толь низкие понятия, и потому почитают за должность свою презрительнейшими и гнуснейшими образованиями учинить человеческую природу мерзостною и ненавистною. Но человек, себя за ничто почитающий, не может и к другим иметь никакого почтения и в обоих сих случаях являет низкость мыслей.

Вне человека находится высочайший виновник природы и весь мир. И так если мы восхотим рассматривать человека в отношении его ко всем веществам, вне его существующим, тогда долженствуем обозреть не токмо то, в каковом отношении находится он к богу, но и сие, сколь тесно связан он со всемирным зданием.

Когда рассматриваем мы, в каком отношении человек по естеству своему находится к богу, то всеконечно должно возыметь превосходное понятие о человеческой природе, если рассудить, что сия человеческая природа от бога проистекает, от него беспрестанно сохраняется и что он сам ее к тому употребляет, дабы открыть себя и свою славу, достойную обожания, и представить оную в мире светлейшею и блистательнейшею. Богу было бы воз-

можно произвесть другие бесчисленные творения: бесконечно многие иные от нас отменные люди суть возможны; и мы бы вечно пребыли в нашем *первом ничтожестве*, если бы наш творец не преимущественно нас извел из оного своим всемогуществом. Он восхотел устроить мир, который бы его божества достоин и его премудрости приличен был. И так при сем поступил он как мудрый строитель, который лучшие дерева, лучшие каменья и проч. избирает; и потому мы надежно уверены быть можем, что понеже бог из всех возможных веществ, которые на место нас могли бы произведены быть, преимущественно нас, как свое совершеннейшее творение, одушевить удостоил, то, следовательно, мы и были лучшее в царстве веществ, из коих господь нас предъизбрал. Всякое иное существо, сотворенное вместо нас, столько ж бы совершенно, как мы, занимало наше место в сем мире; следовательно, мы богу были угоднее других бесчисленных веществ, им не сотворенных для того, что он нас сотворил. И если великий и премудрый монарх восхощет возложить на кого важную должность и из множества особ, ему для сего представленных, единую изберет, тогда по справедливости заключить возможно, что такое избрание той особе творит великую честь. Сколь же таковое избрание мало в сравнении со избранием всемогущего и премудрого творца! Благоразумнейший монарх во своем выборе может ошибиться: но всевидящий не может обмануться; следовательно, по справедливости можем мы то для себя великою честию почитать и тем гордиться, что бог нас из многих других возможных веществ в человеков избрал, человеками создал и человеками сотворил.

К сему еще следует, что он нас своим провидением от самого первого мгновения времени нашего бытия во веки веков сохранять хощет. Мы в тот же бы час погрузились паки в первое наше ничтожество, если бы творец нас, так сказать, не беспрестанно носил на своих дланях; если бы в наших действованиях ежечасно своим могуществом не действовал; и если б все окрест нас таким порядком не учреждал, чтобы мы беспрестанно жить могли. Когда же великий бог, господь господей ежечасно нами упражняется, то из того единственно следует, что он непрестанно о нас помышляет, что его бдящее око беспрестанно на нас и на наши малейшие деяния обращено и что он в нас ежеминутно действует. И так предписал уже он начертание всей нашей жизни даже до будущия вечности; и таким образом учреждает все, дабы сие начертание во всех его частях совершенно точно исполнено было. Какою ж радостию и каким благородным возвышением духа сия мысль долженствует оживлять каждого человека особенно и всех совокупно, созерцающих все сие во всей важности и во всех отношениях! Колико радуются и колико гордятся служащие земному монарху, когда познают, что он об них часто воспоминает и часто уверяет о попечении своем о их благоденствии! Но сколь далеко

отстоят сии воспоминания и уверения от тех, кои проистекают от существа всевысочайшего! Первые иногда бывают для некоторых только намерений, для других же позабываются и без действия остаются; да и одни неприятели наши часто разрушают все наше земное счастие: но в промысле божием о нас сего изменения не долженствуем опасаться; ибо в каждое мгновение ока приобретаем мы новые доказательства о непременной его к нам любви, милости и щедроте; даже и тогда, когда действиями нашими и не заслуживаем оных. И так сия мысль, что всевысочайшее существо беспрестанно об нас помышляет и преимущественно пред всеми другими творениями об нас печется, не долженствует ли вперять в нас почтение к самим себе? Сие всевысочайшее и милосердое существо никогда не позабывает и никогда не теряет нас из вида между бесчисленным множеством тварей. Он, яко всеведущий, может помышлять о всем; яко всемогущий, может обо всем пещися; яко сущая любовь и милость, изливает благодеяния избраннейшему творению своему, даже что и бесстуднейшая неблагодарность человеческая от сего не отвращает.

Какое отношение может с тем сравняться, в котором мы, человеки, находимся, как человеки, к нашему богу, к нашему создателю, к нашему отцу? Познайте же, любезные сочеловеки сего мира, величие и достоинство, которыми вы в сем отношении превознесены. Мы уверены, что вы чувствуете в сердцах ваших ощущения, приличные сему вашему достоинству.

Очевидно, что бог нас сотворил и содержит для того, дабы нами свое величество, силу, славу и премудрость вселенной предъявити. Мы дело рук его; а дело превозносит творителя своего. Когда мы совершеннейшие из всех веществ, которые бы могли вместо нас сотворены быть, то бог поступил бы противу собственныя своея чести, если бы он вместо нас другое что сотворил. А если мы такие творения, которых виновник естества сам почел достойными поместить на чреду своих величайших и славнейших деяний, то для чего же сие не должно нам дать достопочтеннейшего и преимущественнейшего вида во всех окрестностях творения?

Могут сказать, что все здесь о нашем отношении к богу говоренное может быть сказано и о червяке, который в наших глазах есть презреннейшее творение; и, следовательно, непонятно, как сия мысль в нас, человеках, такие высокие помышления о самих себе внушить удобна? Неоспоримо, что все твари в равном отношении к богу в рассуждении их бытия и сохранения состоят; но сии суть против разумных тварей несмысленные и разумным подчиненные творения. Человеки, как разумное существо, принадлежат ко классу творений первого степени; следовательно, что́ о всех тварях сказано быть может, то преимущественно и прежде о человеках должно быть сказано. С нашим предметом не согласно выискивать из высочайшей феологии основания к дока-

зательству того, что бог человеков преимущественно своея любви и почитания пред всеми другими тварями предпочтил. Сверх сего, мы не хотим сими мыслями человеков возгордить. Гордый все окрест себя презирает и хочет единый имети все, что имя чести носит. Но благородная гордость думает о себе возвышенно, присвояет себе честь, соразмерную своему существу, а притом и о других думает высоко и от всего сердца готова им такую же честь, или еще и бо̀льшую, приписывать, когда того истина требует.

Если теперь рассмотрим, в каком отношении состоят человеки по своему естеству ко прочим тварям и к остатку всего мира, то предположим, что все вещества в мире таким образом друг со другом соединены, как реки с океаном, которые попеременно свои воды друг другу сообщают. *Всякая вещь в мире есть цель всех других и средство ко всем другим.*

Если человеков почтем за *цель всего мира*, то как великолепно поставлены они в оном, как средоточие в сей окрестности творения; как владыки мира, как божества, для коих солнце сияет, звезды блистают; которым звери служат; для которых растения зеленеют, процветают и плоды приносят. Человеки премущественно пред другими творениями имеют по естеству своему возможность мир себе представлять, об оном размышлять и рассуждать. И так можно их почитать за властителей, для коих некто театр со всеми махинами великолепно устроил, оперу сочинил и оную действительно представляет, дабы и очи и ушеса сих властителей увеселены были. Весь мир есть сей театр, а человеки суть зрители сего мира, которые должны, оный созерцая, веселиться и всяческие выгоды из оного извлекати; да и надежно сказать возможно, что бог весь мир для каждого человека устроил таким, каков он есть, а не иначе. Исполнен сею мыслию, ступай во время прекрасного летнего вечера во приятный сад прогуливаться; тогда поистине о себе не низкие мысли возымеешь. Увидишь, как нам и небо и земля свои услуги оказуют; как они нас ущедряют и рачительно платят нам должную дань; луна освещает нам зрелище природы; звезды украшают своды небесные; зефир, шумящий древесами, веет нам благоуханием, собранным со цветов; бдящий соловей увеселяет пением наш слух; словом, вся тварь стремится к нам, дабы доставити или выгоду какую, или удовольствие. И так человеки могут, по благоугождению своему, всем царствовать и всем учреждать, а из прочего, что не в их власти состоит, могут они себе, по крайней мере когда восхотят, почерпать увеселение. И потому всякий человек может некоторым образом сказать сам в себе: *весь мир мне принадлежит.*

Если же мы воззрим на человека как на *средство* всех прочих вещей сего мира, то и по сему не меньших же мыслей должны мы быть о нем. Если бы люди были токмо единою *целию* всех вещей сего мира, а притом не были б средством оных, то были бы они подобны шмелям, которые у трудолюбивых пчел поядают мед,

а сами оного не делают. Тщетная честь! бедное достоинство, которое людей равняло б со свиниями, проядающими все время жизни своея и в сластолюбии валяющимися во грязи и которые уже после смерти становятся *средством*. Истинные человеки не должны тако проводити жизнь. Если они хотят быть властителями мира и достойными почтения, то да будут подобны достопочтенным монархам, которые себя отцами отечества своим сочеловекам оказывают и которые то думают, что чем важнее и достойнее почтения сан в общежитии, тем более особа, облеченная в оный, долженствует отечеству служить и быть полезною. Какое величие! какое достоинство! какое превосходство! Всякий в государстве ли, в земле ли какой или во граде живущий человек, почитая себя *средством*, долженствует своему отечеству и каждому своему сочеловеку служить и быть полезен. Какое благородное упражнение, какое гармоническое веделепие, какая искренняя любовь, верность, честность и справедливость в таковых местах будут встречаться на улицах! И когда единое сие воображение вливает уже во все наши жилы сладчайшее чувствие удовольствия, то что ж бы было, если бы сие в самом деле исполнялось? если бы всякий человек по величию своего достоинства поступал? — И так если люди будут почитать себя за *средство* всех вещей сего мира, то, не согрешая, могут думать, что они в оном много значат и что остатку прочего света в них великая нужда: собственная польза сего мира требует оного. Мир и все прочие творения, исключая человеков, не могли бы никоим образом так быть совершенны и столь бы хорошо им не было, если бы мы не были человеками, как теперь они то обретают, когда мы человеки.

Сия последняя мысль открывает нам в человеческой природе еще особливую сообразность с богом, которая придает ей совершенно достопочтенный вид. Бог никоим образом от вещи вне себя не может иметь пользы: ибо он сам в себе столь совершен, что ему самого себя для себя довольно и не имеет нужды ни в какой вещи. Он, напротив того, сам всесовершенно полезнейшее существо, сотворяет все твари совершенными, сколько возможно, и, им всем всяческое благо уготовляя и подая, оным утверждает их благоденствие единственно только для них, а не для себя. Здесь да вообразит себе каждый из человеков, которые по достоинству человеческому живут, как цари мира, себя *средством* почитают, окрест себя только единое устрояют благо, во всех частях себя до совершенства довести стараются и всякое благодеяние чинят не из какого другого намерения, как только из единого удовольствия творить добро; таковые человеки да возымеют тем более божественное мнение о себе самих, чем более они исполнением сего своего царственного достоинства всевысочайшему божеству уподобляются. И так человеки, почитаемые *средством*, суть более, нежели когда бы они только почитаемы были единою *целию*, или *средо-*

точием, для которого все вещи на свете пребывают. — И так при толико ясных доказательствах и истинах нужно лишь нам желать искренно благосклонным читателям нашим неутомимого наблюдения и сохранения величия их достоинства.

ИСТИНЫ

1

Счастие, прилепляясь к людям слабого духа, делает их гордыми и ожесточает. Но когда предается мужам великого духа, то еще большим окружает их сиянием, доставляя им случай помоществовать человечеству, которое они более всех умеют чтить.

2

Лихоимец, притесняя невинность и угнетая бедность, скопляет сокровища; но потомки его расточают все во многие лета награбленные им богатства столь же скоро, сколь быстро текли слезы им обиженных.

3

Страсти суть ветры, помощию коих плавает корабль наш, который своим кормчим имеет рассудок, правящий разумом. Когда же нет ветру, то корабль плыть не может; а когда кормчий неискусен, то корабль погибает.

4

Говорить много и хорошо означает свойство высокого разума; а говорить мало и хорошо есть качество благоразумия; говорить же много и дурно свойственно глупцу.

5

Ругатель есть такой человек, который даже и тем неумолкно беспокоится, для чего какая река течет из озера, а не из моря.

6

Человек умирает, предают его земле. Возлагают по нем печальную одежду на некоторое время; но сколь скоро оно минует, то и память его исчезает. Токмо единые благотворители человечества из мыслей наших не удаляются.

7

Извинять в самих себе погрешности, которых, однакож, в других не терпим, значит, что лучше любим быть сами дураками, нежели других таковыми видеть.

8

Кто привык лгать, тому всегда надобно за собою носить большой короб памяти, чтоб одну и ту же ложь не переиначить.

9

Тот, кто всегда говорит неправду, не чувствует, какой он труд предпринимает; ибо надобно ему выдумать тысячу других для подтверждения первой.

10

Собирать книги, которых не разумеем, и покупать их для того, что они славных писателей, весьма походит на то, если б кто купил платье, которое хотя ему и не впору, но славным портным сшито.

11

Говорить, что делать должно, а поступать совсем иначе, значит то же, если б кто, для построения дома накупив материалы, никогда оного не состроил.

12

Желать учиться, а имея к тому способы, упускать оное, походит на то, ежели б кто, сидя в темноте, велел подать свечу; а когда принесли оную, то бы в темное удалился место.

13

Соболезновать о том, что истина и правосудие изгнаны из света, а не стараться возвратить их, значит то же, чтобы, поджав руки, кричать на пожар.

14

Добродетельная душа не для того делает добро, чтоб после воспользоваться, но для того, что только счастие созидать привыкла.

15

Мужчина, который видит прекрасную женщину, не более имеет причины желать быть ее мужем, как и тот человек, который бы, удивляясь золотым яблокам в Гесперидских садах, желал быть тем змеем, который их хранил.

16

Искусившаяся во светском обращении женщина употребляет мужчин так, как искусный игрок в шахматы поступает со своими шашками: он ни за одну не принимается, чтоб в то же время не обозреть и другую, которая могла б принести ему более пользы.

17

Многие говорят, что никогда не пьют вина или кофе; а есть и такие, кои с холодным духом и без всякого зазрения говорят: *я никогда не читаю;* так для чего же не говорить им и того: *я безумец, я никогда не рассуждаю?*

18

Многие оставляют свет, но по большей части так, как Ева оставила Адама, чтобы с диаволом поговорить наедине.

19

Два именитых полководца, два славных писателя, две красавицы, два ровных крючкотворца редко бывают друзьями.

20

У кого рука свербит беспрестанно на чужое, тот и из поставленной на него западни кусок доставать бросится.

О ДОБРОДЕТЕЛИ

Добродетель есть искусство содержать свои страсти в равновесии и управлять себя в наслаждении наших желаний. Аристотель сказал, что молодость не способна к нравоучению, для того что ограничивание страстей погубляет семена добродетели и разум делает не способным к рассуждению; в совершенном же возрасте, в котором можно бы пользоваться наставлениями философов, никогда их не читают, для того что отвращаются от того попечением о своем благосостоянии; старость повреждена политикою, которая ничем не различает пороков от добродетели, как только одним именем, и которая рассуждает о должностях по корыстолюбию, а о достоинстве по успехам. Удивительная превратность мыслей называть все то похвальным, что есть полезно! Махиавел утверждал, что несчастный Цезарь был больше ненавидим, нежели Катилина, но Цезарь, не употребляя во зло честолюбие, был самый великий человек из всех людей, и Катилина имел тысячу еще пороков, гораздо беззаконнейших, нежели обладаему быть страстию.

Прежде вступления в политику вооружитесь вы превосходными правилами добродетели, их без того скоро и прежде времени можно потерять при дворах государских или в делах, ибо больше имеют удовольствия в свете и больше распространяют сей яд, повреждающий нравы.

Все может служить к добродетели: разум читаемых нами авторов, вкус посещаемых нами приятелей, отеческие наши законы и все то, что мы слышим, входит в наши нравы, получают и они вид тех предметов, которые нас окружают.

Премудрость есть действие разума, непросвещение ума и необузданности сердца всегда находятся вместе, и следует или преследует одна другую взаимно, столько-то находится согласия между добродетелью и истиною! но для чего же люди просвещеннейшие часто бывают весьма порочны? Сие происходит от того, что можно познать истину, не любивши ее, и что можно любить добродетель, не узнавши ее; от сего-то каждый предмет имеет два вида, из которых один принадлежит разуму, а другой, относившийся к нашему благосостоянию, принадлежит к свободе.

Вся наша жизнь протекает во всегдашнем непостоянстве, иногда мы рассуждаем, иногда бесимся; о, если бы могли выключить такие несчастные для нас часы!.. Но к сему нужны долговременные рассуждения, намерения, часто подтвержденные, и беспрестанные старания, которые бы могли нас удерживать на пути добродетели.

Наука производит по порядку и по частям, а все делать вдруг прилично одной только природе. Резчик, окончавши голову, начинает прочую часть тела, но цветок или всякое растение произ-

растает вдруг во всех своих частях, природа его обработывает и совершает одним разом. Таким же образом происходит и с добродетелью: когда прилепляются только к ней одной, то прочие ослабевают; но когда обще к добру прилепляемся, то приобретаем все добродетели; сие подобно произрастению, которое находится всегда в действии и по обстоятельствам производит всякого роду благие плоды.

Общие добродетели довольно прославлены, все их видят и все об них говорят; но мало бывает случаев для редких добродетелей, и великодушие не состоит в одном пустом сиянии: благородная и бескорыстная душа, отдающая сама себе отчет в справедливости своих дел, гораздо приятнее вкушает удовольствие после неудачного успеха в каком-нибудь деле, нежели когда она достигает до исполнения великих своих желаний.

Злодеи, объявленные враги добродетели, не столь пагубны хорошим нравам, как те, которые притворяются быть честными и которые пороки прикрывают маскою честности.

В несчастии больше сияет добродетель, и кажется, что она уподобляется пахучим духам, которые выдавливаются для того, чтобы изведать их благовоние.

Малые несовершенства делают препятствие великим добродетелям, для чего? Для того, что нравоучители внушили нам ложные мысли о совершенстве или что люди, великими добродетельми одаренные, не имели довольно снисхождения, открывая свои погрешности. Аристотель справедливо сказал, весьма вредно, что возвышают человека выше человеческого совершенства. Плиний же не что иное был, как льстец, когда он сказал, что боги не могли благосклоннее быть Траяна к смертным.

Нравственное сочинение, которое не основывается над действиями человеческими, есть бесполезно, и которому подобны многие сочинения молодых или в уединении живущих нравоучителей, которые почерпнули познание нравов только в изучении самих себя или в школах у таких людей, которые по своему состоянию не могут знать светской науки. Что же думают при дворах об их нравоучительных сочинениях? То же, что думал Аннибал о примечаниях Фармиона в рассуждении воинской науки. Говорят, что рассуждения философов уподобляются восторгу стихотворцев, весьма способному увеселять воображение.

Самое лучшее расположение к добродетели есть вообще прямое добросердечие, благородство и честность во всех наших действиях; но сие праводушие должно сходствовать с слабостию человеческою: если всегда ходить наклоня голову, то, спотыкнувшись, можно опасно ушибиться.

Зритель лучше видит погрешности, нежели игрок; но тогда, когда он сам научился чрез свои погрешности. К невинности же должно присоединять благоразумие, а сие-то благоразумие

есть познание зла. Без сего добродетель всегда впадает в руки своих неприятелей, и какое бы преимущество имел честный человек над сердцем злого, если бы он не проницал всех умыслов злости? Понеже то, в чем занимаются несправедливые души в превратности, из которой делают они систему, есть не что иное, как удостоверение, которым думают, что честность происходит из слабости разума или из простоты нравов, которая не иначе познает пороки, как чрез нравоучительные проповеди: но когда б они увидели, что мерзостное покрывало их беззаконных дел открыто, тогда бы они воздавали должное почтение добродетели, подобно сему говорит (можно прилепиться к пороку) басня о Василиске, что как скоро увидишь и предупредишь его, то он яд свой теряет.

Удивления достойна злобная пословица итальянцев! если говорят об каком человеке, то они вам скажут, *что он столь хорош, что со всеми добродетельми не стоит ничего.*

Одно из главных расположений к добродетели есть благожелательство, сия есть душевная склонность, которая простирается далее, нежели человечество ко всем творениям; сие есть чувство, которое во всех сердцах разливает род некоторого приятного снисхождения, чрез которое они никогда не раскаиваются о добром деле, какое бы ни было оного употребление. Без сего свойства, которое вас больше уподобляет божеству, человек есть тварь беспокойная, бедная, не полезная как земле, так и самому себе.

Склонность делать добро, чтоб оная могла назваться добродетелью, имеет нужду в правилах, они различествуют от той способности обязывать, которая вас делает больше рабом, нежели благодетелем людей. Вы оставляете друга, дабы помочь чужестранцу, вы бросаете жемчуг петуху, который просит только у вас зерна, сие значит не иметь связи в предметах и в средствах в вашей благосклонности. Понеже вы не можете услужить всем людям, то будьте только благосклонны к большей части, а услуги ваши оказывайте малому числу.

Гостеприимство есть добродетель великой души, которая привязана к целой вселенной чрез узы человечества, благодарность в малых благодеяниях доказывает, что чувства предпочитают богатствам.

Находятся ли такие люди, которые полагают свое удовольствие в злости и которые вкушают особливую радость видеть печали и несчастия других людей? Или не подобны ли они тем насекомым, которые прилепляются к чирью? Однако со всем тем из них происходят политики. Таким образом Махиавел думает, что христианская религия весьма полезна злым людям, для того что она в их волю предает добрые сердца, но в самом деле нет такого закона, который бы так утешал несчастных, как евангелие, которое повелевает иметь столько же снисхождения, сколько и повиновения.

[«НРАВОУЧЕНИЕ КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»]

Писатели по обычаю, давно введенному, обязаны давать публике отчет в том, чего ради предприяли явиться пред ней и привлечь ее на себя примечание; мы охотно и с удовольствием подвергаем себя оному обыкновению, ибо нас ободряет намерения нашего непорочность, приведшая нас к сему предприятию, и потому что мы уверены, что никто, кому оная известна, не может нас порицать. Оканчивая издание наше сим месяцем, сообщаем здесь план, по которому поступали, и надеемся, что те, кои оказывали некоторое неудовольствие, признаются, что предприятие наше заслуживает если не похвалу, то по крайней мере доброе имя.

Каждый писатель должен иметь два предмета: первый научать и быть полезным, второй увеселять и быть приятным; но тот превосходным долженствует почитаться пред обоими, который столько счастлив будет, что возможет оба сии предмета совокупить во единый. Рассуждение публики о писателе утверждается на тех же двух предположениях, и он почитается тогда счастливым, когда признан публикою оных исполнителем. Если же, напротив того, по мнению оной не только не достиг обоих предметов вместе, то есть быть полезным и приятным, но нижѐ одного из оных, притом если с своей стороны не утвержден справедливостию и чувствованием великой и благородной в себе души; и если не надеется, как Сократ или Милтон, на правосуднейшее и правильнее мыслящее потомство или если уличается совестию о неправедном своем намерении, то достоин сожаления.

Сильное стремление к добру, возбужденное человеколюбием и истиною, или слепая, суетным самолюбием надутая гордость и тщеславие перед подобными себе, или, наконец, подлое корыстолюбие рождают писателей и наполняют земной шар бесполезными вздорами и книгами, которые служат лучше для завивания волосов, нежели для чтения.

Если смеем себя причислить к писателям, то какого об нас мнения? Не полагают ли нас недовольные журналом нашим в число тех, которые самолюбием и жадностию корысти побуждаются к изданию сочинений, погубляющих время и нравы читателей? Хотя бы то было и правда, но для нас нет ничего удобнее, как опровергнуть таковое мнение. При издании сего журнала мы не могли иметь гордости и самолюбия, потому что крайне было бы смешно, если б мы хотели величаться и гордиться переведенными токмо с других языков правилами. Сверх оного, мы весьма удалены как от самолюбия, так и не могли иметь столь глупой мысли, что будто мы одни только достигли нужных к таковому предприятию познаний и разумения языков, нет, конечно; мы удостове-

рены, что и другие имеют также познания и разумеют языки, да еще, может быть, и более и лучше, нежели мы.

Но положим, что можно гордиться и одним только переводом, но и в сем случае гордостию укорить нас не можно; потому что тот, который других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляли. И так сколь мало побуждала нас к предприятию суетная гордость и безумное самолюбие, столь же мало, да еще и менее могла в том иметь участия корысть. Мы еще до начатия сего сочинения объявили публике, на какое употребление плата за журнал назначается. Оная определена была на заведение училища для неимущих детей, которые бы, может быть, без оного осталися навсегда жертвою невежества и, следовательно, не столь полезными членами для общества. Всевышний благословил труды наши, что легко усмотреть можно из сообщаемых ежегодно нами известий о успехах. И, может быть, увидят скоро оных и плод в некоторых воспитанниках, соответствовавших намерениям и желаниям нашим. Таким образом, когда все оные суетные намерения были от нас удаленными, то можем заключить, не нарушая скромности, что мы в предприятии своем не имели другой побуждающей причины, как истинное, а не слепое и безумное к заблуждению, стремление, или ентузиасм, и любовь к отечеству, проистекающую из чистейших источников. Ласкалися мы изданием такового журнала, каков наш, искоренить и опровергнуть вкравшиеся правила вольномыслия, которого следствия как для самых зараженных оным, так и для общества весьма пагубны. В сем намерении избирали мы только нравоучительные и умозрительные материи, о изящности, превосходстве и пользе которых уверены не только благоразумнейшие из наших соотчичей, но и вся Европа, и которые казалися нам способнейшими для вкоренения и утверждения добрых нравов и истребления гнусных и страшных некоторых правил. Почему весьма для нас удивительно, что толь общие, толь драгоценными и полезными от всякого здраво мыслящего человека признанные материи могли неугодными быть для некоторой части наших соотчичей. Но хотя и не понравились некоторым, однако восчувствовали другие всю великость и важность оных во всем их виде. Самые служители и толкователи слова божия познали цену некоторых отделений и мыслили толь благородно, что после говоренных ими с великою похвалою проповедей, когда вопрошены были, откуда почерпнули оные, то откровенно признались, что одолжены оными «Утреннему свету».

Доселе сообщали мы более о самых материях нравственных и умозрительных, или метафизических, нежели о пользе оных; ибо надеялись мы, что достоинство оных может говорить само за себя; но изведав опытом, что некоторому числу людей совсем неизвестна подлинная и существенная польза высоких оных истин,

осмеливаемся теперь читателям нашим представить великую пользу, проистекающую от нравоучения и уверения о бессмертии души.

Нравоучение есть наука, которая наставляет нас, управляет действия наши к нашему благополучию и совершенству, которая внушает нам истинные правила великих должностей наших ко творцу, высочайшему нашему благодетелю, к ближним и к себе самим, которая предписывает сии должности и показывает средства исполнения оных. Такая наука не должна ли быть достойною всего нашего внимания? не должна ли составлять во всю жизнь главные наши упражнения? Так, без сомнения. Нравоучение есть первая, важнейшая и для всех полезнейшая наука; оной прежде и паче всего должно научать юношество; в оной особенно должны упражняться пастыри и учители церковные, и оная по справедливости должна первое занимать место в христианских поучениях. Возьмем искуснейшего богословских систем учителя, который нравоучения не знает или не любит, может ли он быть столь приятен богу и полезен человеческому обществу, как тот почтенный и правдивый муж, который хотя никогда не углублялся в системе богословской, но знает нравоучение и любит оного правила и по оным поступает?

В каком виде мы ни рассматриваем нравоучение, оно всего полезнее, нужнее и необходимее как для временной жизни, так и для вечности. Нравоучение, подобно дневному светилу, являющемуся на горизонте, освещает душу нашу от юности, от наступления дней, в продолжении, при конце оных и в самый час смерти. Оно распространяет свет свой по всем душевным силам, оным управляемым; человек, открывающий глаза свои при сем светильнике, видит всю великость своих должностей, употребление всех способностей и преимуществ и причину своего бытия. Оно есть не один токмо свет, освещающий разум, но пламя, воспаляющее и оживляющее человеческое сердце: сия приятная теплота, подобно божественному огню, согревает добрые природные склонности, оживляет оные, питает совесть, умерщвляет страсти и преклоняет волю. Желание делать добро тем более в нас умножается, чем более знаем и чувствуем силу побудительных к тому причин и изящность добродетели: от чего происходит неизвестное некоторое внутреннее удовольствие, первый плод, первое воздаяние добродетели. Нравоучение, подобно тихому источнику, производит плодородие в сердце нашем, питает находящиеся в оном счастливые склонности, утверждает глубоко корни оных и приносит сладкие плоды. Умножается оным купно и отвращение к пороку; открывается его гнусность, и представляется злополучие, влекомое им за собою; сия ненависть бывает во искушениях нашею спутницею и помогает нам восторжествовать надоными. И так нравоучение, просвещая разум, образует оный к мудрости, очищая сердце, готовит оное к добродетели и сими путями ведет человека к зем-

ному и, надежнее еще, к небесному блаженству. Кратко сказать, сие божественное учение не оставляет человеку большего желания: ибо, наставляя его в должностях, показывает ему купно отношение его к предвечному существу; и сие познание, ведущее человека к любви, почитанию и повиновению божественным уставам и провидению, совершает его счастие. Таких понятий и чувствований достигнувший человек готов бывает на всякие жертвы для исполнения своих должностей: ибо помогает ему бог, подкрепляет его и утверждает. Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве, яко о наградах за добродетель, в состоянии произвесть великие дела; сердце его стремится к сему блаженству, силы его возвещают ему явно оное, а высочайшая благость совершенно уверяет.

И так упражнение во нравоучении есть важнейшее для всякого возраста и для всякого состояния; оно составляет существенную закона часть, которая наипаче заслуживает внимание и старание мудрого мужа. Сия наука есть не тщетная теория, не пустая схоластическая наука, не в спорах состоящее учение, которое, к сожалению, вкравшись в систему толь простого, толь кроткого и толь святого закона, обезобразило оную; нравоучение есть не слабая пища памяти, не такая наука, которая служит людям к показанию их перед другими в разговорах или книгах: нет, оно есть практическое наставление, которое должны мы носить в сердцах наших, которое должно освещать совесть и преклонять без упущения волю и которое должно служить правилом наших поступок в уединении и между людьми, в трудах, спокойствии и забавах, в несчастии, счастии, в здравии и болезнях, в отдалении от конца жизни и при самом конце оной; кратко сказать, во всех отношениях и состояниях, отцу, сыну и брату, мужу и жене, гражданину общества, мира и вечности. Чтоб немногими словами изобразить весьма известную истину: нравоучение есть наука настоящего и будущего блаженства, для временной и вечной жизни; следовательно, оно есть изо всех наук самое полезнейшее, нужнейшее и необходимое.

Самые древнейшие народы знали важность, великость и необходимость сея науки. Между ими были законодатели и любомудрия, или философии учители, которые с большим или меньшим успехом упражнялися во нравоучении и оное другим предлагали. Египтяне, китайцы, персы, греки и римляне имели нравоучителей, которые, распространяя свет в сей науке, благодетельствовали человеческому роду. Жрецы нигде, кроме Египта, не были нравоучителями; они занимались более распространением догматических своих правил, нежели небесными истинами чистейшего нравоучения. Святой церкви небесного отца предоставлено было составить полную систему высокого нравоучения, яко сущности учения божественного.

Нравоучение св. Моисея, оного древнего еврейского законодателя, изъявляет своим совершенством и изящностию божественное свое происхождение. Ведя человека к почитанию единого и истинного бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило всех должностей к оному и что управлением своих страстей и желаний отдаляется все ведущее к пороку и беззаконию. Блаженны были бы иудеи, если бы могли возвысить души свои до сих высоких и чистых чувствований и не оставались при одних наружных обрядах.

Последовали греки, из оных Сократ во нравоучении превосходил всех язычников; он, удостоверившись о достоинстве сея божественныя науки, углубился совершенно в одну оную, презрев все баснословия. Ему следовали Платон, Епикур, Зенон и многие другие. Потом варварство и происходившие от оного предрассуждения истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец Бакон и Гроций возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль, из которых последнего особенно мы благодарить обязаны.

Сие толь нужное учение, от которого зависит благополучие как частного человека, так и целых фамилий и обществ, сия божественная наука должна ли быть у нас в пренебрежении? — Отрицание сего вопроса сколь для нас неприятно, столь оно справедливо. Приметь различные и повсеместные в общественной жизни случаи и реши тогда, основательно ли наше рассуждение. Откуда происходят развращение между полами, множество несчастных браков, подозрение и вражда между братьями и сестрами, отцами и детьми, повсеместные лечения, бесчисленные обманы, несправедливости, на которые все жалуются, не размышляя, что сами ежедневно то делают, откуда, наконец, убивства, если не от недостатка во нравоучении?

Желал бы я более говорить о важности нравоучения, но отвлекает меня другой мой предмет, о котором говорить должен, то есть благотворная польза, приносимая уверением о бессмертии души. Приведение доказательств о бессмертии оной за нужное теперь не почитаю: ибо, кажется, довольно уже было о том рассуждаемо во многих местах нашего журнала.

Когда же мы точно уверены о бессмертии нашей души, то научаемся, во-первых, оным уверением познавать величество свойств творца нашего, потом в особенности бесконечную его премудрость, благость и правосудие, и признавать оные с величайшим благоговением и благодарностию. Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует. Сие уверение производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы не равнодушны во

*

мнении об нас позднейшего потомства. Сие чувствование, что душа наша бессмертна, есть надежнейшее правило всех наших благородных, великих и человеческому обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок, возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах. Сие уверение делает неразрушимым союз человеческого общества и дает естественным законам ту важность, которую требует честь высочайшего законодателя и благо человеческого рода. Сие чувствование подает страждущему христианину в жесточайших болезнях утешение; он мнит: есть вечность, в которой престанет болезнь моя и где ожидает меня непреходящее веселие. С оным уверением невинно утесненные и гонимые подвергаются без роптания всем неправосудным случаям, их угнетающим, в несчастии и превратностях пребывают постоянными и верными добродетели, презирают опасности и с мужеством идут на угрожающую смерть, радуются, уверены будучи о вечности, где ожидает их за страдание награда и где венец непрестанного веселия увенчает главы их. Коль свята, коль славна выгода для нас, когда уверены о сей несомненной истине, но какие мучения, какое бедствие для нас, когда будем отрицать оную? При всем нашем полном благополучии будет недоставать нам покоя совести, не восхитит нас никакое великодушное и благородное действие, и менее того еще мы сами будем в состоянии что-нибудь великое произвесть. Чистейшие небесные чувствования должны будут уступать скотским похотениям, правда неправде, добродетель беззаконию; несчастный отчается, невинность утеснится, злодей и порочный восторжествует; имение, честь и жизнь будут в опасности, словом, вся земля сделается адом.

Самые язычники ощущали сладчайшее удовольствие и успокоение, размышляя о бессмертии души. Оное размышление было для них твердейшею подпорою посреди несчастия, причиненного им за их добродетель. Оное размышление, удостоверяя их о блаженной будущей жизни, возбуждало к исполнению полезнейших добродетелей и к покорению и содержанию всегда в повиновении их страстей разуму.

Сего-то ради оные великие мудрецы Египта и Греции преподавали сие учение с крайним прилежанием и представляли оное ученикам своим яко одно из величайших и важнейших. Пифагор снискал оное в Египте; но неразумение или не довольное знание гиероглифического языка совлекло последователей его с правого пути, и чистейшие правила египтян были совсем обезображены. Сократ первейший из язычников и Платон возобновили сие учение во всей оного чистоте и имели великое множество последователей. Все оные предлагали истины свои ясно: но египетские мудрецы для чужестранца, который не был допущен

до великих таинств и, следовательно, не разумел тайного гиероглифического письма, были непонятны. Ибо они под непонятными для очей незнающего, но в самом деле глубокомысленными изображениями сокрыли важнейшие познания. Если бы мы имели совершенное изъяснение оного, без сомнения важного, гиероглифического языка, то увидели бы, что многие познания, которым в наши времена удивляются как новым, известны уже были египетским мудрецам, и нашли бы, может быть, такие вещи, о которых не имеем ни малого познания и которых открытие было бы весьма полезно. Мы сообщили нашим читателям некоторые опыты и сего языка для поощрения к большему обработанию сего поля. Но как мы приметили, что многие из наших читателей сими троякими материями несколько или совсем были недовольны, то сею частию оканчиваем наш журнал. Просьбою ж некоторых побуждены с наступлением будущего года начать новый, мы никак не отступим от нашего предмета, но всегда будем стараться оный иметь, хотя в различном и пременном виде. Материи нового сего журнала будут состоять частию из нравоучения, из описаний жизней славных героев и политиков и описания славных сект; все оное будет переменяемо политическими, историческими и географическими отделениями. Мы ласкаем себя, что сим расположением более угодим вкусу публики и склоним к ощущению удовольствия и тех читателей, которым казалось, что будто журнал наш весь наполнен одинакими материями.

[«ПРИЧИНА ВСЕХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЕСТЬ НЕВЕЖЕСТВО, А СОВЕРШЕНСТВА ЗНАНИЕ»]

В заключении последнего месяца издаваемого в течение трех лет журнала под названием «Утреннего света» объявили мы читателям причины, побудившие нас к сему предприятию, и, наконец, открылися и в том, что понудило нас окончить оный и обещать новый с некоторою переменою плана и расположения, имея, однакож, всегда в виду предположенный нами предмет, дабы чрез то удовлетворить как тех, которые скучали высокими, следовательно, не забавными и не приятными для них материями, так и не лишить удовольствия тех, которые ощущают сладость и совершенную пользу во нравоучении и высокомыслии.

Мы за нужное почитаем объявить намерение наше и при начале сего журнала для тех единственно, которые не имели случая читать прежнего, а удостоят чтения своего сие «Ежемесячное московское издание».

Причиною, побудившею нас к таковому предприятию, было сострадание, которое всякий человек, мыслящий человечески, чувствует, когда слышит, что люди, от природы великими способностями одаренные, в воспитании ученостию украшенные и между людьми почтенные, говорят и хулят с надменным и уверительным видом и остроумием закон, ко спасению рода человеческого первыми людьми свыше полученный и нам преданием доставленный, и когда взирает на простодушных людей, внимающих прилежно умствованию оных вольномысленных мудрецов, почитающих себя победившими все народные предрассудки и низкое суеверие искоренившими.

Лестно для всякого человека, живущего в обществе, стараться во всем быть отменным перед другими людьми, а особливо перед большею частию людей, следующих часто слепо и безрассудно преданиям своих праотцев. Сие старание природным человеку беспредельным самолюбием и гордостию возносится иногда до такой степени, что люди, получившие от природы и счастия драгоценные дары, желая отличить и возвысить себя перед людьми, не отменяются часто и от животных и с оными обращаются в едином, так сказать, круге, с тем только различием, что они пользуются остроумно услугою животных и наружностию оных с переменою вкуса и новостию выдумки испещряют и украшают свою собственную наружность. В таковых упражнениях, колеблемы будучи тремя сильными восхищающими ветрами честолюбия, сладострастия и сребролюбия, большую часть жизни проводят, отвергая все то, что приятности ветров оных противоборствует.

По окончании толь веселых, радостных и счастливых дней наступает обыкновенно непременное разрушение того, что в сладкой жизни веселило; изыскиваются различные средства для подкрепления ослабевающей со дня на день природы; по многочисленных опытах рождается отчаяние о возвращении прежних сил, орудием удовольствия служивших. И наконец неразделенный и бессмертный человеческий дух, занимавшийся во все течение времени низкими и не приличными роду его деяниями, пробуждается и чувствует суетность оных; но чувствует иногда поздно, ибо то редко может совершиться в короткое время, на что целая жизнь определена.

Неудивительно, что люди после семи тысяч лет, после толь многоразличных с родом человеческим случившихся перемен, завесою от нас глубокую древность закрывших, будучи в молодости, во угождение восхищающих страстей своих поносят святейший закон, имеющий начало и происхождение свое во отдаленной древности, когда род человеческий упадал и со временами лишался прежней своей невинности.

Человек при рождении своем и не имея в жизни опытов, оживляющих силы и способности, полученные от природы, ничем не

разнится от скотов и животных. Во младенчестве чувствует он токмо голод и жажду, побуждающие к подкреплению жизни; в ребячестве начинает уже научаться волею или неволею перенимать от окружающих его; в юношестве, видя уже различные примеры подобных себе и по бесконечному врожденному желанию услаждения, восхищается всем окружающим его и стремится достигнуть и наслаждаться тем, что у других лестного для себя видит и к приобретению чего легкие и приятные воображает пути. В сем новом и беспрестанно восхищающем положении находяся, человек, не чувствуя еще над собою опытов наказания, предписанного за дерзость и безумие природою и человеками, будучи в силе и крепости, упоенный сладостию бесчисленных окружающих предметов, возбужденный бесконечным самолюбием и гордостию, по наследию от предков полученною, не имея еще ни времени к рассуждению, ни случая к размышлению, откуда он, что он и чем наконец будет; словом, уловленный настоящими и всегда новыми для него прелестями, неудивительно, если отвергает неизвестные ему будущие обеты, похищающие у него явно настоящие и известные удовольствия.

Ибо всякий молодой человек истиною почитает токмо то, что он чувствует и чем услаждается, а что не благоприятствует его чувствам, то приемлет он за выдумку и за изобретение человеческой хитрости для пользы собственной изобретателей, хотя оная выдумка есть единый путь к совершенству человеческому и благоденствию. Но паче всего удивительнее, что много таких людей, которые, уже и летами согбенны, заражены еще молодостию, хотя в жизни своей имели бесчисленные опыты к восчувствованию истины выдумки оной древнейшей и достопамятнейшей. Ибо каждому человеку должно быть известно, ежели только когда-нибудь рассуждал о себе, что ни единая черта оного древнего и святого закона мимо не идет, когда дерзновенным и безрассудным смертным оная преступается. Непременную истину сию каждый из нас со вредом как себе, так и другому, без сомнения, чувствовал, хотя иногда и не рассуждал об ней: но то к несчастию нашему, что мы часто закон почитаем для себя несносным бременем, наложенным на нас как будто для посторонней какой-нибудь выгоды, а не для собственной пользы, совершенства и благоденствия.

Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание. Но, может быть, скажут покровители и защитники необделанной грубости, что мы видим весьма многих ученых, которые более предаются порокам и заблуждению, нежели самые грубые невежды, и что вся мерзость, какая только находится на земном шаре, да и самое неверие или безбожие суть плоды учености. Так, конечно: но сие не от наук происходит, но от невежества в науках.

Хотя многие между людьми прославилися в некоторых частях учености и имена свои предали бессмертию: однако они при всей своей славе могут быть сущие невежды. Всех познаний и наук предмет есть троякий: мы сами, природа, или натура, и творец всяческих. Ежели ученый не соединит оных трех предметов воедино и все свои познания не устремит к совершенному разрешению оной загадки: на какой конец человек родится, живет и умирает, и ежели он при учености своей злое имеет сердце, то достоин сожаления и со всем своим знанием есть сущий невежда, вредный самому себе, ближнему и целому обществу. От таковых-то ученых вся мерзость, находящаяся на земном шаре, свое имеет начало. По всей справедливости оных относить должно к самому грубому и вреднейшему невежеству: ибо они не только науками не просвещают разума и не исправляют сердца, но еще более оными утверждаются в гордости и во всех гнусных пороках.

Сего-то ради благоразумная древность сообщала науки по выбору и испытанию одним токмо достойным и рожденным к наукам. Не трудно различить такого ученого, который учился, дабы показать себя и питать перед подобными себе гордость и тщеславие, от того, который беспрестанно учится единственно для снискания истины и для сообщения оной ближнему не для тщетного самохвальства, но дабы разделить с ним проистекающее от оной бесценное удовольствие. Первый, надувшийся гордостию и знанием, каким-нибудь случаем полученным, кричит, не взирая ни на кого и не слушая слов других, а старается только свое пересказать: другой, напротив того, ища истину, с великим смирением выслушивает мнение всякого, не презирая никого, будучи совершенно уверен, что и последний мужик, ежели только чистое имеет сердце, может лучше истину чувствовать, нежели самый звездочет с развращенным сердцем.

Весьма странно и удивительно, без сомнения, многим должно казаться, что как люди, приобретшие множество о вещах понятий, могут толь развратно мыслить об истинах весьма вероятных и достоверных. Чему дивиться? Ибо всякий из ежедневных опытов может видеть, что слабым духам, да и самым великим часто и безумие нравится, подобно как высокая истина.

Разврат в науках и проистекающее от оных роду человеческому зло происходят, как кажется, от незнания источника, из которого науки проистекли, и от незнания предмета, куда они текут и пиющих чистейшую их воду за собою стремиться возбуждают.

Известно всем имеющим хотя некоторое сведение о науках, что они суть плоды созревшего бессмертного человеческого духа, одаренного от природы способностию понимать или заключать о бесконечности как времени, или продолжения, так и пространства, или неограниченности: нельзя сказать постигать; ибо беско-

нечность постижима только единому безначальному и бесконечному. И так когда человек, одаренный толь благородным духом, по которому он и человеком именоваться право имеет, занимается не свойственными духу его безделками и благородную науку ума употребляет к таким предметам, которые в рассуждении бесконечного продолжения в то же самое время исчезают, когда начинаются, то весьма естественно, что в таком случае наука более зла, нежели пользы, приносит; ибо как в мире нет ни единой вещи, которая бы была без намерения, так и всякая малейшая травка свою собственную пользу имеет и ежели не в своем употребляется месте, то не только не пользует, но и вредит.

Подобно как государь или правитель народа, одаренный от природы достойными правления качествами и имеющий совершенную власть как себе, так и целому народу устроять счастие и благоденствие, если занимается всегда только такими упражнениями, которые принадлежат земледельцу, то наука царствовать ему, конечно, бесполезна: так и человек, одаренный неумирающим духом и имеющий случай и способы оного силы просвещать, если в целую жизнь свою упражняется только в том, в чем и все животные, то наука разума не только ему не полезна, но по бесконечному его внутреннему побуждению вредна и пагубна.

Когда же человек, проходя два царства, растения и животных, прелестями оных услаждается столько, сколько законы природы повелевают к его содержанию, но имеет всегда главною метою совершенство свое, то есть совершенство духа, состоящее в познании бессмертных истин, которыми восхищается и возносится до вышнего царства духовного, или разумного: то наука разума не может не споспешествовать ему в толь славных его подвигах.

Многие нынешнего века высокие и купно низкие любомудрцы, или философы, почитают оную науку химерою, или соплетением пустых, непонятных и бесполезных метафизических изречений или терминов, а прославляют систему, состоящую в последовании склонностям своим, каковы бы они ни были и куда бы ни стремились, говоря, что природа, естество или натура к тому нас побуждает и что безумно налагать оковы на природу, виновницу толиких удовольствий и сладости.

Правда, что совершенно безумен был бы человек, если бы захотел прямо отрещися от удовольствий и услаждения: да и невероятно, чтоб был такой человек или такое животное, которое услаждение, соединенное с дыханием и жизнию, променяло бы на ничтожество. Хотя и были примеры, может быть есть и будут, что люди, скучая жизнию, лишаются произвольно оной, однако оные примеры не только не утверждают прославляемой оной системы, но совершенно ее опровергают. Ибо по двум токмо

причинам люди к самоубийству приступают, или подражая славному в Риме Катону, который, не видя средств к спасению республики и почтя себя бесполезным на земи между человеками, лучше захотел преселиться и возвыситься в царство мертвых, или в царство духов; или, наконец, к бесчестию помянутой системы и к должному вечному грызению совести начальников оной, слабые люди, в юности упившиеся роскошию и доведенные оною до несносных болезней, отчаяния и безумия, подъемлют руки свои на живот свой.

Рассматривая свойство, силы и природу человеческую, без сомнения видеть можно, какие свойственны и приличны человеку удовольствия.

Известно всем, что человек родится, растет и доходит до совершенного возраста, подобно как и всякое растение, места своего не переменяющее, и что он имеет чувства и внутреннее побуждение к содержанию и сохранению своему и к произведению с восхищением подобных себе, так, как все животные, с тою только разностию, что животные получили стремлению своему предел, которого они прейти не могут, а человек сверх оного получил еще нечто благороднейшее, одаренное волею и разумом, помощию которых он может владычествовать над оными, избирать для себя все превосходнейшее, чувствовать достоинство и честность, удивляться стройности и красоте вселенныя, словом: он может возлетать до кругов вечности и восхищаться мудростию всевышнего, сотворившего вселенную и даровавшего дыхание и жизнь всяческим.

Ежели кто выходил когда-нибудь из чувственного круга, общего со скотами, в собственный человеческий круг умозрения, тот, конечно, не может сомневаться, что он рожден не для телесных и минутных сладостей, которые бесконечного его желания и стремления не только не могут удовольствовать, но еще предавшегося оным более раздражают и унижают перед неразумными тварями, следующими всегда порядочному своему побуждению; но природа произвела его к большему и благороднейшему удовольствию, нежели оные скотские сладости, к таким услаждениям, которые соответствуют его бесконечным склонностям и силам, полученным от предвечной мудрости, даровавшей ему разум и свободную волю к его совершенному благополучию. — Прекрасно славный Галлер в поэме о происхождении зла, описывая духовный мир, говорит о изящности воли и разума человеческого:

Die Welt mit ihren Maengeln
Ist besser, als ein Reich von Willen-losen Engeln.

(Мир с своими недостатками превосходнее, нежели царство ангелов, воли лишенных.)

Gott wollte, dass wir ihn aus Kenntniss sollten lieben,
Und nicht aus blinder Kraft von ungewaehlten trieben.

(Бог хощет, чтобы мы, познав его, любили, а не по слепому и неизвестному какому-нибудь стремлению.)

Многим в нынешние времена истина сия не нравится: причина оному, как кажется, развратное познание целой истории человеческого рода. Ныне вообще о глубокой древности думают так, как о грубом невежестве и суеверии, не удостоивают своего на оную воззрения и, почитая все, в оной происшедшее, за нелепое баснословие, занимаются на многих языках пустословием без понятий, хотя всякий, и малое сведение о истории учености имеющий, должен признаться, что все науки, которыми мы хвастаемся, начало и происхождение получили в глубокой древности. Ежели бы оные мудрецы нынешнего времени обратили на себя взор свой, так, как на исчадие отцов своих, то почувствовали бы хотя из сыновней должной преданности почтение к предкам своим и столь развратного и неправильного об них не имели мнения. — Правда, хотя, повидимому, и должны мы быть просвещеннее наших первых праотцев, ибо мы можем пользоваться проложенными от них путями мудрости и, следовательно, так, как по известной уже дороге, с меньшею трудностию доходить до цели оной и превзойтить древнейших наших учителей: однако, взирая беспристрастными глазами на себя и на всю древность, как на источник, из которого все науки произошли, должны признаться, что мы не только их не превосходим, но едва ли и сравниться можем; ибо мы по сие время не только в науках ничего нового не изобрели и не прибавили, но едва ли и разумеем все, что от них получили. Ибо известно нам, что мудрецы греческие, научившие народ свой во всяком роде наук и художеств и оставившие нам неподражаемые сочинения, которым мы удивляемся и удивляться будем, заимствовали всю свою мудрость в Египте, в котором и поныне осталися монументы и черты высокого знания и мудрости.

Сколь далеко отстоит в познаниях нынешний народ иудейский от своих праотцев, живших во времена Соломоновы и Моисеевы! Но и сей первый нам известный учитель и вождь израильского народа был уже в такие времена, когда род человеческий почти уже совершенно терял мудрость, начертанную на сердце, и имел нужду для возвращения оной в начертании закона на камне.

Многим из читателей наших, которые привыкли думать о себе более, нежели о праотце своем Адаме, может быть все оное покажется не весьма достоверным. Но когда первый человек, как говорит об нем Моисей, муж, достойный нашего почитания и доверенности, введен был в рай сладости, без сомнения не скотский и телесный, но человеческий, разумный и духовный, и когда

дал всем животным свойственные им названия, и притом, без сомнения, несравненно более нашего имел о творце своем познания, то кажется, что он, кроме бесполезных внешних и модных наших украшений и уборов, во всяком знании нас превосходил. И ежели читатели наши беспристрастно подумают о всей древности, нами славимой, то, конечно, все прежде предложенные нами истины не покажутся им не имеющими основания; и с получением справедливых понятий о состоянии первых отцов своих получат, конечно, истинное познание и о целом человечестве; ибо ежели человек не имеет основательного и точного понятия о начале и происхождении какой-нибудь вещи, то может ли без погрешности заключить, на какой конец оная бытие свое имеет? Сколь же полезно для человека знать о происхождении своем и о судьбе, ему предстоящей, то доказывать, кажется, не нужно; ибо невероятно, чтобы нашелся такой человек, который, как существо размышляющее, совершенно отрицал бы пользу размышления о самом себе; хотя многие оное утверждают и целую жизнь так проводят, но они говорят, не подумавши прежде; ибо говорить и жизнь вести можно и не рассуждая ни о чем, подобно сидящей в прекрасной клетке говорящей птице.

Кто же желает иметь точное понятие о самой отдаленнейшей древности, тот необходимо должен иметь сведение о языке иероглифическом, который был общим у всех древнейших народов. Истину сию доказывают целые народы, как то египтяне и по них греки, иудеи и по них христиане.

Греки, научившиеся у египтян мудрости по начертаниям или изваяниям, назвали оные начертания иероглифами, τά Ἱερογλύφῖκα, которые римлянами именуются гиероглифами, Hieroglyphica. Слово сие сложено из ἱερός,[1] священный, и γλύφω, режу, изваяю, и значит *священные изваяния*. Богодухновенный Моисей в данном народу иудейскому законе, обрядах и церемониях и мудрый Соломон в воздвигнутом великолепном храме, совершеннейшем рук человеческих здании, оставили нам множество иероглифов, которые с прибавлением еще новых даже и до днесь хранятся и на которые мы часто с благоговением взираем.

Кроме оных просвещенных народов, нам известнейших, у которых остатки древности сохраняются, находят благоразумные путешественники и у других, не весьма известных народов подобные начертания древней мудрости.

Что ж касается до самого источника, из которого произошел язык иероглифический, то предложим мы читателям нашим мнение некоторых упражнявшихся и упражняющихся в оном мужей. Первый человек, как говорят они, был столь совершен, что, имея чистый разум и превосходные чувства, мог проницать

---

[1] От ἱερὸς происходит и ἱερεὺς, иерей, или священник.

в природу вещей, чувствовать согласие оных (analogiam rerum); словом, читать целую природу и удивляться премудрости создавшего. Когда же люди начали лишаться даров оных, то принуждены были понятия свои о природе и о самом боге сообщать потомкам начертаниями, или иероглифами, образующими свойства вещей, существующих в мире, устроенном по совершенному равновесию и согласию. И сей способ сообщать понятия почитается первым. Когда же со временами люди начинали более удаляться от истины и оные начертания становилися невразумительными, то рождалися науки для объяснения оных и для показания ослабевавшему уму человеческому стройности и красоты вселенныя, дабы убедить оный и принудить восчувствовать развратность его действий и превосходство истины.

В сем-то положении человеческого рода, как уверяют упоминаемые мужи, свидетельствуясь всею древнею историею, произошли все науки, из которых наипаче древностию почитаемы были рисованье, стихотворство, музыка, арифметика, геометрия, астрономия и архитектура: все оные науки основание свое получили в природе, которую и предметом своим имеют.

Может быть, из читателей наших найдутся такие, которые слыхали от ученых, что геометрия, без знания которой Платон, оный великий муж в Греции, не принимал к себе в ученики, изобретена в Египте по нужде, для размерения полей и назначения меж, которые ежегодно рекою Нилом заравниваются. Но ежели они упражнялися в оной драгоценной науке и хотя некоторое получили сведение, сколько оная употребления имеет в других науках, то согласятся, может быть, с Евклидом и другими греческими мудрецами, от которых мы получили оную и пользуемся, не изобретя по сие время ни единой новой фигуры, а оставя главное оной основание без разумения. Многие думают, что архитектура год от года в большее приходит совершенство, позабыв или совсем не ведая, что греки и римляне получили знание оное из Египта, где и поныне еще находятся совершенные и неподражаемые рук и искусства человеческого здания, и удивляяся новому роду готического строения вкуса испорченного, введенного готами, народом грубым и не имевшим ни малейшего о вещах сведения.

Сверх сего доказывают иероглифического языка как древность, так и то, что он источником своим имеет природу, химические и алхимические знаки, употребляемые для означения элементов.

Из всего сказанного можно легко заключить, сколь язык иероглифический для нас нужен: ибо помощию его только можем мы достигнуть ясного и совершенного сведения как о древности, так купно и о настоящем положении человеческого рода. Не имея же сведения о целом человечестве, можем ли мы частно знать о себе и обо всем окружающем нас? Можем ли мы знать, в чем состоит прямое счастие наше и общий наш жребий? Можем ли мы

быть полезными друг другу и целому обществу и благодарными управляющей оным матери нашего отечества, пекущейся о счастии нашем?

Что же касается до прямого намерения журналов наших, то оно состоит в том, чтобы, по примеру некоторых просвещенных народов, распространять знание, на котором основание свое имеет мудрость, яко предмет и доля человеческого рода.

О ГЛАВНЫХ ПРИЧИНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРИРАЩЕНИЮ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

От самого начала мира человек единственно о том только старался, как бы иметь нужное себе пропитание или защитить свое владение от лютости медведей и львов. Не имея ни законов и никакого сообщения, он препровождал дни свои, скитаяся в страхе и грубости, и жил подобно диким, рассеянным по лесам американским, опасаясь всегда то жадности себе подобных, то свирепства диких зверей. В сии ли то времена бедности будем искать начала наук и художеств, произрастающих обыкновенно в спокойствии и тишине. Конечно, нет. По прошествии некоторого времени, которого точно определить нельзя, опыт показал выгоды нечаянного соединения; после опасного своевольства следовала по счастию общая тишина, и чрез долговременные опыты почувствовали нужду в установлении законов; разум человеческий, избавившись от страха, до сих пор его объемлющего, находил удовольствие рассматривать зрелище естества и был также свободен рассуждать и о самом себе. Сие есть чаятельно то время, в котором науки начали произрастать. И как скоро приметили важную пользу, которую может иметь из наук рождающееся общество, то все стали ревностно в них упражняться; изящные же художества в великом множестве соединялись ко умножению человеческого удовольствия и к отвращению нужды.

Науки, перенесенные на другое место, уподобляются полевым, скоро иссыхающим, цветам. Они не иначе процветают, как усильным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не сообразуются с свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветр их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процвели в каком-нибудь народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский дом; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым. Птоломей Филадельф, Константин Порфирогенит, Карл

Великий и Альфред хотя имели у себя великое число ученых, из разных мест собранное, однако науки у них не утвердились, и хотя оные процветали под тенью престола, но до того только времени, пока десница государская орошала, а лишившись сего призрения, испытали всю суровость чуждого климата; оставленные, увяли со всеми своими плодами, принесенными во время короткого споспешествования их покровителей.

Художества и науки столь медлительно шествуют, что государство, в котором оные начинают произрастать или которое их принимает, необходимо должно пребыть долгое время без всякой перемены в управлении. Колико стараний должно употребить без успеху; колико трудов предприять с самого первого заведения наук до приведения оных в совершенство; из самого простого рисунка, сделанного наудачу, довести до совершенного искусства Апеллеса! Между тем временем, как сие совершенство постепенно происходит, то науки еще как бы сном отягощены бывают, и великого стоит труда, чтоб возбудить их от глубокого сна, тогда должно представить себе все опыты своих предшественников, приложить к ним новые изобретения и привесть к концу то, что лишь только было начато; собрать все нужное для строения, прежде сего разбросанное и оставленное первыми художниками, и сделать из сих остатков, до половины уже разрушенных, совершенное строение. Все сие можно надеяться получить в таком только государстве, которое непоколебимо стоит чрез многие веки. Науки в короткое время правления возрастают купно с политическим учреждением. Они одинакую имеют судьбу и вместе разрушаются. Такой точно был жребий наук у аравитян.

Долговременность государства подает наукам случай приходить в совершенство; вольностью же они процветают. Физики научают нас, что все животные стараются о средствах к своей безопасности и обыкновенном их удалении от насильствия прочих. Свободны будучи от страха и угнетения, склонность их действует во всей своей силе. В государстве, в котором царствует естественная вольность, слон почитается гражданином, а бобр архитектором. Но как скоро хищный человек станет тревожить их общество, то сия естественная их ревность к вольности кажется упадающею, и они более ни в чем не упражняются, как только в защищении самих себя, и разум их, затмен будучи вместе с благосостоянием их республики, терпит то бедное состояние, к которому мы их приводим.

Сие примечание не несправедливо в рассуждении рода человеческого. Ибо и мы также теряем от страха все свое рачение, дарования и горячность. В рабском состоянии добродетель и знание навлекают на себя подозрение.

В деспотическом правлении Азии великая слава бывает предзнаменованием великого несчастия. И всякий человек, какого бы

состояния ни был, желающий отличить себя от прочих, подвергается бесчисленным опасностям.

В благополучном веке Рима вольность была душою красноречия и заставила Силлов и Помпеев дрожать пред народным трибуном. Но когда после благородной гордости сих республиканцев последовало подлое рабство во времена императоров, то сей благороднейший жар вдруг погас, и разум римлян вместе с их вольностию погребен был на полях фарсальских.

Англичане великие оказали успехи в философии, причину тому полагаю я гордую вольность их мыслей и сочинений, которые могут быть примером целому свету.

Всякому известно, что «Домитиан умертвил Меция Помпониана за то, что он имел у себя общий чертеж света и сокращение Тита Ливия. Никому также небезызвестно, что Эрмоену Тарсискому некоторые внесенные им в его историю описания стоили жизни». Да и нигде, где только рабство, хотя б оно было и законно, связывает душу как бы оковами, не должно ожидать, чтоб оно могло произвесть что-нибудь великое.

Для хорошего успеху в науках требуется притом чистый и приятный воздух, способный учинить жизнь счастливую столько, сколько разум того желать должен. Плодоносная земля щедро обогащает своих жителей во время нужды; ибо когда случится недостаток в нужном, тогда нимало не помышляют о излишнем удовольствии: для сего нужен приятный и умеренный климат, чрезмерный же зной изнуряет тело и ослабляет разум; а противная сему крайность заграждает все пары, затмевает чувства и отягощает умы. Притом должно знать, что науки сперва произросли на плодоносных брегах Нила, оттуда получены они афинянами, которые их обогатили, римляне привели их в совершенство, а Париж украсил их; Лондон же, желая их размножить, дал им важный и печальный вид, сходствующий с воздухом, их окружающим.

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ

Для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия

ВВЕДЕНИЕ

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религиею, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело бы весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оного совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтоб недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтоб всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предприято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа отверзта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелию и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, приобыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству

и к пороку? И так процветение государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если нравы уже повреждены, то и оные престают быть благодетельны; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов; чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, чрез него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия, в величестве своем исполненна простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; художества украшают жизнь, дают благородство чувствию, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностию и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

Толико важно воспитание юношества для государства и для всеобщего отца великого сего семейства, то есть для правителя. Великая монархиня наша, зная сие, с самого начала достославного своего правления неутомимое прилагает попечение о распространении в империи своей доброго воспитания. А сие премудрое матернее попечение не обязывает ли каждого из подданных ее отца фамилии стараться споспешествовать в своем семействе великому благодетельному ее намерению; а особливо, когда всякий отец побуждаем к тому должностию и собственною выгодою. Ибо поистине воспитание детей весьма важно не только для государства и правителя, но и для всякой особенной фамилии, для всякого отца и для всякой матери. Хотя бы находились родители, могущие толико ослепиться в округе своих должностей, чтобы спокойно могли сносить мысль, что они пустят в свет злодея или глупца, либо, худо воспитавши дочь, сделают несчастливым брак и подадут

случай к целым поколениям худых и потому несчастных людей: то по крайней мере должна бы ужасна им быть та мысль, что самые сии пренебреженные в воспитании дети накажут их за их беспечность и, вместо того чтоб быть утехою и радостию старости их, будут рушителями их покоя и удовольствия. Всякий друг человечества пожелает, чтоб ни одна фамилия не узнала себя в сем образе; но всякий внимательный наблюдатель находит, что, к сожалению! еще немало родителей сему подвержены. Коль многие из тех самых, которым бог даровал все, в чем человеки поставляют обыкновенно свое блаженство, потому только несчастливы в своей старости, что от детей нажили себе вместо радости печаль, что развращенность сына приводит фамилию в замешательство либо и совсем погубляет, что глупости дочери подвергают ее публичному презрению. И не сугубо ли огорчительно должно быть сие оскорбление таковым родителям, когда они в часы размышления (которые непременно бывают и при самом легкомысленном, самом рассеянном образе жизни) находят, что они сами беспечным воспитанием положили основание к сим порокам или глупостям, что они сами соплели бич, наказающий их теперь за их беспечность.

Но может быть, не беспечность или небрежение причиною тому, что между вступающим в свет юношеством нередко бывают худые люди и негодные граждане; может быть, недостает еще надлежащего распоряжения познаний, нужных для домашнего воспитания; может быть, некоторые предрассудки и худые обычаи не допускают сих познаний распространиться. Ибо, действительно, не можно сказать о нации нашей, чтоб родители не старались о воспитании своих детей. Трудно сыскать фамилию, которая бы, не имея довольно иждивения на приватное воспитание, не отдавала детей своих в училище; а многие находятся такие, которые с великим иждивением содержат для детей своих гофмейстеров, гофмейстерин, учителей языков, танцованья и рисованья. И так, конечно, есть нечто, противящееся сим добрым и похвальным попечениям родителей и делающее оные по крайней мере бесполезными великому предмету воспитания. Может быть, при многих распоряжениях и великом иждивении на воспитание детей и при самом непрерывном и многоразличном наставлении оных пропущается истинное образование разума и сердца. Справедлива ли сия наша догадка или нет, то оставляем на рассуждение почтенным нашим читателям. Можно, державши при детях с малолетства их гофмейстеров и гофмейстерин, воспитать их худо, можно, употребивши многие тысячи на их воспитание, не сделать, однако, ничего к истинному их благу: а именно, когда все сии распоряжения употребляются на то, чтоб сообщить им некоторые знания и способности, которыми бы могли они блистать в свете; а первое, великое, толь много в себе заключающее дело воспитания, то есть образо-

*

вание сердца, пренебрегается; когда вместо того, чтоб приучать разум их к правильному размышлению и вести к познанию истины и добра, наполняют головы их ветром, и вместо того, чтоб очистить волю их и направить склонности к добру, благородству и величеству, делают сердце их чувствительным только к малостям или совсем к глупости и пороку. Без сомнения, трудно будет доказать некоторым родителям возможность сего в таких фамилиях, в которых дети имеют гофмейстеров и гофмейстерин; но сию-то самую доверенность к своим распоряжениям, сие-то самое неосновательное успокоение, воображая себе, что они для воспитания детей своих сделали уже все, давши им гофмейстеров и гофмейстерин, сие-то, во-первых, и должно им откинуть; впрочем же, может быть, круг собственных их знакомств представит им говорящие доказательства помянутого. Между тем истинно то, что воспитание есть весьма запутанное, трудное дело, в котором весьма удобно и различно можно что-нибудь упустить и в котором, однако, всякое упущение причиняет вечный вред, если не будет примечено и поправлено заблаговременно. Оно есть особенная тонкая наука, предполагающая себе многие знания и в исполнении требующая много наблюдательного духа, внимания и просвещенного практического рассудка. И так никто не рождается с нею; и не постигают ее также в течение жизни, подобной жизни какого-либо растения или бабочки; но должно научаться ей из благовыбранного чтения, из опыта и размышления. Посему неудивительно, что сия наука (она называется педагогикою) еще мало известна; неудивительно и то, что она особенно неизвестна тому классу людей, которым здесь обыкновенно поручается приватное воспитание, и, может быть, иногда по недостатку лучших и должно быть поручаемо; но неудивительно ж и то, что воспитание во многих домах еще худо.

Сии рассуждения и печальный опыт того, что книги мало еще читаются, что всегда еще ложная бережливость, нерачительное расположение времени, излишняя склонность к увеселениям или что бы то ни было препятствуют успехам вкуса в чтении и в полезных знаниях; сии рассуждения и опыт привели нас к намерению сделать чрез публичные «Ведомости» известными те правила и положения воспитания, без знания и исполнения которых все распоряжения и все издержки по большей части бесплодны. Мы будем при сем справляться с лучшими сочинениями иностранных [1] и порадуемся, если возможем споспешествовать на сем пути просвещению и возбудить всеобщее постоянное желание к сему великому важному делу.

---

[1] Одно из преимущественных сих сочинений, а именно: англичанина Локка рассуждения о воспитании, давно уже переведено на российский язык; но многие ли его читают?

О ВСЕОБЩЕЙ И ПОСЛЕДНЕЙ ЦЕЛИ ВОСПИТАНИЯ И О ЧАСТЯХ ЕГО

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда только и бывает хорошо исполнено, когда сначала представить себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в толь важном деле воспитания! И так исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтоб сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к детям их есть та, чтоб в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предмета воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим, что все сии особенные намерения никак не могут быть главным воспитания предметом и что сей, напротив того, не в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым; или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника либо купца: то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько истинному благу детей своих; ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание; но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности

государству не совершенное сделали бы чрез то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

И так все сии и подобные особенные намерения, или образования к известному состоянию, никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкупе. Они суть посторонние предметы, которые, яко средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств;[1] но главный предмет воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтоб образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтоб воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приближить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость оного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами. При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здравия и крепости, так слабости и болезней тела. И так оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том,

---

[1] Мы говорим: по свойству обстоятельств; ибо не всегда, не во всех обстоятельствах бывают сии особенные намерения хороши и похвальны. Напр. не только не хорошо и не похвально, но и весьма глупо было бы, если б отец, имеющий сына с природы глупого, захотел его сделать ученым человеком; или если б другой захотел воспитать художником либо виртуозом сына, призываемого породою и богатством к политическим делам и в большой свет; или если б иной намерился образовать сына светским человеком, несходственно ни с породою, ни с имуществом своим. Тогда только сии особенные намерения хороши и похвальны, когда соразмерны обстоятельствам родителей и детей; ибо тогда бывают они не только весьма пристойными, но и нужными средствами к споспешествованию главному предмету воспитания, как то вскоре мы покажем.

чтоб дети их имели здоровое и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть, или корыстолюбие заставляет его домогаться чужого имения, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, что помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познаний, высший или низший степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще споспешествует высокому степени человеческого благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третия главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение или образование разума.

И так имеет воспитание три главные части: воспитание физическое, касающееся до одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть:

«Воспитывай детей твоих счастливыми людьми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть исполнена и которые впоследствии предложим мы по принятому здесь разделению.

Может быть, нечто из того покажется некоторым из читателей наших странно или совсем смешно, так, как теперь то, что мы образование тела причисляем к науке воспитательной; потому что бывают родители, воображающие себе, что к телесному воспитанию ничто более не нужно, как только хорошо кормить детей. Неприятно, может статься, иным родителям будет и то, что мы,

по свойству самой материи, откровенно представляя доброе и похвальное при воспитании или вредное и хулы достойное, упомянем о таких злоупотреблениях, которым и они причастны. Однако предмет наш не есть тот, чтоб сокращать время нашим читателям или усыплять их во вредных предрассудках; но с искренним и чистосердечным намерением стараемся мы сделать известною общеполезную и нужную истину. Посему не можем мы заботиться о всем том и должны еще по совести избегать рачительно всего, могущего спосшествовать сну греховному, столь вредному во всяком пункте нравоучения.

Теперь, при конце первого отделения, повторим вкратце сказанное нами досель. В самом начале видели мы, что воспитание детей весьма важно как для государства, так и для всякой особенной фамилии; видели, что родители троякую имеют обязанность воспитывать детей самым лучшим образом; притом представили как благодетельные следствия доброго воспитания, так и печальные следствия воспитания пренебреженного. Доказавши таким образом необходимость самого лучшего воспитания детей, старались узнать сперва вообще сие самолучшее воспитание. На сей конец старались сыскать то, какое последнее или главное намерение должны иметь родители при воспитании, или, другими словами сказать, какой есть всеобщий и последний предмет воспитания. Сие исследование сперва показало нам, что все особенные намерения, обыкновенно при воспитании бывающие и за главное дело почитаемые, не суть главное дело или главный предмет оного. Оно показало нам, что сии суть посторонние дела, которые по обстоятельствам хотя и могут быть добрыми и похвальными, но как исполнение их не исчерпает еще родительской при воспитании должности, то не суть они главный предмет и, яко посторонние предметы, тогда только могут быть действительно хороши и похвальны, когда употребляются пристойно, то есть сходственно с обстоятельствами родителей и детей, и служат посредством ко главному предмету. Потом открылось нам из сего исследования, что последний главный предмет воспитания есть тот, чтоб «образовать детей своих счастливыми людьми и полезными гражданами». Сие положение признали мы всеобщим главным предметом воспитания и, рассуждая о воспитании как о науке, всеобщим и первым в оной правилом. О справедливости сего положения уверились мы, нашедши при исследовании его то, что оно исчерпает всю родительскую при воспитании детей должность и заключает в себе все главные части воспитания. Сих главных частей нашли мы три (физическое, нравственное и разумное воспитание) и узнали главное содержание каждой из них, или предмет их, и связь его с главным предметом. Чрез сие стала нам известна обширность воспитания в первоначертании; причем также увидели мы, что сии три главные части воспитания и между собою столь же близ-

кую имеют связь, сколь натурально проистекают они из помянутого главного предмета, или из первоначального положения.

И так из сказанного нами до сих пор не более сего только узнали мы о воспитании! В самом деле, это не много, а в сравнении с целым еще и мало. Взявши все вместе, не более еще узнали мы, как только необходимость, главный предмет и обширность воспитания: не знаем еще ничего о подлинном произвождении оного; ничего о том, чему вместе и особенно быть или чего избегать надлежит. И так бесспорно стоим мы еще только при входе. Но либо мы весьма обманываемся, либо всеобщие понятия, которые написали мы здесь наперед в порядке их и связи для проложения себе пути, могут большей части читателей наших быть весьма полезными. Они могут, по мнению нашему, не только объяснить и исправить вообще понятия о важном сем деле, но и довольно ясно показать единый путь, ведущий к цели. Они могут показать, что несправедливо делают все те родители, которые либо стараются образовать один только разум детей своих и пренебрегают столь нужное образование сердца; либо при образовании разума не рассуждают совсем о будущем вероятном определении детей; либо по нерачению или по худым обыкновениям при физическом воспитании воспитывают их нездоровыми; или, наконец, столь неискусно поступают при воспитании, что пренебрегают все существенное оного, а стараются, напротив того, вперить в детей своих только такие познания и способности, которые, падая более всех прочих в глаза, ласкают собственной их суетности, но разум и сердце детей если сами собою не портят, то по крайней мере оставляют без всякого образования. В прочем могут сии всеобщие понятия истребить то заблуждение, будто можно хорошо воспитать детей своих и без знаний, без размышления и без многого попечения. Они сделают, напротив того, понятным то, что для сего дела, столь много объемлющего, столь многоразличных требующего действий и столько лет продолжающегося, нужны не только некоторые знания, но и многое внимание, многое размышление и многая осторожность, если надобно исполнить его хорошо. Наконец, могут предположенные здесь всеобщие рассуждения, а особливо разделение воспитания на три главные его части быть руководством, по которому можем мы удобнее расположить особенные правила оного, а читателям нашим удобнее будет найти их.

Но не можем еще мы последовать сему руководству, видя на пути нашем различные другие камни преткновения, вообще препятствующие воспитанию, так, как и помянутое неведение о важности, предмете и обширности доброго воспитания. И так потребно нам постараться отвратить в особливом отделении сии препятствия, прежде нежели приступим к собственному изъяснению особливых частей воспитания.

О НЕКОТОРЫХ ГЛАВНЫХ ПРЕПЯТСТВИЯХ ДОБРОМУ ВОСПИТАНИЮ

Бывают при воспитании предметы, не составляющие самого воспитания, но принадлежащие только к распорядкам оного, однако имеющие превеликое влияние в образование детей, так, что становятся они действительными вспомогательными средствами или препятствиями доброму воспитанию, по доброму или худому их расположению. Некоторые из них таковы, что влияние их в образование детей всякому видно или видно быть должно; другие ж, напротив того, кажутся столь отдаленными от существенности воспитания, что немногие усматривают связь их с оною или влияние их в образование детей; однакож, несмотря на то, бывает оно велико и не подвержено сомнению.

Мы думаем, что по многим причинам полезно будет собрать все сии предметы в особенном отделении и поставить здесь наперед то, что имеем мы о том сказать, яко нужные предварительные познания о некоторых главных препятствиях воспитанию, хотя и могли бы мы о них говорить порознь при каждой главной части воспитания.

Вообще принадлежат сюда: 1) род жизни родителей, 2) внутреннее учреждение домостроительства, 3) поступки родительские с гофмейстерами и гофмейстеринами и, наконец, 4) выбор сих самых особ.

И так будем мы в настоящем отделении говорить о сих предметах и о связи их с воспитанием. Мы еще предварительно повторяем о них вообще, что все они вместе и порознь по доброму или худому обстоятельству их бывают вспомогательными средствами или препятствиями воспитанию.

Во-первых: род жизни родителей тогда бывает препятствием воспитанию, когда они либо преданы каким-нибудь грубым порокам, либо живут столь рассеянно и легкомысленно, что не имеют времени на полезное и образовательное с детьми своими обхождение. Ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между всеми другими примерами ничей другой в них не впечатлевается глубже и тверже примера родителей. Мы желаем, чтоб читатели наши глубоко вкоренили в сердца свои сие положение, подтвержденное опытом во все времена. Оно есть одна из великих истин, касающихся до воспитания, которые весьма полезны для всего нравственного образования детей и которых никогда не можно потерять из вида без великого вреда.

Родители должны быть детям почтеннее всех других особ, которых сии имеют случай видеть; ибо совершенная зависимость от родителей, чувствуемая ежедневно детьми весьма натурально, сама собою приводит их к сей должности, хотя бы родители не употребляли никакого к тому посредства, никакого наставления

и увещания. Сие чувствование может утушено быть в детях чрезвычайно только и беспрерывно развращенным поведением родителей, и непочтение их к сим надежно можно почесть неложным знаком весьма худого воспитания; столь натурально детям сие чувствование! Но посему сколь же натуральна и сила примера родительского во младых, всяким впечатлениям отверзтых сердцах детей! Того ради весьма удобно образовать детское сердце, если пример родителей хорош и нравоучителен; того ради опытом изведано, что бедные родители, не могущие употребить никакого или довольного иждивения на воспитание своих детей, часто воспитывают их лучшими людьми, нежели многие богатые и знатные. Но от того ж происходит и великая трудность или паче невозможность вкоренить в детей добродетельные склонности и способности, когда пример родителей ничего им не показывает, кроме грубейших или легчайших пороков. Где отец расточитель или картежник, где мать ведет распутную жизнь или где оба сребролюбивы, несправедливы, немилостивы и жестокосердны к ближнему, там умеренность, бережливость, целомудрие и супружеская верность, справедливость, человеколюбие и щедрость неизвестные суть для детей добродетели, и гофмейстеры и гофмейстерины не воспрепятствуют им предаться еще в детстве тому либо другому из сих пороков, к которому лета их склонять их будут. Однако мы пишем для просвещенного состояния людей; и так предположим лучше, что для таких грубых пороков не нужны наши напоминовения, а особливо когда опасность примера в сем случае всякому самому падает в глаза.

Но и кроме грубых пороков со стороны родителей бывает жизнь их препятствием воспитанию, если провождают они ее в таком рассеянии и легкомыслии, что никогда не упражняются ни в чем важном и не имеют времени на обхождение с детьми своими. Не нужно, чтоб родители всегда упражнялись в трудах или большую часть дня посвящали своим детям; ибо, бесспорно, могут они позволенным образом наслаждаться своим имением и состоянием без противности доброму воспитанию. Но непременно нужно, чтоб все родители подавали детям своим пример полезного упражнения и никогда не были бы образцом проспания своея жизни или проведения ее в безделках и чтоб они хотя один час в день содействовали воспитанию своих детей приличным сему предмету с ними разговором. И так, если сын знает, что отец его на несколько часов в день занимается в кабинете своем важным чтением или письмом либо чем-нибудь иным; а дочь равным образом видит мать свою упражняющуюся в домостроительстве, пристойном рукоделии или тому подобном: то сего довольно уже для отвращения худого примера у таких родителей, которые содержат для детей гофмейстеров и гофмейстерин. Притом если родители, как сказано, хотя один час в день помогают гофмей-

стеру в воспитании сходственно с предметом и если гофмейстер искусен в своем деле, то может он удобно сделать безвредными прочие рассеяния жизни родителей, к которым их принуждает или прельщает их состояние. Напротив того, где время до полудня препровождается во сне или в безделках, а остаток дня за столом и за карточною игрою, там натурально бывает то, что дети получают отвращение от всякого важного упражнения, что они кушанье, питье, сон, убирание, визиты и карточную игру почитают определением человеков, или по крайней мере своим, и что им смешно кажется, когда гофмейстер хочет уговорить их к другому, несколько труднейшему. От сего происходит то, что утверждается в детях несчастливый тот характер, который особенно часто находится в молодых знатных людях; та сибаритская нежность, расслабляющая человека, делающая его неспособным ко всякому славному делу и заставляющая его сугубо чувствовать всякое несчастие, всякое беспокойство в жизни; та леность, почитающая сон за высочайшее благо и унижающая состояние человеческое до скотского; та рассеянность, отвращающаяся от всякого важного и полезного упражнения, любящая только ненатуральное и маловажное, гоняющаяся всегда за радостями, однако не ве́дущая истинных радостей и таким образом ввергающая человека в дурачества и распутства, а особливо в несчастное пристрастие к карточной игре, которая разоряет фамилии. — Если б такие родители знали, сколь велика и чиста та радость, когда наблюдаешь младые детские души по всем степеням их развития, испытываешь и управляешь их склонности, берешь участие в невинных их забавах и когда при некоторых случаях справедливо можешь сказать: этот бодрый, трудолюбивый мальчик, эта тихая, кроткая, прелестная девушка воспитана тобою! — тогда бы собственная склонность побудила сих родителей к частейшему обхождению с детьми своими и отвлекла бы их чрез то от рассеянной их жизни. Но как все сердце их занято искусными и шумными утехами большого света, то не знают они сего, то не в состоянии они чувствовать сии чистые натуральные утехи. И так должны они против склонности своей, по рассуждению и по родительской должности, по крайней мере переменить несколько жизнь свою; самый пример равных им состоянием бездетных людей не может их извинить, ибо родители беспрекословно более имеют причин располагать рачительно жизнь свою, нежели другие.

Во-вторых: внутреннее учреждение домостроительства тогда бывает препятствием воспитанию, когда оно не подает примера известных гражданских или общественных добродетелей, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Всякое домостроительство есть небольшое правление, в котором дети могут видеть примеры разных отношений, разных дел, образа исполнения оных и пр. Сии примеры по доброте или худобе своей делают доброе или

худое впечатление в детях; а сие впечатление бывает образовательно потому, что пример бывает непременен, беспрерывен и подкрепляем уважением родителей. Мы разумеем здесь наипаче порядок и чистоту. Порядок есть душа всех дел, облегчитель всех трудностей, споспешествователь разным удобностям и приятному жизнию наслаждению и охранитель наш от многоразличных досад. А чистота (во всей своей окружности) утончает вообще чувствования, возвышает красоту тела, споспешествует здоровью и делает человека приятным в обществах. Неопрятным человеком, а особливо женщиною, гнушаются общества, и он бывает всегда человек грубых чувств. [1] И так порядок и чистота суть два свойства, к которым собственно детей воспитывать надлежит. Сии свойства принадлежат также к обыкновеннейшим ежедневным делам, и потому всякое домостроительство ежедневно показывает либо образец их, либо противность. Невозможно описать всех особенных случаев, при которых в домостроительстве можно подать детям худой пример беспорядка и нечистоты; но нужно нам коснуться до некоторых из них, дабы можно было нас выразуметь и дабы возбудить внимание на некоторые беспорядки, почитаемые обыкновенно малостями. Здесь разумеем мы наипаче беспорядки, которые производят по большей части слуги, а господа либо по небрежению, либо по снисходительности, либо по ложной бережливости просматривают или еще и сами подают оным повод. Они оказываются во многоразличных малостях исполнения домашних потребностей, услужения, присмотра за столом и т. д. Где во всех сих принадлежностях является порядок и чистота, где всякий приказ господ исполняется тщательно, всякая потребность доставляется в надлежащее время, где нет никакого недостатка и пр., там легко приучить и детей к порядку и чистоте, ибо они имеют ежедневно пред глазами подтвердительный пример. Напротив того, где слуга на всякий приказ отвечает: «тотчас», а исполняет его спустя два или три часа или совсем не исполняет, не бывая за то наказан; где дворецкий не прежде покупает дрова, как пока сгорят последние, и тем заставляет гофмейстера и детей полдня зябнуть; где лакей чистит башмаки или сапоги молодого своего господина рукою и слюною, для того что щетку должен бы он купить на свои деньги; где при столе прислуживают мужики, причиняющие всякому благовоспитанному человеку омерзение; где дети вне дома ходят в драгоценных нарядных платьях, а дома в изорванных и запачканных; где постели детские скудны и нечисты; где пол или печь употребляется вместо кровати, а платье

[1] Есть книга о гнусных обычаях в Польше, под заглавием: «Орангутанг». Если половина того истина, что говорится в оной о польских госпожах, то никто не придет в искушение жениться на польской урожденке. Потому книга сия и другим женщинам может служить великим увещанием об опрятности.

вместо одеяла, и т. п. и где, наконец, все сие не однажды только или дважды бывает, но издавна в обыкновении и родителями одобряется, — там можно ли надеяться, чтоб дети если не вообще лишены были всех тонких чувств, то по крайней мере порядок и чистоту не почитали весьма обходимыми и беспокойными добродетелями. Ибо сколь маловажны и низки ни кажутся упомянутые здесь вещи, однако известно, что нет ничего маловажного и низкого, что не споспешествовало бы или не препятствовало достижению великих предметов, и что в воспитании самые большие предметы достигаются чрез множество малых средств. И посему весьма несомненная и преполезная истина есть то, что воспитание подобно сложной машине, в которой составлены многие разные пружины и колеса, которым надобно приводить в движение одному другое, если должно воспоследовать потребное действие.

Третие: поступки родителей с гофмейстерами и гофмейстеринами бывают вспомогательными способами или препятствиями воспитанию, по тому, когда сии особы в своей службе родителями ободряются или подвергаются скуке, а детское к ним уважение либо споспешествуемо и подкрепляемо, либо ослабляемо и совсем истребляемо бывает. Препятствие воспитанию находится особенно в следующих трех случаях:

1. Когда родители не держат гофмейстерам и гофмейстеринам своего слова либо в плате договорных денег, либо в доставлении им прочих небольших потребностей.

2. Когда они по ложной и неблагородной бережливости не хотят доставлять им нужных принадлежностей, касающихся до наставления и воспитания.

3. Когда они презрительно обходятся с сими особами или слуг своих допускают презрительно с ними обходиться.

Рассуждая по нравоучению, первый случай есть не менее, как грубая несправедливость и действительная бесчестность; ибо он есть точно то, что священное писание называет *молотящего вола обортати.* Гофмейстеры и гофмейстерины, поручая время свое и силы какой-нибудь фамилии, надеются на честь ее. Однако не довольно того, что сей поступок несправедлив и постыден; но и в рассуждении предмета воспитания весьма неблагоразумен: ибо сим особам приносит он неудовольствие и досаду, а чрез то вредит детям и самим родителям. Может быть, никакое дело не требует столь много доброй воли и такого беспрерывного спокойства души, как должность воспитателя и учителя. Без обоих сих свойств не может гофмейстер сделать того, что сделать ему надлежит. Хотя может он и без доброй воли и спокойствия души исполнять свою должность, ибо всякие должности могут отправляемы быть многоразличными образами: но, без сомнения, будет он во всем поступать худо. Не только наставление будет безуспешно, ибо в оном главное дело есть то, чтоб учение детям облегчить

и сделать забавным, что без великого внимания и снисхождения учителя, так, как и сие без доброй его воли не возможно: но и образование сердца подвергнется опасности, ибо оно еще большего требует внимания, нежели учение, и еще более зависит от гофмейстерова с детьми обхождения, нежели от его наставлений.

Но как же можно надеяться, чтоб гофмейстер удержал сии свойства, столь нужные для блага детей, и чтоб не возымел негодования и досады, когда сами родители столь мало доброй воли ему оказывают и строят или допускают строить ковы на первые неоспоримые его права? Чаще всего случается сие при тех небольших потребностях, исполнение которых зависит от дворецкого и от слуг. Невероятным коварствам и непристойностям подвержены при сем в некоторых домах гофмейстеры: либо должны они рачительно снискивать дружбу тех тварей, которую не могут приобресть иначе, как поя их всякий день водкою; либо не могут доставать удобно ни одной потребности. Мы видали контракты, в которых упомянуто было о самых маловажных безделках и положен об оных договор, для того что прежний гофмейстер, не употребивший сея (часто бесполезною бывающей) предосторожности, был их лишен. Поистине непонятно, как могут некоторые родители унизиться до столь же неблагородного, сколь и несправедливого поступка. Не можно извинить оного и тогда, когда худ гофмейстер; ибо худой гофмейстер без доброй воли станет воспитывать еще хуже; а что будет с детьми, когда он унизится до того подлого средства, которым может защититься от скупости или худого домостроительства господ? Если ж он честный и благородномыслящий человек, то такой с ним поступок есть самая грубая несправедливость, ибо он никоим образом не заслуживает лишен быть своих потребностей и того, чтоб честь его отдана была на поругание слугам. Худых гофмейстеров надлежит родителям чем скорее тем лучше высылать из дому и скрытно нести наказание за то, что избрали худого человека. Но всем без изъятия, пока находятся они при детях, должно отдавать принадлежащее им добровольно, порядочно, без ругательства и без коварства.

Еще бывают поступки родительские с гофмейстером препятствием воспитанию тогда, когда родители отрекаются доставать нужные книги и другие орудия воспитания и наставления. Надлежало бы написать целую книгу, если б захотели мы исчислять все вредные следствия, производимые в некоторых домах худо выразуменною бережливостию: здравие, порядок и чистота, воспитание детей, спокойствие домашних — все приносимо бывает на жертву сей безрассудной ложной бережливости. И так остановимся только при предлежащем нам теперь случае. Вред, происходящий от оного, состоит в том, что гофмейстеру наносится досада и делается препятствие тому добру, которое могут и должны произвести требованные гофмейстером орудия воспитания. Никакой художник

или ремесленник не может ничего сделать без надобных ему орудий; и есть пословица: *ученик без книги, как солдат без ружья.* Однако в некоторых домах терпят гофмейстеры и в книгах недостаток. Грамматики и лексиконы почти одни признаются всеми за необходимые без противоречия. — Не трудно вразумить некоторым родителям то, что нужны также книги, касающиеся до наук, и кроме сих всякого рода книги для чтения. Иные родители требуют даже того, чтоб гофмейстер покупал книги на свои деньги; или по крайней мере не могут понять, для чего трем детям не одна надобна грамматика и не один лексикон. Если ж еще требуются другие орудия кроме книг, например: эстампы, земные и небесные глобусы, математические инструменты и тому подобное, то такие родители неотменно полагают, что можно обойтися и без сих вещей или что гофмейстер должен достать их за свои деньги. Даже и тогда, когда надобны для употребления детям самые последние малости, как то: черная доска, письменный столик и тому подобное, отказывают гофмейстеру, почитая сии вещи обходимыми, или поручают купить их дворецкому; что обое равно бывает. Дворецкий, уверен будучи еще более господ своих о ненадобности сих вещей, либо совсем не исполняет приказания, либо исполняет его столь медлительно, что черная доска и столик бывают куплены тогда уже, когда гофмейстер отстанет от того дома. Однако черная доска и крепкий, покойный письменный столик гораздо полезнее и нужнее двадцати других вещей в доме, которые стократно дороже: ибо на такой доске можно многое удобно объяснить детям, что иначе бывает трудно или совсем непонятно; а от писания за столом слишком высоким, или низким, или стоящим не твердо делаются дети нездоровыми. И так весьма несправедливо поступают родители, отказывая гофмейстеру и в таких малостях, требуемых им явно для пользы детей, и подвергая его притом шиканствам такого мужика, которому ни об одном деле гофмейстера судить надлежало бы не позволять. Не только такие малости, но и все, что гофмейстер для детей ни потребует, должны родители охотно и с приязнию ему доставлять по первому его слову и благодарить еще ему, что он печется о том, что к пользе детей служить может. Ибо в противном случае, без сомнения, покинет он сие попечение, будет пробавляться по желанию родителей и детей также оставит пробавляться как-нибудь в учении.[1]

---

[1] Сие пробавление вообще, принято будучи всеобщим правилом, есть весьма неблагоразумно и причиняет много вреда. Например: можно построить целый дом, не употребляя при том пилы. Но если топор будет заменять пилу, то не только пропадет над тем много времени, но еще рубкою по сплоченным уже бревнам связи и сплоты так опять разобьются, что дом развалится десятью годами прежде, нежели как последовало бы сие при порядочной постройке. Не изрядная ли это бережливость?

Но гораздо обыкновеннейшим и важнейшим препятствием воспитанию бывают поступки родителей тогда, когда они презрительно с гофмейстером обходятся и слуг своих презрительно поступать с ним допускают: ибо сие препятствует как учению, так и образованию сердца детей. Всякое образование, какое дети от гофмейстера получить могут, основывается на доверенности, которую они к нему имеют; а сия основывается на почтении, любви и уважении их к нему. Без сей доверенности не много может гофмейстер сделать с детьми. Ни наставления его, ни пример не произведут в них впечатления, потому что обое кажется им столько неважным, что не прилагают они к тому внимания; а выговоры его и наказания, не исправя их, раздражат только против его: ибо людям, наипаче ж детям, не свойственно принимать без ненависти и к исправлению своему хулу и наказания от непочитаемого и нелюбимого человека. И так почтение, любовь и основанная на оных доверенность детей к гофмейстеру суть единственные подпоры всего добра, которое он детям сделать может. А родители опровергают сии подпоры, подкапывают совершенно основание всякого наставления и образования, обходясь презрительно с гофмейстером или допуская слуг презрительно с ним поступать. К кому дитя должно иметь почтение, того и отец и мать почитать должны. Сия истина столько же бессомненна, сколько и та, что все люди умереть должны. Но почтение их не в том состоит, чтоб оказывали они ему обыкновенную учтивость, а в том, чтоб поступали они с ним как с высокоценимым другом их фамилии, чтоб они при детях своих никогда презрительно о нем не рассуждали, чтоб не требовали они от него такой униженной покорности, как от домашнего официанта или лакея, и чтоб они не позволяли сим людям никаких презрительных оказывать к нему поступок (которых бесчисленные примеры не возможно нам здесь исчислить). Дитя весьма удобно различает модное притворство обыкновенной учтивости от действительного почтения: оно не слушает увещаний гофмейстера и бывает упорно против его выговоров, как скоро приметит, что родители его презирают или что более уважают они дядьку и дворецкого, нежели его. Но при всем том в некоторых домах сии люди бывают судьями гофмейстеров, и от их приговора зависят все господские с сими поступки!

Но если гофмейстер не такой человек, с которым бы можно было поступать почтительно, так, как с другом фамилии? Мы отвечаем на сие: должно его оставить, а при выборе нового наблюдать то, что мы скажем теперь о избрании гофмейстеров.

Что худой гофмейстер великим бывает препятствием воспитанию, сие, по мнению нашему, столь же удобно усмотреть, как и то, что злая жена великим бывает препятствием домашнему благополучию. Однако никто отрицать не будет, что еще и ныне множество худых людей скитаются по здешним странам под сим

именем. Необходимость учиться чужим языкам и не довольное число добрых собственных учителей принуждали родителей давать гофмейстерам великую плату; а сия привлекла в отечество наше множество чужестранцев, которые во всю жизнь свою и не помышляли о воспитании и наставлении детей, а еще менее читали нужные к тому книги, которые сами воспитаны были весьма худо и в отечестве своем питались самыми низкими ремеслами; но здесь все они принимаются за воспитание юношества, и некоторые знатную за то получают плату. [1] Бесспорно привлекло сие в отечество наше и многих добрых людей; однако число худых и поныне еще гораздо превосходит число добрых, и потому весьма еще трудно выбрать доброго гофмейстера. Все сие известно родителям; однакож многие поступают при выборе гофмейстеров для детей своих столь легкомысленно, что принимают оных даже без университетского экзамена, по которому могли бы они по крайней мере увериться в том, что выбирают не совсем неспособного к толь важному делу человека. Особливо два предрассуждения приводят родителей в заблуждение при выборе гофмейстеров. Первое из оных то, что они требуют непременно такого гофмейстера, который бы совершенно исправно и чисто говорил по-французски; а другое то, что воображают они, будто всякий урожденный француз имеет сие главное, по мнению их, свойство доброго гофмейстера. Обое суть предрассуждения, и весьма вредные, ибо от них дети часто впадают в руки самых худых людей. По необходимости французского языка не можно опорочить родителей в том, что требуют они от гофмейстеров знания оного; однако если гофмейстер, имея основательное и философическое знание языка, не совсем неправильно произносит и если притом другие нужные знания и свойства доброго гофмейстера ему не чужды: то крайняя тонкость и правильность произношения бывают тогда весьма маловажны, и родителям не должно на них смотреть. Ибо как гофмейстер, так и дети могут исправить выговор свой в светском обхождении; а при прочих свойствах доброго гофмейстера недостаток совершенно хорошего на фран-

[1] Для показания читателям нашим, что не одни мы так рассуждаем и что зло сие известно уже и в Германии, хотим мы выписать здесь одно место, могущее и с другой стороны быть полезно: «Если спросишь в Петербурге или в Москве французского парикмахера, что хочет начать он за 400 или 600 рублев с тем молодым господином, к которому принят он гофмейстером, то отвечает он, что хочет ему ouvrir l'esprit et former le coeur. Это известный хвастовской его ответ, выкраденный им откуда-нибудь; но в дальнейшее оного раздробление он не впускается. Да еще трудно и вразумить ему то, что раздробление сие полезно и нужно. Надлежит сперва неприметно представить ему понятия: perruque, friser, cheveux и потом изъяснить по аналогии, что к действительному решению всякой практической задачи, до чего бы она ни касалась, до сделания ли парика или до открытия духа, потребно множество специальных правил, которые все должно знать для произведения их в действо (см. Versuch über den Kinder-Unterricht, S. 229, т. е. «Опыт о наставлении детей»).

цузском языке произношения есть такая малость, что неразумно оставлять для оного в прочем исправного гофмейстера. Менее всех должны стараться о том такие родители, которые либо сами чисто и правильно говорят по-французски и, следственно, могут сами научить тому детей своих, либо живут в таких городах, где находятся особенные хорошие французского языка учители.

Но весьма смешно, если родители воображают себе, будто надлежит только быть урожденным французом, дабы разуметь и говорить хорошо на сем языке. И во Франции, так же как и в других землях, чернь говорит худо своим языком, а разумеет его еще хуже: ибо знание всякого языка получается только из книг, а исправное произношение из обращения в хорошем сообществе; а обое сие не есть дело черни. И так находятся и между французами люди, говорящие своим языком столько же худо, как и здешние простолюдины говорят по-русски. Учитель, произносящий на сем языке совершенно хорошо, не может еще по тому быть хорошим оного учителем, а еще менее гофмейстером: ибо для первого потребно основательное и ученое знание языка, а к последнему принадлежат еще другие познания и свойства, которых худовоспитанные и неученые люди не имеют.

Родители, знающие истинную пользу свою при выборе гофмейстера, наипаче должны пещись о следующем и стараться сколько возможно изведать:

1) правильно ли и чисто он рассуждает;

2) имеет ли он столько гибкости и уклонности в своем характере, чтоб поступать с детьми сообразно летам их (без ребячества в себе самом);

3) добронравный ли он человек по крайней мере вообще;

4) имеет ли он ясное и основательное (а не глубокое и пространное) знание тех языков и наук, которым обучать должен;

5) может ли выговор его на тех языках быть по крайней мере сносен, то есть не быть преткновением и препятствием для детей;

6) может ли наружное поведение его служить образцом детям.

Вот главные свойства доброго гофмейстера, а не те, чтоб был он урожденный француз или чтоб имел крайнюю тонкость и исправность в произношении: ибо с обоими последними качествами можно быть худым гофмейстером.

Но все свойства сии вкупе, может быть, гораздо реже находятся в здешних гофмейстерах, нежели хорошее произношение французского языка. И так спрашивается: что надлежит делать родителям? Выписывать из чужих стран гофмейстера; не всякая фамилия имеет довольно на то достатка и случая; и часто по приезде выписанного гофмейстера оказывается, что в собственном отечестве можно было найти лучшего. Также бывает в сем случае то великое неудобство, что гофмейстер совсем не разумеет здешнего языка и не знает нравов и обычаев здешней нации. Сие неудобство столь

*

важно для образования детей, что мы советовали бы всякой фамилии в таком случае содержать гофмейстера целый год вне своего дома и не требовать от него за то ничего более, кроме того, чтоб учился он здешнему языку; ибо, не зная оного, бессомненно испортит он детей в один год более, нежели сколько в три года потом исправить их может.

И так при сих обстоятельствах бесспорно трудно найти хороших гофмейстеров. Но не возможно ли отвратить сию трудность? Не можно ли из самой здешней нации воспитать достойных домашних учителей и гофмейстеров? Разве хотим мы вечно оставлять воспитание детей наших чужестранцам? — Знающему российский язык известно, что оный все язычные у человека органы обделывает так, что россиянину не трудно научиться совершенно французскому и немецкому языкам, если он захочет. Сие подтверждаемо и опытом; ибо все наши единоземцы, имевшие некоторый случай учиться из обхождения сим языкам, говорят на оных весьма исправно. Следовательно, необходимость французского и немецкого языков не препятствует нам иметь собственных достойных домашних учителей и гофмейстеров, и еще тем более, что в столичных городах премногие находятся случаи научиться основательно обоим сим языкам и привыкнуть к правильному произношению оных чрез обхождение. И так отчего происходит то, что не имеем мы еще собственных хороших гофмейстеров, а должны исправлять сию должность чужестранцы?

По справедливости происходит сие от двух малостей, которые можем мы отвергнуть, как скоро захотим; они суть следующие:

Во-первых, что учащееся юношество не имеет случая посещать хорошие домы и в оных образоваться к гофмейстерскому состоянию.

Во-вторых, что самое гофмейстерское состояние если не презираемо, то по крайней мере не столько уважаемо, сколько оно заслуживает и сколько должно быть уважаемо, если надлежит произойти достойным гофмейстерам из собственной нашей нации и сделать чужестранцев ненужными.

Юношество наше может учиться всем языкам и всем наукам, нужным гофмейстеру: для сего в обоих столичных городах здешних преизрядные находятся заведения. Но во всех училищах, семинариях и университетах не может молодой человек научиться тому поведению, которое для гофмейстера нужнее еще языков и наук. Сие может он приобрести, имея случай часто видеть и посещать общества благовоспитанных людей; ибо один только свет и обхождение вообще образуют человека, и особенно должны образовать того, кому других образовать надлежит. Но откуда должно учащееся наше юношество получать сей случай, когда домы благородных людей для его затворены? Молодые люди, имеющие в самой фамилии своей случай образоваться чрез обхождение с благовоспитанными людьми, не принимают гофмейстерских мест;

а принимающие такие места живут либо дома в фамилиях, не имеющих такого обхождения, либо в семинариях и в единообразии академической жизни, в которой может образоваться ученый человек, но не гофмейстер. И так если тому классу людей, который определяется для приватных учителей и гофмейстеров, надлежит иметь случай к сему толь нужному образованию, то должен патриотизм вспомоществовать законодательной власти, то богатые и знатные люди должны отворить домы свои учащемуся юношеству, допускать их к своим столам и забавам и чрез то подавать им случай к тому образованию, которого не может дать публичное воспитание.

Но дабы образованные таким образом молодые люди возымели охоту принять на себя то звание, к которому они способны стали, и не предпочесть ему иных должностей, то нужно отвергнуть то презрение, в каком доселе, повидимому, находится гофмейстерское состояние, и дать ему тот степень почтения, который оно заслуживает. Если бы знатнейшие люди нашея нации приняли первое наше предложение отверзти домы свои учащемуся юношеству, то чрез сие нанесен бы был первый удар тому весьма неразумному предрассуждению о людях, пекущихся о столь важном для народа и для особенных фамилий деле, каково есть воспитание детей. Но для совершенного истребления сего предрассудка или для оставления его одной черни потребно, чтоб знатные люди особенно старались сделать гофмейстерское состояние почтенным; чтоб они сего ради обходились уважительно со всяким искусным и честным гофмейстером, а поступающих противным образом презирали бы самих; чтобы опровергали с увещанием всякое несправедливое мнение о состоянии и достоинстве гофмейстера и чрез то распространяли бы между народом великую и нужную ту истину, что просвещенный и честный человек, воспитывающий хорошо детей какой-либо фамилии, много споспешествует общественному благу и без чинов и титулов весьма достоин почтения и уважения.

Сим образом чрез несколько времени может перемениться несчастливое положение, в каком находятся ныне родители в рассуждении гофмейстеров. Учащееся юношество получит от того случай образоваться к гофмейстерскому состоянию и в светском обращении, а молодые люди, образованные таким образом, не усомнятся посвятить себя состоянию, представляющему им честь и довольное пропитание. Чрез сие получит нация наша в короткое время достойных собственных гофмейстеров; а сии если не всех иностранных гофмейстеров сделают ненужными, то по крайней мере вытеснят худых и принудят их возвратиться к подлинному своему званию.

Сим заключаем мы отделение о всеобщих главных препятствиях воспитанию и купно с оным всеобщие предварительные напоминовения к нашему предмету. Если мы не обманываемся,

то предварительными сими нужными познаниями привели мы читателей наших в состояние с проницанием и уверением употреблять особенные правила воспитания, которые предложим мы теперь по определенным трем главным оного частям. Также если желание соотечественников наших воспитывать детей своих самолучшим образом соразмерно доброй воле нашей споспешествовать сему, то смеем мы надеяться, что сказанное нами доселе и то, что скажем вцредь, будет не проповедь в пустыне, но слово благословения, произнесенное в надлежащее время.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ТЕЛЕСНОМ ИЛИ ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ

Сократ, мудрейший из всех язычников, увидев некогда мальчика, весьма шалящего, сказал провождавшим его друзьям: сего мальчика родил отец пьяный. Согласно с Сократом думали великие врачи во все времена: и так предпоставили мы сии слова доброго Сократа для тех, которые захотят их заметить; но не будем мы изъясняться о них более, ибо то здесь неприлично. Также и завело бы то нас слишком далеко, если б захотели мы начать говорить о физическом воспитании с сего пункта; хотя известно, что как при оном, так особенно во время беременности матери многое произойти может, имеющее влияние в детское здоровье. [1] По той же причине не можем мы пространно доказывать, но не можем также оставить без напоминовения, сколь нужно ввести в отечество наше большее знание науки повивальных бабок. Ибо невероятно, сколь велико неведение и упрямое ослепление народа, какие вредные обычаи употребительны при сем искусстве, сколько детей ежегодно от того бывает изуродовано и сколько матерей умирает.

Однако, как сказано, и сие не принадлежит к нашему плану и потому не терпит дальнейшего здесь исследования. По рождении начинается воспитание; и так имеем мы дело только до рожденных уже и неизуродованных детей, то есть до таких тварей, которые и в лучшем своем состоянии выходят на свет бессильнее и беспомощнее всякого другого животного и которых благоразумное только попечение взрослых людей может сделать тем, чем быть они определены.

---

[1] Кто хочет обстоятельнее получить о том сведение, тому рекомендуем мы читать на немецком языке преизрядную небольшую книжку г. Цукерта о том, как надлежит поступать беременным и кормящим детей грудью женщинам. Желательно, чтоб книжка сия была переведена на российский язык и напечатана.

Пища и питие, сон и одежда суть всеобщие потребности человеческие, следовательно, и детские. Дети не могут удовлетворить ни одной из сих потребностей без помощи взрослых людей, ни одна телесная их сила не может развиться без способствия и содействия сих. Сия помощь и содействие сие есть предмет того, что называется телесным или физическим воспитанием и чего никакие родители совсем не упускают. Но поступки их при том столь же различны, сколь различны в прочем их знания и образы жизни и мыслей; а от сих поступок зависит все телесное образование детей. И так потребны здесь те правила и предписания, которые опытом и искусством доселе за лучшие выдаваемы были.

С той самой минуты, как дитя родится, должно пещись о том, чтоб не связывать его тесно, не должно употреблять головных перевязок, подушек и пр., но мягкие и широкие пеленки, которые всем членам его оставляли бы свободу и не были бы ни столь тяжелы, чтоб удерживать в принуждении все его движения, ни столь теплы, чтоб причинять ему ненатуральный пот и горячку. Дитя по толь долгом согбении необходимо желает протягивать и двигать свои члены, которых бездейственность и принуждение препятствуют обращению крови и соков и не допускают младенца укрепляться и расти. Связанное дитя, стараясь освободиться, всеми силами коверкает свои ноги, от чего происходят повихнутия, переломы и повреждения членов. Разные сыпи, столь обыкновенные у младенцев, суть также следствия ненатурального сего принуждения. Оно имеет даже влияние и во нрав детский, ибо первое чувствование младенца бывает от того чувствование болезни и муки, которое купно с чувствованием препятствия всем его движениям посевает в нем семена гнева. Обыкновенно опасаются того, чтоб дети, будучи свободны, не принимали таких положений и не делали таких движений, которые могут быть опасны хорошему образованию их членов. Но опасение сие неосновательно. Натура не дает детям столько силы, чтоб могли они опасные делать движения; а когда принимают они насильственные положения, то боль принуждает их скоро переменять оные. Опыт подтверждает также, что сие свободное движение детей по крайней мере не опасно и что, напротив того, от перевязок и крепких пеленаний гораздо чаще портятся у детей члены.

Лежать младенцу надлежит в колыбеле, и не надобно класть под него больше постилок, нежели сколько потребно для содержания его в умеренной теплоте. Русо и некоторые другие совсем отвергали колыбели, а советовали употреблять вместо оных коробы. Но побуждены они были к тому одним только злоупотреблением колыбелей. Когда либо колыбель неискусно сделана, так, что движение ее тяжело, тряско и производит скрып; либо когда качание употребляется к тому, чтоб усыпить детей, которым тесные пеленки, великий жар, голод, жажда, нечистота или другой

какой-нибудь боль не дают спать: тогда, бесспорно, качание бывает весьма вредно. Но кроме того и вообще есть оно весьма свойственное детям и здоровое движение; и все зависит только от пристойного употребления. Чем тише и ровнее движение колыбели, тем лучше для младенца; и посему те колыбели суть самые лучшие, которые, сделаны будучи наподобие подлинных кроватей, качаются на двух железных крюках, а те суть самые худшие, которые прикреплены непосредственно к самому потолку комнаты и притом сделаны грубо и тяжелы. Завешивая колыбель, надлежит наблюдать, чтоб занавес был по крайней мере на три четверти аршина от головы младенца, и не закрывать колыбель так, чтоб не могло проходить в нее извне несколько воздуха, которой бы рассвежал, очищал и делал удобным для дыхания внутренний воздух. Сему предполагается то, чтоб и самый внешний воздух в комнате был чист; и для того все портящее его должно быть удалено от детской комнаты, и ежедневно надлежит впускать в оную свежий воздух чрез отворенное окно или дверь. Детская комната не должна быть столовою комнатою, ниже для кормилицы; наипаче ж нужно, чтоб не бывало в ней много людей или чтоб не вношены были туда горящие угли либо другие вещи, вредные пары производящие; ибо все сие делает нечистым воздух, который и сам собою портится, если не ежедневно бывает рассвежаем. Весьма вредно обыкновение некоторых матерей и кормилиц класть ночью детей с собою на постелю; ибо, кроме опасности задушить их во сне, чему частые случаются примеры, причиняет сие младенцам сухотку и другие болезни, для того что тело матери или кормилицы привлекает в себя тончайшие части тела детского.

В рассуждении пищи младенца матернее молоко должно предпочтено быть всякому другому, если особливые какие-нибудь обстоятельства не делают исключения из сего всеобщего правила. Молоко в грудях матери есть столь явное повеление натуры кормить оным младенца, что не можно его не познать, и удобно усмотреть, что те соки, из которых произросло дитя, и впредь должны ему быть самою пристойнейшею и здоровейшею пищею, доколе соки сии сами здоровы. Если ж, напротив того, мать больна или с природы слаба или если не имеет она довольно молока, то должно стараться о пропитании младенца другим образом, а не приводить мать и дитя в опасность упрямым и неразумным последованием всеобщему правилу. Во всех сих случаях или вообще когда мать не может либо не хочет кормить сама своего младенца, надлежит сыскать для него недавно разрешившуюся от бремени кормилицу. Ибо натура у всех женщин переменяет густоту молока по возрасту младенцев; и для новорожденного младенца весьма нужно, чтоб первая пища его была молоко, которое не было бы ему отяготительно и имело бы в себе силу очищать его внутренности; а обое сие находится в молоке недавно разрешившихся от бремени женщин.

Кроме сего нужного свойства доброй кормилицы, должна она быть здорова телом и душою, то есть надлежит ей не иметь никакой болезни и не быть преданной некоторым порокам и сильным страстям. Кормилица, преданная похотливости или пьянству или склонная к злобе и гневу, опасна для младенца, ибо чрезмерность страстей портит ее молоко и препятствует ей поступать с младенцем с тою рачительностию, терпеливостию, кротостию и осторожностию, какой требует беспомощное его состояние. Хотя и должно кормилице питаться лучшими ествами и жить спокойнее, нежели прежде, однако не должна она переменять совсем обыкновенного своего рода жизни, потому что всякая скорая перемена жизни вредна. Кормилице не нужно есть много мяса, дабы много иметь молока. Также полезен матери или кормилице некоторый порядок в кормлении младенца грудью; а дитя удобно к оному приучить можно, давая ему довольно сосать и не стараясь утишать всякий крик его кормлением.

Если мать сама не может или не хочет кормить дитя и если нет доброй кормилицы, то две трети воды и одна треть молока от здоровой, хорошо кормленной и ежели возможно всегда от одной коровы суть самая лучшая для младенца пища. Но как сию пищу всегда надлежит наперед подогревать, то должно стараться, чтоб не была она слишком горяча, причем удобно ошибиться можно не думая о том, что язык и гортань младенческие гораздо чувствительнее наших. Впоследствии, когда уже сварительные силы младенца увеличатся, тогда можно переменить сию меру и давать ему две трети молока с одною третью воды; но притом всегда должно стараться, чтоб молоко сие было от здоровой, хорошо кормленной и от той же коровы. На сей конец полезно держать корову дома и рачительно велеть надсматривать над ее кормом. Сие и ту еще имеет пользу, что по обстоятельствам младенца можно сделать молоко лекарственным, кормя корову лекарственными травами, причем, однако, всегда должно советоваться с лекарем.

Когда крепость и твердость волокон в детском теле мало-помалу прибавятся и купно с тем желудок больше получит силы к сварению пищи, тогда молоко не может служить к пропитанию младенца в прежней мере. И так дитя, питавшееся довольное время матерним молоком, должно от оного быть отучаемо к употреблению крепчайшей пищи. Но при сем спрашивается: в какое время и в каком возрасте надлежит отнимать дитя от груди? Несправедливо определяется сие время по тому, когда у матери недостает молока или когда начнет она чувствовать тягость. Некоторые матери, будучи совсем неспособны к кормлению детей, по худо выразуменным правилам или из своемыслия принимают на себя сие дело; такие женщины чрез немногие месяцы либо чувствуют недостаток молока, либо претерпевают опасные болезни. Хотя сии обстоятельства и позволяют им перестать кормить детей, но непрости-

тельно бы поступили они, лишивши младенцев своих совсем молока и захотевши давать им крепчайшую пищу и тогда, когда бы уже оным более 6 месяцев от рождения было. Ибо и в сем возрасте дитя еще столько слабо, желудок его столько бессилен, а волокны столь мягки, что не может оно сносить крепчайшую пищу. Такое преждевременное отнятие от груди приготовляет бедному младенцу путь к неизбежной смерти. Напротив того, опыт также доказывает, что дети, питающиеся матерним молоком чрез долгое время, не бывают от того сильнее и здоровее отнимаемых от груди в надлежащее время; да еще великое множество молока, употребляемого укрепившимся и довольно взросшим младенцем, которое нередко портится в желудке и вредит телу, также дурное оного свойство, происходящее от долгого слишком кормления младенца, причиняют часто болезни, которым бы не подвергнулося дитя, если б не поздно было отнято от груди. И так по изобилию или по недостатку молока у матери не можно определить надлежащее время отнятия младенца от груди, и обое вредно, если отнимется дитя либо слишком рано, либо слишком поздно.

Надежнейший признак надлежащего времени отнятия детей от груди есть тот, когда дитя здорово, когда кости и тело его довольно укрепится и когда имеет уже оно много зубов. По большей части бывают младенцы в таком состоянии чрез двенадцать месяцев, и того ради сие время по справедливости можно почесть обыкновенным временем отнятия от груди. Некоторые дети и после осми месяцев в толь добром находятся состоянии, что без всякого вреда можно отучать их от груди; а некоторым, напротив того, потребно на сие пятнадцать или осмнадцать месяцев, иным же и целые два года, но только весьма немногим, и только слабым и недужным. Но все сии исключения подтверждают определенное по свойству младенца правило и в рассуждении точнейшего определения времени показывают только то, что без нужды и без явного знака от натуры никакого младенца не должно отнимать от груди прежде десяти месяцев или, без противного знака, не давать ему сосать долее пятнадцати или осмнадцати месяцев; но при последнем надлежит быть уверену, что слабость младенца происходит не от худобы молока.

Во время кормления младенца грудью еще примечать должно:

1) чтоб содержать дитя всегда в чистоте;

2) чтоб давать ему часто наслаждаться свежим воздухом, не подвергая его при том острым ветрам, великой стуже и влажной погоде;

3) чтоб не принуждать его к лежанию и сну, а носить прилежно и в спокойном положении;

4) стараться способствовать вырезу зубов не слоновою костью, волчьим зубом и тому подобными твердыми вещами, от которых пухнет и твердеет околозубное тело, но жеванием хлебной корки;

5) чтоб за несколько дней до отнятия младенца от груди допускать его реже сосать и давать ему другую пищу, дабы предуготовить его к совершенной отвычке от матернего молока, столь для него неприятной.

Самое отучение сие производится так, что либо отнимают только дитя от груди, причем должно не показывать ему более ту женщину, которая его кормила; либо делают ему противным сосание, намазывая кормилицыны груди вещами дурного запаха и вкуса, как то: полынным соком, желчью, чесноком и т. п., что возбуждает отвращение от сосания. Последний способ есть самый лучший, ибо одно отдаление кормилицы недостаточно для истребления во младенце охоты к матернему молоку и потому, что матери натурально неохотно отстают от детей либо и отстать не могут. Но весьма нужно для отучения младенца, чтоб мать оставила все безвременное сожаление и, не трогаясь плачем и криком младенца, не допускала бы его опять ко груди. Ибо в противном случае глотает дитя молоко столь скоро и в таком множестве, что может подавиться или могут произойти весьма худые приключения. Сверх сего такая безвременная нежность затрудняет только более отнятие его потом от груди.

По отнятии надобно заменять отнятую у младенца пищу другою, пристойною ему. Удобно усмотреть, что выбор пищи при том важен; ибо различность яств великое имеет действие и в теле взрослых людей. И так весьма нужно знать, какая пища отнятому от груди младенцу пристойна и какая вредна; а упомянуть здесь о сем нужно потому, что весьма многие кушанья отвергаются врачами, яко весьма вредные, но матерями и кормилицами почитаемы за пристойные или по крайней мере безвредные.

Все грубые и жирные кушанья, также все кислые и горячие вредны детям: первые потому, что для подания доброго питательного сока требуют гораздо большей силы сварения, нежели какую детский желудок имеет; а последние потому, что, действуя весьма сильно, могут повредить нежную внутренность младенца.

Сего правила одного довольно бы было для определения детской диэты, если б только всем известно было, какие кушанья принадлежат к означенным в оном. Но сие можно предположить по крайней мере только о кислых и жирных кушаньях, ибо вкус их различает, а не о грубых и горячих; ибо врачи подразумевают под сими и такие кушанья, о которых матери и кормилицы и не думают, чтоб могли они быть вредны. И так упомянем мы здесь о всех кушаньях, запрещенных лучшими врачами.

Грубые и потому детям вредные кушанья суть: все суровые мучные кушанья, как то: супы, каши, пироги (выключая делаемых из такого теста, которое рассыпается во рту, без всяких приправ или с немногими и слабыми приправами. Таковы суть: бисквит, кофейный хлеб и миндальные пироги). Еще ко грубым кушаньям

относятся: большие и жирные рыбы, яйцы, сыр и масло, а особливо когда последнее не совсем свежее; всякого рода конфекты; всякие огородные и полевые плоды, как то: горох, бобы, чечевица, пшено сарацинское, некоторые крупы, земляные яблоки, репа, пастернак и т. п.; равным образом всякие травы: капуста, также цветная капуста, спинат, салат и пр.

Горячие и потому вредные детям кушанья суть: все кушанья, приправленные пряными зельями, какого бы рода сии ни были; мясные кушанья, а особливо дичина; все мясные похлебки, а особливо весьма питательные.

Кроме всех упомянутых кушаньев, еще вредны детям все невареные овощи, конфекты, сырой сахар, а особливо крашеные сахарные товары, миндаль, орехи, изюм и другие такие лакомства.

Сия довольно долгая роспись, может быть, многим смешною покажется; однако ничего из нее выключить не можно: все означенные в ней кушанья вредны детям либо потому, что наполняют желудок детский нечистотами и портят кровь, либо потому, что разжигают кровь, иссушают соки и портят внутренность и крепкие части у детей. В сем должны читатели наши поверить нам и искусным врачам, по словам которых мы здесь пишем; а если бы надлежало нам доказывать вышеупомянутое почастно из свойства всякого кушанья, то написали бы мы пространную книгу. О некоторых ествах удобно им будет поверить, для того что непристойность оных для детей очевидна; но некоторые гораздо труднее будет почесть непригодными для детей, а именно все вещи, до лакомства касающиеся. Однако мы сказали уже, что последуем в том врачам; а для лучшего о сем уверения сообщаем теперь собственные слова одного из них. «Сии деликатные кушанья, — пишет Цукерт, — принадлежат также ко грубым и вредным, как и вышеупомянутые; и еще опаснее оных потому, что приятным своим вкусом побуждают к частому и излишнему собою наслаждению. Однако почитаются они столь обыкновенною пищею знатных детей, что за непристойность и скудость признано было бы отнятие их у детей. Сия мода столь усилилась, что врачи и некоторые благоразумные родители едва осмеливаются противоречить ей».

Причины вредности лакомств суть следующие: по большей части пирожное делается из пшеничного теста, которое либо киснет посредством дрожжей, либо совсем бывает некислое и смешивается со множеством масла, яиц и разных других вещей. Пшеничное же тесто имеет в себе более всех твердости и клейкости, которые хотя кислотою и мешанием несколько разбиваются, делаются тонее и способнее ко сварению в желудке, но большая часть твердости остается, ибо пшеничное тесто не много кислоты в себя принимает. Следовательно, пирожное несваримо для детского желудка; оно причиняет надутие ветров, дает вообще грубую и крепкую пищу и наполняет желудок множеством нечистоты.

Сии худые действия еще скорее происходят от пирогов, делаемых из пресного теста. Кроме сего масло, мешаемое в их, весьма легко производит в желудке остроту и гнилость и причиняет возгорение в шее и в желудке и судорожные припадки в чувствительной внутренности детской.

Таким же образом и еще более вредят конфекты, потому что все они вообще клейки, тверды и довольно несваримы. Краски, которыми раскрашиваются некоторые роды конфектов, суть весьма неразумное изобретение, ибо они содержат в себе вредную остроту и потому повреждают нежную внутренность младенца, хотя и в малом употребляются количестве.

Древесные плоды хотя и никому не вредны, если употребляемы бывают совершенно зрелые и с умеренностию, но как содержат они в себе много воздуха, то грубы для слабого детского желудка и причиняют ему резь. Обсахаренные плоды вредны своею твердостию и клейкостию, а сушеные и печеные совсем несваримы.

О мясных кушаньях пишет Цукерт, что как самое мясо, так и питательные мясные похлебки разжигают кровь и чрез то снедают соки и иссушают волокны; а сие препятствует телу детскому расти и подвергает его горячим болезням. Также не годится мясо для детей и потому, что детям вообще не должно есть ничего такого, чего не могут они порядочно разжевать; а к сему зубы двухлетнего, иногда ж и трехлетнего младенца не довольно еще крепки. Но если мясные похлебки не весьма питательны и зубы у младенца все уже вырезались, то можно такие похлебки принимать в число его кушаний для перемены, а иногда давать ему понемногу и уваренного нежного мяса, как то телятины и т. под.

Но чем же питаться детям, когда столь многие кушанья им употреблять не должно? В самом деле, после столь обширного исчисления запрещенных кушаний остается мало таких, которые бы могли быть употребляемы. Но мы хотели только сказать, что пища детская должна быть не испорченная приправами, а простая и натуральная, как то пристойно детскому здоровью и слабым силам сварения. При исчислении вредных для младенца кушаний не упомянули мы о хлебе и молоке.

«Хлеб и молоко, — пишет Цукерт, — суть самая простая и лучшая пища, в небольшом количестве весьма сытная и укрепляющая тело». И так, последуя лучшим врачам, полагаю я хлеб и молоко в число лучших и приятнейших кушаний для детей сего возраста. Молоко дается детям либо одно, либо смешанное с жидким овсяным отваром или с ячменною водою; также делается из него и из некоторого количества хлеба кашица или суп. Каким бы ни было образом приготовленное молоко пристойно и полезно детям каждого возраста, кроме того случая, когда бывают они больны; но не должно оно быть слишком жирно и переварено, также и не слишком водяно. В болезнях, происходящих от прокис-

шего в желудке и в кишках молока, не должно детей оным кормить, если не хочешь подкрепить и умножить причину сих болезней. Сия предосторожность весьма нужна при рези в животе, при несварении желудка и при других подобных болезнях; однакож по большей части пренебрегается. В таких случаях надлежит сделать исключение из общего правила и заменять молочные кушанья хлебным супом, жидкими мясными похлебками и овсяным отваром.

В рассуждении хлеба также должно наблюдать выбор. Для сварения черного или грубого хлеба потребен крепкий желудок, и потому оный слишком тяжел для детей сего возраста. Но если он хорошо выпечен, то можно употреблять его, а особливо корку, в супы. Один пшеничный хлеб не годится потому, что, не имея довольно кислоты, содержит в себе много сырой муки. Иногда можно безвредно давать детям калача и сухарей, однако чтоб в последних не было грубого сахару. Самый лучший хлеб есть состоящий из смешения пшеничной и ржаной муки. Но должно смотреть, чтоб не вмешивать в хлеб ячменной муки, ибо ячмень надувает желудок и производит много нечистоты.

Иногда можно давать детям уваренное коренье, как то петерсилию и сахарный корень, чтоб они их жевали, высасывали из них сок, а волокнистую часть опять выплевывали. Чрез сие не только действительно питательные части входят в кровь, но также умягчается околозубное мясо и весьма облегчается вырез коренных зубов. Когда дитя начнет хорошо жевать, то можно давать ему понемногу сушеной рыбы, выбравши наперед из нее рачительно кости.

Сими кушаньями, говорит Цукерт, может довольствоваться малое дитя; и в самом деле, кажется, что они пристойны и достаточны, а особливо когда позволяются между оными и некоторые лакомства, как то бисквит, кофейный хлеб и миндальный пирог.

Когда дитя достигнет третьего года (а если оно слабо, то по прошествии трех лет), тогда должно совсем отнять у него молоко. В сем возрасте зубы, а особливо коренные, вырезывающиеся обыкновенно позже других, получают столько крепости, сколько потребно на разжевание пищи. Однако надлежит приучать дитя и прежде к употреблению зубов и не допускать его ничего проглатывать не жевавши. Ибо чрез жевание не только пища разделяется на малейшие части, но смешивается со слюною и разжижается оною прежде, нежели дойдет в желудок. Сие жевание столь нужно, что древние говорили: «Кто не жует, тот ненавидит жизнь свою». Нежеваная пища и у взрослых людей варится нелегко, угнетает тягостию своею желудок и дает несовершенный и худо отделившийся питательный сок.

Но при сей перемене детской диэты надлежит наблюдать то, чтоб не вдруг отнимать у детей молочные кушанья, а приучать их мало-

помалу от слабейшей пищи к крепчайшей. Ибо вообще при диэтическом воспитании детей должно примечать важное то правило, чтобы никогда не предпринимать скорой с ними перемены, но понемногу доводить их до свободного употребления необходимых для жизни вещей, смотря по тому, как натура постепенно делает тело их крепче и совершеннее. Сие правило столь всеобще, что беспрестанно надлежит помнить его при пище и питии, при тепле и стуже, при бдении и сне, при движении и спокойствии.

В рассуждении сохранения пищи примечать должно, чтоб не держать определенную для детей пищу в оловянных или медных сосудах, ибо как вовлеченные ею в себя метальные части и взрослым людям причиняют вред, то гораздо скорее и сильнее действуют они в слабых детских нервах.

На третьем и на четвертом году возраста младенца можно умножить несколько число его кушаний. Поутру можно давать ему чай с молоком и с сухарем или сухим хлебом; в обеде суп с сарацинским пшеном, перловою крупою и т. п., уваренными в воде или в жидкой мясной похлебке, также немного весьма мелко изрезанного вареного или жареного мяса, с парою вареных яблоков либо груш или с некоторыми удобно сваримыми кореньями; а в вечеру для насыщения дитяти довольно одного супа с булкою. Но чем старее дитя становится, тем большую можно позволять ему свободу в выборе кушанья. Тело его и желудок от времени до времени становится крепче, а последний всегда более получает способности ко сварению твердейшей и густейшей пищи. И так, когда достигнет оно пятого года, то можно позволить ему употреблять в обеде и в ужине более мяса, а в обеде давать иногда отведывать и грубую пищу, которая при умеренном употреблении может уже хорошо в нем свариться, а особливо когда имеет дитя хорошее движение. По прошествии шести лет можно дозволять детям всякое кушанье (кроме приготовляемого с крепкими приправами, которые вредны и во всяком возрасте) и с осторожностию и умеренностию приучать ко всему. Кто с малолетства воспитан самою простою и натуральною пищею, тот будет не только здоров, но крепок и силен, и кто постепенно ко грубейшей привыкал пище, тот безвредно употреблять может самые простые и суровые ествы. И так с сего времени чрез все последующие годы, даже дотоле, как дети совсем отстанут от родительского попечения, в рассуждении пищи надлежит только то наблюдать, чтоб вкоренять в них умеренность вообще и особенно при грубейших кушаньях, а не приучать их к презрению простых натуральных еств и к приятности прикрашенного яда французского поваренного и кондиторского искусства.

Вот диэта детская в рассуждении пищи, о которой не могли мы написать короче потому, что при многих кушаньях мало еще известна у нас истинная детская диэта в рассуждении оных.

О питье для детей нужно сказать гораздо менее, ибо, по счастию, напитков не столь много и действия их в человеческом теле известнее. Но и в том делают злоупотребление слабые родители, сообщающие охотно детям своим все то, чем сами наслаждаются. И так должны мы сказать нечто и о сем.

Вино должно исключено быть из детской диэты. Дети имеют много мокрот, скользкие волокны и чувствительный состав нерв. Сие состояние существенно и нужно их возрасту; но вино переменяет его и потому весьма бывает опасно в детские лета, летучим и острым спиртом своим снедает оно соки, потребные к образованию крепких частей в детстве, иссушает тело и чрез то препятствует натурально росту. Молодым детям может оно причинять смертельные бессонницы и параличи, растягивая насильственно мягкий детский мозг и препятствуя чрез то отделению жизненных духов и вступлению их во все части тела. Сверх того примечено, что дети, употребляющие в обеде хотя весьма понемногу вина, подвержены припадкам, которые перестают, как скоро они вина лишаются. И так надлежит совсем исключить его из диэты детской, пока дети растут; а как они вырастут, то можно, однако не нужно, давать им по нескольку сего напитка.

Водку не употребляют дети тех состояний, для которых мы пишем. Одна только чернь и некоторые глупые или бессовестные кормилицы дают детям выпивать ее по нескольку либо обмакивать в неё хлеб, дабы дети крепче спали; но для того принадлежат они к черни.

Кофе есть весьма обыкновенное питье, даемое и детям. Если варится для детей особенно слабое кофе, то вред от оного состоит только в том, что он слабит без нужды желудок, как то делает всякий теплый и водяной напиток. Но обыкновенное крепкое кофе, употребляемое взрослыми людьми, гораздо опаснейшие для детей имеет действия. Оно разжигает кровь, производит в ней остроту, снедает соки, иссушает волокны и препятствует росту и образованию тела. То же производит *шоколат* чрез пряные зелья и какаосовое масло, отягощающие желудок.

Пиво также не годится для детей, по крайней мере для молодых и не имеющих довольно движения. Если оно крепко, то делает детей пьяными, сгущает их кровь и множество других худых имеет действий. Если ж оно слабо, то находящиеся в нем дрожжи надувают желудок и наполняют его мокротою; оно причиняет беспокойный сон и, гоня мочу, производит запор оной либо столь сильно действует в почках и в пузыре, что дети ночью загаживают постелю.

Самое лучшее питье для детей и для всех людей вообще есть вода. Она и молоко единственными служили средствами утоления жажды первым человекам, когда неизвестно еще было пиво, вино или другие искусством приготовленные напитки. Вода есть еди-

ный и самый простой способ, приуготовляемый натурою к утолению нашея жажды и протекающий повсеместно; и она гораздо способнее к тому всякого другого пития. Она довольно разжижает кровь, напояет волокны, прохлаждает и укрепляет тело, прилична ко всякой пище, способствует распущению и сварению оной и производит все сии полезные действия не разжигая кровь и не раздражая нервы. Вредит она тогда только, когда употребляется в излишестве, либо неблаговременно, либо весьма холодная. Взрослым людям, которых желудок привык с детства более к пиву и другим крепким напиткам, несколько трудно бывает сначала привыкать к употреблению воды; но употреблявший ее с малолетства предпочитает к великой своей пользе всякому иному питию и находит сей напиток всзде удобно; а пьющий пиво, напротив того, часто должен бывает либо терпеть жажду, либо довольствоваться противным и нездоровым пивом.

Наконец, не должны дети вообще пить много, а особливо пива: как имеют они слабые волокны и много мокроты, то не нужно им великое напояние волокон и разжижение крови; а многое питье ослабляет только более волокны и желудок их.

Прежде говорили мы о диэте детской в рассуждении пищи и питья. Все предписания наши об оной вместе взятые клонятся к тому, чтоб приучать детей к самой простой и натуральной пище и питью. И так на сем всеобщем и первом правиле должна основываться вся диэта детей и молодых людей. Родители тогда только исполнят совершенно свою должность, когда последуют сему правилу во всем его пространстве; а дети получат ту выгоду, что тело их будет здорово и крепко, что научатся они рано любить и сохранять умеренность и воздержность, а чрез то сохранят себя от опасных, телу и духу вредоносных, пороков.

Есть еще некоторые пункты, принадлежащие также к физическому или телесному воспитанию, хотя и не касаются они до пищи детей. Сии суть обстоятельства, касающиеся до одежды и до движения и покоя их, и некоторые другие, имеющие влияние в образование телесных сил. При сих обстоятельствах против многого погрешить можно.

В рассуждении одежды и при возрасте младенца, грудью еще питающегося, упомянуто, что весьма вредно завивать детей в узкие пеленки. Сие, яко всеобщее правило, надлежит наблюдать во все последующие годы, чтоб детское платье не было узко, дабы не препятствовало оно свободному движению и образованию которой-нибудь части тела. Особенно преступаемо бывает важное сие правило тогда, когда дети носят узкие башмаки, исподнее платье, камзолы и кафтаны, галстуки и шнурованья.

Узкие башмаки не только препятствуют надлежащему образованию ног и пальцев вообще, но причиняют еще столь обыкновенные мозоли и врезание ногтей в тело, которое, само по себе

будучи не малость, навлекает весьма опасные хирургические операции. Женщины, дабы прибавить себе роста (что, однако, человеку невозможно), носят башмаки с превысокими каблуками; от сего нога изгибается столь ненатурально, что не может ступать тою частию, которою ступать должно, и, потерпя несколько времени сие насилие, не может уже более разгибаться. По сложению человека надлежит ему ступать всею плоскостью ноги и пятою; но высокие каблуки так искривляют ногу, что пята и плоскость поднимаются вверх, а вся тягость тела упадает на одни пальцы. Потому женщины в высоких башмаках не могут ходить вообще скоро, или сходить с горы, либо свободно прыгать, но и по ровному пути ходят колеблющимися шагами и согнувши колена, дабы не упасть. И так пока женщина не совсем еще выросла, дотоле опасны для нее такие башмаки, препятствующие образованию ноги, и по крайней мере дотоле должна она носить башмаки с низкими каблуками, которые не переменяли бы натуральное сложение мускулов и костей в ноге и не затрудняли бы нужные движения.

Узкое исподнее платье у мужчин вредит особливо коленным суставам и мускулам, от которых зависит вся сила человеческая в хождении, верховой езде и прыгании и большая часть здоровья в старости. И так надлежит стараться, чтоб сие платье не делано было тесно.

Узкие камзолы и кафтаны еще опаснее. Ибо как они более частей тела покрывают, то и вредят более, если сделаны бывают так, что сжимают сии части и чрез то препятствуют их росту и образованию. Когда узок камзол, то претерпевает вред от того грудь, желудок и вся внутренность. Грудь, которой должно подниматься, дабы дать место растущему легкому, прижимается и остается плоскою, а легкое бывает от того мало и тесно. Желудок и кишки ограничиваются в своем движении, и, следовательно, образованию их наносится препятствие; а от сего происходят запоры и расстройки во внутренности, которые, купно с недостатками легкого, причиняют бесчисленные болезни и обыкновенно кончатся сухоткою и обмороками. Узкие кафтаны вредят образованию плеч и локтей, стесняя их; а если они у груди застегиваются пуговицами или крючками, то сжимают и грудь, так, как узкие камзолы; также весьма удобно причиняют они безобразные горбы, когда плеча вверх поднимаются.

Сии вредные действия узкого платья тем опаснее, что дети в известные годы беспрестанно растут, а платье весьма только немного разнашиваться может, да и самое сие разнашивание причиняет уже насилие телу. Сему не иначе пособить можно, как давая детям новое платье, как скоро примечено будет, что старое становится им узко, и потому не снабжать их вдруг многим платьем, а переменять только оное чаще и делать снова столь

пространное и покойное, чтоб не причиняло насилия ни одной части тела и годилось бы по крайней мере на несколько месяцев.

Галстуки и воротники рубашечные могут быть опасны, ограничивая свободное движение шеи. Они препятствуют тогда обращению крови, разделявшейся повсюда от головных пульсовых жил, и причиняют чрез то глазные и шейные болезни, помрачения и обмороки, а молодым многокровным людям нередко и параличи. Часто причиною тому бывает неразумие слуг, а часто и легкомыслие самих детей; и так родители весьма рачительно должны оберегать их от такой злой привычки, могущей нанести им вред.

Наконец, принадлежат к узкой и потому опасной одежде шнурованья. Что оные не безотменно нужны, то доказывают дети простолюдимов, имеющие и без шнурованья прямой и хороший рост. Винслов приметил, что из ста женщин, возросших в шнурованье, едва ли десять имеют равные плеча. Правое плечо бывает у них всегда больше и выше левого. Сие происходит от того, что правая рука, имея всегда более движения, высвобождается из шнурованья и поднимает плечо свое вверх, которое растет потому удобнее и становится выше и больше левого; а сие напротив того, оставаясь всегда прижато, расти не может. Но сей вред, от шнурования происходящий, маловажен, ибо неравенство плеч можно скрыть; и как сие небольшое безобразие не имеет влияния в здоровье, то не может почтено быть дорогою платою за хороший стан, а особливо для женщины. Однако шнурованье не сие только одно производит: оно наносит другой, гораздо важнейший вред, касающийся до самого здоровья, как то можно усмотреть из следующего Цукертова описания женского тела. «Зашнурованное женское тело, — говорит он, — состоит из острой груди, плоской спины, вжатого брюха, вытесненных плеч и то из прижатых, то из выдавленных вперед и назад ребр». И так все, что сказано о вредности узких мужских камзолов, еще в высшем степене разумеется о женских шнурованьях; ибо сии гораздо крепче сжимают грудь и брюхо и потому гораздо сильнее препятствуют образованию оных, нежели камзолы, которые, будучи не столь упруги, оставляют еще некоторую свободу сим частям тела.

Прежде говорили мы о вредности узкого платья. Теперь предложим о том, что слишком тяжелое и теплое платье вредит детям.

Многие родители не только приучают детей своих к теплоте покоев, но еще одевают их в шубы и другие толстые теплые платья, а когда надлежит им выйти на воздух, то обертывают их во многие одежды, так, как будто они суть такой товар, который при пересылке рачительно должно сберегать от худой погоды. Где ни бывают дети, везде окружены они теплым, нечистым и отчасти гнилым паром. Ибо шубы и другие толстые одежды для того только греют, что собирают в себя и удерживают выходящие из тела пары. Натура нарочно изгоняет сии пары, дабы освободить соки наши

от бесполезных и нечистых частиц; но в шубах сии частицы собираются и входят мало-помалу опять в тело. Для того дети, весьма тепло одеваемые, бывают слабы и склонны к разным болезням, происходящим от худобы и нечистоты соков. От самомалейшей стужи получают они весьма опасные припадки, потому что простуда тем удобнее может последовать и тем чувствительнее бывает, чем теплее тело. — Но не только то вредно, когда одевается весьма тепло все тело: вредно и то, когда особенные части оного в отменной содержатся теплоте; ибо тогда закрытые меньше части подвергаются опасности простуды, не столь удобно последовать могущей, когда все тело равно покрыто бывает. При сем некоторые ту еще делают погрешность, что одевают теплее прочих такие части тела, которым менее всех сие потребно, а закрывают хуже те, которым рачительное покрытие нужнее всех.

Обыкновенно думают, что преимущественно надлежит содержать в теплоте голову, а ноги оставлять с легким прикрытием. Ничего нет несправедливее, как сие мнение, весьма обыкновенное людям среднего и низкого состояния. Опыт научает нас, что ни одна часть нашего тела не может сносить удобнее стужу, нежели голова, которой состав всякому делает сие понятным. Толстые кости, волосы и беспрестанное стремление крови к голове защищают ее от суровости холода. Привыкшие с детства ходить с открытою головою не чувствуют никогда головных болезней и совсем не знают о шуме в ушах, насморке и других таких припадках. И так Лок справедливо заставляет детей днем и ночью ходить и спать без шапок, как скоро голова их покроется довольно волосами. Находятся люди, выходящие в самый жестокий мороз на улицу с открытою головою без всякого вреда, для того что они еще в детстве к сему привыкли. В мокрую только и ветреную погоду, при весьма великой стуже и при жестоком солнечном жаре нужно покрывать голову: потому, что мокроты не может сносить никакая часть нашего тела; суровый ветр и великий холод причиняют простуды тем, которые не совсем против оной ожесточали; а жаркий солнечный зной производит часто смертельные припадки тому, кто долго оному подвержен бывает. Особенно надлежит наблюдать сие над детьми, имеющими болезнь в ушах, слезливость глаз или пролом на голове. Сим должно вообще рачительно покрывать голову, когда выходят они на воздух. Но здоровых детей, кроме вышеупомянутых обстоятельств, всегда надобно заставлять ходить либо совсем с обнаженною головою, либо с прикрытою умеренно, как в тепле, так и на стуже; а особливо должно откинуть шапки, подложенные мехом, которые ослабляют мозг и делают дитя тупоумным.

Напротив того, гораздо рачительнее надлежит покрывать ноги. Они более всех прочих членов отдалены от сердца, и кровь не может столь сильно пробегать чрез их сосуды, как чрез другие части

тела. Посему ноги менее имеют теплоты, и впечатления внешнего воздуха бывают в них сильнее, а особливо когда тело находится без движения. И так достаточное прикрытие ног весьма способствует детскому здоровью, споспешествуя свободному обращению крови чрез сии члены и освобождая тем голову и грудь от великого прилива крови и соков. Но для того не нужны ни весьма толстые чулки, ни сапоги, разве когда должно детям в холодную погоду и в грязь ходить по улице. Тогда надлежит стараться, чтоб хорошие подошвы и крепкое шитье сапогов сберегало ноги их от вредной мокроты. Но кроме сего случая весьма толстые чулки и сапоги вредны детям, потому что кто в молодости привыкнет содержать ноги в тепле, тот в дальних летах не может их согреть ничем, кроме теплых сапогов, а чрез сие склонен бывает к простудам. Сапоги отягчают детей и приучают к дурной походке.

Наконец, весьма нужно закрывать рачительно шею и грудь у обоего пола детей, по крайней мере дотоле, пока не достигнут еще они шестого года. Ибо если заставляют их еще в самом нежном детстве ходить с непокрытою шеею и грудью, то подвержены они бывают многим и опасным болезням. Для закрытия сих частей весьма пристойны мягкие и широкие галстуки для мальчиков, а платки для девушек.

Теперь приступаем мы к другой части физического или телесного воспитания, касающейся до движения и спокойствия детей. Оба сии слова принимаются здесь в пространнейшем значении и столь много в себе заключают, что под сим заглавием можем мы предложить все прочие правила физического воспитания.

Первое, всеобщее и всякому человеку необходимое движение есть *ходить*. По большей части дети получают силу к хождению по прошествии первого года, по крайней мере если они рождены здоровы и не испорчены худым присмотром. Однако весьма остерегаться должно, чтоб не заставлять их ходить прежде, нежели сами они окажут к тому силы и охоту. Пока кости их весьма еще мягки, а ноги слишком еще слабы для ношения тела, дотоле весьма опасно принуждать детей ходить. Сие не только вредит их росту, но производит кривизну и безобразие ног. Бессилие для ходьбы продолжается у некоторых детей даже до третиего года, а у других и более. Но чем долее не могут дети ходить, тем основательнее подозревать можно, что они подвержены тайной болезни; ибо в таком случае редко поднимаются они на ноги прежде третиего года, а некоторые даже прежде шестого и седьмого. Тогда надлежит заблаговременно советоваться с врачом и остерегаться рачительно от того, чтоб не учить детей ходить принужденно.

Когда дети начнут ходить, то должно водить их на помочах. Сперва надлежит допускать их якобы качаться и ступать крепче ногами мало-помалу. Наконец можно давать им ходить одним, причем, однако, надобно беспрестанно надзирать над ними

и покрывать голову их шляпою, предохраняющею от упадения. Сия шляпа над лбом должна быть набита чем-нибудь столь толсто, чтоб дитя, упадши, не могло повредить себе нос, а в прочем надлежит ей быть столь пространной, чтоб не угнетала она голову. Самый лучший способ к раннему навыку и облегчению хождения для детей есть тот, чтоб допускать их беспрепятственно двигать ногами, когда они сидят или лежат. Посему никогда не должно запрещать детям ложиться на землю, раскидывать руки и ноги свои во все стороны и вертеться всем телом. Без сомнения приметить можно, что они великое от того чувствуют удовольствие и что сама натура побуждает их к таким упражнениям для споспешествования гибкости, движимости и протяжению членов. Помочи должны к тому только служить, чтоб удерживать дитя от упадения, а в прочем должно совершенную оставлять ему в них свободу.

Как годы бессилия детского протекут и дитя может ходить твердо и порядочно, то надлежит стараться, чтоб не злоупотребляло оно сию свою приобретенную силу на безмерное бегание. Ибо сколь полезно и нужно детям многое хождение и умеренное бегание, столь, напротив того, вредно им последнее, когда оно часто и неумеренно употребляется, так, как и всякое слишком сильное движение вообще, потому что отчасти делает оно насилие нежному легкому, а отчасти, возбуждая пот, ослабляет тело, снедает соки и делает волокны преждевременно твердыми и окреплыми, а чрез то препятствует росту. Посему также не все детские игры пристойны для всякого возраста и для всякого дитяти. До пятого года надлежит им позволять только маршировать, бить в барабан (которое движение весьма полезно для рук) и тому подобное; а запрещать все сильные движения.

Из таких движений, при которых тело потрясаемо бывает без собственного содействия, пристойны детям помянутого возраста тихая езда в карете, езда на деревянной лошади и качание на висящей веревке. Не должно только допускать детей одних к сим забавам, для того что их безопытность может подвергнуть их при том великому вреду; но при всех таких движениях и играх надобно всегда быть с ними смысленному человеку, который мог бы удержать дитя в случае упадения.

От пятого до двенадцатого года надлежит допускать детей играть мячом и другими подобными сей играми, которые делают руки и ноги весьма гибкими, дают хорошее образование телу, приучают зрение к скорому и справедливому чувствованию и, наконец, доставляют всему телу полезное движение, если не употребляемы бывают чрез меру, то есть ежели не продолжаются даже до усталости и ослабения. Борьба есть также изрядное упражнение, придающее особенно великую силу рукам и ногам. Однако должна она позволяема быть детям только в присутствии родителей либо учителей, для того что в противном случае дети

весьма удобно могут вывихнуть члены друг другу или от шутки поссориться в самом деле, когда один другого уронит или ушибет.

Все сии и подобные игры и телесные упражнения должны производимы быть на вольном воздухе, для того что сие не только возвышает и умножает пользу их для тела, но развеселяет дух и чрез то кладет основание тихих страстей.

К сим летам принадлежит танцованье; по крайней мере начинают учить оному детей между пятым и двенадцатым годом. Если кто хочет сделать детей своих преимущественно искусными танцовщиками, тому нужно начинать учение сие столь рано; а если кто при воспитании печется только о здоровье, для того, может быть, лучше было бы, при злоупотреблении сего искусства, как скоро дитя не много оное разумеет, подождать дотоле, пока все детские члены, а особливо легкое сделаются крепче и сильнее. Но как бы то ни было, однако танцование принадлежит к воспитанию, и так должны мы здесь сказать о нем свое мнение.

Танцование есть бесспорно одно из прекраснейших, благороднейших и самых лучших телесных упражнений для обоего пола. Оно соединено с движением почти всех частей тела. Самомалейшие мускулы в ногах двигаются; руки, плеча и все тело упражняется в разных движениях и оборотах; дети приучаются ко благопристойным и пригожим положениям тела; музыка, соединенная с танцованьем, возвышает удовольствие, чувствуемое душою от приятности телу. Короче сказать, дух и тело очищаются, укрепляются и увеселяются сим упражнением.

Но все сии выгоды происходят только от тихого танцования, как то от менуэта, польского танца и от некоторых русских танцев. Напротив того, сильного движения требующие танцы, как то английские и немецкие, не только не производят сих выгод, но и вредят еще здоровью. Они, утомляя и истощая тело, причиняют горячки, кровохаркания и болезнь в легком.

О НРАВСТВЕННОМ ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Как любовь родителей к детям столь натуральное и столь сильное есть побуждение, как родители толь часто и толь охотно жертвуют собственным благополучием благополучию детей и некоторым образом живут более для них, нежели для самих себя, то есть причина удивляться тому, что они не более пекутся о воспитании их или в рассуждении оного столь многие и важные делают погрешности. Основание сего состоит *не столько в недостатке любви и нежности*, как паче *в ложных и несовершенных понятиях о воспитании*. А именно, должность сия часто ограничивается только тем, что пекутся о жизни и здравии детей; что научают

их некоторым только механическим работам и искусствам; что отягощают память их множеством слов, которых они не разумеют; что наставляют их в правилах внешней благопристойности и учтивости; что остерегают их от грубых преступлений, влекущих за собою публичное поношение и казнь; что вооружают их против натуральной простоты и чистосердечия и приобучают к удержанию себя, притворству и ласкательству; что вперяют в них некоторые, по большей части ложные, представления о упражнениях, удовольствиях и выгодах общественной жизни и стараются, наконец, каким-нибудь образом сделать их способными пещись впредь о содержании себя или управлять полученным в наследство имуществом и утверждать свое состояние. В сих намерениях большая часть родителей не щадят ни труда, ни иждивения для споспешествования тому, что они называют благом своих детей, и чрез сие в самом деле много споспешествуют их благосостоянию. И так нет ли причины надеяться, что они то же самое делали бы гораздо полезнейшим образом, если б сами имели справедливейшие представления о принадлежащем к воспитанию? Сие побудило нас показать, что подлинно требуется к воспитанию детей и как при том поступать должно. А именно, воспитание состоит наипаче в том, чтоб стараться образовать *разум* и *сердце* дитяти и чрез то самолучшим образом приводить его к *добродетели*, *религии* и *христианству*.

I
О ОБРАЗОВАНИИ РАЗУМА

Образовать разум, или дух, детей называется *вперять в них справедливые представления о вещах* и приучать их к такому образу мыслей и рассуждения, который соразмерен истине и посредством которого могли бы они быть мудрыми. Человек помощию разума своего может представлять себе не только то, что в нем самом происходит, но что и вне его; он может рассуждать о свойстве сих вещей, соединять их и отделять одну от другой и, сравнивая одну из них с другою, собирать новые представления, могущие до бесконечности быть умножаемы. Но натуральное расположение его не таково, чтоб он те вещи, которые познавать может, необходимо так себе представлять долженствовал, как они действительно суть, или чтоб не мог он заблуждаться в своем о них рассуждении, в сравнении их, в согласии или противоречии, им в них находимом. Он может все окружающее его представлять себе с нескольких сторон либо с одной только стороны; он может почитать то большим или меньшим, лучшим или худшим, полезнейшим или вреднейшим, нежели каково оно в самом деле. Он может связывать вещи, никоим образом не совокупимые, а другие, нераз-

рушимым связанные союзом, самовольно одну от другой отделять. Он может почитать одну вещь действием или причиною другой, когда, напротив того, они совсем никакого не имеют сообщения; и чем менее он упражнял силы разума, чем небрежнее и беспечнее употреблял их, тем чаще должен делать такие погрешности в размышлении, рассуждении и заключении. Сколь важно то, чтоб он в то время, когда начинает оказывать и употреблять сии силы, в употреблении их так был управляем, чтоб научился делать оное справедливейшим и самолучшим образом! А в сем и состоит образование разума детей. На пути, по которому достигают они до познания истины, нужен им благоразумный и опытный вождь, который бы не только остерегал их от всех распутий и в случае совращения возвращал, но и научал бы их избегать всех окольных дорог и лабиринтов и стремиться прямо к своей цели. Разум их должен быть не только упражняем и обогащаем разными познаниями, но и так упражняем, чтоб они мало-помалу приобретали способность исследовать и разбирать то, что они знать желают, удобно отличать истинное от ложного и при сих исследованиях и рассуждениях следовать всегда надежнейшим правилам и по кратчайшему итти пути. Но сие делается не столько посредством научения их сим правилам размышления и впечатления оных в память их, как наипаче *посредством того, когда при всех случаях учат их примечать, справедливо или несправедливо они мыслили и рассуждали и для чего то делали; также когда обще с ними и соразмерно их возрасту думают, рассуждают, исследуют, сомневаются или решат.* Сие делается посредством того, когда их мало-помалу делают внимательными к шествию собственного их духа и таким образом объявляют им основательные положения и правила, по коим он действует, и по собственному их опыту научают знать препятствия, задерживающие его в его действиях, и выгоды, облегчающие ему оные.

Сие всеобщее предписание понятнее будет чрез то, что устремит внимание читателей на особенные части вещи. Дело, о котором я говорю, весьма трудно; самолучших предписаний не довольно на предупреждение всех затруднений, при оном происходящих; а упражнение и в сем случае есть наилучший учитель. Между тем, по мнению моему, можно облегчить сие дело и трудиться с благополучнейшим успехом в образовании разума детей и воспитанников, когда родители, гофмейстеры и наставники будут наблюдать следующие правила.

Первое правило есть сие: *Не погашайте любопытство детей ваших или питомцев.* Само по себе не есть оно погрешность. Паче есть оно сильное побуждение и изрядный способ сделаться разумным и мудрым. Когда дети о чем-нибудь спрашивают или не довольствуются первым ответом, то обыкновенно по невежеству, либо гордости, либо лености, или угрюмости приказывают им молчать

и попрекают их непристойным и достойным наказания любопытством.[1] Бесспорно должны они учиться скромности, а особливо тогда, когда находятся в сообществе чужих людей, пришедших не для них, но для их родителей. Но родители, надзиратели и наставники пропускали бы самолучший случай к научению их, требуя от них всегда того, чтоб были они только немыми слушателями. Нет, они должны, а если любят своих детей или воспитанников, то и удовольствие их будет состоять в том, чтоб отвечать на их вопросы не одними только угрюмыми словцами: *да* или *нет*, но таким образом, чтоб они действительно научились тому, что узнать желают, и чтоб то купно принесло им удовольствие. С радостию должно схватывать сей случай к упражнению размышления дитяти или юноши и посредством продолжения вопросов делать их самих изобретателями неизвестного еще им. Хотя б вопросы их были и таковы, что родители или надзиратели не могли бы отвечать на оные;[2] однако сии должны не негодовать на то, но либо признаваться в своем неведении, либо извиняться вообще несовершенством человеческого познания, либо стараться вразумить спрашивающему, что ответ ка его вопрос предполагает такие познания, которых он еще не имеет и иметь не может, но которыми некогда награжден будет за свое прилежание, если продолжит оное.

Второе правило есть сие: *Упражняйте детей ваших или воспитанников в употреблении чувств; научайте их чувствовать справедливо*. Впечатления, делаемые в нас внешними вещами посредством наших чувств, и представления, происходящие от того в душе нашей, суть якобы материалы, которые дух наш обработывает и на которых основываются наконец все познания и науки человеческие. Чем многоразличнее, справедливее и полнее сии представления, тем более может дух упражняться в размышлении и тем удобнее и безопаснее может он подниматься к высочайшим и всеобщим познаниям. Но как мы чувственные вещи гораздо лучше научаемся знать по впечатлениям, делаемым в нас их присутствием, нежели по описаниям, какие делают нам о них словами, то не заставляйте детей ваших из книг или по изустному наставлению учиться тому, что они сами могут видеть, слышать и чувствовать; но показывайте им то действительно, как скоро и как часто будете находить к сему случай. Так, давайте им видеть и примечать красоты натуры, чудеса царства растений и животных, многоразличные воздушные явления, великолепие усеянного звездами неба и помогайте им мало-помалу различать и приводить в порядок множество темных представлений, теснящихся со всех сторон в их души. Но давайте им видеть все сие собственными

[1] Обыкновенно говорят тогда: «Детям не надобно все знать». Сие справедливо только отчасти.

[2] Напр.: «Откуда мы происходим?»

глазами и чувствовать свойственным им образом и не ослабляйте получаемых ими от того впечатлений *неблаговременными* и *издалека занятыми* изъяснениями.

Водите их в домы и житницы крестьянина, в работные домы художников и рукодельцев; показывайте им там, как обработываются многоразличные богатства земли, как приготовляются они к употреблению для пользы и удовольствия человеков; научайте их знать главнейшие орудия, к тому употребляемые, и почитать надлежащим образом людей, тем занимающихся. Сие откроет разуму их и рассудку, так, как силе воображения и вымышления, многие обильные источники полезных и приятных размышлений. *Притом упражняйте их всегда во внимательности.* Внимательность есть мать всякого основательного познания. Приучайте их не переходить слишком скоро от одной вещи к другой, всякую вещь рассматривать со многих, и если возможно, со всех сторон, смотреть не только на целое, но и на особенные части его. Хотя не должно вам в первые годы воспитания утомлять внимание их, принуждая их останавливаться слишком долго при одной вещи, но желательно, чтоб вы мало-помалу чувственно уверяли их о великой пользе глубокого внимания. Случай к сему могут подавать и самомалейшие вещи. Например: они удивляются изрядным краскам цветка или приятному его запаху и довольствуются тем. Научайте их тогда, сколь много других красот, сколь много признаков искусства и мудрости видит навыкшее око знатока в составе цветка сего, в образе его листков, в свойстве его семянницы и пр. И так показывайте им часто, коль многое еще могли бы они приметить при той или другой вещи, если б на долее при ней остановились. Сей способ упражнять и укреплять их внимательность, без сомнения, более над ними подействует, нежели самоважнейшие увещания о должности и строжайшие наказания за упущение оной.

Третие: *Остерегайтесь подавать детям ложные или не довольно точно определенные понятия о какой-нибудь вещи, сколько бы ни была она маловажна. Гораздо лучше не знать им совсем многих вещей, нежели несправедливо оные себе представлять;* гораздо лучше вам совсем отрекаться ответствовать им на некоторые их вопросы, нежели давать двусмысленный и недостаточный ответ. В первом случае по крайней мере знают они то, что та вещь им неизвестна, и могут со временем помочь сему недостатку. В другом же случае, напротив того, думают они, что довольно уже уведомлены об оной вещи, и по сему самому остаются в неведении. К сему присовокупляется и то, что первые понятия, о натуральных или нравственных предметах нами получаемые, суть якобы основание всех прочих. Если они неопределенны и ложны, то распространится от того вредное влияние и на сии. Но коль обыкновенны чинимые в сем рассуждении погрешности! Думают,

что всякий ответ на вопрос дитяти или молодого человека довольно хорош быть может. Часто не усомневаются вперять в них явные заблуждения, дабы только они замолчали. Утешаются тем, что впоследствии сами они узнают лучше сию вещь. Но надежда сия весьма обманчива. Первые впечатления продолжаются долее всех, соразмерны ли они истине или ведут к заблуждению. Хотя человек в постоянных летах и научается усматривать свои заблуждения, однако должен всегда весьма остерегаться, чтоб не вмешивались они неприметно в его представления и мнения и не обманывали бы его. Например, доставляют дитяти ложное понятие, что гром и молния суть действия и знаки божиего на человека негодования [1] и что они определены для устрашения и наказания обитателей земли! Сколь глубоко вкоренится сие мнение в детской душе! Сколь трудно будет такому человеку и в зрелом возрасте почитать действием премудрости и благости божией то, что он столь долго признавал за очевидное доказательство гнева его! А хотя юноша или муж и переменит первое заблуждение на сию истину, однако сколь часто впечатления, оставшиеся в нем от первых его представлений, будут против воли его совращать его к ложным заключениям или исполнять страхом и ужасом!

Не сия ли погрешность в воспитании, о которой я говорю, есть причина того, что столь трудно истребить некоторые роды суеверия и что оные часто преследуют чрез всю жизнь и тех людей, которые действительно усматривают глупость оных? [2]

Четвертое правило, тесную с предыдущим связь имеющее, есть сие: *Не учите детей ничему такому, чего они по возрасту своему или по недостатку других предполагаемых при том познаний разуметь не могут.* Не размеряйте детские способности по своим. Не делайте опытов научать их таким вещам, которые сами вы едва понимать можете или о которых вы в поздные лета приобрели некоторые понятия посредством особенного напряжения своего духа. Например: тщетно стали бы вы стараться философскими доводами уверить их о начале мира, о необходимости первой и вечной оного причины, о духовной натуре души нашей и т. п. Такими стараниями сделали бы вы только наставление ваше для них скучным, и напрасно бы потеряли они свое время и свои силы. Самая память их не долго могла бы сохранять в себе слабые впечатления, полученные ею о таких непонятных вещах. То только, чему научаемся мы с уверением и при чем разум наш или сердце занимается, делает в нас такие впечатления, которых время загладить не может. И так не отягощайте память их знаками и словами, не доводя их купно до познания вещей, оными означаемых. Также

---

[1] Обыкновенно говорят тогда: «Бог гневается».

[2] Как, напр., представление, что бог есть более самовластный господь, нежели премудрый и преблагой отец.

не допускайте их употреблять такие слова, при которых они ни о чем не мыслят или мыслят совсем о другом, а не о том, что оными выражаемо быть должно. Когда услышите вы, что употребляют они такие слова и выражения, истинное значение которых чаятельно им еще не известно, то спрашивайте их, что они под тем разумеют; заставляйте их показывать вам те вещи, которые они означить тем хотят; или когда сие невозможно, то спрашивайте их о свойствах или действиях того; приводите их при сем на правый путь, представляйте им сколько возможно чаще сии свойства и действия; или если предмет таков, что не можете вы им показать либо как-нибудь иначе вразумить оные, то по крайней мере остерегайте их от злоупотребления сих слов и учите их почитать оные за пустой только звук, которого значение должны они научиться знать со временем. Столько ли было бы злоупотребляемо большею частию человеков дарование языка, слышимы ли бы были они столь часто говорящие надежным и скорым тоном о таких вещах, которых они либо совсем не разумеют, либо сбивчивые только имеют о них понятия, если б они в детстве и юношестве приучены были к тому, чтоб при всяком слове мыслить что-либо определенное и прилагать внимание не ко знакам только, но паче к означаемым вещам? Но сколь редко наблюдается сие правило! Что обыкновеннее, как то, что слушают не твердо еще говорящих детей, употребляющих множество слов, которых понимать им невозможно, лепечущих, например, о воздухе, о душе, о существе, о духах, о боге, о вере, о добродетели, не показывая им их неведения или не стараясь извлечь их несколько из оного? [1] Какое ж следствие сего? Они продолжают употреблять сии слова иногда пристойно, иногда непристойно, по случаю и удаче; думают, что разумеют их, и не мыслят еще и в мужественном возрасте при оных ничего или мыслят что-нибудь совсем ложное. Слова суть знаки богатств нашего духа; но сии богатства только воображаемы, и знаки сии подобны ложным монетам, когда не знаем мы их значения.

С сим предписанием соединяется пятое, не менее важное: *Старайтесь не только умножить и распространить их познание, но и сделать его основательным и верным.* Гораздо лучше им знать точно немногие вещи, нежели мелкое иметь познание о многих. [2] В сем рассуждении остерегайтесь от гордости, обыкновенно свойственной родителям и надзирателям. Часто думают они более о удовлетворении собственному тщеславию, нежели о споспешествовании истинному благу детей своих и питомцев. Они торже-

---

[1] Да мы и жалуемся еще, когда дети наши воспитаны не так безумно, как мы.

[2] О последнем пекутся несмысленные учители, старающиеся только хвастать воспитанниками своими пред их родителями.

ствуют о счастливом успехе своих стараний, когда сии могут говорить о многих и разных вещах с некоторою скоростию и смелостию, удивляющею несмыслящих слушателей; когда они в одно время занимаются многими искусствами и науками; когда они, будучи еще детьми или отроками, умеют отвечать на такие вопросы, на решение которых не отважились бы разумные и пожилые люди. Однако невозможно, чтоб разум, долженствующий обнимать столь многое и устремлять внимание на столь многоразличные вещи, различал все надлежащим образом и приобретал бы о всем основательное познание. Напротив того, приучит его сие смотреть на все беглыми глазами и ни в чем до основания не добираться. Избегайте сея погрешности, определенные к образованию и наставлению других человеков! *Научайте их мыслить основательно. Не учите их тому только, что какая-либо вещь существует и такие-то имеет свойства и действия; но также наставляйте их, сколько соразмерно их понятию, и в том, для чего вещь сия такова, а не инакова, и для чего имеет она сии свойства и действия. Притом никогда по лености или самолюбию не требуйте от них, чтоб они верили во всем одним вашим словам и чтоб почитали они изречения ваши беспогрешными.* Приучайте их паче мало-помалу, чтоб они сами спрашивали вас об основании того, что вы им сказываете, и *признавали бы учения ваши за истинные не по уважению к вам, но по вашим доводам.* Когда не будете вы наблюдать сие, то сделаются они либо сомнителями, либо слепыми последователями. Говоря прямо, не будут они ничего знать, но будут только уметь рассказывать то, что другие прежде их думали и сказывали.

Однако величайшее старание, которое могли бы вы прилагать к образованию разума детей ваших или учеников, мало доставило бы им истинной пользы, если б вы наставляли их только в познании, а не купно и в мудрости, в правильном оного употреблении состоящей. *Посему при всем, чему вы их научаете, показывайте им употребление того, которое они для себя и для других делать могут и должны. Научайте их смотреть на все с практической стороны и при всех способных случаях производить то в действо. Преимущественно же и беспрестанно старайтесь научать их судить право о цене вещей.* Сия есть истинная мудрость, которая гораздо дороже всех наук вообще и которую никогда не можно вперить в человека слишком рано, если надлежит ей быть путеводительницею в его жизни. И так научайте детей ваших *примечать великое различие между внешними, преходящими, бренными благами и преимуществами и между теми, которые собственно нам принадлежат и которые мы навсегда сохраняем.* Научайте их *здравие и крепость тела ценить выше богатства и красоты, похвалу совести выше почтения и похвалы людской и добродетель и праводетельность выше богатства, чести, здравия и жизни.* Сии

учения столь неоспоримы и самому дитяти столь понятными могут быть сделаны, что почти всегда родители только или надзиратели его виноваты бывают в том, когда оно иначе научается мыслить. Например, если удивляется оно блистанию, богатству, драгоценности какого-либо платья, то спрашивайте его иногда: становится ли от того лучшим злой человек, его носящий? может ли платье сие дать больному здравие, слабому силу, невежде ум и благоразумие? не благороднее ли, доставляя отраду многим бедным, одеваться несколько хуже, нежели быть немилосердым, оставлять братий своих томящихся в убожестве и гордиться сими украденными у них вещами? Если дитя слишком высоко ценит красоту, то показывайте ему других детей или взрослых особ, которые, менее пригожи будучи, более почтенны и любимы, ибо они кротчае, добросердечнее, благодетельнее и лучше; или научайте их знать таких особ, которые лишились красоты своея от разных приключений или которые при всей своей красоте презренны и ненавидимы для того, что не имеют доброй души и никаких действительных достоинств. Если надмевается дитя получаемыми собою похвалами, то показывайте ему при случае, сколь расточительно и безрассудно раздает большая часть людей похвалу свою; сколь часто хвалят люди то, чего они не знают, не уважают, не любят; сколь корыстолюбивы и переменчивы они в своем мнении, и так далее. Когда ж детям или воспитанникам вашим надлежит научиться право судить о сих и подобных сим вещах, о вы, назначенные от бога быть родителями и наставниками! *то не должны они слышать от вас никаких других, кроме справедливых, мнений.*

Но когда самих вас ослепляет блистание пышного платья, красоты или других таких наружных преимуществ; [1] когда вы сами вкусную пищу хвалите, яко изрядное и превосходное благо; когда сами вы много уважаете сии вещи и посредством ревности и важности, с какою поступаете с ними, великую прилагаете им цену; когда вы сами особенное оказываете почтение особам, хвастающимся такими преимуществами: то бесплодны будут и самолучшие наставления, которые вы можете давать о сем детям вашим в учебные часы или в другое время. Но когда сами вы поступаете в рассуждении сих вещей с некоторым благородным равнодушием, когда сами вы уважаете и почитаете истинное достоинство, под каким бы видом, в каком бы наряде и состоянии оно ни показывалось, то учения ваши, собственным вашим примером подкрепляемые, без сомнения изряднейшие принесут плоды.

Из сего следует еще следующее правило: *Оберегайте детей от скоропостижности в заключении и пользуйтесь всеми случаями посредством наблюдений доводить их до осторожности и точности*

[1] Или когда сами вы хвалите детей за хороший их убор.

в их заключениях и рассуждениях. Коль много погрешностей может наделать человек, например, тогда, когда он почитает за действие и причину две вещи, вскоре одна за другою следующие или провождающие одна другую. Коль многие роды суеверия, коль многие заблуждения как в физике, так и в морали начало свое имеют и продолжаются единственно от сея скоропостижности. Например, правдивый человек, постигнутый тяжкими несчастиями и печалями, был ли бы столь часто почитаем лицемером, а безбожник, коему удаются его предприятия, любимцем небес, если бы по скоропостижности судьба человека не почиталась необходимым следствием доброго или худого его поведения, необманчивым признаком благоволения или неудовольствия божия? [1] Уроны, отягощения, страдания, которые добродетельный человек часто по случаю претерпевать и сносить должен бывает, приписываемы ли были бы самой добродетели и представляема ли бы она была под самыми неприятнейшими образами, если б по привычке не смотрели на все одно за другим последующее яко на вещи, необходимую имеющие связь? Основание ж сего преимущественно в первом находится воспитании. По крайней мере в оном можно его по большей части отвратить.

Коль трудно образование духа детей! Коликое внимание, коликая прилежность, коль неутомимое терпение, коликое снисхождение требуются к тому, чтоб дитя или юношу научить право чувствовать, право мыслить, право рассуждать! Коликой различности сих стараний требует различность способностей и склонностей человеческих! Часто надлежит видеть себя принужденна почти неплодородную обработывать землю, и коль удобно плевелы могут одержать верх и на доброй пашне!

Но чем труднее дело сие, тем более предприемлющий оное должен напрягать свои силы для благополучного совершения оного. *Самые величайшие трудности наконец преодолеваются, если всякий раз, когда они показываются, прилагается старание к истреблению их и если не упускается от внимания ни единая выгода, могущая облегчить победу.* Таково воспитание вообще; таково особенно образование духа детей. Ограничa сие упражнение некоторыми только часами, а в другое время совсем его оставляя, если не совсем не достигнете вашего намерения, то по крайней мере достигнете его весьма несовершенно. Дух дитяти или юноши всегда в движении; и так всегда нужен ему надзиратель, путеводитель. Когда вы провождаете его, сколько возможно, неотступно; когда вы не только назначенные учебные часы, но также забавы и игры его почитаете и употребляете яко способы и случаи к образованию его разума; когда пользуетеся вы всяким

[1] О первом человеке говорят обыкновенно: «Бог его наказывает»; а о другом: «Бог его благословил».

случайным обстоятельством, могущим облегчить вам оное: то старания ваши, конечно, не будут тщетны, плоды их превзойдут ваше ожидание.

Сколь трудно и сколь много прилежности требует дело сие, столь же благородно и приятно оно. Что может пристойнее и что должно бы приятнее быть для разумного существа, как то, чтоб другому существу своего рода, в столь тесной связи с ним находящемуся, облегчать достижение до совершенства, к которому оно способно; примечать первые лучи восходящего разума его и многоразличные действия сильнейшего и слабейшего света оного; помогать слабым стараниям еще колеблющегося его рассудка; споспешествовать могущему служить к успеху оного и отдалять могущее тому препятствовать; ссужать своими опытами еще безопытного и силами своими бессильного; отвращать препятствия, встречающиеся на пути его; предостерегать его от соделанных собою погрешностей; соделывать его знатоком и почитателем истины, право мыслящим и основательно рассуждающим человеком, истинным мудрецом? Сколь много должен получить от сего пользы и сам тот, кто охотно и прилежно оное делает, и коль много может он споспешествовать чрез то не только благу частных особ, но и благу целых обществ!

Посему не важно ли и паче не весьма ли опасно оставлять часто и долго детей под надзиранием и в сообществе *людей, имеющих совсем грубый и занятый заблуждениями и предрассудками разум?* Чем могут такие люди споспешествовать образованию их духа? В состоянии ли они, при самолучшей воле, наблюдать правила осторожности, нами здесь предписанные? Может ли безопасно слепой водить другого? Не приучатся ли паче дети ваши в обхождении с ними употреблять слова, которых они не разумеют, судить о вещах, которых они не знают, соединять истинное с ложным, чудное предпочитать натуральному, таинственное понятному, решить по своемыслию и без основания, утверждать упрямо свое мнение и ослепляться всяким блеском? С другой стороны, сколь много потеряете вы чрез то случаев наставлять их, ободрять и удерживать, пользоваться теми счастливыми минутами, в которых дальнейший можно иметь успех, вывесть из заблуждения и привести их к познанию истины? *О, будьте ревнительны к сему счастию и верьте, что родители или надзиратели никогда столько почтенны и велики не бывают, как имея при себе детей своих либо воспитанников и научая их наставлением и обхождением своим мудрости.* Сие соответственно вашему определению, сие угодно богу порядка, поставившему вас в сие состояние, и за такие только поступки можете вы надеяться благословения его в сем и награды в будущем свете.

Но все преимущества духа, приобретаемые человеком чрез размышление и упражнение, все сведения, которые он посред-

ством оных получить может, тогда только драгоценны бывают, когда он чрез них споспешествует собственному и других людей истинному благополучию. А сего не может он иначе делать, как следуя охотно и верно свету разума своего, не только мысля и рассуждая соразмерно истине, но и поступая соразмерно ж оной, не только различая справедливо добро от зла, но также любя и снискивая первое, ненавидя ж и убегая другого. И так разум его и воля, мысли и поступки должны согласоваться друг с другом. Познание истины должно его приводить к любви и исполнению добродетели. Следовательно, разумное воспитание состоит не только в образовании разума, но и сердца.

II

О ОБРАЗОВАНИИ СЕРДЦА

1. ВООБЩЕ

Образовать сердце детей называется устремлять склонности и желания их к самолучшим вещам, вливать в них владычествующую любовь ко всему тому, что истинно, справедливо и добро, и чрез то соделывать исполнение должности их для них удобным и приятным. Образование сердца, как всякий удобно усмотреть может, предполагает образование духа, и хотя последнее может некоторым образом отделено быть от первого, однако сие без него быть не может. В натуре нашей основано, чтоб воля наша в большей части случаев следовала познаниям и предписаниям разума. *Мы желаем того только, что представляем себе добром; если ж иногда к добру мы беспристрастны или ненавидим его, а зла желаем и ищем, то почитаем мы тогда добро злом, а зло добром.* И так чем справедливее мыслим мы и рассуждаем и чем удобнее и натуральнее соделался для нас сей образ мыслить и рассуждать, тем справедливее будут определения нашей воли и происходящие от того желания и отвращения. Следовательно, чем рачительнее обработывается и образуется разум дитяти или юноши, тем большего можно надеяться успеха в рассуждении образования его сердца. Сие образование по большей части в том только состоит, чтоб научать его: *все справедливые понятия и рассуждения*, ему доставленные или к достижению которых помоществуемо ему было, *употреблять при всем том, что касается* до нравственного его поведения и как до его собственного, так и других людей *благополучия;* чтоб облегчать ему употребление сие благоразумным воспользованием всеми благосклонными обстоятельствами; чтоб стараться ослаблять и отвращать внутренние или внешние препятствия, удерживающие его от последования познаниям своего разума или делающие оное для него трудным. В сем рассуждении должны и могут предпри-

нимаемы быть разные упражнения и употребляемы, так сказать, разные искусства, которые весьма многоразличны по различности особ, с коими дело иметь надлежит, и представляющихся случаев. Посему и невозможно в сочинении, назначенном для наставления многих, сказать все то, что всякому особенно знать и примечать нужно. И так должны мы ограничиться здесь некоторыми только всеобщими правилами благоразумного поведения при образовании сердца или нравственного свойства детей.

Первое правило есть сие: *Старайтесь узнать их сложение и располагать поступки свои по свойству оного.* Сложение есть якобы земля, которую обработывать должно, и различие земли сея не столь велико, чтоб не скоро могло быть открыто. Более или менее живости и скорости в представлениях, более или менее чувствительности к добру и злу, к удовольствию и болезни, более или менее горячности в желаниях, более или менее склонности к спокойствию либо действенности, вот что составляет главную различность того, что можно назвать детским сложением. Все сии различности сложения могут вести как к добродетелям, так и к порокам. Главное попечение честных родителей и надзирателей есть то, чтоб примечать и споспешествовать первым и препятствовать другим. Великая живость, чувствительность, действенность суть изрядные свойства, когда устремляются они на добрые и достойные предметы и имеют путеводителем рассудок. *И так не должно вам истреблять их; но надлежит только всегда стараться дать им самолучшее устремление и удерживать их в пределах умеренности.* Живость духа должна употребляема быть на важные и полезные познания и науки; чувствительность сердца надлежит образовать к чувствованию всего того, что истинно изрядно, благородно и велико; а действенностию так управлять должно, чтоб она превратилась в ревнование быть услужливым и общеполезным. Дети и молодые люди, имеющие сии свойства, часто и выразительно должны предостерегаемы быть от злоупотребления оных, и надлежит возбуждать внимание их ко злу, происходящему из такого злоупотребления как для них самих, так и для других. Напротив того, оказывающие в представлениях и действиях своих более медлительности, склонные более к лености и спокойствию и не столь удобно в движение приводимые не должны приводимы быть в уныние и заглушаемы огорчительными попреками или суровыми поступками. Натурально бывают они робки и не много доверяют самим себе. Того ради должно поступать с ними кротко и терпеливо, ободрять их, извлекать из искомого ими мрака и приводить часто в такие обстоятельства, которые способны сделать в них сильнейшие впечатления и якобы дать душе их новый полет. Всякое сложение нрава, как мы уже сказали, может доводить до погрешностей. Всякое желание может в беспорядочную превратиться страсть. Надзирайте только

*

рачительно над детьми своими, вы, долженствующие образовать их сердце и наставлять их в добродетели! Не щадите никакой погрешности и трудитесь над исправлением оной, как скоро она окажется. Особенно старайтесь истребить *первые* злые движения и похотения, от сложения их происходящие, и не допускайте сделаться в них привычкою той погрешности или тому злу, к которому они по сложению своему сильнейшую имеют склонность; а когда такие привычки уже произойдут в них, то ни о чем более не пекитесь, как о ослаблении и истреблении оных, представляя детям живо непристойность их и вредность, отдаляя от них все случаи, могущие служить к утверждению оных, и заставляя их часто повторять противоположенные оным действия.

Во-вторых, *приучайте детей действовать по усмотрениям и причинам, а не по слепым побуждениям или по одному своемыслию.* Делайте им понятным то, что сие есть великое преимущество, какое имеет человек пред неразумным скотом, и что человек, не употребляющий сие преимущество, унижает самого себя и поставляет в подлейший класс тварей. Спрашивайте их часто, *не повелительно, но доверенно и дружественно:* для чего они это делают, а того не делают? для чего некоторых особ отменно почитают и любят, других же, напротив того, презирают и убегают? для чего они из разных выгод и удовольствий, которые они могут иметь, выбирают те самые, а не другие? какие намерения имеют они при сих или других упражнениях и стараниях? и т. п. Старайтесь при том приобрести себе их доверенность, дабы открывали они вам мысли свои чистосердечно, а если они иногда будут отвечать на вопросы ваши только: «я сам этого не знаю», или «я не могу этого сказать», то не раздражайтесь сим, но помогайте им открывать причины их поступка, которых сами они часто не ведают; разговаривайте с ними дружественно о том деле, о котором речь идет, и о намерениях, какие при том иметь можно; рассуждайте обще с ними, как бы лучше можно поступить в том или в другом случае, как удобнее и надежнее можно получить успех в некоторых намерениях, и если сие касается не слишком до важных вещей, то допускайте их самих избирать и беспрепятственно следовать своему выбору, но после напоминайте им о погрешностях, какие они при том сделают, и о худых следствиях, от того происшедших. — Предписывая им какие-нибудь приказания, наставляйте их, если не во всех случаях, то по крайней мере в большей части оных, о истинных причинах и намерениях приказаний ваших. [1] Сказывайте им, для чего вы сие им приказываете, а то запрещаете, и старайтесь сделать для них понятным то, что причины ваши и намерения справедливы и

[1] Или по крайней мере сказывайте им истинные причины и намерения приказаний ваших тогда, когда они их исполняют либо пренебрегут.

хороши. — Когда, наконец, требуют сами они от вас некоторым образом отчета в собственном вашем поступке, когда спрашивают они у вас: для чего вы при некоторых случаях так либо иначе поступаете; для чего вы это теперь делаете, а в другое время оставляете? то не всегда отвергайте сии вопросы, яко действия наказания достойного любопытства, и не думайте, что, ответствовав на оные, потеряете вы несколько уважения вашего у них; показывайте им паче, что вы всегда стараетесь следовать правилам истины, порядка, умеренности и справедливости, и когда хотите, чтоб действовали они по усмотрениям и причинам, то берегитесь, чтоб не имели они повода думать, что вы сами без причин и по одному своемыслию действуете. [1]

Третие: не довольствуйтесь сим, но и *научайте их действовать по добрым, самолучшим и благороднейшим причинам и с чистыми и благодетельными намерениями*. Остерегайтесь возбуждать только честолюбие их и поощрять их к прилежанию и должности всегда только представлением того, как другие люди о них судят, и добрых либо злых мнений, какие они о себе подать могут. Когда сие желание допустите вы соделаться владычествующею в них страстию, то они погибнут для истинного блаженства. [2] Понеже большая часть высочайших добродетелей должны исполняемы быть скрытно и без свидетелей, и кто не иначе счастлив, как по благосклонному о нем мнению людей, тот мало может надеяться совершенно удовольственных дней. Нет, тот только *добродетелен*, кто имеет независимую от суждений и мнений людских и всегда действенную склонность ко всему тому, что справедливо и добро, и тот только может быть *счастлив*, кто умеет довольствоваться невинностию своего сердца и одобрением совести. К сей добродетели и к сему счастию старайтесь вести детей или учеников ваших, о вы, занимающиеся образованием их сердца! Рассуждайте иногда с ними, от мнения ли зрителей справедливые, правосудные, благодетельные, великодушные действия становятся справедливыми, правосудными, благодетельными, великодушными действиями; не бывают ли оные таковы и во всякое время, во всяких обстоятельствах и тогда, когда никто, их не видя, не может ни судить о них, ни хвалить их; раскаивались ли они когда-нибудь, сделавши какое-либо добро скрытно, и не чувствовали ли они некоторого от того удовольствия; не находится ли великое и непременное различие между истиною и лжею, между порядком и беспорядком, не ведет ли за собою добродетель порядка и спокойствия как в сердце человеческом, так и в общественной жизни, а порок, напротив того, смятения и раздора? Спрашивайте их, теми ли же приятными чувствованиями, тем ли же удовольствием наслаждаются они, когда их хвалят за такие добрые свойства или дела,

[1] В противном же случае все ваше научение и наставление будет тщетно.
[2] И сделаются искусными лицемерами.

которые совесть их им оспоривает, как и тогда, когда одобряют и хвалят их за действительно сделанное ими добро, и научайте их выводить из сего заключение, что мысли наши и действия сами по себе должны быть добры или злы, пристойны или непристойны, как бы люди о них ни рассуждали.

Четвертое: дабы сделать им сие понятнее, то *научайте их примечать следствия их дел или поступков*. Научайте их надлежащим образом почитать спокойствие духа, удовольствие, бодрость духа, здравие и крепость тела, умножение своих познаний или способностей, уважение и честь и прочие выгоды, какие приобретаются правильным и добрым поведением. Поздравляйте их с сими выгодами и радуйтесь вместе с ними об оных. Напротив того, сожалейте с ними о тех, которые по собственной своей вине лишены сих драгоценных благ и которые потому только несчастны, что пренебрегают свою должность и поступают противно ей. Также заставляйте их чувствовать злые и вредные следствия их поведения, сколько нужно для остережения и исправления их, и старайтесь не прежде отвратить оные, как они сами, узнавши свою торопливость и глупость, раскаются. Показывайте им отчасти в их собственных, отчасти ж в чужих примерах, какой беспорядок, какие неприятности и болезни, какие страшные зла влекут за собою неумеренность в чувственных удовольствиях, жестокость гнева и других страстей, недостаток прилежности и трудолюбия, расточительность и скупость и вообще все грехи и пороки; как они мало-помалу ослабляют и унижают дух человеческий, низлагают бодрость, разрушают здравие, сокращают жизнь, подрывают внешнее благосостояние, делают человека бесполезным, презренным, вредным членом человеческого общества, терзают его совесть и наводят на него тысячи смущений, горестей и бедствий. Показывайте им, с другой стороны, какие богатые награждения обретает праводетельный и добрый человек в одобрении своея совести, в спокойствии сердца, в представлении пользы и удовольствия, доставляемого им своим братиям, в почтении и любви, какой может он от них надеяться, и в уверении о благоугодности богу; коль счастлив бывает он от того, что действует по твердым и справедливым положениям, что научился владеть самим собою и ограничивать свои желания, что может без труда и с радостию употреблять телесные и душевные силы свои на то, на что они ему даны от бога, что никого не должен он убегать и бояться, понеже убегает от зла и боится бога, что не всякое несчастие может привести его в уныние, что умеет он утверждать истинную свою свободу и не раболепствует привычке, суетности или собственным своим похотям.[1] Выхваляйте обстоятельно при всех

---

[1] Показывайте им примерами, с каким спокойствием и высоким удовольствием можно взирать на все гонения и клеветы, исполнив свои должности!

случаях сие добродетельного счастие детям вашим и ученикам; но делайте сие с веселым лицом, с чувствительным сердцем и заставляйте их примечать, сколько сами вы драгоценностию оного проникнуты, сколь много предпочитаете вы то всему богатству, всему могуществу, всем забавам неправедного и порочного.

Пятое: *Старайтесь сделать должность для них удовольствием.* Приучайте их *соединять в представлениях своих должность и удовольствие столь тесно, как натура оные соединила.* Показывайте им как собственным вашим примером, так и наставлениями, что всякая охотно и радостно исполненная должность награждает удовольствием. Пример ваш может служить к сему тогда, когда вы в присутствии их предаетесь чистой радости о совершенной вами верно должности. Например, если вы, как опекуны или друзья, привели в порядок дела какой-нибудь вдовы, сироты или оставленного друга; если имели случай одного из знакомцев ваших совратить с пути глупости и порока или подать ему повод к доброму делу; если были вы столько счастливы, что утешили несчастного или знатную подали помощь бедному и немощному; если с отменно добрым успехом исполнили вы должности чина вашего и звания или испытали приметное при том благословение; и когда от сих благородных и приятных упражнений возвращаетесь вы к детям вашим или ученикам: то давайте им участвовать в вашем удовольствии и радости, объявляйте им причины того, *сколько можно без нарушения скромности,* [1] и показывайте им чрез сие, сколь много награждает человека уверение о правом и добром своем деле. Показывайте им то же и наставлением вашим, научая их примечать и различать приятные и радостные чувствования, которые сами они в подобных случаях испытывают, сравнивая с тем неудовольствие, беспокойство и досаду, вкрадывающиеся против воли нашей в сердце тогда, когда мы не сделаем того, что сделать должно, или сделаем неправильно. — Увещевая их к должности, уверяйте их поступком своим при том, что вы намерены не показать господство свое и силу над ними или причинить им ненужное затруднение и отягощение, но споспешествовать только совершенству их и благосостоянию. Научайте их почитать добродетель не за строгую повелительницу, не за неприятельницу радости и увеселения, но *за самолучший и единый надежный способ к истинному блаженству.* Не говорите им того, что хотя порочный обыкновенно в свете счастливее добродетельного бывает, однако должно быть добродетельным, для того что бог сие повелел. Нет, сие представление ложно и не может сделать никаких иных, кроме вредных, впечатлений в уме, не знающем еще различать вид блаженства от самого блаженства. Научайте их паче, что добро-

[1] Но не хвалите пред ними сами своих дел.

детель одна делает людей счастливыми, а порок несчастными; что бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного, и что он не требует от нас ничего, кроме того, что и в сем мире уже действительно нам полезно и добро; что благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу; и что случаи, в которых праводетельный и благочестивый человек много претерпевать должен, не часто происходят. [1]

Шестое: для облегчения им всего сего *доводите их заблаговременно до испытания самих себя*, которое есть изрядное средство к тому, чтоб всегда делаться благоразумнее и добродетельнее. Не надлежит вам налагать на них испытание сие яко упражнение, которое бы ежедневно они делать были *должны*. Такое принуждение сделалось бы для них скучно, а чрез сие и бесполезно. Также должны вы *представлять* при том *не строгого судию, но паче друга*, приемлющего участие во всем касающемся до его друзей, радующегося вместе с ними о соделанном ими добре и оказывающего сердечное огорчение тогда, когда они имеют несчастие сделать зло. Коль многие случаи на то представятся внимательным родителям и надзирателям! Когда вы, например, при окончании дня или недели окружены бываете детьми своими, когда они, будучи с вами, находятся в удовольствии и благополучии, когда даете вы им познавать нежную любовь и попечительность и возбуждаете в них чрез сие взаимную любовь и благодарность и приобретаете себе их доверенность, коль удобно бывает вам тогда устремлять внимание их на прошедшее и подавать им повод к исследованию сих и подобных вопросов: «Как препроводил я сей день, сию неделю? — Сделал ли я в сей день, на сей неделе что-нибудь такое, что действительно подает мне причину к удовольствию и радости и что еще впредь мне либо другим полезно быть может? — Успел ли я в сие время в каком-нибудь художестве, науке или искусстве столько, сколько успеть мог? — Или не сделал ли или не говорил ли я что-либо такое, чего ныне стыдиться должен, о чем, может быть, долго еще раскаяваться стану, чего вредные следствия, может быть, долго еще чувствовать буду? — Не воздыхает ли ныне кто-нибудь о том, что я его обидел или сделал ему несправедливость? — Не терпит ли ныне кто-нибудь болезни или других трудностей от того, что я отказал ему во вспомоществовании и утешении, о котором он меня просил и которое дать ему я мог? — Не причинил ли я каким-нибудь словом или поступком беспокойства, неудовольствия и досады моим родителям, учителям либо и служащим мне домашним?» Благо вам и детям вашим, если вы

---

[1] Ибо когда благочестивый страдает, то претерпевает вред только во внешних и преходящих благах; но никогда не можно благочестивым и добродетельным действительный нанести вред, потому что добродетельный не может быть обижен, не может быть несчастен.

таким образом мало-помалу приучаете их к испытанию самих себя, если иногда показываете им сами в том пример, если вы не стыдитесь признавать пред ними свои погрешности, по крайней мере в присутствии их учиненные, раскаяваться в оных, сожалеть о пропущении случая к соделанию добра, радоваться с ними при напоминовении действительно произведенного вами добра и сим образом, рассматривая свое и их поведение, научать их мудрости и добродетели!

Седьмое: *Научайте их также пользоваться сим образом и поведением других людей*. Бывая с ними в компаниях (и желательно, чтоб вы редко без них бывали в оных), примечайте то, что при них говорится и делается, и после дружественно с ними о том разговаривайте. Делайте сие и тогда, когда возвращаются они из таких компаний, в которые вы провожать их не могли. Сами они подадут вам довольную материю к таким разговорам. Дети и молодые люди обыкновенно бывают внимательнейшими наблюдателями происходящего в их присутствии, нежели пожилые особы. Большая часть вещей имеет еще для них прелесть новости; а внимание их менее ослабляемо или прерываемо бывает собственными мыслями и рассуждениями, нежели внимание тех, которые приходят в компанию, обременены будучи разными заботами и трудными делами. И так заставляйте детей своих или воспитанников сообщать вам наблюдения, сделанные ими при таких случаях, и не предупреждайте их своим мнением. Изведывайте добрые или злые впечатления, сделанные в них разговорами, ими слышанными, или поведением других людей, коего были они свидетелями. Старайтесь представлениями и доводами утвердить полученные ими добрые впечатления, а злые ослабить и загладить. Остерегайте их от погрешностей и запрометчивостей, примеченных ими в других. Показывайте им, сколько вреда наносят чрез то сами себе сии люди и сколь нарушается тем удовольствие общественной жизни. Представляйте им образцами для подражания отличившихся от других своею праводетельностию, скромностию, кротостию, осторожностию, человеколюбием и научайте их, сколько почтения и любви заслуживают они тем у всякого. *Но не позволяйте им судить ближнего с беспощадною строгостию*, [1] приучайте их паче к тому, чтоб охотно извинять то, что извинить можно, и рассматривать с *самолучшей* стороны такие слова и дела, которые удобны к различному толкованию. При том поставляйте для них должностию не разглашать далее о порочном и достойном наказания, примеченном ими в других и вам пересказанном, не насмехаться и не шутить над тем; но употреблять оное на собственное только остережение и исправление. Чрез сие

[1] А еще паче не делайте сего сами в их присутствии столь же беспощадно, как и неразумно.

соделаете вы обхождение с другими людьми не только для них безвредным, но еще и полезным училищем мудрости и добродетели.

Осьмое: *Также употребляйте к сему историю.* Не думайте, что дети ваши или ученики тогда учатся ей, когда вселяют в память свою и могут пересказывать множество более или менее важных приключений со всеми оных обстоятельствами и следствиями. *История должна нас делать благоразумнейшими и лучшими; из нее должны мы научаться знать себя и других людей, когда надлежит ей действительно быть для нас полезною.* Но дети и молодые люди должны еще в сем быть наставляемы; ибо не довольно еще упражнялись они в размышлении, дабы искать и обретать пользу сию без чужой помощи. Однако посредством сего наставления история те же может доставить им выгоды, какие доставил бы им собственный опыт, да и доставляет в самом деле гораздо удобнейшим и безвреднейшим образом. И так при чтении оной спрашивайте их часто: как судят они о тех или других мыслях либо действиях человеческих? для чего называют они сии правосудными, справедливыми, великодушными, благодетельными, а те несправедливыми, подлыми, свирепыми, бесчеловечными? для чего смотрят они на первые с удовольствием и радостию, а на последние с отвращением и страхом? для чего принимают они более участия в судьбе одной особы, нежели другой? — Спрашивайте их: что бы почли они за должность в таких обстоятельствах? — к чему бы они вознамерились? — к которой бы стороне пристали? — не пропустили ли бы они сего случая к соделанию добра и воспротивились ли бы сей прелести ко злу? — Прилагайте все читаемое или слышимое ими к ним самим и к особенным обстоятельствам, в которых они тогда обретаются или впредь обретаться могут. Научайте их при том всегда примечать собственное свое сердце, открывать сокровенные склонности оного, и если склонности сии беспорядочны и злы, то одолевать их тем заблаговременнее и ревностнее, чем яснее из приключившегося другим усматривают они, до каких распутностей и злодейств могут довести сии склонности человека, придержащегося их. Таким образом, история в одно время будет их забавлять, научать и исправлять. Она послужит изрядным способом к образованию их сердец и к соделанию их добронравными человеками.

Из первого отделения о сей материи видели мы, что трудно образование духа детей. Но не менее важно и трудно образование их сердца. К сему потребны великое внимание, неусыпная прилежность, неутомимое терпение, потребно много осторожности и благоразумия. Родители и надзиратели беспрестанно должны бдеть над собою самими, так же как и над детями; примечать всякую добрую или злую склонность, в них появляющуюся; пользоваться всяким случаем к утверждению первой и к ослаблению последней; не почитать за малость ничего могущего иметь влияние во нрав-

ственное их свойство; [1] беспрестанно соединять учение с упражнением; обоему придавать силу и важность собственным своим примером; всегда поступать по тем положениям и стремиться безуклонно к той цели, хотя бы и ежедневно находили они новые препятствия на пути, ведущем к оной. Кто исправляет дело сие токмо яко постороннее; кто надеется все сделать посредством приказов и предписаний; кто поступает с детьми или учениками своими не яко с разумными тварями, коих надлежит просвещать и представлениями доводить к добру, но яко с машинами, которые только понуждать и толкать должно; кто не охотно снисходит к их слабости и не воображает себя часто на их месте, дабы размерять наставление и учение свое по их понятию и потребностям; кто сегодня так, а завтра иначе, сегодня с чрезмерным послаблением, а завтра с чрезмерною строгостию поступает; кто первыми затруднениями, первыми неудачными опытами отстрашается от своей прилежности и не столько постоянен, чтоб *целые годы* трудиться с одинакою верностию, хотя и не видит отменных плодов своея работы: тот не много успеет в сем важном и многотрудном деле; но он не может обвинять никого, кроме себя, когда весьма прерывные, погрешностями исполненные и сами себя разрушающие старания его почти совсем бывают напрасны. Примечайте сие наипаче вы, имеющие счастие быть матерями! Вы должны по большей части споспешествовать образованию сердца детей ваших. Вы можете, вы должны ежедневно и ежечасно над тем трудиться, и ваша только нежная любовь может преодолевать соединенные с тем трудности. Когда ж вы сию должность вашу исполните во всем ее пространстве, то гораздо большую окажете роду человеческому услугу и гораздо более споспешествовать будете его благополучию, нежели сколько могут все другие люди, какого бы состояния они ни были.

II

О ОБРАЗОВАНИИ СЕРДЦА

2. ОСОБЕННО

а) К добродетели

К прежним всеобщим правилам хотим мы присовокупить еще некоторые особенные, относящиеся ко главным добродетелям, в которых дети и молодые люди должны наставляемы быть предприемлющими образовать сердце их или нравственное свойство.

[1] В сем погрешают особливо те, которые все прямо до них не касающееся почитают за малость.

Первое: приучайте их с первых лет к повиновению и уступчивости. Кто не научился сему в молодых летах, тот во всю жизнь свою бывает несчастен. [1] Все мы бываем в тысячеобразных обстоятельствах, в которых должны мы повиноваться, уступать, если не хотим преступить нашу должность или причинить неудовольствие самим себе либо другим. Либо должны мы избегать человеческого общества, отказаться от всех выгод и удовольствий оного и искать себе жилища в лесах и пещерах; либо должны мы пожертвовать некоторою частию натуральной свободы нашей безопасности и спокойному употреблению прочей, довольствоваться некоторыми ограничениями и уступать взаимно друг другу. Но коль неспособен к сему должен быть тот, кто чрез десять, пятнадцать или еще более лет мог беспрепятственно следовать своим мыслям, не мог терпеть никакого сопротивления, которого желания для всех окружавших его были приказами, которому слепая любовь его родителей и надзирателей во всем уступала и которому после вдруг надлежит мыслить и действовать иначе! Вступает он в большой свет. При всяком шаге находит себе препятствия. Желания его не только не с ревностию исполняемы, но едва и примечаемы бывают. Противятся всем его хотениям и намерениям. Своемыслие его оскорбляется то сим, то другим образом; а ничто его переломить не может, ибо оно крепко уже в нем укоренилось. Несчастный человек! плачевная жертва чрезмерной нежности и послабления! коль часто, впускаясь в размышления, будешь ты воздыхать о сей свирепой нежности и послаблении! коль часто будешь ты желать, чтоб твои родители и надзиратели употребляли над тобою правильную свою власть и научили тебя повиновению!

О вы, родители, если хотите пощадить детей своих от сих вздохов, от сих жалоб и от сих зол, извлекающих оные, то упражняйте их, *упражняйте* в повиновении и уступчивости; ибо единые предписания и увещания к тому не много принесут пользы. Допускайте их легко себя упрашивать, предупреждайте даже иногда их просьбы, если касаются они до безвинных и добрых вещей, и показывайте им самым делом, сколько печетесь вы о истинном их удовольствии и благополучии; но не допускайте их ни к чему вас принуждать, не уступайте их своенравию и упрямству, слезы своемыслия не должны преклонять вас к безвременному сожалению. Не приказывайте им ничего без зрелого рассуждения, без достаточных доводов; справедливость и снисхождение к их возрасту и слабости должны определять все ваши приказания; однако давши оные, не возвращайте уже, но требуйте непременного оных исполнения и не преклоняйтесь к отложению их ни упрямым сопротивлением, ни хитрым ласкательством. Но берегитесь также

---

[1] «Ласкай чадо, и устрашит тя, играй с ним, и опечалит тя». Прем. Иис. Сирах.

предписывать детям в одно время слишком многие или различные приказы. Чрез то наложили бы вы на них несносное бремя и некоторым образом принудили бы их к неповиновению; либо сделали бы вы их робкими невольниками, с величайшею нетерпеливостию дожидающимися той минуты, в которую могут они без наказания злоупотребить свою свободу. И так оставляйте собственному их произволению то, что само по себе не важно и не может иметь никакого вредного влияния в их нравы, и довольствуйтесь тем, чтоб в рассуждении таких вещей делать им иногда полезные представления и показывать доводы, по которым они сами вознамеряться могут. Подражайте в сем богу, всеобщему нашему законодателю. Коль многое оставил он нашей свободе и колико облегчил тем для нас повиновение заповедям его! Пренебрежение сего правила бывает главною причиною того, что толь немногие дети научаются повиновению. Налагая всегда приказания на приказания и якобы желая всякий поступок, всякое слово, всякое положение и всякое движение дитяти или молодого человека определить предписаниями, не можно принуждать его к исполнению всех сих приказаний, и необходимо надлежит пропускать с молчанием разные преступления своих предписаний, а чрез то теряют силу все прочие, и самые важнейшие, приказания, и неповиновение становится привычкою.

Вливайте в детей ваших владычествующую любовь к истине, праводетельности и чистосердечию. Они им природны. Вам потребно только удерживать их и не стараться истреблять. И так не насмехайтесь над невинною их откровенностию. Берегитесь научать их притворству, лжи и ласкательству. Печальная необходимость научит уже их со временем не говорить все то, что они думают. Но горе им и вам, когда вы учите их говорить противное тому, что они думают! [1] Кто научен в детстве и юношестве лжи, притворству, ласкательству, кому выхваляемы были сии пороки, яко важнейшие правила благоразумия и искусства жить, тот почти всегда делается либо вредным, либо по крайней мере весьма скучным и неприятным членом общества. Он приобыкнет чрез то лукавствовать, обманывать, в делах своих с другими без размышления употреблять всякие хитрости и коварства, которые только не прямо запрещены законами. В мнениях своих будет он весьма переменчив; он будет сего дня хвалить и почитать то, что вчера порочил и презирал. В учтивостях и уверениях о дружестве будет он щедр до расточительности; но ни о чем не станет менее думать, как о исполнении оных, если не побуждает его к тому необходи-

---

[1] Горе вам, когда вы собственным примером научаете их некоторым порокам, яко добродетелям, как то подслушиванию, клеветанию, неприязненному или презрительному суждению о других, чужих людей заочно порочить, а в присутствии их хвалить, и т. п.

мость или собственная польза. Никогда не отважится он противиться несправедливым и пагубным действиям таких особ, которых научился он почитать ползая. Наконец, неспособен он будет к истинному дружеству, не только всякою лжею гнушающемуся, но и ненавидящему самое удержание; а чрез сие какого утешения в жизни, каких чистых радостей лишится он! Не жалуемся ли сами мы ежедневно на погрешности и недостатки общественной жизни, о которых теперь упомянуто было? Для чего ж хотим переселить их и в будущий род? Для чего выхваляются оные детям и молодым людям, яко добрые свойства и яко добродетели? [1] Для чего почитают то преступлением, когда они сказывают истину или открывают сердечные свои мысли о какой-либо вещи? Для чего хвалят, для чего награждают их преимущественным уважением и любовию, когда они умеют все, что слышат и видят, хвалить, уважать и чрез то льстить? Родители и надзиратели, избегайте сих весьма обыкновенных погрешностей! Воспитывайте детей ваших не ласкательными невольниками, но свободно и благородно мыслящими человеками, умеющими ценить самих себя, любящими паче всего истину и не боящимися ее сказывать, когда их должность или благо других человеков того требует. Верьте, что ни один чистосердечный, честный, откровенный человек не раскаявался еще о том, что он чистосердечен, честен и откровенн, что он враг всякого притворства и ласкательства.

С другой стороны, *старайтесь охранять детей своих от многоречия и болтливости.* Научайте их говорить и рассуждать с размышлением. Показывайте им, коль многие досады причиняет себе и другим и сколь наскучивает обществу тот, кто хочет в оном якобы один только говорить и заглушает прочих без различия добрыми и худыми замыслами, какие только собрать может. Притом приучайте их к молчаливости в рассуждении таких вещей, которые объявлять должность нам запрещает. Вверяйте им иногда какую-нибудь тайну [2] и по поступкам их с оною размеряйте большую или меньшую доверенность, какую вы впредь иметь к ним можете.

Сколько возможно заблаговременно *приучайте их к трудолюбию, порядку и прилежанию в их делах.* Наставляйте их, коль разумно и справедливо то, чтоб всякий употреблял самолучшим образом свои дарования, силы, время и имущество, и коль несправедливо было бы принимать помощь и услуги от столь многих людей, не оказывая им по возможности взаимной помощи и услуг. [3]

---

[1] Яко искусство жить, яко скромность, яко учтивость?

[2] Или по крайней мере рассказывайте им о известном деле за тайну и наблюдайте, как они то употребят.

[3] Особенно приучайте их вставать рано, скоро и самих одеваться. К сожалению, сами родители по большей части сего не любят или по крайней мере допускают детей спать долго, под пустым предлогом, будто утро для них бес-

Показывайте им, коль тесно связаны между собою все человеки, сколь одному нужен другой и коль выгодно для каждого особенно и для всех вообще бывает, когда они с общею ревностию стараются споспешествовать взаимному благосостоянию. Научайте их, сколько порядок облегчает каждому его дела, сколько почтения и доверенности чрез него приобретается, сколь богато награждается, наконец, беспрерывное прилежание, коль изрядным средством служит трудолюбие к охранению человека от грехов и дурачеств и от несносного бремени скуки, коль чисто, коль велико бывает удовольствие трудолюбивого, когда помышляет он о совершенной благополучно работе, о преодоленных при том затруднениях и о пользе, доставленной им чрез то себе и другим. Когда впечатлеете вы глубоко в детей ваших сии учения и будете предшествовать им своим примером; когда станете занимать их всегда полезными вещами, сколько позволяют сие их возраст и силы; когда приучите их предпринимать всякое дело в надлежащее время и производить все с надлежащим рачением: то любовь к порядку и трудолюбию сделается им натуральна. Не возмогут они впоследствии быть беспорядочны и нетрудолюбивы. Не будут они впредь почитать дела звания своего угнетающим бременем и не станут гоняться за всяким летучим удовольствием; а чрез то охраните вы их гораздо безопаснее от недостатка и убожества и сделаете их гораздо полезнейшими членами общества, нежели оставя им с противными склонностями великие богатства.

С величайшим рачением наставляйте детей в смирении и скромности, которые столь благопристойны всем людям, а особливо детям и юношам, и столь нужны к споспешествованию их совершенству и благополучию. Не хвалите их за такие преимущества, которые не сами они приобрели, но обязаны за них только породе своей и состоянию, и не позволяйте другим вперять в них великие понятия о красоте их, знатной породе и богатстве. Научайте их почитать выхваляющих и почитающих их за то подлыми льстецами или невежами и корыстолюбцами, либо совсем иначе думающими, нежели как говорят, либо ищущими в том своея только выгоды. Показывайте им, сколь мало истинной цены имеют наружные сии преимущества, сколь удобно можно их лишиться, сколько обязывают они человека к отменно доброму и общеполезному поведению и коль презренным делают они его, когда он либо злоупотребляет их, либо менее добродетелен и полезен бывает, нежели другой, не столько способов и побуждения к тому имеющий. Но и сами вы никогда не гордитесь сими преимуществами; не презирайте бедных и низких людей и почитайте только мудрость, добродетель

полезно и будто они только другим в отправлении дел препятствуют. Чрез то приучаются дети к лености, источнику самых гнуснейших пороков.

и честность, хотя бы они окружены были блистанием счастия или сопровождаемы недостатком и убожеством. Вперяйте в них также скромные мысли о природных или приобретенных способностях, знаниях и добродетелях. Научайте их, коль неведящ и слаб человек сам по себе, колико зависит он во всем от высочайшего существа, коль удобно может он многоразличными случаями низвергнут быть с опасной высоты, на которую вознесся. Научайте их, коль несовершенны и ничтожны бывают величайшие познания и добродетели человеческие и как то зависит по большей части от наставления, воспитания, внешних обстоятельств, а наконец все от божественного провидения. Показывайте им, сколько превосходят их во всем другие, которые, может быть, менее имеют вспомоществований и ободрений, и сколь много еще остается им сделать для того, чтоб быть столько мудрыми и добрыми, сколько быть могут и должны. — Упражняйте их в смирении особливо тогда, когда они почитают себя обиженными и когда не оказывают им всего того уважения и почтения, на кое думают они иметь право. Напоминайте им тогда о собственных их слабостях и погрешностях, о недостатке действительных заслуг, о великом снисхождении, какое им самим от других нужно, о безрассудности, с какою большая часть людей говорят и действуют. Делайте для них понятным то, коль удобно без злых намерений или враждебного духа, по неосторожности можно сказать или сделать что-нибудь такое, что другим не нравится и способно к весьма худому истолкованию. Оберегайтесь малые ссоры их делать чрез то важными, когда сами вы великое принимаете в них участие и поступаете с ними яко с такими вещами, которые заслуживают много внимания или собственную вашу честь приводят в опасность.

Упражняйте их паче при всех случаях в примиримости и великодушии. Вместо того чтоб по обыкновению кричать им: «Сего не должны вы стерпеть, а то не должны оставить без отмщения; вам нет нужды делать так, как делают другие, и вы можете за неприязнь платить неприязнию же», говорите им лучше: «Вам должно поставлять себя выше таких малостей; они не стоят того, чтоб вы их примечали или обеспокоивались ими; радуйтесь, когда вы умнее и лучше других, и сожалейте о тех, которые менее вас умны и добры, но не имейте к ним ненависти». В сем же намерении не допускайте детей своих быть долго в несогласии друг с другом или с иными людьми. Показывайте им, коль неприятно и насильственно такое состояние и коль многих выгод и удовольствий оно их лишает. Когда они отдалятся друг от друга, то сводите их вместе и представляйте им, сколь ничтожна была причина их отдаления и сколь удобно могли бы они сами то усмотреть, если б только лучше рассмотрели дело, а не вдруг рассердились. Запрещайте им всякое мщение, хотя бы оно предметом своим имело зверей

или безжизненные вещи, [1] и научайте их, как скоро они понимать то могут, что только чувствование вины и слабости рождает охоту ко мщению, а уверение о невинности и силе производит великодушие.

Старайтесь влиять в них искреннюю любовь и благоволение ко всем человекам, без различия состояния, религии, народа или внешнего счастия. Научайте их почитать братиями всех человеков, низких и знатных, бедных и богатых; человеков признавать за человеков, то есть за тварей разумных и бессмертных, а внешние их обстоятельства за случайные вещи. Впечатлевайте в них глубоко натуральное равенство человеков, дабы блеск могущества их не ослеплял и не совращал бы либо к подлости, либо к суровости, гордости и свирепству. Не позволяйте им говорить о *черни, подлом народе*, сопровождая речи сии презрительным видом и ужимками. [2] Такие выражения в устах всякого разумного человека достойны наказания: заблуждение и порок их родили, а в устах дитяти или юноши суть они самая глупость и нелепость. Когда дети ваши или ученики употребляют сии выражения, то показывайте им, что те люди, которых они чернию и подлым народом называют, гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а потому и более заслуживают чести и уважения, нежели они, и что весьма еще неизвестно, не придут ли сами они либо чрез худое свое поведение, либо безвинно по несчастным приключениям в сей же низкий класс людей и не увидят ли себя принужденными искать сожаления и помощи у тех, коих теперь без причины столько пренебрегают. В сем рассуждении надсматривайте также рачительно над поступками их с домашними служителями. Не допускайте их обходиться с ними презрительно, сурово или повелительно и вести себя как строгих и своемысленных господ, когда еще самим им надлежит учиться повиновению. Напротив того, научайте их познавать цену услуг, оказываемых сими людвми их слабости и неопытности, и познавать с надлежащею благодарностию; вливайте в них человекодружественные, благодетельные мысли об оных; и когда отважатся они в вашем присутствии приказать что-нибудь слуге, то не дозволяйте исполнять такие приказы. Сохраняйте детей еще с самых первых лет от хладнокровия, отвращения и вражды, весьма часто причиняемых между человеками различием народа и религии. Научайте их, что не одежда, не наружные обычаи и употребления, не мнения определяют истинное достоинство человеческое, но свойство и поведение; что наставление, воспитание и случай вели-

---

[1] Не бейте сами тот стул или камень, о который неосторожное дитя ушиблось.

[2] Ибо чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие.

чайшее имеют участие во мнениях и вере большей части человеков; что никто с намерением не заблуждается и не отвергает истину яко истину; что дела нужнее знания; что не заблуждение, но порок осуждает человека; что всякий должен следовать своей совести, хотя бы она и заблуждалась; что бог не взирает на лица, но между всеми народами боящиеся его и творящие правду ему угодны.

Притом приучайте их к сожалению и благодетельности. Желая образовать сердца их к сим добродетелям, не только представляйте им оные весьма изрядными и благородными, но учите их действительно познавать многоразличные роды убожества и несчастия, в которых толь многие братия их воздыхают. Водите их иногда в печальные, но поучительные жилища бедных, больных и умирающих. Заставляйте их там сравнивать свое состояние с состоянием столь многих других тварей одинаковой с ними природы и, может быть, имеющих более заслуг, нежели они. Показывайте им гладный и ужасный вид, суровое ложе и столь же суровый хлеб бедных и нуждающихся и заставляйте слышать прискорбные их вздохи. Не удаляйте их от таких трогающих явлений, опасаясь оскорбить изнеженный их вкус или причинить им болезненные чувствования. Чувствования сии суть честь человечества. Радуйтесь тому, когда явятся оные в детях ваших; давайте течь свободно слезам сожаления; не сокрывайте от них свои слезы и показывайте им примером своим, что вы и в мужественных летах не стыдитесь похвальных сих слез. Но разделяйте с ними и удовольствие благотворения и помощи, оказываемой вами оставленным и нуждающимся. Советуйтесь иногда с ними о самолучшем способе делать сие. Представляйте им то отменною честию, оказываемою им от вас за доброе их поведение, что вы исполняете обще с ними какое-нибудь благодеяние. Приучайте их ограничиваться несколько в своих забавах и удобностях, дабы тем более помогать не имущему и необходимого. Делайте заблаговременно понятным для них, что благотворение, не стоящее нам ничего или при котором мы ничего иного не делаем, как отдаем то, чего сами употреблять не можем, что для нас совсем излишне и бесполезно, — что сие благотворение не может большую иметь цену, не может быть добродетелию. Награждайте их за благодетельность не подарками, но допущая их участвовать в радости бедного и нуждающегося, вами подкрепленного, больного, получившего от вас облегчение, печального, вами утешенного, и давая им слышать, с каким исполнением сердца благословляет он своих благодетелей.

Научайте их отречению самих себя и одержанию владычества над чувственными своими похотями. И в сем намерении соединяйте упражнение с наставлением и начинайте обое столь рано, сколько возможно. Сие весьма важно для таких отчасти чувственных, отчасти ж разумных тварей, как мы. Кто в первых летах своих не

учился отрицаться самого себя и противиться сильным чувственным похотям, тому в дальнейшем возрасте весьма будет трудно, если не совсем невозможно приносить должности и добродетели жертву, которой они в нынешнем состоянии учения и упражнения толь часто от нас требуют.

И так приучайте детей своих или порученных надзиранию вашему отказываться иногда добровольно от какого-либо невинного удовольствия и прерывать наслаждение оным и чрез то доказывать силу духа и владычество над собою. Предшествуйте им и в сем своим примером. Назначайте какие-нибудь удовольствия или увеселения, которыми вы намеряетесь наслаждаться купно с ними; радуйтесь наперед оным; а если некоторые должности или случайные обстоятельства воспрепятствуют вам наслаждаться сими удовольствиями или отзовут вас от них, то ненарушимым спокойствием и дружественным наставлением показывайте тогда детям, сколько предпочитаете вы должность свою всяким забавам и сколь благо уметь умерять свои желания и владеть самим собою. Просите их упражняться при сем случае в сих благородных добродетелях или по крайней мере при сем поводе подать сильное доказательство их к вам любви и награждайте делающих то охотнее прочих отменным уважением и дружеством. Хотя сначала будет им тяжело делать себе столько насилия, хотя будет им стоить труда удерживать слезы и не производить жалоб, однако безвременное сожаление не должно вас склонять к избавлению их от сего труда. Чем чаще будут они иметь полезное сие упражнение, тем удобнее сделается оно для них, и чрез то приведете вы их, наконец, в состояние приносить без отрицания драгоценнейшие жертвы добродетели и праводетельности, как скоро должность того от них потребует.

Наконец, *научайте их терпению в страдании, бодрости и постоянству в несчастии, смелости и неустрашимости во всяких обстоятельствах.* Сии свойства и добродетели в нынешнем состоянии нашем необходимо нам нужны. Кто не научился страдать с равнодушием, кого всякое небольшое приключение потрясает и ввергает в уныние, [1] кто ужасается и дрожит от всякой угрозы, от всякого вида опасности, тот не достигнет высокого степеня в нравственном совершенстве, и благополучие его подвержено весьма многим и скорым переменам. Терпеливый только, постоянный, неустрашимый способен к преодолению трудностей, обретаемых иногда на пути должности и праводетельности, к сопротивлению стремительной реке владычествующей гибели и к сохранению невинности своея и спокойствия духа при всех переменах и искушениях внешнего счастия. Но к сим добродетелям должны

[1] Кто при всяком печальном или только неприятном известии падает в обморок.

*

мы заблаговременно быть приучаемы; сперва должны мы научиться им в малости, когда хотим исполнять их в дальнейшем возрасте и при важнейших приключениях. И так не только выхваляйте детям своим или воспитанникам сии мужественные и благородные добродетели, но и упражняйте их в оных при всяких случаях. Не допускайте любовь вашу к ним преклонять вас к изнежению их вкуса, к пощажению их от всего трудного и неприятного и к приучению их к слабости. [1] Приучайте их паче к суровой несколько жизни, дабы никакие удобности не сделались им столь необходимыми, чтоб они не могли пробывать без оных, не будучи несчастны. Когда случаются им небольшие несчастия, когда терпят они какую-нибудь болезнь или отягощение, когда теряют они такие вещи, которые почитают драгоценными, то не умножайте чувствительность их, принимая в том великое и прискорбное участие, поднимая громкие жалобы, стараясь с чрезвычайною ревностию купно со всеми вас окружающими утешить их в сем несчастии, заменить их потерю и в то же мгновение утишить весьма сносную их болезнь. Немного стоящим вещам не давайте в глазах их большей важности, нежели какую они имеют, своим об оных мнением и поступками. [2] Старайтесь паче успокоивать их вашим спокойствием и вливать в них бодрость вашею смелостию. Научайте их всякую вещь почитать тем, что она есть; разговаривайте с ними дружественно о свойстве зла, их угнетающего, чувствуемой ими болезни, потерпенной ими потери; показывайте им, коль многоразличным злоключениям и несчастиям человек подвержен и сколь многое может он сносить и терпеть, когда только захочет. Приводите им примеры таких людей, которые гораздо более их страдают, однако терпеливы и постоянны, и вместо того чтоб устрашать их представлением всех возможных злых следствий, могущих произойти от их несчастия, научайте их мало-помалу познавать многоразличную пользу, которую мудрый и добродетельный человек может получать из самых противностей, ему случающихся. Но и сим учениям давайте жизнь и силу вашим примером. Сносите сами с терпением страдание, вам приключающееся. Не давайте им никогда слышать от вас роптательных и горьких жалоб на судьбы божии; показывайте им собственным вашим поведением, что вы умеете и в несчастии успокоиваться и с твердым мужеством итти на неизбежную опасность.

Наконец, охраняйте сколько возможно детей от всяких впечатлений страха и ужаса, происходящих от таких вещей, которым страшный и ужасный вид дают только невежество, либо суеверие, либо трусливость, либо рабские мысли. Показывайте им сии вещи, когда находите к тому случай, делайте им оные известными и пред-

---

[1] Или не прислуживайте им сами, как то матери иногда делают.

[2] Напр. платью, пище, удовольствиям и т. п.

ставляйте им в яснейшем свете слабость и несчастие тех, которые всегда бредят о опасностях и повсюду видят опасность.

Вот главные добродетели, коим дети и молодые люди должны быть научаемы и в которых беспрестанно упражнять их надлежит. Когда вы, которых бог родителями или надзирателями и учителями соделал, твердо и верно будете наблюдать данные в сем рассуждении правила, часто и пристойным образом делать соединенные с ними упражнения и при том никогда не утомитесь, моля бога о благословении, то, без сомнения, не будут труды ваши тщетны. Ранее или позднее произведут они обильные плоды мудрости и добродетели в сердце и поведении под надзиранием вашим находящихся. Дети приучатся к повиновению и уступчивости, к люблению истины и честности, к трудолюбию, к прилежанию и к порядку в своих делах; они будут смиренны и скромны, будут всех человеков любить, яко братий своих, удовольствие свое искать в благотворении, владеть самими собою и отрицаться от сильных чувственных похотей; научатся они терпению в страдании, постоянству в несчастии и неустрашимости в опасностях. Коль мудры, коль добродетельны, коль благополучны будут они с сими преизрядными и благороднейшими добродетелями! Коль возвысят добродетели сии блистание наружных их преимуществ или заменят недостаток оных! Коль угодны будут они чрез то богу и человекам, коль полезны братиям своим! Коль спокойнее и беспечнее разлучитесь вы некогда с ними, зная, что сии добродетели, а с ними и все прочие суть их предводительницы в жизни.

b) К религии и христианству

Но вернейшего наблюдения всех предписаний и упражнений, предложенных доселе для образования разума и сердца детей, не довольно было бы к достижению великого предмета разумного и христианского воспитания, если б не были они соединены с толь же верным и рачительным наставлением в *религии* и *христианстве*. Чрез него только сии предписания и упражнения прямо важными и полезными становятся. Чрез него только разум человеческий образуется к истинной мудрости, а сердце к истинной, благороднейшей добродетели. Чрез него только становится человек способен к высочайшему, вечному блаженству. *Бояться бога, се есть мудрость; из страха ж божия убегать от зла, се есть разум.* Так говорит Соломон. И в самом деле, без ясного и надежного света, возжигаемого нам религиею и христианством в самоважнейших вещах, без твердых доводов, коими побуждают они нас к тому, что право и благо, без силы, даемой ими нам на исполнение должности нашей, в худом бы находились состоянии мудрость наша и добродетель. Они были бы подобны зданию, основанному если не на песке, то, без сомнения, не на весьма твердом

основании. Беспрестанно были бы мы подвержены опасности заблудиться в заключениях наших и быть обмануты и прельщены нашими чувствами, нашим воображением, нашими страстями. Немногие только, немногие были бы мудры и добродетельны; да и сии немногие не успели бы ни в мудрости, ни в добродетели столько, сколько христианин, делающий честь своему имени, успеть *может.* И так всего нужнее наставлять детей и молодых людей заблаговременно и самолучшим образом в религии и христианстве, если надлежит им быть столь мудрыми, столь добрыми, столь общеполезными и столь блаженными, сколько они быть могут. А в сем тем нужнее некоторое наставление, чем небрежнее большая часть родителей и надзирателей исполняет важную сию часть воспитания и чем многоразличнее и общее суть делаемые в ней погрешности. Никто не отрицает то, что дети и молодые люди должны наставляемы быть в религии и христианстве и что сие дело весьма важно. Но что делают для исполнения сея должности? Сперва заставляют их выучивать наизусть некоторые, по большей части трудные и невразумительные, молитвы, потом краткую или пространную систему религии и многие места из священного писания, довольно для них темные; принуждают затверживать в памяти со многим трудом такие вещи, которых они совсем не понимают, а чрез то нередко делают им вещи сии скучными, вместо того чтоб научать их почитать и любить оные. [1] Впоследствии изъясняют им сии вещи, которые думают они разуметь, потому что говорить о них могут; а сие изъяснение производится обыкновенно так, что уверяет их более о их зависимости и подчиненности, нежели о важности и изрядстве вещей. Притом увещевают их иногда бояться бога и быть благочестивыми, но по большей части мимоходом и слишком обыкновенным образом; принуждают их к посещению публичного богослужения и заставляют при случае сказывать текст из священного писания или главное положение, о котором говорил проповедник, не заботясь о том, поняли ли они что-нибудь из проповеди и употребили ли к научению и исправлению своему. После всего того думают, что уже все сделано, что могут и должны делать христианские родители для устремления детей своих к господу. Но много ли внимания и остроумия потребно на то, чтоб усмотреть недостаток в таком наставлении в религии и христианстве, и не научает ли ежедневный опыт, коль недостаточно все сие для образования детей и молодых людей истинными христианами? Нет, наставлять детей и молодых людей в религии и христианстве называется не только то, чтоб научать их содержанию божественного учения сего пристойным возрасту и понятию их образом, но и делать почтенным и любез-

[1] Прямой путь воспитать либо глупых суеверов, либо лицемеров, либо неверных, либо и совсем явных злодеев.

ным сие учение и Иисуса Христа, открывшего нам оное, образовать смысл их по его смыслу и стараться приучать их к наблюдению его предписаний и к подражанию его примеру. Родители и надзиратели должны сие предпоставить себе последнею целию не только в учебные часы, но и во всем обращении с детьми и во всех своих с ними поступках, если хотят удовлетворить своей должности. Для споспешествования некоторым образом достижению сего предмета хотим мы то, что наипаче при сем наблюдать должно, заключить в следующие пять главных правил.

Первое правило есть сие: *Вливайте в детей своих или учеников с первых лет благое предрассуждение о важности и истине религии и христианства.* Не хотим мы чрез сие сказать, что они должны только по предрассуждениям бояться бога и быть христианами. Нет, они сами должны исследовать религию и христианство и доводами утвердиться в вере своей, когда достигнут до совершенного употребления своего разума. Но как они живут и воспитываются между христианами, то весьма много зависит от первых впечатлений, получаемых ими о свойстве христианского учения, и сии впечатления весьма много споспешествуют к затруднению или облегчению их будущих исследований. И кто может опорочить родителей или учителей, которые сами делали такое исследование, которые сами, следуя ему, по истинному уверению суть христиане, которые познали и испытали святость, утешительность, божественность своея религии, кто опорочит их, когда они с сея же стороны захотят научить детей своих или воспитанников; кто не обвинит их в противоречащем самому себе поступке, если они сего не сделают? [1] Зная о какой-либо вещи, что она меня исправляет, успокоивает и делает блаженным, не возможно мне представлять ее неважною тем людям, в благополучии которых приемлю я величайшее участие; необходимо должен я доставлять им выгодные понятия о сей вещи, хотя они и не в состоянии судить о ней по своим познаниям и опытам. И так делайте сие в рассуждении религии и христианства, вы, занимающиеся христианским воспитанием. Ваши дети или ученики имеют великое мнение о вашем разуме, о вашем остроумии, о вашей мудрости и благоразумии в выборе между добром и злом. То, к чему видят они почитание от вас, удобно приобретет и их почтение и склонность. То, что вы постоянно отвергаете и чем гнушаетесь, скоро привлечет на себя и их отвращение и ненависть. С чем вы поступаете небрежно, как с маловажною вещию, на то никогда не устремится ревность их и рачение. О, если б помышляли о сем все родители и надзиратели! Коль благополучнее успевали бы они в воспитании! Но какие

[1] Не гораздо ли более облегчается сим воспитание, нежели когда хотят поступать во всем без предрассуждений? Не предшествуют ли нам в том благоразумнейшие народы?

впечатления о христианстве могут получить дети ваши или ученики, когда они ни из слов, ни из дел ваших не могут примечать, что вы почитаете его самоважнейшим делом; когда вы редко говорите о боге, о Христе, о религии либо совсем никогда не говорите; когда они слышат, что вы говорите о том без важности, без радости или еще и с презрением; когда они слышат, что вы над тем насмехаетесь или одобряете насмешки других; когда они видят, коль охотно вы сами под всяким ничтожным предлогом оставляете должность публичного и домашнего богослужения и коль рады бываете вы, свергнув с себя должности сии, яко бремя: что иное, говорю я, могут они заключить из сего, как то, что религия есть либо маловажное, либо весьма тягостное и скучное дело? Коль мало по большей части будут успевать против вашего примера все представления, которыми захотел бы кто-нибудь впоследствии вперить в них лучшие мысли! И так если хотите вы внушить детям своим или воспитанникам благое предрассуждение о важности и истине христианской религии, то давайте им примечать, что вы сами о том уверены. Не стыдитесь разговаривать с ними или с другими при них о боге и божественных вещах. Но никогда не делайте сего без важности, без почтения, без знаков искреннего удовольствия. Являйте безопасно негодование ваше на все противоречащее сим мыслям. Спешите с радостию в то место, где собираются почитатели бога для служения ему. Показывайте им, что вам прискорбно бывает, когда вы против воли своей там быть не можете.

Не оставляйте удобно наблюдение домашнего богослужения; отправляйте его обще с детьми своими, как скоро станут они способны к некоторой внимательности, и делайте сие так, чтоб они могли видеть, что сие упражнение почитаете вы гораздо важнейшим и благороднейшим всех других. Сие, без сомнения, соделает спасительные впечатления в детях ваших или учениках, и впоследствии не возможно им будет легкомысленно поступать с таким делом, которое вы всегда почитали пред ними, яко нечто толь важное и святое, не возможно им будет отвергнуть оное без самого точнейшего испытания.

Второе правило, весьма тесно с первым связанное, есть сие: *Научайте их с самых первых лет признавать религию за самолучшее и надежнейшее средство быть добродетельным и благополучным и делайте сие не столько доводами, сколько собственным своим примером.* С одной стороны, показывайте им мудрым, умеренным, праводетельным, благотворным, христианским поведением вашим, колико способна религия к образованию последователей своих добрыми, благочестивыми, полезными человеками, гражданами, отцами дома и друзьями. На сей конец сказывайте им при случае, сколь трудно было бы вам то или другое сделать, отречься от сея выгоды или принять на себя то отягощение, воспротивиться сему

искушению на зло или преодолеть то затруднение в добре, если б религия учениями и обетами своими не сообщала вам охоту и силу, если б не имели вы пред собою предписаний и примера спасителя вашего, толикую заслугу вам и всему роду человеческому соделавшего, если б не почитали вы себя людьми, определенными к другой и лучшей жизни; и коль удобным делают вам познания и ожидания сии то, чтоб последовать совести и исполнять должность и тогда, когда сие не может быть без отречения от некоторых земных выгод.

С другой стороны, смелостию и веселостию, твердостию спокойствия духа, радостию упования вашего на бога, терпением в страдании, довольствием при неудавшихся предприятиях показывайте им, коль утешительна религия и коль счастливым делает она человека. Делайте сие преимущественно в таких случаях, когда утешение и помощь ее наиболее бывают вам потребны и когда вы счастливо оные испытываете. Разговаривайте с детьми или воспитанниками вашими о сих приключениях и показывайте им, какое благосклонное влияние имела религия во успокоение ваше. Сие, без сомнения, есть самый изряднейший способ к соделанию им ее почтенною и любезною. Например тогда, когда другие на вас клевещут, когда они порочат вас строго и несправедливо, когда самолучшим делам вашим злые приписывают намерения и вместо заслуженной похвалы, вами ожидаемой, наказывают вас презрением, если тогда в недре своея фамилии будете вы утешаться добрым свидетельством своея совести и уверением, что бог знает и одобряет намерения ваши и поведение, то дети ваши научатся взирать более на мнение рассудка, нежели на мнение света, и предпочитать добрую совесть и одобрение божие всем похвалам и почестям смертных. Если праведные предприятия ваши вам не удаются, если не награждается прилежание ваше, если благоразумие ваше бывает тщетно, если уничтожается надежда ваша, то удовольствие и ясность духа, удерживаемые вами при том, да научают детей ваших, коликую власть имеет над вами религия. Говорите им тогда: «Я исполнил мою должность, исполнил ее со всею возможною верностию; я не упустил ничего, от меня зависящего, для достижения доброго моего намерения; но я не уверен был в том, что его достигну. Я знаю, что все зависит и управляемо от бога. Теперь вижу я, что мои намерения не согласны были с его; но я уверен, что его намерения всегда суть благи, всегда суть самые лучшие. Ныне хотя и не могу я это усмотреть, но, может быть, некогда узнаю. Я был орудие в руках его, я действовал по воле его, сколько она была мне известна. Без сомнения будет сие иметь добрые следствия в целом, хотя и не те, которых я ожидал». Если при сих и подобных случаях будете вы так показывать детям или ученикам вашим и чрез такие разговоры и примеры якобы чувственною делать силу учения, вами

исповедуемого, то религия, производящая такие действия, сохраняющая почитателей своих в таковых обстоятельствах бодрыми и довольными, приобретет почтение и любовь их, и они также будут искать там крепости и утешения, где вы, как они ведают, толь часто и толь обильно оные находили.

Когда сердца их таким образом предуготовлены будут ко вниманию гласу истины и добродетели, то и наставление, даемое им в религии учителями, гораздо благополучнейший будет иметь успех. Надлежит только, чтоб сие наставление распоряжаемо было по свойству дела и понятию ученика. Самое важнейшее, что при сем наблюдать должно, хотим мы заключить в следующем правиле. Оно есть сие: *Не начинайте наставление, даемое вами детям своим в религии, самыми труднейшими и высочайшими ее таинствами.* [1] Сие не только тщетно, но может еще быть и вредно. Тщетно оно потому, что сии учения, и в рассуждении того, что из них понимать и изъяснять можно, весьма возвышены над понятием детских или первых юношеских лет. А не тщетен ли тот труд, чтоб вперять в детей слова, при которых они столь же мало мыслят, как и при занятых совсем из чуждого для них языка? Делать же так не только тщетно, но и вредно. Дети приучаются чрез то довольствоваться словами вместо вещи, навык же некоторые выражения и речения пересказывать в некоторой связи почитать за действительное познание и науку; а сие должно при многих случаях заключать им путь, ведущий к истине. Сие еще не все. Непристойный такой поступок необходимо должен ослабить охоту и ревность их к изучению религии. Ибо и одно только соединенное с тем удовольствие и удовлетворение любопытству может содержать сию охоту и ревность. Но сие удовольствие и сие удовлетворение любопытству необходимо долженствуют отпасть и уступить место скуке и несклонности, когда надлежит затверживать и сохранять в уме совсем неизвестные вещи. Коль удобно даже сей худой образ учения может родить впоследствии сомнения и неверие! [2] Коль удобно может религия соделаться подозрительною начинающему о ней размышлять юноше, когда он видит ее в толь мрачном одеянии, когда он в памяти своей находит более невразумительных слов и выражений, нежели ясных понятий! Желая отвратить от них сию опасность, прилагайте учения о таинствах религии к последней части вашего наставления! Между тем будет юноша размышлять о себе самом, он научится знать самого себя и купно в свойстве и связи души и тела бездон-

[1] Сие правило столь соразмерно примеру Христову и рассудку, что удивительно, как некоторые начинают сперва самым труднейшим. Но трудно истребить привычку, сколько бы она худа ни была, если закрывается она покровом религии.

[2] Сей образ учения, к сожалению, часто имеет помянутые действия; а в ленивых людях производит он равнодушие к религии.

ные откроет глубины. Между тем достигнет он некоторых познаний о силах и действиях натуры и уведает купно, коль непроницаем мрак, которым она закрыта. Короче сказать, он найдет довольно таинств в таких вещах, которых действительность отрицать он не может. А тогда не получит он никакого противного впечатления, увидя, что религия, а особливо божественное откровение, заключает в себе учения, имущие темную сторону и о которых можем мы весьма только несовершенное приобресть познание.

И так начинайте наставление ваше тем, что всего легче и соразмернее понятию дитяти или юноши. Устремляйте внимание их сперва на многоразличные их потребности и на способы, даемые нам натурою и общественною жизнию к удовлетворению оных. Помогайте им примечать свои чувствования, желания и хотения; научайте сравнивать оные со внешними вещами и с чувствованиями, желаниями и хотениями других людей; доводите их до познания слабого и зависимого состояния своего и связей, в которых находятся они с тем, что вне их, и выводите из того главнейшие должности нравоучения, касающиеся до их самих и до их ближнего. Посредством примеров делайте им оные понятными и допускайте сердце их судить о том, что право и неправо, пристойно и непристойно. Показывайте им трогательнейшие красоты натуры. Научайте их знать свойства и намерения главнейших тварей; старайтесь доставить им некоторые понятия о порядке, искусстве и мудрости; распростирайте, так сказать, пред глазами их богатства, которые человек на земле сей находит для своего содержания, для своея удобности, для своего удовольствия; радуйтесь о том купно с ними и сказывайте им тогда, без пространных и ученых доказательств, что есть невидимое существо, есть бог, сотворший и соблюдающий все сие изрядное и доброе. Скоро почувствуют они сию истину. Она имеет основание свое в расположении нашего разума и сердца, которые, не совсем испорчены будучи, всегда воспротивятся всем делаемым против того возражениям. Представляйте им сего бога не строгим господом и неумолимым судиею, но отцом, любящим всех своих тварей и пекущимся о них, оказующим беспрестанно более им добра, нежели самые нежнейшие родители детям своим оказывают, однако любящим их не слепою любовию, но требующим от них повиновения для их же собственного блага и коего милость не иначе можем мы приобресть, как делая то, что право и благо. Приводя их к собственным их чувствованиям, научайте их тому, чем они должны сему богу. Например, говорите им иногда: «Я вижу, что ты меня любишь, зная, сколько я тебя люблю и сколь рачительно пекусь о твоем благополучии. Не должен ли ты еще паче любить общего нашего небесного отца, коего благое провидение содержит тебя и меня? От него только имею я мочь и склонность делать тебе добро. Ты почитаешь должностию своею признавать благодеяния мои с благо-

дарностию. Из благодарности желаешь ты мне угодить. Многие вещи оставляешь ты для того только, что они мне противны. Напротив того, делаешь многое, уверен будучи, что оно мне приятно. Не должен ли ты делать так же и для того, от которого все происходит и без которого нас с тобою совсем бы не было?» Сим образом весьма удобно уверите вы детей своих или учеников о главнейших должностях богу и возможете рано наставить их к познанию его. Научайте их также, что человеки прежде сего все благотворения божии поноснейшим образом злоупотребили, что потеряли они совсем из вида его и должности свои; но что бог, вместо наказания и истребления их, послал к ним Иисуса Христа яко посланника своего, дабы наставить их в том, чего они не ведали, и дать им паки способ избавиться от заслуженного наказания и сделаться мудрыми, добрыми и блаженными. Представляйте им добродетели искупителя в прекраснейшем свете; впечатлевайте глубоко в сердца их образ нравственного его изрядства; сказывайте им, коль свята и благотворна была вся жизнь его, коль много должны ему благодарить человеки, коль совершенными и блаженными хощет он соделать их и по смерти, когда повинуются они законам его и последуют его примеру, коль отменно благоугодно было богу соделанное для нас Христом и коль благоугодны будем ему и мы, если постараемся в состоянии и звании нашем доказать такую же праводетельность и верность, какую доказал спаситель наш в исполнении порученного ему дела. По сему пути доводите их к учению о бессмертии души и будущей жизни и представляйте им оное, яко единое истинное утешение человеку в страдании, яко самую твердую подпору его надежды. Научайте их почитать поведение свое в сем мире основанием состояния своего в будущем свете и приучайте их так усматривать, ценить и употреблять настоящее, как требует связь его с будущим. Когда распорядите вы наставление свое сим или подобным образом, то не будет оно заключать в себе ничего, что не было бы соразмерно понятию дитяти или юноши, что не занимало бы разум и не трогало бы сердце его с приятностию, что не сходствовало бы с собственными его чувствованиями и не могло бы прилагаемо быть в разных случаях к ежедневному его поведению; и так религия соделается для него важною, утешительною, почтенною и любезною. А соделавшись таковою, утвердит она в сердце его корни и воспротивится всем бурям несчастия и сомнений; принесет она в нем изящнейшие плоды и соделает его действительно мудрым и блаженным.

Для большего еще споспешествования сему намерению старайтесь *возбудить и беспрестанно сохранять в детях ваших живое чувствование совершенной их зависимости от бога, от воли его, от его провидения.* Сие есть главное основание всего истинного благочестия, самолучший охранительный способ от зла, самое сильнейшее побуждение к добру, обильнейший источник успокое-

ния. Благо тому, кто с первых лет приобык рассматривать все в зависимости от высочайшего существа, во всем взирать на бога и давать сердцу своему такое направление, чтоб оно при всяких случаях без принуждения, с охотою и радостию возвышалось к тому, в нем же мы существуем и живем. Коль многие искушения ко злу преодолеет без труда такой человек! Старайтесь, старайтесь доставить детям, воспитанникам вашим сии выгоды, сие счастие, о вы, которым подлежит их воспитание! При всем случающемся вам и им обращайте их к богу, от которого, чрез которого и к которому все вещи существуют. Научайте их познавать и почитать высочайшую его власть, премудрость и благость как в малом, так и в великом.

Охраняйте их от того заблуждения, якобы бог взирает только на целое, а не на все части оного, не знает всех тварей своих особенно и не печется о них, будто правит он только по всеобщим законам и никогда не имеет особливого влияния в наши действия и судьбы. Сие заблуждение весьма вредно добродетели и благочестию, так, как утешению и радости, и хотя не совсем прекращает сношение наше с первым и самолучшим существом, однако весьма оное ослабляет. Говорите им часто, когда приключится им что-либо приятное и когда они радуются о том: «Бог, всеобщий отец наш, доставляет тебе сии выгоды, подает тебе сию причину к радости, а чрез нее новое доказательство отеческого своего попечения и любви. Молись сему многолюбивому существу, благодари ему за незаслуженную его к тебе благость и берегись забыть такого благотворителя или не явить ему должного повиновения». Когда приключается им что-либо противное и когда страх и печаль овладеют их сердцами, говорите им также: «И сие страдание, сей противный случай, сия опасность зависят от воли обладающего и управляющего всем на небесах и на земле. Он и тебя знает и любит. Подвергнись воле его: она всегда праведна и блага. Ему лучше всех известно, как вести тебя к мудрости, добродетели, благополучию. Почитай его с твердым упованием; предайся вождению его. Без сомнения окончается то спасением и благословением, радостию и веселием». — Таким образом надлежит вам наставлять детей ваших или учеников в истинном сердечном благочестии. Таким образом охраните вы их от равнодушия и легкомыслия в религии. Таким образом приучите вы их к тому, чтоб они, по словам священного писания, ходили пред лицом божиим, чтоб имели они всегда господа пред очами; а тогда не подвигнутся они, то есть ничто не совратит их с пути должности и добродетели, и в самых печалях и опасностях пребудут тверды и неустрашимы.

При сем надлежит нам сделать еще краткое примечание, касающееся до *молитвы*, которая, без сомнения, есть самый изряднейший способ к удержанию в нас чувствования зависимости нашей от бога. Весьма малолетные дети не способны к сему упражнению

набожности и благочестия; и приучая их к тому тогда, когда не могут еще они ни малейшего иметь понятия о высочайшем существе́, приучают их молиться без разумения и все дело сие почитать за одну только церемонию. Но и тогда, когда разум их и размышление начинают обнаруживаться, когда делают они первые шаги к представлению себе всеобщего отца человеков, невидимого и могущественного благотворителя, когда они знают уже нечто о Иисусе Христе, яко величайшем друге человеческом, то и тогда рачительно остерегайтесь научать их трудным и долгим молитвам, заставлять их к сему упражнению принудительными средствами и наказывать жестоко за упущение оного. Подавайте им иногда сами в том пример; пользуйтесь теми минутами, в которых находятся они в спокойнейшем и яснейшем расположении духа, в которых склонны они к размышлению или в которых тронуты они бывают живо особенными приключениями; представляйте им молитву честию и счастием человеков; [1] приучайте их заблаговременно, но без принуждения к тому, чтоб выражать мысли и чувствования свои собственными словами кратко и просто; учите их примечать то добро, которым они ежедневно наслаждаются, потребности и недостатки, которые они имеют, погрешности, ими делаемые, и делать сии примечания содержанием своея молитвы. Таким образом соделаются они мало-помалу разумными молебщиками и полюбят сие святое упражнение. Не думайте, что детям трудно молиться без предписанных и выученных наизусть образцов. [2] Надлежит только вам давать им иногда в том наставление, пристойное их возрасту и понятию. Например поутру, когда им молиться должно, спрашивайте их: не радуются ли они тому, что они еще живы и здоровы, — не желают ли они и в сей день охранены быть от всякого несчастия, — не хотят ли они в сей день научиться чему-либо доброму или сделать что-либо доброе и поступать с родителями и учителями своими, как надлежит послушным детям и ученикам? и т. п. Научайте их тогда составлять из мыслей и чувствований своих краткую молитву сим или подобным образом: «Отче небесный! радуюсь я тому, что я еще жив и здоров. Тебе благодарю я за жизнь мою и здравие. Сохрани меня и сегодня от всего того, что мне вредно быть может. Помоги мне не выговорить и не сделать ничего злого, охотно повиноваться моим родителям и учителям, исполнить верно мою должность и час от часу становиться разумнее и лучше, дабы мог я угодить тебе, и т. п.». — Избегайте при сем того весьма обыкновенного злоупотребления, чтоб заставлять их на всякий день по нескольку раз читать молитву господню. Вообще она для них трудна; читая ж ее всякий

---

[1] «О, коликое счастие быть толь высоко почтенну и стоять пред богом на молитве!» *Геллерт.*

[2] Ибо кто научает их просить чего-либо у родителей?

день, без сомнения будут они часто, весьма часто молиться по ней без внимания и набожности.

Наконец, старайтесь подать детям вашим или ученикам заблаговременно наставление о истинном намерении религии и христианства. Впечатлевайте в них глубоко, что христианское учение есть учение практическое, учение истины, ведущее к блаженству; что определено оно не для удовлетворения любопытству нашему и не для обогащения разума нашего различными познаниями, которых бы не могли мы иначе достигнуть без великого труда, но для исправления и успокоения сердца нашего посредством сих познаний и для надлежащего устроения наших поступков. Говорите и доказывайте им, что дела важнее знания; жизнь важнее веры; и что не тот самый лучший есть христианин, кто более прочих знает, кто учения христианства ясно и правильно предлагать и искусно защищать может, но тот, чьи мысли и поступки точнее сходствуют с мыслями и делами Иисуса Христа, основателя религии нашей, кто далее успел в смирении, кротости, в люблении бога и ближнего, в благодетельности, в терпении, в отвержении от самого себя и от света, и что таковые христианские мысли, таковая христианская жизнь самолучший суть способ к соделанию христианства почтенным для его презрителей и врагов. Оберегайте их при случаях от плачевного духа ненависти, владычествующего еще и ныне между христианами, и научайте их, что все, признающие Христа своим господом, приемлющие учение его и повинующиеся его заповедям, принадлежат к его последователям, коль бы многими обычаями и мнениями они друг от друга ни отличались. Напоминайте им всегда решительные изречения Христа и апостолов его, *что повиновение лучше жертвы; что тот любит господа, кто содержит заповеди его; что те суть друзья его, которые исполняют повеленное им; что не обрезание важно, но хранение заповедей божиих; что по Иисусе Христе подобает только вера, чрез любовь действенною творимая; что вера без дел мертва есть.*

На сей конец представляйте им религию всегда с практической стороны и не причисляйте к ней ничего такого, что не может споспешествовать ни исправлению, ни успокоению нашему. Показывайте им, какое влияние во все наши мысли и поступки должно иметь всякое учение, всякое предписание религии, какое утешение во всяких жизненных обстоятельствах могут подавать нам ее обетования, и напоминайте им о том при всех случаях. Помогайте им прилагать то к особенным случаям, в каких они иногда обретаются. Например, если гордость хочет овладеть их сердцем, то спрашивайте их: соразмерно ли сие мыслям Христовым? и представляйте им пример его смирения и унижения. Если трудно им истребить свое любомщение, то представляйте им, сколь противна подлая страсть сия свойству и званию христианина и сколь явно противоречит она всему тому, чему христианство нас научает

и что оно нам повелевает. Если склонны они к вспыльчивости и гневу, то показывайте им кротость Иисусову и научайте их, к их устыжению и исправлению, сравнивать претерпенные им оскорбления с теми, какие они чувствуют. Приучайте их вообще к тому, чтоб всегда иметь пред глазами пример Христов и вопрошать часто самих себя: «На что бы вознамерился спаситель мой, что бы он сделал, как бы он поступил, обретаясь в моих обстоятельствах? Как бы он судил о сих вещах? Какие бы впечатления произошли в нем от ласкательств, которыми меня прельстить хотят, или от презрения, которым меня стараются устрашить?» Сие есть истинное христианство; и когда будете вы наставлять детей или учеников своих в таких мыслях, в таком поведении, то устремите вы их к господу, соделаете их истинными христианами, приведете их в состояние быть причастными преимущественного степеня совершенства и благополучия как в сем, так и в будущем свете.

Какие радостные виды для родителей, любящих детей своих, и для надзирателей и наставников, уверенных о достоинстве своего состояния и святости должностей своих! Какой труд не должен быть им легок и приятен, когда имеют они надежду достичь сих намерений! Коликая честь образовать праводетельных и верных последователей Христу, препрославленному искупителю нашему, и чрез то распространять пределы царства его! Коль знатное благотворение настоящему и будущему роду человеческому! Коль восхитительная радость, коль неизреченная награда будет некогда для сих родителей, для сих надзирателей и наставников, когда они с детьми своими или с поверенными их надзиранию паки соединятся в небесных обителях, когда восприимут они от них благодарность за верность свою, когда услышат они глас нескольких блаженных, вопиющих к ним: «Благо тебе, ты спас мою жизнь, ты спас мою душу!» — О боже! колико должно радовать то счастие, чтоб быть спасителем души!

Вот все то, что мы почли за нужное сколько возможно вкратце сказать о образовании разума и сердца детей, о наставлении в главных добродетелях, а особливо в религии и христианстве. Но сие поле столь обильно плодовитыми размышлениями, что мы хотим еще несколько с него пожать прежде, нежели совсем его оставим.

III

ВСЕОБЩИЕ ПРАВИЛА

И так хотим мы сообщить еще некоторые всеобщие правила и примечания о воспитании детей, которые отчасти облегчают наблюдение вышеозначенных предписаний, отчасти ж могут ободрять к верности и постоянству в наблюдении оных. Сие подаст нам

купно случай более истолковать и подтвердить разные мысли и предложения, до которых в предыдущих отделениях коснулись мы только мимоходом, и мы надеемся, что оные прочтены и испытаны будут с тем вниманием, которое заслуживают они по своей важности.

Первое правило есть сие: *Помышляйте часто, какие суть те творения, которых воспитанием и образованием вы занимаетесь.* Вы не можете почитать их ни совсем чувственными, ни совсем разумными тварями. Человек стоит на лествице существ между зверем и ангелом. Не должен он ни унижаем быть до первого, ни возвышаем до другого. Но чувствительность и рассудок должны в нем приведены быть в согласование и обще споспешествовать к достижению единого предмета. И так если не будете вы полагать пределы чувственным пожеланиям детей ваших; если вы будете заставлять их судить о цене внешних вещей только по впечатлениям, делаемым оными в их чувствах; если будете приводить их к повиновению и должности только посредством чувственного удовольствия или неудовольствия; если по единому произволению своему деспотически будете управлять ими: то забудете вы достоинство их натуры, и, может быть, они в мыслях и склонностях своих никогда не возвысятся над неразумными животными.

Если ж, напротив того, еще в молодых летах будете вы требовать от них важности мудрого старца; если всякий недостаток размышления будете считать для них преступлением, если потребуете от них, чтоб всегда поступали они по справедливейшим правилам; если запретите им всякую невинную детскую радость и будете стараться сделать чувства их якобы нечувствительными ко всему тому, что приятным или неприятным образом оные трогает; если будете упражнять их беспрестанно в строжайшем отвержении самих себя: то забудете вы слабость их состояния, забудете, что они суть человеки, которых слава состоит не в нечувствительности или истреблении своих чувственных пожеланий, но в приобретении мало-помалу владычества над оными.

Убегайте обоих сих распутий с равным рачением, если хотите сделать детей своих способными к достижению их определения. Учите их не изнеживать тело свое, но также и не мучить его без нужды. Научайте их почитать его яко существенную часть человека, но не признавать никогда за важнейшую часть. Допускайте их с веселым духом наслаждаться красотами натуры, приятностями общественной жизни, удовольствием умеренного движения и свободы и всеми невинными радостями беспечного возраста; но также давайте им для предостережения чувствовать и болезни, случаем или собственною неосторожностию причиняемые; не трудитесь тщетно истребить натуральные их желания удовольствия, похвалы, чести, спокойствия и свободы, а старайтесь только благоразумно оные умерить и мало-помалу устремить

на достойнейшие роды удовольствия, похвалы, чести, покоя и вольности. Собственными их и чужими опытами научайте их отличать вид от истины и соединять настоящее с будущим. Населяйте рассудок их по той же мере, по которой чувства их становятся способнейшими к живейшим впечатлениям; рассеяние мыслей и размышление, отдохновение и труд, веселость и важность должны у них переменяться в надлежащем отношении друг к другу. Подавайте им часто повод к таким действиям добродетели и благотворения, при коих вся чувствительность сердца их благородным образом могла бы явиться. Сим образом надлежит вам поступать с такими тварями, которые отчасти чувственны, отчасти ж разумны, и сим образом всегда более будут они приближаться к определению человека, которого рассудок не истреблять чувственные побуждения и желания должен, но только обладать и управлять ими.

Второе главное правило при воспитании детей есть сие: *Старайтесь самолучшими средствами содержать себя в надлежащем уважении у детей своих.* [1] От сего зависит весьма многое, да можно сказать, что и *все*, а особливо в начале воспитания. Если надлежит детям вашим быть мудрыми и добродетельными, то должны они по одним словам вашим принимать с уверением и почитать за истину в первых летах своих многие важные положения, которые они хотя некоторым образом и понимают, но не могут еще усматривать причин их и связи с другими положениями. Они должны наблюдать многие должности и приучаться ко многим добродетелям, которых влияние в настоящее и будущее их благополучие и в благополучие целого общества не можно еще довольно ясно им показать. При различных и толь часто прекословных мнениях, слышимых ими от других, о добром и злом свойстве или цене некоторых вещей и действий надлежит им иметь такого человека, который бы определял собственное их мнение и на утверждения которого могли бы они спокойно полагаться. Наконец, должны они хранить повиновение и научаться часто из единого повиновения отказываться от своих склонностей и удовольствий. Но могло ли бы сие быть или могло ли бы быть действительно для разума и сердца их выгодным образом, если б вы не находились в великом у них уважении и не умели бы сохранять сие уважение? В необходимости сего сомневаются весьма только немногие родители и надзиратели; ибо во всех довольно есть самолюбия и все не охотно отступают от уважения и власти, какую они над другими имеют или иметь думают. Но способ приобретать себе

---

[1] Сие правило по справедливости есть самое важнейшее, и доброе его исполнение согласуется с пятою заповедью. Ибо что побуждает нас почитать родителей наших? Не то ли, когда они при всяком случае стараются показать искреннее свое о нашем благополучии попечение?

и утверждать уважение сие не всегда бывает самый лучший; часто бывают в нем весьма многие и великие погрешности; а здание, утвержденное на худом основании, удобно поколебаться может, оно может опровергнуто быть малым приключением. Если уважение основывается только на власти и силе; если стараетесь вы утверждать его всегда, или обыкновенно, на пасмурном виде, суровых словах, строгих приказах, жестоких наказаниях, повелительных, угрюмых и сердитых поступках; [1] если непременно и во всех случаях требуете от них слепого повиновения и за всякое упущение оного с неупросимою наказываете жестокостию, сколько бы оно ни было различно свойствами, источником и следствиями: то хотя и распространите вы вокруг себя страх и ужас, хотя дети ваши или ученики будут чувствовать власть вашу над ними и оберегаться от действий оной, но вы сделаете их рабами, носящими с нетерпеливостию иго, вами на них наложенное, и они будут свергать его с себя столь часто, когда только думают, что могут сделать сие без великой опасности. Если ж хотите вы утвердить уважение свое на крепком и продолжительном основании, то старайтесь о том, чтоб дети ваши или ученики получили о вас доброе мнение, чтоб имели они великие мысли о вашем разуме и праводетельности, чтоб они почитали вас самих мудрыми и добродетельными, а чрез мудрость и добродетель счастливыми, и чтоб не сомневались они в том, что вы стараетесь только о их благе. Для доставления им сего доброго о вас мнения не нужно вам хвалить самих себя или прославлять пред ними на словах преимущества своего духа и сердца и доброту своего поведения; но хорошо бывает, когда другие делают сие в их присутствии скромно и непринужденно. Не показывайте только им в речах и делах своих ничего глупого, непристойного, противоречащего либо и совсем злого и порочного; последуйте только сами во всякое время и во всяких случаях предписаниям мудрости и добродетели и делайте сие сколько возможно с веселым видом, в котором не было бы никаких примет трудного спора с самим собою или внутреннего сопротивления требованиям совести и должности. Почитайте детей своих внимательными свидетелями и строгими судиями вашего поведения и удаляйтесь лучше от них как можно скорее, когда вы должны бываете опасаться, что какая-нибудь страсть вас преодолеет или выведет вас из вашего положения вредным и соблазнительным для них образом. Не судите никогда о вещи без довольного о ней познания, дабы не надлежало вам возвращать свои мнения. Не действуйте никогда без причин,

---

[1] Так поступают многие учители, превосходящие часто строгостию надсмотрщиков в американских плантациях; но зато и боятся их дети тогда только, когда находятся под их властию; а потом следует обыкновенно — презрение.

*

дабы не должны вы были стыдиться своих действий и могли бы в подобных случаях смело поступать так же. Рачительно скрывайте от них собственные свои слабости и погрешности, пока рассудок их довольно укрепится, чтоб почитать глас истины и повеления добродетели для их самих и без отношения к тем, которые объявляют им сии учения истины и предписывают должности добродетели. Наконец, давайте им примечать, сколько печетесь вы о их благополучии и сколь нежно их любите. Радуйтесь вместе с ними о всяком добре и не стыдитесь иногда брать участие в невинных их забавах. Такое мудрое, добродетельное, чадолюбивое и благоразумное поведение, без сомнения, доставит им самолучшее о вас мнение; а сие мнение, подкрепляемо будучи детскою благодарностию и любовию, соделает их во многих случаях безопасными от соблазна заблуждения и порока. Уважение ваше от них будет основательно и твердо; оно подаст силу всем вашим напоминовениям, наставлениям, учениям и приказам; предупредит оно все вредные сомнения о правильности, истине и справедливости оных; оно соделает послушание и повиновение детей ваших к вам искренним и охотным и вам самим весьма облегчит исполнение вашей должности.

Третие: *Следуйте в воспитании детей своих некоторому плану или некоторым со зрелым рассуждением принятым положениям и правилам и сколько возможно никогда от оных не отступайте.* При первом воспитании, как мы уже приметили, гораздо более зависит от беспрестанного упражнения в должности и в приобретении добрых навыков, нежели от наставления; а посему необходимо должно наблюдать при том точное единообразие, когда надлежит, чтоб сие упражнение сделалось способностию, а добрые сии навыки укрепились и сделались натуральными. Упущение сего правила есть одна из главных причин худого успеха многих в прочем похвальных стараний, употребляемых на сей конец. Когда главные особы, занимающиеся образованием дитяти, различаются друг от друга мыслями, мнениями, намерениями и положениями и сие различие в присутствии детей своих открывают или даже впускаются в споры и брань о том; либо когда одна особа по недостатку твердых положений поступает иногда так, иногда иначе, сегодня хулит и наказывает то, что вчера хвалила и награждала, сегодня приказывает то, что вчера запрещала, сегодня употребляет чрезмерную строгость, а назавтра неограниченное снисхождение и послабление: то не возможно достигнуть цели воспитания. Мнения дитяти будут сомнительны и нетверды; склонности его и намерения всегда пребудут неопределенны и противоречащи; а добрая его натуральная доверенность к родителям и учителям отчасу более ослабевать станет, а наконец и совсем прекратится. И как может оно дать силам своим известное устремление, облегчающее ему употребление оных,

когда оно часто должно бывает употреблять их на вещи совсем противоположенные и противоречащие одна другой? Как может сделаться ему должность приятною, а добродетель любезною, когда оно за то иногда хулы, а иногда похвалы, иногда награждения, иногда ж наказания ожидать имеет? [1] Оберегайтесь, воспитатели, от сея весьма обыкновенной погрешности. Советуйтесь часто друг с другом, отцы и матери; советуйтесь также и с теми особами, которые имеют некоторое участие в воспитании детей ваших или приметное влияние в их нравы. Сообщайте друг другу свои знания и опыты; утвердите между собою некоторые положения и правила и следуйте оным несовратимо.

Не противоречьте самим себе; не противоречьте друг другу; но паче взаимно один другого подкрепляйте; утверждайтесь на одинаком основании и трудитесь по одинакому плану; помогайте всегда друг другу и будьте уверены, что такие единообразные и согласные старания хотя и будут иметь некоторые погрешности, однако гораздо более принесут пользы, нежели другие, которые хотя и лучше сами по себе, но подвержены при том многим переменам и противоречиям.

Четвертое: *Будьте постоянны и неутомимы в произведении своего плана и не отстрашайтесь от него ни трудностями, ни худым успехом.* Не ласкайтесь достичь до благодетельных намерений своих в немногие месяцы или годы. Не требуйте того, чтоб всякое доброе семя, кинутое вами на землю, тотчас произросло и в определенное вами время принесло плоды. Часто может оно долго лежать сокрыто в земле, может казаться совсем умершим; но наконец беспрестанное попечение и какое-либо неожидаемое обстоятельство даст ему новую жизнь и наградит терпение ваше надеждою благословенной жатвы. Многие учения мудрости должны предлагаемы быть сто раз прежде, нежели удастся учителю предложить их соразмерно понятию ученика своего. Многие худые привычки, многие непристойности могут стократ тщетно быть оспориваемы прежде, нежели потеряют несколько своея силы и дадут место упражнению в противоположенных добрых навыках.

Многие добродетели часто тщетно бывают выхваляемы, пока наконец явятся в том свете и представятся дитяти или юноше в том виде, который тронет его сердце и приобретет все его почтение и всю любовь. Разум и чувствительность обнаруживаются иногда поздно и показываются вдруг в такой силе, которая с избытком заменяет прежние тщетными казавшиеся опыты возбудить оные. Мудрость, добродетель и богобоязненность суть преимущества, не без труда и не вдруг получаемые: они суть владетельницы, часто долженствующие долго сражаться с пороком, прежде

[1] Когда за одно дело отец его хулит, а мать хвалит; или учитель хвалит, а родители бранят.

нежели овладеют сердцем. Пользуйтесь только всякими случаями к облегчению им сея победы; не ослабевайте в отпоре врагу сему дотоле, пока он утомится сопротивлением вашим, и мыслите всегда о том, что детские или юношеские годы определены для посева, а не для жатвы. Несчастливый успех стараний ваших должен всегда делать вас внимательнее на самих себя, на воспитанников ваших и на самые малейшие внешние обстоятельства; но не должен приводить в уныние. Ищите причину такой неудачи в погрешности ваших поступков, а не в невозможности произвесть то благополучно, и не удерживайтесь самолюбием от исправления сих погрешностей, как скоро вы их откроете; но делайте сие так, чтоб такая перемена в поступках ваших не весьма была приметна и не ослабела бы доверенность к вам воспитанников ваших. Отдавайте часто самим себе отчет в прилежании и верности, употребляемых вами в сем деле; разговаривайте о том с друзьями своими и пользуйтесь их знаниями и опытами. Когда ж вы при добром свидетельстве совести своея не достигаете до исполнения намерений ваших или достигаете весьма только несовершенно, то утешайтесь тою мыслию, что вы старались сделать все зависящее от сообщенных вам богом сил и способов и что под управлением премудрого и преблагого бога не могут быть тщетны и те старания, которых пользы совсем мы не усматриваем.

Пятое: *Дабы не лишиться бодрости, представляйте себе часто многоразличные и великие выгоды, которые сами вы можете почерпнуть из разумного и христианского воспитания детей, в рассуждении морального вашего характера, или нравственного совершенства.* Пока живем мы на земле сей, дотоле живем в всегдашнем воспитании и упражнении. Все мы должны воспитаны быть к лучшей жизни, к высочайшему блаженству, и воспитание сие оканчивается только смертию. Никогда не возможно нам бывает здесь сказать, что мы столь мудры, столь добродетельны, сколько быть и сделаться можем; и горе тем, которые думают в каком-нибудь времени своея жизни, что достигли уже до сея цели, и не стараются уже более о приобретении большего совершенства. Скоро лишатся они и того, что уже приобрели с трудом, и найдутся паки при начале полусвершенного уже пути своего. Родители, учители и надзиратели, любящие самих себя и желающие достигнуть определения своего, пекитесь рачительно и в сем намерении о предлежащем вам деле воспитания. Оно есть преизрядный способ к споспешествованию собственному вашему совершенству.[1] Трудясь с важностию и размышлением над образованием духа и сердца детей или учеников своих, будете купно и своему духу и сердцу доставлять новые преимущества. Стараясь других сделать мудрыми, сами будете всегда становиться мудрее;

[1] Уча других, учимся сами.

стараясь их исправить, всегда благополучнее будете успевать в собственном исправлении. Погрешности, примечаемые вами в них, сделают вас внимательнее к вашим, покажутся вам во вредных своих источниках и следствиях, и вы исполнитесь отвращением от них. Беспорядочные пожелания и страсти, которые стараетесь вы умерять и ослаблять в детях, сделают вас осторожными противу всех нападений сих врагов вашего покоя и благополучия и будут подавать вам всегда новые оружия для сопротивления оным. Самое опасение, которое должны вы иметь, чтоб не выговорить или не сделать в присутствии детей своих чего-либо, могущего сделать в них противные впечатления, охранит вас от многих проступков; оно наложит на вас спасительное принуждение, а чрез то исполнение труднейших добродетелей сделается для вас навыком. То, что прежде делали вы только по нужде и осторожности или по любви к детям и ученикам своим, будете наконец делать по склонности и правилам, по любви к богу и добродетели. Сверх сего найдете вы тысячу случаев научиться лучше знать сердце человеческое вообще и свое особенно, открывать тайные его ухищрения и нечистые намерения, благополучнее употреблять предписания мудрости и добродетели и различными упражнениями и правилами благоразумия делать должность свою себе удобнейшею и приятнейшею. Какие выгоды! Можем ли мы заплатить за них когда-либо слишком дорого? И тогда, когда старания наши в рассуждении других не имеют желанного успеха, можем ли мы по справедливости сказать, что тщетно истощили мы свои силы? Ибо от нас только зависит по крайней мере для себя толь великую получить от того пользу.

Возбуждайте в себе часто прилежание к воспитанию живым представлением важности оного. Паче всего собственный ваш опыт должен научать вас великому влиянию, которое имеет доброе или худое воспитание в будущую жизнь человеческую. [1] Если сами вы наслаждались добрым христианским воспитанием, то представляйте себе часто, коль многим обязаны вы оному; от коль многих поступков и заблуждений оно вас охранило; коль часто к пользе и утешению своему испытывали вы силу добрых правил, полученных вами от родителей или учителей своих; коль удобно сделалось для вас исполнение должности вашей чрез то, что вы заблаговременно к оному привыкли и соединяли его с представлением удовольствия; коль далеко успели вы в некоторых редких и трудных добродетелях, для того что упражнялись в них прежде еще, нежели узнали порок; коль многое успокоение и облегчение в противных приключениях и печальных часах находили вы, для того что научили вас судить право о цене

[1] Всегда, или по крайней мере по большей части, родители только бывают виною доброго или злого свойства детей.

вещей и почитать и употреблять в пользу религию с ее утешениями. Потом спрашивайте себя, не желаете ли вы и детям своим сих же выгод и не будете ли справедливо и чувствительно укорять себя, когда они лишатся оных вашею виною? — Когда ж, напротив того, имели вы худое или не весьма доброе воспитание, то вспоминайте о вреде, происшедшем для вас из того, а может быть, еще и ныне происходящем. Говорите часто сами себе: «Не те ли погрешности делаю я ныне чаще всех и нахожу трудным преодоление оных, которым не сопротивлялся я в детстве и юношестве и которые почитал неважными? Беспорядочные страсти, одолевающие меня ныне чаще других и нарушающие спокойствие и благополучие мое более прочих, не те ли суть, которым в детстве и первых летах моих наиболее уступали либо даже и ласкали? Повеления мудрости и должности, к которым и ныне еще часто принуждать себя должен я бываю, не те ли суть, которые тогда мог я преступать без размышления и не опасаясь наказания, и преступал действительно, видя, что приставленные надо мною без опасения их преступали? Добродетели, которых исполнение еще и ныне стоит мне большого труда и отрицания самого себя, не те ли суть, в которых тогда мало я упражнялся либо и совсем не упражнялся? И так не должен ли я делать все то, что могу, для избавления детей моих от сего труда, от сего принуждения, от сея брани с самим собою, для охранения их от строгого владычества злых страстей, для соделания им удобным того, что мне трудно, а узкой стези жизни, добродетели и благополучия столь равною и приятною, сколько возможно, и какова была бы она ныне для меня, если б имел я лучшее воспитание? Могу ли я подать им причину вспоминать некогда обо мне с негодованием, воздыхать, может быть, во всю жизнь под злыми следствиями моего небрежения и по достоинству укорять меня за то?»

С тем, чему научает вас опыт, соединяйте размышление; да научает вас также и оно о великой важности воспитания детей. Представляйте себе, коль вообще тверды первые впечатления, получаемые нами о естественных и нравственных предметах; коль глубоко вкореняются в душе человеческой первые, добрые или злые, учения, правила, склонности и привычки; коль велика особенно сила примера; колико зависят друг от друга образы мыслей и нравы детских, юношеских и мужеских лет и коль твердо основываются они один на другом, а посему коль важно первое образование разума и сердца. Представляйте себе, что дети и ученики ваши со временем не будут уже детьми и учениками; что достигнут они некогда полного употребления своея свободы и будут совершенно зависеть от самих себя; что вступят они тогда во многоразличные сношения с другими людьми; что, может быть, займут они важные места в государстве; что всегда будут они иметь большее или меньшее влияние в благополучие многих

людей, в каком бы они состоянии ни были; что, может быть, сделают они тысячи человеков счастливыми или несчастными, по свойству своего смысла и поведения; и рассуждайте о важных следствиях, какие может и должно иметь доброе или худое воспитание во всех сих намерениях. Помышляйте о великих и постоянных услугах, оказываемых вами всему человеческому роду мудрым и христианским воспитанием детей, и сравнивайте с тем превеликий и ненаградимый вред, причиняемый вами оному чрез упущение или пренебрежение сея должности. Особенно представляйте себе влияние, которое даваемое вами детям или ученикам своим воспитание будет иметь в то воспитание, кое дадут они некогда своим детям или ученикам, и устрашайтесь тоя мысли, чтоб сделать такие погрешности, которые уважение ваше якобы освятит и которые могут еще и детям вашим быть вредны.

Наконец, для придания всем сим размышлениям еще большей силы и жизни *воображайте себя при смерти и собирайте тогда в мыслях около себя детей и потомков своих.* Спрашивайте сами себя: что споспешествовало бы тогда успокоению и утешению вашему, воспоминание ли многоразличных рассеяний и веселостей, которыми наслаждались вы, пренебрегши рачительное и христианское воспитание детей; или воспоминание беспрерывных и верных трудов, употребленных вами на сие дело, — представление ли богатств и драгоценностей, оставляемых вами детям, и прочих внешних преимуществ, доставленных им, или представление мудрых учений и добродетельных и благочестивых примеров, данных им вами? — Пребудете ли вы тогда тверды в сообщенных им положениях и правилах жизни и осмелитесь ли умирающими устами выхвалять им, яко самоважнейшее и лучшее, то же, что прежде выхваляли им словами и делами своими; или увидите себя принужденными переменить язык свой, осуждать собственные свои положения и поступки, остерегать их от вредного оных влияния и то, что вы прежде паче всего почитали и любили, представлять им такими вещами, которыми вы сами обманывались и которые не достойны вашего и их почтения и любви? — Что облегчит вам разлучение с детьми: то ли, когда вы возможете сказать им: «Я оставляю вас с сокровищами, с честию, со знатностию, со всеми способами к чувственным забавам и к удовлетворению страстям»? или то, когда можете сказать: «Я оставляю вам мудрость, добродетель и богобоязненность путеводительницами в вашей жизни; а благодать всевышнего и надежду блаженного бессмертия постоянным утешением»? — Какие укоризны, какую тоску, какие угрызения совести долженствует причинить родителям и надзирателям пренебреженное воспитание в последние дни и часы их жизни, когда они увидят детей своих или воспитанников на пути дурачества и порока; когда представят они себе все вредные следствия, какие погрешное их поведение может

привлечь и по вероятности привлечет за собою и на отдаленное, еще не родившееся, потомство; когда помыслят они об отчете, который должны будут отдать в рассуждении сего всеведящему судии мира; когда преселятся мыслями в вечность, имея причину страшиться, что дети и потомки их будут там приносить на них жалобы, яко на виновников несчастия своего! Можно ли вымыслить состояние печальнейшее сего?

Напротив того, коль велико должно быть удовольствие, коль восхитительна радость, оживляющая родителей и учителей при разлучении их со светом, когда видят они тех, которые поверены были их надзиранию, ходящих по пути мудрости и добродетели; когда представляют они их добрыми, полезными, благочестивыми человеками, гражданами, отцами, учителями, начальниками и подданными; когда помышляют они о благословенном влиянии своих мыслей и своего примера во всеобщее благополучие собратий; когда они могут самих себя почитать благодетелями сущего и будущего человеческого рода и при том основательную имеют надежду соединиться паки в лучшем мире с теми, которые в сем были им любезнее всех, и обще с ними наслаждаться плодами взаимной праводетельности! [1] Какие чувствования! какие виды! коль богато будут они сим награждены за все свое старание и рачение; коль обильно заменятся им все суетные, преходящие удовольствия, которыми они должности своей пожертвовали! О, да вкусите все вы, занимающиеся воспитанием или которым предлежит оно, сладость наград сих, и да возбудит вас представление оных к беспрерывному прилежанию и совестнейшей верности в наблюдении сих святейших должностей!

---

[1] Когда они с Аддисоном могут сказать в смертный час своим детям: «Смотрите, коль спокойно умирает христианин».

О ТОРГОВЛЕ ВООБЩЕ

ВВЕДЕНИЕ

Век наш, просвещенный более всех прежних столетий во всех предметах, подлежащих познанию человеческому, есть такая эпоха, в которой просвещеннейшие государи и министры пекутся о политическом благосостоянии граждан. Между прочим, извлечено в нем из прежнего мрака весьма важное для человечества дело, то есть торговля, и озарено светом рассудка и философии то влияние, которое может она иметь во всякую часть государственного состава.

Были народы, употреблявшие долго правила торговли якобы скрытно; но не знавши довольно сих правил, видели только их действия и удивлялись оным. Наконец могущество и богатство торгующих народов побудили начальников земных обратить внимание на торговлю. Самые просвещеннейшие умы употребляли дарования свои на исследование важного сего действия и утвердили правила оного; Невтон и Лок писали о материях, касающихся до того. Таким образом произошли мало-помалу правила такой науки, которой бесчисленные отделы простираются в употреблении на все потребности человечества и которая не может уклониться от внимания политика, имея важное влияние во все части общества, управляемого им.

Достойные и просвещенные мужи и в наше время со счастливым успехом прилагали труды свои ко всем частям торговли, к открытию правил ее, к следствиям и действиям оных. Гюм, Шмит, Таубе, Зонненфелс, Пинто, Райналь, Фортбоне и многие другие открыли подлинные правила торговли и показали весьма ясно все ее отношения.

Для подания соотечественникам нашим понятия о сей науке намерены мы выбирать из сочинений помянутых мужей и других, отличившихся заслугами в сей материи, то, что покажется нам нужнейшим, и приобщать к публичным «Московским ведомостям». Исполнение сего намерения начинаем теперь «Рассуждением о полезном влиянии торговли в благосостояние государства». Оно разделяется на четыре отделения, из которых:

В первом будем говорить о происхождении торговли в политических обществах.

Во втором определим понятие о торговле, различные роды ее и учрежденный в оных распорядок.

В третием представим исторически выгодные действия торговли в знатнейших торговых государствах.

В четвертом, наконец, покажем то, каким образом торговля, имея влияние во все средства пропитания и в совокупленное с ними упражнение граждан, приводит чрез то благополучие гражданское в государстве в цветущее состояние.

Предмет наш есть тот, чтоб сделать пользу и угождение нашим читателям; а достижение сего предмета будет нам наградою.

ОТДЕЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ

§ 1

Мы не утверждаем еще никакого понятия о торговле, но испытаем ее в начальном ее виде и последуем ей в разыскании нашем по степеням, по которым она возникая возросла наконец до сего огромного здания тысячекратных отношений и многоразличных составлений.

§ 2

Всякое государство имело эпоху, в которой было оно в детстве своем и начинало образоваться. Тогда не могла быть такая торговля, какова она ныне, ибо не знали еще тогда тех потребностей, которые в цветущих государствах, где все размножилось на бесчисленные отрасли, происходили мало-помалу и возросли якобы до чрезмерности.

Тогда возможен был один только самый простой род торговли, то есть мена. Завладевший прежде всех землею получал от нее пропитание, которое употреблял отчасти на свое содержание, отчасти ж должен был отдавать в промен за иные необходимые потребности в жизни, например за одежду, за орудия и пр. (мы предполагаем, что можно получать излишнее множество пропитания).

§ 3

Члены таких обществ натурально должны были разделиться на два главные класса: на *земледельцев* и *ремесленников;* ибо первые не могли в одно время удовлетворять всем своим потребностям и приобретать пропитание, а последние, не имевшие земли для обработывания, должны были упражняться в приготовлении других необходимых потребностей, дабы выменивать себе пропитание от изобилия первых. Чем далее пространялось сие разделение работы на особенные отрасли, тем более и совершеннее становилось всеобщее произведение трудолюбия и тем более умножились меновые дела.

§ 4

И так сия мена есть первый и самый простой род торговли, приявший начало свое купно с обладанием собственностию. Обширности ее надлежало всегда располагаться по множеству потребностей, какие люди тогда имели. Климат, род жизни, склонности и тому подобное возводили ее на высшую или низшую степень.

§ 5

Когда были удовольствованы все потребности, произведенные натурою, которые у народов, пребывших верными сим непосредственным требованиям натуры, ограничиваются всегда на немногих только предметах, тогда надлежало сему меновому торгу остановиться в своей окружности, и сия непременность владычествует у всех диких народов, не перешедших еще в полированное состояние.

§ 6

Но скоро преступлены были сии пределы, скоро произошли новые потребности. *Истонченный вкус*, или некоторый степень *роскоши*, [1] имеющий предметом потребности хотя сами по себе обходимые, но к удобности, к великолепию и к царствующей попеременно моде нужными ставшие, сей вкус распространился мало-помалу в большой части новообразовавшихся обществ, умножил произведением сих потребностей всеобщую меру действенности и привел в движение силы прилежания [2] и способности к изобретению. Изобретение *денег*, или другой подобной *равноценности*, [3] присоединившееся к тому, облегчило и умножило сие распространение в тем большем степени.

[1] Luxus.
[2] Industrie.
[3] Aequivalent.

§ 7

Деньги суть всеобщий масштаб цены товаров и замена всему, что продать можно. При многоразличных неудобствах мены необходимо было людям выдумать таковую всеобщую замену. У всех народов, достигших до малого только степени общественного учреждения, можно найти, что введено между ими нечто подобное; и где обретались дорогие металлы, тамо открыты были скоро и выгодные их свойства, делавшие их пригоднейшими всего к сему употреблению.

Мы преминуем здесь разные степени, пройденные сим металлом прежде, нежели он чрез многоразличные поправки пременился наконец в нынешние монеты, ибо сие не принадлежит в пределы нашего исследования.

§ 8

Между тем сии деньги, которые, по принятому о них мнению, представляли все потребности и были средством доставать во всякое время оные, сделались также и предметом всеобщего желания. Они облегчили мену и обратили в простейшее дело действия, [1] причиняемые оною и при особенных случаях бывавшие совсем невозможными, и таким образом стали купно причиною, умножившею обращение товаров и положившею первое начало подлинной торговле. Но доколе общества одинакие еще имеют потребности, доколе сии ограничиваются только в первых необходимостях жизни, дотоле и введение денег не может иметь дальнейших следствий, кроме того, что приобретшие их прежде других перестанут работать и будут удовлетворять своим потребностям деньгами своими. Между тем пропитание скоро сделается реже, ибо снедение прирастает без умножения числа работающих; оно станет дороже, и класс работников умножится купно по мере снедения, доколе плодоносие земли будет награждать достаточно их труды. Мануфактуры также возвысятся, ибо владетели денег будут доставать себе более вещей. Но и здесь последует скоро остановка, когда земледелию неудобно будет распространяться далее. Пожелания человеческие не простираются еще далее физических потребностей, они заключены еще в сии пределы.

§ 9

Здесь торговля должна была бы остановиться, невзирая на все денежные суммы, если б дух человеческий не начал сам доставлять себе потребности, преступившие все пределы натуры.

---

[1] Operationen.

Сей есть дух прилежания, который истонченным вкусом упражняется в излишних вещах. Тщетно скопляются деньги в том государстве, где нет сего вкуса, мануфактуры без него никогда не возвысятся, никогда не процветет торговля, сии деньги не имеют иного действия, кроме описанного теперь нами, если не присовокупится к тому прилежание; они содержат третий класс граждан, которые живут ими и не работают, доколе их имеют; но не рождают они еще никаких новых потребностей, а служат только способом к удовлетворению уже обретающихся. Есть правило, что только умножение потребностей, если можно им удовлетворить, умножает число людей. Оно только умножает прилежность, чрез его только может торговля достичь своего процветения: деньги не суть потребность, доколе нет иных потребностей, которых удовлетворительный способ они представляют.

В древнейших временах не было недостатка в деньгах, но богатые обладатели оных, не находя предметов новых потребностей, держали их запертых в своих сундуках, и они не имели обращения. Не одни только американские золотые и серебряные рудокопни, наполняющие Европу, но наипаче изобретательный вкус в искусных потребностях довел прилежание до толь высокого степеня тонкости; сей вкус есть пружина знатных успехов, какие имела торговля, и купно также путь, по которому она всегда выше восходить будет, пока желание наше не имеет пределов.

Натура довольно имеет предметов, а изобретательная рука художника умеет давать оным бесчисленное множество образований прелести, так, что хотя они прежде и совсем были неизвестны, но как скоро появятся, то почитаются необходимыми.

§ 10

Мы займемся на несколько времени отличностию сего появления. Мы воображаем себе богатого человека, думающего, что не имеет никаких потребностей, которым бы он уже не удовлетворил: сей человек пусть пойдет на гостиный двор. Нигде не узнает он скорее своих потребностей, как тамо. Все, что он увидит, покажется ему либо необходимым, либо по крайней мере годным. Он должен будет удивиться, что мог жить без такой вещи, которую остроумный художник для того только, кажется, и изобрел, чтоб она прельстила его своею новостию и удовольствовала бы желание, происшедшее в нем от того. Он купит такие вещи, которых, не видавши, не пожелал бы никогда во всю жизнь свою. Таким образом изобретательный художник всегдашнее имеет побуждение работать и доставлять чрез то богатому приятные предметы за его деньги, хотя и не угнетает его недостаток. Корысть или честолюбие будет его поощрять к изобретению всегда большого числа орудий роскоши на употребление другим.

§ 11

Сия краткая картина возрастающих потребностей человеческих может некоторым образом показать, как торговля и прилежность получили при том предметы своего приращения.

Не множество сокровищ, которых довольно лежало сокрытых в сундуках богатых еще до открытия Америки (до такой эпохи, в которой торговля и прилежание новую получили жизнь); не плодоносная земля, которой произведения растут якобы сами собою и тем самым делают жителей ленивыми и бездейственными (такие земли еще и ныне остаются без народа, без торговли, без прилежания), умножили потребности и возвысили торговлю; но сия изобретательность художников и соответствующий ей роскошный вкус в излишних ее товарах издавна были главными пружинами приращения торговли.

§ 12

Но мы не исследовали еще, каким образом из простой мены мало-помалу произошла великая связь торговых действий у купцов. Беспрестанно текущий источник, из которого происходят человеческие потребности, то есть дух прилежания, открылся; действия мены умножились бы тогда так, чтобы почти не возможно было удовлетворить всем сим новым потребностям: имеющий деньги ремесленник, земледелец, каждый должен бы был на то только употреблять свое время, чтоб достать подлинные или мнимые необходимости. Сие неудобство надлежало отвратить. Когда при простом образе торговли, то есть при мене, необходимо было ввести всеобщую замену, могущую облегчить действия оные: то ныне, при сих до бесконечности умножившихся потребностях, еще необходимее изобрести якобы новый род денег, или такое действие, которое бы сократило и сделало простым бесконечный труд и различное умножение околичностей, происходящих тогда, когда всякий сам хочет удовлетворять своим потребностям.

Вместо того чтоб суконщику должно было разносить свои сукна ко сту человек, имеющих нужду в оных, дабы получить от них деньги или другие потребности, которые ему надобны или которые должен он равным образом паки променять на другие, вместо всего сего ходит он к купцу, который принимает от него его товары на кредит или за наличные деньги гуртом и продает опять свои припасы порознь употребляющим оные.

Здесь купцом представляются деньги, людьми, употребляющими товары, представляются потребности, а ремесленниками и фабрикантами товары. Как деньги изобретены были для облег-

чения мены, так и прибытие купца надлежит почитать новым изобретением, чрез которое самые деньги стали действительнее, а обороты купли и продажи еще более сократились. Всякий берет прибежище к нему: употребляющим служит он вместо фабрикантов, сим же вместо употребляющих; а у обоих кредит его заступает место денег.

Фабриканту для продажи своих товаров не нужно много разведывать: он может работать с весьма великою выгодою в отдаленном углу какой-нибудь провинции, если только место, где он поселится, удобно для его работы: купец служит ему вместо употребляющего его товары. Употребляющие также не будут иметь недостатка в предметах удовлетворения своим потребностям, хотя бы во всей их стране не работал для них ни один фабрикант: купец служит им вместо фабриканта.

Ремесленник узнает, большой ли или малый расход товаров имеет ветвь его прилежания; он узнает на публичных рынках, как высока цена товаров, сколь много требуют каждого из оных и каких произведений искусства ищут более прочих. Он может по тому располагать свою работу, и упражнение его по сему знанию либо переменится, либо распространится.

Купцы, умеющие получать отвсюда известия, узнают чрез то всегда, какие перемены приключаются при всякой отрасли прилежания, и по сему знанию определяются правильно цены товаров по правилам сходства. Когда сии обстоятельства сойдутся в каком-нибудь государстве, то из того непременно следует, что всякую потребность можно доставать за подлинную ее цену; и все работники, доставляющие ремесленникам первоначальную материю, приходят в цветущее состояние. Земледелец, ободренный расходом своих припасов (ибо он должен бывает пропитать целый класс граждан, живущих либо одними деньгами, либо работою художественною), умножает свое земледелие; прилежность оживляется; мануфактуры и фабрики процветают, и как они, так и торговля, всегда более возвышаются, подкрепляемы будучи взаимным влиянием; наконец, последняя ищет себе иного пути. Тогда открывается иностранная торговля под сугубым своим образом.

§ 13

Граждане государства, не могущие удобно удовлетворять необходимым или мнимым своим потребностям собственными произведениями своея земли и работою своих ремесленников, берут прибежище ко всякой чужой земле, где сие удовлетворение для них удобнее и приятнее; или если какая-нибудь земля излишние имеет произведения и мануфактурные товары, то купцы

оной ищут таких народов, которым предлагают товары по свойству их вкуса, и променивают оные на произведения земель тех народов.

Сие есть выгодная эпоха, в которой купец начинает искать прибыли и показывать полезное или вредное свое влияние в потребности и нравы миллионов людей.

§ 14

Необходимо нужно, чтоб при учреждении иностранной действительной торговли [1] прибыток купцов был весьма знатен, когда изведывается вкус нации и желания ее возбуждаются. Новые товары еще неизвестны ей в рассуждении подлинной их цены, и она не знает ценить и собственных своих. Торговля в обеих Индиях служит здесь примером. Сие возбуждает ревность между купцами и к выгоде другой нации ослабляет их прибыток.

§ 15

Если учреждение такой новой отрасли торговли сначала соединено с опасностию и прибыток не довольно бывает велик, или если заводятся кладовые для товаров и факторства для обработания новых произведений чужой земли, или, наконец, заводятся селения и заключаются трактаты: то на сие потребны соединенные силы целых товариществ, которые, кроме того, ту еще производят выгоду, что товары их не могут отступить от настоящей цены ни слишком высоко, ни слишком низко. Сии суть торговые компании, учрежденные почти у всех народов, ведущих пространную торговлю.

§ 16

Чрез сии степени должна была проходить торговля, пока переменилась она из простого образа мены в нынешнее столь запутанное сплетение бесчисленных отношений и взаимных интересов многоразличных ее отраслей. Мы надеемся, что последовали ей здесь чрез все важные эпохи даже до высоты нынешнего ее пространства. Теперь надобно определить ее точнее и раздробить по разным ее родам.

---

[1] Activ-Handlung.

ОТДЕЛЕНИЕ ВТОРОЕ

ПОНЯТИЕ О ТОРГОВЛЕ, РАСПОРЯЖЕНИЕ И ОТРАСЛИ ЕЕ

§ 17

Торговлею называем мы упражнение, имеющее предметом выгодную мену всех потребностей. В сем смысле не можно уже назвать торговлею мену, бывшую в самой первой эпохе. Здесь существенность торговли состоит в выгоде или прибытке торгующего; а там основанием мены был недостаток какой-нибудь необходимой потребности. Меняющий не имел намерения получить прибыток, но хотел только достать за какую-либо равноценность то, в чем имел нужду. При сей торговле, напротив того, натурально, чтоб некоторые особы упражнялись единственно в запасении множества разных потребностей и в продавании оных потом другим гражданам, дабы жить получаемою от того прибылью. При мене было сие невозможно: никто не предпринимал тогда выменивать такие вещи, которые ему были не нужны, дабы при других случаях продавать их паки.

И так отправление торговли, по определению нашему, требует людей, упражняющихся особенно в запасении разных произведений и в продавании оных употребляющим их. Вот обыкновенное понятие о купцах.

§ 18

Сии торгующие особы, будучи беспрестанно заняты увеличением своих выгод, беспрестанно стараются о облегчении своего упражнения и о выгоднейшем распоряжении оного. Они приступают к произведению сего в действо либо частно, либо в особливых совокуплениях, называемых торговыми компаниями, смотря по тому, сколько торговля их опасна, сколько требуется иждивения на учреждение ее, либо, наконец, рано ли или поздно надеются знатную получить прибыль.

Внимание купцов простирается на близкие и отдаленные нации, чрез земли и моря, узнает потребности народов, ищет изобилия таких товаров, которых взаимный промен составляет предмет их торга. Неизвестные народы и страны, грозная опасность яростных волн морских не удерживают их попечений. Голландская Ост-Индская компания, сей исполиномерный колосс, имеет сухопутную и морскую силу, противящуюся царям Индии; она либо побеждает их, когда они противятся требованиям компании, либо чрез мирные трактаты доставляет выгоды своей торговле. Без сих трактатов Голландия, умевшая постановлять их с выго-

*

дою себе при всяком случае, не достигла бы далеко до скорого своего возвышения; чрез них всякая торгующая нация может получить самые постоянные и выгодные успехи в своей торговле.

Но сим не довольствуется отважность торгующих народов. Когда бывает найдена новая земля, изобилующая редкими и драгоценными товарами и произведениями, то начинают заводить тамо некоторые распложения сих произведений, то есть *колонии*, дабы одним отправлять сию торговлю [1] или чтоб получать сие произведение в большем множестве и за меньшую цену. Подобный способ к достижению сего ж намерения суть купеческие кладовые для товаров, учреждаемые на таких местах, где удобнее достать во множестве те товары.

Для сопротивления опасности морской начали изобретать распоряжение для безопасности (*ассекуранция*) договором, обязывающим одного брать на себя весь страх торга другого за некоторую часть цены товаров; сие распоряжение есть не только важный вспомогательный способ торговли, но и составляет особенную часть оной, которою в великих торговых городах занимаются особенные ассекуриры.

§ 19

Сии различные распоряжения купца, служащие к распространению выгодного его упражнения, и удачный успех сих стараний возбуждают всеобщую к нему доверенность в том, что имеет он великие денежные суммы или может достать оные скоро продажею своих товаров. Вот основание кредита, громады; имеющей беспредельную окружность, посредством которой купец восходит на самый край своего возвышения, или часто также падает тем глубже.

От различных образов, принимаемых сим кредитом при различных обстоятельствах, происходят записи, [2] ассигнации, [3] векселя и пр. такие распоряжения, которые сами становятся выгодными отраслями торговли. Толико различны и множественны суть дела, с торговлею совокупленные. Теперь остается нам еще разобрать подробно разные роды самого торга.

§ 20

Первый род торговли есть тот, который отправляется между согражданами государства, или *внутренная* торговля; сия должна служить основанием внешней. Когда дух прилежания возбужден,

[1] Alleinhandel, Monopolium, führen.
[2] Actien.
[3] Banknoten.

тогда только она возможна; и когда нация сама снабдена нужными потребностями, тогда полезно распространять торговлю в чужие государства. Внешняя торговля есть либо *собственная*, либо *чужая*: [1] первая бывает тогда, когда граждане какого-либо государства сами вывозят свои товары; а другая, когда оставляют они то чужестранцам. Есть еще род внешней торговли, якобы двойной, при котором соединяются выгоды и отвращаются убытки обоих прежних родов; мы говорим о *экономической*, или посреднической, торговле. Торгующая нация вывозит излишние произведения из чужих земель и развозит оные паки к иным нациям. Сей род торговли имеет предмет пространнейший прочих: он занимается продажею излишних произведений всех стран света и может издержать и приобресть бесчисленные капиталы. Народы, занимающиеся торговлею, всегда старались присвоить себе сей экономический торг сколько возможно в высшем степени. Чрез него торгующие нации одни удовлетворяли потребностям многих народов и получали от всех себе прибыток. Когда посмотрим на высоту, до какой достигли ко всеобщему удивлению торгующие республики древнего и нового света, и когда объявится, что единая только торговля была причиною могущества их и богатства: то можно измерять влияние сего торга и увидеть действия, какие оказывает он во всех частях государственного состава. Мы приступаем теперь ко представлению выгодных сих действий.

ОТДЕЛЕНИЕ ТРЕТИЕ

ВЫГОДНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛИ ВООБЩЕ У ТОРГУЮЩИХ НАРОДОВ

§ 21

Немалым послужит доказательством выгод торговли, когда представим мы действия, оказанные ею у всех торгующих народов.

§ 22

Как скоро человеческие потребности преступили пределы натуры, как скоро дали они упражнение прилежанию и чрез то умножили земледелие и число народа, то нашла и торговля свои предметы; она начала возрастать, и где были народы довольно

[1] Сими словами, кажется нам, можно точнее означить то, что по-немецки называется active und passive Handlung. Выше сего первую назвали мы *действительною* торговлею.

остроумные и трудолюбивые, там останавливалась она на несколько времени и скорыми шагами восходила на знатную высоту. В разных эпохах переходила она от одного народа к другому, когда один становился бездейственнее, небрежнее и расточительнее, а другой действеннее, бережливее и умереннее; она превращала развалины в цветущие государства или не оставляла ничего, кроме видимого упадка, бедности и нищеты тамо, откуда угнетающие налоги и тиранское насилие ее изгоняли.

§ 23

Ни одно государство не бедно столько произведениями, чтоб не рождало некоторых в изобилии; но и натура не истощила всего на один климат, а разделила мудро блага свои так, что скоро необходимо стало помогать взаимному недостатку земель взаимным изобилием и что народы посредством потребностей своих находились в некотором сообщении. Сие сделало торговлю необходимою еще в самые ранние времена и поддерживает ее всегда.

История сохранила нам сии действия торговли по ее успехам и по важным следствиям у самых древних народов; она изобразила сильными чертами преимущественное пред прочими процветение, могущество и богатство торгующих народов. Мы намерены представить здесь примером одни только важнейшие из тех государств, которые якобы эпоху составили в торговле и в свое время всегда имели преимущество пред прочими в рассуждении ее.

§ 24

Ассирийская монархия, кажется, приобрела бесчисленные свои сокровища отменно богатою азиатскою торговлею. Действие торговли суть богатства, а следствие сих есть роскошь, вводящая в художества тонкость. Великий степень тонкости, до которого художества достигли еще в Семирамидино время, есть доказательство того, что в сем государстве царствовал тогда великий торг. По чрезмерной роскоши в первых азиатских государствах можно вообще надежно заключить о раннем процветении торговли в сей богатой части света.

§ 25

Греция в первоначальном и еще диком своем состоянии состояла по большей части из морских разбойников; посему скоро достигла до некоторого совершенства в мореходстве, и для того торговля ее отправляема была только на островах и в приморских городах.

Афины, *Родос*, *Коринф* были важнейшие города, в которых действовали благодетельные влияния торговли.

Афиняне, обладавшие Греческим морем, отправляли корабли свои на Черное море, во Фракию, в Феникию, во Египет, в Сицилию и в Италию. Число военных кораблей их простиралось часто далее 300. Город их, обогащаемый своею торговлею, процветал дотоле, пока Спартанская республика, происшедши, унизила из ревности сию республику.

Родоссцы еще до времен Омировых скопили себе сокровища Греции. [1] Торговля города их процветала еще тогда и распространилась по всему Средиземному морю. Родоссцы имели конторы свои в Испании; они владели долго Балеарскими островами и производили великий торг в Египте. [2]

Коринф имел весьма выгодное для торговли положение: он разделял два моря, замыкал и отворял Пелопоннес и всю Грецию. В нем была особливая гавань для кораблей, приходящих из Азии, и другая для приходящих из Италии. Чрез сей город можно было перевозить самые большие корабли из одного моря в другое.

Нигде не взошли художества на высший степень совершенства, нежели здесь. Могущественный город сей процветал долго, пока наконец римляне его опустошили.

§ 26

Между тем как отчасти в Греции, отчасти ж в Азии распространялась роскошная торговля, возник на берегах морских народ и завел экономическую торговлю в известном тогда мире, побуждаем будучи недостатком произведений своего отечества и подкрепляем действенностию и благоразумием. Сей народ, *тиряне*, превзошел скоро распространением торговли отечественный свой город, *Сидон*, из которого они вышли. Тиряне прошли в Европу даже до Испании и завели везде по окиану сильные селения. [3]

Кораблеплавание было тогда еще трудно, берега морские служили мореходцам вместо компасов, и народы, разделенные морем, редко имели сообщение между собою. Тогда наступило благосклонное время для экономической торговли; трудно было найти народ, сообщение с которым было бы вредно. Тиряне посредством кораблеплавания своего, которого изобретением они хвалились, имея преимущество пред всеми прочими народами и будучи потому обладателями моря, доставлявшего им дань со всех наций, могли

---

[1] Юпитер, говорит Омир о Родосе, Юпитер любил жителей родосских и даровал им богатство. Илиад. Кн. II.

[2] См. в Ремеровой истории древних времен. Стр. 782.

[3] См. Montesquieu, Esprit des loix. L. XXI. Ch. VI.

таким образом наслаждаться всеми теми выгодами, какие имеют просвещенные народы над пребывающими в невежестве, и располагали везде цены товаров. Из древних народов они более всех доказывали, до коликой славы, могущества и богатства может достичь какой-либо народ посредством единой торговли.

Сей прилежный и трудолюбивый народ, владевший небольшою только полосою земли на берегах морских, имел многие преизрядные гавани на сих берегах и умел пользоваться сими выгодами. Леса ливанские и другие лесистые азиатские места доставляли ему изрядные материалы на кораблестроение, и в короткое время имел он многочисленные флоты. Народ сей для распространения своея торговли странствовал не только по всему Средиземному морю, но проходил чрез Гибралтар и в великий океан. [1]

Все народы с обоих краев Аравии, Персии и Индии, даже до отдаленнейшего западного берега, от Скифии и северных стран, даже до Египта, Варварии и полуденных земель, все споспешествовали умножению их богатств, могущества и знатности. Тиряне неутомимою своею ревностию и благородным славолюбием дошли до того, что почитаемы были первым народом в свете, если не в могуществе, то по крайней мере в богатстве и блистательном великолепии. Все их старание устремлено было на мирное наслаждение своею торговлею, распространяемою ими повсюда, куда могли они найти путь. На Британских островах, в Испании, в других приморских местах по обе стороны дороги и вообще во всех гаванях Средиземного, Черного и Маротского моря имели они кладовые для товаров, из которых получали все, что им полезно, а другим нациям нужно было. Таким образом в препространной окружности производили они три главные роды торговли, вывоз, привоз и перевоз товаров, для иностранцев и для себя самих. Аристотель говорит, что финикиане в Тартессе, испанском городе, толикое множество серебра выменивали за деревянное масло и за другие маловажные товары, что корабли их едва могли поднимать грузы оного. Такова была морская их торговля. Сухопутный их торг был также весьма пространен. Отправляли его в Сирии, Месопотамии, Ассирии, Вавилоне, Персии, Аравии и Индии. Сие может дать некоторое понятие о богатстве такого народа, о котором священное писание говорит, что купцы его были князи. [2] Тир был великий всемирный магазин, в котором все найти было можно. [3] Желание обогатиться и ласковые поступки жителей его с иностранцами привлекали великое множество оных в Феникию, а при сем скором умножении народа возможно было феникианам заводить большее число селений

---

[1] Родденевой древней истории. Том X.
[2] См. Прор. Исаии.
[3] Allgemeine Geschichte der Handlung und Schiffarth, I Th., p. 94.

в Малой Азии, Греции, Ливии и Африке. Карфагена, славнейшее из сих селений, удержала дух своего отечества и превзошла его потом посредством большей обширности власти, процветения торговли и славы оружия. Торговля тирян, доколе она процветала, не имела иных пределов, кроме пределов известного тогда света. Тир сам почитал себя всеобщею столицею народов, царем моря. Мануфактуры их приготовляли самые искусные товары, известные тогда. Там делался пурпур, которого драгоценную краску одни тиряне умели приготовлять, завладевши пурпурною ловлею, сидонские стеклы, тонкое полотно и самой искусной работы деревянные и метальные вещи. [1]

Сей город, неоднократно будучи разоряем, всегда возникал снова из пепла своего чрез сильный торг свой и достигал до прежнего величества. Он гордился славою, что один был повелителем морей, обладателем торговли всех народов и основателем столь многих селений. Но сия гордость и чрезмерная роскошь, не основывавшаяся уже наконец на прилежании, были причиною его испровержения: Александр, разоритель его, пришедши, разрушил стены его и башни, на которые он еще полагался.

§ 27

Второй важный торговый город был *Карфагена*, селение тирское, которого жители имели те же правила и тот же дух торговли, какие имел отечественный его город. Единая торговля произвела Карфагену, торговля же споспешествовала ее приращению. Положение сего города было еще выгоднее тирского: он находился в равном отдалении от обоих краев Средиземного моря, и плодоносные берега африканские, на которых он лежал, доставляли ему изобилие хлеба. [2] Снабжен будучи натуральными сими преимуществами, ум карфагенян, склонный к торговле и мореплаванию, весьма скорые имел успехи, так, что не мог тогда сравниться с ними никакой народ, а особливо в кораблеплавании. [3] Сила их и величество возвысились чрез то столько, что они завоевали малопомалу самые богатые и пространные области. Всегда будучи ревнительны к увеличению своея торговли, завладели они всем африканским морским берегом от алтарей филенских даже до столпов Геркулесовых. Они завоевали всю Испанию, Сардинию,

[1] Особенное доказательство великого искусства феникийских художников находится под правлением царя Пигмалиона, известного по его сокровищам и сребролюбию. Сей царь приказал сделать самою отменною и предостойною любопытства работою из чистого золота образец масличного дерева, которого ягоды, сделанные из смарагда, удивительное имели сходство с натуральным плодом сего дерева. См. Allg. Gesch. der Handl. und Schiffarth, p. 94.

[2] Роллен. Древн. ист. Т. X.

[3] Полибия книга VI.

Сицилию, Балеарские и почти все острова на Средиземном море. Сила их и могущество столько чрез то возвысились, что в одной их столице при начале третией войны с римлянами находилось более 700 000 жителей; толикое число дает всегда сему городу место между первыми городами в свете; и на одном африканском береге владели карфагеняне более нежели тремя стами покоренных городов.

Выгоды торговли побуждали народ сей к невероятному трудолюбию и прилежанию и к предприятию всего того, что могло споспешествовать его торгу и кораблеплаванию. Ни в каких иных науках не упражнялся он, кроме принадлежащих к мореходству и коммерции. Карфагеняне странствовали повсюда сами для покупления излишних товаров у чужестранных народов и для продажи оных паки другим, имевшим в них нужду. Испанские, мавританские и галликанские берега, земли, лежащие по ту сторону пролива и столпов Геркулесовых, были западная, а все известные тогда азиатские страны восточная область их торговли.

Из западных стран вывозили карфагеняне железо, олово, свинец, медь, что с великою прибылью продавали за драгоценные азиатские товары. Из Египта получали они тонкое полотно, бумагу, хлеб, парусину и канаты для своих судов; с берегов Чермного моря вывозили они пряные зелья, благовония, золото, жемчуг, драгоценные камни, ковры, кармазин; из Тира и Финикии пурпур и кармазин, богатые штофы, разные искусно выработанные вещи и также все получаемое ими из Египта. А в сии земли привозили они из собственных своих провинций хлеб и другие полевые плоды, деревянное масло, медь [?], звериные кожи, железо, свинец, медь, испанское серебро, олово британское, всякие роды рукодельных товаров, делаемых ими самими.

Таким образом, будучи купцами и якобы управителями богатства всех народов, сделались карфагеняне и обладателями моря. Они сообщали Азию с полуденными и западными землями и были нужным каналом сего сообщения. По ободрению от сената лучшие их морские офицеры предпринимали разные морские путешествия для пользы кораблеплавания и заключали торговые трактаты с римлянами и другими народами. Самые знатные карфагеняне не стыдились торговать: они столько ревности и прилежания прилагали к торгу, сколько самые низшие граждане, и великие богатства, приобретенные ими, никогда не могли терпение их и рачительность сделать им скучными. Но не один прибыток от экономической их торговли, но также золотые и серебряные заводы испанские были источником их богатства. Они получали от рудокопен сея земли бесчисленную добычу. Они знали все художества своего отечества; рукоделия и ремесла процветали у них чрезмерно, особенно ж славилась карфагенская деревянная и кожаная работа; а кордуан делается еще и поныне в Варварии.

Таким образом Карфагена достигла наконец до толиких богатств и толикого могущества, что могла спорить с Римом о владычестве миром. Сильные флоты ее, каких никогда не видано было на море, магазины, наполненные всякими корабельными принадлежностями, и, наконец, обладание морем, продолжавшееся столь долго, доказывают цветущее состояние прибыточной ее торговли. Теперь не можно удивляться, что Карфагена столь скоро возвысилась и столь долго счастлива была в торговле; не можно удивляться тому, что сей город после превеликих поражений, претерпенных им, вскоре мог сооружать паки великие флоты и выставлять многочисленные войска: цветущий торг скоро награждал сей урон денежными суммами, карфагенянам удобно было собирать из всех своих гаваней множество матросов и гребцов для снабдения своих кораблей и определять на всякий из оных искусных мореходцев и начальников. Для собрания сухопутного войска нанимали они чужих воинов, выбираемых из лучших народов, и таким образом не принуждены были никогда опустошать села и города наборами солдат; на фабриках не бывало от того никогда остановки, и мирные работники и художники не тревожены были в своей работе. Никогда не прерывалась торговля и не ослаблялось множество народа. Так республика сия покорила себе наемною кровию пространные земли и королевства; она делала чужие народы орудиями своего могущества, высочества и чести, не употребляя на все то собственных денег: народы, с которыми она торговала, платили ей на сие подать.

Упадок сего торга, которого выгоды затмены были наконец в глазах карфагенян воинскою славою и который никогда не согласуется с духом войны; чрезмерная гордость богатствами, которых истинного употребления не знало наконец ослепленное их сребролюбие; а напоследок недостаток благоразумия и осторожности, оказываемой карфагенянами в охранении своего отечества: все сие произвело то, что город, лишась главных подпор, пал наконец от сильнейших римлян. [1]

§ 28

Еще осталась *Александрия*, сделавшая главную перемену в торговле и привлекшая ее к себе во всем тогдашнем ее величестве. Сей город, построенный Александром по разорении Тира, якобы для замены урона торговли, лежал на четыре мили расстоянием от Каира и привлек весь торг сего города к себе. Положение его было столь выгодно, сколь только можно вообразить, и скоро сделался он самым богатейшим торговым городом в свете. С одной

[1] См. Allgem. Geschich. der Handl. und Schiffarth, I Th.

стороны имела Александрия свободное сообщение с Азиею и со всем Востоком чрез Чермное море, сие ж море и Нил отворяли ей путь в пространные страны Ефиопии; наконец, Средиземное море споспешествовало сообщению всех сих земель с Европою. В пышной ее гавани, имевшей два входа, видны были беспрестанно со всех сторон приходящие чужестранные корабли и выходящие египетские, которые развозили грузы свои по всему известному тогда свету. Скоро возвысился город сей до такого совершенства, что для него позабыты были Тир и Карфагена.

Из всех царей египетских Птоломей более прочих споспешествовал процветению торговли государства своего посредством сего города. В сем намерении содержал он на море для защиты торговли многочисленные флоты. По сказанию древнего одного писателя, [1] содержал государь сей кроме 60 кораблей чрезвычайной величины еще более 4000 других кораблей, определенных на службу государству и для приращения торговли.

Владычество сего царя простиралось кроме Египта на множество новозавоеванных земель. Для совершения благополучия сих провинций старался он привлечь в них богатства и удобности восточные, повелел прокопать канал от западного берега Чермного моря даже до Нила и вдоль по оному построить множество гостиниц для путешественников и купцов. Великая удобность кладовых для товаров в Александрии была причиною того, что весь Египет наполнился бесчисленными богатствами. Доказательством величины сих кладовых служат пошлины, собиранные в Александрии ежегодно с привозу и вывозу, которые, несмотря на дешевизну их, превосходили 37 000 000 ливров. [2] Под властию римлян еще процветала индийская торговля в сем городе столько, что обыкновенно получал он прибыли 10 000 процентов. [3] Некоторые римские императоры первых веков делали многие выгодные учреждения в пользу сея торговли, и она тогда только лишилась своея обширности, когда Константинополь стал резиденциею римских императоров. Туда прибегла якобы торговля в то время, когда западные провинции Римской империи разорены были нашествием северных варваров и вся Европа приведена была в смятение. Суровые сии северяне разлучили народов, совокупленных Римскою империею. Европа разделилась тогда на разные общества, земля осталась без обработания, города были опустошены, и все сообщения одного народа с другим разрушились: насильство, грабительства, бедность и глубочайшее варварство, в которое погрузилась Европа, разорвали совсем взаимную торговлю провинций и государств на несколько столетий.

---

[1] Афиней, в кн. V, стр. 213.

[2] Роллен, ч. X.

[3] Montesquieu, Esprit des loix. L. XXI. Chap. XVI.

§ 29

Между тем итальянцы удержали еще некоторым образом в Европе дух торговли посредством сообщения своего с Константинополем; они паки нашли вкус в драгоценных товарах и прекрасных рукоделиях азиатских. Священная война, привлекшая в Азию множество народа из всех стран Европы, открыла пространное сообщение между восточными и западными странами земли. В продолжение сея войны получили большие города итальянские свободу и с нею права, делающие их независимыми областями. Вскоре после сея войны изобретены были магнитная игла и морской компас, которые, соделавши мореходцев безопаснее и отважнее, довели кораблеплавание до совершенства, облегчили знакомство с отдаленными народами и торговле дали чрез то новую жизнь.

§ 30

Тогда произошли в Италии собственные торговые республики. *Венеция*, *Генуа*, *Пиза* возвысились и посредством торговли достигли до чрезвычайной власти и знаменитости.

Недостаток собственного содержания, которого не могли доставлять Венеции немногие острова, подвластные ей сначала, принудили ее питаться торгом. Она обогатилась преимущественно при крестовых походах перевозом европейских войск в Азию и поставкою оным съестных припасов. В краткое время завладела она совсем богатою ост-индийскою торговлею, соединенною еще притом с торгом левантским. Венециане в свое время одни из всех европейцев путешествовали в Константинополь и в Левант, вывозили оттуда ост-индийские товары и произведения и продавали оные прочим европейским нациям. С распространением их торговли возросло и могущество их. Мало-помалу завоевали они берега Адриатического моря и достали наконец ту обширность земли, которою владеют ныне. Таким образом Венеция в короткое время сделалась одною из самоважнейших держав европейских; она распространила свою область, исправила мануфактуры свои и фабрики и укрепила во всех частях гражданское свое благосостояние.

Генуа и Пиза достигли до величества своего также посредством торговли. Сии города, так, как и Венеция, приобрели себе богатство, могущество и знаменитость от крестовых походов, имевши равное участие в торге, присвоенном Венециею. Они весьма часто употребляемы были в войнах сего времени при осадах морских городов, завладели почти всеми деньгами в Европе, получили торговые вольности со знатными областями и увеличили счастие свое в обширности своего торга, жители их были богаты, а худо-

жества и рукоделия процветали у них в превосходном степене. Но в краткое время гордость их и ревность в торговле ускорили их падение. Генуа, завоевавши Пизу, разорила ее и наконец поглощена была сама сильнейшею Венециею, которая стала потом одна царицею торговли. Великая роль, игранная сею республикою в истории, есть следствие прибыточной ее торговли и могущества и богатств, приобретенных ею от оной. Венеция сохранила сию знатность дотоле, пока открытие португальцами нового пути в Ост-Индию отняло у нее почти совсем азиатскую ее торговлю и пока неизмеримые успехи прилежания в Европе лишили ее большей части торга, произведенного ее могуществом. Сия потеря лишила ее способов собирать новые богатства; но сохранила она уже приобретенные и утвердившие силу ее. Еще и ныне производит она сухопутный и морской торг довольно знатный и весьма хорошо сходствующий с величиною и плодоносием земли и, наконец, с действенностию и трудолюбием жителей. [1]

§ 31

В то время как южная Европа производила торг с толиким рачением и благополучным успехом, возбудился дух торговли и на севере.

Народы, жившие около Балтийского моря, весьма еще были дики и на всех водах наводили опасность морскими своими разбоями. Сие побудило города *Либек* и *Гамбург* вступить в общий защитительный союз для приведения в безопасность своея торговли. От сего соединения получили они великие и важные выгоды, так, что в краткое время более 80 знатнейших германских городов, от самых последних краев восточного моря даже до Кэльна, пристали к славному *Ганзеатскому союзу*. Сей торговый союз, не имевший никогда подобного себе в истории, скоро столь сделался страшным, что величайшие монархи искали его дружества и боялись его гнева. Члены сильного сего общества начертали первый систематический план торговли, ставший известным в средние времена, и учредили его по общественным законам, положенным во всеобщих их собраниях. Они снабдили всю Европу корабельными припасами и выбрали для поклажи своих товаров разные города, из которых *Бригге* во Фландрии был знатнее всех.

Предмет торга их были северные товары, которые меняли они ломбардам за индийские произведения и рукоделия, и сии сокровища ломбардские либо выгружали в гаванях Балтийского

---

[1] См. Описание торговли европейских держав, ч. 2, стр. 158.

моря, либо, по большим рекам Германии провозили в средние части сего государства.[1]

Богатство и могущество, приобретенные сими городами, мало-помалу привели их в состояние не только сильно защищать торг свой и распространить его, но и участвовать в важнейших военных делах Германии и всего севера. Тогда настала для Германии эпоха процветения прилежания и мануфактур. Общество сие ободряло ремесленников покупкою их работы. Всякий город, находившийся в сем союзе, доводил собственные свои товары до совершенства и отвозил их на собственном иждивении в приморские города, почитаемые кладовыми. Либек и Гамбург были тогда более велики сими кладовыми, нежели собственным своим торгом. Таким образом, 80 городов причиняли процветение торговли в таком государстве, которое ныне, по утверждении его расположения, не может ожидать сих прекрасных дней. Сей союз распался наконец, для того что спор о преимуществе восстал против торговли: одному из обоих надлежало уступить, и погибель последней означает в истории начало первого. Столь многим степеням не возможно соединиться когда-либо к выгоде торговли, и доколе пребудет в Германии нынешнее расположение правления, дотоле не достигнет сие государство до той великости торговли, к которой определено оно по своим силам.[2]

§ 32

Португаллия, привлекшая к себе открытием нового пути в Индию неисчерпаемую торговлю тамошних земель, причинила сим новую и важную перемену. Торговля левантская разлучена тем была навсегда от индийской, и товары последней, привозимые прежде в Европу чрез Александрию, тогда доставляемы были непосредственно по морю в Лиссабон, и из сего общего пристанища купцы прочей Европы получали восточные товары. Португаллия сбогатилась сим торгом и распространила скоро свое могущество. Кому не известно цветущее сего королевства состояние под правлением Иоанна II, Емануила и Иоанна III, трех королей, распространивших ост-индийскую торговлю, сделавших в пользу оной великие завоевания в Азии и в Африке и доведших благополучие и процветение своего королевства до самой высшей степени? Тщетно Венеция и египетский султан противились успеху португальской торговли: она не остановилась; но как Португаллия не умела, или паче не могла, употреблять ее, будучи под властию Испании, то перешла оная наконец в руки Голландии и Англии.

---

[1] См. Робертзоновой истории Карла V, том I, стран. 103.

[2] См. Юста Мозера Патриотические фантазии, часть I, ст. 257.

§ 33

С новою силою возбудился дух торговли на севере. Народ, давно уже упражнявшийся в торговле, народ, которому натура определила быть торговым народом по выгодному положению его земли, по предприимчивому его духу и по умеренной жизни, *голландцы*, лишены будучи безрассудным тираном своих вольностей и чрез то успеха прежней их торговли, единственного их пропитания, осмелились наконец, по выражению одного новейшего писателя, переломить железный скиптр, их угнетавший, и поднять главу свою из вод, дабы владычествовать над морями.

В самом деле, ни один народ, ни между древними ни между новейшими, не возвысился в торговле с толикими преимуществами и с толиким сиянием, как голландцы. Едва преобразилась область сия в республику, как торговала уже во всех четырех частях света и в то ж самое время вела войну с сильнейшими монархами в Европе.

При сей республике нужно разыскать тщательнее разные источники, произведшие совокупно скорое приращение ее величества.

В самые еще древние времена были батавы (так назывались тогда голландцы) сильная нация, с которою Цезарь заключал союзы и объявил ее вольною. Народ сей имел участие во всех воинских предприятиях римских полководцев после Цезаря против германских народов и снабжал оных всеми нужными потребностями. Между всеми германцами одного сего народа не мог победить Проб.

Для рассуждения о успехах мореплавания в Голландии надлежит только представить себе военные флоты, о которых упоминает история. В тринадцатом столетии граф Вилгелм отправился из Голландии с 12 военными кораблями для предприятия крестового похода, и около сего же времени Флоренс IV выступил в поход со флотом, состоявшим более нежели из 300 кораблей. В конце четырнадцатого столетия видим мы голландцев, ссужающих кораблями своими английскую нацию для перевоза войск во Францию; в пятнадцатом столетии начинают успехи сии быть явнее: голландцы оказывают силы свои на большем театре, с благополучною удачею преследуют они неприятелей своих на открытом море, они побеждают их часто.

Следующее столетие есть та эпоха, в которой выходят они из морей европейских. Они путешествуют в Америку для сыскания острова, подаренного им от Карла V. В то же время сооружают голландцы флот для сопротивления морской силе Гейнриха VIII и Франциска I, соединившихся против Карла.

Наконец, седмьнадцатое столетие было эпоха высочайшего их могущества. Торговля их в восточной и западной Индиях

распространилась с непонятно скорыми успехами, и морская их сила возвысилась до крайности. Часто содержали они на море более полтораста военных кораблей, употребляемых в одно время против разных неприятелей.

Между тем всего натуральнее надлежало образоваться морской силе у голландцев. Положение Голландии показывает натуральное оной начало в рыбной ловле; а рыбная ловля сия, доставлявшая всем народам потребную пищу, скоро подала им случай к распространению торговли. Обитатели земли, состоящей из одних болот и воды, не могли иначе доставать потребностей своих, даже и самонужнейших к содержанию жизни, как из чужих стран. И так должны они были стараться найти изобилие в предметах прилежания, представляемых им натурою. Хлеб и строевые материалы были купно первые необходимые им потребности. Они начали выменивать себе сии потребности за свою рыбу, которую столь хорошо приготовлять умели, что приобрели от нее великие богатства. Голландцы столько распространили сию ветвь пропитания, что в 1601 году на одну ловлю сельдей выпускали они из гаваней своих более 3000 судов, и от одной ловли и приготовления сея рыбы питалось более 20 000 людей.

Северная торговля была вторая причина могущества их и благосостояния; торг шерстью с Англиею доставил мануфактурам их чрезвычайное приращение. Хотя столетия потребны были на то, чтоб нации от столь слабого начала возвыситься до самого цветущего состояния, однако угнетающая нужда и необходимость суть пружины, могущие делать чудеса в приращении прилежания, умножении граждан, могущества и богатства. Вольность, приобретенная Голландиею чрез войну против утеснителя своего, Филиппа, короля испанского, была главною пружиною скорого ее приращения; однако не одна вольность сия, но и самое время той войны, когда республика, необходимостию принуждена будучи свергнуть с себя тиранское иго, напрягала все свои силы; сие время было эпоха, в которой торговля их утвердилась и распространилась до бесконечности. Ободрены будучи победами, нападали голландцы на неприятелей своих не только в Европе, они путешествовали в восточную и западную Индии, от времени до времени, отчасти хитростию и благоразумным поведением, отчасти ж силою оружия, завладели богатыми областями, которые имела прежде Португаллия в сих частях света. Ост-индийская торговля мало-помалу досталась совсем в их руки; а сие сделало их купцами всего света. На кораблях их перевозились южные товары на север и северные на юг; всю Европу снабдевали они индийскими товарами.

Не можно удивляться скорому успеху их могущества, видя завоевания и договоры, которые умели они везде делать для выгоды своей торговле. Они поднимают войну на севере и чрез

то получают от разных держав полезные для торговли своея условия; они завоевывают множество селений у португальцев в Ост-Индии и заводят там новые; торг их простирается даже в Китай и Японию; они учреждают Ост-Индийскую свою компанию для доставления торговле своей нового успеха; по примеру сея устанавляются в Америке Суринамское и другие общества, в Езеквебо-Демерари, Бербице и т. п., а французская и испанская торговля доставляет им бесчисленное множество американских произведений.

За все сии успехи обязаны голландцы своему благоразумию, действенности и предприимчивому духу. Они суть такой народ, который по справедливости может сказать самому себе то, что один новый писатель полагает в уста его:

«Я сделал плодоносною сию землю, обитаемую мною, я украсил ее, я сотворил ее. Сие грозное море, покрывавшее поля мои, претыкается ныне о крепкие плотины, противопоставленные мною ярости его. Я очистил сей воздух, который неподвижная вода наполняла смертоносными парами, я основал великолепнейшие грады на грязи и песке, наносимом от окиана. Гавани, построенные мною, каналы, мною выкопанные, принимают произведения всего света, которые раздаю я по благорассуждению своему. Наследства других народов суть области, оспориваемые одним человеком другому. Но что я детям моим оставляю, то исторг я у стихий, заклявшихся против обиталиша моего, и утвердил власть оного. Сюда ввел я новый физический, новый моральный порядок. Где не было ничего, тамо произвел я все. Воздух, земля, образ правления, свобода, все есть мое творение. Я наслаждаюсь честию прошедшего; а обращая взор на будущность, с удовольствием зрю, что прах мой в тишине покоиться будет на том месте, где предки мои видели громады волн».[1]

По справедливости скажем мы, что торговля соделала чудеса над сею республикою; чудеса в умножении граждан, в прилежании, во внешнем могуществе, в скоплении богатств, и при всем том чудеса в умеренной жизни ее обитателей, пожертвовавших всеми удобностями торговли удержанию ее.

Земля сия в рассуждении положения своего весьма выгодная для торговли, но весьма неспособная к обиталищу граждан, не производя ничего потребного пропитанию, будучи ежедневно в опасности поглощена быть морем, сия земля становится многонароднейшею в Европе; и все сие есть действие торговли.

Если Голландия не процветает ныне так, как в прошедшем столетии, то надлежит приписать сие внешним и внутренним

[1] Аббат Райналь в Философической и политической истории поселений европейских народов в обеих Индиях.

препятствиям. Сии препятствия суть погрешности правления во всех частях; а еще более стечение торга других народов, нашедших в самом могуществе Голландии пример того, что торговля преважное имеет влияние в благосостояние государств.

§ 34

Англия выступает на театр. Сие государство, принявшееся за торговлю позже всех других европейских наций, служит ныне примером мудрого правления, цветущего умножения народа, учрежденной самолучшим образом государственной экономии, прилежания и мануфактур, которых произведения расходятся везде по одному только имени; наконец, служит оно примером торговли, производимой по разумнейшим и здравейшим правилам. Все сии части связываются между собою наподобие единой цепи и цветущий торг сего королевства общественною имеют подпорою.

История содержит в себе различные следы того, что Англия и в древнейшие времена не совсем пренебрегала торговлю; когда управляли ею просвещенные государи, тогда и торговля была ими распространяема.

Елисавете, сей мудрой правительнице, довольно известны были истинные правила торговли; она не допустила долее вывозить толикое множество необработанной шерсти в Голландию и в другие страны, как бывало прежде. Она повелела завести собственные шерстяные мануфактуры и запретила вывоз шерсти. Сколь совершенны ныне английские сукна и сколь пространен расход их! Под правлением сея королевы начала Англия полагать основание своему благополучию и производить план такой системы, которая, утверждаясь на истинных правилах, не могла не удаться. От сего времени продолжали англичане беспрестанно, даже доныне, исправлять свое земледелие, увеличивать прилежание и возвышать свои селения, торг и морскую силу. Правила их в рассуждении торговли различны с правилами голландцев; и должны быть различны, потому что Англия имеет собственные произведения, а Голландия не имеет.

Торг Англии основывается отчасти на великом множестве собственных произведений и товаров, отчасти ж на произведениях и товарах подданных ей селений. Государство сие старается при том обработывать у себя все свои произведения и отвозить их в лучшем виде к другим нациям; напротив того, потребное ему от других государств получать из первой руки и сколько возможно привозить к себе необработанное; наконец, получать также все произведения пространных своих селений, а им доставлять за то мануфактурные товары и другие нужные произведения.

*

Посему необходимо надлежит процветать в королевстве сем государственной экономии, возрастать мануфактурам и распространиться до крайности кораблеплаванию. Кромвель положил основание сей системе введением *мореходных актов*. От сего получил торг всех наций, привозивших в Англию товары, всеобщий удар; сие свергло Голландию, до которой преимущественно сие касалось, с высоты ее в торговле; а торговля Англии и морская сила ее очевидно возвысились.

Голландия не может торговать собственными произведениями, она должна допускать вывозить из гаваней своих необработанные материалы и привозить в земли свои готовые товары, дабы не лишиться совсем большей части своего торга. Торг Голландии есть чистый посреднический торг, а торг Англии смешан.

Предметы английского торга весьма пространной суть окружности. Неизмеримые селения сего королевства в Северной Америке сообщали ему во множестве всякие произведения, родящиеся в тех землях; а, напротив того, употреблением английских товаров причиняли превеликий расход рукоделиям и произведениям Англии. Земли и острова, обладаемые еще Англиею во всех прочих трех частях света, производят все то, что прежде было предметом торга самых богатейших народов, и чрез то торговля ее простирается по всему земному шару. Повсюду рассылают английские купцы свои товары и получают за то сколько возможно необработанных произведений. Из сего следует, что мануфактурам английским надлежит быть в самом цветущем состоянии, какое только бывало некогда в каком-либо государстве; и действительно, совершенство их есть свыше всякого описания. Изобретательный ум и утонченное искусство превосходят здесь все пределы, достиженные поныне другими народами. Изряднейшие машины, самые лучшие ремесленные орудия, остроумнейшие изобретения и искуснейшие инструменты, которых в прочей Европе совсем не знают, суть главная подпора сего мануфактур совершенства. Примером того может служить так называемая разбивная мельница (flatting mill), одна из самых полезнейших машин, которая посредством двух с невероятным искусством обработанных катков без молота превращает в листы серебро, красную и зеленую медь, томпак и самое железо, чрез что в три часа более делается, нежели сколько десять кузнецов молотами в три дни сработать могут.[1]

Запрещен также и вывоз английских ремесленных орудий. Между главными ветвями прилежания знатнее прочих шерстяные рукоделия. Исчислено, что от одних сих рукоделий получают пропитание полтора миллиона людей и что еще в 1562 году вывезено английских сукон на 5 миллионов гульденов в одни Нидер-

[1] Изображение английских мануфактур, торговли, кораблеплавания и селений; г. фон Таубе, ч. I, стр. 8.

ланды. И прочими рукоделиями также по сравнению занимается превеликое множество народа. Вообще английские мануфактуры учреждены по самолучшим правилам и наслаждаются преимущественно пред прочим совершенною свободою.

Скотоводство в Британии равным образом на чрезвычайном степени высоты находится. В начале нынешнего столетия считали в Англии одной 12 000 000 овец, цена шерсти которых превосходит 15 миллионов гульденов; но сего ужасного множества шерсти не довольно на снабжение всех мануфактур: сверх оной привозится еще весьма много португальской, африканской, испанской, американской и голландской шерсти. — Однако не одни овечьи заводы процветают в сем королевстве, но и все роды скотоводства. Превеликое употребление мяса, нужное англичанам, и великий вывоз соленого мяса, коровьего масла, сыру и т. п. доказывают, на каком степени процветения должно быть там скотоводство крупного рогатого скота. — Кому, наконец, неизвестны английские лошади, которых все нации рачительно иметь стараются?

Но и главная подпора государств, земледелие, есть предмет предприимчивой прилежности английского народа. С того времени как парламент определил награждение за вывоз хлеба, то в Англии не только довольно произращено было оного для собственного употребления, но по исчислению, деланному от 1746 до 1750 года, вывожено было оного в чужие страны ежегодно на 1 500 000 флоринов, а после сумма сия возвысилась до 2 000 000 флор.[1]

Сие цветущее состояние всех средств пропитания есть причина чрезвычайного многолюдия, которое не столь приметно для того, что ежедневно выезжает множество народа для наполнения пространных сего государства селений во всех частях света, и для замены урона, причиняемого беспрестанною войною.

Сих немногих примеров довольно для показания некоторым образом благосостояния сего королевства, происходящего от торговли. Сие цветущее состояние Англии, владычествующее посредством добрых правил государственной экономии, умножает национальные богатства в чрезвычайном степени. Чужое золото и серебро льется всегда в сие государство, по большей части из Испании и Португаллии, и возвышает народное богатство до той крайности, в которой начинает оно само собою разрушаться. Умножение денег увеличивает отношение товаров к оным. Цена произведений и жизненных потребностей возвышается постепенно, для того что земледелец, хотящий участвовать в лучших обстоятельствах рукодельцев, должен бывает за все платить им дорого. Такое возвышение цены простирается натуральным разделением на все потребности, по которым должно распределять плату работникам. Все принадлежащее к произведению товаров,

---

[1] См. описание торговли знатнейших государств в Европе, ч. I, стр. 84.

материя их, перевоз и т. п., должно вздорожать. А из сего не иное может следовать, как то, что преимущество товаров в цене пропадает. Англичане и преимуществуют пред соперниками своими не в цене художественных своих произведений, но только в совершенстве оных. Да можно сказать, что англичане и не имели еще поныне соперников, ибо товары их суть единственные в своем роде. Англии известна сия выгода, и на сей конец введены строгие осмотры, препятствующие вывозить из государства худые товары.[1] Но от сего самого изрядства и от дороговизны английских рукодельных товаров происходит то, что расход их и все мануфактуры приметно ущербают. Невзирая на строгие запрещения, многие фабриканты выезжают в чужие земли, а с ними преселяется туда и прилежание.

Также и ужасное пространство сего государства в других частях света преступает пределы. Рассматривая основание умножения народа, находим, что оно недостаточно для подкрепления толикой чрезмерности искусственного могущества. Великость морской его силы, старые и вновь приобретенные области его в других частях света, а наипаче беспрестанно почти продолжающиеся войны требуют столь великого множества людей и делают нужными столь многочисленные суммы денег, что многонародию и силе сего королевства весьма надлежит ослабевать. Англия испытывает сие ослабение ущербом прилежания и земледелия; а правительство не может воспрепятствовать тому, достигши до могущества своего отчасти посредством чрезмерного напряжения натуральных сил нации, отчасти ж посредством богатств чужестранных и опасной игры мнимого кредита. Несмотря на великое национальное богатство, во всем английском государстве обращается не более 16 миллионов монеты; прочая ж сумма, почти в тридцать крат сея большая, состоит в бумажных деньгах.

Для удержания искусственной сея игры кредита, без помощи которого рушилось бы все могущество, принуждена Англия к чрезмерным налогам, ослабляющим только еще более ее многолюдие и унижающим прилежание и земледелие.

Северная Америка взбунтовалась: налоги сии слишком были отяготительны для ее и несправедливы, ибо не оставлено ей было путей к приобретению того, чем надлежало платить оные. От решения сего раздора между Англиею и сильными ее в той части света селениями зависело то, что либо возвысилась бы она до самой пространнейшей и твердой власти, либо унизилась паки до натурального своего могущества. Может быть, окончила уже Англия торговую ролю свою на театре света, может быть, возьмут участие в торге с Америкою и Ост-Индиею другие нации, которым свойство политического их состава сие позволяет.

---

[1] Фон Таубе в Из. англ. ман. тор. кораблепл. и сел. Част. I, стр. 130.

ОТДЕЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАКИМ ОБРАЗОМ ТОРГОВЛЯ ДЕЙСТВУЕТ ВО БЛАГОПОЛУЧИИ ГОСУДАРСТВА

§ 35

Доселе видели мы якобы издали сияние, могущество и богатства торгующих наций; мы показывали то постоянный, то скоропреходящий блеск их в доказательство того, что выгоды торговли иногда скоро, а иногда медлительнее производят процветение государства. Теперь должны мы по предмету нашему открыть философским оком пружины, поддерживающие и скрепляющие сию великую громаду политического благосостояния, и рассмотреть то, каким образом они действуют. Сие исследование тем нужнее для политика, что в великой машине государства, о самолучшем успехе которыя он стараться должен, самомалейшее упущение какой-нибудь неважною кажущейся части оныя причиняет неотвратимые препятствия, и столь маловажными кажущиеся обстоятельства могут препространные произвести выгоды для всея машины.

Око политика ищет везде причин и действий, связь между собою имеющих, и преследует их даже до самого простейшего их вида; таким образом, научен будучи правилами и опытом, может он судить о влиянии, какое должно произвести каждое обстоятельство в определенном случае.

Подобным образом должны мы раздробить действия торговли и в свойстве ее сыскать те выгоды, которыми наслаждается от нее государство, по связи ее со всеми частями гражданского благополучия, дабы представить степень могущества и богатства и все прочие выгоды торга от начала его до всея обширности великости его. Посему весьма нужно кажется нам разобрать особенно всеобщие действия или следствия торговли в отношении к государству и при каждом из оных открыть влияние в разные основания гражданского благополучия.

Сии влияния торговли в государство оказываются преимущественно в следующем:

1) в произведении *кредита*, 2) *обращения денег*, 3) *относительного богатства;* 4) в умножении процветения *прилежания* и 5) *государственной экономии;* 6) в *роскоше;* 7) во *нравственном просвещении и утончении;* 8) в *упражнении граждан;* 9) в *умножении народа* и 10) в *свободе*.

§ 36

О КРЕДИТЕ

Кредит вообще есть доверенность займодавца к своему должнику в рассуждении платы. И так *государственный кредит* есть такая доверенность к государству, а *приватный кредит* к приватной особе. Доверенность сия двоякое имеет основание, *вещественное* и *личное:* вещественное утверждается в государстве на способности граждан его ко вспомоществованию, а у приватного человека на обладаемом им действительно имении либо на путях к приобретению оного; личное основание состоит в способности должной особы к скорому приобретению того, чем заплатить надлежит. Оба роды сего кредита у торгующих государств находятся в превеликом процветении.

Государственный кредит, по данному нами о нем понятию, основывается на способности граждан ко вспоможению, а сия способность зависит от путей к снисканию имущества в том государстве, от цветущего состояния земледелия, от неутомимого трудолюбия, от многонародия, от действенного ума нации и, наконец, от процветения торговли, возвышающей все вышеупомянутое до совершенства.

Приватный кредит, основывающийся также на способности к приобретению и на действительном имуществе должника, получает от торговли превеликое приращение. Богатство национальное и удобность путей к пропитанию умножают вещественный и личный кредит граждан государства.

Таким образом, богатства, лиющиеся от торговли в государство и умножающие чрез то национальный и частных граждан достаток, производят доверенность кредита, которая всегда должна основываться на способности ко вспомоществованию как в государстве, так и у приватных особ. Всеобщий опыт доказывает, что деспотические государства всех менее, а республики всех более кредита имеют: сие происходит по большей части от недостатка торговли в деспотических государствах и от удобности оной в республиках.

Купеческий кредит, весьма возвышающийся в торговых государствах, не только действителен для самого себя, но подкрепляет часто и кредит государственный. Если бы знатнейшие английские купцы и другие богатые домы в 1745 году не подали помощи кредиту Англии, то сие королевство совсем лишилось бы оного.

Также и предмет, для которого правительство занимает деньги, дает кредиту новую силу. Если хочет оно оживить трудолюбие своих граждан, распространить более свою торговлю и укрепить другие ветви гражданского благополучия: то с таким намерением гораздо удобнее найти кредит, нежели на произвождение войны

и другие тому подобные предприятия, которых окончание неизвестно; а сие и делают торгующие государства. Таким образом, кредит полезен им для увеличения торга и всего соединенного с приведением оного в совершенство. Сверх того, торгующему государству не нужно занимать у чужестранцев: оно удобно находит кредит у собственных своих граждан, могущих дать ему оный в высочайшем степени. История голландской республики показывает пример того, как торговая нация от прибытка своего торга находит в самой себе достаточные источники на выдержание труднейшей войны, на произведение в действо величайших предприятий, не употребляя на то богатств других наций. Англия при чрезвычайном своем могуществе мало имела нужды в чужестранных кредиторах для исполнения великих своих предприятий. Двоякая проистекает из того государству выгода: 1) доходы его остаются в нем, и 2) заплата капитала не причиняет пустоты в обращении денег.

Банки, заводимые во всех торгующих государствах, ибо споспешествуют они удобности торговли, безопасности денег, нетрудности заплаты, умножению обращения и верности сумм, не подверженных ущербу или приращению ни при каких переменах монет, для того что банковые деньги всегда остаются одинаковы, сии банки, становящиеся публичными банками, когда правление принимает их под свое покровительство, суть новый источник кредита. Не впускаясь в различные именования и роды банков, скажем мы только то, что они вообще имеют все вышеупомянутые выгоды, и государство находит чрез них пространнейший кредит у чужестранцев; оно находит в них средства к самой выгоднейшей для себя заплате долгов иноземцам; они служат ему источником, из которого может оно во всяком случае нужды занимать с превыгодными условиями; наконец, сии банки сами бывают в состоянии давать кредит чужестранцам и к пользе своего государства излишним множеством денег ссужать чужие нации, пока торговля процветает.[1]

Купеческие компании могут почитаемы быть новою ветвию публичного кредита, которого обширность всегда распространяется купно с благополучным успехом торговых предприятий и который самую торговлю содержит в цветущем состоянии.

Мы удовольствуемся сим для доказания того, сколько может торговля умножать кредит, сколь сильное оказывает она действие в произведении и удержании оного. Она подкрепляет государственный и частный кредит нации, а выгоды сего приносят государству превеликую пользу. Оно, подобно приватному человеку, получает от кредита удобные способы исправлять свои обстоятельства, распространять свое могущество, делать завоевания,

[1] См. Стевартовы правила государственной экономии. Книга I, глава 13.

вести войны, производить торговые предприятия и поправления во всех частях государственного благосостояния; торговля доставляет ему вещественный кредит, и оно не опасается удобно сделаться банкротом.

Также и государственные ассигнации, основывающиеся на публичном кредите, умножают число денег и наполняют пустоту в обращении оных, показывающую всегда ослабение промыслов, недостаток путей к пропитанию и упадок внутренней и внешней торговли. Благоразумно учрежденные банковые обороты могут сберечь великую часть золота и серебра, необходимо потребного на обращение ежегодных произведений и работ в государстве, от других важных и выгодных предприятий и чрез то большую часть государственного капитала сделать действеннее и прибыточнее, заменяя недостаток настоящих денег бумажными, которые в домашнем обращении равную с золотом и серебром имеют выгоду.

Могущество Англии основывается единственно на великом ее кредите; а основание сего находится во цветущей торговле английского королевства. — Голландия, для защищения вольности своей против сильнейшего европейского монарха продолжительною войною, не имела нужды в употреблении чужих денег. Сия республика имела в себе самой источник своего богатства; она находила кредит у собственных своих граждан, ибо торговля беспрестанно удерживала ее силы.

Частный купеческий кредит равномерно выгодные имеет следствия в благосостоянии целого государства. Торг приводит деньги в обращение. Богатые частные особы, не обращающие сами своих денег, ссужают оными предприимчивый класс граждан за малые проценты, ибо кредит и множество денег необходимо унижают оные. Сие действует возвратно на процветение торговли, и всеобщая рачительность получает силы к распространению своих предприятий.

Сие распространение упражнения производится еще и другою причиною. Приватный кредит, заступающий у торгующих граждан место наличных денег, приводит займодавца в состояние продолжать предприятие свое и без денег: должник дает ему достоверное обязательство, например вексель или т. п., которое в руках займодавца бывает паки средством к промену его товаров и к удовлетворению его потребностям. Таким образом, купеческий кредит заменяет на несколько времени наличные деньги, не оставляя в обращении оных вредной пустоты, причиняющей препону всеобщему промену потребностей.

Мы не хотим теперь впускаться в исследование вопроса: выгодно ли или убыточно вообще для государства великое употребление кредита? Может случиться, что произойдут при том многие вредные оного злоупотребления, оно может запутать государство в пространные и тщетные планы, оно может составить вымышлен-

ные и вредные богатства, оно может внести неблаговременно бумажные деньги и произвести опасный оными торг. Но все сие не следует непременно от великого кредита; с другой стороны, имеет он столь же многие выгоды для государства, могущего приходить в разные обстоятельства, в которых кредит бывает ему нужен, в которых может оно посредством его освобождаться от величайших неудобств, в которых может оно посредством кредита сего делать перемены, полезные гражданам и служащие ко всеобщему благу. Кто может утверждать то, что от приватного кредита вредные происходят следствия? Кто может хулить такое государство, которого частные граждане друг у друга, а купцы у всякого иностранца удобно кредит находят? И так торговля произведением и умножением сего кредита причиняет пользу государству и возвышает истинное его величество и могущество, отверзая богатству все пути его действенности и делая возможным всякое употребление оного.

§ 37

О ОБРАЩЕНИИ ДЕНЕГ

Понятие, соединяемое с деньгами, и свойства, приписываемые им, делают необходимым то, чтоб деньги сии обращались беспрестанно для произведения своего действия.

Действие сие состоит в споспешествовании промену товаров и удобному удовлетворению потребностям. Чем скорее бывает сей промен, то есть чем скорее определенная сумма денег переходит из рук в руки и чрез то всякий, имевший оную, удовлетворяет некоторой части своих потребностей, тем больше, тем выгоднее бывает действие его. Сие учащение промена товаров на деньги и денег на товары называется *обращением* денег.

Мы не знаем, какое следствие торговли может быть натуральнее и приметнее сего обращения. — Посмотрим на упражнение купца, на верные и скорые платы, которые должен он беспрестанно делать, дабы не лишиться своего кредита; на верность и точность, с какою исправляет он свои требования; и, наконец, на все его старание, состоящее в том, чтоб употреблять капитал свой, на котором основывается торг его, к покупке товаров, сии товары сколько возможно скорее променивать на деньги, а деньги сии или кредит свой со всевозможною скоростию приводить в обращение, причем он одними частыми прибытками приобретает себе богатство: посмотря на все сие, увидим мы содействие купца в споспешествовании обращению денег во всей великости оного.

Купец подает всякому капиталисту случай полагать с выгодою в торговлю свои деньги, которые без того лежали бы, не принося

никакого прибытка, и были бы исключены из обращения; таким образом умножается обращающаяся сумма. В государстве, в котором процветает торговля, все запасные сокровища употребляемы бывают на разные предприятия.

Мы докажем, что торговля оживляет государственную экономию, мануфактуры и фабрики; а сие оживление прилежания не в ином чем состоит, как в том, что земледелец и ремесленник могут променивать произведения свои скоро и во множестве на деньги, а за сии доставать себе другие потребности. В сем только оказывается подлинное употребление денег: они могут служить средством к исполнению предприятий рачительности; а скорость промена товаров (следствие умноженных торговлею потребностей) производит и скорое обращение денег.

Необходимо требуется, чтоб для обращения денег находилось известное оных множество. Какое государство более имеет удобнейших средств к заменению недостатка народного имущества деньгами чужих государств, как то, которое производит с выгодою торговлю? Торговые прибытки разделяются по всему государству и награждают недостаток обращающейся монеты. Какое государство удобнее находит кредит, какое государство удобнее может заводить банки для умножения обращающейся денежной суммы и для скорости и удобности обращения? Колико способствуют умножению числа денег и скорейшему обращению оных векселя, акции и ассигнации, которые сами составляют предметы особенных ветвей торга и дают пропитание множеству людей? — И так денежное обращение производимо и споспешествуемо цветущею торговлею, и только посредством ее пребывает обращение сие совершенно, умножает свою скорость и содержит надлежащую сумму денег в беспрестанном движении.

Выгоды сего обращения для государства, которые суть также следствие торговли, удивляют того, кто предпринимает рассмотреть их подробнее.

Обращение денег замыкает в себе оба следующие понятия:

1) известное множество обращающейся монеты, 2) скорость сего обращения; обое вместе взятое составляет выгоды денежного обращения.

Рассмотрим сперва только множество денег в обращении, не рассуждая о скорости оного. Единое прохождение денег чрезвычайные производит действия. Например рубль, переходя из Санктпетербурга в Москву, может между тем тысяче людей послужить на покупку разных потребностей; и таким образом выменивается на оный множество произведений, совокупно стоящих более тысячи рублев. Всякая остановка сего рубля у не хотящего истратить его прекращает сие действие и причиняет препону прилежности и остановку употреблению. Представя себе, якобы один только рубль обращается во всем государстве, увидим, что все расходы совер-

шенно бы прекратились, если б сей рубль впал в руки скупого человека. Из сего следует, что всегда должно быть равновесие между прилежанием и обращающеюся монетою и что с умножением первого соединено умножение другой. Всеобщая рачительность, производительная сила прилежания и желание употреблять произведения умножаются, если никакая остановка в обращении не препятствует их умножению. Сия удобность обоюдной мены между деньгами и товарами рождает также удобность находить пути к пропитанию и содержит в себе причину цветущего умножения народа. По сему рассуждению не кажется уже невозможным то смелое положение, которое один новейший писатель утверждать отважился, что в таком государстве, где средства к приобретению в равновесии находятся с употреблением и где обое достигло до весьма высокого степени, там один гражданин доставляет пропитание другому. Издержки одного причиняют другому приобретение, и сколько издерживает первый, столько может приобрести другой. Когда первый выезжает из государства, когда издержки его прекращаются, тогда запирается источник приобретения другого; и если сей не находит иных средств к продолжению своего стяжания, то погибель одного влечет за собою погибель другого. Однако не должно принимать положения сего в таком смысле, якобы издержки одного гражданина непосредственно составляли содержание другого. При сем прирастает токмо мера упражнения столько, сколько требует содержание другого; а приращение сие так разделяется по целому, что один приобретает при том более, нежели сколько издерживает, и что выдача денег не всегда бывает купно с принятием оных. Чрез то прекращается обращение в особенных частях, и успехи его прерываются. Но вообще и там, где денежное обращение в равновесии находится с упражнением и потребностями, можно утверждать справедливость того положения, что один гражданин содержит другого по связи путей к приобретению. Вот причина, по которой содержится непонятное множество людей в таком государстве, где великая владычествует рачительность, где все приводится в движение свободным обращением денег, где не тщетна никакая работа, одним словом, где торговля может явить благодетельное свое влияние.

Второй предмет, представляющийся при обращении денег, есть скорость оного.

Сия скорость умножает все выгоды, производимые обращением: она причиняет то, что в кратчайшее время то же происходит следствие, которое от простого обращения не иначе произойти могло, как чрез частое повторение оного, и наконец заменяет она самый недостаток в числе обращающихся денег. — Сии положения столь ясны, что не требуют пространного доказательства. Положим, что в каком-нибудь государстве обращается 20 миллионов, которые в определенное время исправляют свое действие и произво-

дят вышеозначенные выгоды. Если скорость сего обращения умножена будет столько, что помянутая сумма в то же время обратится четырекратно, то произведет она действие 80 миллионов.

Из сказанного нами в прежнем нумере сих «Прибавлений» видно, сколь многие выгоды производит скорое обращение денег; видно, как меньшая сумма, обращающаяся скорее большой, равное с сею производит действие. Следовательно, видно и то, как торговля, умножая скорость обращения денег, поддерживает упражнение граждан, увеличивает множество народа и умножает истинное богатство подданных государства. В сем только разделении богатств между особенными членами государства, причем всяк наслаждается выгодами оного, содержится основание истинного богатства государя; ибо тот государь богат, который имеет многих подданных, а те подданные богаты, которые много имеют денег. Как некогда персидский царь Кир спросил Креза, сколько мог он собрать себе сокровищ, то сей сказал о удивительной сумме. Кир тотчас дал знать своим придворным, что ему нужно много денег, и вдруг принесли ему гораздо большую сумму, нежели какую объявил Крез. Думающий, будто богатство государства состоит только в скоплении золота и серебра, пусть посмотрит на Испанию; и тогда скажет он, что он обманулся. Распространенная только коммерция, производящая оживительное обращение денег, может обогащать государства.

Мы заключаем сей параграф местом из Антимахиавеля, в котором высокий сочинитель оного говорит: «Кто ничего более не знает, как собирать деньги, закапывать деньги, хотя бы он был приватный человек или король, тот не знает экономии. Не лежащие бесподвижно сокровища иметь должно, но великие доходы, происходящие от доброго управления».

§ 38

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ БОГАТСТВО НАЦИЙ

Под сим богатством разумею я действительный прибыток денежной суммы в государстве, который может состоять либо в настоящей монете, либо в бумажных деньгах.

Не нужно мне доказывать, что богатство сие есть следствие внешней торговли. Действия его тем больше заслуживают внимания.

Явно, что у торгующей нации стечение прибыточных денег дотоле выгодные производит действия, пока множество денег сих столь увеличится, что натуральное отношение оных к товарам возвысится слишком и пропадет выгода в торговле с иностранными;

что товары сделаются слишком дороги и не могут выдержать стечения других наций. Англия служит тому примером; она находится теперь на том пункте, на котором должна по сей причине опасаться потери великого расхода рукодельных своих товаров.

Однако время такого состояния весьма отдалено от всякого государства и надлежащими предприятиями всегда может содержано быть в сем отдалении. Всегда удобнее уменьшить и выключить из обращения излишнюю сумму денег, нежели заменить недостаток оной. Если ж наступит сие время в каком-нибудь государстве, то удобно находятся средства, которыми отвращается вред, могущий от того последовать. В сем случае может правитель с выгодою сберегать сокровища и употреблять их при нужде паки для государственного блага; в сие время можно отдавать деньги в заем чужим государствам, класть оные в чужестранные банки и т. п., а от сего сугубую получает государство пользу: оно получает ежегодно проценты, которые может употреблять в случаях нужды и на особливые потребности, без умножения угнетательных податей и других способов вымучивания денег у подданных, и всегда удерживает надежный капитал для непредвидимых случаев. Новые предприятия, если окажутся поводы к оным, завоевания, неизбежные войны и т. п. не ослабляют тогда нимало благосостояние граждан, потому что государство имеет уже готовое на оные иждивение.

Голландия, приобретшая процветавшим прежде торгом своим неиссчетные богатства, приняла одно из сих средств, не могши более употреблять остающихся своих денег на торговлю: она раздала в заем другим нациям более полторы тысячи миллионов. Процентами от превеликого сего капитала уравнивает она ныне противное свое торговое отношение к другим нациям и удерживает чрез то еще в знатном величестве упадающую свою торговлю.

Англия, хотя и приводил я ее в пример излишнего богатства, не могла бы удержать столь долго распространенного своего могущества без сего богатства. Кредит ее, главная оного подпора, пал бы без него, и ослабели бы от того ее силы.

Из сего следует, что относительное богатство нации никогда не бывает вредно, если умеют употреблять его надлежащим образом. — Доколе не все пути к приобретению совершенны, доколе можно еще их распространять, доколе земли остаются еще не населенные, доколе мануфактуры еще более могут расширяться, доколе может еще основываться на том большее умножение народа и, наконец, доколе самая торговля выше еще возрастать может, дотоле великое, всегда прибывающее богатство служит способом к тому, что все сии степени посредствовать будут успеху государства и ко приведению в процветение благосостояния его граждан.

Множество денег, доставаемое государством чрез торг, употребляется всегда на новые *предприятия* и к распространению тех ветвей *промыслов* и *прилежания*, которые тогда также *соразмерную* доставляют *прибыль*. Чем более прибывает *денег*, тем более бывает *иждивения* на предприятия, тем более *участвования* в самовыгоднейших ветвях торговли, а посему тем менее *прибытка*. И так скопленный капитал употребляется на *новые* ветви приобретения, соразмерно уменьшению прибыли от первых. Сие употребление капиталов на производительные силы всеобщего *приобретения* в государстве всегда может распространяться на большее число ветвей, так как равновесие прибытка содержит сии силы приобретения в разделении их на большее число предметов. Сие разделение всеобщего капитала на все пути ко приобретению, могущее до крайности распространиться при умножающемся всегда богатстве, производит совершеннейшее благосостояние, вещественнейшие силы, постояннейшее богатство, одним словом, всевозможное совершенство государства. Между тем чем более распространяется каждая ветвь приобретения и чем более употребляется на ее капитала, равномерно должны ущербать прибытки и потому проценты отпадать от капиталов. Таким образом, со времени открытия Америки не умножение золота и серебра, которым наша часть света якобы наводнена была и которое унизило только цену денег против цены произведений трудолюбия, но возвысившееся в целой Европе *всеобщее прилежание* уменьшило почти повсеместно денежные проценты, а паче в землях, большую производящих торговлю, как то в Голландии, Англии и т. п. — Сие самое унижение процентов выгодно для богатых наций, ибо подкрепляет оно внешнюю торговлю и избавляет от вредного стечения с иностранными.

Когда все сие у какой-либо нации до крайней достигнет высоты (но сколь еще от большей части государств отдалено сие время, или какое государство доходило когда-нибудь до толикого степени совершенства?), тогда еще остается государству средство выпускать чрезмерное богатство свое разными каналами и употреблять его так, чтоб оно в случае нужды могло паки распространить благодетельнейшее свое влияние.

§ 39

УВЕЛИЧЕНИЕ ПРИЛЕЖАНИЯ

Необработанные произведения какой-либо земли редко бывают предметом внешней торговли: нация, производящая такую торговлю, не будучи принуждена к тому особливыми обстоятельствами, в рассуждении политического своего приращения весьма мало

должна иметь просвещения в торговле. Одно из первых правил торговли есть то, что всегда надлежит вывозить по всей возможности утонченные товары. Сие *утончение* есть предмет *прилежания*, состоящего в искусной работе фабрикантов.

Сие правило, столь натуральное и столь нужное для выгодного торга нации, доставляет рукодельцам упражнение и приводит их в состояние *умножать* ветвь пропитания своего по мере вывоза и доводить свое прилежание всегда до высшего *степени совершенства*.

Здесь можно задать вопрос: торговля ли происходит от прилежания или сие от торговли? Мы ответствуем: обое имеют такое взаимное сопряжение, что всегда одно споспешествует приращению другого. Торговля занимает особенный класс людей, споспешествующих промену товаров, а рукоделец достает чрез то время на продолжение своея работы. Торговля может весьма споспешествовать прилежанию, облегчая расход его произведений; но можно сказать, что и торговля есть действие прилежания. Человеческие потребности ободряют прилежание, но без торговли не возможен никакой удобный промен произведений; и так торговля есть необходимое следствие прилежания. Стеварт сравнивает обое со движением сердца и крови. Оба движения сии столь неприметно происходят одно от другого, что не возможно определить, где каждое из них начинается. Между тем есть положение, что где обое находятся совокупно, там торговля скоро споспешествует прилежанию, а сие сохраняет успех торговли. Обое основываются на третием предполагаемом нами обстоятельстве, а именно, что должен быть вкус в излишних вещах, причиняющий расход произведениям.

Внешняя торговля, открываясь, производит сей расход в превосходном степени тем товарам, которые суть предмет ее, и чем на большее число ветвей прилежания распростирается торговля, тем более возвышается сей расход в целой своей обширности. Стечение покупщиков всегда увеличивается, даже до известной крайности, последующей тогда, когда расход останавливается, и от того стечение со стороны покупщиков и продавцов становится равно. Между тем прилежание от самой низшей точки своего начала всегда *распространяется* и *возрастает*, доколе не противодействуют ему никакие препятствия. При каждой произрастающей ветви упражнения незанятые граждане, находящие в том пропитание и выгоды свои или не имевшие прежде довольного упражнения, поспешают соревновать друг другу своими способностями, доколе расход их работы и прибыток, получаемый ими от оного, достаточно награждают рачительность и действенность их. Если торгующее государство богато жителями, то в оном все трудолюбивые, не находящие в противном случае выгодного упражнения, найдут довольно работы; если ж не довольно оно многонародно, то сие есть для него источник приобретения жителей: чужестран-

ные рукодельцы принесут способности свои и поселятся в том государстве, если мудрое правительство не противопоставит им никакого препятствия и допустит их наслаждаться приманчивыми выгодами.

Голландия подает пример того, как рукоделия, находя чрез торговлю расход своим товарам, заводятся в какой-либо земле от чужестранцев; она подает пример мудрого правительства, сообщавшего нужные к тому свободы. Хотя республика сия и с начала своего имела некоторые мануфактуры, однако по справедливости можно назвать ее местом прибежища для чужестранных рукодельцев. Когда дом австрийский во всех подвластных себе землях хотел завести инквизиции и когда Гейнрих II во Франции зажег свои костры, тогда бесчисленное множество беглецов приехало в Голландию, привлеченное туда свободою совести, и принесло с собою свои искусства.

В 1614 году принято в Амстердам множество ткачей, прибегших туда из Аахена и других мест, с обещанием платить им по 50 гульденов за заведение каждого стана, каждому ткачу выдать в заем на 4-летний срок по 200 гульденов и за всякого работника заплатить по 30 штиверов. Также и скорое приращение торговли в обе Индии было причиною заведения разных новых фабрик в Голландии.

Красильни, сахарные варницы, полотняные белильни, разные заводы, изобретенные голландцами; книгопечатное искусство и все искусства, соединенные с оным; искусство гранить алмазы, возведенное новою роскошью и открытием бразильских алмазных мин на высочайший степень совершенства и соделанное одною из прибыльнейших ветвей торговли: все сие процветало в Голландии, и не оставалось ни одной ветви прилежания, которую не преселил бы наконец в Голландию дух гонения или которую не привлекла бы туда свобода.

Не должно опасаться, чтоб таким образом одна ветвь прилежания не процвела слишком к урону другого упражнения, чтоб не пренебрежено было земледелие и чрез то государство не лишено бы было довольного множества необходимого пропитания и чтоб всякий гражданин, желая приняться за упражнение, заставляющее при первом взоре надеяться знатной прибыли, не выступил из круга прежнего своего упражнения: всякая перемена во всеобщей мере трудолюбия влечет за собою новые перемены, которых действия содержат равновесие с первыми. Как скоро пренебрежено бывает земледелие, то дороговизна произведений, умноженная недостатком пропитания и долженствующая возвыситься еще более по мере умножения народа рукодельцами, приманивает паки людей к обработанию земли, которой награждающие плоды большую обещают тогда прибыль. Увеличение какой-либо ветви прилежания дотоле безвредно, пока она выгодна и приносит прибыль; стечение

ищущих в оной упражнения уменьшает ее прибыльность, от чего наконец воспоследует равновесие между ею и другими ветвями, и так сии оживут снова. Еще другое обстоятельство приходит при сем в рассуждение. Прибыток, втекающий в государство посредством цветущих ветвей прилежания, разделяется паки по тем работникам, которые доставляют рукодельцам материалы и удовлетворяют их потребностям (если сии обработывают преимущественно домашние произведения). И так при открытии внешней торговли необходимо должно умножаться запасение жизненных потребностей соразмерно приращению мануфактур. Где земледелие можно еще исправлять, где не все еще земли населены, там по сему положению нужное равновесие последует само собою. Если ж никакое исправление уже не возможно, если земля не может пропитать большого множества народа, то заведение торга хлебом есть остальное средство к замене сего недостатка. В таком государстве, в котором принято положение доставать жизненные потребности из чужих стран, торг сей тем знатнее, тем вернее, тем постояннее и часто может сделаться паки ветвию вывоза. Голландия и все торгующие земли, которые, не имея собственных произведений, должны вести посредническую торговлю, подают пример сего.

В торгующей нации всякий тот гражданин не получает успеха, который не старается рачительно пользоваться своими способностями; в такой нации бывает всеобщее *соревнование*, при котором самый прилежнейший, остроумнейший, бережливейший гражданин в каждом состоянии получает награду. И так внешняя торговля величайшее имеет влияние и в *усовершение* прилежания. В ней соединяются все обстоятельства, могущие произвести сие совершенство.

Действие соревнования, долгое упражнение возбуждает ум мануфактуристов и воздымает его скоро к совершенству. Всякий работник вымышляет себе выгоды для приготовления работы своея как возможно дешевее и совершеннее (сии два качества делают надежным расход товаров); привыкши чрез долгое время работать ежедневно одинакие произведения, необходимо должен он приобретать себе выгоды и присвоивать совершенства, которых всякий другой, менее упражнявшийся, иметь не может. Свойство внешнего торга требует и по другой причине утончения мануфактур или паче употребления прилежания на те рукодельные работы, которыми драгоценнейшие и более прочих утонченные приготовляются произведения. Те только товары пригодны к иностранной торговле, которых провоз дешевее прочих и которые в самомалейшем пространстве большую заключают цену. Грубые рукодельные товары не стоят иждивения на дальний провоз, и потому никогда не можно вывозить их с большою прибылью в отдаленные страны.

Когда какая-нибудь нация приготовляет товары, при которых

*

дешевизна и доброта совокуплены, то одерживает она преимущество при всяком стечении, и торговля ее пребудет в цветущем состоянии дотоле, пока будет она довольствоваться частым повторением небольшой прибыли. — Колико различны рукоделия и рукодельцы торгующих государств от тех, которые не умеют нигде найти великий расход своим товарам; колико пространно их упражнение, колико совершенны произведения их искусства? Посмотрим на мануфактуры германских городов, как они упали, не имея прежнего того торга, какой имели они во времена Ганзы. Сравнив мануфактуры английские с прочими мануфактурами в Европе и даже во всем свете, неопровержимо усмотрим при том сильное влияние торговли. Но как же может рукоделец возбуждаться к работе и к предприятиям, не видя расхода своея работы, не видя прибыли? — Не говорим мы, будто торговля в чужие страны всегда нужна к произведению сего действия: обретаются мануфактуры, которых произведения расходятся на употребление в собственной их земле и которые могут при том быть в цветущем состоянии. Но сие собственное употребление есть также действие внутреннего торга; оно производит то, что в небольших областях должна производить внешняя торговля для процветения мануфактур. А если к великому собственному употреблению и внешняя присоединится торговля, то не увеличит ли и не в большее ли совершенство приведет она прилежание?

Наконец, находится еще целый класс мануфактур, совершенно от торговли зависящих, купно с нею происходящих или паки упадающих вместе с упадком торговли. — Коликое множество людей в мореходствующих нациях занимается строением и сооружением кораблей, промышлением корабельных материалов; либо при сухопутной торговле перевозами и укладками гуртовых товаров и другими принадлежностями? Все сии люди лишились бы всех своих путей ко пропитанию, если б разрушилась торговля. — Голландия в начале прошедшего столетия высылала из гаваней своих на ловлю сельдей около 3000 кораблей, а на ловлю китов от 160 до 200. Коликое множество народа получало пропитание от строения кораблей сих, служивших для единой только ветви голландской торговли? Коликое множество бочек, сундуков, железных утварей, канатов и т. п. должно приготовлено быть для сих кораблей? и сколь выгодное влияние имело все сие в произведение нужных к тому материалов?

В сем-то состоит основание выгоды, производимой для нации перевозом при торговле; в сем состоит великое преимущество собственной торговли пред чужестраннической. Многие тысячи граждан, остающиеся иначе без упражнения, находят при том свое пропитание; вредный иногда торговый баланс становится чрез то истинною для государства выгодою, и потеряние перевоза бывает часто столь же велико, как и совершенное потеряние торговли.

§ 40

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭКОНОМИИ

Под словом *государственная экономия* разумеем мы все те способы, которыми собираются жизненные потребности и необработанные материалы либо из земли, либо другим каким-нибудь образом для дальнейшего воспользования оными.

И так государственная экономия занимается снисканием всех натуральных произведений: царства животных, растений и минералов доставляют чрез нее свои сокровища, дабы отчасти беспосредственно, а отчасти посредством утончительного искусства художников сделаться частию торговли.

Мы показали уже, что торговля оживляет и распространяет прилежание; а потому действует она и в государственной экономии, доставляющей материалы на рукоделья.

Мы представляем себе государство, в котором собственная внешняя торговля открылась со благосклонным балансом: в оном скоро является знатное начало прилежания, возрастающего мало-помалу и восходящего всегда на высшие степени процветения, так, как и богатство прибавляется в награду остроумным и трудолюбивым работникам. Потребность необработанных земных произведений, утончаемых рукоделиями, прибавляется, и потому плата за оные становится лучше. Земледелец, видя верный расход и награду за свою работу, пробужается от унылого небрежения, усугубляет рачение и старается сколько возможно возвысить доход со своея пашни. Исправляя обстоятельства свои соразмерною прибылью, может он тогда сносить издержки земледелия; не удерживаем будучи другими препятствиями, может он предпринимать поправки и распространения в своей работе; добрые обстоятельства его имущества приводят его в состояние содержать лучше свою семью; класс земледельцев умножается и в лучшие приходит обстоятельства, а потому все годные к обработанию земли всевозможный приносят доход.

Исправление государственной экономии непосредственно может производимо быть и купцами. Часто богатство купеческое употребляется на покупку таких земель, которые без того по большей части не обработаны бы оставались. Богатые купцы обыкновенно стараются быть дворянами, а вступя в сие состояние, бывают важнейшими предприимцами и попечителями о исправлении земель. В больших торговых городах, лежащих на землях, мало еще обработанных, можно видеть, сколь отважнее предприемлют купцы исправление полей, нежели другие граждане, не имеющие ни бодрости, ни сил на такие важные предприятия; а потому такие страны и бывают по большей части обработаны совершеннее иных, сколько позволяет то в них свойство земли и климата.

Если справедливо то, как исчисляет Зисмилх, что на одной квадратной немецкой миле 6000 людей могут пропитаться только экономиею, и если также справедливо, что ни в какой стране многонародие не возвысилось еще на сей степень: то экономия вообще способна ко чрезвычайному умножению, которое излишно для единого национального употребления в государстве и требует, чтоб торговля, присоединясь к сему, произвела расход, могущий причинить всевозможное исправление в государственной экономии.

Торговля непосредственно действует также и в расходе необработанных земных произведений. Торг хлебом, предмет наблюдений многих новейших писателей, либо беспредельную оного свободу, либо ограничение утверждающих, который по великому своему влиянию в первое основание благосостояния гражданского довольно важен, дабы установить правила его по здравой политике, торг хлебом заслуживает в сем рассуждении первое место. Мы намерены здесь показать только влияние его в распространение и процветение земледельства.

В государстве, которого граждане упражняются в земледелии, нужно привести в процветение сию ветвь торговли. Единая и достаточная пружина земледелия есть известный расход и соразмерно прибыльная цена жатвы земледельца. Без сея пружины работает он для собственной только своея необходимости, и государство лишается множества натуральных произведений, ибо внутреннее употребление редко столь возвышается, чтоб могло причинить посредственный расход произведениям плодоносной несколько земли. И так теряет оно чрез то либо часть возможного своего многонародия, либо по крайней мере вывоз сих произведений и чистую от оного прибыль; теряет действенность свою и ревность та часть граждан, которой оные нужнее всех прочих и которой служат они основанием благосостояния всех других гражданских классов.

Долго исполняла правило сие Англия, представившаяся между европейскими государствами совершенным образцом не только в торговле и прилежании, но преимущественно и в земледелии. Она не только позволила свободный вывоз своего хлеба, но и определила еще в ободрительное награждение по 1 рейхсталеру и 10 грошей за вывоз каждого квартера пшеницы, когда цена оной в государстве не выше 13 рейхсталеров и 16 грошей; также и за другие роды хлеба соразмерное назначила награждение. Сие учреждение о хлебе введено было с самолучшим успехом еще в 1689 году; но в новейшие времена разные претерпело перемены, а по упадку земледелия доныне и совсем не исполняемо.

Также и скорое приращение английских в Америке поселений может приписано быть единственно процветению земледелия, составлявшего доныне главное оных упражнение, и преимуще-

ственно великому вывозу экономических их произведений, которыми почти одними со многих лет питается вся южная Европа.

Все натуральные произведения, которые может рождати земля, при процветении торговли произращаемы бывают во множестве, и потому земли всевозможную приносят прибыль. Жители монтрейльские от произращаемых ими груш с единой части поля получают около 6000 тысяч ливров; напротив того, в Польше, где земледелию не помогает торговля, 6000 таких частей едва ли принесут столько чистой прибыли.

Великое заведение хмеля, шафрана и т. п. в Англии принадлежит торговле, развозящей произведения сии во многие отдаленные страны.

Гелдрийцы и утрехтцы распложали прежде толикое множество табаку, продаваемого в Амстердам, что учрежденная в сем городе для оного фабрика занимала более 3000 людей, и голландские купцы снабжали табаком во множестве германские и северные народы.

Проходя прочие царства натуры, коликое множество предметов нам представляется, которые все составляют знатные ветви распространенной торговли: произведение их всегда возвышается купно с умножением торга; а, напротив того, там, где нет торговли, либо мало приносят они пользы, либо не приносят совсем.

Коликие миллионы шелковых червей разводятся во Франции и в Италии? коликое множество шелковичных дерев насаждается для пропитания сих червей? коль многие художники и рукодельцы работают над всеми произведениями искусства, на которые употребляется сия материя?

Англия и Испания собирают с овечьих своих заводов превеликое множество шерсти, которая рассылается по всему свету либо необработанная, либо обработанная. Самые золотые и серебряные рудокопни в испанской Америке, хотя скупость и корыстолюбие испанцев довольные суть побуждения к разрытию земли, самые сии рудокопни не приносили бы Испании никакой пользы, если бы золото, почитаемое простым произведением, посредством чужестраннической сего государства торговли не служило к уравнению противного баланса в торге испанцев с другими нациями и не разделялось бы по всем торгующим народам. — Англия имеет превеликое множество каменного уголья, отправляемого по большей части в Голландию и во Францию. Сей торг занимает более тысячи кораблей и служит купно для навыка морским служителям. — Ловля сельдей, принадлежавшая Голландии и бывшая золотым источником сея республики, столь известна, что надлежит только упомянуть о ней. — Швеция, Норвегия, большая часть северных государств, отчасти ж и Германия знатную производят торговлю, отпуская лес свой мореходствующим нациям для кораблестроения.

Не нужно приводить более примеров того, что торговля может служить пружиною пользы всех употребительных произведений. Довольно ясно, что расход какого-либо произведения и великая потребность оного причиняют соразмерное умножение сего произведения. Торгующий народ, оживленный действенным духом торговли, ничего не оставляет втуне; от всего достает он пользу. Счастливо то государство, в котором большая часть капитала употребляется на приращение собственных произведений: сие употребление есть самое выгоднейшее для общества, прибыльнее всех прочих, и более всех умножает вещественный доход граждан.

§ 41

РОСКОШЬ

Роскошь есть слово столь многоразличного значения, что неудивительно, когда многие политические писатели либо похваляют ее, либо представляют чудовищем, разрушавшим целые монархии.

Политик рассуждает о роскоши единственно по политическим ее следствиям, и если сии выгодны, то она служит способом к политическому благополучию государства. В политическом смысле роскошь есть не что иное, как излишнее употребление ненеобходимых вещей, служащих к удобности и к удовлетворению владычествующему вкусу.

По сему понятию, если удовлетворяет роскошь удобности и владычествующему вкусу, то некоторый степень ее необходимо нужен в обществе, отступившем от простых потребностей натуры и во вкусе которого царствует некоторая суетность; а изгнание ее из такого общества ниспровергло бы прилежность художника, которого упражнение роскошью оживляется. Доставать себе по обстоятельствам своего имущества всякую удобность и спокойствие не почитается злом политическим; да не всегда бывает сие и моральным злом. Не вредно для государства то, что в нем всегда попеременно владычествует некоторый вкус или мода в уборах, платье, строениях и прочих до пышности касающихся вещах: все сие дает действенность прилежанию и приводит в обращение денежные суммы. Один известный писатель говорит: «Франция остроумна в изобретении платья и модных уборов; счастливая земля! Пруссия, подобная ныне в сем Франции и еще остроумнейшая в модах, вводящих новые работы, также в строении и увеличении городов по модам, еще счастливее. Чем более перемен в модах, тем более бывает работы; чем важнее предметы моды, то есть чем более доставляют они работы гражданам государства, тем полезнее такая перемена».

Роскошь тогда только вредна государству, когда предметы ее суть иностранные товары, потому что государство тогда оскудевает от выхода денег, обращение сих денег перестает, мануфактуры и фабрики приходят в упадок, большая часть ветвей торговли остановляется либо и совсем прекращается и, наконец, иссякают источники пропитания граждан. Для частного человека роскошь бывает злом тогда, когда расходы его превосходят его силы, когда он расточает свое имение; но сие не роскошь уже, а мотовство и расточение; да и самый упадок одной фамилии не важен для государства, ибо от оного получают пропитание десять других граждан, приготовляющих роскошные товары. Не роскошь, но чрезмерное расточение бывает причиною упадка частного человека; худое его домоводство разоряет его до основания, а государство может ли учредить домостроительство каждого своего гражданина? не может ли случай сей произойти при тысяче других обстоятельств, в которых и не владычествует роскошь? Наконец, остается еще сему несчастному один вспомогательный способ, то есть работа; а где роскошь основывается на торговле, там работа не бесчестна.

И так сия на торговле основывающаяся роскошь, которой материя производима собственною землею и утончаема собственными работниками, есть явное следствие торговли, действенности нации и трудолюбия рукодельцев. Торговля оживляет, распространяет, утончает прилежание; а из сего происходит то, что государство, в котором сие находится, изобильно бывает всякими способами к удобности, всякими искусственными работами, всякими потребностями владычествующего вкуса. Как сии предметы у богатых наций сделались необходимыми потребностями, ибо всякий гражданин имеет право и свободу доставать себе по мере имущества своего удобности и предметы вкуса и пышности: то не только внешнее употребление произведений принимаемой нами здесь нации (если чужестранцы получают от нее свои потребности), но и внутреннее умножится, многонародие увеличится по мере приращения работы, обращение денег сделается скорее, пути к пропитанию будут удобнее, и, наконец, множество людей найдет себе упражнение. И так неблагоразумно было бы запретить потребности роскоши, ставшие необходимыми всем просвещенным нациям, и чрез то подать повод ко вредному заповедному торгу; или, изгнавши насильственными запрещениями всю роскошь, заключить чрез то богатства граждан (которые, однако, скоро нашли бы другой путь и послужили бы на употребление чужестранцам); прервать обращение денег, существенное государств богатство; истребить ветви пропитания многих фамилий, должных лишиться чрез то своея работы; а чрез все сие ослабить и внешнюю торговлю.

Есть положение, что внутренняя роскошь, то есть употребление товаров, делаемых в собственной земле, должна никогда не быть вредна государству, но всегда приносить оному пользу.

А к возвышению мануфактур никакое средство столь не натурально и не действительно, как внутреннее стечение; при нем только возможен вывоз и дальнейший расход искусственных товаров. И так внутренняя роскошь есть способ к исправлению и усовершению рукоделий, и чрез то утверждает она внешнюю торговлю и распространяет ее обширность. По сей причине процветение большей части мануфактур во Франции должно приписывать роскоши как собственной ее, так особенно и многих других европейских государств. Таким образом роскошь умножает удобности граждан, споспешествует умножению народа и приносит государству извне богатство, если, не требуя иностранных редкостей, довольствуется собственными товарами.

Такое великое государство, какова Франция, производящее в самом себе материю роскоши, утончающее оную своими художниками и рукодельцами, пребудет в цветущем состоянии посредством сея роскоши, умножающей внутреннее употребление, и еще более посредством внешней торговли; расточительность граждан его есть полезная и прибыльная расточительность. Но если б малое государство захотело подражать сему, не имея само в себе потребной начальной материи роскоши и собственных работников для обработания оной, или, не могши променивать иных излишних произведений, должно было бы получать роскошные товары от чужестранцев: то разорилось бы оно до основания, расточая национальное свое имущество, которое в сем случае не только не приносит прибытка, но еще сугубым бывает уроном.

В заключение сего рассуждения приводим мы здесь еще место из Антимахиавеля, в котором великий сей политик изъясняется так: «Расточительность, происходящая от изобилия и разливающая богатство по всем жилам государства, приводит великое государство в цветущее состояние. Она умножает потребности богатых, дабы тем теснее связать их с бедными. Если б неосторожный политик вздумал изгнать роскошь из великого государства, то ослабло и обессилело бы оно».

§ 42

О НРАВСТВЕННОМ УТОНЧЕНИИ И ПРОСВЕЩЕНИИ

Всеобщий опыт, пишет Монтескиэ, доказывает, что где владычествуют *утонченные нравы*, там процветает торговля; а где цветет она, там всегда соединено с нею бывает и утончение нравов.

Мы исследуем проявление сие в его источниках и покажем связь его с торговлею. — Человек в начальном состоянии натуры хотя имеет побуждение к сообществу, но сие побуждение весьма

ограничено: оно простирается не на весь род человеческий, а на особенные только поколения и на меньшие общества. От сего происходит бесчисленное множество особливых поколений между дикими; от сего происходят и в образованных уже политических обществах столь многочисленные ордены, братства и другие подобные отделы. Доколе побуждение сие к сообществу в такие умеренные заключается пределы и притом всю свою силу якобы к единой привлекает точке, дотоле вражда против чужестранцев бывает владычествующею страстию всех сих малых обществ. Вечно не соединились бы сии многочисленные общества воедино, вечно бы род человеческий пребыл разделен на такие особенные отделы и в рассуждении нравов и просвещения всегда оставался бы на самом глубочайшем степене варварства и суровости, если бы другие причины не истребили национальную ненависть и не превратили ее во взаимную благосклонность и привязанность. Торговля издревле была один из первых и самых действительнейших способов к достижению сего предмета. — Посредством ее начинают человеки чувствовать новые взаимные потребности; общественный прибыток начинает соединять их теснее и истреблять натуральную их ненависть; совершеннее становится искусство одолевать ненавистные страсти и снискивать себе благосклонность от других; справедливость и добронравие возрастают мало-помалу: великие торговые города не могут процветать, не будучи верны в своих обязательствах и честны во своем торге.

Купцы, познакомясь со многими народами и узнавши нравы и обычаи оных, начинают сравнивать сии нравы, соединять их, а чрез то и собственный свой национальный характер переменять и делать общественнее. Не удивительно, говорит, потому, Монтескиэ, что нравы наши ныне не столь дики и суровы, как прежде: торговля доставила нам познание обычаев самых отдаленнейших народов; мы сравнивали их один с другим, и от того произошли важнейшие выгоды. История древнейших торговых народов научает, что национальные их обычаи прежде всех лишились своея суровости и ненависть к чужестранцам пременилась в благосклонность и ласковое обращение; что нравы их утончились, предрассуждения были откинуты, и науки и художества взошли на самый высший степень совершенства.

Свойство торговли производит все сии действия. Действенность и трудолюбие, новые потребности, большая удобность жизни, основывающаяся на них, суть основания торговли, которые многоразличными своими отношениями и обстоятельствами непременно должны производить образ жизни тончайший и просвещеннейший.

Действенность и трудолюбие, владычествующие преимущественно между рукодельцами, производят всегда некоторый степень просвещения, познаний и благонравия. Чистота жилищ, одежды и других жизненных принадлежностей зависит по большей

части от высокого степеня трудолюбия и прилежности. Разность упражнений, перемена мод, дающих художникам всегда новую материю изобретения, приобучают и сих к такому же вкусу и к такой же тонкости. Чем в большие сношения приводит торговля художника, чем более имеет он различных случаев к изобретению, тем более такая рачительность возбудит в целой нации дух и ум. — Удивительно, сколь сильное действие над вкусом и нравами производит единое трудолюбие. Чрезвычайная чистота голландцев есть следствие только трудолюбия и прилежности сего народа. Англичане еще при Гейнрихе VIII столь были нечисты в домоводстве, что многие болезни, свирепствовавшие тогда между ими, сей приписываются причине; но прилежность в то время столь же редка была у них, как и чистота: а как в новейшие времена прилежность и трудолюбие получили успех от торговли, то и чистота достигла у сего народа до преимущественно высокого степени.

Богатство, умножающееся при торговле какой-нибудь нации, рождает роскошь, а чрез то производит единство во всех частях образа жизни. Пока роскошь не преступит надлежащих пределов, пока не погрузит она нацию совсем в леность и бездейственность, дотоле бывает она в другом рассуждении выгодна государству, а в рассуждении утончения нравов служит самою действительнейшею пружиною, преводящею людей из суровости в высшее образование. Франция бесспорно по сей причине взошла на высокий степень своего утончения и показывает ныне в сем пример просвещенной нации.

Изучение языков, искусств и наук также находит первое место себе у торгующих народов. Если не все они процветают, то по крайней мере те, которые связаны с торговлею и мореплаванием. Механические искусства, натуральная история, математические науки во всей своей обширности ревностно бывают изучаемы. Обретения неизвестных прежде земель и народов, познание о всем земном шаре суть плод торговых путешествий, возросший малопомалу. Не единая только торговая нация, но все человечество просветилось от того и собрало от неизвестных земель и народов важнейшие и выгоднейшие познания. Торговой нации нужно изведывать нравы, вкус и потребности чужих народов и получать произведения их земель. Чрез сие рождается множество новых потребностей, и оным бывает удовлетворяемо; утончение и удобность жизни всего человеческого общества прибавляются. До открытия западного берега Африки и пути в Индию около мыса Доброй Надежды, а особенно до открытия Америки европейские народы едва знали один другого и не посещали друг друга почти никогда. Но удивительно ли, что Европа погружена была дотоле во всеобщее варварство, ибо все выгодные следствия прежних успехов торговли были разрушены и нации, жившие на суровом се-

вере, ввели паки дух разногласия? удивительно ли, что состояние сие не прежде прекратилось, как голландцы свойственным себе духом торговли истребили сие разногласие народов; как прервали они пределы, в которых якобы заперты были сии, и привозом редкостей и драгоценностей из обеих Индий распространили изобилие товаров на всех европейских торжищах, всякой нации доставляли то, что ей недоставало, и брали от нее излишек ее произведений; как они чрез все сие паки соединили народы и удовлетворяли их потребностям.

Самое упражнение в торговле умножает проницание и благоразумие занимающегося оным. Дикий, имеющий нужду, например, в ноже, отдает за него все, что ему в то время не столько нужно. За сто лет пред сим можно было выменять у африканца фунт золотого песку на фунт железа, потому что не знал он ни цены, ни употребления обоего. Но сколь необыкновенен ныне такой род торговли, когда чрез опыт снисканное благоразумие научило людей знать лучше свои потребности и всякую вещь ценить по ее свойствам. Сие образует в торговых нациях особенный их характер. Они строги в наблюдении своих выгод, но не менее верны и совестны против торгующих с ними. Самое точное и строжайшее исполнение справедливости необходимо торгующим нациям и всегда находится у них при цветущем их состоянии. Строгая жизнь, удовольствие меньшим прибытком, действенность в учащении оного, благоразумие пользоваться всякими обстоятельствами, искусство приобретать от всего всевозможную выгоду, все сие составляет купца. Сей дух торговли распространяется на всех членов государства, и всякий, вразумлен будучи собственными выгодами, научается употреблять имущество свое самолучшим образом. Земледелие, прилежание — все исправляется, от всего величайшая приобретается польза, — и народ, просветившийся в предметах политического своего блага, положил уже основание знатной доли счастия своего.

§ 43

УПРАЖНЕНИЕ ГРАЖДАН

Если нужное упражнение граждан в государстве единое есть средство к умножению народа и если от сего единого зависит цветущее состояние всякого особенного гражданина, то, без сомнения, довольное упражнение граждан великая есть выгода для государства.

Понятие, соединяемое нами со словом *упражнение*, заключает такое состояние граждан, в котором всякий из них от надлежащей своей работы удобно и выгодно нужное получает пропитание. Пути к пропитанию вообще суть предмет сего упражнения, и как

торговля распространяет оные и приводит в большее процветение, то из сего видна связь ее со всеобщим упражнением; видно, что цветущее состояние оной должно и сие доводить до совершенства. Государство, говорит Гум, много производящее и к другим нациям отсылающее, должно иметь пространнейшее упражнение, нежели то, которое довольствуется натуральными своими произведениями и употреблением оных, и потому оно богатее, могущественнее, благополучнее сего. — Когда видим мы скудость граждан и слабость и повреждение государств, последующие вообще от недостатка упражнения и путей к пропитанию; когда рассуждаем мы о печальном жребии бедных, которые, не могши найти работы, становятся тягостию государству либо частным его гражданам и которых праздная и худая жизнь равную склонность к праздности и пороку вливает в потомство их, столько же сожаления достойное; когда, наконец, рассуждаем мы о гражданине, который с пролитием пота и со всею охотою к работе не может приобрести себе более, нежели сколько необходимо ему на содержание себя и домашних своих: то должны мы высоко ценить выгоды, доставляемые торговлею чрез открытие новых и удобных ветвей пропитания, и почитать счастливым то государство, которого граждане, одушевляемы будучи всеобщею действенностию, находят в работе своей обильные пропитания источники. Здесь всякому гражданину предлежат способы возвыситься прилежностию и предприимчивостию; здесь процветает многонародие, здесь богатство разделяется по всем частным членам государства, и менее чувствуемо здесь то вредное неравновесие в имуществе граждан, навлекающее на бедных все публичные тягости, которых, однако, не могут они сносить не разорясь совсем, и увольняющее богатых от принятия в том участия, ибо имеют они способы отвращать от себя все тягости. Государство, которого подданные довольным заняты упражнением, может надежно собирать подати, да еще и увеличивать оные, пока оставляет оно подданным способы к надлежащему приобретению. Лудовик XI, будучи дофином, налагал подати на подати, и подвластная ему земля воздыхала. Король Карл VII взял потом дофинскую провинцию себе и унизил подати. Но как собранные прежде и купно с посторонними доходами в сей провинции обращавшиеся деньги не употребляемы уже были в ней самой, то подданные испускали болезненный глас вместо воздыхания и оскудели от уменьшения сборов, ибо прежде не невозможно им было платить большие подати при обращении денег, умножающем пути к пропитанию. Есть положение, что великие налоги менее разоряют гражданина, нежели недостаток путей к приобретению. Налагай на него всегда тягости, он будет сносить их, доколе, с другой стороны, имеет к тому средства; а если лишить его сих, то и самый малейший налог сделается несносным для него бременем, которое разорит его совершенно.

Сказанное нами в 26 № сих «Прибавлений» хотим мы доказать примером. Положим, что гражданин может приобретать 1000; по заплате десятой части дохода, то есть 100, остается ему 900 на нужное содержание и на предприятия.

Когда в том же государстве, по исправлении путей к пропитанию, возможное приобретение будет 3000, при удвоении податей платит гражданин пятую часть целого своего приобретения, 600; и так остается еще ему 2400 на продолжение приобретения и на содержание. Сравним теперь обе сии суммы, 900 и 2400, остающиеся гражданину в обоих случаях: сколь удобно может последний заплатить сугубое число, когда у него втрое более остается на продолжение своего приобретения, нежели у первого.

Первый гражданин, употребя на приобретение свое 600, оставляет себе на содержание 300; напротив того, второй, которому хотя и втрое нужно употребить на приобретение (что, однако, редко случается), однако кроме 1800 остается ему 600 на содержание и при удвоении податей. Коль удобно сему содержать свою фамилию, когда тот едва может питаться, и сколь легко может он заплатить свою подать?

В сем состояла доныне великая выгода Англии пред другими нациями. Хотя государство сие давно уже почувствовало некоторый ущерб при внешнем своем торге, происходящий от дороговизны его товаров, которая есть следствие богатства ремесленников и многочисленности денег вообще; но сего не должно предпочесть счастию столь многих людей. Невзирая на великие налоги, не ущербало богатство граждан: благосостояние их должно остаться нерушимо, доколе процветает их торговля, доколе отверзты им пути ко приобретению.

§ 44

УМНОЖЕНИЕ НАРОДА

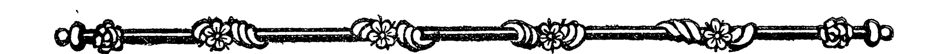
Когда все просвещенные политики нашего времени утверждают положение, что многонародие составляет основание могущества и благополучия государства, то сие положение тогда только бывает истинно, когда разумеется в оном цветущее многонародие. Не множество людей, ни пропитания, ни работы не имеющих, не те члены государства, которые, отягощая трудящихся, сами не споспешествуют нисколько общему благосостоянию, не они составляют внешнее могущество и внутреннее благополучие государства: таких граждан надлежит почитать мертвыми в политическом смысле, бесполезными, отяготительными для государства, могущими истребить прочие его силы, получаемые им от полезных своих членов. В государстве должны быть такие граждане, которые имели

бы случай и способы силами своими и способностями содействовать общему благу; они должны быть нескудны, дабы приобретать себе пропитание и потребности самоудобнейшим и выгоднейшим образом; они должны иметь силы для продолжения, распространения и усовершения своего приобретения и для приведения себя чрез то в состояние удовлетворять потребностям государства, удобно платить свои подати и, наконец, поддерживать взаимно благосостояние друг друга.

Не довольно того, чтоб иметь граждан и защищать их, говорит Русо; но должно помышлять и о содержании их и сберегать изобилие в таком пространстве, чтоб работа всегда была необходима и никогда не становилась бесполезною. Правила, по которым должна располагаема быть торговля, клонятся к занятию всевозможного множества людей. Мы показали выше сего, как торговля умножает государственную экономию, прилежание, обращение денег, кредит и всеобщую действенность; все сии предметы суть важнейшие пути к пропитанию и приобретению, все они суть способы к упражнению, достигающие чрез торговлю до чрезвычайного степеня совершенства, приводимые ею в состояние высочайшего их процветения и могущие произвести всевозможное упражнение, доколе не противодействуют им существенные препятствия. Таким образом связывается торговля со всеобщим упражнением, а чрез сие со цветущим многонародием в государстве. В сем пункте соединяются якобы все выгодные ее действия со всех сторон, и сей есть высочайший и последний предмет политика. Достигаемо в нем благополучие общее и благополучие особенных частей столько, сколько оно достигнуто быть может. Не намерены мы писать здесь обстоятельное исследование о многонародии государства, но довольствуемся только показанием того, что торговля, распространяющая жизнь и действенность по всем ветвям пропитания, производящая новые потребности и удовлетворяющая оным, обращающая довольное число денег между работающими членами государства, чрез все сие производит цветущее состояние многонародия: помянутое положение, что благополучие государства состоит во множестве граждан, подтверждает выгодность цветущего сего многонародия. Все особенные силы государства, то есть граждане его, достигают до высочайшего степеня своего количества и совершенства; а на сих одних силах основывается постоянное внешнее могущество и столь же твердое внутреннее его благополучие.

Блаженны государства, подобные здравому телу, в котором всякий член беспрепятственно и совершенно исправляет надлежащее! они возрастают дотоле, пока достигнут до самой вершины своего благосостояния; фамилии граждан их будут распространяться и умножаться, доколе предстоит им заслуга и приобретение. Чужестранцы, не находившие пищи в отечестве своем, не столько

процветающем, спешат прияти участие в выгодах упражнения, доставляемых всякою вновь открывающеюся ветвию пропитания: купно со способностями своими и с трудолюбием приносят они выгоду своих потребностей и употребления произведений, распространяющихся неприметно даже на самые особенные части общества и производящих приращением своим умножение национального упражнения, которого польза всегда учащается рождением новых граждан, увеличением государственной экономии и распространением прилежания. Торговые республики, Тир, Карфагена, Голландия, наблюдали мудрые правила сии и принимали всякого, хотевшего в них работать и питаться трудолюбием своим; чрез то приращение благосостояния их скоро достигло до совершенства, и могущество их утвердилось.



[О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ РАБОВЛАДЕНИЯ]

Мы сообщаем сие письмо наипаче для того, что оно писано благомыслящим очевидцем. Хотя и не выпустили мы предварительного защищения торга невольниками, однако не соглашаемся на оное, ибо оно утверждено на многих ложных заключениях. Здесь не место исследовать, не выкрадывают ли многих невольников из их земли; все ли невольники бывают преступники; в лучшее ли переходят они состояние; могут ли они когда-либо быть счастливы в невольничестве у европейцев, или обыкновенно поступают с ними ужаснейшим образом? Извинение, что мы в Европе делаем подобные несправедливости, что посредством торга невольников производится много добра, которое без оного должно бы оставлено быть, — все сии извинения не уважаются перед судилищем рассудка и человечества и не доказывают еще справедливости права, присвояемого белыми человеками над черными их собратьями.

Приложения

[ПРОГРАММЫ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»]

О ПОДПИСКЕ К ПОЛУЧЕНИЮ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НА БУДУЩИЙ, 1782 ГОД

Университетская типография, признательна будучи к благосклонному принятию почтенной публики и одобрению, какового она два года уже удостоивала представленные ей совсем в новом виде против прежнего «Московские ведомости», и ободрена будучи тем, за долг свой почитает, в удовольствие одобрителей трудов ее и тех, которые знают цену таковых изданий, продолжать помянутые «Московские ведомости» и в будущем, 1782 году с таковым же, как и ныне, рачительным своим старанием и усердием, устремляемыми к тому единственно, чтоб нужными сими листьми, доставя всевозможное удовольствие почтенной публике, заслужить себе вящее благоволение от оной.

Сообразуяся с сим намерением и ни на мало не отступая от прежнего плана сих «Ведомостей», крайнее старание приложено будет, чтоб в оных из лучших и достоверных иностранных «Ведомостей», в одно время с получением оных, сообщаемы были все европейские и других частей света новости, политические дела и другие достопамятные происшествия; с присовокуплением к тому нужных и любопытство заслуживающих ученых известий, как то о новых открытиях и изобретениях в науках и художествах и о выходящих в России новых книгах с кратким показанием содержащихся в них материй. Но как нужнее бы всего обогащать сии «Ведомости» происшествиями, наиболее касающимися до нашего отечества, то для помещения в оных обо всех редких естественных приключениях в пространной Российской империи (как, например, о чрезвычайных бурях, морозах, дождях, наводнениях, засухах,

землетрясениях, об уродах и других редкостях; также о новых изобретениях в науках, механических художествах и ремеслах и о прочем достопамятном) желательно б было, чтоб от любителей и охотников до натуральной и художественной российской истории и от других споспешествователей распространению столь нужных и важных сведений о своем отечестве и в особенности от начальствующих особ в российских городах сообщаемо было о таковых материях в типографию императорского Московского университета, с прописанием своего имени и чина, дабы знать, кому публика обязана будет такими интересными для нее сообщениями. Причем с достодолжным высокопочитанием приемлется смелость повторить прежнюю просьбу ко всем преосвященнейшим архипастырям, дабы они благоволили и на будущий год приказать сообщать в ту ж университетскую типографию о числе новорожденных, умерших и сочетавшихся браком в их епархиях, по третям ли года или как удобно и возможно то будет.

Подписка на сии «Московские ведомости» начинается со дня сообщения сего известия, в Москве в университетской книжной лавке, а в других городах в почтовых конторах. Цена им остается прежняя, в Москве по 6, а с присылкою в другие города по 8 рублей.

Непредвиденные обстоятельства университетской типографии лишают ее удовольствия продолжать общеполезное издание «Экономического журнала», который потому на будущий, 1782 год печатанием своим и остановится, так, как и немецкие и французские «Ведомости», о чем чрез сие и дается знать предварительно.

О ПОДПИСКЕ К ПОЛУЧЕНИЮ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НА БУДУЩИЙ, 1783 ГОД

Университетская типография, приступая к приему пренумерации за «Московские ведомости» на будущий, 1783 год, за......... [1] считает изъявить признательность свою почтенной публике за благосклонное принятие ею сих листов в минувшие три года и засвидетельствовать оную продолжением помянутых «Ведомостей» и в следующем, 1783 году с таковой же или еще и большею ревностию и рачением, клонящимися к доставлению всевозможного удовольствия почтенным читателям. В сем единственно виде и не отдаляясь нимало от соблюдаемого доселе плана сих «Ведомостей», она стараться будет, чтоб в листы сии помещаемы были, во-первых, указы ее императорского величества, издаваемые во всенародное известие, а потом, без наималейшего замедления, все получаемые с чужестранными достоверными и лучшими «Ведо-

[1] Отточия в данном объявлении обозначают, что оборвана страница в экземпляре, с которого оно перепечатывалось. *(Ред.)*

мостями» *европейские и всего света политические новости и другие заслуживающие любопытство читателей известия*, также анекдоты, выбираемые из лучших иностранных периодических сочинений, ученые дела, особливо же сведение о разных изобретениях в науках и художествах, открываемых как внутри, так и вне империи Российской; о выходящих здесь новых книгах, к коим всегда присовокупляемо будет главнейшее показание содержащихся в них материй, дабы читатели в выборе оных не могли обмануться. Происшествия, особенно касающиеся до любезного нашего отечества, будут занимать первое место в сих листах, почему мы и просим публично всех любителей учености и споспешествователей оной во всех краях пространного Российского государства, а особливо господ начальников во всех городах, имеющих к тому гораздо большую способность, дабы они приняли на себя труд сообщать нам о новых открытиях в науках, художествах и ремеслах, кратко сказать, о всем, что только может служить к общественному просвещению, пользе и выгодам или заслуживает любопытство читающих, например о чрезвычайных бурях, морозах, дождях, наводнениях, засухах, землетрясениях, об уродах и других редкостях. Все таковые известия, прямо доставляемые в университетскую типографию, да соблаговолят они подписывать своим именем для вящего утверждения справедливости оных. Известия о родившихся, умерших и браком сочетавшихся помещаемы также будут в сих листах, и мы возобновляем нашу просьбу к преосвященным архипастырям, чтоб они благоволили и на будущий год приказать доставлять к нам сочиненные в их епархиях............. В заключении помещаем будет при каждом листе «Ведомостей» верный вексельный амстердамский, лондонский и другие иностранные курсы; словом, ничего упущено не будет к приведению в совершенство сих листов, так чтобы они не только соравнялись по содержанию своему с лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и заменили бы совершенно недостаток оных для тех, кои не имеют ни способности, ни случая читать первых.

А как по причине продолжающейся в Европе войны политические известия иногда умножаются и в лист вместиться не могут, то будем в таких случаях, не отлагая до другого нумера, сообщать «Прибавление», дабы почтенные читатели имели удовольствие получать таковые известия сколько возможно ранее. Сверх всего вышеупомянутого приложено будет старание и о том, дабы с начала будущего года сообщаемо было «Прибавлениями» к «Ведомостям» нашим топографическое описание знатнейших российских и чужестранных городов, островов и проч., славных своими зданиями, торговлею, науками и тому подобным, и содержащихся в них примечания достойных вещей, продуктов, товаров и проч. Иногда в сии «Прибавления» помещаемы будут статьи из лучших иностранных коммерческих книг; иногда же предметы, касающиеся

до домашнего воспитания, и показание лучших книг в сем роде; иногда показываемо будет главнейшее содержание книг, вышедших прежде в Москве. Всем сим надеемся мы сделать отменную угодность читателям нашим; ибо посредством одного чтения наших «Ведомостей» не только юношество, но и все те, кои не имели случая учиться или по крайней мере читать подобные книги, могут получить достаточное и подробное сведение почти о всем земном шаре и, так сказать, не учась научиться географии, истории и топографии. Купечество российское отменную от сих «Прибавлений» получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами перед другими городами. Польза, проистекающая от показания основательного воспитания и точного знания лучших книг во всяком роде учености, довольно ощутительна, чтобы не содействовала оная усовершенствованию наших листов. Сверх того ...... выезде знатных особ и о том, сколько разного звания людей во всякий день въехало в Москву и выехало отсюда, сколько каких ввезено припасов; также сообщаемо будет о цене всяких портовых товаров. Впрочем, мы не обязываемся определить точную меру сих «Прибавлений», тем паче что мы не полагаем за них никакой излишней платы; а уверяем почтенных читателей, что с нашей стороны, из единого усердия ко благу отечества, приложено будет всевозможное старание о распространении полезных сведений в разных частях человеческия учености.

Разные благосклонные отзывы, полученные нами в конце прошлого и в начале нынешнего года о продолжении общеполезного издания «Экономическаго журнала», служат нам несомненным доказательством признания почтенной публики пользы оного и ободряют нас продолжать его и на следующий год на таком же основании, как и доселе.

Журнал сей издаваться будет так же, как и в прошлых, 1780, 1781 и 1782, годах, при каждом нумере «Московских ведомостей» по одному листу, что составит во весь год 104 листа, которые разделятся на IV части и составят XIII, XIV, XV и XVI части полного сочинения.

Подписка на «Московские ведомости» и на «Экономический журнал» продолжается со дня публикования сего известия, в Москве в университетской книжной лавке, что у Никольских ворот, а в других городах в почтовых конторах. Цена «Ведомостям» и журналу в Москве 10, а с пересылкою в другие города 13 руб. «Ведомостям» особо в Москве 6 руб., с пересылкою 8 руб. Журналу особо 5 руб., с пересылкою 7 руб.

Первые три года «Экономическаго магазина», то есть I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII части, можно получить в оной же книжной лавке.

О ПОДПИСКЕ К ПОЛУЧЕНИЮ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НА БУДУЩИЙ, 1785 ГОД

Почтенная публика чрез сие извещается, что в университетской книжной лавке начнется со дня публикования сего известия прием пренумерации за «Московские ведомости» на будущий, 1785 год. Издание оных происходить будет совсем на таком же основании, как и в нынешнем году, так что в листы сии вносимы будут: 1) Манифесты и указы ее императорского величества самодержицы всероссийской, издаваемые во всенародное известие. 2) Знатнейшие происшествия при дворе и в обеих столицах. 3) Приключения, касающиеся особливо до любезного нашего отечества.— Под сим последним разумеются новые открытия в науках, художествах и ремеслах, кратко сказать, все то, что может послужить к распространению общественного просвещения, пользе и выгодам или заслуживает любопытство читающих, как то: известия о чрезвычайных бурях, морозах, дождях, наводнениях, засухах, землетрясениях, об уродах и других редкостях. Благотворительные и человеколюбивые деяния, предприятия частных людей, относящиеся к общественной пользе, анекдоты и другие, подобные сим, предметы, достойные к сведению публики, предпочтительно пред прочими известиями вносимы будут в сии листы; но как такое предприятие без содействия любезных наших соотчичей не может произведено быть в действо, то мы и просим публично всех любителей учености и человечества во всех краях пространного Российского государства, а особливо господ начальствующих в городах, дабы они приняли на себя труд сообщать нам все таковые из своих пределов новости, надписывая их прямо в университетскую типографию и утверждая справедливость оных собственноручным имен своих подписанием. Все сии известия принимаемы будут в типографии безденежно и со удовольствием сообщаемы будут публике. 4) Известия о родившихся, браком сочетавшихся и умерших в разных епархиях, доставляемые нам от преосвященных архипастырей и кои всегда с признательностию принимаемы будут в типографию. 5) Европейские и всего света политические новости, кои выбираемы будут нами из лучших и достовернейших немецких и французских «Ведомостей», так же как и другие, заслуживающие любопытство читателей, известия и анекдоты, которые извлекаемы нами будут из славнейших иностранных журналов и в рассуждении которых мы соблюдать будем строжайший выбор, так чтобы не поместить в листы наши ничего такого, что бы читателям могло показаться маловажным и пустым. 6) Известия о новых книгах, выходящих здесь, к которым всегда присовокупляемо будет главнейшее показание содержащихся в них материй, дабы по тому читатели могли сами судить о достоинстве оных. 7) Известие о приезжающих

и отъезжающих знатных особах из сей столицы, с показанием числа прибывших в каждый день разного звания людей и привезенных сюда съестных и прочих припасов. 8) Верный вексельный амстердамский, лондонский и других знатнейших в Европе торговых мест курс. — Таковой обширный и объемлющий многие предметы план не может не заслужить одобрение от истинных любителей просвещения, и хотя произведение оного в действо и сопряжено с некоторыми трудностями, однакож почтенная публика могла уже с нескольких лет приметить, коликая точность с нашей стороны наблюдается в исполнении тех обязательств, в кои мы вступаем с нею и пред лицом ее. Усердие к отечеству и желание доставить ему по силам нашим пользу есть и будет всегда нашим главнейшим предметом, а благосклонное принятие наших трудов наградою, которую мы ожидаем и ласкаемся приобрести.

Как изданные в прошлом и нынешнем году при «Ведомостях» «Прибавления» удостоены похвалы от многих, знающих ценить полезные труды, особ, из коих некоторые и обнаружили желание свое, чтоб оные продолжаемы были в будущем году: то мы, принимая с признательностию таковой их благосклонный отзыв, спешим возвестить как им, так и прочим почтенным нашим читателям, что издавание оных продолжаться будет и в следующем году; но желая принести сими листами еще более пользы, нежели доныне, переменим мы содержание их. — Благоразумные родители и все старающиеся о воспитании детей признаются, что между некоторыми неудобствами в воспитании одно из главных в нашем отечестве есть то, что детям читать нечего. Они должны бывают такие читать книги, которые либо совсем для них непонятны, либо доставляют им такие сведения, которые им иметь еще рано; того ради намерены мы определить «Прибавления» к «Ведомостям» для детского чтения и помещать в них исторические, до натуральной истории касающиеся, моральные и разные другие пиесы, которые, писаны будучи соразмерным детскому понятию слогом, доставляли бы малолетным читателям полезное и купно приятное упражнение. Для лучшей удобности сии «Прибавления» издаваемы будут не при каждом № «Ведомостей», но понедельно, при субботних «Ведомостях», и в пристойном для детей формате. При сем за нужное почитаем повторить то, что и в прошедшем году от нас сказано было, то есть что мы не обязываемся определить точную сим «Прибавлениям» меру, тем паче что мы не требуем за оные никакой излишней платы, а жертвуем сим нашим убытком пользе общества.

Пятилетнее продолжение «Экономического журнала» и благосклонное принятие оного почтенною публикою уверило нас, что сие издание совершенно выполняет ту цель, для которой оно выходит в свет, то есть приносит существенную пользу сельским домостроителям, пекущимся о своем и своих подчиненных благе,

а сие самое и побуждает нас обещать читателям нашим предложение оного на будущий год и в теперешнем его виде.

Подписка на «Московские ведомости» с «Прибавлениями», разными известиями и на «Экономический журнал» начинается со дня публикования сего известия, в Москве в университетской книжной лавке, что у Никольских ворот, а в других городах в почтовых конторах. Цена «Ведомостям» и журналу в Москве 10 руб., с пересылкою в другие города 13 руб. «Ведомостям» особо в Москве 6 руб., с пересылкою 8 руб. Журналу особо 5 руб., с пересылкою 7 руб. Если же кто из любителей наук примет на себя труд собрать подписку на 10 экземпляров сих «Ведомостей» или журнала и отзовется о сем в ближнюю почтовую контору или и прямо в университетскую книжную лавку: то таковой, во изъявление признательности типографии за сие благонамеренное дело, получит безденежно одиннадцатый экземпляр оных.

Первые 5 лет «Экономического магазина» продаются в оной же книжной лавке каждый год по 5 руб., а во француз. пер. по 6 руб. 20 коп.

«Московские ведомости»,
1784 г., № 92.

О ПОДПИСКЕ К ПОЛУЧЕНИЮ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» НА БУДУЩИЙ, 1787 ГОД

Почтенная публика чрез сие уведомляется, что в университетской книжной лавке начался со дня опубликования сего известия прием пренумерации за «Московские ведомости» на будущий, 1787 год. Усердие и ревность, прилагаемые нами к усовершенствованию сих листов и к соделанию оных вместилищем всего того, что нужно и полезно к сведению наших соотчичей, быв вознаграждены благосклонным оных принятием, побуждают нас распространить еще некоторым образом в пользу любителей чтения план оных, как из нижеследующего краткого показания яснее усмотреть можно. А именно, в листы сии вносимы будут: 1) Манифесты и указы ее императорского величества самодержицы всероссийския, издаваемые во всенародное известие. 2) Знатнейшие происшествия при дворе и в обеих столицах. 3) Приключения, касающиеся особливо до любезного нашего отечества. Под сим разумеются новые открытия в науках, художествах и ремеслах, кратко сказать, все то, что может послужить к распространению общественного просвещения, пользе и выгодам или только заслуживает любопытство читающих, как то: известия о чрезвычайных бурях, морозах, дождях, наводнениях, об уродах и других редкостях. — Благотворительные и человеколюбивые деяния, пред-

приятия частных людей, относящиеся к общественной пользе, анекдоты и другие подобные сим предметы, достойные к сведению публики, помещаемы будут в сих листах предпочтительно пред прочими известиями. Но как таковое предприятие без содействия и вспомоществования любезных наших соотчичей не может произведено быть в действо, то мы и просим публично всех любителей учености и человечества во всех краях пространного Российского государства, а особливо господ начальствующих в городах сообщать нам все таковые из своих пределов новости, подписывая их прямо: в университетскую типографию и утверждая справедливость оных собственноручным имен своих подписанием. Все сии известия принимаемы будут в типографии безденежно и с удовольствием сообщаемы будут публике. 4) Перечень известий о родившихся, браком сочетавшихся и умерших в разных епархиях, доставляемых нам от преосвященных архипастырей и кои всегда с признательностию принимаемы будут в типографии. 5) Европейские и всего мира политические новости, также и другие, заслуживающие любопытства читателей, известия и анекдоты, кои выбираемы нами будут из славнейших и достовернейших иностранных «Ведомостей» и журналов и в рассуждении которых мы будем соблюдать строжайший выбор, так чтобы не поместить в листы наши чего такого, что бы читателям могло показаться маловажным и пустым. 6) Показание редких и примечательнейших тяжебных дел во Франции и Англии, с приговорами по оным тамошних парламентов и других судебных мест. 7) Сокращенное известие о новых и переменяющихся модах в Париже, в отношении к платьям и уборам обоего пола, также к мебелям, украшениям домов, экипажам и пр. и пр. 8) Известия об иностранных новых книгах на французском, аглинском и немецком языках, заслуживающих особенное внимание или приобретших в чужих краях великую похвалу; сверх же всего того для любителей эстампов, живописи, музыки и др. сообщаемы будут в наших листах от времени до времени краткие известия о новых и в сем роде произведениях как в Париже, так и в Лондоне. 9) Известия о новых книгах, выходящих здесь, к которым всегда присовокупляемо будет главнейшее показание содержащихся в них материй, дабы по тому читатели сами могли судить о достоинстве оных. А как мы слышали неудовольствие некоторых из почтенных читателей наших, что известие о новых книгах становится в наших листах по 3 раза: то в удовольствие таковых будем мы впредь ставить оное только по одному разу, а вместо того станем сообщать почтенной публике о разных российских и иностранных книгах, продающихся здесь в Москве. 10) Сведение о приезжающих и отъезжающих знатных особах из сей столицы, с показанием в рассуждении первых, в чьих домах они остановились. 11) Еженедельная цена всяким съестным припасам. 12) Верный вексельный амстердамский и лондонский курс.

13) Разные известия о продаже, найме, вызове и пр. и пр. — В рассуждении наружного вида наших листов приняли мы также нужные меры, кои уповательно заслужат одобрение от почтенной публики, а именно «Ведомости» наши будут с нового году печатаемы вновь отлитыми литерами, и для желающих иметь оные на лучшей бумаге раздаваться они будут, подобно как и в нынешнем году, но только на гораздо лучшей белой российской бумаге.

Еженедельное издание при «Ведомостях» листков для детского чтения будет продолжаемо в следующий год и в том же виде, как и доселе, так что в оные помещаемы будут исторические, до натуральной истории касающиеся, моральные и разные другие пиесы, которые, писаны будучи соразмерным детскому понятию слогом, доставляли бы малолетным читателям полезное и купно приятное упражнение. — При сем за нужное почитаем повторить то, что и в прошедшем году от нас сказано было, то есть что мы не обязываемся определить точную сим «Прибавлениям» меру, а жертвуем сим пользе и удовольствию общества.

Непрерывное, чрез целые 7 лет продолжающееся, издавание «Экономического журнала» и благосклонное принятие оного почтенною публикою уверило нас, что сие периодическое сочинение совершенно выполняет ту цель, для которой оное выходит в публику, то есть приносит существенную пользу сельским домостроителям, пекущимся о своем и своих подчиненных благе; а сие самое и побуждает нас обещать читателям нашим продолжение оного и на будущий год на прежнем основании.

Подписка на «Московские ведомости» и на «Экономический журнал» началась со дня опубликования сего известия, в Москве в университетской книжной лавке, что у Никольских ворот, а в других городах в почтовых конторах. Цена «Ведомостям» в Москве на белой бумаге 8 руб., на простой 6 руб., «Экономическому магазину» на белой бумаге 6 руб., на простой 5 руб., а вместе «Ведомости» и «Магазин» на белой бумаге 13 руб., на простой 10 руб. С пересылкою в другие города одни «Ведомости» на белой бумаге 10 руб., на простой 8 руб. «Экономический магазин» особо на белой бумаге 8 руб., на простой 7 руб., а вместе «Ведомости» и «Магазин» на белой бумаге 16 руб., на простой 13 руб.

Первые 7 лет, или 28 частей «Экономического магазина» продаются в оной же книжной лавке, каждый год по 5 руб., а в французском переплете по 6 руб. 20 коп. Если ли же кто пожелает взять все оные 28 частей, а притом подпишется на сей журнал и на следующий год: таковому уступлено будет по подписной цене, то есть по 4 руб. каждый год, что составит за 8 лет без переплета 32 руб.

«Московские ведомости»,
1786 г., № 84.

О ПОДПИСКЕ К ПОЛУЧЕНИЮ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ», «ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ», «ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА» И «МАГАЗИНА НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» НА БУДУЩИЙ, 1789 ГОД

Почтенная публика чрез сие уведомляется, что в университетской книжной лавке начался со дня публикования сего известия прием пренумерации за «Московские ведомости» и некоторые при оных периодические издания на будущий, 1789 год. Труды и тщание, прилагаемые издателями сих листов ко усовершенствованию оных и к доставлению читающей российской публике чтения столько же занимательного, сколько и удовлетворяющего разным вкусам оной, довольно уже известны нашим читателям, чтобы здесь не распространяться в предложении им нашего усердия и ревности и на требующее течение времени, а посему удовольствуемся токмо заметить, что «Ведомости» сии и в будущем году выдаваемы будут совершенно на том же основании и следуя тому же плану, какой доселе нами себе предначертаем был и который имел счастие быть удостоен одобрения от благомыслящих соотечественников наших почти чрез целые 10 лет.

Еженедельное издание листков для «Детского чтения» будет также продолжаемо в следующем году, и в листы сии помещаемы будут исторические, до натуральной истории касающиеся, нравоучительные и разные другие статьи, которые, писаны будучи соразмерным детскому понятию слогом, доставляли бы малолетным читателям полезное и купно приятное упражнение. При сем к сведению публики сообщается, что хотя в последние 4 года мы и не требовали за листы сии никакой особенной платы, а жертвовали некоторыми сопряженными с изданием оных издержками пользе и удовольствию общества, но ныне по причине переменившихся обстоятельств наших налагаем соразмерную за оные цену, то есть по 2 руб. за весь год, или за 52 листа, разделенных на 4 части. Мы надеемся, что сия небольшая плата не уменьшит внутреннего достоинства сего издания в глазах почтенных наших читателей, удостоивавших доселе оное благосклонным своим принятием.

Непрерывное, чрез целые 9 лет продолжающееся, издание «Экономического журнала» и одобрение оного почтенною публикою уверило нас, что сие периодическое сочинение совершенно выполняет ту цель, для которой оное выходит в свет: то есть приносит существенную пользу сельским домостроителям, пекущимся о своем и своих подчиненных благе; а сие самое побуждает нас обещать читателям нашим предложение оного и на будущий год на прежнем основании.

Издаваемый с начала нынешнего году в пользу общества и заслуживший также от него благоволение «Магазин натуральной истории, физики и химии», или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающий в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление премногих из них во врачебной науке, в экономии, земледелии, искусствах и художествах, будет также продолжаться на следующий, 1789 год по 2 листа в неделю и наполняем будет предметами, относящимися до помянутых трех наук и выбираемыми из славнейших в сем роде на французском языке сочинений.

Подписка на «Московские ведомости», «Детское чтение», «Экономический журнал» и на «Магазин натуральной истории» началась, так, как мы выше сего сказали, со дня публикования сего известия, в Москве в университетской книжной лавке, что у Никольских ворот, а в других городах в почтовых конторах.

«Московские ведомости»,
1789 г., № 5.

[ОБ УСЛОВИЯХ ПРОДАЖИ КНИГ]

1) Если кому угодно будет продажу сих книг учредить и в других городах Российской империи: таковые могут адресоваться письменно или самолично в книжную лавку, где всевозможное к тому вспомоществование оказано будет; ибо в оной принято намерение доставлять почтенным любителям российской литературы всевозможную способность в сообщении и всевозможные выгоды в ценах книг и переплетов, как из прибавления к сей росписи усмотреть могут. В оной все петербургские книги поставлены по тем же ценам без всякой накладки; да и по другим российским городам, если требовано будет большим числом, доставляемы будут оные без всяких накладок за провоз и комиссию. Что же касается до переплетов, то оные будут держаны отныне самые лучшие и прочные, на французский манер, за умеренную цену.

2) Если кто по сему реестру разных книг возьмет в переплете на 100 руб., тому на 10 руб. сверх того дается даром; а если кто возьмет на 500 руб., тому дается сверх того на 100 руб. даром.

3) Если же из сих книг потребно будет для употребления в училищах и семинариях, а не для продажи, и требовано будет большим числом, то есть не менее 100 экзем. каждой книги, таковым сделается уступка и гораздо больше сего. Ибо принято намерение учебные книги училищам доставлять за самую выгодную цену. Но в таком случае начальствующие в училищах да благоволят требовать письменно, дабы сия услуга оказана быть могла прямо учащимся, а не торгующим.

4) Желающие отдавать книги свои для продажи в университетскую книжную лавку могут о том дать знать в помянутой лавке, где оные и будут принимаемы со взятьем за продажу 10 к. с рубля; равномерно могут присылаемы быть книги и из других городов, о чем можно объясниться прежде письменно в помянутую лавку.

5) Желающие отдавать переводы свои или сочинения для напечатания по университетской типографии на свой кошт или отдавать оные на кошт типографии могут явиться в оной типографии самолично для сделания условий; из других же городов можно объясниться письменно.

МАТЕРИАЛЫ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ НОВИКОВА, ЕГО АРЕСТЕ И СЛЕДСТВИИ

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВИКОВА

УКАЗ АРХАРОВУ, 23 СЕНТЯБРЯ 1784 ГОДА

Господин генерал-поручик Архаров! Уведомившись, что будто бы в Москве печатают ругательную историю ордена езуитского, повелеваем запретить таковое напечатание; а ежели бы оная издана была, то экземпляры отобрать; ибо, дав покровительство наше сему ордену, не можем дозволить, чтоб от кого-либо малейшее предосуждение оному учинено было. Пребываем в прочем к вам благосклонны.

Екатерина.

УКАЗ ГРАФУ БРЮСУ, 7 ОКТЯБРЯ 1785 ГОДА

Граф Яков Александрович! С того времени как в здешней губернии со введением управления по учреждениям нашим открыт приказ общественного призрения, принято за правило, чтоб имеющиеся в губернии школы или училища, исключая те, кои по 381 ст. по точной воле или жалованным нашим грамотам изъяты, состояли в зависимости и наблюдении приказа общественного призрения. При вступлении в действие комиссии об установлении народных училищ оная по соизволению нашему учинила здесь осмотр всем таковым школам, пансионам и другого названия училищам и сделала в рассуждение их надлежащее распоряжение. Сходственно

тому мы почитаем за нужное, чтоб и в столичном нашем городе Москве, исключая те училища, кои по установлениям и жалованным грамотам особым правлениям духовным или светским вверены, все прочие вообще, не исключая пансионы и всякие под каким бы то ни было именованием школы или училища, тотчас освидетельствованы были в образе учения, определяя к тому членов приказа общественного призрения и истребовав от преосвященного архиепископа московского двух ученых духовных особ, от Московского университета двух профессоров. При осмотре долженствует быть наблюдаемо, чтобы учение в сих школах, пансионах или подобных училищах производилось относительно закона божия: для российских по точности догматов православной веры нашей, а для иностранных по их исповеданиям, чтоб тут всякое суеверие, развращение и соблазн терпимы не были, чтоб для учения присвоены были книги, в других училищах употребляемые, преимущественно же изданные и впредь издаваемые от комиссии об установлении народных училищ, и чтоб учители не инако употребляемы были, как по испытаниям в знании и способности и по верным одобрениям в их нравах и образе мыслей. Все те училища, кои несходными сему окажутся, упразднить, а впредь до будущего распоряжения нашего не позволять инако пансионы и школы заводить, как по точному дозволению приказа общественного призрения, в который на сей случай приглашать как со стороны архиепископа московского двух ученых духовных особ, так и от университета двух профессоров. Ожидая о сем ваших подробных донесений, пребываем к вам благосклонны.

Екатерина.

УКАЗ ГРАФУ Я. А. БРЮСУ, 23 ДЕКАБРЯ 1785

В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, прикажите губернскому прокурору, сочиня роспись оным, отослать оную с книгами вместе к преосвященному архиепископу московскому, а его преосвященство имеет особое от нас повеление как самого Новикова приказать испытать в законе нашем, так и книги его типографии освидетельствовать, и что̀ окажется, нам донести и синод наш уведомить. Сверх того нужно есть, чтобы вы согласились с преосвященным архиепископом об определении одного или двух из духовных особ вместе с светскими для освидетельствования книг из новиковской и других вольных типографий, где что-либо касается до веры или дел духовных, и для наблюдения, чтобы таковые печатаны не были, в коих какие-либо колобродства, нелепые умствования и раскол скрываются.

Екатерина.

УКАЗ АРХИЕПИСКОПУ ПЛАТОНУ, 23 ДЕКАБРЯ 1785

В рассуждении, что из типографии Новикова выходят многие странные книги, повелели мы главнокомандующему в Москве доставить вашему преосвященству роспись оным, вместе с самыми книгами. Ваше преосвященство, получа оные, призовите к себе помянутого Новикова и прикажите испытать его в законе нашем, равно и книги его типографии освидетельствовать: не скрывается ли в них умствований, не сходных с простыми и чистыми правилами веры нашей православной и гражданской должности, и чтó окажется, донесите нам и синод наш уведомьте. Нужно притом есть, да и с полицейскими нашими учреждениями сходственно, чтобы книги из его, Новикова, и прочих вольных типографий выходили не инако, как по надлежащей цензуре, а как из них многие простираются до закона и дел духовных, то ваше преосвященство не оставьте определить одного или двух из особ духовных, ученых и просвещенных, кои бы вместе с светскими, для означенной цензуры назначенными, все подобные сим книги испытывали и не допускали, чтобы тут вкрасться могли расколы, колобродства и всякие нелепые толкования, о коих нет сомнения, что они не новые, но старые, от праздности и невежества возобновленные.

Екатерина.

ДОНЕСЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА ПЛАТОНА, В ЯНВАРЕ 1786

Всемилостивейшая государыня
императрица!

Вследствие высочайшего вашего императорского величества повеления, последовавшего на имя мое от 23 сегó декабря, поручик Новиков был мною призван и испытуем в догматах православной нашей греко-российской церкви, а представленные им, Новиковым, ко мне книги, напечатанные в типографии его, были мною рассмотрены.

Как пред престолом божьим, так и пред престолом твоим, всемилостивейшая государыня императрица, я одолжаюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого бога, чтобы не только в словесной пастве, богом и тобою, всемилостивейшая государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков.

Что же касается до книг, напечатанных в типографии его, Новикова, и мною рассмотренных, я разделяю их на три разряда.

В первом находятся книги собственно литературные, и как литература наша доселе крайне еще скудна в произведениях, то весьма желательно, чтобы книги в этом роде были более и более распространяемы и содействовали бы к образованию.

*

Во втором я полагаю книги мистические, которых не понимаю, а потому не могу судить оных.

Наконец, в третьем разряде суть книги самые зловредные, развращающие добрые нравы и ухищряющие подкапывать твердыни святой нашей веры. Сии-то гнусные и юродивые порождения так называемых энциклопедистов следует исторгать, как пагубные плевела, возрастающие между добрыми семенами.

МОСКОВСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ П. В. ЛОПУХИНУ

Господин генерал-майор и московский губернатор Лопухин!

По учреждениям нашим, для управления губерний изданным, что́ к призрению и просвещению народному нужно и полезно предоставлено надзиранию и попечению приказа общественного призрения, в каждой губернии учрежденного; исключены же из того, по 381 ст. оных учреждений, те училища или установления, кои особыми привилегиями, или жалованными грамотами, снабдены или особым привилегиям духовным или светским поручены повелением императорского величества. Уведомившися ныне, что от составляющих скопище известного нового раскола заведена в Москве больница, повелеваем от приказа общественного призрения осмотреть оную, равно буде от них заведены какие-либо школы, то и сии освидетельствовать в подробности; и притом приказу общественного призрения, по силе должности его, предостерегать, чтоб никакое заведение, на которое нет точного нашего указа о поручении его в другое ведомство, наипаче же школы не были инако учреждаемы, как под его начальством, чтоб всякое заведение имело свое производство на основании общих законов и чтоб тут раскол, праздность и обман не скрывалися. Гражданское начальство и особливо полиция, следуя предписаниям в главе XXIX, обязаны приказу общественного призрения в исполнении его должности подавать всякое нужное и от них зависящее пособие. Ожидая на сие вашего донесения, пребываем в прочем к вам благосклонны.

Екатерина.

В С.-Петербурге.
Генваря 23, 1786 г.

ЕМУ ЖЕ

Господин генерал-майор и московский губернатор Лопухин!

Содержателя типографии в Москве Николая Новикова прикажите, призвав в губернское правление, изъяснить ему, что учреждение типографий обыкновенно предполагается для издания

книг, обществу прямо полезных и нужных, а отнюдь не для того, дабы способствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд; из его же, Новикова, типографии вышло немалое количество книг сему подобных, и потому допросить его о причинах, побудивших его к изданию тех сочинений, и в каком намерении то делано было? И что он объявит, нам донести.

Пребываем в прочем вам благосклонны.

Екатерина.

С.-Петербург.
23 генваря, 1786 г.

ГРАФУ БРЮСУ

Для сведения вашего прилагаем списки двух указов наших, посланных, по причине настоящего отсутствия вашего, к генералу-майору Лопухину, о допросе содержателя в Москве типографии Новикова.

Екатерина.

Генваря 23, 1786 г.

ДОНЕСЕНИЕ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА П. В. ЛОПУХИНА

Всемилостивейшая государыня!

Два высочайшие вашего императорского величества указа 23 генваря имел счастие получить: первый об изъяснении содержателю Новикову, что типографии учреждены для заведения книг, обществу полезных и нужных, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд; а как из его, Новикова, типографии вышло немалое количество таковых книг, то чтоб его допросить о причинах, побудивших к изданию тех сочинений, и в каком намерении им то делано было; второй о ведении приказу общественного призрения всех школ и больниц, в городе состоящих, исключая только тех, кои особыми привилегиями, или жалованными грамотами, снабдены или повелением вашего императорского величества поручены особому правлению духовному или светскому, и об осмотре заведенной в Москве больницы от составляющих скопище известного нового раскола, равно буде от оного заведены какие школы, то об освидетельствовании оных во всей подробности и о наблюдении, чтоб школы не инако учреждаемы были, как под начальством приказа общественного призрения, имели свое про-

изводство на основании общих законов и чтоб тут раскол, праздность и обман не скрывалися.

Вследствие сих вашего императорского величества высочайших повелений содержатель Новиков чрез управу благочиния сыскан и представлен в губернское правление, где, в присутствии, по изъяснении ему, что типографии учреждены для печатания книг нужных и полезных, а не для того, чтобы пособствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд, формально допрашиван, как из его типографии вышло таковых книг немалое число, то с каким намерением и по каким причинам оные издавал, который показал, что все печатанные книги от его, Новикова, типографии были представляемы им для рассматривания определенным от правительства цензорам, по дозволению коих и печатал, и почитал, в рассуждении их одобрения, полезными, и при печатании книг другого никакого намерения не имел, кроме приобретения прибыли. Для яснейшего ж усмотрения его показаниев при сем всеподданнейше подношу его, Новикова, подлинный допрос.

Касательно ж до заведения больницы и школ от составляющих скопище известного нового раскола, то на сие всеподданнейше имею счастие донести, что оных совершенно теперь нету, а пользовались прежде в доме содержателя Новикова находящиеся при его типографии работники, посторонних же для пользования никого принимаемо не было. Нонешнего же году генваря с 1 дня взято им для случающихся при типографии больных работников из приказа общественного четыре годовые кровати, и с того времени в его доме никто более не пользуется, а ежели и сверх оного числа случатся больные, то отсылаются в публичные больницы.

Школы ж и пансионы все, сколько их в городе имеется, еще прежде сего, вследствие полученного от вашего императорского величества к господину главнокомандующему высочайшего повеления, определенными от преосвященного московского, от университета и от приказа общественного призрения членами осматриваны, и неспособные к обучению учители все исключены, закону ж обучать в оных дозволено единственно только тем, кои от преосвященного московского к тому удостоены.

В прошлом же, 1782 году при открытии в Москве с дозволения бывшего в Москве главнокомандующего Дружеского общества положено было в оном содержать на коште того общества при императорском Московском университете по нескольку студентов, коих и содержалось до 30 человек, и из них каждому производилось в год по 100 рублев, и жили в доме, принадлежащем профессору Шварцу, который над оными и надзирал. Присланы ж были сии обучающиеся по прошению общества от епархиальных архиереев. Теперь же оных осталось только 15 человек. А как содержатель типографии Новиков и его товарищи в содержании оной состоят

почти все и в Дружеском обществе, то мною посылан был исправляющий должность обер-полицеймейстера полковник Толь для осмотрения жилища сих содержащихся на коште общества, кои им расспрашиваны и показали все единогласно, что содержатся они единственно на счет общества и обучаются в императорском Московском университете и Академии наукам и богословии, более ж нигде и ничему не обучаются, на содержание ж и обученье деньги получены от титулярного советника князя Енгалычева, который над ними и присмотр имеет. Университета ж директор господин Фон Визин по призыве ко мне объявил, что действительно оные воспитанники ходят обучаться в университет как по утру, так и по полудни и что ему известно, что от общества Дружеского препоручено иметь смотрение за оными профессору университета Чеботареву.

В прочем же сим осмеливаюсь ваше императорское величество удостоверить всеподданнейше, что в Москве теперь ни заведенных школ, кроме предуставленным порядком, ни больниц, кроме казенных, нижѐ каких непозволенных законами собраний не состоит. Предая ж все сие на благорассмотрение вашего императорского величества, осмеливаюсь всеподданнейше просить на оное вашего высокомонаршего повеления.

Всемилостивейшая государыня,
вашего императорского величества
всеподданнейший раб *Петр Лопухин.*

Генваря 30 дня, 1786.
Москва.

ДОНЕСЕНИЕ ГОСУДАРЫНЕ МОСКОВСКОГО ГУБЕРНАТОРА П. В. ЛОПУХИНА

Всемилостивейшая государыня!

Высочайшее вашего императорского величества повеление книги, изданные в типографии содержателя Новикова, кои еще не окончены освидетельствованием, по данному от вашего величества от 23 декабря 1785 г. преосвященному архиепископу московскому указу запечатать от управы благочиния в помянутой типографии и книжной лавке и продажу их запретить, доколе, по совершении того осмотра, воспоследует дальнейшее вашего императорского величества повеление, сего февраля 20 дня имел счастие получить. По коему о выполнении сего в самой точности того ж числа управе благочиния предписано, и от управы благочиния я уведомлен, что вследствие сего высочайшего вашего императорского величества указа книги в книжной лавке и магазине у оного Новикова казенною печатью запечатаны и отданы под присмотр 5-й части

частному приставу Санцынерову, и чтоб в продажу оные книги производимы не были, означенному Новикову запрещение учинено; а в типографии в печатании книг, кроме газет, ничего не оказалось.

О чем сим всеподданнейше вашему императорскому величеству имею счастие донести.

Всемилостивейшая государыня,
вашего императорского величества
всеподданнейший раб

Петр Лопухин.

Февраля 23 дня, 1786 г.
Москва.

ДОПРОС НОВИКОВУ В ПРИСУТСТВИИ ГУБЕРНСКОГО МОСКОВСКОГО ПРАВЛЕНИЯ

Вследствие высочайшего ее императорского величества именного указа генваря от 23 дня, присланного на имя московского губернатора Лопухина, содержатель типографии Новиков, по изъяснении ему, что учреждение типографий обыкновенно предполагается для издания книг, обществу прямо полезных и нужных, а отнюдь не для того, дабы пособствовать изданию сочинений, наполненных новым расколом, для обмана и уловления невежд, в присутствии губернского правления допрашиван, как из его, Новикова, типографии вышло немалое количество книг сему подобных, какими причинами побуждаем он был к изданию таковых сочинений и в каком намерении им то делано было, показал:

Что он из дворян, в службе состоял гвардии в Измайловском полку, от коей отставлен в 1770 г. чином от армии поручика, от роду ему сорок два года, веры греческого исповедания, у исповеди и св. причастия бывал повсегодно; университетскую типографию взял он в содержание 1779 г. мая с 1 числа, по заключенному в канцелярии того университета контракту, на десять лет, с платежом в каждый год университету по четыре тысячи по пяти сот рублей, производя, сверх того, всем типографским служителям жалованье и заработные деньги от себя. В той типографии, по силе заключенного контракта, как прежде печатал он книги различного содержания, отдаваемые от разных сочинителей и переводчиков, так и доныне продолжает таковое печатание с согласною с законами цензурою, а духовные книги печатаны были и печатаются с дозволения святейшего синода и его московской конторы, также и назначенных от нее духовных особ. Намерения он при издании книг в публику никакого другого не имел, кроме того, чтобы, по силам его и по возможности, приносить трудами его пользу оте-

честву чрез распространение книжной торговли и честным образом получать законами невозбранный прибыток. Из печатных в типографии его вышедшие сочинения, которые противны законам, он не знает и по справедливости показывает, что читал из них малое число, полагаясь, что на всяком таковом сочинении и переводе была цензура. Причин же побудительных к изданию таковых сочинений он никаких, кроме выше объявленных, не имел, и по силе контракта, заключенного с университетом, он обязан был печатать книги с учрежденною цензурою. В сем допросе показал он, Новиков, сущую правду, а что ложно, за то подвергает себя штрафу по законам.

К сему допросу поручик Николай Новиков руку приложил.

ОБЪЯСНЕНИЕ НОВИКОВА ЧРЕЗ МОСКОВСКУЮ УПРАВУ БЛАГОЧИНИЯ

Собственноручно.

1786 года декабря 3 дня нижеподписавшийся поручик Николай Новиков объявил, что:

1) Помянутое периодическое издание есть перевод с немецкого языка, одна сочинения Штурма, другая сочинения Тиде и третья без имени авторова.

2) Переводима была на российский язык господином Карамзиным.

3) Цензура на оной бывшего господина обер-полицеймейстера Островского.

4) Печатается на коште переводчика оной, а в лавку отдана сускрипция по комиссии.

5) У высокопреосвященного московского архиепископа на апробации не была, потому что тогда никакие книги после цензуры управы благочиния к преосвященному подаваны не были, но по напечатании первой части подавана была его высокопреосвященству и ему дедикована и удостоилась его апробации.

Поручик *Николай Иванов сын Новиков.*
В секретарской доложил протоколист *Михайло Кузмин.*

К ГРАФУ А. А. БЕЗБОРОДКУ

Сиятельнейший граф,
милостивый государь!

Редкие свойства и добродетели, украшающие особу вашу, и великодушное покровительство, оказываемое страждущим в несчастных приключениях, ободряют и меня к принесению всепокорнейшей просьбы моей вашему сиятельству.

Не осмеливаюсь я обременять ваше сиятельство пространным описанием несчастной судьбы моей, а донесу только, что, кроме всех тех слухов, кои мое имя чернили и коих справедливость время покажет, несчастный жребий мой отягощен теперь несказанно более тем, что не только я подвергаюсь конечному потерянию имения и содержания семьи моей, но даже и те со мною, кои по родству и дружбе своей вверили мне капиталы свои для содержания типографии и производства книжной торговли.

По всевысочайшему ее императорского величества указу запечатана ныне книжная моя лавка и запрещена продажа книг впредь до того времени, пока высокопреосвященный архиепископ московский рассмотрит книги, взятые у меня господином губернским прокурором и кои все по свидетельству его оказались печатанными с указною цензурою.

Таковому высокомонаршему повелению повинуясь со всеглубочайшим благоговением, ожидаю решения участи моей от матернего ее императорского величества ко всем верноподданным милосердия. А между тем по запрещении мне книжной продажи, не имея никакого дохода, долженствуя содержать типографию со всеми ее служителями и, сверх того, платить за поставленные материалы и удовлетворять кредиторам, необходимо должен я опасаться совершенного разорения.

В сих крайних обстоятельствах осмеливаюсь просить милостивого вашего сиятельства заступления. Воззрите на несчастный жребий мой и облегчите оный ходатайством вашего сиятельства. Я не испрашиваю ничего для себя, противного узаконениям. Ежели между изданными мною книгами найдутся противные всевысочайшей ее императорского величества воле, то хотя произошло оное не от моего умысла или худого какого намерения, но точно по неведению и той надежде, что книги вступали в печать с указною цензурою, однако я охотно понесу убыток отдачею таковых книг, куда повелено будет. Но, во ожидании имеющей воспоследовать всевысочайшей ее императорского величества конфирмации по учинении рассмотрения, осмеливаюсь всепокорнейше испрашивать себе великодушного вашего сиятельства покровительства и исходатайствования милосердого ее императорского величества повеления о распечатании и разрешении продажи прочих несомнительных книг, как то: азбук, грамматик, лексиконов, математических, исторических, географических, экономических, романов, сказок, театральных сочинений и тому подобных, коих более двух третей находится между взятыми для рассмотрения к его высокопреосвященству и ныне запечатанными книгами.

Сим великодушным ходатайством ваше сиятельство спасете от совершенного разорения и меня и всех участвующих в моем несчастии и обяжете во всю жизнь прославлять высокое покрови-

тельство вашего сиятельства, которому единственно препоручая мой жребий, пребуду навсегда с истинным высокопочитанием и живейшею благодарностию,

сиятельнейший граф,
милостивый государь,
вашего сиятельства
всепокорнейшим слугою

Николай Новиков.

Марта 12 дня, 1786 года.

УКАЗ ГРАФУ Я. А. БРЮСУ

Граф Яков Александрович! По рассмотрении присланных к нам по воле нашей от преосвященного архиепископа московского примечаний о книгах, в типографиях московских изданных, и от московского губернатора росписи книгам повелеваем из них означенные в приложенном при сем списке, буде оные в книжной лавке Новикова в числе запечатанных находятся, оставить за печатью и в продажу выпускать запретить, покуда ближайшее о том рассмотрение и дальнейшее приказание последует, а прочие книги распечатать и продажу их дозволить, но притом помянутому Новикову, да и вообще содержателям вольных типографий в Москве строжайше подтвердить, чтоб они остерегалися издавать книги, наполненные подобными странными мудрованиями, или, лучше сказать, сущими заблуждениями, под опасением не только конфискования тех книг, но и лишения права содержать типографию и книжную лавку, а притом и законного взыскания. Пребываем в прочем вам благосклонны.

Подлинный подписан собственною ее императорского величества рукою тако:

Екатерина.

В С.-Петербурге.
Марта 27, 1786 г.

СПИСОК КНИГАМ, КОИ СЛЕДУЮТ К ЗАПЕЧАТАНИЮ И ЗАПРЕЩЕНИЮ К ПРОДАЖЕ ДО ДАЛЬНЕЙШЕГО РАССМОТРЕНИЯ:

1. О заблуждениях и истине.
2. Апология или защищение вольных каменщиков.
3. Братское увещание.
4. Хризомандер. Аллегорическая и сатирическая повесть.
5. Карманная книжка.
6. Парацельса Химическая псалтырь.

Подлинный подписан тако:

Граф *Александр Безбородко.*

ДОНЕСЕНИЕ ГОСУДАРЫНЕ ГРАФА Я. А. БРЮСА

Всемилостивейшая государыня!

Два всевысочайшие вашего императорского величества от 27 минувшего марта повеления получить я удостоился, во исполнение которых препроводил я с первого, касательно до построения в здешней столице, копию в управу благочиния для точнейшего по оному исполнения; относительно ж до распечатания книг у содержателя типографии Новикова, то оные по воле вашего величества распечатаны, и продажа их дозволена, исключая означенных в приложенном ко мне списке, которые вложены в сундук и от управы благочиния запечатаны, со взятием с Новикова обязательства, что, кроме сих, от него объявленных и запечатанных, других экземпляров более у него не имеется; всем же вообще содержателям здесь вольных типографий высочайший вашего императорского величества указ в управе объявлен, с строжайшим о точном оного исполнении подтверждением, и что содержание оного им известно, равно и что они никаких книг без цензуры, учрежденной на основании высочайшего вашего величества от 23 минувшего декабря повеления, в печать издавать не будут, в том взята с них подписка.

Всемилостивейшая государыня,
вашего императорского величества
всеподданнейший
граф *Я. Брюс.*

Апреля 6 дня, 1786 года.
Москва.

УКАЗ П. Д. ЕРОПКИНУ, 17 ОКТЯБРЯ 1788

Петр Дмитриевич!

Подтверждаем и теперь прежнее наше повеление, чтоб университетская типография по истечении срока на содержание поручику Новикову не была отдана; о чем вы кураторам Московского университета объявите. Пребываем в прочем вам благосклонны.

Екатерина.

АКТ УНИЧТОЖЕНИЯ ТИПОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ; 1791 ГОДА

1791 года ноября « » дня. Мы, нижеподписавшиеся, члены Типографической компании, в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году учрежденной нами в Москве, по причине настоящих наших экономических обстоятельств рассудили за благо оную ком-

панию разрушить и все обязательства наши по делам ее уничтожить и, сделав между собою надлежащие расчеты и взаимные удовлетворения, по общему согласию нашему сим разрушаем сделанный между нами и в маклерной книге записанный договор учреждения оной компании и все дела ее уничтожаем на следующих основаниях.

I. Имение компании, которое составляют: 1) дом Николая Ивановича Новикова, что у Никольских ворот; 2) книги, напечатанные в типографиях господ Новикова, Лопухина и в компанейской; 3) самая сия типография компании Типографической со всеми принадлежностями к ней, материалами и инструментами; 4) аптека, называемая Спасскою, со всем к ней принадлежащим, — сдали мы бесповоротно помянутому Николаю Ивановичу Новикову, получа от него за все оное по условию нашему платеж и удовлетворение. Вследствие чего:

II. Отныне же никаких между нами по делам оной бывшей компании обязательств, друг на друга претензий, равно и долгов кому-либо, за которые все составлявшие компанию члены должны были ответствовать, более не существует; и всякое в делах оной разрушенной компании с нашей стороны участие сим уничтожается навсегда.

III. В утверждение сего нашего по общему согласию сделанного положения, подписав оное, вручили мы Николаю Ивановичу Новикову. Каждому же из бывших в компании членов, то есть всем, кроме его, господина Новикова, принявшего на себя все дела сей уничтоженной компании, во свидетельство ее уничтожения и освобождения от всякого по бывшим в ней делам участия и ответа дать с сего копии за подписанием всех бывших в оной и ныне наличных членов. Отсутственные же по силе 9-го артикула учредительного компании договора положениям ее препятствовать не могут.

Бригадир *Василий Чулков.*
Полковник *Алексей Ладыженский.*
Полковник князь *Черкасский.*
Надворный советник *Алексей Новиков.*
Статский советник *Иван Лопухин.*
Бригадир *Иван Тургенев.*
Бригадир *Петр Ладыженский.*
Действительный статский советник и кавалер князь
Николай Трубецкой.
Генерал-поручик и кавалер князь *Юрий Трубецкой.*
Надворный советник *Семен Гамалея.*
Поручик *Николай Новиков.*

АРЕСТ НОВИКОВА

УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ II КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ, 13 АПРЕЛЯ 1792

Князь Александр Александрович!

Недавно появилась в продаже книга, церковными литерами напечатанная, содержащая разные собранные статьи из повествований раскольнических, как то: мнимую историю о страдальцах соловецких, список с челобитной Соловецкого монастыря, посланной к Москве в 106 году, послание и прения о сложении перстных крестов, повесть о протопопе Аввакуме и прочие тому подобные, наполненные небывалыми происшествиями, ложными чудесами, а притом искажениями во многих местах дерзкими и как благочестивой нашей церкви противными, так и государственному правлению поносительными. Сия книга пущена в продажу с выдранием заглавного листа, так что нельзя видеть, где она напечатана; да вероятно, что и при сохранении того листа в целости не могло быть на оном справедливо показано место ее тиснения, тем паче, что на других подобных, церковною же печатию изданных книгах означено, будто бы они с преложения российского перепечатаны в королевской гроденской типографии; но сему по разным соображениям быть не уповательно, и есть вероятность, что подобные книги издаются в Москве в партикулярных типографиях, наипаче же имеем причину подозревать в сем деле известного вам Николая Новикова, который, как слышно, сверх типографии, имеющейся у него в Москве, завел таковую и в подмосковной его деревне. Вследствие чего повелеваем вам выбрать одного из советников уголовной или другой какой палаты и одного или двух из заседателей верхнего земского суда, людей верных, надежных и исправных, послать их нечаянно к помянутому Новикову как в московский его дом, так и в деревню и в обоих сих местах приказать им прилежно обыскать, не найдется ли у него таковая книга либо другие, ей подобные, или же по крайней мере литеры церковные. И то и другое будет служить достаточным обличением, что издание помянутой книги есть его дело, и в таком случае не только лишается он права содержания типографии, как преступивший изданные от нас повеления, коими предоставлено издание церковных книг единственно духовным типографиям, под наблюдением синода нашего заведенным, но подвергается конфискации всех таковых книг и литер, а сверх того и должному по законам ответу и взысканию; чего ради и подлежит самого его взять под присмотр и допросить о причине такового запрещенного поступка. При воспоследовании сего не оставьте також без внимания и нужного исследования и сего обстоятельства, что как помянутый Новиков, по общему об нем сведению, есть человек, не стяжавший никакого

имения ни по наследству, ниже другими известными и законными средствами, а ныне почитается в числе весьма достаточных людей, наипаче же знатными зданиями и заведениями, то откуда он и каким образом все то приобрел и может ли оправдать бескорыстное его в сем случае поведение. О чем всем по надлежащем исследовании не оставьте донести нам обстоятельно и немедленно. Пребываем вам благосклонны.

Екатерина.

ДОНЕСЕНИЕ А. А. ПРОЗОРОВСКОГО ЕКАТЕРИНЕ II

Всемилостивейшая государыня!

Спешу вашему императорскому величеству с сим нарочным всеподданнейше донести, что высочайший вашего величества указ от 13 сего апреля я удостоился получить 18 того ж [месяца?] к вечеру; но исполнением приостановился для 21 числа, дня дражайшего для нас рождения вашего императорского величества. А между тем скромно старался я разведать, нет ли означенной в указе вашего величества книги в продаже в Москве в лавках. И так я поручил одному доверенному мне человеку из благородных людей, — не сказывая, однако, более, что я слышал, что продается будто какая-то книга о расколбниках, — чтобы он съездил посмотреть и купить для меня по лавкам, который купил мне о раскольниках книжку церковной печати, и я оную здесь на усмотрение вашего величества прилагаю; но сия есть другая. Однако я просил обер-прокурора конторы св. синода Гурьева, чтобы сказал мне, в синодской ли типографии оная печатана; но еще ответствия не получил. А тут же оный купил из числа запрещенных вашим величеством книг «Новая Киропедия», почему и заключил я, что Новиков, опять вновь напечатав их, выпустил; а прежние в синодальной конторе поставлены за печатью. А 21 числа дал наставленье советнику уголовной палаты Алсуфьеву, как надежным я его почел ко исполнению сей комиссии, а с ним назначил людей надежных же, губернского уголовных дел стряпчего Данилова и заседателя верхнего земского суда Писарева, с тем повелением, чтобы по окончании осмотра и его, Николая Новикова, с собою привезли ко мне, которые к вечеру отправилися в деревню Новикова, верстах в 60 от Москвы, в Никитском уезде.

На другой день созвал к себе обер-полицеймейстера и полицеймейстера, которым поручил прямо от меня ехать осмотреть близ Сухаревой башни их типографию. Прокурору Колычеву с одним частным приставом Ивановым поручил осмотреть лавку и магазин книг его ж, Новикова, и в его ж доме у Никольских ворот советнику казенной палаты Буланину с двумя частными приставами Семеновым и Пименовым осмотреть все вольные лавки книжные,

в которых во всех нашли все запрещенные вашим величеством книги; но только в каталогах не означены, а скрытно продавались. Равно в лавке у Никольских ворот, тож в магазине и в доме бывшем графа Гендрикова оные найдены. Я лавки все вообще запечатал и книгопродавцев взял под стражу и иных допрашивал; они сперва не хотели сказывать, что брали у Новикова, а потом признались, а особливо приказчик Новикова, племянник умершего Никиты Павлова и с некоторым достатком, во всем чистосердечно признался и показал, что у них сии книги есть еще на Гостином дворе и за Москвою рекою, в старом монетном кадашевском дворе, что ныне суконная фабрика, где они все и запечатаны. И по его показанию всех таковых книг по их цене на 5000 рублей, но вновь ли они печатаны, он не знает, как он третий только год у Новикова приказчиком при доме на Никольской улице и от него их получил из магазина типографии. Но, кажется, нет, всемилостивейшая государыня, сумненья, чтобы они не были после запечатанья вновь тиснены, или тогда полиция худо осмотр им сделала. С него ж взято две подписки во время главнокомандования графа Брюса о других еще книгах, которые по указу ж вашего величества запечатаны и оставлены в лавке его в коробах, которые и теперь находятся: что впредь таковых книг в тисненье не давать и не торговать. Потом предместник мой Петр Дмитриевич Еропкин подобную той взял расписку с него, где подписалися еще Гамалей и прочие члены, и объявлен указ вашего величества, что, впредь если противо оного поступит, лишается права иметь типографию. В пополнение и то вольные книгопродавцы объявили, что они их и по ярманкам возили продавать. Примечанья и сие, всемилостивейшая государыня, достойно, что означенный приказчик Кольчугин объявил при том мне, что он оставил раскол и подал прошение здешнему митрополиту о приобщении его к нашей церкви. Как же все сии книгопродавцы подвергли себя по законам вашего величества жестокому наказанию и ссылке, а как их будет более десяти человек, для чего и удержался я их отсылать к суду и велел подробно разобрать их лавки и все непозволенные книги отобрать. А не соизволите ли повелеть, всемилостивейшая государыня, положить из милосердия какой-либо на них штраф? А только будут содержаны до окончания дела приказчик и сидельцы книжной лавки Новикова.

Вчерась пополудни возвратился советник Алсуфьев с его товарищи и привез многие письма и немало напечатанных книг; но как там ниже малой типографии не нашлось так и букв церковных, так равно и в типографии его в Москве таковых букв не отыскалось. Бумаг же доставлено ко мне немало, и я все, государыня, не имел время рассмотреть, а только что ввечеру по поверхности их рассматривал. И тут все масонские бумаги и кажется, что секты *розенкрейц*. А его с собой затем не взял советник Алсуфьев, что он его нашел нездоровым, а его неожидаемый приезд сделал в нем

великую революцию, а особливо как начали письма пересматривать, то он падал почти в обморок от чрезвычайных спазмов. При нем есть доктор Багрянский, который от них был в чужих краях и прошлого году приехал и коллегией медицинской признан доктором, и еще лекарь отставной от службы, то Алсуфьев поручил его городничему с командой. Но как городничий не очень человек надежный, то я вчера с вечера отправил туда майора гусарских эскадронов князя Жевахова, офицера исправного и надежного, с 12 гусарами, с одним обер- и унтер-офицером и капралом, который сего утра рано должен быть там, приказал ему, как болезнь Новикова позволит, привезти его сюда. А тогда посажу его под караулом в доме его на Никольской, как сей дом близ самого подворья, где Тайная экспедиция находится; да во оном доме и поставлен уже караул при офицере для стражи дому и книг. А в виде том сие я сделал, как ожидал прибытия Новикова. Но как несомненно по бумагам масонским должно будет быть следствию не малому, то всенижайше прошу вашего величества, чтобы всемилостивейше изволили прислать к сему следствию в помощники мне тайного советника Шешковского, как к таковым производствам приобыкшего. Секретарь же Тайной экспедиции хотя человек добрый и трудолюбивый, но не одарен натурой для таковых изворотливых следствий, о чем и Шешковский знает. А я теперь осмелился к рассмотрению бумаг присоединить к себе губернатора Лопухина, ибо все почти немалые тетради, тож и прочие исполнения по сей комиссии ему поручены.

Между прочим близ Сухаревой башни в доме типографии найдены две библиотеки в довольном числе книг на разных диалектах, в числе котором, сказывают, есть старинных авторов; принадлежат оные — одна умершему Шварцу, а другая Николаю Новикову или компании их: то что со оными повелите, всемилостивейшая государыня, сделать? А права типографии они лишены быть должны, да и все напечатанные уже книги должно разобрать, на что требуется время немалое, и по отобрании запрещенных книг что с прочими повелите сделать? Компании ль сей отдать или как преступивших высочайшие вашего величества повеления конфисковать и с публичного торгу продать в пользу приказу общественного призрения? Жена ж Шварцева с детьми находится в доме типографии, где и полковник Гамалей и брат Новикова жительство имеют. На что все буду всеподданнейше ожидать высочайшего вашего императорского величества указа.

24 апреля 1792 года.

Секретно.

Поручик Николай Новиков, из Никитска сего апреля 25 числа доставленный, в доме главнокомандующего о нижеследующем показал.

Вопрос. Как помянутый Новиков по общему об нем сведению есть человек, не стяжавший никакого имения ни по рождению его, ни по наследству, нижѐ другими известными и законными средствами, а ныне почитается в числе весьма достаточных людей, наипаче же знатными зданиями и заведениями, то откуда он и каким образом все то приобрел?

Ответ. Сначала, когда принял университетскую типографию, было еще у него обще с братом наследственного после отца имения в Мещовском уезде двести пятьдесят душ, которую продали Тютчеву за осмьнадцать или за двадцать тысяч, не упомнит, которые на принятие университетской типографии обращены. От типографии получал первые годы доход он один, и через четыре или пять лет имел он в книгах капиталу до полутораста тысяч рублей. Вторые он пять лет содержал с компаниею, которою принято книг на восемьдесят тысяч за заплатою его долгов из числа вышеписанной суммы.

Компания состоит из 14 членов:

1. Князь Юрий Никитич } Трубецкие.
2. Князь Николай Никитич }

Положили капитал около 10 000 рублей.

3. Князь Алексей Александрович Черкасский — помнится, 5 или 6 тысяч положил.
4. Иван Петрович Тургенев положил 5 тысяч.
5. Алексей Михайлович Кутузов дал 3 тысячи.
6. Барон Шредер, прусской нации, служил в лейб-гренадерском полку поручиком, а теперь в чужих краях — положил 3500 рублей.
7. Василий Васильевич Чулков — 5 тысяч.
8. Семен Иванович Гамалея — без капиталу.
9. Князь Енгалычев — без капиталу.
10. Алексей Федорович Ладыженский положил 5 тысяч рублей.
11. Петр } Володимеровичи Лопухины больше всех положили
12. Иван } в капитал, около 20 тысяч.
13. Брат Новикова.
14. Он, Новиков.

Упомянуто выше, что книг на 80 тысяч от обоих.

На сей капитал с получаемою на оный прибылью и с кредитом построили строение и прочие завели заведения.

Со ста двадцати душ получаемый доход и занятые двадцать тысяч употребил он на строение в деревне, имея в своих дачах камень, лес и другой материал; деревня была заложена в Воспитательный дом, а потом выкупил прошлого года, занявши у Походяшина без процентов и без закладу и без всякого обязательства 50 000; Походяшин же ему знаком, но ничем обязан не был.

На компании состоит долгу разным людям, которым и долговые обязательства несколько лет переписываются, более 300 000 рублей; часть долгу под заклад имения Черкасского, Кутузова, ста

пятидесяти душ и оба дома, общий один в Воспитательном доме, а другой в партикулярных руках, а прочие долги по векселям.

Имение все компании состоит в тех домах и книгах, а денег очень немного в обороте. Дом, типография, аптека стали компании около полутораста тысяч. А в деревне его строение стоит одного денежного платежа тысяч двадцать или двадцати пяти; дом на Никольской прежде принадлежал ему, а теперь компании; оный стоил с переделкою тысяч тридцать.

Вопрос. Найдены мною в лавках ваших и в других местах запрещенные ее императорским величеством книги. Для чего вы продавали оные в противность высочайшего указа за данными вами подписками?

На что отвечал:

Что он те книги из прежде напечатанных отдал с прочими книгами приказчику своему московскому купцу Кольчугину с тем, чтобы оные продавать, в чем и признает свою вину.

Вопрос. Какой предмет был печатать книги, большею частию толкующие священное писание, которые по высочайшему указу печатать должно от синода; а во оных много противного богословии толкуется: то с каким намерением книги сии издавали? как и вновь переведенные найдены книги все духовные?

[*Ответ.*] Сначала печатали книги разные, а после, приметя, что духовные более выходят, начали их больше и печатать; а впрочем, когда он был содержатель университетской типографии, тогда духовные цензировали; когда же заведены вольные типографии, тогда духовные чины не стали принимать цензировать, а он отдавал обер-полицеймейстеру и университетскому цензору; прежде же цензоры не имели в подписывании на книгах нынешней формы, а отмечали только в начале книги, что печатать дозволяется.

К сему показанию поручик Николай Иванов сын Новиков руку приложил.

ДОПОЛНЕНИЕ К ДОПРОСУ НОВИКОВА, 26 АПРЕЛЯ 1792

По показанию вашему компания собрала деньгами 57 500 рублей; ваш же капитал с братом 80 000 р. был в книгах; а заведения ваши по показанию вашему стоят 180 000 рублей. Хотя сию сумму положили вы не велику, однакож и тут превосходит оная капитал 122 500 рублями. Но отсылаете вы сие на долги ваши с лишком 300 000 рублей. Положите 320 000 рублей; со оных полагая по 6 процентов, составляет в год заплаты 19 200 руб. Сверх того, при оном заведении потребно на содержание смотрителей и работников, тож на заготовление материалов, следственно, примерно полагать должно, что вы годового дохода должны иметь 40 000 руб-

*

лей, а судя по множеству в магазине книг и давно напечатанных, расход оных велик быть не должен, а аптека разве одна вам приносит доход? То сей пункт объясните.

К 1 пункту. Во объяснение сего пункта, по причине кажущегося малым капитала нашего к производству заведений, нами учиненных, нижайше представляю следующее: 1) Что дом никольский куплен мною уже был прежде составления компании, по покупке же заложен был мною же, а равно и перестроен; в компанию же вступил готовый, и она на него капитала не употребляла. 2) Что расход на учиненные заведения употреблен был нами не вдруг, но в течение нескольких лет, да и то по частям; а потому и была удобность к оборотам и производству всего дела. 3) Вступившие от меня в капитал компании книги хотя и не составили тотчас капитала денежного, но, однако, и служили они великим пособием в производстве дела, потому что они отданы мною в компанию не по продажной цене, но за 25 коп. рубль; следовательно, и выручка денежная была не малая. 4) Наличные деньги, приходившие вдруг и по большей части прежде употребления расхода вступившие, были великим пособием к производству дела. Они суть следующие: 1) за «Московские ведомости» и журналы, при них изданные, вступали все с начала года; 2) за напечатание разных известий при газетах; 3) за печатание посторонних книг, как то на счет кабинета ее императорского величества, так и разных партикулярных людей, которых бывало печатано у нас много и за которые по напечатании тотчас получали всю сумму с великою выгодою; 4) за печатание разных особых объявлений при газетах, также разных же особых мелких пиес, как то: объявлений театральных, маскерадных и других, векселей для купеческих контор, питейных контрактов, ярлыков, билетов и прочих мелких известий, которые все по причине их множества и малого расхода в материалах, на них употребляемого, приносили прибыли весьма много; а таких напечатаний весьма бывало много в нашей типографии по причине доверенности публики к исправному, хорошему, наипаче же к отменно скорому исполнению поручаемых нам работ. Так что можно сказать за верное, что несколько лет типография наша была почти единственною в целом государстве для большей части типографских работ от присутственных мест и партикулярных людей; и по такому-то умножению работ и типография наша по временам увеличивалась и дошла до совершенства, в каком она прежде не была; 5) книги, печатанные нами по сускрипции, доставляли знатные наличные суммы денег, и коих у нас ежегодно бывало много; 6) продажа собственных наших книг, наипаче школьных и учебных, бывших несколько лет почти во всеобщем употреблении, доставляла не малые суммы; а наипаче по деланной нами уступке и отдаванию в сроки.

5) Сверх всего донесенного, и следующее делало нам немалые выгоды и доставляло способность в оборотах: 1) промен собственных книг на книги других типографий; 2) платежи нашими книгами кредиторам, вместо наличных денег, за братые нами разные материалы.

6) Что же касается до многого числа книг, в магазине лежащих, то осмелюсь представить, что мы ходячих и надежных книг печатали помногу и по нескольку раз; для примера донесу об одной: «Юридический словарь» печатали, ежели не ошибусь, три или четыре раза и, помнится, тысячи по три экземпляров.

7) Годовые доходы от всего донесенного хотя были неравны, но кажется мне, сколько могу упомнить, что гораздо превышали сумму 40 000 руб., а в некоторые годы едва ли не возвышались и слишком вдвое.

8) Долги наши возрастали не вдруг, но по нужде и временам.

9) Что касается до аптекарских доходов, то об них ничего сказать не могу, сколько они приносили выгоды, для того что аптека поручена в особое смотрение, и о сих счетах весьма недостаточное имел сведение, потому что по причине ежегодных моих, уже несколько лет, продолжительных болезней не мог я входить в рассмотрение сих счетов.

Показали вы мне, что духовные книги печатаны прежде высочайшего ее императорского величества указа 1786 года, а после будто не печатали; но у вас найдены в деревне в противность того указа напечатанные многие книги, которым здесь реестр прилагается; а год их тиснения не означен: то для чего их печатали? по вашему ли повелению или других директоров вашей типографии и на какой конец оные в деревню к вам привезены были?

К 2 пункту. Всенижайше доношу:

1) Книги, означенные в реестре, сколько могу упомнить, печатаны все до состояния высочайшего ее императорского величества указа в 1786 году.

2) У которых год их тиснения не поставлен, те еще не совсем были допечатаны; а некоторые еще и в половине остановлены.

3) Печатаны были сии книги по согласию всех членов, имевших влияние в дела; а в которой типографии именно которая книга печатана, не упомню.

4) Всех сих книг печатано было помалу: в продаже никогда не было из них ни одного экземпляра; но только весьма малое число сих книг разошлось между собою.

5) Почувствовав монарший гнев ее императорского величества, убоялись мы, и от страха свезены они были в деревню, дабы сокрыть их.

6) Совсем не было намерения ни у одного из нас когда-нибудь выпущать сии книги в публику; но печатали единственно с тем, чтобы хранить у себя и давать оные только тем из масонов, которые имели бы склонность к познаниям сего рода.

Вообще же при намерении печатать сии книги не было у нас никакого злого намерения, даже ни малейше худого, но единственно почитая их полезными для собственного нравственного против вольнодумства исправления и употребления тех из масонов, которые иностранных языков не знают.

Не делая в сокрытии сих книг ни малейшего извинения или оправдания, яко виновный, повергаю себя к священным ее императорского величества стопам, испрашивая монаршего ее императорского величества милосердия.

Книги запрещенные вы продавать с прочими позволили приказчику вашему, в чем уже и извинение пред ее императорским величеством приносите; а только уверяете, что вы после указа ее величества их вновь не печатали, то как же вы могли такое великое число сокрыть? Объясните в точности: слабостию ли это было осмотрщиков или вашею тонкостию? и кто вам в сем непристойном извороте были сообщники?

К 3 пункту. Всенижайше доношу:

1) Из сих книг: 1) Хризомандер, 2) Карманная книжка, 3) Апология, 4) Братские увещания, 5) Крата Репоа, 6) Химическая псалтырь, 7) о древних мистериях и ежели еще есть, не помню, конфискованные в первый раз, а в котором годе, не упомню же, были осматриваны и отобраны только в университетской книжной лавке; и которые переписаны, покладены и запечатаны печатью московской управы благочиния и отданы под мое сохранение, которые и ныне в том коробе находиться должны в лавке. По всем же другим лавкам купцов, торгующих книгами как в Москве, так и в других городах, сии книги отбираемы не были. Даже и в нашем магазине осмотру не было; а потому некоторых из сих книг и осталось помногу. Сии оставшие книги отданы были купцу Кольчугину на сохранение и лежали у него очень долго, где, не ведаю, без всякого употребления, не производясь в продажу. Но после, когда в других, не наших, лавках сии книги продолжаемы были продажею, то, по слабости и необмышленности, по просьбе торгующих позволил и я с прочими книгами: у нас же в лавке сии книги продавать от меня запрещено было.

2) Что же касается до запрещенных в другой раз книг, то тех из них, которые печатаны были у нас:

1) Драгоценная капля; 2) Седмодневник; 3) Минятия третий том; 4) Предисловие к житию Енохову; 5) Златая книжица и еще какие, не упомню: из сих книг ежели остались, то разве по ско-

рости отбора и замешанности всего магазина, потому что разбор делали люди непривыкшие и переносили из покоя в покой без всякого порядка, чем весь магазин смешан был и одна книга по нескольку раз в осмотр приходила; послабления же от осматривавших не было никакого: ибо они отбирали по назначенному уже реестру. При сем осмотре, как магазин был в разных местах с лавкою, то некоторых из духовных книг оставлено было для своего употребления книг по 25 и по 50, а каких именно, не помню. Но сии книги в числе разрешенных; кто же их отбирал, не упомню. Все сии книги, как первые, так и вторые, после высочайшего запрещения печатаны подлинно не были, ни одна книга. Не помня же верно всех книг и кто отбирал их, не могу я никого назвать и сообщником; но по сему пункту, где есть преступление, себя одного, яко виновного, к священным ее императорского величества стопам повергаю, испрашивая высочайшего монаршего ее императорского величества милосердия.

Секретно.

Всемилостивейшая государыня!

После отправления моего 24 сего апреля всеподданнического к вашему императорскому величеству донесения посланным от меня майором князем Жеваховым Новиков вчера к вечеру ко мне доставлен, и я его вопрошал в силу высочайшего вашего императорского величества указа, где он приобрел имения, а к тому открывшиеся обстоятельствы. И мучась с ним более трех часов, не мог больше добиться, как что из прилагаемого здесь в копии его допроса увидеть соизволите. Такового коварного и лукавого человека я, всемилостивейшая государыня, мало видал; а к тому ж человек натуры острой, догадливой, и характер смелый и дерзкий: хотя видно, что он робеет, но не замешивается; весь его предмет только в том, чтобы закрыть его преступления. И с великим трудом довести я его мог, что он признался, что запрещенные книги продавать велел, и то тогда, когда я для улики приказчика его привесть хотел: притворяется так, что прежде посланный советник Алсуфьев с товарищи уверились, что он опасен в жизни, и он просил их, чтоб его исповедать и причастить. Но на сие Алсуфьев не согласился. А майор Жевахов сказывает, что все падал в обмороки, а у меня при расспросе начал так притворяться, что он будто в изнеможение приходит. Но я ему сказал, что сие излишне: хотя он, может, нездоров, но не так слаб, а позволил ему сесть и сказывать ответы свои секретарю. И я признаться должен пред вашим величеством, что я один его открыть не могу: надо с ним сидеть по целому дню, а то он шепчет, слово скажет, другого искать будет. Я и по масонству его которые читал бумаги, спрашивал, но он все

отвечал так, что недостойно и писать, то есть в генеральном слове: все хочет закрыть. То осмелюсь сказать, всемилостивейшая государыня, что кроме тайного советника Шешковского правды из него ничего не сведаешь, да и ему надо довольно потрудиться. Сегодня ввечеру еще его в пополнение допрашивать буду. С ним приехал доктор, о котором я вашему величеству упоминал в предыдущем донесении. А так как он болен или притворяется, посадил и с доктором под стражу в доме его и майора князя Жевахова приставил главным смотрителем. Да и паче потому в Тайную экспедицию не послал, что ваше величество в высочайшем указе повелеть изволили: если откроются буквы, то взять его под присмотр.

Всемилостивейшая государыня!
Вашего императорского величества
всеподданнейший князь *Александр Прозоровский*.

26 апреля
1792 г.

СЛЕДСТВИЕ ПО ДЕЛУ НОВИКОВА

УКАЗ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ, 1 МАЯ 1792

Князь Александр Александрович!

Реляция ваша от 24 апреля нами сего же месяца 28 числа поутру получена; по рассмотрении ж оной к нашему удовольствию видим, что вы Новикова книги опечатали и его расположены о непозволенной продаже запрещенных книг следовать, а потому за нужное сочли о произведении того следствия вам предписать нужные для вас правила следующие: 1) Как Новиков осмелился печатать и торговать такими книгами, кои по указу нашему не только продавать, но и печатать запрещено, в чем он и его товарищи обязаны двоекратно подписками, но он за всем тем от того запрещенного промысла не отстал. 2) Вам известно, что Новиков и его товарищи завели больницу, аптеку, училище и печатание книг, дав такой всему благовидный вид, что будто бы все те заведения они делали из любви к человечеству; но слух давно носится, что сей Новиков и его товарищи сей подвиг в заведении делали отнюдь не из человеколюбия, но для собственной своей корысти, уловляя пронырством своим и ложною как бы набожностию слабодушных людей, корыстовались граблением их имений, в чем он неоспоримыми доказательствами обличен быть может. И сего ради повелеваем оного Новикова на основании нашего учреждения предать законному суждению, избрав надежных вам людей; по окончании же во всех судах того следствия и заключений должны они пред-

ставить вам на ревизию, вы же препроводите на решение в сенат. 3) Не оставьте его, Новикова, выпросить и о том, как он вошел в службу и вышел из оной, даже до вступления его в нынешний промысл, сколько за ним было имения, да и ныне сколько же, и как оное приобрел.

В прочем пребываем к вам благосклонны.

Екатерина.

УКАЗ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ, 10 МАЯ 1792

Князь Александр Александрович!

Реляции ваши мая от 5 и 6 чисел мы получили; что вы Новикова по повелению нашему не отдали под суд, весьма апробуем, видя из ваших реляций, что Новиков человек коварный и хитро старается скрыть порочные свои деяния, а сим самым наводит вам затруднения, отлучая вас от других порученных от нас вам дел, и сего ради повелеваем Новикова отослать в Слесельбургскую крепость, а дабы оное скрыть от его сотоварищей, то прикажите везти его на Владимир, а оттуда на Ярославль, а из Ярославля на Тихвин, а из Тихвина в Шлюшин, и отдать тамошнему коменданту; везти же его так, чтоб его никто видеть не мог, и остерегаться, чтоб он себя не повредил. Сие Новикова отправление должно на подобных ему наложить молчание, а между тем бумаги его под собственным вашим смотрением прикажите надежным вам людям разбирать и чтó по примечанию найдете нужным или вновь чтó открываться будет доставляйте к нам; с имевшеюся в Гендриковом доме Лопухина типографией прикажите то же сделать, что сделано с типографией Новикова.

В прочем пребываем к вам благосклонны.

Екатерина.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ ПРОЗОРОВСКОГО С ШЕШКОВСКИМ В 1792 г.

Секретно.

М. г. мой Степан Иванович.

Прошедшего апреля от 28 письмо вашего превосходительства получить честь имел, с приложением высочайшего ее императорского величества указа, по которому исполнение учинить поспешу. Относительно Новикова, то вам уже теперь известно, что он под караулом. Жду от ее императорского величества высочайшего повеления и сердечно желаю, чтоб вы ко мне приехали, а один с ним не слажу. Экова плута тонкого мало я видал. И так бы мы

его допросили, у меня много материи, о чем его допрашивать; надо, м. г. мой, сему вреду сделать конец. Это говорит мое усердие к ее императорскому величеству и отечеству, уверен, что вы столько же усердный, как и я, и в том вы уверитесь, что я с истинным почтением и преданностию есмь,

м. г. мой, вашего пр-ва покорный слуга,

к. *А. Прозоровский.*

Мая 4 дня
1792.
Москва.

М. г. мой Ст. Ив.

По известной вашему пр-ву здешней материи отправляю я с сим нарочным всеподданнейшее мое к ее величеству донесение и прошу вас, м. г. мой, поднесть оное неумедлительно. В прочем с истинным почтением и таковою же преданностию есмь,

м. г. мой, вашего пр-ва покорный слуга,

к. *А. Пр-й.*

Москва
5 мая
1792 г.

М. г. Степан Иванович.

Письмо вашего превосходительства от 1 сего мая, со вложением высочайшего указа, получить честь имел. Но из оного для объяснения здесь взятыя в копии с моей заметкой приобщаю, прошу вас, милостивый государь мой, недоразумение мое разрешить, а притом как вы со мной дружески говорите, то и я вам таким же языком скажу: по слышанному не может следовать, где нет доказательств, да и многое следовано Брюсом; у меня нет бумаг, а у вас быть должны. И все сие решено! Признателен искренно вам, м. г. мой, за доброе ваше о мне заключение. Если не все, то мало уже чего вы не знаете, а все ведаете, как я все почти открыл, для чего и приостановился я исполнением, увидите из реляции моей, с сим отправленной. За тем любите меня и не оставляйте, дело нежное, так в случае остерегите, чем много одолжите истинно почитающего вас, есмь,

м. г. мой, вашего пр-ва верный и покорный слуга,

кн. *Прозоровский.*

1792 г.
Мая 6.
Москва.

М. г. мой Ст. Ив.

От 6 числа вашего пр-ва письмо получить честь имел о получении в Тайной экспедиции 1000 рублей, вы подлинно угадали, что бог помог открыть сие зло. По последней бумаге вы увидите, а и на сей почте остаточек, теперь ожидаю решения на все, а тогда должно все открыться и всему быть конец. Но желал бы, чтоб вы, м. г. мой, ко мне пожаловали, так бы скорей пошли дела, да и материя сия этого стоит; а я б искренно за сие благодарил бога, а то вчера от вас приехал к нам в Москву гость, лучше б подержать его несколько там. О последнем господине молвите и гр. Н. Ив., хотя не чаю я, чтоб случилось сие, они все к нему прибегут. По меньшей мере сведуют, как вы о сем трактуете, а за тем благодарю вас за ваше доброе о мне заключение. Продолжайте оное на удовольствие истинно вас почитающего и с тою преданностию, как я есмь, м. г. мой, вашего пр-ва покорный

слуга, кн. *А. Прозоровский*.

1792 году
мая 13 дня.
Петровский дворец.

М. г. мой Ст. Ив.

От 10 сего мая письмо вашего пр-ва получил исправно и за все в нем изъясненное приношу вам, м. г. мой, наисовершеннейшую благодарность и сердечно рад, что вы мной довольны. С Тепловым так исполнено будет, как вы пишете. Птицу Новикова к вам отправил, правда, что не без труда вам будет с ним, лукав до бесконечности, бессовестен, и смел, и дерзок. Бумаг к ее величеству отправил часть, и лучшую, для первого вам приступу. Вы увидите, что они разного были ведомства чюжестранных лож; то, когда соединились и когда у них ввелись розовые и золотые кресты, — надо его спросить, а видно из слов похвальных Шварцу, что он это утвердил, видно по бумагам, к чему сие клонилось, к благополучию людей, то есть равенству, что сами уже дознаетесь, только бумаг достанется много вам почитать, чтобы выбрать материи, о чем его спрашивать, а притом многих же и нет, как не видно, продолжалась ли у них переписка с герцогом Брауншвейгским и с другими ложами, а догадаться можно, что Кутузов для сего в Берлине и живет. Однакож для блага государства — слава богу, слава богу! Какие я давал ордера майору князю Жевахову, здесь в копии найдете и все из них увидите, только сего майора и команду его кстати б чем наградить, он и один капитан гусарский все с ним сидели, а теперь и повезли. А за тем уверьтесь, что я истинным почитанием и преданностию есмь и буду,

м. г. мой, вашего пр-ва

покорный слуга кн. *А. Пр.*

P. S. Заметить я вам должен злых его товарищей:
Иван Лопухин.
Брат его Петр, прост и не значит ничего, но фанатик.
Иван Тургенев.
Михаил Херасков.
Кутузов, в Берлине.
Кн. Николай Трубецкой, этот между ими велик; но сей испугался и плачет.
Профессор Чеботарев.
Брат Новикова и лих и фанатик.
Кн. Юрья Трубецкой, глуп и ничего не значит.
Поздеев.
Татищев, глуп и фанатик.
Из духовного чину:
Священник Малиновский, многих, а особливо женщин, духовник; надо сведать от Новикова, кто еще есть из духовного чина, их надо отделить от духовного звания. Прошу ваше пр-во команду ко мне не замедля возвратить.

P. S. Между прочим увидите, что они давали пансионы цензору, переводчику, что при газетах; а был у меня лоскуток, на котором назначено, что дано К., бывшему при Тайной экспедиции, 200 р.; но я по множеству бумаг не знаю, куда ее девал, то не оставьте при следствии и о сем вопросить.

1792 году
мая 17 дня.
Петровский дворец.

ВОПРОСНЫЕ ПУНКТЫ ШЕШКОВСКОГО, ОТВЕТЫ НОВИКОВА, НАПИСАННЫЕ В ШЛИССЕЛЬБУРГЕ В ИЮНЕ 1792 г. И ВОЗРАЖЕНИЯ НА ЭТИ ОТВЕТЫ

1. *Вопрос.* Отец ваш кто был и где служил, сколько имел имения и вам оставил?

Ответ. Родитель мой отставлен статским советником; вступил в службу блаженныя памяти при императоре Петре Великом во флот, как происходил чинами, не знаю, но ведаю и помню, что он был корабельным секретарем, после капитаном, из которого чина и отставлен к статским делам, помнится, в царствование императрицы Анны Иоанновны; и определен был воеводою в Алатор; долго ли же был, не помню, откуда отставлен от всех дел, и блаженныя памяти при императрице Елисавете Петровне награжден помянутым чином, имения за ним было родового и по приданству,

помнится, с лишком 700 душ. Сие досталось по кончине его покойной матери нашей Анне Ивановне с нами, из которого дано за двумя сестрами моими, кажется, около 120-ти или 150-ти душ в приданое; да придано покойною матерью нашею около 150 душ, а по ней досталось нам с братом около 400 душ. После родителя нашего Ивана Васильевича достался еще в Москве деревянный дом, который и продан родительницею нашею, и куплен ею был другой, который и достался также нам.

Возражение. Заклинания велики, и характер свой описал хорошими красками, но деяния его совсем противны его изречениям, как то из нижеследующего оказалось.

2. *Вопрос.* Где вы служили и ныне какое имение имеете и как оное приобрели?

Ответ. Службу мою начал лейб-гвардии в Измайловском полку солдатом 1762 с генваря и продолжал в том полку; будучи унтер-офицером, взят был в Комиссию о сочинении проекта нового уложения и определен в комиссию о среднем роде людей, где и находился содержателем дневной записки и во время диспутов прикомандирован был в общее собрание к держанию дневной же записки. В 1768 году от Комиссии уволен и отставлен поручиком; имения после родителей наших осталось нам с братом в Мещовском уезде, помнится, 250 душ, в Коломенском уезде около 130 душ, да еще деревенька небольшая в Дмитровском уезде, а сколько душ, не помню, да московский материнский дом. Маленькую деревеньку и московский дом продали мы с братом, а в котором году и за сколько ценою, не помню. Мещовскую деревню продали мы с братом за осмнадцать или за 20 000 р. в 1788 году. Коломенская же, что ныне Никитского уезда, оставалася за нами в общем владении, а в нынешнем году брат мой свою часть укрепил по купчей за меня; да в нынешнем же году куплена мною у господина генерал-майора Ладыженского деревня в Орловском наместничестве 110 душ, помнится, за 18 000 р. на деньги из числа занятых мною у г-на Походяшина. Да московский у Никольского моста каменный дом, купленный мною в 1782 году на занятые деньги для помещения университетской типографии и моего житья, когда казенный университетский дом, в котором типография со всеми принадлежностьми помещена была, где и я жил, взят был для помещения присутственных мест. В 1781 году я женился на девице Александре Егоровне Римской-Корсаковой, воспитанной в училище благородных девиц в С.-Петербурге и по выпуске жившей в доме дяди своего князя Николая Никитича Трубецкого и которая прошлого года скончалась в начале апреля. Детей от нее имею я троих: одного сына и двух дочерей.

Возражение. Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству.

3. *Вопрос.* Ведая, что всякое заведение новой секты или раскола и проповедания оного есть вреден государству и запрещен правительством, то вы и должны открыть теперь, какой имели повод и побуждение посвятить пагубному себя упражнению и когда ты к тому приступил, при каких обстоятельствах также и кто вас в сию секту загнал?

Ответ. Ежели бы я ведал, или хотя бы подозревал, в масонстве быть секте или какому-нибудь расколу, противному государственным узаконениям или клонящимся хотя малейше к возмущению и бунту, какого бы то рода ни было, противу священной особы императорской, или к нарушению народного спокойствия, или даже к каким-нибудь коварствам и обманам, то никогда бы я не вступил в оное, во-первых, по искреннему и сердечному моему благоговению к священной особе императорской, вкорененному в меня из детства от покойного родителя моего и которое до днесь пребывает в моем сердце и сделалось моею натурою; во-вторых, по особенной и неизъяснимой искренной сердечной приверженности, благоговении и высоком почитании лично к священной особе ее императорского величества нашей всемилостивейшей государыни и матери, полученный мною со дня счастливого для всего отечества нашего дня восшествия ее императорского величества на всероссийский престол, где я в первый раз удостоился увидеть священную особу ее, ибо по прибытии ее величества лейб-гвардии в Измайловский полк я, находясь на карауле у полковой канцелярии, был тогда на часах у мосту. В-третьих, по тихости и чувствительности моего нравственного характера из детства, что все знающие меня могут засвидетельствовать, что я в жизни моей ни с кем и никогда ни малейшей не имел ссоры, даже со служителями моими поступал так, что в самом гневе никак не мог решиться наказывать. Заключу сие объяснение тем, что я всегда всякими изменами, бунтами, возмущениями гнушался и без внутреннего содрогания и отвращения не мог ни слышать об них, ни читать. А что сие говорю я истину, что никакие в мире сокровища и чести к сему меня преклонить никогда не могли, в том свидетельствуюсь господом богом и спасителем моим, в которого я сердечно верую и о котором верую, что некогда будет он судить живым и мертвым и всякое ложное призывание его во свидетели накажет вечным мучением. Пред ним и сокровеннейшие наши сердечные помыслы и мысли явны и открыты. Он всевидящий видит и знает — имел ли я когда-нибудь и какое-нибудь злое из вышесказанных намерение или умысл против государя и государства, а ежели имел, да накажет

он меня, праведный судья. И как сей пункт есть великой важности во всем моем допросе и есть ось всего делопроизводства, то да позволено мне будет объяснить со всею подробностию с самого начала вступления моего в масонство.

В масонство так называемое английское вступил я не по собственному исканию или побуждению, но по приглашению, сколько могу упомнить, в 1775 году, и то на таких условиях, чтобы не делать никакой присяги и обязательства, чтобы мне открыть три первые градуса наперед, и ежели я найду что противное совести, то чтобы меня не считать в числе масонов, что мне один из масонов и сделал, но кто именно, не помню, ибо предложение сие мне несколько человек делали, я не уважил сие и не согласился ехать в ложу. Между тем, знавши первые градусы, я мог осведомиться и узнал, что главная ложа управляется его высокопревосходительством Ив. Перф. Елагиным, в которой немалое число знатнейших особ в государстве членами, и что все меньшие ложи зависят от сей ложи, что масонство получено из Англии и тому подобное. В том же году согласились девятеро, в числе коих был и я и члены других лож, составить особую ложу, о чем и подали письмо в старшую ложу, от которой и учредили сию новую ложу. Начальник сей ложи был назначен майор Яков Федорович Дубянский, а других не помню. И как в то время ложи почти публично собирались, то и не мог я, видя сие и зная членами знатнейших особ, почитать законами не позволенными собраниями. Употребление сделало привычку, а привычка привязанность и любопытство к учению масонства и изъяснению гиероглифов и аллегории; со всем тем мне не нравилось сие масонство, ибо хотя и делались изъяснения по градусам на нравственность и самопознание, но они были весьма недостаточны и натянуты. Между тем был между масонами слух, что есть истинное масонство и что оно и в С.-Петербурге есть. Мы, разведывая, узнали, что сие масонство привезено бароном Рейхелем из Берлина и что ложа его, за отсутствием барона в Москву, поручена какому-то Розенбергу. По исканию и старанию нашему от помянутого Розенберга учреждена нам новая ложа, и начальником или мастером стула определен к нам Иван Петрович Чаадаев, и акты трех степеней даны, между сими актами и прежними английскими усмотрели мы великую разность, ибо тут было все обращено на нравственность и самопознание, говоренные же речи и изъяснения произвели великое уважение и привязанность. Между тем услышали мы, что в Москве его высокопрев. Ив. Перф. со всеми своими ложами ищет соединения с бароном Рейхелем и его ложами. А по возвращении в Петербург сие соединение воспоследовало скоро, которые и стали называться соединенными ложами, а многие остались и не присоединенными. Начальник нашей ложи не приступил к сему соединению, но остался с Розенбергом, почему в нашей я определен по

выбору членов начальником. И тут узнал я князя Николая Никитича Трубецкого, как одного из старших Рейхелевых масонов, Михайла Матвеевича Хераскова, князя Гагарина, князя Куракина и один раз видел в ложе у Ив. Перфильевича князя Николая Васильевича Репнина; привязанность всех к сему масонству умножилась, а барон Рейхель больше четырех или пяти, не помню, градусов не давал, отговариваясь тем, что у него нет больше позволения, а должно искать. Около сего времени отправлен был князь Куракин в Швецию, и ему дано было от старшей ложи соединенных лож рекомендательное письмо к шведским масонам, в котором прошено было князя Куракина во все градусы масонские принять и с ним прислать оные. По возвращении князя Куракина из Швеции услышали мы, что он и князь Гагарин приняты во все градусы масонские и даны акты и диплом на все российские ложи, которых всех князь Куракин сделан начальником, а он отдал все сие начальство князю Гагарину. Слышали также мы, что по сему начальству и расположению все российское масонство должно завсегда зависеть от шведской главной ложи и состоять в переписке, что великим мастером в Швеции герцог Зюдермарландский, что ложи там почти публичны, что все министры там и многое тому подобное.

Кн. Гагарин завел свою главную ложу в Петербурге, и к нему перешли большая часть соединенных лож и присоединились многие из тех, кои не были в соединении с Ив. Перфильевичем, а мы, весьма немногие из соединенных лож, остались при Ив. Перфильевиче: ложа московская к. Трубецкого и моя, а еще не упомню. И так продолжалось, кажется, около двух лет. В сие время, быв однажды у барона Рейхеля и разговаривая чрез переводчика, не помню, кто был, о всех разделениях и разных партиях в масонстве, спросил я у него в самых сильных выражениях: я не прошу вас о вышних градусах, нижѐ о изъяснении масонства, потому что я решился терпеливо ожидать, упражняясь, сколько могу, в нравственности, самопознании и исправлении себя, но прошу вас, дайте признак мне такой, по которому бы я мог безошибочно узнать истинное масонство от ложного, чтобы нехотя не зайти в ложное, что я по сему признаку верно следовать буду, но что ежели он мне даст несправедливый, то он богу ответствовать будет. Под именем истинного масонства разумели мы то, которое ведет посредством самопознания и просвещения к нравственному исправлению кратчайшим путем по стезям христианского нравоучения; и просил его о том со слезами. Он также со слезами сказал мне, что он охотно это сделает и скажет верно, и сказал: всякое масонство, имеющее политические виды, есть ложное; и ежели ты приметишь хотя тень политических видов, связей и растверживания слов равенства и вольности, то почитай его ложным. Но ежели увидишь, что чрез самопознание, строгое исправление самого

себя, по стезям христианского нравоучения в строгом смысле нераздельно ведущее; чужду всяких политических видов и союзов, пьянственных пиршеств, развратности нравов членов его; где говорят о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстям и порокам, но владеть оными, такое масонство или уже есть истинное, или ведет к сысканию и получению истинного, что истинное масонство есть, что оно весьма малочисленно, что они не стараются нахватывать членов, что они по причине великого в сии времена распространения ложных масонов весьма скрытны и пребывают в тишине: ложные масоны всего этого не любят. За сей совет готов я ответствовать пред богом. После сего я еще осторожнее сделался противу шведского масонства и так называемого стрикт-обсерванта, которого барон Рейхель крайне не любил. Помнится, что в 1776 или седьмом году в бытность князя Петра Ивановича Репнина в Петербурге (а знаком ему сделался в бытность мою на короткое время в Москве, кажется чрез брата моего, и один раз обедал у князя П. И. Репнина, и он меня очень обласкал) был я у него и по причине его болезни и обедал у него один; узнав, что я масон, он сказал, что и он масон, что он, в разных государствах бывши, искал масонства и что, не жалея денег, старался он доставать всевозможные градусы, но всегда находил ложные. Но наконец познакомился с одним человеком, а где, не сказал, который дал ему понятие такое, что истинное масонство скрывается у истинных розенкрейцеров, что их весьма трудно найти, а вступление в их общество еще труднее, что у них скрываются великие таинства; что учение их просто и клонится к познанию бога, натуры и себя; что много ложных обществ, называющихся сим именем, что много шарлатанов и обманщиков называются сим именем, и потому-то весьма трудно найти истинных; и, многое говоря, заключил, что счастлив тот, кто найдет истинных, и на сей конец хотел он познакомиться с бароном Рейхелем, чтобы узнать его. Я спросил его, что он нашел и вступил ли? На сие он мне сказал, что он имеет об них хорошее понятие, и хотел после еще говорить, но не было случая. Между тем, сколько могу упомнить, кажется в 1778 году к. Трубецкой с своею ложею вступил в соединение в Москве с к. Гагариным на некоторых условиях, и как я был в то время в Москве, то почти насильно уговорили меня принять шведский седьмой градус; я с тем согласился, что ежели мне что покажется сомнительное или подозрительное, то я ни в какие обязательства и связи с ними не войду и останусь с бароном Рейхелем и Ив. Перфильевич. Градус дан был рыцарский, и он мне совсем не полюбился и показался подозрительным, и я решился ни в какие связи со шведским масонством не вступать со своею ложею, но о времени сего происшествия верно не помню; в том же году или после случилось, только мы со шведским масонством не соединились, помня совет барона Рейхеля. В 1779 году

взял в содержание университетскую типографию, переехал в Москву, и члены моей ложи все разошлись, и я с ними ни с кем ни в переписке, нижѐ в каких-нибудь связях не был, кроме Ивана Петровича Тургенева, Алексея Михайловича Кутузова и Василия Васильевича Чулкова, которые и после остались в связи, и сия петербургская моя ложа совсем уничтожилась, чем окончился сей период бытности моей в масонстве; и я после сего вообще с петербургскими масонами никакой связи не имел и в переписке не был.

По приезде моем в Москву 1779-го года упражнен я был и совершенно занят типографскими делами, а масонством совсем не занимался, а только был несколько раз в ложе к. Трубецкого да раза два или три, не упомню с кем, в гагаринской ложе, сколько же их было числом и кто в них управлял, того также не упомню. А других лож совсем не знал, нижѐ когда-нибудь бывал, а слышал только, что была у Татищева ложа, у которых были четыре градуса шведских стрикт-обсервантские, полученные чрез некоторого англинского купца Тусеня из Берлина, да одна или две ложи настоящих французских; и у них было французское масонство, которое мы все, так называвшиеся тогда рейхелевские масоны, совершенно презирали и почитали за глупую игру и дурачество. Сверх сих едва ли не было тогда в Москве и ложи князя Гагарина, но сего верно не помню. Да и в ложе к. Трубецкого знаком был с теми членами только, которые коротки были в доме его. Иван Петрович Тургенев, член моей петербургской ложи, был также в Москве и также знаком в доме к. Трубецкого. В 1780 году, кажется, приехал в Москву, помнится из Могилева, Шварц, он был родом, сколько могу упомнить, из Трансильвании и был в разных службах, а потом, ежели не ошибаюсь, его сиятельством князем Иваном Сергеевичем принят в гувернеры к детям Александра Михайловича Рахманова, почему и приехал в Могилев и был в сей должности, сколько лет не знаю, тут в доме выучился он российскому языку по правилам весьма основательно, так, что мог писать и говорить весьма правильно и сильно. В бытность его в Москве, не знаю как и зачем, познакомился он с Васильем Ивановичем Майковым, а чрез него с к. Трубецким, и потом принят в его ложе масоном, а потом возвратился в Могилев, и как масонство ему полюбилось, то он, нашед некоторых старых масонов, возбудил в них охоту составить ложу. От одного из членов узнали они, что в Курляндии есть старое масонство и в великом почтении у дворянства. Они решились отправить Шварца в Курляндию просить, и он, получа там четыре или пять градусов и узнав о тогдашних связях масонства немецкого, возвратился в Могилев, где и был выбран членами мастером стула и управлял ложею. Долго ли сие продолжалось, кто были члены и имели ли они с курляндцами переписку, о том не знаю, потому что я сим не интере-

совался по данному совету от барона Рейхеля; ибо градусы, ими полученные, были стрикт-обсервантские. По смерти Рахманова он из дому отошел, приехал в Москву в 1780 году. В Москве принят он был в университет экстраординарным профессором, помнится, философии и беллеттров. По домам князя Трубецкого и Майкова познакомился он со мною. Знакомство наше, кажется, продолжалось около года, только по литературе и по типографии, об масонстве же я с ним не говорил ни слова и крайне остерегался, чтобы и его говорить о том с собою, потому что я почитал его стрикт-обсервантом и по масонству его остерегался, но, впрочем, я его весьма полюбил за его отличные дарования, ученость да за заслужливость; наипаче за отменное его дарование изъясняться о самых ученейших материях просто, ясно и вразумительно. В том же году, кажется, женился он на иностранке, бывшей гувернанткою в доме, помнится, князя Голицына. Но как к масонству он весьма был привязан и хотел в оном упражняться, а мы остерегались его по стрикт-обсерванту и не хотели входить в связи, то он разведал о ложе Татищевой и чрез сего Тусеня с ним познакомился. Между тем ложа к. Трубецкого весьма умалилась, и члены отставали Мы, вспомня всегдашний совет барона Рейхеля, что ежели хотеть упражняться в истинном масонстве, то надобно иметь ложу весьма скрытую, состоящую весьма из малого числа членов скромных и постоянных, и упражняться в тишине, не гоняясь за множеством членов, который совет повторил он и при прощании моем с ним, ехав из Петербурга. Мы составили сию ложу и выбрали в члены оной: 1) К. Трубецкого. 2) Мих. Мат. Хераскова. 3) К. Алекс. Александ. Черкасского. 4) Ив. Петр. Тургенева. 5) Меня. 6) К. Енгалычева. 7) Включили А. М. Кутузова, который тогда был в отпуску, или же заочно, сего не помню. 8) Профессора Шварца на условиях, чтобы он об стрикт-обсервантских градусах никогда ничего между нами и не говорил. Старая к. Трубецкого ложа, кажется, тогда уже уничтожена, или еще несколько продолжалась, не помню. Но сия новая формальных собраний не имела еще, а только собирались для советований об ее установлении и как искать вышних градусов; ибо ведали, что Ив. Перфильевич больше нашего рейхелевских градусов не имеет; от барона же Рейхеля получить никакой надежды мы не имели, то предложил наконец Шварц, что он знаком с одним из старших курляндских масонов, фамилии его не помню, а знаю только, что он был мастером ложи курляндской и префектом, помнится, канителя их по рыцарским градусам, который состоит в связи и знаком с некоторыми берлинскими масонами, которые работают по тем же актам, по которым и мы; и что и барон Рейхель, с ними быв знаком, вероятно, что от них и сам получил, то ежели мы его отправим туда, то он надеется получить сии вышние градусы. Между тем около сего времени предложил он нам, что он для нас в доме, где назначим, будет

*

читать лекции на российском языке в беллеттрах и антиквитетах, а как нам лекции, преподаваемые им в университете, всем нравились, то и приняли мы охотно его предложение, назначили день у меня в доме собираться для слушания сих лекций (но я верно не помню, прежде ли поездки его в чужие краи или по возвращении начались сии лекции), на которые согласились позволить привозить и знакомых, которые захотят. Около сего же, помнится, времени приехал в Москву из деревни к. Юрий Никитич Трубецкой и как старый масон присоединился к нам, также, кажется, около сего же времени просил нас профессор Шварц и всевозможно уговаривал, сказывая, что Татищев крайне имеет желание с нами познакомиться. Мы точно в удовольствие его на это согласились, не имея никакого к тому желания, и только в резон то уважили, что помянутый купец Тусень, чрез которого Татищев получил свои акты, имеет в Берлине свойственника, который и в нашем искании может быть полезен. По соглашении нашем Татищев был у к. Трубецкого, у меня и других, и чрез сие знакомство сие сделалось. Как скоро после того не помню, только согласились, чтобы Татищев присоединен был к нам с таким условием, что ему оставаться при своих, а нам при своих актах до возвращения из чужих краев профессора Шварца. Едва не около ли сего времени Ив. Владимирович Лопухин принят в масоны и к нам присоединился, но кем принят и как или по отъезде профессора Шварца в чужие краи, верно не помню, также и Сем. Иван. Гамалея, но в сие ли подлинно время, о том не знаю, а только это верно помню, что прежде определения покойного графа Захара Григ. в Москву главнокомандующим. По соглашении нашем с Татищевым он предложил, что он с профессором Шварцем отправит сына своего и все путевые расходы и издержки примет на себя. Скоро после того, и сие было в 1781 году, написали два письма, в которых просили о доставлении нам древних истинных масонских актов и принятии нас в союз, под которыми подписались, сколько могу упомнить, к. Трубецкой один или оба, не помню, М. М. Херасков подписывался ли, не помню же, двое Татищевых, я, к. Черкасский, Тургенев и Кутузов подписывались ли, не упомню уже; к. Енгалычев, помнится, что подписывал, но верно сказать не могу; помнится, что еще один или двое из ложи Татищевой подписались же, и кажется, что вышеупомянутый купец Тусень, об Лопухине также не помню, подписывался ли; сверх же написанных подписывались ли кто, совершенно не помню. Помнится, что Татищев писал особые письма к курляндскому масону и в Берлин в ту ложу, из которой он получил акты; подписанные нами письма, помнится, написаны были одно в единственном лице, а другое во множественном: а надписать имя вверили профессору Шварцу. Наставление дали ему такое, чтобы он искал и старался получить акты истинного масонства, которого начала получили мы от барона

Рейхеля, но стрикт-обсервантских, французских и вообще имеющих какие-нибудь политические виды не принимал бы; но ежели тут не найдется того, то старался бы узнать, где найти оное можно. Помнится, что мы с своей стороны дали на издержки сложась 500 р. и еще 500 р. для покупки книг. Сколько же давал Татищев и сколько в ту поездку издержано им, того я подлинно не знаю, потому что он давал сыну и он расход держал. Татищев от нас же всегда это скрывал и не сказывал, во что стала ему сия поездка.

По отъезде профессора Шварца и Татищева были ли у нас какие собрания или нет, совсем того не помню, больше кажется, что не было никаких, ибо по причине летнего времени, в которое они поехали, кажется, что все были в деревнях, я же занят был совершенно типографскими делами.

По возвращении профессора Шварца и Татищева в Москву, а поездка их продолжалась около шести месяцев помнится, объявили они нам:

1) Что они, приехав в Курляндию, узнали, что в немецкой земле в целом постановлении масонском делается реформа и что о сем производит конвент, не упомню в каком немецком городе, едва ли не во Франкфурте; и что великим мастером всего масонства избран герцог Брауншвейгский, что депутаты от всех лож там в собрании.

2) Объявил он нам, что курляндские масоны советовали ему ехать или к герцогу Брауншвейгскому, или на конвент, на котором шведское постановление о подчинении российских масонов своей власти наверное уничтожат и соделают особым правлением, и что они в сем случае употребят свою помощь, и наверное сие ему обещали.

3) Что они с рекомендательными письмами от себя отправили их в Брауншвейг, помнится, по приезде туда был профессор Шварц один или с Татищевым, не помню, у герцога; и у него ли сделано или посылал он их на конвент, не помню же, только сделано общим положением, что шведское постановление признано несправедливым и уничтожено; что российское масонство признано ни от кого не зависящим навсегда и имеющим равный со всеми голос; что на конвенте сделано положение, что всем ложам оставлена полная свобода употреблять такие акты, какие кто почитает лучшими, и тому подобное, но чего совершенно, сколько ни старался, не мог вспомнить по совершенному моему тогда же ко всему сему происшествию отвращению и пренебрежению; так что и тогда с крайним принуждением слушал и некоторые бумаги читал; и сие истинно говорю, как пред богом. Услышавши сие от профессора Шварца, все мы крайне были недовольны и сказали ему, что это совершенно против нашего желания, что мы сих связей и союзов не искали и не хотим; что градусов сих так называемых рыцарских мы не примем и что мы и от шведского у к. Гагарина

масонства затем отстали, что их употреблять не хотели, короче сказать, все совершенно были сим его поступком недовольны, кроме Татищева, которому это было приятно для того, что сии градусы были продолжением его градусов, а не наших, чем думал утвердить справедливость своих актов пред рейхелевскими, да, может быть, и по честолюбию приятно было ему, что он по сим градусам рыцарским сделан начальником капителя, или ложи седьмого градуса; но мы расстались тогда с крайним огорчением и неудовольствием и не хотели даже и бумаг смотреть, не помню совсем, употребил ли профессор Шварц одно из данных нами ему писем у герцога, а кажется, что употребил то, которое писано было на одно лицо. В последствии же времени приняли одну только пиесу, под титулом общие масонские правила, которую и ввели в употребление в ученический масонский градус.

Без Татищева объявил профессор Шварц к. Трубецкому и мне, что он наперед ведал, что сей союз и рыцарство будут нам неприятны; но что он это сделал по необходимости, потому что когда он открылся курляндской ложи мастеру, что московские масоны не ищут и не хотят рыцарства, но желают иметь древнее истинное масонство и в нем упражняться, и что им нравятся и они привязаны к актам, полученным ими от барона Рейхеля, на что он ему сказал, что он может ему доставить в Берлине знакомство с двумя самыми лучшими масонами, которые по таковым же градусам работают в совершенной скромности и тихости и могут доставить совершенно по их желанию масонство; что он с ними знаком и уверяет, что по его рекомендации они его совершенно удовольствуют, только он иначе не сделает этого, как с тем, чтобы приняли рыцарство прежде и ввели в употребление между российскими масонами и чтобы на конвенте шведское постановление прежде было уничтожено, посему и принужден был на сие согласиться, что он в Берлине после был и с вышесказанною рекомендациею сделал знакомство с генерал штаб-хирургом Теденом и с директором камеры принца прусского Вельнером, с которыми познакомившись, узнал, что они на конвент от себя не посылали, и не хвалили его, что он приступил к сему. Сказывая, что тут путного ничего быть не могло, что наверное тут на всем конвенте не было, может быть, ни одного истинного масона, и что они весьма подозревают, не было ли тут и иллюминатов, которые суть истинные и злейшие враги истинного масонского ордена, и что они везде, где только можно, стараются подкапывать и вредить оному, и что они желают и стараются совсем разорить истинное масонство и на развалинах его утвердиться, что сии враги масонства имеют в предмете своем великие злодеяния, но милосердый бог не допустит их до сих злодейств и отличит злодейство от невинности, а рано или поздно накажет, что иллюминатское гнездо в Баварии, что они весьма многочисленны, что стараются везде втираться во все ложи, но

в истинное масонство путь им загражден; что они принимают на себя всякие названия и обманывают и прельщают незнающих масонов и, наконец, что сие разбойническое гнездо может почитаться по намерениям их злодеями рода человеческого. Сказывал также, что они просили его наиубедительнейше, чтобы он нам всем советовал иметь крайнюю и всевозможно бодрственную осторожность против иллюминатов и чтобы не протягивали ушей ни к каким градусам, обещаниям и таинствам и не верили бы, потому что у них натискано и набрано много и доброго, дабы всякого прельщать тем, что ему нравиться будет, и после заводить в свои сети и опутывать. Берегитесь, чтобы сия злая змея не вползла между вами, а вероятно, что они не оставят в покое русских масонов, но ежели вы только будете осторожны, скромны, постоянно и верно упражняться будете в том, что мы надеемся вам доставить, то господь сохранит вас от сего зла; видно, что и по сие время бог охранял вас, что, искавши так много масонства, ни один не попал на какого-нибудь из сих злодеев; истинные масоны стараются достать все их градусы и доставить всем, с ними в союзе состоящим, дабы наверное не могли ошибиться; паче всего старайтесь не впущать к себе приезжающих иностранных, дабы не обмануться. Наконец сказал, что истинные масоны свято почитают христианское учение, а они враги оного. Сей есть верный признак, другой, что истинные масоны власти, яко установленной от бога, искренним сердцем покоряются, а сии злодеи против всякой власти. Сие об иллюминатах известие и после получаемые подтверждения всем старшим членам известны; а младшим запрещено было без своего мастера ложи какое-нибудь знакомство делать с незнакомыми масонами. Сказал также, что они всевозможно будут стараться доставить нам истинное масонство и ввести в орден, но что это не зависит от них, что они будут писать, а мы чтобы взяли терпение и ожидали, пока они получат ответ; а между тем дали градус, в котором могут упражняться, себя обработывать и познакомиться с такими познаниями, которые для них будут новы. — И что он сей градус скоро получит. — Сказал также, что герцог Брауншвейгский хотел писать к Татищеву и еще к некоторым, что нужно хотя на некоторое время учредить капители, которых два и учреждено, один по Татищева ложам, в котором он был начальником, а другой по нашим ложам, в котором, помнится, был начальником князь Ник. Ник. Трубецкой. — В сие же время возобновлены ложи масонские к. Трубецкого и моя. Под моею ложею были учреждены ложи: в одной был мастером ложи Гамалея, в другой Кутузов, в третьей Иван Владимирович Лопухин; еще вспомнил четвертую, в которой был мастером Ключарев. У князя Трубецкого были также, помнится, три ложи, но кто были в них начальниками, не помню; у Татищева, кажется, также три ложи, из которых в одной был сын его; в другой

иностранной на немецком языке Тусень, и еще не помню. В сие же время, помнится мне, начались вышеупомянутые лекции, из которых, помнится, в 1782 году составилось Дружеское ученое общество, имевшее предметом своим единственно распространение литературы, которого план и все составлявшие члены, подписавшись, чрез его превосходительство Николая Петровича Архарова поднесен и несколько членов представлены были его сият. бывшему тогда главнокомандующему графу Захару Григорьевичу Чернышеву и получили от него позволение публично открыть сие общество, которое и было открыто в доме Татищева и на котором присутствовали покойный граф Захар Григ. и другие знатные особы. Пред сим временем взяты были на содержание студенты, а сколько числом, не упомню. Помнится, что около сего времени принят был в масоны брат мой и Алексей Федорович Ладыженский, и также приехал из Петербурга Василий Васильевич Чулков, член моей петербургской ложи, и к нам присоединился.

Около сего времени получен из Берлина теоретический градус, который к ордену не принадлежал и который между взятыми у меня бумагами находится. В него приняты: я, и сделан начальником, князья Трубецкие оба, Мих. Мат. Херасков, Иван Петрович Тургенев, оба Татищевы, Гамалея, Кутузов, Чулков, к. Енгалычев, к. Черкасский, Ключарев, а еще не могу вспомнить.

Помнится, что около сего же времени, совсем не помню как и на каком основании, присоединился к нам к. Гагарин с своими ложами, и переписка его со Швециею, кажется, при сем соединении прервана, но долго ли это соединение продолжалось, сколько было его лож и кто в них были мастерами, совсем не помню.

В сие же, помнится, время получил Татищев от герцога Брауншвейгского письмо, также я, и не помню, получил ли к. Трубецкой, все они состояли из одних комплиментов, на которое за меня не помню кто ответствовал также комплиментами, и я подписал.

В 1782 году, кажется осенью, не помню по каким неудовольствиям, профессор Шварц взял увольнение от университета и, выехав из университетского дома, переехал ко мне и жил у меня, кажется, около полугода в доме у Никольских ворот. Когда начал жить профессор Шварц у меня в доме, то, кажется, в то время сказал он, что получил из Берлина обнадеживание, что мы вероятно будем приняты в орден и что позволено тем из старших членов прислать прошения каждому от себя, и мне велел написать от себя и взять: 1) От Тургенева. 2) От Кутузова. 3) От Гамалея. 4) От Чулкова. 5) От брата моего. 6) От Ивана Вл. Лопухина, кажется в то же время. При сем случае спросил я его, чтобы он дал мне верное понятие об ордене и какой его предмет; на что он мне отвечал: что предмет его познание бога, натуры и себя кратчайшим и вернейшим путем. Я спросил: нет ли чего в ордене противного христианскому учению? Он отвечал: нет! орден в своем

учении идет но стопам христианского учения и требует от своих членов, чтобы они были лучшими христианами, лучшими подданными, лучшими гражданами, отцами и проч., нежели как были они до вступления в орден. Я спросил: нет ли чего против государей? Он отвечал: нет! и поклялся в этом. Я написал прошение от себя и, взяв от других, отдал ему, причем спросил: как же от других, кто возьмет? Он мне отвечал: что от других он возьмет, но чтобы я кроме его и тех, от кого взял прошения, ни с кем не говорил, потому что это строго запрещается. Месяцев, помнится, чрез шесть или больше получено из Берлина позволение нас принять, и мы были приняты, и все вышеписанные поручены были моему начальству. За рыцарство между профессором Шварцем и мною частные были неудовольствия, так что произошла между нами некоторая холодность и недоверчивость, продолжившаяся до смерти его. Он меня подозревал в холодности к масонству и ордену потому, что я, быв совершенно занят типографскими делами, упражнялся в том урывками; а я, ведая пылкость его характера и скорость, удерживал его, опасаясь, чтобы в чем не проступиться, и с великою осторожностию смотрел на все, что он делал, сколько мне было возможно. Кажется, что около конца 1782 года по неотступным нашим требованиям рыцарские градусы совсем брошены, и связь с герцогом Брауншвейгским, или, лучше сказать, с секретарем масонства, от герцога выбранным, совсем разорвана, и с курляндскими масонами по возвращении профессора Шварца совсем же перервана переписка, которую едва ли имел и он кроме одного или двух писем. Помнится, что около сего времени приехал в Москву из Петербурга барон Шредер и привез с собою рекомендацию к профессору Шварцу от берлинских, не знаю от кого, чтобы его присоединили к нам; с берлинскими братьями переписку имел профессор Шварц, а из нас каждый написал только по совету профессора Шварца по принятии в орден по одному благодарительному письму к Вельнеру, да помнится, я одно такое же письмо писал к Тедену. В 1783 году профессор Шварц осенью занемог и после продолжавшейся около шести месяцев болезни умер, в которое время ничего у нас не произошло; а я около четырех месяцев в то время был болен.

По смерти его узнал я принятыми в орден двух князей Трубецких, к. Черкасского, Мих. Мат. Хераскова, к. Енгалычева, барона Шредера, доктора Френкеля и Поздеева, но сей, помнится, принят после при бароне Шредере, которые поручены были начальству к. Ник. Ник. Трубецкого. По смерти же его отправился барон Шредер в Берлин, с которым я и к. Трубецкой писали по одному письму к Вельнеру, уведомляя его о смерти профессора Шварца, по возвращении которого, а сколько времени поездка его продолжалась, не помню, узнали мы, что место профессора Шварца поручено было заступить на время барону Шредеру.

В 1784 году составлена Типографическая компания, в которой члены: двое кн. Трубецких, двое Лопухиных, Тургенев, Кутузов, Чулков, Ладыженский, барон Шредер, Гамалея, кн. Черкасский, кн. Енгалычев, я и брат мой; но основание сей компании положено было еще при профессоре Шварце.

В том же, помнится, году или в следующем, 1785, заведена в Орле Ив. Вл. Лопухиным под его начальством масонская ложа, в которой мастером ложи был тамошний вице-губернатор Захар Яковлевич Карнеев, а кто были члены и сколько, не упомню.

В 1785 году, помнится, услышал я, что барон Шредер сторговал гендриковский дом и дал задаток с тем намерением, чтобы в нем завести аптеку, барон же Шредер незадолго пред тем, как услышал я о покупке дома, поехал в чужие краи для свидания с дядею своим в Мекленбург; так помнится мне, кто он таков, совершенно не помню. — Услышал также я от кн. Трубецкого, что барон получает наследство от весьма богатого дяди, что он в сей дом намерен употребить, помнится, до 50 000 или более, что он в сем доме вознамерился завесть аптеку и поручил и поверил заведение сего доктору Френкелю, от которого уже и прошение подано (или уже позволена, не помню); что материалы для аптеки выписываются; что он намерен после в этом доме завесть больницу и благородный пансион, что он скоро хотел перевесть на все это деньги; а теперь оставил верющее письмо на имя, помнится, кн. Енгалычева для совершения купчей и заложения сего дома в Воспитательном доме с поручительством кн. Черкасского и залогом его деревень; и что он поручил поправку дома и перестройку деревянных корпусов ему, кн. Енгалычеву. Сердце замерло, услышав сие известие, и как будто предчувствовало, что сей дом будет источником всех бед, с нами после случившихся. По покупке дома к. Трубецкой просил меня, чтобы я побывал в доме и осмотрел его с кем знающим, что сделав, увидели, что в покупке дома сделана превеликая ошибка; после просили меня опять, чтоб я взял поправку и перестройку на себя, а что они и не знают и нет у них знакомых, которые бы поверили в долг материалы до получения от барона денег. Долго я боролся сам с собою, вступиться ли мне в это, наконец, чтоб не сделать неудовольствия им и барону и чтобы не заставить их думать, что я для того не соглашаюсь, что это барон начинает делать, потому что между мною и бароном всегда была холодность, а я не имел к нему по молодости его доверенности, также и он меня не очень любил. Сверх сего, как он не знает по-русски ни слова, я ни по-немецки, ни по-французски, то мы весьма мало говаривали, и то чрез другого, то и знакомства между нами сделаться не могло. Я наконец согласился, и начали делать, и как уже деревянные корпусы пере-

строили и один маленький корпус сделали, а на главном корпусе кровлю новую железную сделали, в доме почти уже все в отделку приходило и аптека почти совсем отделывалась, что все делано мною с совета к. Трубецкого, который уведомлял о том барона да кн. же Енгалычева, как вдруг получил кн. Трубецкой от него письмо, в котором он уведомляет, что дядя требовал от него письмом, чтоб он пошел в герцогскую службу, женился бы и там остался жить, так он его сделает всего имения наследником, но что он на это не согласился, дядя, осердясь, сделал наследником другого, а его лишил и выданные уже ему голландские векселя, помнится, на 39 000 возвратил, и он остался ни с чем, то просил, что ежели можно какой оборот сделать продажею опять дома, то чтоб его спасли. Кн. Трубецкой, не долго думая и рассматривая со всех сторон и не находя к тому средства, потому что дом куплен на занятые деньги, материалы забраны в долг на короткое время, аптека заведена в долг, мастеровым и работникам плачены были нужные деньги из компании, материалов, для аптеки выписанных, ожидали, за которые платить надобно деньги; люди для аптеки выписаны. Все сие заставило нас решиться предложить членам компании, чтоб этот дом и с аптекою взять в компанию, что по некоторому времени и сделано, и сим-то способом сей бедственный для нас дом компании достался. По возвращении же барона Шредера, не упомню скоро ли, совершена от него купчая на дом на имя кн. Юрия Никитича Трубецкого, Петра Влад. Лопухина, В. В. Чулкова, Гамалея и брата моего; взяв этот дом в компанию, положили, чтобы типографию со всеми принадлежностями перевесть в тот дом, книжный магазин поместить там же, всем жившим в доме у Никольских ворот поместиться там же и принадлежащих к типографии людей там же поместить, что после и исполнено было; дом же у Никольских ворот положено продать, но сие еще не исполнено. В 1785 же, помнится, году или и прежде, верно не помню, по полученному чрез барона Шредера дозволению принят в орден под мое начальство студент Багрянский, который после 1786 года отправлен в Лейпциг для окончания медицинских наук и получения докторского градуса на нашем содержании. В сие же, помнится, время принят в орден Лопухиным профессор Чеботарев под его начальство, помнится, что в сем же году в начале или конце 1784 по знакомству Ключарева с премиер-майором Походяшиным Григорьем Максимовичем по приезде его в Москву, как старый масон, принятый Розенбергом или иным, верно не помню, познакомился со всеми нами по собственному его исканию, в другой уже, помнится, его приезд в Москву принят он был у нас в теоретический градус, только не помню, и был знаком со всеми нашими равно. В 1786 году все масонские ложи, сколько их было с нами в связи, уничтожены, и собрания быть совсем перестали, и члены из нашего знакомства вышли, так что мы уже

с ними ни в каком знакомстве не были, и они нас оставили. В начале того же года барон Шредер, быв недоволен мною, за то что я по беспрестанным почти моим болезненным припадкам и по типографским делам и заботам давно уже не делал собраний с порученными моему начальству, и подозревая меня в холодности и нехотении, взял из-под моего начальства (под тем видом, что он сам с ними будет упражняться) Тургенева, Кутузова, Гамалея; Чулкова в Москве тогда не было, у меня же остались Багрянский, находившийся в Лейпциге, и брат мой; и я, кажется, в половине 1785 года никаких собраний не имел. В конце, кажется, сего 1786 года объявил барон Шредер, что он получил приказание объявить тем, у кого есть другие под начальством, чтобы прервать с наступлением 1787 года все орденские собрания и переписки и сношения и отнюдь не иметь до того времени, пока дано будет знать, что и исполнено, так называемое молчание, или бездействие, по причине великого распространения и пронырств иллюминатов, причем было еще сильное подтверждение об осторожности и закрытии себя от иллюминатов, сие бездействие еще и доныне продолжалось. Сверх сего объявил он, что позволено прислать одного из членов, дабы русский, узнав все сам на месте и наставлен будучи в орденских управлениях, мог заменить место иностранных двух и бывших у нас, то есть профессора Шварца и барона Шредера, и чтобы впредь отнять от нас всякое подозрение, но только чтобы прислать такого, который бы хорошо знал немецкий язык, что после, когда позволено будет начать упражнения и переписку, мог оную хорошо вести, и чтобы притом был такой, который бы был в удостоверенности у других. К сему назначили Кутузова. В начале 1787 года, помнится, барон Шредер и Кутузов поехали в Берлин. Переписку с берлинскими имели — сначала Шварц, после Шредер, а с того времени, как Кутузов находится в Берлине, переписку с ним ведет кн. Николай Никитич Трубецкой, а я с ним переписки не имел, кроме двух, кажется, дружеских писем, в которых он изъявлял свое неудовольствие о том, что я не пишу и его забыл, на которые и я также двумя ответствовал и извинялся, что почти всегдашние мои болезненные припадки и хлопоты по делам препятствуют мне с ним иметь переписку, Ив. Вл. Лопухин и Тургенев, кажется, ведут с ним порядочную переписку; с того времени я всякий год большую часть времени проживал в деревне, а последние почти три года безвыездно жил я в деревне по причине весьма усилившихся моих болезненных припадков и слабости здоровья, а в Москве, кроме прошедшей зимы, во все почти три года в разные времена едва ли с месяц был. При отъезде Кутузова дано ему наставление, что он ежели хотя малейше приметит, что связь нашу орденскую захотят употребить к политическим видам, то чтобы тотчас из Берлина выехал.

Дополнения к пункту 3.

а) Знатные особы, о которых я упомянул, которых могу вспомнить, были следующие:

Е. в. п. Иван Перфильевич Елагин.
Е. с. граф Никита Иванович Панин.
Е. с. граф Роман Ларионович Воронцов.
Е. п. Алексей Логинович Щербачев.
Е. п. Степан Васильевич Перфильев.
Е. п. Алексей Андреевич Ржевский.
Е. с. князь Иван Васильевич Несвицкий.
Е. п. Василий Ильич Бибиков.
Е. п. Петр Иванович Мелисино,
других же упомнить не могу.

б) Именно ни к кому отправляемы они, Шварц и Татищев, не были; а в виду по Рейхелеву масонству был Берлин, для того и письма написаны были без подписания всякого имени, потому что и сами не знали, а токмо по уверению Шварцеву и купца Тусеня обнадеживаны были в том, что по знакомству курляндского масона и купца Тусеня достанет он продолжение рейхелевских градусов, которых мы желали; письма же два написаны были для того, что ежели узнает Шварц, что получение актов или градусов тех зависеть будет от одного, то надписал бы того человека имя и подал письмо, на одно лицо написанное, ежели же узнает, что зависеть будет это от ложи, то надписывал бы то письмо, которое на многих. А как мы ведали, что барон Рейхель свои градусы привез с собою из Берлина, почему и препоручение наше было Шварцу искать в Берлине, что показано и на обороте сей страницы.

в) Я показал, что помнится мне, что Шварц подал герцогу то письмо, которое написано было на одно лицо, но верно не помню. Письмо же сие, сколько могу помнить, состояло в генеральных выражениях, что мы просим о принятии нас в союз по доставлении нам всех градусов истинного древнего масонства, а подписано было теми, коих я могу припомнить и кои показаны выше. А сверх тех едва ли не подписывался под тем письмом профессор Чеботарев. Но сие все показываю, сколько вспомнить могу.

г) Выше в объяснении и на странице на обороте показано, что Шварц уверил нас, что посредством курляндского знакомства достанет он нам из Берлина акты, почему и поездка сия есть одна и та же, которую принял на свой счет Татищев, и сын его был в Берлине со Шварцем. Именно ни к кому в Берлине не был отправляем Шварц, и мы никого там не знали, а только по уверению Шварцеву на рекомендацию курляндского масона да на письмо купца Тусеня к его родственнику надеялись. Письмо же в Берлине Шварц, помнится, употребил другое, от нас ему данное, написан-

ное на многих, но сего также верно не помню. О письме же, герцогу поданном, показано в выноске на поле, выше на обороте. К принцу же Гессен-Кассельскому никакого письма подавано не было. И профессор Шварц об нем уже узнал, как я думаю, от герцогского секретаря по масонству, который также назывался Шварц.

д) При представлении и подании плана Дружеского общества покойному графу Захару Григорьевичу о ложах спрашиваны не были и не объявляли. — Студенты из Киевской академии и из разных семинарий, также из своекоштных университетских студентов; сколько же их было и из каких семинарий, о том не помню. — О том, что их принимать в масоны, не объявляли, да и намерения такого подлинно не было при учреждении сего общества. Главная же цель при сих студентах была та, чтобы их приготовить быть хорошими учителями и переводчиками, кто к чему окажется способен. Обучались они в университете на профессорских лекциях, а жили в доме с профессором Шварцем.

е) По смерти профессора Шварца отправлен был барон Шредер с уведомлением о смерти его, ибо он имел и начальство и переписку, то и ожидали, какое по сему вновь будет сделано наставление. Отправлен был к тому же Вельнеру; ибо мы его только и Тедена знали в Берлине. С бароном посланы были письма от меня и от кн. Трубецкого. Я в сие время был еще тяжело болен и подробностей отправления совсем не знаю, почему и не могу теперь вспомнить, на сию поездку откуда даны были деньги.

ж) Строение гендриковского дома начато было и производимо по отъезде барона Шредера в Берлин, но окончано совсем, помнится, по его уже возвращении.

О переписке иностранной показал я со всякою искренностию на обороте страницы и здесь еще повторю, что с берлинскими Вельнером и Теденом при жизни Шварца имел он, а по смерти его барон Шредер; когда же бывал он в Берлине, в то время переписку с ним вел кн. Трубецкой. По последнем его с Кутузовым отъезде в Берлин в начале 1787 года и по сие время вел переписку с обоими князь Трубецкой. Да с Кутузовым вели переписку Ив. Вл. Лопухин и Ив. Петр. Тургенев. Я от Кутузова получил, кажется, два письма и к нему же писал два письма; как показано там, просто дружеские. Но чтобы по смерти профессора Шварца, при жизни которого писали к герцогу Брауншвейгскому в конце 1781 и в начале 1782 годов (о сих письмах показано мною выше), была переписка с каким-нибудь принцем, о том я совершенно не знаю. Вся переписка состояла токмо в вышеозначенном, и сколько мне известно, то и быть не могла, разве имел барон Шредер или кто другой совершенно от меня закрытую, того не знаю. А что я кроме герцогской ни о какой переписке с каким-нибудь

принцем совершенно не ведал и не ведаю, в том дерзаю призывать бога во свидетели.

з) Кутузов жил на общем нашем коште, но, кажется, два года тому назад или побольше, верно не помню, как мы с Гамалеем по причине сделавшихся крайне трудных денежных оборотов по делам Типографической компании от посылки денег совсем отказались; и с того времени кн. Трубецкой и Ив. Вл. Лопухин посылали от себя. Послан он был, как показано мною на обороте страницы, по дозволению из Берлина, о котором объявил барон Шредер, для ближайшего и точного наставления в орденском учении и в химических упражнениях, с тем чтоб впредь не было нужды быть при нас иностранному и чтобы тамошние узнали хотя одного из русских сами лично, а не по словам других, и когда сие молчание, или бездействие, окончится и воспоследует опять дозволение о начатии попрежнему орденских упражнений, то чтобы он возвратился обученным для наставления и других, и какие дозволено будет сообщить тогда вновь акты, оные с ним доставлены будут. С того времени как поехал, живет он там и обучается, ожидая вышепоказанного дозволения; другой или иной какой причины поездки Кутузова в Берлин и столь долгой бытности его там я совершенно не знаю, в чем паки дерзаю призывать бога во свидетели, да и уверен, что другой причины и нет, либо я совершенно обманут.

Возражение. Говорит он, что-де я никак не думал, чтоб масонство было противно правительству. Сие самое доказывает, что он не мыслил о повиновении, а меньше о исполнении положительных государственных законов, коими точно всякие тайные сборищи запрещены, но он сего, конечно, не внимал, да и внимать не хотел, а чтоб они публично собирались, то обличается сия неправда тем, что в писанных рукою его о их сборищах актах называет те сборищи тайными. А что он и другие показанные в его написании, как то к. Трубецкой и другие (как то из бумаг его видно), имели переписку с принцами Брауншвейгским, Кассельским и с прусским министром Вельнером и другими без позволения правительства и были просителями о принятии их под свое покровительство и управление, а сим самым предались они им в совершенную подчиненность; сии их поступки, будучи подданными самодержице, никак почесть нельзя благонамеренными, а можно заключить, что они сие делали с нарушением государю и государству должных обязательств.

В сем же пункте говорил он, что-де всю большею частию переписку в Берлин с Кутузовым и Шредером имели к. Трубецкой, Тургенев и Лопухин, то кажется, нужно у них взять бумаги и о всем спросить, из чего можно больше получить сведений о их деяниях и всей связи, ибо Новиков говорит, что-де от их сборища почти как удалялся.

По изъяснении им о своей непорочности и усердии к закону божию сказано было при написании им второго ответа, что буде б ты был таков, как о себе говоришь, то могли б вы, удержась правил святыя церкви и евангелия,

прибегать к неведомому человеку Рейхелю и со слезами просить о учении тебя закону, имев ты знакомство с российскими пастырями, и, конечно, просвещенными и сведущими закон божий.

4. *Вопрос.* Кто с тобою были в сем участники, о коих показать о каждом порознь, время вступления с тобою в связь и какие имели они к тому достоинства, отнюдь не закрывая никого?

Ответ. Из петербургских масонов остались и в Москве с нами в связи: 1) Ив. Петр. Тургенев, 2) Алексей Михайлович Кутузов, 3) Вас. Васил. Чулков. Сии трое по дружескому знакомству и по привязанности своей к масонству, находясь в Москве, в связь вступили.

По московскому же знакомству соединились: 1) кн. Никол. Никит. Трубецкой, 2) кн. Юрий Никит. Трубецкой, 3) Михайло Матв. Херасков, 4) кн. Алексей Александр. Черкасский, 5) кн. Енгалычев, 6) Фед. Петр. Ключарев, 7) профессор Чеботарев. Сии шестеро по короткому знакомству с домом и ложею кн. Н. Н. Трубецкого с самого приезда моего в Москву в 1778 году.

1) Барон Шредер, 2 и 3) оба Татищева, 4) Осип Алексеевич Поздеев, 5) Тусен, иностранный купец, были и другие иностранные в знакомстве профессора Шварца, но те и при нем с нами почти знакомы не были, а по смерти его совсем остались, а считались всегда принадлежащими к начальству Татищева. Сии знакомы чрез профессора Шварца.

1) Иван Влад., 2) Петр Влад. Лопухины, 3) Семен Иван. Гамалея чрез Тургенева познакомлены, кажется и в масоны им приняты.

1) Алексей Федорович Ладыженский и 2) брат мой, один по свойству и по старому дружеству, а другой по родству.

О находящихся под начальством Ив. Влад. Лопухина, здесь не упомянутых, я здесь не упоминаю для того, что я почти всех их не знаю; и сие говорю не из укрывательства, но истинно, но между взятыми у меня бумагами должен быть им список, который он ко мне прислал в деревню.

О других также, которые были с нами, но после совсем расстались, не упоминал я здесь потому, что не мог вспомнить, да и тех, которые и остались в нашем знакомстве, но ни в правлении масонском, ни по компанейским делам никакого участия не имели, я не упоминал же, но ежели приказано будет по окончании сего, сколько упомню, особо напишу. В ответе моем на 3-й пункт сказано: сколько мог я упомнить, со всякою искренностию, кто когда присоединился, намерение или побудительная причина у всех была одна привязанность к масонству; зачинщиком или главою я не был, но все, которые в управлении по масонству и по делам Типографической компании участие имели, были равны. Здесь

я покажу тех и других: по масонству: профессор Шварц, барон Шредер, двое Трубецких, я, Кутузов и И. Вл. Лопухин, Тургенев и Гамалея. Сии полное имели управление делами масонскими и все равны; к сим прибавить Татищева, но только до 1786 года, а когда в то время все ложи уничтожены, то и его в правлении участие пресеклось. В компанейских же делах: все те же, исключая Тургенева. Сии же хотя и были члены компании: Петр Вл. Лопухин и Алексей Федорович Ладыженский, брат мой, Вас. Васил. Чулков, к. Енгалычев и кн. Черкасский, но они только что имели сведение о делах, и когда все члены компании собирались, тогда они в советовании и соглашении участие имели, и больше никакого, равно и по правлению масонскими делами, они участия не имели.

Возражение. На сей пункт изъяснения нет потому, что сказано, о чем следовало, в третьем пункте.

5. *Вопрос.* С какими обрядами, как ты взошел в сию секту, так и сотоварищи твои и последователи твои, и на каких условиях?

Ответ. При профессоре Шварце принят я был в теоретический градус и в орден в первый класс без всяких обрядов, потому что тогда и градусы сии переведены не были, другие же по моему начальству к. Трубецкого, хотя я и не знаю, однако думаю, что также никаких условий не делали, кроме предварительных удостоверений, сколько то возможно было, и что показано в ответе моем на третий пункт.

Возражение. Хотя в сем пункте и говорит он, что-де он принят без обрядов, но сие неправда; ибо обличается он писанными его рукою актами, с какими ужасными клятвами, целованием креста и евангелия, называя сию клятву секретною присягою, и другими непозволенными обрядами принимались в сие сборище.

6. *Вопрос.* По законам государственным присяга установлена для служения государю и государству, а инаково оная никому не принадлежит, но вы в противность сего, однакоже, делали присягу при приеме, как из бумаг ваших видно, да еще и секретную, а к тому же и чужестранцам, почему и должен ты открыть всю истинную и изъяснить все обстоятельства, для каких причин ты и собратия твоя ту присягу чинили, и какие виды в том имели, и чему из того быть надеялись?

Ответ. О присяге в таком смысле, в каком она изображена в 6-м пункте, мы и не воображали, а ежели бы так, то никто бы не стал делать оную; в масонстве она всегда употреблялась как в ложах Ив. Перфильевича, рейхелевских, кн. Гагарина и преж-

них наших, и оную принимали не за что иное, как за обещание партикулярное, и вошло в привычку, и сие продолжалось до вступления нашего в орден, а после присяги у нас не деланы, ибо они отменены, о чем особливое есть постановление, к нам присланное, которое находиться должно между взятыми от меня бумагами. Но принимаемому только читали оную и сказывали, что прежде делали такую присягу и тому подобное; когда же она делана была, то делана по легковерности и необдуманности с этой стороны, но точно в таком понятии, что это как партикулярное обещание или божба в сохранении или молчании, что он увидит и услышит, и прежде делания присяги он уверяется, что там противного ничего нет, ежели же бы после сего уверения увидел он что против бога, государя и государства, то присяга бы ничего не значила, потому что принятый был бы обманут, и он остался бы свободен не только что отстать, но и донесть о том правительству. С нашей же стороны умысла или какого злого намерения при сем не было никакого; в сем паки дерзаю призывать бога во свидетели, который все видит, все знает, все слышит и пред которым все наисокровеннейшие сердца человеческого помышления суть явны, что мы никакого злого умысла не имели.

Дополнение. О делании присяги к показанному мною на той странице не знаю, что иное сказать еще, кроме следующего: в масонских градусах делалась сия присяга у нас и в теоретическом градусе до получения того приказания, о котором я на той же странице показал; но в которое точно время получено сие приказание, истинно не помню. После же сего получения делано было так: ему прочитают присягу без его повторения, и мастер спросит у него: соглашаетесь ли вы сие исполнять? и когда он отвечает, что соглашается, то он ему говорит: дайте мне руку, как честный человек. В ордене же и в теоретическом градусе и в масонских градусах, вообще когда делана она, точно как обещание в сохранении того, что в котором градусе ему открывается, и в послушании начальникам по тому, что ему открыто, и по сделании присяги начальник не имеет права требовать от меня ничего больше, кроме того, что мне открыто, и я не обязываюсь ему повиноваться; и точно такая зависимость между мастерами и учениками по его художеству или мастерству. Другого же понятия я о присяге не имел, да и уверен, что другие не имели, а чтобы сия присяга делана была начальнику одному или многим, и так, как власти, чтобы во всем повиноваться, что он ни прикажет, такой присяги не делывали, да и в помышлении у нас не было, и не делали бы. И когда бы потребовали чего противного, как то измены, возмущения и подобного тому, то в то же самое время открылся бы обман их и коварство; потому что потребовали бы того, что в той присяге не содержалось, и ему того тогда открыто не было, и в учении

того градуса не находится. И сия присяга не есть безусловная, но обещание совершенно условное. Что касается до открытого евангелия, то оно не в то время открывается, когда делают сию присягу; но с самого начала до окончания лежит оно открыто на евангелисте Иоанне, и точно на первой главе, а не на другом месте; и чтобы полагался крест и целовали крест и евангелие, сего совсем не знаю, в котором бы градусе полагался крест, или по крайней мере совершенно не могу вспомнить.

Возражение. Что хотя он и говорит, что-де сию присягу вменяли они ни во что, а наконец-де принимали и без присяги; но и сего его изречения истинным почесть не можно, потому клявшись такою клятвою и целовав крест и евангелие, да еще пред святым алтарем и жертвенником (так он в своих ответах писал), а посему можно усумниться, чтоб он сохранил и данную государству в верности быть; из-за сего можно ли же уже верить теперешнему показанию? А сверх сего в актах, писанных им, сказано, чтоб правительству о тайне орденской никакою грозимою казнию не открывать, а посему можно ли его почесть надежным государству членом.

7. *Вопрос.* В России сколько лож, и где оные состоят, и кем и когда оные заведены, и кто в оных?

Ответ. От нас зависевшие ложи все, как показано мною в ответе на 3-й пункт, в 1781 году [?] еще уничтожены, а сколько мог в памяти собрать, показал все, без всякого укрывательства; также где оные были, когда и кем они заведены и кто ими управлял. После же того наших лож не оставалось, есть ли же какие ложи в России или нет, которые с нами в союзе и знакомстве не состоят, о том истинно не знаю.

Дополнение. О ложах и членах пишу я особо со всею откровенностию, сколько могу упомнить. Здесь ничего больше не знаю сказать, кроме сего, что сперва, покуда упражнялись в английском масонстве, то почти играли им как игрушкою; собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало. Я по сему масонству знал только четыре градуса; так я и говорю по своему знанию, а вышних по тому масонству 5, 6 и 7 или еще какие были я не знал, так я и ведаю, что они знали. Носили ленты со знаками; ибо в том масонстве, начиная с 4-го градуса, во всяком была особая лента. В 4-м градусе была лента красная с зелеными каемками, на которой привешен был знак, изображающий прямоугольный треугольник и циркуль; а на шее, помнится, на зеленой ленте еще знак. На звезде изображение креста со св. Андреем Первозванным. В других градусах были ленты черные с белыми каемками, зеленые, фиолетовые и еще не помню. При давании сего знака св. Андрея

на зеленой ленте сказывали, что братья шотландские избрали себе св. Андрея особенным покровителем, в память чего и дается сей знак. Больше сего изъяснения не знаю. А знали ли что-нибудь другое те, которые имели вышние градусы, о том истинно не знаю. В шведском масонстве также носили ленты, но каких цветов, истинно не знаю. кроме одной, которую я видел на кн. Гагарине, помнится, фиолетовой, а какой был знак, не помню. В рейхелевском масонстве в четвертом градусе была лента черная с белыми каемками. У нас же в Москве употреблялась она токмо до тех пор, пока вступили в орден, и по смерти Шварцевой скоро они все брошены. И у нас только употреблялись три градуса масонские: ученический, товарищеский и мастерской. После сего давали теоретический градус, из которого уже в орден вступали по особливым прошениям и по дозволениям из Берлина, которые делались весьма медленно. Наше дозволение пришло, кажется, чрез полгода. Больше сего истинно не знаю по причине моей слабости, в которой нахожусь, и по давнему всего оного неупотреблению, а не из укрывательства.

Возражение. И тут говорит неправду, ибо как в прошлом, так и в нынешнем годах были здесь сборищи под ведением Ленивцова, о чем и рапорт к нему прислан.

О ложах сказано в 3-м пункте, а после и особое описание.

8. *Вопрос.* Какое право вы имели, так и называемое вами братство входить в тайные обязательства с обществами иностранных и подвергать себя зависимости и верховной власти оных, какой вид имели отправить туда депутата и кого именно?

Ответ. Права не имели никакого; но по утреблению, какое прежде было в масонстве, нам известному, что при правлении масонством его высокопревосходительством Ив. Перф. Елагиным подобное обязательство сделано в Стокгольме князьями Куракиным и Гагариным со Швециею, не почитали мы это непозволительным и думали еще, что мы осторожнее поступили, потому что мы не подвергались никакой верховной власти и зависимость наша была весьма ограниченная и состояла только в том, чтобы быть в сношении братском с немецким масонством под управлением герцога Брауншвейгского; зависимость наша состояла в том, чтобы признавать его великим мастером всего масонства, да и сия связь, как показано мною в ответе на 3-й пункт, как помнится, в 1782 году совсем прервана, и мы даже забыли об этом. Какие же имели виды и кто туда был отправлен, подробно и верно, сколько мог только в памяти собрать, показал я в ответе на 3-й пункт и в заключение то же повторяю, что сказал в заключение 6-го пункта.

Дополнение. В сем пункте о прервании всякой зависимости союза, сношения и переписки так, как мною показано, есть справедливо и верно. Ибо говорено мною о прервании всего оного с немецким масонством, в котором находится герцог Брауншвейгский великим мастером, как помнится, в 1782 году. О том же, что мы состоим в связи и союзе с берлинскими братьями, я по всем местам моего показания нигде не отрицался и, сколько мне известно, везде показывал искренно и сколько могу упомнить. И сии две связи, брауншвейгская и берлинская, в моем понятии совсем различные, и потому, сколько мне известно, и уверен совершенно, что они совсем различные и одна с другою никакой связи не имеющие.

Возражение. Сей пункт довольно доказывает, что он и его товарищи искали зависимости от принца Брауншвейгского и что он есть великий их мастер, в системе ж их рукою Новикова сказано, чтоб великому мастеру во всем повиноваться, в другом же той же системы месте мастером каменщиков называется бог.

9. *Вопрос.* Уставы ваши дозволяют ли иметь с неприятелями государства переписку, ибо из бумаг ваших видно, что вы имели переписку с принцем Брауншвейгским и министром прусским, когда они были неприятели государству, так и с принцем Гессен-Кассельским; в чем переписка состояла, когда началась, какие от них получали ответы и какое они по той переписке сделали употребление?

Ответ. О переписке с герцогом Брауншвейгским сказал я со всякою верностию в ответе на 3-й пункт, а здесь повторяю: 1) Сделалась она совсем без намерения нашего. 2) Началась в 1781 году, прервана в 1782 г. 3) Состояла из письма к Татищеву, а другого ко мне и третьего, не помню, было ли, к кн. Трубецкому с его стороны и по ответному письму от нас: больше сего не было. 4) Содержали они в себе и его и наши одни комплименты. — Чтобы была переписка с принцем Гессен-Кассельским, совсем не знаю, и сколько ни старался вспомнить, не мог, нижѐ следов к тому. — Переписка с Вельнером состояла с моей стороны в одном письме благодарительном по вступлении в орден, а в другом уведомительном о смерти профессора Шварца и в одном письме от него на сие последнее, состоящее из комплиментов, сколько могу припомнить. Сколько же писал кн. Трубецкой к нему и от него получал, того не знаю, но в том уверен совершенно, что не могли они содержать ничего, кроме орденских материй; Кутузову и при отъезде сказано, чтобы он как скоро приметит хотя малейшее что-нибудь к политическим каким-нибудь видам наклонение, то чтобы тотчас из Берлина выехал; да и писано было к нему кн. Трубецким многократно, что как скоро о неприятельских действиях проведает,

тотчас бы выехал; с Кутузовым же переписку вел кн. Трубецкой регулярную, да, кажется, Ив. Влад. Лопухин и Тургенев переписку имели регулярную же, что же до меня касается, то я получил от него, помнится, два письма и сам к нему также два письма дружеских писал. В заключение же и сего пункта то же повторяю, что и в 6-м пункте.

Возражение. О сей переписке объяснено в 3-м пункте.

10. *Вопрос.* Князь Репнин имел ли сведение о переписке с чужестранными?

Ответ. Кн. Репнин имел ли сведение о переписке с чужестранными, совершенно не знаю, ибо сам я видел его сиятельство один только раз в жизни моей в ложе Ив. Перфильевича, и его сиятельство и в лицо меня не знает; от кн. Трубецкого я о сем не слыхал же, а знаком с его сиятельством Иван Владимир. Лопухин, и они с ним в связи, от которого также не слыхал я о сем, а потому и не могу наверно сказать, но по вероятности кажется, что, может быть, ему известно что о берлинской.

Возражение. Сделано на сей пункт изъяснение ниже сего.

11. *Вопрос.* Какие переписки имели вы с князем Репниным, с Куракиным и Плещеевым и знали ли они о берлинском постановлении?

Ответ. Что касается до его сиятельства кн. Репнина, то ниже подозревать могу, чтобы кроме Ив. Влад. Лопухина были в переписке; с его же сиятельством кн. Куракиным, кажется мне, не ошибусь, когда наверное скажу, что никто из нашего знакомства с ним никогда в переписке не был. — О Плещееве также не знаю, кто с ним в переписке; разве кн. Ив. Серг. Гагарин, ибо я знаю, что он с ним знаком.

Дополнение к пунктам 9 и 11. Ежели же деланы были кн. Куракину какие предложения по поводу письма принца Гессен-Кассельского, то сие разве делано Шварцем кн. Гагарину, а им Куракину. Но сего верно не знаю, а другого канала также не знаю.

О Плещееве; знакомство сие должно быть делано чрез кн. Ивана Сергеевича Гагарина с Поздеевым, и в переписке с ним должен состоять Поздеев. Равномерно не знал я и о том, кто управляет Плещеевым и что он назначен к принятию в теоретический градус, до показания мне здесь бумаг, писанных ко мне Лопухиным, потому что хотя сии бумаги и взяты у меня, но они лежали запечатанными в пакете, так, как он мне их отдал, распечатан же сей пакет теми, которые осматривали. И сие говорю по

истине, как оно ни кажется маловероятным, те, которые осматривали, могут засвидетельствовать, что сии бумаги были запечатаны, и потому-то я в 11 пункте об этом умолчал, что не знал. Также и о том не знаю: лично ли Ив. Вл. Лопухин с ним знаком или нет.

Возражение. Сделано на сей пункт изъяснение ниже сего.

12. *Вопрос.* Известно, что за двумя сделанными вам по соизволению ее императорского величества запрещениями и за взятыми с вас подписками вы осмелились печатать и продавать такие книги, которые отвращают людей от церкви и христианския веры, так, как и от повиновения власти; а потому и оказался ты преступником законов, и хотя ты в сем преступлении и винился, но, однакоже, того, для чего ты осмелился продавать, даже и по ярманкам рассылать те вредные книги, не сказал, чего ради должен ты открыть самую истину, из какого подвига ты сие делал, и кто тебе в оном помогал, и чему из такого вредного рассеяния быть надеялся?

Ответ. По сему пункту, как в московском моем допросе, в рассуждении дозволения продавать те книги с прочими, данного мною московскому купцу Кольчугину, повергал уже себя и ныне вторично, яко виновный, к стопам ее императорского величества себя повергаю, осмеливаясь испрашивать монаршего ее величества милосердия. Печатаны же они после запрещения в другой раз не были. Как же продавал и посылал ли тот купец Кольчугин, у которого они все и были, те книги по ярмаркам, о том неизвестен, и к продаже тех книг и поныне с ним счету не было. Согласился я позволить продавать по необдуманности о важности сего поступка; злого же намерения в рассуждении сих книг не имел никакого.

Но сие меня не извиняет, и я в сем поступке с искренним раскаянием повергаю себя к стопам ее императорского величества, дерзая испрашивать монаршего милосердия. Побуждения к сему соглашению моему другого не было истинно, кроме корыстолюбия. — И помощников в сем поступке никого не было, кроме помянутого купца Кольчугина, который их у себя в сохранении имел.

Дополнение. Оригиналы сих книг, с которых они были переводимы, привезены были с другими книгами Шварцем, а с собою ли он их привез или после получены, не помню потому, что книги были и с ними получил он чрез рижского книгопродавца. Были ли же они осматриваны в таможне, о том не знаю.

Возражение. О продаже запрещенных книг хотя и говорит, что-де продавать велел из корыстолюбия, а по городам не рассылал, а разве-де рассылал Кольчугин; но о сем говорит неправду потому, что письмом, писанным к нему с Дону от адъютанта атамана Иловайского Попова, который его уведомляет о полученных им на Дону книгах, так, как и в Казани. Сей Попов

из донских казаков и учился в университете, а потом принят в их сборище, а после сделан к атаману Иловайскому адъютантом; в том же письме пишет, что он с докладу Иловайского о продаже книг сделает на Дону публикацию, а теперь-де положены книги в войсковом доме.

13. *Вопрос.* Кто те книги сочинял, переводил, цензоровал и известны ли были о сем начальники университетские?

Ответ. Кто сочинял те книги, о том неизвестно, а переводили: «Химический псалтырь» с немецкого языка Кутузов, «Карманную книжку и братские увещания» с немецкого же языка переводил Оболдуев майор; «О заблуждении и истине» с французского языка бывший тогда университетский студент Страхов, а ныне профессор; «О древних мистериях» и «Хризомандер» с немецкого языка переводил студент же университетский Петров; «Апологию» с немецкого же языка переводил Тургенев. Цензура сим книгам была управа благочиния. Университетским начальникам не могли они быть неизвестны. Печатаны сии книги в типографии Ив. Вл. Лопухина.

Возражение. Была ль цензура книгам, надлежит выправиться в управе благочиния, удивительно, что университетские начальники, видя те книги, позволили не только печатать, но и продавать; а что они и Новикову казались дурными, то для сего-то и печатаны оные были в секретной у Лопухина типографии.

14. *Вопрос.* Как запрещенные книги у тебя были осматриваны, то каким образом ты их скрыл и отвез па старый монетный двор и типографские лавки и кто тебе к сокрытию тех книг помогал?

Ответ. Когда осмотр был книгам, в которое время сии в 13-м пункте показанные книги запрещены, то он сделан был только в книжной университетской лавке, и сколько их тогда в лавке было, те и отобраны и запечатаны печатью управы благочиния. В книжном магазине в первый раз осмотру не было, а потому они там и оставались без всякого укрывательства, но я и по сему пункту себя не оправдываю, но только показываю, как происходило; ибо когда я узнал о высочайшем повелении оставить сии книги запечатанными, то должен был объявить об оставшихся, но я сего не сделал, а вместо того, по прошествии не помню сколько времени, отдал их помянутому купцу Кольчугину на сохранение, у которого они и находились до нынешнего времени; почему, по сему пункту с раскаянием признавая свою вину, и повергаю себя к стопам ее императорского величества, испрашивая монаршего

ее милосердия. Участников же в сокрытии их других не было; а знали об этом все члены, которые показаны мною выше участвующими в правлении делами компании.

Возражение. Как запрещенные книги взяты только из книжной лавки, а в магазине осмотра от управы благочиния не было. Сие упущение сделано, кажется, не дельно, однакож после взятья из лавки книг те ж самые книги, бывшие в магазине, все их сборище продавать осмелились.

15. *Вопрос.* В Москве в ответе своем говорили вы, что те запрещенные книги печатали только для раздачи масонам, но на самом деле оказалось, что вы их пускали в продажу, а сверх сего называли те книги нравственными, против вольнодумов. Сии твои изречения обличают твое коварство и сокрытие дурных твоих намерений, по самому благоразумению доказываешься ты таковым, потому что буде бы были они нравственные, то правительство тебе печатать оные не запретило, да буде бы и сам ты их таковыми считал, то не было бы нужды отдавать их только одним масонам, а посему и должен ты о сем самую истину показать.

Ответ. В московском моем на допрос ответе говорил я о тех книгах, которые печатаны были в особливой типографии и взяты ныне у меня в деревне. Сии книги истинно печатаны были с тем намерением, чтобы их употреблять только между собою, а в продажу не употреблять; и истинно, что из них кроме масонского магазина ни одна книга за деньги не была отдаваема. Масонский же магазин давали за деньги, и то только масонам в ложах, а посторонним не продавали, а печатано было всех сих книг, которые взяты у меня в деревне, не больше как по 300 экземпляров, а масонского магазина печатано было по 600 или по 1200 экземпляров каждой книжки, не помню, а разошлось их по немногу. Переводили сии книги все свои члены: кн. Трубецкой, Кутузов, Гамалея, Тургенев с немецкого языка и одну книгу с французского языка Багрянский, а посторонним сих книг переводить не давали. Все сии книги печатаны были в особливой типографии, которая была в том доме, в котором жил прежде профессор Шварц, жили и студенты, а после и при бароне Шредере. Когда же г. обер-полицеймейстер Толь осматривал покои, в которых собирались ложи, и также и те, в которых жили студенты, то мы, убоясь, с общего согласия, ночью уклавши все те книги на подводы, отправили в подмосковную деревню кн. Черкасского; увязывали и укладывали сами с приехавшими людьми кн. Черкасского. У него же в деревне лежали они, кажется, года с полтора: но как он сказал, что они лежат в сыром покое и начинают гнить, то и согласились перевезть их ко мне в деревню, где они и лежали до взятия. Дом этот куплен был при Шварце на имя Лопухина и года с три назад как продан. Все сии книги печатаны с согласия всех, которые

показаны управляющими. Типография состояла из двух только станов и отделена от заведенной под именем Лопухина типографии и считалась под его именем, а между нами она называлась тайною типографиею, потому что она ни в счетах, ни в чем с университетскою, бывшею у меня, ни с компанейскою ни в чем сообщения не имела, и рабочие люди из тех типографий в эту не ходили, а наняты были особые из немцев, которые тут же в доме жили, и плата им производилась особо. Все сии книги напечатаны были в этой типографии, а кроме сих книг других никаких, которые в продажу употреблялись, книг печатано не было; печатали сии книги истинно с тем намерением, чтобы употреблять только между собою, а не для рассевания, потому что мы их почитали важными и давали между себя, с тем чтобы их никому не показывать и читать не давать. В цензуру управы благочиния отдавал их Ив. Вл. Лопухин, но все ли они были цензурованы, не могу упомнить, и по напечатании каждой книги подписанные листы брал он к себе для сбережения. Корректуру, или поправку, во время набирания сих книг держали сами и корректорам не давали. Все сие написал я не во извинение, но только чтоб сказать все обстоятельства, до сих книг касающиеся. Мы виноваты потому, что печатали их с намерением хранить тайно и сокрывали их и прятали. В сем себя как одного из виновников искренно признавая и раскаяваясь в сем поступке, повергаюсь к стопам ее императорского величества, со слезами испрашивая монаршего ее величества милосердия и помилования.

Возражение. В переводе, печатанье, и в укрывательстве при осмотре, и в продаже после осмотра виновны не один Новиков, но все их сборище, ибо они видели, что те книги для государства вредны и уже правительством запрещены, но они, однакож, и за сим печатали тайно и продавали, то сие не явное ль противу правительства умышленное преступление.

16. *Вопрос.* Открыться ты должен о взятии на откуп университетской типографии, каким образом и чрез кого ты оную получил, кто тебе в оном помогал и из каких видов?

Ответ. Ко взятью на откуп университетской типографии поводом и случаем было мое короткое знакомство с домом князя Николая Никитича Трубецкого и Михайла Матвеевича Хераскова. Когда поехали они из Петербурга в Москву, то звали меня, и я обещался приехать хотя на короткое время в Москву. В 1778 году был я в Москве и был в доме у них весьма часто, слышал многократно неудовольствие его на типографию; я, выпрося дозволение осмотреть оную, после сообщил мое намерение Михайлу Матвеевичу и князю. Он поручил директору университета со мною торговаться, и я остановился на 4500 р. чистого доходу университету.

За всем оным содержанием, типография была крайне в худом состоянии; и газет больше не расходилось, как от пяти до шести сот. Представлено было его высокопревосходительству Ивану Ивановичу Шувалову, у которого я по приезде в Петербург был наконец по происходившим у них перепискам, с прибавкою еще некоторых выгод университету, его высокопревосходительство кондиции мои апробовал и послал в Москву ордер на сих кондициях заключить со мною контракт, который в 1779 году в апреле и заключен. Пристрастного же пособия или взяток и тому подобного истинно ничего не было, да и быть не могло, потому что университет едва ли имел половину сего дохода. И сие все начальники университета свидетельствовали, что кондиции мои университету были весьма прибыточны. Похлебственного же интересного пособия не было никакого ни от кого, что объявляю по сущей справедливости.

Дополнение. В дополнение 16-го пункта о взятии университетской типографии на откуп, что касается до собственного моего побуждения к сему, то, признаваясь искренно, скажу, что хотя любовь к литературе и великое в сем подвиге участие имела, но главнейшее побуждение было, конечно, гордость и корыстолюбие; ибо я видел, что типография была в крайне худом состоянии, и я по знанию моему надеялся в скором времени ее поправить и тем себя выказать. Второе, что тогда типография сия была во всей Москве одна, чрез что и надеялся иметь великий прибыток, и располагался так, чтобы, продержав 10 лет типографию, сие упражнение оставить и спокойно жить в деревне.

Возражение. Хотя Новиков и показывает, что-де типография взята на откуп без всяких видов, но сие неправда; ибо сам он говорит, что отдача оная сделана по препозиции Хераскова, а как Херасков есть тут директор, а их сборища товарищ, то тут не явный ли умысл к обогащению себя, а казне убыток; доказательно сие тем, сам Новиков в Москве показал, что он в четыре года барыша получил 150 000 руб., а из сего довольно ясно, как продажею книг грабил публику, а посему можно ли, как он себя почитает, благонамеренным и непорочным, держась истины, назвать.

17. *Вопрос.* Открыть вам самую истину о всех поборах, при приеме в ваши ложи людей, и до какой суммы в год, а как известно, что живущие в России называемые вами масоны дают подати чужестранным, то объявить вам, сколько тех податей из России выходило и кому именно?

Ответ. Во всех масонских ложах, с нами бывших, по возвращении профессора Шварца заведенных, при вступлении в ложу и при повышении в градусы совсем никаких поборов не было от вступающих, кроме предписанного, чтоб во всяком собрании ложи

собиралось на бедных в кружку, кто что хочет дать, и таковые деньги, сколько их собиралось, оставались в той ложе в распоряжении мастера ложи и членов, и что в течение года собиралось, то и раздаваемо было не нищим, которые ходят по улицам, но осведомлялись о бедных и больных; других же поборов в ложах не было никаких, кроме что когда содержаны были студенты, то сколько кто смог и хотел, давали в помощь их содержания, которые деньги и отдавали профессору Шварцу, а по смерти его, помнится, поручено это было князю Енгалычеву; при вступлении в теоретический градус по предписанию каждый давал по 7 р., и сии деньги, сколько могу упомнить, отдаваны были на содержание студентов же. К чужестранцам же при профессоре Шварце взял от меня для пересылки на корреспонденцию 300 р. и сказал, что послал из них 200 р. к Вельнеру и 100 р. к секретарю герцогскому по масонству. После еще при бароне Шредере, помнится, 300 р. послано, или в бытность его в Берлине сам он отдал, подлинно не помню. Больше же этой посылки мне известной не было.

Возражение. Что касается до поборов, даваемых великому их мастеру, так, как и в сбирании ими при приеме в их ложи приходящих сборов, хотя он и не признается, но, кажется, без обоих сих издержек и поборов обойтиться нельзя; но как из бумаг его к обличению его в сем не видно, просителей же нет, то можно сие и оставить.

18. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что в братстве, как вы называете, есть архиепископы и епархии, то объяснить вам, сколько у вас архиепископов, кто они таковы, кто их посвящал, также сколько епархий и кто их установил?

Ответ. Ни архиепископов, ни епархий никаких между нами нет и не было.

19. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что собираетеся в освященные храмы, а как по положению святых отцов и святейшего синода никакой храм, где приносится жертва богу и совершаются тайны Христовы, не может инако посвящен быть, как по соизволению синода и епархиального епископа, то и объяснить вам, кто ваши храмы посвящал и когда?

Ответ. Хотя между бумагами, в которых и находится изречение: священные храмы, но это не что иное, как одно только изречение, по употреблению о ложах говоримое, а не самая вещь. Действительно же храма, нижѐ посвящения не было никакого между нами.

Дополнение. В пополнение 18 и 19 пунктов: что между нами не было ни архиепископов, ни епархий, ни посвященных храмов, сие по самой справедливости утверждаю. Ежели же слова сии в

каких наших актах или градусах находятся, то разве употреблены переводившими для придания большего уважения, так, как комнату, в которой было собрание масонское или ложи, называли храм, и тому подобные другие слова.

Возражение. Хотя он и говорит, что епископов, ни епархий, ни священных храмов в самой вещи не было, а только-де в ложах были о сем одни изречения, из сего судить можно двояко, если подлинно были, то сие противно законам церкви и правительству, буде же не было, то они не сущие ль обманщики своих товарищей и отвратители от пути истины? Ближе же всего заключить можно, что епархиями они именовали в разных местах их ложи, а мастеров называли епископами.

20. *Вопрос.* Из бумаг ваших видно, что вы имеете носить орден и называете его святым, а как в России кроме помазанника божия, то есть государя, никто ордена возлагать не может, то объяснить вам, как вы осмелились украшать орденами свою собратию, да и называете еще то святым, что значит сей орден, за какой подвиг дается, кем установлен, на каких правилах и из какого вида?

Ответ. Слово орден, в бумагах наших находящееся, не означает ордена возлагаемого и носимого, но говорится и употребляется о обществе этом, которое и называется орденом; кем же сие общество или орден установлен и когда, сие от нас еще было сокрыто и известно не было, что явно по всем нашим бумагам; а только называется он истинным и древним орденом. Такого же ордена, каков изображен в сем пункте, мы не получали и не давали, и его не было, а были, как и во взятых бумагах содержатся, знаки гиероглифические по градусам, которые надевали во время собрания, и кто то место занимал, тот и надевал тот знак, а когда другой заступал его место, то надевал этот знак; а прежде надевавший его не мог уже употреблять того знака, и такие знаки к людям не принадлежат, но месту.

Дополнение. Что слово орден, в бумагах наших находящееся, не означает ордена носимого, но говорится об обществе, то вспомнил я, что в тех же бумагах вместо ордена называется институтом и другими словами. Но самого же ордена или даваемого у нас, сколько мне известно, истинно никакого не было и нет, кроме гиероглифических знаков, о которых там показано. Что касается до показанного знака с изображением на звезде св. Андрея Первозванного и на зеленой ленте привешенного, то сей знак есть старый, который употребляем был в ложах Ив. Перф. Елагина в 4-м градусе, который носили в тех ложах на шее, о чем от меня показано в сем дополнении выше на странице, где говорено о ложах и членах. Также и о том, что я показал, что от нас сокрыто еще, кем

сие общество и когда уставлено. Сие во взятых бумагах орденских явно, что сие не было нам открыто. Да и потому также явно, что ежели бы нам все уже было открыто, так бы нам уже не было нужды ни в чем просить их позволения.

Возражение. Об ордене хотя и говорит, что у них никакого ордена не возлагают, но сие сказана неправда, потому что из бумаг их видно, что они называют его святым и делают ему присягу с ужасною клятвою, а к тому ж в бумагах его найден крест Андрея Первозванного, о чем он в особом пункте ниже сего изъяснил, но также скрывает о ношении оного потому, чтоб избегнуть за самовольное сего (sic) ордена законного осуждения.

21. *Вопрос*. Взятая в письмах твоих бумага, которая тебе показывана, чьею рукою писана и на какой конец оная сохранялась у тебя?

Ответ. Здесь, не говоря еще ничего, яко совершенный преступник в истинном и сердечном моем раскаянии и сокрушении, повергаю себя к стопам ее императорского величества, яко не достойный никакого милосердия и помилования, но повинный всякому наказанию, которое воля ее императорского величества мне определит. Сие истинное и сердечное мое раскаяние исповедаю пред богом спасителем моим и пред его помазанницею, ее императорским величеством, и повергаю себя к стопам ее, ожидая своей судьбы от воли ее, и все искренно открою. Бумага сия, показанная мне, писана рукою коллежского советника Баженова в 1775 году в конце или в начале 1776 года. Баженов, кажется, в 1774 году сделался знакомым нам чрез Карачинского, Василья Яковлевича; Карачинский был уже масон и с нами в связи, а после и Баженов также принят в масоны и сделался с нами поэтому коротко знаком. В вышепоказанном году ездил он в Петербург по своим делам, пред отъездом за несколько сказал он мне и Гамалее, что он по приезде будет у той *особы*, о которой в бумаге говорится, и сказал, эта *особа* ко мне давно милостива, и я у нее буду, а вить эта *особа* и тебя изволит знать, так не пошлете ли каких книжек. При сем он ли мне сказал, что слышал от купца, торгующего книгами в Петербурге, или я сам слышал от того купца, а купец этот, Глазунов, был пред тем в Москве и был у меня по книжным торговым делам, сего истинно не помню, — что для той *особы* искали в книжных лавках нового перевода Арндтова «О истинном христианстве». Я отвечал, что та *особа* меня знает только потому, что я раза два или три подносил книги, и не думаю, чтобы та *особа* помнила меня; однако мы посоветуемся с старшими братьями об этом, и как решимся, посылать ли эти книги или нет, я тебе после скажу; с тем мы и расстались. А где он об этом говорил, у себя ли в доме или у меня, не помню. Я послал к князю Трубецкому и сказал ему об этом, и советовалися об этом, а другие знали ли об

этом сначала, не помню; не помню же и того, был ли в то время в Москве барон Шредер, и ежели был, то знали об этом тогда еще барон Шредер и князь Юрья Никитич Трубецкой, ежели также был в Москве; наконец присоветовали мне книги послать, но подтвердить ему, чтобы он сам отнюдь не высовывался с книгами, а разве та *особа* сама зачнет. Книги ему отдал я «О истинном христианстве» и, помнится, еще избранную библиотеку для христианского чтения; мы оба его с Гамалеею сколько возможно просили, чтобы он сам не зачинал говорить и поступал с крайнею осторожностию. По возвращении его из Петербурга прислал он ко мне или к Гамалее сказать, что он приехал, и звать к себе; не помню, оба ли или я один прежде приехал к нему, где он сказал, что он у той *особы* был принят милостиво и книги отдал, и кое-что конфузно рассказал о том, что в бумаге писано, сказав, что он все напишет и привезет ко мне. Я об этом сказал князю Трубецкому, и он просил меня, чтобы я, как скоро получу от него бумагу, показал бы ему. По получении от него бумаги, читавши оную с Гамалеею, мы испугались, и ежели бы не для показания князю Трубецкому, то тогда же бы ее сожгли от страха, хотя и радовались милостивому принятию книг, и не верили всему, что написано. Я показал к. Трубецкому эту бумагу, ее читали и также видели, что он много врал и говорил своих фантазий, выдавая за учение орденское. Князь Трубецкой требовал у меня этой бумаги, но я сказал ему, что я несколько ее оранжирую и, переписав, ему ее отдам; тогда же решился этой бумаги Баженову не отдавать назад и протягивать это под разными отговорками, в самом же деле боялись его болтливости, и чтоб сколько возможно запретить ему ни с кем из братьев не говорить, кроме нас двоих с Гамалеею, и чтобы сказать ему, что из наших, кроме нас двоих, о сем никто не знает; что я исполнил, и после часто ему подтверждали и запрещали. Переписывая, я ее сократил и, все невероятное выкинув, отдал переписанную кн. Трубецкому, а эту оставил у себя. Здесь, как пред богом страшным судиею, как на страшном его суде, повергая себя к монаршим ее императорского величества стопам, исповедаю и внутренность моего сердца, как пред богом, открываю о двух пунктах: 1-й, что сей поступок не имеет никакого сношения с письмом принца Гессен-Кассельского к профессору ли Шварцу, присланным или в бытность его в копии данным, чего совсем не помню, и это по смерти его, профес. Шварца, и со всею бывшею с герцогом Брауншвейгским связью совсем из головы у нас вышла. Да и при жизни его почитали это намерение вредным для государства, и для искания нашего по масонству, и для нас самих и принимали за фантазию, никогда сбыться не могущую; и потому всегда сему намерению противились внутренно. При сем вспомнил я, что союз, сделанный с князем Гагариным, о котором я в ответе моем на третий пункт показал, что совсем не мог вспомнить, как

и по каким обстоятельствам здесь был; подробно вспомнить и верно не могу и боюсь, чтобы не оклеветать напрасно, поскольку могу вспомнить, то кажется, что по поводу письма принца Гессен-Кассельского с кн. Гагариным сделано было соединение; то и сию истинно говорю, как пред богом, что по смерти профессора Шварца обо всем этом союзе и рыцарстве иначе не вспоминали, как в шутку. Сие еще по самой истине утверждаю, что тот поступок с сим по бумаге Баженова о упоминаемой *особе* никакого сношения не имеет. 2-й, что по получении в наши руки бумаги сей, Баженовым писанной, никакого намерения, нижѐ поползновения к какому-нибудь умыслу или беспокойству и смятению не имели, ни в мысли не входило; сие пред самим живым богом и пред стопами ее императорского величества исповедаю и утверждаю и готов кровию моею запечатать. От князя Трубецкого услышал я после, что из этой Баженова бумаги сделана еще кратчайшая выписка о образе мыслей той *особы* и по переводе отдана барону Шредеру, который хотел об этом писать в Берлин, и по сему-то его, барона Шредера, письму был ответ под № 12, в следующем, «22», пункте упоминаемый. После того ездил еще Баженов в Петербург в 1787 или 1788 года, не помню, он просил опять, чтобы с ним послать к той *особе* книг, и тогда по совету же дана мною книжка, извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского, и еще на немецком языке, книга «О таинстве креста», и эту с тем, что ежели угодно будет той *особе* читать на немецком языке. По возвращении Баженова из Петербурга дал он мне опять записку, которая или осталась у меня же и должна быть в бумагах, или у князя Трубецкого, или же по прочтении теми же отдана ему; сего совершенно не помню. В ней описано было также, что та *особа* приняла его милостиво, что книги поданы и приняты благосклонно, что разговор был о книгах и о том, что уверен ли он в том, что между нами нет ничего худого? Баженов уверял ту *особу*, что нет ничего худого; а та *особа* с некоторым неудовольствием говорила, что, может быть, ты не знаешь, а которые старее тебя, те знают и тебя самого обманывают. Он уверял, что нет ничего худого, клятвенно; еще был разговор о книгах поданных. Сия записка была гораздо короче; и что та *особа* заключила тем: бог с вами, только живите смирно, об немецкой книге та *особа* сказала, что читать ее не может, и не помню, оставлена ли она или отдана обратно. Нынешнею зимою Баженов был опять в Петербурге и пред отъездом своим в Петербург был у меня потому, что я по болезни своей не выезжал, сказывал, что он едет в Петербург, и спрашивал, не пошлю ли я к той *особе* книг; но я отказался и сказал ему, что за болезнию некогда мне приготовить. По возвращении его оттуда сказал он, бывши у меня, а записки уже не было от него, и говорил, что он у той *особы* был, и принят был с великим гневом на нас, и что та *особа* запретила ему и упоминать об нас, а ему сказала: я тебя

люблю и принимаю как художника, а не как мартиниста; об них же и слышать не хочу, и ты рта не разевай об них говорить. Знали о бумагах Баженова, кроме меня, Гамалея, двое князей Трубецких, Шредер, Кутузов, Лопухин Ив. Влад. и Тургенев. В заключение сего пункта паки повергаю себя к стопам ее императорского величества с сердечным истинным моим раскаянием в сем поступке, достойном жесточайшего наказания, никакого помилования не дерзаю я даже ожидать от прогневанной столь справедливо милосердой моей монархини; да будет ее воля со мною, но дерзаю от милосердия ее, проливая слезы раскаяния и горести, дерзаю единой капли милосердия ее испрашивать для троих бедных младенцев, детей моих, и для брата, который по любви ко мне вступил и в масонство и в члены Типографической компании и в делах не имел никакого участия. Со мною же да будет воля ее императорского величества! я всякое наказание сим поступком заслужил и достоин оного. Господи, ты зришь проливаемые мною слезы, умягчи гнев прогневанной мною монархини, да капнет единая капля от милосердия ее на бедных детей и брата моего.

По сему пункту ни мыслить, ни писать без внутреннего содрогания, искреннего и сердечного раскаяния и трепета не могу, даже и за перо взяться; свидетель живый бог сему, одна мысль о сем меня грызет и съедает, проливаю пред богом спасителем моим и пред ее императорским величеством слезы раскаяния и страдания; но что ж — могу ли возвратить и сделать, чтобы не было сделано то, что сделано? Бог видит, что я сделал это не как умышленный злодей, но пред ее императорским величеством предстою я как действительный злодей; искреннее и сердечное мое раскаяние и пролитие слез на всю жизнь мою остались мне единым утешением; да будет со мною воля ее императорского величества! умилосердися токмо, милосердая монархиня, над бедными сиротами детьми моими и братом и помилуй их! В дополнение и объяснение показанного уже мною, не по укрывательству, но истинно что и как упомнил, и теперь что и как могу упомнить, искренно, без всякого укрывательства, скажу об известной бумаге. Прочитавши оную, должен был о том донести, но я не исполнил сего; в чем я преступник, повергаю себя к стопам ее императорского величества! испугался, прочитав написанное, и истинно не поверил, зная того человека, который писал оную; но подумал, что хотя часть малая справедлива, о милостивых отзывах и милостивом принятии книг поданных, то радовался и надеялся милостивого покровительства и заступления; другого же никакого подвига при сем истинно, как пред богом говорю, не было. Прежнее намерение Шварцево по письму принца Гессен-Кассельского у меня и из головы вышло, и я об нем и вспомнил только уже здесь, когда показано оно мне было, что поистине, как пред богом, говорю, чтобы думать тогда о введении той *особы* в орден, я бы

и помыслить сего не осмелился и почитал бы то невозможным исполнению; но единственно надеялся только и ожидал милостивого покровительства и заступления. Показал сию бумагу князю Трубецкому, потому что советовались о посылке книг, то он просил, чтобы ему верно дать знать по возвращении Баженова, как приняты будут книги тою *особою* и что будет говорено; другим же, о которых говорено, подлинно ли показана бумага или только сказано, и мною ли или князем Трубецким, и скоро ли, верно того не помню; боюсь оклеветать кого напрасно, ибо и сам на память свою не надеюсь, но вспоминается теперь писав, что едва ли и князь Енгалычев не знал о том, ибо он тогда был очень дружен с барон. Шредером и князем Трубецким. Оставалась ли сия писанная Баженовым бумага у князя Трубецкого или нет, о том верно не помню. Для чего не отдал я князю Трубецкому самой сей бумаги, а отдал написанную мною, сего как ни старался вспомнить, не мог, а помню, что сделал я это из осторожности. Переписывая, я сократил ее и привел в литеральный порядок; но как сокращал и что выпускал, не помню; и самой сей бумаги что писано, не помню. Но сколько могу вспомнить теперь, то кажется мне, что я, отдавая к. Трубецкому сию бумагу, не знал тогда, что из нее такое употребление будет сделано, что выписка будет дана барону и он по ней будет писать в Берлин или возьмет с собою; ибо я верно не помню, послал ли князь Трубецкой оную к барону или отдал ему ее; потому что не могу совсем припомнить, в Москве ли тогда был барон или в Берлине; но думал, сколько могу припомнить, что он хочет кому показать ее без меня, чтобы я не знал о том. Узнал же я от него о том, что сделана выписка, переведена и отдана или послана к барону, уже после; но по прошествии какого времени, совсем не помню. Знал ли о сей бумаге князь Репнин или нет, сего совершенно не знаю и говорю сие по сущей справедливости, как пред богом. Оставлена сия бумага у меня была истинно с тем только, чтобы не отдать ее Баженову назад, чтобы он не стал кому-нибудь показывать оную, и спрятана она была в бумагах моих, и с того времени она у меня и в руках не была; по прошествии сколького времени не помню, в деревне я искал ее, чтоб сжечь, но не нашел, и помнится, что и у князя спрашивал Трубецкого об его списке, то сколько могу припомнить, кажется, что он мне сказал, что сжег. Другого же намерения, паче же злого, свидетельствую я самим богом, не было ни у меня, и ни у кого из нас, о том же, о чем упомянуто было, что не было ли у нас намерения печатать, я без внутреннего ужаса и выслушать не мог и в сем самого живого бога призываю во свидетеля, да накажет он меня, ежели хотя в мысли сие когда-нибудь входило; и в сем пункте за всех, о коих показано, что знали о сей бумаге, равно как и за себя ответствую. Книги посланы были: 1) Арндта «О истинном христианстве», 2) помнится, послана же «Библиотека избран-

ная для христианского чтения», 3) извлечение краткое из сочинений Фомы Кемпийского, и 4) на немецком языке «О таинстве креста», кажется, послана была; кроме же сих книг совершенно не помню. О упомянутом в известной бумаге мужике я его спрашивал, и он мне сказал что-то, только вспомнить совсем не могу.

Возражение. Как он по сему пункту вопрошаем был двоекратно по причине несогласного с существом самого дела показания, как о том значит особая при сем записка; в сем пункте сам он признает себя преступником.

22. *Вопрос.* В бумагах твоих взяты писанные твоею рукою под № 12 из ответа великого приората извлечения на представление Сацердосово, для чего ты оное писал, какое ты имел побуждение оное писать, так, как и означенных в тех в тетрадях персонах объяснить, по каким обстоятельствам они в те тетради внесены?

Ответ. Имя кн. Репнина внесено было в сей ответ по представлению же баронову; здесь скажу все, что о знакомстве кн. Репнина знаю. Офицер Гине, на которого сестре женат сын Татищева, приехал в Москву, помнится, в начале 1785 года и познакомился с кн. Трубецким, с бароном и со мною, помнится, по письмам от Поздеева. Он весьма хвалил кн. Репнина и сказывал, что в нем сделалась великая перемена. Барон этого Гине полюбил, и он жил с ним; после того князь приехал в Москву, и Гине их познакомил, и барон с ним видался. Сколько продолжалось его с князем знакомство, не помню, но кажется, что до самого отъезда. Я слыхал от кн. Трубецкого, по словам бароновым, великие об нем похвалы. По отъезде бароновом в Берлин продолжали с князем знакомство Поздеев и Гине по его препоручению. А по возвращении бароновом из Берлина, во время которой бытности своей писал он упоминаемое представление в Берлин, в 1786 году в конце виделся он с кн. Репниным один раз, и после свидания сего слышал я от кн. Трубецкого, что барон Шредер князем Репниным недоволен и видеться с ним более не хочет, а хочет знакомство свое совсем прервать. Причину сего мне не сказали, а только что барон князем крайне недоволен, и барон больше с ним, кажется, и не видался. По отъезде бароновом с Кутузовым в Берлин опять в 1787 году, кажется года через два или больше, не помню, виделся с князем Репниным кн. Трубецкой и советовал ему познакомиться покороче с Ив. Вл. Лопухиным; но сам ли он ему о том сказал или через Поздеева, сего не помню, и от того времени кн. Репнин состоит в знакомстве с Лопухиным.

По содержанию сего ответа хотя и дозволено было кн. Репнина принять в орден, но он, барон, по неудовольствию своему на него или по другим каким причинам только не исполнил этого, а по отъезде его и нельзя уже было исполнить сего и доныне,

*

по причине присланного с бароном запрещения с наступления 1787 года прервать всякие собрания и принятий никаких не делать, хотя же и позволено кого принять, до того времени, покуда прислано будет опять позволение, а сего позволения еще нет, и оного в Берлине Кутузов и дожидается. И потому я уверен, кн. Репнин еще не принят.

По последнем этом отъезде барона Шредера кн. Трубецкой этот ответ перевел с немецкого языка и дал мне списать для себя; конца же сего ответа не дал, почему так и остался недоконченным.

Дополнение. В дополнение сказанного о кн. Репнине: что он принят только в теоретический градус; но кем принят, бароном ли во время его знакомства или после сего, верно не помню. Право же главного надзирателя дал ему Ив. Вл. Лопухин. В сем градусе и ныне он состоит. В орден же он не принят, хотя и позволение было его принять, по сказанной там причине. А что князь Репнин действительно и по сие время не принят, то сие и список, данный мне Ив. Вл. Лопухиным, во взятых у меня бумагах доказывает, потому что кн. Репнин в том списке показан только в теоретическом градусе, с правом главного надзирателя.

О том, что у нас связь с берлинскими братьями, и что переписка с ними есть, и что Кутузов там живет, кажется должен знать кн. Репнин ежели еще не от Шредера, то от Ив. Вл. Лопухина; однакож верно сего не знаю. По сему 22 пункту моего показания, равно и в сем дополнении употребляемые мною слова: не знаю, не помню, помнится, не из укрывательства, но истинно в прямом смысле и без всякого обмана и коварства.

Что касается до бумаги: ответ приората на представление Сацердосово, то поистине показание мое справедливо и не ложно о том, что бумага сия или ответ писан не ко мне, но к барону Шредеру. Ежели же бы ко мне, то и представление было бы от меня, а не от барона, чего во всем том ответе нет, и мое имя Коловион даже нигде не упоминается. По переводе же сего ответа князем Трубецким дал он мне его списать не по праву, что я должен иметь у себя сей ответ, но по доверенности его ко мне.

Возражение. В сем пункте явно он себя обличает, что он преступил должность верноподданного, но, однакож, говорит, что-де к Шредеру писал к. Трубецкой, а что-де на то Шредер писал, то-де Трубецкой письма не показывал; о сем, кажется, надобно спросить князя Трубецкого, а притом взять и подлинное Шредерово письмо.

23. *Вопрос.* В письмах ваших найдено сделанное вами положение, чтобы иметь тайную типографию, то и должны объяснить, для каких причин оную завели, где, кто оною управлял и что в оной печаталось?

Ответ. О типографии тайной показал я в ответе моем в 15 пункте искренно и верно, со всеми обстоятельствами. А здесь в пополнение того с искренностию и верностию доношу, что кроме книг, показанных в 15 пункте, в сей типографии ни одной строки печатано не было; и заведена была единственно для печатания сих книг, а управляли оною мы двое с Ив. Вл. Лопухиным. По взятии же сих книг в деревню кн. Черкасского, как показал я в 15 пункте, чем печатание оных прервалось, и перевезены литеры и станы опять в прежнюю типографию.

Возражение. О тайной типографии и какие печатаны книги, в сем пункте ответа его сказано; из сего заключить можно, что они, может быть, и другие вредные печатали книги, о коих еще правительство доныне неизвестно.

24. *Вопрос.* Предлагал ты сборищу, чтобы составить комитет для переводу систем древних народов и для богослужения; а как в России богослужение и обряды уже установлены, то за сим никакое богослужение и обряды, а паче египетские и жидовские, кои не основаны на евангелии, терпимы быть не могут, то и сказать вам, на какой конец вы такие системы, кои развращают учение российской церкви, заводить заботились?

Ответ. Совсем не могу вспомнить, чтобы я такое предложение делал; помню я, что в Дружеском обществе предлагал я о том, чтоб из членов, которые могут, взяли на себя собрать хрестоматию для четырех языков: греческого, латинского, немецкого и французского; разве не предлагал ли еще о переводе книги о нравах, обычаях, законах, богослужениях, науках и проч. всех древних народов; то ежели это мною предложение делано, так делано оно так, как о переводе исторической книги; сию же книгу не помню кто мне расхвалил; но и сего совсем не помню, где предлагал и как.

Возражение. Что о сделании комитета для переводу систем древних народов и богослужения, то он обличен данным его в сборище предложением.

25. *Вопрос.* Здесь, в России, законами наистрожайше запрещено не только иметь переписку вымышленными цифрами, запершись в комнате, но вы, закрывая ваши сборища от правительства, вымышляли цифирную азбуку и гиероглифы; то объяснить вам, для чего вы такую переписку учредили, а как ваши сборища и деяния не могли быть позволены, то вы сие и скрывали, ибо как вы говорите, что делали те сборища для пользы общей, сии слова ваши есть ложны, потому что делать добро таить нужды не настояло, а как оно вредно, то вы и таили.

Ответ. Азбуки, употребляющиеся по градусам, не нами вымышлены, но присланы из Берлина при градусах, и в них и находится, что в тех бумагах явно, и употребляли их только

по находящемуся там предписанию; вообще при искании сих градусов мы худого намерения не имели, а в том, что употребление сих азбук законам противно, яко виновные, к монаршим стопам ее императорского величества повергаем себя, испрашивая милосердого прощения.

Возражение. Буде б не было в их сборищах вредного, то б таких вымыслов делать было не для чего; что ж он говорит, что не знал о запрещении иметь тайную переписку, но сим они извиняемы быть не могут потому, что все их сборищи и деяния в противность законов, ибо они не хотели оным повиноваться, а повиновались повелениям великого мастера.

26. *Вопрос.* Кому гонение было, и кого подозревали, и кто сборищи ваши в Калиостровой системе, иллюминатов и мартинистов, и как вы о сем сведали, и почему?

Ответ. Помнится, что в 1786 году и следующем почти, можно сказать, по всей Москве говорили и называли общество наше разными именами, но большая часть называли мартинистами, а почему, подлинно и теперь не знаю.

Возражение. Чтоб он не знал, почему их описанными именами в сем пункте называли, сие неправда; а он знать должен, но открыть о сем не хочет, а что они есть таковы, то обличают их собственные акты и печатание тайно развращенных книг.

27. *Вопрос.* Писателя «О заблуждении и истине» сам ты описал, что он не такой автор, которому верить должно, однако книги оного автора и по запрещении печатать велел, а из сего судить можно, что ты такою ложною нелепостию старался людей развратить, закружить головы из корысти, как судить можно, а после сего как можешь ты говорить, что печатал нравственные книги?

Ответ. Не могши вспомнить теперь, к кому и по каким обстоятельствам писал я об авторе книги «О заблуждениях и истине», не могу иного сказать, как то, что я ныне об этом писателе так думаю; но что это писано мною, должно быть, несколько лет спустя по напечатании сей книги. Когда же печатали оную, тогда была она в уважении у всех. В дозволении продавать оную книгу по запрещении приносил я и ныне приношу повинность мою, повергая себя к монаршим стопам ее императорского величества, при печатании же оныя не было намерения сделать оною книгою вред или развращение, но печатана была как новая книга, которую на французском языке, так можно сказать, все знающие сей язык в Москве покупали, так надеялись иметь от нее прибыль.

Возражение. Книга печатана истин заблуждени (sic), как сам он говорит, из корысти, а посему как он может говорить, что-де книги они печатали нравственные, ибо сам он о сей книге говорил, что нельзя этому автору верить, а из сего судить должно, что они предпочитали корысть свою более, нежели охранить общество от развращенных мыслей.

28. *Вопрос.* Печатал ты книги, называемые таинственные, но в то же время запрещал печатать имя авторов и переводчиков их, то о сем открыть тебе, для чего ты имена сии таить велел?

Ответ. Не могу припомнить, при каком бы случае и при какой книге я утаивал или приказывал утаивать имена авторов; но сколько могу помнить, печатаны были книги так, как оные приносимы и отдаваемы были переводчиками и авторами.

Возражение. Что таинственные книги печатаны с повелением от него таким, чтоб имен авторов не печатать, сие найдено в его бумагах, а он сие скрывает, хотя закрыть сочинителя тех книг; из сего можно заключить, что оные книги, конечно, вредные и наполнены развращенными выражениями, однакож можно сведать от приказчика Кольчугина или от его товарищей.

29. *Вопрос.* В ответах своих говоришь ты, что-де в ложах происходило, то ты совсем мало знал; но вот ты обличаешься, ты был первый подвижник в вашем сборище и сам писал все постановления оного, а потому и должен ты открыть, не утаивая ничего, а паче не отвращая на мертвого Шварца.

Ответ. В ответах моих, где показывал я, что совсем чего не знаю или о чем мало знал, говорил я без всякого укрывательства себя, как только и сколь мог упомнить; что же ни я, ни другой кто из русских заводчиком или вымыслителем сего не был, но искали все вместе, сие по всем показаниям моим и по взятым у меня бумагам видно, а что во взятых у меня бумагах находятся многие переписанные моею рукою, то сие потому, что по предписанию ли или так было сказано на словах (сего верно не могу упомнить), чтоб всякий начальник для употребления бумаг в своих собраниях с находящимися под его начальством членами переписывал все бумаги сам своею рукою, так и я должен был оные переписывать сам для употребления с находящимися тогда под моим начальством членами. На умершего же профессора Шварца не обращал я ничего с намерением закрывать себя, но точно так показывал, как происходило и сколько мог припомнить.

Возражение. В ответах, выше сего описанных, говорил он, что-де в ложах происходило, то будто б он совсем не знал или знал мало, а большею частию знал Шварц; но сие говорит он неправду, потому что вся связь их сборища писана рукою его, Новикова, не только однажды, да и дважды; а по сему видно, что он в сем сборище первый был подвижник.

30. *Вопрос.* Не устыдился ты, при всех тебе деланных внушениях и убеждениях о показании самой истины, в ответах твоих сие все презрить и показал между прочим, что будто ты имел с Шварцем холодность, но ты о сем сказал неправду; что Шварц был предан тебе, а ты ему, в сей сказанной тобою неправде обличаешься тем, что ты в ложах предлагал о даче Шварцевой жене за подвиги мужа ее награждений и о производении ей и детям ее вечного пенсиона.

Ответ. В показании моем, где говорил я о бывшей между Шварцем и мною холодности, говорил я не вымышленно, но сказал только, как действительно было: о чем и все те, которые были с ним в короткой связи, знают. Что же профессор Шварц всеми в короткой связи с ним бывшими был любим и уважаем, того я нигде не отрицал. Что же предлагал я, не помню только где, в ложе или в Дружеском обществе: о даче оставшейся жене его с двоими детьми пенсиона, то сие подлинно было так, потому что она осталась после его без всякого пропитания.

Возражение. В ответе говорил, что будто б между Шварцем у него происходила холодность и будто б Шварц многое от него скрывал; но из бумаг его видно: первое, говорил он и товарищи его такие похвальные при погребении его речи, кои достойны б были самому великому в государстве мужу по сделанным заслугам отечеству; второе, подал в сборище предложение о даче жене Шварцевой награждения, а потом и о вечном ей и детям пенсионе.

31. *Вопрос.* Сходно ли с установленною государю присягою делать в вашем сборище присягу в том, чтобы пред начальником никакой тайны не умалчивать. Сие инаково полагать нельзя, как вы обязывали сею присягою таких людей, кои находятся в службе государевой, то и открыть вам, для каких видов сию клятву налагали?

Ответ. Не могу вспомнить точных слов сего пункта, но сколько могу припомнить, то кажется, что сказано там не в неограниченном, но в ограниченном смысле: «ни о какой тайне не умалчивать». С прибавлением слов: «относящейся до него или относящейся до ордена». В противном случае никто бы не стал оной делать. И по сему пункту делающий оную не только о государевых делах, но ниже о своих собственных домашних делах не обязывается открывать. Я не могу упомнить, в какой пиесе, но верно знаю, что есть изъяснение как сего, так и других пунктов, в котором ясно сие истолковано. Да помнится же мне, но верно сказать не могу, едва ли и сверх сего объяснения не было о сем точно пункте писано, что он кажется здешним членам не довольно еще ясным, так чтобы дали оному ограниченный смысл или же при поездке бароновой о сем поручено изъясниться, только всегда после того сказывали изъяснение в отрицательном смысле, к чему по сему пункту не обязывается.

Возражение. Теперь к закрытию своего преступления другого говорить нечего, как дать свои толкования, то есть различать ограниченный и неограниченный смыслы, но в самом деле должно принять деланную ими присягу в том смысле, как сказано в вопросном пункте, ибо в России никакая присяга без власти правительства употребляема быть не должна.

32. *Вопрос.* Воинская ложа где и когда и кем заведена и кто в оной начальники?

Ответ. Особой воинской ложи нигде, никогда и никем заводимо не бывало и нет между нами, нижѐ в намерении у нас нету и никогда не бывало, в чем живым богом дерзаю свидетельствоваться! и я ни от кого из наших нижѐ малейше похожего на сие ничего не слыхивал. А известно мне только то, что по английскому еще масонству в прежнюю войну была в армии ложа его превосх. Петра Иван. Мелисино и не было ли еще и ложи кн. Гагарина, но о сей верно не помню; была ли же в нынешнюю прошедшую войну в армии ложа, о сем ни от кого не слыхивал и не знаю.

Возражение. В ответе сказал, что у них военной ложи нет, а была-де такая ложа в прошедшую турецкую войну у Петра Иван. Мелисино и не было ли еще у князя Гагарина; в нынешнюю ж прошедшую турецкую войну была ли та ложа, не знает; о сем сведать можно от Мелисино и к. Гагарина, и то только для того, чтоб узнать военной ложи акты, ибо если в оных такие ж правила есть, какие князю Репнину при вступлении в орден предписаны, то едва ли удобны для воина.

33. *Вопрос.* Университет учрежден от правительства для общей государству пользы, а вы завели в оном ложу, назвав ее университетскою; на сие объяснить вам, кто сию ложу учредил, когда, кто оной начальники и с ведома ль командиров университета?

Ответ. Собственно в университете или в университетском доме ложа заводима никогда не была, сколько мне известно, а была ложа под зависимостию ложи кн. Трубецкого, о которой в моих показаниях сказано и в особом месте о ложах и членах упомянуто же, в которой был мастером ложи Страхов. Прозвана же она была университетскою потому, что из университетских, сколько их было, то почти все в ней были, но были и другие. Я не думаю, чтобы заведение сей ложи кн. Трубецким сделано было с ведома начальников университета, но верно не знаю.

Возражение. Университетская ложа существовала, сие найдено в бумагах Новикова, чего и он не отрицает, а сказал, что-де оная заведена не в доме университета, но особо и была зависима от к. Трубецкого, а мастером был

Страхов; университетскою ж ложею названа она потому, что из университетских сколько их было, то почти все в ней были; из сего довольно видно, сколько заботились начальники университета, чтоб их сборищи были числом людей умножены, забыв при том те правила, для какой государственной пользы университет был учрежден.

34. *Вопрос.* В Могилеве кем и когда ложа заведена, и кто в том сборище начальники, и сколько всех, как вы называете, братиев?

Ответ. В Могилеве, сколько мне известно, заведена была ложа сначала профессором Шварцем, о чем находится в показании моем на третий пункт; по выезде его из Могилева как она продолжалась, не знаю; но ведаю, что чрез него, Шварца, она опять возобновилась, и помнится, по возвращении его из поездки в Берлин; но как и когда, верно не помню. В сей ложе по выезде из Могилева, кажется, выбран был Андрей Иванович Веревкин мастером ложи. Членов в ней, сколько могу упомнить, едва ли больше десяти было, и кажется мне, что она уничтожилась тогда же, как все московские ложи уничтожились, наверно сказать не могу, и о сем показано мною на особом листе о ложах и членах.

Возражение. О могилевской ложе писано на особом листе.

35. *Вопрос.* Российских лож архив у кого в доме хранится?

Ответ. Общего архива всех лож российских не было никогда, но всякий начальствующий имел у себя. Начали было при профессоре Шварце заводить по его желанию, и было несколько собрано, которые и находились в том же доме, в котором собирались ложи, но с того времени как г. обер-полицеймейстер осматривал ложу и ложи уничтожились, я совсем не ведаю, где сии бумаги, а должен знать Ив. Вл. Лопухин, потому что сие ему поручено было еще при профессоре Шварце.

Возражение. Чтобы архивы у них не было, тому верить нельзя, но как Новиков говорит, что нет, а нужно сведать от Лопухина, взяв его бумаги, буде он до сего времени их не прибрал.

36. *Вопрос.* Из положениев ваших видно, чтобы в вашем сборище делать золото; то и открыть вам, кто в оном ремесле употреблены были, делано ли золото; буде сделано, то сколько всего и куда употребляли или же сыскан ли химиками вашими философический камень и кто также и о сем заботился?

Ответ. О делании золота, искании камня философского и прочих химических практических работах предписанных во взятых бумагах; хотя и находится там, но как из нас не было никого

еще, кто бы практическое откровение сих работ знал, то посему все предписания и оставались без всякого исполнения. Пред отъездом же Кутузова из Берлина сказано было, о чем в показаниях моих, не упомню в которых местах, упомянуто, что Кутузов в Берлине будет научен и наставлен между прочим и в практических химических работах; но исполнилось ли сие обещание или нет, не знаю, а слышал я от кн. Трубецкого, что Кутузов писал к нему, что он упражнялся в практических работах.

Возражение. О делании золота и философического камня должно спросить князя Трубецкого, ибо он переписку вел с Кутузовым и Шредером, да и над сборищами главный начальник.

37. *Вопрос.* Из повеления, писанного тобою, значит, что в вашем сборище есть иллюминаты, а вы предписывали, чтобы их не обличать, то показать вам, кто они таковы были, у вас ли ныне или выбыли, то когда и куда, а вы же уверяете, что они в сборище вашем нетерпимы.

Ответ. Какое сие писанное мною повеление, означающее, что между нами находились иллюминаты, и о предписании моем не обличать их, сколько, так сказать, не ломал я голову вспоминая, но не только что вспомнить, нижѐ в понятие мое могу сие вместить, как это могло случиться. Ибо я уверен, и сие смею сказать пред самим богом, что между нами иллюминатов не было и нет, разве мы все из русских членов до одного обмануты, но сему быть невозможно по всем с нами происшествиям и чистым предписаниям об осторожности противу иллюминатов с великою строгостию и по всем берлинских братьев отзывам об иллюминатах даже с омерзением, и не могу я думать о таковом гнусном, коварном и преступном обмане. И ежели бы они сие с нами сделали, то было бы сие наигнуснейшим коварным и преступническим злодеянием, вопиющим к богу об отмщении за таковое злодеяние. Но о таковом злодеянии и коварном обмане нас с их стороны по всему тому, что мне уже известно, я нижѐ помыслить не могу. Показание же мое о нетерпимости иллюминатов орденом есть справедливо. Может быть, оно неверно только в том, что все ли я это слышал вдруг от Шварца или заимствовалось в памяти моей и из последовавших за тем предписаний об иллюминатах, сего верно сказать и в памяти моей по чрезмерной слабости, в которой нахожусь, разделить не могу; но я верно сказал все, что только мог упомнить, и теперь еще утверждаю и сам в том уверен, что иллюминаты в ордене златого розового креста совершенно не терпимы и нет их в оном: и в истине сего моего уверения или уверенности в том дерзаю призывать всесвятейшего живого бога во свидетели. Сколько мне известно, то даже по малейшим подозрениям в знакомстве или какой связи с иллюминатами которого-нибудь члена ордена, уверившись в том, тотчас из ордена исключают.

Возражение. Хотя он о нетерпимости иллюминатов в их сборищах и уверяет, но повеление, его писанное рукою, точно говорит, чтоб их терпеть и не обличать, а посему можно ли уже верить, чтоб у них в сборищах иллюминатов не было, буде они и сами не те ж.

38. *Вопрос.* Называемые вами мистические книги, о коих, как из бумаг ваших видно, вы говорите, что они писаны духом спасителевым, посему изъяснить вам, чьего они сочинения, сколько их и под каким названием они печатались, и где они ныне есть, и не те ли самые, кои вам печатать запрещены, и кто их цензоровал?

Ответ. Под именем мистических книг известны были между нами те книги, кои учеными в класс мистических книг помещены, те или другие по произволению сим названием именованы были; что же бы в бумагах наших находилось изречение о каких-нибудь книгах, что писаны они были спасителем, сего я никак вспомнить не могу, в каких бы наших бумагах изречение могло находиться, по какому поводу и кем бы написано это было, да я и не слыхивал ни от кого ни о каких книгах такового изречения; и потому, не видя сам, не могу и изъяснения никакого сделать на оное. У нас из всех напечатанных книг я не помню ни об одной, о которой бы не только чтобы было написано, нижѐ чтобы говорено было, что писано спасителем. И кто ж бы посмел сказывать такую ложь и кто бы поверил оной? в числе запрещенных книг в первый и в другой раз также не могу я припомнить, об которой бы из них хотя похожее что могло быть говорено, а тем меньше еще писано; кто же которую из запрещенных книг цензуровал, упомнить совсем не могу.

Возражение. Называемые мистические книги, о которых он говорит, что не знает, и таких книг, чтоб они писаны спасителем, нет, но как показаны ему его рукою писанные слова, что сии книги писаны духом спасителя, то он сказал, что-де я совсем о сем забыл, и из запрещенных ли эти книги, и кто их цензоровал, не помнит. Сии книги, надобно думать, таковы, какие терпимы быть не могут, то и нужно сведать об оных от его товарищей.

39. *Вопрос.* Из бумаг ваших есть одна, писанная к. Трубецким, в коей он страшный ужас описывал при приступе во время вашего сборища в ложу, то и объяснить, какая его столь ужасная должность и звание, что он с таким ужасом делал?

Ответ. Не видав и не знав, о какой бумаге в этом пункте говорится, и не могши ничего припомнить, не могу ничего ответствовать на сей пункт.

Возражение. Писанная бумага рукою кн. Трубецкого после ответа показана, и Новиков, смотря оную, сказал, при каком-де обстоятельстве Трубецкой делал написанные в бумаге клятвы, не помнит.

40. *Вопрос.* Алек. Андр. Ржевский был в здешней ложе префектором, а ныне что он у вас значит?

Ответ. Что Алексей Андреевич Ржевский с нами при жизни Шварцевой был и другие в связи, то показано мною на особом листе о ложах и членах, сколько мог припомнить; но чем он был, как сия связь сделана и долго ли продолжалась, совсем не помню. В переписке с ними был кн. Трубецкой; сколько же мне известно и помнить могу, то сия связь прервалась уже давно, а кажется, что не с того ли времени, как наши московские ложи уничтожились, однакож верно о сем сказать не могу.

Возражение. О Ржевском писано на особом листе о ложах.

41. *Вопрос.* Кто Локуля; он пишет, что получил письма из французской провинции, сие также есть сборище, в котором благодарят за ваши книги, о сем изъяснить и какие вы книги послали?

Ответ. Кто Локуль, к кому писал и о каких письмах пишет, совсем ничего не могу припомнить.

Возражение. Локуль письмо писал к Новикову, в котором пишет, что получил письмо от общества, из орденской провинции французской, в котором благодарит за наши книги, которыми они пользуются; а как сие показано, то он сказал, не помню, что это за Локуль, и не знаю, какие во Францию посланы нами книги.

42. *Вопрос.* На кого вы жаловались герцогу, что сборище ваше озлословлено и потом заставили злословцев молчать; о сем изъяснить, кто вас злословил и чем и кто их заставил молчать?

Ответ. О переписке с герцогом Брауншвейгским, что знал и сколько мог упомнить, в показаниях моих написал я со всякою искренностию и без всякого укрывательства, и что по прервании оной в 1782 году, помнится, никакой у нас переписки, мне известной, ни с ним, нижѐ с другим каким принцем не было совсем, и я ни о какой не знаю совершенно; а посему и не знаю я совсем, о какой писанной к герцогу жалобе в сем пункте упоминается.

Возражение. О переписке с герцогом хотя выше сего в ответе и говорил, но не с такою точностию, как он бумагами его обличался, но после сего вопроса показана была писанная его рукою, из которой ясно видно, что их сборище жалобу приносили, можно утвердительно сказать, на Россию; но он, смотря на сию бумагу, сказал, что жалобу приносили ль, он не помнит.

43. *Вопрос.* Писали вы челобитную к герцогу, то сказать, как вы осмелились писать о зависимости от него, миновав своего государя, и как из писем ваших видно, вы знали, что и шведское масонство государыне неугодно.

Ответ. Обо всей связи, сделавшейся у нас с герцогом Брауншвейгским, без всякого намерения нашего к тому, как оное произошло, сколько продолжалось и когда кончилось, показал я со всею искренностию и без всякого укрывательства, что только узнал и мог припомнить, в ответах моих на 3-й пункт и других местах. Что же связь сия сделана с герцогом Брауншвейгским, то по тому показанию видно, что сие сделалось совсем без намерения нашего и без желания к тому, а что начало нами искание масонства у иностранных, о том также в тех ответах мною показано; и тогда мы о неугодности шведского масонства ее императорскому величеству совсем не знали, да и после о том только по общим слухам знали, когда же у нас связь сия совсем была прервана, но обо всем этом говорю я, как только могу припомнить, как же о сей неугодности находится в моих письмах, по какому случаю и к кому писано, совсем не могу припомнить.

Возражение. О челобитной, писанной к герцогу, ссылается на 3 пункт своего ответа, который также, сказать можно, описал не с совершенною точностию, а о неугодности всемилостивейшей государыне о шведской ложе только по слухам.

44. *Вопрос.* Какие вы из книгохранительниц церковных и монастырских брали книги, чрез кого, и кто вам в том помогал, и у кого книги хранятся?

Ответ. Чтобы из каких книгопродательниц церковных и монастырских кто из нас брал книги, сколько ни старался, но не могу припомнить и не знаю, у кого бы из нас могли быть такие взятые из тех книгопродательниц книги.

45. *Вопрос.* По сему видно, что вы читали священные книги, то и могли видеть установленные обряды нашей святой церкви, по которым святые мужи поступали святостию и чудесами, вы все то знали; как же решились сделать свои храмы, алтари и жертвенники, священнослужительские употребляли должности, говоря и делая святая святых, так, как и миропомазание.

Ответ. О почтении и преданности нашей к таинствам, обрядам и священнослужению, нашею святою православною церковию установленным и отправляемым, могут свидетельствовать отцы наши духовные и другие из духовных, которые кого знают; а посему и не могли мы тех церемоний и вещей, которые по градусам находятся, принимать в сравнительном смысле с находящимися

во святой православной нашей церкви. Привыкши с первого масонского градуса все находящиеся там вещи и церемонии принимать в аллегорическом и гиероглифическом смысле, и в последующих градусах смотрели мы на все сии церемонии совсем с другой стороны. А что в таком смысле, как во святой нашей православной церкви употребляются, не было у нас ни храмов, ни алтарей и проч., как то в моих ответах я показывал, и ныне утверждаю, что у нас не было; и что мы с этой стороны и в таком находящиеся в полученных нами градусах церемоний и вещей ни сами не принимали, ни другим не преподавали.

Возражение. Сей вопрос сделан был точно из их положений, во многих местах писанных и так называемых, а в ответе говорит, что-де самою вещию ничего такого в ложах не было, а говорено было о всем том в аллегорическом и героглифическом смысле, и на все-де сии церемонии в последующих градусах совсем с другой стороны смотрено Сии их поступки не явно ль обличают, буде б и подлинно так было, как он говорит, их бездельничество и обманы, прельщающие людей, попадшихся в их сети.

46. *Вопрос*. Объяснить о сей бумаге, кем писана, обещанное к вам доставлено ль и в чем состоит. Пишет к тебе Веревкин, чтобы ты прислал к нему для переводу книги самые трудные и большие, платя на единое пропитание, по-тетрадно, говоря, не додавливайте уже задавленного, и чтобы о сей работе никто не знал. О сем объяснить, какие он книги для вас переводил, по какой связи оное сношение имел с тобою и кто его давил?

Ответ. От Веревкина получил я два письма нынешнею весною, во время болезни моей, но не ответствовал ему по причине оной. Сколько могу упомнить, предлагал он, чтобы его переводы брали мы печатать, и о каких-то предлагал, что они у него или уже готовы, или переводятся, не помню, а в другом, кажется, говорил он упоминаемое в сем пункте. Связь с ним была следующая: переводы его еще и до взятья мною в содержание университетской типографии печатаны были в оной, и книгопродавец университетский по напечатании покупал у него оные. Печатались книги его перевода по сообщению кабинета ее императорского величества на счет оного; по взятию мною типографии прислан был ко мне из университета для печатания перевод его, история о странствиях, а по окончании чего история о мореплавании и потом китайские записки. И знакомство наше по сим только переводам и было. По напечатании первой книги он сделал мне предложение на таком основании: покупать у него напечатанные книги, как покупал у него прежде книгопродавец. Мы согласились, который счет между нами продолжался; но как он всегда выпрашивал вперед то деньгами, то книгами, так что накопилось на нем, ежели не ошибаюсь, кажется около 2000. Видя, что этому конца не будет, я ему реши-

тельно сказал или написал, не помню, что я давать ему не буду ничего, пока счет не очистится; он же после того, не сказавши ничего, по просьбе перевел печатание переводов своих в типографию горного училища, а после узнал я из сих его писем, что печатал он и в академической типографии; но как по письму же его видно было, приказано было печатание переводов его остановить, то он и делал сие предложение о новых своих переводах, не говоря ни слова о прежнем своем счете, по которому остался должен, а чтоб и я об нем не вспоминал, то, кажется, для сего и наполнено письмо его сими выражениями; ибо и прежде, когда выпрашивал чего, то всегда не щадил он подобных сему выражений и в письмах и на словах, и, бывало, по трем или больше отказам он все-таки не перестает просить, покуда докукою, не щадя божбы, уверений и проч., не получит. Ответствовать я ему истинно хотел, чтобы он очистил прежде старый счет, и тогда будем после говорить о новом, чтобы только отвязаться. Других же переводов, кроме вышепоказанных, печатано не было, и связей, кроме сих, с ним никаких не было.

Возражение. Нет, кажется, нужды делать примечания, а разве сведать, кто Веревкина давит.

47. *Вопрос.* Изъясните о бумаге, писанной к. Трубецким, от кого оное письмо, к кому и когда, о каких сокровищах писано в той бумаге, что вы ожидали или уже и получили оные?

Ответ. Бумага, писанная кн. Трубецким, есть выписка из письма барона Шредера к кн. Трубецкому, писанного из Берлина или в конце 1783, или в начале 1784 года. По сей бумаге вспомнил я, что первая баронова поездка в Берлин была еще во время болезни профессора Шварца, в которое время и я несколько месяцев был болен тяжкою болезнию. В чем состояли сии обещания, о которых в сей выписке упоминается, и исполнены ли они или нет, я по сие время не знаю и говорю не из укрывательства, но подлинно не знаю.

Возражение. О сей бумаге, которая у него в бумагах найдена, отговаривается незнанием; но как она писана к. Труб., то надлежит изъяснение и подлинную бумагу взять от к. Труб.

48—49. *Вопрос.* О скором обогащении к кому писал Трубецкой и о ком, кто наложил на Сацердоса суспенцию, за что и когда?

Ответ. О скором обогащении кн. Трубецкой писал однажды ко мне и обо мне, и сие было еще до составления уже действительной Типографической компании. Произошло же сие по неудоволь-

ствиям на меня барона Шредера. Но о сем ли письме здесь упоминается, не знаю, но я другого, кроме сего, подобного не помню.

Возражение. Довольно видно, что Новиков и товарищами своими в корыстолюбии был замечен.

Ответ. На Сацердоса, или барона Шредера, наложена суспенция в Берлине, пред последним его в Берлин отъезде с Кутузовым, и запрещено было всем нашим членам об орденских делах с ним ничего не говорить, потому что он оказался подозрительным не токмо в знакомстве или переписке. О сем услышал я от него же, что Кутузов уже писал, что барон Шредер с нами и у нас уже не будет, что он оказался в подозрительных связях и что ежели он кому предлагал о каком знакомстве или переписке, то чтобы сему, как подозрительному, не верить и потом уведомить. Сие говорю я, сколько могу собрать в памяти о сем. А в один раз это слышал или в разные, сего верно упомнить не могу. И едва ли сие оказавшееся на барона подозрение не главною было причиною, что требовали присылки одного из русских. О чем в показаниях моих упомянуто.

Возражение. Сей пункт должен разрешить к. Труб., а не меньше Кутузов; ибо Новикова на Шредера показанию, по письмам, писанным от Шредера князю Трубецкому, верить по явной ссоре не можно.

50. *Вопрос.* С Филусом произошла у вас ссора, за что — изъяснить.

Ответ. С Лопухиным ссоры у нас не было; но вообще у всех, которые в управлении были, произошла некоторая холодность ко мне и к Гамалею; все подозревали нас в холодности обоих, в нехотении упражняться в упражнениях ордена и тому подобное. Но мы оба действительно отходили, недовольны были, что Кутузов долго живет, и ожидали возвращения его; другой же у нас ссоры с ним не было никакой.

Возражение. Сей ответ кажется невероятным только в том, что будто б Новиков не хотел упражняться в орденских делах; но по письмам его видны в сборище большие подвиги, но сие должен разрешить его товарищ.

51. *Вопрос.* Известно, что Походяшин один дал тебе 50 000 р. без всякого обязательства, то должен ты открыть, как и чем его уловил?

Ответ. О первом познакомлении моем с Походяшиным я уже показал в ответах моих. Знакомство сие продолжалось и делалось теснее; может быть, сходство нравов, взаимная услужливость и откровенность произвели между нами тесную дружбу. Обольще-

ний никаких, истинно говорю, как пред богом, я никаких ему не делал. Принят он не мною и был не у меня под начальством. Об ордене и обо всем к тому относительно во все время не говорил я с ним ни слова и думаю, что он и не знает; по крайней мере от меня он не знает, и я от него не слыхал ни слова, которое бы заставило меня догадываться, что он от кого-нибудь знает; об известной бумаге также от меня не знает он ни слова, да и уверен, что и от других о сем он совершенно не знает, потому что я о сем от него никогда не слыхал ни слова же; обещаний никаких я ему истинно не делал, да и какие мог я ему сделать? деньги получил я от него не вдруг, и то началось только по особенному случаю в 1787 году, до сего же случая я от него не получил, но о сем со всею подробностию и искренностию, ежели приказано будет, напишу особо, дабы сим не малым письмом не задержит сих пунктов, потому что сие имеет связь с делами Типографической компании, также с подмосковною деревнею и со всем в ней экономическим заведением.

Возражение. Сей ответ не требует большого изъяснения, потому что довольно видно, что Походяшин им коварно обольщен и обманут; ибо 50 000 руб. такому, каков есть Новиков, поверить, да еще и без всякого обязательства, никак кажется невозможно.

52. *Вопрос.* Надворный советник Кочубеев, который был в Тайной экспедиции секретарем в Москве, на какой конец вы его взяли к себе в сборище и кем он рекомендован, а как он не ученый, да и недальнего разума, то другого заключения сделать нельзя, как что он по вашему правилу делал вам уведомления о порученных ему от главнокомандующего делах, кто еще из сей экспедиции в вашем сборище?

Ответ. Надворный советник Кочубеев принят был в масоны или только уже как масон введен в члены ложи Семена Ивановича Гамалея, сего верно не упомню. Принят же он им не помню в котором году, только при главнокомандующем гр. Захаре Григорьевиче. Искания с нашей стороны или намерения какого при сем, истинно говорю, как пред богом, никакого не было; но подумали, что ему приказано это сделать от главнокомандующего, дабы ведать, что в наших ложах происходило. В сем мнении я тем больше удостоверился, что покуда жил я в никольском доме, то он весьма часто ко мне прихаживал, а наипаче при главнокомандовании графа Брюса и его высокопревосходительства Петра Дмитриевича Еропкина почти всякий день был у меня. По сей самой тогда догадке решились ввести его во все градусы, которые давать от нас зависело, чтоб он все видел и знал. Во все время бытности его у нас членом по крайней мере за себя я верно ответствую, что никогда ни одним словом ни я у него ни о чем не спрашивал, ни он

мне ни одного слова ничего и никогда о поручаемых ему делах не сказывал, и я от него никогда и ничего не слыхивал. Да и о других в сем уверен я, что никогда его не спрашивали и он ничего никому не сказывал, и намерение чрез его выведывать о поручаемых ему делах или посредством введения его к нам в члены употреблять его к каким-нибудь нашим видам или намерениям истинно не было никакого и не имели: в чем свидетельствуюсь самим богом; другого же из этой экспедиции у нас никого не было и нет, и я никого в этой экспедиции, кроме его, не знал; и сколько мне известно, то и другие наши члены ни с кем, кроме его, знакомства не имели.

Возражение. Что Кочубеев принят в их сборище будто б потому, что велено ему сделать от главнокомандующего для разведывания, что в их сборищах происходит, сие показание никак справедливым почесть невозможно, а ближе к самой истине то, что они пользоваться могли уведомлением о делах, производившихся по Тайной экспедиции, ибо он так сему сборищу верен, что писал многие набело того сборища акты.

53. *Вопрос*. Записка, писанная рукою Тургенева, откуда он такие сведения имел и на какой конец ты ее у себя хранил?

Ответ. Записка, писанная моею рукою Тургеневу, есть выписка из письма, писанного Кутузовым к кн. Трубецкому из Берлина; не могу припомнить, в котором году. Сколько могу припомнить, то кажется так, что кн. Трубецкой, бывши у нас с Гамалеем, сказывал на словах, что Кутузов об этом пишет и хотел эту статью, выписавши, прислать. Мы спросили, пишет ли он, от кого об этом узнал: от Вельнера или от кого другого? Он отвечал, что об этом не пишет, и не помню, князь ли Трубецкой или Лопухин в то время был, сказал, что похоже на это писано уже в иностранных газетах. И что еще говорили при том, вспомнить не могу, только что он подтвердил, что выпишет точными его словами и пришлет; а мы его просили написать к Кутузову, чтобы он впредь в такие разговоры не входил и не писал бы. И верно, что Тургенев у него после был, и он велел ему написать и с ним ли прислать или с другим, не помню. Как же она у меня осталась, совсем не знаю, а намерения при том не было никакого, и кажется мне, что она должна быть взята в Москве в покоях, где я жил, на бюре или ящике, где оставалась она забытою.

Возражение. Сия записка значит то, что Пруссия, Англия, Голландия и шведы согласились иметь с Россиею войну и отдать Курляндию и Лифляндию шведам; а как писано было о сем от Кутузова к Трубецкому, то можно у него оное письмо взять.

*

54. *Вопрос.* Кто французскую книгу «О народной гордости» переводил?

Ответ. Книга «О народной гордости» нами никем не выписывана и в перевод не отдавана, а куплена у принесшего оную студента, не помню университетского или академического, по одной цензуре, которая была подписана московской управы благочиния полицеймейстером, но которым, не помню. Но все сие показание делаю я как только могу припомнить. Помнится также мне и то, что переводчик этой книги или с кем-нибудь из знакомых приходил, или с кем-нибудь из наших корректоров. Сколько ни стараюсь вспомнить, только весьма темное и конфузное воспоминание имею. Теперь воспоминается, что кто-нибудь из знакомых по другим переводам студентов приносил ее вместо переводчика. Ежели бы это было в Москве, то бы я очень скоро нашел переводчика этой книги, но здесь, не имея никаких вспомогательных средств, совсем не могу вспомнить. Сие только верно, что я сей книги не читал, взята она и отдана в печать только по одной цензуре. И когда мне из сей мерзкой книги показаны и прочтены, то я ужаснулся, что такая книга у нас напечатана, здесь паки дерзаю призывать всесвятейшего бога во свидетели в том, что я сей книги до показания мне оныя здесь не читал и совершенно не знал содержания ее; намерения к рассеванию столь мерзких понятий не имел; и что переводчика оной, сколько ни старался, не мог вспомнить теперь, что взята и отдана она в печать по одной только цензуре без всякого другого намерения и что показанные мне места, как пред самим живым богом говорю, совершенно противны и мерзки по моим собственным понятиям. Что же столь мерзкая книга у нас, хотя истинно говорю не знавши и без намерения, напечатана и что хотя совершенно безвинно, однако был причиною к напечатанию оной, в том, не защищаясь цензурою, с истинным сердечным сокрушением и болезнию повергаю себя к монаршим ее императорского величества стопам, испрашивая милосердого милования.

Возражение. На сей пункт изъяснения не нужно, а объясняет самое зло та книга, о которой Новиков отговаривается незнанием. А как нужно знать о авторе или переводчике, то должно о сем сведать от товарищей Новикова, оная ж книга здесь продается в лавке.

55. *Вопрос.* Известно, что из московской епархии, из академии и других семинарий браты были в сборища ваши студенты; то открыть, сколько их было, из оных есть ныне и в попах, вы же о сем умолчали; то сказать, где они при церквах, были ли они в масонстве, также и о попе Малиновском сказать, вашего ли он сборища?

Ответ. Что из Московской академии и из семинарии московской епархии студенты у нас были, о том в ответах моих показано,

а кто куда выбыл, и сколько из них в попах, и где, упомнить не могу; сколько же из тех студентов, которые у нас были, принято в масоны и кто, упомнить не могу же; а должен знать Иван Вл. Лопухин, потому что сии студенты были под особенным его надзиранием. О попе Малиновском почти совершенно уверен, что он никогда в масоны принят не был, а что с нами никогда в масонской связи не бывал, нижѐ приниман был, то сие верно знаю.

Возражение. О сем надобно в пополнение сведать о попах у товарищей Новикова.

56. *Вопрос.* На особой бумаге.

[*Ответ.*] Братство розового креста существует в России, сколько мне открыто было и известно, как находившемуся в нижних только градусах. Цель состоит: в познании бога чрез познание натуры и себя самого по стопам христианского нравоучения.

На 1-е. Кто суть действительно из начальников упомянутые в сем чертеже, мне открыто не было, и я не знаю не только сих, но нижѐ того, который за моим первым или ближайшим, которого одного только и знать по введенному порядку в ордене я мог.

На 2-й. В России первое основание сему братству положил профессор Шварц, который и был начальником здесь. По смерти его определен был начальником барон Шредер, который и был во все время, а кто был бы определен по возвращении Кутузова, ежели барон действительно отрешен будет, сие мне было еще неизвестно. Главные здешние братья: двое князей Трубецких, Кутузов, я, Гамалея, Ив. Вл. Лопухин и Тургенев.

На 3-й. В магии и каббале и не могли из нас никто упражняться, как то по бумагам видно, находясь в нижних только еще градусах, и мне о сих науках, кроме названия их, неизвестно. А в химии должны были мы уже упражняться, но не начинали и по неохоте и потому, что ни первых оснований показать нам было еще некому.

На 4-е. О чертеже и обо всем в нем написанном ничего не знаю я сказать; потому что когда он был дан мне профессором Шварцем, то на просьбу мою, чтобы он мне дал понятие об нем и объяснил, он мне сказал, что сей чертеж расположен и писан каббалистически, и кто не упражнялся еще в нижних познаниях, тот не может понимать и разуметь вышних; так, как невозможно изъяснять алгебру тому, кто не упражнялся еще даже в нижних правилах арифметики, что о сем чертеже и он не больше знает; а могут его разуметь только находящиеся в самых высших гра-

дусах. Что сей чертеж должен быть показан каждому члену один только раз при его принятии. Больше сего о сем чертеже открыто мне не было, и я не знаю, что значат написанные там слова: Шесть великия дни дел.

Сверх вышепоказанных, приняты в братство следующие:

Михаил Матвеевич Херасков.

Князь Енгалычев.

Поздеев.

Френкель.

Князь Черкасский.

Чеботарев.

Брат мой.

Багрянский.

Чулков.

И был еще купец Тусень, который умер. Кроме сих, мне еще никто не известен.

Возражение. Как он о чертеже сем отговаривается незнанием, то нужно изъяснение взять от товарищей князя Трубецкого, Тургенева и Лопухина. [1]

ДОПРОС НОВИКОВА О СВЯЗЯХ С ПОХОДЯШИНЫМ И ПОМОЩИ ГОЛОДАЮЩИМ КРЕСТЬЯНАМ

Г. Новикова вопросить о следующем:

1) Вы в допросе показали у князя Прозоровского, что должна ваша компания до 300 000 р., а из того ж допроса видно, что компания ваша получила от продажи книг почти невероятные доходы, то посему каким образом осталась эта компания столько должною и на какой конец вы в такой долг взошли, ибо и имение ваше толикой суммы не стоит, то и показать вам самую истину: кому именно компания или ты лично должны и сколько? и по векселям или каким другим обязательствам? Держась же истины, можно вам сказать, что вы не только публику, но и казну небережно обирали.

2) Есть в виду из допроса вашего, что вас одолжил 50 000 рублей Походяшин, и не по чему иному, как только по сходственности ваших нравов. Впрочем, вы же говорили, что вы с ним никакой связи не имели и под начальством вашим не был, а был у других ваших сотоварищей; даже вы неведением отговорились и в том, что имел ли он орден розового креста. Сие самое наводит сумнение вероятное, чтобы Походяшин в какой-либо большой сумме делал вам доверие.

---

[1] Против этого пункта на поле замечено: «сей пункт писан на особой бумаге».

3) У вас сделан приговор о уничтожении вашей компании, где ни одного слова не сказано, чтоб компания имела на себе какие долги или бы ты лично. А напротив того, каждый компанион сказал, что он все свои части получил, следовательно, ни один в накладе и в долгу не остался. А теперь выходит, что один ты не только своих частей не получил, да еще и такие долги на ваш счет обращены, которых все своим имением заплатить не в состоянии, то сие требует также откровенного вашего признания, с каким намерением вы сии долги на себя обратили?

Будьте уверены, что сие требуется от вас по высочайшему ее императорского величества соизволению, то и должны вы во облегчение вашего настоящего жребия показать самую истину; в противном же случае всякое несправедливое ваше показание умножит ваше несчастие, ибо всемилостивейшая государыня не для чего иного сии вопросы повелела к вам послать, как только видеть откровенность сердца вашего пред престолом ее величества, ибо вас уверить больше нечем, как только тем, что сам бог говорит: «несть тайна, яже не явлена будет!»

Ответ Новикова:

На учиненные мне по всевысочайшему соизволению ее императорского величества вопросы со всеглубочайшим благоговением и искренностию, сколько настоящие мои тяжкие болезненные припадки, крайнее изнурение сил душевных и телесных и крайняя же слабость учинить то допустят, сим доношу:

На 1-е. В допросе моем у его сиятельства князя Прозоровского, что компания Типографическая должна до 300 000 рубл., показано было мною, сколько и теперь упомнить могу, истинно. О показании доходов в том же допросе говорил я, сколько могу наизусть припомнить, искренно. Доходы же сии не разумел я за исключением расходов, но всю так называемую в торговых делах выручку; да и то, помнится, сказано было о первых годах; а в последующих по разным случившимся обстоятельствам оные уменьшились. — Долгов на компании до того времени, как приняла на себя компания гендриковский дом и с заведенною аптекою, было не много. Но с сим несчастным для нас домом увеличились и долги компании до показанной суммы. — Имение компании, состоящее в двух домах, аптеке, типографии, материалах и книгах, полагая низкими ценами, вдвое стоит против долгов: и мы иного в виду не имели, как совершенно выплатить все долги. — Долги компании были по векселям, по закладным и по счетам: главные из них по закладным в Воспитательный дом под заклад гендриковского дома и деревень с процентами было с лишком сто тысяч рублей; да по закладной же под заклад другого каменного дома на Никольской улице его превосходительству Владимиру Ивановичу Лопухину 16 000 рубл. Прочие же долги по векселям и по счетам: векселя даваны были за подписанием назначенных членов ком-

пании, также и от меня лично и от других членов компании, к кому кредиторы имели доверенность; почему истинно не могу помнить, кому и сколько именно: тем паче, что у нас они и числились долгами тем, кто давал вексель; да и повсегодно многие переменялись; одним уплачивали по частям, иным все выплачивали; и вновь занимали, так, истинно говорю, что это теперь и по слабости моей и крайнему изнеможению в памяти моей как прошедший сон; и ни на чем в памяти моей остановиться не могу, тем больше утвердиться не могу, чтобы здесь доносить за верное, и сие говорю истинно по сущей справедливости, а не из укрывательства. — Обманывать никого у нас намерения не было, а тем паче исполнения самым делом: и сие сам господь бог, видящий и знающий все помышления человеческие, видит и знает это. Даже и вошед в столь великие долги, мы ничего иного не помышляли, как бы, хотя с потерянием своего собственного, все долги заплатить. Не могу, однакож, не признаться, что многие поступки наши были неосторожны, скоры, необдуманны; почему и могли они навлечь на нас разные подозрения и толки. В чем, пред господом богом и пред священною особою ее императорского величества совершенно раскаяваясь, признаю вину свою и испрашиваю милосердого ее величества прощения и помилования.

На 2-е. Что показано мною о одолжении меня г. Походяшиным 50 000 руб., то справедливо; но требует изъяснения, что я здесь со всею искренностию и исполню: и сколько могу вспомнить, то и в здешних моих допросах показал я, что ежели повелено будет, то о сем сделаю особое донесение: — показание мое, что он не был под моим начальством по масонству, равно и то, что он в орден принят не был и что я с ним ни в какой особой связи по масонству не был, есть справедливо и без всякого укрывательства; но может быть, по слабости крайней мыслей, худо я это выразил, чем и подал сомнение: сему погрешению, по причине крайней моей слабости, я и теперь подвержен, что или иное очень пространно, иное же очень нечетко изъясняю: и сие истинно не от чего иного, как от того, что по причине слабости никакого порядка в мыслях удержать не могу. Г. Походяшин дал мне вышепоказанную сумму денег не вдруг, но по частям, и то совсем по особенному случаю. Всем известный голодный 1787 год был причиною сего одолжения. Распространившиеся общие о сем слухи и ежедневно возраставшие и до непомерной дороговизны возвысившиеся в Москве на хлеб цены, также и полученное мною из деревни нашей уведомление, что все крестьяне претерпевают великий недостаток в хлебе, заставили меня в начале зимы поехать в деревню, чтобы успеть какое-нибудь сделать распоряжение заблаговременно. Дорогою до деревни везде видел я тем слухам подтверждение. В деревне у себя нашел я, что у крестьян не было уже ни хлеба для пропи-

тания, ни корму для скота. Я роздал весь свой хлеб, сколько его было, своим крестьянам, уделя из оного часть соседским крестьянам же, пришедшим по знакомству просить; но как сего очень было мало, то и употребил я бывшие тогда у меня занятые с братом на наши нужды деньги, всего, помнится, до 3000 руб., с тем чтобы куплено было на половину ярового хлеба для семян на следующую весну, а на половину ржи для прокормления; по удовольствовании же своих крестьян оставшийся хлеб велел по малому числу раздавать приходящим бедным просителям. Сделав такое распоряжение, возвратился я в Москву. Быв в первый раз еще в жизни моей поражен ужасною картиною голода, был я чрезвычайно сильно тем тронут: натурально, что и рассказывал я случившимся у меня приятелям, в числе коих был и г. Походяшин, о моей поездке в живых выражениях. Несколько спустя дней приехал ко мне г. Походяшин и сказал, что он хочет со мною поговорить наедине. Чтобы сократить это, то он предложил мне, чтобы я взял от него 10 000 рублей на покупку хлеба по тому точно расположению, какое я сделал; и что ежели сих денег будет мало, то он сколько сможет будет мне давать: и просил при том, чтобы я это производил своим именем и дал бы ему честное слово никому об нем не сказывать. Чтобы сократить сколько возможно сие и только показать, что к существу дела принадлежит, то поехал уже в деревню сам и жил там всю зиму и следующую весну. Г. Походяшин передавал всего 50 000 руб., на которые я закупил хлеба и роздал просившим взаймы до следовавшей осени, с тем чтобы деньгами или хлебом заплатили. Хлеб раздаван был с свидетельствами и расписками. Всех казенных и дворянских селений, из коих брали хлеб, кажется не ошибусь, ежели скажу, было около ста. Посредством сего хлеба вся та окольность в тот несчастный год прокормилась, и весною все поля обсеяны были яровым хлебом. Осенью оказалось при уплате, что в тот год хлебом и деньгами едва ли и третья часть уплачена была: включая в то и ту часть, которую из некоторых селений работою уплатили. Я сказал о сем г. Походяшину, который просил меня, чтобы из сих денег завесть хлебный магазин, который бы и содержать для требующих и на подобные сим несчастные случаи: от чего да сохранит господь бог отечество наше! Сии-то деньги, которыми я себя должным почитаю г. Походяшину, до того времени, пока или исполнилося бы совершенно его желание, или по собрании всего, разочтясь в употребленных с позволения его в обработывание и строение в моей деревне, совсем бы расплатился. В последующие годы раздача хлеба продолжалась повсегодно тем, которые просили; и из сих денег осталось еще на разных селениях по 1792 год, помнится, до 15 или, может быть, и до 20 000 руб. не собранных. С сего года по причине даванных работ для уплаты завелось у меня в деревне и строение, которое и производимо было помалу

всякий год, с великою удобностию в рассуждении натуральных местных выгод: потому что кирпич свой, белый камень, бут и известь в своих дачах; также и обработание полей по собственной моей системе. С того времени построен у меня хлебный магазин, в котором и содержалось всегда готового хлеба, также и немолоченного от 5 до 10 000 рублей. Посредством обработания полей и расчистки побросанных мест и посев хлеба у меня в деревне увеличивался повсегодно, и увеличился почти до невероятного числа. С сего времени сделалось у г. Походяшина со мною тесное дружество и доверенность. Столь редкая доброта сердца исполнила меня на всю жизнь мою к нему искренним сердечным почтением и любовию; а может быть, и мои при всем оном происшествии поступки, о чем он был совершенно известен, произвели в нем ко мне любовь: так что истинно и искренно сердечно доношу, что сие происшествие, а не масонские связи произвели в нас теснейшее взаимное дружество; так что я, истинно говорю, как пред самим господом богом, в случае смерти моей поручал ему, как себе, покойную жену мою и детей и приучал их, чтобы они его почитали как отца. Сие мое искреннее и сердечное расположение к нему сам господь видит и знает: и я уверен совершенно в искренности его дружбы. Ежели что по сему пункту донесения моего окажется неясно или смутно, то сие истинно, как пред самим господом, доношу, что сие произойдет не из укрывательства или неискренности; но истинно от слабости моей крайней и от насильного напряжения мыслей; и от того, что я старался как возможно писать об этом короче и убегать от подробностей, которые бы завели меня в пространство. Материя сия столь во мне, при всей крайней моей слабости, столь еще жива, сколь сильно поражены были сим происшествием нервы мои и сколь многих трудов, сил и здоровья стоило мне исполнение сего дела. И я, истинно говорю, почитаю оное время драгоценнейшим и сладостнейшим во всей моей жизни. Господь видит, что я не лгу и говорю истину. Побуждением принять на себя производство сего дела, истинно доношу, не корыстолюбие было, но сердечное сострадание. В чем дерзаю призывать самого господа во свидетельство! Но ежели и по сему пункту в производстве сего дела в чем неумышленно погрешил, в том, повергая себя к стопам ее императорского величества, испрашиваю прощения и милосердого ее помилования!

На 3-й. Приговор о уничтожении компании был между нами действительно сделан, но исполнение оного хотя и было начато, но не совсем еще состоялось. О сем, так, как и о прочем, в сем пункте содержащем, со всею искренностию и чистосердечием, сколько слабость моя допустит, потому что истинно едва перо в руках могу держать, ниже донесу со всеми нужными обстоятельствами. Видя, что долги наши с году на год увеличиваются, что

холодность по причине сделавшейся трудности в оборотах к сему делу умножалась и что по разным неудобствам совершенно становилась в тягость; а наипаче тем, на кого возложено было отправление дел; я же с своей стороны, сверх всего сказанного, видел также ежегодно умножающиеся тяжкие болезненные припадки и изнурение сил, почему и часто советовались, как бы расплатиться с долгами и компанию уничтожить. Но как совсем никакой не было надежды, чтобы кто один вдруг все имение компании купил, то посему мнение тех, чтобы объявить в газетах о продаже всего имения компании, было отлагаемо. Г. Походяшин, бывая у меня и у членов, ему знакомых, слыхал о сих обстоятельствах компании и изъявлял свое сожаление, что не может он в сем помочь. Из Петербурга писал он ко мне, что они свои заводы продают и что ежели торг состоится и они продадут, то надеется он компанию вывесть из ее трудного положения, с таким условием, что он своим именем с компаниею ни в какие сделки не вступит, но что ежели мы хотим, то чтобы я от компании все дело снял на свое имя и с ним уже имел дело. По приезде его из Петербурга подтвердил он мне о сем и требовал, чтобы ежели мы хотим от него получить помочь, то чтобы не только чтобы его имени ни в каких сделках не вмешивать, но до некоторого времени и членам всем не сказывать; и чтобы я сделку с компаниею снял на свое имя и производил дело. Я просил его, чтобы он назначил кого из своих доверенных, у которого бы все было на руках, как имение, так и выручка и счеты, чего я на себя взять не могу: на что он согласился. От меня членам о сем было предложено, и они все согласились, почему и сделан был вышепомянутый приговор и положено: 1) чтобы каждый член, сделав особый расчет в капитальной своей сумме, данную ему квитанцию от компании возвратил, а свою дал на мое в получении оной. Удовлетворение же каждому члену получить моими векселями; 2) чтобы посторонние долги каждый член, чрез которого получение было, попрежнему удержал на себе, а от меня бы взял векселя, а компанейские общие векселя возвратил; 3) чтобы платеж от меня был прежде посторонним долгам, а по выплачении посторонних долгов производим бы был платеж тем членам, которые давали свои деньги на векселя компании сверх капитальной суммы. А платеж бы капитальных сумм был самый последний; 4) чтобы платеж в Воспитательный дом сделан был первый, и тогда, по выкупке гендриковского дома, дать и купчую на мое имя или на чье другое, как я буду требовать. Тогда же снять мне аптеку, типографию, материалы и книги. Тогда же и все возвращенные обязательства, векселя и счеты компанейские возвратить компании и имени ее не быть. По сему и начато было делать, с некоторыми членами уже и сделаны были расчеты и даны от меня векселя, с другими начато делать, но не докончено, а между тем делали ревизии материалам аптечным, в типографии

вещам и инструментам, также и книгам наличным в магазинах, в лавке и в долгах, и как для лавочных счетов обыкновенное время страстная и святая неделя, то и приказано было все сии расчеты изготовить к половине мая, дабы в конце мая сделать окончание и возвращение компанейских обязательств. В таком запутанном состоянии остались компанейские дела, долги и расчеты; от прежнего своего течения и порядка отведены, а к другому еще не приведены, и я не знаю, что после меня они сделали или могли сделать, в приговоре же о долгах и расчетах не упомянуто ничего, по большинству голосов; потому что каждый член, сделав особый свой расчет, даст особую квитанцию: хотя некоторые из нас сего требовали также и потому, что большая часть из долгов разойдется по членам и они будут иметь уже частные, а не компанейские векселя; прочие же долги к окончанию должны быть уже заплачены, и потому-де к совершенному уничтожению компании все ее обязательства должны быть возвращены, следовательно, и долгов на компании уже никаких не будет: что и в самом деле было бы так, ежели бы доведено было до окончания. Между тем возобновившиеся у меня сильные припадки понудили меня к празднику съехать в деревню, с тем чтобы к половине мая возвратиться мне в Москву для окончания начатого дела. К которому времени должны были приготовлены быть и все расчеты; но все сие не исполнилось: и господь бог ведает, в каком состоянии ныне дела наши находятся! В деревню съехал я по причине бывшей тогда распутицы один, без детей, которых уже с того времени и не видал, и по приезде вскоре сильно занемог и больной уже с постели и взят был. — С г. Походяшиным сделано было следующее положение. 1) Долги компании все он выплатить взял на себя, по вышесказанному расположению: и первую заплату в Воспитательный дом сделать, которую он и начал, но кончено или нет, уже не знаю; также небольшие, не терпевшие долги уже были заплачены. 2) Гендриковский дом, аптеку, на которую и были уже охотники, двое докторов агличане: о чем меня незадолго перед взятьем уведомляли; но сделано ли с ними что или нет, не знаю; также и большую часть типографии продать, а оставить только небольшую для необходимо нужных допечатаний начатых и купленных уже оригиналов. 3) Ежели дом гендриковский скоро не продастся, то на оба дома дать закладную и верющее письмо на продажу на его имя или на чье он прикажет. 4) Прочее имение все по снятии мною от компании сдать тому, кого он назначит: сделанную ж всему опись, равно и долгам подписать нам обоим, с которого времени и расчет вести. 4) (sic) Вырученные деньги за продажу ли чего из имения или выручаемые за продажу книг, также из аптеки, пока продастся, собирать его поверенному, и производя по текущим делам расходы. Остальные в год, что будет, отдавать г. Походяшину, а ему на описи долгов подписывать уплату и повсегодно

по отдаче денег делать счет. 5) Как г. Походяшин наличных денег для заплаты (sic), а имел и употреблял бывшие у него банковые облигации и на них терпел вычитаемые до срока проценты, то и платеж ему должен быть произведен по полной сумме употребленных облигаций и чтобы он из них ничего не потерял. 6) По выплачении ему всего выплатить уже наши капитальные части. 7) Что останется имения за заплатою всего вышепоказанного, о том, тогда как оба согласимся, такое употребление делать. Вот все, что только мог я вспомнить до уничтожения компании и до принятия мною долгов и всего этого тягостного уже для меня дела. Страшно мне было к этому приступить, но я решился на оное и потому, что к уничтожению компании и прекращению всего этого дела не видал я другого средства; также и потому, что делавший нам милость и благодеяние г. Походяшин не потерял бы ничего, а мы бы прекратили и избавились от такого дела, которое нас совершенно тяготило; я же бы, без изнурений себя и последних сил своих производя оное советами только, где и когда спросят, мог провождать сколько возможно уединенную жизнь, живучи в деревне и воспитывая детей моих и, поскольку слабость здоровья позволила бы, упражняясь в хозяйстве. — Я старался, сколько только слабость сил моих допустила, вспомнить и с совершенною искренностию и чистосердечием донесть обо всем по сему пункту: что по крайней моей возможности со всяким чистосердечием и исполнил с последним усилием и истощением сил моих. Здесь почитаю я нужным донесть еще об одном обстоятельстве, которое хотя к вопросу не принадлежит, но по существу своему к искреннему донесению нужно. Г. Походяшин по сему расположению дела вверил мне разные бумаги, до их раздела касающиеся, облигаций, сколько числом, не помню, а суммою было их на сто тысяч рублей (без всякого адреса), да векселей не упомню с чем на десять тысяч рублей и хотел их взять по приезде моем в Москву. Я, ехав в деревню, побоялся их без себя оставить и взял с собою. В деревне они были у меня до приезда г. Олсуфьева. По осмотре всех моих бумаг возвратил он мне ключи. Помнится, что я сказал ему, что у меня были тут чужие бумаги, вверенные мне; на что мне он сказал: что нам надобно было, мы то все отобрали, а что осталось, то вы, как хозяин, можете употреблять, как хотите, для чего и ключи вам возвращаются, а бумаги те остались в вашем бюро. На другой день, не зная, что г. доктор Багрянский будет со мною взят, отдал я сии бумаги ему, с просьбою, чтобы доставил сам г. Походяшину. На третий день, когда я взят был к. Жеваховым, то взят был со мною и Багрянский. В смятенном и крайне слабом моем состоянии я совсем позабыл, что я Багрянскому их отдал, но помнилось мне, что я отдал их племяннику, который тут же был. Когда я привезен был к его сиятельству князю Прозоровскому, то он между прочим спросил: у тебя видели билеты Похо-

дяшина, я доложил его сиятельству, что они у меня были. После же, почитая, что они племянником верно доставлены г. Походяшину, об них и не думал, и, помнится, за день уже до того, как нас повезли из Москвы, Багрянский сказал мне, что они у него и с ним. Не смел я через пристава моего о сем с его сиятельством о сем изъясниться, но почитая, что или г. Багрянский будет освобожден и отдаст, или его сиятельство меня перед себя возьмет, то намерен был просить о доставлении. Но как мы уже повезены были из Москвы ночью и вдруг, то я совсем об них позабыл. На третий уже день вспомнил я об них и спросил у князя, может ли он мне сделать милость, бумаги, которые у меня были чужие и которые в осмотре были и не взяты г. Олсуфьевым, от меня взять и доставить хозяину, просмотря прежде. И чтоб сократить, он взял, пересмотрел и сказал, что он по возвращении спросит у г. Олсуфьева, и ежели он ему скажет, что они там были и он их видел, то он их отдаст верно. Тут сидел с нами и еще офицер, и я их еще просил о скором доставлении, но ежели ему этого делать нельзя, то чтобы мне сказал, так я буду о сем просить там, куда он нас везет. Но он меня обнадежил, что ежели только видел их г. Олсуфьев, то он верно доставит. При отъезде их отсюда я еще их обоих просил, и они обещание подтвердили. Но как они это исполнили, господь ведает: я по крайней мере очистил свою совесть, что о сем донес. Ежели же и по сему пункту донесения моего в чем хотя неумышленно погрешил, в том, повергая себя к монаршим стопам ее императорского величества, испрашиваю милосердого ее величества прощения и помилования!

В заключение же всего донесенного мною с совершенною искренностию и чистосердечием, сколько только могу вспомнить, без всякого укрывательства; в бедственном, изнуренном и почти полумертвом состоянии; не имея другого случая, кроме сего: дерзаю повергнуть себя в совершенном раскаянии во всех моих проступках, повергая с собою и троих бедных невинных младенцев, детей моих, к высокомонаршим стопам ее императорского величества и вопию: о великая императрица! пощади и прости; о премудрая монархиня! помилуй; о милосердая матерь отечества! дозволь несчастному и полумертвому преступнику, прогневавшему тебя неумышленно, дозволь, когда угодно господу, прекратить дни мои, последний вздох испустить в объятиях детей моих! Услыши, милосердая матерь отечества, младенцев, вопиющих к тебе: помилуй! Мы лишились матери! Ежели ты не помилуешь нас, то лишаемся и отца! Услыши, о великая и милосердая монархиня и матерь! мы все четверо вопием к тебе: помилуй!

УКАЗ ЕКАТЕРИНЫ О ЗАТОЧЕНИИ НОВИКОВА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ

УКАЗ КНЯЗЮ А. А. ПРОЗОРОВСКОМУ 1 АВГУСТА 1792 г.

Рассматривая произведенные отставному поручику Николаю Новикову допросы и взятые у него бумаги, находим мы, с одной стороны, вредные замыслы сего преступника и его сообщников, духом любоначалия и корыстолюбия зараженных, с другой же, крайнюю слепоту, невежество и развращение их последователей. На сем основании составлено их общество; плутовство и обольщение употребляемо было к распространению раскола не только в Москве, но и в прочих городах. Самые священные вещи служили орудием обмана. И хотя поручик Новиков не признается в том, чтобы противу правительства он и сообщники его какое злое имели намерение, но следующие обстоятельства обнаруживают их явными и вредными государственными преступниками. *Первое*. Они делали тайные сборища, имели в оных храмы, престолы, жертвенники; ужасные совершались там клятвы с целованием креста и евангелия, которыми обязывались и обманщики и обманутые вечною верностию и повиновением ордену златорозового креста, с тем чтобы никому не открывать тайны ордена, и если бы правительство стало сего требовать, то, храня оную, претерпевать мучение и казни. Узаконения о сем, писанные рукою Новикова, служат к обличению их. *Второе*. Мимо законной, богом учрежденной власти дерзнули они подчинить себя герцогу Брауншвейгскому, отдав себя в его покровительство и зависимость, потом к нему же относились с жалобами в принятом от правительства подозрении на сборища их и чинимых будто притеснениях. *Третье*. Имели они тайную переписку с принцем Гессен-Кассельским и с прусским министром Вельнером изобретенными ими шифрами и в такое еще время, когда берлинский двор оказывал нам в полной мере свое недоброхотство. Из посланных от них туда трех членов двое и поныне там пребывают, подвергая общество свое заграничному управлению и нарушая чрез то долг законной присяги и верность подданства. *Четвертое*. Они употребляли разные способы, хотя вообще, к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы; в сем уловлении, так, как и в помянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником. *Пятое*. Издавали печатные у себя непозволенные, развращенные и противные закону православному книги и после двух сделанных запрещений осмелились еще продавать новые, для чего и завели тайную типографию. Новиков сам признал тут свое и сообщников своих преступление. *Шестое*. В уставе сборищ их, писанном рукою Новикова, значатся у них храмы, епархии, епископы, миропомазание и про-

чие установления и обряды, вне святой нашей церкви непозволительные. Новиков утверждает, что в сборищах их оные в самом деле не существовали, а упоминаются только одною аллегорией для приобретения ордену их вящего уважения и повиновения; но сим самым доказываются коварство и обман, употребленные им с сообщниками для удобнейшего слабых умов поколебания и развращения. Впрочем, хотя Новиков и не открыл еще сокровенных своих замыслов, но вышеупомянутые обнаруженные и собственно им признанные преступления столь важны, что по силе законов тягчайшей и нещадной подвергают его казни. Мы, однакож, и в сем случае следуя сродному нам человеколюбию и оставляя ему время на принесение в своих злодействах покаяния, освободили его от оной и повелели запереть его на пятнадцать лет в Шлиссельбургскую крепость. Что же касается до сообщников его, Новикова, статского действительного советника князя Николая Трубецкого, отставных бригадиров Лопухина и Тургенева, которых не только признания Новикова, но и многие писанные руками их заразительные бумаги обличают в соучаствовании ему во всех законопротивных его деяниях, то повелеваем вам, призвав каждого из них порознь, истребовать чистосердечного по прилагаемым при сем вопросам объяснения, и притом и получить от них бумаги, касающиеся до заграничной и прочей секретной переписки, которые, по показанию Новикова, у них находятся. Вы дадите им знать волю нашу, чтобы они ответы свои учинили со всею истинною откровенностию, не утаивая ни малейшего обстоятельства, и чтобы требуемые бумаги представили. Когда же они то исполнят с точностию и вы из ответов их усмотрите истинное их раскаяние, тогда объявите им, что мы, из единого человеколюбия освобождая их от заслуживаемого ими жестокого наказания, повелеваем им отправиться в отдаленные от столиц деревни их и там иметь пребывание, не выезжая отнюдь из губерний, где те деревни состоят, и не возвращаясь к прежнему противозаконному поведению, под опасением, в противном случае, употребления над ними всей законной строгости. А если кто из них и после сего дерзнет хотя единого человека заманить в свой гнусный раскол, таковой не избегнет примерного и жестокого наказания. Когда же они отправятся, донесите нам, дабы потом могли мы дать тамошнему начальству повеления о наблюдении за их поступками.

КОММЕНТАРИИ

ОБ АВТОРСТВЕ НОВИКОВА

Новиков — крупный и талантливый русский писатель второй половины XVIII века, чьи произведения были любимы широкими кругами читающей публики. Главнейшие сочинения Новикова выходили при жизни автора несколькими изданиями, причем печатались всегда небывало большими для XVIII века тиражами — от тысячи до четырех тысяч экземпляров. Читатель отлично знал и ценил смелого сатирика, печатавшегося в журналах «Трутень» и «Живописец», автора философских и политических сочинений, одного из первых русских критиков, выступавшего и под различными псевдонимами (например, Издатель «Трутня», Сочинитель «Живописца» и т. д.), и под инициалами Н. Н., и, наконец, под своим собственным именем — Николай Новиков.

Новиков-писатель пользовался любовью, уважением и чрезвычайно высоким нравственным авторитетом у литераторов-современников. В 70-е годы он становится в центре литературы, выступает ее организатором, наставником молодых, умея всегда помочь разобщенным писателям. Новиков был в дружеских отношениях с Фонвизиным, печатал его произведения, поддерживал, как критик, его первую комедию «Бригадир». Философские сочинения Новикова оказали влияние на мировоззрение начинавшего свой путь поэта Державина. Новиков, подняв крестьянскую тему в литературе, проложил тем дорогу Радищеву, который своим «Путешествием» совершил литературную революцию, сделав народ героем литературы. Кстати, именно Новиков привлек молодого Радищева к литературной работе, издав его первые переводы. Он оказывал помощь и постоянную поддержку писателю Михаилу Попову, журналисту-сатирику Аблесимову и др. В 80-е годы он привлек к работе в своих журналах десятки молодых людей, которые, пройдя через его школу, прочно встали на путь профессиональных литераторов. Здесь стоит назвать имена не только Петрова, Муравьева и Дмитриева, но и, прежде всего, Карамзина.

Отзывы литераторов характеризуют Новикова именно как крупного, талантливого и популярного писателя XVIII века. Михаил Попов в письме-предисловии публично засвидетельствовал и свою благодарность и свое глубокое преклонение перед нравственной личностью еще никому не известного Новикова.

Михаил Муравьев, близко знавший Новикова, увлекавшийся его сочинениями, так характеризует его в письме 1779 года: «Новиков... один из лучших наших писателей и страстный любитель письмен».

*

Дмитриев свидетельствовал в своих воспоминаниях: «Имя его [Новикова. — *Г. М.*] стало известно с 70-х годов по изданию им одного за другим двух еженедельников — «Трутня» и «Живописца». Как писатель, он «в листках своих нападал смело на господствующие пороки, карал взяточников, осмеивал закоренелые предрассудки и не щадил невежества мелких, иногда же и крупных помещиков».

Карамзин, вышедший из новиковского кружка, в специальной записке о великом русском просветителе писал: «Г. Новиков в самых молодых летах сделался известен публике своим отличным авторским дарованием... писал остроумно, приятно и с целию нравственной».

Многочисленные сочинения Новикова были отлично известны читателям XIX века. Из писем Николая Тургенева мы знаем, что ему, например, в Берлин привезли из России новиковский «Живописец», в котором он впервые прочел сочинение, обличавшее рабство. Новиковские журналы, и «Живописец» прежде всего, послужили Тургеневу основанием для выработки типа и планов издания декабристского журнала, который в память новиковского должен был называться «Живописцем».

Рылеев внимательнейшим образом читал философские и исторические сочинения Новикова. Они оказали на него влияние. Это и отметил Огарев, знавший новиковские сочинения: «Необходимо новиковская традиция входила в его [Рылеева. — *Г. М.*] воспитание».

Для Белинского новиковский «Опыт исторического словаря» — факт собственно литературной критики, который невозможно обходить в обзоре развития русской критики. Почти через 100 лет после выступления Новикова Добролюбов, занявшись сатирическими журналами XVIII века, сразу обратил внимание на произведения, напечатанные в «Трутне» и «Живописце», отметив и талантливость их и остроту в постановке социальных проблем. О «Письмах к Фалалею»: «Письма эти очень замечательны по мастерству своего лукавого юмора». О «Крестьянских отписках»: «Эти документы так хорошо написаны, что иногда думается: не подлинные ли это?» «Гораздо далее всех обличителей того времени ушел г. И. Т., которого «Отрывок из путешествия» напечатан в «Живописце». В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе», и т. д.

Итак, для читателя XVIII и первой половины XIX века, для писателей-современников и деятелей первой четверти XIX века, для всех, лично связанных с людьми, близко знавшими русского просветителя, было совершенно очевидно: Новиков — писатель, автор многочисленных талантливейших художественных, философских, критических, исторических и педагогических сочинений. И в то же время сочинения Новикова именно как произведения ему принадлежащие после его ареста в 1792 году *ни разу* до сегодняшнего дня не переиздавались. Это отсутствие перепечаток текстов Новикова, естественно, приводило к забвению литературного наследия русского просветителя, погребенного в мало доступных, давно ставших библиографической редкостью изданиях XVIII века. Так сложилось не терпимое более положение: замечательные произведения русского просветителя XVIII века оказались почти исключенными из русской культуры. В современных кур-

сах русской литературы недостаточно изучается Новиков-писатель; в курсах по философии — Новиков-философ; в курсах по истории общественной мысли — Новиков-политик и просветитель; в курсах по истории критики — Новиков-критик.

В чем же причина этого?

Первой и решающей причиной, несомненно, являются долголетние и жестокие гонения русского просветителя самодержавием. Новиков не просто был посажен Екатериной в Шлиссельбургскую крепость. Он был оклеветан, у него отняли имя, честь, достоинство. Ни Павел, выпустивший Новикова из Шлиссельбургской крепости, ни Александр, кокетничавший либерализмом, не изменили положения писателя. Он продолжал жить в опале, бедствуя, исключенный из общественной жизни, с печатью царского «опубликования». Поэтому к середине XIX века многие произведения Новикова забылись. Этим воспользовались некоторые консервативные, реакционные ученые и стали творить легенду о Новикове только как о культурном, главным образом масонском деятеле XVIII века. Создателем этой легенды был реакционер Лонгинов, который после ряда мелких работ о Новикове в 1867 году выпустил книгу «Новиков и московские мартинисты», канонизировавшую эту легенду. Новиков, по Лонгинову, не был писателем. Он лишь в начале своего пути был «двигателем просвещения», а затем нашел себя в масонстве и целиком отдался ему.

Этой фальсификации способствовало еще одно обстоятельство. Огромное число своих сочинений Новиков издавал без подписи. Исследователь Новикова, конечно, не мог не знать, что стремление к анонимности было принципиальной позицией русского просветителя. Новиков неоднократно публично заявлял, что не считает обязательным для писателя, преследующего нравственную цель, объявлять свое имя читателям. Проявилась здесь и личная черта характера писателя — необыкновенная его скромность. Так, например, Новиков писал: «Тот, который других перед собою не уважает, должен непременно сделаться известным; но что до нас касается, мы никогда публике себя не объявляли» («Утренний свет», 1780, ч. IX, Заключение).

Фальсификаторы литературного наследия Новикова не замедлили воспользоваться особенностью этой писательской позиции для того, чтобы начисто замолчать его сочинения. В XIX веке из числа буржуазных исследователей только один — Незеленов — пытался утверждать, что Новиков был писателем, указывая на принадлежность ему многих произведений в журналах, издателем которых он был. Но это был голос вопиющего в пустыне. Незеленов не аргументировал свою точку зрения, и многие исследователи незамедлительно опровергли его.

После революции 1905—1907 годов был проявлен интерес и к деятельности Новикова, правда, только к одному, петербургскому, периоду его творчества, периоду издания сатирических журналов. Просмотр новиковских журналов привел к открытию в них замечательных сатирических антидворянских и антикрепостнических сочинений. Вместо того чтобы на основе этих сочинений опровергнуть легенду Лонгинова, отнявшего у Новикова имя писателя, эти буржуазные и либеральные ученые, доверившись во всем

Лонгинову, принялись открытые ими новиковские сочинения *приписывать* различным писателям.

Требования декабристов, революционных демократов подвергнуть изучению жизнь, деятельность и творчество Новикова, вернуть ему заслуженное имя просветителя, художника, критика и философа, украденное самодержавием, являются заветом для советской историко-литературной науки. Важнейшим моментом в выполнении этой задачи является собрание и подготовка к изданию сочинений Новикова.

Несомненно, перед составителем данного однотомника избранных сочинений Новикова встали не малые трудности. Как уже говорилось выше, значительное число сочинений русского просветителя не было им подписано. Больше того, мы не имеем ни одной рукописи литературных работ Новикова. И вместе с тем должно сразу же категорически заявить, что у исследователя, занявшегося изучением именно *творчества* Новикова, окажутся совершенно очевидные и несомненные доказательства принадлежности ему большого количества произведений, напечатанных в различных изданиях. Данный однотомник — первая попытка собрать собственные сочинения Новикова. Составитель не ставил себе задачи собрать *все* произведения русского просветителя. Вряд ли эта задача по силам одному человеку. Составитель стремился собрать наиболее ценное, характерное для новиковских убеждений, рисующее многогранность его творческого дарования (прозаик, критик, педагог, историк и т. д.).

В силу создавшегося положения, когда в течение ста лет буржуазная, дворянская и формалистическая наука отнимали у Новикова имя писателя, составителю первого издания избранных сочинений Новикова необходимо доказывать принадлежность новиковских сочинений Новикову. Прежде чем перейти к развертыванию аргументов и доказательств принадлежности того или иного сочинения Новикову, необходимо заранее оговорить те принципы, которыми руководствовался составитель в отборе сочинений и в решении вопроса о принадлежности их русскому просветителю.

Первое. В литературном наследии Новикова должно быть прежде всего отмечено значительное количество произведений, им подписанных. В этом убеждает просмотр всех журналов и книг, им изданных. Такими произведениями оказываются: в «Трутне» — «Предисловие», «Разговор: Я и Трутень», «В новый год новое счастие», «Расставание, или последнее прощание с читателями»; в «Пустомеле» — предисловие [Рассуждение об авторах еженедельных сочинений 1769 года]; в «Живописце» — «Автор к самому себе»; в «Кошельке» — «Вместо предисловия»; в «Утреннем свете» — «Предуведомление» [«О высоком человеческом достоянии»], «Заключение» [«Нравоучение как практическое наставление»]; в «Московском издании» — «Предисловие» [«Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства знание»]. Такими же подписанными произведениями являются предисловия Новикова к различным историческим изданиям, предисловие к критико-библиографическому журналу «Санктпетербургские ученые ведомости» и, наконец, капитальное сочинение «Опыт исторического словаря о российских писателях». Сюда же может быть отнесен без каких-либо колебаний цикл произведений из «Трутня»,

направленных против «Всякой всячины» и Екатерины II, во главе со статьями Правдулюбова. Никто из исследователей за все это время не пытался еще отнять эти статьи у Новикова. Исследование Семенникова («Русские сатирические журналы 1769—1774 гг.», СПБ., 1914) утверждает тоже несомненную принадлежность их Новикову.

Эти произведения важны не только тем, что под ними стоит подпись Новикова, но прежде всего тем, что они по своему характеру являются авторскими манифестами, программами действий. Именно в них изложены основы новиковского мировоззрения, они декларируют специфические новиковские темы, именно в них раскрываются характерные для Новикова-писателя черты стиля. Изучение произведений, напечатанных в журналах, показывает, что многие из них непосредственно и открыто примыкают к предисловиям, развивая их идейные, тематические и стилевые черты.

Как на пример, можно указать на цикл критических статей в «Трутне» и «Пустомеле». Там впервые выдвигаются вопросы, которые получили свое дальнейшее многостороннее и детальное развитие в предисловиях к «Живописцу» и «Санктпетербургским ведомостям» и особенно подробно в «Опыте исторического словаря» (см. подробнее в примечаниях). То же мы наблюдаем и с циклом философских статей в «Утреннем свете», органически связанных с «Предуведомлением» и «Заключением» (об этом ниже). Таково первое основание для выдвижения тезиса о принадлежности некоторых неподписанных произведений Новикову. Первое, но не единственное. Составитель считал обязанным проверять себя и доказывать принадлежность того или другого произведения Новикову и другими аргументами, но главное — их совокупностью.

Второе. Изучение принципов авторской и редакторской работы Новикова привело составителя к убеждению, что если Новиков и не подписывал часто свои произведения собственным именем (не всегда только по мотивам нежелания проявить свою «самость», свое авторское тщеславие, но в ряде случаев по мотивам политическим — например, свои выступления против Екатерины он не мог подписывать, ибо за этим последовали бы немедленно полицейские преследования), то в то же время *всегда* считал необходимым намекнуть иногда широкому читателю, а иногда только кругу близких друзей, кто скрывался под тем или иным выбранным им псевдонимом.

а) Так, Новиков, выступая в период с 1769 по 1775 год с различными журналами, непрерывно и обязательно давал понять, что известные читателю имена «Издатель «Трутня» («И. Т.»), «Сочинитель «Пустомели» («С. П.»), «Сочинитель «Живописца» («С. Ж.») принадлежат одному лицу (об этом подробнее ниже).

б) Новиков всячески стремился отделить свои произведения от чужих. Если он подписывал свое произведение псевдонимом, то тогда, почти во всех случаях, он стремился к тому, чтобы все чужие произведения были подписаны или полностью (например, В. Майков, К. Кондратович, Н. Поповский, «Сочинитель комедии «О время», то есть Екатерина II, и т. д.), или подлинными инициалами писателя (П. П. — Павел Потемкин, В. Р. — Василий Рубан, и т. д.), или таким псевдонимом, который прозрачно намекал на истинного автора, угадываемого современниками (например. Б. К. — то есть

Бесовский корректор, автор «Адской почты» Эмин; Азазез Азазезов — Александр Аблесимов), или, наконец, произведению предпосылалось предисловие, намекавшее читателю на подлинного автора (предисловие к «Посланию слугам моим», где сказано, что автором послания является тот же автор, который только что сочинил комедию «Бригадир»).

в) В тех случаях, когда псевдоним нужен был, чтобы скрыть свое имя от властей, Новиков всегда стремился к тому, чтобы дать знать близкому кругу своих друзей, кто подлинный автор смелых антиправительственных выпадов. Так появился псевдоним NN — друзьям было известно, что именно Новиков так писал начальные буквы своего имени и фамилии. Эти же инициалы — NN — в последующем станут одной из издательских марок Новикова-издателя.

Или другой пример. Написав первую статью против Екатерины и напечатав ее в «Трутне», Новиков подписал ее именем Правдулюбова. Но чтобы дать знать друзьям, кто автор смелой статьи, он поставил в конце статьи сигнал — 9-е мая. Это не безразличная и не случайная дата — это день именин Новикова, который он не только праздновал в кругу своих друзей, но и особенно чтил в связи с дорогой ему национальной русской традицией. Согласно этой традиции, как об этом писал сам же Новиков, в день именин подданные некогда приносили своему государю подарок — именинный пирог. Поднесение именинного пирога было внешним знаком свободно патриархальных отношений между «питателем», земледельцем, производившим «хлеб — самонужнейшую вещь», и властью, призванною защищать и оберегать его труд. Екатерина не была таким монархом, как не было в крепостнической России этих, желанных для Новикова, свободно патриархальных отношений. Вот почему он в свой день именин преподнес Екатерине «именинный пирог» — резкую сатирическую статью.

В последующем Новиков также будет прибегать к этому приему — приему намека кругу друзей или лицам, близко его знавшим. Так, в предисловии к журналу «Утренний свет» он нарисует свой иронический автопортрет. В «Пословицах российских» он укажет, что автором этих рассказов является «типографщик», человек, любящий «рыться в архивах».

Третье. Новиков прибегал сам или к объединению своих произведений в одной книге, или к систематическому изложению в большом сочинении взглядов, ранее разрабатывавшихся в отдельных мелких статьях. Так, им был составлен сборник своих художественно-сатирических сочинений, напечатанных в «Трутне» и «Живописце». Этот сборник он назвал «*Третье издание «Живописца»*» (подробнее об этом ниже). Из суммы критических высказываний, рассеянных в статьях «Трутня», «Пустомели» и «Живописца», выросло капитальное сочинение «Опыт исторического словаря о российских писателях». Мысли о воспитании, высказывавшиеся Новиковым и в «Трутне», и в «Живописце», и в «Кошельке», и в «Утреннем свете», и в «Московском издании», были, наконец, воплощены в специальном крупном педагогическом сочинении «О воспитании и наставлении детей».

Четвертое. Наличие в сочинениях фактов биографии Новикова или свидетельств, что данное произведение определено и подсказано моментами его

писательской или общественной деятельности. Так, например, автобиографичны предисловия к «Трутню», к «Живописцу», к «Утреннему свету» и др. Так антикрепостнические статьи «Трутня» и «Живописца» по своему фактическому материалу и идейной концепции непосредственно связаны с документами Комиссии по составлению нового Уложения — крестьянскими наказами, речами демократических депутатов, которые Новиков лично излагал по своей должности «держателя дневной записки».

Пятое. Основным и решающим фактором в рассмотрении различных документов и свидетельств о принадлежности того или иного произведения Новикову является идейно-эстетический анализ этих произведений. Если идейно-эстетический анализ устанавливает близость этого произведения к новиковскому мировоззрению и другим несомненно новиковским сочинениям, а все остальные документальные свидетельства подкрепляют и поддерживают ее, то это и являлось для составителя условием признания данного произведения за Новиковым.

ПРОЗА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗ «ТРУТНЯ», «ПУСТОМЕЛИ» И «КОШЕЛЬКА»

Принадлежность Новикову произведений, собранных в этом разделе, несомненна. Это или предисловия и заключения к трем журналам, или статьи, подписанные инициалами NN. Подробнее об этом см. в примечаниях. В настоящем издании менее всего выдержана цельность новиковского журнала «Трутень», ибо одна часть интереснейших статей Новикова из этого журнала выделена в особый цикл — «Полемика Новикова с Екатериной II», а ряд других замечательных сатирических произведений напечатан в разделе «Третье издание «Живописца». Основанием к такому расчленению статей «Трутня» на три раздела является стремление составителя посчитаться с волей Новикова. Это Новиков сам в 1775 году собрал в одну книгу лучшие сочинения «Трутня» и «Живописца». Именно эту книгу целиком составитель и перепечатал в настоящем издании. Тем самым цельность впечатления от новиковской работы в «Трутне», естественно, несколько нарушена.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ «ЖИВОПИСЦА»

«Третье издание «Живописца» представляет собой книгу избранных сочинений Новикова, сборник рассказов, очерков, памфлетов и статей. Вот почему здесь нет принятого в журналах деления на листы.

Несомненно, отсутствие подписи под тем или иным произведением, совпадение мотивов этого сочинения с каким-либо подписанным произведением создавали формальное основание для сопоставлений, для доказательства сходства, для поиска утаившего свое имя автора. Казалось бы при этом естественным допущение и Новикова в число тех, кому могли принадлежать

эти сочинения. Ведь именно «Трутень» и «Живописец» создали имя Новикову не только издателю, но и писателю, а произведения, приписываемые другим, составили их главное содержание, определили их облик и успех. Однако сложилась иная традиция — приписывая одно и то же сочинение разным писателям, исследователи свои доказательства в пользу нового имени, свои отводы старого кандидата сопровождали тщательной аргументацией, — не аргументировался лишь отвод Новикова. И это потому, что Новикова эти ученые не хотели признавать как писателя. Без фактов, без доказательств, произвольно. Оставаясь в пределах все тех же условных данных — неподписанные сочинения в «Трутне» и «Живописце», считаю своим долгом, исходя из суммы объективных фактов — анализа идейного содержания произведений, истории журнальных редакций и авторской правки текста, изучения новиковского отношения к делу писателя, автора, его печатных высказываний об анонимности как одном из важнейших моментов понимания общественного дела писателя, — аргументировать и доказать принадлежность важнейших сочинений «Трутня» и «Живописца» Новикову.

Целый ряд произведений, напечатанных в «Трутне» и «Живописце», бесспорно принадлежит Новикову, и никто из исследователей не опровергает этого. Так, все согласны, что предисловие к «Живописцу», «Английская прогулка», «Отписки крестьянские», «Рецепты» и т. д. принадлежат Новикову. Другие же сочинения, посвященные крестьянскому вопросу — «Письма к Фалалею» и «Отрывок путешествия», — приписаны Фонвизину и Радищеву. Я считаю эти «приписания» неверными, методологически порочными. Но так как уже сложилась традиция приписывать, например, Радищеву «Отрывок путешествия», то поэтому мне необходимо, с одной стороны, подробно разобрать и отвести доводы и аргументы тех, кто числит эти произведения за Фонвизиным и Радищевым, а с другой — развернуть систему своих доказательств очевидной для современников «Трутня» и «Живописца» истины, что новиковские сочинения принадлежат Новикову.

Отличительной особенностью «Третьего издания «Живописца», печатаемого в настоящем сборнике, которое, кстати, выпало из сферы внимания ученых, является *полное* отсутствие в нем чужих, анонимных и подписанных, произведений. В «Трутне» сотрудничали Попов, Аблесимов, Эмин, Майков, — им принадлежали талантливые сочинения. В «Пустомеле» печатались переводы Леонтьева, стихи Фонвизина, произведения, соответствовавшие новиковским требованиям и убеждениям. В «Живописце» печаталось много стихов в честь Екатерины и ее приближенных, письмо самой Екатерины Новикову, многочисленные переводы, различные прозаические сочинения. Все это чужое, принадлежащее другим авторам, часто и очень важное хотя бы в тактическом отношении, — например, письмо Екатерины, — Новиков исключил из своей книги, названной «Третье издание «Живописца». Исключил принципиально: данная книга имела специальную задачу собрать вместе все важнейшие, проверенные временем сочинения, с тем чтобы дать читателю, и прежде всего читателю-союзнику, образцы таких произведений, которые соответствовали бы высокому и обязывающему званию Автора-писателя. Такими сочинениями оказывались произведения, посвященные обличению

дворянства и Екатерины, крестьянскому вопросу и просветительской программе. И вот, собрав из двух своих лучших журналов, «Трутня» и «Живописца», отвечающие данной цели произведения, *исправив* их, объединив в циклы, придав им новую композицию, он издает книгу, назвав ее «Третье издание «Живописца». Книга была снабжена специальным предисловием «К читателю». Предисловие опять было написано для объяснения с читателем по главному вопросу — об авторстве. И на этот раз Новиков не называет своего имени, — на этот счет у него была своя, как мы знаем, особая точка зрения. Но если для Новикова не было необходимости «хвалиться» перед читателем своим именем, то следовало дать ему знать, что автор разных статей и разных журналов один и тот же. Поэтому он в специальном предисловии делает публичное заявление, что все, здесь собранное, — «мое сочинение».

Если раньше читатель знал, что были два автора замечательных произведений, утаившие свое имя от читателя, — один под именем «Издатель «Трутня», а другой «Сочинитель «Живописца», то теперь, предупрежденный Новиковым, он знал: издатель «Трутня» и сочинитель «Живописца» — одно лицо, которое и сейчас, собрав свои сочинения в одной книге, не называет своего действительного имени, а укрывается за псевдонимом Живописец. Уверенный, что читатель отлично помнит его сочинения, напечатанные в разных журналах, и потому удивится, найдя их в этом новом издании измененными, исправленными, Новиков уведомляет его, что сделаны все эти поправки им самим на основе авторского права: «Должно объявить читателю, что я в журнале моем многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений под другими заглавиями». Уже здесь мы имеем категорическое свидетельство о принадлежности Новикову сочинений, собранных в «Третьем издании «Живописца». Сам автор публично заявил: «Это мои сочинения». Но мы, несмотря на все это, вынуждены доказывать, что новиковские сочинения принадлежат Новикову, потому что сложилась традиция приписывать его сочинения другим авторам.

Созданный в 1772 году «Живописец» со всей очевидностью показывает, что Новиков являл собой новый в России тип писателя, чуждого коммерческих соображений, настойчиво и решительно осуществлявшего свои планы и намерения, писателя — организатора литературных сил, писателя — просветителя с самостоятельной программой практических дел, писателя, которому было необходимо высказаться перед обществом, у которого было желание вступиться за интересы отягощенного, изнывающего в рабстве народа. Издавая «Живописец», Новиков хотел досказать то, что ему не дали досказать, закрыв «Трутень» и «Пустомелю», хотел внушить своим «единоземцам» — третьему сословию и лучшим представителям дворянства — мысль о незаконности и аморальности рабовладения. Приступая к осуществлению этой задачи, он знал, что журнал не принесет ему лавров, что следует ожидать гонений и преследований, и, подготовленный полемикой с самодержавным автором в «Трутне», он в специальном предисловии в ответ на увещевания отказаться от замысла коротко и решительно заявил: «Нельзя». Таким образом, мы видим,

что, приступая к изданию «Живописца», Новиков хотел сказать русскому читателю что-то самое для него важное, самое дорогое. Первые же листы нового журнала показали, что этим главным была крестьянская тема, именно ей был посвящен центральный эпизод предисловия (история Худовоспитанника), «Отрывок путешествия», цикл «Писем к Фалалею» и ряд других сочинений. И вот именно эти-то сочинения, для которых собственно Новиков издал свой новый журнал, исследователи и отняли у него, оставив за ним, и то, видимо, временно, авторство статей о щеголях и щеголихах.

Больше всего наука приписывания потрудилась над тем, чтобы доказать, что «Отрывок путешествия» принадлежит Радищеву, а цикл «Писем к Фалалею» — Фонвизину. Не вдаваясь в столетнюю историю вопроса, остановлюсь на последних исследованиях, подводящих итоги и «почти окончательно», «доказательно» приписавших эти произведения двум авторам. Эта точка зрения получила официальное признание (см. учебники для вузов по истории русской литературы XVIII века. «Отрывок путешествия» помещен уже в I томе академического собрания сочинений Радищева, правда в отделе «приписываемых» сочинений. В дни радищевского юбилея 1949 года этот «Отрывок» уже печатался в составе сочинений Радищева без всяких оговорок).

«Отрывок путешествия» «окончательно» закреплен за Радищевым исследованием В. П. Семенникова.[1] Как и все предшествовавшие ученые, Семенников не занимается вопросом, почему это «Путешествие» не может принадлежать Новикову. Весь пафос обращен на приписание его Радищеву. Первым, формальным основанием приписания служит сообщение сына Радищева — Павла Александровича, указавшего в 1858 году в своих примечаниях на опубликованную статью Пушкина о Радищеве, что «другие статьи сего «Путешествия» были напечатаны в «Живописце» Новикова в 1776 году и в «Северном вестнике» Мартынова (ч. V, январь 1805 г., стр. 61, «Смесь») — «Отрывок из бумаг одного крестьянина». Это глава из «Путешествия» под заглавием «Клин», которую привел Пушкин в приложении к своей статье о Радищеве».[2] Как видим, никакого категорического утверждения, что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, в воспоминаниях престарелого сына писателя нет. Это отлично понимал и Семенников. Вот почему он начинает строить свою систему доказательств, основанную на допусках, предположениях, вероятностях.

Нить своих доказательств Семенников начинает так: «Если между содержанием «Отрывка» и «Путешествием» будут найдены какие-либо значительные точки соприкосновения, то показания сына Радищева есть доказательство принадлежности его отцу «Отрывка путешествия» в «Живописце». Итак, появилось первое *если*... Далее следуют поиски точек соприкосновения. Первая группа точек соприкосновения: а) «это два наиболее ярких протеста против крепостного права»; б) оба произведения написаны в одинаковой форме —

---

[1] См. статью «К истории создания «Путешествия из Петербурга в Москву» в книге «Радищев», М. — П., 1923, стр. 319—364.

[2] Там же, стр. 322.

путешествия; чувствуя слабость этих доказательств, Семенников сам заявляет, что это только «внешние черты сходства».[1] Затем автор переходит к «наиболее важному вопросу» — к выяснению точек соприкосновения «в частностях». Вторая группа — частные точки соприкосновения: а) сюжет «Отрывка путешествия» в «Живописце» близок сюжету главы «Пешки» радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву». В чем эта близость? — И в том и в другом случае автор описывает свое посещение крестьянской избы и впечатления от этого посещения; б) в обоих произведениях «жестокосердые помещики» отнимают у крестьян «хлеб и воду»; в) в обоих произведениях помещик заставляет работать крестьян в воскресенье; г) в обоих произведениях имеются одинаковые слова. Последний факт имеет особо важное значение. Сделав эти наблюдения, исследователь опять, как и в первом случае, понимает шаткость своих позиций и неубедительность доказательств, поэтому, не смея прямо утверждать, что «Отрывок путешествия» в «Живописце» принадлежит Радищеву, делает новое сложное допущение — остаются два предположения: 1) или «Отрывок» оказал явное влияние на Радищева, или 2) автор «Отрывка» сам Радищев. Так появляется второе *если*.

Далее следует третья группа — тождество стиля. Желая во что бы то ни стало склонить чашу весов на свою сторону, исследователь ставит новую условную задачу — если совпадут черты стиля, то значит... начинается третье *если*.

Существенным свойством радищевского стиля, устанавливает Семенников, является его необычная эмоциональность — «пропитанность чувством». Именно этот сентиментальный элемент, по мнению Семенникова, составляет особенность радищевского «Путешествия». После этого обнаруживается «сентиментальный» элемент и в «Отрывке путешествия» «Живописца». Анализ при этом состоит в том, чтобы, вырвав из обоих произведений слова, однотипные для данной эстетической системы, сделать псевдонаучное заключение: похожие слова — свидетельство их принадлежности одному автору. Следовательно, по всем законам формализма делался угодный исследователю вывод — оба произведения принадлежат Радищеву.

Работа Семенникова тщательная, но бесплодная. Бесплодна она еще и потому, что бездоказательно отвергнуто авторство самого Новикова, не прослежена связь идейного содержания этого «Отрывка путешествия» с воззрениями Новикова, потому, что не показано, в какой связи находился этот «Отрывок путешествия» со всем остальным материалом двух журналов Новикова, потому, что это сочинение в анализе вырвано из композиционного единства журнала, потому, что приписание Радищеву основано на формальных или субъективных сопоставлениях, доказательствах и тождествах.

Прежде всего в систему доказательств Семенникова не входит главное — идейный анализ. Автор привлек и общие «внешние черты», и «форму путешествия», и «частности», и «похожие слова», но нигде не говорит об идейном содержании двух произведений. Правда, Семенников указывает, что обоим «Путешествиям» свойственен «антикрепостнический пафос». Но «пафос» этот

[1] «Радищев», стр. 330.

не может сблизить данные два произведения, потому что в основание их положены две глубоко различные и враждебные друг другу идеи. Если же подойти к двум «Путешествиям» с этих позиций, то все доказательства рушатся, как карточный домик.

Как известно, главной идеей, политической задачей радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» является доказательство тезиса, что восстание, крестьянская революция есть единственный способ уничтожения крепостничества, бесправия, угнетения человека человеком, бедности и нищеты. «Отрывок путешествия», помещенный в «Живописце», обличая «рабство и бедность», таит в себе все же идею возможности урегулирования отношений между помещиком и крестьянином на началах патриархальных, как отношений между «отцами» и «детьми».

Глава «Пешки», обличая «жестокосердого» помещика, кончается грозным предупреждением: «Не ласкайся безвозмездием». «Отрывок путешествия» в «Живописце», устанавливая, что в крестьянской бедности виноваты сами «глупые помещики», тиранствующие «над подобными себе человеками», заканчивается следующими рассуждениями и мечтаниями самого крепостного крестьянина: «Дай ему [помещику-тирану. — *Г. М.*] бог здоровье! Мы на бога надеемся: бог и государь до нас милостивы, а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю». Как видим, здесь две различных идейных концепции. Утверждение, что автор «Отрывка путешествия» в «Живописце» — Радищев, искажает действительное положение вещей и принижает первого русского революционера. У нас нет никаких оснований говорить, что Радищеву были свойственны эти патриархальные, наивно-идеалистические и, в конечном счете, либеральные убеждения. В то же время вся эта идейная концепция точно соответствует основам новиковского мировоззрения. Таковы идейные противоречия двух сравниваемых произведений, обойденные исследователями.

Опровержение «частных» и «общих» «точек соприкосновения» более чем неблагодарная задача. Как я уже отмечал выше, все эти частности сами по себе ничего не доказывают, не доказывают даже Семенникову, почему он и заключил, что только совокупность одинаковых впечатлений имеет значение. Но механическая совокупность насквозь субъективных впечатлений доказать ничего не может. В самом деле, как можно всерьез говорить о таких точках соприкосновения, как единство жанра «Путешествий» и единство антикрепостнического пафоса? Подобное сопоставление, улавливающее «внешние» черты сходства, нелепо и бесплодно. Единство антикрепостнического пафоса? Как уже было только что сказано, единство это мнимое — близкие в моральной оценке поведения бесчеловечного «помещика-тирана» авторы двух «Путешествий» стоят на крайних полюсах в решении способов и путей изменения такого положения. Сходство сюжета? Сходство, состоящее в том, что описываемые две избы крепостного крестьянина (в одну и ту же эпоху, в одной и той же стране, в одних и тех же местах — европейской части России) оказываются похожими друг на друга, — это, по мнению исследователя, аргумент? Безусловно, общее между ними есть, но эта общность — положение крестьянина, живущего при екатерининском крепостническом режиме. Сходство

это бросается в глаза, несомненно, потому, что только в этих двух произведениях в литературе XVIII века и описывается крестьянская изба.

Опровержение «похожих» слов — просто бессмысленная задача, поэтому более целесообразным нахожу развернуть ряд соображений, подтверждающих, что «Отрывок путешествия» принадлежит издателю «Трутня» и «Живописца».

Русские люди 70-х годов отлично знали, что Новиков «чувствителен к крестьянскому состоянию». В произведениях, безусловно принадлежащих Новикову, в его «Рецептах», есть «Рецепт» помещику-тирану и мучителю Безрассуду (л. XXIV). В этом «Рецепте» описывается положение крестьян: «Они работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание», «они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: «это не мое, но божие и господское». Так еще в 1769 году Новиков описывает непосильную работу крестьян («день и ночь») и отсутствие не только собственности, но и пропитания. Как же относятся крестьяне к своему помещику Безрассуду? «Бедные крестьяне любить его *как отца* не смеют, но, почитая в нем своего тирана, его трепещут», то есть Новиков утверждает: крестьяне, исповедуя патриархальную веру, убеждены, что помещик должен быть отцом, и горюют, видя своего барина тираном. Далее Новиков заявляет, что данная горькая участь крестьян есть исключение, объясняемое характером Безрассуда, ибо «прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того что они в своем звании *благополучны*» (курсив мой. — *Г. М.*). Эта же мысль высказана Новиковым и во втором листе «Трутня» за 1770 год в статье «В новый год новое счастие». Статья эта — поздравление с Новым годом. Написана она в духе «Рецепта» — всем сословиям, всем «должностям» издатель «Трутня» высказывает пожелания. Вот что он пожелал поселянам: «Я желаю, чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Идейное содержание «Рецепта» и «поздравлений» тождественно основной идее «Отрывка путешествия», напечатанного в «Живописце». Там также изображены крестьяне, бедствующие от тиранства Григория Терентьевича. И крестьянин, разговаривающий с путешественником, также считает себя обиженным своим помещиком, который не хочет ему быть отцом. Так же, как и в «Трутне», высказывается мысль, что «прочие братия» живут «благополучно». В доказательство этого крестьянин «насказывает» путешественнику «столько доброго» про помещика соседней деревни, который «отец своим крестьянам», отчего и деревня его «Благополучная». Как видим, тут и там единство моральной концепции, положенной в основание произведений, обличающих рабство и жестокосердых помещиков.

Наконец, самое главное: говоря об идейном единстве новиковских статей о крестьянстве в «Трутне» и «Живописце», следует помнить, что их проблематика, тон и стиль всеми своими корнями уходят в те споры, которые разгорелись в Комиссии по крестьянскому вопросу. Именно там в речах демократических депутатов Новиков услышал моральное осуждение рабства. Отголоском этих патетических речей демократических депутатов и являются новиковские восклицания: «Безрассудный!», «Жестокосердый тиран» и т. д

Именно Новикову принадлежит заслуга введения в литературу этого словоупотребления. В этой же связи стоит указать, что сама патриархальная концепция дворянско-крестьянских отношений как отношений «отцов и детей», как и «царистские» настроения, была историческим заблуждением крепостных крестьян. Не случайно поэтому в манифестах Пугачева (через год после «Отрывка путешествия») дворяне осуждались на казнь между прочим и за то, что они не хотели быть отцами своим крестьянам. Вот что читаем в одной из прокламаций восставшего народа: «Всему свету известно, сколько во изнурение приведена Россия. От кого же? Вам самим небезизвестно. Дворянство обладает крестьянами, но хотя в законе божием и написано, чтобы они крестьян так же содержали, как и детей, но они... хуже почитали собак своих, с которыми охотились за зайцами».

Идейная близость новиковских статей о крестьянах в «Трутне» и «Живописце» и выступлений депутатов Комиссии Коробьина, Козельского, Чупрова, Маслова и др. с защитой крепостных, находящихся под властью помещиков, очевидна. Стоит только сопоставить с этими речами депутатов такие произведения, как «Рецепт» Безрассуду и «Отрывок путешествия», «Крестьянские отписки» и т. д.

Депутат Козельский заявлял: «Многие из крестьян, зависящих до сего времени от единственной, различной и неопределительной своих помещиков воли... сносят свое состояние с крайним их отягощением». «Крестьянин же чувственный человек, он разумеет и вперед знает, что все, что бы ни было у него, то говорят, что не его, а помещиково».

Новиков пишет в «Рецепте» Безрассуду: «Они [крестьяне] работают день и ночь, но со всем тем едва, едва имеют дневное пропитание, затем что насилу могут платить господские поборы. Они и думать не смеют, что у них есть что-нибудь собственное, но говорят: это не мое, но божие и господское».

Депутат Коробьин 5 мая 1768 года выступил с защитой помещичьих крестьян:

«Начало, от которого толь вредные происходят следствия, состоит в неограниченной власти помещика над имениями своего крестьянина, и для того всячески трудиться должно разрушить сие начало. В рассуждении сей материи я бы с охотою от нее воздержался, если бы совершенно ведал, что все находящиеся в дражайшем отечестве нашем дворяне суть такие, которых правление над своими крестьянами умножает их благополучие усугублением изобилия и которые самым делом доказывают, что они правят ими, как отцы своими чадами. Но как из вышесказанного видеть можно, что владельцы двоякого вида в нашем отечестве усматриваются: одни такие, которых потеряние почитают себе крестьяне будто как за погубление своей жизни; а другие такие, от которых всячески желают удалиться... На первых хлебопашцы взирают как на своих отцов, а на вторых как на бич». В этом выступлении обнаженно изложена моральная концепция первых защитников крестьян. Используя легальные возможности, предоставленные Комиссией, памятуя, что говорить о ликвидации крепостного права было запрещено, — эти депутаты поэтому выступали лишь с требованием ограничения власти помещиков,

мотивируя свое требование фактом существования в России двух родов помещиков: одни — «отцы», другие — «бичи». Отсюда следовало: там, где помещик «отец», там крестьяне «благополучны»; там же, где помещик «бич», там крестьяне «разорены и нищи». Об этом с особой силой говорил крестьянский депутат Маслов.

Новиков сидел в Комиссии и не только слушал эти выступления, не только читал их, но и кратко излагал существо этих речей и возражения им со стороны переполошившихся помещичьих депутатов. Он прочно усвоил тактику и концепцию демократических депутатов и в своих журналах «Трутень» и «Живописец» выступил с серией статей по крестьянскому вопросу, собранных вместе в книге «Третье издание «Живописца».

Идея «Отрывка путешествия» прямо, непосредственно связана с речами демократических депутатов. Вот пример: из бесед путешественника с крестьянами мы узнаем, что помещик Разоренной деревни — «бич» своим мужикам: «У нашего боярина такое, родимый, поверье, что как поспеет хлеб, так сперва всегда его боярский убираем; а с своим-то-де, изволит баять, вы и после уберетесь. Ну, а ты рассуди, кормилец, вить мы себе не лиходеи: мы бы и рады убрать, да как захватят дожжи, так хлеб-от наш и пропадает [потому что они работают на себя только по воскресеньям. — *Г. М.*]. Дай бог ему здоровье! Мы, кормилец, на бога надеемся: бог и государь до нас милосливы; а кабы да Григорий Терентьевич также нас миловал, так бы мы жили как в раю!..» «На другой день, поговоря с хозяином, я отправился в путь свой, горя нетерпеливостию увидеть жителей Благополучныя деревни: хозяин мой столько насказал мне доброго о помещике тоя деревни, что я наперед уже возымел к нему почтение и чувствовал удовольствие, что увижу крестьян благополучных».

Несомненна связь этих статей с речами депутатов, и в этом сила первых в русской литературе выступлений по крестьянскому вопросу — они родились в атмосфере политической борьбы демократических депутатов с крепостнической политикой Екатерины. Они идейно близки воззрениям самих крестьян, которые самостоятельно сформулировали в наказах и в речах своих депутатов свои требования, надежды и чаяния. Именно эта связь крестьянских статей «Трутня» и «Живописца» с речами депутатов и есть решающее свидетельство принадлежности их Новикову-писателю, полтора года проработавшему в Комиссии.

Уже неоднократно говорилось, что отличительной особенностью новиковских журналов является их идейное единство, достигаемое их автором-организатором; «Отрывок путешествия», как и все другие материалы, органически связан со всем духом журнала, и прежде всего с принципами Новикова, декларированными им в статье «Автор к самому себе». Статья эта, возвращаясь к проблемам, затронутым уже в «Опыте исторического словаря», дает развернутую оценку состояния современной литературы. Гневно и презрительно говоря о писателях придворных, пишущих во имя материальных выгод, наживы и славы, Новиков в то же время подвергает резкой критике и господствующее направление классицизма. Априорные нормы этой эстетики, по мнению Новикова, приводят к тому, что искусство это становится

лживым, лицемерным и, хочет оно того или нет, апологетическим по отношению к крепостническому строю.

В той же статье «Автор к самому себе» Новиков издевательски изображает писателя-классика, воспевающего «златый век» и деревенских пастухов в виде «Блаженства».

Но критикой Новиков не удовлетворился. Показав несостоятельность искусства классицизма, Новиков противопоставил ему прежде всего свою сатирическую «живопись», произведения, раскрывающие правду жизни, реальные факты. Вот отчего уже в «Трутне» этой пастушеской идиллии он противопоставил бытовой документ — «Отписки крестьянские», где предстал перед читателем не пастух в виде аллегорической фигуры Блаженства, воспевающий свою любовь, а несчастный больной Филатка «с малыми ребятами», оставшийся без коровы, без хлеба и все же преследуемый своим барином. В «Живописце» Новиков продолжил свою прежнюю работу по созданию «действительной живописи». Поэтому прямым дополнением к только что изображенной писателем-классиком деревне является деревня Разоренная. Деревня «златого века» помещена во втором листе, деревня «Разоренная» — в пятом.

«Деревня Разоренная поселена на самом низком и болотном месте. Дворов около двадцати, стесненных один подле другого, огорожены иссохшими плетнями и покрыты от одного конца до другого сплошь соломою». «Улица покрыта грязью, тиною и всякою нечистотою, просыхающая только зимним временем. При въезде моем в сие обиталище плача я не видал ни одного человека» и т. д.

Так последовательно Новиков борется с далеким от действительной жизни искусством классицизма, — в предисловии как критик он обрушивается на сочинителей пастушеских идиллий, воспевающих «златый век» и крестьянскую жизнь в виде блаженства, а в «Отрывке путешествия» он выступает как «действительный живописец», изображая крепостническую деревню «обиталищем плача».

Чтобы покончить с выдвинутой темой, необходимо остановиться еще на одном, также в течение ста лет дискутируемом, неясном и затемненном обстоятельстве. Как известно, «Отрывок путешествия» имеет подпись И. Т. Что значат эти инициалы? Существуют три точки зрения: И. Т. означает «Издатель «Трутня», Иван Тургенев и... Александр Радищев. Так как опять Семенников последним и наиболее подробно занимался этим вопросом, буду вести дело с Семенниковым.

Кандидатура Ивана Тургенева, выдвинутая Незеленовым, справедливо отводится Семенниковым. Тургенев известен не как писатель, а как переводчик, и переводчик мистических книг, к тому же познакомившийся с Новиковым значительно позже — в период масонской деятельности. «Рассмотрение инициалов И. Т. в смысле «Издатель «Трутня», — заявляет сам Семенников, — имеет более вероятия, прежде всего потому, что Новиков писал в своем журнале, и писал хорошо». Установив это, исследователь сразу же отступился, увидев перед собой вопрос: к чему было издателю «Живописца» называть себя «Издатель «Трутня»? Тем более, заявляет он неожиданно, что «инициалы, возможно думать, и не означают имени и фамилии автора,

а могут иметь какой-либо другой смысл». В подтверждение этого суждения говорится, что «у издателей и сотрудников сатирических журналов не было в обычае ни сообщать свои имена под статьями, ни ставить буквенные подписи». Последнее утверждение, как я уже говорил выше (стр. 679), просто не соответствует фактам.

Со своей читательской массой уже в 1769 году Новиков договорился о своем первом имени — «Издатель «Трутня». Избрание этого имени было мотивировано в «Предисловии» журнала. На это имя корреспонденты писали письма через переплетчика. Автора «Издатель «Трутня» читатель знал довольно хорошо.

После закрытия «Трутня» автор, так полюбившийся публике, пропал. Но вдруг появился журнал «Пустомеля», который напомнил читателю об исчезнувшем авторе — «Издателе «Трутня»; во втором листе напечатана была «Эпиграмма к г. издателю «Трутня», свидетельствовавшая о связи «Сочинителя «Пустомели» с «Издателем «Трутня». Этой эпиграммой дело ограничилось, ибо журнал был закрыт. В 1772 году начинает выходить «Живописец». Журнал быстро завоевывает симпатии читателей. Многое в манере автора, укрывшегося под именем «Сочинитель «Живописца», было знакомо, напоминало пропавшего «Издателя «Трутня».

Новикову очень важно было установить преемственность своих журналов. Назваться «Трутнем» в 1772 году он не мог — и по обстоятельствам политическим («Трутень» был закрыт Екатериной) и по субъективным причинам (перед новым журналом стояли совсем новые задачи). Но читателю необходимо было напомнить: «Издатель «Трутня» не пропал. И вот в первых же номерах «Живописца» печатается радикальнейшее произведение о положении крепостных крестьян, прямо продолжающее идейные мотивы «Трутня», — «Отрывок путешествия». На этом сочинении Новиков и ставит свой первый известный читателю псевдоним — «Издатель «Трутня». В то же время необходимо помнить, что по общепринятой в журналах той поры манере имя издателя обычно сокращалось до инициалов. Так и поступил Новиков, подписавшись И. Т.

Эта линия поведения Новикова — установление близости между двумя авторами, «Издателем «Трутня» и «Сочинителем «Живописца» — завершается в 1775 году в так называемом «Третьем издании «Живописца». Здесь собранные в одной книге произведения «Издателя «Трутня» — «Сатирические ведомости», «Рецепты», «Крестьянские отписки», «Письма к племяннику» — и произведения «Сочинителя «Живописца» — «Автор к самому себе», «Английская прогулка», «Отрывок путешествия», «Письма к Фалалею» и т. д. — объявляются сочинениями одного лица.

Каждое из приведенных доказательств в отдельности, а также их совокупность убеждают нас в том, что публичное признание Новиковым «Отрывка путешествия» своим сочинением справедливо и соответствует действительности.

Указав в специальном предисловии к третьему изданию журнала, что в данную книгу включены «мои сочинения», Новиков предупреждает, что он «многое переменил, иное исправил, другое выключил и многое прибавил из прежде выданных моих сочинений».

*

Начнем с этого заявления: «многое переменил, иное исправил». В этой книге, как уже указывалось ранее, были перепечатаны из «Трутня» «Отписки крестьянские». Перепечатаны были далеко не механически, ибо это произведение включалось в цикл других его сочинений, общих по теме. Для того чтобы это произведение, существовавшее ранее самостоятельно, могло войти в новый цикл, в нем должны были быть произведены изменения. И действительно, эти изменения были сделаны.

В «Трутне» действовал принцип: «сам я... писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма». Отсюда большинство статей «Трутня» подано как присланные в редакцию письма. Вел полемику с Екатериной не издатель «Трутня», а присылавший издателю письма Правдулюбов. Это была, по выражению Екатерины, «тонкость», отлично понятая при дворе. Этого не скрывал и сам Новиков. В восьмом листе помещено письмо Чистосердова, в котором передавались придворные разговоры на ту же тему: «А это-де одни пустые рассказы, что он печатает только присыльные пиесы. Нынче-де знают и малые робята этот счет, что дважды два будет верно четыре». В 1775 году, решившись издавать свои сочинения, Новиков отбрасывает «былые тонкости», не хочет заниматься «пустыми разговорами» и выдавать свои сочинения за присланные письма. Поэтому-то он и выбрасывает предшествовавшее в «Трутне» «Отпискам» письмо Правдина, в котором проводилась «тонкость», что сочинитель этих «Отписок» не «Издатель «Трутня», а Правдин. Теперь все три письма, собранные вместе, получили новое заглавие «Отписки крестьянские и помещичий указ ко крестьянам» и давались без какого-либо сопроводительного письма.

Многое «переменил» Новиков и в «Отрывке путешествия». В первом издании «Живописца» путешествие печаталось в двух листах, пятом и четырнадцатом. Между ними была помещена статья «Английская прогулка», рассказывавшая о недовольстве дворянства первым отрывком путешествия и объяснявшая, что обличался здесь не весь дворянский корпус, а только жестокосердые помещики. После первого отрывка шло уведомление от издателя: «Продолжение будет впредь». И далее: «Итак, я надеюсь, что сие сочиненьице заслужит внимание людей, истину любящих. Впрочем, я уверяю моего читателя, что продолжение сего путешествия удовольствует его любопытство». И действительно, в четырнадцатом листе шло обещанное продолжение «Отрывка путешествия». Заключался весь «Отрывок путешествия» восклицанием путешественника, что он отправляется в деревню Благополучную, где надеется увидать крестьян благополучных.

Во втором издании текст путешествия полностью соответствует первому. В 1775 году, делая свою книгу, Новиков вносит перемены. Прежде всего он два отрывка соединяет в один и печатает подряд, создавая единое произведение. Затем, после завершающих фраз о том, что путешественник отправляется в деревню Благополучную, появилось дополнение, которого ранее не было и которое по сути представляло собой новую концовку всего путешествия. Эта новая концовка уведомляла: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги» (подробнее об этом см. примечания, стр. 719).

Ту же внимательную авторскую правку, смысловую и стилистическую, мы находим и в «Письмах к Фалалею».[1]

Но авторской переработкой текста Новиков не ограничился. В этой книге он осуществил один из излюбленных своих приемов — циклизацию. «Письма к Фалалею», напечатанные в свое время в первой части «Живописца», он соединил с письмом Ермолая из «сельца Краденова», опубликованным во второй части журнала, и с двумя письмами дяди к своему племяннику Ивану, напечатанными в «Трутне». Основа этой циклизации — сюжет, раскрывающий семейно-бытовые отношения между родителями и дядей — провинциальными помещиками, с одной стороны, и сыном и племянником, оторвавшимися от родной почвы, родительских традиций, живущими в столице, честно исполняющими свой служебный долг, читающими книги и заводящими знакомства с опасным «Издателем «Трутня» (Иван) и «Сочинителем «Живописца» (Фалалей) — с другой.

Таким образом, собрать в одну книгу избранные свои сочинения, ранее печатавшиеся в «Трутне» и «Живописце», оказалось возможным лишь потому, что их объединяла не только идейная, но и эстетическая близость.

Все собранные в «Третьем издании «Живописца» художественные произведения — блестящий пример конкретного воплощения в слове новиковских воззрений на литературу и сатиру (подробнее об этом см. во вступительной статье).

ПОСЛОВИЦЫ РОССИЙСКИЕ

Рассказы эти занимают особое место в русской литературе XVIII века, знаменуя собой новый этап в развитии реализма. Они обнажают сознательное стремление автора придать своим выводам и наблюдениям объективное значение. При этом критерием правдивости, верности действительности объявляется мнение народа, запечатленное в его творчестве. Такое понимание фольклора было на голову выше культивировавшегося в то время буржуазными писателями типа Чулкова этнографического отношения к народной песне и пословице. Впервые с таким пониманием фольклора выступил Новиков на страницах «Трутня» и «Живописца». В последующем, опираясь на этот опыт, Радищев и Крылов смело пользуются народным творчеством, вводят его в литературу, используют его для создания картины жизни народа. Поэтому установление авторства «Пословиц российских» может быть сделано только с позиций понимания того, кто именно так, как это выражено в «Пословицах российских», понимал народное творчество. Имеющийся в нашем распоряжении материал дает ответ — Новиков.

И до «Пословиц российских» и после них он именно так трактовал фольклор; более того, из всего богатства народного творчества он избрал именно пословицу, которая сопровождала его в течение всей жизни. Впервые пословицы были им применены в творческой практике «Трутня», «Пустомели» и

[1] Подробные доказательства принадлежности Новикову «Писем к Фалалею» см. в моей книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951, стр. 254—259.

«Живописца» (см. об этом во вступительной статье). Пословица настоятельно вводилась Новиковым в ткань художественного произведения, она служила основанием для вынесения приговора явлениям действительности.

Пословицы пронизывают педагогические сочинения Новикова, они встречаются в философских статьях «Утреннего света» и т. д. Позже Новиков в одном письме прямо и открыто сформулировал и свое отношение к русской пословице и свое понимание значения ее для русской литературы. Новиков писал: «Я люблю русские пословицы. Они очень нравоучительны и исправляют даже и память».

В «Пословицах российских» и было использовано нравоучительное свойство пословиц. В другом письме, написанном после окончания Отечественной войны 1812 года, Новиков определил всю важность использования литературой именно этого вида народного творчества: «У меня готов спартанский на то ответ: и Наполеон на Эльбе. Вы, я думаю, помните лакедемонский ответ: и Дионисий в Сиракузах. Я люблю лаконический слог, но и русский в подобном случае хотя не так нежен, тонок и короток, однакож хорош: ежели бог не выдаст, так и свинья не съест». Именно эта новиковская любовь к пословице, это новиковское понимание ее нравоучительности, это стремление свое суждение проверить и подтвердить мнением народа и проявились с блеском в цикле сатирических рассказов «Пословицы российские». В новых рассказах Новиков смело положил пословицу в основание литературной сатиры. Избрав подходящую пословицу, он выносил ее в заглавие, а все повествование строил как объяснение причин ее возникновения в народе. Рассказ всегда был аллегорическим и сатирическим на темы или политические, или просветительские. Таким образом, вывод, вытекавший из сюжета сатиры, усиливался во много раз, приобретая уже характер не частного суждения человека, а приговора народа, приговора, справедливость которого покоилась на самом твердом основании: на опыте многих миллионов тружеников.

О принадлежности «Российских пословиц» Новикову говорят и другие факты. Никогда не называя своего имени, как мы уже знаем, Новиков, вместе с тем, всегда считал необходимым дать читателю ряд намеков, по которым он мог бы точно узнать, что имеет дело с известным ему автором. Так было в «Трутне», «Живописце», «Утреннем свете». То же самое мы наблюдаем и в «Пословицах российских». В ряде рассказов разбросаны отдельные сведения об авторе, которые в своей совокупности совершенно отчетливо давали понять читателю XVIII века, что их автором является Новиков («типографщик», «издатель», который «почасту сидит в архивах», роясь среди старых «русских манускриптов», и т. д.). Наконец, в ряде рассказов повторяются излюбленные положения из новиковских философских и нравственных сочинений, напечатанных в «Живописце» и «Утреннем свете». Так, например, в рассказе «Сиди у моря, жди погоды» говорится: «Тихое море удобно восколебатися может ветрами, и спокойная жизнь наша легко помутиться может страстями. Свирепые волны укрощаются, как скоро утихнут ветры; подобным образом страсти, нас в житии нашем колеблющие, исчезнут, как скоро истребит их благоразумие». А в сочинении «Истины» Новиков писал: «Страсти суть ветры, помощию коих плавает корабль наш, который своим кормчим

имеет рассудок, правящий разумом. Когда же нет ветру, то корабль плыть не может; а когда кормчий неискусен, то корабль погибает».

Еще пример. В рассказе «Близ царя, близ смерти» сообщается, что учитель, излагая своему ученику урок, представлял природу «цепью, из бесчисленных звеньев слиянною». Далее учитель объявлял, что «есть невидимое, но не меньше потому необходимое начало и вина самих начал». Все это поучение прямо ведет нас к новиковской статье в «Утреннем свете», где сказано: «Между тем человек со всеми дарованиями, находящимися в нем, тогда только является в полном сиянии, когда взираем мы на него яко на часть бесконечныя цепи действительно существующих веществ».

КРИТИКА

Почти все критические работы Новикова, собранные в настоящем разделе, подписные. Это относится к таким статьям, которые были помещены как авторские предисловия к журналам «Пустомеля» и «Санктпетербургские ученые ведомости». Главная и капитальная критическая работа Новикова — «Опыт исторического словаря», как известно, вышла под именем Новикова. Ряд мелких статей («Статьи из Русского словаря», «Ведомости» из «Пустомели» и др.) написаны от имени издателя и развивают важнейшие положения Новикова-критика. Об этом внутреннем единстве подробно см. в примечаниях.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

Статьи Новикова, посвященные вопросам русской истории, напечатанные в данном однотомнике, все подписаны им. Они помещались в исторических изданиях в качестве предисловия или обращения к читателю.

Проблемы философии привлекли внимание Новикова во второй половине 70-х годов. Первые статьи были напечатаны в журнале «Утренний свет». В настоящем издании из «Утреннего света» перепечатаны пять статей. Две из них написаны от имени Новикова — издателя журнала: «Предуведомление» и «Заключение». Остальные — «О достоинстве человека в отношениях к богу и миру», «Истины» и «О добродетели» — прямо и непосредственно развивают проблемы, поставленные Новиковым в «Предуведомлении». Об идейном единстве этих статей см. во вступительной статье и примечаниях.

«Предисловие» к журналу «Московское издание» написано от лица Новикова, издателя журнала.

Особо необходимо поговорить о двух центральных сочинениях Новикова, помещенных в настоящем разделе: «О воспитании и наставлении детей» и «О торговле вообще».

Политические обстоятельства эпохи, общественный интерес к мировым событиям, умная редакторская работа Новикова — все это и определило крупный успех «Московских ведомостей», которые, по свидетельству Карамзина, достигли к середине 80-х годов большого по тем временам тиража

в 4 тысячи экземпляров. С 1782 года Новиков пожелал закрепить за собой этого уже массового читателя, подчинить его всецело своему влиянию, удовлетворить все его политические, умственные, нравственные, хозяйственные интересы и запросы, приучить к систематическому чтению именно своих изданий, наполненных жизненно необходимыми знаниями и сведениями.

Улучшая качество политической информации «Московских ведомостей», расширяя их содержание, Новиков готовит, а с 1783 года издает журнал, служащий продолжением «Московского издания», — «Прибавление к Московским ведомостям». Журнал издавался как бесплатное приложение к газете и рассылался безвозмездно «пренумерантам», которых, как уже сказано, было несколько тысяч. Об этом своем намерении Новиков счел необходимым сообщить читателю: за выходящее приложение к газете «Прибавление» «не полагает он» никакой излишней платы, потому что с его стороны делается это «из единого усердия ко благу отечества». Новиков обещает читателю, что им «приложено будет всевозможное старание о распространении полезных сведений в разных частях человеческой учености». В этой статье Новиков сообщает о характере всех своих будущих сочинений, предупреждает, что отныне газета будет центром его деятельности. Вот несколько строк из этого замечательного новиковского оповещения:

«Ничего упущено не будет к приведению в совершенство сих листов, так чтобы они не только соравнялись по содержанию своему с лучшими иностранными публичными листами сего рода, но и превзошли и заменили бы совершенно недостаток оных для тех, кои не имеют ни способности, ни случая читать первых... приложено будет старание и о том, дабы с начала будущего года сообщаемо было «Прибавлениями» к «Ведомостям» нашим топографическое описание знатнейших российских и чужестранных городов, островов и проч., славных своими зданиями, торговлею, науками и тому подобным, и содержащихся в них примечания достойных вещей, продуктов, товаров и проч. Иногда в сии «Прибавления» помещаемы будут статьи из лучших иностранных коммерческих книг; иногда же предметы, касающиеся до домашнего воспитания, и показание лучших книг в сем роде; иногда показываемо будет главнейшее содержание книг, вышедших прежде в Москве. Всем сим надеемся мы сделать отменную угодность читателям нашим; ибо посредством одного чтения наших «Ведомостей» не только юношество, но и все те, кои не имели случая учиться или по крайней мере читать подобные книги, могут получить достаточное и подробное сведение почти о всем земном шаре и, так сказать, не учась научиться географии, истории и топографии. Купечество российское отменную от сих «Прибавлений» получить может пользу; ибо оно от сего чтения приобретает достаточное сведение о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами перед другими городами. Польза, проистекающая от показания основательного воспитания и точного знания лучших книг во всяком роде учености, довольно ощутительна, чтобы не содействовала оная усовершенствованию наших листов». Именно эта программа нового журнала, доведенная до сведения читателя, и была реализована прежде всего в двух оригинальных статьях — «О наставлении и воспитании детей» и «О торговле вообще».

Новиковские журналы 80-х годов запечатлели эволюцию общественных, политических и философских взглядов их издателя. «Утреннему свету», «Московскому изданию», «Прибавлениям к Московским ведомостям» соответствуют разные этапы формирования этической философии Новикова.

Новый журнал — «Прибавление к Московским ведомостям» — весь посвящен «политической материи»; в нем уже нет ни нравоучений, ни морализирующих рассказов и повестей, нет литературных произведений вообще. Содержание ста восьмидесяти шести номеров «Прибавлений» за 1783—1784 годы можно разделить на четыре «отдела»: 1) статьи о воспитании, 2) статьи о торговле, 3) статьи на политические темы, прежде всего об «американских делах», 4) статьи географические и естественнонаучные.

Уже на примере философских статей «Московского издания» видно, как рассуждения о человеке и его добродетелях были пропитаны духом политики. В ту эпоху проблема человека, его свободы и обязанностей как гражданина и патриота имела далеко не теоретический интерес. В связи с этим тема воспитания, естественно, приобретала политический оттенок. Всем многочисленным статьям о принципах и методах воспитания предшествовало определение цели и задачи педагогической системы — подготовить для общества просвещенного, добродетельного человека и гражданина. Так от прославления добродетельных патриотов («Московское издание») Новиков переходит, как «практический нравственный философ», к воспитанию таких граждан у себя в России.

За два года Новиков дал много статей о воспитании как оригинальных, так и переводных («О воспитании и наставлении детей», «О воспитании», «Фамильный разговор» — статья против применения телесных наказаний, «Некоторые правила для гофмейстеров», «Письмо о домашних учителях», «О раннем начале учения детей», «О эстетическом воспитании» и др.). Важнейшим принципом педагогической системы Новикова было уважение к ребенку. «Прибавления» учили видеть в нем свободного человека: ребенок, читаем мы в одной из статей, «имеет такие же права, как и мы, с тем только различием, что ему более, нежели нам, нужнее чужая помощь. Мы знаем из естественного закона, что никакой человек не имеет права принуждать без нужды другого человека, чтобы он исполнял его волю против своей собственной» (1784, № 91). Дети «должны учиться уступать необходимости, которая происходит из связи вещей и обстоятельств, а не по непременной воле своих родителей и воспитателей. Первое сделает их кроткими и уступчивыми людьми, а другое подлыми рабами» (там же). Этот гуманизм, поднятый как знамя во всех педагогических статьях новиковского журнала, и определяет роль, которую они должны были сыграть в русском обществе. Передовые идеи, высказанные в статьях о воспитании, еще раз свидетельствуют о широкой образованности Новикова, о внимательном изучении им передовой философской и научной мысли его времени и, главное, об антифеодальном, антикрепостническом, подлинно просветительском характере воззрений их автора.

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ

Центральное место в журнале занимает оригинальная статья «О воспитании и наставлении детей для распространения общеполезных знаний и всеобщего благополучия», печатавшаяся в течение целого года в двадцати трех номерах журнала. Статья эта — несомненно новиковская. Она развивает мысли, высказанные Новиковым в статьях, напечатанных в «Живописце», «Утреннем свете» и «Московском издании».

Для того чтобы понять и почувствовать «новиковский дух» этого сочинения, следует остановиться на его содержании, раскрыть его внутренний полемический смысл.

Системы воспитания Руссо и Локка были самыми передовыми в XVIII веке. Руссо провозгласил принцип естественного воспитания, высказался за развитие в человеке здоровых природных инстинктов и чувств. Локк требовал систематического дисциплинированного воспитания ребенка разумным педагогом. В статье «О воспитании и наставлении детей» Новиков при изложении своих воззрений пропагандирует те черты педагогики Руссо и Локка, которые казались ему приемлемыми. Но — характерная особенность — Новиков смело отказывается от того, что представляется ему непригодным, не отвечающим требованиям и задачам русского просвещения. Так, Новиков не принимает теорию уединения Руссо, не согласен с отрицанием значения общественного воспитания, выступает против локковской недооценки школы. Новиков обосновывал преимущество общественного воспитания перед домашним, ополчался против телесных наказаний, требовал развития инициативы у воспитанников, приучения их к самостоятельной деятельности, направленной на благо других, указывал на необходимость развития эстетических вкусов у ребенка. Журнал требовал, чтобы педагог давал ребенку обширный и свежий материал из различных областей человеческого знания, приучал его к размышлениям, развивал его стремление к «действительности».

Но главное, в чем расходился Новиков с системами Руссо и Локка, — это в определении целей воспитания. Руссо воспитывал «прежде всего человека», потому что «общественное воспитание не существует более и не может существовать, потому что там, где нет более отечества, не может быть и граждан». [1] Локк воспитывал «джентльмена», практического человека, умеющего прибыльно вести свои дела. Эти идеи воспитания основоположников буржуазной нравственности были неприемлемы для русского просвещения. Еще учитель Новикова Николай Поповский, переводя локковское сочинение (переизданное Новиковым в 1788 году), в предисловии к переводу писал, что Локк не был и не мог быть «вселенским учителем», что «некоторые правила г. Локка были с обыкновением других народов несогласны». [2] Новиков в своих статьях и делал завещанные Поповским «прибавления, убавления, перемены» в соответствии с «обыкновением» русского народа, нуждами и потребностями русского просвещения.

---

[1] Ж.-Ж. Руссо. Эмиль, или о воспитании, СПБ., 1912, стр. 15.
[2] «О воспитании детей г. Локка», М., 1788, стр. V.

Другим важным обстоятельством, которое надо учитывать, чтобы исторически верно понять общественный характер новиковского педагогического сочинения, является его направленность против педагогических упражнений Екатерины II.[1] В частности, оно противостоит книге, выпущенной по повелению Екатерины в 1783 году, «О должностях человека и гражданина». Книга эта была своего рода энциклопедией педагогических воззрений русского самодержавия. [2]

Душой новиковской педагогики явилось учение о внесословной ценности человека. Как истый просветитель, он доказывает равенство людей, требует воспитания «единоземцев» в духе уважения прав человека, с негодованием обрушивается на тех, кто пытается с высот дворянского высокомерия называть народ презренным именем «подлый». «Чернь, подлый народ, суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищие». Крестьяне, заявляет далее Новиков, которых дворяне «чернию и подлым народом называют, гораздо более имеют заслуг и суть гораздо важнейшие и полезнейшие члены общества, а потому и более заслуживают чести и уважения, нежели они».

Главная задача педагогической системы Новикова определяется подготовкой полезных членов общества, которые, одушевленные идеей всеобщего равенства людей, будут находить свое счастье в деятельности на благо отечества и сограждан. Личный опыт Новикова свидетельствовал, что исполнение этой «должности» в условиях самодержавного государства дело не легкое, связанное с опасностями и величайшим испытанием духа. Поэтому Новиков учит, чтобы воспитанный «как свободный и благородно мыслящий человек» любил «паче всего истину и не боялся ее сказывать, когда его должность или благо других человеков того требует». В этом случае неизбежно на свободного человека будут «клеветать», его самого порочить и, наконец, «строго и несправедливо самым лучшим делам гнусные приписывать намерения и вместо заслуженной похвалы наказывать презрением». Именно эти обстоятельства и определили содержание нравственного кодекса Новикова, сформулированного в данном педагогическом сочинении, — он лишен абстрактности, отвлеченности, он не сконструирован разумом как некая вечная категория, свойственная разумному человеку. Нравственный кодекс Новикова национально обусловлен. Защита интересов крепостного крестьянства, его выступления против крепостного права, изображение народа в художественных произведениях, интерес к его судьбе, жизни и творчеству, наконец, интерес к истории России, обычаям русского народа и определили в конечном счете эту попытку русского просветителя выдвинуть в качестве идеала такого человека, чьи поступки, чье поведение были бы обусловлены моралью русского народа, русским национальным характером.

Главный воспитатель человека, указывает Новиков, труд, деятель-

[1] Этому не противоречит формальное упоминание в начале статьи о педагогических «заслугах» русской императрицы — без такого обязательного комплимента нечего было и думать о напечатании своего сочинения.

[2] Подробнее см. об этом в моей книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951, стр. 494—498.

ность, — труд общеполезный, нужный другим людям, нужный отечеству. Именно в этом труде проявляется общественная природа человека. Он должен «уметь ценить самого себя» и в то же время избегать «самости» и «учиться отрицать самого себя». Только тогда человек может быть «небесполезным членом общества». Только в деятельности на благо сограждан человек осуществляет себя как личность, ибо только в обществе, в деятельности, в общественной практике проявляются его способности. «Показывайте, коль тесно связаны между собою все человеки, сколь одному нужен другой и коль выгодно для каждого особенно и для всех вообще бывает, когда они с общею ревностию стараются споспешествовать взаимному благосостоянию».

Нельзя не указать, что, примерно, те же мысли и в то же время развивал Радищев, доказывая общественный характер человека, критикуя индивидуалистическую теорию Руссо. «Немощны, дебелы, расслабленны во единице, едва не всесильны стали в сообщении, творяй чудеса яко боги... Блажен в общественном союзе, блажен и в твоей единственности» и т. д. [1]

В этой связи стоит и тезис новиковской морали, почерпнутый в многовековой практике русского народа, — труд, деятельность сама себе награда. Не «польза», не требование немедленного вознаграждения за совершенное дело, а «удовольствие», «счастье» от сознания исполненного долга. Подвиг не требует награды — «большая часть высочайших добродетелей должны исполняемы быть скрытно и без свидетелей», чтобы не вызвать ненужного честолюбия. И опять эта новиковская мораль прямо перекликается с нравственным кодексом русского народа, который с такой силой предстал в басенном творчестве новиковского ученика — Крылова. Стоит вспомнить хотя бы такие басни, как «Садовник и трое молодых» или «Орел и пчела».

Наконец, еще две черты определяют характер человека по новиковской педагогике — твердость и терпение. Новиков писал: «Коль счастлив бывает человек от того, что действует по твердым и справедливым положениям, что научился владеть самим собою и ограничивать свои желания, что может без труда и с радостию употреблять телесные и душевные силы свои... что не всякое несчастие может привести его в уныние, что умеет он утверждать истинную свою свободу и не раболепствует привычке, суетности или собственным своим похотям». Оттого он может со «спокойствием и высоким удовольствием взирать на все гонения и клеветы, исполнив свои должности».

Русский революционер Радищев выдвигал именно эту черту характера — твердость — как черту, свойственную русскому народу. В повести «Житие Федора Васильевича Ушакова» герой ее — русский деятель и мужественный русский человек — перед смертью дал следующее завещание Радищеву: «Помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть тверду в мыслях, дабы умирать бестрепетно» [2]

А в другом месте Радищев категорически утверждал: «Твердость в пред-

[1] А. Н. Радищев. Избранные сочинения, Гослитиздат, 1949, стр. 636, 638.
[2] Там же, стр. 45.

приятиях, настойчивость в исполнении суть качества, отличающие народ российский».

О терпении, как о важнейшем качестве морали русского народа, Новиков писал еще в рассказе «Есть чего ждать, когда есть с кем жать», где сформулировал свое понимание терпения: терпеть, по Новикову, — «уметь плодов дожидаться». В данном педагогическом сочинении Новиков наставительно повторяет: необходимо «научиться терпению», ибо без этого невозможно исполнение должности гражданина. «Терпеливый только, постоянный, неустрашимый способен к преодолению трудностей, обретаемых иногда на пути должности и праводетельности, к сопротивлению стремительной реке владычествующей гибели и к сохранению невинности своея и спокойствия духа при всех переменах и искушениях внешнего счастия».

Последним вопросом, затронутым в педагогическом сочинения Новикова и требующим пояснения, является вопрос об отношении к религии. В данном сочинении, обращенном совершенно легально к широким кругам русской читающей публики в эпоху, когда религиозное сознание было господствующим, Новиков, естественно, не мог пройти мимо вопросов христианского воспитания. И действительно, в его сочинении появилась глава «О образовании сердца особенно к религии и христианству». В развитии мыслей этой главы сказалась, несомненно, слабость идейной позиции Новикова. Но в то же время должны быть отмечены и другие важнейшие моменты. Новиков по своим убеждениям был деистом. Именно поэтому он даже при изложении педагогических идей, обращенных к широким читателям, обрушивается на официальную церковь и резко критикует реальную практику русского православия как официальной религии. Более важным оказывается его отчетливое и ясное стремление приспособить истины христианства, давно преданные забвению церковью, к задачам воспитания граждан и патриотов, к просветительским целям. Отсюда чрезвычайно вольное толкование учения христианства как собрания истин, подтверждающих просветительскую программу: равенство людей, помощь тем, кто нуждается в участии, обязанность трудиться и т. д.

Следует отметить, что в использовании религиозного сознания человека сказался практицизм Новикова: он стремился использовать в своих общественных целях реальное явление — религиозность своих современников. В этом плане большой интерес представляет попытка некоторых декабристов использовать в борьбе с деспотизмом и крепостническим строем религиозное сознание верующего человека. Так, С. Муравьев-Апостол писал: «Лучший способ действовать на русских солдат религиею... Религия всегда будет сильным двигателем человеческого сердца, она укажет путь к добродетели, поведет к великим подвигам и доставит ему мучительный венец». [1]

Результатом этих убеждений явилось составление «Катехизиса» тем же Муравьевым-Апостолом, этого первого и едва ли не единственного агитационного произведения декабризма, адресованного народу и притом блестяще себя оправдавшего.

---

[1] П. Е. Щеголев. Исторические этюды, изд. 2, стр. 334—335.

О ТОРГОВЛЕ ВООБЩЕ

Данное сочинение печаталось в журнале «Прибавление к Московским ведомостям» в течение всего 1783 года. Являясь замечательным произведением русской общественной мысли, одним из несомненных достижений русского просвещения, это сочинение не привлекло внимания исследователей. Если к отдельным статейкам из «Трутня» и «Живописца» ученые обращались многократно на протяжении столетия, если по поводу этих маленьких произведений создана научная литература, то данное сочинение было обойдено и совершенно замолчано всеми учеными, занимавшимися этой эпохой.

Правда, несколько лет назад на страницах одного журнала была высказана мысль, что данное сочинение переводное и, видимо, принадлежит Рейналю.[1]

Это утверждение проверено составителем. Прежде всего была внимательно прочитана вся статья. При этом обнаружилось, что автор статьи неоднократно сочувственно упоминает Рейналя, дважды приводит цитаты из его сочинений, всякий раз оговаривая, что цитируется Рейналь, и точно указывая том и страницу. Итак, если верить автору данной статьи, Рейналь сам себя расхваливал в собственном сочинении и сам себя цитировал, говоря о себе крайне почтительно в третьем лице. Знакомство с книгой Рейналя приводит к убеждению, что он так никогда не поступал. Просмотр же всех двадцати книг «Философской и политической истории обеих Индий» привел составителя к выводу, что такой работы — «О торговле вообще» — нет ни в целом виде, ни в виде фрагментов.

Статья «О торговле вообще» это оригинальное русское сочинение, а не перевод. Действительно, статья переполнена фактами, примерами, реалиями, взятыми из русской жизни. Это проявляется неизменно всякий раз, когда автор отходит от описания фактов истории мировой торговли и начинает излагать теоретические проблемы. Так, например, в главе «О обращении денег» он оперирует примерами из естественно близкой для него области — русской экономической жизни. Поэтому в работе и появляются русские рубли, подсчет обращения денег между Санктпетербургом и Москвой и т. д. Как уже говорилось, статья печаталась небольшими отрывками в каждом очередном номере «Прибавлений». В этих условиях естественно для автора учитывать раздробленность единой статьи — вот почему он часто напоминает читателю содержание предыдущих отрывков. В статье мы сплошь и рядом встречаем формулы, могущие принадлежать только автору оригинального русского сочинения, не только знающему, как печатается его статья, но и определившему печатание ее именно мелкими отрывками: «Из сказанного нами в прежнем нумере сих «Прибавлений» видно, сколь многие выгоды производит скорое обращение денег...» и т. д.

Подобных примеров множество. Но нет никакой нужды вылавливать эти отдельные факты, «уличающие» в авторе русского человека, нет нужды, потому что из начальных строк сочинения совершенно ясно не только то, что оно

---

[1] «Историк-марксист», 1939, кн. 1, стр. 202.

оригинально-русское, но и то, кто является его автором. Статья «О торговле вообще» начинается «Введением». В нем говорится об огромном развитии торговли в XVIII веке и о создании науки о торговле. Творцы этой науки — Юм, Рейналь, Шмидт и другие — открыли подлинные «правила» торговли и показали ясно всем ее значение. В связи с этим автор заявляет: «Для подания соотечественникам нашим понятия о сей науке намерены мы выбирать из сочинений помянутых мужей и других, отличившихся заслугами в сей материи, то, что покажется нам нужнейшим, и приобщать к публичным «Московским ведомостям». Исполнение сего намерения начинаем теперь «Рассуждением о полезном влиянии торговли в благосостояние государства».

Данное заявление замечательно: оно открыто указывает, что автор рассуждения «О торговле вообще» одновременно и редактор «Московских ведомостей». Как редактор, он определил задачу журнала знакомить русских читателей с лучшими сочинениями творцов науки о торговле. И действительно, просматривая «Прибавления», мы видим множество статей о торговле, статей переводных, что, как правило, всегда и оговорено. Но выступал редактор «Прибавлений» в своем журнале и как автор, предварив своим сочинением переводные статьи. При этом, как видим, Новиков поступил совершенно так же, как поступал до и после этого, — не подписывая своего произведения, он все же отчетливо указал читателю, что автором его является редактор «Московских ведомостей». Читатель же 80-х годов отлично знал, что редактор «Московских ведомостей» и «Прибавлений» — Новиков.

Принадлежность данного сочинения Новикову явствует и из его идейно-тематического анализа. Нет нужды подробно доказывать, как оказались развитыми в этой статье типично новиковские темы, с которыми он впервые выступил в литературе, начиная с эпохи издания «Трутня». Стоит лишь указать на некоторые, главные, мотивы. В основании статьи лежит новиковская мечта о процветании отечества, где трудятся все сословия, где уничтожено рабство и господствует свободный, «деятельный» труд. По-новиковски раскрыта в статье сатирическая, гневная тема обличения паразитизма дворянства — этого «политически мертвого» класса. Во вступительной статье к данному однотомнику уже говорилось, что именно в 80-е годы Новиков претерпевает идейную эволюцию, проявляя все больший интерес к политике и отказываясь от морализма. Эта статья как раз и запечатлела с особой наглядностью новиковскую эволюцию. В статье «О торговле вообще» (написанной после пугачевского восстания, продемонстрировавшего антинародность самодержавия Екатерины, объявленного западными просветителями «просвещенным») проявилось именно характерное для Новикова этой поры разочарование в прежних своих политических идеалах. Вот почему в ряде сочинений этих лет (см., например, рассказы «Пословицы российские» на политические темы) Новиков порывает со своей мечтой об идеальном государе, покровителе и защитнике земледельцев. Те же убеждения мы находим и в статье «О торговле вообще». До пугачевского восстания Новиков боялся и думать о революции. И в 80-е годы он не стал революционером, но с необыкновенным вниманием обратился к современной политической истории, в частности к американской революции, подробные сведения о которой он печатал как в «Московских ведомостях», так

и в журнале «Прибавление». Вот почему в статье «О торговле вообще» мы встречаем и сочувствие к республиканскому правлению и интерес к революциям в Голландии, Англии, Америке. Больше того, именно в этом своем последнем сочинении он даже оправдывает эти революции и пытается объяснить их, указывая, что они возникли в результате возросшего угнетения и усиления деспотической власти монарха.

В 80-е годы для Новикова характерен пристальный интерес к передовой европейской политической и философской мысли, причем, естественно, ко многим явлениям он относился различно. Так, в силу своей дворянской ограниченности, он не принял материализма Гольбаха и Гельвеция, но зато стал пропагандировать Бэкона. Не соглашаясь с политической теорией Дидро, он в то же время демонстративно печатает в своем журнале «Московское издание» статью Дидро из Энциклопедии «Философ» о роли философии и философа в общественной жизни. Он лично руководит отбором книг для перевода и издания в своих типографиях. Он намечает издание сочинений по вопросам истории, литературы, философии, политики, экономики. Так появились книги Вольтера, Локка, Дидро, Лессинга, Руссо и т. д. Ту же замечательную осведомленность в европейской экономической литературе проявляет и автор статьи «О торговле вообще». Он называет десятки имен различных авторов, многие их сочинения цитирует, с некоторыми не соглашается и т. д. При этом из всех сочинений по вопросам торговли автор статьи говорит особо сочувственно о труде Рейналя. Просмотр газеты «Московские ведомости» убеждает нас в том, что именно Новиков неоднократно помещал статьи, в которых высоко оценивал не только литературные работы Рейналя, но и его общественные заслуги. Все это, несомненно, говорит о том, что статья принадлежит все тому же автору, который был редактором «Московских ведомостей», то есть Новикову.

Статья «О торговле вообще» состоит как бы из двух частей. Первая, небольшая по размеру, посвящена вопросам истории мировой торговли; вторая разрабатывает идейно-политическую концепцию об условиях создания свободного государства тружеников, выражая чисто новиковскую точку зрения. В первой части автор широко использует различную экономическую литературу при освещении отдельных моментов из истории торговли. В случаях, когда автора привлекала та или иная формулировка в читавшемся им произведении, он ее приводил, всегда указывая точно источник. Теоретические же построения автора совершенно самостоятельны. И в этом отношении представляется любопытным сопоставить некоторые суждения по одному и тому же вопросу, высказанные в наиболее радикальной книге эпохи, книге Рейналя, и у автора этого сочинения.

Во всех экономических сочинениях того времени давался очерк о развитии мировой торговли. Рассказывает и Рейналь о торговле у диких племен, торговле Карфагена, Греции, Рима, торговле в средние века в Европе и т. д. Излагая материал, Рейналь всегда чрезвычайно подробно касается не только вопросов чисто экономических, но и этнографических и др. Автор рассуждения «О торговле вообще» также дает очерк о развитии мировой торговли. В частности останавливает свое внимание на истории торговли в Голландии.

В этом случае его особо привлек Рейналь, у которого глава, посвященная Голландии, занимает половину очередного тома. У автора русского сочинения очерк о Голландии занимает 4 страницы. Сопоставляя эти два текста, мы видим, что автор работы, напечатанной в «Прибавлениях», воспользовался целым рядом фактов из сочинения Рейналя. Но в то же время по содержанию эти два очерка о Голландии совершенно различны. У Рейналя на первом месте изложение истории Голландии за несколько столетий, при этом его равно интересуют и вопросы экономики, и вопросы культуры, и вопросы политики. Автора русского сочинения интересуют только вопросы политические: он ставит своей задачей выяснение причин, которые привели к расцвету торговли и процветанию страны и народа, и выяснение обстоятельств политической жизни, приведших Голландию в XVIII веке к потере прежней международной роли. Приведем некоторые примеры того, как по-разному трактуются в этих сочинениях одни и те же исторические события. Рейналь, после подробного рассказа об истории Голландии, подходит, наконец, к эпохе борьбы голландцев с испанским королем Филиппом, к периоду основания республики. Вот что пишет он об этом:

«Его деспотизм распространялся на все ответвления его обширной монархии, и фанатизм там преследовал тех, кому давали имена еретиков или неверных. Pays-bas (нижняя страна) была в особенности театром этих жестокостей, и тысячи граждан погибли на эшафоте. Эти народы восстали. Тогда возобновился спектакль, подобный тому, который венецианцы дали миру несколько веков тому назад. Народ, изгнавший тиранию, не нашел более убежища на земле и ушел его искать на водах.

«Семь маленьких провинций на севере Брабанта и Фландрии, скорее затапливаемые, чем омываемые, большими реками, часто заливаемые морем, которое с трудом сдерживают плотинами, имея в качестве богатства только продукт нескольких пастбищ и посредственную рыбную ловлю, основывают одну из самых богатых, наиболее могущественных республик в мире и, может быть, образец торговых государств.

«Первые усилия их союза не были счастливыми; но если голландцы начали с поражения, то кончили победой. Испанские войска, которых голландцы победили, были лучшими в Европе. Мало-помалу новые республиканцы заставили их потеряться... Мудрые законы, великолепный порядок, конституция, которая сохраняла равенство среди людей, великолепная полиция, веротерпимость и сделали из этой республики могущественное государство». [1]

Иначе решает задачу автор статьи «О торговле вообще». Свою главу он прямо начинает с описания голландской революции. «С новою силою возбудился дух торговли на севере. Народ, давно уже упражнявшийся в торговле, народ, которому натура определила быть торговым народом по выгодному положению его земли, по предприимчивому его духу и по умеренной жизни, голландцы, лишены будучи безрассудным тираном своих вольностей

---

[1] G. T. Raynal. Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes, Génève, 1781.

и чрез то успеха прежней их торговли, единственного их пропитания, осмелились наконец, по выражению одного новейшего писателя, переломить железный скиптр, их угнетавший, и поднять главу свою из вод, дабы владычествовать над морями.

«В самом деле, ни один народ, ни между древними ни между новейшими, не возвысился в торговле с толикими преимуществами и с толиким сиянием, как голландцы. Едва преобразилась область сия в республику, как торговала уже во всех четырех частях света и в то ж самое время вела войну с сильнейшими монархами в Европе... Вольность, приобретенная Голландиею чрез войну против утеснителя своего, Филиппа, короля испанского, была главною пружиною скорого ее приращения; однако не одна вольность сия, но и самое время той войны, когда республика, необходимостию принуждена будучи свергнуть с себя тиранское иго, напрягала все свои силы; сие время было эпоха, в которой торговля их утвердилась и распространилась до бесконечности».

Данное сопоставление обнаруживает совершенно определенные и характерные моменты, различающие точки зрения двух разных авторов. Точно такое же расхождение мы обнаруживаем и в ряде других случаев у Рейналя с Новиковым. Особый интерес в этом отношении приобретает сравнение рейналевской и новиковской точек зрения на американскую торговлю невольниками. Подробно описывая варварские действия американцев в Африке (насильственный угон негров, организация перевозки невольников через океан, продажа их на американском континенте и т. д.), показывая условия жизни негров у американских плантаторов, Рейналь, как истинный просветитель, негодует против порабощения человека человеком. Выражая свою ненависть к рабовладению, Рейналь в то же время ставит вопрос об условиях изменения существующего положения. Он риторически спрашивает: в какой суд понести это справедливое дело («разрушение здания рабства»), и дает ответ в духе энциклопедической концепции просвещенного абсолютизма. Этот суд — добрая воля монархов, к ним-то и обращается Рейналь: «Цари земные! Вы одни можете сделать сей переворот. Помыслите о ваших обязанностях. Отнимите печать власти вашей, данную сему поносному и виновному торгу людьми, обращенными в скотов, сия торговля исчезнет. Соедините единожды для счастья мира ваши силы и ваши мысли...» и т. д. [1]

Новиков на страницах тех же «Прибавлений» напечатал перевод американской статьи, в которой оправдывался торг невольниками. Статья эта была помещена только для того, чтобы сопроводить ее примечанием редактора. В этом примечании Новиков с гневом обрушивается на гнусный и преступный обычай американских рабовладельцев — торговать людьми. Но в отличие от Рейналя Новиков решительно отвергает предложенный им путь ликвидации рабства. Он не хочет обращаться к монархам, ибо он не ждет более от них никаких милостей (см. это примечание под заглавием [О несправедливости рабовладения] на стр. 562).

---

[1] Рейналь. Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, СПБ., 1834, ч. IV, стр. 203.

Упоминаемые Новиковым философы и экономисты принадлежали к представителям передовой, антифеодальной науки. Это прежде всего *Локк Джон* (1632—1704), известный английский буржуазный философ и политический писатель. В своей статье Новиков, несомненно, имеет в виду важнейшее политическое сочинение Локка «Трактат о правительстве». В этой книге Локк подробно развил теорию конституционализма и изложил учение о договорном происхождении государства.

Юм Давид (1711—1776) — английский философ, политик и экономист. Новиков в своей работе ссылается на экономическое сочинение Юма, которое оказало большое влияние на политическую экономию. Юм был сторонником свободной торговли и, в частности, доказывал, что задача внешней торговли не сводится к увеличению торговой прибыли. Он требовал ввоза натуральных продуктов, которые обрабатывались бы у себя в отечестве.

Рейналь Гийом (1713—1796) — французский историк, экономист, соратник Дидро и Гольбаха. Новиков дважды ссылается на прославленное сочинение Рейналя «Философская и политическая история обеих Индий». Многотомный труд Рейналя являл собой горячий протест против бесправия и жестокой эксплоатации туземцев, против режима рабства в многочисленных европейских и американских колониях.

Зонненфельс Иосиф (1732—1817) — экономист и юрист, популяризатор политических наук и, в частности, воззрений физиократа Кене.

Пинто (1715—1787) — голландский экономист. Новиков, видимо, имеет в виду его сочинение «Трактат об обращении и кредите».

ПРИМЕЧАНИЯ

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ТРУТЕНЬ» НА 1769 ГОД

«Трутень» — первый сатирический журнал Новикова. Выходил с 5 мая 1769 года по 27 апреля 1770 года. Был закрыт в результате прямых полицейских гонений Екатерины II. В качестве эпиграфа Новиков взял стих из басни Сумарокова — «Они работают, а вы их труд ядите». Используя аллегорию Сумарокова, Новиков наполнил ее новым политическим содержанием: «они»—крепостные крестьяне, «вы»—трутни, помещики-дворяне. После начавшейся полемики с правительственным журналом «Всякая всячина» Новиков подвергся преследованиям, о чем немедленно дал знать публике, переменив эпиграф с десятого листа на новый — «Опасно наставленье строго, где зверства и безумства много» (Сумароков). Новиков был издателем, редактором-организатором и автором многих статей своего журнала. К участию в «Трутне» были привлечены также Эмин, Попов, Аблесимов, Майков и другие писатели, то есть прежде всего участники новиковского кружка в Комиссии по составлению нового Уложения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая писательская и общественная декларация Новикова. В «Предисловии» сформулирован центральный тезис новиковского понимания общественного дела литературы и гражданского долга писателя: независимость от вельмож, двора и правительства. «Предисловие» биографически точно передает новиковское отношение к официальной службе. С военной, где он служил по воле отца, он в 1769 году уходит в отставку. Придворную он с презрением отвергает, приказная — чрезвычайно выгодная по тем временам — возмущает его. Новиков начал свою литературно-общественную деятельность с публичного заявления о нежелании служить самодержавию, с утверждения невозможности для писателя сохранить независимость, состоя на официальной службе. Это заявление хорошо запомнила Екатерина. Во время следствия, в 1792 году, в ответ на вопросы Шешковского о прохождении службы Новиков вновь подтвердил эту свою позицию, на что Екатерина в своих замечаниях

записала: «Можно сказать, что нигде не служил, и в отставку пошел молодой человек, жил и занимался не больше как в ложах, следовательно, не исполнил долгу служением ни государю, ни государству».

«Я НЕ ЗНАЮ, ОТЧЕГО...»

Характерная для Новикова защита «простых» людей, показ талантливой работы русских ремесленников, мастеров и художников. Вдохновленная речами демократических депутатов Комиссии, эта заметка была в то же время направлена против русского космополитствующего дворянства.

РАЗГОВОР: Я И ТРУТЕНЬ

Главный смысл статьи в утверждении мысли — добродетель не зависит от происхождения. В дальнейшем («Живописец», «Утренний свет», «Московское издание» и т. д.) Новиков разовьет свою антифеодальную идею равенства людей. Здесь впервые утверждается, что добродетель не есть «свойство» знатного происхождения. Несомненно, эта декларация продолжает выступления крестьянских депутатов против дворянских идеологов, проповедовавших в Комиссии сословный принцип — благородство поступков определяется благородством происхождения. Из этого тезиса они делали вывод — только дворяне, только знатные могут быть добродетельными и потому занимать первые места в государстве. Крестьяне же, как *подлые* люди, обязаны работать на них. Следом за депутатом Козельским, высказывавшимся против употребления слова «подлый» применительно к народу, Новиков в «Трутне» также не раз обрушивался на тех «глупых дворян», которые называют «подлыми тех, кто от добродетельных и честных родился мещан».

В данной статье, полной резких сатирических выпадов и намеков на придворных, Новиков утверждает, что среди русской знати почти «нет ни единого добродетельного человека», нет таких, «которые помнят истину, любят добродетель и не позабывают, что они такие же человеки, как и те, кои их беднее». Исключение, сделанное в этом разговоре нескольким крупным вельможам, скрытым за инициалами О..., П..., Н..., С..., В..., Ш..., В..., В... (их комментаторы раскрывают так: Гр. Орлов, Н. Панин, Нарышкин, Салтыков, Васильчиков, Шереметев, Безбородко и Всеволодский), несомненно продиктовано тактикой «осторожности». Не сделай исключений этим всесильным вельможам, Новиков навлек бы на себя полицейские гонения. Из всей деятельности Новикова мы знаем, что он лично в своей практике никогда не ориентировался на похвалу вельмож, никогда не принимал услуг мецената, действуя всегда независимо и самостоятельно. Есть в этой статье и выпад против Екатерины. «Я» рассказывает «Трутню», что многие его завистники распространяют слух, будто он «злонравный человек» и будто в его издании, «кроме ругательства, ничего нет». Злонравным человеком Екатерина называла Новикова. Она же писала, что его журнал заполнен одними «ругательствами». Характерен ответ «Трутня», что такая критика нисколько его не волнует и не беспокоит.

КАКОВЫ МОИ ЧИТАТЕЛИ

Этой статьей Новиков заключил «Трутень» 1769 года. Избранная им форма — характеристика читателей — давала возможность вновь подвергнуть сатирическому изображению различных представителей дворянского общества. Как и во всем журнале, в этой статье объектом сатиры являются дворяне-крепостники, дворяне-чиновники и дворяне-придворные. Важно отметить и то новое, что появилось в этой статье, — первые положительные персонажи у Новикова: образы дворян под именем Славен и под именем Зрелум. Эти два образа впервые воплощают новиковский идеал человека, который занят большим и важным трудом, «взирает не на состояние людей, но на заслуги: ему те любезны, кои других добродетельнее». Он сторонник общественного равенства людей, смысл своей жизни видит в трудах на общую пользу, стремится к достижению того, чтобы те, «коих сейчас именуют презрительно тварью» (крестьяне), «были человеки». В дальнейшем Новиков создаст свою философию человека, свое критическое учение, выдвинет свое понимание добродетели — все это впервые наметилось в идеальном образе Славена.

СТАТЬИ ИЗ «ТРУТНЯ» НА 1770 ГОД

После прекращения выхода всех журналов «поколения» 1769 года Новиков единственный, несмотря на преследования, решается продолжить издание «Трутня». В плане смелого издателя было намерение продолжить прежде всего свою сатирическую деятельность и изложение своих просветительских воззрений. Последнее намерение в известной мере удалось осуществить в статье, напечатанной в двух первых номерах журнала под названием «В новый год новое счастие». Статья эта представляет собой попытку Новикова систематически изложить просветительские представления о человеческом счастье, об общественных обязанностях человека. Воззрениям Новикова этой поры свойственна и просветительская слабость и дворянская ограниченность. В последующем Новиков сумеет преодолеть многие черты своей классовой ограниченности (см. вступительную статью). Здесь же ограниченность и слабость мировоззрения русского просветителя сказались и в сохранении им сословных устоев России, и в стремлении каждому сословию дать моральное наставление, и в боязни коснуться принципа крепостного права. Поэтому, желая счастья всем сословиям, он желает поселянам не вольности, а лишь того, чтобы помещики исполнили перед ними свои обязанности и были им «отцами». Оттого и появилась формула, характеризующая воззрения Новикова этой поры: «чтобы ваши помещики были ваши отцы, а вы их дети».

Программу сатиры Новикову не удалось осуществить на страницах «Трутня» 1770 года — тому причиной непрерывные полицейские гонения, которым подвергался журнал. Именно вследствие этого отсутствует в журнале сатира на власть и дворян-рабовладельцев. Что в намерении Новикова было касаться именно этих двух тем, мы узнаем из двух статей. Так, в статье,

напечатанной в шестом листе, сообщалось о том, что письмо Правдулюбова (главного полемиста с Екатериной II в 1769 году) не будет напечатано именно потому, что оно задевает «Всякую всячину». В восьмом листе читателям было обещано сочинение молодого путешественника, видимо посвященное теме крепостного права. Но это сочинение также не было напечатано. Важно отметить, что то, что не удалось напечатать в «Трутне» 1770 года, Новиков осуществит в своих последующих журналах: в «Пустомеле» даст оценку «Всякой всячине», в «Живописце» напечатает сочинение «Отрывок путешествия».

Бо́льшая часть новиковских сочинений в «Трутне» 1770 года посвящена теме удушения журнала правительством. Из номера в номер печатает Новиков так называемые письма в редакцию и ответы на них, содержанием которых было сообщение об очередных гонениях, которым подвергается издатель. «Расставание, или последнее прощание с читателем» завершает этот цикл статей. Острие данной сатиры направлено вновь против правительства, против Екатерины, против ее лживо-либеральной политики. Так и в новых условиях Новиков сумел направить сатиру против Екатерины, показывая на реальном примере полицейского преследования его журнала, какова цена легенды о будто бы просвещенном характере русского самодержавия.

ПОЛЕМИКА НОВИКОВА С ЕКАТЕРИНОЙ II в 1769 г.

Все статьи, печатаемые нами, взяты из журналов, на страницах которых разыгралась борьба: новиковские — из журнала «Трутень», екатерининские — из журнала «Всякая всячина». Журнал Екатерины выходил с 1 января 1769 года, журнал Новикова — с 5 мая того же года.

В нашем издании статьи из «Всякой всячины» набраны петитом, ответы Новикова — корпусом.

Поводом к выступлению Новиков избрал наставляющую статью из восемнадцатого листа «Всякой всячины», где определялись характер сатиры, предмет критики и качества сатирика-писателя.

Письмо Новикова-Правдулюбова, напечатанное в пятом листе, должно было показать читателю коренное различие политической программы «Трутня» и «Всякой всячины». «Всякая всячина», утверждал Новиков-Правдулюбов, лживо прикрывающаяся фразами о человеколюбии, в действительности рьяно защищает воров и взяточников. Правдулюбов язвительно замечает о «Всякой всячине»: «таких людей человеколюбие приличнее назвать пороколюбием». Указывая на это, Правдулюбов тем самым сближает государственных расхитителей и взяточников с «госпожой прабабкой», их защитницей. «Трутень» — журнал, писанный не по правилам «прабабки». Он обличает беззакония и преступления и считать их только слабостями отказывается. В связи с этим определяется и достоинство писателя. Если «Всякая всячина» любит и похваляет тех писателей, «кои только угождать всем стараются», то автор статей «Трутня» «сему правилу» не повинуется, он выносит приговоры. Одним словом, «зверок по кохтям виден».

Первое выступление «Трутня» возмутило Екатерину. Через три дня после выхода пятого листа — 29 мая — она разразилась гневной статьей, заявив, что «ругательные» возражения журнала она отвергает. Не зная автора, Екатерина не затрудняла себя выбором ругательств по адресу его «своевольства», полагая, что он испугается и замолчит. Но Новиков не угомонился. В восьмом листе — 16 июня — в «Трутне» было помещено второе письмо Правдулюбова — ответ на гневную статью Екатерины. Если в первый раз Правдулюбов нанес удар журналу, то во втором письме мишенью была избрана сама Екатерина. Правдулюбов-Новиков задается целью разоблачить перед обществом того, кто скрывается под именем «прабабки», под именем «Всякой всячины», кто провозглашает «пороколюбие».

Блестяще написанная статья Правдулюбова, исходя из разбора слога «прабабки», указывает читателю на те признаки, которые ясно изобличают коронованного автора. Прежде всего Новиков настойчиво и неоднократно указывает на нерусское происхождение автора, на незнание им русского языка. Продолжая как бы разбор статьи Екатерины, Новиков, издеваясь над ее слогом, с легкостью показывает, как употребляемые ею некоторые выражения разоблачают в авторе деспотического правителя, привыкшего к повиновению и ненавидящего всех критиков. Действительно, в раздражении на Правдулюбова Екатерина неосторожно написала, что «уничтожает» неугодную ей «ругательную» сатиру. Новиков придрался к случаю и в восьмом листе написал ответ: «Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством?» и т. д.

Из ответа Правдулюбова перед читателем вставал остроумно нарисованный сатирический образ автора «Всякой всячины».

На второе письмо Правдулюбова трудно было не ответить. Еле сдерживая ярость, Екатерина в очередном листе журнала написала: «Ничто так не подло и уничтожения достойно, как потаенно поносити человека». Озлобленная, сбитая с толку Екатерина решила в последний раз предупредить ненавистного ей издателя «Трутня», что «человек, который всегда веселится насчет других, достоин сам всякого уничтожения. Ибо он подвергается добровольно равной заплате». Это уже было обещание Екатерины расправиться с издателем.

Такой ответ был написан, несомненно, сгоряча. Одумавшись, через номер, Екатерина под псевдонимом Тихона Добросоветова обращается к «Трутню», пробуя увещевать его, призывая смириться и действовать по новым, усиленно рекомендуемым ею правилам. Рекомендации эти так и называются: «правило, предписанное всем сочинителям», извлеченное из письма Добросоветова к господину сочинителю «Трутня».

«Высочайшая» инструкция определяла: 1) каким должен быть сочинитель и 2) что обязан изображать сочинитель.

По первому пункту сочинителю вменялось в должность быть «добросердечным», чтобы «во всех намерениях, поступках и делах» блистала «красота души добродетельного и непорочного человека». Поэтому он лишь «изредка касается к порокам, чтобы тем под примером каким не оскорбити человечества».

Второй пункт приказывал сочинителю «поставить пример в лице человека, украшенного различными совершенствами, то есть добронравием и справедливостию, описывать твердого блюстителя веры и закона, хвалить сына отечества, пылающего любовию и верностию к государю и обществу, изображать миролюбивого гражданина». «Вот славный способ исправляти слабости человеческие». Это уже была полная капитуляция перед сатирой и требование от журналов заниматься примерно тем же, чем занимались французские поклонники монархини — «создавать ей алтари». В конце письма Новикова предупреждали, что если он не будет следовать этим правилам, то его будут считать «злонравным человеком», который «изо всего составляет ближним поношение», «бранит всех» только потому, что сам он порочный человек, «услаждение» находящий в «уязвлении других».

Новиков и не подумал прислушаться к преподанному ему совету. Он еще решительнее повел наступление на правительственный журнал, проявивший смятение чувств. Совет был дан 3 июля, а уже 21 июля Новиков печатает злую сатиру на суд — историю о том, как у судьи украли часы. 4 августа он печатает второе письмо дяди к племяннику, в котором дядя вслед за Екатериной плутни свои цинично называет слабостью.

28 августа «Всякая всячина» выступила с защитой русского самодержца. Екатерина, укрывшись под псевдонимом Патрикия Правдомыслова, прямо объявила, что пишет эту статью с целью защиты от нападок «Трутня»: «Рассудил за нужное сие к вам написать для того, что некоторые дурные шмели на сих днях нажужжали мне уши своими разговорами о мнимом неправосудии судебных мест». Все письмо построено как ответ на новиковские рассуждения, что в России нет «златого века», что неправосудие господствует, и потому именно, что оно находится под высочайшим покровительством. Первое, что стремится сделать Правдомыслов, — это реабилитировать Екатерину, доказать, что русская императрица лично никак не связана с имеющимися в России мошенниками, что она «сама справедлива», что обвинять ее в чем-либо лично невозможно и недопустимо. Новиков торжествовал свою первую победу — он заставил Екатерину оправдываться перед обществом.

Так на обличение «Трутня» государь-писатель ответил аргументами государя-самодержца. Отказываясь от полемики, словами почти царского указа заставлял признать, что Екатерина II премудра, просвещенна, справедлива, что ее век — «век златый», а если существуют пороки и недостатки в стране, то в этом повинны сами подданные.

Русское просвещение приняло вызов; Новиков решил драться до конца. 8 сентября в двадцатом листе он выступает с главной своей статьей, в которой уже не таясь, а открыто, следуя примеру Правдомыслова, обрушивается на Екатерину как главного автора журнала «Всякая всячина». Он обличает политическую игру Екатерины в просвещенного монарха, объясняет читателю, сколь реакционна позиция правительственного журнала, занявшегося пропагандой вздорной и политически несостоятельной легенды о просвещенном характере екатерининского «самодержавства».

В центре статьи Новикова — образ коронованного автора, основной чертой которого является «неограниченное самолюбие».

Неограниченный самолюбец считает своей обязанностью вмешиваться во всякую деятельность людей, всюду желая занять первое место. На-днях он изобрел «новенькое» — решил сделаться писателем, стал издавать «книгу всякий вздор» — то есть «Всякую всячину». Книга эта наполнена «странными приключениями», которые почему-то называются сатирами: «Такий-то на сей неделе был у своей родни и передавил все пироги»; «такий-то всякий день бранится со своими соседями за колодязь»; «такий-то там-то приметил, что все девицы кладут ногу на ногу очень высоко», и т. д. К сожалению, неограниченный самолюбец не довольствуется этим, он еще издает журнал и для того, чтобы «показать, якобы он единоначальный наставник молодых людей», что именно он «всемирный возглашатель добродетели», но при этом, не умея писать сам, «перекрапывает на свой салтык статьи из славного аглинского «Смотрителя», занимается плагиатом, называя чужие сочинения «произведением своего умоначертания», и т. д.

Трудно переоценить значение этого выступления Новикова, как и всей его отважной борьбы с Екатериной. Своими выступлениями Новиков, кроме всего, обезоруживал Екатерину, она уже не могла грозить ему со страниц журнала, ибо тем самым доказала бы всему обществу, что она «кусает лишше Кервера», что Новиков прав в своих обвинениях. Поэтому в очередном номере — 11 сентября — Екатерина поместила ответ под заголовком «Нельзя на всех угодить». Еле сдерживая себя от сильных выражений и называя издателя «Трутня» всего лишь «ругателем» и «завистником», она старается хоть как-нибудь оправдаться перед обществом. Не умея найти аргументов в свою пользу, она замечает, что не считает для себя возможным пускаться в опровержение «бредней», ибо показывает тем самым, «в каком холодная кровь выигрыше бывает над кипящею». Признается Екатерина только в том, в чем нельзя было не признаться, — в плагиате. «Скажут, что мы переводы списываем. Признаемся, что и сие бывает». В самом начале статьи Екатерина не сдерживает своего изумления поведением издателя «Трутня»: «Воистину удивительная вещь! Есть люди, кои бранят наше сочинение».

Больше Екатерина не отвечала на продолжавшиеся наступления Новикова. В бумагах Екатерины академик Пекарский обнаружил ряд написанных, но ненапечатанных статей для «Всякой всячины». В одном из таких «писем», например, она писала, что в обществе появились «молодчики молодые», которые «становятся перед старшими и сим места не дают». «В наших краях прежде сего смертию казнили тех, кои малейшее непочтение доказывают старикам». Печатать такие письма после новиковских памфлетов и обличений — значило для Екатерины окончательно скомпрометировать себя, испортить всю затеянную игру. Не печатать, не отвечать на продолжавшуюся сатиру «Трутня» для неудачливой государыни-писательницы значило бы попустительствовать «дерзкому своевольству» бывшего держателя дневной записки. Так должно было стать очевидным для Екатерины, что она проиграла свое сражение с русским просветителем, что план овладения русским общественным мнением вторично был сорван. Поэтому она сама отказалась от литературно-журнальной деятельности и прекратила издание «Всякой всячины». В апреле 1770 года был закрыт «Трутень».

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «ПУСТОМЕЛЯ»

Журнал «Пустомеля» был издан Новиковым через месяц после закрытия «Трутня» — июнь 1770 года. Руководствуясь тактикой осторожности, издатель вынужден был действовать в данном случае через подставное лицо (донесение в Академию наук с просьбой печатать «Пустомелю» написано рукой Новикова от имени маклера Фока). Всего удалось напечатать только два листа, после чего и этот журнал был закрыт. Причина закрытия — продолжение Новиковым неугодной Екатерине II сатирической линии. Помимо оригинальных новиковских сочинений, в журнале были напечатаны резко обличительное «Послание к слугам моим» Фонвизина и переводное с китайского сочинение «Завещание Юнджена китайского хана к его сыну», которое звучало сатирически в контексте новиковских статей.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Вопросы воспитания, начиная с «Живописца», будут привлекать самое пристальное внимание Новикова. Данная неоконченная повесть — первая попытка в художественной форме показать следствие хорошего, в духе «древних российских добродетелей», воспитания. Не случайно, конечно, местом действия избран Новгород — хранитель национальных устоев и традиций русского народа по концепции Новикова.

«ВЕДОМОСТИ»

Жанр, широко развивавшийся Новиковым и в «Трутне» и в «Живописце» как сатирический; в отличие от последних «Ведомости» «Пустомели» лишены обличения. Они ставят своей задачей развитие патриотических идей. Главной темой этих «Ведомостей» является желание Новикова прославлять подвиги русских солдат в войне с Турцией.

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛА «КОШЕЛЕК»

Журнал «Кошелек» издавался после «Живописца», с 8 июля по 2 сентября 1774 года. В год, когда крепостные с оружием в руках боролись за свою свободу, касаться социальных тем журнал не мог. Вот почему в нем отсутствует сатира на дворян-чиновников, дворян крепостников. Но вместе с тем Новиков не отказался от сатиры, и потому ведущей и центральной темой журнала стало обличение галломанства русских дворян, позорного низкопоклонства, преступного предательства дворянами национальных интересов России, национальных основ культуры. Этот воинствующий характер сатиры на галломанствующих помещиков подчеркнут и содержанием журнала (в ряде номеров помещен рассказ о похождениях в России француза-воспитателя), и предисловием, и самим названием журнала «Кошелек». Дело в том, что в XVIII веке, согласно французской моде, мужчины носили

парики с косами, на которые надевали сетку, называвшуюся кошельком. Этот кошелек для Новикова символ галломанства, на которое он и обрушивается.

Сохранившаяся переписка Новикова с секретарем Екатерины II Козицким свидетельствует, что журнал привлек внимание императрицы, что издателю открыто намекнули на необходимость присылать листы журнала на просмотр. Новиков, получивший в эту пору субсидию от Екатерины для своего исторического издания «Древняя российская вивлиофика», вынужден был подчиниться предъявленным требованиям. Следствием этого правительственного контроля явилась присылка Новикову сочинений, вышедших из придворных кругов, печатать которые он обязывался. Так появилась на страницах «Кошелька» комедия «Народное игрище», бездарное и беспомощное в художественном отношении произведение, с циничной откровенностью проповедовавшее принципы крепостничества. После напечатания этой комедии Новиков понял, что журнал не может в данных условиях выражать его воззрения, что его хотят лишить независимости, которую он отстаивал с 1769 года. Поэтому на девятом номере он прекратил издание «Кошелька».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Замечательное сочинение Новикова, выражающее патриотические идеи русского просвещения. С необыкновенной силой и определенностью Новиков ставит перед лучшими людьми из дворянства, перед литературной и общественной мыслью задачу борьбы за патриотическое воспитание юношества, за воспитание любви к своему отечеству и народу, «осиянному» национальными добродетелями. Нельзя не подчеркнуть, что эта патриотическая тема, что прославление национальных добродетелей русского народа, с одной стороны, что обличение дворян, которые «ко стыду целой России гнушаются своими соотечественниками» — с другой, были развиты Новиковым в год борьбы русского народа со своими галломанствующими помещиками-рабовладельцами.

РАЗГОВОР

Два «Разговора» (француза с русским и немца с французом), письмо в защиту француза и, наконец, письмо из Франции отца своему процветающему в Петербурге сыну составляют сатирический цикл, посвященный разоблачению антинародного, офранцузившегося дворянства. Объектом сатиры служит реальная практика русского дворянства. В своем раболепии перед французской цивилизацией русские помещики назначали в качестве воспитателей своих детей только французов. Как свидетельствуют исторические факты, многократно обнаруживались скандальные истории — в качестве учителей-воспитателей в графских и княжеских домах Петербурга подвизались не только невежественные и неграмотные французы, но даже и того хуже — просто воры и мошенники, бежавшие из Бастилии и нашедшие приют у русских дворян. Через весь цикл проходит главный герой, француз-авантюрист шевалье де Мансонж (Ложь).

Стр. 87. *Сочинение Абеде Ш...* — книга аббата Шапа («Путешествие в Сибирь»), вышедшая в 1768 году в Париже, наполненная невежественными и клеветническими суждениями о России и русских. Новикова не могло не возмутить это развязное сочинение иностранца.

«ЖИВОПИСЕЦ» ИЗДАНИЯ 1775 ГОДА

ПРИПИСАНИЕ

Книга открывается «Приписанием» неизвестному г. сочинителю комедии «О время», то есть Екатерине II. Это «Приписание» перепечатано из журнала «Живописец», издававшегося в 1772—1773 годах. После закрытия «Трутня» и «Пустомели» Новиков вынужден был прибегать к тактике «осторожности». «Приписание» журнала Екатерине было первым шагом в этом направлении. Екатерина, жаждавшая подчинить писателей своему влиянию, не могла не приветствовать такого посвящения. Но посвящение это было особого рода — Новиков хвалил не Екатерину-самодержца, а Екатерину-писателя, укрывшегося за псевдонимом «Сочинителя комедии «О время», и хвалил за будто бы обличительный пафос ее сатирического сочинения. Объявив автора комедии «О время» беспощадным сатириком, Новиков немедленно стал поучать его, заявляя: «взгляните беспристрастным оком на пороки наши, закоренелые худые обычаи, злоупотребления и на все развратные наши поступки», «истребите из сердца своего всякое пристрастие; не взирайте на лица; порочный человек во всяком звании равного достоин презрения». Поучая и советуя, Новиков открыто приписывал монарху свои убеждения, свои взгляды на сатиру, нарочно представлял Екатерину-писателя в глазах читающей публики грозным сатириком. Нужно это было для того, чтобы спокойно продолжать свою работу обличителя, объявив себя всего лишь ее скромным учеником: «Вы открыли мне дорогу, которыя всегда я страшился; вы возбудили во мне желание подражать вам в похвальном подвиге исправлять нравы своих единоземцев».

Что Екатерине были приписаны новиковские воззрения на сатиру, читатель отлично догадывался, ибо он помнил: не Екатерина, а Правдулюбов первый «с благородною смелостию» нападал в «Трутне» на пороки, полемизировал «с выжившей из ума бабушкой», требовал изображать пороки и порочных людей, «не взирая на лица». Это она, Екатерина, требовала пороки называть «слабостями» и к слабостям относиться снисходительно. Такое навязывание автору комедии «О время» своих убеждений не могла не заметить Екатерина. Отвечая «Живописцу», она, не вступая в полемику, обходя молчанием и тем самым отводя все похвалы, поспешила дать свое определение смысла сатиры-комедии, иронически приписанное ей Новиковым. Цель ее как писателя, сообщала она, отнюдь не исправление нравов, а всего

лишь «приносить удовольствие», «увеселять». «Пишу я для своей забавы». «При сочинении, — возражает автор комедии Новикову, — не брал я находящихся в ней умоначертаний ниоткуда, кроме собственной моей семьи». Новиков сделал вид, что не заметил этого указания и поправки императрицы.

Это же посвящение Новиков ставит в начале своей книги, но уже без ответного письма Екатерины. Без ответа Екатерины оно должно было с еще бóльшим успехом служить защитой перед лицом цензуры и властей.

АНГЛИЙСКАЯ ПРОГУЛКА

Данная публицистическая статья была впервые напечатана в журнале «Живописец» в 1772 году. Она ставила своей задачей подкрепить прямыми политическими доводами впечатление путешественника от деревни Разоренной. В книге Новиков отделил ее от «Отрывка путешествия» и напечатал отдельно. Всем своим содержанием «Английская прогулка» непосредственно связана с политическими спорами в Комиссии по крестьянскому вопросу. По своей форме, стилистике это типичное «примечание депутата», или, как тогда говорили, «голос». Данная статья представляет собой продолжение выступлений Чупрова, Маслова, Козельского.

ЛЕЧЕБНИК

Впервые напечатан в «Трутне» (л. XXIII) под заглавием «Рецепты». «Рецептам» предшествовало письмо Лечителя издателю «Трутня», которое, как ненужную «уловку», Новиков снял в книге своих сочинений, дав циклу новое название «Лечебник». Особенностью этого жанра является то, что, как правило, каждый рецепт был памфлетом на определенного человека. Современники отлично угадывали и узнавали объект сатиры. Можно предположить, например, что в Недоуме осмеян князь Щербатов — лидер аристократического дворянства, выступавший в Комиссии с речами в защиту прав дворян, могущих доказать свое многовековое дворянство. Начеркал — сатира на драматурга Лукина. Лукин выступил с теорией «склонения на русские нравы» иностранных пьес. В ряде своих комедий он осуществил на практике это требование. Новиков и Фонвизин, сторонники оригинального сатирического творчества, ратовавшие за национально-самобытную литературу, боролись против теорий и практики Лукина. Этим и объясняется сатирическое выступление Новикова. Безрассуд — одна из первых попыток Новикова создать памфлетный образ русского помещика-крепостника по впечатлениям речей крестьянских депутатов в Комиссии.

В «Рецепте Безрассуду», напечатанном в «Трутне», с особой силой проявилось противоречие мировоззрения Новикова эпохи Комиссии, когда обличение помещиков-крепостников сочеталось с верой, что крестьяне могут быть «благополучны» у «хороших», «добрых» дворян. Перепечатывая этот «Рецепт»

в 1775 году, то есть после жестокого разгрома пугачевского восстания, Новиков перерабатывает его, и перерабатывает коренным образом. Он вносит принципиальные идейные изменения. Ранее «Рецепт» строился на противопоставлении судьбы крестьян у помещика-тирана и у помещиков-отцов, где они были «благополучны». В издании 1775 года обличение помещика Безрассуда было оставлено, а изображение жизни «благополучных» крепостных у «барина-отца» снято. Вот выброшенная часть текста: «Они [крестьяне. — *Г. М.*] не смеют и мыслить, что они человеки: но почитают себя осужденниками за грехи отец своих, видя, что прочие их братия у помещиков отцов наслаждаются вожделенным спокойствием, не завидуя никакому на свете счастию, ради того что они в своем звании благополучны».

Пугачевское восстание наглядно и неотразимо продемонстрировало перед Новиковым, что помещиков-отцов нет и не может быть, что мечта о «благополучии» крепостных у помещика утопична, что все помещики в силу крепостного права — Безрассуды. Этот опыт и определил исключение Новиковым данного отрывка в издании 1775 года.

В свете этого факта заслуживает внимания и та приписка к «Отрывку путешествия», которая появилась в издании 1775 года. Как известно, «Отрывок путешествия» кончался сообщением, что путешественник из деревни Разоренной собрался ехать в деревню Благополучную. Сохраняя это сочинение, сильное своим обличением рабства, в новом издании, Новиков после пугачевского восстания не хочет, чтоб у читателя появилась вера в возможность существования помещиков-отцов и «благополучных» крестьян. Вот почему, выбросив эту идею из «Рецепта», он дает и новое окончание «Отрывку путешествия», которое должно было иронией снять надежду на возможность в екатерининской России «благополучных» деревень. Новое окончание состояло в фразе: «Продолжение сего путешествия напечатано будет при новом издании сея книги». Ирония заключалась в откровенной несбыточности этого обещания. В самом деле, в 1772 году, когда «Отрывок путешествия» печатался в журнале, — продолжения обещано не было. А напечатать его было бы легко в одном из очередных листов журнала. Обещать продолжение «при новом издании сея книги» — значило издеваться над возможностью написания такого продолжения: Новиков не мог знать, будет ли новое издание книги, раскупит ли читатель это издание. Такого рода припиской Новиков внушал читателю: никакого продолжения путешествия в деревню Благополучную не может быть по той простой причине, что «благополучных» деревень в рабской России быть не может. Характерно, что, вновь переиздав в 1781 году «Живописец», Новиков никакого продолжения к «Отрывку путешествия», конечно, не дал, оставив и там приписку 1775 года, которая уже стала подлинным окончанием этого произведения.

Снятие в 1775 году из «Рецепта Безрассуду» той части текста, где высказывалась надежда на «благополучную» жизнь у помещиков-отцов, подчеркивает не только иронический смысл приписки Новикова к «Отрывку путешествия», но является и еще одним доказательством того, что оба произведения — «Рецепт Безрассуду» и «Отрывок путешествия» — написаны одним и тем же лицом, а именно Новиковым.

ОТПИСКИ КРЕСТЬЯНСКИЕ

Одно из первых замечательных по силе реалистического изображения художественных произведений русской литературы, посвященное крепостному праву, первая попытка дать образ русского крепостного (крестьянин Филатка и староста Андрюшка). «Отписки» тесно связаны с крестьянскими наказами своим депутатам, которые внимательно изучал Новиков по своей работе в Комиссии.

«НА СИХ ДНЯХ ПОЛУЧИЛ Я ПИСАНИЕ»

Переделка сочинения «Торг семи муз. Из Кригеровых снов», переведенного в пору пребывания в университете Фонвизиным и напечатанного в 1762 году в журнале «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия». Смысл переделки — дать русскому читателю под видом переводного сочинения сатиру на русскую действительность.

«НЕДЕЛИ С ДВЕ ТОМУ»

Обычная «уловка», «тонкость» Новикова — свое сочинение выдавать за присланное письмо. Смысл данного письма «Доброхотного сердечка» и особенно примыкающего к нему ответа сочинителя «Живописца» — защита позиций независимости писателя от правительства, двора, дворянства.

Стр. 169. *Ко дво...* означает ко двору.

«СКОЛЬКО ВО ФРАНЦИИ ПОЧИТАЮТ БОАЛО ДЕ ПРЕЯ»

Одно из сильнейших обличительных сочинений Новикова, являющееся в то же время своего рода манифестом писателя-сатирика. Рисуя обобщенную картину морально сгнившего, развратного паразитического дворянского общества («разоренные вдовы», матери, «раздраженные распутством дочерей», карточные игры молодых дворян, «разговаривающие о великолепии французских мод» дворяне, не платящие долгов купцам, крестьяне «в ветхих рубищах», бегущие за каретой барина и просящие «об отсрочке до другого времени оброка, которого они за крайнею своею бедностию теперь заплатить не могут», дворяне, отвечающие жестоко и равнодушно «не можно», и подобные этим сценки, как бы обобщающие темы «Трутня» и «Живописца»), Новиков декларирует обязанность писателя «по сыновней любви к отечеству своему... открывать пороки сограждан», предавать эти пороки гласности, принося тем «пользу обществу».

В этой связи упомянуты в начале письма французский сатирик Буало и немецкий сатирик Рабенер.

Латинские стихи взяты Новиковым из второй песни Виргилиевой «Энеиды». Перевод: «Если судьба и создавала презренных Синонов, то она, своевольная, не щадила их — суетных и лживых».

ИЗВЕСТИЕ, ПОЛУЧЕННОЕ С ЕЛИКОНА

Еликон, то есть Геликон, гора в Греции, расположенная рядом с Парнасом. В греческой мифологии — местопребывание бога поэзии Аполлона и муз. Данный «сон» — ярчайшая сатира на Екатерину, сатира, примыкающая к позднейшим фонвизинским обличениям екатерининского фаворитизма и разврата, процветавшего при дворе. Герой «сна», писатель, сочинитель «Живописца», встречается с музами. При этом ему сначала кажется, что он уже умер, и это возмущает его, так как он хочет жить, и прежде всего для того, чтобы исполнить свое намерение — написать «несколько сатирических книг и посредством оных изгнать все пороки из отечества». Музы успокаивают сочинителя, уверяя его, что он лишь спит и что во сне он встречается с ними для того, чтобы ответить на один важный вопрос: «какой это род людей метрессы и каким образом они у вас заведены». Ответ на вопрос и составляет тему сатиры. Метресса — то есть любовница, развратная женщина. Муза, «покровительница женского пола», имеющая «долг больше всех пещися о их целомудренности, верности и святости брака», ведет «роспись» всем честным женщинам. Она дает автору прочесть эту роспись с целью, чтобы тот нашел в списке за последнее полустолетие, «а наипаче последних годов» современную Лукрецию. Лукреция — жена Коллатина, обесчещенная сыном последнего царя древнего Рима Тарквиния. В знак протеста целомудренная Лукреция закололась. Имя ее стало синонимом честности и добродетели. Так вот в списке женщин «за последние годы» автор не находит новой Лукреции. На вопрос музы: «Ну... сколько нашел Лукреций?» он отвечает: «Извините, сударыня, я, право, здесь...» Этот ответ, сопровождаемый многозначительным многоточием, следующая далее демонстративная концовка: «Продолжения не будет», заявление, что современность не знает ни одной Лукреции,— вся эта сумма намеков составляла смысл сатиры, долженствовавшей обличить «великую жену», «мудрую матерь отечества» как метрессу. — Весьма вероятно, что сатира эта имела свое окончание. В издании «Живописца» 1772 года она имела уведомление: «Продолжение будет в следующем листе». Ни в следующем, двенадцатом, ни в каких других листах продолжение не последовало. Возможно, продолжение было запрещено цензурой. В издании «Живописца» 1775 года появилось демонстративное, набранное курсивом, оповещение: «Продолжения не будет».

«КАК МНЕ ИЗВЕСТНО»
(Письмо Любомудрова).

Данное письмо Любомудрова и ответ сочинителя «Живописца», центральные статьи второй части книги, перепечатаны из журнала «Живописец». Они излагают новиковскую просветительскую программу. В письме Любомудрова рассказывается о создании Новиковым в 1773 году «Общества, старающегося о напечатании книг». Главная задача создаваемых частными людьми независимых от правительства просветительских обществ — издание и распространение по России необходимых книг, журналов и газет. Одна из

первых книг новиковского «Общества» принадлежала Радищеву — перевод сочинения аббата Мабли «Размышления о греческой истории». В этой же книжке содержалась его политическая статья «О самодержавстве», написанная в виде примечания. Это новиковское «Общество» в 1775 году закрылось из-за отсутствия денежных средств. С 1779 года Новиков на базе арендованной им типографии Московского университета начнет осуществлять программу, сформулированную в этих статьях. Характерно противопоставление Новиковым своего «Общества, старающегося о напечатании книг» екатерининскому «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг». Новиковское «Общество» печатало и распространяло русские книги, екатерининское — иностранные, и прежде всего политические сочинения французских энциклопедистов.

«САТИРИЧЕСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

«Сатирические ведомости» — одно из ранних сатирических сочинений Новикова, печатавшихся в «Трутне» в 1769 году (лл. VI, IX, XVI и XVIII) под общим заглавием «Ведомости». В 1772 году Новиков напечатал в шестом и двадцатом листах «Живописца» продолжение «Ведомостей». По жанру — это пародия на газету, отсюда разделы сочинения: известия — «В Санктпетербурге», «Из Москвы», «Из Ярославля» (или какого другого города), «Подряды», «Продажа» и, наконец, «Курс деньгам». Как всякая газета, «Ведомости» наполнены злободневным материалом. В отличие от сатирических сочинений типа «Смеющийся Демокрит», где речь шла только об общих пороках, здесь всегда обличался точно обозначенный конкретный объект. В каждом разделе современники находили ясный им намек на реальное событие или на реальных людей. В настоящее время не все намеки удается раскрыть. То же, что оказывается раскрытым, свидетельствует о силе и остроте новиковской сатиры.

№ 1

Подряды

«Для наполнения порожних мест» — первое дерзновенное выступление Новикова против фаворитизма Екатерины II. Впервые напечатано в «Трутне», лист шестой. К этой заметке непосредственно примыкает вторая, напечатанная в «Трутне», лист шестнадцатый, которая по сути дела является окончанием единого произведения. В первой заметке говорится о «престарелой кокетке» и необходимом ей штате любовников. И это можно было толковать отвлеченно как сатиру на дворянский разврат. Вторая заметка уточняла намек: во-первых, эта «престарелая кокетка», оказывается, живет в Петербурге, во-вторых, она женщина очень знатного происхождения, ибо ей свойственна власть награждать за любовные «услуги», в силу которых безвестные молодые люди получали такое знатное достоинство, что могли хвастливо заявлять о себе: «в роде своем не последний». Такую власть в России имела только одна женщина, и называлась она императрицей Екатериной II.

№ 3

С Парнаса .... 1769 года

Можно считать доказанным, что сообщение о новой русской комедии касалось комедии Фонвизина «Бригадир», законченной к лету 1769 года в Москве и привезенной в Петербург, где она читалась и в кружке Новикова, и в частных домах, и при дворе — у Екатерины и Павла. Чтение комедии сопровождалось шумным успехом. Новиков, связанный с Фонвизиным узами дружбы еще по Московскому университету, отметил это событие сообщением в своих «Ведомостях». Это сообщение — свидетельство еще и того, как складывался союз молодых литераторов, сторонников «действительной живописи». Через два с половиной года Новиков повторит высокую оценку «Бригадира» в своем сочинении «Опыт исторического словаря о российских писателях».

Стр. 191. ... *г. С.* — поэт и драматург Сумароков.

Из Москвы

Стр. 192. *«Разговоры о множестве миров»* — сочинение Фонтенеля, французского писателя, одного из зачинателей движения французского просвещения. Указанная книга — замечательный образец популяризации научных знаний — была направлена против церковного учения о происхождении мира и пропагандировала декартовское астрономическое учение. Это сочинение было переведено на русский язык писателем-сатириком Кантемиром в 1730 году. Появиться в свет этот перевод мог только в 1740 году, но по решению синода как «атеистическая богопротивная книгища» был изъят и уничтожен. Защита Новиковым этого сочинения и пропаганда антицерковного учения в его журнале характеризуют его деистическое мировоззрение. Впервые эта заметка была напечатана в «Трутне», затем перепечатана в третьем и четвертом изданиях «Живописца». В пятом издании статья была изъята цензурой.

№ 4

Из Москвы

Стр. 197. *Свирепствовавшая в нашем городе заразительная болезнь* — чума; началась осенью 1771 года, кончилась в январе 1772 года. Новиков использует реальный факт для сатиры, сравнивая «пристрастие некоторых знатных российских бояр и молодых господчиков ко всем иностранцам» с чумою.

Из Ярославля

Стр. 198 ... *ныне славится и хорошими сочинениями* — речь идет о трех комедиях Екатерины II: «Именины г-жи Ворчалкиной», «Госпожа Вестникова с семьею», «О время!», на титуле которых было поставлено условное обозначение: «Сочинено в Ярославле».

*

ПОСЛОВИЦЫ РОССИЙСКИЕ

16 пословиц российских были напечатаны в первой, второй и четвертой книгах периодического издания Новикова «Городская и деревенская библиотека» за 1782 год. Все рассказы условно можно разделить на две группы: в первой Новиков развертывал просветительские темы, во второй — политические. Цикл начинался невинным рассказом «Зиме и лету перемены нету». Помещение в начале цикла рассказа с моральной проблематикой было, несомненно, «уловкой» Новикова, продиктованной все той же тактикой «осторожности», для того чтобы обеспечить в дальнейшем напечатание остро политических и сатирических рассказов. Подробно о «Пословицах российских» см. во вступительной статье и в статье «Об авторстве Новикова».

БЛИЗ ЦАРЯ, БЛИЗ СМЕРТИ

Заслуживает быть отмеченным следующий интересный факт: декабристы Рылеев и Бестужев, как известно, пришли к выводу о необходимости создания агитационных песен, предназначенных для народа. В этой связи проявился их интерес к народному творчеству, и в частности к пословицам. Помимо того, что этот интерес к фольклору сказался на песнях, мы имеем и еще одно свидетельство непосредственного интереса к народным пословицам с политическим содержанием. Так, в зашифрованном дневнике, который вел Александр Бестужев в заключении, мы находим следующую запись: «Близ царя, близ смерти» (пословица, которую хотела уничтожить Екатерина II)». [1]

СЕДИНА В БОРОДУ, А БЕС В РЕБРО

Эта сильнейшая сатира из всего цикла примыкает к другому талантливому произведению этого жанра — «Всеобщей придворной грамматике» Фонвизина. Рассказ полон намеков на реальные поступки и действия Екатерины. Так, например, фраза «старуха, имеющая прекрасную и взрослую дочь, искушением беса влюбляется в двадцатилетнего молодчика» — ясно намекала на Екатерину, имевшую взрослого сына и проявлявшую страсть к «двадцатилетним молодчикам». Тот же намек таится и в другой фразе: «Старуха щедро платит за купленные ласки, истощает все старинные редкости для подарков, опустошает мешки казенные». Именно Екатерина за купленные ласки платила из казенного мешка, раздавая своим фаворитам дорогие подарки не только в виде поместий, крестьян, денег, дворцов, но и «старинных редкостей» — картин, сервизов, бриллиантов и т. д. Заключает свою сатиру Новиков прямой злой и смелой издевкой: «Новость сия бегает из двора во двор и делается общею пословицею. Причина сия невероятна, но ежели другой сыскать не можно, то я прошу моих читателей и сей поверить». Смысл этой концовки очевиден — открыто указать, что дело не в найденных в архивах рассказах, а в реальных делах Екатерины, отлично известных читателям.

---

[1] «Поэзия декабристов», Л., 1950, стр. 34.

ФОРТУНА ВЕЛИКА, ДА УМА МАЛО

Этой пословицей Новиков как бы подводит итог своим размышлениям о судьбах народно-освободительных движений и значении народа в политической жизни государства. Рассказ полон сатирических намеков на явления русской политической жизни. (Карьера Лавида — баловня фортуны — явно намекала на головокружительные восхождения многочисленных фаворитов Екатерины; фраза о запрещении бедным, под страхом казни, жаловаться на богатых, их притеснявших и разорявших, открыто намекала на указ Екатерины, которым крестьянам было запрещено жаловаться на своих помещиков.) Смысл рассказа — в выводе, к которому пришел Новиков в своих размышлениях по политическим вопросам: народ имеет право судить своего государя, если он не исполняет своего долга, может выбирать себе нового над собой правителя, волен своего бывшего государя казнить. Несомненно, эти суждения Новикова — результат его внимательного изучения истории, и в частности освободительной борьбы народов (пугачевское восстание в России, американская революция, о которой он подробно писал в газете «Московские ведомости», две революции — в Англии и Голландии и т. д.). Нельзя не вспомнить, что в это же время в своей философской статье «О торговле вообще» Новиков писал именно о том же, ссылаясь на конкретные примеры истории. Вот, например, что он писал о Голландии: «Голландцы, лишены будучи безрассудным тираном своих вольностей... осмелились наконец, по выражению одного новейшего писателя, переломить железный скиптр, их угнетавший».

КРИТИКА

Первые критические статьи Новикова появились в журнале «Трутень». Они родились в атмосфере острой политической борьбы с правительственным журналом «Всякая всячина», которым руководила Екатерина II. Играя роль просвещенного монарха, Екатерина хотела приручить литературу, указав ей возможные темы и дозволенный тон, стремилась к лишению писателей их независимости. Так появились статьи Новикова-Правдулюбова (см. их в разделе «Полемика Новикова с Екатериной II»), выдвинувшие центральный тезис всей его дальнейшей литературной деятельности и как писателя и как критика, — литература должна быть независимой от правительства, ее содержанием должна быть сатира, объектом сатиры должен стать двор, вельможи и реальная практика дворянства. К письмам Правдулюбова примыкает цикл статей, напечатанных в «Трутне», «Пустомеле» и «Живописце». Они посвящены обозрению состояния литературы в год издания сатирических журналов, борьбе с поэтами дворянского искусства классицизма, с писателями правительственного лагеря и некоторыми писателями не дворянами типа Лукина, боявшимися поднимать коренные вопросы социальной жизни, искавшими покровительства у вельмож. В этих статьях Новиков развернул свое понимание гражданской роли литературы, нанес удар поэтике классицизма, сформулировал свои принципы новой эстетики — «действительной живописи», приготовлявшей развитие реализма. Стоит отметить важную особенность —

Новиков выступал в своих журналах не только как критик, но и как художник, поэтому чтобы понять и оценить подлинное содержание его борьбы за новую эстетику, нужно анализировать новиковские художественные и критические сочинения в единстве, ибо одни дополняют другие.

В центре критических работ Новикова, несомненно, стоит «Опыт исторического словаря о российских писателях».

Высоко ценя общественную роль литературы, убедившись сам, на собственном примере, как плодотворно ее влияние на умы, Новиков вместе с тем столкнулся с очевидным небрежением общества к писателю и русской литературе, увидел, что часто в этом небрежении виноваты сами писатели. Отечественная литература не изучалась, о русских писателях мало знали, современные литераторы жили разобщенно, некоторые из них писали ради подачек — перстенька, табакерок и прочих выгод.

Составление «Словаря» было продиктовано Новикову патриотическими мотивами. Первые строки «Предисловия» прямо формулировали эту идею: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сея книги меня побудило».

Новиковская книга, явившаяся плодом настойчивого и любовного труда по собиранию известий о русских писателях, их сочинениях, их жизни, подводила итог целому периоду русской культуры. Тем самым она ставила задачу постоянного, систематического изучения литературы, давая тому прекрасный пример. Оценивая произведения и деятельность писателей, Новиков ставил вопрос о необходимости критики как средства общественного воздействия на литературу. Эту важную особенность новиковской книги отлично понял и почувствовал Белинский. «Словарь российских писателей» Новикова, — писал он, — богатый факт собственно литературной критики того времени: его... нельзя миновать в историческом обзоре русской критики».[1]

В этой книге мы едва ли не впервые сталкиваемся с принципиальной критикой по существу, с критикой, на первое место выдвигающей критерий общественной полезности произведений, с критикой, исключающей личные вкусы, неприязнь, зависть. Еще до «Словаря», в предисловии к «Пустомеле», Новиков поставил вопрос о критике как серьезном, ответственном, общелитературном деле. «Некоторые утверждают», писал он, «что критиковать легче, нежели сочинять... но я этому не совсем верю и думаю, что правильно и со вкусом критиковать так же трудно, как и хорошо сочинять». На редкость доброжелательный критик, Новиков всегда и неизменно осуждает писателя, когда он превращает свою музу в доходное предприятие, когда он служит не обществу, а двору.

После издания «Словаря» Новиков продолжал свою критическую работу. В «Живописце», в частности, была напечатана замечательная критическая статья — «Автор к самому себе». В 1777 году он издал первый в России критико-библиографический журнал «Санктпетербургские ученые ведомости», в которых вновь призывал к развитию русской критики. Заявляя о своем намерении посвятить журнал «критическому рассмотрению издаваемых книг»,

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. VII, стр. 412.

Новиков указывал, что понуждает его к этому «польза общественная». В 1779 году Новиков, взяв в аренду типографию Московского университета и газету «Московские ведомости», перестроив газету, ввел в нее постоянный библиографический отдел «О новых книгах».

СТАТЬИ ИЗ РУССКОГО СЛОВАРЯ

Напечатаны в «Трутне» в пятом листе. Статья направлена против дворянских дилетантов в литературе (к этому времени появилось множество дворянских поэтов, пописывавших стишки). Ставя перед литературой общественные задачи, Новиков и здесь указывает, что новомодные поэты — неучи, усвоившие лишь волосоподвивательную науку. Они не понимают, что писатель должен проповедовать «добродетель согражданам своим», полагая, что писать стихи можно, если знать, «что мужеский стих в 12, а женский в 13 стоп». Здесь же Новиков выступает против засорения литературного языка словечками дворянского жаргона («как ли не»). Характерно, что одновременно указывается на необходимость ориентироваться на язык народа, на язык пословиц.

[О ХАРАКТЕРЕ САТИРЫ В ЖУРНАЛАХ «ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА» И «И ТО И СЁ»]

Статья напечатана в двенадцатом листе без заглавия. Представляет собой первую попытку Новикова оценить складывавшиеся направления в журналистике — к правительственному журналу «Всякая всячина» тяготел журнал М. Чулкова «И то и сё». Сближала их, прежде всего, общность воззрений на характер сатиры. Читатель узнавал журнал «Всякая всячина» по намекам. Строки «некто в Москве на некотором мосту» — есть прямое указание, что речь идет о «Всякой всячине», где печатались сатирические статьи именно с таким обозначением сатирического объекта: «некто», «некий», «в некотором городе» и т. д.

«Некоторый журнал» — «И то и сё» М. Чулкова, где действительно в №№ 24 и 25 напечатана статья о вреде размножения журналов. Там же напечатана басня о козленке: девушек удивляет, почему козленок без рогов. Пастух отвечает им, что козленок еще не женат. Басня эта приводится Новиковым как образец пошлой и ничтожной сатиры. Смысл обличений Новикова в том, что он показывает близость и единство воззрений на сатиру екатерининской «Всякой всячины» и чулковского журнала.

[О ПОЭЗИИ КЛАССИЦИЗМА]

Статья напечатана в девятнадцатом листе «Трутня» без заглавия. Пародийно используя пристрастие поэтов-классиков к греческой мифологии и античным жанрам (эклоги — стихи о блаженствующих пастухах и пастушках), Новиков строит свою сатиру, густо насыщая ее при этом мифологиче-

скими именами, на показе того, как за всей мишурой, нарочитым бегством в мифологию легко обнаруживается откровенная связь этой поэзии с русским дворянством, с русским деспотическим правительством. В этом смысл финала статьи, где говорится о том, что Аполлон, всегда состоя прислужником у богов, когда «боги упиваются», промочив рот ипокренскими водами (Ипокрена — источник поэзии в греческой мифологии), «должен воспевать в стихах падение Гигантов и похвалы роскошным богам». Последняя фраза зло намекала на поэтов-классиков (например, Хераскова), воспевавших «падение Гигантов» — стихи на смерть Елизаветы и Петра III, умерших или убитых царей, стихи об отставленных фаворитах (Рубана, Петрова), стихи, возносившие похвалы «роскошным богам» — царствующему монарху и преуспевающему фавориту.

[РАССУЖДЕНИЕ ОБ АВТОРАХ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ 1769 ГОДА]

Статья напечатана в виде предисловия к журналу «Пустомеля». Еще в февральском номере «Трутня» Новиков поместил следующее извещение: «Письмо г. Правдулюбова напечатано не будет. Оно задевает «Всякую всячину»... В том же письме г. Правдулюбов делает рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и полагает им цену». Цензура не разрешила поместить статью Правдулюбова в «Трутне». Несомненно, предисловие к «Пустомеле» есть осуществление не выполненного ранее намерения дать «рассуждение о всех еженедельных сочинениях минувшего года и положить им цену».

Не имея возможности назвать прямо екатерининский журнал «Всякую всячину» и журналы, плясавшие под ее дудку, Новиков прибег к системе намеков, которые современный читатель расшифровывал без труда. Первые же строки дерзко характеризуют Екатерину и ее сочинение: «Мне и самому несносны те авторы, которые сочинения свои начинают вздором, вздором наполняют и оканчивают вздором». Здесь Новиков использует прием, ранее примененный в «Трутне», где журнал «Всякая всячина» именовался им журналом «Всякий вздор». Далее фраза — «у них сухие шутки, будто оставляют темные места на догадку читателя», — прямо указывает на «Всякую всячину», в предисловии которой было написано: «не все прописывая, оставлять кое-что на острую догадку читателям». [1]

Далее Новиков ведет разговор о щепетильнике — это был прозрачный намек на журнал Чулкова «Парнасский щепетильник», выходивший в 1770 году. Слово «щепетильник» означает — торговец мелким товаром. Новиков сатирически обыгрывает это название журнала, заявляя: есть писатели, думающие, «что хорошо сочинять так же легко, как продавать снурки», и т. д.

Издание «Трутня» обогатило Новикова опытом общественной борьбы, убедило его, что избранный им путь служения отечеству правилен, что лите-

---

[1] «Всякая всячина», 1769 г., «Поздравление с новым годом».

ратура, книга — могучие средства воспитания. На этой основе и выработались критические воззрения Новикова — необходимо оказывать общественное воздействие на литературу, требовать от писателя общественного служения. Журнал в связи с этим, по мысли Новикова, должен быть «кафедрой», с которой можно «прокричать» о народных отягощениях, о царящих в самодержавном государстве беспорядках, о лживой и лицемерной политике русской императрицы. Но журнал — это и «школа», позволяющая «преподавать наставления», помогать людям «убегать пороков» и честно исполнять свой долг, долг граждан, любящих свое отечество. В свете этих своих критериев Новиков дает оценку правительственному лагерю журнальной литературы 1769 года в предисловии к «Пустомеле». В центре этой литературы Екатерина — неограниченный самолюбец с журналом «Всякий вздор». Ей следуют писатели типа Чулкова, Рубана, В. Петрова. Именно потому, что эти литераторы исполняют веления неограниченного самолюбца, забывая о своих общественных обязанностях, они не писатели, а «бумагомаратели». «Они пишут все, что с ними ни повстречается, хватаются за все» и потому «начинают и никогда не оканчивают, затем что не имеют цели своим желаниям». Бумагомаратели эти, полные самодовольства, рассуждают так: «Что нравится им, то, думают они, понравится и всем».

Настоящие писатели, заявляет Новиков дальше, обязаны иметь цель своим желаниям. Цель эта должна удовлетворять не личные вкусы и желания, а общественные потребности. Поэтому не о том, что «повстречается», должен писать настоящий автор, не «всякий вздор», а имея «истинное о вещах понятие», мешаться в «политические дела» и сочинять сатиры, а не эклоги да оды.

Фраза о Клио (муза эпической поэзии по греческой мифологии, позже муза истории), которая «ходит по гостиному двору, рассказывает купцам разные истории», — выпад Новикова против произведений буржуазных писателей типа Лукина и его комедий. Вот почему здесь, как и в «Трутне», Новиков прямо нападает на Лукина — «заставь читать Л** комедии».

[КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ АВТОР ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫХ СОЧИНЕНИЙ]

Статья без названия напечатана во втором и последнем номере «Пустомели», тесно связана с предисловием, развивая тот же круг вопросов.

[О ФОНВИЗИНЕ]

Напечатано во втором номере «Пустомели», после фонвизинского «Послания». Статья эта дополняет наше представление о критических воззрениях Новикова — обличая и осуждая деятельность писателей типа придворного поэта Петрова, Новиков противопоставляет им творчество молодого писателя-сатирика Фонвизина.

[О ДМИТРЕВСКОМ] И [О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТРАГЕДИИ СУМАРОКОВА «СИНАВ и ТРУВОР»]

Напечатано в «Пустомеле». Проявляя интерес к русскому театру, историю которого Новиков собирался писать, он высоко оценивал творчество гениального русского актера Дмитревского. Оценки, данные его игре в этих статьях, тесно связаны с общей характеристикой его творчества, данной на страницах «Словаря».

[О КРИТИЧЕСКОМ РАССМОТРЕНИИ ИЗДАВАЕМЫХ КНИГ]

Статья написана в качестве предисловия к журналу «Санктпетербургские ученые ведомости», которые Новиков издавал в 1777 году. Предисловие написано самим Новиковым и подписано буквой Н. В дальнейших номерах журнала (их вышло всего 26) печатались критические разборы ряда книг, в том числе многих новиковских изданий. Особо подробному рецензированию подверглась «Древняя российская вивлиофика». Некоторые из статей подписаны инициалами, расшифровать которые сейчас крайне затруднительно. Другие обзоры печатались без подписи.

ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ О РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЯХ

«Словарь» издан Новиковым отдельной книгой в Санктпетербурге в 1772 году. Это был первый словарь, заключавший в себе огромный материал о русских писателях (светских и духовных), ученых и переводчиках. Ему предшествовало «Известие о некоторых русских писателях», напечатанное в Лейпциге в 1768 году. Правда, в этом «Известии» упоминалось всего лишь о сорока двух писателях. Новиковский «Словарь» заключал в себе сведения о 317 писателях. Составление такого «Словаря» представляло по тем временам огромные трудности — материалы (биографические и библиографические) о писателях были чрезвычайно скудны. Отдельные сведения о них затерялись в различных, часто уже позабытых, изданиях. Не было почти никакого учета вышедших и выходящих книг. Новые книги продавались или в типографии, или у переплетчиков (позднее Новиков заведет свою книжную лавку и начнет издавать «Росписи книг» — библиографические справочники). Новикову пришлось просмотреть огромное количество книг, произвести разыскание в архивах, использовать ученых-историков (в частности, многим помог Новикову историк Миллер), собирать сведения о писателях «по словесным преданиям». В последнем случае много сведений о писателях сообщил Новикову Сумароков. Множество ценнейших фактов внесено в «Словарь» из личных воспоминаний Новикова о писателях, с которыми он был знаком, с которыми учился в университете. Именно эти трудности сбора фактического материала определили слабости и недостатки «Словаря». Так, некоторые писатели не попали в «Словарь». Сведения о других иногда оказывались ошибочными или

неточными. Встречается неверное написание имен и фамилий писателей, указываются ошибочные даты. В настоящем издании, поскольку это оказалось возможным и доступным, ошибки и неточности «Словаря» исправлены. О значимости и ценности собранного Новиковым огромного материала о русских писателях можно судить хотя бы по тому факту, что бóльшая его часть прочно вошла в последующие биографические словари. «Словарь» митрополита Евгения, вышедший в начале XIX века, открыто опирался на факты, собранные Новиковым.

Поставив перед собой задачу не только сообщить биографические факты о писателях, но и оценить их творчество, Новиков понимал, какие трудности вставали перед ним — впервые один человек судил всех писателей и высказывал о каждом свое суждение. При этом нельзя забывать и о том, что в то время высказывать суждения частному человеку о писателях, большая часть которых принадлежала или к титулованному дворянству и крупному чиновничеству, или состояла под высочайшим покровительством, было актом гражданским, и к тому же делом крайне опасным. И действительно, нам известно, что после выхода «Словаря» на Новикова жестоко обрушились не только недовольные писатели (Федор Козельский, Шлецер и др.). Придворный поэт Петров, резко осужденный Новиковым, пожаловался на него прямо Екатерине.

Генеральной идеей «Словаря» было убеждение о внесословной ценности человека, что делало его явлением антифеодальной идеологии. В ту пору командное положение во всех областях культурной жизни занимало дворянство. Привилегированное положение дворянства его идеологи настойчиво объясняли «благородным происхождением» своего сословия.

Более трехсот писателей называет Новиков в своей книге. В большинстве случаев он указывает социальное и служебное положение каждого из них. Но нигде не говорится о «благородном» происхождении писателей, об их дворянских заслугах и качествах, ни в одном случае творческие заслуги не объясняются «благородством» происхождения. Неизменно проводится Новиковым единый идейный принцип оценки — не по происхождению, а по делам, не по «породе», а по произведению. Больше того, Новиков сознательно «породе» противопоставляет личные качества. Так, например, характеризуя замечательного русского деятеля Степана Крашенинникова — ученого, писателя, профессора Академии, — он так сформулировал этот свой принцип: «Он был из числа тех, кои не знатностию породы, не благодеянием счастия возвышаются; но сами собою, своими качествами, своими трудами и заслугами прославляют свою породу и вечного воспоминания делают себя достойными».[1]

Оттого в «Словаре» на равных основаниях рядом с титулованными авторами стоят выходцы из «подлого» сословия, из крестьян, мещан, купцов. Нельзя не заметить сознательного намерения автора в тех случаях, когда говорится о писателях-разночинцах, выходцах из «среднего рода людей»,

[1] «Опыт исторического словаря о российских писателях», СПБ., 1772, стр. 97.

а тем более из крестьян, особенно подчеркнуть их успехи, их заслуги, их вклад в русскую культуру. С таким пристрастием и любовью говорится о Ломоносове — сыне «промышленника рыбных ловлей», «муже великого разума, высокого духа и глубокого учения», о механике Кулибине — нижегородском купце, писателе Эмине — сыне «небогатых родителей», профессорах Поповском, Барсове, Крашенинникове, актере Федоре Волкове — сыне костромского купца, Десницком — «магистре свободных наук, юриспруденции докторе, римских и российских прав публичном экстраординарном профессоре», и т. д.

Вопрос о положительной программе Новикова-критика нельзя рассматривать в отрыве от его практической писательской деятельности в «Трутне», «Пустомеле» и «Живописце». Именно эта личная писательская позиция определила характер его критических оценок и позволила ему разобраться в современном состоянии литературы, разделить писателей-современников на два лагеря. Высоко оценивая роль Сумарокова, Новиков отдавал должное его историческим заслугам перед русской литературой, прежде всего за разработку сатирико-политических жанров. Вместе с тем отношение к Сумарокову у Новикова почти историческое: для Новикова это писатель, уже все свершивший, писатель, принадлежащий к прошлой эпохе.

Ориентировался же в своем «Словаре» Новиков не на Сумарокова, а на писателей молодых, близких ему самому по направлению, по образу мыслей, по пониманию задач литературы. Он стремится выдвинуть на первое место тех, «о ком сказать должно, что Россия надеется увидеть в них хороших писателей», то есть тех, кто недавно вступил в литературу и кто в ближайшие годы будет играть активную роль в ней. Кто же эти писатели? — Фонвизин, Майков, Эмин, Попов, Аблесимов, Аничков. Вот кому сочувствует Новиков, кого «похваляет», чья общеполезная, критическая по духу, деятельность снискала его признание. Эти писатели составляют один лагерь литературы.

Бесспорно, именно 1769 год — год сатирических журналов — позволил Новикову увидеть в литературе признаки социального и идейного размежевания, определил стремление защищать и отстаивать свои и своих единомышленников принципы и убеждения от нападок враждебной стороны. В центре борьбы встал вопрос — быть ли литературе независимой от правительства, напоминать ли о народных отягощениях или стать придворной, «карманной», поющей и пляшущей под дудку Екатерины II.

Отстояв свою личную независимость в полемике со «Всякой всячиной», Новиков, приступив к составлению «Словаря», стремился показать обществу, что в России есть целая группа писателей, ставшая именно на этот путь. Поддержал он эту группу не только своими положительными оценками их деятельности, но и опытом всей русской литературы. Своим «Словарем» Новиков утверждал: именно обществу и его авангарду — ученым, писателям разных сословий — принадлежит заслуга возведения здания русской культуры и литературы. В период, когда правительственная официальная идеология утверждала, что всеми своими успехами русская культура обязана просвещенной политике русских царей, и Екатерине II прежде всего, Новиков заявлял: Россия всему обязана инициативе, заслугам армии русских куль-

турных деятелей. Правительство, верховная власть и, в частности, императрица Екатерина исключались им из процесса сложения и развития русской науки и литературы. Именно в этой связи и следует рассматривать дерзкий акт Новикова — он не включил в свой «Словарь» Екатерину II.[1]

Екатерина-писатель была главой враждебного Новикову лагеря. Исключение ее, кроме того, было удобно составителю, ибо, поместив ее в числе писателей, он обязан был говорить то, чему не верил, то есть лгать и льстить,— а это, как известно, было не «по склонностям» Новикова. Пропустив же Екатерину, он мог безопаснее бить по направлению, ею возглавленному. Вот почему главный удар был нанесен «карманному» поэту Екатерины — «при кабинете ее императорского величества переводчику» Василию Петрову. Следуя своему критерию общественной полезности, Новиков обрушивается на Петрова именно за направление его творчества. Действуя осторожно, он как бы отказывается от оценки, просто перечисляя его стихи: «Ода на карусель», поэма «На победы российского воинства», оды «На победы российского флота при Хиосе в Морее» и «На прибытие его сиятельства графа Алексея Григорьевича Орлова», также «письмо к г. генерал-майору и кавалеру Потемкину». Уже названия стихов ясно свидетельствовали о творческом профиле поэта. Но этим Новиков не удовлетворился, и в конце своей характеристики он всему «направлению» придворной поэзии дает общественное определение — «случайные стихи». Термин этот формально произошел от придворной практики заказывать поэтам стихи «на случай». Поэтому, вводя в критический оборот новый термин «случайные стихи», Новиков выражал им свое отношение к подобной поэзии: это стихи заказные, оплаченные властью, проникнутые лестью. Но данный термин включал в себя и иной, политический и сатирический смысл. Дело в том, что практика фаворитизма Елизаветы и Екатерины породила особенную терминологию — про очередного любовника императрицы говорили: «Он вошел в случай»; отсюда общее наименование фаворитов — «случайные люди». Фонвизин через восемь лет после новиковского «Словаря» в своей «Всеобщей придворной грамматике» будет в сатирических целях обыгрывать это словоупотребление: «Какое разделение слов у двора примечается?.. двусложные — силен, случай, упал». Поэтому новиковский термин в применении к одам, в которых прославлялась не столько Екатерина, сколько ее любовник Орлов и его братья, — «случайные стихи», несомненно включал в себя и этот обличительный смысл. Поэтому-то общество равнодушно к этим «случайным стихам», и они только «некоторыми много похваляются», то есть ценятся только заказчиками. Продажные стихи не могут быть художественно прекрасными, самостоятельными. И Новиков обличает жалкое эпигонство Петрова: «о сочинениях его сказать можно, что он напрягается итти по следам российского лирика».

«Случайные стихи» пишет и «двора ее императорского величества камер-юнкер» Павел Потемкин; примыкает к этой когорте и Василий Рубан. К той же категории придворных писателей принадлежит и Козицкий.

---

[1] Подробнее об этом см. в моей книге «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века», Гослитиздат, 1951, стр. 171—181.

Издавая «Опыт исторического словаря о российских писателях», Новиков тем самым полагал начало не только историческому изучению русской литературы, но, критически оценив деятельность современных писателей, выдвигал перед обществом задачу развития и поощрения литературы, независимой от власти. Эта же книга подводила первые итоги борьбы передовой литературы с правительственным лагерем «карманных» писателей, точно называла главные имена деятелей этого «случайного» направления, вдохновлявшегося Екатериной II.

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ

[«О ВЕЛИКОСТИ ДУХА РУССКИХ ЛЮДЕЙ»]

Предисловие к изданию «Древней российской вивлиофики»

Вопросы русской истории привлекали внимание Новикова с начала 70-х годов. Работа над «Опытом исторического словаря» столкнула Новикова с многочисленными рукописными книгами и документами из прошлого России. Вот почему, в соответствии со своими просветительскими убеждениями, он поставил перед собой задачу патриотического воспитания «единоземцев» на примерах жизни предков, показывая «великость духа» русских людей. Первым крупным историческим изданием и была «Древняя российская вивлиофика», начавшая выходить помесячно с 1773 года. Это издание сыграло огромную просветительскую роль, знакомя широкие читательские массы с прошлым нашей родины. В то же время оно способствовало и развитию научного знания, так как ввело в оборот огромное количество ценнейших исторических материалов. В предисловии к этому изданию под заглавием «К читателю» излагались основные положения новиковских воззрений на историю России.

Стр. 373. *Пусть припомнят господа наши полуфранцузы день святого Варфоломея...* — В ночь на 24 августа 1572 года, в канун праздника св. Варфоломея, католики организовали в Париже чудовищное избиение своих религиозных противников — гугенотов. События Варфоломеевской ночи стали символом дикого проявления религиозного фанатизма и изуверства.

— *...дабы не навлечь на себя гнева сих подражателей клеветы А* де Ш***.— Речь идет о книге французского аббата Шапа «Путешествие в Сибирь», выпущенной в Париже незадолго до выхода «Вивлиофики». Этот очередной иностранный путешественник, посетив Россию, не пожелал узнать ни страны, ни народа, ни его культуры и наполнил свою книгу безграмотными и невежественными суждениями о России и русских. Клеветническая книга Шапа была восторженно встречена придворными низкопоклонниками. Именно об этой «клевете» и пишет Новиков в своей статье, противопоставляя вздорным суждениям француза подлинные документы, характеризующие славное прошлое России.

[О НАУЧНЫХ СОЧИНЕНИЯХ В РОССИИ]

Предисловие к изданию «Древняя российская идрография»

Публикуя рукописи «Древней российской идрографии», Новиков, как истинный патриот, стремился опровергнуть лживые утверждения невежд, что до Петра Россия знала лишь духовную литературу и не имела научных сочинений. Предисловие именно и формулировало эту задачу: «обличение несправедливого мнения тех людей, которые думали и писали, что до времен Петра Великого Россия не имела книг окроме церковных». Это издание вышло в 1773 году.

[СКИФСКАЯ ИСТОРИЯ]

Обращение «К читателю» и посвящение Петру Кирилловичу Хлебникову предпосланы рукописи «Скифской истории», извлеченной Новиковым из книгохранилища. «Скифская история» написана Андреем Лызловым в 1692 году, издана Новиковым в 1776 году.

[АРТЕМОН МАТВЕЕВ]

«Посвящение» и предисловие «К читателю» к книге «История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергиевича Матвеева»

Собрав документы об Артемоне Матвееве — государственном деятеле конца XVII века — в одну книгу, предпослав ей свое предисловие, Новиков впервые на материале русской истории создал образ идеального гражданина, истинного сына отечества, русского патриота. «История о невинном заточении» посвящена П. А. Румянцеву, талантливому русскому полководцу, подвергавшемуся гонениям именно в эту пору со стороны екатерининского фаворита Потемкина. Книга, изданная Новиковым, его предисловие получили шумную популярность в русском обществе. В последующем фигура Артемона Матвеева привлекла внимание многих писателей и историков. В начале XIX века появились десятки статей, с реакционных позиций истолковывавших образ Матвеева. Революционер Рылеев, приступив к созданию своих «Дум», цель которых, по словам Бестужева, была в том, чтобы возбуждать мужество сограждан доблестью предков, обратился к образу Матвеева. Отмечая попытки использовать материал жизни и деятельности этого человека в целях феодально-охранительных, Рылеев сознательно вернулся к новиковской интерпретации образа Матвеева, популяризируя в своей «думе» политические и исторические воззрения русского просветителя.

[«О ВЫСОКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ ДОСТОЯНИИ»]

Данная философская статья написана в виде предисловия («Предуведомление») к новому журналу Новикова «Утренний свет», начавшему выходить в Петербурге с сентября 1777 года. Журнал издавался Новиковым

в содружестве с литераторами Херасковым, Муравьевым и другими. К этому времени Новиков и его соиздатели были масонами. На этом основании буржуазными учеными «Утренний свет» был объявлен масонским журналом. В действительности же «Утренний свет» — первый в России философский журнал и в своей философской части направлен против главных доктрин масонства (см. об этом подробнее во вступительной статье). Отдел философии вел Новиков. В принятии литературных произведений решающее слово принадлежало Хераскову. В этом философском предисловии Новиков приступил к изложению своего этического учения о человеке — гражданине и истинном патриоте. В области литературы журнал выступил пропагандистом сентиментализма.

«Предуведомление» написано Новиковым от имени издателей журнала. Факт пребывания в масонстве всех издателей дал повод к фразе, звучащей непонятно для современного читателя: «Собрание наше состоит только из десяти; а сложив вместе время нашея жизни, составит не более триддати лет». Смысл этой фразы в том, что Новиков намекает на молодой масонский возраст издателей журнала.

В этой же статье Новиков дал собственный иронический автопортрет — «один из возлюбленных сочленов, коего малые, глубоко впадшие и проницанием украшенные очи...» и т. д.

Стр. 386. *Диоген* из Синопа (414—323 до н. э.) — греческий философ.

Стр. 387. *Фукидид* (ок. 460 — ок. 396 до н. э.) — греческий историк. Известен был как один из богатейших людей Афин.

О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА В ОТНОШЕНИЯХ К БОГУ И МИРУ

Важнейшая философская статья Новикова напечатана в первой части журнала «Утренний свет» за 1777 год. Внутренне полемическая, она направлена против официального церковного и масонского учения о человеке. Эта полемичность видна, прежде всего, при сличении данной статьи с книгой Иоанна Масона «Познание самого себя», которая в то время была одной из популярнейших масонских книг в России и переводилась одним из сотрудников журнала Иваном Тургеневым. Подробнее о философском содержании этого сочинения см. во вступительной статье.

ИСТИНЫ

Напечатаны в четвертой части журнала «Утренний свет». В форме афоризмов Новиков изложил главнейшие моменты своего этического учения.

О ДОБРОДЕТЕЛИ

Напечатана статья в девятой части журнала «Утренний свет». Вопросы добродетели разрабатывались Новиковым и во многих других статьях. В данном сочинении эта проблема разработана отдельно, свои выводы Новиков сформулировал четко и афористично.

Стр. 396. *Махиавел* (Николо Макиавелли) (1469—1527). — По характеристике Энгельса «Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым, достойным упоминания, военным писателем нового времени» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 476).

— *Цезарь* Юлий (100—44 до н. э.) — политический деятель древнего Рима, установивший диктаторский режим. Убит сенаторами республиканцами во главе с Брутом.

— *Катилина* Луций Сергий (109—62 до н. э.) — глава военного заговора, направленного против римского аристократического сената.

Стр. 397. *Аристотель* (384—322 до н. э.) — крупнейший древнегреческий философ и ученый, «Александр Македонский в философии» (Маркс).

— *Плиний* Гай Секунд (очевидно, Младший) (ок. 62—ок. 114) — член римского сената, наместник провинции во время императорства Траяна, писатель. Среди других сочинений им был написан панегирик Траяну, исполненный безмерными льстивыми похвалами императору.

— *Траян* Ульпий (53—117) — римский император.

— *Аннибал* (Ганнибал) (247—189 до н. э.) — карфагенский полководец.

[«НРАВОУЧЕНИЕ КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ НАСТАВЛЕНИЕ»]

Данное произведение Новикова напечатано было в девятой (последней) части «Утреннего света» (август 1780 года) в виде заключения; оно как бы подводило итог философским воззрениям Новикова эпохи «Утреннего света» и намечало пути дальнейшего развития (см. об этом во вступительной статье).

Стр. 399. *Сократ* (469—399 до н. э.) — греческий философ-идеалист.

— *Мил*[ь]*тон* Джон (1608—1674) — крупнейший поэт Англии и выдающийся деятель английской буржуазной революции XVII века.

Стр. 403. *Платон* (427—347 до н. э.) — крупнейший представитель античного идеализма.

— *Епикур* (Эпикур) (342/341—270 до н. э.) — выдающийся древнегреческий философ-материалист, атеист и просветитель.

— *Зенон* (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, основатель школы стоиков.

— *Бакон* (Бэкон) (1561—1626) — английский философ-материалист.

— *Гроций* Гуго (1583—1645) — голландский юрист, социолог, теоретик международного права.

— *Волфий* (Вольф Христиан) (1679—1754) — немецкий ученый и философ-идеалист.

— *Паскаль* Блез (1623—1662) — французский математик, философ-идеалист и писатель-моралист.

[«ПРИЧИНА ВСЕХ ЗАБЛУЖДЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЕСТЬ НЕВЕЖЕСТВО, А СОВЕРШЕНСТВА ЗНАНИЕ»]

Статья напечатана в виде предисловия к первому номеру журнала «Московское издание», вышедшему в 1781 году в Москве. Именно здесь наметился решительный поворот Новикова к политике, к разработке важнейших социально-политических проблем — см., например, статью «О торговле вообще».

Стр. 410. *Галлер* Альбрехт (1708—1773) — швейцарский поэт и ученый. Должна быть отмечена характерная деталь: Новиков ссылается на Галлера, но не использует его доводов против материализма, а цитирует фразу из его философской поэмы «О происхождении зла» (1734), где высказывается мысль, что реальная земная жизнь «превосходнее» жизни вымышленной, «жизни ангелов».

О ГЛАВНЫХ ПРИЧИНАХ, ОТНОСЯЩИХСЯ К ПРИРАЩЕНИЮ ХУДОЖЕСТВ И НАУК

Напечатано в первой части «Московского издания» (февраль 1781 года).

Стр. 414. *Птоломей Филадельф* (285—246 до н. э.) — египетский царь.

— *Константин Порфирогенит* (Багрянородный) (905—959) — византийский император.

— *Карл Великий* (742/747—814) — король франков, а с 800 года римский император.

Стр. 415. *Альфред* (849—900) — король Уэссекса — сильнейшего в ту эпоху англо-саксонского королевства.

— *Апеллес* (IV в. до н. э.) — знаменитый греческий живописец.

Стр. 416. *Помпей* Гней (106—48 до н. э.) — римский полководец, политический деятель, стремившийся к установлению диктаторского режима.

— *Домитиан* (Домициан Флавий) (51—96) — римский император, установивший режим жестокой военной диктатуры. Убит заговорщиками.

— *Тит Ливий* (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк.

О ВОСПИТАНИИ И НАСТАВЛЕНИИ ДЕТЕЙ

Все необходимые пояснения включены в статью «Об авторстве Новикова», см. стр. 698—701.

О ТОРГОВЛЕ ВООБЩЕ

См. подробный комментарий на стр. 702—707.

ПРИЛОЖЕНИЯ

[ПРОГРАММЫ «МОСКОВСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»]

1 мая 1889 года Новиков снял в аренду типографию Московского университета и вместе с ней газету, выходившую при университете, — «Московские ведомости». Став редактором газеты, Новиков немедленно приступил к ее реорганизации. Истый просветитель, он отлично понимал, какую огромную роль может играть газета в выполнении намеченной программы «просвещения единоземцев». «Московские ведомости» под редакцией Новикова приобрели новый вид и содержание. Прежде всего новый редактор поставил на широкую ногу политическую информацию, знакомя русского читателя с политическими событиями всего мира. Он ввел множество новых отделов, среди которых особо стоит отметить библиографический отдел «О новых книгах». Газета сообщала интересные и разнообразные сведения о России, о развитии наук и ремесел, о торговле, о великих людях века — философах, писателях, ученых, политических деятелях (например, о Вашингтоне, Рейнале, Франклине и др.). Печатал Новиков также стихи, короткие нравоучительные были, вексельный курс и т. д.

Газета Новикова сразу же полюбилась читателям, оттого с каждым годом росло число «пренумерантов», достигнув к середине 80-х годов огромного по тому времени тиража 4000 (вместо прежних 600). Видя успех газеты, Новиков-редактор разработал программу приложений к ней в виде различных журналов, которые должны были рассылаться подписчикам бесплатно. Такими периодическими изданиями, выходившими в качестве приложений к газете, были: «Экономический магазин» (1780—1789), «Прибавление к Московским ведомостям» (1783—1784), «Городская и деревенская библиотека» (1782—1786), «Детское чтение» (1785—1789) и «Магазин натуральной истории, физики и химии» (1788—1790).

Вот как современник (Карамзин) засвидетельствовал успех новиковской газеты: «Прежде расходилось московских газет не более 600 экземпляров, г. Новиков сделал их гораздо богатее содержанием, прибавил к политическим разные другие статьи и, наконец, выдавал при «Ведомостях» безденежно «Детское чтение»... Купцы, мещане любят уже читать их [газеты. — *Г. М.*]. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель». [1]

Редакторская работа Новикова совершенно не изучена. Собранные в «Приложении» программы газеты и бесплатных журналов к ней на годы 1782, 1783, 1785, 1787 и 1789 дают интересный и богатый материал для выяснения роли Новикова-редактора, для понимания, какого размаха и глубокого общественного содержания достигла его просветительская деятельность. Программы взяты из газеты «Московские ведомости», за исключением программы 1783 года, которая печатается по тексту, взятому из сочинения «Роспись российским книгам» (М., 1783).

---

[1] Н. Карамзин. Сочинения, т. III, СПБ., 1848, стр. 545—546.

МАТЕРИАЛЫ О ПРЕСЛЕДОВАНИИ НОВИКОВА, ЕГО АРЕСТЕ И СЛЕДСТВИИ

Следственное дело Новикова включает в себя огромное количество документов — письма и указы Екатерины, переписку Прозоровского с Шешковским во время следствия — друг с другом и с Екатериной, многочисленные допросы Новикова и его обстоятельные объяснения, письма и т. д. Основная часть дела попала в свое время в архив и хранится ныне в фондах Центрального государственного архива древних актов в Москве (ЦГАДА, разряд VIII, дело 218). В то же время значительное число важнейших бумаг не вошло в дело Новикова, так как они остались на руках тех, кто вел следствие, — Прозоровского, Шешковского и др. Подлинники эти в последующем перешли в частное владение и навсегда остались утраченными для нас. К счастью, некоторые из них оказались опубликованными в середине XIX века, и потому мы знаем их только по этим печатным источникам.

Публикация материалов следственного дела над русским просветителем началась во второй половине XIX века. Первую большую группу документов напечатал историк Иловайский в «Летописях русской литературы», издаваемых Тихонравовым. Документы эти были взяты из подлинного следственного дела, которое вел князь Прозоровский. В те же годы в ряде изданий появились новые материалы. В 1867 году М. Лонгинов в своем исследовании «Новиков и московские мартинисты» напечатал ряд новых документов, взятых из «Дела Новикова», и перепечатал все ранее опубликованные бумаги из следственного дела. Таким образом, в лонгиновской книге дан был первый и наиболее полный свод документов, которым до сегодняшнего дня, как правило, пользовались все ученые при изучении новиковской деятельности. Но этот лонгиновский свод далек от полноты. Многие важнейшие материалы были неизвестны Лонгинову и потому не оказались включенными в книгу. Уже через год после выхода его исследования — в 1868 году — во II томе «Сборника Русского исторического общества» Попов опубликовал ряд важнейших бумаг, переданных ему П. А. Вяземским. Повидимому, эти бумаги попали к Вяземскому из архива главного палача Радищева и Новикова — Шешковского. Из публикации Попова впервые стали известны вопросы, заданные Шешковским Новикову (Лонгинову были известны только ответы), и возражения, повидимому написанные самим Шешковским. Возражения эти важны для нас тем, что они, несомненно, появились в результате высказанных Екатериной замечаний на ответы Новикова, делом которого она занималась лично сама. Среди вопросов, заданных Новикову, был вопрос под № 21 — о его взаимоотношениях с наследником Павлом (в тексте вопроса имя Павла не указано, и речь шла об «особе»). Лонгинову неизвестен был этот вопрос и ответ на него, так как он отсутствовал в списке, которым Лонгинов пользовался. Попов первым опубликовал и этот вопрос и ответ на него.

Еще через год — в 1869 году — академик Пекарский издал книгу «Дополнение к истории масонов в России XVIII столетия». В книге были напечатаны материалы по истории масонства, среди многих бумаг оказались и документы, относящиеся к следственному делу Новикова. Публикация Пекарского пред-

ставляет для нас особую ценность, так как она подробно характеризует именно просветительскую книгоиздательскую деятельность Новикова. В частности, особого внимания заслуживают бумаги, характеризующие историю взаимоотношений Новикова с Походяшиным, из них же мы узнаем о важнейшей деятельности Новикова — организации помощи голодающим крестьянам. Значение следственного дела Новикова чрезвычайно велико. Прежде всего оно содержит обильный биографический материал, который при общей скудости сведений о Новикове является порой единственным источником для изучения жизни и деятельности русского просветителя. Но главная ценность этих документов в другом — внимательное изучение их с совершенной очевидностью убеждает нас в том, что Новикова долго и систематически преследовали, что его арестовали, предварительно уничтожив все книгоиздательское дело, а затем тайно и трусливо, без суда заточили в каземат Шлиссельбургской крепости — не за масонство, а за огромную, независимую от правительства просветительскую деятельность, которая стала крупным явлением общественной жизни 80-х годов.

Ответы на вопросы 12 и 21, в которых говорится о «раскаянии» и возлагаются надежды на «монаршее милосердие», должны быть поняты современным читателем исторически правильно, с ясным представлением не только об эпохе, но и обстоятельствах, при которых были сделаны эти признания. Нельзя также забывать, что Новиков находился в руках жестокого чиновника Шешковского, которого современники называли «домашним палачом» Екатерины II. 12 и 21 вопросы касались таких дел, отрицать которые Новиков не мог, — книги он печатал, о сношениях с «особой» — Павлом — он знал. Поэтому он показывал, что совершал эти «преступления» «по необдуманности о важности сего поступка», признавал себя «виновным». Стоит напомнить, что в аналогичных условиях именно так же поступал Радищев, когда, вынужденный признать, что действительно призывал крепостных к восстанию или «грозил царям плахою», показывал: «сие писал я без соображения» или: «признаю мое заблуждение» и т. д.

Обращения к Екатерине II носили официально-обязательный характер. Так и в ответах Радищева Шешковскому мы встретим обращения к Екатерине II, которые совершенно очевидно не выражают действительного отношения революционера к русской императрице. Та же необходимость вынуждала «повергать себя к стопам ее императорского величества» и Новикова. Тяжелая болезнь, угнетенное состояние духа от сознания, что не только все дело его жизни разрушено, но и имя очернено клеветой, — все это, конечно, также определяло характер эмоциональных обращений к императрице.

В то же время должно помнить, что, несмотря на мужество, проявленное Новиковым во время следствия, его поведение отличается от поведения первого русского революционера. Радищев черпал столь нужную в таких обстоятельствах твердость из гордого сознания своей исторической правоты, опирался в своем поведении на выкованную им мораль революционера, призывавшую открыто итти навстречу опасности, а если нужно, то и смерти, во имя торжества великого дела освобождения народа. Радищев боролся, и, сидя в крепости, он защищал себя; Новиков — оправдывался.

Следственное дело Новикова еще не подвергалось систематическому и научному изучению. К нему до сих пор прибегали лишь для справок. Систематическому изучению, несомненно, мешали следующие два обстоятельства: а) крайняя распыленность документов по изданиям, давно ставшим библиографической редкостью, и б) установившаяся традиция печатать документы следственного дела Новикова в окружении обильных материалов по истории масонства. В этом море масонских бумаг терялось *собственно новиковское дело*, утрачивалось главное в нем — нарастание екатерининских преследований именно Новикова, и его одного (а не масонства), за книгоиздательство, за просветительскую деятельность, за сочинения, — преследований, закончившихся не только арестом и заключением в крепость ненавистного императрице передового общественного деятеля, но и разгромом всего просветительского дела (указ о запрещении сдавать Новикову в аренду университетскую типографию, закрытие книжной лавки, конфискация книг и т. д.).

Вот почему в настоящем издании мы, впервые собрав воедино все документы, напечатали материалы лишь собственно новиковского дела, расположив их хронологически. Характер и тип настоящего издания не позволяют дать подробного комментария к следственному делу. Научное комментирование всех документов, характеризующих этапы следствия, — важная задача, ждущая своего исследователя.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ

Редактор Р. С. Софронова.
Художник Б. Д. Клиорин.
Технический редактор Л. А. Чалова.
Корректор М. А. Михайлова.

Подписано к печати 6/IX 1951 г. М-38736. Бумага 60 × $92^1/_{16}$=24,5 бум. л.—49 печ. л.
Уч.-изд. л. 49,1. Тираж 30000 экз. Заказ № 1215.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.